

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Б. ЛИДДЕЛ ГАРТ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Б. ЛИДДЕЛ ГАРТ

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ
ВОЙНА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** МОСКВА 2003
TERRA FANTASTICA САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 94(100)"1939/45"

ББК 63.3 (0) 62

Л55

Серия основана в 1998 году

Под общей редакцией С. Перслегина

Составители сборника С. Перслегин и Р. Исмаилов

Перевод с английского В. Борисова, П. Видуэцкого, Е. Цылева

Авторский коллектив:

В. Гончаров

Р. Исмаилов

С. Перслегин

А. Силантьев

Серийное оформление А. Кудрявцева

Дизайн книги А. Нечаева

Подписано в печать с готовых диалозитивов 26.03.2003.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 49,56. Тираж 5100 экз. Заказ 1104.

ISBN 5-17-010654-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-7921-0260-0 (ТФ)

- © Составление серии. С. Перслегин, 1999
- © Составление сборника. С. Перслегин, Р. Исмаилов, 1999
- © Приложения. В. Гончаров, Р. Исмаилов, С. Перслегин, А. Силантьев, 1999
- © Дизайн книги. А. Нечаев, 1999
- © ООО «Издательство АСТ», 2003
- ® TERRA FANTASICA

От издателя

Редакционная группа вновь обращается к наследию крупнейшего военного теоретика XX столетия **Б. Г. Лиддел Гарта**.

Если его **«Стратегия не прямых действий»** — «последняя глава неопубликованного учебника европейской военной науки, краткое введение в метастратегию: дисциплину, изучающую общеполитические принципы, порождающие законы динамики антагонистических конфликтов», то настоящая работа Б. Лиддел Гарта — это подробнейший и почти беспристрастный **очерк** событий Второй Мировой войны.

Обе книги образуют уникальную пару: обзор не прошедших еще своего объяснения закономерностей, случайностей и чудес Великой битвы XX века может и должен рассматриваться как расширенный иллюстративный материал к «Стратегии не прямых действий», «база данных» для осмысления и конкретизации магических построений теоретика войны.

Традиционно редакционная группа предлагает вашему вниманию **расширенное комментированное издание**, снабженное биографическим указателем, вынужденно краткой библиографией, аналитическими и техническими Приложениями. Мы сочли необходимым изъять из авторского текста все примечания советского издания, представляющие, на наш взгляд, обычный продукт политической цензуры 80-х годов. Постоянно обвиняя автора, «запутавшегося в антисоветских измышлениях», в «узости мышления» и «непонимании», полковник О. А. Ржевский, кандидат исторических наук, однако, не сумел исправить ни одной из фактических ошибок английского издания. А ведь именно внимание к деталям были «фирменным знаком» советской военно-исторической школы...

Раздел комментариев включает примечания самого Б. Г. Лиддел Гарта (по большей части это документальные

ссылки и личные воспоминания автора). Редакционные замечания минимальны и касаются прежде всего фактов и цифр. Книгу английского историка отличает целостный взгляд на события войны, поэтому нам показалось неуместным снабжать текст изложением альтернативных версий (как было сделано при комментировании «Утерянных побед» Э. фон Манштейна).

Авторский текст предваряется статьей **«Вторая Мировая война и падение Британской империи»**. В известной мере эта работа, посвященная геополитическим процессам в межвоенный период, представляет собой «мост» между двумя книгами Б. Лиддел Гарта.

В остальном в книге сохраняются структура Приложений, ставшая уже традиционной для данной серии.

Так, читателю предлагаются три новых очерка из цикла **«Высшая стратегия»: «Операция „Барбаросса“ — кризис Мировой войны»; «Риск как фактор стратегии»; «Стратегия чуда: введение в теорию неаналитических операций»**. Эти статьи образуют, на наш взгляд, некий переход «от существующего к возникающему», отражение тех взглядов на будущее военной теории, которые родились у авторов-комментаторов в процессе анализа работ Б. Г. Лиддел Гарта.

В Приложении **«Мировая война в событиях и датах»** любителей фактов и подробностей ожидают две врезки-фотографии: **«22 июня 1941 года»** и **«1 июня 1942 года»**. Эти стоп-кадры, несколько неожиданные в рамках динамического, т. е. ориентированного на время и движение, повествования книги, намеренно включены в настоящее издание, чтобы стимулировать психологическую «смену модальностей» и расширить восприятие читателя в сторону пространственного аспекта войны.

«Хронология Мировой войны» стереотипна для серии. Еще одна статья первого Приложения — **«Пятая колонна: фашистские и антифашистские движения в мире 1941 года»** — предваряет полемические главы «высшей стратегии» с их уклоном в математические модели, прогностику, социальную психологию и даже эзотерику. Статья эта посвящена анализу двух противоположных по содержанию, но структурно эквивалентных исторических мифов: о «коллаборационистах-предателях» и «героях Сопротивления». В известной мере — это рассказ об аналитической и магической составляющих нацизма, о порожденных ими тенденциях в Европейском обществе.

Стремясь привлечь внимание дотошных исследователей военной техники к данной серии, редакция регулярно освещает этот аспект. В данном случае мы остановились на теме *бронетехники Второй Мировой войны*. Любители цифр и фактов получают серьезный обзор с соответствующими таблицами.

Мы надеемся, что для читателей, уже знакомых с Б. Лиддел Гартом, «Вторая Мировая война» станет достойным продолжением коллекции исторических фактов, теоретических построений, неоднозначных выводов. Тем же, кто сталкивается с серией впервые, может показаться интересным информационное сопровождение книги. В особенности же тем, кто, изучая победы и поражения полководцев и народов, находит в уроках истории знаки грядущих дней или метафоры личных успехов.

Предисловие

Вторая Мировая война и падение Британской империи

Перед вами **очерк** известнейшего военного историка Великобритании — Б. Г. Лиддел Гарта, посвященный оперативному искусству во Второй Мировой войне.

Не обольщайтесь, что вам удастся найти в нем тактические схемы битв, подробные описания стратегических замыслов сторон, разбор экономической ситуации в мире и ее влияния на ход и исход боевых действий. Всего этого здесь **нет**. Автор вполне сознательно ограничился рассмотрением того круга вопросов, который казался ему наиболее интересным, — проведению **операций** в войне.

Советская военная школа вслед за немецкой и в отличие от англо-американской рассматривает три уровня военных действий: тактику, оперативное искусство и стратегию. Тактика — это искусство **боя**, то есть столкновения сил противников, ограниченных пространством и временем. Оперативное искусство рассматривает согласованную по месту, времени и — прежде всего — цели **систему боев** (сражений или ударов), организованных по единому замыслу и плану. Стратегия же представляет собой раздел военного искусства, который касается строительства вооруженных сил страны и подготовки ее к войне, а также планирования и ведения войны в целом. (Иными словами, предметом стратегии является система операций или подсистема боев.) Таким образом, стратегия выдает цели для операций, а операция, в свою очередь, приводит к тактическим боям.

Из этих трех форм военного искусства лучше всего изучена тактика, хуже всего — стратегия. Современный интерес к изучению оперативного искусства объясняется прежде всего тем, что оно уже достаточно исследовано (созданы первые удовлетворительно работающие модели), но еще содержит немало тайн.

Подробное изложение последовательности событий Второй войны не было целью Лиддел Гарта, поскольку ко времени написания его книги уже было выпущено множество работ такого содержания. Однако большинство из них тяготеет либо к тактике (практически вся мемуарная литература), либо к стратегии (например, произведения У. Черчилля

ля), вследствие чего одна ниша — оперативное искусство в войне — оставалась практически незанятой. Б. Г. Лиддел Гарт решил восполнить этот пробел.

Не стоит удивляться обилию фактических неточностей у автора. В его монографии содержится материал, по объему сопоставимый с текстом 12-томной «Истории Второй Мировой войны». Но это издание подготавливалось к печати большим авторским коллективом, работа продолжалась более десяти лет. Лиддел Гарт же работал в одиночку и не имел возможности организовать перекрестную проверку доступных ему источников. Да точные цифры и не были пужны английскому исследователю: сплошь и рядом так называемая «правда архива» не раскрывает, а, напротив, маскирует подлинную историю. Лиддел Гарт интересовала не тактическая сторона (например, количество немецких дивизий в Польской кампании 1939 г., которых, по мнению автора, было всего «40 с лишним», а на самом деле — 62), а оперативная (сколько у немцев насчитывалось подвижных соединений). И оперативные вопросы отражены в тексте Б. Лиддел Гарта на самом высоком уровне.

Первоначально речь шла действительно об очерке, подобном знаменитым тематическим выпускам многих естественно-научных журналов, когда признанный в своей области специалист знакомит коллег, работающих в смежных отраслях науки, с сущностью той или иной проблемы. Иными словами, автор рассчитывал на довольно специфическую и ограниченную аудиторию — профессиональных историков, не связанных непосредственно с темой Второй Мировой войны.

Основополагающим научным трудом Имперского Генерального штаба Великобритании должна была стать «Большая стратегия» Дж. Фуллера, Р. Говарда и др. Однако издание получилось удивительно неудачным и не пользовалось авторитетом ни внутри страны, ни тем более за ее пределами. На этом фоне книга Б. Лиддел Гарта неожиданно стала «парадной» английской версией Второй Мировой войны. Между тем автор совершенно не ставил перед собой такой задачи и оказался неготовым к ее выполнению. Так, если некоторое пренебрежение к тактическим подробностям боевых столкновений вполне объяснимо в рамках исторического «официоза», то практическое отсутствие в подобном издании информации об экономической и политической составляющих войны оправдать трудно. За рамками изложения осталось даже подписание Атлантической хартии...

Следует также иметь в виду, что Б. Лиддел Гарт если не по воинскому званию (капитан), то по своим связям, по влиянию на принятие важнейших стратегических решений принадлежал к высшей военной элите Великобритании. Это подразумевало обязательное соблюдение им корпоративных «приличий»: говоря об английском военном истеблишменте, касаясь внутренней и внешней политики страны, подводя итоги войны, автор отнюдь не имел возможности называть вещи своими именами. Иными словами, в своем очерке Б. Лиддел Гарт говорит правду, только правду, ничего, кроме правды, но — когда речь заходит о расчетах и просчетах руководителей Британской империи — далеко не всю правду.

В связи с вышесказанным мы сочли необходимым предварить текст автора небольшим стратегическим комментарием.

Мы, живущие в конце XX века, вправе подводить итоги уходящего столетия. Итоги эти неутешительные — несмотря на экспансивный рост науки, экономики и культуры, приходится признать, что европейская цивилизация вошла в состояние глубокого кризиса.

Давно известно, что цивилизация является неустойчивой структурой, она обязана в своем развитии проходить через кризисы: марксизм был *теорией*

управляемого кризиса, попыткой получить от максимально неустойчивого состояния (а значит, вследствие этой неустойчивости, состояния с наибольшим спектром возможностей) максимум социальной эффективности. В традиционной семиотике такое действие называется коммунистической революцией.

Марксисты достаточно подробно исследовали «революционные» (а на деле — кризисные) периоды истории и пришли к выводу, что европейской цивилизации присуще циклически-катастрофическое развитие: *локальные* кризисы повторяются с завидным постоянством, причем глубина их со временем нарастает. Этот процесс бесконечен, и в ходе каждой фазы развития структура социума приобретает новое качество, которое позволяет системе «вписать» очередной кризис в себя и далее использовать его себе на благо.

Локальные кризисы евроориентированного социума традиционно связываются с революциями: 1641, 1792, 1917 гг., с мировыми войнами: 1914, 1939 гг. и с международными конфликтами и потрясениями: 1962, 1985 гг. Экстраполируя эту последовательность дат, несложно подсчитать, что европейская цивилизация должна находиться сейчас перед очередным локальным кризисом.

Однако никаких наблюдаемых предпосылок для оценки текущей ситуации как циклического кризиса нет. Экономическая жизнь Запада складывается достаточно благоприятно и заставляет сделать вывод о *нестеснительно* скором преодолении последствий финансовой катастрофы в Юго-Восточной Азии и восстановлении «фазы процветания», военная тревога, невзирая на события в Югославии, близка к нулю, социальная обстановка (естественно, в «развитых странах») более чем спокойна. Единственное, что может — и должно — беспокоить социолога, это анализ «второй производной» — темпов роста. И прежде всего в науке. Уже достаточно давно подмечено, что уровень научных знаний растет медленней, чем количество людей, наукой занимающихся. При этом число научных публикаций увеличивается еще быстрее, нежели даже число ученых. В результате научные работники оказываются не в состоянии прочитать все — хотя бы и в своей узкой области. А это приводит к диссипации информации и дополнительному снижению эффективности научных исследований.

Анализ темпов роста приводит нас к якобы парадоксальному выводу: новые сущности (в науке, культуре, экономике, педагогике и пр.) активно создаются именно в периоды локальных структурных кризисов. С этой точки зрения отсутствие в девяностые годы XX столетия очередной «волны» должно рассматриваться как факт несочувственный, неприятный и пугающий. Скорее всего, он должен обозначать, что вместо очередной циклической «фазы поиска» мы оказались перед лицом глобального упадка: речь идет уже не о частных проявлениях цивилизации, но о судьбе самой цивилизации, для которой прошедший век стал эпохой **общего кризиса**.

Если проанализировать развитие общества за текущее столетие, мы найдем подтверждение этой апокалиптической гипотезы.

Мы не будем рассматривать в этой статье экономические, социальные, структурные проявления кризиса. Следуя логике военного историка Б. Лиддел Гарта, остановимся на одном — а именно геополитическом — аспекте произошедших изменений.

Из семи великих евроориентированных держав начала века (Великобритании, Германии, США, Франции, России, Австро-Венгрии и Италии)¹

¹ В этот список не попала Япония, которая является представителем хотя и очень похожей, но все же не европейской цивилизации.

лишь США избежали «кризиса перестройки». Трех из этих государств уже нет на карте мира: Германии, Австро-Венгрии и России (ФРГ, Австрийская Республика и Российская Федерация хотя и являются преемниками канувших в Лету империй, представляют собой существенно другие структуры как территориально, так и политически). Великобритания, Франция и Италия внешне сохранили территории метрополий, однако на деле утратили свои колониальные владения. Вместе с ними ушли в небытие институты, ответственные за поддержание целостности империи.

Геополитические изменения сопровождалась культурными. В сознании масс средоточием мировой культуры ныне несомненно являются Соединенные Штаты Америки — с их авианосцами, шаттлами, Диснейлендом, Голливудом и кока-колой. В начале века культурной столицей мира определенно был Париж. За тот же «отчетный период» центр тяжести мировой экономической жизни переместился из Лондона в Нью-Йорк. Претерпел изменение и баланс вооружений: если в начале века сильнейшей в военном отношении страной была Германия, то ныне это опять же США.

Итак, сутью «геополитической революции» стало перемещение фокуса явлений, определяющих жизнь цивилизации, за океан. Кризисный — более того, чреватый глобальным упадком — характер этой революции проявился в дегенерации цивилизационной структуры: из мультикультуры, состоящей из нескольких взаимодополняющих страт, европейская цивилизация становится американской монокультурой.

Процесс концентрации цивилизационных приоритетов в США шел на удивление регулярно: в ходе Первой Мировой войны США стали мировым лидером в экономике, в результате Второй Мировой — вышли на передовые позиции по культуре, флоту и авиации, недавно закончившаяся Холодная война (она же Третья Мировая) принесла Соединенным Штатам лавры сильнейшей в военном и политическом отношении державы.

Итак, лишь одно государство получило выгоду от всех трех Мировых войн (и от бесчисленного количества локальных) — США. Всем же остальным эти войны принесли людские потери, экономическую катастрофу, крушение социальных институтов — разрушение основ цивилизации.

То есть единственным победителем (в смысле определения Б. Г. Лиддел Гарта¹) фактически столетнего мирового конфликта оказались США. Не удивительно, что теперь США стали носителем всех цивилизационных приоритетов европейской цивилизации.

С другой стороны, имеет смысл перечислить проигравших: Австро-Венгрия низведена до роли третьестепенной европейской державы²; Италия потеряла колонии, при этом осталась экономически зависимой³; Россия после революции и перестройки превратилась в жалкое подобие себя — в

¹ Целью войны является мир, лучший, нежели довоенный, хотя бы для одной из участвующих в конфликте сторон. Эта сторона и является победителем. (Б. Г. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. М., 1999). В рамках этого определения, победителей в войне может быть любое количество — в том числе и нулевое.

² Это хорошо показала Вторая Мировая война — Anschluss Австрии прошел столь гладко и естественно, что создается впечатление, что независимому государству Австрии независимость была не очень нужна.

³ Только в начале века Италия зависела от Франции. Сейчас же, разумеется, опять-таки от США.

границах 1701 года; Германия два раза пережила расчленение и контрибуции и в результате стала местом дислокации американских вооруженных сил; Франция и Великобритания лишились колоний и стран-спутников. Великобритания из страны «номер 1», «империи, над которой солнце всегда находится в зените», превратилась в младшего партнера США.

Из всех империй судьба Великобритании наиболее трагична. Германия и Франция остались экономически независимыми и с созданием Евросоюза имеют реальный шанс образовать новый антиамериканский блок. Италия осталась при своих интересах (лишь немного проиграв в колониях), а Австро-Венгрия была моштром из средних веков, изначально нежизнеспособным. Судьба России печальна, однако и она имеет шансы занять подобающее «место под солнцем» в европеизированном концерте. Но Британия потеряла все, что было накоплено веками. И шансов на возрождение у нее, похоже, нет.

На наш взгляд, нельзя понять внутреннюю логику войн и революций XX столетия без учета их реального результата, которым является гибель Британской империи.

Современная ситуация была предсказана еще в начале века. Посол США в Англии Пейдж в 1913 г. то есть даже до начала Первой Мировой войны, писал президенту Вильсону: *«Будущее мира принадлежит нам. Англичане растрачивают свой капитал... Что же мы сделаем с мировым господством, которое явно переходит к нам в руки? И как мы можем использовать англичан для высших целей демократии»*¹.

Предвидение Пейджа потрясает. В последующие годы англичане действительно растратят капитал. Из центра финансовой и торговой жизни мира, центра мирового банковского дела, инвестиций Англия быстро становится страной-должником США. С 1920 г. Британская империя входит в период хронической депрессии, продолжавшейся до Второй Мировой войны. Господство фунта стерлингов на бирже в начале века было поставлено под сомнение сражениями 1914—1918 гг. и окончательно уничтожено кризисом 1929—1933 гг.

Мировое господство само шло США в руки. Тогда, на рубеже двадцатых—тридцатых годов, это еще было не очевидно. Но вот уже в 1930 г. (в период Великой депрессии) в США выходит книга Ладвелла Денни «Америка завоевывает Англию». Она заканчивалась так:

«Некогда мы были колонией Англии. Придет время, когда Англия станет нашей колонией: не по форме, а по существу. Машины обеспечили Англии власть над миром. Сейчас более усовершенствованные машины обеспечивают Америке власть над всем миром и Англией...»

Председатель Совета национальной промышленной конференции США Вирджил Джордан², выступая 10 декабря 1940 г. в «Инвестмент Бэнкере ассошиэйшн оф Америка», заявил: *«Независимо от исхода войны Америка вступила на путь империализма в мировых делах и во всех других сторонах своей жизни. Несмотря на то что с нашей помощью Англия должна выйти из этой борьбы, не потерпев поражения, она настолько обнищает и престиж ее так пострадает, что маловероятно, чтобы она смогла восстановить или сохранить господствующее положение в мировой поли-*

¹ «Life and letters of Walter H. Page», 1925, том 1, стр. 139.

² Главная организация американского крупного капитала.

нике, которое она так долго занимала. В лучшем случае Англия станет младшим партнером в системе нового англосаксонского империализма, в центре тяжести которого будут экономические ресурсы и военная и военно-морская мощь Соединенных Штатов... Скипетр власти переходит к Соединенным Штатам»¹.

Уже в следующем году Штаты приступают к осуществлению этой программы: заключается договор о передаче островных баз флота Его Величества в Вест-Индии на 50 старых эсминцев. Впервые за несколько столетий Британия отдает территорию, не получая другой взамен.

Колониальная империя Британии продержалась еще двадцать лет. Американский капитал предпочитал действовать последовательно: соглашение о девальвации фунта разрушило «стерлинговую зону» (то есть оторвало от Британии доминионы), доктрина Трумэна вытеснила Британию со Среднего Востока, игра Америки с Англией во время Суэцкого кризиса 1956 г.², в результате чего Британия потеряла Суэцкий канал, а с ним и Индийский океан, — все это шаги США по расчленению и захвату британских владений.

Конечно, Французская и Итальянская империи также попали под удар американского капитала и прекратили свое существование. Но с точки зрения долговременных интересов Европы низведение Великой Британии было наиболее значимо.

* * *

Вехами англо-американского противостояния перед Второй Мировой войной являются: создание Лиги Наций, Вашингтонские морские договоры, Лондонская морская конференция, Мюнхенский сговор. Рассмотрим их подробнее.

Лига Наций, созданная государствами-победителями в Первой Мировой войне, была чисто совещательным органом. Ход истории показал, что влияние этой организации на международные отношения было почти призрачным — Лига Наций ничем не могла подкрепить свои решения, кроме доброй воли стран-участниц. Однако даже такое минимальное влияние оказывало воздействие на послевоенное мироустройство, в котором отсутствовали другие структурирующие международную политику институты³. Стоит помнить, что Лига Наций имела право (проведенное по инициативе представителя США президента Вудро Вильсона) раздавать мандаты на немецкие колонии. Лидерство в Лиге Наций обеспечивало стране лидирующее положение в мировой перархии. На первое место претендовали Англия, США и Франция. Однако усиления Франции не желали ни Англия, ни США. Реальная борьба шла между Вильсоном и Ллойд Джорджем⁴. И тут огромную роль сыграли внутривнутриполитические дрязги в американском Конгрессе — на выборах 1918 г. партия

¹ «Commercial and Financial Chronicle», New York, December 21, 1940.

² Фактически, спровоцировав этот кризис, США заставили Англию начать боевые действия, а затем поддержали резолюцию ООН, осуждавшую действия агрессора.

³ Война и революции разрушили старые договоры между государствами, а новых еще просто не было.

⁴ Парижская конференция 1919 г., на которой, собственно, и происходили описываемые события, фактически выродилась в «Совет четырех» — Ллойд Джорджа, Вильсона, Клемансо и Орландо (премьер-министр Италии). Часто она сокращалась и до тройки — Италия имела малый вес.

Вильсона проиграла, поэтому он был вынужден действовать с оглядкой на оппозицию (в том числе ратовавшую и за морально устаревшую «доктрину Монро» — изоляцию США от остального мира)¹.

Результатом оказалось возрастание роли Британии — фактически у нее оказалось в тот момент шесть голосов из примерно тридцати (каждый британский доминион имел свой голос). Наличие же англо-японского договора давало Англии решающее преимущество в Совете Лиги (из девяти членов).

Отказ США ратифицировать Парижский договор 1920 г. и войти в Лигу Наций был логичным следствием такого положения².

Важнейшим вопросом для США с начала века стала проблема охраны морских рубежей. Испано-американская война продемонстрировала растущую роль флота в обеспечении интересов страны. К первому десятилетию XX столетия была сформулирована «океаническая политика» Теодора Рузвельта, которая должна была сменить «доктрину» Монро. Президент Вильсон, продолжатель дела Рузвельта, считал, что американский флот, вынужденный защищать территорию от Филиппин до Атлантического побережья и бороться за два океана, должен стать сильнейшим флотом мира. Однако до конца десятиятих годов Британия доминировала в вопросе морских вооружений. Уничтожение флота *помер два* — немецкого — привело к восстановлению (временному) «двухдержавного» стандарта — Британия на конец Первой Мировой войны имела столько же линейных кораблей, сколько США и Япония вместе взятые.

Соотношение сил на море на 1 января 1919 г. представлено в таблице (через плюс указаны строящиеся корабли):

Тип линкора	Великобритания	США	Япония
дредноут	12	8	—
свердредноут	15	8+3	8
супердредноут	12+1 ⁴	0+1	0+2

А вот соотношение сил на море к конференции (12.11.1921):

дредноут	10	7	—
свердредноут	15	11	8
супердредноут	13+4	1+15	2+4

Конгресс США попытался решить эту проблему «в лоб». В 1916 г. была утверждена программа строительства, по которой американский флот должен был получить 10 линкоров и 6 линейных крейсеров. Но из-за вступления США в Мировую войну программа была задержана с выполнением,

¹ Влиятельнейший политик, Вильсон на Парижской конференции «сыграл» не блестяще. Этому есть много объяснений, например болезнь.

² В дальнейшем это принесло больше неприятностей США, чем Англии. Фактически США самоустранились от европейских дел, лишились доли репараций. Но в сложившейся обстановке другого выхода у американского руководства не было.

³ Легко-линейные крейсера, запланированные на переделку в авианосцы, не учтены (это 2 корабля с 381-мм артиллерией и 1 корабль с одним 457-мм орудием).

первые 4 линкора были заложены в 1917—1920 гг., еще 6 линкоров и 6 линейных крейсеров закладывались в 1920—1921 гг. Однако даже выполнение этой программы не давало США преимущества над Великобританией в кораблях основных классов. С учетом же более высокого уровня подготовки английских моряков «Гранд Флит» обладал бы заметным перевесом в силах.

Таким образом, на первый взгляд, английский флот сохранял положение «хозяина океанов». На деле ситуация для Великобритании значительно осложнялась экономическими проблемами. Английский флот существенно увеличился за время Первой мировой войны, а английский бюджет сократился. Усиление социальных расходов в обществе сократило долю вооруженных сил (и флота) в этом бюджете. Кроме того, Англия вышла из войны должником. Долги Англии США к ноябрю 1922 г. (с учетом неоплаченных процентов) составили 4,7 миллиардов долларов. Остальные страны (Франция, Италия) также были должны США миллиардные суммы. Фактически европейские страны оказались должниками США на несколько поколений.

В этот период (конец десятилетия, начало двадцатых годов) США начали проникать в британские доминионы — в Канаду, Австралию и Новую Зеландию — и вытеснять британский капитал из зоны традиционных английских интересов — Южной Америки, Китая. К 1922 г. США фактически установили контроль над целым рядом республик Латинской Америки: Пару, Боливией, Панамой, Сальвадором, Никарагуа, Гондурасом, тем самым практически завершив выполнение «программы Монро».

Одновременно на мировой арене появилась Япония. Ее экономика пошла минимальные потери от войны, а приобретения, напротив, были существенны. Японские товары начали проникать на Тихоокеанские рынки — в Китай, Мексику, Латинскую Америку. В основном японские устремления пока были направлены против США, однако в Китае уже проявились англо-японские трения. В результате ***тихоокеанские доминионы Британии выступили против продления Англо-японского союза.***

Руководство Британской империи не сумело своевременно — и жестко — решить проблему «самостоятельности» доминионов. Возможно, после того как были отклонены планы Джозефа Чемберлена по созданию системы имперских преференций в рамках общего перехода к протекционистской торговой политике, удержать единое пространство империи было уже не в человеческих силах. Так или иначе, на рубеже 1910—1920 гг. Британией была утрачена общеперсеперская политика на Тихом океане¹. Этим и воспользовались американцы, организовав в Вашингтоне международную конференцию по сокращению морских вооружений.

Конференция шла очень трудно. Британия не желала уничтожения Великого Флота, Япония не хотела видеть иностранцев в Азии, а США настаивали на «персигрывании» Парижского мира. В качестве элемента давления США использовали тот аргумент, что сейчас они могут построить на каждый английский корабль два, а на японский — четыре. Помогло также то, что общественность Англии была не готова к новой гонке вооружений и, напротив, иступлению требовала «удешевления» армии и морских сил. Британия попыталась связать вопрос о сокращении флота с сокращением армии (таким образом, столкнув США с Францией), однако не нашла поддержки у остальных участников.

¹ Это подтвердили и итоги вояжа Битти по дальневосточным территориям.

При анализе перипетий Вашингтонской Конференции бросается в глаза какая-то обреченность в действиях британских дипломатов и прежде всего руководителя делегации Бальфура.

Главным достижением американской дипломатии была статья 4 «трактата четырех держав» (Англии, США, Франции и Японии) — Англо-японский союз расторгался¹.

Англия потеряла лучшего союзника из всех возможных. Япония была безусловно слабее Англии по всем показателям (в отличие от США, Франции и Германии), и ее устраивала роль младшего партнера. Между странами не было «вскоковых конфликтов». Японо-английские противоречия на Тихом океане были вполне разрешимы — к выгоде обеих империй.

Теперь угроза войны на *двух* слабосвязанных ТВД — Атлантическом и Тихоокеанском² была снята с США. Зато Великобритания отныне должна была считаться с возможностью военного конфликта одновременно на *трех* стратегических направлениях: Северная Европа, Средиземноморье, Малайя. Никаких шансов выиграть подобный конфликт только за счет внутренних ресурсов у страны не было.

Внешняя политика двадцатых годов поразительно кровава и лицемерна. Греко-турецкая война, война Риф, война Чако, восстание в Египте, восстание в Ирландии, перевороты в Болгарии и волнения в Югославии (тогда еще называвшейся Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев), революции в Албании — вот лишь краткий список конфликтов десятилетия. Европейская политика превращается из государственной в националистическую. В мелких и даже крупных государствах к власти приходят диктаторы фашистской ориентации — Хорте в Венгрии, Муссолини в Италии.

В этот период содержанием внешней политики США должна была стать ремилитаризация Германии и — по возможности — России/СССР. В общем и целом это и делалось, но вяло и неуверенно: двадцатые годы в США озаменованы «кризисом власти», обсуждение причин которого выходят за рамки настоящего очерка. Во всяком случае, «республиканское моральное большинство» доигралось до настоящей глобальной катастрофы.

Конец десятилетия ознаменовался экономическим крахом 1929—1933 гг., называемым американскими историками «Великой депрессией», а историками-марксистами «общим кризисом капитализма».

Природа этого кризиса неоднократно исследовалась, известно множество причин, которыми его можно объяснить. Нас будет интересовать лишь одна составляющая: германская экономика, неплохо управляемая и освобожденная от содержания миллионной армии, оказалась намного более эффективной, чем ожидалось. В результате внутренний рынок Германии быстро исчерпал

¹ Англичане пытались сделать хорошую мину при плохой игре. Они подчеркивали, что двусторонний пакт уступил место четырехстороннему. Однако японский делегат точно определил истинный смысл статьи 4: «Во всяком случае, вы устроили союзу блестящие похороны» (Toynbee A survey of International Affairs, 1920—23, p. 490).

² Конечно, был Панамский канал. Однако проходил он в плохо контролируемом месте и, вполне вероятно, мог в случае серьезной войны быть выведен из строя на продолжительный срок. Тем более что охрана канала связывала часть американских кораблей, и так вынужденных разделяться между океанами.

ся, а, в рамках Версальского мироустройства, доступ на внешние рынки был для Германии затруднен. Именно этим обусловлен интерес германских монополий к России — фактически СССР оставался последним открытым рынком для них. Но на освоение новых возможностей времени не оказалось — циклический кризис перепроизводства (классический локальный кризис) в Германии повлек цепную реакцию в связанных с ней странах.

Учтем еще, что в 1931 г. Германия оказалась на грани банкротства. А европейские кредиторы Германии сами были должниками США. Был принят меморандум Гувера, по которому все выплаты отсрочивались на год.

Великобритания некоторое время достаточно успешно сопротивлялась кризису, в основном за счет колоний, в которые она могла экспортировать товары. Следует, однако, иметь в виду, что глубина классического циклического кризиса пропорциональна высоте предшествующего процветания: упадок «традиционных» (имперских) отраслей экономики привел к тому, что кризисное, угнетенное состояние стало обыденным для британской экономики. В этих условиях трудно было ожидать поистине катастрофических решений уравнений экономической динамики (как в США или Германии).

При всей глубине «Великой депрессии» экономические неурядицы не помешали Штатам продолжать строительство флота. Лондонская (1930 г.) конференция по морским вооружениям оказалась очередной неудачей английской дипломатии. Становой хребет британской колониальной политики — крейсерские силы — решено было ограничить в той же пропорции, что и линейный флот. (Англия получала преимущество над США в размере двух крейсеров, при равном числе эсминцев и подлодок.)

И вот тут *лейбористское* правительство Англии приняло пагубное решение — отменить золотой стандарт¹. Последствия экономическим «цунами» ударили по Европе. Вслед за Англией отменили золотой стандарт Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Португалия, Индия, Канада, Египет, Япония — страны традиционной проанглийской ориентации. На место фунтов в эти и другие страны хлынул поток долларов. За один месяц из США было перекачано на европейские счета 330 миллионов долларов. Европа, уже 100 лет бывшая «стерлинговой зоной», за один месяц вошла в «долларовую зону».

Нет нужды объяснять, что означает для страны потеря статуса держателя мировой резервной валюты. Авторитет Великобритании, накопленный веками, поддерживался английским флотом (уже сокращенным, но пока еще первым в мире), мировыми связями (уже подорванными отказом от Англо-японского союза) и *фунтовыми кредитами*.

Беспользней реваши Англия взяла в войне Чако. Этот конфликт из-за нефтяных полей плато Чако между Парагваем и Боливией имел явную англо-американскую окраску. Победа Парагвая ненадолго упрочила английские позиции в Южной Америке.

Европейские же дела шли хуже некуда. Денег не было. Дальнейшее сокращение флота было явным государственным самоубийством. Влияние на Францию фактически отсутствовало, старые английские спутники (Португалия, Швеция) теперь подчинялись США. Оставалась ориентация на страны Оси: Германию и Италию. Удивительно, но СССР не воспринимался английскими политиками как возможный партнер. Чем это вызвано, неясно: вероятно, правы сторонники психологической теории: СССР подсознатель-

¹ 21 сентября 1931 г.

но считался враждебным мировой колониальной державе. А ведь использование «втемную» «русского парового катка» было отличительной чертой английской дипломатии всего предыдущего столетия.

Германия и Италия с радостью пошли в русло английской политики, тем более что это давало им больше преимуществ, чем Англии. Прежде всего в вопросах снятия ограничений Парижского мира. Однако страны Оси были вовсе не расположены таскать кантаны из огня для экс-владычицы мира. Результатом непродуманной политики стал позорный Мюнхенский мир.

Вслед за Лиддел Гартом можно заключить, что Британия сама создала Гитлера — как последнюю возможность выиграть у США. Не стоит, правда, вкладывать в это утверждение этического содержания.

Верно, однако, и обратное: США создали Гитлера и Ямато — как реальную возможность вывести страну из Великой депрессии и нанести «удар милосердия» Великобритании, перейдя от ранневашингтонского к поздневашингтонскому мироустройству.

Эту политику, направленную на разрешение экономического и политического кризиса в США путем целенаправленной подготовки и развязывания мировой войны, следует связать с другим великим Рузвельтом (Франклином). И вновь мы не вкладываем в это утверждение этического содержания: насколько можно судить, Рузвельт оказался перед лицом «оперативной воронки» с очень узким «пространством решений». Избранный им вариант был оптимальным с точки зрения интересов страны, но отнюдь не европейской цивилизации.

Стратегические замыслы США в годы, непосредственно предшествующие Второй Мировой войне, можно обрисовать следующим образом:

1. Резко усилить Германию или Советский Союз, как противовес Великобритании и Франции на континенте.
2. Спровоцировать Японскую империю денонсировать договора об ограничении морских вооружений.
3. Создать четырехстороннюю коалицию: «Рим — Берлин — Москва — Токио».

Рузвельту удалось достичь почти всего: лишь Москва не присоединилась вовремя к Оси, что сначала привело к ряду локальных кризисов, а в дальнейшем сделало неизбежной Третью Мировую (холодную) войну.

Американское руководство, однако, не учло магического (информационного) характера германской, японской и советской культур. В результате эти государства усилились намного больше, нежели ожидалось, и мировая война быстро приобрела характер, угрожающий самому существованию американской цивилизации. К чести Ф. Рузвельта, даже в самые кризисные для его страны моменты 1939—1945 гг. он не упустил из виду основную — антибританскую — цель войны.

Важнейшими этапами осуществления стратегического плана Рузвельта были:

1. Сделка «эсминцы — базы» (1940 г.), столь памятная более позднее «историческое» соглашение «газ — трубы».
2. Провоцирование Японской империи на нанесение удара по оплоту Британской империи на Дальнем Востоке — Сингапuru (индо-китайский кризис 1941 г.).
3. Формирование новой системы международных отношений (декларация ООН, 1 января 1942 г.).
4. Разработка весной 1942 г. новой модели взаимоотношений развитых и развивающихся стран, принятие этой модели как базового элемента меж-

дународного послевоенного правопорядка. (Именно экономический несокониализм подорвал самую основу существования традиционной колониальной Британской империи.)

5. Отказ от «балканской» проаиглийской стратегии в пользу просоветской «нормандской» (Тегеранская конференция, 1943 г.).

6. Ялтнская конференция 1945 г. (В западных источниках принято изображать ее как набор уступок большого Рузвельта советскому тирану. В действительности нет ничего более далекого от истины. Именно в Ялте Рузвельт подвел итог мировой войне и своей более чем десятилетней стратегической операции. Именно в Ялте был заложен фундамент послевоенного «вашингтонского» мироустройства и спрогнозирована «фултонская речь Черчилля», окончательно закрепившая за Великобританией статус зависимого партнера. Именно в Ялте был положительно решен вопрос о необходимости Третьей Мировой войны — против СССР. Союз «по недоразумению» оказался в рядах «не той» коалиции и выходил из войны неожиданным победителем. Не приходится удивляться тому, что Рузвельт, действительно усталый и тяжелобольной, не доверил никому проведение этого завершающего оперативного маневра и поехал в Ялту сам. Лично.)

Конечно, следует иметь в виду, что США были не единственным субъектом стратегического мышления в годы Второй Мировой войны. Свои — и вполне обоснованные — стратегические планы имели Советский Союз, Германская империя, командование Объединенного флота Японии (по отпюдь не сама страна), наконец, Великобритания. Но именно американский план войны был выполнен с максимальной точностью. Это было поражением для европейской цивилизации, отпюнь раз и навсегда приученной верить в непреодолимость и абсолютность индустриальной мощи, воплощенной в знаке доллара. Это было поражением для культур с сильной магической составляющей: Япония и Германия были сразу же уничтожены как самостоятельные цивилизационные структуры, Советский Союз оказался вынужденным начать Третью Мировую войну в категорически невыгодной для себя «редакции».

И конечно, это было страшным поражением Британской империи.

Наполеон сказал когда-то, что Англия никогда не сможет стать континентальной державой и что, если она сделает такую попытку, это будет означать ее крушение. Вторая Мировая война превратила Британию в переловой оплот США — в страну, силы которой составляют ядро наземных сил блока НАТО. Так из лидера мировой политики Британия стала младшим партнером бывшей колонии.

К 1961 г. колонизация Британской империи была завершена. Дальше США лишь развивали достигнутый успех — прибирали к рукам метрополию. Великобритания должна была стать «непотопляемым авианосцем» США при всяком конфликте в Европе. И эта цель была достигнута.

Время, о котором некогда мечтал Ладвелл Деши, пришло. Недавняя операция «Лиса в пустыне» подтверждает это. Великобритания уже не независима в своей внешней политике. Ее вооруженными силами управляют из Пентагона. Лишь одно государство открыто поддерживает США во всех локальных конфликтах, участвует во всех военных операциях США — Британия. Раньше такая форма управления называлась «протекторат» и была одной из форм колониального владычества. Современные политики предпочитают не конкретизировать ситуацию и говорят о «союзе».

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Краткие сведения об авторе

Лиддел Гарт (Liddell Hart), сэр Басил (Генри) [31 октября 1895, Париж — 29 января 1970, Марлоу, Букингемшир], английский военный теоретик и военный историк.

С началом Первой Мировой войны 19-летний Лиддел Гарт оставил обучение в Кембридже и вступил в армию. Уже в 1920 г. он опубликовал учебник «Подготовка пехоты», включавший несколько собственных разработок. Лиддел Гарт активно выдвигал идеи строительства авиации и танковых войск, так как именно эти рода войск наиболее полно отвечали его представлениям о «непрямых действиях».

В 1924 г. Лиддел Гарт заболевает и становится негодным к военной службе; в 1927 г. он увольняется в чине капитана. В 1925—1935 гг. он военный корреспондент «Дейли Телеграф», в 1935—1939 гг. — «Таймс». В 1937—1938 гг. Лиддел Гарт становится советником при военном министре и проводит некоторые из задуманных реформ. Однако его усилия механизировать армию и насытить ее средствами ПВО встретили сопротивление у множества офицеров.

В 1941—1945 г. Лиддел Гарт опять становится военным корреспондентом, на этот раз в «Дейли Мэйл». После войны выступал с критикой ядерной войны, считая, что в таком конфликте выигрышной стороны быть не может.

В 1966 г. посвящен в рыцари королевой Великобритании Елизаветой II.

Сочинения, переведенные на русский язык:

1. Основы тактики пехоты. М., 1923.
2. Новые пути современных армий. М.; Л., 1930.
3. Правда о войне 1914—1918 гг. М., 1935.
4. Полковник Лоуренс. М., 1939.
5. Революция в войне. М., 1947.
6. Стратегия непрямых действий. М., 1999 (Strategy. London: 1991).
7. Устрашение или оборона. М., 1962.
8. Вторая Мировая война. М., 1976 (History of the Second World War).

А также:

1. New methods in infantry training (University Press, Cambridge, 1918).

2. The framework of a science of infantry tactics (Hugh Rees, London, 1921) reprinted as A science of infantry tactics simplified (W. Clowes and Sons, London, 1923, 1926).
3. Paris, or the future of war (Kegan Paul and Co, London, 1925).
4. The lawn tennis masters unveiled (Arrowsmith, London, 1926).
5. A greater than Napoleon — Scipio Africanus (W. Blackwood and Sons, London, 1926).
6. The remaking of modern armies (John Murray, London, 1927).
7. Great captains unveiled (W. Blackwood and Sons, London, 1927 and Cedric Chivers, Bath, 1971) Reputations (John Murray, London, 1928).
8. Reputations — ten years after (Little, Brown and Co, Boston, 1928).
9. The decisive wars of history (G. Bell and Sons, London, 1929) reprinted as The strategy of indirect approach (Faber and Faber, London, 1941, 1946).
10. The way to win wars (Faber and Faber, London, 1943) and Strategy — the indirect approach (Faber and Faber, London, 1954, 1967).
11. Sherman (Dodd, Mead and Co, New York, 1929, Ernest Benn, London, 1930, Eyre and Spottiswoode, London, 1933 and Stevens and Sons, London, 1959).
12. The real war 1914—1918 (Faber and Faber, London, 1930) reprinted as A history of the World War 1914—1918 (Faber and Faber, London, 1934, Cassell, London, 1970 and Pan, London, 1972).
13. Foch (Eyre and Spottiswoode, London, 1931 and Penguin, London, 1937).
14. The British way in warfare (Faber and Faber, London, 1932) reprinted as When Britain goes to war (Faber and Faber, London, 1935) and The British way in warfare (Harmondsworth, New York, 1942).
15. The future of infantry (Faber and Faber, London, 1933).
16. The ghost of Napoleon (Faber and Faber, London, 1933).
17. T. E. Lawrence — in Arabia and after (Jonathan Cape, London, 1934, enlarged edition, 1935).
18. The war in outline 1914—1918 (Faber and Faber, London, 1936).
19. Europe in arms (Faber and Faber, London, 1937).
20. Through the fog of war (Faber and Faber, London, 1938).
21. We learn from history that we do not learn from history (University College, London, 1938).
22. The defence of Britain (Faber and Faber, London, 1939).
23. Dynamic defence (Faber and Faber, London, 1940).
24. The current of war (Hutchinson and Co, London, 1941).
25. This expanding war (Faber and Faber, London, 1942).
26. Why don't we learn from history? (G. Allen and Unwin, London, 1944 and Allen and Unwin, London, 1972).
27. Thoughts on war (Faber and Faber, London, 1944).
28. Free man or state slave (No Conscription Council, London, 1946).
29. Revolution in warfare (Faber and Faber, London, 1946).
30. The other side of the hill (Cassell and Co, London, 1948, 1951 and 1973 and Hamilton and Co, 1956).
31. Defence of the west (Cassell and Co, London, 1950).
32. T. E. Lawrence of Arabia and Clouds Hill (1955).
33. The tanks — the history of the Royal Tank Regiment (Cassell, London, 1959).
34. Deterrent or defence (Stevens and Sons, London, 1960).
35. Memoirs of Captain Liddell Hart (Cassell, London, 1965).
36. History of the Second World War (Cassell, London, 1970 and Pan Books, London, 1973).

Часть I

Перед войной

Как было ускорено начало войны

1 апреля 1939 года мировая пресса сообщила, что кабинет Чемберлена, отказавшись от политики умиротворения и самоизоляции, дал клятвенное обещание в интересах обеспечения мира в Европе защищать Польшу от любой угрозы со стороны Германии¹.

Однако 1 сентября гитлеровские полчища перешли границу Польши. Двумя днями позже, после бесплодных требований к Гитлеру вывести войска, Англия и Франция вступили в войну. В Европе началась Вторая Мировая война.

Западные союзники вступили в войну с двойной целью. Во-первых, им необходимо было выполнить свои обещания по сохранению независимости Польши; во-вторых, устранить потенциальную угрозу для самих себя и таким образом обеспечить собственную безопасность.

Прежде чем рассматривать причины возникновения войны, уместно суммировать ее последствия. Понимание результатов войны поможет более реалистично изучить вопрос о причинах ее возникновения. На Нюрнбергском процессе достаточно было утверждать, что виновник развязывания войны и всех ее последствий — гитлеровская агрессия. Однако это слишком простое и поверхностное объяснение.

Гитлер меньше всего хотел начинать еще одну «большую войну». Народ Германии и особенно

немецкие генералы не были готовы пойти на подобный риск: их пугал опыт Первой Мировой войны. Подчеркивать этот важный факт – не значит пытаться оправдать свойственную Гитлеру агрессивность или агрессивность немцев, с готовностью последовавших за фюрером. Однако Гитлер, несмотря на свою в высшей степени неразборчивость в средствах, долгое время был осторожен в достижении своих целей. Военное руководство в еще большей степени опасалось любого шага, который мог бы привести к всеобщему конфликту.

После войны была захвачена значительная часть немецких архивов, и, таким образом, появилась возможность для их изучения. Эти документы свидетельствуют о серьезных опасениях и глубоком неверии немецких руководителей в способность Германии вести «большую войну».

Когда в 1936 году Гитлер решил оккупировать демилитаризованную зону в Рейнской области, немецкие генералы были встревожены этим обстоятельством и той реакцией, которую мог вызвать такой шаг у Франции. В результате их протестов в Рейнскую область были направлены лишь небольшие силы, которые можно считать «соломинками на ветру». Когда Гитлер захотел послать войска в Испанию, чтобы помочь Франко в гражданской войне, немецкие генералы вновь запротестовали против этого рискованного шага, и фюрер согласился ограничить помощь Франко. Однако Гитлер не посчитался с опасениями военных руководителей относительно вторжения в Австрию в марте 1938 года.

Когда некоторое время спустя Гитлер вознамерился оказать нажим на Чехословакию, чтобы вернуть Судетскую область, начальник генерального штаба генерал Бек составил проект меморандума, где утверждал, что агрессивная экспансионистская программа Гитлера, несомненно, вызовет мировую катастрофу, гибельную для Германии. Этот проект был зачитан на совещании высших военных руководителей и с общего согласия отправлен Гитлеру. Однако фюрер не проявил никаких признаков желания изменить политику, и начальник генерального штаба подал в отставку.

Гитлер пытался убедить своих генералов в том, что Англия и Франция не будут воевать за Чехословакию. Генералы же были весьма далеки от веры в это и, чтобы предотвратить войну, решили организовать военный переворот, арестовать Гитлера и других нацистских руководителей.

Однако опора из-под их контрплана была выбита, поскольку Чемберлен уступил необузданным требованиям Гитлера относительно Чехословакии и совместно с Францией согласился оста-

ваться в стороне, пока эта несчастная страна подвергалась расчленению и разоружению.

Для Чемберлена Мюнхенское соглашение означало «мир для нашего времени». Для Гитлера это был дальнейший и более внушительный триумф не только над его иностранными противниками, но и над собственными генералами. После того как Гитлер все их опасения раз за разом опровергал победами, одержанными без всякого сопротивления и совершенно бескровно, немецкие генералы потеряли и уверенность, и авторитет. А сам Гитлер, естественно, стал чрезмерно уверен в постоянном и легком успехе. Даже когда он начинал сознавать, что дальнейшие рискованные шаги могут повлечь за собой войну, то и тогда считал, что это будет «малая» и краткосрочная война. Его сомнения тонули в привычном и укрепившемся в нем ощущении опьяняющего успеха.

Если бы Гитлер действительно планировал всеобщую войну, в том числе и против Англии, он должен был бы приложить все усилия к тому, чтобы построить военно-морской флот, способный противостоять английскому господству на море. Однако Гитлер не создал военно-морского флота даже в том ограниченном масштабе, который предусматривался англо-германским военно-морским договором 1935 года.

Гитлер постоянно заверял своих адмиралов в том, что им не следует опасаться начала войны с Англией. После подписания Мюнхенского соглашения он сказал им, что конфликта с Англией не будет по меньшей мере в течение последующих шести лет. Даже летом 1939 года он повторил свои заверения, хотя и с меньшей убежденностью.

Как же получилось тогда, что Гитлер оказался вовлеченным в «большую войну», которой так хотел избежать? Ответ следует искать в той поддержке, которую ему так долго оказывали западные державы своей уступчивостью, и в их неожиданном «повороте» весной 1939 года. «Поворот» был столь резким и неожиданным, что война стала неизбежной.

Если позволить кому-либо нагревать паровой котел до тех пор, пока давление пара превысит опасный уровень, ответственность за взрыв ляжет на человека, разрешившего такой нагрев. Эта истина в равной степени применима и в политике, особенно в международных делах.

Со времени прихода Гитлера к власти в 1933 году правительства Англии и Франции уступали этому опасному автократу неизмеримо больше, чем прежним демократическим правительствам Германии.

По убеждению Гитлера, Германии следовало приобрести больше «пространства, полезного в сельскохозяйственном отно-

шении», в малонаселенных районах Восточной Европы. Было бы напрасно надеяться, что ей с готовностью уступят это пространство. «История всех времен — Римская империя, Британская империя — доказала, что любое пространственное расширение может быть осуществлено лишь путем подавления сопротивления, путем риска... Ни в прошлые времена, ни сейчас не существовало и не существует пространства без владельца». Эту проблему следовало решить не позже 1945 года, ибо «после этого можно будет ожидать лишь перемен к худшему». Все возможные каналы подвоза были бы тогда перекрыты, и обострился бы кризис снабжения продовольствием.

Планы Гитлера были гораздо шире, чем намерение вернуть территории, отнятые у Германии после Первой Мировой войны, и было бы неправильно утверждать, будто западные государственные деятели не знали об этом. В 1937—1938 годах многие из них были весьма откровенны в частных беседах, но не в своих публичных выступлениях. В английских правительственных кругах выдвигалось немало предложений относительно того, чтобы позволить Германии осуществить экспансию в восточном направлении и таким образом отвести опасность от Запада. Эти круги доброжелательно относились к стремлению Гитлера приобрести жизненное пространство и давали ему понять это. Однако они не удосужились подумать о том, как, если не угрозой применения подавляющей силы, можно заставить покориться а владельца этого пространства.

Немецкие документы свидетельствуют, что Гитлера особенно ободрил визит лорда Галифакса в ноябре 1937 года. Галифакс был тогда лордом — председателем совета, вторым лицом в правительстве после премьер-министра. Сохранилась стенограмма беседы Галифакса с Гитлером. Галифакс дал Гитлеру понять, что Англия не будет мешать ему в Восточной Европе. Возможно, Галифакс имел в виду не совсем это, но таково было впечатление от его слов, и это имело чрезвычайно важное значение.

В феврале 1938 года министр иностранных дел Иден после неоднократных споров с Чемберленом был вынужден уйти в отставку. В ответ на один из протестов Идена Чемберлен предложил ему «отправиться домой и принять аспирин». Министром иностранных дел был назначен Галифакс. Несколькими днями позже английский посол в Берлине Гендерсон посетил Гитлера для конфиденциальной беседы. Фактически она явилась продолжением ноябрьских переговоров фюрера с Галифаксом. Гендерсон дал понять, что английское правительство весьма симпатизирует стремлениям Гитлера к «переменам в Европе» на благо

Германии и что нынешнее английское правительство обладает «острым чувством действительности».

Как свидетельствуют документы, эти события ускорили действия Гитлера. Он решил, что перед ним открыли «зеленую улицу», позволяя двигаться на Восток. Это был вполне закономерный вывод.

Еще больше ободрила Гитлера та сговорчивость, с какой правительства Англии и Франции восприняли его вторжение в Австрию и включение этой страны в состав рейха. (Единственным осложнением в этом легком маневре было то, что по дороге на Вену вышло из строя большое число танков.) И наконец, еще большее удовлетворение Гитлер получил, узнав, что Чемберлен и Галифакс отклонили предложения русских о созыве конференции для принятия коллективного плана гарантий против агрессии Германии.

Здесь следует добавить, что, когда в сентябре 1938 года угроза Чехословакии стала очевидной, русское правительство публично и в частном порядке вновь заявило о своей готовности сотрудничать с Францией и Англией в выработке мер по защите Чехословакии. Предложение русских было игнорировано. Более того, Россию демонстративно лишили участия в Мюнхенском совещании, на котором решалась судьба Чехословакии. Это «пренебрежение» год спустя имело фатальные последствия.

После того как английское правительство выразило молчаливое согласие с продвижением немцев на восток, Гитлер был неприятно удивлен резкой реакцией и объявлением частичной мобилизации в Англии, когда в сентябре он предъявил ультиматум Чехословакии. Однако Чемберлен уступил требованиям Гитлера и активно помог навязать Чехословакии свои условия. Гитлер понял, что минутная угроза сопротивления была всего лишь актом спасения престижа, чтобы удовлетворить требования части английской общественности во главе с Черчиллем, выступавшей против правительственной политики примирения и уступок. Не менее ободрила Гитлера и пассивность французов. Поскольку они так легко оставили своего чехословацкого союзника, который обладал самой оснащенной армией из всех малых государств, казалось маловероятным, что Франция вступит в войну для защиты какого-либо из оставшихся звеньев в цепи ее союзников в Восточной и Центральной Европе.

Таким образом, Гитлер понял, что может в скором будущем завершить свои планы в отношении Чехословакии, а затем продолжать продвижение на восток. Сначала он не думал о нападении на Польшу, хотя именно ей принадлежала большая часть территории, отрезанной от Германии после Первой Мировой

войны. Польша, подобно Венгрии, была полезна Гитлеру тем, что угрожала тылу Чехословакии и таким образом вынуждала ее уступить его требованиям. Между прочим, Польша воспользовалась случаем и тоже захватила часть территории Чехословакии. Некоторое время Гитлер был склонен считать Польшу младшим партнером при условии, что она вернет ему порт Данциг и гарантирует Германии свободный проход в Восточную Пруссию через Польский коридор. В создавшихся условиях это было удивительно умеренное требование со стороны Гитлера. Однако в ходе переговоров Гитлер обнаружил, что поляки упорно отказываются пойти на подобные уступки и даже имеют необоснованные амбиции относительно собственного могущества. И все же Гитлер продолжал надеяться, что в дальнейшем Польша станет сговорчивее. Гитлер в беседе с главнокомандующим сухопутными войсками 25 марта заявил, что «не хочет решать вопрос о Данциге путем применения силы». Однако неожиданный маневр Англии, последовавший за новым шагом Гитлера, изменил это решение.

В начале 1939 года руководители английского правительства чувствовали себя счастливее, чем когда-либо в прошлом. Они успокаивали себя мыслью, что ускоренные меры по перевооружению, программа перевооружения Америки и экономические трудности Германии уменьшают опасность положения. В частном разговоре 10 марта Чемберлен высказал мнение, что перспективы мира сейчас лучше, чем когда бы то ни было, и выразил надежду до конца года созвать новое совещание по разоружению. На следующий день министр внутренних дел Хор в своей речи заявил, что мир вступает в «золотой век». Министры уверяли своих сторонников и противников, что трудное экономическое положение Германии не позволит ей вести войну и поэтому она вынуждена принять условия правительства Англии, чтобы получить помощь, предусмотренную торговым договором. Два министра, Стэнли и Хадсон, уже собирались в Берлин готовить подписание такого договора.

На этой же неделе журнал «Панч» поместил карикатуру с изображением «Джона Булля», который со вздохом облегчения пробуждается от кошмарного сна, а в это время из окна вылетает его недавний «страх перед войной». В эти дни, приведшие к мартовским событиям 1939 года, как никогда проявилась абсурдность оптимистических иллюзий англичан.

Чтобы осуществить раскол Чехословакии изнутри, нацисты поощряли в ней сепаратистские движения. После того как 12 марта лидер оппозиции Тисо посетил Гитлера в Берлине, Словакия объявила о своей независимости. Еще более слепо

действовал министр иностранных дел Польши полковник Бек, который публично выразил свою полную поддержку словакам. А 15 марта, после того как президент Чехии уступил требованиям Гитлера установить «протекторат» над Богемней и оккупировать страну, немецкие войска вступили в Прагу.

Осенью 1938 года при подписании Мюнхенского соглашения правительство Англии обязывалось защищать Чехословакию от агрессии. Однако после мартовских событий 1939 года Чемберлен заявил в палате общин, что, по его мнению, распад Чехословакии аннулировал эти гарантии и он не считает себя связанным этим обязательством. Выразив сожаление по поводу того, что произошло в Чехословакии, Чемберлен сказал, что не видит причин, почему этот вопрос должен «уводить в сторону» политику Англии.

Однако через несколько дней Чемберлен совершенно изменил свой курс. Это было настолько неожиданно и чревато такими последствиями, что удивило весь мир. Чемберлен вдруг принял решение блокировать любое дальнейшее продвижение Гитлера и 29 марта направил Польше предложение поддерживать ее против «любой акции, которая угрожает независимости Польши и сопротивление которой польское правительство считает жизненно необходимым».

Теперь невозможно выяснить, что именно оказало преобладающее влияние на это решение: возмущение общественности или его собственное возмущение; гнев из-за того, что Гитлер его обманывает, или унижение тем, что в глазах собственного народа он предстал глупцом.

Неслыханные условия гарантий поставили Англию в такое положение, что ее судьба оказалась в руках польских правителей, которые имели весьма сомнительные и непостоянные суждения. Более того, выполнить свои гарантии Англия могла только с помощью России, но пока не было сделано даже предварительных шагов к тому, чтобы выяснить, может ли Россия предоставить, а Польша принять подобную помощь.

Кабинету предложили одобрить гарантии, даже не ознакомив с докладом комитета начальников штабов, где доказывалась практическая невозможность эффективной помощи Польше. Правда, сомнительно, чтобы это изменило что-нибудь в преобладавших тогда настроениях.

При обсуждении в парламенте гарантии получили общую поддержку. Только Ллойд Джордж счел возможным предупредить парламент, что брать на себя такие чреватые последствия обязательства, не заручившись поддержкой России, — это безрассудство, подобное самоубийству. Гарантии Польше были

наиболее верным способом ускорить взрыв и начало мировой войны. Они сочетали в себе максимальное искушение с открытой провокацией и подстрекали Гитлера доказать бесплодность подобных гарантий по отношению к стране, находящейся вне досягаемости Запада. В то же время полученные гарантии сделали твердолобых польских руководителей еще менее склонными соглашаться на какие-либо уступки Гитлеру, а тот теперь оказался в положении, не позволявшем отступить без ущерба для своего престижа.

Почему польские правители приняли столь фатальное предложение? Частично это произошло потому, что у них было до абсурда преувеличенное представление о могуществе своих устаревших вооруженных сил (они хвастливо заявляли о некоем «кавалерийском рейде на Берлин»). Другая причина была обусловлена чисто личным желанием Бека, который, по его же словам, решил принять предложение Англии, «не успев дважды стряхнуть пепел с сигареты». Далее Бек пояснил: при встрече с Гитлером в январе ему было весьма трудно «проглотить» замечание Гитлера о возвращении Данцига, и потому, когда ему передали предложение Англии, он ухватился за него как за возможность дать Гитлеру пощечину. Так часто решается судьба народов.

Единственная возможность избежать войны заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой России, единственной державы, которая могла оказать Польше непосредственную помощь, и таким образом сдерживать Гитлера. Однако, несмотря на всю остроту положения, действия правительства Англии были вялыми и неискренними. Чемберлен питал чувство глубокой неприязни к Советской России, а Галифакс — религиозную антипатию. Кроме того, они оба в равной мере недооценивали мощь России и переоценивали силы Польши. Если теперь они и признавали желательность заключения оборонительного соглашения с Россией, то хотели заключить его на своих условиях и никак не могли понять, что своими преждевременными гарантиями Польше они поставили себя в такое положение, когда им самим следовало бы добиваться соглашения с Россией и на ее условиях.

Помимо колебаний Англии были еще возражения правительства Польши и других малых стран Восточной Европы, которые выступали против принятия военной помощи от России, опасаясь, что она примет форму вторжения русских войск. Итак, темпы англо-русских переговоров стали медленными, как походное шествие.

Совершенно по-иному реагировал на изменившуюся позицию Англии Гитлер.

Пробные шаги к заключению советско-германского союза были сделаны в апреле. Переговоры велись с величайшей осторожностью и проходили в атмосфере взаимного недоверия, так как каждая сторона подозревала другую в том, что та, возможно, просто пытается помешать ей достичь соглашения с западными державами. Застой в англо-русских переговорах подстегивал немцев использовать эту возможность, чтобы поскорее достичь соглашения с русскими.

До середины августа Молотов не давал никаких обещаний, затем последовали решительные перемены. Возможно, сыграл свою роль очевидный факт, что Гитлер не мог начать военные действия в Польше позже чем в первые дни сентября. С другой стороны, отсрочка подписания советско-германского соглашения до конца августа позволяла русским сохранять уверенность в том, что у Гитлера и западных держав не останется времени для заключения нового «мюнхенского соглашения».

23 августа Риббентроп вылетел в Москву, и пакт был подписан. Однако советско-германский пакт не произвел на англичан того впечатления, на которое рассчитывал Гитлер. Сталин прекрасно сознавал, что западные державы давно склонны позволить Гитлеру двигаться на восток, на Россию. Возможно, он считал советско-германский пакт удобным средством, с помощью которого агрессивную деятельность Гитлера возможно повернуть в обратном направлении. Другими словами, Сталин сталкивал лбами своих непосредственных и потенциальных противников. А это, по меньшей мере, означало ослабление угрозы Советской России и, вполне возможно, общее ослабление ее противников, что обеспечило бы России доминирующее влияние в послевоенном мире.

В 1941 году, после того как Гитлер вторгся в Россию, шаг, предпринятый Сталиным в 1939 году, выглядел фатально близоруким актом. Возможно, Сталин переоценил способность западных стран к сопротивлению и тем самым преуменьшил мощь Германии. Возможно также, что он переоценил свои собственные силы к сопротивлению. Тем не менее при рассмотрении положения в Европе в последующие годы нельзя сказать с такой уверенностью, как в 1941 году, что меры, предпринятые Сталиным, нанесли ущерб России. Западу же все это нанесло неизмеримый урон. И главными виновниками этого являются те, кто был ответствен за проведение политики колебаний и спешки в обстановке, явно чреватой взрывом.

Рассматривая обстоятельства вступления Англии в войну (после описания того, как она позволила Германии перевооружиться и поглотить Австрию и Чехословакию и как в то же

время отвергла предложения России о совместных действиях), Черчилль пишет:

«...Когда все эти преимущества и вся эта помощь были потеряны и отброшены, Англия, ведя за собой Францию, выступила с гарантией целостности Польши, той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства. Имело смысл вступить в бой за Чехословакию в 1938 году, когда Германия едва могла выставить полдюжины обученных дивизий на Западном фронте, а французы, располагая 60—70 дивизиями, несомненно, могли бы прорваться за Рейн или в Рурский бассейн.

Однако все это было сочтено неразумным, неосторожным, недостойным современных взглядов и нравственности. И тем не менее теперь две западные демократии наконец заявили о готовности поставить свою жизнь на карту из-за территориальной целостности Польши. В истории, которая, как говорят, в основном представляет собой список преступлений, безумств и несчастий человечества, после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и выражению готовности пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях и в самых больших масштабах. Наконец было принято решение — в наихудший момент и на наихудшей основе, — решение, которое, несомненно, должно было привести к истреблению десятков миллионов людей...»²

Это довольно резкое обвинение Чемберлена в безрассудстве, однако высказано оно неосмотрительно, поскольку Черчилль в самый разгар событий сам поддерживал настойчивое предложение Чемберлена об английских гарантиях Польше.

Соотношение сил перед началом войны

В пятницу 1 сентября 1939 года германские войска вступили в Польшу. В воскресенье 3 сентября, во исполнение ранее данных Польше гарантий, правительство Англии объявило войну Германии. Шестью часами позже правительство Франции последовало примеру Англии.

Приветствуя заявление правительства об объявлении войны от имени лейбористской партии, Гринвуд подчеркнул, что «невыносимая агония неизвестности, от которой мы все страдали, прошла. Теперь мы знаем худшее». Это заявление было встречено бурными аплодисментами, так как Гринвуд выразил общее мнение парламента. Гринвуд закончил речь словами: «Да будет война быстрой и короткой, и пусть мир, который восторжествует, гордо установится навсегда на руинах дьявольского режима».

Никакой разумный анализ соотношения сил и ресурсов не давал оснований считать, что война будет «быстрой и короткой», или даже надеяться, будто Франция и Англия своими силами сумеют победить Германию, как бы долго война ни продолжалась. Еще более нелепым было заявление о том, что «теперь мы знаем худшее».

Представления о военной мощи Польши были также иллюзорны. Лорд Галифакс, которому, как и премьер-министру, надлежало бы быть хорошо

осведомленным, полагал, что Польша в военном отношении сильнее России, и предпочитал иметь в качестве союзника именно Польшу. Об этом он и сказал американскому послу 24 марта — за несколько дней до принятия неожиданного решения предложить Польше английские гарантии. В июле генеральный инспектор вооруженных сил генерал Айронсайд побывал в частях польской армии и по возвращении представил доклад, который Черчилль назвал «самым благоприятным».

Еще большие иллюзии существовали относительно французской армии. Сам Черчилль назвал ее «наиболее высоко подготовленной и надежной мобильной силой в Европе». За несколько дней до начала войны Черчилль встретился с главнокомандующим французской армии генералом Жоржем, который познакомил его со сравнительными данными о военной мощи Франции и Германии. Эта информация настолько поразила Черчилля, что он воскликнул: «Да вы же хозяева положения!»³

Возможно, под впечатлением этой информации Черчилль присоединился к тем, кто требовал от французов скорейшего объявления войны на стороне Польши. В донесении французского посла говорилось: «Больше других возбужден Черчилль». Еще в марте Черчилль заявил о том, что он абсолютно согласен с премьер-министром «относительно гарантий Польше». Подобно многим политическим лидерам Англии, он считал эти гарантии ценным средством сохранения мира. Единственным человеком, отмечавшим непрактичность и опасность выданных Польше гарантий, был Ллойд Джордж. Газета «Таймс» назвала его предостережения «взрывом безутешного пессимизма».

Здесь следует отметить, что все эти иллюзии относительно будущего не разделялись в более трезво мыслящих военных кругах. Однако в основном в тот период преобладали настроения, перегруженные эмоциями, которые притупили чувство реальной действительности и заслоняли перспективы.

Могла ли Польша продержаться дольше? Могли ли Франция и Англия сделать больше, чем они сделали для того, чтобы ослабить давление Германии на Польшу? На первый взгляд при наличии ныне известных данных о численности вооруженных сил кажется, что ответ на оба вопроса должен быть положительным. Численность польской армии была вполне достаточной, чтобы остановить продвижение немецких войск или, в худшем случае, долгое время препятствовать их продвижению. Если иметь в виду только цифровые показатели, то не менее очевидно, что Франция вполне могла бы нанести поражение силам Германии, оставшимся на Западе.

Польская армия насчитывала в своем составе 30 кадровых и 10 резервных дивизий, кроме того, имелось не менее 12 кавалерийских бригад, правда, лишь одна из них была моторизована. Мобилизационные возможности Польши в личном составе были еще более значительными, поскольку она имела около 2,5 млн обученных, готовых к мобилизации резервистов.

Франция имела около 110 дивизий, из них не менее 65 были кадровыми. Они включали пять кавалерийских, две механизированные и одну бронетанковую дивизию, находившуюся в процессе формирования. Остальные дивизии были пехотными. В общей сложности, обеспечив оборону Южной Франции и Северной Африки от возможного нападения Италии, французское командование могло сосредоточить против Германии 85 дивизий. Кроме того, Франция могла мобилизовать еще 5 млн. резервистов.

Англия давно обещала с началом войны послать во Францию четыре регулярные дивизии, и она действительно отправила силы, эквивалентные пяти дивизиям. Однако трудности с морским транспортом и необходимость использовать круговой путь во избежание воздушных налетов задержали прибытие первого контингента английских войск до конца сентября.

Англия, содержащая небольшую, но хорошо подготовленную регулярную армию, вела в то же время формирование и оснащение «территориальной полевой армии» в составе 26 дивизий. С началом войны правительство решило создать в общей сложности 55 дивизий, однако первые контингенты этих новых формирований не удалось подготовить до 1940 года. До этого времени Англия могла оказывать помощь союзникам лишь в традиционной форме, применяя военно-морские силы в целях морской блокады. Конечно, такая форма давления на противника не позволяла добиться решительных результатов в короткий срок.

Бомбардировочная авиация Англии насчитывала немногим более 600 самолетов, то есть вдвое больше, чем у Франции, но вдвое меньше, чем у Германии. Тактико-технические характеристики самолетов, однако, не позволяли надеяться на эффективность ударов по объектам в Германии.

Германия имела 98 дивизий, в том числе 52 (включая 6 австрийских) кадровые. Из остальных 46 лишь 10 дивизий были боеготовыми, но и они в большинстве своем состояли из новобранцев, находившихся на службе всего около месяца. Еще 36 дивизий были укомплектованы главным образом ветеранами Первой Мировой войны — сорокалетними солдатами, малознакомыми с современным оружием и тактикой. Кроме того, эти

дивизии испытывали нехватку в артиллерии и других видах вооружения. Чтобы полностью укомплектовать и подготовить эти дивизии, потребовалось много времени — в два раза больше, чем предполагало немецкое командование, весьма обеспокоенное медленным ходом этого процесса.

В 1939 году немецкая армия не была готова к войне. Командование, полагаясь на заверения Гитлера, не ожидало войны. С предложением Гитлера быстро увеличить численность армии военное руководство согласилось неохотно, ибо предпочитало накапливать подготовленные кадры постепенно. Однако Гитлер неоднократно заверял своих генералов в том, что для подобной подготовки будет достаточно времени, поскольку он не хочет рисковать и начинать «большую войну» раньше 1944 года. Не более благополучно обстояло дело с вооружением, темп оснащения войск явно отставал от роста их численности.

И все же, когда война началась, многие объясняли головокружительные успехи Германии в начальный период подавляющим превосходством немецкой армии в численности войск и вооружении.

Потребовалось немало времени, чтобы развеять и эту иллюзию. Даже Черчилль в своих военных мемуарах писал, что в 1940 году немцы имели по крайней мере 1000 тяжелых танков. Фактически же у них таких танков совсем не было. В начале войны немцы располагали лишь незначительным количеством средних танков. Большинство же машин, которые испытывались в Польше, были очень легкими, с тонкой броней.

Таким образом, поляки и французы вместе имели примерно 130 дивизий против 98 немецких дивизий, из которых 36 были практически не обучены и не укомплектованы. По численности обученных солдат Польша и Франция обладали еще бóльшим преимуществом перед Германией. Единственным положительным соотношением сил было то обстоятельство, что Франция и Польшу разделяла довольно широкая полоса территории Германии. Немцы могли атаковать более слабого из двух партнеров, в то время как французы, если бы захотели помочь своему союзнику, должны были атаковать подготовленную оборону немцев.

И все-таки даже в численном отношении поляки имели вполне достаточно сил, чтобы сдержать брошенные против них 48 кадровых дивизий.

На первый взгляд может показаться, что французы обладали достаточным превосходством, чтобы разгромить немецкие силы на Западе и пробиться к Рейну. Немецкие генералы были удивлены тем, что французы этого не сделали. Вероятно, причину

такой оценки следует видеть в том, что большинство немецких военных руководителей все еще мыслили категориями 1918 года. Они в той же мере преувеличивали мощь французской армии, сколь и англичане.

Однако ответ на вопрос, могла ли Польша продержаться и могла ли Франция оказать ей более существенную помощь, представляется совершенно иным при более внимательном подходе, если учитывать возникшие осложнения и новые методы ведения войны, впервые примененные в 1939 году. Очевидно, что было невозможно изменить ход событий.

Касаясь в своих военных мемуарах причин падения Польши, Черчилль утверждал: «Ни во Франции, ни в Англии в достаточной мере не сознавали последствий того нового обстоятельства, что бронированные машины могут выдерживать артиллерийский обстрел и продвигаться по сотне миль в день»⁴. Это суждение более чем справедливо, ибо его разделяли большинство высших военных и государственных деятелей обеих стран.

Однако именно в Англии раньше, чем где-либо, эти новые потенциальные возможности предвиделись и публично разъяснялись небольшой группой прогрессивных военных мыслителей.

Во втором томе своих мемуаров, говоря о падении Франции в 1940 году, Черчилль сделал весьма примечательное признание: «Не имея в течение стольких лет доступа к официальной информации, я не понимал, какой переворот в военном деле после Первой Мировой войны произвело введение масс быстродвигающихся тяжелых танков. Я был знаком с танками, но это не изменило моего внутреннего убеждения настолько, насколько должно было изменить»⁵. Это заявление исходило от человека, который играл такую большую роль во внедрении танков в годы Первой Мировой войны.

Главное в этом заявлении — его откровенность. Однако Черчилль до 1929 года был министром финансов, а уже в 1927 году на полигоне Салисбери Плейн были испытаны в экспериментальном порядке первые в мире бронетанковые соединения. Эти испытания проводились, чтобы проверить на практике новые теории, которые в течение нескольких лет проповедовались сторонниками массированного применения танков в войне. Черчилль был знаком с этими идеями и не раз бывал на испытаниях, встречался со специалистами.

Непонимание новых способов ведения войны и официальное сопротивление им оказалось во Франции еще сильнее, чем в Англии, а в Польше — сильнее, чем во Франции. Это непонимание стало основной причиной неудачи обеих армий в

1939 и 1940 году, когда Франция потерпела катастрофическое поражение.

В Польше господствовали устаревшие военно-теоретические взгляды, устарели и польские вооруженные силы: в их составе не было бронетанковых или механизированных дивизий, войска испытывали недостаток в противотанковых и зенитных орудиях. Кроме того, польские руководители все еще глубоко верили в значение кавалерии и лелеяли жалкую надежду на возможность проведения кавалерийских атак.

Можно вполне сказать, что взгляды поляков в этом вопросе устарели на 80 лет, поскольку безуспешность кавалерийских атак была доказана еще во времена гражданской войны в США. Однако некоторые «кавалерийски» мыслящие военные руководители не хотели считаться с уроками прошлого. Содержание крупных контингентов кавалерии всеми армиями во время Первой Мировой войны во имя так и не осуществившейся надежды использовать кавалерию в прорыве явилось самым большим фарсом в этой статичной войне.

Французская армия, напротив, обладала многими необходимыми компонентами современной армии, однако французское командование не сумело создать по-настоящему современную армию из-за отставания военно-теоретических взглядов по меньшей мере на 20 лет. Вопреки распространившимся после поражения Франции утверждениям, у французов перед началом войны было больше танков, чем у немцев. Кроме того, уступая немецким машинам в скорости, французские танки отличались более толстой броней. Однако французское верховное командование смотрело на танки с позиций 1918 года как на «слуг» пехоты или как на средства разведки, дополняющие кавалерию. Под влиянием этих устаревших взглядов французское командование медлило с созданием бронетанковых дивизий (немцы поступали как раз наоборот) и все еще было склонно применять танки небольшими группами.

Слабость французских и в еще большей степени польских сухопутных сил усугублялась отсутствием авиации для прикрытия и поддержки войск в бою. Что касается поляков, то это частично объяснялось ограниченностью производственных ресурсов. У французов же не было подобного оправдания. И у тех и у других нуждам авиации отводилось второстепенное значение по сравнению с нуждами строительства крупных армий. Причина состояла в том, что решающая роль в распределении военного бюджета принадлежала генералам, а последние, естественно, отдавали предпочтение тем видам вооруженных сил, с которыми были больше знакомы. Генералитет был далек от по-

нимания того, в какой степени эффективность действий сухопутных войск зависела теперь от соответствующего прикрытия с воздуха.

Поражение обеих армий можно в какой-то степени объяснить и фатальной самоуверенностью их руководства. Французы были самоуверенны потому, что, одержав победу в Первой Мировой войне, пользовались авторитетом среди партнеров как знатоки военного дела. И во Франции, и в Польше военные руководители в вопросах, касавшихся их армий и военной техники, долгое время держали себя высокомерно. Однако справедливости ради следует сказать, что некоторые из молодых французских военных, таких как полковник де Голль, проявляли острый интерес к новым идеям, касающимся ведения танковой войны и уже распространившимся в Англии. Высшие французские генералы почти не уделяли внимания появившимся в Англии «теориям», в то время как новое поколение немецких генералов внимательно изучало их.

И все же немецкую армию нельзя было считать действительно боеспособной современной армией. Она не была готова к войне, большинство кадровых дивизий устарело в организационном отношении, высшее военное командование придерживалось отсталых взглядов. Правда, к началу войны в немецкой армии были созданы соединения нового типа: шесть танковых и четыре легкие (механизированные) дивизии, а также четыре моторизованные дивизии для их поддержки в бою. И хотя доля этих соединений в армии была невелика, они имели большее значение, чем все остальные.

Германское верховное командование после некоторых колебаний признало теорию «молниеносной войны» и горело желанием проверить ее на деле. Большую роль в этом сыграли генерал Гудериан и некоторые другие генералы. Их рассуждения пришлись по вкусу Гитлеру, который одобрял любую идею, сулящую скорое решение. Итак, немецкая армия добилась своих побед не потому, что обладала численным превосходством или была по-настоящему современной армией, а потому, что в своем развитии оказалась на несколько жизненно важных ступеней выше, чем ее противники.

Положение в Европе в 1939 году придавало новый оттенок, новый смысл широко известному высказыванию Клемансо: «Война — дело слишком серьезное, чтобы его доверять военным». И даже теперь это дело нельзя было доверить военным, хотя и существовала полная вера в их суждения. Способность вести войну перешла из сферы военной в сферу экономическую. Подобно тому как техника обретала все более доминирующее

положение над живой силой на поле боя, так и экономика в решении проблем большой стратегии отодвинула действующие армии на задний план. Если не обеспечить бесперебойную работу промышленных предприятий, то армии будут не чем иным, как инертными массами.

Если бы имели значение только имеющиеся в наличии войска и вооружение, картина была бы еще более мрачной. Мюнхенское соглашение изменило стратегическое равновесие в Европе и на некоторое время сделало положение в высшей степени неблагоприятным для Франции и Англии. Никакое ускорение их программ вооружения не могло за короткий срок компенсировать потерю хорошо вооруженных 35 чехословацких дивизий, которые могли бы сдерживать немецкие дивизии.

Тот уровень вооружения, которого достигли к марту Англия и Франция, через некоторое время был перекрыт Германией, когда она оккупировала беспомощную Чехословакию, захватив ее военные предприятия и военное снаряжение. Только в тяжелой артиллерии Германия сразу удвоила свои ресурсы. Чтобы еще более подчеркнуть трагичность сложившейся картины, скажем, что с помощью Италии и Германии Франко свергнул республиканский режим в Испании, а это создало дополнительную угрозу границам Франции и морским коммуникациям Франции и Англии.

Со стратегической точки зрения, ничто, кроме поддержки со стороны России, не могло в ближайшем будущем восстановить равновесие. Кроме того, наступил самый благоприятный момент для объединения усилий западных держав. Однако чаша весов в стратегии колеблется в зависимости от экономических факторов, и было сомнительно, выдержит ли немецкая экономика испытания военного времени.

Для ведения войны необходимо было около двадцати основных продуктов. Уголь — для общего производства. Нефть — для транспорта. Хлопок — для производства взрывчатых веществ. Шерсть. Железо. Резина — для транспорта. Медь — для военного снаряжения и всех видов электрооборудования. Никель — для производства стали и боеприпасов. Свинец — для боеприпасов. Глицерин — для динамита. Целлюлоза — для бездымного пороха. Ртуть — для детонаторов. Алюминий — для авиации. Платина — для химических приборов. Сурьма и марганец — для производства стали и металлургии вообще. Асбест. Слюда. Азотная кислота и сера — для производства взрывчатых веществ.

За исключением угля, Англия сама испытывала дефицит во многих продуктах, которые требовались в большом количестве.

Пока сохранялась возможность подвоза по морю, большинство этих продуктов можно было получить из стран Британской империи. Что касается никеля, то 90% мировых поставок шло из Канады, а остальные 10% — из французской колонии Новая Каледония. Дефицит ощущался в основном в сурьме, ртути и сере. Недостаточны были для военных нужд и ресурсы нефтепродуктов.

Французская империя не могла восполнить этот дефицит. Сама Франция вдобавок испытывала нехватку хлопка, шерсти, меди, свинца, марганца, резины и некоторых других продуктов.

Россия имела в изобилии большинство видов стратегического сырья, но ей не хватало сурьмы, никеля и резины; запасы меди и серы были также недостаточными.

Из всех стран в наилучшем положении находились Соединенные Штаты, которые производили две трети мировой добычи нефти, давали около половины мирового объема производства хлопка и почти половину — меди. США зависели от внешних источников лишь в получении сурьмы, никеля, резины, жести и частично марганца.

Резким контрастом этому было положение стран оси Берлин — Рим — Токио. Италии приходилось импортировать почти все необходимые продукты, в том числе и уголь. Япония также почти полностью зависела от иностранных источников. Германия не производила ни хлопок, ни резину, ни жель, ни платину, ни бокситы, ни ртуть, ни слюду. Ее запасы железной руды, меди, сурьмы, марганца, никеля, серы, шерсти и нефти были также крайне недостаточными. Захватив Чехословакию, Германия некоторым образом покрыла дефицит в железной руде, а интервенцией в Испанию обеспечила себе дальнейшие поставки железной руды и ртути на выгодных условиях. Правда, стабильность таких поставок зависела от возможности подвоза по морю. Часть своих потребностей в шерсти Германия успешно удовлетворяла новым заменителем из древесины. Подобным же образом, хотя ценой больших затрат, она покрывала около пятой части своих потребностей в резине, наладив производство «буны» (синтетической резины), и третью часть потребностей в нефтепродуктах, организовав их производство из добываемой в стране нефти.

Самая же большая слабость военно-промышленного потенциала стран оси проявилась тогда, когда армии во все большей степени начали зависеть от наличия транспортных средств, а военно-воздушные силы стали жизненно важным компонентом военной мощи. Если не считать продуктов переработки угля, Германия получала около полумиллиона тонн нефти из собст-

венных скважин и лишь небольшое количество — из Австрии и Чехословакии. Чтобы удовлетворять свои нужды в мирное время, Германии приходилось импортировать почти 5 млн тонн нефти, причем основными поставщиками были Венесуэла, Мексика, Голландская Индия, Соединенные Штаты, Россия и Румыния. Доступ к любому из первых четырех источников в военное время стал бы невозможен, а к последним двум был бы возможен лишь путем завоевания. А по предварительным подсчетам военные нужды Германии составили бы свыше 12 млн тонн в год. В свете этого трудно было надеяться только на синтетическое топливо. Лишь захват румынских нефтяных скважин, производивших 7 млн тонн в год, мог покрыть этот дефицит.

Нужды Италии в случае ее вступления в войну отягощали бы бремя стран оси. Из 4 млн тонн нефти в год, которые, возможно, потребовались бы ей войне, Италия могла рассчитывать лишь на поставки из Албании, а это составляло не более 2% указанной выше цифры и то лишь при условии свободного плавания транспортных судов в Адриатическом море.

Чтобы оценить собственное положение, лучше всего поставить себя на место противника. Какими бы мрачными ни рисовались военные перспективы, можно было бы уверенно рассчитывать на ограниченность ресурсов Германии и Италии для ведения продолжительной войны, если бы державы, противостоящие им перед началом войны, смогли выдержать удары и напряжение до прихода им на помощь союзников. В любом такого рода конфликте судьбы стран оси зависели бы от возможности быстро завершить войну.

Часть II

Начало войны

Кампания в Польше была первой демонстрацией и успешным претворением в жизнь теории «быстротечной войны», ведущейся силами танковых соединений во взаимодействии с авиацией. Когда эта теория была впервые разработана в Англии, предусмотренные ею действия стали называть молниеносными. Именно с этого времени и получило всемирное распространение понятие «блицкриг», что в переводе с немецкого означает «молниеносная война».

Польша наилучшим образом подходила для демонстрации блицкрига. Протяженность ее границ была весьма значительной и составляла в общей сложности около 3500 миль⁶, из которых 2000 км приходилось на германско-польскую границу (после оккупации Чехословакии протяженность этого участка границы возросла до 2800 км). К началу войны южные и северные районы Польши оказались открытыми для вторжения. Западные районы образовали огромный выступ, на фланги которого и нацелились немецкие армии вторжения.

Равнинная местность обеспечивала высокие темпы продвижения мобильным войскам агрессора. Правда, условия здесь были несколько хуже, чем во Франции, из-за недостатка дорог, песчаного грунта и наличия озер и лесов в некоторых районах. Однако время, выбранное для вторжения, сводило к минимуму эти недостатки.

Для польской армии было бы разумнее организовать оборону значительно восточнее границы, за широкими реками Висла и Сан, но это означало бы оставить некоторые важные районы страны. Месторождения угля в Силезии находились у самой границы, а значительная часть главной промышленной зоны — несколько в глубь территории Польши, но все же западнее рек. Трудно представить, что поляки смогли бы, даже при самых благоприятных обстоятельствах, долго удерживать эти передовые районы. Однако выдвигались доводы о необходимости, с экономической точки зрения, попытаться остановить продвижение противника к главной индустриальной зоне. Эти доводы подкреплялись соображениями национального престижа и самоуверенными утверждениями военных руководителей, а также преувеличенными представлениями о том, что могут сделать западные союзники Польши, дабы ослабить давление противника.

Нереалистичский подход к оценке обстановки нашел отражение и в группировке польских войск. Примерно третья часть всех сил была сосредоточена в пределах Польского коридора (или поблизости от него), где войска подвергались риску двойного охвата — со стороны Восточной Пруссии и с запада. Предпринятая исключительно по соображениям национального престижа попытка воспрепятствовать немцам захватить территорию, принадлежавшую Германии до 1918 года, осуществлялась за счет сил, которые могли бы прикрыть более важные для обороны Польши районы, ибо на юге, на главных направлениях наступления, силы были весьма слабыми. В то же время почти третья часть польских войск под командованием маршала Рыдз-Смиглы была отведена в резерв и располагалась к северу от центральной оси между Лодзью и Варшавой. Эта группировка предназначалась для нанесения контрудара, но при этом совершенно не учитывались ограниченные возможности маневра польской армии, даже если не принимать во внимание последствия налетов немецкой авиации на железнодорожные и шоссейные коммуникации.

Сосредоточение сил в передовых районах лишило польские войска возможности вести оборону методом сдерживающих действий на последовательно расположенных рубежах, поскольку без средств механизации войска не успевали отойти на следующий рубеж обороны и закрепиться на нем прежде, чем мобильные войска противника наносили им поражение. На обширных просторах Польши отсутствие средств механизации сыграло более фатальную роль, чем внезапность удара противника и отсутствие времени на мобилизацию резервов.

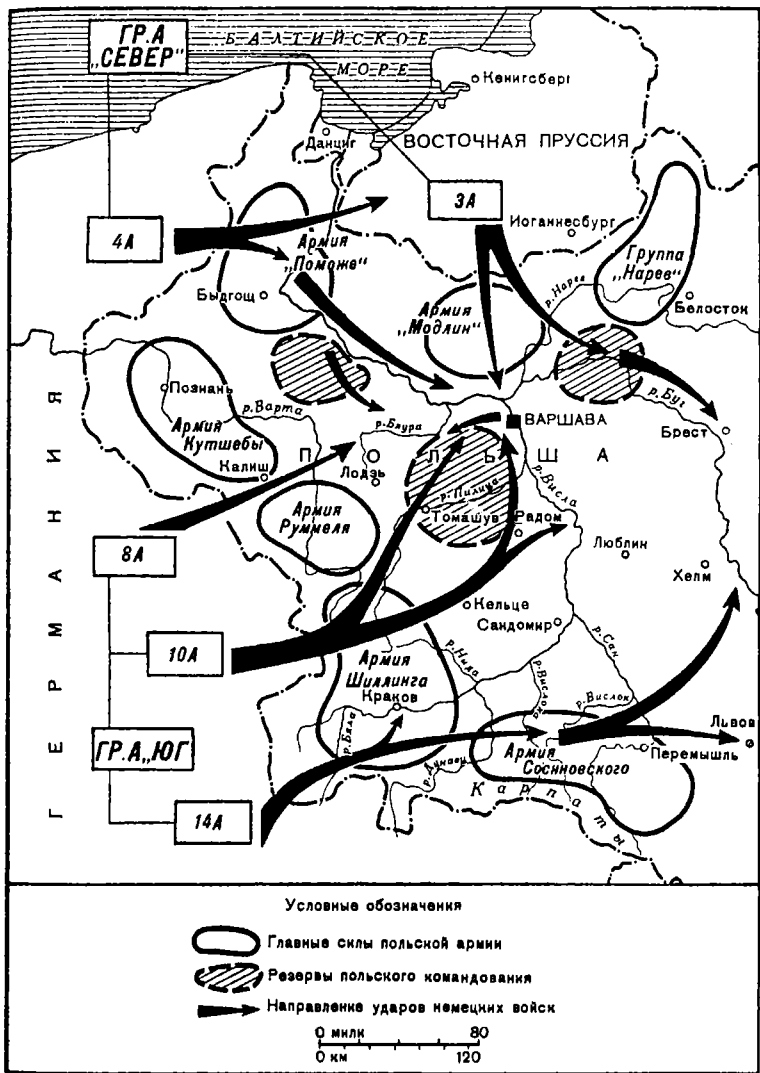

Рис. 1. Нападение Германии на Польшу

По этой же причине важным оказалось не то, что для вторжения немцы использовали 40 с лишним кадровых дивизий, а то, что в их числе было 14 механизированных или частично механизированных дивизий (6 танковых, 4 легкие и 4 механизированные дивизии)⁷. Именно глубокий и быстрый прорыв этих сил во взаимодействии с авиацией, которая парализовала польские железные дороги и уничтожила в первые же дни войны значительную часть польской авиации, решил исход дела. Немецкие военно-воздушные силы действовали рассредоточенно и таким образом сумели охватить обширные пространства польской территории.

Важную роль сыграла радиопропаганда. Немецкие радиостанции маскировались под польские, оказывая своими передачами дезорганизующее и деморализующее воздействие на тыловые районы Польши. Все перечисленные выше факторы имели в Польше гораздо больший эффект, чем где-либо, в силу того, что слишком велика была уверенность поляков в способность людей победить машины. Когда же этого не случилось, крушение иллюзий привело к катастрофическим последствиям.

Немецкие войска пересекли границу Польши 1 сентября около 6.00. Авиация совершила первые налеты часом раньше. На севере вторжение осуществлялось группой армий Бока, имевшей в своем составе две армии. 3-я армия под командованием Кюхлера наносила удар из Восточной Пруссии на юг, а 4-я армия под командованием Клюге — на восток через Польский коридор, чтобы соединиться с войсками 3-й армии и завершить охват правого фланга поляков.

Важнейшая роль отводилась группе армий Рундштедта, действовавшей на юге. Она была почти вдвое сильнее по пехоте и еще больше — по числу танков. В состав группы армий входили 8-я армия под командованием Бласковица, 10-я армия под командованием Рейхенау и 14-я армия под командованием Листа. Войска Бласковица, действуя на левом крыле, должны были продвигаться к крупному промышленному центру Лодзь, чтобы помочь изолировать польские войска на познанском выступе и в то же время прикрыть фланг войск Рейхенау. На правом крыле Лист должен был продвигаться на Краков и одновременно обойти с фланга польские войска в районе Карпат, используя танковый корпус Клейста для прорыва через горные перевалы. Решающий удар, однако, должны были нанести войска Рейхенау, действовавшие в центре, и для этой цели в их состав была включена большая часть танковых соединений.

Успеху вторжения способствовало и то, что польские руководители, пренебрегая обороной, не уделяли внимания стро-

ительству оборонительных сооружений. Они рассчитывали на успех контрударов, на которые, по их мнению, была способна польская армия, несмотря на нехватку средств механизации. Таким образом, немецким механизированным дивизиям не представляло труда найти и использовать открытые направления для наступления, а стремительность продвижения немецких ударных группировок и создававшаяся угроза тылу сорвали большинство контратак польских войск.

К 3 сентября, когда Англия и Франция вступили в войну, войска Клюге перерезали Польский коридор и достигли Нижней Вислы, в то время как войска Кюхлера развили наступление из Восточной Пруссии в направлении на Нарев. Самым важным событием явилось то, что танковые соединения войск Рейхенау вышли к р. Варта и форсировали ее. Армия Листа, подступив с обоих флангов к Кракову, вынудила армию Шиллинга оставить город и отойти в направлении рек Нида и Дунаец.

К 4 сентября передовые части армии Рейхенау подошли к р. Пилица в 80 км от границы и форсировали ее. Два дня спустя левофланговые соединения этой армии, захватив Томашув, вышли в тыл Лодзи, а правофланговые соединения захватили Кельце. Таким образом, польская армия под командованием Руммеля была охвачена с флангов, в то время как армия под командованием Кутшебы все еще находилась в Познани и оказалась под угрозой изоляции. Все другие немецкие армии добились успеха в выполнении своих задач в большом обходном маневре, план которого был разработан начальником генерального штаба сухопутных войск Гальдером и практическим осуществлением которого руководил командующий сухопутными войсками Браухич. Фронт обороны польских армий был разорван. На одних участках польские войска отступали, на других пытались контратаковать наступающего противника.

Наступление немецких войск развивалось бы еще стремительнее, если бы не установившаяся издавна тенденция не допускать отрыва мобильных сил от поддерживающих пехотных масс. Однако, все больше убеждаясь на своем опыте, что подобный риск устраняется в результате смятения в рядах отступающего противника, немцы начинали действовать смелее. Используя открытое пространство между Лодзью и р. Пилица, один из танковых корпусов Рейхенау к 8 сентября достиг предместий Варшавы, пройдя за первую неделю 220 км. К следующему дню правофланговые легкие дивизии армии Рейхенау подошли к р. Висла между Варшавой и Сандомиром, а затем повернули на север.

В это же время недалеко от Карпат мобильные силы Листа форсировали последовательно реки Дунаец, Вяла, Вислока и

Вислок и вышли к р. Сан по обе стороны от знаменитой крепости Перемышль. На севере танковый корпус Гудериана из состава армии Кюхлера форсировал р. Нарев и продвигался к р. Буг восточнее Варшавы.

На этом этапе вторжения в планах немецкого командования произошли важные изменения, вызванные непредвиденным смятением в рядах поляков. Польские колонны двигались в различных направлениях. Визуальному наблюдению за ними мешали огромные клубы пыли, поднимавшиеся в воздух при прохождении колонн, поэтому германское верховное командование пришло к выводу, что большей части польских сил на севере уже удалось отойти за р. Висла. На основе этого предположения был издан приказ, предписывавший армии Рейхенау форсировать реку между Варшавой и Сандомиром, чтобы не допустить отхода поляков в юго-восточные районы страны. Против этого плана возражал Рундштедт. Он был убежден, что большая часть польских сил все еще находится западнее р. Висла. После недолгих споров его точка зрения возобладала, и армии Рейхенау была поставлена задача наступать и занять блокирующую позицию по р. Бзура западнее Варшавы.

В результате большая часть оставшихся у Польши сил попала в ловушку, так и не сумев отойти за р. Висла. К тому преимуществу, которого добились немцы после прорыва на направлении наименьшего сопротивления, теперь прибавилось преимущество обороняющейся стороны. Чтобы закрепить свою победу, им следовало лишь удерживать занятые позиции, отражая разрозненные контратаки отступающей армии, которая была отрезана от своих баз, испытывала нехватку боеприпасов и других материальных средств и подвергалась все возрастающему давлению армий Бласковица и Клюге с флангов и тыла. Поляки сражались отчаянно, и храбрость их вызывала восхищение даже у противников. Однако лишь небольшой части польских войск удалось прорваться и присоединиться к варшавскому гарнизону.

10 сентября маршал Рыдз-Смиглы отдал приказ об общем отступлении в юго-восточную Польшу. Генералу Соснковскому было поручено оборудовать оборонительные позиции на сравнительно узком фронте для организации продолжительного сопротивления. Однако надежды были тщетными. В то время как все теснее сжималось кольцо окружения западнее р. Висла, немецкие войска все глубже вклинивались в районы восточнее р. Висла. Более того, они прорвали позиции польских войск на реках Буг и Сан. Танковый корпус Гудериана двигался на юг, совершая обходный маневр в направлении на Брест. Танковый корпус Клейста 12 сентября подошел к Львову. Здесь немцы

были остановлены и двинулись в северном направлении на соединение с войсками Кюхлера.

И хотя вторгшиеся в Польшу немецкие войска уже испытывали трудности из-за длительного наступления, польское командование настолько растерялось, что не сумело воспользоваться ни временным снижением темпов продвижения противника, ни упорным сопротивлением, которое оказывали отдельные польские группировки.

12 сентября польское правительство и верховное командование перебрались в Румынию, причем главнокомандующий отправил войскам послание с приказом продолжать борьбу. Возможно, оно не дошло до большинства войск, однако многие польские солдаты с доблестью выполнили это указание в последующие дни, хотя сопротивление постепенно ослабевало. Несмотря на тяжелые бомбардировка с воздуха и артиллерийский обстрел, гарнизон Варшавы продержался до 28 сентября. Последнее крупное соединение польских войск не сдавалось до 5 октября, а остальные группы продолжали сопротивление до зимы. Около 80 тыс. человек удалось спастись в нейтральных странах⁸.

К этому времени французы сделали лишь небольшую «выбоину» в позициях немцев на Западном фронте. Их действия нельзя расценить иначе, как слишком слабое усилие оказать помощь своему союзнику. Если учесть слабость немецких сил и их обороны, естественно предположить, что французы могли бы сделать больше. Однако в этом случае более глубокий анализ вновь помогает исправить очевидные выводы, вытекающие из сравнения численности противостоящих сил.

Хотя протяженность северной границы Франции составляла 800 км, наступательные действия французы могли вести только на узком участке шириной 150 км от Рейна до Мозоля, поскольку в противном случае они нарушили бы нейтралитет Бельгии и Люксембурга. Немцы смогли сосредоточить лучшую часть имевшихся у них в распоряжении сил на этом узком участке и прикрыли подходы к линии Зигфрида минными полями, затруднив таким образом действия наступающих французских войск.

Однако важнее всего оказалось то, что французы не смогли начать наступательные операции примерно до 17 сентября. До этого времени их действия фактически сводились к атакам местного значения. К 17 сентября крах Польши стал настолько очевиден, что у французов появилось хорошее оправдание для пересмотра своих намерений. Неспособность Франции раньше нанести удар объяснялась пороками устаревшей мобилизационной системы. Таковы были последствия формирования армии на

основе объявления призыва. Понятно, что такая армия не могла начать действия, пока не были призваны обученные резервы и вновь сформированные соединения не прошли необходимой подготовки. Однако задержка с нанесением удара по Германии объяснялась не только этим. Дело в том, что французское командование упорно придерживалось устаревших взглядов, считая, в частности, что любому наступлению, как и в годы Первой Мировой войны, должна предшествовать мощная артиллерийская подготовка. Основным средством прорыва подготовленной обороны французские руководители все еще считали тяжелую артиллерию. Однако большая часть тяжелой артиллерии французской армии находилась в консервации, и ее нельзя было подготовить раньше чем на пятнадцатый день после объявления мобилизации. Это условие определяло сроки подготовки французской армии к наступательным действиям.

Один из политических лидеров Франции Рейно несколько лет подряд доказывал, что эти концепции устарели, и требовал создать механизированные силы, укомплектованные солдатами-профессионалами, готовыми к немедленным действиям. Но это был глас вопиющего в пустыне. Французские государственные деятели, как и многие в военном руководстве, полагались на старую систему мобилизации и важнейшее значение придавали обеспечению численного превосходства над противником, сколько бы времени на это ни потребовалось.

Ход военных действий в 1939 году можно охарактеризовать двумя фразами: на Востоке безнадежно устаревшую армию быстро расчленили танковые соединения, действовавшие под прикрытием превосходящих сил авиации в соответствии с новыми методами ведения войны; на Западе из-за устаревшей системы развертывания армии удалось подготовить к боевым действиям лишь тогда, когда уже было поздно оказывать союзнику какую-либо помощь⁹.

«Странная война»

«**С**транная война» — понятие, пушенное в ход американской печатью. Вскоре оно прижилось по обе стороны Атлантики и прочно закрепилось как название периода войны от падения Польши в сентябре 1939 года до начала наступления немецких войск на Западе весной следующего года.

Те, кто пустил в ход это понятие, имели в виду, что войны как таковой не было, поскольку между франко-английскими и немецкими войсками не происходило никаких больших сражений. На самом же деле это был период активной закулисной деятельности сторон. В середине этого периода с немецким штабным офицером произошел странный инцидент, настолько напугавший Гитлера, что в ходе последующих недель немецкий план ведения войны был полностью изменен. Старый план не имел бы того успеха, которого немцы добились с помощью нового.

Но миру все это было неизвестно. Поля сражений оставались спокойными, и люди думали, что Марс впал в спячку.

Популярные объяснения этого внешне стабильного состояния носили различный характер. Согласно одному из них, Англия и Франция, несмотря на объявление войны на стороне Польши, не относились серьезно к своим обязательствам и лишь ждали момента, чтобы начать переговоры с

Германией. Не менее популярным было мнение, что Англия и Франция хитрят. В американской печати появилось множество сообщений о том, что верховное союзное командование преднамеренно приняло тонко продуманную оборонительную стратегию и готовит немцам ловушку.

И то и другое объяснение далеко от истины. В течение осени и зимы, вместо того чтобы сосредоточить внимание на подготовке эффективной обороны от вероятного наступления гитлеровских войск, союзные правительства и верховное командование детально обсуждали наступательные планы против Германии и ее флангов, хотя в действительности они не имели возможности осуществить эти планы своими силами и средствами.

После падения Франции немцы захватили документы французского верховного командования и частично опубликовали их. Это был сенсационный материал. Документы свидетельствовали, что в течение зимы союзное командование обдумывало планы самых различных наступательных операций: план удара по Германии через Норвегию, Швецию и Финляндию; план удара по Рурскому бассейну через Бельгию; план удара по Германии через Грецию и Балканы; план удара по нефтеносным районам на Кавказе с целью отрезать Германию от источников снабжения нефтью. Это был конгломерат напрасных фантазий союзных лидеров, которые пребывали в мире иллюзий до тех пор, пока их не привело в чувство наступление Гитлера.

Гитлер, будучи человеком, который всегда стремился опередить события, начал обдумывать наступательные действия на Западе еще до завершения польской кампании и даже еще раньше, до своего публичного выступления с предложением о созыве всеобщей мирной конференции. Он уже начал осознавать, что любое подобное предложение навряд ли будет встречено положительно западными союзниками. Однако до выступления 6 октября Гитлер никому, кроме самых близких к нему людей, не говорил о своем намерении. Даже генеральный штаб узнал об этом лишь в тот момент, когда предложение Гитлера о созыве всеобщей мирной конференции было отвергнуто публично.

Тремя днями позже Гитлер изложил свои соображения в довольно пространной директиве командованию сухопутных войск. Главные его доводы состояли в том, что наступательные действия на Западе — единственно возможный для Германии курс. Директива представляла собой документ, в высшей степени поразительный. Здесь Гитлер приходит к заключению, что длительная война с Францией и Англией истощит ресурсы Германии и поставит ее под угрозу смертельного удара со стороны России. Он полагал, что Францию необходимо принудить к

миру наступательными действиями против нее; как только Франция выйдет из игры, Англия примет его условия.

Гитлер считал, что Германия в данный момент обладает силами и средствами, необходимыми для разгрома Франции. Главное, Германия имела превосходство в новом вооружении. Он говорил:

«Танковые войска и авиация в настоящее время достигли таких высот (не только как наступательное, но и как оборонительное оружие), что с ними не может сравниться ни одно другое оружие. Стратегический потенциал этих сил обеспечивается их организацией и четкой системой управления в бою. Таких сил нет ни в одной другой стране».

Признавая превосходство Франции в оружии старого типа, особенно в тяжелой артиллерии, Гитлер, однако, утверждал, что в «маневренной войне это оружие вообще не имеет сколько-нибудь существенного значения». А поскольку Германия обладала превосходством, имея новое оружие, можно было не принимать во внимание превосходство Франции по численности обученных солдат.

Далее, Гитлер утверждал, что нельзя ждать и надеяться, пока Франция устанет от войны, поскольку «развитие военной мощи Англии привнесет новый военный элемент, который будет в высшей степени важен для Франции как психологически, так и материально», поскольку укрепит ее оборону.

«Прежде всего необходимо помешать противнику ликвидировать слабость в вооружении, и особенно в противотанковой и зенитной артиллерии, ибо это может создать равновесие сил. В этом отношении каждый прошедший месяц представляет собой для наступательной мощи Германии неблагоприятную потерю времени».

Гитлер проявлял беспокойство по поводу того, что «желание немецких солдат воевать» ослабнет, как только улетучится бодрящий эффект от легкого завоевания Польши. «Уважение солдата к самому себе было так же велико, как и уважение, которого он требует от других в настоящее время. Однако за шесть месяцев затяжной войны и эффективной пропаганды противника эти важные качества могут развеяться»¹⁰. Гитлер полагал, что следует нанести удар как можно быстрее, чтобы не упустить время: «В нынешней обстановке время можно считать скорее союзником западных держав, чем нашим». Его меморандум заканчивался выводом: «Удар должен быть нанесен этой осенью во что бы то ни стало».

Гитлер планировал включить в зону удара и Бельгию: во-первых, чтобы получить пространство для маневра и обхода

французской линии Мажино, а во-вторых, чтобы предупредить опасность вступления англо-французских войск в Бельгию и развертывания их сил на границе рядом с Руром, «в непосредственной близости от сердца нашей военной промышленности». (Как показывают французские архивы, именно этот вариант действий отстаивал главнокомандующий французской армией Гамелен.)

Выступление Гитлера с изложением своих намерений было полной неожиданностью для главнокомандующего сухопутными войсками Браухича и начальника генерального штаба Гальдера. Подобно многим высшим немецким генералам, они не разделяли веры Гитлера в возможность с помощью нового оружия преодолеть превосходство противников в обученной живой силе. Опираясь привычными столбиками цифр, отражающих число дивизий, они утверждали, что немецкая армия не имеет достаточно сил, чтобы одержать победу над союзниками. По их мнению, 98 дивизий, которые удалось мобилизовать Германии, уступали силам противника, тем более что 36 из этих дивизий были плохо вооружены и недостаточно обучены. Кроме того, сознавая, что война перерастет в новую мировую войну, они опасались фатальных последствий для Германии.

Браухича и Гальдера все это настолько беспокоило, что они готовы были прибегнуть к экстренным мерам. Так же как и во времена мюнхенского кризиса, год назад, они стали обдумывать действия, направленные на свержение Гитлера. Идея заключалась в том, чтобы переправить с фронта отборные части в Берлин. Однако командующий армией резерва генерал Фромм отказался сотрудничать с ними, а его помощь была весьма важна. Фромм утверждал, что войска не подчинятся приказу выступить против Гитлера, ибо многие простые солдаты доверяют фюреру. Возможно, суждение Фромма о реакции войск было верным. Это подтверждают и многие офицеры, имевшие контакт с войсками и не знавшие того, что обсуждается в высших штабах.

Основная масса войск и немецкого народа была одурманена пропагандой Геббельса о том, что Гитлер желает мира, а союзники полны решимости уничтожить Германию. К сожалению, союзные государственные деятели и пресса давали Геббельсу много пропагандистского материала, который он ловко использовал для маскировки захватнических планов Германии.

И хотя первый военный заговор против фюрера потерпел фиаско, Гитлер не смог осуществить наступательные действия осенью, как надеялся. Однако это обернулось для него удачей, а для всего мира, включая и немецкий народ, горем.

Предварительно начало наступления было назначено на 12 ноября. Браухич 5 ноября вновь попытался отговорить Гитлера от вторжения во Францию, выдвинув множество доводов против этого. Гитлер пренебрег его доводами и строго приказал начать наступление не позже 12 ноября. Однако 7 ноября приказ был отменен: метеорологи предсказывали плохую погоду. Начало наступления было отсрочено еще на три дня, а затем вновь и вновь переносилось.

И хотя установившаяся плохая погода была очевидной причиной для задержки начала наступления, Гитлер был вне себя от того, что приходилось уступать, и не хотел поверить, что все объясняется лишь погодой. Наконец 23 ноября он созвал высших военных руководителей на совещание. Решив развеять их сомнения относительно необходимости наступательных действий, Гитлер выразил беспокойство по поводу угрозы со стороны России, а также подчеркнул тот факт, что западные союзники не обращают внимания на его мирные предложения и наращивают свои вооружения. «Время работает на противника... Наша ахиллесова пята — Рур... Если Англия и Франция прорвутся через Бельгию и Голландию в Рур, мы окажемся в величайшей опасности».

Затем Гитлер упрекнул генералов в малодушии и трусости и объявил, что подозревает их в попытке саботировать его планы. Он напомнил, что начиная с занятия Рейнской области они были против каждого его шага, а ведь каждый раз его действия увенчивались успехом. Гитлер заявил, что ждет от них безусловного следования его идеям. Браухич попытался указать на особенности нового предприятия и на еще больший риск, сопряженный с ним, но лишь навлек на свою голову строгий выговор. В тот же вечер Гитлер имел личную беседу с Браухичем и устроил ему головомойку. Браухич подал рапорт об отставке, но Гитлер не принял отставки генерала и приказал ему повиноваться.

Тем не менее погода оказалась лучшим саботажником, чем генералы, и вызвала новые отсрочки вплоть до первой половины декабря. Затем пришлось подождать до Нового года и разрешить генералам рождественский отпуск. Однако и после Рождества погода не улучшилась, и 10 января Гитлер назначил наступление на 17 января.

Но в тот самый день, когда Гитлер принял это решение, произошел весьма загадочный «случай». История эта упоминалась в многочисленных вариантах, но наиболее кратко ее изложил главнокомандующий воздушно-десантными войсками Германии генерал Штудент:

«10 января майор, назначенный мною в качестве офицера связи во 2-й воздушный флот, вылетел из Мюнстера в Бонн с задачей выяснить некоторые малозначительные детали плана у командования флота. При себе он имел полный оперативный план наступления на Западе.

Из-за морозной погоды и сильного ветра над замерзшим, покрытым снегом Рейном самолет сбился с курса и залетел на территорию Бельгии, где ему пришлось сделать вынужденную посадку. Майор не смог сжечь важный документ, следовательно, общее содержание немецкого плана наступательных действий на Западе стало достоянием бельгийцев. Немецкий военно-воздушный атташе в Гааге сообщил, что в этот же вечер король Бельгии имел долгую беседу по телефону с королевой Голландии».

Разумеется, немцы в то время точно не знали, что произошло с документами, но они, естественно, опасались худшего и должны были считаться с этим¹¹.

Интересно было наблюдать реакцию на этот инцидент у высших немецких руководителей. Геринг был в ярости. Гитлер хотел нанести удар немедленно, потом решил полностью отменить первоначальный план и вместо него принял план Манштейна.

Генерал Варлимонт, который занимал важный пост в штабе верховного главнокомандования, вспоминал, что 16 января Гитлер решил изменить свой план в основном из-за инцидента с самолетом. Это оказалось весьма неудачным для союзников, несмотря даже на то, что у них появилось еще четыре месяца на подготовку, так как немцы отсрочили наступательные действия на неопределенное время (план полностью был пересмотрен и подготовлен только 10 мая). Когда же Гитлер приступил к осуществлению нового плана, союзники сразу же потеряли равновесие. Французская армия быстро капитулировала, а англичане едва успели спастись морем из Дюнкерка.

Естественно, возникает вопрос, была ли вынужденная посадка самолета с офицером связи случайностью. Можно было бы ожидать, что после войны один из немецких генералов, имевших к этому отношение, будет только рад представить себя в благоприятном свете перед теми, кто взял его в плен, утверждая, будто именно он организовал предупреждение союзников. Однако никто этого так и не сделал, и, казалось бы, можно поверить, что авария с самолетом была случайной. Но мы знаем, что глава немецкой секретной службы адмирал Канарис, который позже был казнен, предпринял немало тайных шагов, чтобы помешать Гитлеру в осуществлении его планов, и что как раз накануне весеннего наступления на Норвегию, Голландию

и Бельгию этим странам были переданы соответствующие предупреждения. Мы знаем также, что Канарис действовал весьма скрытно и умел искусно замечать следы. Вот поэтому роковой случай 10 января все еще остается загадкой.

История происхождения нового плана не вызывает столько сомнений, хотя связана с другим странным эпизодом, правда иного характера.

По старому плану, разработанному генеральным штабом под руководством Гальдера, главное направление наступления, как и в 1914 году, должно было проходить через центральную Бельгию: удар наносила группа армий «В» под командованием Бока, а группа армий «А» под командованием Рундштедта осуществляла наступление на вспомогательном направлении через холмистые и лесистые Арденны. Все танковые дивизии были приданы Боку, поскольку генеральный штаб считал Арденны непригодными для продвижения танков.

Начальником штаба группы армий Рундштедта был Манштейн. Друзья считали его самым способным стратегом из числа молодых генералов. Манштейн отмечал, что замысел первоначального плана слишком очевиден и в значительной степени повторяет план Шлиффена (1914 года), а значит, союзное верховное командование может быть готово к нему. Другим недостатком первоначального плана, по мнению Манштейна, являлось то, что немецким войскам пришлось бы столкнуться с английской армией, которая наверняка оказалась бы более трудным противником, чем французы. Более того, этот план не обещал решающих результатов. Вот что писал Манштейн: «Возможно, мы и смогли бы победить силы союзников в Бельгии, смогли бы захватить побережье Ла-Манша. Но также возможным было и то, что наше наступление окончательно остановилось бы у Соммы. Тогда сложилась бы точно такая же обстановка, как в 1914 году... И не было бы шансов достичь мира».

Обдумывая эту проблему, Манштейн пришел к выводу, что целесообразнее нанести главный удар в Арденнах, где противник будет захвачен врасплох. Однако прежде Манштейн должен был решить один серьезный вопрос, по поводу которого в ноябре 1939 года он и проконсультировался с Гудерианом.

Вот как писал об этом Гудериан:

«Манштейн спросил меня, возможно ли продвижение танков через Арденны в направлении Седана. Он объяснил свой план прорыва через укрепления линии Мажино у Седана. По его мнению, так можно было избежать повторения плана Шлиффена, который был известен противнику. Местность мне была знакома еще со времен Первой Мировой войны, и, изучив карту,

я согласился с выводами Манштейна. Затем он убедил в своей правоте генерала Рундштедта и направил памятную записку в штаб сухопутных войск Браухичу и Гальдеру. Последние не согласились с Манштейном, но Гальдер все-таки доложил Гитлеру об этом варианте плана».

На идею Манштейна после беседы с ним в середине декабря обратил внимание штаба Гитлера и Варлимонт. Он рассказал о ней генералу Йодлю, который доложил об этом фюреру. Гитлер всерьез задумался над новым планом лишь после инцидента с самолетом 10 января. Однако прошел еще месяц, прежде чем Гитлер высказался в пользу этого плана.

Окончательное решение было принято при следующих обстоятельствах. Браухичу и Гальдеру не нравилось, что Манштейн настаивает на своей «блестящей» идее и таким образом выступает против их плана. Им удалось сместить его с занимаемого поста и отправить командовать пехотным корпусом, где он не имел возможности проталкивать свои идеи. Однако вскоре после перевода Манштейна на новое место службы его вызвал Гитлер. У Манштейна появилась возможность лично объяснить фюреру свой план. Эта встреча была устроена по инициативе порученца Гитлера генерала Шмундта — горячего поклонника Манштейна.

После этой встречи Гитлер «уговорил» Браухича и Гальдера. Им пришлось уступить нажиму фюрера и разработать план в соответствии с идеями Манштейна. Гальдер взялся за дело без особого желания, но он был способным офицером, и представленный им подробный проект плана являл собой образец стратегического планирования.

Примечательно, что Гитлер, заразившись какой-то новой идеей, сразу же начинал думать, что он-то и есть ее автор. В итоге заслуга Манштейна сводилась к тому, что тот согласен с фюрером: «Из всех генералов, с кем я говорил о новом плане на Западе, Манштейн был единственным, кто меня понял».

Если проанализировать ход событий после майского наступления, станет ясно, что старый план почти наверняка не привел бы к падению Франции. Этот план, видимо, позволил бы немцам лишь оттеснить союзные армии к французской границе, поскольку на главном направлении немцы наткнулись бы на хорошо оснащенные англо-французские силы и им пришлось бы пробивать себе путь по территории со многими препятствиями — реками, каналами и крупными городами. Арденны могли показаться еще более трудным направлением. Но если бы немцам удалось прорваться через эту гористо-лесистую местность в южной Бельгии раньше, чем французское верховное командо-

вание осознало бы опасность, перед ними открылись бы безбрежные равнины Франции с прекрасными условиями для танкового наступления.

Если бы был принят старый план и если бы он зашел в тупик (это было возможно), война бы в целом развивалась совершенно иначе. И хотя маловероятно, что Франция и Англия вообще смогли бы сами разгромить Германию, определенные преграды на пути немецкого наступления дали бы этим странам выигрыш во времени для того, чтобы увеличить производство вооружения, особенно танков и авиации, и таким образом установить равновесие сил в этом новом оружии. Заверения Гитлера в скорой победе потерпели бы провал, и это подорвало бы веру в него в войсках и народе. Таким образом, застой на Западе помог бы сильной группе противников Гитлера в Германии заручиться большей поддержкой и осуществить планы свержения Гитлера, а это была бы уже предпосылка к миру. И независимо от того, как развернулись бы события, если бы было остановлено немецкое наступление, возможно, Европа избежала бы тех разрушений и бедствий, которые пали на ее голову в результате цепи событий, последовавших за поражением Франции.

Таким образом, Гитлер только выиграл от инцидента с самолетом, поскольку это повлекло за собой изменение плана наступательных действий, а союзники пострадали. Самое же странное во всей этой истории то, что союзники не извлекли пользы из неожиданно полученного предупреждения. Ведь с документов, которые не успел сжечь немецкий офицер, были сняты копии, которые бельгийцы незамедлительно передали французскому и английскому правительствам. Однако военные советники этих правительств были склонны рассматривать захваченные документы как дезинформацию. Эта точка зрения вряд ли была оправданна, ибо было бы довольно глупо пытаться таким путем ввести союзников в заблуждение, так как это только насторожило бы бельгийцев и заставило их более тесно сотрудничать с французами и англичанами. Бельгийцы вполне могли бы принять решение открыть границу и для усиления обороны впустить франко-английские армии.

Еще более странным было то, что союзное верховное командование не внесло никаких изменений в собственные планы и не приняло никаких мер предосторожности на случай, если германское верховное командование изменит главное направление наступления.

В середине ноября союзный верховный совет одобрил разработанный Гамеленом план «Д». Он представлял собой рискованный вариант ранее утвержденного плана, и поэтому англий-

ское командование сначала сомневалось в его целесообразности. Согласно плану «Д», как только Гитлер начнет наступление, союзные армии своим левым крылом должны нанести удар в Бельгии и затем продвигаться в южном направлении. Это было на руку Гитлеру, поскольку полностью соответствовало его новому плану: чем дальше левое крыло союзных войск продвигалось бы в центральную Бельгию, тем легче было бы немецким танковым соединениям преодолеть Арденны, выйти союзным войскам в тыл и отрезать их от остальных сил.

Исход становился еще более очевиден, поскольку союзное верховное командование направило большую часть своих мобильных сил для вступления в Бельгию и лишь немногие второсортные дивизии оставило для прикрытия фланга у выходов из «непроходимых Арденн». К тому же оборонительные позиции, занимаемые этими дивизиями, были особенно слабы в промежутке между оконечностью линии Мажино и укрепленными позициями, занятыми англичанами.

Черчилль, упоминая в своих мемуарах о том беспокойстве, которое всю осень испытывали английские штабы по поводу положения в этом районе, писал: «Министр обороны Хор-Белиша несколько раз поднимал этот вопрос в военном кабинете... Однако военный кабинет и наши военные лидеры, естественно, воздерживались от критики тех, чьи армии были в 10 раз сильнее наших»¹². Когда в начале января Хор-Белиша ушел со своего поста после резких споров, вызванных его критическими выступлениями, этот вопрос практически больше не поднимался. В Англии и во Франции наблюдалась опасная и неоправданная уверенность в своих силах. Черчилль 27 января заявил о том, что «Гитлер упустил свою лучшую возможность». Это успокаивающее утверждение на следующий день появилось в заголовках газет. А в это время у Гитлера созрел новый план.

Финская война

Советское правительство в обмен на другие территории просило финнов уступить острова Гогланд, Сескар, Лавенсари, Торсари и Лойвисто, а также сдать в аренду на тридцать лет порт Ханко, с тем чтобы построить там военно-морскую базу с береговой артиллерией, которая во взаимодействии с военно-морской базой в Палдиски, расположенной на другом берегу залива, могла бы прикрыть доступ в Финский залив.

Русские хотели обеспечить лучшее прикрытие сухопутных подступов к Ленинграду, отодвинув финскую границу на Карельском перешейке настолько, чтобы Ленинград был вне опасности обстрела тяжелой артиллерией. Это изменение границы не затрагивало основные оборонительные сооружения линии Маннергейма.

Советское правительство предлагало также уточнить границу в районе Петсамо (Печенга). Здесь она представляла собой искусственно проведенную прямую линию, проходила через полуостров Рыбачий и отрезала его западную оконечность. Пересмотр границы, возможно, имел целью обеспечить оборону морских подступов к Мурманску и лишить противника плацдарма на полуострове Рыбачий.

В обмен на все эти территориальные изменения Советский Союз предлагал уступить Финлян-

дии районы Реболы и Порайорпи. Этот обмен даже в соответствии с финской «Белой книгой» давал Финляндии дополнительную территорию в 5524 кв. км в качестве компенсации за уступку России территорий общей площадью 2760 кв. км.

Объективное изучение этих требований показывает, что они были составлены на рациональной основе с целью обеспечить большую безопасность русской территории, не нанося скольконибудь серьезного ущерба безопасности Финляндии. Безусловно, все это помешало бы Германии использовать Финляндию в качестве трамплина для нападения на Россию. Вместе с тем Россия не получала какого-либо преимущества для нападения на Финляндию. Фактически же районы, которые Россия предлагала уступить Финляндии, расширили бы границы последней в самом узком месте ее территории¹³. Однако финны отвергли и это предложение.

Первое русское наступление завершилось неожиданной остановкой. Под влиянием этих событий усилилась общая тенденция к недооценке военной мощи Советского Союза. Эту точку зрения выразил в своем выступлении по радио 20 января 1940 года Черчилль, заявив, что Финляндия «открыла всему миру слабость Красной Армии». Это ошибочное мнение до некоторой степени разделял и Гитлер, что привело к серьезнейшим последствиям в дальнейшем.

Однако беспристрастный анализ военных действий дает возможность установить истинные причины неудач русских в первоначальный период. Условия местности во всех отношениях затрудняли продвижение наступавших войск. Многочисленные естественные препятствия ограничивали возможные направления наступления. На карте участок между Ладожским озером и Северным Ледовитым океаном казался довольно широким, но фактически он представлял собой густую сеть озер и лесов, что создавало идеальные условия для ведения упорной обороны. Более того, на советской территории вблизи границы проходила только одна железнодорожная линия (линия Ленинград — Мурманск), от которой, на всем протяжении в 1300 км, к границе тянулась лишь одна ветка. Это привело к тому, что в прорывах на самых узких участках финской территории участвовало всего по три дивизии (в сообщениях финской печати масштабы действий русских значительно преувеличивались), в то время как для обходного маневра севернее Ладожского озера использовались четыре дивизии.

Гораздо более выгодным направлением для наступления был Карельский перешеек между Ладожским озером и Финским заливом, однако здесь проходила линия Маннергейма, на которой

с самого начала оборонялось шесть кадровых дивизий. Наступательные действия русских севернее этого участка хотя и не могли рассчитывать на успех, однако отвлекали часть финских резервов, пока велась подготовка к прорыву линии Маннергейма.

Наступление русских войск под командованием генерала Мерцкова началось 11 февраля. Главный удар наносился на участке шириной 15 км в районе Суммы. Позиции финских войск подвергались мощному артиллерийскому обстрелу. Когда оборона противника была подавлена, вперед двинулись танки и пехота. В это время авиация мешала финнам организовать контратаки. Меньше чем за две недели планомерного наступления советские войска прорвали оборону финнов на всю глубину линии Маннергейма. Прежде чем двинуться на Выборг, русские войска обошли оба фланга оборонявшихся финских войска. Русские совершили широкий обходный маневр с острова Гогланд по льду Финского залива и вышли на финскую территорию западнее Выборга. Как только русские прорвали линию Маннергейма и создали угрозу коммуникациям, поражение Финляндии стало неизбежным. Только капитуляция могла предотвратить катастрофу, ибо обещанные франко-английские экспедиционные силы так и не прибыли, хотя и находились в полной готовности к отправке.

6 марта 1940 года финское правительство начало переговоры о мире.

При столь коренным образом изменившихся обстоятельствах, особенно после катастрофического поражения финских войска 12 февраля в районе Суммы на линии Маннергейма, новые советские требования были исключительно умеренными.

Выдвинув столь скромные требования, Сталин проявил государственную мудрость. На горизонте уже маячила грозная весна 1940 года¹⁴.

В то время как в Польше создались самые благоприятные в Европе условия для блицкрига, Финляндия оказалась самым неподходящим для подобных действий театром.

С военно-географической точки зрения положение на польской границе отличалось обилием немецких коммуникаций и недостатком польских. Открытый характер местности создавал благоприятные условия для осуществления прорыва механизированными силами, особенно в сухую осеннюю погоду. В польской армии сильнее, чем в других, господствовали наступательные тенденции, и поэтому она оказалась неспособной полностью использовать свои ограниченные возможности по ведению оборонительных действий.

В Финляндии же обороняющиеся имели преимущество, обусловленное лучшей сетью внутренних коммуникаций, а именно сетью железных и шоссейных дорог. Финны располагали несколькими рокадными железнодорожными линиями, которые шли параллельно и позволяли быстро перебрасывать резервы вдоль фронта. У русских же была только одна линия Ленинград—Мурманск с единственной веткой в сторону финской границы. Чтобы создать угрозу тому или иному важному в стратегическом отношении пункту, русским приходилось преодолевать расстояние в 80—250 км в сторону от железной дороги по местности, пересеченной озерами и лесами, по плохим дорогам, покрытым снегом.

Эти трудности значительно ограничили и численность, и состав тех сил, которые Советский Союз мог использовать и обеспечивать на всем протяжении советско-финской границы, за исключением Карельского перешейка, где находились хорошо укрепленные позиции линии Маннергейма. Этот перешеек шириной 110 км в стратегическом отношении гораздо уже. Половину его занимает широкая р. Вуокса, а большая часть остального пространства покрыта озерами и лесами. Только близ Сумы можно развернуть значительные силы.

Помимо стратегических трудностей по сосредоточению крупных сил на слабо защищенных участках финской границы и трудностей продвижения в глубь страны русские испытывали и тактические затруднения, поскольку обороняющиеся хорошо знали местность и умело использовали ее особенности. Известно, что озера и леса ограничивают направления наступления и вынуждают наступающие войска настолько сужать полосы действий, что создается угроза уничтожения личного состава пулеметным огнем. Кроме того, такие условия открывают широкие возможности для ударов во фланг и для организаций партизанских действий. Вести боевые действия на такой местности, имея перед собой опытного противника, опасно даже летом, а тем более арктической зимой. Мощные колонны наступающих войск попадают в положение человека в путях, пытающегося состязаться с противником, который обут в легкие тапочки.

Часть III

Стремительный поток.
1940 год

Захват Норвегии

Шестимесячное затишье, наступившее после завоевания Польши, оказалось обманчивым. Новая гроза была тем более неожиданной, что разразилась она не там, где сгущались тучи, а над Скандинавией. Удару гитлеровской молнии подверглись мирные Норвегия и Дания.

9 апреля газеты сообщили о том, что накануне корабли военно-морских сил Англии и Франции вошли в норвежские воды и установили там минные поля, чтобы преградить путь в эти воды кораблям стран, торгующих с Германией. Восторженные отклики по поводу этих мероприятий чередовались в печати с доводами, оправдывающими нарушение нейтралитета Норвегии. Однако газеты отставали от событий, поскольку этим же утром радио передало гораздо более поразительное сообщение: немецкие войска высаживаются в нескольких пунктах на побережье Норвегии и уже вступили в Данию.

Дерзость Германии, не посчитавшейся с превосходством Англии на море, потрясла союзных руководителей. Выступая в этот день в палате общин, премьер-министр Чемберлен сообщил, что немцы высадились на западном побережье Норвегии у Бергена и Тронхейма, а также на южном побережье. Далее Чемберлен сказал: «Получено несколько сообщений о подобной вы-

садке в Нарвике, но я весьма сомневаюсь в их правдоподобности».

Английским руководителям казалось невероятным, что Гитлер рискнет высадиться так далеко на севере, тем более что в этом районе в полном составе находились их собственные военно-морские силы, прикрывавшие установку мин и проведение других мероприятий. Высказывалось предположение, что Нарвик перепутали с Ларвиком, местечком на южном побережье Норвегии. Однако к исходу дня стало известно, что немцы заняли столицу Норвегии Осло и основные порты, включая Нарвик. Все десантные операции проводились одновременно и увенчались успехом.

Однако за скорым разочарованием последовала новая волна иллюзий у англичан. Черчилль, являвшийся тогда первым лордом Адмиралтейства, двумя днями позже заявил в палате общин: «С моей точки зрения, которую разделяют мои опытные советники, господин Гитлер совершил огромную стратегическую ошибку... и мы крупно выиграли от того, что произошло в Скандинавии... Он ввел в бой целый ряд соединений на норвежском побережье, за которое ему теперь придется сражаться, если это будет необходимо, в течение всего лета против держав, обладающих намного превосходящими военно-морскими силами и способных транспортировать эти силы к месту операции с большей легкостью, чем он. Я не вижу какого-либо контрпреимущества, которое он получил... Я полагаю, мы в значительной степени выиграли от... этой грубой стратегической ошибки, на которую был спровоцирован наш смертельный враг»¹⁵.

За этими красивыми словами не последовало никаких практических мер. Действия англичан отличались медлительностью, нерешительностью и несогласованностью. Адмиралтейство, с пренебрежением относившееся к авиации, проявляло осторожность и не хотело рисковать кораблями даже там, где их вмешательство могло бы быть решающим. Еще хуже обстояло дело с использованием сухопутных войск. Правда, в ряде пунктов Норвегии высадились английские десанты, однако меньше чем через две недели все они были эвакуированы. Исключение составлял один опорный пункт у Нарвика, но и тот был оставлен через месяц после начала немецкого наступления на Западе.

Воздушные замки, построенные Черчиллем, с грохотом рушились. И причина тому — крайне неверная оценка обстановки и изменений в современных методах ведения войны, а также непонимание эффективности действий авиации на море.

Однако Черчилль был недалек от истины, когда называл Норвегию ловушкой для Гитлера и говорил о немецком втор-

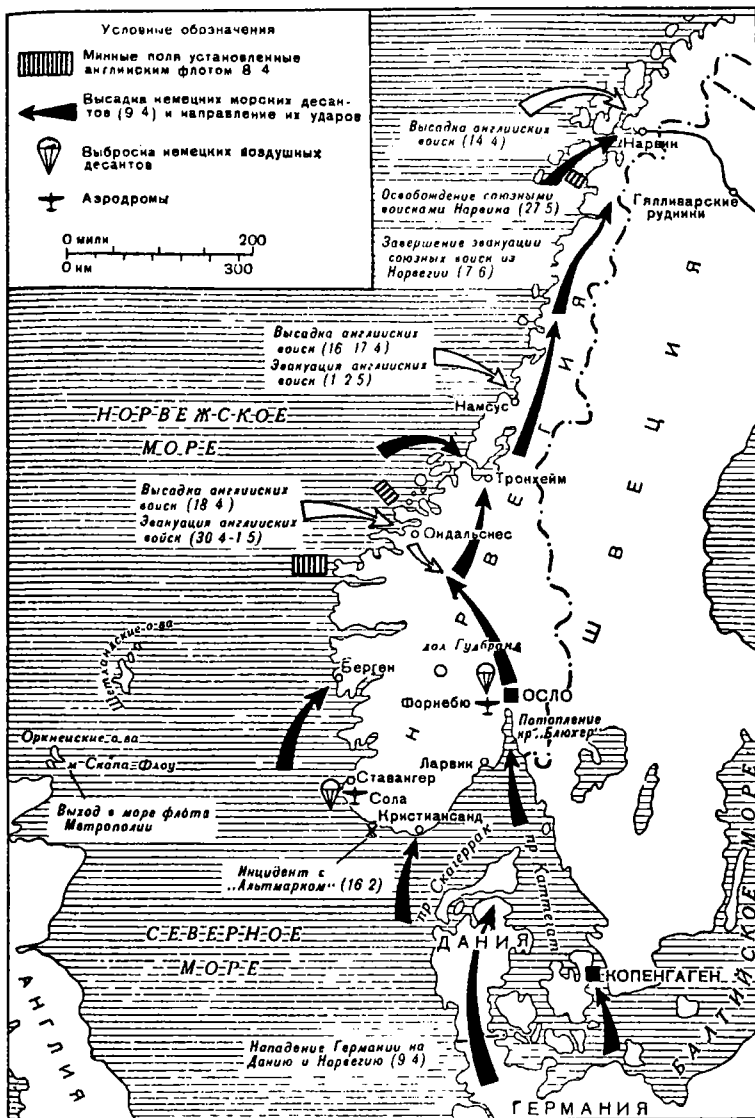

Рис. 2. Нападение Германии на Норвегию

жении как о шаге, на который Гитлер «был спровоцирован». Одно из самых поразительных послевоенных открытий, касающихся этой кампании, как раз и состояло в том, что Гитлер, несмотря на неразборчивость в средствах, предпочел бы оставить Норвегию нейтральной и не планировал вторжения в нее, однако явные признаки готовящихся враждебных акций союзников в этом районе спровоцировали его на этот шаг.

Небезынтересно проследить закулисный ход событий с обеих сторон, хотя тогда было страшно наблюдать, с каким отчаянием государственные деятели старались воздействовать друг на друга, готовя взрыв огромной разрушительной силы. Первый для обеих сторон шаг был сделан 19 сентября 1939 года, когда по настоянию Черчилля (согласно его мемуарам) английский кабинет принял проект создания минного поля в норвежских территориальных водах и «блокирования перевозок шведской железной руды из Нарвика» в Германию. Черчилль утверждал, что этот шаг будет «иметь величайшее значение для подрыва военно-промышленного потенциала противника». Согласно его последующей записке первому морскому лорду, «кабинет, включая министра иностранных дел (лорда Галифакса), единодушно высказался в пользу этой акции».

Все это весьма любопытно и свидетельствует о том, что кабинет был склонен принять предложение, не задумываясь, имеются ли для этого необходимые средства и каковы будут последствия. Аналогичный проект обсуждался в 1918 году, но тогда, как указывается в официальной истории военно-морского флота, «...главнокомандующий (лорд Битти) сказал, что для офицеров и матросов Великого флота было бы в моральном отношении неприемлемо пытаться силой покорить небольшой, но сильный духом народ. Если бы норвежцы сопротивлялись, а так они, возможно, и сделали бы, то была бы пролита кровь. Это представляло бы собой одно из таких же тяжких преступлений, какие совершают немцы». Очевидно, моряки были более щепетильны, нежели государственные деятели, а может, английское правительство в 1939 году, в канун войны, было более склонно к безрассудству, чем в конце Первой Мировой войны.

Министерство иностранных дел, оказывая сдерживающее влияние, вынудило кабинет рассмотреть возражения против выдвинутого проекта о нарушении нейтралитета Норвегии. Черчилль по этому поводу писал: «Аргументы Министерства иностранных дел были весомы, и я не мог доказать своей правоты. Я продолжал отстаивать свою точку зрения всеми средствами и при любом случае»¹⁶. Вопрос о постановке минных полей у берегов Норвегии стал темой дискуссий в более широких кру-

гах, и аргументы в пользу проведения этой операции высказывались даже в прессе. А это вызвало беспокойство и контрмеры со стороны немцев.

Если судить по трофейным немецким документам, то первое упоминание о Норвегии относится к началу октября, когда главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Редер выразил опасения, что норвежцы могут открыть англичанам свои порты, и доложил Гитлеру о возможных стратегических последствиях в случае, если англичане займут эти порты. Редер одновременно отметил, что для действий немецких подводных лодок было бы выгодно получить базы на побережье Норвегии, например в Тронхейме.

Однако Гитлер отверг это предложение. Его мысли были заняты планами наступления на Западе, и он слышать не хотел о каких-либо операциях, могущих отвлечь силы и средства от Западного фронта.

Новым и еще более сильным толчком для обеих сторон явилось наступление русских в Финляндии в конце ноября. Черчилль увидел в этом новую возможность нанести удар по флангу противника под предлогом помощи Финляндии: «Я приветствовал это развитие событий и видел в нем возможность достижения главного стратегического преимущества — лишения Германии доступа к жизненно важным запасам железной руды»¹⁷.

В записке от 16 декабря Черчилль подробно изложил свои доводы в пользу отправки экспедиционных сил в Финляндию, считая эту меру «крупной наступательной операцией». Он признавал, что такие действия, возможно, вынудят немцев оккупировать Скандинавию, поскольку, «если стрелять в противника, он будет отстреливаться». Однако, говорил Черчилль, «мы больше выигрываем, чем теряем, от удара немцев против Норвегии и Швеции» (он, конечно, не обмолвился о том, какие страдания выпадут на долю народов этих скандинавских стран, превращенных таким образом в поле боя).

Большинство членов кабинета все еще сомневалось в правомерности нарушения нейтралитета Норвегии, и потому кабинет не дал санкции на немедленное исполнение настойчивых требований Черчилля. Кабинет, однако, уполномочил комитет начальников штабов «разработать план высадки некоторых сил в Нарвике». Это был конечный пункт на железной дороге, ведущей от шведских рудников в Гялливаре. И хотя отправку экспедиционных сил намечалось осуществить якобы для оказания помощи Финляндии, подспудная и более важная цель заключалась в установлении контроля над шведскими месторождениями железной руды.

В этом же месяце из Норвегии в Берлин прибыл важный гость — бывший министр обороны Квислинг, лидер немногочисленной партии нацистского типа. По прибытии Квислинг встретился с адмиралом Редером и внушил ему опасения относительно того, что в скором времени Англия оккупирует Норвегию. Квислинг просил денег и тайной помощи для осуществления переворота в целях свержения норвежского правительства. Он заверил, что его готовы поддержать несколько высших норвежских офицеров, среди которых начальник гарнизона в Нарвике полковник Сундло. Квислинг обещал отдать Нарвик немцам, которые таким образом опередят англичан.

Редер убедил Гитлера лично побеседовать с Квислингом. Встречи состоялись 16 и 18 ноября. Согласно записи этих бесед, Гитлер сказал, что «предпочел бы видеть Норвегию, как и другие скандинавские страны, нейтральной», поскольку «не хочет расширять театр войны», но, «если противник готовится расширить границы войны, он предпримет шаги к тому, чтобы оградить себя от этой опасности». Квислингу была обещана денежная помощь. Кроме того, Гитлер заверил Квислинга, что изучит вопрос об оказании ему военной помощи.

И все же записи в журнале боевых действий штаба германского военно-морского флота свидетельствуют, что 13 января, то есть еще месяц спустя, командование продолжало считать, что «самым благоприятным решением было бы сохранение нейтралитета Норвегии». Вместе с тем в штабе уже проявлялось беспокойство по поводу того, что «Англия намерена оккупировать Норвегию с молчаливого согласия норвежского правительства».

Что же происходило в стане союзников? Главнокомандующий французской армией генерал Гамелен 15 января направил премьер-министру Даладье записку о важности открытия нового театра войны в Скандинавии. Гамелен представил план, который предусматривал высадку союзных войск в Петсамо, на севере Финляндии, одновременный «захват портов и аэродромов на западном побережье Норвегии», а также возможное «распространение операции на территорию Швеции и оккупацию рудников в Гялливаре».

Естественно, выступление Черчилля по радио и его призыв к нейтральным странам выполнить свой долг, объединившись в борьбе против Гитлера, только разожгли опасения немцев¹⁸.

27 января Гитлер приказал своим военным советникам разработать на случай необходимости детальный план вторжения в Норвегию. Специально сформированный для этой цели штаб провел 5 февраля свое первое заседание.

В этот же день в Париже собрался союзный верховный военный совет. На заседании вместе с Чемберленом присутствовал и Черчилль. Совет одобрил план отправки «на помощь Финляндии» экспедиционных сил в составе двух английских дивизий и несколько меньшего французского контингента. Чтобы избежать открытого столкновения с Россией, эти силы официально представлялись как добровольцы. Вокруг маршрута их следования разгорелся спор. Британский премьер-министр, подчеркивая трудности высадки в Петсамо, настаивал на высадке в Нарвике, поскольку это давало возможность «получить контроль над железорудными месторождениями в Гялливаре». Такова и была основная цель высадки десанта, а на помощь Финляндии предполагалось двинуть лишь часть сил. Доводы англичан одержали верх, и было решено, что экспедиционные силы отправятся в начале марта.

16 февраля произошел роковой инцидент. Преследуемое английскими эсминцами немецкое судно «Альтмарк», на котором из южной Атлантики переправляли английских пленных, укрылось в норвежском фьорде. Черчилль приказал командиру эсминца «Коссака» капитану 1-го ранга Вайану войти в норвежские воды и спасти пленных англичан, находившихся на борту «Альтмарка». Эсминец отогнали две норвежские канонерки, а последовавший за этим протест норвежского правительства против вторжения в норвежские воды был отклонен.

Гитлер рассматривал этот протест всего лишь как жест, имеющий целью обмануть его, и склонялся к убеждению, что норвежское правительство сотрудничает с Англией. Бездействие двух норвежских канонерок и донесение Квислинга о том, что поведение «Коссака» — «заранее подготовленный» акт, лишь укрепило Гитлера в его убеждении. По мнению немецких адмиралов, инцидент с «Альтмарком» сыграл решающую роль в том, что Гитлер согласился начать интервенцию в Норвегию. Это была искра, воспламенившая бикфордов шнур.

Гитлер решил: нельзя ждать, пока Квислинг реализует свои планы, хотя бы потому, что, по сообщениям немецких наблюдателей в Норвегии, партия Квислинга не добилась почти никаких успехов, а, по донесениям из Англии, в районе Норвегии планируется какая-то акция и происходит сосредоточение войск и транспортов.

20 февраля Гитлер вызвал генерала фон Фалькенхорста и поручил ему подготовку экспедиционных сил для высадки в Норвегии, сказав при этом: «Меня информировали о намерении англичан высадиться в этом районе, и я хочу быть там раньше их. Оккупация Норвегии англичанами была бы стратегическим

успехом, в результате которого англичане получили бы доступ к Балтике, где у нас нет ни войск, ни береговых укреплений. Противник сможет двинуться на Берлин и нанести нам решающее поражение».

4 марта Гитлер издал директиву о завершении подготовки к вторжению. Помимо Норвегии намечалось оккупировать также Данию, которая рассматривалась как необходимый стратегический трамплин и опорный пункт для обеспечения немецких коммуникаций.

И все же окончательного решения о вторжении Гитлер еще не принял. Как показывают стенограммы совещаний Гитлера и Редера, фюрер, с одной стороны, продолжал считать, что «сохранение нейтралитета Норвегии — лучший вариант» для Германии, а с другой — опасался высадки англичан в Норвегии. Оценивая планы действий военно-морских сил, 9 марта Гитлер говорил об опасностях предстоящей операции, противоречащей всем принципам ведения войны на море, и в то же время утверждал, что она «срочно необходима».

Неделю спустя озабоченность немецких руководителей возросла, поскольку 13 марта поступило сообщение о том, что английские подводные лодки сосредоточиваются у южных берегов Норвегии: 14 марта была перехвачена радиограмма, в которой союзным транспортам предписывалось быть в готовности к отплытию. И наконец 15 марта в Берген прибыли несколько французских офицеров. Немцы почувствовали, что их наверняка опередят, поскольку их собственные экспедиционные силы еще не были готовы.

Что же в действительности происходило у союзников? Даладье заявил 21 февраля, что инцидент с «Альтмарком» необходимо использовать как повод для «немедленного захвата» норвежских портов «неожиданным ударом». Как утверждал Даладье, подобные действия тем легче будет оправдать в глазах мировой общественности, чем скорее будет проведена операция и чем в большей степени пропаганда окажется способной использовать недавнее соучастие Норвегии в инциденте с «Альтмарком». Выступление Даладье удивительно напомнило речи Гитлера. В Лондоне предложение французского правительства встретили с некоторым сомнением, поскольку английские экспедиционные силы не были готовы, а Чемберлен все еще надеялся, что норвежское и шведское правительства согласятся на вступление союзных войск.

8 марта на заседании военного кабинета Черчилль изложил план, согласно которому намечалось направить крупные силы к Нарвику и немедленно высадить небольшой отряд на берег,

придерживаясь принципа «демонстрации силы, с тем чтобы избежать необходимости ее применения». На следующем заседании 12 марта кабинет «принял решение вернуться к планам высадки в Тронхейме, Ставангере, Бергене, а также в Нарвике».

Десант, высаженный в Нарвике, должен был быстро продвигаться по территории Норвегии к железорудным месторождениям в Гялливаре. Начать операцию планировалось 20 марта.

Однако военное поражение Финляндии и ее капитуляция перед Россией 13 марта расстроили эти планы. Союзники лишились предлога для вступления в Норвегию. Первой реакцией на этот холодный душ явилась отправка во Францию двух дивизий, ранее предназначенных для Норвегии, а в отношении примерно еще одной дивизии решения принято не было. Кроме того, следствием развития событий явилось падение правительства Даладье. Премьер-министром Франции стал Рейно. Новое французское правительство пришло к власти на волне требований более решительной политики и быстрых действий. Рейно 28 марта отправился в Лондон на заседание союзного верховного военного совета, полный решимости настоять на немедленном осуществлении плана вторжения в Норвегию, который так долго отстаивал Черчилль.

Однако никакой нужды в подобном давлении не было, ибо, как пишет об этом Черчилль, Чемберлен уже «стал все больше склоняться к принятию тех или иных решительных мер». Как и весной 1939 года, приняв решение, Чемберлен сразу же стал энергично добиваться его осуществления. Открывая заседание совета, он не только высказался в пользу действий в Норвегии, но и потребовал осуществления плана минирования с воздуха Рейна и других рек в Германии — еще одного любимого детища Черчилля. По этому поводу некоторое сомнение выразил Рейно, заявив, что ему необходимо получить согласие французского военного комитета. В то же время французский премьер-министр решительно высказался за проведение операции в Норвегии.

Планировалось провести 5 апреля минирование норвежских вод, а затем высадить десант в Нарвике, Тронхейме, Бергене и Ставангере. Первый контингент войск должен был отправиться в Нарвик 8 апреля. Но здесь вышла новая задержка: французский военный комитет никак не соглашался на постановку мин в Рейне, опасаясь возможного возмездия со стороны немцев, которое в первую очередь коснется Франции. Никто, конечно, не проявлял подобной озабоченности относительно возмездия, которое падет на голову Норвегии в случае высадки союзных

войск, а Гамелен даже заявил, что одна из целей этой операции — «поймать противника в ловушку, спровоцировав его высадиться в Норвегии». Чемберлен, однако, настаивал на проведении обеих операций и уговорил Черчилля отправиться 4 апреля в Париж, чтобы вновь попытаться убедить французов принять рейнский план. (Попытка была безуспешной.)

Таким образом, план вторжения в Норвегию, получивший кодовое наименование «Уилфред», был на некоторое время отсрочен. Странно, но Черчилль согласился с этой отсрочкой, хотя на заседании военного кабинета, состоявшемся днем раньше, военный министр и Министерство иностранных дел представили сообщения о том, что в портах недалеко от Норвегии сосредоточено большое количество немецких транспортов с войсками. Было высказано довольно абсурдное предположение (удивительно, но ему поверили!) о том, что эти силы находятся в готовности и ожидают высадки английских войск, чтобы нанести контрудар.

Начало операции в Норвегии было отложено на три дня — до 8 апреля. Эта новая отсрочка роковым образом уменьшила шансы союзников на успех в операции, так как дала возможность немцам вторгнуться в Норвегию раньше союзников.

1 апреля Гитлер принял окончательное решение и назначил вторжение в Норвегию и Данию на 05.15 9 апреля. Накануне Гитлеру сообщили, что норвежским зенитным и береговым батареям дано разрешение открывать огонь, не ожидая приказа высшего командования. Это означало, что норвежцы готовились к действиям и что если бы Гитлер промедлил, то потерял бы шансы на достижение внезапности и успех.

Ночью 9 апреля передовые отряды немецких войск, в основном на боевых кораблях, прибыли в главные порты Норвегии — от Осло до Нарвика — и без труда захватили их. Командиры кораблей объявили местным властям, что Германия берет Норвегию под защиту от вторжения союзников. Представители союзников сразу же опровергли утверждение Гитлера о готовящемся ими вторжении в Норвегию.

Как утверждал лорд Ханки, в то время член военного кабинета, «с самого начала планирования и вплоть до немецкого вторжения Англия и Германия держались более или менее на одном уровне в своих планах и подготовке. В действительности Англия начала планирование немного раньше... и обе стороны осуществили свои планы почти одновременно, причем в так называемом акте агрессии, если этот термин действительно применим к обоим сторонам, Англия опередила Германию на 24 часа».

Финишный спурт Германии был более быстрым и мощным. Она выиграла забег с небольшим преимуществом, для выявления которого потребовался чуть ли не анализ данных фотофиниша.

На Нюрнбергском процессе одним из наиболее сомнительных актов было предъявление немецкому руководству обвинения в планировании и осуществлении агрессии против Норвегии. Трудно понять, как же французское и английское правительства одобрили предъявление подобного обвинения и как официальные обвинители могли настаивать на вынесении приговора по этому вопросу. Со стороны правительств этих стран такие действия явились беспрецедентным лицемерием¹⁹.

Если вернуться теперь к рассмотрению хода кампании, то любопытным открытием окажется то, сколь малыми силами были захвачены столица и основные порты Норвегии. В их состав входили 2 линейных крейсера, «карманный» линкор, 7 крейсеров, 14 эсминцев, 28 подводных лодок, ряд вспомогательных судов и около 10 тыс. человек личного состава из передовых подразделений трех дивизий, использованных для вторжения. Ни в одном месте численность первого эшелона десанта не превышала 2 тыс. человек²⁰. В захвате аэродромов в Осло и Ставангере участвовал один парашютно-десантный батальон. Это был первый случай использования парашютных войск в войне, и они оказались весьма эффективным средством. Однако решающую роль в успехе немцев сыграли воздушные силы. В операции против Норвегии участвовало 800 боевых и 250 транспортных самолетов²¹. Авиация буквально ошеломила норвежское население, а затем парализовала контрмеры союзников.

Как же случилось, что английские военно-морские силы не смогли перехватить и уничтожить уступавшие им по всем показателям силы немецкого флота, обеспечившие высадку войск? Конечно, сыграли свою роль обширные морские пространства, характер норвежского побережья и туман. Однако тут следует искать причину в другом. Гамелен пишет, что, когда 2 апреля он потребовал от начальника имперского генерального штаба Айронсайда ускорить отправку экспедиционных сил, последний ответил: «У нас все решает Адмиралтейство. Оно любит проанализировать каждую деталь и убеждено, что может помешать любой попытке немцев высадиться на западном побережье Норвегии».

В 13.25 7 апреля английская авиация обнаружила крупные силы немецкого флота, быстро движущиеся в северном направлении через пролив Скагеррак к побережью Норвегии. Чер-

чилль пишет: «Нам было трудно поверить в то, что эти силы направятся в Нарвик, несмотря на сообщение из Копенгагена о намерении Гитлера захватить этот порт». Английский флот метрополии вышел из Скала-Флоу в 7.30, но, казалось, Адмиралтейство и командование флота озабочены прежде всего охотой за немецкими линейными крейсерами. Пытаясь завязать с ними бой, англичане не учли намерения противника высадить десант в Норвегии и упустили возможность перехватить корабли и транспорты с десантом.

Но если экспедиционные силы уже находились на кораблях и были готовы к отплытию, почему они так медлили с высадкой и не выбили немецкие подразделения до того, как тем удалось закрепиться в норвежских портах? Основная причина изложена в последнем абзаце этой главы. Когда стало известно об обнаружении немецких крейсеров, Военно-морское министерство приказало крейсерам в Розайте «высадить войска десанта на берег даже без снаряжения и присоединиться к флоту в море». Такие же приказы получили в Клайде корабли, на которые также уже были погружены войска.

Почему же норвежцы не оказали более упорного сопротивления столь малым силам вторжения? Прежде всего потому, что они даже не мобилизовали свои силы. Несмотря на предупреждения норвежского посланника в Берлине и требования начальника генерального штаба, приказ о мобилизации был издан лишь в ночь на 9 апреля, то есть за несколько часов до вторжения. Это было слишком поздно, и силы завоевателей, действовавшие в высоком темпе, помешали проведению мобилизации.

Более того, как отмечает Черчилль, норвежское правительство в то время было «озабочено главным образом действиями англичан». Операции англичан по установке мин отвлекли внимание норвежцев именно в те решающие 24 часа, когда высаживались немцы.

Что же касается возможностей норвежцев оказать сопротивление начавшемуся наступлению, то они были очень невелики из-за отсутствия военного опыта и устаревшей организации их вооруженных сил. Норвежцы никоим образом не были подготовлены к тому, чтобы противостоять современному блицкригу даже в том малом масштабе, в каком велись действия в их стране. О слабости сопротивления свидетельствовала и та быстрая, с какой завоеватели, стремясь захватить Норвегию, продвигались по глубоким долинам. Если бы немцы встретили более сильное сопротивление, которое бы задержало их, то снег, таявший по краям долин и затруднявший маневрирование, стал бы серьезным препятствием на их пути.

Если говорить об успехах немцев в первые дни, то наибольшее удивление вызвал захват Нарвика, ибо этот северный порт находился на расстоянии около 2000 км от немецких военноморских баз. Два норвежских корабля береговой обороны храбро встретили немецкие эсминцы, но были быстро потоплены. Силы береговой обороны не предприняли даже попыток к сопротивлению, и, скорее всего, из-за отсутствия боевого опыта. На следующий день флотилия английских эсминцев вошла во фьорд и вступила в бой. Обе стороны понесли равные потери. Новый отряд английских эсминцев во главе с линкором «Уорспайт» прибыл 13 апреля. С немецкими кораблями было покончено, однако к этому времени немецкие войска уже закрепились в Нарвике и вокруг него.

На юге немцы легко овладели Тронхеймом, подавив береговые батареи, прикрывавшие вход во фьорд. Между прочим, союзные эксперты, рассматривая вопросы высадки в Норвегии, всегда считали Тронхейм прекрасным защищенным портом. Овладев Тронхеймом, немцы открыли себе путь к центральным районам Норвегии. Нерешенным оставался лишь вопрос, смогут ли они подкрепить свои небольшие силы в этом районе войсками с юга.

У Бергена немцы понесли некоторые потери от норвежских боевых кораблей и батарей, но, высадившись на берег, не встретили никакого сопротивления.

Однако на подходах к Осло главные силы вторжения получили ощутимый удар: крейсер «Блюхер», на борту которого находилось много военного персонала, был потоплен торпедами из крепости Оскарборг, и немцам пришлось отказаться от попытки войти в залив до тех пор, пока после мощных авиационных налетов крепость не сдалась. Таким образом, задача захвата норвежской столицы была возложена на парашютные войска. Они высадились в аэропорту Форнебю. В полдень этот воздушный десант парадным маршем вступил в город. Однако задержка, вызванная приготовлениями к этому параду, позволила королю и правительству бежать на север.

Захват Копенгагена планировалось осуществить одновременно со вступлением в Осло. К датской столице имелся легкий доступ с моря, и около пяти часов утра под прикрытием авиации небольшие транспорты вошли в бухту. При высадке немцы не встретили никакого сопротивления и один из батальонов выслал вперед для неожиданного захвата казарм противника. В это же время немцы перешли сухопутную границу Дании в Ютландии. После короткой перестрелки сопротивление датчан было подавлено²².

Оккупация Дании обеспечила немцам контроль над укрытым морским коридором, ведущим от немецких портов к южным берегам Норвегии, а также аэродромы, с которых они могли оказывать поддержку своим войскам в этом районе. Датчане могли сопротивляться и дольше, однако их страна оказалась настолько уязвимой, что вряд ли была способна защищаться от мощного нападения с применением современного оружия.

В результате более быстрых и решительных действий союзники могли бы отбить два ключевых пункта в Норвегии, которые немцы захватили утром, поскольку в момент высадки немецких войск главные силы британского флота под командованием адмирала Форбса находились недалеко от Бергена. Форбс предложил атаковать находящиеся там немецкие корабли. Адмиралтейство согласилось с его предложением и в свою очередь наметило нанести подобный удар в Тронхейме. Однако позже было решено отложить атаку на Тронхейм до тех пор, пока не будут выслезены немецкие крейсера. Тем временем отряд в составе четырех крейсеров и семи эсминцев был направлен в Берген. Однако после донесения воздушной разведки о том, что в районе Бергена находятся два немецких крейсера, а не один, как сообщалось раньше, Адмиралтейство не решилось атаковать противника.

Когда же немцы закрепились в Норвегии, единственно, чем можно было ослабить их позиции, — это нарушить коммуникации, лишить их возможности подвоза средств материального обеспечения и подкрепления. Для этого предстояло блокировать пролив Скагеррак между Данией и Норвегией. Однако вскоре стало ясно, что Адмиралтейство, опасаясь налетов немецкой авиации, не хочет посылать в этот район другие корабли, кроме подводных лодок. Подобная осторожность показывала, что Адмиралтейство наконец поняло свою довоенную ошибку, когда недооценивало роль авиации в боевых действиях на море. Однако теперь идея Черчилля о распространении военных действий на Скандинавию повисла в воздухе, ибо, пока не были блокированы коммуникации немцев, ничто не могло остановить наращивания ими сил в южных районах Норвегии.

Однако еще можно было помешать немцам захватить центральные районы Норвегии, если бы удалось удержать два горных дефиле, ведущих от Осло к северу, и уничтожить немногочисленный немецкий десант в Тронхейме. Эту цель и поставили перед собой англичане. Неделю спустя после вторжения немцев они высадились севернее и южнее Тронхейма, соответственно у Намсуса и Ондальснеса, чтобы нанести удар на Тронхейм.

Однако вслед за принятием решения о высадке в районе Тронхейма произошел ряд странных инцидентов. Командовать войсками было поручено способному военачальнику генералу Хотблеку, но через несколько часов после получения им в Адмиралтействе инструктажа его нашли в бессознательном состоянии. Возможно, это был сердечный приступ. На следующий день назначили другого командующего. Он немедленно вылетел в Скапа-Флоу, но при посадке самолет врезался в землю.

Странные перемены во взглядах произошли в комитете начальников штабов и Адмиралтействе. Они одобрили было план операции, однако на следующий день, испугавшись риска, выступили против него. И хотя Черчилль, возможно, предпочел бы сконцентрировать внимание на Нарвике, он был весьма огорчен тем, что комитет начальников резко изменил свое мнение.

На сей раз комитет начальников штабов решил усилить войска десанта в Намсусе и Ондальснесе для наступления на Тронхейм. Теоретически возможность представлялись хорошими: в этом районе находилось менее 2 тыс. немецких солдат, в то время как союзники высадили 13 тыс. человек. Однако предстояло покрыть большое расстояние, продвижение затруднял снег, а в преодолении препятствий союзные войска оказались менее способными, чем немцы. Продвижению к югу от Намсуса мешала угроза с тыла, возникшая вследствие высадки нескольких небольших немецких отрядов у входа в Тронхейм-Фьорд при поддержке эсминца. Десант, высадившийся в Ондальснесе, вместо продвижения к северу на Тронхейм вскоре перешел к обороне, отражая натиск немецких войск, которые направлялись из Осло на север по долине Гудбранд. Поскольку английские войска постоянно подвергались налетам немецкой авиации, а сами не получали авиационной поддержки, командование решило эвакуировать десант; 1 и 2 мая обе десантные группы были эвакуированы, и, таким образом, немцы стали полностью контролировать южные и центральные районы Норвегии.

Теперь союзники сосредоточили свои усилия на овладении Нарвиком в основном по соображениям престижа, так как выйти к шведским железорудным месторождениям они не надеялись. Первый десант англичан в этом районе высадился 14 апреля, однако величайшая осторожность, какую проявлял генерал Маккези, исключила возможность быстрого наступления на Нарвик, хотя командующий объединенными силами в этом районе адмирал Корк настоятельно требовал решительных

действий. Даже когда численность войск десанта достигла 20 тыс. человек, темпы продвижения англичан почти не увеличились. С другой стороны, 2 тыс. австрийских альпийских стрелков и примерно столько же моряков с немецких эсминцев под командованием опытного генерала Дитла оборонялись весьма умело. Англичане не сумели овладеть Нарвиком до 27 мая. Немцы же к этому времени глубоко вклинились на Западном фронте на территорию Франции, и последняя была уже на грани падения. Союзные силы 7 июня были эвакуированы из Нарвика.

В решении скандинавской проблемы союзные правительства проявили чрезмерную агрессивность и полное отсутствие чувства времени, что принесло норвежскому народу лишь несчастье. Гитлер же, напротив, единственный раз проявил терпение и долго не наносил удара. Однако, приняв окончательное решение опередить западные державы, он не терял времени, и его войска быстрыми и решительными действиями в самые критические моменты в достаточной степени сумели компенсировать свою малочисленность.

Завоевание Запада

10 мая 1940 года войска Гитлера прорвали оборону на Западе. Ход мировых событий изменился, что повлекло за собой тяжелые последствия для будущего всех народов. Решающий акт драмы, потрясшей весь мир, начался 13 мая, когда танковые соединения Гудериана форсировали р. Маас у Седана.

10 мая беспокойный, энергичный Черчилль стал премьер-министром Великобритании, заменив на этом посту Чемберлена.

Немцы быстро расширили участок прорыва, и через образовавшуюся брешь хлынули немецкие танки. Неделью спустя они вышли к побережью Па-де-Кале и таким образом отрезали союзные армии в Бельгии. Эта катастрофа привела к падению Франции и изоляции Англии. И хотя Англии удалось удержаться за своей водной преградой, спасение пришло лишь после долгой мировой войны, в которую вылился затянувшийся конфликт. В конце концов усилиями Америки и России Гитлер был раздавлен.

После прорыва у Седана развал французского фронта стал неизбежным, а натиск гитлеровских войск неотразимым. И все же высшие офицеры германской армии мало верили в перспективы наступления, которое они начали против своего желания по настоянию Гитлера. В решающий мо-

мент Гитлер сам вдруг потерял веру в успех и приказал на два дня остановить наступление. Это случилось как раз тогда, когда оборона французской армии была прорвана и войска получили возможность беспрепятственно продвигаться вперед. Если бы французы сумели использовать эту передышку, то шансы Гитлера на успех резко бы пали.

И самое странное заключалось в том, что Гудериан, руководивший действиями ударной группировки, неожиданно был отстранен от командования²⁵. Очевидно, высшее начальство стремилось поскорее затормозить темпы развития достигнутого им успеха. И если бы не «ошибка» Гудериана, осмелившегося наступать слишком стремительно, операция потерпела бы неудачу и события в мире развивались бы иначе.

Гитлеровские армии отнюдь не обладали тем огромным превосходством, какое им приписывали, а на самом деле были значительно малочисленнее армии противника. И хотя решающую роль сыграли танки, Гитлер имел этих боевых машин меньше, чем противник, да и сами танки были у него хуже. Только в авиации Гитлер действительно обладал превосходством²⁶.

Более того, задача практически была решена лишь небольшой частью сил и раньше, чем вступили в дело основные силы немцев. Помимо авиации решающую роль сыграли десять танковых дивизий, одна парашютная и одна воздушно-десантная дивизии. А всего в этом районе Гитлер сосредоточил 135 дивизий.

Успех, достигнутый новым родом войск, был настолько ослепительным, что не только покрыл малочисленность использованных сил, но и заслонил угрозу поражения, висевшую над ними. Этого успеха немцы могли бы и не добиться, если бы не грубые ошибки союзников, возникшие вследствие преобладания устаревших военно-теоретических взглядов. Но даже при всей недалекости союзного руководства успех наступления в опасной степени зависел только от удачи и решительности Гудериана в использовании открывавшихся перед ним возможностей.

Битва за Францию — один из наиболее ярких примеров решающей роли новых взглядов, проводимых в жизнь энергичным исполнителем. Гудериан рассказывал, что еще задолго до войны он вынашивал идею глубокого стратегического прорыва силами самостоятельных танковых соединений с целью перерезать тыловые коммуникации армии противника. Энтузиаст развития бронетанковых войск, Гудериан понял потенциальные возможности этого рода войск, созданного после Пер-

вой Мировой войны на основе новых английских военно-теоретических взглядов. Многие высшие немецкие генералы отнесли к этим взглядам с таким же сомнением, как и английские и французские руководители, считая их неосуществимыми в боевых условиях. Однако, когда началась война, Гудериан улучил момент, чтобы, несмотря на сомнения своего высшего командования, реализовать потенциальные возможности нового рода войск. Эффект был поистине потрясающим.

Немецкое наступление на Западном фронте началось с ошеломляющих успехов на правом фланге — с овладения ключевыми пунктами обороны нейтральных Бельгии и Голландии. Эти удары, нанесенные воздушно-десантными войсками, настолько приковали к себе внимание союзников, что на несколько дней отвлекли их от главного удара, который нацеливался через Арденны в самое сердце Франции.

Ранним утром 10 мая в столице Голландии Гааге и важном узле коммуникаций Роттердаме высадились воздушно-десантные войска. Одновременно немцы атаковали пограничные оборонительные позиции Голландии. Смятение и тревога, вызванные этим двойным ударом с фронта и тыла, усиливались угрозой нападения немецких военно-воздушных сил. Используя панику в рядах противника, немецкие танковые соединения прорвались на юге и на третий день вышли к Роттердаму, где высадился воздушный десант. Это произошло под самым носом у французской 7-й армии, которая направлялась на помощь голландцам. На пятый день голландцы капитулировали, хотя их основной фронт так и не был прорван. Угроза налетов немецкой авиации на густонаселенные районы города ускорила капитуляцию.

По численности немецкие войска значительно уступали противнику. Более того, решающий прорыв был осуществлен всего лишь одной 9-й танковой дивизией, единственной, которую немцы могли выделить для наступления в Голландии. На пути ее продвижения находилось множество каналов и широких рек, где можно было легко организовать оборону. Успех этой дивизии зависел главным образом от успеха воздушного десанта.

Содержание плана действий немецких войск изложено в показаниях командующего воздушно-десантными войсками генерала Штудента: «Ограниченность сил вынуждала нас сосредоточить усилия на двух объектах — пунктах, которые представлялись наиболее важными для успеха вторжения. Главный удар под моим командованием имел целью захватить мосты у Рот-

тердама, Дордрехта и Мердйика, через которые открывался путь к устью Рейна. Наша задача заключалась в том, чтобы захватить эти мосты раньше, чем голландцы успеют взорвать их, и удержать до прибытия наших мобильных соединений. В моем распоряжении были четыре парашютных батальона и один десантно-посадочный полк. Мы добились полного успеха, потеряв лишь 180 человек. Мы не могли не выполнить задачу, ибо в противном случае обрекалось на неудачу вторжение в целом».

Сам Штудент в этих боях был ранен в голову и вышел из строя на восемь месяцев.

Вспомогательный удар наносился в направлении на Гаагу. Он имел целью захватить членов правительства и таким образом дезорганизовать управление страной. Здесь действовали один парашютный батальон и два десантно-посадочных полка под общим командованием генерала графа Спонека. Однако этот удар, вызвавший сначала смятение у голландцев, был отражен.

Вторжение в Бельгию началось сенсационно. Здесь наземные войска были представлены 6-й армией под командованием Рейхенау, в состав которой входил 16-й танковый корпус Гёппнера. Для поддержки действий этих сил было выделено всего лишь 500 десантников. Перед ними стояла задача захватить два моста через Альберт-канал и самый современный бельгийский форт Эбен Эмаэль.

Этот небольшой отряд, однако, в корне изменил ход операции. Дело в том, что к бельгийской границе в этом районе можно подойти только через южный выступ голландской территории. Значит, как только немецкие войска пересекли бы границу Голландии, бельгийская пограничная охрана Альберт-канала могла бы успеть взорвать мосты, поскольку вторгшимся войскам предстояло преодолеть расстояние в 25 км по голландской территории. Внезапная высадка воздушного десанта ночью обеспечила единственную возможность сохранить важные мосты.

В Бельгии немцы использовали весьма ограниченные силы воздушно-десантных войск. Правда, печать сообщала, что высадка воздушных десантов осуществляется в нескольких районах и что десантируемые войска исчисляются в тысячах. Как объяснил генерал Штудент, немцы широко применяли выброску чучел, чтобы создать впечатление многочисленности десантируемых войск. Эта уловка оказалась весьма эффективной. Расчет на тенденцию печати преувеличивать масштабы операций оправдал себя.

Неожиданное нападение на форт Эбен Эмаэль осуществил небольшой отряд из 75 десантников-саперов²⁵ под командованием лейтенанта Витцига. Потери отряда составили всего шесть человек.

Форт, хорошо оборудованный для отражения любой угрозы, не был готов к высадке воздушного десанта. С крыши каземата горстка десантников в течение суток держала под контролем гарнизон в 1200 человек, пока не прибыли немецкие сухопутные войска.

Бельгийская охрана мостов также была застигнута врасплох. На одном мосту охрана успела поджечь шнур для взрыва моста, но ворвавшиеся в бункер десантники в самый последний момент предупредили взрыв.

Необходимо отметить, что в соответствии с планом обороняющиеся взорвали мосты по всему фронту вторжения, за исключением тех районов, где немцы использовали воздушные десанты. Это показывает, насколько рискованно действовали немцы, ибо успех вторжения целиком зависел от фактора времени.

К утру второго дня операции немецкие войска форсировали канал и прорвали оборону бельгийских войск. Затем 3-я и 4-я танковые дивизии под командованием Гёппнера по сохранившимся мостам устремились вперед на широкие равнины. Их прорыв вынудил бельгийцев начать общее отступление, хотя в тот момент к ним на помощь уже стали прибывать французские и английские войска.

Прорыв немецких войск в Бельгии не играл решающей роли в наступлении на Западном фронте, но все же оказал большое влияние на ход кампании. Помимо того что внимание союзников было отвлечено в ложном направлении, начавшиеся бои сковали значительные силы мобильных войск. Союзникам так и не удалось вывести из боя и перебросить мобильные войска на юг, чтобы отразить более опасную угрозу, неожиданно возникшую 13 мая на французской границе в наиболее слабо защищенной ее части — неподалеку от западной оконечности линии Мажино, где еще не было закончено строительство укреплений.

Ударные механизированные соединения группы армий Рундштедта продвигались через Люксембург и по бельгийской территории к Франции. Пройдя 120 км через Арденны, они, почти не встретив сопротивления, пересекли французскую границу и на четвертый день операции достигли рубежа р. Маас.

Использовать такую массу танков и автомашин на местности, которая считалась стратегами «непроходимой», неприемле-

мой для ведения наступательных операций, а тем более для действий танков, было рискованно. Однако наступление на этом направлении обеспечивало внезапность действий, а наличие лесов позволяло скрытно подготовить и сосредоточить силы для удара.

И все-таки именно французское верховное командование в наибольшей степени способствовало успеху Гитлера. Разрушительный эффект удара через Арденны можно объяснить прежде всего особенностями французского плана, который, по мнению немцев, полностью отвечал их собственному пересмотренному плану. И роковыми для французов оказались не их оборонительная стратегия или вера в неприступность линии Мажино, а их планы наступательных действий. Вклинившись в Бельгию левым крылом своих войск, французы попали в ловушку. Чем дальше продвигались эти соединения в Бельгию, тем больше возрастала уязвимость их тыла от удара войск группы армии Рундштедта из Арденн. Положение усугублялось тем, что фланги и тыл наступающих франко-английских армий прикрывались несколькими «второсортными» французскими дивизиями, которые были укомплектованы призванным из запаса личным составом старших возрастов и испытывали недостаток в противотанковых и зенитных орудиях. То, что тыл и фланги остались столь слабо защищенными, было самой грубой ошибкой французского верховного командования, возглавляемого Гамеленом и Жоржем.

Наступление через Арденны, запланированное как искусная операция, потребовало слаженной работы штабов. Незадолго до рассвета 10 мая на границе Люксембурга было сосредоточено невиданное количество танков. Здесь расположилось три танковых корпуса. В первом и втором эшелонах должны были наступать танковые дивизии, а в третьем — моторизованные дивизии. Ударной группой командовал генерал Гудериан, а общее руководство осуществлял генерал Клейст.

Справа от группы войск Клейста находился отдельный 15-й танковый корпус под командованием Гота, который должен был прорваться через северную часть Арденн к р. Маас между Живе и Динаном.

Однако семь танковых дивизий составляли лишь часть огромной массы войск, которая расположилась вдоль границы и была готова устремиться в Арденны. Всего на довольно узком фронте сосредоточилось около 50 дивизий, эшелонированных в глубину.

Успех зависел от того, насколько быстро удастся немецким танковым войскам пройти через Арденны и форсировать р. Ма-

ас. Только после форсирования этой водной преграды танки обрели бы пространство для маневра. Реку же следовало форсировать прежде, чем французское верховное командование осознает происходящее и соберет резервы для отражения удара.

Гонка была выиграна, хотя и с небольшим преимуществом. Результат мог быть иным, если бы обороняющиеся сумели воспользоваться тем затруднительным положением, в которое попали немцы в результате взрывных работ, проведенных французами по заранее разработанному плану. К сожалению для французов, эти работы не были подкреплены соответствующими усилиями войск. Французское командование считало, что вторгшегося противника сумеют задержать кавалерийские дивизии. А между прочим, танковый контрудар во фланг немецким войскам на этом этапе, возможно, позволил бы остановить наступление. Немецкое командование как раз опасалось вероятного контрудара противника по левому флангу наступающих войск.

Видя, как успешно развивается наступление, Клейст 12 мая согласился наконец с Гудерианом, что необходимо форсировать р. Маас, не дожидаясь подхода пехотных соединений. Поддержать действия войск при форсировании этого водного рубежа предполагалось крупными силами авиации, включавшими двенадцать эскадрилий пикирующих бомбардировщиков. Бомбардировщики появились в районе боев 13 мая и обрушили на французских артиллеристов такой град бомб, что тем пришлось отсиживаться в блиндажах до самой ночи.

Главный удар войска Гудериана наносили в полосе шириной около 2 км западнее Седана. Выбранный участок создавал прекрасные условия для форсирования. Река здесь резко поворачивала на север в направлении Сент-Менжа, а потом снова на юг, образуя своеобразную петлю. Высоты на северном берегу, покрытые лесом, позволяли скрытно вести подготовки к наступлению, обеспечивали маскировку огневых позиций и отличные условия для корректировки артиллерийского огня. Из района Сент-Менжа хорошо просматривались все пространство в излучине реки и поросшая лесом высота Буа-де-Марфе.

Наступление началось в 16.00. В первом эшелоне реку форсировали на лодках и плотках пехотные подразделения. Затем на паромках стали переправляться легкие автомобили. Наступающие немецкие войска быстро захватили пространство в излучине реки и устремились к Буа-де-Марфе и южным высотам. К полуночи войска вклинились в территорию на 8 км. К этому же времени было закончено строительство моста у Глер (между

Седаном и Сент-Менжем), по которому на противоположный берег реки устремились танки.

И все же положение немцев утром 14 мая еще нельзя было считать прочным, поскольку реку форсировала всего лишь одна дивизия и в распоряжении наступающих находился только один мост, по которому переправлялись резервы и подвозились средства материального обеспечения. Этот мост подвергся мощной атаке союзной авиации, которая решила воспользоваться временной благоприятной возможностью, поскольку все силы немецкой авиации были сосредоточены в другом районе. Однако зенитно-артиллерийский полк из состава корпуса Гудериана обеспечил надежное прикрытие важного моста, и атаки союзной авиации с тяжелыми для нее потерями были отбиты.

К полудню все три танковые дивизии Гудериана переправились через реку. Отразив запоздалую контратаку французских войск, Гудериан неожиданно повернул на запад. К исходу следующего дня немецкие танки прорвали последнюю оборонительную позицию противника и открыли себе путь на запад — к побережью Па-де-Кале.

Ночью на долю Гудериана выпало нелегкое испытание. Гудериан пишет: «Из штаба танковой группы пришел приказ остановить наступление и ограничиться тем плацдармом, который заняли войска. Я не мог согласиться и никогда бы не согласился с подобным приказом, поскольку это означало утрату внезапности действий и сводило к нулю наш первоначальный успех».

После жаркого спора по телефону Клейст согласился «разрешить продвижение еще в течение 24 часов с целью расширения захваченного плацдарма».

Из этого осторожного разрешения Гудериан извлек максимум выгоды: танковым дивизиям была дана полная свобода действий. Прорыв трех дивизий Гудериана совпал с наступлением двух дивизий Рейнхардта, форсировавших р. Монтерме, а также двух дивизий Гота, форсировавших реку близ Динана. Сопrotивление французских войск было полностью подавлено, и немцы получили возможность беспрепятственно продвигаться вперед.

К ночи 16 мая немецкие войска продвинулись более чем на 80 км по направлению к Па-де-Кале и вышли к р. Уаза. Но тут они снова остановились — опять по приказу свыше.

Немецкое высшее командование было удивлено той легкостью, с какой войска преодолели р. Маас, и никак не могло поверить своей удаче. Оно все еще опасалось мощного контр-

удара французских войск во фланг. Гитлер разделял эти опасения и потому наложил запрет на дальнейшее продвижение, задержав его на два дня, чтобы подтянуть пехотные соединения и создать фланговый заслон по р. Эна.

После обсуждения вопроса в высших командных инстанциях Гудериан получил разрешение «продолжать активную разведку». В понятие «активная разведка» Гудериан вкладывал весьма широкий смысл, что дало ему возможность в значительной степени сохранить темпы наступления в течение всей двухдневной паузы, когда пехотные корпуса 12-й армии начали формировать фланговый заслон по р. Эна. Затем Гудериан получил разрешение свободно продвигаться к побережью Падде-Кале.

На предыдущих этапах было выиграно так много времени и противник был настолько дезорганизован, что пауза на р. Уаза не повлияла на успех немцев. Эта пауза лишь со всей очевидностью показала значительную разницу между быстротой реакции немцев и их противников.

По словам командующего фронтом генерала Жоржа, французы рассчитывали, что оборудованные на бельгийской границе препятствия задержат выход немецких войск к р. Маас «по крайней мере на четыре дня». Начальник штаба фронта генерал Думенк писал: «Полагая, что противник будет действовать обычными методами, мы считали, что он не попытается форсировать р. Маас, пока не подтянет достаточное количество артиллерии. Необходимые для этого пять-шесть дней дали бы нам возможность подтянуть резервы».

На каждом этапе кампании решающую роль играл фактор времени. Контрудары французских войск раз за разом срывались из-за того, что французское верховное командование действовало слишком медленно, не успевая за развитием событий, в то время как немецкие войска продвигались даже быстрее, чем планировало их верховное командование.

Французы предполагали, что немцы начнут форсировать р. Маас не раньше девятого дня наступления. Примерно такие же сроки устанавливало и немецкое командование, пока не вмешался Гудериан. Когда же планы французов расстроились, последовало самое худшее. Французские военачальники, привыкшие к медлительным методам времен Первой Мировой войны, оказались морально неспособными справиться с танковым прорывом, и это обстоятельство парализовало все их действия.

Одним из немногих среди союзников, кто вовремя осознал опасность, был новый французский премьер-министр Рей-

но. Еще до войны он призывал своих соотечественников развивать бронетанковые войска. Хорошо понимая их эффективность, Рейно 15 мая позвонил Черчиллю и сказал: «Мы потерпели поражение». Черчилль на это ответил: «Опыт показывает, что наступление должно остановиться. Я помню 21 марта 1918 года. После пяти или шести дней они вынуждены были остановиться, чтобы подтянуть тылы, и тогда представилась возможность для контрнаступления. Так говорил мне маршал Фош»²⁶.

На следующий день Черчилль вылетел в Париж, где категорически возражал против вывода войск союзников из Бельгии. Тем не менее Гамелен слишком медлил с их выводом. Он планировал контрудар, придерживаясь методов 1918 года, то есть намечал использовать большое число пехотных дивизий. Черчилль слепо верил в успех этого предприятия. К сожалению, Гамелен продолжал идти по проторенной дорожке, хотя он, как никто другой во Франции, имел возможность принять решительные меры.

Рейно решил сместить Гамелена и вызвал из Сирии генерала Вейгана. Вейган прибыл лишь 19 мая, и, таким образом, в течение трех дней французская армия фактически не имела главнокомандующего. Войска 20 мая Гудериана вышли к Па-де-Кале, отрезав коммуникации союзных армий в Бельгии. А Вейган оказался еще более старомодным, чем Гамелен, и тоже продолжал планировать боевые действия по образцу 1918 года, так что надежда на улучшение положения исчезла.

В общем, союзные руководители делали все или с запозданием, или неверно. В итоге они так и не смогли предотвратить катастрофу.

Английским экспедиционным силам удалось эвакуироваться из Дюнкерка только потому, что в это время в ход боевых действий вмешался Гитлер. Когда немецкие танки захватили север Франции и отрезали английскую армию от ее баз, Гитлер вдруг остановил продвижение ударной группировки. Это произошло как раз в тот момент, когда немецкие танки готовы были ворваться в Дюнкерк — единственный порт, через который англичане могли эвакуировать свои войска. В то время главные силы английских войск находились еще на большом удалении от порта. Однако Гитлер задержал свои танки на три дня!

Приказ Гитлера фактически сохранил английским солдатам жизнь, когда, казалось, уже ничто не могло их спасти. Позволив английским войскам улизнуть, Гитлер дал им шанс

восстановить силы, продолжать войну, организовать оборону побережья своей страны и не допустить вторжения противника. Понимая, что возможность эвакуироваться из Дюнкерка была ничтожной, и не зная причин, обусловивших эту возможность, английский народ заговорил о «дюнкерском чуде».

Почему же Гитлер отдал роковой приказ остановить наступление? Даже для немецких генералов осталось и, возможно, навсегда останется загадкой, как фюрер пришел к этому решению и каковы были его мотивы. Даже если бы Гитлер и дал какое-то объяснение, ему вряд ли можно было поверить. Люди, занимающие высокий пост и совершающие роковую ошибку, редко говорят об этом правду, а Гитлер был одним из тех, кто не очень-то любит правду. Более вероятно даже, что его свидетельство только перепутало бы все следы. Также весьма вероятно, что он и сам не смог бы дать правдоподобного объяснения, даже если бы и захотел этого, ибо мотивы его поступков часто зависели от настроения, а порывы были изменчивы.

После долгих исследований этого критического события историки получили достаточно данных, чтобы не только восстановить всю цепь событий, но и вскрыть причинную связь, приводящую к этому роковому решению.

Отрезав линии снабжения левому крылу союзных войск в Бельгии, танковый корпус Гудериана вышел 20 мая к морю недалеко от Абвиля. Затем Гудериан стал продвигаться дальше на север, к портам в Па-де-Кале, в тыл английской армии, которая еще находилась в Бельгии и едва сдерживала натиск пехотных соединений Бока. Во время продвижения на север справа от Гудериана действовал танковый корпус Рейнхардта, входивший в состав группы армий Клейста.

22 мая войска Гудериана отрезали пути отступления англичан к Булони, а на следующий день — к Кале. Они вышли к Гравлину, расположенному всего лишь в 15 км от Дюнкерка — единственного порта, оставшегося в распоряжении англичан. Танковый корпус Рейнхардта также вышел к каналу на участке Эр, Сент-Омер, Гравлин. И вот здесь продвижение танков было остановлено приказом свыше. Командиры танковых соединений получили приказ остановиться у канала. На многочисленные вопросы и протесты ответ был один: «Это личный приказ фюрера».

Прежде чем проанализировать это спасительное вмешательство Гитлера, давайте посмотрим, что происходило в это время у англичан, и проследим за ходом эвакуации.

16 мая командующий английскими экспедиционными силами генерал Горт отвел свои войска с передовых позиций у Брюсселя. Но прежде чем они заняли новые позиции на р. Шельда, Гудериан перерезал коммуникации английских экспедиционных сил на юге. 19 мая кабинету доложили, что Гарт «изучает возможность отхода к Дюнкерку, если в этом возникнет необходимость». И хотя кабинет знал, что в войсках Гарта продовольствия осталось на четыре дня, а боеприпасов на один бой, все же отправил Гарту директиву двигаться в глубь Франции в южном направлении, сквозь боевые порядки прорвавшихся немецких войск.

Эта директива соответствовала плану, разработанному французским главнокомандующим Гамеленом. Однако в тот же день Гамелен был отстранен и заменен Вейганом. Новый главнокомандующий немедленно отменил приказ Гамелена, однако через три дня предложил план, который, по сути дела, ничем не отличался от плана его предшественника и осуществить который было уже нельзя.

Сам Горт утверждал, что директива кабинета неосуществима, однако попытался нанести удар в южном направлении от Арраса силами двух пехотных дивизий и одной бронетанковой бригады. (Всего у Горты было 13 пехотных дивизий.) Фактически в контрударе, нанесенном 21 мая, участвовало только два танковых и два пехотных батальона. Танки сумели немного продвинуться вперед, но не были поддержаны пехотой, поскольку она подверглась налетам пикирующих бомбардировщиков. Французская 1-я армия должна была выделить для участия в этом контрударе две дивизии, но это оказалось невыполнимо. Налеты пикирующих бомбардировщиков и быстрый натиск немецких танков парализовали французов.

Тем не менее примечательно, какой панический страх нагнал этот неудавшийся контрудар на высшее военное немецкое командование, если оно сразу же решило остановить наступление своих ударных танковых соединений. Сам Рундштедт назвал этот момент «критическим»: «В течение некоторого времени мы опасались, что наши танковые дивизии будут отрезаны раньше, чем подойдут пехотные дивизии»²⁷. Все это свидетельствует о том, какая важная перемена произошла бы во всей кампании, если бы англичане нанесли контрудар не двумя танковыми батальонами, а двумя танковыми дивизиями.

После осечки в Аррасе союзные армии, находившиеся на севере, не делали никаких дальнейших попыток вырваться из западни. Запоздалое наступление, предпринятое Вейганом с целью оказания им помощи с юга, фактически явилось фарсом.

Наступление разбилось о заслон из немецких моторизованных дивизий на р. Сомма. Этот заслон был создан немцами, чтобы пресекать любые попытки союзников задержать продвижение танковых дивизий на север. При той медлительности, которая отличала действия войск Вейгана, его высокопарные приказы имели не больше практического значения, чем обращение Черчилля к армиям, где он призывал отбросить мысли об обороне на каких-то рубежах и перехватить инициативу путем «решительных и стремительных атак».

В то время как в высших кругах продолжали обсуждать нереальные планы, армии, отрезанные от главных сил союзников, откатывались к побережью Па-де-Кале. Избежав смертельного удара танковых войск с тыла, они оказались под усиливающимся фронтальным давлением пехотных соединений Бока.

24 мая Вейган сетовал на то, что «английская армия по собственной инициативе отошла на 40 км, в то время как французские войска двинутся на север, чтобы соединиться со своими союзниками». В действительности же наступление французских войск с юга не дало сколько-нибудь ощутимого результата, а англичане и не начинали отход. Заявление Вейгана, таким образом, отражало его смятение.

Вечером 25 мая Горт принял окончательное решение отойти к морю, в район Дюнкерка. Немецкие танковые соединения вышли в этот район на 48 часов раньше и остановились у канала, находящегося всего в 15 км от порта. На следующий день 26 мая, английский кабинет дал санкцию Военному министерству направить Горту телеграмму с одобрением принятого им решения и уполномочил Горта провести эту операцию. На следующий день Горт получил телеграмму, предписывавшую ему эвакуировать экспедиционные силы морем.

В этот же день войска Бока прорвали оборону бельгийской армии. У бельгийцев не оказалось никаких резервов, чтобы ликвидировать этот прорыв. Король Леопольд через адмирала Кейеса посылал Черчиллю предупреждение за предупреждением о том, что положение становится безнадежным. После удара немцев безнадежность положения стала фактом. Большая часть Бельгии была уже захвачена, а бельгийская армия оказалась прижатой к морю на узком клочке территории, где к тому же скопилось огромное число беженцев. Вечером 26 мая король решил просить о перемирии, и на следующее утро был отдан приказ о прекращении огня.

В результате капитуляции Бельгии над английскими экспедиционными силами нависла опасность того, что они лишатся пути отхода к Дюнкерку. Черчилль обратился к королю Лео-

польду с призывом держаться. В личной беседе с Гортом он назвал этот призыв «просьбой пожертвовать собой ради нас». Окруженные бельгийцы, хорошо понимая, что английские экспедиционные силы собираются эвакуироваться, восприняли этот призыв в ином смысле, чем имел в виду Черчилль. У короля Леопольда не было желания следовать совету Черчилля «бежать на самолете, пока не поздно».

Отступление англичан к побережью приняло характер отчаянной гонки. Англичане хотели опередить немцев и погрузиться на корабли раньше, чем захлопнется западня, поэтому английское командование уже не обращало никакого внимания на горькие протесты и упреки французов. К счастью, в Лондоне еще неделю назад предприняли подготовительные меры, хотя и в силу иных предположений. Черчилль 20 мая одобрил мероприятия, имеющие целью «собрать как можно больше мелких судов и держать их в готовности направиться к портам и бухтам французского побережья», чтобы помочь при эвакуации отдельных подразделений английских экспедиционных сил, которые, возможно, оказались бы отрезанными от главных сил при попытке прорваться на юг Франции, как предусматривалось планом боевых действий. Адмиралтейство быстро выполнило это указание. Днем раньше, 19 мая, оно поручило адмиралу Рамсею оперативное руководство эвакуацией войск. Эта операция получила кодовое наименование «Динамо». В распоряжении Рамсея находились паромы, дрейфтеры и другие суда. Было отдано распоряжение взять на учет все суда водоизмещением более 1000 т, базирующиеся на стоянках в районе между Гарвичем и Веймутом.

С каждым днем обстановка ухудшалась, и скоро Адмиралтейству стало ясно, что Дюнкерк будет единственным возможным пунктом эвакуации. В полдень 26 мая, то есть за 24 часа до просьбы Бельгии о перемирии, а также до того, как кабинет разрешил эвакуировать войска, был отдан приказ начать операцию «Динамо».

Поначалу полагали, что спасти удастся лишь часть английских экспедиционных сил. Адмиралтейство в своем распоряжении Рамсею настоятельно рекомендовало в течение двух дней эвакуировать 45 тыс. человек, поскольку в дальнейшем противник сделает эвакуацию невозможной. К ночи 28 мая в Англию было эвакуировано лишь 25 тыс. человек. К счастью, возможность эвакуации сохранилась значительно дольше, чем предполагалось.

В течение первых пяти дней эвакуация шла медленно из-за нехватки небольших лодок для перевозки личного состава с

берега на транспорты. Рамсей с самого начала предвидел необходимость в таких лодках, но его требование не было вовремя удовлетворено. Теперь же Адмиралтейство прилагало все силы к тому, чтобы увеличить количество лодок и обеспечить управление ими. Для этой цели помимо военных моряков привлекались добровольцы из гражданского населения: рыбаки, спасатели, яхтсмены — все, кто имел навыки в управлении лодками. Рамсей писал, что очень хорошо показала себя команда парома «Мэсси Шоу» из лондонской пожарной бригады.

Поначалу на побережье царило большое смятение из-за неорганизованности личного состава, ожидавшего посадки на суда. В то время это был в основном личный состав базы. По мнению Рамсея, смятение усиливалось «тем, что форму армейских офицеров невозможно было отличить от формы рядового солдата, но, как только появились морские офицеры, порядок был наведен... Позже, когда на побережье прибыли войска боевых соединений, эти трудности исчезли».

Первый мощный воздушный налет произошел вечером 20 мая, и «только по счастливому стечению обстоятельств выход из жизненно важной бухты Дюнкерка не был блокирован тонущими судами». Сохранить этот выход было самым важным делом, поскольку большая часть войск грузилась на корабли именно в этой бухте и меньше одной трети — непосредственно с берега.

В последующие три дня воздушные налеты усилились, и со 2 июня пришлось отказаться от эвакуации в дневное время. Истребители английских военно-воздушных сил, базировавшиеся на аэродромах в южной Англии, делали все возможное, чтобы не подпустить немецкую авиацию. Однако, уступая противнику численно и действуя с отдаленных баз, англичане не могли обеспечить эвакуирующимся войскам надлежащего авиационного прикрытия. Частые бомбардировки изматывали войска, которые томились в ожидании погрузки на транспорты. Значительные потери англичане понесли на море: 6 эсминцев, 8 транспортов с личным составом и более 200 мелких лодок из 860 английских и союзных судов всех размеров, привлеченных для эвакуации²⁸. К счастью для англичан, немцы не попытались использовать подводные лодки или торпедные катера. Эвакуации, кроме того, благоприятствовала исключительно хорошая погода.

К 30 мая было эвакуировано 126 тыс. человек. Остальные силы английских экспедиционных войск (за исключением попавших в окружение при отходе) уже прибыли в район

Дюнкерка. Англичане усилили оборону района порта. Немцы постепенно сжимали кольцо окружения, но возможность уничтожить английские экспедиционные силы они уже упустили.

Высшие французские военачальники в Бельгии, продолжая цепляться за невыполнимый план Вейгана, никак не могли решиться отступить к морю, и сделать это возможно быстрее вместе с англичанами. В результате такого промедления 28 мая почти половина войск, оставшихся от французской 1-й армии, была отрезана в районе Лилля, а 31 мая была вынуждена сдаться. Правда, перед этим они в течение трех дней оказывали мужественное сопротивление, что позволило эвакуироваться другим частям французской армии и англичанам.

К полуночи 2 июня были погружены на транспорты последние подразделения английских экспедиционных сил. Эвакуация была завершена. В Англию благополучно переправилось 224 тыс. человек. Потери в результате гибели судов при переходе морем составили около 2000 человек. Помимо личного состава английских войск было эвакуировано 95 тыс. союзных войск, преимущественно французов. В ночь на 3 июня, несмотря на возросшие трудности, англичане предприняли попытку эвакуировать оставшиеся французские войска, и, таким образом, было спасено еще 26 тыс. человек. К сожалению, несколько тысяч французских солдат, действовавших в арьергарде, пришлось оставить.

К утру 4 июня операция была завершена. В Англию было переправлено в общей сложности 338 тыс. человек из состава английских войск и войск союзников. По сравнению с тем, что предполагалось раньше, это был удивительный итог, в достижении которого величайшая заслуга принадлежала военно-морским силам²⁹.

В то же время совершенно очевидно, что было бы невозможно сохранить английские экспедиционные силы «для будущих сражений», если бы двенадцатью днями раньше, то есть 24 мая, Гитлер не остановил бы продвижение танковых войск Клейста под Дюнкерком.

В то время участок протяженностью 30 км по берегу р. Аа между Гравлином и Сент-Омером прикрывался всего одним английским батальоном, а участок протяженностью 100 км вдоль канала — чуть большими силами. Многие мосты еще не были взорваны и даже не подготовлены к этому. Таким образом, немецким танковым войскам не составляло труда еще 23 мая овладеть несколькими плацдармами за каналом. Сам же ка-

нал, как писал Горт в своем донесении, «был единственной противотанковой преградой на этом участке». Если бы не приказ Гитлера остановить продвижение танковых соединений, немцы форсировали бы канал, и ничто уже не смогло бы их удержать и помешать закрепиться на путях отхода английских экспедиционных сил к Дюнкерку.

Известно, что Гитлер с самого начала прорыва во Франции находился в исключительно взвинченном и нервном состоянии. Необычная легкость, с какой осуществлялось наступление, и отсутствие сопротивления его армиям заставляли фюрера нервничать: все шло слишком хорошо, чтобы казаться правдоподобным. Интересны в этом отношении записи в дневнике, который вел начальник генерального штаба Гальдер. Так, 17 мая, после того как французская оборона на р. Маас была столь драматически прорвана, Гальдер заметил: «Безрадостный день. Фюрер ужасно нервничает. Он боится своего собственного успеха, не хочет ничем рисковать и охотнее всего задержал бы наше дальнейшее продвижение».

В этот день войска Гудериана, стремительно продвигавшиеся к морю, были неожиданно остановлены. На следующий день Гальдер записал: «Дорог каждый час. В штаб-квартире фюрера придерживаются другого мнения. Фюрер, непонятно почему, озабочен южным флангом. Он беснуется и кричит, что можно погубить всю операцию...» И только поздним вечером, когда Гальдер сумел убедить Гитлера в том, что следовавшие за танками пехотные соединения вышли к р. Эна и прикрыли фланг танковых соединений, фюрер разрешил последним двигаться дальше.

Два дня спустя танки вышли к побережью, перерезав коммуникации союзных армий, находившихся в Бельгии. Казалось, этот блестящий успех на время заглушил сомнения Гитлера. Однако они вновь охватили фюрера, когда танковые соединения двинулись на север, и особенно после контрудара англичан из Арраса. Гитлер высоко ценил немецкие танковые соединения и теперь, когда они направлялись к районам, занятым английскими войсками, опасался за исход наступления, поскольку считал англичан весьма серьезным противником. В то же время Гитлера беспокоили и возможные действия французов на юге.

В самый решающий момент, утром 24 мая, Гитлер решил посетить штаб Рундштедта. Этот генерал был весьма осторожным стратегом, умея принять в расчет все неблагоприятные факторы, и старался избежать ошибок, вытекающих из оптимистических суждений. Он часто удачно корректировал замыслы Гитлера своими хладнокровными обоснованными расчетами.

Однако на этот раз беседа Гитлера с Рундшtedтом не сыграла положительной роли. Оценив создавшуюся обстановку, Рундшtedт пришел к заключению, что вследствие долгого и быстрого продвижения мощь танковых соединений несколько ослабла, кроме того, вполне вероятны атаки противника с севера или юга, и особенно с юга.

Предыдущим вечером Рундшtedт получил от главнокомандующего сухопутными силами Браухича приказ о том, что завершение окружения на севере должно быть осуществлено войсками Бока. Вполне естественно, что Рундшtedт теперь думал о следующем этапе на юге.

Кроме того, штаб Рундшtedта все еще находился у Шарлевиля, за р. Эна, в центре оперативного построения немецкого фронта, обращенного на юг. Это побуждало Рундшtedта сосредоточивать внимание на том, что происходило перед ним, и уделять меньше внимания тому, что происходило на самом правом фланге, где победа, казалось, была гарантирована. Дюнкерк почти совсем не занимал его.

Гитлер полностью согласился с мнением Рундшtedта и вновь указал на первостепенную необходимость сохранить силы танковых соединений для будущих операций.

В полдень по возвращении в штаб-квартиру фюрер вызвал к себе главнокомандующего сухопутными войсками. Это была весьма неприятная беседа. Она закончилась тем, что Гитлер отдал вполне определенный приказ — остановить продвижение танковых соединений. В этот вечер Гальдер с горечью отметил в своем дневнике: «Подвижное левое крыло, перед которым нет противника, по настойчивому требованию фюрера остановлено! В указанном районе судьбу окруженных армий должна решить наша авиация».

Был ли этот приказ подсказан Гитлеру Рундшtedтом? Если бы Гитлер считал, что он отдал приказ под влиянием Рундшtedта, то непременно упомянул бы об этом в числе других оправданий, когда англичанам удалось улизнуть. Ведь Гитлеру была свойственна склонность обвинять других в собственных ошибках. Однако в данном случае фюрер нигде не обмолвился о каком-либо влиянии Рундшtedта.

Кажется более вероятным, что Гитлер отправился в штаб Рундшtedта, надеясь найти основания для собственных сомнений и изменений в плане, к которым он хотел склонить Браухича и Гальдера. Если считать, что такое решение было кем-то Гитлеру подсказано, то можно только предположить, что инициатива исходила от Кейтеля и Йодля. Особое значение приобретает в этом свете мнение генерала Варлимонта, который в

то время был в близком контакте с Йодлем. Узнав от кого-то о готовящемся приказе остановить продвижение танковых соединений, Варлимонт отправился прямо к Йодлю. «Йодль был сильно раздражен моим вопросом и подтвердил, что такой приказ отдал. Он сам придерживался той же точки зрения, что и Гитлер. Йодль подчеркивал, что личный опыт Гитлера, Кейтеля и его собственный, накопленный во Фландрии во время Первой Мировой войны, без всякого сомнения, подтверждает, что танки не могут действовать в болотах Фландрии или могут, но с большими потерями. Поскольку же мощь танковых корпусов была уже ослаблена и предстояло решать задачи второго этапа наступления во Франции, подобные потери допускать нельзя».

Варлимонт отмечает, что, если бы инициатива исходила от Рундштедта, он узнал бы об этом, а Йодль наверняка не упустил бы возможности назвать фельдмаршала фон Рундштедта одним из тех, кто выдвинул это предложение или по крайней мере поддержал проект этого приказа, поскольку это смягчило бы критику в его собственный адрес: ведь Рундштедт пользовался непререкаемым авторитетом среди офицеров генерального штаба. Далее Варлимонт пишет: «В то время передо мной открылась еще одна причина: Геринг убедил Гитлера в том, что авиация завершит окружение, лишив англичан возможности эвакуироваться по морю. Геринг, как всегда, преувеличивал возможности своего детища».

Это утверждение Варлимонта обретает смысл, если его связать с уже процитированным предложением из дневниковых записей Гальдера от 24 мая. Кроме того, по словам Гудериана, приказ ему передал Клейст, сказав при этом: «Дюнкерк оставлен Люфтваффе. Если захват Кале вызовет трудности, эта крепость также будет оставлена Люфтваффе». Далее Гудериан заметил: «Думаю, именно тщеславие Геринга привело к тому, что Гитлер принял это роковое решение».

Однако есть основания считать, что авиация тоже не была использована в полной мере или не столь энергично, как могла бы быть. По мнению некоторых руководителей военно-воздушных сил, и здесь виновником был Гитлер.

Все это заставило высшие круги подозревать, что за военными расчетами Гитлера скрывался некий политический мотив. Блюментрит писал, насколько удивил всех Гитлер своими высказываниями во время посещения штаба Рундштедта: «Гитлер был в прекрасном расположении духа и признал, что ход кампании — это „решительное чудо“, а также высказал мнение о том, что война будет закончена через шесть недель. После этого

он намеревался заключить разумный мир с Францией, а это открыло бы путь к заключению соглашения с Англией. Гитлер удивил нас и тем, что с восхищением начал говорить о Британской империи, о необходимости ее существования и о цивилизации, которую Англия принесла миру. Затем, пожав плечами, Гитлер заметил, что империя создавалась подчас жестокими средствами, но лес рубят — щепки летят. Гитлер сравнивал Британскую империю с католической церковью, говорил, что они в равной степени важны для поддержания стабильности в мире. Фюрер заявил, что от Англии хочет лишь признания позиций Германии на континенте. Возвращение утерянных Германией колоний желательно, но это не самое важное, и даже можно поддержать Англию, если она будет где-то еще вовлечена в конфликт. Гитлер заметил, что колонии — прежде всего дело престижа, ибо их нельзя удержать во время войны, и что лишь немногие немцы пожелали бы обосноваться в тропиках. В заключение фюрер сказал, что его цель — договориться с Англией о мире на такой основе, какую будет допускать ее престиж».

В своих воспоминаниях Блюментрит не раз возвращается к этому разговору. По его мнению, «остановка не только была вызвана военными соображениями, но и являлась компонентом политической интриги и преследовала цель облегчить достижение мира. Если бы английские экспедиционные силы в Дюнкерке были захвачены, англичане могли бы считать, что их честь запятнана и они должны смыть это пятно. Дав же им возможность улизнуть, Гитлер рассчитывал, что англичане пойдут на примирение с ним».

Эта мысль приобретает еще большее значение, поскольку она высказана генералом, критически относившимся к Гитлеру. Рассказ Варлимонта о том, что говорил Гитлер во время событий в Дюнкерке, совпадает со многими воспоминаниями фюрера в книге «Майн кампф». Характерно, что Гитлер испытывал смешанное чувство любви и ненависти по отношению к англичанам. Об этой его тенденции, проявлявшейся в разговорах об Англии, упоминается также в дневниках Чиано и Гальдера.

Более вероятно, что его решение было обусловлено несколькими факторами. Три из них очевидны: желание сохранить мощь танковых соединений для нанесения следующего удара, постоянные опасения попасть в ловушку в болотах Фландрии и заявления Геринга о Люфтваффе. Также вполне вероятно, что с военными соображениями переплетались какие-то политические цели, тем более что Гитлер был склонен к политической

стратегии и для него были характерны самые неожиданные повороты мысли.

Ширина нового фронта обороны французских войск, проходившего по рекам Сомма и Эна, была больше, чем раньше, а численность войск значительно сократилась. На первом этапе кампании французы потеряли 30 дивизий и лишились помощи союзных войск (лишь две английские дивизии оставались во Франции, и еще две не полностью обученные дивизии готовились к отправке). Всего для обороны на новых позициях Вейган собрал 49 дивизий, а 17 дивизий оставил на линии Мажино. За то короткое время, которое было в распоряжении Вейгана, нельзя было сделать большего: нехватка сил мешала создать глубоко эшелонированную оборону. Поскольку большинство механизированных дивизий было разгромлено или сильно измотано, ощущался недостаток в мобильных резервах.

Немцы же доукомплектовали свои 10 танковых дивизий личным составом и танками, а 130 пехотных дивизий остались почти нетронутыми. Перед началом нового наступления они произвели перегруппировку сил: на участок, проходивший по р. Эна (между реками Уаза и Маас), были переброшены две свежие армии (2-я и 9-я). Гудериан был назначен командующим танковой группой в составе двух танковых корпусов. В распоряжении Клейста оставалось два танковых корпуса. Они должны были нанести удар с плацдармов на р. Сомма в направлении на Амьен и Перонн и замкнуть кольцо окружения в нижнем течении р. Уаза. Остальные танковые соединения под командованием Гота должны были наступать на участке между Амьеном и морем.

Наступление началось 5 июня на западном участке фронта между Лаоном и морем. В течение первых двух дней сопротивление было упорным, но 7 июня танковые корпуса вырвались на дорогу к Руану. После этого оборона французских войск распалась, и 9 июня при форсировании р. Сена немцы уже не встретили серьезного сопротивления. Однако решающий маневр немецкое командование намечало не здесь, и поэтому наступление было приостановлено. Благодаря этому большей части английских войск под командованием генерала Брука удалось эвакуироваться в Англию уже после капитуляции французов.

Войскам Клейста не удалось точно выполнить задачу. Правое крыло в конце концов прорвало оборону французских войск 8 июня, а левое, двигавшееся от Перонна, было задержано упорным сопротивлением севернее Компьеня. Тогда немецкое

верховное командование приняло решение перебросить танковую группу Клейста на поддержку прорыва, который был осуществлен в Шампани.

В этом районе наступление началось только 9 июня. Сопротивление французов было быстро сломлено. Как только пехота форсировала реку, танки Гудериана устремились к Шалону-на-Марне, а затем на восток. К 11 июня войска Клейста форсировали р. Марна у Шато-Тьерри. Продвижение шло быстрыми темпами по плато Лангр к Безапосу и швейцарской границе. Все французские войска, находившиеся на линии Мажино, оказались отрезанными от остальных сил армии.

Еще 7 июня Вейган рекомендовал правительству незамедлительно просить перемирия, а 8 июня он заявил, что «битва за Сомму проиграна». Правительство, среди членов которого не было единогласия, долго колебалось в принятии решения и наконец 9 июня покинуло Париж, выехав в Тур. Рейно направил президенту Рузвельту просьбу о помощи. Он писал: «Мы будем сражаться перед стенами Парижа, мы будем сражаться за ними, мы укроемся в одной из наших провинций и, если нас выгонят, отправимся в Северную Африку...»

10 июня в войну вступила Италия. Франция с запозданием предложила Муссолини отдать различные колониальные территории, но он отказался принять их в надежде получить от Гитлера больше. Однако наступление итальянских войск началось только через десять дней и было легко задержано слабыми французскими силами.

11 июня Черчилль вылетел в Тур в тщетной надежде ободрить французских руководителей. На следующий день Вейган в своем докладе правительству заявил, что война проиграна, обвинил в поражении Англию, а затем сказал: «Я вынужден заявить, что необходимо прекратить военные действия». Без сомнения, он был прав в оценке военного положения, ибо французская армия распалась, практически прекратив сопротивление, и неорганизованным потоком откатывалась на юг. Правительство никак не могло решиться, что предпринять: капитулировать или попытаться продолжать военные действия из Северной Африки. Оно переехало в Бордо и дало Вейгану указание попытаться организовать сопротивление на р. Луара.

14 июня немцы вошли в Париж, а их фланговые группировки продолжали двигаться на юг, и 16 июня они достигли долины р. Рона. Вейган при поддержке высших военных руководителей настаивал на перемирии. Черчилль предпринял попытку предупредить такое решение, предложив продолжать сопротив-

ление из Северной Африки и заключить франко-английский союз. Однако его предложение вызвало лишь раздражение во французских кругах. Большинство голосов французское правительство отвергло предложение Черчилля и приняло решение о капитуляции. Рейно подал в отставку. Маршал Петен сформировал новое правительство, и ночью 16 числа Гитлеру была направлена просьба о перемирии.

Условия перемирия были переданы французским парламентарам 20 июня в Компьенском лесу в том же железнодорожном вагоне, в котором немецкие парламентары подписали перемирие в 1918 году. Пока шли переговоры, немцы продолжали продвижение за р. Луара. Условия перемирия были приняты 22 июня, и оно вступило в силу 25 июня в 01.35, после того как была достигнута договоренность о заключении аналогичного перемирия с Италией³⁰.

Битва за Англию

1 сентября 1939 года вторжением в Польшу Гитлер начал войну. Два дня спустя Англия и Франция объявили войну Германии. Однако, как это ни странно, но ни Гитлер, ни немецкое верховное командование не разработали планов борьбы против Англии. Еще более странно, что ничего не было сделано даже в течение той девятимесячной паузы, после которой в 1940 году началось наступление немцев на Западе. Никакого плана не было разработано и тогда, когда неизбежным стало поражение Франции.

Таким образом, очевидно, что Гитлер рассчитывал добиться согласия английского правительства на компромиссный мир на благоприятных для Англии условиях, которые он был склонен гарантировать. Видимо, при всем своем величайшем честолюбии он не хотел, чтобы конфликт с Англией привел к серьезным последствиям. И действительно, Гитлер дал понять своим генералам, что война закончена, разрешил отпуски, а часть сил авиации перенацелил на другие потенциальные фронты.

Даже когда отказ Черчилля пойти на какой-либо компромисс стал явным, а его решимость продолжать войну — очевидной, Гитлер продолжал верить, что это блеф, и считал, что Англия обязана признать «свое безнадежное военное положение». Он еще долго лелеял эту надежду и лишь 2 июля приказал изучить вопрос о вторжении в Англию.

Гитлер, отдавая 16 июля приказ о подготовке к вторжению в Англию (операция получила кодовое наименование «Морской лев»), все еще сомневался в необходимости подобной операции³¹.

О сомнениях Гитлера в отношении Англии говорит и тот факт, что 21 июля он заявил Гальдеру о своем намерении всесторонне изучить проблему России с точки зрения возможности начать военные действия против нее осенью текущего года. Йодль 29 июля сообщил Варлимунту о том, что Гитлер принял твердое решение начать войну с Россией. За несколько дней до этого весь состав штаба танковой группы Гудериана был отозван в Берлин для подготовки планов использования танковых войск в этой кампании.

К моменту падения Франции немецкая армия совершенно не была готова к вторжению в Англию. В штабе сухопутных войск не только не планировали эту операцию, но даже и не рассматривали подобную возможность. Войска не были обучены действиям в морских десантных операциях, ничего не было сделано для строительства десантных судов. Можно было лишь попытаться спешно собрать транспорты, привести в порты Паде-Кале баржи из Германии и Голландии и обучить войска посадке на суда и высадке. Лишь временное «бессилие» английской армии, потерявшей большую часть вооружения во Франции, могло обеспечить этой импровизации какие-то шансы на успех.

Основная роль в операции отводилась группе армий «А» фельдмаршала фон Рундштедта, в состав которой входили 16-я армия генерала Буша и 9-я армия генерала Штрауса. Войска десанта планировалось погрузить на суда в различных портах между устьями рек Шельда и Сена и высадить на юго-восточном побережье Англии между Фолкстоном и Брайтоном. Воздушно-десантная дивизия должна была захватить район Дувр, Фолкстон. Согласно плану операции «Морской лев», в первой волне десанта предполагалось за четыре дня высадить десять дивизий, чтобы создать широкий плацдарм. Примерно через неделю планировалось начать наступление с плацдарма в глубь страны с ближайшей задачей овладеть районами по дуге от устья р. Темза до Портсмута. На следующем этапе намечалось отрезать Лондон с запада.

Вспомогательную операцию должна была провести 6-я армия фельдмаршала Рейхенау, входившая в состав группы армий «Б». В первой волне здесь намечалось использовать три дивизии. Десантируемые войска 6-й армии предполагалось перебросить морем из Шербурга в район Портленд-Билла в заливе Лайм. Затем они должны были продвигаться на север к устью р. Северн.

Во второй волне планировалось высадить мобильные силы в составе шести танковых и трех моторизованных дивизий, сведенных в три корпуса. Затем должны были последовать третья волна в составе девяти пехотных дивизий и четвертая — в составе восьми пехотных дивизий. Хотя в первую волну и не входили танковые дивизии, войска располагали примерно 650 танками, причем все они должны были находиться в первом из двух эшелонов десанта. (Общая численность войск первой волны составляла 250 тыс. человек, а в первом эшелоне намечалось высадить около одной трети этих сил.) Для переброски войск первой волны к пунктам высадки требовалось 155 транспортов общим водоизмещением 700 тыс. т и свыше 3000 мелких судов: 1720 барж, 470 буксиров и 1160 моторных катеров.

Приготовления начались лишь в конце июля, и, хотя Гитлер приказал завершить подготовку к середине августа, штаб ВМС заявил, что такое большое количество судов для операции «Морской лев» можно собрать не раньше середины сентября. В дальнейшем штаб ВМС предлагал перенести операцию на весну 1941 года³².

Но это было не единственным препятствием. Немецкие генералы прекрасно сознавали тот риск, которому подвергнутся их войска при переходе морем. Они мало верили в способность военно-морского флота и авиации прикрыть переброску сухопутных войск и настаивали на том, чтобы вторжение осуществлялось на довольно широком фронте от Рамсгита до залива Лайм с целью распылить силы обороняющихся. Немецкие адмиралы в еще большей степени опасались противодействия английского флота. У них не было уверенности в том, что немецкие военно-морские силы сумеют отразить контратаки английского флота. Они с самого начала заявляли, что обеспечить прикрытие высадки сухопутных войск на широком фронте невозможно, а поэтому следует ограничить полосу вторжения и численность войск десанта. Требования морского руководства еще больше усугубляли сомнения генералов. Адмирал Редер подчеркивал, что необходимым условием успеха является завоевание господства в воздухе над всей полосой вторжения.

После беседы с Редером 31 июля Гитлер согласился с мнением командования ВМС, что операцию «Морской лев» нельзя начинать до середины сентября. Однако решения отложить операцию до 1941 года принято не было, поскольку Геринг убеждал Гитлера в том, что Люфтваффе способны подавить военно-морские силы Англии и одержать верх над англичанами в воздухе. Руководители военно-морских сил и сухопутных войск склонялись к тому, чтобы предоставить Герингу возможность провести

авиационное наступление в воздухе, поскольку это не обязывало их ни к чему определенному, пока не был бы достигнут успех. Но такой успех не был достигнут, и битва в воздухе стала основной и единственной в решающей схватке за Англию.

Превосходство Люфтваффе над английскими военно-воздушными силами оказалось не столь значительным, как оно всем в то время представлялось. Люфтваффе не были способны вести систематические налеты на объекты в Англии крупными силами бомбардировочной авиации (а именно этого опасались англичане), и немецкая истребительная авиация в численном отношении ненамного превосходила английскую.

Авиационное наступление осуществлялось в основном силами 2-го и 3-го воздушных флотов под командованием фельдмаршалов Кессельринга и Шперля; 2-й флот базировался на северо-востоке Франции и в Нидерландах, а 3-й — на севере и северо-западе Франции. Каждый воздушный флот являлся полностью самостоятельным объединением. Такая организационная структура давала определенные преимущества при взаимодействии авиации с сухопутными войсками в Польше и на Западе, но оказалась не столь эффективной в чисто воздушной кампании. Каждый флот разрабатывал и представлял на утверждение высшему командованию свои планы. Общего плана действий не было.

К началу авиационного наступления 10 августа во 2-м и 3-м воздушных флотах насчитывалось в общей сложности 875 обычных и 316 пикирующих бомбардировщиков. (Пикирующие бомбардировщики оказались настолько уязвимыми, что после 18 августа их вывели из боев, чтобы сохранить для участия во вторжении.)

Кроме того, базировавшийся в Норвегии и Дании 5-й воздушный флот под командованием генерала Штумпфа имел в своем составе 123 бомбардировщика, однако этот флот принимал участие в боях всего один день — 15 августа: его потери оказались слишком тяжелыми. И все же косвенным участием он вынудил англичан держать часть сил истребительного авиационного командования на северо-востоке страны. В конце августа из состава этого флота было выделено около 100 бомбардировщиков, чтобы возместить потери 2-го и 3-го воздушных флотов.

10 августа 2-й и 3-й воздушные флоты начали боевые действия. Оба флота насчитывали 929 истребителей³³. В основном это были одномоторные самолеты типа Me-109. Кроме того, имелось 227 двухмоторных истребителей Me-110 со сравнительно большим радиусом действия. Истребитель Me-109, прототип которого появился в 1936 году, развивал скорость свыше 560 км в час, а его большая скороподъемность обеспечивала ему допол-

нительные преимущества перед английскими истребителями. Однако по маневренности этот истребитель уступал английским самолетам. В отличие от английских истребителей большинство немецких машин к началу боевых действий не имело броневой защиты кабины пилота, но зато располагало пуленепробиваемыми топливными баками, чего не было у английских самолетов.

Решающую роль для немецких одномоторных истребителей в этих боях сыграл их ограниченный радиус действия. Официальные данные о том, что дальность полета этих самолетов на крейсерской скорости составляет 660 км, на практике оказались неверными. Действительный радиус действия этого самолета составлял немногим более 160 км, так что такой самолет мог долететь от Па-де-Кале или от полуострова Котантен до Лондона, но для боя у него оставалось совсем мало времени. Другими словами, в воздухе он мог находиться всего 95 минут, что давало ему лишь 75–80 минут боевого полетного времени. Когда же в связи с тяжелыми потерями в бомбардировщиках из-за их совершенно очевидной уязвимости встал вопрос об организации истребительного прикрытия, оказалось, что в течение дня против объектов в южной Англии возможно было использовать не больше 300–400 бомбардировщиков (при выделении двух истребителей для сопровождения каждого бомбардировщика).

Помимо всего прочего, истребитель Me-109 был сложен в управлении при взлете и посадке и имел слабое шасси. Последний недостаток усугублял положение тем, что приходилось использовать импровизированные ВПП на французском побережье.

Двухмоторный истребитель Me-110, номинально имевший максимальную скорость полета 547 км в час, оказался значительно «медленнее». Он развивал скорость лишь 482 км в час и даже меньше. Таким образом, Me-110 уступал английскому истребителю «спитфайер» в скорости, скороподъемности и маневренности.

На этот самолет немцы рассчитывали как на надежное средство Люфтваффе, но он разочаровал их своими летно-тактическими характеристиками. В конце концов в боевых вылетах пришлось даже обеспечивать его прикрытие истребителями Me-109.

Однако величайшим недостатком немецких истребителей была примитивность бортовой радиоаппаратуры. Правда, эти самолеты были оборудованы радиотелефоном для связи между собой во время полета, но их радиоаппаратура уступала оборудованию английских самолетов.

Английские ВВС потеряли во Франции более 400 истребителей³⁴, однако к середине июля численность английской истребительной авиации составила около 650 самолетов, то есть столько же, сколько Англия имела перед началом немецкого

наступления на Западе. В основном это были самолеты типов «харрикейн» и «спитфайер». На вооружении находилось также около 100 машин устаревших образцов.

Это замечательное «возрождение» произошло в значительной степени благодаря усилиям лорда Бивербрука, который был назначен в мае на новый пост министра авиационной промышленности в правительстве Черчилля. Критики Бивербрука жаловались на то, что его энергичное вмешательство имело отрицательные последствия в перспективном плане. Однако, по мнению командующего истребительным авиационным командованием главного маршала авиации Даунинга, «эффект от этого назначения можно назвать не иначе, как магическим». Уже к середине лета производство истребителей возросло в два с половиной раза, а в течение года Англия выпустила 4283 истребителя. Германия за этот же срок выпустила примерно 3000 одномоторных и двухмоторных истребителей.

Определить соотношение сил в авиационной технике нелегко. Самолеты «харрикейн» и «спитфайер» были вооружены лишь пулеметами. На каждом самолете имелось восемь пулеметов, установленных в крыльях. Это были американские пулеметы системы Браунинга. Выбор пал именно на них, поскольку они были достаточно надежны в дистанционном управлении и отличались высокой скорострельностью — 1260 выстрелов в минуту. Истребители Me-109 в основном были вооружены двумя пулеметами, установленными на обтекателях, и двумя 20-мм пушками, установленными в крыльях. Эти пушки немцы разработали на основе опыта гражданской войны в Испании. Люфтваффе там же опробовали истребитель Me-109 и другие, более ранние типы истребителей, ко времени Второй Мировой войны уже снятые с вооружения.

Немецкий ас Галланд в своих воспоминаниях утверждает, что вооружение Me-109 было лучше вооружения английских истребителей. В Англии мнения разделились. Одни считали, что большая скорострельность пулеметов системы Браунинга давала преимущество в ведении огня короткими очередями. Другие отмечали, что подюжины пушечных снарядов могли нанести куда больший ущерб, чем пулеметные очереди. Некоторые английские летчики-истребители с горечью признавались, что даже при уверенном поражении цели эффекта не достигалось. В ходе боевых действий около 30 самолетов «спитфайер» получали 20-мм пушку «испано» («эрликон»), а в октябре вступили в строй самолеты «харрикейн», вооруженные четырьмя пушками.

Таким образом, немецкие бомбардировщики, вооруженные лишь несколькими пулеметами с горизонтальной наводкой, не

могли самостоятельно, без помощи истребителей сопровождения, противостоять английским истребителям.

Соотношение сил с точки зрения численности летчиков-истребителей определить еще труднее. На начальном этапе боевых действий его нельзя было назвать благоприятным для англичан. Уровень подготовки английских летчиков был высок, но их явно не хватало. Число летных школ английских военно-воздушных сил росло медленно, и это сказывалось на ходе боевых действий. Кадры нужно было сохранять во что бы то ни стало, поэтому иногда даже приходилось не реагировать на налеты немецкой авиации. Главной заботой Даудинга были люди, а не самолеты.

К началу августа Даудинг сумел довести численность летчиков до 1434 человек, 68 летчиков были переданы истребительному командованию из морской авиации. Однако через месяц число летчиков сократилось до 840 человек. Потери в среднем составляли 120 человек в неделю, а учебные подразделения ВВС выпускали в течение месяца не больше 260 летчиков-истребителей. В сентябре нехватка летного состава стала особенно острой, поскольку число опытных летчиков сократилось, а спешно обученные новички гибли чаще. Вновь прибывшие эскадрильи несли подчас большие потери, чем сменяемые для отдыха эскадрильи. Усталость порождала упадок духа и повышенную нервозность.

Немцы не испытывали таких больших затруднений в летном составе. Они понесли тяжелые потери во время боев на континенте в мае и июне, но их летные школы выпускали летчиков больше, чем требовалось для фронтовых эскадрилий.

Однако на боевом духе немецких летчиков-истребителей сказывалось отношение Геринга и других руководителей Люфтваффе к истребительной авиации как к оборонительному и второстепенному роду авиации. Более того, многих лучших летчиков истребительной авиации переводили в бомбардировочную авиацию для восполнения ее потерь в летном составе. Геринг часто критиковал истребительную авиацию за нерешительность действий и обвинял ее в неудачах, причиной которых были его собственная недалекость и ошибки в планировании. В противоположность этому английских летчиков-истребителей считали цветом военно-воздушных сил и национальными героями.

Немецкая истребительная авиация (и летчики, и материальная часть) испытывала большое напряжение. Истребители все чаще использовались для сопровождения бомбардировщиков и совершали по два-три, а иногда и по пять вылетов в день. Геринг не давал экипажам выходных дней и не разрешал менять подразделения, находящиеся на линии фронта. Таким образом, ус-

талость, ощущение тяжелых потерь и напряжение привели к тому, что в сентябре моральный дух немецких летчиков-истребителей резко упал. Их состояние усугублялось и сомнениями относительно того, действительно ли намечается вторжение. Летчики видели, как медленно и неорганизованно ведется подготовка, и поэтому им все сильнее казалось, что ими попросту жертвуют по соображениям престижа.

Экипажи бомбардировщиков ощущали тяжелые потери и страдали от сознания своей незащищенности от атак английских истребителей.

Итак, на ранних этапах битвы стороны не уступали друг другу в мастерстве и мужестве, но с течением времени все более заметным становилось преимущество англичан. Им помогало сознание того, что противник несет тяжелые потери и испытывает большее напряжение, чем они. В действительности же потери и напряжение английских летчиков были не меньшими.

В ходе всей битвы немцы постоянно ощущали слабость своей разведки. Основным справочным пособием Люфтваффе по организации авиационного наступления была выпущенная еще до войны книжка, где излагались данные о местонахождении объектов английской промышленности, а также сведения комплексной фоторазведки, полученные в результате «пробных полетов по гражданским линиям». Информация разведывательного управления Люфтваффе, во главе которого стоял майор Шмид, была весьма скудной. В составленном им обзоре английских военно-воздушных сил по состоянию на июль 1940 года недооценивался уровень производства истребителей в Англии. Шмид утверждал, что Англия выпускает 180—300 самолетов в месяц, в то время как в результате усилий Бивербрука производство самолетов «харрикейн» и «спитфайер» только в августе и сентябре выросло до 460—500. Это недоразумение усугубляли сообщения управления военной промышленности, возглавляемого генералом Удетом, в которых преувеличивались недостатки самолетов «харрикейн» и «спитфайер» и не отмечались их достоинства.

В обзоре майора Шмида ничего не говорилось о системе противоздушной обороны, созданной английскими ВВС, о радиолокационных станциях, сети радиосвязи и управления. А между тем английская поисковая радиолокационная станция в Болен, на побережье графства Саффолк, и вздымавшиеся здесь высокие антенные мачты были совершенно не замаскированы и хорошо видны любому наблюдателю. Казалось маловероятным, что немцы не имеют информации относительно английской системы предупреждения. Еще в 1938 году немцам стало известно, что в Англии разрабатывается радиолокационная аппаратура, а

в мае 1940 года они даже захватили подвижную радиолокационную станцию на побережье в Булони, однако немецкие ученые считали эту аппаратуру несовершенной. Более полную информацию об английских радиолокационных станциях можно было свободно получить во Франции во время вторжения туда немцев. Однако, как представляется, немцы этим не воспользовались. Геринг явно недооценивал потенциального влияния радиолокационного оборудования на исход битвы.

Когда же немцы установили контрольно-поисковые станции на побережье Франции и начали перехватывать поток сигналов от радиолокационных антенн в Англии, они поняли, что перед ними новое и важное оружие. И все же командование Люфтваффе продолжало недооценивать дальность действия и надежность работы английских радиолокационных станций и не принимало мер к их уничтожению или подавлению. Никак не реагировали немцы и на тот факт, что управление действиями английской истребительной авиации осуществляется по радио. Командование Люфтваффе считало, что это только лишает истребительную авиацию гибкости действий.

Тенденция преувеличивать потери противника в ходе интенсивных воздушных боев была общей ошибкой, но в дальнейшем это создало серьезные трудности, особенно для немцев. Вначале разведка Люфтваффе правильно оценивала силы Даудинга, сообщая, что Англия имеет в своем распоряжении около 50 эскадрилий, насчитывающих примерно 600 самолетов «харрикейн» и «спитфайер», из которых 400—500 машин сосредоточены в южной части Англии. Однако систематическая переоценка потерь англичан и недооценка производства самолетов в Англии привели к тому, что немецкие летчики подчас просто недоумевали, как это англичанам удается поддерживать численность истребительной авиации на одном уровне. Естественно, это сказывалось на моральном духе летчиков Люфтваффе, а причина была одна: в каждом боевом донесении значительно преувеличивалось число сбитых английских самолетов.

В этом отношении весьма характерна практика, которой придерживались командиры соединений Люфтваффе. Обычно после налета на базы английской истребительной авиации они красным карандашом перечеркивали на оперативных картах число базировавшихся на этих аэродромах английских эскадрилий. Частично это было следствием плохой разведки, а частично — результатом неправильного анализа итогов налетов. Так, например, в Люфтваффе подсчитали, что к 17 августа было «совершенно разрушено» не менее 11 аэродромов, в то время как на самом деле был выведен из строя на долгое время лишь

один аэродром в Менстоне. Кроме того, немцы тратили усилия на то, чтобы атаковать аэродромы на юго-востоке, хотя там не базировались самолеты английского истребительного командования. В то же время руководители Люфтваффе совсем не придавали значения таким базам истребительного командования, как Биггин-Хилл, Кенли, Хорнчерч, и не знали о том, что командные пункты здесь находились над землей и не были защищены. Налеты на эти базы, предпринятые Люфтваффе в конце августа, продолжены не были.

Другим препятствием для немцев явилась погода. Над проливом она часто была неблагоприятной для атакующей стороны, а поскольку облачность обычно приносили западные ветры, англичане узнавали об этом первыми. Немцы разгадали шифр английских радиометеорологических сообщений из Атлантики, но почти не пользовались этим и нередко попадали в затруднительное положение. В частности, внезапная облачность и резкое ухудшение видимости постоянно срывали встречи бомбардировщиков с истребителями сопровождения. Скопления облаков над северной Францией и Бельгией задерживали вылеты бомбардировщиков, экипажи которых почти не имели опыта слепых полетов. В результате они опаздывали на место встречи, а истребители, предназначенные для их сопровождения, вынуждены были следовать с какой-либо другой группой бомбардировщиков. Получалось так, что одна группа бомбардировщиков имела двойное прикрытие, а другая оставалась вообще без истребительного сопровождения и несла тяжелые потери. Осенью погода ухудшилась, и такие недоразумения возникали все чаще, что не могло не привести к катастрофическим последствиям.

Однако в результате лучшего планирования в одном аспекте немцы выиграли. Английская авиационно-спасательная служба поначалу действовала неорганизованно. Летчики сбитых самолетов, спускаясь с парашютом на воду, вынуждены были в основном надеяться на удачу и верить в счастливую случайность, что их подберут. Это была довольно серьезная проблема, поскольку в середине августа почти две трети решающих воздушных боев велись над морем.

У немцев же авиационно-спасательное дело поставлено было лучше. Они использовали для этой цели около 30 гидросамолетов «хейнкель», а их летчики-истребители и экипажи бомбардировщиков имели надувные резиновые лодки, спасательные жилеты, ракетницы и химический препарат, образующий в месте приводнения большое светло-зеленое пятно. Летчик, совершивший вынужденную посадку на воду, мог рассчитывать, что его быстро подберут. Если бы не эти дополнительные меры

предосторожности, моральный дух летчиков Люфтваффе упал бы еще больше.

Люфтваффе в своих налетах на Англию пришлось столкнуться и с активным противодействием зенитной артиллерии противовоздушной обороны Англии. Эта артиллерия входила в состав сухопутных войск (точно так же, как и в английских экспедиционных силах), хотя в оперативном отношении была подчинена истребительному командованию ВВС. И хотя в ходе битвы за Англию зенитная артиллерия сбила сравнительно немного немецких бомбардировщиков, ее действия в значительной степени затрудняли полеты немецкой бомбардировочной авиации и, во всяком случае, снизили точность бомбометания.

Во главе командования ПВО стоял генерал-лейтенант Пайл. Он начал службу в артиллерии, в 1923 году был переведен в бронетанковые войска и скоро стал одним из самых пылких поклонников этого рода войск. Однако в 1937 году после присвоения ему звания генерал-майора Пайл был назначен командиром 1-й зенитно-артиллерийской дивизии, прикрывавшей Лондон и южные районы Англии. В следующем году вместо двух таких дивизий было создано вначале пять, а потом семь. В конце июля, как раз перед началом войны, эти дивизии были сведены в командование ПВО. Пайла назначили командующим. В его подчинении находились также прожекторные подразделения, оборонявшие аэродромы и другие важные объекты от нападения низколетящих самолетов.

Важную роль в отражении налетов низколетящих самолетов играли аэростаты воздушного заграждения. Они поднимались в воздух и с помощью стальных тросов удерживались на высоте около 5000 футов. Аэростаты находились в ведении истребительного командования английских ВВС.

В течение многих довоенных лет командование сухопутных войск с большой неохотой соглашалось на развертывание сил противовоздушной обороны, в частности зенитно-артиллерийских частей, считая, что это лишь ослабляет сухопутные войска. Усилия Пайла, направленные на развитие ПВО и повышение ее эффективности, не раз встречали противодействие в Военном министерстве. Пайл оказался в немилости у армейского командования, и это отрицательно сказалось на его карьере как генерала сухопутных войск. Однако, к счастью для страны, Пайлу удалось найти общий язык с Даудингом.

К началу войны в сентябре 1939 года штатная численность вооружения командования ПВО была постепенно увеличена до 2232 тяжелых зенитных орудий (это почти вдвое превышало цифру, предусмотренную в так называемом «идеальном» плане,

отвергнутом два года назад), 1860 легких зенитных орудий и 4128 прожекторов. Однако в результате колебаний и отсрочек к началу военных действий в войсках было лишь 695 тяжелых и 293 легких зенитных орудия, что приблизительно составляло одну треть тяжелых и одну восьмую легких орудий, предусмотренных утвержденными штатами. (Так или иначе, положение оказалось лучше, чем в период мюнхенского кризиса, когда к действию было готово лишь 126 тяжелых орудий.) С прожекторами дело обстояло сравнительно хорошо, поскольку в войсках находилось 2700 из 4128 прожекторов, предусмотренных штатами.

С началом войны возникли новые затруднения, поскольку Адмиралтейство потребовало выделить 255 тяжелых зенитных орудий для прикрытия шести баз флота. До войны Адмиралтейство не выдвигало таких требований, считая, что корабли сами могут отражать налеты авиации противника. Теперь же Адмиралтейство требовало для прикрытия базы в Розайте не менее 96 орудий, то есть столько, сколько было в наличии для обороны всего Лондона, и в четыре раза больше, чем находилось в районе Дерби, где были расположены важные заводы фирмы «Роллс-Ройс». Экспедиция в Норвегию в апреле 1940 года потребовала еще большего количества зенитно-артиллерийских средств, в том числе тяжелых и легких зенитных орудий.

После падения Франции трудности обеспечения английской противовоздушной обороны резко возросли, поскольку Англия оказалась буквально в окружении авиационных баз противника.

К этому времени командование ПВО имело в своем распоряжении 1204 тяжелых орудия и 581 легкое орудие, то есть почти вдвое больше, чем в начале войны. Положение было бы еще более благоприятным, если бы не приходилось по различным причинам использовать зенитно-артиллерийское вооружение в других целях, помимо противовоздушной обороны Англии. Английские вооруженные силы за пять недель получили 124 тяжелых и 182 легких орудия, однако половину тяжелых орудий и четвертую часть легких орудий пришлось выделить для учебных целей и отправить за пределы Англии в те районы, которые могли оказаться под угрозой после вступления Италии в войну на стороне Германии. В конце июля ПВО Англии имела всего чуть больше половины того числа тяжелых зенитных орудий и около одной трети числа легких орудий, которое считалось необходимым в первые дни войны, когда обстановка в стратегическом отношении была куда более благоприятной, чем теперь. Численность прожекторов почти достигла штатной цифры, хотя изменившаяся обстановка требовала теперь резкого увеличения числа этих средств.

На первоначальной стадии битвы за Англию немцы постепенно наращивали масштабы действий своей авиации против английского судоходства и портов на побережье Ла-Манша (Английского канала). Кроме того, они всеми силами старались отвлечь английскую истребительную авиацию. До 6 августа руководители Люфтваффе Кессельринг и Шперль не имели четких указаний относительно ведения воздушного наступления против Англии. Именно этим объясняется странный характер действий немецкой авиации в первый период битвы за Англию³⁵. Регулярные удары немецкой авиации по английским судам в Ла-Манше начались 3 июля, а на следующий день 87 пикирующих бомбардировщиков в сопровождении истребителей Me-109 атаковали военно-морскую базу в Портленде, но без особых успехов. Небольшая группа бомбардировщиков в сопровождении значительного числа истребителей 10 июля атаковала конвой у Дувра. Немецкие истребители не выдержали боя с «харрикейнами», высланными для прикрытия этого конвоя, но 25 июля в этом же районе немецкая авиация осуществила мощное нападение на конвой. Адмиралтейство решило отправлять конвои через пролив ночью, а после нескольких удачных налетов немецкой авиации на эсминцы приказало перевести корабли, базировавшиеся в Дувре, в Портсмут. Немецкая радиолокационная станция, находившаяся у Виссана, 7 августа засекла движение другого конвоя, и на следующий день суда были атакованы несколькими волнами пикирующих бомбардировщиков (до 80 машин в волне). Немецкая авиация потопила суда общим водоизмещением около 70 тыс тонн и потеряла 31 самолет.

11 июля в различных боях английские ВВС потеряли 32 истребителя. И все же за период с 3 июля по 11 августа потери английской авиации составили всего 203 истребителя, а немцы потеряли 364 самолета. В течение недели английская авиационная промышленность восполнила понесенные потери.

Во исполнение приказа Гитлера от 1 августа «уничтожить авиацию противника как можно скорее» и после совещания, проведенного Герингом с высшими руководителями Люфтваффе, большое авиационное наступление было назначено на 13 августа. Дата начала этого наступления получила кодовое наименование «День орла». Слишком оптимистические сообщения о первоначальных успехах Люфтваффе убедили Геринга в том, что при хорошей погоде он сможет за четыре дня добиться господства в воздухе. Однако к 13 августа погода ухудшилась.

Тем не менее в «День орла» немецкая авиация начала бомбардировки аэродромов в юго-восточной Англии, где базировалась английская истребительная авиация и находились радио-

локационные станции. Аэродромы в Менстоне, Хокинге и Лимпне были сильно разрушены и некоторые радиолокационные станции на несколько часов выведены из строя. Одна такая станция в Вентноре, на острове Уайт, была совершенно выведена из строя, но немцы не узнали об этом, так как работу продолжала другая станция.

Ввиду густой облачности над юго-восточными районами Англии Геринг приказал отложить основной удар до второй половины дня, однако части немецких ВВС не получили этого распоряжения и совершили несколько разрозненных налетов. В результате планируемый крупный налет вылился в отдельные мелкие удары. В течение этого дня немецкая авиация произвела 1485 самолето-вылетов, то есть вдвое больше, чем английская авиация. Потеряв 45 истребителей и бомбардировщиков, немцы сбили лишь 13 английских истребителей, хотя утверждали, будто уничтожили 70 английских самолетов.

В первый день авиационного наступления Люфтваффе нанесли удары по аэродромам, где не было самолетов-истребителей. А ведь именно такие аэродромы планировалось сделать главными объектами действий немецкой авиации. Кроме того, плохо было налажено взаимодействие между бомбардировщиками и истребителями сопровождения.

На следующий день, 14 августа, из-за облачности немцы ослабили мощь своих ударов почти втрое, однако, когда утром 15 августа небо прояснилось, Люфтваффе нанесли свой самый мощный во всей битве удар. Они совершили 1786 самолето-вылетов, в которых участвовало более 500 бомбардировщиков. В первую очередь налетам подверглись аэродромы в Хокинге и Лимпне. В Хокинге разрушения были невелики, а аэродром в Лимпне оказался выведенным из строя на два дня.

После полудня более 100 бомбардировщиков 5-го воздушно-го флота двумя группами совершили налет на аэродромы у Ньюкасла и в графстве Йоркшир. Одна из этих групп в составе 65 бомбардировщиков, базировавшихся в Ставангере (Норвегия), сопровождалась 45 истребителями Me-110, однако они не сумели обеспечить прикрытия. Группа встретила упорное противодействие самолетов 15-й авиационной группы и зенитной артиллерии и, потеряв 15 самолетов, не смогла выполнить поставленную задачу. Другая группа в составе 50 бомбардировщиков, вылетевших с базы Альборг в Дании, сумела без истребительного сопровождения прорваться к базам английской бомбардировочной авиации в Дрифилде, преодолев противодействие трех эскадрилий 12-й авиационной группы английских ВВС. В результате налета английскому аэродрому был причи-

нен значительный ущерб, а немцы потеряли всего семь самолетов.

На юге английская оборона оказалась более слабой. К тому же противник здесь действовал крупными силами и гораздо разнообразнее. Кроме того, расстояние от континента до Англии было здесь меньше. Утром 15 августа группа из 30 бомбардировщиков в сопровождении истребителей прорвалась к Рочестеру и подвергла бомбардировке авиационный завод. Почти в это же время другая группа из 24 истребителей-бомбардировщиков нанесла мощный удар по аэродрому истребительной авиации в Мертлехэм-Хите. Одновременные удары в нескольких местах сбивали работу радиолокационных станций. Английские истребители, высылаемые наперехват, не успевали отразить удар в одном месте, как немецкие самолеты появлялись в другом. К счастью для англичан, 2-й и 3-й воздушные флоты не координировали своих действий и поэтому не воспользовались перенапряжением английской истребительной авиации.

В 18.00 около 200 самолетов из состава 3-го воздушного флота вылетели для нанесения ударов по аэродромам в южных районах Англии. Получив своевременное предупреждение от радиолокационных станций, 10-я и 11-я авиационные группы, выполнявшие задачу прикрытия этих районов, подняли в воздух 14 эскадрилий — всего около 170 истребителей. Благодаря их умелым действиям налет немецкой авиации успеха не имел. Чуть позже самолеты 2-го воздушного флота вновь нанесли удар в юго-восточных районах. В налете участвовало около 100 самолетов, но они встретили должный отпор и также не добились успеха. Даже когда немецким самолетам удавалось прорваться к намеченным объектам бомбардировки, англичане успевали рассредоточить свои истребители на базах или замаскировать их.

В этот день, возможно самый решающий во всей битве, потери немецкой авиации над Англией составили 75 самолетов, а англичане потеряли только 34 истребителя. Примечательно, что Люфтваффе использовали меньше половины своих бомбардировщиков. Это свидетельствует о том, что немецкое командование пришло к выводу о невозможности их использования без истребительного сопровождения, а сил истребительной авиации у немцев не хватало. Более того, ход боевых действий показал непригодность в дневных операциях немецких пикирующих бомбардировщиков, донныне грозных «штука»³⁶, а также истребителей Me-110, на которые возлагались такие большие надежды.

Именно этот день вдохновил Черчилля на его заявление: «Никогда еще в истории войн так много людей не были обязаны столь немногим».

На следующий день, 16 августа, командование Люфтваффе, ошибочно полагая, что английская авиация потеряла 15 августа более 100 самолетов и располагает всего лишь 300 самолетами, предприняло новый мощный удар. И хотя в отдельных районах ущерб был причинен значительный, в целом налеты этого дня не дали почти никакого результата. На следующий день, 17 августа, немецкая авиация налетов не совершала, хотя стояла довольно хорошая погода. Предпринятые немцами 18 августа налеты крупными силами привели к потере 71 самолета, в том числе около половины бомбардировщиков. Потери английской истребительной авиации составили 27 самолетов. С этого дня интенсивность налетов уменьшалась. В результате бомбометания с малых высот в районах Кенли и Биггин-Хилла был причинен значительный ущерб. Английская противовоздушная оборона не в силах была что-либо сделать, поскольку самолеты шли вне зоны радиолокационного обзора. Однако немцы не знали этого и сочли, что их потери в этих налетах не оправданы. Наступившее ухудшение погоды принесло затишье в боях.

19 августа Геринг собрал совещание высших чинов Люфтваффе. После долгого обсуждения было решено продолжать воздушное наступление и попытаться вывести из строя английскую истребительную авиацию.

За две недели после 10 августа Люфтваффе потеряли 167 бомбардировщиков (включая 40 пикирующих), и командиры бомбардировочных соединений требовали усилить истребительное сопровождение. Споры и трения между представителями командований двух родов авиации усугублялись тем, что Геринг обычно вставал на сторону командования бомбардировочной авиации и во всем обвинял летчиков-истребителей.

Были разногласия и в английском командовании, особенно между командующим 4-й истребительной авиационной группой вице-маршалом авиации Парком и командующим 12-й истребительной авиационной группой вице-маршалом Ли-Мэллори. Парк настаивал на необходимости перехватывать немецкие бомбардировщики на пути их следования к намеченным объектам. По мнению Парка, это вынудило бы немцев все больше использовать истребители Me-109 для непосредственного сопровождения, а к выполнению такой задачи эти самолеты были не приспособлены. Ли-Мэллори же считал, что такая тактика осложнит действия истребителей противовоздушной обороны.

По мнению Ли-Мэллори, следовало сосредоточенно использовать силы истребителей-перехватчиков, а Парк полагал, что больший эффект даст тактика рассредоточенного использования истребительной авиации, когда на основе сообщений службы

радиолокационного оповещения и предупреждения в воздух поднимается нужное число истребителей.

Даудинг и Парк считали, что для поддержания духа гражданского населения следует оставить передовые аэродромы на юго-востоке страны, в то время как их было бы целесообразнее перевести за Лондон, где они находились бы вне досягаемости для истребителей Me-109 и сопровождаемых ими бомбардировщиков.

За период с 8 по 18 августа командование потеряло 94 летчика-истребителя убитыми и 60 — ранеными. Нехватка в самолетах пока не ощущалась, хотя за этот период потери в воздушных боях составили 175 самолетов. Кроме того, 63 самолета были сильно повреждены и 30 самолетов уничтожены на аэродромах.

24 августа погода улучшилась, и Геринг начал второе наступление в целях завоевания господства в воздухе. На этот раз оно было спланировано лучше; 2-й воздушный флот, которым командовал Кессельринг, обычно держал в воздухе на французской стороне пролива несколько машин, и Парку оставалось лишь строить догадки, поскольку радиолокационные станции не могли отличить истребитель от бомбардировщика или оповестить о том, когда самолеты ринутся через пролив. На этом новом этапе передовые аэродромы 11-й истребительной авиационной группы пострадали больше, чем раньше, а аэродром в Менстоне пришлось оставить.

Другой характерной чертой этого наступления были интенсивные налеты на базы ВВС вокруг Лондона, наличие которых послужило причиной случайной бомбардировки английской столицы. В ночь на 24 августа около 10 немецких бомбардировщиков, сбившись с курса по пути к объектам у Рочестера и Темзхейвена, сбросили бомбы на центральные районы Лондона. Эта ошибка привела к немедленному ответному налету 80 английских бомбардировщиков на Берлин. За этим последовало еще несколько налетов, а поскольку угрозы в адрес англичан не подействовали, Гитлер отдал приказ о проведении налетов на Лондон.

Перед началом нового авиационного наступления большая часть истребителей Me-109 из состава 3-го воздушного флота была переведена в состав 2-го воздушного флота, чтобы увеличить численность истребителей сопровождения в районе Па-де-Кале. Эти меры сразу дали положительный эффект. Английским истребителям стало труднее прорывать заслон немецких истребителей сопровождения, а немецкие бомбардировщики все чаще пробивались к назначенным им объектам. Кроме того, немцы разработали новую тактику, в соответствии с которой бомбардировщики делились на отдельные группы сразу после прохождения зоны радиолокационного прикрития.

24 августа базы английской авиации в Порт-Вилле и Хорнчерче уцелели только благодаря активным действиям зенитной артиллерии. Части зенитной артиллерии сумели также прикрыть доки Портсмута во время массированных налетов бомбардировщиков из состава 3-го воздушного флота, хотя сам город сильно пострадал от обрушившегося на него града бомб. В дальнейшем части 3-го воздушного флота стали производить налеты только ночью и с 28 августа ежедневно подвергали бомбардировкам Ливерпуль. Точность бомбометания была невысокой из-за недостаточной обученности экипажей и активности английских средств радиопротиводействия. Однако эти налеты выявили и недостатки английской обороны при ночных атаках противника.

Последние два дня августа оказались особенно неудачными для командования истребительной авиации. Примечательно, что небольшие группы немецких бомбардировщиков (15—20 самолетов) сопровождалась втрое большим числом истребителей. 31 августа английская авиация понесла самые тяжелые во всей битве потери — 39 самолетов; у немцев потери составляли 41 самолет. При немногочисленности сил английской авиации такие потери были недопустимыми, тем более что противника отпугнуть не удалось. Большинству аэродромов на юго-западе Англии был причинен серьезный ущерб, а некоторые из них совершенно вышли из строя.

Даудинг подумывал теперь о переводе передовых аэродромов из юго-восточной Англии в район, недосягаемый для Ме-109. Подействовала на него и резкая критика за то, что он держал 20 истребительных эскадрилий для прикрытия северных районов, которые лишь однажды подверглись атаке. Кроме того, летчики подразделений 12-й истребительной авиационной группы хотели непосредственно участвовать в битве, а Парк обвинял их в том, что они не так, как ему хотелось бы, взаимодействовали с подразделениями 11-й авиационной группы. Натянутые отношения между Парком и Ли-Мэллори, а также между Даудингом и начальником штаба ВВС Ньюуоллом лишь затрудняли нормальное решение этой проблемы.

В течение августа истребительное командование потеряло в боях 338 самолетов «харрикейн» и «спитфайер»; кроме того, серьезные повреждения получили еще 104 самолета. Немцы потеряли 177 самолетов Ме-109, еще 24 таких самолета получили повреждения. Соотношение потерь в истребителях было 2:1, если учесть, что по различным другим причинам из строя вышли 42 английских и 54 немецких самолета.

Таким образом, в начале сентября у Геринга были все основания полагать, что он близок к своей цели — сокрушению

мощи английской истребительной авиации и уничтожению ее баз на юго-востоке Англии, однако он не понял, насколько важно развить успех, которого добился.

4 сентября немецкая авиация ослабила удары по аэродромам истребительного командования и стала чаще подвергать бомбардировке английские авиационные заводы в Рочестере и Брукленде. Удары по предприятиям авиационной промышленности сами по себе имели важное значение, но они фактически обеспечили командованию желанную передышку: ведь английские летчики были до предела измотаны и в физическом, и в моральном отношении. Взвесив, где немцы могут сосредоточить свои усилия, Даудинг приказал обеспечить максимальное истребительное прикрытие авиационных заводов на юге. В результате налет немецкой авиации на Брукленд двумя днями позже был отражен, так же как и налеты на пять авиационных баз вокруг Лондона.

За две недели, с 24 августа по 6 сентября, английская авиация потеряла 295 истребителей; 171 истребитель получил серьезные повреждения. За этот же срок в Англии было выпущено и отремонтировано 269 самолетов. Потери немецкой авиации в истребителях Me-109 были вдвое меньше потерь англичан, но зато немцы потеряли больше сотни бомбардировщиков.

Потери, понесенные немецкой авиацией, и возросшие требования по обеспечению сопровождения бомбардировщиков теперь серьезно сказались на общих возможностях Люфтваффе. Сначала немецкая авиация совершала около 1500 самолето-вылетов в день, в последние два дня число самолето-вылетов составляло 1300—1400, а в течение первой недели сентября не достигало и 1000. За первые два месяца битвы, которая стала борьбой на истощение, немецкая авиация потеряла больше 800 самолетов; 2-й воздушный флот под командованием Кессельринга, явившийся основным звеном в наступлении, теперь имел лишь около 450 пригодных бомбардировщиков и 530 истребителей Me-109. Таким образом, в конце третьего этапа битвы выявилось превосходство англичан.

3 сентября в Гааге Геринг созвал очередное совещание, на котором было принято роковое решение переключить усилия на бомбардировку Лондона в дневное время. На этом с самого начала настаивал Кессельринг, а теперь с ним согласился и Гитлер. Начать удары по Лондону планировалось 7 сентября.

300 бомбардировщиков 3-го воздушного флота предполагалось использовать для ночных бомбардировок. Это устраивало Шперля, который всегда выступал за бомбардировки кораблей и портов и все с большим скептицизмом относился к перспек-

тивам разгрома английской истребительной авиации и вывода из строя ее аэродромов.

Во второй половине дня 7 сентября воздушная армада в составе почти 1000 самолетов 2-го воздушного флота (около 300 бомбардировщиков, сопровождаемых 648 истребителями) взяла курс на Лондон. Геринг и Кессельринг наблюдали за ее действиями из района скал между Кале и Виссаном.

Самолеты шли группами на различных высотах (между 4000 и 6000 метрами) в тесном строю в две волны. Истребители сопровождения применили новую тактику: одна группа истребителей шла впереди на высоте 7300 метров, а другая — параллельно курсу бомбардировщиков на удалении всего лишь 100 метров.

Казалось, этой новой тактике трудно противостоять. Правда, при первом налете в ней не было необходимости, поскольку в штабе 11-й авиационной группы ожидали налета немецкой авиации на глубинные авиационные базы и поднятые в воздух истребители (четыре эскадрильи) патрулировали в основном районы севернее Темзы, так что путь на Лондон был открыт. Первая волна немецких самолетов направилась к лондонским докам, а вторая, пройдя над центральными районами города, повернула к Ист-Энду и докам. Бомбометание не было таким точным, как планировалось, однако в густонаселенных районах Ист-Энда в результате бомбардировки имелись большие жертвы среди населения. После первого дневного налета на Лондон более 300 человек было убито и более 1300 тяжело ранено. Для истребительного командования это был печальный день. И все же, несмотря на то что большинство истребительных эскадрилий прибыло к району налета с опозданием и не сразу нашло способ борьбы с новой тактикой немцев, им удалось уничтожить 41 самолет противника. Англичане потеряли только 28 самолетов. Особенно эффективно действовала 303-я (польская) эскадрилья, базировавшаяся в Нортолте.

Пожары, пылавшие в Ист-Энде, послужили ориентиром для немецких самолетов, предпринявших новый налет с наступлением темноты. Он продолжался с 20.00 почти до 5.00 следующего дня. Геринг торжествующе сообщил по телефону своей жене о том, что Лондон объят пламенем. Отсутствие сопротивления навело Геринга и его подчиненных на мысль, что английская истребительная авиация, видимо, истощила свои силы. На следующий день Геринг приказал расширить зону бомбардировок в Лондоне.

У французского побережья Ла-Манша скапливалось все больше и больше десантно-высадочных средств, и утром 7 сентября английское правительство выступило с предупреждением

о возможной попытке противника вторгнуться в Англию. Налет немцев на Лондон еще больше встревожил англичан. В район возможного вторжения стали подтягиваться некоторые вспомогательные подразделения службы наблюдения.

Поскольку необходимых ночных истребителей не было, оборона Лондона, как и оборона других городов, в этот решающий период зависела в основном от зенитной артиллерии и прожекторов. Вечером 7 сентября для защиты Лондона на место оказалось лишь 264 зенитных орудия, однако благодаря быстрым действиям Пайла в течение следующих 48 часов количество их было удвоено. Более того, вечером 10 сентября Пайл приказал вести огонь, не жалея боеприпасов. Хотя число попаданий было ничтожным, частота стрельбы оказывала известный эффект, а главное, поднимала дух у населения. Кроме того, огонь зенитной артиллерии вынудил немцев действовать на больших высотах, что уменьшило точность бомбометания.

Второй дневной налет на Лондон Кессельринг предпринял во второй половине дня 9 сентября. На этот раз 11-я авиационная группа была готова к отражению налета. Ей помогали истребители из состава 10-й и 12-й авиационных групп. Английская авиация действовала настолько успешно, что строй немецкой армады оказался нарушенным задолго до приближения к Лондону. Удалось прорваться лишь половине участвовавших в налете бомбардировщиков, но и они не сумели выполнить своих задач.

Итоги нового этапа немецкого воздушного наступления имели важное значение для англичан. Немцы, переключив свои усилия на Лондон, ослабили удары по базам истребительного командования, переживавшего тяжелый кризис. Жертвы, понесенные столицей и ее жителями, оказались спасительными для обороны страны в целом.

Кроме того, потери в результате налета 9 сентября вынудили Гитлера отдать приказ об отсрочке вторжения до 24 сентября. Теперь сигнал к вторжению намечалось дать 14 сентября в соответствии с ранее установленным десятидневным сроком предупреждения.

Плохая погода дала некоторую передышку обороне Лондона, однако 11 и 14 сентября немецким бомбардировщикам удалось прорваться к городу. Английские истребители действовали настолько неорганизованно, что командование Люфтваффе в который раз объявило о разгроме англичан. Гитлер сократил срок предупреждения о вторжении до семи дней.

В воскресенье 16 сентября утром Кессельринг предпринял новый налет. На этот раз английские истребители действовали более согласованно. Немецкие самолеты на всем пути от побе-

режья подвергались атакам одной-двух эскадрилий попеременно (всего в этих атаках участвовало 22 эскадрильи). В зону Лондона прорвалось только 148 бомбардировщиков, но и им помешали провести бомбометание прицельно. По возвращении на базы немецкие самолеты были атакованы 12-й авиационной группой (около 60 истребителей). И хотя атака не имела большого эффекта, немецкие летчики были явно напуганы внезапным появлением множества истребителей. В полдень под прикрытием облачности значительное число немецких бомбардировщиков беспрепятственно прорвалось к Лондону. Бомбардировка причинила большой ущерб и привела к большим жертвам в густонаселенных кварталах Ист-Энда. В течение дня английская противовоздушная оборона вывела из строя приблизительно четвертую часть всех участвовавших в налетах бомбардировщиков. Во многих немецких экипажах были раненые и убитые. Это отрицательно сказалось на моральном духе личного состава Люфтваффе.

Действительные потери немцев в течение этого дня, как было установлено позже, составили 60 самолетов, то есть в три раза меньше той цифры (185 самолетов), которую торжественно сообщило английское Министерство авиации. Английская авиация потеряла только 26 истребителей, причем большинству летчиков удалось спастись. Итог был более благоприятным, чем в прошедшие недели. И все же Геринг, обвиняя во всем летчиков истребительной авиации, продолжал сверхоптимистически утверждать, что с английской истребительной авиацией через четыре-пять дней будет покончено. Однако никто в Германии не разделял его оптимизма.

Гитлер выразил согласие с мнением штаба ВМС, что английская авиация отнюдь не побеждена, 17 сентября, сославшись на ухудшение погоды, он отложил вторжение на «неопределенный срок». На следующий день Гитлер издал приказ прекратить накапливание десантно-высадочных средств в проливе и начать их рассредоточение. К этому времени английская авиация потопила или нанесла повреждения 21 транспорту из 170 и 214 десантным баржам из 1918. 12 октября начало операции «Морской лев» было окончательно перенесено на весну 1941 года, а в январе Гитлер приказал прекратить все приготовления, за исключением осуществления некоторых долгосрочных мер. Его помыслы теперь были определенно устремлены на Восток.

Геринг продолжал настаивать на дневных налетах, однако результаты с каждым разом все больше разочаровывали, хотя и имели место отдельные случайные успехи. Сильной бомбардировке 25 сентября подвергся авиационный завод близ Брис-

толя, а на следующий день был временно выведен из строя завод близ Саутгемптона. Полным провалом закончился крупный налет на Лондон 27 сентября, а в последнем крупном дневном налете 30 сентября лишь немногим немецким самолетам удалось достичь английской столицы. Немцы потеряли 47 самолетов, в то время как английская авиация только 20.

Разочаровывающие итоги битвы во второй половине сентября и тяжелые потери в бомбардировочной авиации заставили Геринга прибегнуть к использованию истребителей-бомбардировщиков, действовавших на большой высоте. Примерно в середине сентября всем соединениям немецкой истребительной авиации, участвовавшим в боях, было приказано выделить около трети своих самолетов для переоборудования в истребители-бомбардировщики. Таким образом было создано в общей сложности около 250 истребителей-бомбардировщиков. Однако на переподготовку летчиков отводилось очень мало времени. Бомбовая нагрузка, которую могли нести эти самолеты, оказалась недостаточной для того, чтобы причинить значительный ущерб объектам налетов. Кроме того, летчики инстинктивно избегались от бомб как можно скорее, сразу же после начала боя.

Использование истребителей-бомбардировщиков поначалу сократило потери немецкой авиации. Однако к концу октября потери немецкой авиации вновь возросли до прежнего уровня, а с наступлением плохой погоды увеличилось напряжение экипажей истребителей-бомбардировщиков, действовавших с поспешно оборудованных взлетно-посадочных полос. В октябре немцы потеряли 325 самолетов, что значительно превысило потери англичан.

Единственную серьезную опасность представляли теперь ночные налеты обычных бомбардировщиков. С 9 сентября 3-й воздушный флот под командованием Шперля (около 300 бомбардировщиков), используя прежние методы действий, в течение 57 ночей наносил удары по Лондону. В среднем в налетах участвовало по 160 бомбардировщиков за ночь.

В начале ноября Геринг отдал новый приказ, который в корне менял методы ведения авиационного наступления. Теперь главная роль отводилась ночным бомбардировкам городов, промышленных центров и портов. Для этих целей немцы имели около 750 бомбардировщиков, но фактически использовали не больше 250 самолетов в каждой серии налетов. Поскольку ночью самолеты могли лететь с небольшой скоростью и на относительно малых высотах, их бомбовая нагрузка увеличивалась по сравнению с самолетами, участвовавшими в дневных

налетах. За ночь сбрасывалось около 1000 тонн бомб, однако точность бомбометания была низкой.

В ночь на 14 ноября налетом на Ковентри началась еще одна серия ударов. Проведению этого налета способствовали отличные условия видимости. Однако последовавшие за этим налеты на Саутгемптон, Бирмингем, Бристоль, Плимут и Ливерпуль уже не имели такого эффекта. Сильный ущерб Лондону, особенно центру города, был причинен 29 декабря. Затем до марта из-за неблагоприятной погоды интенсивность налетов уменьшилась. Разрушительнейший налет на Лондон в ночь на 10 мая, в годовщину начала блицкрига на Западе, завершил серию мощных ударов. 16 мая основные силы Люфтваффе были отправлены на Восток для подготовки вторжения в Россию. «Блицу» в небе над Англией был положен конец.

Немецкое авиационное наступление, проводившееся с июля по конец октября 1940 года, причинило в действительности гораздо больший ущерб, чем признавалось в английских сообщениях. Последствия могли быть еще более серьезными, если бы немцы проявили больше настойчивости в налетах на основные промышленные центры. Однако главная цель наступления — подавить английскую истребительную авиацию и сломить дух английского народа — достигнута не была.

В ходе битвы за Англию с июля по конец октября немцы потеряли 1733 самолета, а не 2698, как сообщали англичане. Английская авиация потеряла 915 истребителей, а не 3058, как утверждали немцы.

Контрудар из Египта

Когда после прорыва обороны французских войск на рубеже Сомма, Эна стало очевидным поражение Франции, 10 июня 1940 года Муссолини вступил в войну, надеясь извлечь хоть какую-нибудь выгоду из этой ситуации. С точки зрения дуче, это решение казалось совершенно безопасным, зато ставило под смертельную угрозу позиции Англии в Средиземноморье и Африке. Это был самый черный день в английской истории. И хотя большей части английских экспедиционных сил удалось улизнуть из Франции морем, они были вынуждены оставить почти все оружие и снаряжение. Кроме того, над Англией нависла угроза вторжения победоносной немецкой армии. У англичан совершенно не было возможностей усилить войска, охраняющие Египет и Судан от вторжения итальянских армий из Ливии и Итальянской Восточной Африки.

Вступление Италии в войну создавало опасность средиземноморским коммуникациям, и подкрепления приходилось отправлять кружным путем: вокруг побережья Африканского континента, через Красное море. Небольшой отряд численностью 7000 человек был отправлен в мае 1940 года, а прибыл в Египет лишь в конце августа.

Итальянские войска обладали огромным численным превосходством над силами генерала Уэйвелла, который в июле 1939 года был назначен,

по предложению Хор-Белиша, главнокомандующим английскими войсками на Среднем Востоке. Это была первая попытка упрочить позиции на этом театре. Однако к середине 1940 года в распоряжении Уэйвелла находилось всего около 50 тыс. человек, которым противостояли итальянские колониальные войска, насчитывавшие свыше 500 тыс. человек³⁷.

На юге, в Эритрее и Абиссинии, итальянцы имели свыше 200 тыс. человек и могли нанести удар в западном направлении на Судан, где оборонялись объединенные силы англичан и суданцев, насчитывавшие 9000 человек, или на Кению, где гарнизон был не больше. В этот опасный период Судан спасали суровая местность, огромные просторы и те трудности, которые испытывали итальянцы, сдерживая волнения недавно покоренных эфиопов. Не следует сбрасывать со счетов и слабость итальянской армии. Итальянцы не предпринимали никаких наступательных действий, если не считать двух небольших вклинений в районах Кассалы и Галлабата.

На севере Африки 36 тыс. английских, новозеландских и индийских войск, оборонявших Египет, противостояли превосходящим силам итальянцев под командованием маршала Грациани. Позиции англичан в этом районе разделяла Западная Пустыня. Передовая позиция находилась в Мерса-Матрухе, в 200 км восточнее границы и примерно в 320 км западнее дельты р. Нил.

Уэйвелл не оставался пассивным. Подразделения не полностью укомплектованной бронетанковой дивизии он использовал в качестве сил прикрытия непосредственно перед пустыней. Эти подразделения постоянно совершали налеты на итальянские пограничные посты. Таким образом, с самого начала боевых действий 7-я бронетанковая дивизия генерала Крея добилась морального превосходства над противником. Особенно высокую оценку дал Уэйвелл действиям 11-го полка броневых автомобилей под командованием подполковника Комба.

14 июня подвижная группа под командованием бригадного генерала Каунтера неожиданным ударом захватила важный опорный пункт противника Ридотта Капуццо. Однако в дальнейшем англичане не пытались удерживать его. Следуя своей тактике, они стремились сохранить мобильность, быть «хозяевами пустыни», вынуждая итальянское командование к сосредоточению сил, которые затем становились выгодным объектом нападения.

В опубликованном итальянским командованием списке убитых и раненых за период с начала боевых действий до середины сентября насчитывалось 3500 человек. Потери англичан составили лишь 150 человек, хотя английские войска часто подвергались бомбовым и штурмовым налетам итальянской авиации.

Впрочем, итальянских самолетов было немного, но они почти не встречали сопротивления.

Только 13 сентября, сосредоточив более шести дивизий, итальянцы начали осторожное продвижение в глубь Западной Пустыни. Пройдя 80 км, то есть менее полпути до английских позиций в Мерса-Матрухе, они остановились в Сиди-Баррани и создали там цепь укрепленных лагерей³⁸, которые, однако, оказались слишком удаленными друг от друга, чтобы вовремя оказать поддержку соседу. Проходили недели, а никаких попыток к тому, чтобы вновь начать наступление, не предпринималось. В это время Уэйвелл получил подкрепление, в том числе три танковых полка, спешно переброшенных на быстроходных транспортных судах из Англии. Это было сделано по смелой инициативе Черчилля.

Уэйвелл решил, что, поскольку итальянцы не проявляют активности, нужно нанести им неожиданный удар. Это могло повлечь за собой разгром итальянской армии и положить конец владычеству Италии в Северной Африке. Однако в действительности англичане почему-то не поставили перед собой таких решительных целей. Удар войск Уэйвелла планировался скорее как рейд, нежели как наступление с далеко идущими целями. Войска получили задачу лишь сковать противника на то время, пока Уэйвелл частью сил постарается потеснить другую группировку итальянских войск в Судане. Таким образом, фактически не было принято никаких мер для развития успеха.

Во многом это объясняется теми радикальными изменениями, которые были внесены в ходе подготовки к операции и были вызваны возникшими сомнениями в ее осуществимости. Вместо обходного маневра планировалось нанести фронтальный удар, но он был обречен на неудачу, поскольку предстояло преодолеть обширные минные поля. Изменения в плане операции были приняты по предложению бригадного генерала Дормана-Смита, который по поручению Уэйвелла инспектировал готовившиеся к операции войска. Однако скрытые возможности сразу же оценил командир отряда «Западная Пустыня» генерал О'Коннор. Именно ему принадлежит заслуга в успехе операции. Ни Уэйвелл, ни генерал-лейтенант Уилсон, находясь вдали от поля боя, не могли оказывать сколько-нибудь существенного влияния на ход операции в условиях быстро меняющейся обстановки. Они пытались это сделать, но, как мы увидим дальше, их деятельность, к сожалению, сыграла только отрицательную роль.

В распоряжении О'Коннора было 30 тыс. человек, а у противника — 80 тыс., но англичане имели 275 танков против 120 танков противника. 50 танков «матильда» 7-го танкового полка, которые оказались неуязвимыми для противотанковых

орудий противника, сыграли решающую роль в этом и последующих боях.

В ночь на 7 декабря отряд О'Коннора выступил из Мерса-Магруха и начал свой марш через пустыню. Ему предстояло пройти 110 км. На следующую ночь отряд прорвал позиции противника на стыке двух укрепленных лагерей, и рано утром 9 декабря пехотные части индийской 4-й дивизии под командованием генерала Бересфорда-Пейрса атаковали с тыла лагерь «Нибейва». Впереди атакующих подразделений действовал 7-й танковый полк. Противник был застигнут врасплох и потерял 4000 человек. Потери атакующих оказались невелики, из числа танкистов было убито всего семь человек.

Затем танки «матильда» двинулись на север и во второй половине дня штурмом овладели лагерем «Туммар Вест», а к ночи захватили лагерь «Туммар Ист». В это же время 7-я бронетанковая дивизия³⁹, наступая в западном направлении, вышла к дороге на побережье и отрезала таким образом противнику пути отхода.

На следующий день индийская 4-я дивизия двинулась на север, к группе итальянских укрепленных лагерей вокруг Сиди-Баррани. Теперь противник был наготове, и, кроме того, действия наступающих сильно затрудняли песчаные бури. Во второй половине дня после предварительной разведки индийская 4-я дивизия при поддержке двух полков 7-й бронетанковой дивизии начала охват обоих флангов противника. К исходу дня англичане овладели большей частью позиций противника в Сиди-Баррани.

На третий день одна из бригад 7-й бронетанковой дивизии, выполнявшая задачу охвата позиций противника с запада, вышла к побережью в районе Бук-Бук и разгромила колонну отступавших итальянских войск. Было захвачено 14 тыс. пленных и 88 орудий. Таким образом, общее число пленных достигло 40 тыс. человек, а захваченных орудий — 400.

Остатки вторгшейся в английские владения итальянской армии, отойдя на собственную территорию, укрылись в береговой крепости Бардия. Вскоре они оказались в кольце окружения, стремительно завершеном 7-й бронетанковой дивизией. К сожалению, в распоряжении англичан не было пехотной дивизии, которая могла бы, воспользовавшись деморализацией противника, уничтожить эту группировку. Дело в том, что высшее английское командование приказало отозвать индийскую 4-ю дивизию сразу же после захвата Сиди-Баррани и направить ее назад в Египет для последующей переброски в Судан. Неосведомленность помешала высшим руководителям понять, какого решающего успеха добился О'Коннор и какая прекрасная возможность открывалась здесь для англичан.

Таким образом, 11 декабря разгромленные итальянские войска в панике отступали на запад, а значительная часть сил победителей ускоренным маршем двигалась на восток, то есть в прямо противоположном направлении. Это было странное зрелище, и только через три недели, когда из Палестины прибыла австралийская дивизия, англичане получили возможность продолжить наступление.

3 января 1941 года начался штурм Бардии, 22 танка «матильда»⁴⁰ из состава 7-го танкового полка действовали в первом эшелоне атакующих войск. Оборона быстро пала, и к третьему дню гарнизон, насчитывавший около 45 тыс. человек, 462 орудия и 129 танков, сдался. Командир австралийской 6-й дивизии генерал-майор Макэй заявил, что для него каждый танк «матильда» был равнозначен целому пехотному батальону.

Сразу же после взятия Бардии 7-я бронетанковая дивизия двинулась на запад с задачей изолировать Тобрук до подхода австралийцев, которым предстояло атаковать эту крепость. 21 января англичане и австралийцы атаковали Тобрук и на следующий день овладели городом, захватив 30 тыс. пленных, 236 орудий и 7 танков. В штурме города участвовало всего 16 танков «матильда», но решающая роль и здесь принадлежала им.

В эту ночь несколько солдат танкового полка слушали передачу новостей по радио. Когда радиокорментатор сказал: «Есть основания считать, что городом овладела известная кавалерийская часть», один из танкистов пришел в такое негодование, что в сердцах толкнул приемник ногой, воскликнув: «Нужно служить в колониальных войсках, быть негром или кавалеристом, чтобы заслужить похвалу в этой войне!» Это была справедливая реакция, поскольку никогда еще история войн не знала такого случая, чтобы одна воинская часть сыграла такую решающую роль в исходе ряда боев, какая выпала на долю 7-го танкового полка в боях за Сиди-Баррани, Бардию и Тобрук.

Стремительное продвижение англичан в Киренаику не встречало, однако, благожелательного отношения у высшего руководства страны. Резервы, транспортные средства и авиация, которые подлежали отправке О'Коннору, были задержаны в Египте. У О'Коннора даже отобрали несколько подразделений. Взоры Черчилля были обращены теперь совсем на иное направление. Вспомнив события Первой Мировой войны и вдохновленный упорным сопротивлением греков итальянской экспансии, Черчилль вынашивал идею создания мощного союза Балканских стран против Германии. Это была привлекательная, но нереальная идея, поскольку примитивные балканские армии не имели достаточных сил, чтобы противостоять немецким танкам и авиации, а Англия могла оказать им лишь незначительную помощь.

В начале января Черчилль решил добиться от греков согласия высадить в Салониках английский десант с танками и артиллерией и приказал Уэйвеллу немедленно подготовить такой десант к отправке, явно в ущерб силам О'Коннора. Однако глава греческого правительства генерал Метаксас отклонил предложение Черчилля, заявив, что высадка английского десанта может спровоцировать немцев на вторжение в страну, а у него нет сил противодействовать этому. Главнокомандующий греческими армиями генерал Папагос посоветовал англичанам, не распыляя усилий, завершить сначала завоевание Африки и только потом пытаться предпринимать новые шаги.

Этот вежливый отказ греческого правительства совпал с захватом Тобрука войсками О'Коннора. В связи с этим английское правительство разрешило ему захватить порт Бенгази. Это завершило бы завоевание Киренаики и восточной половины Итальянской Северной Африки. Однако английский премьер-министр никак не хотел расстаться со своей балканской идеей, и Уэйвеллу было приказано не давать О'Коннору никаких подкреплений, поскольку это могло отрицательно сказаться на сосредоточении сил и средств для действий на Балканах.

Получив разрешение продолжать продвижение, О'Коннор вновь добился гораздо большего, чем можно было ожидать при его небольших ресурсах: 7-я бронетанковая дивизия имела только 50 средних и 95 легких танков. Обнаружив противника на укрепленных позициях в районе Дерны, О'Коннор решил выбить его оттуда ударом во фланг сразу же после подхода подкреплений, прибытие которых ожидалось до начала наступления, намеченного на 12 февраля.

Однако 3 февраля воздушная разведка сообщила, что противник готовится оставить район Бенгази и отходит к Эль-Агейле, чтобы блокировать пути из Киренаики в Триполитанию. О'Коннор решил немедленно нанести смелый удар силами 7-й бронетанковой дивизии под командованием генерала Крея и воспрепятствовать отходу противника. Дивизии предстояло выйти к дороге на побережье непосредственно у Бенгази. Для этого она должна была преодолеть около 250 км от Мечили, причем большую часть пути — по исключительно пересеченной пустынной местности. К началу движения дивизия имела лишь двухдневный запас продовольствия и ограниченный запас бензина, а ей нужно было совершить одну из самых рискованных вылазок и самую безостановочную в военной истории гонку.

4-я бронетанковая бригада начала движение 4 февраля в 8.30. Впереди нее действовал 11-й полк броневедомостей. В 7-й бронетанковой бригаде дивизии Крея оставался лишь один полк.

В середине дня воздушная разведка донесла, что отступающие войска противника находятся уже южнее Бенгази. Стремясь обеспечить перехват, Крей приказал Каунтеру выслать из состава 4-й бронетанковой бригады отряд мотопехоты для усиления 11-го полка броневедомостей, которым командовал Комб. Каунтер был не согласен с решением Крея, поскольку тот не учитывал трудности вывода отряда из колонны дивизии и организации связи. Кроме того, мотопехотные подразделения, имевшие колесные машины, в условиях резкопересеченной местности двигались не быстрее танковых. Каунтер безостановочно продолжал движение до полуночи, а затем дал танковым экипажам отдых на несколько часов.

Утром 5 февраля, когда дивизия вышла на более ровную местность, полк Комба увеличил темпы движения. К полудню он занял блокирующую позицию у Беда-Фомма, на путях отхода противника. Вечером полк захватил колонну итальянской артиллерии и машины с эвакуированными итальянскими гражданами.

Танки Каунтера, следуя за подразделениями броневедомостей, около 17.00 вышли на пути отхода противника у Беда-Фомма. До наступлений темноты они разгромили две колонны итальянской артиллерии и автомашин. Это стало достойным завершением марша, в ходе которого англичане за 33 часа покрыли расстояние в 270 км, установив своеобразный рекорд мобильности бронетанковых частей. В условиях бездорожья и резкопересеченной местности такое достижение было поистине удивительным⁴¹.

Утром 6 февраля в районе Беда-Фомма появились колонны главных сил противника, сопровождаемые танками. Итальянцы имели в общей сложности более 100 новых средних танков, а у Каунтера было лишь 29 средних танков. К счастью, итальянские танки прибывали отдельными группами, а не единой колонной и держались дороги, в то время как английские танки искусно маневрировали и занимали укрытые огневые позиции. Танковый бой продолжался весь день, причем основной удар противника приняли на себя 19 средних танков 2-го танкового полка. К полудню в полку осталось всего 7 танков, но в это время прибыл 1-й танковый полк из другой бригады (10 средних танков). 3-й и 7-й полки легких танков, умело маневрируя, делали все возможное, чтобы отвлечь на себя внимание средних танков противника.

К исходу дня получили повреждение 60 итальянских танков. Утром было установлено, что итальянцы оставили на поле боя еще 40 машин. Англичане практически потеряли только 3 танка. Когда было разгромлено танковое прикрытие колонны, итальянские пехотные подразделения и части начали сдаваться в плен.

Полк броневедомств под командованием Комба перехватил те итальянские подразделения, которым удалось избежать встречи с 4-й бронетанковой бригадой. На рассвете итальянцы предприняли последнюю попытку прорваться при поддержке 16 танков, однако 2-й батальон пехотной бригады преградил им путь.

В ходе боя у Беда-Фомма было взято в плен 20 тыс. человек и захвачено 216 орудий и 120 танков. Общая же численность английских войск под командованием Каунтера и Комба составляла лишь 3000 человек. Когда 4 января пала Бардия, Иден, который после семи месяцев работы в Военном министерстве вернулся в Министерство иностранных дел в качестве государственного секретаря, перефразируя знаменитое высказывание Черчилля, заявил: «Никогда так много не было отдано столь немногим».

Это было более чем справедливо по отношению к итогам боев при Беда-Фомме. Однако сияние победы вскоре померкло. Полный разгром армии Грациани открыл англичанам путь через Эль-Агейлу на Триполи. Но, когда О'Коннор решил продолжить наступление и выбить противника из его последнего опорного пункта в Северной Африке, английский кабинет отдал приказ остановить продвижение.

12 февраля Черчилль направил Уэйвеллу пространную телеграмму, где выражал восторг по поводу захвата Бенгази «на три недели раньше, чем ожидалось», и отдавал приказ остановить наступление, оставить минимальные силы для удержания Киренаики и начать подготовку к отправке возможно больших сил в Грецию. У О'Коннора немедленно забрали почти всю авиацию, оставив лишь одну истребительную эскадрилью.

Чем же было вызвано столь странное решение? 29 января скоростно умер генерал Метаксас, а новый премьер-министр Греции оказался человеком с менее твердым характером. Черчилль усмотрел в этом возможность для осуществления своего балканского проекта и постарался не упустить ее. Он вновь направил свое предложение греческому правительству, и на этот раз греков удалось уговорить: 7 марта с согласия Уэйвелла, комитета начальников штабов и командования вооруженных сил на Ближнем Востоке первый контингент английских войск численностью 50 тыс. человек высадился в Греции.

6 апреля немцы вторглись в Грецию, и дело быстро дошло до «второго Дюнкерка». Англичане едва избежали полной катастрофы. С огромным трудом им удалось эвакуировать войска морем. Противник захватил все танки, большое количество военного снаряжения и 12 тыс. пленных.

О'Коннор и его штаб не сомневались в том, что они вполне могли бы захватить Триполи. Для этого требовалось использо-

вать Бенгази в качестве порта-базы, а некоторые транспорты в порту были выделены для авантюры в Греции. Но и это можно было бы учесть. Генерал де Гинан, позже ставший начальником штаба Монтоммери, заявил, что, по мнению командования вооруженных сил на Ближнем Востоке, можно было бы захватить Триполи еще до начала весны и выбить итальянцев из Северной Африки.

По словам генерала Варлимонта, того же мнения придерживалось верховное немецкое командование. «В то время мы не могли понять, почему англичане не использовали трудности итальянцев в Киренаике и не наступали на Триполи. Их остановить было бы нельзя. Оставшиеся в Триполи итальянские войска были охвачены паникой и каждую минуту ожидали появления английских танков».

6 февраля, в тот самый день, когда армия Грациани была окончательно выбита из Беда-Фомма, молодой немецкий генерал Роммель, который с успехом командовал 7-й танковой дивизией во французской кампании, был вызван к Гитлеру. Роммель получил приказ принять командование небольшим немецким механизированным соединением, которому предстояло отправиться на помощь итальянцам. Оно состояло из двух дивизий: 5-й моторизованной и 15-й танковой. Однако переброску моторизованной дивизии удалось завершить только к середине апреля, а переброску танковой — к концу мая. Это были значительные сроки, и путь для англичан был открыт.

12 февраля Роммель вылетел в Триполи. Двумя днями позже немецкий транспорт доставил туда разведывательный батальон и противотанковый дивизион. Роммель сразу же отправил их на фронт и подкрепил эту горстку сил ложными танками. Таким путем Роммель надеялся создать видимость многочисленности сил. Ложные танки создавались на базе автомобилей марки «фольксваген» — дешевых машин немецкого производства. Танковый полк 5-й моторизованной дивизии прибыл в Триполи лишь 11 марта.

Убедившись, что англичане не намерены наступать, Роммель решил нанести удар теми силами, которые были у него в распоряжении. Прежде всего он планировал захватить дефиле у Эль-Агейлы. Немцы 31 марта легко выполнили эту задачу, и Роммель решил двигаться дальше. Ему стало ясно, что англичане значительно преувеличивают его силы: возможно, их ввели в заблуждение ложные танки. Кроме того, немцы не уступали англичанам в воздухе, и это позволило им скрыть от английского командования слабость сухопутных сил.

Роммель хорошо рассчитал удар и по времени. В конце февраля английская 7-я бронетанковая дивизия была отправлена в

Египет для отдыха и пополнения. Ее место заняли части вновь прибывшей и не имевшей боевого опыта 2-й бронетанковой дивизии. Некоторые ее подразделения были отправлены в Грецию. Австралийскую 6-ю дивизию также отправили в Грецию. Сменившая ее 9-я пехотная дивизия была плохо обучена и имела некомплект вооружения. О'Коннору также был предоставлен отдых, и его заменил Ним, не имевший боевого опыта. Кроме того, Уэйвелл, как он сам признался позже, не верил сообщениям о готовящемся ударе немцев, хотя данные разведки подтверждали это. Вряд ли можно винить Уэйвелла в том, что он не учел смелости и решительности Роммеля.

Вопреки приказу подождать до конца мая, Роммель 2 апреля возобновил наступление. За 50 танками двигались две новые итальянские дивизии. Расчет Роммеля скрыть недостаток сил высокой мобильностью и мерами маскировки оправдался. Англичане были настолько ошеломлены первым ударом Роммеля, что приняли два его небольших отряда, действовавших на удалении почти 150 км друг от друга, за крупные группировки, осуществляющие охватывающий маневр.

Эффект дерзкого удара Роммеля был поистине потрясающим. Англичане начали поспешно отходить и 3 апреля оставили Бенгази. В помощь Ниму был направлен О'Коннор, но 6 апреля автомобиль с обоими английскими командирами был захвачен арьергардными подразделениями передовых немецких частей. В ходе отступления английская бронетанковая бригада потеряла почти все свои танки, а на следующий день 2-я бронетанковая дивизия попала в окружение у Мечили и вынуждена была сдаться. Истинную численность сил, сжимавших кольцо окружения, установить было трудно: мешали огромные клубы пыли, поднятые колоннами грузовых автомобилей, которые Роммель умышленно выслал вместе с войсками, чтобы скрыть недостаток в танках. Итальянцы же значительно отставали от танковых подразделений Роммеля.

К 11 апреля англичане были выбиты из Киренаики и отброшены за египетскую границу. Только в Тобруке остался небольшой отряд, попавший в окружение. Немцы добились такого же головокружительного успеха, как и англичане при захвате Киренаики, однако немцы действовали более стремительно.

Теперь англичане оказались перед необходимостью начинать в Северной Африке все сначала, но в более трудных условиях, осложненных появлением Роммеля. Цена, которую пришлось заплатить за упущенную в феврале 1941 года блестящую возможность, была огромной.

Завоевание Итальянской Восточной Африки

Когда фашистская Италия по настоянию Муссолини в июне 1940 года вступила в войну, ее силы в Итальянской Восточной Африке, куда с 1936 года входила завоеванная Эфиопия, так же как и в Северной Африке, значительно превосходили силы англичан. По итальянским данным, эти силы включали итальянские формирования, насчитывавшие около 91 тыс. человек, и туземные войска численностью около 200 тыс. человек. Последняя цифра, по-видимому, была лишь величиной на бумаге, и, вероятно, правильнее исходить из того, что численность туземных войск составляла половину указанной цифры. В первые месяцы 1940 года, перед вступлением Италии в войну, у Англии в Судане было 9000 английских и туземных войск и в Кении — 8500 человек.

На этом обширном, фактически двойном театре военных действий итальянцы почти так же медлили взять на себя инициативу ведения боевых действий, как и в Северной Африке. Итальянцы мотивировали это опасениями, что в дальнейшем не удастся пополнить запасы горючего и боеприпасов ввиду установленной англичанами блокады. Однако такое объяснение вряд ли можно считать серьезным, поскольку именно из-за этого итальянцам следовало бы безотлагательно использовать свое значительное превосходство в численности раньше, чем английские войска в Африке будут должным образом усилены.

В начале июля итальянцы весьма нерешительно выступили из Эритреи в северо-восточном направлении и заняли суданский город Кассала, примерно в 20 км от границы. На этом участке итальянцы использовали две бригады, четыре кавалерийских полка и две дюжины танков (всего около 6500 человек). Передовой пост англичан удерживался ротой численностью около 300 человек из состава суданских оборонительных сил. Командующий английскими войсками в Судане генерал-майор Плэтт располагал в то время во всем этом обширном районе лишь тремя английскими пехотными батальонами, размещенными соответственно в Хартуме, Атбаре и Порт-Судане. Плэтт благоразумно не бросил их в бой до тех пор, пока не увидел, как разворачивается наступление итальянцев. А итальянцы вместо продолжения наступления приостановили боевые действия, захватив несколько пограничных постов, таких как Галлабат, в непосредственной близости от северо-западной границы с Эфиопией, и Мояле, на северной границе Кении.

Лишь в начале августа итальянцы предприняли более серьезный наступательный маневр, однако это наступление ставило самую легко достижимую из возможных целей — захват Британского Сомали, растянувшегося узкой полосой вдоль африканского берега Аденского залива. И даже этот маневр с весьма ограниченными целями был по замыслу оборонительным. Дело в том, что Муссолини приказал итальянцам держать здесь оборону, но герцог Аоста (вице-король Эфиопии и главнокомандующий итальянскими войсками в этом районе), понимая, что порт Джибути во Французском Сомали позволит англичанам легко проникнуть в Эфиопию, и не веря в соглашение о перемирии с французами, решил занять соседнее и большее по площади Британское Сомали.

Английскими войсками на этом участке командовал бригадный генерал Чейтер. В его распоряжении было лишь четыре африканских и индийских батальона; кроме того, ожидалось прибытие одного английского батальона. Итальянские силы вторжения состояли из 26 батальонов с артиллерией и танками. Однако немногочисленная сомалийская кавалерия на верблюдах успешно приостановила их продвижение. Прибывший к месту боевых действий генерал-майор Годуин-Остин принял командование как раз в тот момент, когда вторгшийся противник вышел к перевалу Туг-Арган на подступах к морскому порту Бербера, главному городу Британского Сомали. Здесь обороняющиеся оказали настолько упорное сопротивление, что итальянцы в итоге четырехдневных боев так и не смогли продвинуться вперед. Однако из-за отсутствия подкреплений и необходимых оборонительных позиций английским войскам пришлось эвакуироваться из Бер-

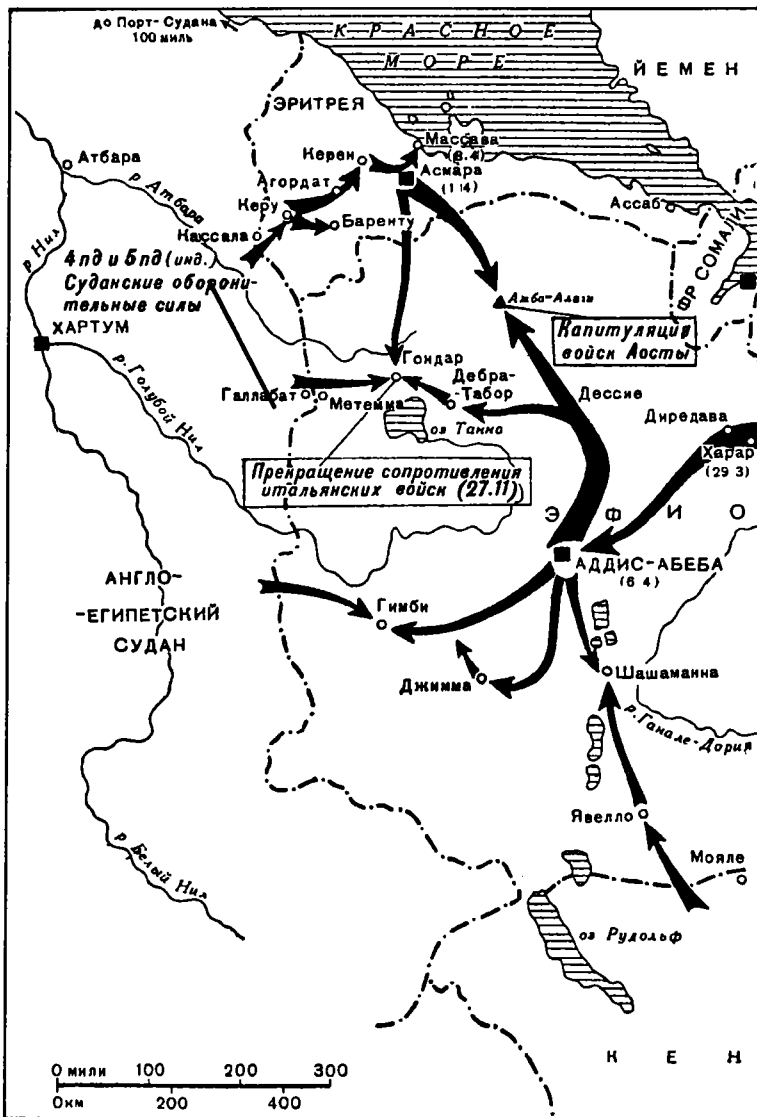

Рис. 5. Поражение немецко-итальянских войск в Восточной Африке

беры морем; бoльшая их часть была переброшена в Кению для усиления создавшейся там группировки английских войск. В ходе боев итальянцы потеряли свыше 2000 человек, в то время как потери англичан составили менее 250 человек. Это произвело большое впечатление на итальянцев и оказало серьезное стратегическое влияние на их действия в последующем.

Английские войска в Кении под командованием генерал-лейтенанта Каннингхема включали африканскую 12-ю дивизию генерала Годуин-Остина (южноафриканская 1-я и восточноафриканская 22-я бригады, а также 24-я бригада Золотого Берега), к которой вскоре присоединилась африканская 11-я дивизия.

К осени численность английских сил в Кении возросла примерно до 75 тыс. человек: 27 тыс. южноафриканцев, 33 тыс. из Восточной Африки, 9000 из Западной Африки и около 6000 англичан. Было сформировано три дивизии: южноафриканская 1-я, африканские 11-я и 12-я. В Судане теперь находилось 28 тыс. человек, включая индийскую 5-ю дивизию. Индийскую 4-ю дивизию планировалось перебросить туда после завершения первого этапа контрудара против итальянцев в Северной Африке. В Судан был направлен батальон танков 4-го танкового полка. Кроме того, там находились и суданские оборонительные силы.

Черчилль считал, что столь крупные английские силы должны проявлять бoльшую активность, чем это имело место в действительности, и неоднократно настаивал на этом. Командующий вооруженными силами на Среднем Востоке Уэйвелл предлагал в мае или июне, после окончания периода весенних дождей, начать совместно с Каннингхемом наступление из Кении в глубь Итальянского Сомали. Правда, Уэйвелла одолевали сомнения, и этому способствовало сильное сопротивление, которое встретила предпринятая Плэттом в ноябре попытка продвинуться в направлении Галлабата силами индийской 10-й бригады. Этой бригадой командовал Слим, решительный командир, ставший впоследствии одним из самых прославленных военачальников. Атака на Галлабат прошла успешно, однако последующая атака на соседний пост Метемма была отражена итальянской колониальной бригадой. И случилось это главным образом по вине английского батальона, который был введен для усиления в состав индийской бригады вопреки желанию Слива. Как показали дальнейшие события, итальянские войска в этом северном секторе вели себя гораздо более стойко, чем на других участках фронта.

Единственными обнадеживающими эпизодами в холодной зимней кампании были действия бригадного генерала Сэндфорда. Этого отставного генерала вновь призвали на действительную службу в начале войны и направили в Эфиопию с задачей

организовать мятеж вождей горных племен в районе Гондара. Его действия были развиты в течение зимы неуловимым партизанским отрядом капитана Уингейта при поддержке суданского батальона. Находившийся в изгнании император Хайле Селассие 20 января 1941 года был доставлен самолетом в Эфиопию. Не прошло и трех месяцев, как он вновь вступил в свою столицу Аддис-Абебу вместе с Уингейтом. Произошло это гораздо раньше, чем мог предполагать даже Черчилль.

Испытывая постоянно давление со стороны Черчилля и Смэтса, Уэйвелл и Каннингхем были вынуждены в феврале 1941 года начать вторжение в Итальянское Сомали из Кении. Порт Кисмаю был захвачен неожиданно легко. Овладение этим портом упростило проблему снабжения. Затем войска Каннингхема форсировали р. Джуба и продвинулись на 400 км в направлении столицы Итальянского Сомали и крупного порта Могадишо. Они заняли его меньше чем через неделю — 25 февраля. Захвачено было огромное количество горючего. Англичане продвигались так быстро, что итальянцы не смогли осуществить такие же разрушения, как в Кисмаю. Другим важным фактором, обеспечившим быстрое продвижение, была сильная авиационная поддержка.

Затем войска Каннингхема повернули в глубь страны, вступили в южную Эфиопию, и к 17 марта африканская 11-я дивизия, пройдя около 650 км, заняла Джиджигу, недалеко от центра провинции Харар. Это позволило англичанам выйти к границе бывшего Британского Сомали, где 16 марта высадился небольшой отряд из Адена. К 29 марта, преодолев упорное сопротивление, англичане заняли Харар, и войска Каннингхема повернули на запад, к столице Эфиопии Аддис-Абебе, находившейся в 480 км. Аддис-Абеба была занята через неделю, 6 апреля, то есть за месяц до того, как туда в сопровождении Уингейта вернулся император Хайле Селассие.

На севере, как и в начале боевых действий, сопротивление было более упорным. Здесь в районе Эритреи итальянцы под командованием генерала Фруши имели в первом эшелоне хорошо обученные войска численностью около 17 тыс. человек. Кроме того, во втором эшелоне находилось более трех дивизий. Наступление генерала Плэтта, начавшееся в третью неделю января, проводилось силами хорошо подготовленных индийских 4-й и 5-й дивизий. Еще до того, как наступление англичан развернулось в полную силу, герцог Аоста приказал итальянским войскам в Эритрее отступить, и поэтому первое серьезное сражение произошло у Керу, в 100 км к востоку от Кассалы и в 60 км от границы с Суданом.

Еще более упорное сопротивление индийские дивизии встретили в горах у Баренту и Агордата (соответственно в 70 и

110 км восточнее Керу). Правда, индийской 4-й дивизии под командованием генерала Бересфорд-Пейрса удалось быстро выйти к Агордату, что облегчило продвижение индийской 5-й дивизии к Баренту.

Теперь Уэйвелл мог решить более трудную задачу — занять всю Эритрею, и он отдал новые распоряжения генералу Плэтту. Однако от Агордата до Асмары, столицы Эритреи, было более 150 км (порт Массавы находился еще дальше). Почти на полпути к Асмаре была расположена горная позиция Керен — одна из самых прочных оборонительных позиций в Восточной Африке, прикрывавшая единственный путь к Асмаре и итальянской военно-морской базе в Массаве.

Первые попытки прорваться, предпринятые англичанами утром 3 февраля, окончились неудачей. В последующие дни противник также неоднократно срывал эти попытки. Генерал Карнимео, командовавший итальянскими войсками в этом районе, проявил высокий боевой дух и тактическое мастерство. После продолжавшихся более недели боев англичанам пришлось отказаться от наступления. Последовало длительное затишье. Наступление возобновилось лишь в середине марта, когда была подтянута индийская 5-я дивизия. И вновь начался период затяжных боев. После серии контратак итальянцев англичанам пришлось отходить назад, однако в конце концов 27 марта батальон 4-го танкового полка прорвал оборону итальянских войск. Танкисты здесь сыграли такую же решающую роль, как и 7-й танковый полк в боях у Сиди-Баррани и Тобрука в Северной Африке.

Так закончились бои у Керена, продолжавшиеся 53 дня. Войска генерала Фруши отступили на юг в Эфиопию, и 1 апреля англичане заняли Асмару. Затем они двинулись к порту Массавы, до которого было около 80 км, и 8 апреля вынудили капитулировать его гарнизон. Кампания в Эритрее завершилась.

Тем временем итальянские войска под командованием герцога Аосты отошли на юг в Эфиопию, намереваясь дать решительный бой на горной позиции у Амба-Алаги, в 130 км южнее Асмары. В распоряжении герцога Аосты оставались всего 7000 человек, 40 орудий и запас снабжения всего лишь на три месяца. Все это привело к тому, что 19 мая герцог Аоста с готовностью принял «почетные условия» капитуляции. В результате общее число пленных итальянцев возросло до 230 тыс. Правда, еще оставались изолированные группы итальянских войск под командованием генерала Гадзиры в юго-западной Эфиопии и под командованием генерала Нази в северо-западной Эфиопии (в районе Гондара), но до осени они были окружены и разгромлены. Таков был конец недолговечной африканской империи Муссолини.

**Наступление Германии
на широком фронте.
1941 год**

Вторжение на Балканы и захват Крита

По мнению некоторых специалистов, операция по отправке войск генерала Уилсона в Грецию хотя и закончилась поспешной эвакуацией, все-таки имела смысл, поскольку она на шесть недель задержала вторжение немцев в Россию. Правомерность подобных выводов спорна. Многие военные специалисты, хорошо знакомые с положением в районе Средиземного моря, и в частности генерал де Гинан, осудили эту опасную политическую игру. Относительно небольшие силы, переброшенные в Грецию, совершенно не имели реальных шансов спасти ее от немецкого вторжения. Однако при этом была упущена блестящая возможность воспользоваться поражением итальянцев в Киренаике и захватить Триполи до прибытия немецких войск.

Правильность подобной точки зрения подтвердили последующие события. Греция была оккупирована немцами в течение трех недель, и англичан выдворили с Балкан. В это же время лишены большей части своих сил английские войска в Киренаике также были выброшены оттуда немецким Африканским корпусом, которому дали возможность высадиться в Триполи. Эти поражения означали для Великобритании потерю престижа и перспектив и только усугубили несчастья, обрушившиеся на греческий народ. И даже если допустить, что греческая кампания задержала

вторжение немцев в Россию, это обстоятельство не может служить оправданием, поскольку, принимая свое решение, английское правительство не преследовало в то время такой цели.

Однако в историческом аспекте этот вопрос представлял интерес. Действительно ли эта кампания имела такие последствия? Ответом на этот вопрос является тот факт, что первоначально Гитлер приказал завершить подготовку к нападению на Россию к 15 мая, в конце марта предварительно установленная дата нападения была сдвинута примерно на месяц, а затем вторжение было назначено на 22 июня. Фельдмаршал Рундштедт отмечает, что подготовка его группы армий задержалась в связи с занятостью танковых дивизий в балканской кампании и что это наряду с неблагоприятными погодными условиями было основной причиной отсрочки нападения на Россию.

Фельдмаршал Клейст, командовавший танковыми войсками у Рундштедта, высказался более определенно. «Безусловно верно, — заявил он, — что силы, брошенные нами на Балканы, были небольшими по сравнению с общей численностью наших войск, однако доля занятых там танков была велика».

На взгляды фельдмаршалов Рундштедта и Клейста, разумеется, оказало влияние то, что наступление на их участке фронта зависело от возвращения этих танковых дивизий. Другие же генералы придавали меньшее значение балканской кампании и подчеркивали, что главная роль в наступлении против России отводилась группе армий фельдмаршала Бока, действовавшей из северной Польши, и что шансы на успех зависели главным образом от ее успешного продвижения. Ослабление войск Рундштедта, группе армий которого предстояло выполнять вспомогательные задачи, вероятно, не должно было сказаться на исходе кампании в России, так как русским нелегко было перегруппировать свои силы. Оно могло бы даже сдержать намерения Гитлера перенести основные усилия немецких войск на втором этапе вторжения в Россию на южный участок фронта. Все это, как мы увидим дальше, роковым образом повлияло на перспективы взятия Москвы до наступления зимы. В конце концов вторжение можно было бы начать, не ожидая, когда группа армий Рундштедта будет усилена дивизиями с Балкан. Однако в данном случае сыграли роль сомнения относительно того, достаточно ли сухим будет грунт, если начать вторжение в более ранние сроки. По мнению генерала Гальдера, погодные условия действительно не благоприятствовали вторжению до того времени, пока оно было начато фактически.

И все же ретроспективные суждения генералов не могут быть надежным показателем того, какое решение было бы при-

нято, если бы не возникли осложнения на Балканах. Стоило только предварительно намеченную дату нападения перенести по этой причине, как стал отвергаться любой срок нанесения удара до возвращения дивизий с Балкан.

Однако задержку вызвала вовсе не кампания в Греции. В план действий на 1941 год Гитлер включил вторжение в Грецию как прелюдию к нападению на Россию. И все же решающим фактором, повлиявшим на изменение сроков, оказался неожиданный государственный переворот в Югославии: 27 марта генерал Симович и его сторонники свергли правительство, которое только что заключило пакт со странами оси. Гитлер был настолько взбешен этой неприятной новостью, что в тот же день принял решение начать решительное наступление против Югославии. Для нанесения такого удара требовалось больше сил (как сухопутных войск, так и авиации), чем для проведения кампании только в Греции, и это заставило Гитлера принять чреватое роковыми последствиями решение перенести ранее намеченную дату нападения на Россию.

Именно опасения, связанные с высадкой англичан, а не сам факт их высадки заставили Гитлера ввести войска в Грецию. Исход этой кампании принес ему успокоение. Высадка англичан не помешала тогдашнему правительству Югославии вступить в соглашение с Гитлером, но, с другой стороны, она, возможно, воодушевила Симовича на успешно закончившуюся попытку свергнуть правительство и на борьбу, уже менее успешную, против Гитлера.

Еще больший свет на этот вопрос проливает анализ балканской кампании, сделанный генералом Грейфенбергом, бывшим начальником штаба 12-й армии фельдмаршала Листа, осуществившей операции на Балканах.

Грейфенберг, напомнив, что захват союзниками плацдарма в Салониках в 1915 году в конечном счете позволил им развернуть решающее стратегическое наступление в сентябре 1918 года, подчеркивает, что Гитлер в 1941 году опасался новой высадки англичан в Салониках или на южном побережье Фракии: тогда англичане оказались бы в тылу группы армий «Юг» во время ее наступления на восток, в южные районы России. Гитлер исходил из предположения, что англичане вновь попытаются продвинуться на Балканы, и помнил, что действия армий союзников на Балканах в конце Первой Мировой войны существенно способствовали их победе. Поэтому в качестве меры предосторожности он решил перед началом действий против России занять побережье южной Фракии между Салониками и Александрополисом.

Для проведения этой операции была выделена 12-я армия, включавшая танковую группу Клейста. Армия сосредоточилась в Румынии, переправилась через Дунай и вступила в Болгарию. Затем ей предстояло прорвать линию Метаксаса, наступая правым флангом на Салоники, а левым — на Александрополис. После выхода немецких войск к морю болгары должны были взять на себя основную задачу по обороне побережья, где планировалось выставить лишь незначительные силы немецких войск. Затем главные силы 12-й армии, прежде всего танковая группа Клейста, должны были развернуться и двинуться в северном направлении через Румынию, чтобы принять участие в боевых действиях на южном участке Восточного фронта. Первоначально этот план не предусматривал оккупации основных районов Греции.

Когда с этим планом познакомили болгарского царя Бориса, тот заявил, что не доверяет Югославии и что она может угрожать правому флангу 12-й армии. Представители Германии заверили царя Бориса, что они не ожидают никакой опасности с этой стороны, поскольку в 1939 году между Югославией и Германией заключен пакт. Тем не менее их доводы не вполне убедили царя Бориса.

И он оказался прав. Когда 12-я армия в соответствии с планом была готова начать действия из Болгарии, в Белграде внезапно произошел переворот, приведший к отречению от власти принца-регента Павла. Блюментрит отмечал: «По-видимому, определенные круги в Белграде не были согласны с прогерманской политикой принца Павла и хотели стать на сторону западных держав. Произошел ли этот переворот при поддержке западных держав или СССР, мы, будучи солдатами, определить не можем. Несомненно одно — его организовал не Гитлер! Наоборот, эти события оказались весьма неприятным сюрпризом и почти расстроили весь план действий 12-й армии в Болгарии».

Танковым дивизиям Клейста пришлось немедленно выступить из Болгарии в северо-западном направлении на Белград, а соединения 2-й армии под командованием Вейхса спешно двинулись на юг из Каринтии и Штирии в Югославию. Обострение обстановки на Балканах заставило перенести начало русской кампании с мая на июнь. Следовательно, в этом плане белградский переворот существенно повлиял на сроки нападения Гитлера на Россию.

Впрочем, в 1941 году погодные условия также сыграли важную роль, хотя это и был случайный фактор. К востоку от рубежа Буг, Сан в Польше до мая проводить наземные операции можно было весьма ограниченно, так как большинство дорог

становилось непроходимыми из-за грязи, а окружающая местность превращалась в болота и топи. Густая сеть рек с нерегулируемым стоком вызывала наводнение на большой площади. Чем дальше на восток, тем больше ощущались эти препятствия, особенно в болотистых лесных районах по берегам рек Припять и Березина. Даже в обычное время возможности продвижения в этом районе до середины мая весьма ограничены, а 1941 год был исключительно неблагоприятным в отношении погоды. Зима длилась дольше, чем обычно. Вплоть до июня на протяжении многих километров берега Буга были скрыты под водой.

Такая же погода стояла и в районах, расположенных севернее. Генерал Манштейн, командовавший в то время ударным танковым корпусом в Восточной Пруссии, вспоминал, что в конце мая и начале июня там прошли сильные дожди. Если бы вторжение началось раньше, то шансы на его успех были бы невысокими, и, как заявил Гальдер, весьма сомнительно, что более ранний срок вторжения был бы более приемлемым, и поэтому задержка, связанная с кампанией на Балканах, не играет большой роли. Погода в 1940 году весьма благоприятствовала вторжению на западе Европы, а в 1941 году она серьезно осложнила вторжение на востоке.

Когда в апреле 1941 года после высадки в Салониках небольшого контингента английских войск немцы вторглись в Грецию, греческая армия прикрывала в основном горные перевалы со стороны Болгарии, где были сосредоточены немецкие войска. Однако ожидаемое наступление по долине р. Струма маскировало менее прямой маневр. Немецкие механизированные колонны двинулись вверх по долине р. Струмица, протянувшейся параллельно границе. Через горные перевалы они вышли в югославскую часть долины р. Вардар, осуществив таким образом прорыв на стыке греческой и югославской армий. Развивая успех, немцы нанесли быстрый удар вдоль р. Вардар на Салоники. Этот маневр позволил им отсечь большую часть греческой армии во Фракии.

После нанесения этого удара немцы из района Салоник стали продвигаться не прямо на юг, мимо горы Олимп, где заняли позиции английские войска, а через проход у Монастира. Продвигаясь к западному побережью Греции, немецкие войска отрезали греческие дивизии в Албании, обошли английские войска с фланга и, создав угрозу удара по линии отхода оставшихся союзных войск, вынудили их быстро прекратить всякое сопротивление в Греции. Большая часть английских и других союзных войск была эвакуирована на остров Крит⁴².

Захват Крита путем высадки воздушного десанта был самой яркой воздушно-десантной операцией во Второй Мировой

войне. Операция прошла успешно из-за промаха англичан и должна служить предостережением на будущее: никогда нельзя забывать о возможности внезапных «ударов с ясного неба».

В 8.00 20 мая 1941 года на Крит было сброшено около 3000 немецких парашютистов. Остров обороняли английские, австралийские и новозеландские войска численностью 28 600 человек, а также две греческие дивизии примерно такой же численности.

Союзники предвидели возможность нападения на Крит — надежную информацию об этом дали английские агенты в Греции. Однако угрозу выброски воздушного десанта англичане не приняли всерьез. Черчилль писал, что генерал Фрейберг, которого по предложению самого премьер-министра назначили командующим английскими войсками на Крите, сообщил 5 мая: «Не могу понять причин нервозности, нисколько не тревожусь относительно воздушного десанта»⁴³. Его больше беспокоило вторжение на Крит с моря, хотя эта угроза в данном случае снималась присутствием английского военно-морского флота.

Черчилль тоже проявлял беспокойство по поводу угрозы Криту. Он настаивал на том, чтобы послать «по меньшей мере еще дюжину танков» в добавление к шести-семи танкам, которые там находились⁴⁴. Серьезным просчетом англичан было также полное отсутствие авиации для борьбы с немецкими пикирующими бомбардировщиками и для перехвата самолетов с воздушным десантом. Очень мало было и зенитной артиллерии.

К исходу первого дня численность немецких войск на острове более чем удвоилась и непрерывно возрастала, поскольку выброска парашютистов продолжалась. Десант высаживался с планеров и доставлялся на транспортных самолетах. Транспортные самолеты стали приземляться на захваченном аэродроме в Малеме, хотя он еще находился под обстрелом артиллерии и минометов защитников острова. Общая численность немецких солдат, переброшенных по воздуху, достигла примерно 22 тыс. человек. Немцы несли большие потери убитыми и ранеными при авариях самолетов во время приземления, однако превосходящий их численно противник не был так хорошо обучен и все еще находился под впечатлением шока, полученного при изгнании из Греции. У англичан также не хватало вооружения, отсутствовали радиостанции для тактической связи. Тем не менее многие английские и греческие солдаты сражались храбро, и их стойкое сопротивление имело важные последствия, которые проявились позже.

В высших сферах Великобритании некоторое время продолжали царить оптимистические настроения. В свете полученных

сообщений на второй день Черчилль заявил в палате общин о том, что «большая часть» немецких десантников уничтожена. Штаб командования на Среднем Востоке продолжал еще два дня сообщать, что остров «очищают» от немцев.

Однако на седьмой день, 26 мая, командующий английскими войсками на Крите был вынужден признать: «Мне кажется, что войска под моим командованием достигли предела выносливости... Наше положение здесь безнадежно». Поскольку этот приговор исходил из уст такого стойкого солдата, как Фрейберг, его не подвергли сомнению. В ночь на 28 мая началась эвакуация войск, закончившаяся ночью 31 мая. Английский военноморской флот, стремясь эвакуировать с острова максимальное число войск, понес тяжелые потери под ударами господствовавшей в воздухе авиации противника. В целом было эвакуировано 16 500 человек, в том числе около 2000 греческих солдат. Остальные либо погибли, либо оказались в плену у немцев. Потери флота составили свыше 2000 человек. Были потоплены три крейсера и шесть эсминцев, серьезные повреждения получили тринадцать других кораблей, в том числе два линкора и единственный имевшийся тогда в составе английского Средиземноморского флота авианосец⁴⁵.

Немцы потеряли около 4000 человек убитыми и около 2 тыс. ранеными. Таким образом, их потери составили меньше трети потерь англичан. Но если учесть, что потери немцев приходились в основном на отборный личный состав единственной тогда у них парашютной дивизии, то легко понять, какое влияние оказали они на Гитлера, что обернулось впоследствии выгодой для Англии.

Однако в тот момент поражение на Крите выглядело катастрофой. Этот удар был столь болезнен для английского народа еще и потому, что последовал сразу же за двумя другими катастрофами: в апреле в течение десяти дней английские войска были выброшены Роммелем из Киренаики, а через три недели после начала немецкого вторжения — из Греции. Зимний успех Уэйвелла по захвату Киренаики у итальянцев был лишь мимолетным проблеском в мрачных тучах. Новая серия поражений и возобновление весной немецкого воздушного «блица» над Англией рисовали более мрачные перспективы, чем в 1940 году.

Гитлер после третьей победы в районе Средиземного моря не пошел ни по одному из тех путей для продолжения действий, которые считала возможными английская сторона, — внезапный удар по Кипру, Сирии, Суэцу или Мальте. Месяцем позже он начал вторжение в Россию и, таким образом, упустил открывшуюся перед ним возможность изгнать англичан из районов

Средиземного моря и Среднего Востока. Отказ от использования этой возможности объясняется главным образом тем, что вниманием Гитлера полностью завладела авантюра в России, но, несомненно, на его решение также повлияли итоги боев на Крите. Гитлера не столько обрадовал захват острова, сколько огорчили потери. Эта победа резко отличалась от прошлых его успехов, которые давались ему намного легче и в то же время были гораздо более крупными.

Его новые танковые соединения столь же легко ломали сопротивление в Югославии и Греции, как и на равнинах Польши и Франции. Они пронеслись по этим странам, как смерч, и расшвыряли противостоящие армии, как кегли.

Армия фельдмаршала Листа захватила в плен 90 тыс. югославов, 270 тыс. греков и 13 тыс. англичан, потеряв, как стало известно позже, всего 5000 человек убитыми и ранеными. А в то время английские газеты сообщали, что немцы потеряли около четверти миллиона человек, и даже в официальном английском заявлении говорилось, что потери немцев составляют, «вероятно, 75 тыс. человек».

Оборотной стороной медали в победе Гитлера на Крите были не только высокие потери, но и то обстоятельство, что они временно ослабили единственный имевшийся тогда у него новый род войск, способный вести наземные боевые действия после переброски через морские просторы без риска перехвата английским военно-морским флотом, который, несмотря на тяжелые потери, все еще господствовал на море. Образно говоря, на Крите Гитлер «растянул связки на руке, которой наносил удар».

После войны командующий немецкими воздушно-десантными войсками генерал Штудент вызвал всеобщее удивление, рассказав, что Гитлер весьма неохотно согласился с планом нападения на Крит: «Он хотел прекратить балканскую кампанию после выхода наших войск в южную часть Греции. Узнав об этом, я полетел на прием к Герингу и предложил план захвата Крита силами одних только воздушно-десантных войск. Геринг, которого всегда можно было легко увлечь новой идеей, быстро оценил возможности этого замысла и направил меня к Гитлеру. Я встретился с ним 21 апреля. Когда я впервые изложил ему свой план, Гитлер сказал: „План хорош, но вряд ли целесообразен“. Однако в конце концов мне удалось убедить его. В этой операции мы использовали нашу единственную парашютную дивизию, наш единственный планерный полк и 5-ю горнопехотную дивизию, у которой до этого не было опыта переброски по воздуху».

Авиационную поддержку обеспечивали пикирующие бомбардировщики и истребители 8-го воздушного корпуса Рихтгофена,

которые сыграли решающую роль при «взламывании ворот» в Бельгию и затем в 1940 году во Францию.

«По морю никакие войска не перевозились. Первоначально предусматривалось по морю доставлять подкрепления, но в нашем распоряжении не оказалось других транспортных средств, кроме некоторого количества мелких греческих судов. Тогда было решено, что конвой из этих судов перевезет более тяжелое вооружение для намеченной экспедиции — зенитные и противотанковые пушки, другую артиллерию и несколько танков, а также два батальона 5-й горнопехотной дивизии... Считалось, что английский флот все еще находится в Александрии, в то время как в действительности он был на пути к Криту. Конвой отправился к Криту, подвергся нападению английского флота и был рассеян. Люфтваффе отомстили за эту неудачу, нанеся английскому флоту немалые потери. Однако наши наземные операции на Крите сильно затруднялись отсутствием тяжелого вооружения, на которое мы рассчитывали...

20 мая нам не удалось захватить ни одного аэродрома. Наибольший успех был достигнут лишь на аэродроме в Малеме, где хорошо подготовленный десантный полк сражался с отборными новозеландскими войсками. Ночь на 21 мая была критической для немецкого командования. Мне пришлось принять важное решение — использовать резерв парашютистов, находившихся еще в моем распоряжении, для окончательного захвата аэродрома в Малеме. Если бы противник предпринял этой ночью или утром 21 мая организованную контратаку, ему, вероятно, удалось бы разгромить сильно потрепанные и уставшие остатки десантного полка, особенно потому, что действия десантников были скованы острой нехваткой боеприпасов.

Однако новозеландцы предпринимали лишь отдельные контратаки. Позже я узнал, что английское командование ожидало высадки крупного морского десанта на побережье между Малеме и Ханьей и потому держало там свои войска. В решающий момент английское командование не рискнуло направить эти войска к Малеме. 21 мая немецким резервам удалось захватить аэродром и деревню Малеме. Вечером уже можно было доставить 1-й горнопехотный батальон на транспортных самолетах. Таким образом и была выиграна Германией битва за Крит».

Однако эта победа досталась слишком дорогой ценой, и не только потому, что английских войск на острове оказалось в три раза больше, чем предполагалось, но и по другим причинам.

«Значительная часть потерь была следствием неудачной высадки десанта. На Крите имелось очень мало пригодных для этой цели мест. Ветры в основном дули из глубины острова в

сторону моря. Опасаясь, что десантники упадут в море, летчики стремились сбрасывать их в глубине острова, в результате парашютисты приземлялись фактически на английских позициях. Контейнеры с оружием часто падали далеко от приземлившихся парашютистов, что создавало дополнительные трудности и приводило к излишним потерям. Большой урон нам вначале нанесли английские танки, но, на наше счастье, их оказалось не больше двух дюжин. Пехота, большей частью новозеландцы, оказывала упорное сопротивление, хотя и была захвачена врасплох.

Фюрера очень расстроили тяжелые потери парашютных частей, и он пришел к выводу, что фактор внезапности, связанный с их применением, уже не эффективен. После этого он часто говорил мне: „Время парашютных войск прошло...“

Убеждая Гитлера одобрить план захвата Крита, я предложил ему после этого захватить с воздуха Кипр и затем последующим броском с Кипра занять Суэцкий канал. Гитлер как будто не возражал против этой идеи, но не хотел связывать себя определенными обязательствами, так как его мысли были заняты предстоящим вторжением в Россию. После шока, вызванного тяжелыми потерями на Крите, он отказался предпринять еще одну попытку использовать воздушно-десантные войска. Я неоднократно пытался разубедить его, но безуспешно».

Таким образом, потери англичан, австралийцев и новозеландцев на Крите не остались без возмездия. Предложенный Штудентом план захвата Суэцкого канала, возможно, нельзя было бы осуществить, пока танковые войска Роммеля в Африке не получили серьезных подкреплений, а захват Мальты был бы более легкой задачей. Гитлера уговорили было предпринять эту операцию годом позже, но затем он раздумал и отменил этот план. Штудент говорил: «Гитлер чувствовал, что, если в дело вступит английский флот, все итальянские корабли удержат в свои порты и бросят немецкие воздушно-десантные войска на произвол судьбы».

Гитлер решает напасть на Россию

Весь ход войны в корне изменился, когда Гитлер 22 июня 1941 года вторгся в Россию на день раньше, чем в 1812 году это сделал Наполеон. Предпринятый шаг оказался для Гитлера столь же роковым, как и для его предшественника, хотя конец этой авантюры наступил не так быстро.

Наполеон был вынужден отступить из России еще до конца 1812 года, и русские войска вошли в столицу его империи в апреле следующего года. Гитлер был изгнан из России лишь через три года после вторжения, и русские войска вошли в столицу рейха только в апреле четвертого календарного года войны. Гитлер проник в глубь России в два раза дальше Наполеона, хотя ему и не удалось повторить иллюзорного успеха Наполеона — войти в Москву. Более глубокое проникновение Гитлера на территорию России стало возможным вследствие применения более совершенных средств передвижения, однако этого оказалось недостаточно для достижения поставленной цели. Большие пространства сначала привели к крушению планов Гитлера, а затем и к поражению.

История повторилась также и во второстепенных последствиях самоубийственного шага агрессора. Гитлер позволил Англии выйти из положения, которое казалось безнадежным в глазах большинства людей за пределами ее собственных

островных границ. Все понимали, сколь отчаянным было положение небольшого острова. Значение Ла-Манша снизилось в связи с развитием воздушной мощи. Индустриализация острова привела к тому, что он стал зависеть от импорта. Угроза со стороны подводных лодок приобрела огромнейшее значение. Отказываясь рассматривать любые предложения о мире, английское правительство заставило страну принять курс, который в создавшихся условиях должен был логически привести сначала к истощению ее сил, а в конечном счете к полному поражению, даже если бы Гитлер и не пытался быстро завоевать остров путем вторжения. Этот бескомпромиссный курс был равносителен медленному самоубийству.

Соединенные Штаты могли бы «подкачать воздух», чтобы дать возможность Англии «удержаться на плаву», но это только продлило бы агонию, но не позволило бы избежать печального конца. К тому же продолжительность передышки сократилась из-за принятого Черчиллем в середине лета решения осуществлять бомбардировки Германии с воздуха всеми (тогда еще ничтожными) силами английской авиации. Эти налеты были для Германии не более чем булавочными уколами, но все же отвлекали внимание Гитлера от действий на Востоке.

В этих условиях английский народ не задумывался серьезно о трудности своего положения. Англичане проявили инстинктивное упрямство и неосведомленность в области стратегии. Пламенные речи Черчилля помогли преодолеть упадок духа, вызванный событиями в Дюнкерке, и дали жителям острова необходимый заряд бодрости. Однако более сильное впечатление на англичан произвели не призывы Черчилля, а действия Гитлера. Завоевание Франции и приближение немцев к берегам Англии мобилизовали их на борьбу гораздо эффективнее, чем любое из предыдущих сообщений о тирании и агрессивности Гитлера. Англичане прореагировали в характерной для них манере. Они были полны решимости «не выпускать зубов из шкуры Гитлера», чего бы это им ни стоило. Никогда еще их общенациональная характеристика «как бульдога» не проявлялась так ярко во всей своей возвышенной глупости и не была столь оправданной!

Покоритель Запада был вновь сбит с толку поведением народа, который «не понимал того, что он потерпел поражение». Гитлер, как свидетельствует «Майн кампф», понимал англичан лучше, чем Наполеон. И все же он рассчитывал на здравый смысл англичан, но не понимал, почему они никак не могут осознать безнадежность борьбы, которую вели, и признать, что его условия мира являются чрезвычайно выгодными, если

учесть обстоятельства, в которых они предлагаются. В этом состоянии замешательства Гитлер колебался, не зная, что делать дальше, а затем повернул в том же направлении, что и Наполеон, — в направлении России. Этот шаг он считал предварительным на пути к окончательному урегулированию отношений с Англией.

Гитлер постоянно думал об уничтожении Советской России. И его идея обосновывалась не просто соображениями целесообразности в достижении честолюбивых замыслов: антибольшевизм был его самым глубоким эмоциональным убеждением.

Гитлер пришел к выводу, что не может позволить себе откладывать нападение на Россию до тех пор, пока не закрепит победу на Западе. Его опасения, честолюбивые замыслы и предубеждения, воздействуя друг на друга, дали толчок новому повороту в его сознании. При таком образе мыслей его подозрения легко усиливались. Поставленный в тупик тем, что англичане, казалось, не осознавали безнадежности своего положения, Гитлер связывал это с позицией России. В течение ряда месяцев он неоднократно повторял Йодлю и другим, что Англия, вероятно, надеется на русское вмешательство, так как в противном случае она бы капитулировала, и, должно быть, уже существует какое-то секретное соглашение. По его мнению, поездка Криппса в Москву и его беседы со Сталиным подтверждали это подозрение. Германия должна быстро нанести удар, или ее задушат. Гитлер не мог понять, что русские, подобно ему, опасались агрессии, агрессии с его стороны.

План войны против России был уже набросан к началу сентября 1940 года, когда генерал Паулюс (получивший позже известность как командующий армией, окруженной русскими под Сталинградом) стал заместителем начальника генерального штаба. Ему было поручено «изучить возможности этого плана». План предусматривал первоначальный разгром русских армий в западной части России, а затем вторжение на достаточную глубину с целью оградить Германию от угрозы воздушного нападения с Востока. Для этого немецкие войска должны были выйти на рубеж Архангельск, Волга.

К началу ноября 1940 года была закончена детальная разработка плана, и затем он был проверен на двух военных играх. Гитлер теперь в меньшей степени опасался угрозы со стороны русских и в то же время укрепился в своем намерении напасть на Россию. Подготовка и обдумывание грандиозных стратегических планов всегда опьяняли фюрера. Сомнения, высказанные генералами, когда он раскрыл им этот замысел, лишь

укрепили его в своем стремлении. Разве не оказывался он прав во всех тех случаях, когда генералы сомневались в успехе? Ему придется вновь доказать им, что они ошибаются, и сделать это еще более убедительно, так как, несмотря на все их раболепие, сомнения генералов свидетельствовали о том, что они все еще сохраняют скрытое недоверие к нему как дилетанту в военных вопросах. Адмиралы и генералы не поддерживали его идею осуществить операцию против Англии, форсировав Ла-Манш. Гитлер разработал также план наземной операции для наступления через Испанию с целью захватить Гибралтар и закрыть западную часть Средиземного моря, однако операция казалась ему слишком незначительной и не могла удовлетворить его гипертрофированное честолюбие.

В конце октября 1940 года произошло новое событие, которое в еще большей степени повлияло на последствия решения Гитлера. Этим событием было нападение Муссолини на Грецию, предпринятое без ведома Гитлера. Фюрера привело в бешенство неуважение, проявленное младшим партнером. Нападение Италии на Грецию срывало программу действий, разработанную Гитлером, и открывало перед итальянцами перспективу обосноваться в районе, который фюрер намеревался включить в сферу своего влияния. Хотя последнее опасение вскоре уменьшилось из-за неудач итальянцев, проявленная Муссолини инициатива заставила Гитлера ускорить проведение своих операций на Балканах. Это послужило еще одной причиной отсрочки завершения программы на Западе и ускорило решение Гитлера начать кампанию на Востоке. Стремясь опередить своих союзников в погоне за установлением контроля над Балканами, Гитлер должен был сначала рассчитаться с Россией, а решение английской проблемы отложить на более позднее время.

10 ноября 1940 года в Берлин прибыл Молотов для обсуждения широкого круга вопросов, включая предложение Германии о присоединении России к странам оси. По окончании переговоров было опубликовано совместное коммюнике, в котором говорилось: «Обмен мнениями протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию».

Однако «взаимное доверие» как раз полностью отсутствовало, и дипломатические выражения никогда еще не были столь бессодержательными. В военной директиве Гитлера № 18 от 12 ноября 1940 года говорилось:

«Начались политические переговоры с целью выяснить, какую позицию займет Россия в ближайшем будущем. Независимо от исхода этих переговоров все приготовления для кампании на

Востоке, проводимые в соответствии с устными указаниями, должны продолжаться».

Пока дипломаты вели переговоры, работа над военными планами шла своим чередом. Сам Гитлер все больше вдохновлялся своей идеей предпринять нападение на Россию. Редер, имевший с ним беседу 14 ноября 1940 года, отмечал, что «фюрер по-прежнему склоняется к тому, чтобы разжечь конфликт с Россией». После отъезда Молотова Гитлер собрал некоторых своих подчиненных и ясно дал им понять, что собирается вторгнуться в Россию. Их попытки отговорить его от этой авантюры не имели успеха. Довод о том, что это означало бы войну на два фронта — положение, оказавшееся роковым для Германии в Первой Мировой войне, — тоже не убедил Гитлера.

По мнению Гитлера, нельзя было рассчитывать на то, что Россия будет оставаться безучастной до тех пор, пока не сломлено сопротивление Англии. Гитлер считал, что для достижения победы над Англией следовало бы усилить военно-воздушные и военно-морские силы, но это привело бы к ослаблению сухопутных войск, что также недопустимо, пока сохраняется угроза со стороны России. В силу всего этого Гитлер счел необходимым отложить проведение операции «Морской лев».

5 декабря 1940 года Гитлер получил доклад Гальдера о плане восточной кампании, а 18 декабря издал директиву № 21 — план «Барбаросса»⁴⁶. Она начиналась с решительного заявления:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Сухопутные силы должны использовать для этой цели все имеющиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей. Основные усилия военно-морского флота должны и во время восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии!

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции. Приготовления, требующие более длительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 1941 года. (Эта дата считалась самым ранним сроком, когда по погодным условиям можно начинать боевые действия. — *Прим. авт.*) Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения не были распознаны...

Основные силы русских сухопутных войск, находящихся в западной части России, следует уничтожить в смелых операциях посредством глубокого быстрого выдвижения четырех танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено».

В директиве далее говорилось, что если этих усилий окажется недостаточно, чтобы парализовать Россию, то ее последний индустриальный район на Урале следует уничтожить с помощью авиации. Красный Флот окажется парализованным в результате захвата баз на Балтийском море. Румыния будет сковывать русские силы на юге и осуществлять вспомогательную службу в тыловых районах. Относительно участия Румынии в нападении на Россию Гитлер прозондировал почву в беседе с новым румынским диктатором генералом Антонеску в ноябре 1940 года.

План предполагалось замаскировать путем осуществления тщательно разработанной программы мер по введению противника в заблуждение. Гитлер, естественно, взял на себя инициативу в этом отношении, тем более что меры по введению в заблуждение необходимо было осуществлять в отношении не только противника, но и своего собственного народа. Многие из тех, с кем Гитлер обсуждал этот план, были обеспокоены риском, связанным с войной против России, и тем, что это означало ведение войны на два фронта. Гитлер поэтому счел необходимым создать видимость, будто он еще не принял окончательного решения. Это давало сомневающимся время освоиться с изменением курса, а Гитлеру — возможность представить более убедительные доказательства враждебных намерений России.

19 января 1941 года Гитлера посетил Муссолини. На этой встрече Гитлер говорил об осложнениях в отношениях с Россией. Он не раскрыл своих планов нападения на Россию, но многозначительно сообщил, что получил резкий протест от России в связи с концентрацией немецких войск в Румынии. Важный намек содержался и в его замечании: «Раньше Россия не представляла бы для нас никакой опасности вообще, так как была не в силах угрожать нам. Теперь, в век авиации, румынские нефтепромыслы можно превратить в дымящиеся развалины в результате воздушного нападения из России или района Средиземного моря, а ведь само существование держав оси зависит от этих нефтепромыслов».

3 февраля 1941 года после совещания с военным руководством в Берхтесгадене Гитлер утвердил окончательный вариант плана «Барбаросса». По оценке Кейтеля, силы противника в западной части России состояли в то время примерно из

100 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий, а также механизированных войск, эквивалентных по своему составу 30 механизированным дивизиям. Это приблизительно соответствовало истинному положению дел, так как к началу вторжения русские имели на западе 88 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, а также 54 танковые и моторизованные дивизии. Кейтель заявил, что численность немецких войск не столь велика, «но по качеству они будут несравненно превосходить» противника. Фактически силы вторжения состояли из 116 пехотных дивизий (из которых 14 были моторизованными), одной кавалерийской и 19 бронетанковых дивизий (помимо 9 полицейских и охранных дивизий для обеспечения линий коммуникаций). Это сопоставление сил не могло успокоить генералов. Оно лишь показывало, что немцы начинают грандиозную кампанию, не обеспечив себе никаких преимуществ при существенном превосходстве противника в решающем факторе — бронетанковых силах. Авторы плана вели крупную игру, делая основную ставку на качественное превосходство.

Далее Кейтель заявил: «Оперативные планы русских неизвестны. В пограничной зоне не сосредоточено значительных сил. Отход может быть осуществлен на небольшую глубину, поскольку Прибалтийские государства и Украина жизненно важны для русских как источники снабжения». В то время эти соображения представлялись обоснованными, но на деле оказались сверхоптимистической оценкой.

План предусматривал разделение сил вторжения на три группы армий и определял оперативные задачи этих групп. Северная группа армий под командованием Лееба должна была наступать из Восточной Пруссии через Прибалтийские государства на Ленинград. Центральной группе армий под командованием Бока предстояло нанести удар из района Варшавы в направлении Минска и Смоленска по дороге на Москву. Южная группа армий под командованием Рундштедта должна была наступать на фронте от Припятских болот до Румынии, имея задачу форсировать р. Днепр и захватить Киев. Главные силы намечалось сосредоточить в центральной группе армий «Центр», чтобы обеспечить здесь численное превосходство над противником. Считалось, что на севере будет достигнуто почти полное равенство в силах, а на южном участке фронта превосходство будет на стороне противника.

В своем обзоре Кейтель отмечал неопределенное отношение Венгрии к этому плану и подчеркивал, что соглашения со странами, которые могли бы сотрудничать с Германией, можно по соображениям секретности достичь лишь накануне вторжения.

Однако, по мнению Кейтеля, Румыния должна была составить исключение из этого правила, потому что сотрудничество с ее стороны являлось «жизненно важным». Гитлер незадолго до этого вновь посетил Антонеску и просил его разрешения пропустить через Румынию немецкие войска для поддержки итальянцев в Греции, однако Антонеску колебался, опасаясь, что подобный шаг может вызвать вторжение русских в Румынию. На третьей встрече Гитлер обещал Антонеску не только вернуть Бессарабию и Северную Буковину, но и присоединить полосу южной России «до Днепра» в качестве компенсации за помощь румын в наступлении против России.

Кейтель заявил также, что операция по захвату Гибралтара стала уже невозможной, так как основная масса немецкой артиллерии направлена на Восток. Хотя операция «Морской лев» была также отложена, «нужно было сделать все возможное для сохранения впечатления среди немецких войск, будто подготовка к вторжению в Англию продолжается». Для большей убедительности намечалось внезапно закрыть некоторые районы на побережье Ла-Манша и в Норвегии, а в качестве дополнительной меры оперативной маскировки предполагалось сосредоточение войск на Востоке представить как операцию по отвлечению внимания от якобы готовящейся высадки войск в Англии.

План военных действий предусматривал и проведение крупных экономических мероприятий (план «Ольденбург») по эксплуатации захваченной советской территории. Был создан экономический штаб, полностью отделенный от генерального штаба. Доклад от 2 мая 1941 года, где излагались задачи экономического штаба, начинался так: «Война может продолжаться лишь в том случае, если на третьем году войны все наши вооруженные силы будут снабжаться из России. Если мы отберем у этой страны то, что необходимо нам, нет никакого сомнения, что многие миллионы людей в России погибнут от голода». Ранее в докладе начальника военно-экономического управления ОКБ (генерального штаба вооруженных сил) генерала Томаса указывалось, что оккупация всей европейской части России может смягчить остроту продовольственной проблемы Германии, если удастся решить транспортную проблему. Однако это не устранил другие важные аспекты экономических затруднений: поставки «каучука, вольфрама, меди, платины, олова, асбеста и манильской пеньки останутся нерешенной проблемой до тех пор, пока не будет обеспечена связь с Дальним Востоком». Эти предупреждения не оказали сдерживающего влияния на Гитлера, а вот вывод о том, что «снабжение кавказской нефтью совершенно необходимо для эксплуатации оккупированных тер-

риторий», имел очень важные последствия: он настолько подстегивал Гитлера расширить масштабы вторжения, что при этом терялось всякое чувство меры.

Еще в большей степени на осуществлении плана «Барбаросса» сказались неудача на предварительном этапе, имевшая далеко идущие затажные последствия. Она явилась результатом психологического воздействия на Гитлера двойного дипломатического отпора, который он получил от Греции и Югославии, поддержанных Англией.

Перед тем как нанести удар России, Гитлер хотел обезопасить свой правый фланг от возможного вмешательства со стороны англичан. Он надеялся обеспечить контроль над Балканами, не прибегая к серьезной борьбе, посредством дипломатии вооруженной силы. Гитлер считал, что после побед на Западе успех ему должен даваться легче, чем раньше. Румыния, отстраняясь от России, сама попала ему в руки. Следующий шаг оказался не менее легким. 1 марта 1941 года болгарское правительство прельстилось его посулами и согласилось на пакт, в соответствии с которым немецким войскам разрешалось пройти по территории Болгарии и занять позиции на границе с Грецией. Но через несколько дней после вступления немцев на территорию Болгарии английские войска начали высаживаться в Греции.

В ответ на этот вызов Гитлер предпринял нападение на Грецию. Оно началось буквально через месяц и явилось ненужным отвлечением сил с главного направления, так как войск, которые Англия могла предоставить Греции, было достаточно лишь для того, чтобы слегка побеспокоить немецкий правый фланг, а сами греки были полностью заняты действиями против итальянцев.

Неблагоприятное воздействие на план вторжения в Россию оказали и события в Югославии. Здесь дипломатические маневры фюрера встретили вначале благоприятный отклик. Под давлением Германии югославское правительство согласилось присоединиться к странам оси на основе компромисса: не принимая никаких военных обязательств, оно разрешало использовать для переброски немецких войск железнодорожную линию Белград—Ниш, идущую к греческой границе. Югославские представители подписали это соглашение 25 марта, а через два дня командующий югославскими военно-воздушными силами генерал Симович с группой молодых офицеров осуществил в Белграде государственный переворот. Они захватили радиостанцию, телефонный узел, свергли старое и образовали новое правительство во главе с Симовичем, а затем отказались выполнять

требования немцев. Осуществлению переворота содействовали английские агенты, и, когда сообщение о перевороте достигло Лондона, Черчилль в одной из своих речей сказал: «У меня есть для вас и всей страны большая новость. Сегодня рано утром исполнились чаяния Югославии». Далее он заявил, что новое югославское правительство получит «всяческую помощь и поддержку» от Англии.

Переворот в Белграде коренным образом изменил положение на Балканах. Гитлер не мог снести подобного оскорбления, а ликование Черчилля привело его в неистовство. Фюрер немедленно принял решение вторгнуться в Югославию и Грецию. Необходимые приготовления были проведены так быстро, что он смог нанести удар уже через десять дней — 6 апреля 1941 года.

Этот вызов, брошенный Германии на Балканах, привел к плачевным результатам. Югославия была занята немцами в течение недели, а ее столица подверглась разрушению при первом же воздушном налете. Чуть больше трех недель понадобилось немцам для того, чтобы захватить Грецию. Английским войскам после долгого отступления с небольшими боями пришлось убраться на свои корабли. И на каждом этапе маневр немецких войск ставил англичан в невыгодное положение. Впоследствии позиция Черчилля подвергалась резкой критике, ее осуждали те, кто его поддерживал, заверяя в успехе военного вмешательства на Балканах. Следствием этих событий явилась не только потеря доверия к Англии, но и тяжкое бремя несчастий, выпавших на долю народов Югославии и Греции. Горькое чувство, что их оставили в беде, долго давало себя знать.

Однако косвенные результаты этих событий имели важные последствия, которые существенно отразились на решениях Гитлера. Имея в общем-то ограниченные силы, Гитлер не мог проводить кампанию в Югославии и Греции одновременно со вторжением в Россию. Особенно ему мешало отсутствие превосходства над русскими в численности танков. Для быстрого захвата Балкан пришлось использовать танковые дивизии, и в то же время, чтобы начать наступление против России, Гитлеру необходимо было собрать их по возможности все до единой. Поэтому 1 апреля 1941 года начало действий по плану «Барбаросса» было перенесено с середины мая на вторую половину июня.

То, что Гитлер сумел завоевать две страны настолько быстро, что ему не пришлось снова откладывать вторжение в Россию, — поразительное военное достижение. Немецкие генералы полагали: если англичанам удастся удержать Грецию, то план «Барбаросса» станет неосуществим. Задержка составила всего лишь

пять недель. Однако этот фактор, а также переворот в Югославии и раннее наступление зимы способствовали тому, что Гитлер лишился шансов на победу в России.

К 1 мая 1941 года уцелевшие английские войска были посажены на суда и эвакуированы из южных районов Греции. В тот же день Гитлер определил дату начала действий по плану «Барбаросса». В его директиве приводились данные об относительной численности войск сторон и говорилось, что «на границе вероятны упорные бои продолжительностью до четырех недель. В дальнейшем ожидается ослабление сопротивления».

6 июня 1941 года Кейтель подписал подробный план кампании, где были перечислены силы, предназначенные для вторжения, а также указывалось, что на Западе против Англии оставалось 46 дивизий, в том числе одна механизированная дивизия и всего одна танковая бригада. Операции «Аттила» (захват Французской Северной Африки) и «Изабелла» (контрмера против возможного ввода английских войск в Португалию) могли «по-прежнему быть осуществлены через десять дней после получения приказа, но не одновременно». Был снят с Западного фронта и переброшен на Восток 2-й воздушный флот, а 3-му воздушному флоту предстояло вести воздушную войну против Англии.

В отданных распоряжениях указывалось, что переговоры с финским генеральным штабом по поводу участия финнов во вторжении начались 25 мая. Румыны, участие которых уже было обеспечено, должны были 15 июня получить информацию об окончательных приготовлениях. 16 июня венгры должны были получить рекомендацию усилить охрану своей границы с Россией. На следующий день планировалось закрыть все школы в восточных районах Германии. Немецким торговым судам предстояло покинуть русские порты и прекратить всякие рейсы в Россию. После 18 июня «уже не будет необходимости скрывать намерение начать военные действия». Для русских будет уже слишком поздно осуществлять какие-либо крупные меры по наращиванию своих сил. Последний возможный срок отмены наступления устанавливался на 13 часов 21 июня. В этом случае намечалось дать кодовый сигнал «Альтона», а для начала наступления — кодовый сигнал «Дортмунд». Войска должны были перейти границу в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года.

Немцам было известно, что англичане пытаются предупредить русских. Действительно, 24 апреля немецкий военно-морской атташе в Москве сообщал: «Английский посол предсказы-

вает, что война начнется 22 июня». Однако это не заставило Гитлера изменить намеченную дату вторжения. Возможно, он рассчитывал, что русские не примут во внимание ни одно сообщение, исходящее от англичан, или же полагал, что действительная дата вторжения не имеет значения.

Трудно сказать, насколько Гитлер был уверен в том, что русские не готовы к его удару, поскольку он скрывал свои мысли даже от приближенных. Еще 7 июня германский посол в Москве сообщал: «Наблюдения показывают, что Сталин и Молотов, которые одни отвечают за русскую внешнюю политику, делают все возможное, чтобы избежать конфликта с Германией». В то же время Гитлер часто повторял, что нацистские представители в Москве — самые плохо информированные дипломаты в мире. Своих генералов он пичкал сообщениями, будто русские готовятся к нападению, которое необходимо срочно упредить. После перехода границы немецкие генералы убедились, как далеки были русские от агрессивных намерений, и поняли, что фюрер их обманул.

Вторжение в Россию

Успех кампании в России в меньшей степени зависел от стратегии и тактики, чем от таких факторов, как расстояние, материально-техническое обеспечение и мобильность войск. Бесспорно, некоторые оперативные решения оказали существенное влияние на ход кампании, но они не имели столь большого значения, как недостаток в средствах обеспечения мобильности в сочетании с громадными расстояниями. В соотношении с этими основными факторами следует учитывать влияние стратегии и тактики. Роль фактора расстояний легко оценить, взглянув на карту России, а вот влияние фактора механизации требует более подробного разбора. Предварительный его анализ очень важен для понимания хода событий.

Во всех предыдущих вторжениях Гитлера успех зависел от механизированных войск, хотя они и представляли собой лишь небольшую часть его вооруженных сил: 19 танковых дивизий едва составляли одну десятую общего числа дивизий, которыми располагали Германия и ее сателлиты. Из всей огромной массы остальных дивизий только 14 были механизированными и могли не отставать от танковых группировок, наносивших удар.

В целом немецкая армия в 1941 году имела 21 танковую дивизию по сравнению с 10 в 1940 году. Однако это удвоение численности ее

бронетанковых войск на поверку оказывалось чисто иллюзорным, так как было достигнуто главным образом за счет уменьшения количества танков в дивизиях. В кампании на Западе ядро каждой дивизии составляла танковая бригада из двух полков по 160 боевых танков каждый. Перед нападением на Россию Гитлер приказал из каждой танковой дивизии изъять по одному танковому полку и на базе каждого такого полка сформировать новую танковую дивизию.

Кое-кто из квалифицированных экспертов-танкистов пытался возражать против подобного решения, поскольку действительным результатом этой меры было бы умножение числа штабов и вспомогательных войск в так называемых бронетанковых войсках. Численность бронетанковых войск фактически оставалась без изменений, а сила удара, который могла наносить каждая дивизия, намного ослабевала. Из 17 тыс. человек в составе дивизии только около 2600 были бы в этом случае танкистами.

Но Гитлер был упрям. Видя перед собой огромные пространства России, он хотел чувствовать, что у него больше дивизий, способных наносить удары в глубину, и рассчитывал на то, что техническое превосходство над русскими войсками послужит достаточной компенсацией за разжижение его бронетанковых войск. Он подчеркивал также то обстоятельство, что благодаря увеличению выпуска более современных типов танков Т-III и Т-IV две трети танков в каждой дивизии будут составлять средние танки с более мощными пушками и увеличенной вдвое толщиной брони, в то время как в западной кампании две трети танков составляли легкие. Таким образом, по мнению Гитлера, сила удара дивизии возросла, хотя число танков в ней и уменьшилось в два раза. Если учесть обстоятельства того времени, это был в известной мере убедительный довод.

Однако сокращение числа танков в дивизиях усугубило значимость главного недостатка «германской танковой дивизии» — то, что в основном ее части и подразделения, по сути дела, были пехотными и не могли передвигаться по пересеченной местности. Величайшее преимущество, которое дал танк при проведении боевых действий, заключалось в его способности передвигаться вне дорог. Танк не нуждался в ровной и твердой поверхности дороги. В то время как колесные мотосредства лишь ускоряли темп продвижения, танк революционизировал само понятие мобильности. Прокладывая себе путь самостоятельно, он мог отказаться от необходимости следовать определенным маршрутом по заранее проложенной дороге.

В реорганизованной танковой дивизии образца 1941 года имелось в целом около 300 гусеничных машин, в то время как

колесных машин, рассчитанных большей частью на движение по дорогам, было почти 3000. Обилие таких машин не имело значения в западной кампании, когда крах плохо спланированной обороны приводил к тяжелым последствиям и нападающий для развития успеха мог воспользоваться сетью хорошо вымощенных дорог. Однако на Востоке, где подходящих дорог было очень мало, это обстоятельство стало в конечном счете решающим тормозом. Немцам пришлось расплачиваться за то, что на практике они оказались на двадцать лет позади теории, которую сами же считали ключом к успеху.

Своих первоначальных успехов немцы добились только вследствие того, что их противник уступал им в технической оснащенности. Хотя русские и обладали значительным количественным превосходством в танках, общее число средств моторизации у них было настолько ограниченным, что их бронетанковые войска не имели даже полного комплекта механических транспортных средств. Это создало очень серьезные препятствия при отражении немецких танковых ударов.

Рано утром в воскресенье 22 июня 1941 года тремя огромными параллельными потоками на фронте от Балтийского моря до Карпатских гор немцы хлынули через границу.

На левом фланге группа армий «Север» под командованием Лееба перешла границу Восточной Пруссии и вторглась в Литву. На левом фланге центральной части фронта, восточнее Варшавы, группа армий «Центр» под командованием Бока начала мощное наступление по обе стороны выступа, который образовывал здесь фронт русских войск. На правом фланге центра оказалась стокилометровая полоса затишья, где немецкий поток разделялся западным краем Припятских болот. Справа группа армий «Юг» под командованием Рундштедта ринулась вперед в направлении северной стороны Азовского выступа, образованного русским фронтом в Галиции вблизи Карпат.

Разрыв между правым флангом Бока и левым флангом Рундштедта был намеренно оставлен для того, чтобы иметь возможность сосредоточить силы на решающих направлениях в наиболее благоприятных условиях местности. Это обеспечивало высокую скорость продвижения немцев на первом этапе. Но поскольку район Припятских болот остался в стороне от основных направлений продвижения немецких войск, русские получили возможность использовать этот район для скрытного сосредоточения своих резервов; позже они нанесли из этого района ряд фланговых контрударов в южном направлении, что затормозило продвижение Рундштедта к Киеву. Это имело бы меньшее значение, если бы в ходе наступления войск Бока се-

вернее Припятских болот была выполнена поставленная перед ними задача окружить русские армии у Минска.

Основной удар немцы наносили на левом фланге центрального участка фронта. Здесь Боку была отведена ведущая роль. Такая же роль предназначалась ему первоначально и во время наступления на западе Европы, но там в последний момент эту задачу передали группе армий Рундштедта. Для осуществления своей решающей миссии на Востоке Боку предоставили большую часть бронетанковых войск (две танковые группы под командованием Гудериана и Гота, в то время как другие группы армий имели только по одной танковой группе). Под командованием Бока находились также 4-я и 9-я армии, каждая из которых имела в своем составе три пехотных корпуса.

Каждая танковая группа (позже переименованные в танковые армии) состояла из четырех-пяти танковых и трех механизированных дивизий. Все немецкие руководители были едины во мнении, что успех наступления будет зависеть от действий этих танковых групп, однако по вопросу, как наилучшим образом использовать их, возникли разногласия. Эта борьба мнений имела далеко идущие последствия. Некоторые представители высшего командования предлагали уничтожить русские армии в решающем сражении, завершив его классическим окружением. Такое сражение планировалось дать как можно скорее после перехода через границу. Сторонники этого плана придерживались ортодоксальной стратегии, которая была сформулирована еще Клаузевицем, упрочена Мольтке и развита Шлиффеном. Опасаясь риска, связанного с продвижением в глубь России до того, как будут разгромлены главные силы русской армии, эта группа генералов считала, что для успешного осуществления замысла танковые группы, взаимодействуя с пехотными корпусами, должны охватить, подобно клещам, оба фланга противника и соединиться в его тылу для завершения окружения.

Специалисты по танковым войскам во главе с Гудерианом придерживались иного мнения. Они настаивали, чтобы танковые группы продвигались как можно глубже и как можно быстрее, следуя образцу, который оказался столь решающим для кампании во Франции. Гудериан доказывал, что его группа и группа Гота должны, не теряя времени, развивать прорыв в направлении на Москву и, прежде чем начать охват флангов противника, выйти по крайней мере к Днепру. Чем скорее они достигнут этого рубежа, тем больше вероятности, что сопротивление русских будет сломлено, как было сломлено сопротивление французов, и тем больше будет шансов на то, что Днепр станет такой же наковальней, какой оказался в 1940 году Ла-

Манш. По мнению Гудериана, задачу по окружению русских войск, зажатых между двумя танковыми клиньями, следовало поручить пехотным корпусам при поддержке относительно небольших отрядов, выделенных из танковых групп для нанесения фланговых ударов, в то время как сами танковые группы будут быстро продвигаться вперед.

Эта «борьба мнений» по решению Гитлера закончилась в пользу сторонников ортодоксальной стратегии. Несмотря на всю свою самонадеянность, Гитлер не был самоуверен настолько, чтобы поставить на карту все свои успехи. На этот раз его компромисс с консерватизмом имел более отрицательные последствия, чем в 1940 году. Хотя самим танковым специалистам и отводилась более важная роль, чем в 1940 году, но им не предоставлялась возможность выполнить эту роль наилучшим, с их точки зрения, образом. На решение Гитлера повлияли не только его сомнения относительно их методов ведения войны, но и его необузданное воображение: он был во власти видения того, как будут окружены в одном гигантском кольце главные силы Красной Армии.

Это видение стало неуловимым блуждающим огоньком, увлекающим Гитлера все глубже и глубже в просторы России. Первые две попытки окружить русских не удались. Третья попытка увлекла его за Днепр. При четвертой попытке зимняя погода помешала использовать разрыв в линии фронта. Каждое из проведенных сражений требовало времени для осуществления охватывающих маневров, а в погоне за реализацией тактического замысла была упущена из виду стратегическая цель.

Вопрос о том, имел бы метод Гудериана большой успех, остается открытым. Однако даже в то время его поддерживали некоторые из самых способных представителей германского генерального штаба, хотя они и не считали танки решающим средством ведения войны. Позже, опираясь на опыт, эти генералы с еще большей определенностью высказывались в пользу метода Гудериана. Признавая трудности, связанные с переброской подкреплений и организацией снабжения при таком глубоком прорыве, они считали, что их можно преодолеть, если использовать авиацию, отказаться от ввозимых запасов предметов снабжения танковых войск, продвигать вперед боевые части и сосредоточить внимание на их техническом обслуживании. Моторизованные колонны подразделений обслуживания должны были постепенно догонять ушедшие вперед боевые части. Однако эта идея движения налегке слишком противоречила установившимся правилам ведения боевых действий в Европе, чтобы получить на этом этапе войны всеобщее признание.

«Борьба мнений» решилась в пользу ортодоксальной стратегии. Был задуман план огромного окружения с целью поймать в ловушку и уничтожить главные силы русских до того, как наступающие немецкие войска выйдут к Днепру. Чтобы иметь больше шансов на успех, план предусматривал провести в полосе действий группы армий Бока неглубокий маневр на окружение противника силами пехотных корпусов 4-й и 9-й армий и более широкий маневр танковыми группами, которые должны были продвинуться дальше, чем пехотные корпуса, а затем начать охватывающий маневр.

Такой «телескопический маневр» в известной мере, хотя и недостаточно полно, отвечал взглядам Гудериана, Бока и Гота.

Ось наступления проходила вдоль автострады, идущей на Минск и далее на Москву, через участок 4-й армии под командованием Клюге, которой была придана танковая группа Гудериана. Выходу на эту магистраль препятствовала крепость Брест за р. Буг. Таким образом, в первую очередь предстояло захватить плацдарм на противоположном берегу реки и овладеть крепостью, чтобы, используя автостраду, обеспечить в дальнейшем высокий темп наступления.

При рассмотрении этой проблемы встал вопрос, должны ли танковые дивизии ждать, пока пехотные дивизии прорвут оборону противника, или же, осуществляя этот прорыв, они должны взаимодействовать с пехотными дивизиями. Чтобы сэкономить время, был избран второй путь. Когда пехотные дивизии штурмовали крепость, на их флангах действовало по две танковые дивизии. После форсирования р. Буг танковые дивизии обошли Брест и соединились за ним на автостраде. Для ускорения продвижения все войска, участвовавшие в прорыве, были временно переданы в оперативное подчинение Гудериану. Когда же прорыв был осуществлен, танковая группа устремилась вперед самостоятельно, подобно снаряду, выпущенному из орудия.

Большая ширина фронта, тактика обходных маневров, а также внезапность нападения способствовали тому, что армиям Бока удалось глубоко проникнуть на территорию противника во многих местах. На второй день танковые войска, наступавшие на правом фланге, достигли Кобрина, в 60 км за Брестом, а войска, действовавшие на левом фланге, заняли крепость и железнодорожный узел Гродно. Выступ, занятый русскими войсками в северной Польше (белостокский выступ), заметно изменил свою конфигурацию, и выход из него сузился. Положение русских войск в этом районе в последующие дни стало критическим, так как наступающие группировки немецких войск создали угрозу замкнуть кольцо окружения у Барановичей.

Однако чрезвычайно упорное сопротивление русских войск тормозило продвижение наступавших. Обычно немцы достигали успеха за счет маневра, но не могли победить противника в самой схватке. Окруженные войска если иногда и вынуждены были сдаться в плен, то это, как правило, происходило лишь после длительного сопротивления. Обороняющиеся проявляли редкое упорство и пренебрежение к своему безнадежному в стратегическом отношении положению, и это серьезно тормозило выполнение планов наступающих. Это обстоятельство приобретало еще большее значение в стране с редкой сетью коммуникаций.

Впервые с упорством русских немцы столкнулись при осаде Бреста. Здесь гарнизон старой крепости держался неделю⁴⁷, несмотря на массированный огонь артиллерии и бомбардировку с воздуха, и, прежде чем его сопротивление было сломлено, нанес тяжелые потери атакующим войскам. Это был первый, но многообещающий урок, который ясно давал понять, что ожидает немцев в будущем. Упорное сопротивление, которое они часто встречали при захвате шоссежных дорог, задерживало их обходные маневры. Противник постоянно блокировал дороги, необходимые для продвижения транспорта с предметами снабжения.

Особенности страны, в которую немцы вторглись, лишь усиливали предчувствие крушения их планов. Один из немецких генералов так описал свои впечатления от России: «Пространства казались бесконечными, и линия горизонта вырисовывалась неясно. Нас угнетала монотонность ландшафта, бесконечность пространств, занятых лесами, болотами, равнинами. Хороших дорог было мало, а дождь быстро превращал песок или глину в трясину. Русское гражданское население стойко переносило трудности, а русские солдаты были еще более стойкими».

Первая попытка окружить русские войска достигла кульминации в районе Слонима, примерно в 160 км от первоначальной линии фронта. Внутреннее кольцо окружения почти сомкнулось вокруг обеих русских армий, сосредоточенных в белостокском выступе. Однако немцы не успели вовремя завершить окружение. Преобладание немоторизованных войск в 4-й и 9-й немецких армиях не позволило немецкому командованию осуществить свой замысел.

Главные силы бронетанковых войск, действовавших на флангах, продвинулись более чем на 150 км в глубь территории противника, пересекли русскую границу 1939 года и за Минском повернули навстречу друг другу. Минск был взят немцами 30 июня. В эту ночь одна из головных колонн Гудериана, насту-

павших на широком фронте, вышла к исторической р. Березина в районе Бобруйска, в 140 км юго-восточнее Минска и менее чем в 60 км от р. Днепр. Однако попытка замкнуть кольцо окружения не удалась. Крушение надежд на большое окружение посеяло у Гитлера сомнение в быстрой и решительной победе.

Проливные дожди⁴⁸ в начале июля лишили захватчиков мобильности и усилили эффект упорного сопротивления, которое оказывали многочисленные группы русских войск внутри захваченного немцами района.

Характер местности все больше тормозил развитие боевых действий на этой критической стадии. К юго-востоку от Минска лежали огромные пространства болот и лесов. Березина не имела четко очерченных берегов, а представляла собой ряд притоков, извиляющихся среди торфяных болот. Немцы обнаружили, что только на двух дорогах — магистральной, через Оршу, и на дороге в сторону Могилева — остались мосты, позволяющие провозить тяжелые грузы. На других дорогах были лишь ненадежные деревянные мосты. И хотя немцы продвигались быстро, русские успевали взрывать мосты, имевшие наиболее важное значение. Начали попадаться и минные поля. Это вызывало еще большую задержку, потому что наступление велось по дорогам. Березина стала на пути наступающих войск Гитлера почти столь же эффективной преградой, как и при отступлении армий Наполеона. Все эти факторы помешали осуществить задуманное окружение русских войск в районе западнее р. Днепр.

В результате срыва планов крупного окружения немецкое командование было вынуждено отдать приказ о наступлении за Днепр, хотя раньше оно надеялось избежать этого. Немцы углубились в Россию более чем на 500 км и теперь предприняли новый охватывающий маневр, стремясь окружить русские войска на рубеже Днепра за Смоленском. Однако первые два дня июля были потеряны на попытки замкнуть кольцо окружения в районе Минска и на подтягивание пехотных корпусов 4-й и 9-й армий.

Сильные дожди также снижали мобильность вторгшихся войск до полной приостановки наступления. Наблюдателю с воздуха представилось бы странное зрелище: застывшая колонна танков, растянувшаяся больше чем на 150 км. Танки могли бы продолжать наступление, но они, как и другие гусеничные машины, составляли лишь небольшую часть каждой так называемой танковой дивизии. Предметы снабжения и многочисленные пехотные подразделения перевозились на больших и тяжелых колесных машинах, которые не могли передвигаться вне дорог и даже по дорогам, если их поверхность превращалась в

грязь. Как только показывалось солнце, песчаные дороги быстро просыхали, и тогда наступление возобновлялось. Однако совокупное влияние всех этих задержек серьезно мешало осуществлению стратегического плана. Внешне это не было заметно из-за относительно быстрого продвижения танковой группы Гудериана по автостраде к Смоленску.

16 июля немцы заняли Смоленск. Расстояние свыше 200 км между Днепром и Десной было покрыто за неделю. Однако продвижение танковой группы Гота на северном фланге задерживали болотистая местность и начавшиеся проливные дожди. Это, естественно, грозило срывом плана Гитлера по окружению русских армий, так как давало последним больше времени для сосредоточения сил в районе Смоленска. Когда между замыкавшими кольцо окружения немецкими группировками оставался промежуток всего в 15 км и немцы считали, что в западню попало полмиллиона русских, наступающие войска встретили такое сильное сопротивление на обоих флангах, что оно казалось просто непреодолимым.

Большой части русских войск удалось вырваться из окружения, а половинчатый успех немцев наводил на мысль, что путь на Москву, до которой оставалось еще более 300 км, был по-прежнему закрыт значительными силами, которые непрерывно пополнялись за счет подкреплений, формируемых из недавно мобилизованных контингентов. Немцы же не могли предпринять новое наступление из-за трудностей, связанных с переброской подкреплений по плохим дорогам.

Это грозило новой задержкой, но отнюдь не такой длительной, какой она оказалась на деле. Наступление на Москву возобновилось лишь в октябре. Два лучших летних месяца были упущены из-за остановки армий Бока на Десне. Причины этого следует искать в нерешительности Гитлера, а также в действиях армий Рундштедта южнее Припятских болот.

На Южном фронте немцы первоначально не имели превосходства в силах. Успех Рундштедта зависел от преимуществ, обусловленных внезапностью нападения и высокими темпами наступления, а также от лучшей подготовки командных кадров. Главные усилия Рундштедт сосредоточил на своем левом фланге вдоль Буга. Этот план позволял максимально использовать его ограниченные силы и все преимущества того, что исходный рубеж его войск проходил по одной из сторон львовского выступа. Таким образом, немцы планировали нанести удар с естественного клина, который оставалось лишь вогнать глубже в оборону противника, чтобы создать угрозу коммуникациям всех русских войск в районе Карпат.

После того как 6-я армия Рейхенау форсировала р. Буг, в прорыв, в направлении на Броды и Луцк, были брошены танковые войска Клейста.

Но даже при таком стремительном начале наступления войска Рундштедта оказались не в состоянии добиться столь же быстрого продвижения, как армии Бок на левом фланге центрального участка фронта. Гудериан настаивал на том, чтобы продолжать преследование отступающего противника и не давать ему времени сосредоточить силы. Он был убежден, что сумеет быстро достичь Москвы, если не будет упущено время, и что такой удар парализует сопротивление России. Гот и Бок разделяли его взгляды, но Гитлер вернулся к собственной первоначальной идее. По его приказу танковые войска изымались из группы армий «Центр» и направлялись на фланги. Танковая группа Гудериана должна была повернуть на юг, чтобы помочь сломить сопротивление русских армий, действовавших против Рундштедта на Украине, а танковой группе Гота предстояло повернуть в северном направлении, чтобы помочь Леебу в наступлении на Ленинград.

Наступление на Москву возобновилось 30 сентября. Казалось, теперь для немцев почти нет никаких препятствий на пути к Москве. Однако бои под Вязьмой завершились лишь в конце октября. Немецкие армии были измотаны, и, по мере того как ухудшалась погода, передвижение войск становилось все более затруднительным. Кроме того, стало известно, что на подступах к Москве появились свежие русские войска.

Большинство немецких генералов стояли за то, чтобы прервать наступление и занять выгодные позиции на зиму. Они вспоминали печальный опыт Наполеона. Многие из них начали перечитывать мрачный отчет Коленкура о событиях 1812 года. Однако в верхах продолжали господствовать другие взгляды. Правда, на этот раз они не совпадали полностью с позицией Гитлера, которого угнетали возрастающие трудности и перспектива вести войну в зимних условиях. Так, 9 ноября он мрачно заметил: «Признание того факта, что ни одна из сторон не способна уничтожить другую, приведет к компромиссному миру». Бок настаивал на продолжении наступления. Браухич и Гальдер соглашались с ним. На совещании высшего командования 12 ноября Гальдер заявил: «Есть основания надеяться, что сопротивление русских в ближайшее время будет сломлено».

Разумеется, Браухич, Гальдер и Бок не могли согласиться с требованием приостановить наступление на Москву, поскольку раньше им стоило немалых трудов убедить Гитлера в необходимости взять Москву, а не добиваться успеха на юге. Наступление на Москву было возобновлено 15 ноября. Однако после

двух недель боев на местности, покрытой грязью и снегом, наступление захлебнулось.

Даже Бок начал сомневаться в целесообразности попыток продолжать наступление, хотя непосредственно перед этим он заявлял: «Исход будет зависеть от последнего батальона». Браухич был болен и находился далеко в тылу. Он по-прежнему настаивал на том, чтобы продолжать наступление любой ценой, боясь, что неудачи немецких войск вызовут гнев Гитлера.

2 декабря была предпринята новая попытка наступления. Отдельные подразделения немцев проникли в пригороды Москвы, однако в целом наступление было остановлено в лесах, окружавших столицу.

Это послужило сигналом к началу крупного контрнаступления русских, которое подготовил и возглавил Жуков. Русские отбросили измотанные в боях немецкие войска и обошли их с флангов, что создало критическое положение. Захватчики — с генералов до солдат — с ужасом вспоминали об участии, постигшей Наполеона при отступлении из Москвы. В этом критическом положении Гитлер запретил любое отступление, за исключением местных отходов на самое кратчайшее расстояние. И если учесть ту обстановку, он был прав. Это решение обрекло его войска на передовых позициях на ужасные страдания: у немцев не было ни одежды, ни снаряжения для ведения зимней кампании в России. Но если бы они начали общее отступление, оно могло бы перерасти в полный разгром охваченных паникой войска.

Рундштедт занял Крым и Донбасс, но без танков Гудериана его наступление в направлении на кавказские нефтепромыслы сорвалось. Войскам Рундштедта удалось взять Ростов-на-Дону, но русские вскоре выбили их оттуда. Когда Рундштедт выразил намерение отойти, чтобы занять выгодную оборонительную позицию на р. Миус, Гитлер запретил ему это. Рундштедт ответил, что не может выполнить приказ фюрера, и попросил освободить его от командования войсками. Гитлер тут же заменил его, но сразу же после этого фронт был прорван, и Гитлер вынужден был согласиться с необходимостью отступить. Это произошло в первую неделю декабря, одновременно с отпором, который получили немцы под Москвой.

На той же неделе Браухич обратился к Гитлеру с просьбой освободить его от занимаемого поста по болезни. На следующей неделе то же сделал Бок. Несколько позже, после того как Гитлер отверг его предложение об отходе на северном участке фронта, у Ленинграда, ушел в отставку Лееб. Таким образом, все четверо высших командующих были освобождены от занимаемых должностей.

Гитлер не назначил преемника Браухичу, а воспользовался возможностью и взял в свои руки непосредственное руководство сухопутными войсками. К концу года он отделился и от Гудериана, главного исполнителя его прошлых победоносных кампаний (Гудериан без разрешения Гитлера отвел свои измотанные в боях войска).

Одним из главных факторов, приведших к провалу вторжения, была неправильная оценка немцами тех резервов, которые Сталин мог подтянуть из глубины России. В этом отношении немецкий генеральный штаб и его разведывательная служба в такой же мере, как и Гитлер, были введены в заблуждение. Эта роковая ошибка кратко зафиксирована в дневнике Гальдера в середине августа 1941 года: «Мы недооценили силы России: мы рассчитывали, что у нее 200 дивизий, но сейчас мы уже выявили 360 дивизий».

Это в значительной степени перечеркнуло успехи, достигнутые в начале кампании. Немцам теперь пришлось иметь дело со свежими армиями, вступившими в борьбу. Советская система массовой мобилизации успешно действовала в районах, недостижимых для немецких армий.

Следующей (после неправильной оценки ресурсов России) крупной ошибкой было то, что Гитлер и немецкое высшее командование весь август потеряли на споры, в каком направлении должно развиваться наступление. Это было поразительное «затмение умов» высшего германского командования.

На более низком уровне, в частности у Гудериана, было более ясное представление о том, что надо делать: наступать на Москву, оставив на долю пехотных армий уничтожение дезорганизованных войск противника, через боевые порядки которых прошли танки. Только так в 1940 году Гудериан выиграл битву за Францию. Это было связано с большим риском, но, по убеждению Гудериана, привело бы к захвату Москвы до того, как русские армии второй линии смогли бы прикрыть ее.

Гитлер потерял шанс на победу и потому, что мобильность его армии основывалась на использовании колесных, а не гусеничных машин. На размытых грунтовых дорогах России колесный транспорт останавливался, хотя танки и могли двигаться дальше. Если бы бронетанковые войска были обеспечены гусеничными транспортными средствами, они смогли бы, несмотря на распутицу, достичь жизненно важных центров России к осени.

Роммель в Африке

В 1941 году ход войны в Африке претерпел ряд поразительных поворотов, которые расстраивали планы то одной, то другой стороны, но не имели решающего значения. Это была война стремительных маневров, напоминающая движение качелей с резким взлетом и столь же стремительным скольжением вниз. Год начался с того, что англичане выбили итальянцев из Киренаики. Затем в борьбу вступили немецкие войска под командованием генерала Роммеля, и буквально через пару месяцев англичане были выброшены из Киренаики (у них остался лишь небольшой плацдарм, который они удерживали в небольшом порту Тобрук). Два последовавших один за другим удара Роммеля в направлении Тобрука были отбиты. Получили отпор и обе попытки англичан деблокировать осажденный гарнизон Тобрука. После пятимесячной паузы, во время которой стороны накапливали силы, англичане предприняли более мощное наступление. Сражение с переменным успехом продолжалось около месяца, пока окончательно измотанные остатки армии противника не были вынуждены отступить снова к западной границе Киренаики. В последнюю неделю года Роммель нанес на границе ответный удар, который послужил предзнаменованием еще одной драматической неудачи англичан в ходе их наступления.

Первый удар Роммеля в конце марта 1941 года и последующее развитие успеха вызвали тем большее потрясение, что англичане исключали возможность столь раннего наступления противника. Получив предупреждение о том, что немецкие войска начали прибывать в Триполи, Уэйвелл 2 марта направил комитету начальников штабов в Лондоне докладную с оценкой обстановки, где подчеркнул, что немцам, прежде чем предпринять серьезное наступление, понадобится накопить силы численностью до двух дивизий или более. Далее Уэйвелл пришел к выводу, что имеющиеся у немцев трудности «делают маловероятной возможность такого наступления до конца лета».

В противоположность этому в посланиях Черчилля высказывалось беспокойство по поводу того, что немцы не станут ждать традиционного накопления сил. Черчилль говорил о необходимости предпринять контр наступление и сверхоптимистично оценивал возможности находившихся в этом районе английских войск; 26 марта английский премьер-министр телеграфировал Уэйвеллу:

«Мы, естественно, встревожены быстрым продвижением немцев к Эль-Агейле. Они привыкли продвигаться вперед всякий раз, когда не встречают сопротивления. Я полагаю, что вы ждете, пока черепаха достаточно далеко высунет свою голову, чтобы затем отрубить ее. Крайне важно дать им поскорее почувствовать, чего мы стоим по качеству»⁴⁹.

Однако качество было явно недостаточным и в технике, и в тактике. Хотя обескровленная 2-я бронетанковая дивизия, занимающая передовой район, имела три танковые части, по сравнению с двумя у Роммеля, и обладала количественно благоприятным соотношением по пушечным танкам, значительную их часть составляли захваченные итальянские танки М-135⁵⁰, которые использовались вместо крейсерских и находились в чрезвычайно потрепанном состоянии. Шансы на успех таких случайно собранных бронетанковых войск еще больше падали из-за указания Уэйвелла, что «в случае нападения противника» они должны отходить, «ведя сдерживающие действия». При первом же нажиме Роммеля 31 марта они оставили позиции в дефиле восточнее Эль-Агейлы и открыли ему путь для выхода на просторы пустыни, где он мог воспользоваться широким выбором различных дорог для выполнения своих задач. Это вызвало замешательство у англичан, поскольку они были не в состоянии осуществлять такое напряженное маневрирование. В последующие дни Роммель не давал им передышки, и большая часть английских танков вышла из строя не в боях, а из-за поломок или вследствие полного израсходования горючего.

Не прошло и недели, как англичане отступили более чем на 300 км от позиции, которую занимали на западной границе Киренаики. Меньше чем через две недели они отошли на 500 км к восточной границе Киренаики и западной границе Египта (за исключением сил, оставшихся в осажденном Тобруке). Решение удерживать Тобрук и сохранить эту позицию «как занозу в боку противника» оказало значительное влияние на ход кампании в Африке в последующие двенадцать месяцев.

Быстрый развал обороны, естественно, способствовал тому, что офицеры и солдаты английских войск переставали верить в свои силы и в то же время преувеличивали возможности противника. Вдали от района боев было, конечно, легче составить представление об ограниченных силах противника и его стратегических трудностях. Черчилль, взвесив все данные, 7 апреля телеграфировал из Лондона Уэйвеллу:

«Вы должны удержать Тобрук с его оборонительными сооружениями, возведенными итальянцами, до тех пор, пока (или если) противник не подтянет значительные силы артиллерии. Трудно поверить, чтобы он сумел это сделать в ближайшие несколько недель. Выставив заслон против Тобрука и продвинувшись к Египту, он подвергся бы большому риску, поскольку мы можем подвезти подкрепления морским путем и создать угрозу его коммуникациям. Поэтому Тобрук, видимо, является таким пунктом, который нужно удерживать до конца, не помышляя об отступлении. Буду рад узнать о ваших намерениях»⁵¹.

Уэйвелл и сам решил удерживать Тобрук, сколько будет возможно, но, прилетев туда из Каира 8 апреля, сообщил, что обстановка значительно осложнилась, и высказал сомнения в отношении перспектив обороны этой позиции. Черчилль на совещании с начальниками штабов составил еще более категоричное послание Уэйвеллу, в котором заявлял, что «немыслимо, чтобы крепость Тобрук была оставлена». Послание Черчилля еще не было отправлено, как от Уэйвелла пришло сообщение о том, что он принял решение удерживать Тобрук, а также сформировать подвижный отряд на границе, чтобы отвлечь противника, ослабив его давление на Тобрук, и в то же время попытаться «воссоздать старый план обороны в районе Морса-Матруха». Благодаря упорной обороне Тобрука дальнейшего отступления не произошло. Осада была снята лишь через восемь месяцев.

Основную часть гарнизона Тобрука составляла австралийская 9-я дивизия под командованием генерала Морсхеда, которая благополучно отошла из района Бенгази. В дополнение к

ней морем прибыли 18-я пехотная бригада (из состава австралийской 7-й дивизии) и подразделения 1-го и 7-го танковых полков, насчитывавшие около полусотни танков.

Роммель начал наступление 11 апреля, нанеся несколько прощупывающих ударов. Главные силы 14 апреля атаковали противника на среднем участке южного фаса внешнего обвода обороны, в 14 км от порта. Неплотная оборона была прорвана, и передовой танковый батальон продвинулся на 3 км в северном направлении. Затем он был остановлен огнем артиллерии обороняющихся и оттеснен назад, потеряв 16 танков из 38, принимавших участие в этой атаке. Небольшое число танков свидетельствовало о слабости сил Роммеля. Итальянцы 16 апреля предприняли атаку, которая была быстро отбита. В результате контратаки австралийского батальона около 100 итальянцев сдались в плен.

Итальянское верховное командование в Риме, обеспокоенное глобким продвижением Роммеля, обратилось к немецкому верховному командованию с просьбой воздержаться от авантюристических действий и от намерения вторгнуться в Египет. Гальдер был в не меньшей степени заинтересован в сдерживании любых действий в Африке, которые могли бы потребовать подкреплений за счет немецких войск, занятых на главном театре военных действий и готовившихся в то время к нападению на Россию. К тому же он испытывал инстинктивное отвращение к склонности Гитлера поддерживать таких динамичных командиров, как Роммель, которые не хотели действовать по шаблонам, разработанным в генеральном штабе. Заместитель Гальдера генерал Паулюс вылетел в Африку, чтобы «помешать этому солдату окончательно сойти с ума», как язвительно записал Гальдер в своем дневнике. Изучив обстановку, Паулюс сделал некоторые замечания Роммелю и санкционировал новый штурм Тобрука.

Штурм был предпринят 30 апреля, когда из Европы для подкрепления 5-й легкой дивизии прибыли передовые подразделения 15-й танковой дивизии, но не ее танковый полк. На этот раз удар был нацелен на юго-западный угол оборонительной позиции и предпринят под покровом ночи. К рассвету 1 мая немецкая пехота прорвала оборону на участке шириной около 800 м. В прорыв были введены танки, которые устремились к Тобруку, находившемуся в 15 км. Однако, пройдя примерно полтора километра, они неожиданно наткнулись на минное поле. Из 40 танков 17 были выведены из строя, пять взлетели на воздух, остальные, после того как под огнем были почищены траки, благополучно отошли. Вторая волна танков и пехоты

повернула в юго-восточном направлении вдоль тыльной стороны внешнего обвода обороны, чтобы нанести противнику удар во фланг. Англичанам удалось остановить противника артиллерийским огнем с позиций за минным полем и контратакой 20 танков. Успеху этой контратаки способствовало упорное сопротивление нескольких австралийских постов. Что касается итальянских войск, то они медлили в ходе атаки, но зато довольно быстро отошли, когда англичане перешли в контратаку.

На следующий день у немцев осталось всего лишь 35 боевых танков из первоначально имевшихся 70, и штурм был отложен. В ночь на 3 мая Морсхед предпринял контратаку силами резервной пехотной бригады, но она тоже не удалась. Планы обеих сторон были расстроены. Юго-западный угол внешнего обвода обороны остался в руках Роммеля, но было очевидно, что у него не хватит сил взять Тобрук, и Паулюс, перед тем как покинуть Африку, запретил любые попытки возобновления штурма. Так началась осада, продолжавшаяся до конца года. Две попытки Уэйвелла оттеснить Роммеля и деблокировать осажденный гарнизон окончились неудачей.

Первая из этих попыток, предпринятая в середине мая, была пробной, и это нашло отражение в ее кодовом наименовании — операция «Бревити». Большие надежды возлагались на вторую попытку в середине июня — операцию под кодовым названием «Бэттлэкс». Результаты этих попыток не могли компенсировать весьма рискованные меры, предпринятые по инициативе Черчилля для обеспечения успеха этих операций: в Египет были посланы большие подкрепления танков в то время, когда войска, оборонявшие Англию, были плохо вооружены, а Гитлер еще не начал военных действий против России. К тому же перевозка этих подкреплений осуществлялась по Средиземному морю под угрозой нападения военно-воздушных сил противника.

Готовность Черчилля пойти на такой двойной риск ради успеха в Африке и сохранения английских позиций в Египте поразительно контрастировала со взглядами Гитлера и Гальдера, которые пытались сократить численность немецких войск на Средиземноморском театре военных действий⁵².

В октябре в Киренаику для изучения обстановки был послан генерал фон Тома. Он пришел к выводу, что для успеха вторжения в Египет необходимо и достаточно иметь там четыре немецкие танковые дивизии. Однако Муссолини не желал принимать помощь от немцев в таких масштабах, а Гитлер не хотел предоставлять ему столько войск. Небольшой корпус Роммеля, из двух дивизий, был направлен туда лишь после поражения итальянцев и имел задачу удерживать Триполи. Даже когда Ром-

мель показал, как далеко он может продвинуться, имея столь небольшие танковые силы, Гитлер и Гальдер по-прежнему не желали предостановить даже небольшие подкрепления, которые, по всей вероятности, могли бы сыграть решающую роль. Этим отказом немецкое командование лишило себя шансов завоевать Египет и изгнать англичан из района Средиземного моря, пока они имели там слабые силы. Ведь в конечном счете немцам пришлось послать в Африку гораздо больше войск и понести значительно ббльшие потери.

В то же время в Англии, несмотря на ее скудные ресурсы, был собран в апреле конвой судов для переброски крупных сил бронетанковых войск в Египет. Конвой был почти готов к отплытию, когда 20 апреля от Уэйвелла пришла телеграмма, где он, подчеркивая серьезность создавшейся обстановки, просил срочно прислать дополнительное количество танков.

Черчилль сразу же внес предложение⁵³ и получил согласие начальника штабов на то, чтобы пять быстроходных судов, перевозивших танки, повернули у Гибралтара на восток и направились кратчайшим путем через Средиземное море. Это позволило бы сэкономить почти шесть недель на перевозку танков. Черчилль настоятельно требовал увеличить число танков, направляемых в Египет, и предлагал также послать туда 100 новейших крейсерских танков. Начальник имперского генерального штаба генерал Дилл возражал против такого сокращения числа танков в метрополии, поскольку они были необходимы для обороны в случае вторжения противника.

Операция «Тайгер» была первой попыткой провести конвой через Средиземное море после появления в этом районе в январе немецкой авиации. Благодаря туманной погоде конвой избежал потерь от воздушных налетов. Одно судно с 57 танками затонуло, наткнувшись на мину в сицилийских проливах, четыре остальных судна благополучно достигли Александрии 12 мая, доставив 238 танков (135 танков «матильда», 82 крейсерских и 21 легкий танк), что в четыре раза превышало количество танков, которые сумел собрать Уэйвелл для обороны Египта.

Однако еще до прибытия этого крупного подкрепления, воспользовавшись тем, что Роммель был отброшен под Тобруком и, как сообщали, испытывал острую нехватку средств материального обеспечения, Уэйвелл решил нанести удар в районе египетской границы наспех собранными силами под командованием бригадного генерала Готта. Это была операция «Бревити». Первоначально Уэйвелл намеревался захватить приграничные позиции на побережье, которые, как ему было известно, защищались небольшими силами, и разгромить занимавшие их войс-

ка до того, как противник сумеет их усилить. Уэйвелл надеялся сделать даже больше и в телеграмме Черчиллю от 13 мая сообщил: «В случае успеха я рассматриваю вопрос о немедленном переходе к совместным действиям сил Готта и тобрукского гарнизона с целью отбросить противника на запад от Тобрука».

Для создания ударного кулака были выделены 2-й танковый полк, насчитывавший 21 только что отремонтированный крейсерский танк устаревшего образца, и 4-й танковый полк с 26 танками «матильда», которые имели толстую броню и относительно малую скорость. Официально они считались пехотными танками. 2-й танковый полк при поддержке моторизованной пехоты и артиллерии должен был обойти укрепленные позиции противника с фланга, продвинуться в направлении Сиди-Азиза и блокировать дорогу, по которой противник мог получить подкрепление или отойти. 4-й танковый полк при поддержке 22-й моторизованной бригады должен был начать штурм укреплений противника.

Рано утром 15 мая после марш-похода протяженностью 50 км англичане внезапной атакой захватили позицию на вершине перевала Халфайя, оборонявшуюся итальянцами, и взяли в плен несколько сотен человек. Семь английских танков «матильда» вывела из строя артиллерия противника. Англичане быстро захватили еще две позиции, Бир-Вайд и Мусаид, но, прежде чем они достигли Ридотта Капуццо, фактор внезапности был исчерпан. Немецкая боевая группа, включившись в боевые действия, нанесла англичанам фланговый удар, и наступление было дезорганизовано. Форт хотя и удалось захватить, позже его пришлось оставить. К тому времени из-за угрозы контратаки был отменен фланговый маневр в наступлении на Сиди-Азиз. Тем не менее на офицера, командовавшего войсками противника в районе границы, кажущаяся мощь наступления произвела настолько сильное впечатление, что он решил начать отвод своих войск.

Таким образом, к наступлению темноты обе стороны начали отход. Однако приказ об отступлении немецко-итальянских войск Роммель быстро отменил и оперативно подтянул к полю танковый батальон из района Тобрука. Готт решил отойти к Халфайе. Его войска уже находились на марше, когда он получил приказ от вышестоящего начальника прекратить отвод войск. Утром немцы увидели, что поле боя пусто. Это их несказанно обрадовало, так как у танкового батальона, посланного им в поддержку, кончилось горючее и он смог бы начать действия только в конце дня.

Отступившие из района Халфайи английские войска оставили там лишь небольшой заслон. Немцы быстро воспользовались

тем, что позиция этого гарнизона оказалась открытой, и 27 мая внезапным ударом с нескольких сторон по сходящимся направлениям вновь захватили перевал. Это был большой успех. Захват перевала создавал серьезные препятствия для следующего, более мощного наступления англичан — операции «Бэтлэкс». Кроме того, во время возникшей паузы в боевых действиях войска Роммеля подготовили «ловушки» для английских танков у Халфайи и других передовых позиций, закопав в землю батареи 88-мм пушек, которые весьма эффективно были превращены из зенитных в противотанковые.

Эта чрезвычайная мера имела огромное значение для исхода предстоящего боя. К тому времени почти две трети немецких противотанковых орудий все еще составляли старые 37-мм пушки. Разработанные за пять лет до начала войны, они значительно уступали английским 40-мм танковым и противотанковым, были малоэффективны в борьбе против английских крейсерских танков и беспомощны против танков «матильда». Даже новые 50-мм противотанковые пушки, которых у Роммеля теперь насчитывалось около 50 штук, могли пробить толстую броню танка «матильда» лишь с очень близкого расстояния. И только снаряд 88-мм пушки на колесном ходу мог пробить 77-мм броню танка «матильда» с расстояния в 2000 метров. В войсках Роммеля было всего 12 таких пушек, но одна четырехорудийная батарея размещалась на Халфайе, а другая — у гряды Хафид (оба эти пункта англичане намеревались захватить в начале своего наступления).

Это направление удара было выгодно для Роммеля, так как англичане к началу наступления превосходили его войска во многих отношениях, в особенности по количеству танков, которые являлись основным средством ведения боевых действий в пустыне. Из Германии Роммель не получил новых подкреплений, и, когда начались бои, у него было всего около 100 пушечных танков, причем больше половины из них находились в войсках, блокировавших Тобрук. В то же время прибытие конвоя «Тайгер» позволило англичанам развернуть в бою около 200 пушечных танков, что давало им на начальном этапе боя преимущество в танках в соотношении 4 : 1. Многое зависело от того, как сумеют они использовать это преимущество, чтобы уничтожить силы противника в пограничной зоне раньше, чем Роммелю удастся подтянуть остальные свои танки (5-й танковый полк) из отдаленного района Тобрука.

К несчастью для англичан, их шансы на успех значительно уменьшились по той причине, что наступление планировалось как бы с точки зрения пехотного командира. В результате пре-

имущества, которые давало численное превосходство в танках, не были использованы.

Прибытие конвоя «Тайгер» позволило Уэйвеллу при подготовке нового наступления вновь сформировать две танковые бригады. Однако вследствие неудачного исхода операции «Бревити», проведенной в середине мая, танков осталось так мало, что их хватило лишь на то, чтобы укомплектовать два из трех полков в каждой бригаде⁵⁴.

Прибывших же новых крейсерских танков едва хватало, чтобы укомплектовать один полк, а ранее имевшимися крейсерскими танками можно было укомплектовать только еще один полк. Два полка другой бригады были укомплектованы танками «матильда» — пехотными танками. Это побудило командование использовать эту бригаду в начале наступления для поддержки пехоты, вместо того чтобы сосредоточить все имеющиеся танковые силы для уничтожения танков противника. Последствия этого решения губельно сказались на развитии всего наступления англичан.

Разработка операции «Бэтлэкс» имела честолюбивые цели. По свидетельству Черчилля, англичане хотели добиться «решающей» победы в Северной Африке и «уничтожить» войска Роммеля. Уэйвелл, осторожно выражая сомнения относительно возможности такого полного успеха, высказывал надежду, что наступление «позволит отбросить противника к западу от Тобрука». Уэйвелл так и сформулировал эту цель в боевом распоряжении, отданном генералу Бересфорд-Пэйрсу, которому как командующему войсками в Западной Пустыне предстояло руководить действиями наступающих войск.

План наступательной операции складывался из трех этапов. На первом этапе предусматривалось наступление на укрепленный район Халфайя, Соллум, Ридотта Капуццо силами индийской 4-й дивизии при поддержке 4-й бронетанковой бригады (она была укомплектована танками «матильда»). В это время силы 7-й бронетанковой дивизии прикрывали бы фланг, обращенный к пустыне. На втором этапе 7-я бронетанковая дивизия должна была наступать в направлении Тобрука силами двух бронетанковых бригад. На третьем этапе этой дивизии совместно с гарнизоном Тобрука предстояло продолжать преследование противника в западном направлении.

Этот план с самого начала был обречен на провал. На первом этапе планировалось выделить половину бронетанковых сил для поддержки пехоты, а это более чем в два раза снижало шансы на разгром танкового полка противника в передовом районе до того, как его усилят другими танковыми полками из района

Тобрука. Таким образом, значительно уменьшались шансы на успех во втором и третьем этапах.

Чтобы выйти к позициям противника в пограничном районе, наступающие войска должны были совершить 50-километровый марш. Он начался 14 июня во второй половине дня. Последний отрезок пути протяженностью 13 км преодолевался при лунном свете в ночь на 15 июня. Бой начался ударом на правом фланге по позиции противника у перевала Халфайя. Однако теперь обороняющиеся были лучше подготовлены, чем в мае, а наступающие не могли рассчитывать на внезапность, поскольку планом предусматривалось не вводить танки в бой, пока не станет достаточно светло для ведения артиллерийского огня. Это решение оказалось тем более неудачным, потому что единственная батарея, выделенная для поддержки атаки на Халфайю, застряла в песках. Уже совсем рассвело, когда возглавлявший атаку батальон танков «матильда» начал преодолевать последний участок, отделяющий его от противника. Первое сообщение, поступившее от командира танкового батальона по радиотелефону: «Они разносят мои танки на куски», стало последним донесением. В танковой ловушке, которую создал Роммель, разместив четыре 88-мм пушки у перевала, справедливо названного английскими солдатами «перевалом адского огня», из 13 танков «матильда» уцелел лишь один.

Тем временем колонна в центре продолжала двигаться через плато в пустыне к Ридотта Капуццо, выдвинув вперед целый полк танков «матильда». На их пути не оказалось 88-мм пушек, и сопротивление гарнизона рухнуло под натиском превосходящих сил. Форт был захвачен, а две контратаки противника, предпринятые им позже в тот же день, были отбиты.

Возглавляющая левую колонну бригада крейсерских танков, которая должна была обойти противника с фланга, попала в танковую ловушку Роммеля на гряде. Когда же она попыталась в конце дня возобновить наступление, то лишь еще глубже застряла в ловушке, понеся тяжелые потери. К этому времени появились главные силы передового танкового полка немцев. Они создали контругрозу флангу англичан, и это заставило оставшиеся английские танки отойти к пограничным заграждениям.

К вечеру первого дня наступления англичане потеряли больше половины своих танков. Танковые же силы Роммеля почти не понесли потерь, а с прибытием второго танкового полка из района Тобрука соотношение сил изменилось в пользу немцев.

На второй день Роммель перехватил инициативу. Он использовал всю свою 5-ю легкую дивизию, переброшенную из района

Тобрука, для охвата левого фланга англичан в пустыне и силами 15-й танковой дивизии предпринял мощную контратаку у Ридотта Капуццо. Контратака у Ридотта Капуццо была отбита, так как англичане использовали те преимущества, которые давали хорошо выбранные ими укрытые позиции. Однако угроза ударов противника с фронта и фланга вынудила англичан отказаться от намерения возобновить наступление днем, а к вечеру охватывающий маневр немцев принял угрожающие размеры.

Используя это преимущество, Роммель перебросил все свои подвижные войска на фланг, обращенный к пустыне, намереваясь нанести удар в направлении перевала Халфайя и перерезать пути для отхода англичан. Утром третьего дня, когда эта угроза стала очевидной, английское высшее командование после короткого совещания отдало приказ о немедленном отводе своих дезорганизованных войск. С участка Ридотта Капуццо имелся весьма узкий путь отхода, однако упорное сопротивление уцелевших английских танков позволило выиграть время и вывезти пехоту на грузовых автомобилях. Утром четвертого дня английские войска, откатившись назад на 50 км, оказались вновь на том же рубеже, с которого начали наступление.

За три дня операции «Бэттлэкс» потери англичан составляли около тысячи убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Примерно такие же потери в живой силе были и у противника. Однако англичане потеряли 91 танк, а немцы всего лишь 12. Оставшись хозяевами на поле боя, немцы смогли эвакуировать с поля боя и отремонтировать бóльшую часть своих поврежденных танков. Англичане же в результате поспешного отхода вынуждены были бросать танки, которые вышли из строя лишь из-за механических повреждений и легко могли быть отремонтированы при наличии времени. Непропорциональность потерь в танках убедительно свидетельствовала о том, что наступление англичан не оправдало надежд и не позволило достичь тех целей, ради которых оно было предпринято.

Боевые действия у Тобрука, операции «Бревити» и «Бэттлэкс» ознаменовали поворот в развитии тактики боевых действий в этой войне. До сих пор наблюдался почти полный отказ от оборонительных действий, которые превалировали во время Первой Мировой войны и в течение предыдущего полувека. С сентября 1939 года наступление танков, если оно проводилось быстро передвигающимися бронетанковыми силами, столь часто имело полный успех на каждом театре военных действий, что общественное мнение и военная мысль стали рассматривать оборону как несостоятельный способ действий и уверились в том, что любое наступление ведет к успеху. Однако операция

«Бэттлэкс» показала (а боевые действия у Тобрука и операция «Бревити» предвосхитили этот вывод), насколько эффективной может быть оборона (даже в условиях такой открытой местности, как североафриканская пустыня), если ее проводить умело, с учетом особенностей современных средств ведения войны. В дальнейшем, по мере того как продолжалась война и накапливался опыт, становилось все более очевидным, что оборона, только в более подвижной форме, вновь обрела те преимущества, которыми обладала в Первую Мировую войну, и ее можно сломить, лишь имея огромное превосходство в силах или тактическом мастерстве.

К сожалению, этот опыт англичане не учли при следующей попытке разгромить Роммеля и очистить от противника Северную Африку. Уроки операции «Бэттлэкс» то ли прошли незамеченными, то ли были неправильно поняты. Самый важный момент, который английские вышестоящие штабы не учли в своих выводах, касался роли 88-мм пушек в обороне. Английское командование отнеслось скептически к донесениям о том, что эти тяжелые зенитные пушки использовались для борьбы с танками. Даже когда английские штабы с запозданием, осенью, осознали этот факт после новых тяжелых потерь в танках от огня этих пушек, то и тогда упрямо придерживались убеждения, что столь громоздкое оружие можно использовать только с закрытых позиций. Таким образом, англичане не смогли предвосхитить следующего шага в развитии оборонительной тактики Роммеля — использования 88-мм пушек как мобильного оружия — и найти этому противодействие.

И еще одно важное обстоятельство было упущено английским высшим командованием. Противник все смелее использовал обычные противотанковые пушки во взаимодействии с танками не только в обороне, но и в наступлении. В последующих операциях такое взаимодействие стало доминирующим фактором, оказавшим на исход боевых действий даже большее влияние, чем использование 88-мм пушек. Основная причина исключительно тяжелых по сравнению с противником потерь в танках у англичан, как показывает анализ, состояла в том, что немецкие 50-мм противотанковые пушки, относительно небольшие и маневренные, устанавливались на замаскированных позициях в лощинах перед боевыми порядками танков. Поэтому экипажи английских танков не могли понять, откуда был выпущен бронбойный снаряд, пробивший их броню (из танковой или противотанковой пушки), и, естественно, приписывали его тому противнику, которого видели перед собой. Этот ошибочный вывод привел их в дальнейшем к убеждению, что английские танки

и танковые пушки хуже танков и танковых пушек противника, и породил неверие в силу собственного оружия.

В ходе летней кампании было еще одно важное обстоятельство, которое серьезно повлияло на план следующего наступления англичан. Уэйвелл в своем донесении, составленном почти через три месяца после операции «Бэттлэкс», пришел к выводу, что основной «причиной нашей неудачи была, несомненно, трудность организации взаимодействия крейсерских и пехотных танков». Но на самом деле возможности такого взаимодействия не проверялись. Оба полка танков «матильда» из состава бронетанковой дивизии были подчинены командиру пехотной дивизии, который цеплялся за них на протяжении всей операции, вместо того чтобы высвободить их после первого ее этапа, как предусматривалось планом. При умелой организации взаимодействия пехотные танки могли бы сыграть важную роль в танковом бою как сильная сковывающая группа, обеспечивающая наступательный маневр крейсерских танков. По скорости танки «матильда» лишь немного уступали крейсерским танкам А.10, которые эффективно взаимодействовали с более быстроходными крейсерскими танками в первой ливийской кампании и в самой операции «Бэттлэкс». Немцам удавалось сочетать в бою действия танков разных типов, различающихся по скорости в такой же степени, как отличались друг от друга более быстроходные английские крейсерские танки и танки «матильда».

К сожалению, непроверенное предположение о том, что осуществить такое взаимодействие слишком трудно, привело к полному разделению бригад крейсерских и пехотных танков в ходе следующего наступления англичан. Поле боя для них как бы распалось на два самостоятельных сектора.

Операция «Крусейдер»

После краха предпринятой в середине лета 1941 года попытки добиться решающей победы в Африке и изгнать противника с этого континента Черчилль еще большее внимание сосредоточил на достижении этой цели. Он был полон решимости возобновить эту попытку как можно быстрее и более крупными силами. Вот почему он не переставал посылать подкрепления в Египет и отмахивался от напоминаний своих военных советников о давно принятом решении, что оборона Дальнего Востока, и в особенности Сингапура, уступает по важности лишь обороне самой Великобритании и важнее обороны Среднего Востока. Начальник имперского генерального штаба Дилл пытался напомнить Черчиллю об этом тщательно продуманном решении, но у него был слишком мягкий характер, он был слишком почтительным, чтобы отстаивать свои взгляды перед такой сильной личностью, как Черчилль.

Обстановка на Дальнем Востоке угрожающе обострялась, а находившиеся там английские войска по-прежнему были ничтожно слабыми. До сих пор Япония воздерживалась от вступления в войну, однако принятые в июле Рузвельтом и Черчиллем меры по изоляции ее экономики вынуждали Японию нанести ответный удар единственно возможным для нее путем — силой оружия. Колебания Японии позволили получить Аме-

рике и Великобритании более чем четырехмесячный срок для совершенствования своей обороны в районе Тихого океана. Союзники, однако, не смогли извлечь пользы из этой отсрочки. Великобритания упустила это время, так как все интересы и усилия Черчилля были сосредоточены на Северной Африке. Таким образом, Роммель косвенно способствовал падению Сингапура — как подавляющим впечатлением, которое он производил на английского премьер-министра, склонного придавать особое значение личности в истории, так и потенциальной угрозой захватить долину Нила и Суэцкий канал.

Перед новым наступлением в Африке (операция получила кодовое название «Крусейдер») английские войска были значительно усилены и перевооружены. Число танковых частей возросло с четырех до четырнадцати. Ударная группа получила четыре полностью укомплектованные бронетанковые бригады, а гарнизон Тобрука — одну. Эта бригада была переброшена морем и предназначалась для использования при прорыве с плацдарма навстречу ударной группе. Были переброшены также три моторизованные пехотные дивизии. Теперь англичане имели четыре такие дивизии, не считая свежую дивизию в Тобруке, где английская 70-я дивизия сменила австралийскую 9-ю дивизию, вынесшую основную тяжесть осады.

В противоположность этому Роммель не получил значительных подкреплений из Германии и ни одного дополнительного танкового полка для усиления первоначально имевшихся у него четырех танковых полков. 5-я легкая дивизия была переименована в 21-ю танковую, но танков в ее составе не прибавилось. Единственное, что Роммелю удалось сделать для увеличения своих сил, — это сформировать на месте пехотную дивизию (сначала она называлась Африканской, а позже — 90-й легкой дивизией), использовав для этой цели несколько сверхштатных артиллерийских дивизионов и пехотных батальонов. Итальянские войска, насчитывавшие три дивизии (из них одна бронетанковая), были усилены тремя пехотными дивизиями меньшего состава, однако их ценность значительно снижалась тем, что они имели на вооружении устаревшую технику и не были обеспечены автотранспортом. Таким образом, их можно было использовать лишь для выполнения задач статического характера, и они резко ограничивали свободу стратегического маневра Роммеля.

Англичане теперь имели большое преимущество в авиации. Их военно-воздушные силы были доведены в целом почти до 700 самолетов (против 120 немецких и 200 итальянских самолетов).

По танкам и бронемашинам превосходство англичан оказалось еще более внушительным. Когда началась операция «Кру-

сейдер», у англичан было свыше 710 пушечных танков (в том числе более 200 пехотных), в то время как противник имел всего лишь 174 немецких пушечных танка и 146 итальянских танков устаревшего типа. Таким образом, англичане обладали более чем двукратным превосходством над противником в целом и более чем четырехкратным превосходством над немцами, две танковые дивизии которых расценивались английским командованием как «костяк армии противника». К тому же Роммель не имел танкового резерва, если не считать небольшого числа отправленных на ремонт машин, в то время как у англичан в резерве или в пути на транспортах находилось около 500 танков. Таким образом, англичане гораздо в большей степени были подготовлены к ведению продолжительных боевых действий. Этот резерв в конце концов склонил чашу весов сражения в пользу англичан⁵⁵.

Главным преимуществом Роммеля, опираясь на которое он надеялся компенсировать огромное превосходство англичан в танках, было то, что к осени две трети его противотанковых пушек составляли новые длинноствольные 50-мм пушки, пробивная способность которых была примерно на 70% выше, чем у старых 37-мм пушек, и на 25% выше, чем у английских 40-мм пушек. Теперь противотанковая оборона немецких войск не зависела в такой степени, как летом, от горстки 88-мм пушек.

Помимо отправки в Египет крупных подкреплений и нового вооружения Черчилль заменил командование ударного соединения в Африке. Через четыре дня после провала операции «Бэттлэкс» Уэйвелл был освобожден от командования и его заменил Окинлек, командовавший раньше английскими войсками в Индии. Вскоре после этого были сменены командующий ударным соединением и командир бронетанковой дивизии.

Черчилля всегда раздражала осторожность Уэйвелла, и после разочаровывающего итога операции «Бэттлэкс» он принял окончательное решение о назначении нового главнокомандующего. Однако (и это опять вызвало у Черчилля раздражение) Окинлек стал также упорно сопротивляться требованиям поскорее возобновить наступление и настаивал на том, чтобы подождать, пока войска будут полностью подготовлены. В результате следующее наступление — операция «Крусейдер» — было предпринято лишь в середине ноября, то есть через пять месяцев после операции «Бэттлэкс»⁵⁶. Тем временем значительно усиленное ударное соединение стало именоваться 8-й армией, и командование ею было передано генерал-лейтенанту Каннингхему, ранее руководившему действиями английских войск по изгнанию противника из Сомали и Эфиопии. В состав армии входили

13-й корпус под командованием генерал-лейтенанта Годуин-Остина и 30-й (бронетанковый) корпус под командованием генерал-лейтенанта Норри. За исключением Норри, никто из новых командиров не имел опыта управления бронетанковыми соединениями и ведения боевых действий против бронетанковых сил. Норри был прислан на замену, так как опытный танкист, назначенный до него командиром бронетанкового корпуса, погиб в авиационной катастрофе — незадолго до начала операции.

В 13-й корпус входили новозеландская и индийская 4-я дивизии, а также бригада пехотных танков. 30-й корпус состоял из 7-й бронетанковой дивизии (7-я и 22-я бронетанковые бригады), 4-й бригадной группы, 2-й моторизованной бригады и южноафриканской 1-й дивизии. Южноафриканская 2-я дивизия находилась в резерве.

По замыслу операции, 13-й корпус должен был сковать войска противника, занимавшие приграничные позиции. В это время 30-му корпусу следовало обойти эти укрепленные позиции с фланга с задачей обнаружить и уничтожить бронетанковые силы Роммеля, а затем соединиться с гарнизоном Тобрука, который должен был прорываться навстречу 30-му корпусу. Таким образом, корпусам предстояло действовать в отдаленных друг от друга районах, а не совместно. Самое сильное бронетанковое соединение — бригада, имевшая на вооружении танки «матильда» и «валентайн», — не должно было принимать участия в танковой битве, а лишь действовать небольшими группами совместно с пехотой.

Когда развернулось наступление, такое расчленение на отдельные группы быстро привело к раздроблению сил наступающих на всех участках. Тем самым англичане лишились первоначального преимущества, достигнутого благодаря стратегическому обходному маневру, который застал противника врасплох и на время привел его в замешательство. Наступление англичан оказалось дезорганизованным, и в значительной степени по вине самих англичан. Роммель по этому поводу язвительно заметил: «Что толку от того, что у вас два танка против одного моего, если вы рассредоточиваете их, позволяя тем самым уничтожать по отдельности? Вы подставили мне под удар три бригады одну за другой».

Причиной этой неудачи послужил устаревший принцип, который многие годы включался в каждый устав и вдалбливался в штабном колледже. Этот принцип гласил, что «уничтожение главных сил противника на поле боя» — основная и единственно правильная цель командира. В период между войнами этот принцип горячо отстаивали командиры, склонные отдавать

предпочтение пехоте, если стоял вопрос об использовании танков. Они обычно заявляли: «Нужно уничтожить танки противника — и тогда мы сможем обеспечить успех в бою». Живучесть такого подхода наглядно проявилась в распоряжениях, отданных 8-й армии и ее бронетанковому корпусу: «Ваша ближайшая задача — уничтожение бронетанковых сил противника». Однако сами по себе бронетанковые силы не должны быть ближайшей целью, поскольку они маневренны и их не так легко обнаружить, как пехотные соединения. Уничтожение их скорее всего достигается косвенным путем — когда противник использует их для прикрытия или захвата какого-либо особенно важного объекта. Пытаясь слишком прямолинейно решить задачу уничтожения постоянно уходящих из-под удара танковых войск Роммеля, английские бронетанковые силы не только растянулись и рассредоточились, но и оказались в ловушке, попав под губительный огонь противотанковой артиллерии.

Английский 30-й корпус пересек границу рано утром 18 ноября и начал обходить фланг противника слева в направлении Тобрука. Наступление осуществлялось под прикрытием авиации, хотя в этом прикрытии, имевшем целью не допустить обнаружения и противодействия со стороны противника, не было непосредственной необходимости, поскольку после сильной бури аэродромы противника залило водой и его самолеты не могли подняться в воздух. По этой же причине не имело значения снижение темпов марш-похода. Роммель совершенно не подозревал, что вот-вот на него должна обрушиться «стальная буря». Он сосредоточил все свое внимание на подготовке намеченного им штурма Тобрука, и его ударная группа, готовая к штурму, была перебросена в этот район, хотя он и создал сильное прикрытия в пустыче к югу от Тобрука для предупреждения контрудара противника.

К вечеру 18 ноября английские танки оседлали южную дорогу от Ридотта Капуццо и на следующее утро двинулись на север. Ширина фронта их действий, по мере того как они отесняли заслон, выставленный Роммелем, постепенно увеличилась с 50 до 80 км. Отрицательные последствия этой растянутости войск по фронту не замедлили сказаться.

В центре два полка 7-й бронетанковой бригады захватили аэродром противника на плоской вершине горного кряжа у Сиди-Резега, в 20 км от внешнего обвода обороны Тобрука. Остальная часть бригады и группа поддержки дивизии подошли только утром 20 ноября. К этому времени Роммель спешно подтянул часть Африканской дивизии с большим количеством противотанковых пушек, чтобы удерживать гребень кряжа и блоки-

ровать дорогу. Английские войска в этом районе не получили никаких подкреплений, так как две другие бронетанковые бригады были скованы тяжелыми боями, а южноафриканская 1-я дивизия наступала в западном направлении.

На западном фланге произошло следующее: 22-я бронетанковая бригада встретила итальянские танки и, тесня их, готовилась атаковать укрепленную позицию итальянцев вблизи Бир-эль-Гоби. Она состояла из территориальных добровольческих полков, которые лишь незадолго до этого были оснащены танками и не имели опыта ведения боевых действий в пустыне. Предприняв лихую атаку в духе бессмертной «атаки легкой бригады под Балаклавой»⁵⁷, они подверглись сильному обстрелу итальянской артиллерии и потеряли больше 40 танков из 160. Предполагая, что наступление идет успешно, командир корпуса направил туда южноафриканцев для захвата Бир-эль-Гоби.

На восточном участке появление крупных немецких танковых сил вблизи тылового района 4-й бронетанковой бригадной группы застало ее врасплох. Преследуя немецкие разведывательные подразделения, она растянулась в колонне на 40 км. И прежде чем главные силы группы успели прийти на помощь, арьергард этой бригадной группы был сильно потрепан. Этот удар явился продолжением первого контрманевра Роммеля и был нанесен сильной боевой группой (два танковых подразделения 21-й танковой дивизии), высланной в южном направлении для разведки.

И все же английским бронетанковым силам на этом фланге повезло в том отношении, что им не пришлось встретиться со всем Африканским корпусом на следующее утро. Дело в том, что командир этого корпуса Крувелл на основе неверной информации предположил, будто наибольшую опасность представляет продвижение англичан по северной дороге от Ридотта Капуццо. Крувелл поэтому направил обе свои танковые дивизии к Ридотта Капуццо, но противника не обнаружил. Не зная обстановки из-за отсутствия воздушной разведки, немцы искали противника в «тумане войны» на ощупь. Хуже того, в этом рейде на восток у 21-й танковой дивизии кончилось горючее, и она на время была лишена мобильности. В этот день смогла вернуться только 15-я танковая дивизия. После полудня она нанесла удар по все еще изолированной 4-й бронетанковой бригаде в Габр-Салехе.

Эта бригада второй день подряд принимала на себя основную тяжесть немецкого контрудара и несла большие потери.

Английские вышестоящие командиры были хорошо информированы о маневрах противника, но они медлили и не восполь-

зовались передышкой, полученной из-за временного отсутствия на поле боя Африканского корпуса. Не были приняты безотлагательные меры, чтобы собрать в кулак три рассредоточенные бронетанковые бригады. Лишь к полудню, когда положение 4-й бронетанковой бригады стало критическим, на помощь ей была направлена 22-я бригада, которую раньше планировалось послать на соединение с 7-й бригадой у Сиди-Резега. Чтобы совершить этот маневр с одного фланга на другой, 22-й бригаде предстояло пройти большой путь, и она прибыла на поле боя лишь к вечеру, слишком поздно, чтобы оказать помощь участвовавшим в этом бою войскам.

Все это время новозеландская дивизия и бригада пехотных танков 13-го корпуса находились всего в 18 км от места боя, у Бир-Гибни. Готовые прийти на помощь своим войскам, они так и не приняли участия в танковом бою. Их предложение оказать помощь командование отклонило. Это красноречиво свидетельствует о том, насколько неукоснительно соблюдалась при проведении этого сражения идея ведения боевых действий в «двух секторах». Утром 21 ноября английские бронетанковые бригады в Габр-Салехе обнаружили, что противник перед их фронтом исчез. Роммель к этому времени составил себе ясную картину расположения англичан и приказал Крувеллу обеими танковыми дивизиями нанести сосредоточенный удар по выдвинувшимся английским войскам у Сиди-Резега.

Непосредственно перед этим Норри приказал этим войскам продолжать продвижение к Тобруку, а гарнизону Тобрука начать боевые действия по снятию блокады города. Однако этот план был сорван раньше, чем началось его осуществление. В 8.00 было замечено приближение двух немецких танковых колонн с юга и востока. Два из трех английских танковых полков у Сиди-Резега спешно двинулись навстречу противнику. Таким образом, остался лишь один полк (6-й танковый), который должен был проложить путь к Тобруку, но и он вскоре попал под огонь удачно расположенной артиллерии противника. Тем временем два других танковых полка приняли на себя всю тяжесть удара Африканского корпуса. Один из них (7-й гусарский полк) был смят и почти полностью уничтожен 21-й танковой дивизией, а другой (2-й танковый полк) так смело атаковал 15-ю танковую дивизию, что противник повернул назад. После полудня немцы предприняли новую атаку и, умело применив тактику скрытного выдвижения противотанковых пушек впереди своих танков и на флангах противника, нанесли ощутимые удары. Остатки 7-й бронетанковой бригады спасло от уничтожения лишь прибытие 22-й бронетанковой бригады из Габр-Са-

леха. 4-я бригада появилась лишь на следующий день. Что же касается попытки прорыва из Тобрука, то предпринявшие ее войска вклинились в позиции немецко-итальянских войск, блокировавших Тобрук, только на 6 км. Дальнейшее их продвижение приостановилось из-за неудачи, которую потерпел 30-й корпус. Прорывавшиеся войска оказались в опасном положении на узком и длинном выступе.

Когда наступил рассвет пятого дня, Африканский корпус вновь исчез с поля боя, но на этот раз только для того, чтобы пополнить горючее и боеприпасы. Роммелю не понравилось даже это короткое затишье. Примерно в полдень он прибыл в штаб 21-й танковой дивизии, которая находилась неподалеку от поля боя, и приказал ей скрытно приблизиться к противнику и атаковать его. Следуя в западном направлении по долине севернее Сиди-Резега, немецкий танковый полк нанес удар по западному флангу английской позиции, захватил аэродром и уничтожил часть группы поддержки, прежде чем подоспели на помощь две оставшиеся английские бронетанковые бригады. Запоздалые контратаки этих бригад проводились без должного согласования, и противник легко отразил их.

На этом день неудач не кончился. Немецкая 15-я танковая дивизия, в сумерках возвращаясь в район боя после дня отдыха, вышла в тыл 4-й бронетанковой бригады и окружила район, где находились ее штаб и резерв — 8-й гусарский полк. Большая часть личного состава английских подразделений, танки и радиостанция попали в руки противника. Командир бригады руководил контратакой у Сиди-Резега и потому избежал плена. Когда же на рассвете 23 ноября он обнаружил, что его бригада разгромлена и рассеяна, а он остался без средств управления и не имеет возможности собрать уцелевшие подразделения, это окончательно парализовало его действия.

Как бы в порядке компенсации подобной же участи подвергся рано утром 23 ноября штаб Африканского корпуса. Дело в том, что Каннингхем наконец отдал 13-му корпусу приказ начать продвижение вперед. 22 ноября новозеландцы заняли Ридотта Капуццо. 6-й бригаде было приказано продвинуться к Сиди-Резегу. На рассвете 23 ноября она натолкнулась на штаб Африканского корпуса и разгромила его. Крувелл избежал плена лишь потому, что в это время уехал из штаба, чтобы непосредственно руководить следующим этапом операции. Однако потеря офицеров оперативного отдела и радиостанции вызвала серьезные затруднения в последующие дни, причем эти затруднения были гораздо большими, чем считали англичане, которых беспокоили собственные трудности.

23 ноября было воскресенье. В Англии этот день называют «воскресенье перед рождественским постом», а в Германии — «Тотензоннтаг» — «воскресенье, когда поминаются умершие». В свете того, что случилось 23 ноября, немцы впоследствии дали именно такое название и этим боям.

Ночью английские войска отошли на несколько километров от Сиди-Резега в южном направлении и стали ждать, пока подтянется южноафриканская 1-я дивизия. Но соединиться этим силам не удалось. Неожиданно появились немецкие танковые дивизии. Это застало англичан и южноафриканцев врасплох. Немецкие танки ворвались в район расположения транспортных средств и обратили противника в паническое бегство.

Последствия катастрофы могли бы быть печальнее, но в этот момент немецкие танковые дивизии прекратили дальнейшее продвижение по приказу Крувелла. Командующий решил разобратся в обстановке и, прежде чем нанести основной удар, подождать подхода итальянской дивизии «Ариете». Но итальянцы продвигались осторожно и медленно, и Крувелл лишь после полудня смог атаковать с юга главные силы Норри — изолированные к этому времени 5-ю южноафриканскую бригаду и 22-ю бронетанковую бригаду (некоторым другим частям и подразделениям удалось выскользнуть из ловушки). Однако англичане уже успели организовать прочную оборону. Введя в бой крупные силы, Крувелл в конечном счете сумел ворваться на позиции англичан и подавить оборону. Около 3000 англичан попали в плен или были убиты, но при этом и Африканский корпус потерял свыше 70 танков из 160.

Потери в танках, понесенные в результате одной прямой атаки на оборонительные позиции англичан, в значительной мере нейтрализовали существенные преимущества, достигнутые благодаря умелому маневру в предыдущие дни. Слишком дорогой ценой пришлось расплачиваться немцам за этот тактический успех. И в стратегическом плане это нанесло вреда больше, чем любые другие неудачи в ходе операции «Крусейдер». Хотя 30-й корпус и понес гораздо большие потери и теперь у него в строю насчитывалось всего около 70 танков из 500, у англичан еще оставались большие резервы, в то время как у Роммеля их не было.

24 ноября в ходе сражения произошел еще один драматический поворот. Теперь Роммель стремился развить успех, нанося глубокий удар всеми своими подвижными силами по тыловому району 8-й армии. Он не стал терять время на сосредоточение сил и приказал 21-й танковой дивизии начать движение в сторону границы. Действиями дивизии руководил сам Роммель. Он

отдал приказ 15-й танковой дивизии следовать за 21-й дивизией. Предварительно Роммель заручился обещанием итальянского командования, что бронетанковая дивизия «Ариете» и моторизованная дивизия «Триесте» поддержат немецкие танковые дивизии и помогут замкнуть кольцо окружения вокруг английских войск.

Как указывалось в донесении, отправленном накануне вечером в Берлин и Рим, Роммель первоначально планировал воспользоваться разобщенностью английских войск и деблокировать немецко-итальянские гарнизоны в приграничной зоне. Однако, как свидетельствуют старшие офицеры его штаба и записи в журнале боевых действий, Роммель внезапно изменил свое решение. «Главнокомандующий принял решение, — указывается в журнале, — преследовать противника танковыми дивизиями, восстановить положение на фронте у Соллума и в то же время продвинуться к тыловым коммуникациям англичан в районе Сиди-Омара... Это означает, что они вскоре будут вынуждены отказаться от борьбы».

Роммель намеревался не только разгромить тылы противостоящих ему войск и захватить склады предметов снабжения, но и сломить волю англичан. В тот момент такой удар мог дать еще больший эффект, чем рассчитывал Роммель, так как после катастрофического исхода танкового сражения Каннингхем решил отвести войска за границу. Этого не случилось только потому, что прилетевший из Каира Окинлек настоял на продолжении борьбы. Тем не менее бросок немецких войск к границе вызвал паническое бегство английских сил и, разумеется, посеял еще большую тревогу в штабе 8-й армии.

К 16.00 Роммель достиг границы у Бир-Шеферзена, покрыв за пять часов расстояние в 100 км по пустыне. Он сразу же выслал боевую группу с задачей прорвать заграждения на границе и двигаться в северо-восточном направлении к перевалу Халфайя, чтобы, завладев идущей к побережью дорогой, перехватить пути возможного отхода войск 8-й армии и поставить под угрозу ее тылы. Роммель, немного проведив боевую группу по намеченному маршруту, решил вернуться назад. Неожиданно в его машине отказал двигатель. К счастью, мимо в своей командирской машине случайно проезжал Крувелл. Но наступали сумерки, а его водитель никак не мог найти проход в проволочном заграждении. Таким образом, Роммель и Крувелл вместе с начальниками штабов провели ночь в расположении английских и индийских войск. Их спасла только естественная привычка простых солдат «не тревожить спящих генералов». Командирская машина Крувелла была трофеем, и это обстоятельство

помогло Роммелю и Кривеллу на рассвете ускользнуть и беспрепятственно добраться до штаба 21-й танковой дивизии.

Вернувшись после двенадцатичасовой задержки, Роммель узнал, что 15-я танковая дивизия еще не вышла к границе, а дивизия «Ариете» вынуждена была остановиться на начальном этапе продвижения, обнаружив на своем пути южноафриканскую 1-ю бригаду. Транспортные колонны, подвозившие запасы горючего, также не смогли прибыть. Эти задержки ограничивали развитие контрудара Роммеля. Теперь он не мог, как планировал, направить боевую группу на восток к Хабате, железнодорожной станции снабжения англичан, чтобы блокировать главную дорогу в Египет. Ему также пришлось отказаться от замысла послать еще одну боевую группу в южном направлении к оазису Джарабуб по дороге мимо Форт-Мадалены, где размещался первый эшелон штаба 8-й армии.

А ведь этот маневр умножил бы замешательство и тревогу среди противника. В пограничной зоне атака на Сиди-Омар, предпринятая уже ослабленным танковым полком 21-й танковой дивизии, также окончилась неудачно. Когда же с запозданием появилась более сильная 15-я танковая дивизия, ее маневр в северном направлении вдоль западной стороны границы позволил лишь разгромить полевую мастерскую, где ремонтировались 16 английских танков.

Столь медленное нарастание угрозы дало возможность англичанам перевести дух и обрести хладнокровие. К тому же утром 26 ноября Каннингхема на посту командующего 8-й армией заменил Ритчи, заместитель начальника штаба Окинлека. Англичанам весьма повезло в том отношении, что наступавший противник прошел мимо обоих крупных складов снабжения у южной дороги от Ридотта Капуццо, от которых во многом зависела возможность англичан продолжать боевые действия. Немецкие танковые дивизии в районе Сиди-Резега двигались значительно севернее места расположения английских складов, а итальянские войска, которые могли бы близко подойти к этим складам, приостановили продвижение.

Хотя темпы действий войск Роммеля замедлились, положение англичан утром 26 ноября оставалось весьма опасным; 30-й корпус был настолько дезорганизован, что в течение дня англичане не предприняли никаких мер по ликвидации угрозы, созданной противником соединением 13-го корпуса. А ведь они были разделены большим расстоянием и вследствие выхода из строя радиостанций не имели связи с другими войсками.

Однако у немцев также возникли осложнения из-за потери радиостанций и невозможности обеспечить связь между отдель-

ными группировками. К тому же немцам грозили более пагубные последствия. Дело в том, что их успех зависел от быстрых и координированных действий по наращиванию угрозы тылу англичан. Англичане же могли твердо удерживать свои пограничные позиции, пока передовые подразделения войск 13-го корпуса продвигаются на запад, чтобы соединиться с гарнизоном Тобрука и создать тем самым двойную угрозу тылу Роммеля. Эта угроза заставила штаб танковой группы немцев в Эль-Адеме потребовать возвращения танковых дивизий, чтобы ослабить давление противника в этом районе.

Тревожные сигналы из тыла, выход из строя радиосвязи и нехватка горючего в передовом районе заставили Роммеля отказаться от продолжения контрудара. Утром 26 ноября он приказал Крувеллу «быстро очистить фронт у Соллума» одновременным ударом 15-й танковой дивизии на одном фланге и 21-й танковой дивизии на другом. Каково же было его удивление, когда он узнал, что 15-я дивизия рано утром двинулась назад к Бардии, чтобы произвести заправку горючим и пополнить боезапас! Когда она уже возвращалась на поле боя, Роммелю стало известно, что и 21-я дивизия по неверно истолкованному приказу покинула Халфайю и также была на пути в Бардию для пополнения запасов горючего и боеприпасов. Таким образом, в этот день не велось никаких действий, а вечером Роммель с большой неохотой разрешил 21-й танковой дивизии продолжить движение к Тобруку. На следующий день рано утром 15-я танковая дивизия нанесла удар по новозеландской бригаде, в ходе которого удалось уничтожить штаб и подразделения обслуживания. После этого Роммель приказал 15-й танковой дивизии последовать примеру 21-й танковой дивизии. Таков был затихающий финал контрудара, начало которого казалось столь многообещающим.

На ретроспективные оценки этого контрудара, естественно, влияет тот факт, что он провалился. Рассматривая это событие прежде всего в тактическом плане, критики придерживаются мнения, что Роммелю следовало не наносить этот контрудар, а попытаться прежде всего развить успех, достигнутый у Сиди-Резега: уничтожить остатки 30-го корпуса, или разгромить новозеландскую дивизию, находившуюся на выдвинутой позиции, или захватить Тобрук. Однако ни один из этих тактических ходов не открывал каких-либо больших перспектив для решительного стратегического успеха в борьбе против англичан. Все они являлись для Роммеля рискованным делом из-за возможности напрасно потерять время и решающим образом ослабить свои силы, если бы удар не принес успеха. Соотношение сил с

самого начала операции складывалось настолько не в пользу Роммеля, что он неминуемо должен был потерпеть поражение в продолжительных боях на истощение. Если бы он попытался преследовать англичан и уничтожить оставшиеся танки 30-го корпуса, английские танки могли избежать встречи в бою, так как обладали большей скоростью, чем танки Роммеля. Другие виды действий предполагали наступление против пехоты и артиллерии, которые находились на оборонительных позициях. Поскольку Роммель не мог позволить себе вести длительные бои, было бы сумасшествием избирать любой из этих тактических ходов, когда существовала какая-то другая, более реальная перспектива. А такую перспективу, по существу, только и открывал избранный им вариант глубокого стратегического удара всеми подвижными силами. Шансы на успех при этом возрастали благодаря тому, что Роммелю наконец удалось убедить Муссолини подчинить ему итальянский подвижный корпус.

Удар Роммеля часто задним числом называют успешным. Однако история войн показывает, что удар такого рода неоднократно приносил успех, особенно благодаря его воздействию на моральный дух противостоящих войск и, более того, на моральное состояние их командиров. Это подтверждал и собственный опыт Роммеля. Дважды, в апреле и июне, Роммель вынуждал англичан отступать в результате подобных же стратегических ударов, которые наносились меньшими силами и в менее благоприятной обстановке. Двумя месяцами позже, в январе 1942 года, англичане потерпели еще одну катастрофу, когда Роммель нанес им такой же четвертый удар (хотя и не на такую глубину, как в ноябре 1941 года) с целью перерезать пути отхода противника. А ведь в ноябре войска противника были разобщены в большей степени, чем в любом из трех случаев, когда стратегические удары Роммеля имели успех.

Таким образом, причины неудач Роммеля в ноябре можно сформулировать на основе описания тех критических дней: задержка 15-й танковой дивизии и инертность итальянского подвижного корпуса, назначенного поддерживать наступление 21-й танковой дивизии; потеря темпа в развитии первоначального успеха; неумелые и бесполезные действия на границе, частично объясняемые отсутствием точной информации, выходом из строя радиосвязи и неправильным толкованием приказов; угроза тылу, созданная англичанами; решимость Окинлека продолжать боевые действия и усиливать контругрозу, вместо того чтобы отступить; замена в критический момент командующего 8-й армией.

Есть еще один фактор, который заслуживает внимания и который следует подчеркнуть при анализе этих событий. Реше-

ние продолжать боевые действия было бы бесполезным и лишь привело бы к более серьезной катастрофе, если бы паническое бегство, вызванное ударом Роммеля, приняло большие размеры. Однако разрозненные части 30-го корпуса, избежавшие столкновения с противником, оставались на прежних позициях или поблизости от них, хотя и в изоляции. Так же вели себя и оказавшиеся в подобном положении части 13-го корпуса. Сам этот факт разобщенности помог сдерживать обычную для таких раздробленных подразделений тенденцию отступать. В данном случае противник, продвигаясь на восток, настолько явно обогнал их, что им казалось безопасней оставаться на месте, «на самом краю водоворота», хотя положение с подвозом предметов снабжения было весьма неопределенным.

Когда стратегический удар Роммеля не достиг цели, первое, что предстояло решить Роммелю, — сможет ли он оправиться от неудачи и есть ли возможность вновь взять верх над противником. Удивительно, но Роммелю удалось решить обе задачи. И все же Роммель не смог извлечь пользы из преимущества, которое он вернул себе, и вынужден был в конце концов отступить. Этот конечный результат свидетельствует о том, что Роммель оказался прав, пытаясь нанести опрометчивый, на первый взгляд, стратегический удар 24 ноября. Это был единственный маневр, дававший ему хорошие шансы решительно склонить чашу весов в свою пользу.

Когда Африканский корпус повернул назад, в западном направлении, имея всего лишь 60 танков (треть из них составляли легкие танки), перспективы на восстановление положения у Тобрука прямым ударом представлялись весьма туманными, а положение самого корпуса казалось угрожающим. В ночь на 26 ноября новозеландская дивизия при поддержке почти 90 танков «валейтайн» и «матильда» прорвала позиции войск Роммеля, блокировавших Тобрук, и соединилась с войсками в Тобруке, где у англичан находилось более 70 танков (в том числе 20 легких). Тем временем за счет подвоза число танков в 7-й бронетанковой дивизии возросло почти до 130. Теперь англичане имели общее превосходство в танках в соотношении 5 : 1 (и 7 : 1 в пушечных танках). Если бы англичане использовали танки сосредоточеннее, Африканский корпус наверняка был бы почти весь разгромлен. Это могла сделать даже одна 7-я бронетанковая дивизия.

Африканский корпус на первом этапе своего отхода оказался в опасном положении еще и потому, что 21-я немецкая танковая дивизия была задержана у блокирующей позиции на пути отхода и не могла оказать помощь 15-й танковой дивизии, когда ту

перехватили и атаковали во второй половине дня 27 ноября две танковые бригады английской 7-й бронетанковой дивизии, имевшие трехкратное превосходство в танках над противником. 22-я танковая бригада преградила немцам путь, а 4-я танковая бригада нанесла удар с фланга. После тяжелого многочасового боя немцам удалось отбить эту атаку, но их движение на запад по северной дороге от Ридотта Капуццо было приостановлено. С наступлением сумерек английские танки в соответствии с обычной для них практикой вышли из боя. Это позволило немцам продолжить движение на запад под покровом темноты. На следующий день английские бронетанковые бригады возобновили наступление, но противник не подпускал их к себе, а когда наступила ночь, немцы вновь могли продвигаться вперед, не встречая противодействия.

К утру 29 ноября Африканский корпус соединился с остальными войсками Роммеля и помог им сдержать натиск противника. На следующий день Роммель бросил свои силы против изолированной новозеландской 6-й бригады в районе кряжа Сиди-Резег, используя дивизию «Ариете» для прикрытия своего фланга от возможных контратак английских бронетанковых сил. Немецкие танки обошли позиции англичан с запада, а пехота предприняла наступление с юга. К вечеру новозеландская 6-я бригада была выбита с занимаемых позиций и отошла на соединение с главными силами дивизии в долину недалеко от Бельхамеда. Английские бронетанковые силы, укомплектованные танками до полной штатной численности и сосредоточенные в районе расположения 4-й бронетанковой бригады, не предприняли энергичных усилий, чтобы прорваться через завесу Роммеля и оказать помощь новозеландцам. Английские командиры столько раз попадались в ловушку и так натерпелись от умелого использования противником танков в сочетании с противотанковыми пушками, что теперь стали проявлять чрезмерную осторожность.

Рано утром 1 декабря войска Роммеля замкнули вокруг новозеландцев у Бельхамеда кольцо окружения, перерезав коридор между ними и гарнизоном Тобрука. Примерно в 4.30 утра 4-я бронетанковая бригада получила приказ двинуться на рассвете на север «на самых больших скоростях» и «любой ценой» навязать бой танкам противника. Бригада начала движение около 7.00, достигла аэродрома у Сиди-Резега в 9.00 и установила соприкосновение с новозеландцами. Затем предстояла контратака против танков противника, которых предположительно насчитывалось около сорока. Однако к этому времени часть сил новозеландцев была разгромлена, и командование отдало при-

каз об общем отходе. Остатки новозеландской дивизии отступали на восток к Заафрану (а затем в течение ночи — к границе), а 4-я бронетанковая бригада — на юг к Бир-Берранебу.

Исход этого третьего раунда сражения можно назвать удивительным достижением немецких войск, имевших в семь раз меньше боевых танков в начале боев и в четыре раза меньше, когда бои завершились.

Окинлек вновь прилетел в штаб 8-й армии. Правильно оценивая скрытую слабость сил Роммеля, Окинлек был полон решимости продолжать боевые действия, подтянув свежие силы и танковый резерв. Индийскую 4-ю дивизию сменила южноафриканская 2-я дивизия, которая получила задачу соединиться с 7-й бронетанковой дивизией, совершающей обходный маневр с целью перерезать коммуникации и пути отхода Роммеля.

Когда Роммель получил сообщение об этой новой значительной угрозе, он решил оттянуть свои войска на запад и сосредоточить оставшиеся танки для удара по противнику, совершающему обходный маневр. В ночь на 4 декабря Африканский корпус, отказавшись от осады Тобрука, двинулся на запад.

В то утро передовая бригада индийской 4-й дивизии предприняла атаку на позицию, занимаемую итальянцами у Бир-эль-Гоби (в 30 км к югу от Сиди-Резега), но обороняющиеся сорвали атаку. На следующее утро атака была возобновлена и вновь отбита. Во время этих боевых действий английские танки прикрывали северный фланг атакующих войск от посягательств Роммеля, но, к сожалению, во второй половине дня 5 декабря они отошли в свой лагерь с намерением опробовать новую систему расположения танковых подразделений на отдыхе. В 17.30 на поле боя у Бир-эль-Гоби внезапно появились танковые войска Роммеля и уничтожили часть сил индийской бригады. Остаткам этой бригады удалось ускользнуть под покровом ночи.

После этой неудачи командир 30-го корпуса Норри решил отложить запланированное им продвижение к Акроме, но эта отсрочка лишила его шансов перерезать пути отхода Роммеля. 4-й бронетанковой бригаде было приказано обнаружить и уничтожить танки противника, а потом попытаться возобновить продвижение. Однако эта цель не была достигнута. Анализ документов свидетельствует о том, что англичане почти не предприняли никаких усилий для достижения этой цели, хотя имели уже 136 танков, то есть в три раза больше, чем оставалось в Африканском корпусе. Следующие два дня бригада провела на позиции у Бир-эль-Гоби, совершая время от времени короткие вылазки в напрасной надежде спровоцировать противника на прямую атаку артиллерийских позиций индийской 4-й дивизии.

7 декабря Роммель, узнав, что вряд ли получит какие-либо подкрепления до конца года, принял решение об отходе к рубежу Эль-Газаль. В ту же ночь Африканский корпус начал отход. Англичане с запозданием поняли, что происходит, и лишь 9 декабря их бронетанковые силы стали продвигаться к «Найтсбриджу» — узлу дорог к югу от Акромы. Английские танки были остановлены арьергардом противника в 13 км от «Найтсбриджа». Их сейчас больше беспокоила собственная безопасность, чем желание загнать противника в ловушку. К 11 декабря войска Роммеля благополучно отошли к Эль-Газалю, где заранее была подготовлена оборонительная позиция.

13 декабря 13-й корпус Годуин-Остина, получив задачу преследовать противника, предпринял штурм рубежа Эль-Газаль. Фронтальная атака не принесла успеха, но итальянский подвижный корпус, прикрывавший обращенный к пустыне фланг Роммеля, поспешно отступил под натиском англичан. На левом фланге англичане вышли к Сиди-Брегиску, в 25 км от рубежа Эль-Газаль. Однако последовавшая затем контратака немецких танков сорвала этот обходный маневр.

14 декабря, накануне возобновления штурма, Годуин-Остин приказал 4-й бронетанковой бригаде совершить более широкий фланговый маневр и выйти к Халег-Элебе — крупному узлу дорог на полпути между Эль-Газалем и Мечили. Этот маневр, начатый в 14.30, имел целью выйти в тыл войскам Роммеля. Пройдя 30 км строго на юг, бригада остановилась на ночной привал. В 7.00 она возобновила движение. Ей оставалось покрыть еще 100 км, однако она не выдержала темпа и вышла к Халег-Элебе лишь в 15.00, на четыре часа позже установленного срока и слишком поздно для того, чтобы оказать помощь главным силам, взяв на себя задачу отвлечь танковый резерв Роммеля. Более того, прибыв в назначенный район, 4-я бронетанковая бригада так ничего и не предприняла.

Наступление англичан, начатое главными силами 15 декабря, окончилось неудачей. Вблизи побережья англичане вклинились в оборонительные позиции противника у Эль-Газалья, но днем охватывающий маневр был сорван контрударом немецких танков.

Английское командование все еще надеялось, что сильная танковая бригада, направленная в тыл противника, сыграет решающую роль на следующий день. Однако утром 16 декабря бригада отошла в южном направлении на 30 км, чтобы в полной безопасности заправиться горючим, а когда возвратилась к фронту во второй половине дня, то была задержана противотанковым заслоном противника и вновь отошла в южном на-

правлении. Имела место перестрелка с дальних дистанций, но потерь не было.

У историка, анализирующего эти события, складывается впечатление, будто англичане больше всего хотели, чтобы противник ушел. И он ушел, воспользовавшись открытым путем, который будто специально оставили для него.

Осуществив успешный контрудар 15 декабря, немецкие танки понесли небольшие потери. Но даже эти потери были весьма ощутимы. Теперь в Африканском корпусе насчитывалось едва ли три десятка танков, в то время как у англичан было почти 200 танков. Оценив положение, Роммель понял, что долго удержаться на рубеже Эль-Газаль будет невозможно, и решил сделать большой шаг назад, чтобы оторваться от противника и ждать прибытия подкреплений. Он решил отойти к дефиле у Мерса-Бреги на границе с Триполитанией и занять идеальную позицию для обороны. Она служила плацдармом для его первого наступления и теперь должна была послужить этой цели снова. В ночь на 16 декабря Роммель начал отход. Африканский корпус и итальянский подвижный корпус совершали переход по дороге через пустыню, а итальянские пехотные дивизии отступали по прибрежной дороге.

Англичане начали преследование не сразу: 4-я бронетанковая бригада выступила лишь в 13.00 на следующий день. Через пару часов, не дойдя 20 км до прежней своей позиции у Халег-Элебы, она остановилась на ночной привал и приняла меры по обеспечению дальнейшего продвижения. 18 декабря бригада двинулась через пустыню к пункту южнее Мечили, однако затем повернула на север, что позволило противнику оторваться.

Индийская 4-я дивизия на автомашинах в сопровождении пехотных танков держалась ближе к берегу моря, следуя по сильно пересеченной холмистой местности у Джебель-Акдара. Утром 19 декабря англичане взяли Дерну, но к этому времени большая часть отходящих в пешем строю колонн противника уже благополучно миновала дефиле. Попытке перехватить их дальше к западу мешали труднопроходимая местность и недостаток горючего. Были перехвачены лишь отдельные небольшие группы противника. Значительная часть преследующих войск была вынуждена остановиться из-за отсутствия горючего.

Для преследования противника в пустыне по хорде, стягивавшей большой бенгазийский выступ, использовалась моторизованная пехота. Выйдя 22 декабря к Антелату, эти войска встретили танковый отряд противника (30 танков), расположившийся вблизи Беда-Фомма в целях прикрытия отхода итальянских войск. Этот танковый отряд упорно оборонялся до

26 декабря, когда арьергард Роммеля отошел еще на 50 км к Аджедабье. Тем временем для усиления преследующих войск подошла 22-я бронетанковая бригада. Следуя за арьергардом противника, гвардейская бригада предприняла фронтальную атаку на Аджедабью, однако она не увенчалась успехом. Углубившись в пустыню на 50 км, 22-я бронетанковая бригада совершила обходный маневр через Эль-Хасеят и неожиданно потерпела неудачу. 27 декабря ее фланг подвергся внезапному нападению немецких танков и был отсечен в ходе последующих боев. Примерно 30 английским танкам удалось вырваться из окружения, потери составили 65 танков. Нанося этот удар, Роммель воспользовался прибытием двух свежих танковых рот (30 танков), выгруженных в Бенгази 19 декабря накануне эвакуации порта. Это было первое подкрепление, которое получил Роммель после начала операции «Крусейдер».

Поражение у Эль-Хасеята печально подытожило длительное преследование и расстроило дальнейшие планы. Это был холодный душ для англичан, почивших на лаврах после достигнутого наконец успеха в боях за Тобрук. Правда, вынужденный отход Роммеля, оставившего в безнадежном положении изолированные немецко-итальянские гарнизоны на границе с Египтом, давал англичанам значительные преимущества. Бардия капитулировала 2 января, а 17 января — два последних пограничных поста. Общее число пленных, захваченных на пограничных позициях, включая ранее взятых в плен у Сиди-Омара, возросло до 20 тыс. человек, а общие потери стран оси составили 33 тыс. человек. Более двух третей потерь стран оси приходилось на итальянцев, а из 13 тыс. потерь у немцев значительную часть составлял административно-хозяйственный персонал. Основная же масса потерь у англичан в ходе шестинедельных боев приходилась на боевые войска, а потерю большей части хорошо обученных ветеранов боев в пустыне трудно было восполнить⁵⁸.

Невыгодность положения, когда приходится полагаться на неопытных солдат, особенно при действиях в пустыне, не замедлила сказаться в ходе следующего сражения. Оно произошло на третьей неделе января. Англичане полагали, что Роммель еще не оправился от предыдущих боев, и потому тем неожиданнее был его новый удар, поразительно сходный по результатам с его первым ударом в 1941 году.

Нарастание событий на Дальнем Востоке

Начиная с 1931 года японцы настойчиво расширяли свои плацдармы в Азии за счет Китая, который был ослаблен внутренним конфликтом, в ущерб американским и английским интересам в этом районе. В 1931 году японцы вторглись в Маньчжурию и превратили ее в своего сателлита. В 1932 году они проникли на территорию собственно Китая и с 1937 года непрерывно предпринимали усилия по установлению контроля над этой обширной территорией. Однако, увязнув в трудностях партизанской войны, они в конечном счете стали пытаться найти решение этой проблемы в осуществлении дальнейших экспансионистских планов в южном направлении, стремясь отрезать Китай от внешних источников снабжения.

После того как в 1940 году Гитлер захватил Францию и Нидерланды, японцы, воспользовавшись беспомощностью Франции, угрозами заставили ее согласиться на «покровительственную» оккупацию Французского Индокитая.

В ответ на эти действия президент Рузвельт 24 июля 1941 года потребовал вывода японских войск из Индокитая и для подкрепления своего требования отдал 26 июля распоряжение о замораживании всех японских активов в Соединенных Штатах и установлении эмбарго на поставки нефти в Японию⁵⁹. Одновременно сходные меры про-

вел премьер-министр Великобритании Черчилль, а через два дня согласилось принять такие же меры и находившееся в изгнании в Лондоне правительство Нидерландов. Это означало, как заметил Черчилль, что «Япония одним ударом лишилась своих жизненно важных источников нефти».

При рассмотрении этих проблем раньше, еще в 1931 году, всегда считалось, что такой парализующий удар вынудит Японию прибегнуть к войне как к единственной альтернативе краха или к отказу от проведения своей политики. Примечательно, что Япония воздерживалась от нанесения удара более четырех месяцев, пытаясь договориться об отмене эмбарго на нефть. Правительство Соединенных Штатов отказалось отменить свой запрет, пока Япония не уйдет не только из Индокитая, но и из Китая. Ни от одного правительства (и меньше всего от японского) нельзя было ожидать, что оно пойдет на такие унижительные условия и согласится на такое унижение, поэтому с последней недели июля имелись все основания в любой момент ожидать начала войны на Тихом океане. Таким образом, прежде чем японцы нанесли удар, американцы и англичане получили отсрочку на четыре месяца. Однако эта пауза не была в достаточной мере использована для подготовки обороны.

Утром 7 декабря 1941 года японское оперативное соединение в составе шести авианосцев нанесло сокрушительный удар с воздуха по Перл-Харбору — американской военно-морской базе на Гавайских островах. Удар был нанесен до объявления войны, как и в 1904 году при нападении на Порт-Артур — первом ударе Японии в войне против России⁶⁰.

До 1941 года Япония в случае войны против Соединенных Штатов планировала использовать главные силы своего флота в южной части Тихого океана для нападения на Филиппинские острова и действий против американского флота, который мог быть направлен для поддержки войск на этих островах. На такие действия японцев рассчитывали и американцы, и их предположения подтверждала осуществленная Японией незадолго до этого оккупация Индокитая.

Однако адмирал Ямамото разработал новый план — внезапное нападение на Перл-Харбор. Ударное соединение прошло далеким кружным путем через Курильские острова и приблизилось, не будучи обнаруженным, к Гавайским островам с севера, а затем с кораблей, находившихся на удалении около 450 км от Перл-Харбора, в воздух поднялись 360 самолетов. Из восьми американских линейных кораблей четыре было потоплено, один выброшен на берег, остальные получили серьезные повреждения. За час с небольшим японцы обеспечили себе контроль над всеми

районами Тихого океана. Этот удар открыл японцам путь для беспрепятственного захвата с помощью десантных операций американских, английских и голландских территорий в районе Тихого океана. Главная ударная группа японских кораблей направилась к Гавайским островам. Другие военно-морские соединения сопровождали конвои с войсками в юго-западную часть Тихого океана. Почти одновременно с нападением на Перл-Харбор началась высадка десантов на Малайском полуострове и на Филиппинах.

Целью высадки десанта на Малайском полуострове был захват крупной английской военно-морской базы в Сингапуре. Однако японцы не пытались овладеть ею с моря, то есть они не предприняли таких наступательных операций, к отражению которых оборона англичан в основном и была предназначена. Для подхода к этой базе японцы избрали далеко не прямой путь. В Кота-Бару, на северо-восточном побережье Малайского полуострова, они высадили десант для захвата аэродромов и отвлечения внимания. Главные же силы высадились на Сиамском перешейке полуострова, примерно в 800 км к северу от Сингапура. От этих мест высадки на крайнем северо-востоке японские войска по западному побережью полуострова устремились на юг, последовательно обходя с флангов оборонительные рубежи, где их пытались остановить английские войска.

Японцы воспользовались не только преимуществом, которое им обеспечил выбранный неожиданно для противника столь трудный маршрут, но и возможностью «просачивания» войск в условиях густой растительности. После шестинедельного отступления английские войска в конце января 1942 года вынуждены были уйти с материка на остров Сингапур. В ночь на 8 февраля японцы предприняли штурм острова через пролив шириной около полутора километров. Высадившись на берег во

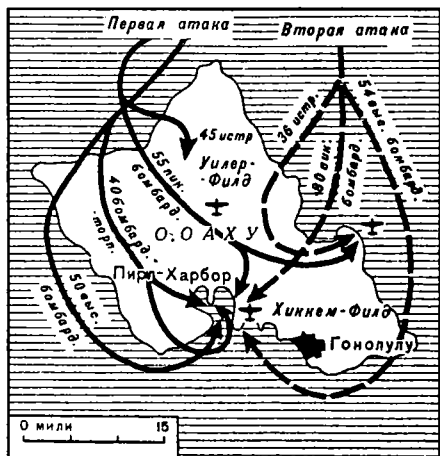

Рис. 6. Нападение японской авиации на Перл-Харбор

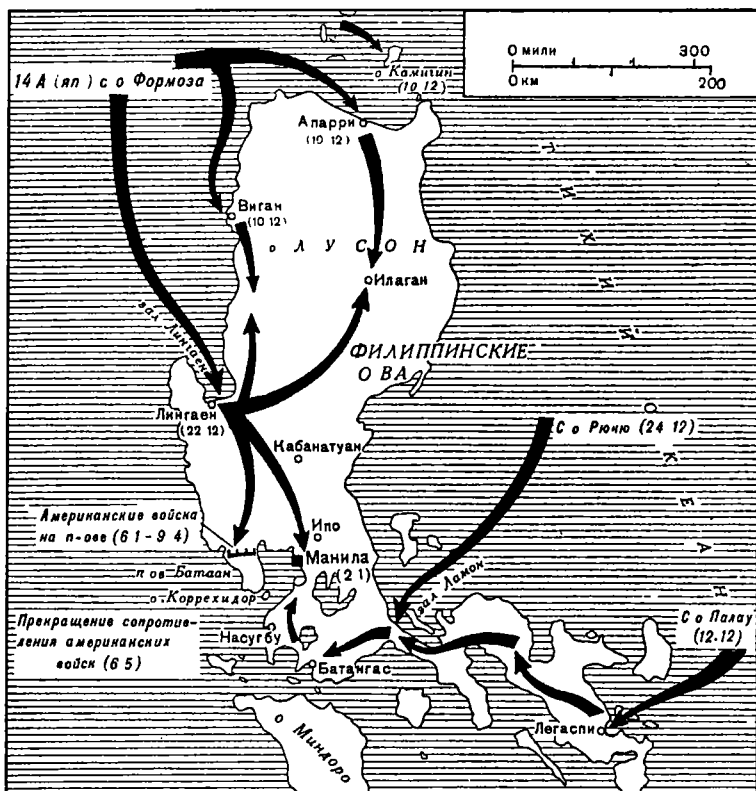

Рис. 7. Вторжение японских войск на Филиппинские острова

многих местах, они мелкими группами просочились через боевые порядки противника на широком фронте, и 15 февраля обороняющиеся войска капитулировали. С их капитуляцией был потерян ключ к юго-западной части Тихого океана.

8 декабря 1941 года японцы напали на английскую базу в Гонконге и к рождественским праздникам вынудили капитулировать гарнизон этой колонии⁶¹.

На Лусоне, главном острове Филиппин, за первыми десантами к северу от Манилы быстро последовала высадка десанта в тылу защитников столицы. Этот разобщающий маневр и угроза попасть под удар по сходящимся направлениям вынудили

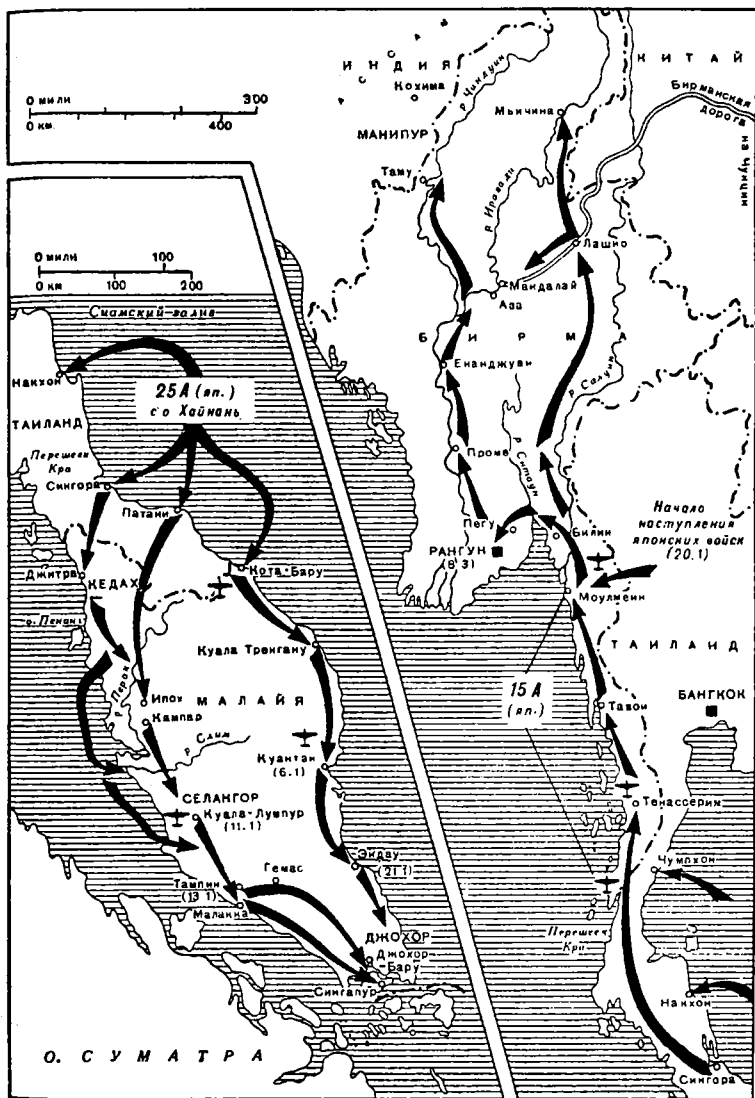

Рис. 8. Захват японскими войсками Сингапура

Рис. 9. Вторжение японских войск в Бирму

американские войска оставить ббольшую часть острова и еще до конца декабря 1941 года отойти на небольшой полуостров Батаан. Здесь их позиция была открыта для нападения только с фронта на узком участке, и им удалось продержаться до апреля 1942 года.

Задолго до этого, и даже еще до падения Сингапура, волна завоеваний территорий японцами распространилась на Малайский архипелаг: 11 января 1942 года на островах Борнео и Целебес высадился первый десант, а 24 января там высадились более крупные силы. Через пять недель, 1 марта, японцы предприняли нападение на Яву — сердце Голландской Восточной Индии, предварительно изолировав этот остров фланговыми обходными маневрами. Меньше чем через неделю вся Ява была в их руках.

Казалось, неминуемая угроза нависла над Австралией, но японцы вдруг основные усилия сосредоточили в противоположном, западном направлении с целью захвата Бирмы. Развернув наступление на широком фронте из Таиланда на Рангун, японцы стремились косвенно решить главную свою задачу на Азиатском материке — парализовать сопротивление Китая. А ведь через порт Рангун по Бирманской дороге шли англо-американские поставки боевой техники в Китай.

В то же время этот маневр был частью хитроумно задуманного плана, которым предусматривалось завершить завоевание западных подступов к Тихому океану и создать мощный барьер на главных путях возможного в будущем англо-американского наступления по суше. Рангун пал 8 марта. В течение последующих двух месяцев английские войска были изгнаны из Бирмы и отошли через горы в Индию.

Таким образом, японцы обеспечили себе настолько выгодную по природным условиям «прикрывающую» позицию, что любая попытка со стороны союзников возвратить эти районы столкнулась бы с серьезными трудностями.

Прошло немало времени, прежде чем союзники накопили силы, достаточные для того, чтобы попытаться возвратить захваченные Японией территории. Они начали выполнение этой задачи с юго-востока. Союзники воспользовались теми преимуществами, которые давала Австралия как огромная база, находившаяся поблизости от цепи японских аванпостов.

За пределами Европы и Северной Америки Япония была единственной страной с высоким уровнем промышленного развития. Этого положения она достигла благодаря быстро осуществлявшемуся процессу модернизации экономики, который начался давно, еще в эпоху Мэйдзи⁶². И тем не менее по своей

сути японское общество оставалось феодальным, где высокое положение занимал не промышленник и не торговец, а воин. Император был священной персоной, а правящий класс всемогущим. Военные пользовались огромным влиянием. Патриотичные до фанатизма и нередко весьма враждебно настроенные к иностранцам, японцы мечтали установить господство над всей Восточной Азией, в особенности над Китаем. С 30-х годов XX столетия путем угроз и убийств своих политических противников военные фактически установили полный контроль над японской политикой.

На оценке Японией политических и стратегических проблем в значительной степени сказывался тот факт, что она ни разу не терпела поражения с тех пор, как вступила на путь модернизации экономики. Вера японцев в свою непобедимость окрепла после войны с Россией в 1904—1905 годах, когда вооруженные силы Японии как на суше, так и на море доказали, что господство европейцев над остальными народами мира может быть поколеблено.

В августе 1914 года Япония, как союзник Великобритании с 1902 года, захватила немецкие концессии в Китае, а также Маршалловы, Каролинские и Марианские острова в Тихом океане, которые являлись немецкими колониями. Эти приобретения Японии были подтверждены в 1919 году Версальским договором, который фактически закрепил за Японией права державы, господствующей в западной части Тихого океана. Японцы, однако, не удовлетворились этими военными приобретениями и считали свою страну «обделенной», подобно Италии. По этим причинам японцы даже начали считать, что у них есть нечто общее с Италией и Германией.

Но им пришлось испытать чувство разочарования после неудачной попытки Японии установить контроль над Китаем в 1915 году. Тогда Японии из-за американского протеста пришлось взять обратно свое «21 требование».

Примечательно, что после японо-китайской войны 1895 года Китай стал главным объектом японской экспансии. В конце Первой Мировой войны руководство военно-морских сил, проводившее имперскую военную политику, считало основным потенциальным противником Японии Соединенные Штаты. Однако командование сухопутных войск с большой опаской относилось к Советской России и ее крупные сухопутные силы на Дальнем Востоке рассматривало как весьма серьезное препятствие для реализации замыслов Японии на Азиатском континенте.

В 1921—1924 годах Японии пришлось пережить ряд унижений. Сначала англичане вежливо отклонили предложение про-

длить союз с Японией. Этому разрыву в известной степени способствовали экспансионистские намерения японцев в районе Тихого океана, однако окончательный разрыв произошел под сильным давлением Америки. Японцы восприняли это как оскорбление и расценили как свидетельство того, что народы белой расы объединяются против них. Когда же Америка последовательно приняла ряд законодательных мер по ограничению въезда японских иммигрантов, возмущение японцев усилилось. Кульминационной точкой стал закон 1924 года, исключивший азиатов из числа иммигрантов. Двойное унижение вызвало сильное негодование в Японии.

Как раз в это время англичане объявили о своих планах построить дальневосточную военно-морскую базу в Сингапуре, пригодную для базирования крупных кораблей. Эта база явно предназначалась для сдерживания действий Японии, и японцы истолковали эту меру как вызов.

Все это нанесло ущерб авторитету японских политических лидеров. Они все больше подвергались критике внутри страны за то, что согласились на пропорцию 3 : 5 : 5, установившую соотношение предельного тоннажа боевых флотов Японии, США и Англии в соответствии с Вашингтонским договором об ограничении морских вооружений 1921 года. Другими поводами для недовольства послужили соглашение о возвращении Китаю провинции Шаньдун, а позже подписание Договора девяти держав 1922 года, гарантировавшего целостность Китая⁶³.

По иронии судьбы Вашингтонский договор лишь способствовал последующим экспансионистским шагам Японии: контроль за ней на Тихом океане ослаб, так как создание и укрепление запроектированных американских и английских баз в этом районе задерживалось. К тому же Японии стало легче избегать установленных ограничений по калибру морских орудий и водоизмещению кораблей. После тринадцати лет она открыто аннулировала этот договор.

Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 году, подрывал позиции более либеральных политических лидеров Японии. Рост недовольства в стране использовали милитаристы, утверждавшие, что только экспансия позволит преодолеть экономические затруднения.

«Мукденский инцидент» в сентябре 1931 года командование японской армии использовало как предлог и возможность для вторжения в Маньчжурию и превращения ее в марионеточное государство Маньчжоу-Го. Японские войска, охранявшие Южно-Маньчжурскую железную дорогу по праву, предусмотренному договором, напали на китайские гарнизоны в Мукдене и

соседних городах и разоружили их под предлогом ликвидации угрозы нападения. В этой полной неясности обстановки японцам в течение последующих месяцев удалось захватить всю Маньчжурию. Эту оккупацию не признали Лига Наций и Союзные Штаты, а протесты и широкая критика дали японцам повод в 1933 году выйти из Лиги Наций. Тремя годами позже Япония объединилась с нацистской Германией и фашистской Италией в антикоминтерновском пакте.

В июле 1937 года еще один весьма подозрительный «инцидент» — якобы имевшее место столкновение у моста Марко Поло — привел к тому, что японская Квантунская армия вторглась на территорию Северного Китая. В течение последующих двух лет масштабы вторжения росли, но японцы все больше увязали в борьбе против китайских националистических сил, возглавляемых Чан Кай-ши, а при нападении на Шанхай летом 1937 года получили отпор. Впрочем, это пошло им только на пользу, так как побудило устранить некоторые недостатки в тактике и несколько умерить чрезмерное самомнение, развившееся у японцев после победы в русско-японской войне. Окончательно по их самомнению был нанесен удар Красной Армией в столкновении, возникшем в результате спора о границе Западной Маньчжурии. Здесь, в районе Намангана, около 15 тыс. японских войск попало в окружение, а затем, когда в августе 1939 года русские подтянули пять механизированных бригад и три стрелковые дивизии, свыше 11 тыс. японских войск было уничтожено.

Неожиданное известие о советско-германском пакте вызвало резкое изменение политического курса японского правительства: к власти вновь пришли умеренные круги. Однако так продолжалось лишь до завоевания Гитлером Западной Европы в 1940 году. В июле 1940 года командование японской армии добилось прихода к власти правительства во главе с принцем Канэ — сторонником политики стран оси. После этого японская экспансия в Китае усилилась, а в конце сентября Япония подписала Тройственный пакт с Германией и Италией, в соответствии с которым эти три державы обязались выступить против любой другой страны, присоединившейся к союзникам. Пакт был направлен главным образом против вмешательства со стороны Америки.

В апреле 1941 года японцы еще больше укрепили свое положение, заключив пакт о нейтралитете с Советской Россией. Это позволило им высвободить войска для экспансионистских операций в южных морях. Но даже тогда подозрительность по отношению к России и ее намерениям заставила японцев использовать

для проведения таких операций только 11 дивизий, в то время как в Маньчжурии они держали 13 дивизий, а в Китае — 22.

24 июля японцы при попустительстве правительства Виши захватили Французский Индокитай. Через два дня президент Рузвельт «заморозил» все японские активы, а вслед за этой мерой аналогичные шаги предприняли английское и голландское правительства.

Япония импортировала 88% нефти, потребляемой ею в мирное время. В момент установления эмбарго ее запасов нефти хватило бы в мирное время на три года, а при интенсивном расходовании в условиях войны — на вдвое меньший срок. Более того, обследование, проведенное Военным министерством Японии, показало, что эти запасы будут израсходованы еще до окончания трехлетнего периода, который считался необходимым для завершения войны в Китае, где победа казалась теперь особенно важной. Единственным доступным для Японии источником остались нефтяные промыслы в Голландской Восточной Индии. Можно было предположить, что при угрозе захвата этих промыслов Японией голландцы приведут в негодность оборудование, однако в этом случае японцы могли восстановить работу промыслов раньше, чем их запасы нефти истощились бы. Нефть с Явы и Суматры могла бы спасти положение и помочь завершить завоевание Китая.

Завоевание Голландской Восточной Индии, включая Малайю, позволило бы Японии завладеть также $\frac{4}{5}$ мирового производства каучука и $\frac{2}{3}$ мирового производства олова. Это не только было бы чрезвычайно ценным приобретением для Японии, но и ощутимо ударило бы по ее врагам.

Таковы были основные факторы, которые пришлось учитывать Японии после объявления США эмбарго на торговлю с нею. Япония оказалась перед выбором: или отказ от своих честолюбивых замыслов, или захват нефтяных источников и необходимость сражаться против объединившихся стран Европы и Северной Америки. Это была исключительно жесткая альтернатива. Смягчения эмбарго можно было бы добиться, уйдя из Индокитая и прекратив экспансию на юг, но тогда сама Япония оказалась бы слабее и в меньшей степени могла бы противостоять дальнейшему нажиму со стороны Соединенных Штатов.

Естественное колебание при решении вопроса «все или ничего», возможно, объясняет загадку, почему японцы с таким запозданием нанесли удар и отложили окончательное решение на четыре месяца. Военное руководство, естественно, было заинтересовано получить достаточное время для завершения подготовки и детального обсуждения стратегии, которой следовало при-

держиваться. Некоторые оптимисты надеялись, что Америка, возможно, останется в стороне, если Япония ограничится захватом территорий, принадлежащих Нидерландам и Англии.

6 августа Япония обратилась к Соединенным Штатам с просьбой отменить эмбарго. Американцы же приняли решение в случае войны удерживать все Филиппинские острова. Тогда японцы обратились к США с новой просьбой: прекратить переброску американских подкреплений в этот район.

Через два месяца острые политические разногласия привели к тому, что правительство Канозэ было заменено правительством во главе с генералом Тодзио. Это событие, по-видимому, сыграло решающую роль, хотя и не положило конца спорам. Решение о войне было принято лишь 25 ноября. Одним из факторов, ускоривших это решение, явилось сообщение о том, что запасы нефти в стране за период с апреля по сентябрь сократились на 25%.

И тем не менее 25 ноября главнокомандующий японским объединенным флотом адмирал Ямамото получил указание, что нападение на Перл-Харбор следует немедленно отменить, если продолжавшиеся в Вашингтоне переговоры, вопреки ожиданиям, окончатся успешно.

Общая численность и состав военно-морских сил на Тихом океане в декабре 1941 года приводятся в следующей таблице⁶⁴:

	Линейные корабли	Авиа- носцы	Тяжелые крейсеры	Легкие крейсеры	Эсминцы	Подводные лодки
Британская империя	2	—	1	7	13	—
США	9	3	13	11	80	56
Нидерланды	—	—	—	2	7	13
Свободная Франция	—	—	—	1	—	—
Всего у союзников	11	3	14	21	100	69
Япония	10	10	18	18	113	63

Прежде всего следует обратить внимание на то, что, хотя во многом соотношение сил сторон казалось равным, японцы обладали значительным преимуществом по числу авианосцев, а это был решающий класс кораблей. Таблица, однако, не может дать представления о качественных различиях в вооружении. Японские силы были компактными и хорошо обученными, особенно ведению боевых действий ночью, и в противоположность союзникам не испытывали затруднений при организации управления из-за различий в языках. К тому же главные военно-морские базы союзников, Перл-Харбор и Сингапур, разделяло мор-

ское пространство протяженностью 11 тыс. км. С точки зрения состояния материальной части японские военно-морские силы тоже были в значительно лучшем положении. Они имели намного больше новых кораблей, и большинство их составляли лучше вооруженные и более быстроходные корабли. Среди линейных кораблей союзников только английский «Принс-оф-Уэлс» мог выдержать сравнение в этом отношении с лучшими японскими линейными кораблями.

Что касается сухопутных войск, то для проведения операций в юго-западной части Тихого океана японцы использовали только 11 из 51 дивизии. Это составляло примерно меньше четверти миллиона человек в боевых войсках, а всего около 400 тыс. человек.

Данные о численности войск союзников менее определены. Принимая решение о нападении, японцы исходили из того, что англичане имеют в Гонконге 11 тыс. человек, в Малайе — 88 тыс. человек и в Бирме — 35 тыс. человек; всего — 134 тыс. человек. По японским данным, США имели на Филиппинах американские войска численностью 31 тыс. человек и филиппинские формирования численностью около 110 тыс. человек. У голландцев было 25 тыс. человек в регулярных войсках и 40 тыс. человек в ополчении.

На первый взгляд, решение о наступлении с далеко идущими целями при таких небольших шансах на успех могло показаться весьма дерзким шагом. В действительности же это была хорошо рассчитанная азартная игра, потому что господство на море и в воздухе до сих пор обеспечивало японцам местное численное превосходство, которое умножалось опытом и более высокой выучкой войск, особенно при проведении десантных операций, при действиях в джунглях и в ночных боях.

Японцы использовали только 700 из 1500 армейских самолетов первой линии, однако они были усилены 480 самолетами морской авиации из состава 11-го воздушного флота, базировавшегося на Формозе, а также 360 самолетами, выделенными для нанесения удара по Перл-Харбору. Первоначально предусматривалось (и это действительно было необходимо) использовать для авиационного прикрытия боевых действий в южных районах эскадренные авианосцы, однако в ноябре, всего лишь за четыре недели до начала войны, была увеличена дальность действия истребителей «зеро», которые превосходили по своим тактико-техническим характеристикам истребители союзников. Теперь японские истребители могли покрывать расстояние в 720 км от Формозы до Филиппин с возвращением на базу. В результате этого высвободившиеся авианосцы могли быть использованы для нанесения удара по Перл-Харбору.

Мощным японским авиационным силам противостояли 307 американских боевых самолетов на Филиппинских островах, включая 35 дальних бомбардировщиков В-17 (за исключением этих бомбардировщиков, остальные американские самолеты уступали японским по своим характеристикам), 158 английских самолетов первой линии (преимущественно устаревших типов) в Малайе и 144 голландских самолета в Голландской Восточной Индии. Превосходство японцев по числу самолетов многократно усиливалось качественным превосходством их машин, особенно истребителей «зеро».

Кроме того, разработанная японцами тактика морских десантных операций давала им большое преимущество при действиях в океаническом районе, изобилующем островами и заливами. Единственной серьезной слабостью японцев был относительно небольшой тоннаж их торгового морского флота — немногим более 6 млн тонн, однако этот недостаток решающим образом сказался лишь на более поздних этапах войны.

В целом японцы начали войну с большим преимуществом по всем статьям, и особенно в качественном отношении. На начальном этапе войны единственная реальная опасность для них таилась в возможности быстрого вмешательства со стороны Тихоокеанского флота США. Однако японцы предотвратили эту опасность, нанеся удар по Перл-Харбору.

Такой фактор, как разведка, редко учитывается в достаточной мере при установлении соотношения сил. У японцев в этом отношении дела обстояли неплохо: они заблаговременно проводили длительное и тщательное изучение районов предстоящих боевых действий. Однако у союзников было одно громадное преимущество. Дело в том, что летом 1940 года американцам удалось раскрыть японский дипломатический код (эта заслуга принадлежала полковнику Фридману). С этого времени американцы получили возможность расшифровывать все секретные телеграммы Министерства иностранных дел и верховного командования Японии и в ходе предвоенных переговоров узнавали о содержании последних предложений Токио раньше, чем они вносились официально. Японскому послу не были сообщены лишь точная дата нападения и место нанесения удара. И хотя американцы были захвачены в Перл-Харборе врасплох, знание японских кодов дало им потенциально большие преимущества в дальнейшем, когда они научились их использовать.

Японская стратегия преследовала двоякую цель — оборонительную и наступательную: обеспечив себя необходимыми запасами нефти, Япония смогла бы одержать победу над Китаем, который в ходе этого стремительного наступления был бы отре-

зан от ресурсов, необходимых для поддержания сопротивления. Риска бросить вызов Америке — стране, потенциал которой намного превосходил их собственный, лидеры Японии ободряли себя, делая слишком оптимистичные выводы из хода событий в Европе. К этому времени страны оси господствовали почти над всем Европейским континентом. И если бы японцам удалось осуществить свою мечту — создать концентрическое оборонительное кольцо от Алеутских островов на севере до Бирмы на юге, они надеялись, что Соединенные Штаты после тщетных попыток прорваться сквозь это кольцо в конце концов смирятся с завоеваниями Японии и образованием так называемой «великой восточно-азиатской сферы процветания».

Этот план в основном сходен с гитлеровской концепцией, согласно которой предполагалось установить с помощью наступательных действий оборонительный рубеж от Архангельска до Астрахани и таким образом зафиксировать и держать в неприкосновенности границу с Азией.

Первоначально японцы планировали захватить Филиппины, а затем сосредоточить силы для отражения ответного маневра американцев с подмандатных островов. (В соответствии с планом военных действий японцы рассчитывали завершить захват Филиппин за 50 дней, Малайзии — за 100 дней, а всей Голландской Восточной Индии — за 150 дней.) Однако в августе 1939 года на пост главнокомандующего японским объединенным флотом был назначен адмирал Ямамото, страстный поклонник авианосцев. Ямамото сразу же заявил, что необходимо нанести немедленный и внезапный удар с целью парализовать Тихоокеанский флот США, который он называл «кинжалом, приставленным к горлу Японии», и задержать его ответные действия. Штаб военно-морских сил Японии с большими сомнениями и крайне неохотно согласился с аргументами Ямамото.

Планирование первого удара осложнялось зональными различиями во времени (в то время, когда на Гавайских островах было воскресенье 7 декабря, в Малайе наступил понедельник 8 декабря). Было решено все крупные операции проводить в период с 17.15 до 19.00 по гринвичскому среднему времени, а все атаки предпринимать рано утром по местному времени.

Американская сторона в течение длительного времени считала политически неблагоприятным оставлять Филиппины. Победа точка зрения военных специалистов, утверждавших, что защитить эти острова, находящиеся в 9000 км от Перл-Харбора на Гавайях, невозможно. Американцы стали планировать лишь сохранить плацдарм на укрепленном полуострове Батаан, на острове Лусон, неподалеку от столицы Филиппин Манилы. Од-

нако в августе 1941 года этот план был пересмотрен, и американцы приняли решение удерживать все Филиппинские острова.

Изменение плана произошло, во-первых, под давлением генерала Макартура, который с 1935 года был военным советником правительства Филиппин. В конце июля 1941 года его отозвали в США и назначили командующим американскими войсками на Дальнем Востоке. Высокое мнение президента Рузвельта о Макартуре было продемонстрировано еще раньше, когда в 1934 году Рузвельт лично продлил Макартуру на год обычный четырехгодичный срок пребывания на посту начальника штаба армии США. Вторым фактором, повлиявшим на изменение американского плана, заключался в следующем. Поскольку Германия увязла в войне с Россией, президент Рузвельт решил проводить более твердую линию по отношению к Японии и наложил эмбарго на вывоз нефти. Третьим фактором были оптимистические настроения, возникшие в связи с появлением у американцев дальних бомбардировщиков, которые, как казалось, смогут наносить эффективные удары не только по Формозе, но и по самой Японии.

Однако еще до того, как сколько-нибудь значительное количество самолетов В-17 прибыло на Филиппины для усиления базировавшейся там авиации, Япония сама нанесла удар. Это был удар по Перл-Харбору, о возможности которого комитет начальников штабов США всерьез не задумывался.

Волна побед Японии

Как принятие, так и осуществление плана нападения на Перл-Харбор во многом зависели от энергичности адмирала Ямато. В течение многих месяцев квалифицированные офицеры морской разведки, получившие должности в японском консульстве в Гонолулу, посылали поток информации, в особенности о передвижениях американских кораблей. В самих японских военно-морских силах интенсивно готовились к операции команды кораблей и экипажи самолетов, причем готовились к проведению ее при любых погодных условиях. Экипажи бомбардировщиков также совершили по крайней мере по пятьдесят тренировочных вылетов.

Как уже упоминалось, шансы на успех этого плана в значительной мере повысились, когда японцы увеличили дальность полета истребителей «зеро». Это высвободило авианосный флот, избавив его от необходимости обеспечивать боевые действия в юго-западной части Тихого океана. В пользу этого плана говорили и результаты нападения английского флота на Таранто в ноябре 1940 года, когда английской морской авиации удалось, использовав всего лишь 21 торпедоносец, потопить три итальянских линкора, находившихся в хорошо защищенной гавани. Но даже после этого считалось невозможным сбрасывать авиационные торпеды в районах, где глубина

моря была менее 23 метров (примерно такой была средняя глубина гавани в Таранто). Перл-Харбор считался поэтому неуязвимым для нападения подобного рода, поскольку глубины там составляли всего 9—14 метров. Однако к 1941 году англичане, используя приобретенный в Таранто опыт, научились сбрасывать авиационные торпеды в районах с глубинами всего лишь 12 метров: они прикрепляли к торпедам деревянные плавники, которые не давали им возможности делать «клевки» и ударяться о дно в мелководье.

Получая об этом сведения во всех подробностях от своих посольств в Риме и Лондоне, японцы стремились форсировать подобные же эксперименты. Кроме того, в целях повышения эффективности планируемого ими нападения японцы оснастили свои высотные бомбардировщики 381-мм и 406-мм броневойными снарядами со стабилизаторами, что обеспечивало им такое же падение, как и бомбам. При вертикальном попадании такого снаряда не выдерживала никакая палубная броня.

Тихоокеанский флот США мог бы предотвратить угрозу «вторжения Таранто», если бы оснастил свои крупные корабли противоторпедными сетями. Японцев как раз беспокоила такая возможность, однако командующий Тихоокеанским флотом адмирал Киммел, как и военно-морское министерство США, считал, что имевшиеся в то время громоздкие сети будут ограничивать скорость хода кораблей. Как показали дальнейшие события, это решение, по сути, предопределило судьбу флота в Перл-Харборе.

День нападения был назначен с учетом ряда факторов. Японцы узнали, что адмирал Киммел на субботу и воскресенье всегда возвращал свой флот в Перл-Харбор и что в эти дни личный состав кораблей частично уходил в увольнение на берег. Это увеличивало эффект внезапности нападения. Таким образом, вполне естественно, что японцы выбрали для нанесения удара одно из воскресений. Ожидалось, что во второй половине декабря погода не будет благоприятствовать высадке десантов в Малайе и на Филиппины, так как на это время приходится разгар сезона муссонов. Значит, погода не будет благоприятной и для дозаправки в море сил, выделенных для удара по Перл-Харбору. Поэтому выбрали день 8 декабря по токийскому времени (на Гавайских островах это было воскресенье). Прогноз предсказывал безлунную ночь, что способствовало скрытному приближению авианосных сил к Гавайским островам. Первоначально даже рассчитывали на приливы в этом районе, однако затем эта идея была отвергнута из-за отсутствия транспортов для перевозки пехоты, а также пото-

му, что подход сил вторжения вряд ли бы остался незамеченным.

При выборе маршрута подхода ударного соединения рассматривалось три варианта. Южный маршрут проходил через Маршалловы острова, а центральный — через острова Мидуэй. И хотя оба маршрута были короткими, от них отказались в пользу подхода, с севера, со стороны Курильских островов (это предполагало и дозаправку в море), поскольку этот маршрут лежал в стороне от морских путей и при следовании по нему оказывалось меньше риска быть обнаруженными американскими разведывательными самолетами.

Японцы также извлекли выгоду, применив так называемый «налет с использованием неравных отрезков маршрута». Приблизившись под покровом ночи, авианосцы выпустили самолеты на рассвете, когда они находились ближе всего к цели. Затем авианосцы развернулись, стали отходить и приняли самолеты на борт в точке, которая находилась от цели дальше, чем точка, в которой их выпустили. Таким образом, японские самолеты пролетели один короткий и один длинный отрезки маршрута, в то время как преследовавшим их американским самолетам пришлось бы покрыть два длинных отрезка. Эту невыгодную для американцев ситуацию не предусмотрели американские офицеры, ответственные за военное планирование.

По своей важности цели распределялись следующим образом: американские авианосцы (японцы надеялись, что их будет в Перл-Харборе шесть, в худшем случае — три); линкоры; нефтехранилища и другие портовые сооружения; самолеты на основных аэродромах Уилер, Хикам и Беллоуз-Филд. Для нанесения этого удара японцы использовали шесть авианосцев, имевших на борту в общей сложности 423 самолета, из которых в налете приняли участие 360 (104 высотных бомбардировщика, 135 пикирующих бомбардировщиков, 40 торпедоносцев и 81 истребитель). Силы прикрытия состояли из двух линкоров, трех крейсеров, девяти эскадренных миноносцев и трех подводных лодок в сопровождении восьми танкеров. Этими силами командовал адмирал Нагумо. Планировался также одновременный удар сверхмалых подводных лодок, чтобы усилить панику, которая, как ожидалось, возникнет на базе.

19 ноября группа подводных лодок, имея на буксире пять сверхмалых подводных лодок, вышла из военно-морской базы Куре в Японии. Основное оперативное соединение сосредоточилось в заливе Танкан на Курильских островах, 26 ноября оно вышло в море, а 2 декабря получило подтверждение, что приказ

о нанесении удара остается в силе. На кораблях была введена светомаскировка. Однако даже в это время оставалось в силе указание, что приказ о нападении отменяется, если флот будет обнаружен до 6 декабря или если в Вашингтоне в последнюю минуту будет достигнуто соглашение. 4 декабря провели последнюю дозаправку в море и скорость хода увеличили с 13 до 25 узлов.

Оперативное соединение постоянно получало через Японию информацию из консульства в Гонолулу. Накануне дня нападения, 6 декабря, поступило разочаровывающее сообщение, что американских авианосцев в Перл-Харборе нет. (И действительно, один авианосец в это время был в море у берегов Калифорнии; второй перевозил бомбардировщики на Мидуэй; третий только что доставил истребители на Уэйк; еще три авианосца находились в Атлантическом океане.) Однако, по сообщению, в Перл-Харборе стояло восемь линкоров, причем не оснащенных противоторпедными сетями. Адмирал Нагумо принял решение нанести удар. Самолеты были выпущены с авианосцев на следующее утро, в период с 6.00 до 7.15 по гавайскому времени, из точки, находившейся примерно в 425 км строго на север от Перл-Харбора.

Следует отметить, что американское командование получило, правда с запозданием, два предупреждения, которые могли бы повлиять на ход событий. Первое предупреждение состояло в том, что американцы несколько раз обнаруживали приближающиеся японские подводные лодки. Одна из них была потоплена американскими эскадренными миноносцами в 6.51, а другая — самолетами морской авиации в 7.00. Затем, вскоре после 7.00, самая северная из шести американских радиолокационных станций обнаружила приближение крупного авиационного соединения, насчитывавшего предположительно более сотни самолетов. Однако информационный центр решил, что речь идет о группе самолетов В-17, которую ждали из Калифорнии. Впрочем, в ожидаемой группе насчитывалось всего 12 самолетов, и подходить она должна была с востока, а не с севера.

Налет начался в 7.55 и продолжался до 8.25. Затем в 8.40 обрушила свой удар вторая волна, состоявшая из пикирующих и высотных бомбардировщиков. Однако решающую роль сыграли торпедоносцы в первой волне.

Из восьми американских линкоров четыре — «Аризона», «Оклахома», «Западная Виргиния» и «Калифорния» — были потоплены, а другие четыре — «Мэриленд», «Невада», «Пенсильвания» и «Тенесси» — получили серьезные повреждения⁶⁵.

Были также потоплены три эскадренных миноносца и четыре малых корабля и сильно повреждены три легких крейсера и плавучая база гидросамолетов. У американцев было уничтожено 188 самолетов и 63 повреждено. Потери японцев составили 29 самолетов (70 самолетов были повреждены) и пять сверхмалых подводных лодок, уничтоженных во время атаки, закончившейся для японцев полным провалом. Что касается потерь в живой силе, то американцы потеряли 3435 человек убитыми и ранеными, а японцы — менее 100 убитыми⁶⁶.

После налета японские самолеты произвели посадку на авианосцы. 23 декабря ударное оперативное соединение возвратилось в Японию.

Нанесенный удар дал Японии три крупных преимущества. Тихоокеанский флот США фактически был выведен из строя и не мог оказывать какого-либо противодействия японцам в юго-западной части Тихого океана, в то время как японское оперативное соединение, нанесшее удар по Перл-Харбору, могло быть использовано для поддержки операций в этом районе. Японцы получили теперь выигрыш и во времени для расширения сферы экспансии.

Следует назвать и основные недостатки. Во-первых, в ходе удара не были уничтожены американские авианосцы, а ведь они являлись главным объектом налета. Не были также уничтожены нефтехранилища и другие важные портовые сооружения, без которых американцам не удалось бы быстро восстановить силы, поскольку Перл-Харбор был единственной полностью оборудованной базой флота. Произведенный внезапно и явно до официального объявления войны, этот налет вызвал в Америке бурю негодования и сплотил общественное мнение вокруг президента Рузвельта.

В полной мере используя преимущества внезапности, японцы, как это ни иронично, намеревались держаться в рамках законности. Их ответ на американские требования от 26 ноября был рассчитан по времени таким образом, чтобы японский посол в Вашингтоне получил его поздно вечером в субботу 6 декабря и вручил его правительству США в 13.00 в воскресенье, то есть в 7.30 по гавайскому времени. Это дало бы правительству США незначительный шанс, всего около получаса, чтобы оповестить своих военачальников на Гавайских островах и в других местах о начале войны. В то же время это позволило бы японскому правительству утверждать, что его действия законны с точки зрения международного права. Однако, поскольку японская нота была пространной (5 тыс. слов), а при расшифровке ее в японском посольстве произошла задержка, японский посол смог

вручить ноту лишь в 14.20 по вашингтонскому времени, то есть примерно через 35 мин после того, как началось нападение на Перл-Харбор.

Стоит только удивляться, с какой энергичностью американцы заклеямили нападение на Перл-Харбор как акт варварства, и тому факту, что это нападение явилось для них неожиданностью. Ведь по своему характеру нападение японцев на Перл-Харбор во многом было сходно с нападением на русский флот в Порт-Артуре.

В августе 1903 года Япония и Россия начали переговоры по урегулированию противоречий на Дальнем Востоке. После пяти с половиной месяцев переговоров японское правительство пришло к выводу, что позиция России препятствует удовлетворительному урегулированию вопроса, и 4 февраля 1904 года решило применить силу. 6 февраля переговоры были прерваны, но война еще не объявлена. Японский флот под командованием адмирала Того скрытно вышел в направлении русской военно-морской базы Порт-Артур, и в ночь на 8 февраля Того приказал своим торпедным катерам атаковать русскую эскадру, стоявшую на якоре в Порт-Артуре. Захватив русских врасплох, японцы вывели из строя два лучших их линкора и один крейсер, в результате чего Япония получила превосходство на море на Дальнем Востоке. И лишь только 10 февраля Япония и одновременно Россия объявили о начале войны.

Позиция англичан, заключивших за два года до этого союз с Японией, была тогда прямо противоположна той, которую они заняли через тридцать семь лет, заклеивив вслед за американцами действия Японии в Перл-Харборе. В одной из статей в газете «Таймс» в феврале 1904 года говорилось:

«Японский военно-морской флот благодаря мужественному решению Микадо и его советников взял инициативу в свои руки и начал войну смелым актом... Размещенная на внешнем рейде русская эскадра была открыта для атаки, и само ее расположение было приглашением к нападению. Это приглашение было принято с быстротой и пунктуальностью, что делает честь флоту наших славных союзников... Моральный эффект этого подвига открывает многообещающие перспективы и может наложить отпечаток на весь дальнейший ход войны... Совершая эти энергичные акты, военно-морской флот Японии с выгодой использовал право на инициативу, предоставленное ему государственным руководством, и полностью овладел ситуацией в моральном отношении».

В статье «Япония» в Британской энциклопедии, изданной в 1911 году, звучит похвала Японии за то, что она решила начать

войну и подняла оружие «против военной диктатуры и политики корыстных ограничений».

21 октября 1904 года, в день 99-й годовщины сражения при Трафальгаре, адмирал Фишер, став первым морским лордом Англии, незамедлительно начал навязывать королю Эдуарду VII и другим влиятельным лицам мысль о том, что в связи с ростом германского флота усиливается угроза, которую следует предотвратить путем нанесения внезапного превентивного удара без объявления войны. Фишер зашел так далеко, что стал открыто пропагандировать такое нападение. Сведения о его постоянных выступлениях в пользу такого курса действий дошли, естественно, и до немецкого правительства и, столь же естественно, были восприняты более серьезно, чем в английских политических кругах.

Не ясно только, выдвигал ли Фишер свои предложения до успешного нападения японцев на Порт-Артур. Во всяком случае, удар без объявления войны, в результате которого Нельсон вывел из строя датский флот в Копенгагене, — это яркая страница в истории английского флота, известная каждому моряку. Будучи еще молодым офицером флота, Того несколько лет провел в Англии, изучая военно-морское дело. Таким образом, пример Нельсона, нанесшего удар по Копенгагену без объявления войны, вполне мог оказать на адмирала Того в 1904 году столь же большое влияние, как и пример адмирала Того на замысел Фишера.

Однако, несмотря на уроки истории, нападение на Перл-Харбор в 1941 году явилось такой неожиданностью для американцев, что вызванный этим шок породил не только широко распространенную критику правительства во главе с президентом Рузвельтом, но и серьезное подозрение, будто эта катастрофа была вызвана более зловещими факторами, чем слепота и замешательство. Такое подозрение бытовало долгое время, особенно среди политических противников Рузвельта.

Да, действительно, президент Рузвельт в течение длительного времени надеялся найти способ подключения потенциала Америки к войне против Гитлера, однако утверждения американских историков-ревизионистов, будто Рузвельт планировал или замыслил катастрофу в Перл-Харборе именно с этой целью, и те жалкие свидетельства, на которых подобные утверждения основываются, не выдерживают критики. Их опровергают многочисленные факты самоуспокоенности и просчетов в штабах армии и флота.

Падение Гонконга. Падение этого форпоста Англии на Дальнем Востоке на раннем этапе войны — ярчайший пример того,

как можно безо всякой пользы пожертвовать стратегией и здравым смыслом во имя воображаемого престижа. Даже японцы никогда не совершали подобной глупости «ради спасения своего лица», как это сделали в данном случае англичане. Гонконг был явно слабым звеном в позиции Англии, и удержать его оказалось труднее, чем Сингапур. Порт Гонконг располагался на острове, прилегающем к побережью Китая, и находился всего в 640 км от японских авиационных баз на Формозе, в то время как от английской военно-морской базы в Сингапуре его отделяло 2700 км.

В оценке обстановки, сделанной в начале 1937 года, комитет начальников штабов Англии в перечне вероятных противников ставил Японию на второе место после Германии и приходил к выводу, что Сингапур, как и сама Англия, решает судьбу Британского Содружества. Тем самым подчеркивалось, что никакие соображения по обеспечению интересов Англии в Средиземноморье не должны помешать в случае необходимости направить флот в Сингапур. Анализируя положение Гонконга, начальники штабов сбрасывали со счетов, что на переброску туда подкреплений потребуется не меньше 90 дней и что, даже если усиленный гарнизон удержит эту колонию, сам порт может быть нейтрализован японской авиацией, действующей с Формозы. Однако, исходя скорее из утешительных надежд, чем из реальной обстановки, начальники штабов отказались от логического вывода на том основании, что эвакуация гарнизона будет связана с потерей престижа и лишит Китай моральной поддержки, необходимой для продолжения сопротивления японцам. Начальники штабов в конце концов пришли к выводу: Гонконг — это важный форпост, который следует защищать как можно дольше. Этот вывод предопределил судьбу гарнизона.

В начале 1939 года при новой оценке обстановки был повторен тот же самый общий вывод и внесено весьма важное положение о том, что безопасность Средиземноморья важнее безопасности Дальнего Востока. Это сделало безнадежной оборону Гонконга, тем более что к этому времени японские экспедиционные силы заняли выгодные позиции на материке Китая к северу и югу от Гонконга, изолировав тем самым это английское владение и сделав его уязвимым для нападения с суши.

В августе 1940 года, после падения Франции, новый состав комитета начальников штабов пересмотрел оценку обстановки. На этот раз комитет признал, что Гонконг защитить невозможно, и рекомендовал эвакуировать гарнизон, состоявший в то

время из четырех батальонов. Военный кабинет, во главе которого теперь стоял Черчилль, согласился с этой точкой зрения. Однако для претворения этого решения в жизнь ничего не было сделано. Более того, годом позже комитет начальников штабов вновь изменил свое мнение и рекомендовал Черчиллю принять предложение канадского правительства усилить гарнизон Гонконга двумя батальонами. Это предложение и пересмотр политики в отношении Гонконга стимулировались оптимистическими взглядами генерал-майора Грасета. Незадолго до этого он командовал войсками в Гонконге и по возвращении в Англию заявил начальнику генерального штаба Канады, что, если серьезно усилить гарнизон Гонконга, он сможет продержаться длительное время. Рекомендую принять это предложение, комитет начальников штабов Англии выразил мнение, что даже в самом худшем случае усиление гарнизона позволит «более достойно» оборонять остров. Это был еще один «престижный» аргумент, и 27 октября 1941 года два канадских батальона направились в Гонконг, увеличивая тем самым бесполезные жертвы почти на 50%.

Наступление японцев с материка началось утром 8 декабря. Его вела хорошо вооруженная группировка силой более дивизии (двенадцать батальонов) при мощном авиационном прикрытии и артиллерийской поддержке. На следующий день англичане отошли на так называемую линию Джиндринкерс на полуострове Коулун, а утром 10 декабря японский отряд захватил там один из ключевых редутов. Этот удар вынудил англичан быстро оставить линию Джиндринкерс и отойти на остров Гонконг. Японцы в это время еще только сосредоточивали силы для запланированного ими штурма этого рубежа.

Первые попытки форсировать пролив были отражены, однако это привело к распылению сил обороняющихся. В ночь на 19 декабря главные силы японцев высадились в северо-восточной части острова и вскоре нанесли сосредоточенный удар в направлении мыса Дипуотер на юге, расколов силы обороняющихся. Одна из обороняющихся группировок сдалась вечером на Рождество, вторая — на следующее утро. Несмотря на подкрепления, Гонконг продержался всего 18 дней, хотя оборона была рассчитана на срок в пять раз больший. Японцы потеряли около 3 тыс. человек, а захватили в плен весь гарнизон, состоявший почти из 12 тыс. человек. Остров пал в сотый год со времени его оккупации и через 99 лет после того, как Китай официально уступил его Англии.

Падение Филиппин. 8 декабря в 2.30 американское военное командование на Филиппинах получило сообщение о нападении

японцев на Перл-Харбор и начало готовиться к обороне. Между тем утренний туман на Формозе задержал планировавшийся японцами удар по Филиппинам с воздуха. Однако это неблагоприятное обстоятельство обернулось для японцев преимуществом. Дело в том, что американцы никак не могли решить вопрос, следует ли самолетам В-17 немедленно нанести бомбовый удар по Формозе. Наконец самолетам В-17 было приказано летать над островом Лусон, чтобы избежать опасности быть застигнутыми на аэродромах. В 11.30 американские самолеты совершили посадку, чтобы подготовиться к бомбовому удару, и как раз в этот момент над аэродромом появились задержавшиеся из-за непогоды японские самолеты. Вследствие плохо поставленной системы воздушного наблюдения и оповещения большинство американских самолетов, в особенности бомбардировщики В-17 и современные истребители Р-40Е, было уничтожено.

Таким образом, соотношение сил в авиации резко изменилось в пользу японцев. Они теперь господствовали в воздухе, имея в своем распоряжении 190 армейских самолетов и 300 самолетов морской авиации, действовавших с Формозы. Десять оставшихся в строю самолетов В-17 17 декабря были переброшены в Австралию. Была отозвана также горстка надводных кораблей так называемого Азиатского флота адмирала Харта. В результате в этом районе осталось лишь 29 подводных лодок из состава этого флота.

Что касается сухопутных войск, то здесь руководствовались принятым по настоянию Макартура новым решением оборонять все Филиппинские острова. Сам же он, вопреки этому решению, предусмотрительно сосредоточил большую часть из 31 тыс. регулярных войск (американцев и разведчиков-филиппинцев) в районе Манилы. Береговую линию большой протяженности прикрывали только слабо обученные филиппинские войска, насчитывавшие номинально около 100 тыс. человек. Это решение, разумное в стратегическом плане, означало, однако, что японцы не встретили бы серьезных препятствий при высадке десанта в любой точке.

Захват Филиппин был поручен японской 14-й армии, которой командовал генерал Хомма. При высадке десантов и на начальном этапе операции в его распоряжении находились войска численностью 57 тыс. человек. Эти силы были сравнительно невелики, поэтому факторы внезапности и превосходства в воздухе играли все возрастающую роль. Японцы стремились также захватить несколько лежащих в стороне островов и слабо защищенных прибрежных районов, чтобы срочно построить там

аэродромы для армейских самолетов с небольшим радиусом действия.

В первый день операции японцы захватили главный остров из группы островов Батан, примерно в 190 км к северу от острова Лусон. Войска 10 декабря атаковали остров Камигин, находящийся чуть севернее острова Лусон. В тот же день два других японских отряда высадились на северном побережье острова Лусон в районах Апарри и Вигана. Четвертый отряд, прибывший с островов Палау, 12 декабря высадился, не встретив сопротивления, в Легаспи, на юго-восточной оконечности острова Лусон. Эти отряды проложили путь для главных сил десанта, которые начали высаживаться 22 декабря в заливе Лингаен, всего в 200 км к северу от Манилы. Свои войска численностью 43 тыс. человек генерал Хомма перебросил на 85 транспортах. В заливе Ламон, на восточном побережье острова, напротив Манилы, 24 декабря высадился еще один отряд численностью в 7 тыс. человек, прибывший с островов Рюкю. Ни один из этих отрядов не встретил серьезного сопротивления. Необученные и плохо вооруженные филиппинские войска быстро оставляли позиции, особенно когда на них надвигались танки, а американцы приходили им на помощь слишком поздно. Потери японцев к этому времени составили меньше 2 тыс. человек.

Надежды Макаурта не сбылись: он не смог разгромить японцев до того, как они закрепились на берегу, и 23 декабря он вернулся к первоначальному плану и решил отвести все оставшиеся в его распоряжении войска на полуостров Батаан. Это решение было ускорено донесениями, в которых почти вдвое преувеличивалась численность японских войск и совершенно принижалась боеспособность большей части филиппинских войск. 26 декабря Манилу объявили открытым городом. Несмотря на замешательство на первоначальном этапе, войскам Макаурта под давлением противника удалось постепенно отойти и к 6 января закрепитесь на полуострове Батаан, причем им помогло то обстоятельство, что в действительности силы японцев были примерно в два раза меньше американских.

Оказавшись на полуострове Батаан, имеющем 40 км в длину и 30 км в ширину, американцам пришлось взять на себя заботу по снабжению продовольствием более 100 тыс. человек (в том числе и гражданского населения) вместо 43 тыс. войск, как это предусматривал первоначальный план. Кроме того, на острове свирепствовала малярия, и очень скоро оказалось, что боеспособность сохранила лишь четвертая часть американских войск.

Первые атаки японцев на позиции, занятые американцами на полуострове, были отбиты. Были сорваны и попытки высадить десанты на флангах. 8 февраля после напряженных боев, длившихся около месяца, японцы прекратили атаки. В их войсках насчитывалось 10 тыс. человек, заболевших малярией. 48-ю дивизию приказано было перебросить для захвата Голландской Восточной Индии. К началу марта на боевых позициях японцев осталось всего 3 тыс. человек. Американцам не было об этом известно, и они не предприняли никаких попыток перейти в наступление. Кроме того, у них самих в строю осталась лишь пятая часть общей численности войск. 10 марта Макартур отбыл в Австралию⁶⁷.

В связи с этим моральный дух войск резко упал. Американские солдаты поняли, что никаких попыток оказать им помощь не предпринимается. Именно такое решение и было принято в начале января руководством в Вашингтоне.

К концу марта японцы получили подкрепление численностью 22 тыс. человек, много самолетов и большое число артиллерийских орудий. Они 3 апреля возобновили наступление и начали теснить американцев, а 9 апреля оставшийся за старшего воинского начальника генерал Кинг во избежание «массового кровопролития» заявил о безоговорочной капитуляции.

Борьба переместилась на остров Коррехидор. Там находился гарнизон численностью почти 15 тыс. человек (включая гарнизоны трех прилегающих к нему небольших островов). Коррехидор расположен всего в 3 км от полуострова Батаан, и это позволило японцам вести сильный артиллерийский огонь по нему через пролив и подвергать его непрерывным воздушным налетам. Такая обработка велась неделя за неделей, в результате оборонительные сооружения были постепенно разрушены, а большинство орудий американцев вышло из строя. Было нарушено также водоснабжение острова. Артиллерийский обстрел достиг наибольшей интенсивности 4 мая, когда по острову было выпущено 16 тыс. снарядов. Незадолго до полуночи 5 мая 2 тыс. японских солдат пересекли пролив и высадились на острове. Они встретили сильное сопротивление и, прежде чем высадились на берег, потеряли больше половины своего состава. Когда же японцы перебросили танки, защитникам пришлось отойти с позиций, хотя в бою приняло участие всего три танка. На следующее утро, 6 мая, генерал Уэйнрайт, командовавший гарнизоном Коррехидора, во избежание бесцельных потерь передал по радио сообщение о капитуляции.

Генерал Хомма сначала отказался принять такую локальную капитуляцию, поскольку американские и филиппинские отряды

на южных островах, а также в отдаленных районах Лусона продолжали вести партизанскую борьбу. Опасаясь, что обезоруженный к этому времени гарнизон Коррехидора будет истреблен, Уэйнрайт согласился отдать приказ об общей капитуляции. Однако некоторые из отрядов отказались подчиниться его приказу, оставаясь верными указаниям, поступавшим от Макауртура из Австралии, и прекратили сопротивление лишь 9 июня.

В ходе этой кампании американцы потеряли около 30 тыс. человек, а их филиппинские союзники — около 110 тыс. человек. Значительная доля последних попросту дезертировала. Общее число американцев и филиппинцев, сдавшихся в плен на полуострове Батаан, составило около 80 тыс. человек. Кроме того, еще 15 тыс. человек было взято в плен на Коррехидоре. Потери японцев определить было гораздо труднее. По-видимому, они составили всего около 12 тыс. человек, не считая больных.

И все же, несмотря на провал обороны на первоначальном этапе, защитники Филиппин в конечном счете продержались значительно дольше, чем какие-либо другие группировки, противостоявшие японцам (четыре месяца — на Батаане, а всего шесть месяцев), хотя они не получали ни подкреплений, ни снабжения извне.

Падение Малайи и Сингапура. Согласно плану японского командования, задача захвата Малайи и Сингапура возлагалась на 25-ю армию под командованием генерала Ямаситы, состоявшую из трех дивизий с подразделениями обеспечения. Общая численность войск достигала 110 тыс. человек, из них 70 тыс. составляли боевые части и подразделения. Однако имеющимися в наличии транспортными судами можно было перебросить через Сиамский залив лишь четвертую часть армии — 17 тыс. человек в боевых частях и подразделениях (всего 26 тыс. человек). Этот передовой отряд должен был захватить северные аэродромы. Главным же силам армии Ямаситы предстояло двигаться по суше из Индокитая через Таиланд и далее по перешейку Кра. Им ставилась задача — как можно скорее прийти на помощь десанту, а затем развить наступление в южном направлении вдоль западного побережья Малайского полуострова.

На первый взгляд это были удивительно небольшие экспедиционные силы для достижения столь далеко идущих целей. Действительно, японская армия казалась весьма малочисленной по сравнению с оборонявшими Малайю английскими войсками под командованием генерала Персиваля, в распоряжения кото-

рого находилось 88 тыс. человек (в том числе 19 тыс. англичан, 15 тыс. австралийцев, 37 тыс. индийцев и 17 тыс. малайцев). Однако это были смешанные войска, плохо оснащенные и слабо подготовленные по сравнению с тремя дивизиями Ямасыты — императорской гвардейской, 5-й и 18-й, — считавшимися одними из лучших во всей японской армии. Японцы имели 211 танков (у англичан не было в Малайе ни одного танка)⁶⁸ и 560 самолетов, что почти в четыре раза превышало число английских самолетов в Малайе, причем японские самолеты отличались намного лучшими тактико-техническими данными. Кроме того, японцы рассчитывали на господствующие здесь с ноября по март муссоны, которые наверняка затрудняли бы противодействие английских войск, поскольку в период плохой погоды в этом районе почти все дороги становились непроходимыми. Далее японцы рассчитывали, что Малайский горный хребет, поднимающийся до 2 тыс. км и покрытый тропическими лесами, расчленил силы обороняющихся и поможет японцам перебросить свои силы с восточного побережья на западное.

По иронии судьбы английские войска располагались рассредоточенно с целью обороны аэродромов, выстроенных для прикрытия военно-морской базы, хотя ни соответствующих сил авиации, ни какого-либо флота у них здесь не было. Основную выгоду от этих аэродромов и военно-морской базы получили японцы.

Главные силы японцев высадились в Сингоре и Патани на принадлежащем Таиланду перешейке Малайского полуострова, а четыре вспомогательных десанта были высажены севернее, также на побережье Таиланда. Третьим по важности был десант, высаженный в Кота-Бару, на территории Малайи, в непосредственной близости от границы с Таиландом. Силами, высаженными в Кота-Бару, планировалось захватить имевшийся там аэродром и совершить отвлекающий маневр вдоль восточного побережья. Главный же удар предполагалось нанести в это время в южном направлении вдоль западного побережья.

Десанты начали высаживаться рано утром 8 декабря по местному времени, причем высадка десанта численностью 5,5 тыс. человек в Кота-Бару фактически была произведена более чем за час до начала нападения на Перл-Харбор. После короткого боя японцы захватили аэродром в Кота-Бару, а аэродромы на территории Таиланда были взяты с еще большей легкостью. Планировавшийся упреждающий маневр под названием «операция „Матадор“» англичане нанесли слишком поздно, потому что не хотели переходить границу Таиланда до того, как Япония

нарушит его нейтралитет. Воздушная разведка англичан 6 декабря обнаружила японский флот в Сиамском заливе, однако плохая погода помешала выявить его последующие передвижения к цели. Перегруппировка, проведенная с целью занять исходные позиции перед началом операции «Матадор», попросту нарушила оборонительные порядки англичан. К утру 10 декабря японская 5-я дивизия уже переместилась на западное побережье и перешла границу Малайи, продвигаясь по двум дорогам к Кедаху. В тот же день англичане потерпели катастрофу на море, которая имела решающие последствия.

После того как в июле было принято решение перерезать маршруты поставок нефти в Японию, Черчилль с запозданием «понял громадный эффект эмбарго» и месяцем позже, 25 августа, предложил направить на Восток эскадру, которую он называл «военно-морскими силами сдерживания». Адмиралтейство планировало направить в этот район линейные корабли «Нельсон», «Родин», четыре линкора более старой постройки, а также линейный крейсер и два или три авианосца. Черчилль, предпочитая использовать «наименьшее число наилучших кораблей», предложил направить один из новых линкоров типа „Кинг Джордж V“, линейный крейсер и авианосец.

29 августа Черчилль заявил:

«Я должен добавить: по-моему, Япония едва ли решится противостоять складывающемуся против нее союзу Соединенных Штатов, Великобритании и России... Ничто так не усилило бы ее колебания, как появление упомянутого мною соединения кораблей, и прежде всего корабля класса „Кинг Джордж V“. Это может явиться решающей сдерживающей силой»⁶⁹.

После дебатов в Сингапур были направлены только «Принс-оф-Уэлс» и линейный крейсер «Рипалс». Авианосец, выделенный для этой цели, сел на мель у берегов Ямайки, и его пришлось поставить в док на ремонт. В то время в Индийском океане находился другой авианосец, и он мог бы прибыть в Сингапур, но не получил соответствующего приказа. Таким образом, авиационное прикрытие двух крупных кораблей оказалось в зависимости от истребителей берегового базирования, а их было мало, тем более что к этому времени северные аэродромы захватил противник.

«Принс-оф-Уэлс» и «Рипалс» пришли в Сингапур 2 декабря. На следующий день туда прибыл адмирал Филлипс, принявший командование Дальневосточным флотом. Как уже упоминалось, 6 декабря было получено донесение, что из Индокитая в направлении Малайи движется крупный конвой японских

транспортов. В полдень 8 декабря Филлипсу сообщили, что японцы высаживают свои войска в Сингоре и Кота-Бару под прикрытием одного линкора типа «Конго», пяти крейсеров и 20 эскадренных миноносцев. Во второй половине дня Филлипс смело двинулся в северном направлении со своим «соединением Z» (два линейных корабля в сопровождении четырех эскадренных миноносцев), чтобы нанести удар по японским транспортам. Обеспечить прикрытия с воздуха силами береговой авиации в районе, расположенном глубоко на север, англичане не могли из-за потери аэродромов.

Вечером 9 декабря небо прояснилось, и фактор скрытности больше не способствовал переходу Филлипса. Соединение Филлипса было обнаружено с воздуха, и он вынужден был повернуть на юг в направлении на Сингапур. Ночью оттуда поступило сообщение, как оказалось впоследствии ошибочное, что японцы высадились в Куантане, на полпути в Сингапур. Решив использовать фактор внезапности, почитая риск оправданным, Филлипс взял курс на Куантан.

Японцы хорошо подготовились к любому маневру «соединения Z», о прибытии которого в Сингапур они сообщили по радио всему миру. На аэродромах в районе Сайгона, на юге Индокитая, базировалась японская 22-я воздушная эскадра, где служили лучшие летчики морской авиации. Кроме того, на подходах из Сингапура к Кота-Бару и Сингоре патрулировали 12 подводных лодок. Днем 9 декабря подводная лодка, занимавшая самую восточную позицию, обнаружила шедшее в северном направлении «соединение Z» и донесла об этом. Получив это сообщение, командование 22-й воздушной эскадры, готовившейся к налету на Сингапур, приказало срочно заменить бомбы торпедами и вылететь для нанесения удара по «соединению Z». Однако японские летчики не смогли найти «соединение Z», потому что Филлипс повернул на юг. На рассвете воздушная эскадра вылетела вновь и на этот раз обнаружила «соединение Z» в районе Куантана. Японцы использовали 34 высотных бомбардировщика и 51 торпедоносец. Бомбардировщики начали атаку после 11.00, торпедоносцы шли за ними последовательными волнами. И бомбометание, и выстрелы торпедами оказались удивительно точными, несмотря на то что корабли маневрировали на большой скорости и не были захвачены врасплох, как это случилось в Перл-Харборе. Следует также учесть, что «Принс-оф-Уэлс», имевший на борту 175 зенитных пушек⁷⁰, мог выпускать 60 тыс. снарядов в минуту. И все же оба корабля были потоплены: «Рипалс» — в 12.30, «Принс-оф-Уэлс» — в 13.20. Сопровождавшим их эскадренным миноносцам удалось

спасти более 2 тыс. из 2800 человек, составлявших команды этих кораблей, однако сам адмирал Филлипс оказался в числе погибших. Японцы не мешали проведению спасательных работ. Сами они потеряли только три самолета.

Перед войной руководители Адмиралтейства с презрением отвергали мысль о том, что линкоры могут быть потоплены авиацией. Черчилль был склонен поддерживать их точку зрения. Это заблуждение сохранялось вплоть до роковых дней декабря 1941 года. Черчилль писал: «Как мы, так и американцы в то время сильно недооценивали способности японцев в ведении воздушной войны»⁷¹.

Катастрофа на море решила судьбу Малайи и Сингапура. Японцы получили возможность беспрепятственно высаживать десанты и строить на побережье авиационные базы. Превосходство их авиации над незначительными воздушными силами англичан в Малайе сыграло решающую роль в преодолении сопротивления английских войск. Японским войскам удалось быстро продвинуться к югу по Малайскому полуострову и прорваться в Сингапур с тыла. Падение Сингапура явилось следствием допущенных ранее, главным образом в Лондоне, просчетов и ошибок.

Начиная с 10 декабря английские войска почти непрерывно отступали вдоль западного побережья. С помощью танков и артиллерии японцы легко преодолевали завалы на дорогах (крупный завал был создан в районе Джитры) либо создавали угрозу обхода их с флангов пехотой, просачивавшейся через прилегающие джунгли. Командующий войсками в северной Малайе генерал Хит надеялся удержаться на рубеже Перак, но его позиции обошла японская колонна, наступавшая из Патани под острым углом на юг. Находившиеся южнее, в районе Кампара, хорошо укрепленные позиции японцы обошли с фланга, высадив десант на захваченных в ходе наступления мелких судах.

27 декабря генерал-лейтенант Паунолл принял от главного маршала авиации Брук-Пофэма пост главнокомандующего английскими войсками на Дальнем Востоке.

В начале января англичане отошли к р. Слим, прикрывая провинцию Селангор и подступы к южным аэродромам в районе Куала-Лумпура. В ночь на 8 января рота японских танков прорвалась через плохо организованную оборону и быстрым броском захватила мост на дороге, проходившей почти в 30 км за линией фронта. Английские войска, находившиеся к северу от реки, были отрезаны и потеряли около 4 тыс. человек со всем их вооружением. Потери японцев составили лишь шесть танков

и небольшое число убитых и раненых. Индийская 11-я дивизия была разгромлена. Эта катастрофа вынудила англичан быстро вывести свои войска из Центральной Малайи и поставила под сомнение шансы удержать северные районы провинции Джохор в течение времени, достаточного для переброски морем в Сингапур соответствующих подкреплений с Ближнего Востока.

В тот самый день, когда разразилась эта катастрофа, в Сингапур прибыл генерал Уэйвелл. Он направлялся на Яву принять новый, чрезвычайный пост главнокомандующего объединенным командованием АБДА⁷². Паунолл теперь стал начальником штаба командования АБДА, а дальневосточное командование было упразднено. Уэйвелл решил сделать стержнем обороны провинцию Джохор, поскольку там находились лучшие английские силы, а это означало более быстрый отвод войск вместо постепенного отхода, запланированного генералом Персивалем. В результате Куала-Лумпур был оставлен 11 января, а позиция в дефиле у Тампила — 13 января (вместо 24 января). Японцы получили доступ к лучшей дорожной сети в провинции Джохор. Это дало им возможность ввести в бой две дивизии одновременно и быстро сломить сопротивление австралийцев у Гемаса. Таким образом, отход через провинцию Джохор произошел более быстрыми темпами, чем предполагалось.

Между тем в результате отхода английских войск на восточном побережье 6 января были оставлены Куантан и его аэродром. Из-за угрозы высадки десанта 21 января был оставлен Эудау, а к 30 января как «восточные», так и «западные» силы отошли к крайней южной оконечности Малайского полуострова. В следующую ночь арьергарды переправились через пролив на остров Сингапур. Японская армейская авиация, менее эффективная, чем морская, почти не препятствовала отходу англичан. Она действовала успешно только против аэродромов.

Таким образом, японцы захватили Малайю за 54 дня. Их общие потери составили всего около 4600 человек, в то время как англичане потеряли примерно 25 тыс. человек (преимущественно пленными) и большое количество техники.

В ночь на воскресенье 8 февраля 1942 года две передовые дивизии японских сил вторжения, прошедшие 800 км по Малайскому полуострову, форсировали пролив, отделяющий остров Сингапур от материка. Переправа производилась на участке протяженностью 13 км, где ширина пролива не превышала 1,5 км. Этот участок обороняли три батальона австралийской 22-й бригады.

Первые волны десанта переправились на бронированных десантно-высадочных средствах, а остальные — на самых различ-

ных катерах и лодках. Многие японские солдаты преодолевали пролив даже вплавь (с винтовками и боеприпасами). Некоторые из десантных средств были потоплены, но большинство атакующих войск достигло берега благополучно, и в этом им способствовали не получившие до сих пор объяснения ошибки обороняющихся: они не использовали береговые прожекторы, их средства связи быстро выходили из строя или не использовались, артиллерия с большим запозданием открывала заранее запланированный заградительный огонь.

К рассвету высадилось 13 тыс. японцев, и австралийцы отошли на позиции в глубине острова. К полудню силы наступающих превысили 20 тыс. человек, и они захватили обширный плацдарм в северо-западной части острова. Позже высадилась третья японская дивизия, и общая численность японских войск на острове значительно превысила 30 тыс. человек.

Еще две японские дивизии находились на материке, в непосредственной близости от острова, однако генерал Ямасита считал, что он не сможет эффективно развернуть их для действий на острове. Правда, в последующие дни он ввел в бой значительное число свежих войск, заменив ими измотанные части.

Обороняющиеся на острове имели более чем достаточное число войск, чтобы отразить вторжение, особенно если учесть тот факт, что оно произошло как раз на том участке, где его больше всего ожидали. В распоряжении генерала Персиваля находилось около 85 тыс. человек (в основном англичане, австралийцы и индийцы), а также несколько местных формирований из малайцев и китайцев. Однако большинство этих формирований были плохо обучены и не могли противостоять отборным силам японцев, которые неизменно превосходили противника в искусстве ведения боя в джунглях и на каучуковых плантациях. В целом и управление войсками осуществлялось плохо.

Японская авиация превосходила английскую как по численности, так и по тактико-техническим характеристикам. Однако даже эти немногочисленные силы английской авиации на последнем этапе боевых действий были отозваны. Отсутствие прикрытия от жестоких непрекращающихся воздушных налетов противника еще больше деморализовало войска, моральный дух которых был уже и так подорван длительным отступлением по Малайскому полуострову.

Неспособность правительства метрополии обеспечить авиационное прикрытие, имевшее столь важное значение, Черчилль и

его военные советники пытались компенсировать призывами: «Борьбу следует вести любой ценой до самого конца», «Командиры должны умирать вместе со своими солдатами» за «честь Британской империи», должны осуществлять «общую тактику выжженной земли», уничтожая все, что может оказаться полезным для захватчиков, и «не размышляя, как сохранить войска или пощадить гражданское население». Все это говорило о глубоко незнании психологии солдат. Моральный дух солдат, сражающихся на передовой, нельзя поднять зрелищем вздымающихся за их спиной черных клубов дыма от горящих нефтехранилищ. Невозможно вдохновить солдат и сознанием того, что они обречены на смерть или плен. Годом позже, несмотря на приказ Гитлера удержать Тунис любой ценой, даже испытанные немецкие ветераны быстро сдались, когда их фронт был прорван, а позади оказалось море, где безраздельно господствовал противник. Призывы к солдатам «сражаться спиной к стене» вряд ли могут поднять их боевой дух.

В Сингапуре развязка наступила в воскресенье 15 февраля, ровно через неделю после высадки японцев на острове. К тому времени обороняющиеся были оттеснены к пригородам Сингапура, находящегося на южном побережье острова. Запасы продовольствия истощались, водоснабжение могло быть перерезано в любой момент. Вечером генерал Персиваль вышел с белым флагом. Это был трагический шаг для храброго человека, но капитуляция стала неизбежной, и он решился на это, надеясь добиться лучшего обращения с его войсками и гражданским населением.

Эти два «черных» воскресенья роковым образом затмили могущество державы, которую в течение многих лет называли «империей, где никогда не заходит солнце».

Неспособность отразить удар японской армии не была, однако, основной причиной капитуляции Сингапура. Ее предредила катастрофа на море за два месяца до этого. Она явилась следствием длинной цепи ошибок и просчетов. Строительство новой базы и ее оборонительных сооружений велось крайне медленно, и нежелание политического руководства расходувать денежные средства было не единственным тормозом. В годы, предшествовавшие принятию решения о строительстве этой базы, в Уайт-холле шли ожесточенные споры о том, каковы наилучшие средства ее защиты. Самые горячие споры, однако, развернулись в комитете начальников штабов, хотя и считалось, что он един как Святая Троица. Начальник штаба военно-воздушных сил Тренчард настаивал на первостепенной роли авиации. Первый морской лорд Битти подчеркивал значение артил-

лерии и с презрением отвергал мысль о том, что самолеты могут представлять серьезную угрозу для линкоров.

Правительство долго не решалось стать на точку зрения ни одного из них. В конечном итоге победила точка зрения флота. Базу оснастили крупнокалиберной артиллерией, но не снабдили авиацией. Однако случилось так, что противник нанес удар не с той стороны, куда были нацелены орудия, а с тыла.

В 30-е годы различные военные специалисты, изучавшие эту проблему, высказывали предположение, что нападение может быть осуществлено с тыла — через Малайский полуостров. Это представлялось тем более вероятным, что военно-морская база была сооружена на северном берегу острова Сингапур, в узком проливе между островом и материком. Эту точку зрения разделял и Персиваль, являвшийся в 1936—1937 годах начальником оперативно-разведывательного отдела штаба в Малайе. С этой точкой зрения был согласен и командовавший в то время английскими войсками в Малайе генерал Добби, который в 1938 году начал работы по строительству оборонительного рубежа в южной части Малайского полуострова.

Хор-Белиша, назначенный в то время военным министром, быстро оценил необходимость усиления небольшого гарнизона. Главным пунктом его программы стал приоритет обороны империи перед действиями на континенте. Опасность войны с объединившимися Германией и Италией становилась все более реальной, так что первой необходимостью было укрепление сил на Средиземном море. И все же Хор-Белиша убедил правительство Индии послать в Малайю две бригады, утроив тем самым численность находящихся там войск. В условиях ограниченных ресурсов предвоенного времени вряд ли можно было сделать больше.

Когда в сентябре 1939 года началась война, ресурсы Англии стали быстро расти. Но поскольку война в тот период ограничивалась действиями на Западе, вполне естественно, что основная часть ресурсов расходовалась именно там. Затем последовали майская и июньская катастрофы 1940 года, когда пала Франция и вступила в войну Италия. В период этого ужасного кризиса первейшей задачей стало укрепить оборону Англии, второй — обеспечить оборону района Средиземного моря. Решить обе эти задачи одновременно было довольно трудно. Самой смелой и крупной акцией Черчилля считают ту, когда он рискнул усилить оборону Египта до того, как была обеспечена от вторжения сама Англия.

Было бы несправедливо считать ошибкой мероприятия по усилению обороны Малайи, проводившиеся в тот период. Учи-

тывая эти обстоятельства, следует признать замечательным тот факт, что дислоцировавшиеся в Малайе войска пополнились зимой 1940/41 года шестью бригадами. К сожалению, не произошло соответствующего увеличения численности авиации, а это имело более важное значение.

В начале 1940 года новый командующий английскими войсками в Малайе генерал Бонд заявил, что оборона Сингапура зависит от обороны Малайи в целом. Он считал, что для этой цели необходимы минимум три дивизии, и предложил основную ответственность за оборону Малайи возложить на английские ВВС. Власти в метрополии согласились с этой точкой зрения, но внесли одно важное изменение. В то время как военное руководство в Малайе говорило о необходимости прислать более 500 современных самолетов, комитет начальников штабов пришел к выводу, что достаточно будет примерно 300 самолетов, причем даже такое количество самолетов обещал предоставить полностью не раньше конца 1941 года. К моменту вторжения Японии в декабре 1941 года в Малайе фактически находилось лишь 158 самолетов первой линии, причем большинство устаревших типов.

В 1941 году основная масса имевшихся в то время современных истребителей помимо обеспечения противовоздушной обороны Британских островов использовалась для поддержки наступательных кампаний в районе Средиземного моря. Во второй половине 1941 года около 600 истребителей были направлены в Россию. Малайя практически ничего не получила. Туда не направили ни одного дальнего бомбардировщика, хотя их сотнями использовали для ночных бомбардировочных налетов на Германию, явно бесполезных на той стадии войны. Таким образом, обороне Малайи не было уделено должного внимания.

Ключ к этой загадке дает сам Черчилль в своих мемуарах. В начале мая начальник имперского генерального штаба Дилл представил премьер-министру доклад, в котором выступил против продолжающегося наращивания ударных сил в Северной Африке, поскольку это связано с риском для самой Англии и Сингапура:

«Утрата Египта была бы бедствием, которое я не считаю вероятным... Успешное вторжение уже будет означать наше окончательное поражение. Вот почему жизненно важное значение имеет Соединенное Королевство, а не Египет. Вот почему оборона Соединенного Королевства должна стоять на первом месте. Египет не является даже вторым по важности, так как общепринятый принцип нашей стратегии гласит, что в конечном счете безопасность Сингапура важнее безопасности Египта. Между

тем оборонительные сооружения Сингапура совершенно не отвечают необходимым требованиям.

На войне, разумеется, необходимо идти на риск, но это должен быть преднамеренный риск. Мы не должны впасть в ошибку, ослабив оборону жизненно важных пунктов»⁷³.

Доклад Дилла вывел Черчилля из себя, поскольку он противоречил его замыслу предпринять наступление против Роммеля и шел вразрез с его мечтой — добиться быстрой решающей победы в Северной Африке. В своем ответе Черчилль резко заявил:

«...Насколько я понимаю, вы предпочли бы примириться с потерей Египта и долины Нила (что означало бы также капитуляцию или уничтожение полумиллионной армии, которую мы там сконцентрировали), чем потерять Сингапур. Я не согласен с такой точкой зрения и не думаю, что мы можем очутиться перед подобной альтернативой... Если Япония вступит в войну, Соединенные Штаты, по всей вероятности, выступят на нашей стороне. И во всяком случае, Япония вряд ли с самого начала предпримет осаду Сингапура, так как это явилось бы гораздо более опасной операцией для нее и причинило бы нам меньший ущерб, чем посылка крейсеров и линейных крейсеров для операций на восточных торговых путях»⁷⁴.

Черчилль, будучи вне себя от раздражения, явно исказил доводы начальника имперского генерального штаба. Речь шла не об ослаблении обороны Египта, а просто об отсрочке наступления, на которое уже настроился Черчилль и на которое он возлагал преувеличенные надежды. Как показали последующие события, июньское наступление в Северной Африке закончилось провалом, а повторное наступление в ноябре, когда туда были направлены крупные дополнительные подкрепления, не принесло никаких решительных результатов. Ответ Черчилля фельдмаршалу Диллу красноречиво говорит о том, насколько серьезно просчитался премьер-министр в оценке опасности положения Сингапура.

Удивительно, что позже Черчилль писал по этому поводу так: «Многие из известных мне правительств капитулировали бы перед столь тяжким прогнозом, высказанным высшим военным авторитетом. Для меня же не составило труда убедить моих политических коллег, и я, разумеется, получил поддержку начальников морского и военно-воздушного штабов. Таким образом, моя точка зрения взяла верх, и отправка подкреплений на Средний Восток по-прежнему шла непрерывным потоком»⁷⁵.

В июле президент Рузвельт направил своего личного советника Гопкинса с миссией в Лондон, чтобы поделиться опасения-

ми относительно разумности этой политики и предупредить, что «попытки сделать слишком многое» на Ближнем Востоке связаны с риском в отношении других районов. Американские военные и военно-морские эксперты подтвердили эти опасения и выразили мнение, что оборона Сингапура должна иметь приоритет перед обороной Египта.

Однако ни один из этих аргументов не изменил точки зрения Черчилля. Он заявил: «Я ни за что не согласился бы отказаться от борьбы за Египет и был готов примириться с любыми потерями в Малайе». В действительности же Черчилль просто не видел опасности. Он откровенно говорил: «Я признаюсь, что в моем воображении вся угроза со стороны Японии представлялась в сумеречном свете по сравнению с нашими другими нуждами». Таким образом, ответственность за то, что англичане не смогли в достаточной мере укрепить оборону Малайи, лежит главным образом на самом Черчилле, и это объясняется его настоятельным требованием начать преждевременное наступление в Северной Африке.

Непосредственные стратегические последствия потери Сингапура были катастрофическими: японцы быстро захватили Бирму и Голландскую Восточную Индию. Это было стремительное наступление по двум расходящимся направлениям, в результате которого японцы оказались в угрожающей близости от Индии на одном фланге и от Австралии — на другом. Потребовались почти четыре года борьбы и огромные жертвы, прежде чем Сингапур был возвращен, после того как сама Япония в конце концов рухнула от истощения сил и шока, вызванного атомной бомбардировкой.

Однако моральный урон от падения Сингапура был невосполним. Сингапур являлся символом — символом мощи Запада на Дальнем Востоке, и эта мощь долгое время поддерживалась английским военно-морским флотом. После Первой Мировой войны созданию крупной военно-морской базы в Сингапуре придавалось такое большое значение, что ее символическая важность стала даже превосходить ее стратегическую ценность. Легкость, с которой японцы захватили ее в феврале 1942 года, нанесла сокрушительный удар по престижу Англии (и Европы!) в Азии.

Возвращение Сингапура уже не могло изгладить этого впечатления. Потеряв ореол волшебства, белый человек утратил и свою власть. Сознание его уязвимости разжигало и стимулировало развернувшуюся в Азии в послевоенный период борьбу против европейского господства и вмешательства.

Падение Бирмы. Потеря Англией Бирмы была одним из первых следствий падения Малайи, позволившего японцам за-

вершить захват западных подступов к Китаю и Тихому океану, то есть создать большой оборонительный барьер, предусмотренный их стратегическим планом. Хотя захват Бирмы явился следствием падения Малайи, эта кампания готовилась как самостоятельная операция, и ее осуществление было возложено на 15-ю армию под командованием генерал-лейтенанта Ииды.

Эта «армия» состояла всего из двух дивизий, и даже с подразделениями обслуживания и обеспечения в ней насчитывалось только 35 тыс. человек. В ее задачу входили оккупация Таиланда, включая большую часть перешейка Кра, и прикрытие тыла 25-й армии в период ее наступления в южном направлении по Малайскому полуострову после высадки в районе Сингоры. Затем 15-й армии предстояло приступить к выполнению своей самостоятельной задачи по вторжению в Бирму, причем непосредственной целью был захват столицы Бирмы Рангуна.

Планируя столь крупную операцию такими малыми силами, японцы рассчитывали на малочисленность и слабую подготовку войск, оборонявших Бирму. Первоначально силы оборонявшихся по своей численности лишь немногим превышали дивизию и состояли преимущественно из недавно созданных бирманских подразделений. Костяк их составляли всего лишь два английских батальона и одна индийская бригада (вторая индийская бригада находилась на подходе и должна была составить общий резерв). Когда наступил кризис, большинство имевшихся пополнений было направлено в Малайю, хотя спасти Сингапур уже было нельзя, и лишь в конце января в Бирму начали прибывать подразделения слабо обученной и не полностью укомплектованной индийской 17-й дивизии, а ведь были обещаны более существенные подкрепления. Обстановка в воздухе складывалась еще хуже. Сначала англичане имели 37 самолетов, которым предстояло сражаться против 100 японских самолетов, причем число последних вначале января, после падения Манилы, удвоилось с прибытием еще одной авиационной бригады.

Вторжение японцев в Бирму началось в середине декабря. Один из отрядов 15-й армии занял Тенассерим, находящийся на западной, или бирманской, стороне перешейка Кра, захватил там три ключевых аэродрома и тем самым блокировал путь для переброски английских авиационных подкреплений в Малайю. Японцы 23 и 25 декабря совершили мощные воздушные налеты на Рангун. Рабочие-индийцы побросали работу на строительстве оборонительных сооружений и, спасаясь от бомбежек, запрудили дороги из города. Наступление японцев из Таиланда нача-

лось 20 января, 31 января после упорного, но беспорядочного боя был занят Моулмейн. Обороняющимся, прижатыми широкому эстуарию р. Салуин, едва удалось избежать полного разгромами плена.

В конце декабря Уэйвелл приказал начальнику своего штаба в Индии генерал-лейтенанту Хаттону принять командование войсками в Бирме. Хаттон, в свою очередь, подчинил мелкие отряды, защищавшие Моулмейн и подступы к Рангуну, генерал-майору Смиту, командиру вновь прибывшей индийской 17-й дивизии.

После падения Моулмейна японцы устремились на северо-запад и в первой половине февраля захватили переправы через р. Салуин неподалеку от Моулмейна и в 40 км выше по течению. Смит настаивал на планомерном стратегическом отходе на позиции, надеясь сосредоточить свои силы, однако разрешение на отход он получил слишком поздно, чтобы организовать соответствующую оборону на рубеже р. Билин. Эти позиции были вскоре сданы. Затем англичане поспешили отвести войска на 50 км к р. Ситаун на позиции в 110 км от Рангуна. Отход был начат с опозданием, и японцам удалось предупредить англичан. На рассвете 23 февраля японцы взорвали важный мост, в результате большинство сил Смита осталось на восточном берегу. Спасти удалось группе численностью около 3500 человек, причем только меньше половины из них сохранили оружие. К 4 марта японцы, развивая успех, вышли к Пегу и окружили его. В Пегу, расположенном на стыке железных и шоссейных дорог, сосредоточились остатки войск Смита и немногочисленные пополнения.

На следующий день прибыл генерал Александер, чтобы принять от генерала Хаттона командование войсками в Бирме. Это чрезвычайное решение Черчилля можно вполне понять при сложившихся обстоятельствах, особенно если учесть, что английское высшее руководство не предвидело быстрого разгрома своих войск в Бирме. Однако по отношению к Хаттону это решение было несправедливым. Ведь он не только высказывал сомнение в возможности удержать Рангун, но и проявил разумную дальновидность, направив запасы снабжения в район Мандалая и одновременно ускорив строительство горной дороги, чтобы связать штат Манипур в Индии с Мандалаем и Бирманской дорогой, ведущей в Чунцин. Как и раньше, на взгляды руководства в метрополии оказывало большое влияние мнение Уэйвелла, считавшего, что искусство японцев в ведении боевых действий переоценивается, что это миф, который можно развеять энергичным противодействием.

Прибыв в Бирму, Александер настаивал на необходимости удержать Рангун и отдал приказ о контрнаступлении. Однако попытки предпринять его не дали никаких результатов, несмотря на энергичные действия вновь прибывшей 7-й бронетанковой бригады и некоторых пехотных частей. В итоге Александер был вынужден согласиться с мнением Хаттона и днем 6 марта отдал приказ об эвакуации Рангуна. А 8 марта японцы вошли в покинутый город. Английскому гарнизону удалось уйти из окружения по дороге, ведущей на север через Проме.

После этого наступило временное затишье, в течение которого японские войска были усилены еще двумя дивизиями, 18-й и 56-й, и двумя танковыми полками, а численность их авиации удвоилась и превысила 400 самолетов. Англичане получили намного меньше подкреплений. Что касается боевых действий в воздухе, то потрепанные английские эскадрильи и две эскадрильи американской добровольческой группы, в которых насчитывалось вначале в общей сложности 44 самолета «харрикейн» и «томахок», успешно отбивали воздушные налеты японцев на Рангун и наносили большие потери наступающим. Когда же Рангун был оставлен, большинство английских самолетов вернулось в Индию, куда к концу марта прибыло с Ближнего Востока подкрепление примерно из 150 бомбардировщиков и истребителей. Потеря Рангуна нарушила систему воздушного наблюдения и оповещения, и оставшиеся английские самолеты не могли, как это было и в Малайе, организовать эффективное сопротивление японцам.

В начале апреля усиленная японская 15-я армия двинулась на север по долине р. Иравади в направлении Мандалая с задачей перерезать и закрыть Бирманскую дорогу в Китай. Английские войска, насчитывавшие теперь около 60 тыс. человек, удерживали рубеж, идущий с востока на запад в 250 км южнее Мандалая, при поддержке китайских войск, прикрывавших их восточный фланг. Однако японцы смело обошли их западный фланг и, создав угрозу окружения, в середине апреля захватили нефтепромыслы в Енанджуане.

Американский генерал Стилуэлл разработал план, в соответствии с которым следовало дать возможность японцам подняться вдоль р. Ситаун, чтобы взять их там в клещи. Однако японцы более широким маневром в обход восточного фланга, в направлении Лашио на Бирманской дороге, сорвали этот план. Английские войска начали быстро откатываться, и вскоре стало ясно, что нельзя удержать ни Лашио, ни пути подвоза из Китая.

Александер принял мудрое решение — не оборонять Мандалай, вопреки надеждам японцев, а отойти к границе Индии.

Отход более чем на 300 км начался 26 апреля под прикрытием арьергардов. Мост через р. Иравади был взорван 30 апреля, за день до того, как японцы, совершив фланговый маневр, вышли к Лашио.

Основная задача теперь заключалась в том, чтобы достичь индийской границы и выйти к провинции Ассам до того, как в середине мая начнутся муссоны и реки выйдут из берегов, а дороги станут непроходимыми. Японцы быстро продвигались вверх по долине р. Чиндуин, стремясь перехватить отступающие английские войска, но арьергардам англичан удалось прорваться окружным путем и выйти к Таму за неделю до того, как начались муссоны. При последнем рывке англичане потеряли много вооружения и техники, включая все танки; большинство же личного состава было спасено. Потери англичан в бирманской кампании в три раза превысили потери японцев: 13 500 человек против 4500. Английским войскам, совершившим переход на расстояние в 1500 км, удалось уйти в значительной мере благодаря неоднократным контратакам 7-й бронетанковой бригады, а также благодаря хладнокровию, с которым было организовано отступление после решения оставить Рангун.

Цейлон и Индийский океан. В то время, когда японская армия в Бирме неудержимо продвигалась от Рангуна к Мандалаю, англичан ждал еще один удар. Их не на шутку встревожил выход японского флота в Индийский океан. Дело в том, что англичане придавали исключительно важное значение острову Цейлон, расположенному у юго-восточного выступа Индии. Цейлон мог стать плацдармом для японского флота, и тогда коммуникации, по которым Англия перебрасывала войска и предметы снабжения на Ближний Восток и Южную Африку, а также коммуникации, связывающие Англию с Индией и Австралией, оказались бы под угрозой. Цейлонский каучук после потери Малайи также приобрел для Англии весьма важное значение.

Комитет начальников штабов Англии заявил Уэйвеллу, что сохранение Цейлона важнее сохранения Калькутты. Для обороны Цейлона поэтому держалось не менее шести бригад, в то время как в Бирме явно не хватало войск, а войска в Индии были опасно слабы. В марте в Индийском океане начало действовать новое соединение сил флота под командованием адмирала Сомервила. В состав соединения входило пять линкоров (четыре из них были старой постройки и устарели морально) и три авианосца.

Японцы со своей стороны готовили к действиям в Индийском океане более мощное оперативное соединение, состоявшее из

пяти эскадренных авианосцев (тех самых, которые принимали участие в нападении на Перл-Харбор) и четырех линкоров. Когда об этом стало известно англичанам, перспективы удержания Цейлона им стали казаться мрачными. Но угроза не была столь серьезной и столь существенной, как это представлялось, потому что этот удар японцев имел в основном оборонительные цели. У японцев не было войск, чтобы осуществить вторжение на Цейлон. Они ставили перед собой задачу — рассеять сформировавшееся военно-морское соединение англичан и прикрыть переброску подкреплений в Рангун по морю.

Предполагая, что японцы нанесут удар 1 апреля, Сомервилл разделил свое соединение на две группы. Одна из них, включавшая более быстроходные и более эффективные корабли (соединение А), патрулировала в море, а потом отправилась на заправку кораблей топливом к атоллу Адду, где находилась новая секретная база на Мальдивских островах, примерно в 1000 км к юго-западу от Цейлона. В действительности японцы нанесли удар 5 апреля. Свыше 100 их самолетов совершили налет на гавань Коломбо и, отразив атаки английских истребителей, причинили порту большой ущерб. Еще один удар в тот же день нанесли 50 японских бомбардировщиков, потопившие два английских крейсера⁷⁶. Соединение Сомервила, не оказав японцам никакого противодействия, ушло из этого района: линкоры отошли к Восточной Африке, а быстроходные корабли — в Бомбей. Нанеся удар по Тринкомали, японский флот 9 апреля также покинул эти воды. Его рейдерский отряд за короткий промежуток времени потопил в Бенгальском заливе 23 судна общим тоннажем 112 тыс. тонн.

Это было еще одно унижительное для английской морской мощи поражение. К счастью, оно не имело тяжелых последствий. Англичане фактически сами спровоцировали этот удар, пытаясь сформировать на Цейлоне соединение из явно устаревших кораблей. По крайней мере первоначальные планы японцев не предусматривали этого нападения.

Часть V

Поворот. 1942 год

Поворот событий в России

В 1940 году немцы начали кампанию 9 апреля, совершив нападение на Норвегию и Данию. В 1941 году они начали ее 6 апреля наступлением на Балканах. Однако в 1942 году начало кампании было отложено на более поздние сроки. Этот факт свидетельствовал о том, что силы немцев были значительно истощены в бесплодных попытках добиться быстрой победы над Россией, а их наступательные усилия нейтрализованы. Ведь если на русском фронте условия погоды ранней весной наступлению не благоприятствовали, то для наступления против восточного или западного фланга весьма ненадежной позиции Англии на Средиземном море подобных препятствий не было. И тем не менее в этом ключевом районе для заморских коммуникаций Англии новой угрозы не возникло.

На театре военных действий в России зимнее контрнаступление Красной Армии, начавшееся в декабре, продолжалось больше трех месяцев. К марту Красная Армия продвинулась на отдельных участках более чем на 250 км. Немцы еще удерживали Шлиссельбург, Новгород, Ржев, Вязьму, Брянск, Орел, Курск, Харьков и Таганрог, но в тылу большинства этих пунктов уже находились русские войска.

Эти города-бастионы были мощными препятствиями с тактической точки зрения. В стратеги-

ческом отношении они также имели большое значение, поскольку представляли собой узловые пункты путей сообщения. Немецкие гарнизоны этих городов не могли воспрепятствовать проникновению русских войск в промежутки между ними, но, блокируя пути сообщения в этих пунктах, мешали русским развить успех прорыва. Таким образом, эти города-бастионы выполняли точно такую же функцию сдерживания, на которую были рассчитаны форты французской линии Мажино. Во Франции эти укрепленные позиции смогли бы выполнить отведенную им роль, если бы цепь фортов вдоль французской границы не обрывалась на полпути, что дало немцам возможность обойти их с фланга.

Поскольку Красной Армии не удавалось подорвать оборону городов-бастионов в такой мере, чтобы вынудить их сдаться, глубокие клинья, вбитые советскими войсками в промежутки между ними, позже обернулись для Красной Армии помехой. Естественно, оборонять эти клинья было труднее, чем города-бастионы, и поэтому для удержания их требовалось большое количество войск. Вклинившимся русским войскам постоянно грозило окружение в результате ударов во фланг из удерживаемых немцами бастионов.

К весне 1942 года линия фронта в России имела так много глубоких зубцов, что походила на изображение береговой линии Норвегии с ее многочисленными фиордами, далеко проникающими в глубь суши. Тот факт, что немцам удавалось держаться на «полуостровах», красноречиво говорил о возможностях современной обороны. Этот урок, как и оборона русских в 1941 году, опровергал поверхностные выводы о возможностях обороны, которые были сделаны на основе легких успехов наступающих при действиях против слабой обороны или исходя из тех случаев, когда наступающая сторона имела решающее превосходство в вооружении либо встречала плохо обученного и растерявшегося противника. Опыт зимней кампании 1941 года также подтверждал, что наибольшая опасность для обороняющихся кроется в начальной стадии боев и с течением времени уменьшается, если обороняющиеся выдержат шок, вызванный угрозой уничтожения в условиях окружения, и не сдадут немедленно своих позиций.

При ретроспективном рассмотрении становится ясно, что запрет Гитлера на сколько-нибудь значительный отвод войск способствовал восстановлению у немцев веры в свои силы и, вероятно, спас их от крупного поражения, а его требование придерживаться «круговой» обороны дало им важные преимущества в начале кампании 1942 года.

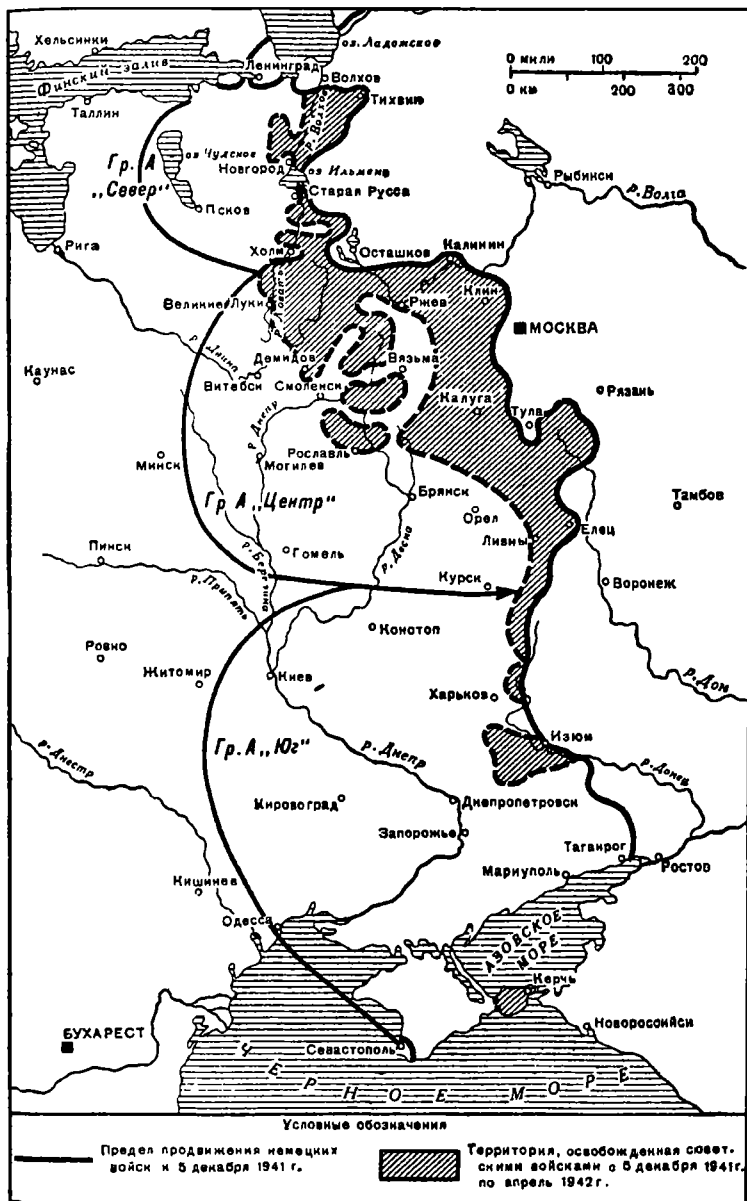

Рис. 10. Положение на советско-германском фронте в декабре 1941 — апреле 1942 года

И тем не менее немцам косвенно пришлось дорогой ценой расплачиваться за эту жесткую оборону. Первоначальный успех породил мнение, будто подобную оборону можно применять и в более трудных условиях последующих зимних кампаний. Далее, немецкие военно-воздушные силы испытывали крайнее напряжение, осуществляя в течение продолжительного времени в зимних условиях доставку предметов снабжения гарнизонам почти полностью окруженных городов-бастионов. Из-за плохой погоды было много аварий, а в периоды хорошей погоды приходилось использовать большое количество самолетов, чтобы пополнить запасы предметов снабжения. Иногда за один день для обеспечения предметами снабжения только одного армейского корпуса использовалось более 300 транспортных самолетов. Система снабжения по воздуху в подобных масштабах для обеспечения целой цепи открытых передовых позиций нанесла серьезный ущерб транспортной службе немецких ВВС.

Колоссальное напряжение испытывала в этой зимней кампании армия, не подготовленная к ней. К концу зимы во многих дивизиях осталась всего лишь треть первоначального состава. Вновь они так и не были укомплектованы полностью, и только летом численность личного состава в них достигла уровня, необходимого для ведения активных действий.

Немецкие генералы доказывали Гитлеру, что для возобновления наступления в 1942 году требуется дополнительно 800 тыс. человек. Министр вооружений Шпеер заявил, что высвободить такое число людей с заводов для службы в армии невозможно.

Проблему нехватки в людях в конечном счете решили путем коренных изменений в организации. В пехотных дивизиях после реорганизации осталось по семи батальонов вместо девяти. Максимальная численность пехотной роты была определена в 80 человек вместо 180. Такое сокращение преследовало двоякую цель. Практика показала, что с потерей опытных командиров рот молодые офицеры не справлялись с управлением ротами прежнего состава. Кроме того, было установлено, что роты более крупного состава несли более крупные потери, хотя особого различия в результатах действий больших и малых рот не было.

Сокращение числа батальонов в дивизии и численного состава пехотных рот ввело в заблуждение разведывательные службы союзников. Считая немецкие дивизии адекватными по численности собственным дивизиям, они давали неверные оценки. Гораздо точнее было бы считать две немецкие дивизии за одну

английскую или американскую ⁷⁷. Но даже такое соотношение перестало соответствовать истинному положению дел к концу лета 1944 года, когда лишь отдельные немецкие дивизии в действительности достигали своей сокращенной штатной численности.

В течение зимы были сформированы две новые танковые дивизии, частично за счет преобразования кавалерийских дивизий. Несколько увеличилось число танков в мотопехотных дивизиях, но из 20 существовавших танковых дивизий лишь половина была полностью укомплектована танками.

Таким образом, общий баланс сил немцев служил весьма зыбким основанием для продолжения наступления. Даже ценой самых напряженных усилий Германия едва могла бы довести численность своих войск до прежнего уровня, да и то лишь за счет более широкого привлечения войск союзников, уступавших по качеству ее собственным войскам. У Германии не оставалось никаких резервов, чтобы восполнить потери в ходе еще одной дорогостоящей кампании. Еще большим недостатком была неспособность немецкого командования развернуть основные наступательные средства — военно-воздушные силы и танковые войска — до масштабов, необходимых для обеспечения гарантированного превосходства.

Вопрос о возобновлении наступления в 1942 году обсуждался в ноябре 1941 года, еще до последней попытки взять Москву. Как утверждают, в ходе ноябрьских дискуссий Рундштедт предложил не только перейти к обороне, но и отвести войска на первоначальные исходные рубежи в Польше. Лееб якобы согласился с ним, другие ведущие генералы хотя и не выступали за такую полную перемену политики, но многие из них испытывали все большую тревогу за исход русской кампании и не проявляли никакого энтузиазма по поводу возобновления наступления. Провал декабрьского наступления на Москву и зимние невзгоды лишь усилили их сомнения.

Однако влияние военной оппозиции было ослаблено изменениями в высшем командовании, произведенными после провала кампании 1941 года. Когда Гитлер не согласился с предложением Рундштедта прекратить наступление в южном направлении на Кавказ и отойти на зимний оборонительный рубеж на р. Миус, Рундштедт подал в отставку, и она была принята в конце ноября. Рундштедту сравнительно повезло в отношении как времени, так и способа отставки. Когда провал этой кампании в целом стал очевиден всему миру, 19 декабря официально было объявлено об отставке Браухича, причем из формулировки следовало, что виноват во всем именно он. Этим актом Гитлер

преследовал двоякую цель — найти козла отпущения и расчислить себе путь к непосредственному руководству армией. У Бока, одного из ревностных сторонников захвата Москвы, в результате нервного и физического переутомления открылась болезнь желудка. Отставка Бока была принята 20 декабря. Лееб пока оставался на своем посту. Однако, когда Лееб понял, что Гитлера ничем нельзя убедить в необходимости отвести войска с демянской дуги, он сам подал в отставку. Уход со сцены Браухича и трех первоначально назначенных командующих группами армий снизил сдерживающее влияние начальника генерального штаба Гальдера. Снижению влияния Гальдера и укреплению позиций Гитлера способствовало также стремление новых командующих более послушно выполнять указания фюрера. Гитлер хорошо понимал, что продвижение по службе влияет на суждения людей и вырабатывает в них покорность. Профессиональное честолюбие редко противится соблазну подобного рода.

Рундшtedта сменил Рейхенау, Бока — Клюге, а Лееба — несколько позже — Кюхлер. Уход Бока с поста командующего группой армий «Центр» был вызван болезнью, и, когда в январе Рейхенау внезапно умер от сердечного приступа, Бок был назначен его преемником. Однако он окончательно утратил свое влияние в июле, когда немецкие войска на юге были реорганизованы в ходе летнего наступления. В результате этой реорганизации из состава группы армий «Юг» была выделена группа армий «А» для наступления на Кавказ, и командование ею было поручено фельдмаршалу Листу. Остальные силы группы армий «Юг» были переименованы в группу армий «Б», которой командовал вначале Бок а затем Вейхс.

План нового крупного наступления выкристаллизовался в первые месяцы 1942 года. На решение Гитлера большое влияние оказали его советники по экономическим вопросам. Они заявили Гитлеру, что Германия не сможет продолжать войну, если не получит кавказскую нефть, а также пшеницу и руду. Эту точку зрения опровергла сама реальность: Германия не получила кавказскую нефть, но тем не менее продолжала войну еще в течение трех лет. Гитлер, однако, был особенно восприимчив к подобным аргументам экономического характера, потому что они совпадали с его инстинктивным стремлением к решительным мерам, причем в наступательном духе. Сама идея отступления казалась ему отвратительной, несмотря на облегчение и потенциальные выгоды, которые оно могло принести. Поэтому он не хотел слышать ни о чем другом, как только о новом наступлении.

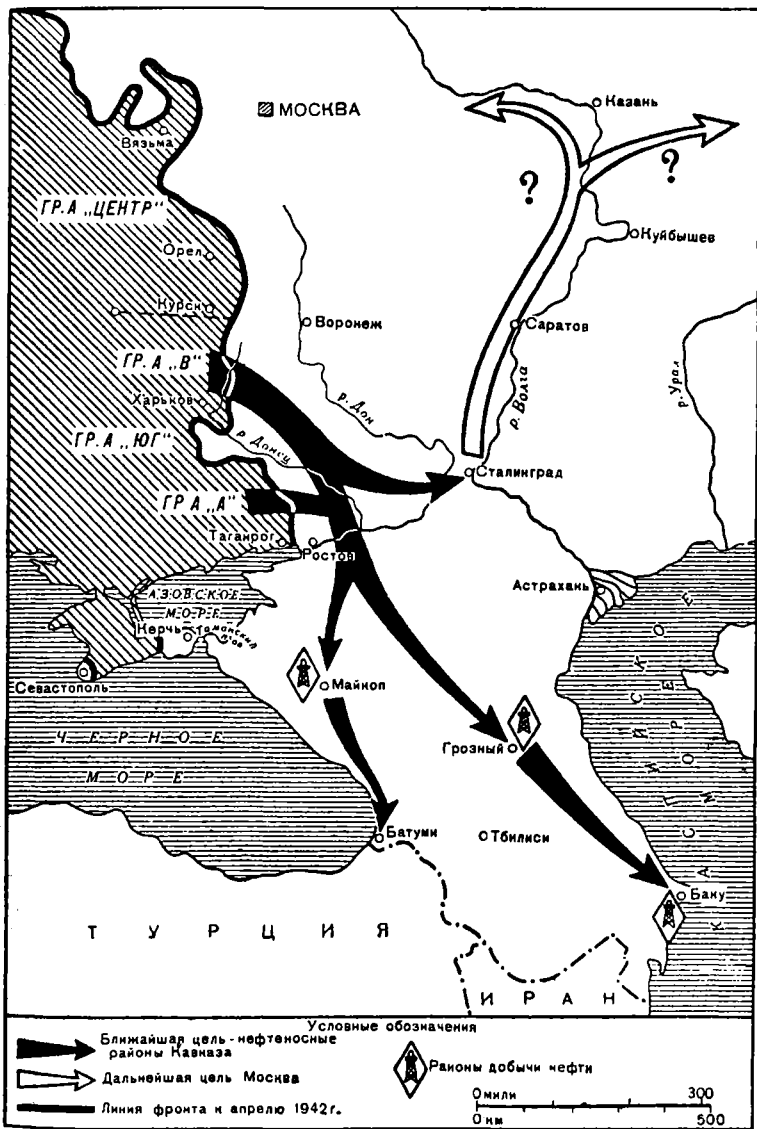

Рис. 11. План действий английских войск на советско-германском фронте весной 1942 года

Это мешало Гитлеру воспринимать неприятные факты. Например, немецкая разведывательная служба располагала сведениями, что заводы русских на Урале и в других районах производят 600—700 танков в месяц. Когда Гальдер доложил об этом фюреру, Гитлер стукнул кулаком по столу и заявил, что подобные темпы производства невозможны. Он не верил в то, во что не хотел верить⁷⁸.

Гитлеру, однако, пришлось признать ограниченность ресурсов Германии. В результате он счел необходимым сократить масштабы нового наступления. Оно теперь планировалось на обоих флангах, но не на всем фронте.

Главный удар намечалось нанести на южном фланге около Черного моря. Он должен был осуществляться в виде стремительного наступления по коридору между реками Дон и Донец. Выйдя к низовьям Дона на участке от его излучины до устья и форсировав эту водную преграду, часть наступающих войск должна была повернуть на юг, в направлении кавказских нефтепромыслов, а другой части предстояло продвигаться на восток, к Сталинграду на Волге.

Формулируя такую двойную цель, Гитлер первоначально лелеял надежду, что захват Сталинграда откроет путь для наступления на север с выходом в тыл русских армий, прикрывавших Москву. Некоторые из приближенных Гитлера поговаривали даже о походе на Урал. Однако после долгих споров Гальдер убедил фюрера, что этот слишком честолюбивый замысел невозможно осуществить, что фактически следует поставить цель продолжить наступление за Сталинград — и то лишь настолько, чтобы удержать этот стратегически важный пункт. Более того, сам захват Сталинграда теперь стали рассматривать как средство обеспечения стратегического прикрытия с фланга войск, наступающих на Кавказ, потому что Сталинград находился на Волге, господствовал над сухопутным перешейком между Волгой и Доном и служил своего рода пробкой для этого узкого места.

План Гитлера на 1942 год предусматривал также вспомогательный удар, имеющий целью в течение лета захватить Ленинград. Это наступление на севере помимо соображений престижа имело важное значение как средство обеспечения наземных коммуникаций с Финляндией и вывода ее из изоляции.

На других участках Восточного фронта немецкие армии должны были оставаться в обороне и только улучшать занятые ими укрепленные позиции. Короче говоря, немецкое наступление в 1942 году ограничивалось двумя флангами. Эта ограниченность действий свидетельствовала, насколько истощились ре-

зервы Германии. Более того, намеченное наступление на южном фланге можно было осуществить лишь при условии более широкого использования войск союзников Германии для обеспечения большей части тылового прикрытия флангов наступающих войск в ходе развития наступления.

Замысел подобного глубокого прорыва на одном фланге без одновременного давления на центр противника противоречил канонам стратегии, которым немецких генералов обучали в молодости. Он не устраивал их еще и потому, что при этом наступлении немецкие войска оказывались между основными силами русских и Черным морем. Еще большее беспокойство вызывал у них тот факт, что прикрытие их сухопутного фланга должно было зависеть в основном от румынских, венгерских и итальянских войск. В ответ на все эти беспокоившие генералов вопросы Гитлер решительно заявил, что Германия сможет выиграть войну лишь в том случае, если получит в свое распоряжение кавказскую нефть. В отношении риска, связанного с использованием войск союзников для прикрытия фланга немецких войск, Гитлер отметил, что войскам союзников предстоит удержать рубеж на Дону и Волге между Сталинградом и Кавказом, то есть там, где им будут помогать сами водные преграды. Захват и удержание такого ключевого пункта, как Сталинград, Гитлер возлагал на немецкие войска.

В качестве прелюдии к главному наступлению немецкие силы в Крыму 8 мая нанесли удар с целью захвата восточной части Крыма — Керченского полуострова, где русским удалось остановить их осенью. В ходе хорошо подготовленного наступления, поддержанного массированными налетами пикирующих бомбардировщиков, в обороне русских была пробита брешь. Втянувшись в прорыв, немцы повернули на север и прижали большую часть обороняющихся к берегу. Затем немцы устремились по полуострову на восток. После кратковременной задержки на Татарском валу, исторической оборонительной линии в 18 км от оконечности полуострова, они захватили 16 мая Керчь.

Этот удар был задуман с целью обеспечить наступление на главном направлении, осуществив прыжок через Керченский пролив на Таманский полуостров — западную оконечность Кавказа.

12 мая ударом в полосе действий 6-й армии Паулюса началось наступление русских на Харьков. Оно поглотило слишком большую часть резервов русских и тем самым оставило их без защиты от ответного удара. Русские войска, прорвав обо-

рону немцев в районе Харькова, разошлись веером в северо-западном и юго-западном направлениях. По приказу Гитлера запланированное наступление 6-й армии Паулюса и 1-й танковой армии Клейста на изюмскую дугу русских началось на день раньше, и наступление русских было остановлено ударом войск Бока. Когда немцы предприняли главный удар в июне, у русских оказалось слишком мало резервов, чтобы задержать их.

Наступление немцев проводилось «уступом» как в пространстве, так и во времени. В соответствии с планом оно должно было идти на всем немецком фронте в южной России, проходившем от района Таганрога вдоль р. Донец и далее в направлении Харькова и Курска. Этот фронт располагался уступом. Войскам левого крыла предписывалось перейти в наступление первыми, а войскам правого крыла — выждать, пока левое крыло не выйдет на одну линию с ними. Своими активными действиями войска правого крыла должны были сковать силы русских и ослабить их сопротивление войскам левого крыла.

На правом крыле наступала 17-я армия, взаимодействовавшая с 11-й армией в Крыму. Левее и несколько сзади 17-й армии действовала 1-я танковая армия. После 9 июля эти две армии составили группу армий «А» под командованием Листа и имели задачу вторгнуться на Кавказ. Левее ее действовала группа армий «Б» под командованием Бока, имевшая в своем составе 4-ю танковую армию, 6-ю и 2-ю армии, а также венгерскую 2-ю армию. Решающие удары должны были нанести две танковые армии на левом фланге немецких войск по наиболее выдвинутым вперед позициям русских. 1-я армия наносила удар из района Харькова, а 4-я — из района Курска. «Пехотные» армии предполагалось использовать во втором эшелоне.

Главному наступлению непосредственно предшествовал штурм крепости Севастополь, начавшийся 7 июня. Штурмовала Севастополь 11-я армия под командованием Манштейна. Русские оказали упорное сопротивление. Немцы, обладая превосходством в силах, в конце концов одержали верх, 4 июля Севастополь, а вместе с ним и весь Крым, оказался в руках немцев. Русские лишились своей главной военно-морской базы на Черном море, однако их флот продолжал действовать.

За операцией в Крыму последовал еще один важный отвлекающий удар. Его нанесли неподалеку от района, где готовился главный удар. 10 июня немцы, воспользовавшись изюмским клином, форсировали р. Донец и захватили плацдарм на север-

ном берегу. Постепенно расширив его, 22 июня они нанесли с него мощный танковый удар в северном направлении и через два дня вышли к узловой станции Купянск, примерно в 65 км севернее Дона.

На левом фланге направления главного удара в течение нескольких дней велись упорные бои, затем резервы русских были исчерпаны, и 4-я танковая армия прорвалась на участке между Курском и Белгородом. После этого наступающие войска стремительно прошли около 150 км по равнинной местности к р. Дон в районе Воронежа. Казалось, немцы намеряли нанести прямой удар через верховья Дона и далее за Воронеж, чтобы перерезать рокадную железную дорогу, соединяющую Москву со Сталинградом и Кавказом. В действительности же немцы не планировали этого.

Немецким войскам было приказано остановиться после выхода к Дону и создать здесь оборонительный рубеж для прикрытия фланга войск, продолжавших наступление в юго-восточном направлении. Подошедшая венгерская 2-я армия сменила 4-ю танковую армию, последняя повернула на юго-восток по коридору между Доном и Донцом. За ней последовала 6-я армия с задачей взять Сталинград.

Вся эта серия операций на левом крыле служила маскировкой готовящегося удара на правом крыле. Пока внимание русских было сосредоточено на ударе из района Курска на Воронеж, 1-я танковая армия Клейста нанесла более опасный удар из района Харькова. Этому благоприятствовал тот факт, что русские войска не успели укрепить свои позиции после того, как было остановлено их наступление. Не менее важное значение имело также вклинение немцев в позиции русских в районе Купянска. Прорвав оборону, танковые дивизии Клейста двинулись на восток по коридору между Доном и Донцом и вышли к Чертково на железной дороге, соединяющей Москву с Ростовом. Далее, повернув на юг, прошли Миллерово и Каменск, продвигаясь к низовьям Дона в районе Ростова.

На левом фланге этого направления 22 июля немцы форсировали реку и продвинулись от исходных рубежей на 400 км. На следующий день на правом фланге этого же направления немцы вышли к оборонительному рубежу русских у Ростова и прорвали оборону этого города. Расположенный на западном берегу Дона город оказался легко уязвимым для подобного рода ударов. С захватом Ростова была перерезана важная линия снабжения с Кавказа, и теперь обеспечение русских армий нефтью стало зависеть от возможности ее доставки на танкерах по

Каспийскому морю и по новой железной дороге, быстро проложенной по степям восточнее его.

Следует отметить одну из характерных особенностей этого наступления: несмотря на то что было преодолено сопротивление крупных масс русских войск, общее число пленных оказалось намного меньше, чем в 1941 году. Темпы наступления тоже не были достаточно высокими. Это обуславливалось как сопротивлением противника, так и осторожностью действий и потерями, понесенными немецкими танковыми войсками в предшествующий период войны. Танковые «группы» 1941 года были преобразованы в танковые «армии», в которых увеличилась доля пехоты и артиллерии, а это снизило темпы продвижения.

Хотя в ходе немецкого наступления значительные силы русских оказались отрезанными от главных сил, большей их части все же удалось своевременно выйти из окружения. Поскольку немцы наступали в юго-восточном направлении, русские войска, естественно, отходили на северо-восток. Русское командование сосредоточило силы в районе Сталинграда. Здесь создалась серьезная угроза флангу немецких войск, наступающих на Кавказ. Это оказало огромное влияние на следующий этап кампании, когда немецкие армии начали наступать по двум расходящимся направлениям — на кавказские нефтепромыслы и к Волге в районе Сталинграда.

Форсировав Дон в его низовьях, 1-я танковая армия Клейста повернула на юго-восток в долину р. Маныч, связанной каналом с Каспийским морем. Взорвав там крупную плотину и затопив долину, русские временно задержали продвижение танков. Форсировав реку, немцы продолжали наступление на Кавказ на широком фронте. Правая колонна Клейста продвигалась почти строго на юг и, пройдя Армавир, 9 августа вышла к крупному центру нефтедобычи Майкопу, в 300 км юго-восточнее Ростова. В тот же день авангард его центральной колонны ворвался в Пятигорск, расположенный в 250 км к востоку от Майкопа у подножия Кавказских гор. Левая колонна Клейста наступала еще восточнее, в направлении Буденновской.

Темпы продвижения были высокими, но снизились они так же быстро, как и возросли. Это было вызвано нехваткой горючего и трудными условиями гористой местности. К этому двойному тормозу впоследствии прибавился еще один фактор, когда значительные силы, предназначенные для нанесения решающего удара в наступлении на Кавказ, были отвлечены для участия в сражении за Сталинград.

Естественным препятствием на пути немцев были горы, но, помимо всего прочего, сказывалось все возрастающее сопротивление русских. Оборонявшиеся здесь войска имели в своем составе мобилизованных местных жителей, которые защищали свои собственные дома и хорошо знали горную местность. Эти факторы многократно усиливали мощь обороны, а характер местности стеснял действия наступающих войск, вынуждая их танковые силы двигаться по определенным направлениям.

В то время как 1-я танковая армия вела наступление на Кавказ, 17-я армия прошла вслед за ней пешим порядком через Ростов, а затем повернула на юг и двинулась к побережью Черного моря.

После захвата нефтепромыслов в Майкопе Кавказский фронт вновь разделился и были поставлены дальнейшие задачи. На 1-ю танковую армию возлагалась ответственность за действия на главном участке от р. Лаба до Каспийского моря. Ее ближайшей задачей был захват горного участка крупной шоссейной дороги, идущей из Ростова на Тбилиси, а последующей задачей — захват Баку на Каспийском море. 17-я армия несла ответственность за действия на более узком участке от Лабы до Керченского пролива. Ее ближайшей задачей было продвижение на юг из Майкопа и Краснодара через западную оконечность Кавказского хребта с целью захвата черноморских портов Новороссийска и Туапсе. Последующая задача состояла в форсированном продвижении из района южнее Туапсе с целью открыть путь на Батуми.

Над прибрежной дорогой южнее Туапсе нависали высокие горы, и ближайшая задача 17-й армии казалась сравнительно легкой: оставалось пройти меньше 80 км до побережья, а западная часть горного хребта здесь переходила в предгорье. Однако задача предстояла не из легких. При наступлении было необходимо форсировать р. Кубань с широкой болотистой поймой, а довольно крутые горы на востоке представляли собой трудно-преодолимое препятствие.

1-я танковая армия продвигалась сравнительно успешнее, однако темпы ее продвижения постепенно уменьшались, а паузы увеличивались. Нехватка горючего создавала основное препятствие для развертывания наступления. Танковые дивизии иногда простаивали несколько дней подряд, ожидая подвоза горючего. Это лишило немцев их главного шанса на успех — прорваться через перевалы, пользуясь фактором внезапности и до того, как была усилена оборона. Когда же пришлось с боями прокладывать путь в горах, 1-я танковая армия оказалась в

невыгодном положении, потому что большинство опытных горнострелковых частей было передано 17-й армии, пытавшейся выйти к Туапсе и прорваться по прибрежной дороге к Батуми.

Серьезная задержка произошла после выхода к р. Терек, прикрывавшей подходы к горной дороге на Тбилиси, а также более уязвимые нефтепромыслы в Грозном, к северу от горного хребта. Ширина Терека, конечно, не внушала такого же благоговейного страха, как ширина Волги, но быстрое течение превращало горную реку в труднопреодолимое препятствие. Клейст попытался продвинуться на восток по течению реки, и в первую неделю сентября ему удалось форсировать Терек в районе Моздока, однако его войска были вновь остановлены в густо поросших лесом горах за Тереком. Грозный находился всего в 80 км от переправы у Моздока, но, несмотря на все усилия, немцам не удалось достичь этого города.

Весьма существенно крушению надежд немцев способствовала переброска русскими нескольких сотен бомбардировщиков на аэродромы около Грозного. Их внезапное появление затормозило наступление Клейста, и главным образом потому, что многие из подразделений зенитной артиллерии и значительная часть поддерживающей авиации были брошены на помощь немецким войскам у Сталинграда. Русские бомбардировщики могли беспрепятственно наносить удары по войскам Клейста и поджигать крупные участки леса, через которые они пытались пробиться.

В целях широкого отвлечения сил противника русские на побережье Каспийского моря использовали кавалерийские дивизии, непрерывно атаковавшие открытый восточный фланг войск Клейста. Действуя в степях против сильно растянутого оборонительного заслона, русская кавалерия нашла очень хорошее применение своим специфическим качествам. На этой обширной равнине она легко проникла через боевое охранение немцев и перерезала пути подвоза. Русским на этом фланге сосредоточить силы было легко, поскольку они могли использовать железную дорогу, шедшую от Астрахани на юг. Ее проложили в бескрайней степи без подготовки земляного полотна. Немцы вскоре поняли, что, уничтожая отдельные участки этой дороги, они ничего не добьются, так как русские быстро укладывали новые секции пути. Хотя немецкие подвижные отряды прорывались к побережью Каспийского моря, оно так и осталось для них «миражем в пустыне».

В течение сентября и октября Клейст пытался прорваться к югу от Моздока, предпринимая внезапные атаки на различных участках. Все его попытки, однако, не имели успеха. Тогда он решил изменить направление главного удара и взять в клещи Орджоникидзе — ворота к Дарьяльскому перевалу, через который проходит горная дорога на Тбилиси. Этот удар был нанесен в последнюю неделю октября. Для поддержки действий войск Клейста с воздуха в его распоряжение выделили всю авиацию, которую удалось наскрести. Правая колонна войск Клейста в ходе маневра на запад захватила Нальчик, а затем и Алагир, где начиналась резервная военная дорога через Мамисонский перевал. От Алагира эта колонна войск двинулась на Орджоникидзе, взаимодействуя с войсками, наносившими удар вверх по долине р. Терек. Дождь и снегопад задержали немцев на последнем этапе, когда войска Клейста уже почти достигли своей цели. В это время русские предприняли хорошо рассчитанный по времени и четко спланированный контрудар. Это привело к внезапному разгрому румынской горнопехотной дивизии: она хорошо проявила себя в ходе наступления, но была сильно измотана. В результате Клейсту пришлось отступить и отказаться от своего плана. Фронт вскоре стабилизировался, но немцы по-прежнему тщетно пытались пробиться вперед в трудных условиях горной местности.

Этот контрудар русских в центральной части Кавказа по времени совпал с началом их крупного контрнаступления под Сталинградом.

Немцы планировали предпринять последнюю попытку наступления в западной части Кавказа, но осуществить ее так и не удалось. Гитлер с большим запозданием решил пойти козырной картой, которую он так бережно хранил. В районе Крыма была сосредоточена парашютно-десантная дивизия. В целях введения противника в заблуждение ее называли по-прежнему 7-й авиационной дивизией. Гитлер решил во взаимодействии с новым ударом войск 17-й армии внезапно выбросить десант на прибрежную дорогу от Туапсе к Батуми. Однако в это время началось контрнаступление русских под Сталинградом, за ним последовало новое наступление русских под Ржевом, где армии Жукова в августе почти прорвали фронт, оказав тем самым косвенную поддержку Сталинграду. Гитлер был настолько встревожен этой двойной угрозой, что отменил свое решение наступать на Батуми и приказал срочно перебросить парашютно-десантные войска по железной дороге на север, под Смоленск.

Все эти провалы явились следствием неосуществившихся надежд захватить Сталинград. Первоначально запланирован-

ные там вспомогательные операции постепенно переросли в главный удар, что отвлекло резервы сухопутных войск и военно-воздушных сил, предназначенные для выполнения основной задачи. Это в конечном счете бесцельно истощило силы Германии.

По иронии судьбы на первом этапе немцы поплатились за то, что они придерживались канонов ортодоксальной стратегии, а в последующем — за то, что пренебрегли ими. Первоначально задуманное объединение усилий переросло в роковое их распыление.

Наступление на Сталинград осуществляла 6-я армия под командованием Паулюса. Она продвигалась по северной стороне коридора между реками Дон и Донец. Вначале 6-я армия продвигалась успешно, чему способствовало крупное танковое наступление вдоль южной стороны коридора. Однако по мере продвижения вперед силы армии сокращались, так как требовалось выделять все больше и больше дивизий для прикрытия непрерывно растягивающегося северного фланга вдоль Дона. Это сокращение сил усугубляли потери в личном составе в результате боев и продолжительных изнуряющих маршей в условиях сильной жары. Недостаток сил и средств все больше сказывался в связи с необходимостью преодолевать последовательные рубежи обороны русских. В упорных боях, естественно, возросли потери, а для преодоления каждого последующего рубежа оставалось все меньше и меньше сил.

Это стало особенно заметно, когда 6-я армия вышла к восточной излучине Дона. Один из ее подвижных передовых отрядов 28 июля вышел к р. Дон у Калача, в 65 км от западной излучины Волги у Сталинграда. Упорное сопротивление русских в излучине Дона остановило наступление. Сузившийся фронт и меньший удельный вес подвижных войск в 6-й армии по сравнению с танковыми армиями мешали ей развернуть маневренные действия. Только через полмесяца немцам удалось преодолеть сопротивление русских в излучине Дона. Однако прошло еще десять дней, прежде чем немцы захватили плацдармы на противоположном берегу.

23 августа немцы готовились начать последний этап своего наступления на Сталинград. Две наступавшие на город армии — 6-я армия с северо-запада и 4-я танковая армия с юго-запада — должны были взять его в клещи. В ту же ночь немецкие подвижные части вышли на берег Волги в 50 км севернее Сталинграда и близко подошли к излучине Волги в 25 км южнее города. Однако оборонявшиеся не давали клещам со-

мкнуться. В следующей фазе немцы предприняли атаку с запада, замкнув таким образом полукруг. В этой напряженной обстановке русское командование обратилось к своим войскам с призывом: «Стоять насмерть!» Русские солдаты проявили удивительную выдержку в трудных в психологическом отношении условиях, которые осложнялись также проблемами снабжения и получения подкреплений.

Вдоль дуги русской обороны одна атака немцев следовала за другой, с частыми переменами места и способа проведения. Атакующие, однако, неся тяжелые потери, добивались лишь незначительных успехов. Иногда оборону удавалось прорвать, но немцы так и не смогли вклиниться настолько, чтобы добиться больше, чем частного успеха на отдельном участке. Чаще всего атаки не имели успеха. По мере того как атаки одна за другой отбивались, психологическое значение боев за этот город возрастало точно так же, как это было под Верденом в 1916 году.

Оно многократно усиливалось самим названием города. Сталинград был вдохновляющим символом для русских и гипнотизирующим символом для немцев, особенно для их фюрера. Сталинград загипнотизировал Гитлера до такого состояния, что он начал пренебрегать стратегией и перестал думать о будущем. Этот город сыграл для немецких войск более роковую роль, чем Москва.

Невыгодность и рискованность непрерывных атак были очевидны для любого военного специалиста, сохранившего способность трезво мыслить. Такие постоянно возобновляющиеся атаки редко приносят успех, если только обороняющиеся войска не изолированы и не лишены подкреплений или если не истощены резервы страны. А в данном случае именно немцы были в меньшей мере способны вынести длительные бои на истощение.

Несмотря на громадные потери, людские ресурсы России были по-прежнему намного больше людских ресурсов Германии. Наиболее серьезную нехватку, вызванную потерями в 1941 году, Россия ощущала в военной технике. Этим частично объяснялись неудачи русских и в 1942 году. Нехватку артиллерии русские в значительной мере восполняли минометами, подвозя их на грузовых автомобилях. Русские ощущали также серьезную нехватку танков и всех видов механического транспорта. К концу лета, однако, начал усиливаться приток новой техники, поступавшей с новых заводов из тыловых районов, а также из Америки и Англии⁷⁹. Кроме того, дал свои результаты значительно расширенный призыв на военную службу, объявленный

после начала войны. Росло число новых дивизий, прибывающих из восточных районов страны.

Район битвы за Сталинград находился на востоке, и туда легче было подбрасывать подкрепления и технику с восточного направления. Это позволило усилить оборону города. И хотя невозможно было одновременно перебросить значительные подкрепления, численность русских армий на северном участке фронта непрерывно росла. Это оказывало существенную помощь войскам, оборонявшим город. Обстановка на этом участке значительно быстрее склонилась бы в пользу русских, если бы они не испытывали нехватку основных видов вооружения, необходимого для ведения современной войны. Сосредоточение сил русских на северном участке фронта оказывало все большее влияние по мере того, как немцы, завязнув в локализованном сражении на истощение, израсходовали резервы живой силы и техники. В сражении подобного рода их потери были пропорционально выше, поскольку они являлись наступающей стороной.

В конце сентября Гальдер вслед за некоторыми из своих помощников ушел с занимаемого поста и его преемником стал Курт Цейцлер. Он был значительно моложе Гальдера и до своего назначения занимал должность начальника штаба Рундштедта на Западе. В 1940 году Цейцлер был начальником штаба танковой группы Клейста, и дальний бросок танковых войск от Рейна к Ла-Маншу оказался возможным с материально-технической точки зрения благодаря его смелому планированию подвоза материальных средств. Помимо солидного послужного списка Цейцлера Гитлер учитывал и то обстоятельство, что ему будет легче обсуждать срочную проблему наступления к Каспийскому морю и Волге хотя бы даже потому, что Цейцлер первое время окажется под влиянием внезапного назначения на высший пост. Вначале Цейцлер оправдал доверие Гитлера в этом отношении и не раздражал фюрера, как это делал Гальдер. Однако когда перспективы взять Сталинград исчезли, Цейцлер начал доказывать Гитлеру, что необходимо отвести войска на другие позиции. Когда же события подтвердили справедливость этого предостережения, Гитлер вовсе перестал прислушиваться к советам Цейцлера. В 1943 году он окончательно охладел к начальнику генерального штаба, и рекомендации Цейцлера стали иметь все меньший и меньший вес.

Те самые основные факторы, которые предопределили провал немецкого наступления на Сталинград, превратили его в поражение с роковыми последствиями, содействуя начавшемуся впоследствии контраступлению русских.

Чем ближе к городу с обеих сторон подходили немецкие войска, тем больше ограничивалась свобода их маневра, в то же время такое сужение фронта помогало обороняющимся быстрее перебрасывать резервы на угрожаемые участки сократившейся дуги обороны. Кроме того, немцы лишились преимущества наносить отвлекающие удары. В ходе наступления, от начала летней кампании вплоть до выхода на рубеж Дона, неясность их целей для противника помогала парализовать сопротивление. Теперь же их цель стала очевидной. Русское командование теперь могло с уверенностью вводить в бой резервы. Таким образом, возрастающее сосредоточение сил, наступающих на Сталинград, давало все меньший и меньший эффект: массированное наступление не в силах было преодолеть столь же массированную оборону.

В то же время сосредоточение немецких войск под Сталинградом все больше поглощало резервы их флангового прикрытия, которое уже само ощущало сильное напряжение вследствие чрезмерной растянутости фронта, протяженность которого составила 650 км от Воронежа вдоль Дона до сталинградского «перешейка» и далее на юг через калмыцкие степи до Терека. Эти пустынные места ограничивали силу любого контрудара русских по второму отрезку флангового прикрытия, однако это ограничение не относилось к участку, который хотя и прикрывался Доном, но мог стать весьма уязвимым в зимнее время или если бы русским удалось найти неохранный отрезок для форсирования Дона. Кроме того, следовало учитывать, что русские сумели сохранить плацдарм на Дону у Серафимовича, в 150 км западнее Сталинграда.

Угроза этому сильно растянутому флангу стала проявляться после ряда разведок боем, которые предприняли русские начиная с августа. Русские установили, что фланг немецких войск под Сталинградом прикрывается слабыми силами и эту задачу выполняют главным образом союзники Германии: венгры — от Воронежа и далее на юг; итальянцы — в районе, где Дон поворачивает на восток, у Новой Калитвы; румыны — около последнего поворота реки на юг западнее и южнее Сталинграда. Здесь находилось лишь небольшое число немецких войск — отдельные полки, иногда дивизии, которые занимали позиции между участками союзных войск. Дивизии занимали оборону на фронте до 65 км, и оборудованных должным образом позиций здесь не было. Конечно, выгрузочные железнодорожные станции часто находились в 150 км и более от линии фронта, а местность была настолько голой, что лесоматериалов для строительства оборонительных сооруже-

ний не хватало. Все соображения относительно обороны носили подчиненный характер по отношению к главной цели — взятию Сталинграда.

Свобода маневра войск, наступавших на Сталинград, ограничилась еще больше в конце сентября, когда немцы проникли в широко раскинувшиеся пригороды и в район Тракторного завода. Оказаться втянутым в уличные бои — всегда не в пользу наступающего, но особенно пагубно это было для армии, основное преимущество которой заключалось в маневренности. В то же время обороняющаяся сторона мобилизовала отряды рабочих, которые сражались с яростью людей, домам которых угрожала непосредственная опасность. При таких обстоятельствах это подкрепление из местных жителей в критические недели значительно усилило обороняющиеся войска — 62-ю армию под командованием генерала Чуйкова и часть 64-й армии под командованием генерала Шумилова. В боях западнее Дона 62-я армия понесла тяжелые потери, а генерал Еременко, которому было поручено командовать этим участком фронта в целом, мог найти лишь незначительные резервы, чтобы оказать ей немедленную помощь.

Когда немцы вошли в пределы города, их наступление раскололось на множество частных атак, и это также уменьшило мощь удара.

При поверхностном наблюдении казалось, что положение обороняющихся становилось все более критическим или даже отчаянным: кольцо сжималось, и противник подходил все ближе к центру города. Наиболее критическое положение сложилось 14 октября, но немцы получили отпор 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева. Однако даже после преодоления этого кризиса положение русских продолжало быть тяжелым, потому что обороняющиеся оказались настолько близко прижаты к Волге, что у них почти не осталось пространства для маневра. Они уже не имели возможности оставлять местность с целью выиграть время. Однако главные факторы действовали в пользу русских.

Растущие потери, все большее осознание краха и приближение зимы подрывали моральный дух наступающих. В то же время и их резервы были настолько истощены, что чрезмерно растянутые фланги утратили эластичность. Таким образом, назрело самое время для контрудара, который и готовило русское командование. Для его успеха оно накопило достаточные резервы.

Контрудар, нанесенный 19 и 20 ноября, был хорошо рассчитан по времени. Начало его пришлось на первые сильные мо-

розы, которые сковали землю и обеспечили возможность быстрого передвижения, а сильные снегопады в дальнейшем сковали маневр противника. Контрудар застал немцев в момент максимального изнурения, когда они особенно остро почувствовали последствия провала своего наступления.

Контрудар был умно рассчитан также в стратегическом и психологическом отношениях. Во фланги наступающих на Сталинград войск русские вбили с обеих сторон два мощных клина, каждый из которых состоял из нескольких клиньев меньшего размера и имел задачу изолировать 6-ю армию и 4-ю танковую армию от группы армий «Б». Эти два клина были вбиты на участках, прикрываемых в основном румынскими войсками. План контрудара был разработан блестящим триумvirатом русского Генерального штаба — генералами Жуковым, Василевским и Вороновым. Основными исполнителями были командующий Юго-Западным фронтом генерал Ватутин, командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский и командующий Сталинградским фронтом генерал Еременко.

Весь Восточный фронт русские разделили на фронты, которые подчинялись непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования в Москве. Вместо сведения их в более крупные группировки на постоянной основе русские теперь практиковали командирование из Ставки одного из высших генералов со специальным штабом для координации действий нескольких фронтов, принимавших участие в какой-либо конкретной серии операций. Фронты состояли в среднем примерно из четырех армий каждый, причем армии были меньше по размерам, чем армии на Западе, и каждая из этих армий управляла дивизиями непосредственно, без промежуточного звена — штаба корпуса. Бронетанковые и моторизованные войска сводились в группы бригад, называвшиеся корпусами, но в действительности они были равноценны крупным дивизиям. Эти корпуса подчинялись командующему фронтом.

Русские ввели вновь корпусную систему летом 1943 года, до того как появились возможности полностью испытать новую систему. Дело в том, что при исключении отдельных звеньев в командной цепи и при подчинении вышестоящим командирам большего числа более мелких соединений должны ускоряться темпы боевых действий и увеличиваться гибкость маневра. Каждое дополнительное звено в командной цепи является недостатком в полном смысле слова. Оно ведет к потере времени как при передаче информации вышестоящему командиру, так и при передаче его приказов непосредственным исполнителям. Кроме

того, оно снижает его возможности управления войсками, так как его личное представление об обстановке становится менее непосредственным, а степень его личного влияния на исполнителей уменьшается. Поэтому чем меньше промежуточных штабов, тем динамичнее становятся действия. С другой стороны, увеличение числа более мелких соединений, управляемых одним штабом, не только обеспечивает большую гибкость, но и открывает больше возможностей для маневра силами и средствами. Более гибкая организация управления дает больше шансов добиться успеха, поскольку появляется возможность лучше учитывать изменения в обстановке и сосредоточивать усилия на решающем участке. Если бы человек имел на руке кроме большого пальца еще только один или два пальца, ему было бы гораздо труднее крепко ухватиться за что-либо, чем он это делает пятью пальцами: рука обладала бы меньшей гибкостью и в меньшей мере позволяла бы создавать сосредоточенное усилие. Подобное ограничение возможностей наблюдалось в армиях западных держав, где большинство объединений и соединений разделялось всего лишь на две-три маневренные единицы⁸⁰.

Передовые отряды русских северо-западнее Сталинграда продвинулись по берегам Дона до Калача и железной дороги, ведущей в Донбасс. Юго-восточнее Сталинграда они достигли железной дороги, идущей в южном направлении к Тихорецку и Черному морю. Перерезав эту железную дорогу, русские войска устремились на Калач, и 23 ноября кольцо окружения было замкнуто. В последующие дни это кольцо, в котором оказались 6-я армия и один из корпусов 4-й танковой армии, было усилено. За эти несколько дней быстрого маневрирования русские изменили стратегическую обстановку в свою пользу и в то же время сохранили преимущество, которое дает оборонительная тактика. Немцы были вынуждены продолжать атаки, но теперь не для того, чтобы прорвать оборону противника, а чтобы вырваться из окружения. Однако эти попытки оказались столь же безуспешными, как и предпринимавшиеся до этого попытки продвинуться вперед.

Между тем другая мощная группировка русских войск вырвалась с плацдарма у Серафимовича и вышла в район западнее излучины р. Дон. Наступая несколькими клиньями в южном направлении, на коридор между Доном и Донцом, эта группировка спешила соединиться на р. Чир с войсками, наступавшими от Калача. Этот маневр по созданию внешнего кольца окружения имел важнейшее значение для успеха всего плана, потому что он подорвал операционную базу противника и поставил же-

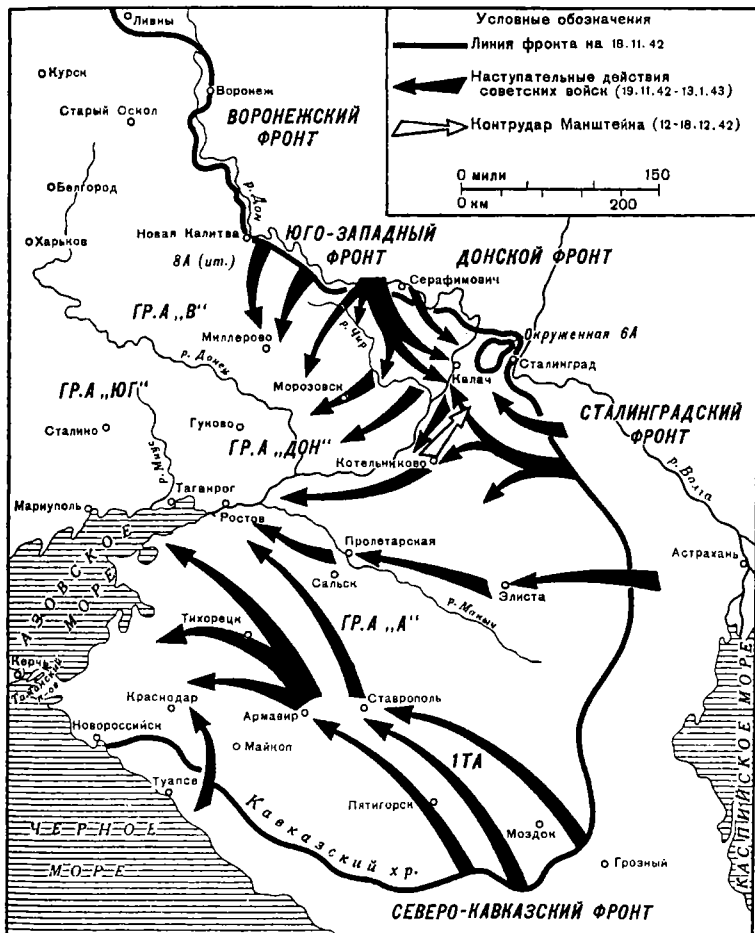

Рис. 12. Наступление советских войск в ноябре 1942 – январе 1943 года

лезный барьер на путях, по которым могли бы подойти на помощь Паулюсу деблокирующие силы.

Немцы нанесли удар в середине декабря с юго-запада в направлении от Котельникова на Сталинград наспех сосредоточенными силами под командованием Манштейна. 11-ю армию, которой он командовал, пришлось вывести из состава группы армий «Центр» и переименовать в группу армий «Дон». Ее немногочисленный состав вряд ли оправдывал столь внушительное название, и при попытке деблокировать немецкие войска под Сталинградом Манштейн был вынужден полагаться на скудные резервы, включая 6-ю танковую дивизию, переброшенную по железной дороге из Бретани во Франции.

Искусно маневрируя, Манштейн в максимальной мере использовал свои незначительные танковые силы. Ему удалось вбить глубокий клин в прикрывающую позицию русских. Однако его наспех подготовленное наступление вскоре было остановлено примерно в 50 км от фронта окруженной армии, а затем русские стали постепенно теснить его назад, создав давление на его собственном фланге. После провала этой попытки рухнули всякие надежды деблокировать армию Паулюса, потому что для еще одной такой попытки у немецкого командования не было резервов. Манштейн, однако, долго удерживал занимаемые позиции. Рискуя безопасностью собственных войск, Манштейн, насколько было возможно, стремился прикрыть воздушный коридор, по которому обреченной армии Паулюса доставлялись скудные запасы снабжения.

Тем временем 16 декабря русские начали маневр по созданию нового внешнего кольца окружения. Командовавший Воронежским фронтом генерал Голиков перешел в наступление своим левым флангом и форсировал Дон в ряде пунктов на участке шириной 100 км между Новой Калитвой и Монастырщиной. Этот участок удерживала итальянская 8-я армия. Русские танки и пехота начали переправляться через замерзший Дон на рассвете после сильной артиллерийской подготовки, обратившей многих итальянцев в бегство. Метель ослепляла оборонявшихся, они оказывали слабое сопротивление. Русские же быстро продвигались на юг к Миллерову и Донцу. В это же время войска Ватутина нанесли удар в юго-западном направлении, от Чира к Донцу. Наступавшие по сходящимся направлениям русские войска в течение недели выбили противника почти из всего коридора между Доном и Донцом. Оборона была слишком разреженной, а разгром слишком быстрым, так что во время первого скачка не насчитывалось столько пленных, сколько на

следующем этапе, когда были обойдены и окружены более крупные группировки противника.

Этот быстрый маневр создал угрозу тылу всех немецких армий на нижнем Дону и Кавказе. Правда, глубокий снег и упорное сопротивление немецких войск у Миллерова и нескольких других узловых пунктов к северу от Донца уменьшили эту опасность на некоторое время.

Тем не менее угроза была настолько ощутима, а увеличение ее масштабов настолько вероятно, что Гитлер наконец осознал неизбежность катастрофы, которая могла превзойти по своим размерам даже сталинградский котел, если цепляться за мечту завоевать Кавказ и заставлять находящиеся там армии удерживать занимаемые позиции (в то время их фланг был обнажен на расстоянии в 1000 км). Поэтому в январе Гитлер отдал приказ об отступлении. Это решение он принял в тот момент, когда у немцев еще была возможность избежать окружения. Успешный вывод этих войск продлил войну, но еще до фактической капитуляции немецких армий под Сталинградом показал всему миру, что время побед Германии закончилось.

Контрнаступление русских велось с большим искусством. Генерал Жуков выбирал направления ударов, учитывая в равной степени как моральный фактор, так и условия местности. Он нащупывал наиболее уязвимые в моральном отношении пункты в боевых порядках противника. Кроме того, Жуков умел создавать альтернативную угрозу, как только его войска, наносящие удар, не добивались немедленного частного успеха и теряли шанс вызвать общий разгром противника. Поскольку сосредоточение наступательных усилий только в одном направлении облегчает ведение обороны, Жуков наносил удары в нескольких пунктах одновременно, не давая противнику передышки и вынуждая его напрягать все свои силы. Такая тактика обычно более выгодна и требует меньшего напряжения наступающих войск в тех случаях, когда наступление непосредственно вытекает из контрудара, подготовленного в ходе оборонительных действий.

Основу всех других факторов, определивших ход событий, составляло соотношение между пространством и используемыми в операциях силами. Пространство на Восточном фронте было настолько широким, что наступающая сторона всегда могла найти место для флангового обходного маневра, если не сосредоточивала своих усилий на одной слишком очевидной для противника цели, такой, как Москва в 1941 году и Сталинград в 1942 году. Немцы могли добиваться успеха в наступательных

операциях, не имея численного превосходства, только пока сохраняли превосходство в качестве используемых сил. И в то же время столь значительное по глубине пространство на Восточном фронте благоприятствовало русским даже в тот период, когда они не могли равняться с немцами в мощи механизированных войск и маневренности.

Немцы, однако, быстро утратили техническое и тактическое преимущество и израсходовали значительную часть резервов живой силы. С сокращением их сил широкие пространства России стали действовать против них, ставя под угрозу способность удержать слишком растянутый фронт. Теперь вопрос заключался в том, сумеют ли они восстановить равновесие, сократив свой фронт, или они настолько исчерпали свои силы, что у них уже не осталось никаких шансов добиться этого.

Период побед Роммеля

В ходе кампании 1942 года в Африке произошли еще более резкие и серьезные по своим последствиям повороты судьбы, чем в 1941 году. В начале кампании войска противников занимали позиции на восточной границе Киренаики — там же, что и девять месяцев назад. Однако через три недели после начала нового года Роммель нанес следующий стратегический контрудар на глубину более 400 км и, прежде чем англичане смогли привести свои силы в порядок, отбросил их на две трети расстояния до египетской границы. Затем фронт стабилизировался у Эль-Газала.

Примерно в конце мая Роммель нанес еще один удар, упредив наступление англичан точно так же, как они упредили его наступление в ноябре. На этот раз, после еще одного суматошного сражения с захватывающими дух поворотами удачи, англичане были вынуждены отступить настолько быстро и настолько далеко, что смогли собраться с силами лишь у Эль-Аламейна. Роммель, развивая успех, прошел за неделю более 500 км, но к этому времени и наступательный порыв, и его силы были уже на исходе. Попытки Роммеля прорваться к Александрии и Каиру получили отпор, и в ходе сражения, закончившегося взаимным истощением сил, немецкие войска были отчаянно близки к поражению.

В конце августа, получив подкрепления, Роммель еще раз попытался добиться победы. Однако англичане, получившие более крупные подкрепления под руководством новой группы командиров во главе с генералами Гарольдом Александером и Бернардом Монтгомери, парировали его удар. Немецкие войска были вынуждены отойти, утратив почти все, чего им удалось добиться первоначально.

Позже, в конце октября, англичане возобновили наступление, используя более крупные силы, чем когда-либо раньше. На этот раз они действовали более решительно. После тринадцатидневной борьбы ресурсы Роммеля были исчерпаны и у него почти не осталось танков. Его фронт развалился. Ему удалось уйти с остатками армии. Его войска утратили способность оказывать серьезное сопротивление и к концу года были отброшены к Буэрату в Триполитании, в 1500 км от Эль-Аламейна. Это была лишь кратковременная задержка в отступлении, которое завершилось в Тунисе в мае следующего года полной эвакуацией немецких и итальянских войск из Африки.

В начале января 1942 года англичане рассматривали отпор, полученный ими у Аджедабьи, лишь как кратковременную паузу в наступлении на Триполи. Они разрабатывали планы и наращивали силы для этой операции, получившей весьма подходящее наименование «Акробат». И действительно, в конце месяца им пришлось проделать серию сальто-мортале в обратном направлении.

5 января конвой из шести судов, которому удалось проскользнуть сквозь морской и авиационный заслоны англичан, доставил в Триполи новую партию танков. В результате в распоряжении Роммеля оказалось более 100 танков. Получив это подкрепление и зная о слабости английских авангардов, Роммель начал скрыто готовить контрудар и нанес его 21 января, а 23 января в его штаб прибыл итальянский военный министр, чтобы заявить протест, но к этому времени передовые отряды Роммеля продвинулись уже на 150 км на восток, а англичане отходили на восток еще быстрее.

В тот момент, когда Роммель нанес удар, авангард английских войск состоял в основном из частей вновь прибывшей 1-й бронетанковой дивизии, в танковую бригаду которой (150 крейсерских танков) входило три полка. Эти полки были сформированы из бывших кавалерийских частей. Их личный состав не имел опыта по использованию танков и опыта действий в пустыне. Неблагоприятным для англичан был и тот факт, что полученные Роммелем новые танки Т-III отличались более мощной броней (бронеплиты толщиной 50 мм), чем старые танки, и

немецкая противотанковая артиллерия применяла новые способы взаимодействия с танками в наступательном бою. Гейнц Шмидт описывает эти новые способы следующим образом:

«Мы перебрасывали наши двенадцать противотанковых пушек перекатами с одной выгодной позиции на другую, в то время как наши танки с укрытых позиций своим огнем поддерживали маневр артиллерии. Затем артиллерия, заняв огневые позиции, прикрывала движение танков. Эта тактика дала хорошие результаты, и, несмотря на интенсивность огня противника, его танкам не удавалось задержать наше продвижение. Англичане непрерывно несли потери и были вынуждены постепенно отступать. Мы не могли не чувствовать, что теперь перед нами не такой сильный и опытный противник, как в боях у Ридотта Капуццо».

Помимо всего прочего, три английских танковых полка вво-дились в бой поодиночке. Они потеряли почти половину танков в первых же стычках, когда немцы внезапно напали на них у Антелата. Затем наступление Роммеля было временно приостановлено из-за вмешательства итальянского военного министра генерала Кавальеро, который не разрешил итальянскому подвижному корпусу следовать за Африканским корпусом Роммеля. Англичане не смогли воспользоваться этой паузой, а отсутствие какого-либо сильного контрманевра с их стороны лишь ободрило Роммеля. Он вновь двинулся вперед в направлении Мсуса 25 января и прорвал позиции, удерживавшиеся гвардейской бригадой и 2-й бронетанковой дивизией. Англичане отошли к северу, в сторону от оси немецкого наступления, сохранив лишь 30 танков.

Глубокий и угрожающий прорыв Роммеля на Мсус не на шутку встревожил англичан. Находившейся в Бенгази индийской 4-й дивизии был отдан спешный приказ покинуть этот порт, забитый запасами материальных средств, и отойти на рубеж Дерна, Мечили. Этот приказ был отменен в ту же ночь, а после прибытия Окинлека, прилетевшего из Каира на встречу с Ритчи в штабе 8-й армии, был отдан приказ о подготовке контрнаступления. Однако вмешательство Окинлека на этот раз оказалось не столь уместным и плодотворным, как в ноябре, так как привело к тому, что английские силы растянулись и находились в статичном положении, пытаясь прикрыть 225-километровый участок между Бенгази и Мечили. В то же время Роммель, основные силы которого сосредоточились в Мсусе, выиграл время и получил свободу действий.

Под влиянием разнообразных угроз Роммеля английское командование в последующие дни стало отдавать противоречивые

и беспорядочные приказания. В результате командир корпуса Годуин-Остин попросил освободить его от командования, потому что командующий армией отдавал приказы его подчиненным через его голову. Были и еще худшие последствия.

Располагая небольшими силами, Роммель решил повернуть на запад, в направлении Бенгази, чтобы ликвидировать всякую угрозу своему тылу с этого направления и в то же время продемонстрировать наступление на восток к Мечили. Этот обманчивый маневр настолько загипнотизировал английское командование, что оно в спешном порядке перебросило подкрепления в район Мечили. Таким образом, индийская 4-я дивизия осталась без всякой поддержки. Быстрый бросок Роммеля к Бенгази явился полной неожиданностью. В результате этот порт со всеми накопившимися в нем запасами был поспешно оставлен. Продолжая использовать эффект внезапности, Роммель направил две небольшие боевые группы на восток. Действуя смело и решительно, немцы вынудили англичан оставить ряд оборонительных рубежей и отойти к Эль-Газалю, хотя главные силы Африканского корпуса из-за нехватки предметов снабжения еще находились в районе Мсуса. Английская 8-я армия 4 февраля отошла на оборонительные позиции у Эль-Газалья, но только в начале апреля Роммель, преодолев колебания итальянского высшего военного командования, смог продвинуть свои войска к позициям англичан.

К этому времени англичане начали строить полевые фортификационные сооружения и ставить обширные минные поля, стремясь превратить рубеж у Эль-Газалья в сильно укрепленную оборонительную позицию. Вскоре подготовка этого рубежа к обороне отошла на второй план, поскольку английское командование решило предпринять отсюда наступательные действия. Дело в том, что позиции у Эль-Газалья представляли собой удобный плацдарм для наступления и были менее пригодны для обороны, так как не имели достаточной глубины. За исключением прибрежного сектора, укрепленные пункты находились слишком далеко друг от друга, чтобы обеспечить эффективную взаимную поддержку огнем. Они тянулись в южном направлении на 80 км от побережья. На левом фланге позиция у Бир-Хашейма, которую занимала 1-я бригада Свободной Франции под командованием генерала Кенига, находилась в 25 км от позиции у Сиди-Муфты. Другим осложняющим оборону обстоятельством стало создание в Бельхамеде передовой базы и конечно-выгрузочной станции в предвидении возобновления наступления. Это был очевидный объект для флангового удара противника, и необходимость прикрывать сосредоточенные там обширные запасы мате-

риальных средств постоянно беспокоила английских командиров в ходе боевых действий, сковывая свободу маневра.

Разработке планов боевых действий сильно мешали разногласия среди английских руководителей относительно целесообразности и желательности наступления в ближайшие сроки. С февраля Черчилль настаивал на возможно более раннем начале наступательных операций, указывая, что у англичан на Ближневосточном театре бездействуют 635 тыс. человек, в то время как русские ведут отчаянную борьбу, а Мальту, что находилась совсем рядом, буквально стирает с лица земли непрерывными налетами авиация Кессельринга. Однако Окинлек, хорошо знающий недостатки английских войск в техническом и тактическом отношении, предпочитал подождать, пока силы Ритчи возрастут до уровня, достаточного для нейтрализации качественного превосходства войск Роммеля. В конце концов Черчилль, не согласившись с аргументами Окинлека, решил направить ему категорический приказ с требованием начать наступление: Окинлек должен был «либо подчиниться, либо уйти со своего поста». Роммель 26 мая нанес удар первым и вновь упредил англичан, намеревавшихся начать наступление в середине июня.

С обеих сторон были использованы гораздо большие силы, чем в операции «Крусейдер», хотя число дивизий оставалось прежним (три немецкие, в том числе две танковые, и шесть итальянских, в том числе одна танковая, против шести английских, в том числе двух бронетанковых). Если оперировать числом дивизий, как это делают обычно государственные деятели и генералы, то Роммель имел девять дивизий против шести. Подобная военная арифметика используется до сих пор для оправдания поражения англичан.

В действительности же соотношение сил было совершенно иным, и оно показало, насколько дезориентирующим может быть счет «дивизиями». Четыре из пяти итальянских пехотных дивизий не имели транспортных средств и поэтому не могли принимать активного участия в таких маневренных операциях, как у Эль-Газала. Английская же 8-я армия располагала в изобилии не только транспортом, но и двумя отдельными моторизованными бригадными группами, а также двумя армейскими бронетанковыми бригадами в дополнение к шести дивизиям. Кроме того, в одну из ее двух бронетанковых дивизий входили две танковые бригады вместо одной по штату. Таким образом, в общей сложности 8-я армия имела четырнадцать танковых частей (и еще три были на подходе) против семи танковых частей Роммеля, причем только четыре немецкие части были оснащены современными танками.

У англичан в танковых частях 8-й армии было 850 танков, еще 420 танков могли быть присланы в качестве подкрепления. Их противники имели в общей сложности 560 танков, причем 230 из них были устаревшими и ненадежными итальянскими танками, а из 330 немецких танков 50 были легкими. По-настоящему могли показать себя в бою только 280 немецких средних танков, вооруженных пушкой. В резерве у немцев было всего около 30 танков, находящихся в ремонте, и примерно 20 танков новой партии, только что выгруженной в Триполи. Таким образом, при реалистическом подсчете англичане имели численное превосходство в соотношении 3 : 1 к началу танковых боев и более чем 4 : 1 в случае длительных боев.

В артиллерии англичане также обладали численным превосходством в соотношении 3 : 2, однако это преимущество частично нейтрализовалось тем, что у англичан все орудия были распределены по дивизиям, а Роммель весьма эффективно использовал подвижной резерв из 56 орудий среднего калибра, который он держал в своем собственном распоряжении.

В авиации соотношение сил было примерно равным. Английская «авиация пустыни» имела приблизительно 600 самолетов первой линии (380 истребителей, 160 бомбардировщиков и 60 самолетов-разведчиков) против 530 немецких и итальянских самолетов (350 истребителей, 140 бомбардировщиков и 40 самолетов-разведчиков). Однако действовавшие здесь 120 немецких истребителей Me-109 превосходили по своим характеристикам английские «харрикейны» и «киттихоки».

Более сложным является вопрос о качественном соотношении танков обеих сторон. После поражения 8-й армии англичане, вполне естественно, считали, что их танки уступают танкам противника. Эту точку зрения изложил в официальном докладе Окинлек, однако она не подтверждается при анализе технических характеристик пушек и брони танков той и другой стороны и данных их испытаний. Большинство немецких средних танков были вооружены короткоствольной 50-миллиметровой пушкой, которая по своей пробивной способности несколько уступала 42-миллиметровой пушке с более высокой начальной скоростью на английских танках. Что касается броневой защиты, то в 1941 году большинство немецких танков имело более тонкую броню по сравнению с броней новых английских крейсерских танков (максимальная толщина брони 30 мм против 40 мм). Теперь же немецкие танки отличались лучшей бронезащитой (кроме башенной брони). Недавно прибывшие танки имели более толстую лобовую броню (50 мм), а на остальные танки были поставлены дополнительные бронеплиты, защищавшие наиболее

уязвимые части корпуса. И все же немецкие танки оказывались более уязвимыми, чем «матильды» (78-мм броня) и «валентайны» (65-мм броня).

В этом сражении приняли участие новые немецкие средние танки Т-III (J), вооруженные длинноствольными 50-мм пушками, сходными с немецкими противотанковыми пушками. Правда, на фронт попали только 19 таких танков. В Триполи также была выгружена одна партия танков этого типа. Однако значение этого вооружения померкло с прибытием в Египет более 400 новых американских танков типа «грант». К началу сражения две английские танковые дивизии у Эль-Газалья были оснащены 170 танками «грант», вооруженными 75-мм пушкой с лучшей пробивной способностью, чем у длинноствольной 50-мм пушки на танках Т-III (J), а также имевшими лучшую бронезащиту (57-мм броня по сравнению с 50-мм)⁸¹. Таким образом, нет серьезных оснований утверждать, что английские танки уступали немецким. Наоборот, англичане обладали не только крупным превосходством в численности, но и преимуществом в качестве.

В противотанковой артиллерии англичане также восстановили свое качественное преимущество с прибытием 57-мм пушек, пробивная способность которых была на 30% выше пробивной способности немецкой длинноствольной 50-мм противотанковой пушки. Новых 57-мм пушек оказалось достаточно, чтобы вооружить ими как мотопехотные бригады, так и мотопехотные батальоны танковых бригад. Хотя немецкая 88-мм пушка по-прежнему оставалась самым эффективным «истребителем танков», у Роммеля насчитывалось всего 48 таких пушек, а высокий лафет делал их намного уязвимее любой другой противотанковой пушки.

Анализ технических факторов, как видим, не объясняет должным образом поражение 8-й армии у Эль-Газалья. Факты свидетельствуют о том, что в первую очередь оно было обусловлено превосходством немцев в тактике, и особенно в организации ими тактического взаимодействия танков с противотанковой артиллерией.

Укрепленную оборонительную линию Эль-Газалья удерживал 13-й корпус, которым командовал генерал-лейтенант Готт, с двумя пехотными дивизиями в первом эшелоне: южноафриканская 1-я дивизия на правом фланге и 50-я дивизия — на левом. 30-й корпус, которым по-прежнему командовал Норри и в состав которого входило большинство танков, должен был прикрывать южный фланг, а также парировать любой танковый удар в центре. Такой удар, как это ни странно, английское командование считало наиболее вероятным шагом со стороны

Роммеля. Двойная задача привела к тому, что английские танки оказались плохо размещенными: 1-ю бронетанковую дивизию держали у Ридотта Капуццо, а 7-ю бронетанковую дивизию (имевшую только одну танковую бригаду) — примерно в 13 км южнее, причем фронт ее действий был сильно растянут с целью оказать поддержку французской бригаде, удерживавшей Бир-Хашейм. Окинлек предложил Ритчи использовать танки более сосредоточенно, но, к сожалению, непосредственные исполнители не выполнили его указаний.

В ночь на 26 мая Роммель стремительным маневром силами трех немецких и двух итальянских танковых дивизий обошел позиции английских войск с фланга. В это время итальянские пехотные дивизии проводили демонстрацию наступления у Эль-Газалья. Хотя фланговый маневр Роммеля был обнаружен еще до наступления темноты и на рассвете у Бир-Хашейма, английские командиры по-прежнему считали, что главный удар Роммель нанесет в центре. Английские танковые бригады промедлили и вступили в бой разрозненными группами, а две мотопехотные бригады, выдвинутые далеко на южный фланг, оказались смятыми, поскольку между ними не было взаимодействия и они не получили никакой поддержки. Штаб 7-й бронетанковой дивизии был разгромлен, и командир дивизии генерал-майор Мессерви попал в плен. Позже ему удалось бежать. Это была его вторая неудача за несколько месяцев: в январе он командовал 1-й бронетанковой дивизией, которую Роммель захватил врасплох и разгромил у Антелата.

Несмотря на первоначальный успех, Роммелю не удалось прорваться к морю и тем самым отрезать, как он надеялся, дивизии, находившиеся на рубеже Эль-Газаль. Немецкие танкисты пережили настоящий шок, встретившись впервые с танками типа «грант» с 75-мм пушками. Немцы попадали под уничтожающий огонь на дистанциях, слишком больших для того, чтобы вести ответный огонь. Им удалось продвинуться вперед, лишь когда они подтянули противотанковую артиллерию, включая три батареи 88-мм пушек. К исходу дня немецкие танковые дивизии ценой тяжелых потерь продвинулись всего на 5 км к северу от Ридотта Капуццо, а до побережья им оставалось почти 30 км. Сам Роммель записал в своем дневнике: «Наш план разгромить английские силы на рубеже Эль-Газаль не удался... Появление нового американского танка вызвало панику в наших рядах... За один только этот день было потеряно значительно больше трети немецких танков»⁸².

Предпринятая Роммелем на второй день новая попытка выйти к морю также не имела успеха. Немцы понесли еще

большие потери. К исходу второго дня надежда на быструю победу исчезла. Англичане же не предприняли ничего, чтобы воспользоваться растерянностью противника. Положение войск Роммеля становилось все более опасным в связи с тем, что подразделения обслуживания танковых частей вынуждены были обходить Бир-Хашейм, избегая ударов английских танков и авиации. Сам Роммель едва избежал плена, а когда возвратился на свой командный пункт, обнаружил, что в его отсутствие англичане разгромили штаб. У Африканского корпуса осталось всего 150 боеспособных танков, у итальянцев — 90. Англичане же имели 420 танков.

После еще одного безуспешного дня боев Роммель приказал своим войскам перейти к обороне. Это была ненадежная позиция, поскольку она находилась в тылу укрепленной позиции англичан у Эль-Газалья. Ударные соединения Роммеля, таким образом, оказались отрезанными на этой позиции от остальных немецко-итальянских сил английскими войсками и широким поясом минных полей. Вести бой «прижатым к стене» трудно, но еще труднее вести бой прижатым к минному полю.

В последующие дни английская авиация обрушила град бомб на расположение ударных соединений Роммеля, метко названное англичанами котлом. В это время 8-я армия атаковала немцев на земле. Газеты запестрели триумфальными сообщениями о том, что Роммель попал в западню, а в английском штабе воцарилась уверенность, что теперь с Роммелем можно расправиться не спеша и что ему не избежать капитуляции.

Однако к ночи на 13 июня картина резко изменилась, 14 июня Ритчи оставил позиции у Эль-Газалья и начал быстро отходить к границе: гарнизон в Тобруке оказался изолированным. Роммель 21 июня взял эту крепость, захватив 35 тыс. пленных и громадные запасы снабжения. Это была самая крупная катастрофа англичан в ходе войны, если не считать падения Сингапура. На следующий день остатки 8-й армии оставили свои позиции на границе у Соллума и, преследуемые по пятам Роммелем, начали поспешный отход на восток через пустыню.

Чем же был вызван столь драматический поворот событий? Столь сложный ход сражения — явление необычное, а в данном случае никому еще не удалось полностью объяснить развитие событий. «Загадка котла» по-прежнему непрístupна для тех, кто брался решить ее с английской стороны, а возникшие в связи с этим мифы только запутывают дело.

Помимо мифа о том, что Роммель обладал превосходством в танках, бытует миф и о том, что судьба сражения решалась в роковой день — 13 июня, когда англичане потеряли основную

массу танков. В действительности же это была лишь кульминация серии катастрофических дней. Ключ к «загадке котла» следует искать в документах Роммеля. Вечером 27 мая он записал: «Несмотря на опасную ситуацию и трудные проблемы, я с надеждой слежу за развитием боя, потому что Ритчи бросил свои танки в бой мелкими группами и тем самым дал нам возможность в каждом случае использовать ровно столько наших собственных танков, сколько необходимо... Они ни в коем случае не должны были поддаваться обману и разделять свои силы...»⁸³

Затем Роммель записал, что он занял оборонительную позицию, казавшуюся опасно открытой, «исходя из определенного предположения, что англичане не рискнут использовать какую-либо значительную часть своих бронетанковых соединений против итальянцев на рубеже Эль-Газаль (в условиях, когда крупные танковые силы немцев могли угрожать тылу англичан)... Таким образом, я предвидел, что механизированные бригады англичан будут по-прежнему пытаться пробить нашу хорошо организованную оборону, растрачивая свои силы»⁸⁴.

Расчет Роммеля полностью оправдался. Англичане действительно предприняли серию разрозненных атак против его позиций, и эти атаки дорого им обошлись. Такие прямые штурмы оказались худшей формой осторожности. Отбивая их, Роммель захватил изолированный «очаг» у Сиди-Муфты, удерживаемый 150-й пехотной бригадой, и проделал проход через минное поле для подвоза снабжения.

Через четыре дня, 5 июня, Ритчи предпринял новое наступление более крупными силами. И на этот раз он вводил в бой силы по частям. Противник же, воспользовавшись длительным интервалом, смог организовать и укрепить оборону. Сложный план наступления страдал целым рядом недостатков. Серию разрозненных и слишком прямых штурмов противник отбивал по очереди. К вечеру 6 июня число танков, имевшихся в распоряжении англичан, вследствие боевых потерь и технических неполадок сократилось примерно до 170 из 400. Кроме того, Роммель, воспользовавшись замешательством наступавших войск, вечером первого же дня нанес контрудар, в результате которого одна из бригад индийской 5-й дивизии была рассеяна, а другая окружена и на следующий день разгромлена вместе со всей дивизионной артиллерией. Роммель взял в плен четыре артиллерийских полка и 4 тыс. человек.

Английские танковые бригады не имели передышек в ходе этой операции. Их действия по поддержке пехоты плохо координировались, причем недостатки в управлении войсками усу-

губились тем, что командир 7-й бронетанковой дивизии Мессерви оказался отрезанным от своих войск как раз в тот момент, когда немецкие танки разгромили штаб индийской 5-й дивизии. Это был второй случай в ходе данного сражения, когда он терял управление войсками.

Тем временем Роммель отсекал важную часть позиции 8-й армии. Вечером 1 июня, непосредственно после захвата «очага» у Сиди-Муфты, он отдал приказ немецкой боевой группе и дивизии «Триест» захватить еще более изолированный «очаг» у Бир-Хашейма на южном фланге, который удерживала 1-я бригада Свободной Франции. Однако обороняющиеся оказали такое упорное сопротивление, что Роммель вынужден был принять на себя командование наступающими частями. В своем дневнике он записал: «Нигде в Африке мне не давали столь упорного боя». Лишь на десятые сутки Роммелю удалось прорвать оборону. Большинство французов ускользнули под покровом темноты.

Теперь у Роммеля были развязаны руки для нанесения нового, более глубокого удара. К этому времени общая численность танков в английских бронетанковых бригадах была доведена благодаря свежим подкреплениям до 330 и в два раза превышала число танков, оставшихся в Африканском корпусе, однако боевой дух англичан был серьезно подорван, а немцы уже предвкушали победу.

11 июня Роммель нанес удар в восточном направлении и на следующий день зажал две из трех английских танковых бригад между своими танковыми дивизиями. Англичанам пришлось вести бой в степном пространстве под угрозой быть уничтоженными перекрестным огнем. Они могли бы попытаться вырваться из ловушки, если бы Мессерви не был вновь, в третий раз за три недели, отрезан от своих войск наступающими немецкими войсками, когда он ехал на доклад к командующему армией. Ко второй половине дня 12 июня две танковые бригады попали в западню. Лишь немногим удалось вырваться. Третья бригада, шедшая им на выручку, понесла тяжелые потери, так как немцы к этому времени заняли выгодные позиции.

13 июня Роммель повернул на север, вытеснил англичан из очага обороны «Найтсбридж» и продолжил преследование английских танковых сил. К походу дня у англичан осталось около 100 танков. Таким образом, Роммель добился превосходства в танках и, господствуя на поле боя, мог теперь, в отличие от англичан, эвакуировать и отремонтировать многие из своих поврежденных танков.

Над двумя дивизиями, удерживавшими рубеж Эль-Газаль, нависла угроза окружения, поскольку 14 июня Роммель отдал

приказ Африканскому корпусу двинуться на север через Акрому и перерезать прибрежную дорогу. Однако продвижение немцев задержало минное поле. Они смогли преодолеть его лишь к концу дня. К этому времени танкисты настолько устали, что физически были не в состоянии выполнить приказ Роммеля перерезать дорогу. Этим воспользовалась южноафриканская 1-я дивизия, автоколонны которой всю ночь отходили по этой дороге. Часть их арьергарда все же оказалась отрезанной, когда на следующее утро немецкие танковые части возобновили бросок к морю. Английской 50-й дивизии, занимавшей оборону на рубеже Эль-Газаль, удалось избежать разгрома лишь потому, что она прорвалась на запад через фронт итальянских войск и двинулась на юг, в обход противника, а потом повернула на восток, к границе. Южноафриканская 1-я дивизия, которой удалось проскользнуть по прибрежной дороге, также отходила к границе, находившейся в 120 км за Тобруком.

Отход на столь большое расстояние противоречил замыслу Окинлека, и он отдал Ритчи приказ, в соответствии с которым 8-я армия должна была собрать силы и занять оборону западнее Тобрука. Ритчи, однако, не доложил своему главнокомандующему, что дивизии, удерживавшие рубеж Эль-Газаль, уже отступили к границе, а когда Окинлек узнал об этом, остановить их было слишком поздно. Английские войска оказались между двух стульев.

Дело в том, что 14 июня, когда английские войска откатывались назад, Черчилль прислал категорическую телеграмму: «Полагаю, что в любом случае не может быть и речи об оставлении Тобрука». Он повторил это требование в телеграммах от 15 и 16 июня. Это указание на расстоянии, пришедшее из Лондона, привело к еще одной грубой ошибке. Было принято поспешное решение оставить часть 8-й армии в Тобруке, в то время как остальные ее силы отходили к границе. Это позволило Роммелю разгромить изолированные войска в Тобруке раньше, чем была должным образом организована оборона.

Когда немецкие танковые силы вышли к морю, Роммель вновь повернул их на восток. Они обошли Тобрук, захватывая или блокируя очаги обороны, созданные в тылу 8-й армии, и двинулись к аэродромам у Гамбута, восточнее Тобрука. В ходе этого марш-маневра они отбросили остатки английских танковых бригад, которые отошли к границе. Роммель не стал их преследовать. Захватив аэродромы у Гамбута, он вновь повернул на запад и удивительно быстро начал наступление на Тобрук. Усиленный гарнизон Тобрука состоял из южноафриканской 2-й дивизии (в которую входила индийская 11-я бригада)

под командованием генерала Клоппера, гвардейской бригады и 32-й армейской танковой бригады, насчитывавшей 70 танков. Полагая, что танки Роммеля ушли на восток, они не ожидали удара и не были готовы отразить его.

В 5.20 20 июня артиллерия и пикирующие бомбардировщики обрушили мощный удар по одному из участков в юго-восточной части оборонительного периметра. Вслед за этим на штурм пошла пехота. К 8.30 в прорыв начали втягиваться немецкие танки. Роммель лично руководил развитием успеха. Во второй половине дня немецкие танки преодолели сопротивление обороняющихся и ворвались в Тобрук. Утром начальник гарнизона генерал Клоппер пришел к выводу, что дальнейшее сопротивление бесполезно, а отступление невозможно, и принял роковое решение о капитуляции. Только отдельным мелким группам удалось прорваться. В плен попало 35 тыс. англичан.

Эта катастрофа вызвала стремительный отход уцелевших сил Ритчи в Египет. Войска Роммеля начали их преследовать. Осуществить это преследование Роммелю во многом помогли громадные запасы снабжения, захваченные им в Тобруке. По свидетельству начальника штаба Африканского корпуса Байерлейна, в тот период 80% транспорта Роммеля составляли трофейные английские машины. Захваченные у англичан материальные средства позволяли обеспечивать войска транспортом, горючим и продовольствием. И все же полностью восстановить боеспособность своих войск Роммелю не удалось. Когда Африканский корпус вышел 23 июня на границу, в нем оставалось всего лишь 44 танка, способных вести боевые действия, а у итальянцев — 14. Тем не менее Роммель решил и на этот раз сделать все возможное для развития успеха.

На следующий день после падения Тобрука туда прилетел из Сицилии фельдмаршал Кессельринг. Он хотел отговорить Роммеля от дальнейшего наступления в Африке и потребовать возвращения своих авиационных частей для нападения на Мальту, как было условлено раньше. Итальянское верховное командование в Африке также возражало против продолжения наступления, и 22 июня Бастико, в сущности, отдал Роммелю приказ остановиться, но тот ответил, что «не примет эту рекомендацию», и в шутовском тоне пригласил своего официального начальника пообедать с ним в Каире. После такой внушительной победы Роммель решил позволить себе некоторые вольности, тем более что из ставки Гитлера поступило сообщение о присвоении ему звания фельдмаршала. Роммель обратился непосредственно к Гитлеру и Муссолини с просьбой разрешить дальнейшее наступление.

Гитлер и его военные советники к тому времени уже начали сильно сомневаться в успехе намеченного нападения на Мальту, считая, что итальянский флот, будучи вынужденным действовать против английского флота, не сможет оказать действенной поддержки и выброшенный на Мальту немецкий парашютный десант останется без снабжения и подкреплений. Еще за месяц до этого, 21 мая, Гитлер решил, что, если Роммелю удастся захватить Тобрук, нападение на Мальту — операцию «Геркулес» — придется отменить. Муссолини также почувствовал облегчение, когда появилась возможность избежать трудностей, связанных с операцией «Геркулес», и охотно ухватился за перспективу, сулившую большую славу. Утром 24 июня Роммель получил телеграмму: «Дуче одобряет намерение немецкой танковой армии преследовать противника на территории Египта». Через несколько дней Муссолини прилетел в Дерну, готовый к триумфальному въезду в Каир. На другом самолете доставили белого коня. Даже Кессельринг, как следует из итальянских документов, по-видимому, согласился, что вступление в Египет предпочтительнее захвата Мальты.

Поспешный отход англичан с границы, начавшийся еще до того, как Роммель вышел к ней, послужил одновременно и обоснованием, и оправданием смелости замыслов немецкого командующего. Это была яркая демонстрация важности морального духа. Подтверждалась еще раз справедливость часто цитируемого изречения Наполеона о том, что «на войне моральный и материальный факторы соотносятся как три к одному». Дело в том, что, когда Ритчи решил уйти с границы («чтобы выиграть время за счет расстояния», как он телеграфировал Окинлеку), в его распоряжении находились три почти нетронутые пехотные дивизии, а четвертая свежая дивизия была на подходе, и у него насчитывалось в три раза больше боеспособных танков, чем в Африканском корпусе.

Однако шок, вызванный сообщениями о событиях в Тобруке, заставил Ритчи отказаться от каких-либо попыток удержаться на границе. Свое решение он принял в ночь на 20 июня, за 6 часов до того, как Клоппер решил капитулировать.

Ритчи намеревался занять оборону у Мерса-Матруха и дать здесь решительный бой, используя отведенные с границы дивизии, усиленные новозеландской 2-й дивизией, которая только что начала прибывать из Сирии. Вечером 25 июня Окинлек принял от Ритчи непосредственное командование 8-й армией. Изучив обстановку вместе со своим начальником штаба Дорманом-Смитом, Окинлек отменил приказ о занятии оборонительных позиций в районе Мерса-Матруха и принял решение вести

более маневренный бой в районе Эль-Аламейна. Это была не легкая задача: предстояло преодолеть большие трудности по переброске войск и запасов снабжения. Принимая это решение, Окинлек проявил большое хладнокровие и выдержку. И хотя дальнейший отход нельзя было оправдать соотношением сил, это был, вероятно, разумный шаг, если учесть слабость позиции у Мерса-Матруха, которую легко было обойти, и сравнить моральное состояние англичан и их противника. Отведенные с границы войска потеряли уверенность в себе, и в них царил беспорядок. Один из новозеландских военачальников и военный историк генерал-майор Говард Киппенбергер, лично наблюдавший, как эти войска прибывали в район Мерса-Матруха, писал, что они были «настолько перемешаны и дезорганизованы», что он «не видел ни одной должным образом укомплектованной боевой части, будь то пехотная, танковая или артиллерийская часть»⁸⁵. Роммель не дал им времени на переформирование, и быстрота организованного им преследования свела на нет надежды Ритчи «выиграть время за счет расстояния».

Получив «добро» из Рима в ночь на 24 июня, Роммель перешел границу и двинулся через пустыню. К вечеру 24 июня он покрыл более 150 километров и вышел на прибрежную дорогу значительно восточнее Сиди-Баррани, буквально по пятам преследуя англичан. Правда, ему удалось разгромить лишь небольшую часть их арьергарда. К вечеру следующего дня немецкие войска вышли к позициям в Мерса-Матрухе и южнее его.

Поскольку Мерса-Матрух можно было легко обойти, подвижные силы 13-го корпуса (под командованием Готта) при поддержке новозеландской дивизии были выдвинуты в пустыню южнее, а Мерса-Матрух удерживался 10-м корпусом (под командованием Холмса), имевшим в своем составе две пехотные дивизии. Между двумя корпусами находился промежуток примерно в 15 км, прикрытый минными полями.

Для тщательной подготовки наступления не было времени. Не располагая крупными силами, Роммель надеялся на высокие темпы и внезапность действий. К тому времени у англичан насчитывалось уже 160 танков (примерно половина из них была типа «грант»), Роммель же располагал всего 60 немецкими танками (четверть из них были легкие танки Т-II) и горсткой итальянских танков. Общая численность пехотинцев в его трех немецких дивизиях составляла всего 2500 человек, а в шести итальянских — около 6 тыс. человек. Начинать наступление с такими незначительными силами было явной дерзостью, но этой дерзости способствовали моральный эффект и быстрота действий.

Три сильно поредевшие немецкие дивизии начали наступление во второй половине дня 26 июня. Две из них вышли в район перед промежутком в позициях английских корпусов, 90-й легкой дивизии повезло в том отношении, что она вышла к самой узкой части минного поля. К полуночи она уже была в 20 км за ним (вновь на прибрежную дорогу она вышла вечером следующего дня и таким образом блокировала прямой путь отхода из Мерса-Матруха). А 21-й танковой дивизии немцев потребовалось больше времени, чтобы преодолеть двойной минный пояс на своем пути. К рассвету она оставила позади больше 30 км, а затем развернулась, зашла в тыл новозеландской дивизии у Минкар-Кайма и рассеяла часть ее транспортных средств. 15-я танковая дивизия, действовавшая южнее, встретила сопротивление английских танковых частей, которые не давали ей продвинуться в течение всего дня. В это время 21-я танковая дивизия нанесла быстрый и глубокий удар, создав угрозу путям отхода англичан. В результате во второй половине дня Готт отдал приказ об отступлении, которое вскоре превратилось в неорганизованное бегство. Новозеландская дивизия оказалась в окружении, однако с наступлением темноты ей удалось вырваться из кольца. Находившийся в Мерса-Матрухе 10-й корпус получил сообщение об отступлении 13-го корпуса лишь на рассвете следующего дня, через 9 часов после того, как его путь отхода был блокирован. И все же почти двум третям войск, блокированных у Мерса-Матруха, удалось уйти последующей ночью: мелкими группами они прорывались в южном направлении. Тем не менее в плен попало 6 тыс. человек, что превышало численность всей ударной группировки Роммеля. Кроме того, при отступлении были брошены значительные запасы снабжения и много военной техники, чем Роммель не замедлил воспользоваться.

Тем временем передовые танковые отряды Роммеля продвигались настолько быстро, что лишили англичан всякой надежды занять временную оборону у Фуки. Быстро выйдя на прибрежную дорогу в этом районе вечером 28 июня, немцы настигли и разгромили остатки индийской бригады, которая рассеялась при первой же атаке, а на следующее утро перехватили несколько колонн войск, бежавших из Мерса-Матруха. Очищавшая от противника район Мерса-Матруха 90-я легкая дивизия днем 28 июня возобновила продвижение на восток вдоль прибрежной дороги. К полуночи она прошла 150 км и догнала передовые танковые отряды. На следующее утро, 80 июня, Роммель восторженно писал своей жене: «До Александрии всего 150 км!» К вечеру он был уже лишь в 100 км от своей цели. Казалось, он вот-вот овладеет ключом к Египту.

Перелом в Африке

30 июня немцы, совершив сравнительно короткий переход, вплотную подошли к линии обороны Эль-Аламейна и стали ждать подхода итальянцев. Вот эта короткая пауза для сосредоточения сил и оказалась пагубной для Роммеля. В то утро остатки английских танковых бригад все еще находились в пустыне южнее прибрежной дороги, не зная, что их обогнали танки Роммеля. Узость полосы наступления преследующих сил немцев спасла английские танки от окружения и разгрома, и они успели укрыться за линией обороны Эль-Аламейна.

Видимо, кратковременную остановку Роммеля можно объяснить ошибочными донесениями разведки относительно силы этой оборонительной позиции. В действительности она состояла из четырех опорных пунктов и растянулась на 55 км между побережьем и крутым спуском в большую впадину Каттара, которая из-за соленых болот и сыпучих песков ограничивала возможности обходного маневра. Самый большой и самый укрепленный опорный пункт находился на побережье у Эль-Аламейна. Его занимала южноафриканская 1-я дивизия. Дальше на юг располагался вновь созданный аналогичный опорный пункт в Дейр-эль-Шейне, занятый индийской 18-й бригадой. В 11 км от него находился третий опорный пункт — Баб-эль-Каттара (немцы называли его

«Карет-эль-Абд»), занятый новозеландской 6-й бригадой. Затем с разрывом в 23 км располагался опорный пункт Накб-эль-Двейс, обороняемый бригадой индийской 5-й дивизии. Промежутки между опорными пунктами прикрывались небольшими мобильными колоннами, сформированными из состава этих трех дивизий и остатков двух дивизий, составлявших гарнизон Мерса-Матруха.

Роммель, планируя наступление на 1 июля, не знал о существовании нового опорного пункта в Дейр-эль-Шейне. Не знал Роммель и о том, что в ходе наступления он обогнал отступающие английские танки, которые теперь возвращались в Эль-Аламейн. Роммель рассчитывал, что английские танки, вероятно, займут позиции для прикрытия южного фланга, и поэтому именно здесь наметил нанести скользящий удар с последующей быстрой переброской Африканского корпуса на север, чтобы прорваться на участке между Эль-Аламейном и Баб-эль-Каттарой. Однако Африканский корпус натолкнулся на «неизвестный» опорный пункт Дейр-эль-Шейн, который ему удалось захватить только к вечеру. Оборона продержалась весьма долго, разрушив надежду Роммеля на быстрый прорыв и стремительное развитие успеха. И хотя английские танки прибыли к месту действия слишком поздно, чтобы спасти опорный пункт, их появление все же помогло задержать дальнейшее наступление Африканского корпуса. Роммель приказал продолжать наступление ночью, но его замыслы были сорваны английской авиацией. Пользуясь лунным освещением, она разбомбила немецкие транспортные колонны.

Этот день — среда 1 июля — был самым опасным моментом сражения в Африке. Именно этот день в большей степени является поворотным пунктом, чем отражение атак Роммеля в конце августа или октябрьская битва, которая закончилась отступлением Роммеля и вследствие ее очевидного драматического исхода получила название «Эль-Аламейн». В действительности же было несколько «сражений под Эль-Аламейном» и первый «Эль-Аламейн» был самым решающим.

Узнав о том, что Роммель достиг Эль-Аламейна, английский флот покинул Александрию и через Суэцкий канал ушел в Красное море. Клубы дыма повалили из труб здания в Каире, где размещались военные штабы: там поспешно сжигали архивы. С мрачным юмором солдаты называли этот день «пепельной средой». Ветераны Первой Мировой войны припомнили, что именно в этот день в 1916 году началось наступление на Сомме, когда английская армия потеряла 60 тыс. человек, то есть понесла самые тяжелые потери в один день за всю свою историю.

Глядя на черные вихри обгорелых бумаг, жители Каира, естественно, сочли это за признак бегства англичан из Египта, и толпы людей, стремившихся выбраться из города, осаждали железнодорожную станцию. Мир, услышав эти известия, решил, что Англия потерпела поражение в войне на Ближнем Востоке.

Однако с наступлением ночи положение на фронте стало более обнадеживающим, а обороняющиеся почувствовали большую уверенность в себе в отличие от панического состояния, охватившего тыл.

2 июля Роммель продолжал наступать, но в Африканском корпусе осталось меньше 40 пригодных для боя танков, и войска смертельно устали. Возобновившееся наступление не получило развития до второй половины дня и вскоре захлебнулось, натолкнувшись на две крупные группы английских танков: одна оказалась на пути корпуса, а другая обходила его фланг. Окинлек, хладнокровно оценив обстановку, понял слабость наступающих сил Роммеля и наметил решающий контрудар. И хотя Окинлеку не удалось осуществить свой план, тем не менее он помешал Роммелю достичь цели.

3 июля Роммель возобновил попытку наступления, но к этому времени в Африканском корпусе осталось лишь 26 танков, пригодных для боя. В то утро его продвижение на восток остановили английские танки. При новой попытке во второй половине дня Роммелю удалось продвинуться на 15 км, но затем его вновь остановили. Наступление дивизии «Ариете» тоже было отражено. В ходе боя новозеландский 19-й батальон внезапной контратакой во фланг захватил почти всю артиллерию этой дивизии, а «остатки в панике бежали»⁸⁶. Провал наступления был явным следствием перенапряжения.

4 июля Роммель удрученно писал домой: «К сожалению, дела идут не так, как нам хотелось бы. Сопrotивление слишком сильное, а наши силы исчерпаны». Удары Роммеля не только парировались, но ему наносились сокрушительные ответные удары. Немецкие войска слишком устали, и лишь немногие части могли приложить новые усилия. Роммель был вынужден прервать наступление и дать войскам передышку, хотя тем самым предоставлял Окинлеку время, чтобы подтянуть подкрепления.

Более того, Окинлек вновь захватил инициативу и даже до подхода подкреплений был близок к тому, чтобы решительно поменяться ролями с Роммелем. Его план на этот день оставался в общем таким же, как и на предыдущий: сдерживать наступление немецких танковых войск силами 30-го корпуса

Норри, в то время как 13-й корпус Готта, расположенный на южном фланге, должен был нанести удар в северном направлении по тылам противника. На этот раз основная масса танков находилась на севере в подчинении 30-го корпуса, а в состав 13-го корпуса вошла недавно реорганизованная 7-я бронетанковая дивизия, получившая теперь название легкой бронетанковой дивизии и имевшая в своем составе моторизованную бригаду, бронеавтомобили и танки «стюарт». Ей не хватало ударной силы, но она обладала мобильностью, необходимой для стремительного широкого рейда по тылам противника, в то время как сильная новозеландская дивизия наносила удар во фланг немцев.

К сожалению, нарушение секретности при радиопереговорах позволило немецкой службе перехвата узнать о плане Окинлека и предупредить Роммеля: 21-я танковая дивизия была оттянута назад для противодействия охвату, и этот контрманевр, возможно, стал одной из причин нерешительности, которую проявили английские командиры при осуществлении плана Окинлека. Такая же нерешительность отличала и северный участок фронта. Когда 21-я танковая дивизия отошла назад, часть танков «стюарт» 1-й бронетанковой дивизии начала продвигаться вперед, но даже это незначительное продвижение вызвало панику среди солдат так называемой 15-й танковой дивизии (в ее боевом составе было всего 15 танков и около 200 стрелков). Все это говорило о том, насколько немцы переутомились. Однако англичане не воспользовались этой возможностью, чтобы силами бронетанковой дивизии и корпуса перейти в общее наступление, которое вполне могло оказаться решающим.

В ту ночь Окинлек еще настойчивее, чем прежде, приказал своим войскам довести наступление до успешного конца. В своем приказе он писал: «Нашей задачей остается разгромить противника и не дать ему организованно отойти... не давать противнику отдыха... 8-я армия атакует и уничтожит противника на его нынешней позиции». Однако ему не удалось передать свое решительное настроение нижестоящим командным инстанциям. Окинлек переместил свой командный пункт ближе к штабу 30-го корпуса, но последний находился почти в 30 км от линии фронта и на таком же расстоянии от штаба 13-го корпуса. Штаб немецкой танковой армии находился всего в 10 км от линии фронта, и Роммель сам неоднократно выезжал в передовые части, лично вдохновляя войска. Роммеля не раз критиковали ортодоксальные военные специалисты (как немецкие, так и английские) за частые отлучки из штаба и за склонность брать в свои руки непосредственное управление боем. Однако именно

это непосредственное управление боем было главной причиной его больших успехов.

5 июля 13-й корпус сделал мало, а 30-й корпус — еще меньше для выполнения поставленной Окинлеком задачи. Бригады новозеландской дивизии, которым предназначалась ведущая роль в наступлении на тыл Роммеля, оказались неосведомленными о намерениях своего командующего и об ожидаемых от них решительных действиях. Можно с достаточным основанием критиковать Окинлека за то, что он оставил основную массу танков в 30-м корпусе, вместо того чтобы направить их на усиление 13-го корпуса, которому предстояло нанести удар по тылам, хотя маловероятно, что их использовали бы там более эффективно, чем в центре, где энергичный удар против слабого противника мог бы легко увенчаться успехом. Количество танков в 1-й бронетанковой дивизии к тому времени было доведено до 99, тогда как в противостоявшей ей 15-й танковой дивизии их оставалось лишь 15, а во всем Африканском корпусе — не больше 30.

Наилучшим оправданием и, в сущности, самым правдивым объяснением случившегося может служить просто усталость — результат длительного напряжения. Именно этот фактор в конечном счете и решил исход первого важнейшего этапа. Создалось патовое положение.

Это положение, пожалуй, давало непосредственное преимущество немцам и итальянцам, но в конечном счете ставило их в неблагоприятные условия. Положение англичан никогда не было таким отчаянным, как казалось на первый взгляд, хотя к 5 июля войска Роммеля были ближе к полному краху, чем к победе.

Во время короткого затишья подошли остатки итальянских пехотных дивизий. Они заняли оборону на северном участке фронта, где теперь не велись активные боевые действия, тем самым высвободив немецкие части для нового удара на южном участке. Однако к 8 июля, когда Роммель был почти готов нанести удар, боевой состав трех немецких дивизий не превышал 50 танков и 2 тыс. пехотинцев, а в семи итальянских дивизиях (включая недавно прибывшую танковую дивизию «Литторио») насчитывалось только 44 танка и 4 тыс. пехотинцев. Английские войска были усилены прибывшей австралийской 9-й дивизией (в 1941 году она энергично обороняла Тобрук) и двумя свежими полками, благодаря чему у англичан стало больше 200 танков. Австралийская дивизия была включена в состав 30-го корпуса. Его командиром назначили генерал-лейтенанта Рэмсдена, бывшего командира 50-й дивизии.

Намерение Роммеля переключить свои усилия на южный участок как нельзя лучше соответствовало желанию Окинлека и новому его плану, по которому предусматривалось использовать австралийцев для наступления в западном направлении вдоль прибрежной дороги. Когда немцы двинулись к югу, новозеландцы отошли в восточном направлении, оставив опорный пункт Баб-эль-Каттара, так что все, чего достигли немцы в результате своего продвижения 9 июля, — это овладение опорным пунктом, который никем не оборонялся.

На следующий день рано утром австралийцы, начав наступление вдоль берега, быстро смяли итальянскую дивизию, оборонявшую этот участок. Их остановили поспешно переброшенные на этот участок немецкие войска, однако серьезная угроза прибрежным коммуникациям заставила Роммеля отказаться от удара на южном участке. Окинлек постарался незамедлительно развить успех, стремясь нанести удар по ослабленному теперь центру боевых порядков войск Роммеля в районе кряжа Рувейсат. Однако хорошо задуманный план опять не был выполнен из-за плохого управления войсками и недостаточно умелого взаимодействия между танками и пехотой.

Несовершенство тактического взаимодействия родов войск усугублялось давно растущим недоверием пехоты к той поддержке, какую она могла бы получать от своих танков при наступлении и в случае контратак танковых войск противника.

«В то время не только в новозеландской дивизии, но и во всей 8-й армии отмечалось сильнейшее недоверие, чуть ли не ненависть к нашим танковым частям. Повсюду можно было слышать рассказы о том, как другие рода войск подводили пехоту. Считалось само собой разумеющимся, что танки никогда не появляются вовремя там, где они нужны»⁸⁷.

Тем не менее этот удар и связанная с ним угроза потребовали напряжения скудных ресурсов Роммеля, а контратака, предпринятая им на севере, не имела большого успеха. Английские танки, хотя и проявляли медлительность при отражении контратак немецких танков против пехоты, все же так запугали итальянских пехотинцев, что те стали сдаваться в плен. 17 июля Роммель писал домой:

«В настоящий момент дела мои обстоят просто плохо, во всяком случае в военном отношении. Противник использует свое превосходство, особенно в пехоте, и громит итальянские части одну за другой, а немецкие части слишком слабы, чтобы выстоять без них. От одного этого можно заплакать»⁸⁸.

На следующий день 7-я бронетанковая дивизия создала угрозу южному флангу Роммеля и еще больше усилила напряже-

ние. Окинлек тем временем готовил новый, более мощный удар силами вновь прибывших подкреплений. Этот удар также ставил целью прорыв в центре, но на этот раз с южной стороны кряжа Рувейсат в направлении на Эль-Мирейр. Для наступления намечалось использовать вновь прибывшую 23-ю танковую бригаду (со 150 танками «валентайн»). Правда, один из ее трех полков был послан на помощь австралийцам для нанесения вспомогательного удара у кряжа Митейрия, на севере.

Перспективы этого удара казались неплохими, поскольку 8-я армия с дополнительной бригадой и новыми поступлениями в другие части имела теперь около 400 танков в районе боевых действий. Силы Роммеля были еще слабее, чем предполагали его противники: в Африканском корпусе оставалось меньше 30 танков. То ли благодаря счастливому стечению обстоятельств, то ли вследствие разумной оценки обстановки они сконцентрировались именно в том пункте, где вырисовывался главный удар англичан. В действительности же на этом участке была введена в бой лишь незначительная часть английских танков.

На этот раз план Окинлека имел целью прорвать позиции противника в центре ночной атакой на широком фронте силами пехоты (индийской 5-й дивизии, наступавшей прямо вдоль кряжа Рувейсат) после того, как сопротивление противника ослабеет в результате флангового удара новозеландской дивизии в северном направлении. Затем в светлое время 23-я бригада должна была наступать на Эль-Мирейр, а 2-я танковая бригада, пройдя через ее боевые порядки, развивать успех. Этот отлично задуманный план требовал от исполнителей тщательной детальной разработки, а этого сделано не было. На совещании в корпусе последующие шаги оказались не согласованы, и подчиненные Готта получили смутное представление о роли других частей.

Наступление началось в ночь на 21 июля. Новозеландцы вышли к своему объекту, однако немецкие танки контратаковали их в темноте и вызвали замешательство. С наступлением дня немцы разгромили передовую новозеландскую бригаду, 22-я танковая бригада, которая должна была прикрывать фланг наступающих новозеландцев, на поле боя не появилась: ее командир заявил, что танки не могут двигаться в темноте (немцы, однако, с этим прекрасно справлялись!).

Наступление индийской 5-й дивизии также не достигло своей цели. Более того, она не сумела расчистить проходы в минных полях для ввода в бой 23-й танковой бригады. Утром 40-й и 46-й танковые полки, перейдя в наступление, встретили

отступающих индийцев. Никто не мог сказать точно, расчищены ли минные поля, лежащие на пути наступающих. Вскоре обнаружилось, что проходы в минном поле не проделаны. Танки, оказавшись в ловушке, попали под сильный огонь немецких танков и противотанковых орудий и застряли. Вернулось лишь 11 танков. Правда, эта злополучная атака помогла восстановить веру пехоты, и в частности новозеландцев, в то, что танки не оставят их в беде из-за чрезмерной осторожности. Другой полк бригады оказался столь же достойным доверия во время наступления на северном участке. Однако цена была слишком высокой: в этот день англичане потеряли в общей сложности 118 танков. Немцы же оставили на поле боя только три танка. И все же, несмотря на это, у англичан оставалось в десять раз больше танков, чем у Роммеля. Тем не менее неудача первоначальной атаки оказала столь потрясающее действие, что англичане не предприняли никаких значительных попыток возобновить наступление и использовать свое потенциальное превосходство в силах.

После четырехдневного перерыва, использованного для реорганизации и перегруппировки сил, была предпринята еще одна попытка прорвать фронт Роммеля ударом на севере. Она началась удачно. Австралийцы захватили кряж Митейрия. 50-я дивизия, действовавшая южнее, тоже вначале имела успех. Однако командир 1-й бронетанковой дивизии, которая должна была следовать за нею и войти в прорыв, счел проход, расчищенный в минном поле, недостаточно широким. Задержка ухудшила перспективу всего наступления. Только к началу дня головные танки двинулись через минное поле, но были остановлены немецкими танками, спешно переброшенными на северный участок. Пехота в это время находилась на дальней стороне минного поля. Немцы ее отрезали, а затем и разбили в результате контратаки. Австралийцев они тоже оттеснили с кряжа.

Окинлек вынужден был приостановить наступление. Многие подразделения проявляли признаки крайней усталости после длительных боев и все чаще начали сдаваться в плен, оказавшись в окружении. Англичанам стало также ясно, что на таком ограниченном фронте обороняющиеся имеют преимущество, которое будет все возрастать, поскольку теперь к Роммелю начали поступать подкрепления: к началу августа численность его танков увеличилась больше чем в пять раз по сравнению с состоянием на 22 июля.

Хотя исход боя принес англичанам разочарование, их положение стало гораздо лучше, чем к началу боя. Заключительная

фраза отчета Роммеля об этом бое говорит сама за себя: «Хотя потери англичан в сражении под Эль-Аламейном были больше ваших, эта цена не была чрезмерной для Окинлека, потому что ему было важно одно — остановить наше продвижение, и это, к сожалению, ему удалось»⁸⁹.

Английская армия за время июльского сражения под Эль-Аламейном потеряла свыше 13 тыс. человек, захватив в плен больше 7 тыс. человек, в том числе свыше 1 тыс. немцев. Потери могли бы быть меньше, а успехи больше, если бы планы выполнялись более энергично и эффективно. Но как бы то ни было, разница в общих потерях сторон была невелика, а Роммель имел гораздо меньше возможностей возместить потери. Крушение его планов вело к роковым последствиям, если учесть приток подкреплений, поступавших теперь к англичанам в Египет.

Из его собственного отчета становится ясно, в какой опасной близости к поражению оказался Роммель к середине июля. Об этом красноречиво свидетельствует и его признание в письме к жене от 18 июля: «Вчера был особенно трудный и критический день. Мы опять спаслись от поражения. Но так не может долго продолжаться, иначе фронт развалится. В военном отношении это самый трудный период, какой мне когда-либо пришлось переживать. Конечно, предвидится помощь, но доживем ли мы до нее — это вопрос»⁹⁰. Через четыре дня его войскам с гораздо меньшими резервами пришлось испытать даже более мощный удар, и, к счастью для них, им удалось его пережить.

В последующем отчете об этом бое Роммель дает высокую оценку английскому командующему: «Генерал Окинлек, который... взял на себя командование под Эль-Аламейном, весьма умело управлял войсками... Как видно, он оценивал обстановку с явным хладнокровием, так как не позволял себе принимать поспешные «второсортные» решения в ответ на наши действия. Это особенно подтвердили последующие события»⁹¹.

К сожалению, каждое из «первосортных» решений Окинлека (и начальника его штаба Дорман-Смита) исполнители обрекали на неудачу своими «третьесортными» действиями. Одну из главных причин этого следует искать в том, что здесь действовали войска из различных стран Британского содружества наций и нижестоящих командиров постоянно отвлекали тревожными вопросами и предостережениями правительства соответствующих стран. И хотя их тревога была вполне естественной после печальных событий последних месяцев, она лишь усиливала напряженность и трение в военной машине.

Естественно также, что глубокое недовольство результатами июльского сражения опять вызвало дебаты о плохом руководстве, возникшие после июньской катастрофы. Так родилось импульсивное чувство необходимости коренных перемен в высшем командовании. Как обычно, критику обращали к верхушке лестницы, а не в адрес нижестоящих инстанций, где как раз и имели место промахи. Необходимо было восстановить доверие войск, вновь поколебленное неудачей контрнаступления Окинлека. В таких условиях смена командования — самый легкий способ повысить тонус войск и дать им новый стимул, как бы несправедливо это ни было по отношению к смещаемому командиру.

Чтобы оценить обстановку, Черчилль решил вылететь в Египет. Он прибыл туда 4 августа — в роковую годовщину вступления Англии в Первую Мировую войну. Черчилль заявил, что Окинлек «сдержал натиск противника». Тогда еще не было ясно, что действительно произошел перелом: Роммель еще стоял в каких-нибудь 100 км от Александрии и дельты Нила — угрожающе близко! Черчилль уже подумывал о смене командования и принял такое решение, когда Окинлек воспротивился его требованию как можно скорее возобновить наступление и настойчиво предлагал отложить его до сентября, чтобы дать пополнениям время акклиматизироваться и как-то подготовиться к действиям в условиях пустыни.

Черчилль укрепился в своем решении также под влиянием беседы с премьер-министром Южно-Африканского Союза фельдмаршалом Сметсом, который прилетел в Египет по требованию английского премьера. Сначала Черчилль предложил принять командование очень способному начальнику имперского генерального штаба генералу Алану Бруку, однако Брук из соображений такта и по политическим мотивам не захотел покинуть военное министерство и занять место Окинлека. Тогда Черчилль телеграфировал другим членом военного кабинета в Лондон, что он предлагает назначить главнокомандующим Александера, а командующим 8-й армией — Готта. Это был неожиданный выбор, если учесть неумелые действия этого храброго военачальника в качестве командира корпуса в последних сражениях. Однако на следующий день Готт погиб в авиационной катастрофе на пути в Каир. Тогда, к счастью, для заполнения вакансии из Англии вызвали Монтгомери. С ним прилетели также два новых командира корпусов — генерал-лейтенант Оливер Лис (30-й корпус) и генерал-лейтенант Брайен Хоррокс (13-й корпус).

Однако по иронии судьбы в результате этих перемен возобновление наступления англичан было отложено на гораздо более

позднюю дату, чем предлагал Окинлек. Нетерпеливый премьер-министр уступил твердой решимости Монтгомери подождать, пока будут закончены приготовления и обучение войск. Таким образом, инициатива осталась у Роммеля, который получил возможность еще раз попытаться вырвать победу в так называемом сражении у Алам-Хальфы. Фактически ему предоставили только «подлиннее веревку, чтобы повеситься».

В течение августа для усиления войск Роммеля поступило лишь два новых соединения — немецкая парашютная бригада и итальянская парашютная дивизия. Обе прибыли «спешенными» для использования в качестве пехоты. Впрочем, потери дивизий, участвовавших в боях, были в значительной степени восстановлены за счет призывников и новых поступлений вооружения. Итальянские дивизии получили гораздо больше, чем немецкие. Накануне наступления, которое Роммель намечал на конец августа, у него было около 200 пушечных танков в двух немецких танковых дивизиях и 240 — в двух итальянских. В итальянских дивизиях были лишь танки старого образца. В немецких же частях находилось 74 танка Т-III с длинноствольными 50-мм пушками и 27 танков Т-IV с новыми длинноствольными 75-мм пушками. Это было важное качественное достижение.

Численность английских танков на фронте была доведена до 700 (из них около 160 танков «грант»). В танковом сражении, которое на этот раз оказалось кратковременным, использовалось только около 500 танков.

Позиции англичан по-прежнему обороняли те же четыре пехотные дивизии, что и в июле, но пополненные личным составом. 7-я легкая бронетанковая дивизия тоже осталась на месте, а 1-я бронетанковая дивизия была отведена в тыл на переукомплектование. Ее сменила 10-я дивизия (под командованием генерал-майора Гейтхауза) в составе двух танковых бригад (22-й и вновь прибывшей 8-й), а с началом сражения ей была подчинена также 23-я бригада. На фронт перебросили также вновь прибывшую пехотную дивизию, которая получила задачу оборонять тыловую позицию на кряже Алам-Хальфа.

В системе обороны, план которой разработал Дорман-Смит и утвердил, еще будучи командующим, Окинлек, не произошло коренных изменений. Когда же сражение было выиграно, широко распространилась версия о том, будто после смены командования план обороны был полностью пересмотрен. Александер в своих мемуарах честно излагает факты, опровергая подобные утверждения. По его свидетельству, когда он принял командование от Окинлека, «план заключался в том, чтобы как можно

упорнее оборонять район между морем и кряжем Рувейсат и угрожать с фланга наступлению противника к югу от этого кряжа с сильно укрепленной и заранее подготовленной позиции на кряже Алам-Хальфа. Генерал Монтомери, вступивший в командование 8-й армией, в принципе принял этот план, и я с ним согласился, надеясь, что, если противник даст нам достаточно времени, можно будет улучшить наши позиции, укрепив левый или южный фланг»⁹².

Аламхальфскую позицию хорошо укрепили до начала наступления Роммеля, но ее оборона не подверглась серьезному испытанию, так как исход сражения решили хорошо продуманное размещение танков и их весьма эффективные действия в обороне. Северный и центральный участки фронта были так сильно укреплены, что добиться быстрого продвижения можно было только между опорным пунктом новозеландцев на кряже Алам-Найиль и впадиной Каттара. Поэтому при попытке осуществить прорыв Роммелю обязательно пришлось бы выбрать это направление наступления. Именно на это и был рассчитан разработанный при Окинлеке план обороны.

Таким образом, внезапность в выборе направления удара исключалась. Роммель надеялся быстро прорвать южный участок и перерезать коммуникации 8-й армии, вследствие чего она будет выбита из колеи, а ее оборона окажется расчлененной. План Роммеля предусматривал сначала ночной атакой захватить полосу минных заграждений, а затем Африканский корпус с частью сил итальянского подвижного корпуса должен был до рассвета продвигнуться примерно на 50 км в восточном направлении, после чего повернуть на северо-восток к побережью, в тыл 8-й армии. Эта угроза, как надеялся Роммель, вовлечет английские танки в бой и даст возможность поймать их в ловушку и уничтожить. Тем временем 90-я легкая дивизия и остальные силы итальянского подвижного корпуса образуют защитный коридор, достаточно сильный, чтобы отразить контратаки с севера, пока не будет одержана победа в танковых сражениях в тылу англичан. В своем отчете Роммель пишет, что он «особенно рассчитывал на медленную реакцию английского командования, так как опыт показал, что ему всегда требуется некоторое время для принятия решений и приведения их в исполнение».

Однако, когда ночью 30 августа началась атака, оказалось, что полоса минных заграждений гораздо глубже, чем предполагалось. К рассвету передовые части Роммеля были лишь в 13 км позади заграждений, а главные силы Африканского корпуса не смогли начать наступление в восточном направлении почти до

10.00. К тому времени английская авиация подвергла жестокой бомбардировке скопление немецких машин. В начале боя был ранен командир корпуса генерал Вальтер Неринг, и в дальнейшем Африканским корпусом командовал его начальник штаба генерал-лейтенант Фриц Байерлейн.

Когда стало ясно, что всякий эффект внезапности утрачен, а темп наступления резко отстает от предусмотренного планом, Роммель хотел было прекратить наступление, но, посоветовавшись с Байерлейном, все же решил его продолжать, несколько видоизменив цели и ограничив задачи. Английские танки успели занять свои боевые позиции и тем самым могли теперь угрожать флангу глубоко растянувшихся наступающих войск. Роммель счел нужным «повернуть на север раньше, чем намеревался», и приказал Африканскому корпусу немедленно повернуть в направлении высоты с отметкой «132» — господствующей точки кряжа Алам-Хальфа. Это привело его к месту расположения 22-й танковой бригады, а также в район сыпучих песков, стесняющих маневр. Первоначально намеченное направление прорыва далеко обходило этот «липкий» район.

Позиции 8-й танковой бригады находились примерно в 16 км к юго-востоку от позиций 22-й бригады и располагались с таким расчетом, чтобы непосредственно сдерживать наступающего противника с фронта. Располагая бригады так далеко друг от друга, Монтгомери шел на риск, но в то же время рассчитывал на то, что каждая из бригад имела почти столько же танков, сколько весь Африканский корпус, а следовательно, была способна задержать его, пока на помощь не подойдет соседняя бригада.

8-я бригада достигла назначенной ей позиции только к 4.30. К счастью, противник задержался. По первоначальному плану Роммеля Африканский корпус должен был прибыть в этот район до рассвета. Если бы немецкие танки смогли начать атаку в утренние часы, пока 8-я бригада еще не успела закрепиться на позиции, то у англичан создалось бы затруднительное положение, особенно если учесть, что многие английские солдаты впервые участвовали в бою.

Однако, поскольку Роммелю пришлось повернуть на север раньше, чем он планировал, удар пришелся по одной 22-й танковой бригаде, и то в конце дня. Непрерывающиеся удары авиации и запоздалое прибытие транспортов с горючим и боеприпасами серьезно задержали наступление. В результате Африканский корпус не смог начать маневр в северном направлении до второй половины дня. Приблизившись к Алам-Хальфе и позициям 22-й танковой бригады, танковые колонны немцев

попали под ураганный огонь хорошо расположенных английских танков и поддерживающей артиллерии, которыми умело управлял командир бригады Робертс. Повторные атаки и попытки осуществить частные фланговые маневры были отбиты. С наступлением темноты бой затих. Обороняющиеся получили заслуженный отдых, а наступающих охватило уныние.

Неудача Роммеля объясняется, впрочем, не только упорным сопротивлением англичан. У Африканского корпуса оставалось так мало горючего, что во второй половине дня Роммель отменил приказ о захвате высоты 132.

Утром 1 сентября, учитывая недостаток горючего, Роммель был вынужден отказаться от мысли провести в этот день боевые действия в широком масштабе. Самое большее, что он мог предпринять, это ограниченное частное наступление силами 15-й танковой дивизии с задачей захватить кряж Алам-Хальфа. Африканский корпус оказался в весьма затруднительном положении и нес большие потери, так как английские бомбардировщики и артиллерия 13-го корпуса Хоррокса наносили удары в течение всего дня. Атаки немецких танков успешно отражались, и рано утром Монтгомери, убедившись, что противник не наступает на восток — в направлении английских тылов, приказал двум танковым бригадам сосредоточиться вблизи бригады Робертса.

Во второй половине дня Монтгомери «приказал начать планирование контрудара, который даст нам инициативу». По его плану предусматривалось нанести фланговый удар в южном направлении с позиции новозеландцев с целью заткнуть горлышко бутылки, в которую забрались немцы. Монтгомери также отдал распоряжение штабу 10-го корпуса взять управление войсками, которые должны «быть готовы развивать наступление на Дабу».

В Африканском корпусе к этому времени оставался всего однодневный запас горючего, то есть только на 100 км. После второй ночи почти непрерывной бомбардировки было решено прекратить наступление и начать постепенный отход.

В течение дня немецкие части, находившиеся у Алам-Хальфы, одна за другой стали двигаться на запад. Англичане не решились преследовать противника. Монтгомери не хотел рисковать, опасаясь новой ловушки со стороны Роммеля. И в то же время Монтгомери приказал начать наступление в южном направлении силами новозеландцев и некоторых других частей в ночь на 4 сентября.

3 сентября войска Роммеля начали общий отход. Их преследовали только английские дозоры. Англичане пытались

атаковать правый фланг противника, который прикрывали 90-я легкая дивизия и дивизия «Триесте», однако совершенно запутались и понесли тяжелые потери. В последующие два дня, 3 и 4 сентября, Африканский корпус продолжал постепенно отходить. Англичане даже не пытались отрезать ему путь. Лишь небольшие передовые группы с большой осторожностью вели преследование. Немцы 6 сентября остановились на линии высот в десяти километрах к востоку от своих первоначальных позиций и, очевидно, намеревались здесь закрепиться. На следующий день Монтгомери с разрешения Александра отдал приказ прекратить сражение. Таким образом, у Роммеля остался лишь небольшой участок территории, захваченный в ходе наступления на юге. Это было слабое утешение за понесенные потери и решительное крушение первоначальных планов.

Для войск 8-й армии сам факт отступления противника, хотя и на незначительную глубину, в моральном плане оказался гораздо важнее, чем разочарование, вызванное неспособностью отрезать путь отхода немцев. Это было начало перелома. Монтгомери сумел вдохнуть уверенность в войска и заставил их поверить в себя как командующего.

И все же напрашивается вопрос: не упустили ли англичане хорошую возможность лишить противника способности к дальнейшему сопротивлению, пока Африканский корпус не соединился с главными силами немецко-итальянских войск? Ведь разгром Африканского корпуса избавил бы англичан от всех последующих затруднений и тяжелых потерь при наступлении на подготовленные позиции немецких войск...

Во всяком случае, сражение у Алам-Хальфы было большим успехом для англичан. Немцы определенно утратили инициативу, и, учитывая растущий поток подкреплений англичанам, новое предстоящее сражение Роммель сам справедливо назвал «сражением без надежды».

В свете послевоенной оценки сил и средств можно более ясно видеть, что конечное поражение Роммеля стало вероятным с того момента, как первоначально был остановлен его бросок в Египет в первом июльском сражении при Эль-Аламейне. Следовательно, именно это сражение можно считать фактическим поворотным пунктом. Тем не менее Роммель все еще представлял большую угрозу, когда начал новое наступление в конце августа, а поскольку силы обеих сторон были ближе к равенству, чем когда-либо прежде или потом, у него еще могли быть шансы на победу. И он бы добился ее, если бы его противники заколебались и дрогнули, как было раньше в нескольких случаях, когда их преимущество казалось более верным. Однако

теперь такая возможность отпала, и восстановить ее было невозможно. И хотя сражение у Алам-Хальфы происходило в том же районе, что и другие сражения при Эль-Аламейне, оно имело решающее значение и получило даже отличительное наименование.

Это сражение представляет интерес и в оперативном отношении. Дело не только в том, что оно было выиграно оборонящейся стороной, но и в том, что к этому привела чистая оборона, без всякого контрнаступления и даже без сколько-нибудь серьезной попытки развить успех. В этом отношении оно резко отличается от большинства «переломных» сражений Второй Мировой войны и прежних войн. Хотя решение Монтгомери воздержаться от развития успеха путем наступления лишило его возможности окружить и уничтожить войска Роммеля (одно время для этого были хорошие шансы), оно не уменьшило решающего значения сражения как поворотного пункта кампании. С тех пор английские войска прониклись уверенностью в конечной победе, и это подняло их боевой дух, тогда как войска противника действовали с сознанием безнадежности, чувствуя, что, несмотря на все усилия и жертвы, они могут добиться не более чем временной отсрочки конца.

Много уроков можно также извлечь из тактических методов, применявшихся в сражении. На его исход большое влияние оказали группировка английских войск, выбор местности, а также гибкость боевых порядков обороняющихся. Самым важным моментом следует считать хорошо организованное взаимодействие военно-воздушных сил с сухопутными войсками. Его эффективности способствовал оборонительный характер сражения, когда сухопутные войска удерживали кольцо обороны, а авиация непрерывно бомбила районы расположения войск Роммеля. При таком характере сражения военно-воздушные силы действовали более свободно и эффективно, так как все войска, находившиеся внутри кольца, могли считать противником, а следовательно, целями. При более подвижных формах боя действия авиации скованы.

Только через семь недель англичане начали наступление. Нетерпеливый премьер-министр нервничал по поводу задержки, но Монтгомери был полон решимости дождаться, пока будут закончены приготовления и он сможет твердо надеяться на успех. В этом его поддерживал Александер. Черчиллю, политическое положение которого в то время было довольно шатким после ряда поражений англичан с начала года, пришлось согласиться с доводами командующих отсрочить наступление до конца октября.

Точная дата дня «Д» определялась фазами луны, поскольку наступление намечалось начать ночной атакой, чтобы ограничить возможности противника в ведении прицельного огня и в то же время иметь достаточные условия освещенности для расчистки проходов в минных полях. Было решено нанести удар в ночь на 23 октября.

Одним из важнейших факторов, которые торопили Черчилля начать наступление раньше, был широкий проект совместной высадки американских и английских войск во Французской Северной Африке. Эта операция «Торч» намечалась на начало ноября. Решающая победа над Роммелем у Эль-Аламейна побудила бы французов приветствовать освободителей из-под ига стран оси и оказала бы отрезвляющее действие на генерала Франко, готового дать согласие на вступление немецких войск в Испанию и Испанское Марокко, а эта контрмера могла бы расстроить и поставить под угрозу высадку войск союзников.

Александр рассчитывал, что если наступление его войск (операция «Лайтфут») начнется за две недели до операции «Торч», то промежуток «будет достаточно длинным, чтобы уничтожить большую часть армии стран оси, стоящей перед нами, и, с другой стороны, достаточно коротким, чтобы противник не успел в сколько-нибудь значительной степени усилить свои войска в Африке». Во всяком случае, Александр считал необходимым обеспечить успех на одном конце Северной Африки, для того чтобы высадка на другом конце принесла хорошие результаты. «Решающим фактором было мое убеждение в том, что начало наступления до готовности чревато неудачей, если не катастрофой». Его доводы восторжествовали, хотя предложенная им дата была почти на месяц позже того срока, который раньше предлагал Черчилль Окинлеку. Премьер-министр согласился с отсрочкой до 23 октября.

К тому времени превосходство англичан в силах, как количественное, так и качественное, стало большим, чем когда бы то ни было. Если считать, как принято, по «дивизиям», то силы сторон оказывались как будто равными: каждая имела по двенадцать дивизий, в том числе по четыре танковые. Фактически же численное соотношение войск было совершенно иным. Боевой состав 8-й армии насчитывал 230 тыс. человек, а Роммель имел меньше 80 тыс., из них только 27 тыс. немцев. Кроме того, 8-я армия имела семь танковых бригад (всего 23 танковых полка), а у Роммеля было только четыре немецких и семь итальянских танковых батальонов. Еще больше поражает сопоставление фактической численности танков. К началу сражения 8-я армия имела в общей сложности 1440 пушечных танков, в том числе

1229 пригодных к бою, а в случае затяжного сражения она могла привлечь еще около 1000 танков, находившихся на базовых складах и в ремонтных мастерских в Египте. Роммель имел 260 немецких танков (из них 20 находились в ремонте, а 30 были легкими танками Т-II) и 280 итальянских танков (все устаревших типов). В танковом сражении немцы могли рассчитывать только на 210 пушечных танков. Таким образом, англичане имели шестикратное превосходство в готовых к бою танках и располагали гораздо большими возможностями возместить потери.

Превосходство англичан оказывается еще большим, если учесть, что в дополнение к танкам «грант» из Америки в больших количествах стали поступать новые, еще более совершенные танки «шерман». К началу сражения 8-я армия имела более 500 танков «шерман» и «грант», тогда как у Роммеля было всего лишь 30 новых танков Т-IV (вооруженных 75-мм пушками с высокой начальной скоростью), которые могли равняться с новыми американскими танками. К тому же Роммель утратил быстрое превосходство в противотанковых пушках. Он довел численность 88-мм противотанковых пушек до 86; в дополнение к ним он использовал 68 трофейных русских 76-мм пушек. Стандартные немецкие 50-мм противотанковые пушки практически не могли пробить броню танков «шерман» и «грант», в то время как новые американские танки были снабжены осколочно-фугасными снарядами, которые позволяли подавлять противотанковую артиллерию противника на больших расстояниях.

В воздухе англичане тоже обладали гораздо большим превосходством, чем когда бы то ни было. Теддер, командующий военно-воздушными силами на Ближнем Востоке, имел в своем распоряжении 90 боевых эскадрилий, в том числе 13 американских, 12 южноафриканских, одну родезийскую, пять австралийских, две греческих, одну французскую и одну югославскую. Они насчитывали больше 1500 самолетов первой линии. Из этого общего количества 1200 исправных самолетов, базирующихся в Египте и Палестине, были готовы поддержать наступление 8-й армии. Немцы и итальянцы вместе имели в Африке только около 350 исправных самолетов. Превосходство в воздухе имело огромное значение: авиация препятствовала передвижениям немецких танковых соединений и их снабжению и обеспечивала доставку средств материального обеспечения войскам 8-й армии.

Не меньшее значение для исхода сражения имели стратегические действия военно-воздушных сил совместно с подводными

лодками английского флота на морских путях подвоза танковых соединений Роммеля. В течение сентября почти треть грузов, предназначенных для их снабжения, оказалась потопленной в Средиземном море, а многие суда были вынуждены повернуть обратно. В октябре немецко-итальянские коммуникации подверглись еще более сильным ударам союзников, так что меньше половины отправленных грузов достигло Африки. Немцы испытывали острую нехватку в артиллерийских боеприпасах: порой им нечем было отражать налеты английских бомбардировщиков. Однако самой тяжелой потерей для немцев оказалось потопление танкеров накануне английского наступления. Ни один танкер не достиг Африки, и, когда началось сражение, в соединениях Роммеля горючего оставалось только на 3 заправки вместо 30 заправок, считавшихся минимальным резервом. Острая нехватка горючего сковывала всякий контрманевр немецких войск. Это не позволяло им быстро сосредоточивать танковые части на решающих направлениях и по мере развития сражения все больше лишало их подвижности.

Потери продовольственных грузов способствовали распространению болезней среди войск. Рост заболеваний объяснялся также антисанитарным состоянием окопов, особенно окопов, занимаемых итальянцами. Еще в июльском сражении грязь и вонь вынуждали англичан оставлять захваченные итальянские траншеи, причем в ряде таких случаев англичане попадали под огонь немецких танков на открытом месте, прежде чем успевали отрыть новые траншеи. Пренебрежение санитарными нормами в конце концов обернулось бумерангом: дизентерия и инфекционная желтуха распространились как среди итальянских войск, так и среди немецких. Заболели даже несколько руководящих офицеров танковых соединений Роммеля.

Среди больных оказался и сам Роммель. Он слег в августе, накануне наступления на Алам-Хальфу. К сражению он немного поправился, однако требования врачей в конце концов взяли верх, и в сентябре его отправили в Европу для лечения и отдыха. Роммеля временно замещал генерал Штумме. Вакантную должность командира Африканского корпуса занял генерал фон Тома. И Штумме, и фон Тома прибыли с русского фронта. Отсутствие Роммеля и неопытность этих командиров в ведении войны в пустыне стали дополнительным тормозом при планировании и подготовке мер по отражению наступления англичан. В день начала наступления по дороге на фронт Штумме попал под сильный обстрел, выпал из автомобиля и умер от сердечного приступа. В тот же вечер отдых Роммеля в Австрии был прерван телефонным звонком Гитлера. На следующий день, 25 ок-

тября, Роммель прибыл в район Эль-Аламейна, чтобы вновь взять на себя командование. К тому времени англичане глубоко вклинились в оборону, а немецкие войска потеряли почти половину своих танков в бесплодных контратаках.

Первоначально план Монтгомери предусматривал нанести одновременные удары справа и слева (силами 30-го корпуса Лиса на севере и силами 13-го корпуса Хоррокса на юге), а затем ввести в прорыв массу танков, сосредоточенных под командованием Ламсдена в 10-м корпусе, с задачей перерезать пути снабжения противника. Однако в начале октября Монтгомери пришел к выводу, что это слишком смелый план, если учесть недостатки в уровне подготовки армий, и заменил его более ограниченным планом. Согласно новому плану главный удар в операции «Лайтфут» наносился на севере, около побережья, в полосе шириной до 6 км между кряжами Бель-эль-Эйса и Митейрия. Корпус Хоррокса действовал в второстепенном направлении с целью отвлечь силы противника, пока не будет взломана оборона. Этот осторожный план вел к затяжной и дорогостоящей борьбе, которой, учитывая огромное превосходство 8-й армии в силах, можно было бы избежать, действуя по более смелому первоначальному плану. Сражение вылилось в тяжелые, упорные бои, лишённые маневра, и одно время казалось, что усилия англичан находятся на грани провала. Однако неравенство в силах сторон было так велико, что темп истощения сил действовал в пользу Монтгомери, который добивался своей цели с непреклонной решимостью, характерной для всего, что он предпринимал. В рамках избранного им плана Монтгомери проявил замечательную способность менять направления ударов и разрабатывать такие тактические приемы, которые выбивали противника из колеи.

23 октября в 22.00 после пятнадцатиминутной ураганной артиллерийской подготовки с участием более 1000 орудий пехота перешла в наступление. Оно началось успешно, поскольку противник испытывал нехватку в снарядах. Штумме даже воздержался от артиллерийского обстрела исходных позиций англичан. Однако глубокие и плотные минные поля оказались более серьезным препятствием и потребовали больше времени для расчистки, чем предполагалось. Когда наступил рассвет, английские танки все еще находились в проходах или задержались непосредственно за минным полем. И только на следующее утро, после новых ночных атак пехоты, четырьмя танковыми бригадами удалось развернуться за минным полем, в 10 км от первоначального рубежа, причем при прохождении через узкие проходы они понесли большие потери. Вспомогательный удар

13-го корпуса на юге встретил такие же трудности, и 25 октября продвижение войск было остановлено.

Угрожающий клин, вбитый в оборону на северном участке, вынудил немецкое командование в течение дня бросать в бой танки мелкими группами, чтобы помешать расширению клина. Эти действия отвечали расчетам Монтгомери и позволили его танкам, закрепившимся теперь на выгодных позициях, наносить тяжелые потери контратаковавшему противнику. К вечеру в 15-й танковой дивизии осталась только четверть танков, пригодных к бою, а 21-я дивизия все еще находилась на южном участке.

На следующий день, 26 октября, англичане возобновили наступление, но потерпели неудачу и понесли большие потери в танках. Возможность дальнейшего углубления прорыва поблекла. Мощный английский танковый клин оказался в плотном кольце немецкой противотанковой артиллерии. Ламсен и командиры дивизий начали возражать против ввода танков в бой через узкие проходы в минных полях и оборонительных позициях противника. По мере роста потерь в ходе ударов на узком фронте офицеры и солдаты танковых подразделений все больше стали убеждаться, что их неправильно используют.

Сохраняя внешне полную уверенность, Монтгомери со свойственной ему пронизательностью признал, что его первый удар не удался, что брешь закрыта и надо разработать новый план, а пока дать своей главной ударной силе отдых. Его готовность менять цель в зависимости от обстоятельств в этом и последующих случаях служила лучшим стимулом для войск и больше говорила о его полководческом искусстве, чем привычка многих задним числом утверждать, будто все шло «согласно плану». Примечательно, что эта привычка лишь затмевала и принижала его заслуги как командующего, умеющего ориентироваться в условиях быстро изменяющейся обстановки и ловко маневрировать.

Новый план получил наименование «Суперчардж» («Усиленный заряд»). Такое название внушало исполнителям уверенность в успехе, 7-ю бронетанковую дивизию перебросили на северный участок. Роммель тоже воспользовался передышкой для перегруппировки своих войск: 21-я танковая дивизия направилась на север, за ней последовала дивизия «Ариете». Вспомогательный удар английского 13-го корпуса на южном участке не достиг цели — отвлечь внимание противника и вынудить его оставить часть своих танковых сил на юге. Переброска войск на северный участок и последующее сосредоточение там главных сил были тактически выгодны Роммелю. Анг-

личанам пришлось полагаться больше на успех фронтального удара и нести значительные потери. К счастью, их численное превосходство было так велико, что даже при самом неблагоприятном соотношении потерь оно обещало решить исход сражения в их пользу, если они будут упорно добиваться поставленной цели.

Наступление Монтгомери началось в ночь на 28 октября ударом на север, в направлении побережья, с большого клина, вбитого в позиции противника. Монтгомери намеревался отрезать прибрежный опорный пункт противника, а затем развить наступление на запад в направлении Дабы и Фуки. Однако этот удар захлебнулся на минном поле. Роммель быстро принял контрмеры, перебросив на этот фланг 90-ю легкую дивизию. Роммель считал, что ему повезло, потому что к тому времени, когда захлебнулось наступление англичан, его ресурсы были на исходе. В Африканском корпусе осталось только 90 танков, тогда как 8-я армия все еще имела более 800 боеготовых танков, хотя ее потери в танках в четыре раза превышали потери немцев. Превосходство англичан составляло теперь 11 : 1.

В письме к жене от 29 октября Роммель писал: «У меня осталось мало надежды. Ночью я лежу с широко открытыми глазами и не могу уснуть от тяжелых раздумий. Днем я чувствую себя смертельно усталым. Что будет, если дела здесь пойдут плохо? Эта мысль мучит меня днем и ночью. Если это случится, я не вижу никакого выхода»⁹³. Из этого письма ясно, что напряжение изматывало не только войска, но и их командира, который к тому же был болен. Рано утром у Роммеля появилась мысль отдать приказ об отходе на позицию в районе Фуки, в 100 км к западу, но ему не хотелось настолько отступить, потому что это означало бы пожертвовать значительной частью своей пехоты, лишенной транспортных средств. Роммель отложил это роковое решение в надежде, что еще одна задержка заставит Монтгомери прекратить наступление. Впоследствии оказалось, что задержка наступления к побережью лишь пошла на пользу англичанам: ведь если бы в этот момент Роммель ускользнул, планы англичан рухнули бы.

Убедившись, что его удар в направлении побережья потерпел неудачу, Монтгомери решил вновь обратиться к первоначальному направлению удара, надеясь извлечь выгоду из переброски скудных резервов противника на север. Это было продуманное решение — еще один пример гибкости действий, однако войска Монтгомери не проявили такой же гибкости, и время, ушедшее на перегруппировку, не позволило начать новое наступление раньше 2 ноября.

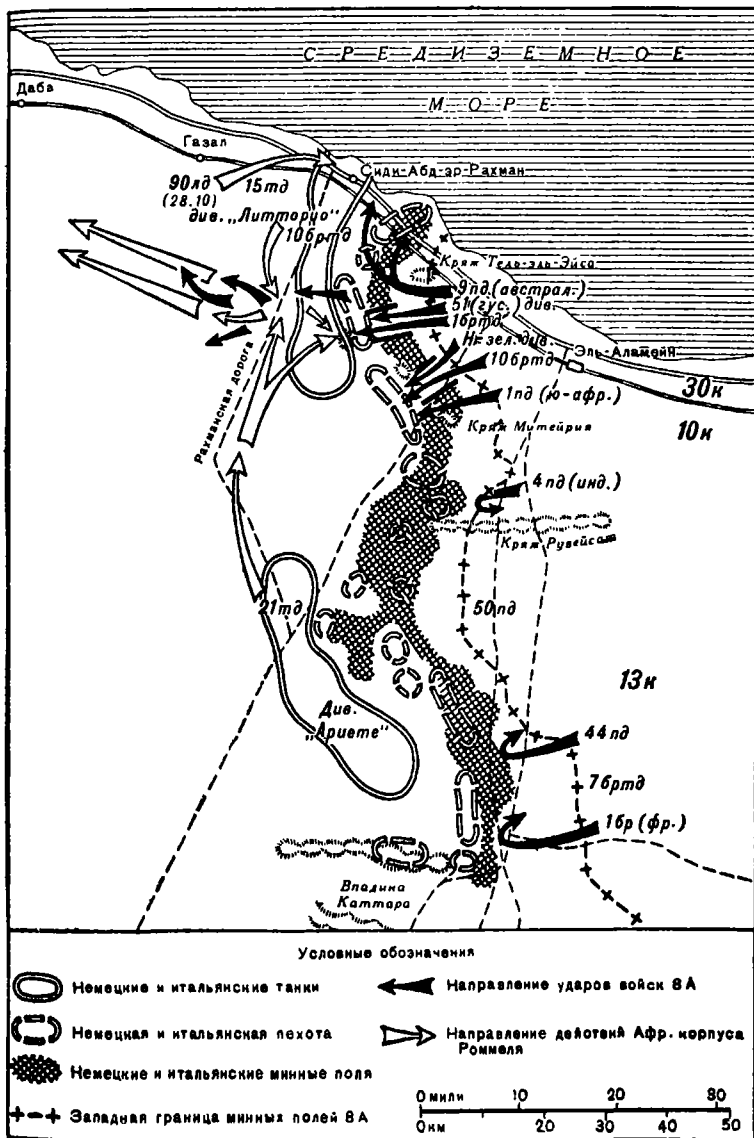

Рис. 13. Сражение у Эль-Аламейна

Эта новая пауза вслед за неоднократными задержками наступления вызвала уныние и тревогу в Лондоне. Черчилль переживал горькое разочарование и с трудом удерживался от отправки язвительной телеграммы Александеру. Главный удар принял на себя начальник имперского генерального штаба генерал Алан Брук. Он старался успокоить кабинет, хотя и в его душе росли сомнения и он с тревогой спрашивал себя: «Не ошибся ли я, и не выдохся ли Монти?»⁹⁴ Даже сам Монтгомери уже не был так уверен в себе, как казалось со стороны, и по секрету признавался в этом друзьям.

Наступление, начавшееся на рассвете 2 ноября, опять потерпело неудачу и усилило чувство, что активные действия, возможно, придется прекратить. Преодоление минных полей опять отняло много времени, да и сопротивление было сильнее, чем ожидалось. Головная бронетанковая бригада «оказалась под дулами мощного заслона противотанковых орудий на Рахманской дороге, вместо того чтобы оказаться за ним, как планировалось»⁹⁵. В таком стесненном положении ее контратаковали остатки танковых сил Роммеля, и за день боя бригада потеряла три четверти своих танков. Уцелевшие подразделения держались храбро и тем самым позволили другим бригадам войти в прорыв, но их остановили сразу же за Рахманской дорогой. Когда с наступлением темноты бой прекратился, потери англичан составили еще около 200 танков.

Какой бы мрачной ни казалась обстановка после этой очередной неудачи, но тучи должны были вот-вот рассеяться, так как к исходу дня ресурсы Роммеля подошли к концу. Удивительно, что оборона еще так долго держалась. Ее ядро составляли две танковые дивизии Африканского корпуса. К началу боя их состав насчитывал только 9 тыс. человек, а к концу боя в них осталось немногим больше 2 тыс. человек. В Африканском корпусе оставалось едва 30 боеготовых танков, тогда как у англичан их было больше 600. Их превосходство над немцами достигло теперь 20 : 1. Итальянские танки с тонкой броней были уничтожены огнем англичан.

В ту ночь Роммель принял решение отойти в два этапа на позиции у Фуки. Войска уже приступили к осуществлению этого решения, когда вскоре после полудня 3 ноября поступил приказ Гитлера с требованием любой ценой удерживать позиции у Эль-Аламейна. Роммель, которому раньше не приходилось испытывать вмешательство Гитлера, остановил отход и отозвал колонны, уже находившиеся на марше.

Этот поворот был роковым: он лишил немцев возможности занять прочную оборону на тыловой позиции, а попытка вос-

становить положение у Эль-Аламейна оказалась тщетной. Отход на запад был обнаружен с воздуха, и рано утром 3 ноября о нем доложили Монтгомери. Это, естественно, побудило английского командующего направить все силы для продолжения наступления. В течение дня обе попытки обойти заслон противника были отражены, однако ночная атака пехоты (английской 51-й и индийской 4-й дивизий) в юго-западном направлении увенчалась успехом. Ей удалось прорвать оборону противника в стыке между Африканским корпусом и итальянцами. На рассвете 4 ноября три бронетанковые дивизии вошли в прорыв и развернулись на северо-запад, чтобы преградить противнику путь отступления по прибрежной дороге. Развитию их успеха способствовали моторизованная новозеландская дивизия и приданная ей 4-я танковая бригада.

Перед англичанами открылась блестящая возможность отрезать и уничтожить всю армию Роммеля. Эта возможность стала еще более реальной, когда во время утренней сумятицы попал в плен командир Африканского корпуса фон Тома. К тому же приказ на отступление не отдавали до второй половины дня, а запоздалое разрешение Гитлера поступило лишь на следующий день. Когда Роммель отдал приказ на отступление, немецкие войска, максимально использовав весь оставшийся автотранспорт, развили большую скорость, в то время как англичане действовали излишне осторожно и нерешительно.

Войдя в прорыв и развернувшись, три бронетанковые дивизии направились на северо-запад к прибрежной дороге у Эль-Газалья, всего в 16 км за прорванным фронтом. Этот незначительный поворот дал возможность остаткам Африканского корпуса быстрым и коротким фланговым маневром задержать англичан. Продвинувшись на несколько километров, англичане были остановлены этим небольшим заслоном немецких войск до второй половины дня, когда танковая армия Роммеля в соответствии с приказом начала отход. С наступлением темноты англичане остановились. Это решение было тем более ошибочным, что они уже зашли далеко в тыл главных сил Роммеля.

На следующий день, 5 ноября, попытки отрезать противника опять были слишком медлительными и предпринимались ограниченными силами, 1-я и 7-я бронетанковые дивизии вначале получили приказ двигаться на Дабу, в 16 км от Эль-Газалья. Головные части достигли Дабы лишь в середине дня, но отступающий противник успел проскользнуть. 10-я дивизия была направлена на Галаль, в 25 км к западу, и догнала арьергард

противника, захватив около сорока танков (преимущественно итальянских), у которых кончилось горючее. До самого вечера никаких попыток преследовать отступающие колонны главных сил не предпринималось, а потом английские танки, как обычно, остановились на ночь, продвинувшись только на 17 км, хотя оставалось всего лишь 10 км до их нового объекта — эскарпов у Фуки.

Когда был осуществлен прорыв, новозеландская дивизия с приданными танками получила задачу наступать на Фуки, но, следуя за бронетанковыми дивизиями через участок прорыва, задержалась из-за плохого регулирования движения. Затем она потеряла время на прочесывание занятого района. С наступлением темноты 4 ноября этой дивизии оставалось до Фуки еще больше полпути. Она подошла к своему объекту в середине дня 5 ноября, но опять остановилась перед предполагаемым минным полем, которое оказалось ложным, поставленным англичанами для прикрытия своего отхода к Эль-Аламейну. Когда новозеландцы прошли через него, уже надвигалась ночь.

Тем временем 7-я бронетанковая дивизия после преждевременного поворота на Дабу была направлена обратно в пустыню с задачей наступать на Баккуш, в 25 км за Фукой, однако, пропуская арьергард новозеландцев, она задержалась и остановилась на ночь.

На следующее утро три преследующие дивизии замкнули кольцо вокруг Фуки и Баккуша, но отступающий противник успел ускользнуть на запад. Все, что англичанам удалось захватить, — это несколько сотен оставших солдат и несколько танков, оставшихся без горючего.

Теперь все надежды перехватить колонны Роммеля возлагались на 1-ю бронетанковую дивизию. Упустив немцев под Дабой, эта дивизия получила приказ совершить длинный обход через пустыню и перерезать прибрежную дорогу к западу от Мерса-Матруха. Из-за нехватки горючего она дважды останавливалась. Во второй раз оставалось всего несколько километров до прибрежной дороги. Это особенно угнетало командира дивизии, потому что он, как и другие, не раз требовал подготовить к длительному преследованию до Соллума хоть одну из бронетанковых дивизий, для чего надо было заменить часть боеприпасов в транспорте дополнительным запасом горючего.

Во второй половине дня 6 ноября в прибрежной полосе начался дождь. Ночью он усилился и затормозил движение преследующих. Это помогло Роммелю ускользнуть. Впоследствии дождь стал главным предлогом для оправдания неспособности

англичан отрезать немцам путь отхода, однако при строгом анализе ясно, что наилучшие возможности были упущены еще до дождя и причиной тому послужили чрезмерная осторожность, недостаточный учет фактора времени, нежелание наступать в темноте и невнимание к организации решительного развития успеха. Если бы преследование велось с целью достичь более отдаленной блокирующей позиции, например крутых эскарпов у Соллума, можно было бы избежать помех как со стороны сопротивляющегося противника, так и со стороны погоды, поскольку дожди вероятны в прибрежной полосе, но очень редки в глубине пустыни.

В течение ночи 7 ноября Роммель отошел от Мерса-Матруха на Сиди-Баррани, где сделал короткую остановку в ожидании транспортных колонн, просачивавшихся через пограничные дефиле по проходам в эскарпах у Соллума и Халфайи, которые жестоко бомбила английская авиация. Одно время на прибрежной дороге образовалась огромная пробка: хвост машин вытянулся на 40 км, и только благодаря хорошей организации регулирования движения большинству машин в следующую ночь удалось пройти, несмотря на налеты английской авиации. 9 ноября, хотя еще почти тысяче машин предстояло проскочить через дефиле, Роммель приказал своим штурмгвардам отойти к границе.

Тем временем Монтгомери организовал специальную группу преследования из 7-й бронетанковой и новозеландской дивизий и остановил две другие бронетанковые дивизии, чтобы сохранить горючее и не дать возможности Роммелю нанести контрудар по отставшим войскам. Это длительное преследование началось 8 ноября. Новозеландцы вышли к границе только 11 ноября. Обе бригады 7-й бронетанковой дивизии, двигаясь через пустыню южнее прибрежной дороги, пересекли границу днем раньше, однако не успели перехватить колонну противника, которая прошла через Ридотта Капуццо 11 ноября.

Хотя войска Роммеля не попадались в лапы Монтгомери, успешно ускользая от каждой очередной попытки отрезать им путь отхода, они слишком ослабели, чтобы создать новый рубеж обороны на границе или дальше, в Киренаике. Боевые силы Роммеля в этот момент состояли примерно из 5 тыс. немцев и 2500 итальянцев и имели 11 немецких и 10 итальянских танков, 65 немецких и несколько итальянских полевых орудий. Немецкие войска численностью около 15 тыс. человек благополучно вышли из боя, но две трети из них потеряли все свое боевое снаряжение, многие итальянцы бежали, все бросив, 8-я армия уничтожила несколько тысяч человек и захватила в плен около

10 тыс. немцев и свыше 20 тыс. итальянцев, а также около 450 танков и свыше 1000 орудий. Это была солидная компенсация за потерю 13 500 человек и за то разочарование, которое пережили англичане при виде ускользающего каждый раз Роммеля⁹⁶.

После короткой паузы для подвоза предметов снабжения англичане возобновили наступление. Но это было скорее движение за противником, чем его преследование. Контрудары Роммеля оставили такое глубокое впечатление, что англичане осторожно развивали наступление по прибрежной дороге, а не через пустыню, по хорде бенгазийской дуги. Головные танки достигли Мерса-Брега только 26 ноября, более чем через две недели после того, как они пересекли восточную границу Киренаики. Роммель уже давно обосновался на этой позиции. Единственную серьезную трудность и угрозу его силам в период отступления через Киренаику представлял недостаток горючего. В Мерса-Бреге войска Роммеля были усилены свежей итальянской танковой дивизией «Чентауро» и подразделениями трех итальянских пехотных дивизий, хотя последние, будучи немоторизованными, являлись больше обузой, чем подмогой.

Наступила еще одна пауза. Она длилась две недели, пока англичане подвозили подкрепления и предметы снабжения для наступления на позицию Мерса-Брега. Монтгомери опять подготовил план «уничтожения противника на его оборонительных позициях». Он планировал сковать Роммеля мощным фронтальным ударом. Вновь сформированной сильной группе предстояло в это время совершить широкий обходный маневр и преградить противнику путь отхода. Фронтальный удар намечалось нанести 14 декабря. Ему должны были предшествовать массированные налеты авиации в ночь на 12 декабря с целью отвлечь внимание от начинающегося в это время обходного движения по пустыне.

Однако в ночь на 12 декабря Роммель ускользнул и тем самым свел на нет английский план. Совершив стремительный скачок, он отошел на позиции близ Буэрата, в 400 км к западу от Мерса-Брега и вдвое дальше от новой передовой базы 8-й армии в Бенгази.

К концу года Роммель все еще удерживал позицию у Буэрата, так как на этот раз Монтгомери потребовалась месячная пауза на сближение и наращивание своих сил и средств для возобновления наступления. Тем не менее становилось ясно, что военная обстановка в Африке решительно изменилась. Теперь было маловероятно, что армию Роммеля удастся довести до

численности, сопоставимой с возможностями 8-й армии, а его тыловым районам и возможным тыловым позициям угрожало продвижение англоамериканской 1-й армии в восточном направлении, из Алжира в Тунис.

Однако вскоре у Гитлера вновь разыгралась фантазия, а Муссолини лишь способствовал этому, потому что не мог видеть, как рушится африканская империя Италии. Однако никому из них все еще не было ясно, удастся ли Роммелю ускользнуть от преследователей и вывести остатки своей разбитой армии. Благополучно достигнув Мерса-Бреги, Роммель получил распоряжение «любой ценой» удерживать этот рубеж и не допустить проникновения англичан в Триполитанию. Для подкрепления этого фантастического требования Роммель, как и прежде, при наступлении на Египет, был подчинен маршалу Бастико. Встретившись с Бастико 22 ноября, Роммель прямо заявил ему, что приказ «сопротивляться до конца» на этом пустынном пограничном рубеже означает верную гибель оставшихся войск: «Либо мы потеряем эту позицию на четыре дня раньше и спасем армию, либо потеряем и позицию, и армию на четыре дня позже».

24 ноября к Роммелю прибыли Кавальеро и Кессельринг. Роммель заявил им, что только около 5 тыс. немецких солдат имеют оружие, а для удержания позиции у Мерса-Бреги ему необходимо срочно, пока Монтгомери не начал наступать, доставить 50 танков Т-IV, вооруженных новыми длинноствольными 75-мм пушками, и 50 противотанковых пушек такого же типа, а также достаточное количество горючего и боеприпасов. Это были скромные требования, но Роммель хорошо понимал, что они вряд ли будут удовлетворены, так как большая часть военных материалов и подкреплений была переключена на Тунис. Тем не менее Роммелю приказывали удерживать Мерса-Брегу.

В надежде убедить Гитлера взглянуть в лицо фактам и реально оценить обстановку Роммель вылетел в ставку фюрера вблизи Растенбурга, в лесах Восточной Пруссии. Роммель встретил холодный прием, и, когда высказал мнение, что самым мудрым решением будет эвакуация из Северной Африки, Гитлер «пришел в ярость» и не стал слушать дальнейших доводов. Эта вспышка больше, чем все прежнее, поколебала веру Роммеля в фюрера. Он записал в своем дневнике: «Я начал понимать, что Адольф Гитлер просто не хочет видеть обстановки, как она есть, и, вместо того чтобы принять правильное решение, которое подсказывает разум, реагирует чисто эмоционально. Гитлер настаивал на «политической необходимости

удерживать важный плацдарм в Африке и не отходить с рубежа Мерса-Брега»⁹⁷.

На обратном пути Роммель захал в Рим и обнаружил, что Муссолини больше склонен к доводам разума и лучше сознает трудности доставки необходимых запасов в Триполи и перевозки их к Мерса-Бреге. Роммелю удалось получить разрешение Муссолини подготовить промежуточную позицию у Буэрата, чтобы своевременно перебросить туда немоторизованную итальянскую пехоту и отвести остатки своих скудных сил, если англичане начнут наступать. Роммель поспешил воспользоваться этим разрешением и отвел свои войска при первых же признаках английского наступления. Более того, он сам решил не останавливаться у Буэрата или перед Триполи, чтобы не дать возможности Монтгомери поймать его в ловушку. У Роммеля уже сформировался план отхода вплоть до тунисской границы и дефиле Габес, где англичане не смогли бы обойти немецкие позиции с фланга и где появилась бы возможность нанести эффективный контрудар.

Операция «Торч» — новая волна с Атлантического океана

Войска союзников высадились во Французской Северной Африке 8 ноября 1942 года, через две недели после начала наступления англичан на позиции Роммеля у Эль-Аламейна на крайнем северо-востоке Африки и через четыре дня после падения этих позиций.

На конференции «Аркадия», проведенной в Вашингтоне в рождественские дни 1941 года, первой конференции союзников после нападения японцев на Перл-Харбор и вступления Соединенных Штатов в войну, Черчилль выдвинул «проект Северо-Западной Африки» в качестве шага к «закрыванию и сжатию кольца вокруг Германии». Он сообщил американцам, что уже существует план «Джимнест», предусматривающий высадку в Алжире, если 8-я армия добьется достаточно решающего успеха в Киренаике и продвинется на запад к тунисской границе. Далее Черчилль предложил, чтобы «одновременно американские войска, получив согласие французов, приступили к высадке на побережье Марокко». Президент Рузвельт одобрил этот проект, сразу увидев его политические выгоды с точки зрения большой стратегии, однако его военные советники сомневались в осуществимости плана и выражали тревогу, как бы он не помешал перспективам скорейшего и более прямого удара против Германии в Европе. Самое большее, на что они были готовы согласиться, -- это

продолжать изучение операции, которую теперь переименовали в «Супер-Джимнест».

В течение последующих нескольких месяцев обсуждение сосредоточилось на проекте наступления через Ла-Манш, которое планировалось начать в августе или сентябре в ответ на требование Сталина открыть второй фронт. По настоянию начальника штаба армии Соединенных Штатов генерала Маршалла и генерал-майора Эйзенхауэра, которого Маршалл назначил командующим американскими силами на Европейском театре, высадку было решено осуществить на полуострове Котантен. Англичане предостерегали от преждевременной высадки в Европе недостаточными силами, чтобы высадившиеся войска не подвергнутся опасности разгрома, поскольку тогда русские не получат никакой помощи. Однако президент Рузвельт поддержал проект, предложенный американским командованием, и, когда в мае в Вашингтон прибыл Молотов, заверил его, что «надеется» и «рассчитывает» открыть «второй фронт в Европе в 1942 году».

Неожиданный крах англичан в северо-восточной Африке, который произошел в июне после упреждающего удара Роммеля у Эль-Газала, вновь заставил обратиться к проекту высадки в северо-западной Африке.

В то время, когда сражение у Эль-Газала принимало плохой оборот, Черчилль вылетел 17 июня в Вашингтон со своими начальниками штабов для новой конференции. По прибытии он посетил Гайд-Парк, семейную резиденцию Рузвельта на р. Гудзон, для конфиденциальных переговоров. Черчилль вновь указал на опасность преждевременной высадки во Франции и предложил подготовить и провести операцию «Джимнест». Английские и американские начальники штабов на встрече в Вашингтоне 21 июня не пришли к единому мнению относительно проекта высадки на полуострове Котантен и единодушно признали проект высадки в Северной Африке неразумным.

Однако их общий отрицательный вывод относительно этого проекта вскоре изменился под влиянием событий и настойчивого стремления Рузвельта осуществить какую-то положительную акцию в 1942 году, которая выполнила бы, хотя и не в такой мере, как предполагалось, его обещание русским. 21 июня поступило сообщение, что крепость Тобрук пала под ударами Роммеля и что остатки английской 8-й армии отступают к Египту.

В течение последующих недель положение англичан продолжало ухудшаться. Соответственно усиливались доводы в пользу прямого или косвенного вмешательства американцев в Африке. К концу июня Роммель, преследуя англичан по пятам, подошел

к Эль-Аламейну и начал наступление. Черчилль 8 июля телеграфировал Рузвельту, что от операции «Следжхэммер» (план высадки во Франции) в этом году надо отказаться, и продолжал настаивать на осуществлении операции «Джимнест». Затем Черчилль направил послание через фельдмаршала Дилла, который теперь возглавлял английскую объединенную штабную миссию в Вашингтоне. Черчилль писал: «„Джимнест“ — единственное средство, при помощи которого США могут нанести удар Гитлеру в 1942 году, иначе обоим западным союзникам придется остаться бездеятельными в 1942 году».

В ответ на это утверждение американские начальники штабов вновь возразили против операции «Джимнест». Маршалл осудил этот план как «дорогостоящий и бесплодный». Его поддержал адмирал Кинг, который заявил, что «невозможно выполнять обязательства военно-морских сил на других театрах и в то же время обеспечивать доставку грузов и эскортирование, если будет предпринята эта операция». Американские военачальники пришли также к единому мнению, что возражения англичан против высадки во Франции в 1942 году ясно свидетельствуют о том, что они не пойдут на такой риск и в 1943 году. Поэтому Маршалл, которого охотно поддержал Кинг, предложил коренным образом изменить стратегию: если англичане не примут американский план скорейшей высадки через Ла-Манш, американцы переключатся на Тихий океан и нанесут решающий удар по Японии; другими словами, будут вести оборонительные действия против Германии и использовать все имеющиеся средства на Тихом океане.

Однако президент воспротивился идее такого ультиматума английским союзникам. Рузвельт выразил несогласие с предлагаемым изменением стратегии и заявил своим начальникам штабов, что, если они не смогут убедить англичан предпринять высадку через Ла-Манш в 1942 году, надо будет либо начать операцию во Французской Северной Африке, либо послать сильные подкрепления на Ближний Восток. Рузвельт подчеркнул, что политически необходимо до конца года предпринять какие-то решительные действия.

Можно было ожидать, что, учитывая мнение президента, начальники штабов скорее изберут курс на временное усиление англичан на Ближнем Востоке, чем на проведение операции «Джимнест», против которой они так решительно и настойчиво возражали. Тем более что, рассмотрев оба варианта, штаб Маршалла, осуществлявший планирование, пришел к выводу, что первый вариант является меньшим злом. Однако, вопреки ожиданиям, Маршалл и Кинг круто изменили свое мнение в

пользу операции «Джимнест». Они предпочли эту альтернативу после того, как в середине июля побывали в Лондоне вместе с Гопкинсом в качестве представителей президента и убедились, что английские начальники штабов решительно возражают против плана Эйзенхауэра о скорейшей высадке около Шербура.

По словам Гопкинса, главной причиной, побудившей Маршалла избрать в качестве альтернативы северо-западную Африку, а не посылать подкрепления на Ближний Восток, было нежелание подчинять американские войска английскому командованию на Ближнем Востоке.

План операции «Супер-Джимнест» был сформулирован на двух заседаниях объединенного англо-американского штаба в Лондоне 24 и 25 июля и незамедлительно одобрен Рузвельтом. Более того, в своей телеграмме он подчеркнул, что высадку надо осуществить «не позже 30 октября». Такую директиву подсказал ему Гопкинс в личной телеграмме, чтобы «избежать проволочек и задержки». По инициативе Черчилля операция была переименована в «Торч». Такое название ему казалось более вдохновляющим. Была также достигнута договоренность верховное командование поручить американцу. Черчилль охотно предоставил это утешение недовольным американским начальникам штабов, и 26 июля Маршалл сообщил Эйзенхауэру, что ему предстоит занять пост командующего.

Хотя решение о проведении операции «Торч» было принято безоговорочно, вопросы о ее времени и месте еще не были согласованы и даже полностью исследованы. По обоим этим вопросам возникли новые разногласия.

Английские начальники штабов, побуждаемые Черчиллем, предложили начать операцию 7 октября. Американские начальники штабов называли дату 7 ноября как «самую раннюю разумную дату для высадки войск, учитывая наличие десантных транспортов».

По вопросу о месте высадки взгляды союзников расходились еще больше. Англичане настаивали на высадке на северном Средиземноморском побережье Африки, чтобы можно было быстрее продвинуться к Тунису. Американские же начальники штабов твердо придерживались ограниченной цели плана «Джимнест», который предусматривал чисто американскую операцию. Они стремились ограничить высадку районом Касабланки на западном, Атлантическом побережье Марокко, опасаясь не только сопротивления французов, но и враждебной реакции Испании, а также контрудара немцев с целью захватить Гибралтар и блокировать вход в Средиземное море. Англичан привел в смятение такой осторожный подход к этой стратегической проблеме. Они

доказывали, что это лишь позволит немцам выиграть время для захвата Туниса, усилит сопротивление французов в Алжире и Марокко или приведет к замене их немецкими войсками. Все это лишь расстроит замысел операции союзников.

Эйзенхауэр и его штаб склонялись принять точку зрения англичан. Первый вариант плана, сформулированный Эйзенхауэром 9 августа, был компромиссом. Эйзенхауэр предлагал осуществить высадку одновременно на Атлантическом и Средиземноморском побережье, но не дальше к востоку, чем в Алжире, чтобы не подвергнуться опасности ударов авиации противника из Сицилии и Сардинии. Исключением составляла вспомогательная высадка в Боне с целью захвата аэродрома (Бон находится в 435 км к востоку от Алжира и в 210 км к западу от Бизерты). Этот компромисс не удовлетворил англичан, так как он, видимо, не соответствовал главному условию успеха, которое они определяли следующим образом: «Мы должны занять ключевые пункты Туниса через 26 дней после прохождения Гибралтара — а предпочтительнее через 14 дней». По мнению англичан, для достаточно быстрого наступления на Тунис главную высадку необходимо было произвести в Боне, и даже еще восточнее.

Эти доводы произвели впечатление на президента, и он дал указание Маршаллу и Кингу вновь изучить проект. Такой же точки зрения, видимо, придерживался и Эйзенхауэр, так как он сообщил в Вашингтон, что американские представители в его штабе убедились в разумности доводов англичан и что он разрабатывает новый план, согласно которому высадка в Касабланке отменяется и сокращаются сроки других высадок.

21 августа штаб Эйзенхауэра подготовил второй вариант плана, который в значительной степени отвечал замыслу англичан. Отвергая высадку в Касабланке, план предусматривал высадку американцев в Оране (400 км Восточнее Гибралтара) и высадку англичан в Алжире и Боне. Однако сам Эйзенхауэр одобрил этот план с оговоркой, отметив, что такая экспедиция, проводимая полностью на Средиземном море, будет весьма уязвимой с фланга. Такого же мнения придерживался и Маршалл.

Второй вариант плана оказался столь же неприемлем для американских начальников штабов, как первый для английских. Маршалл заявил президенту, что «наличие единственной линии коммуникаций через Гибралтарский пролив чрезвычайно опасно», и возражал против всякой высадки на Средиземноморском побережье восточнее Орана (1000 км западнее Бизерты).

Черчилль получил сообщение об этом по возвращении из поездки с генералом Бруком в Египет и Москву. Сталин бросил

им обидный упрек в неспособности западных держав открыть второй фронт, задавая такие презрительные вопросы, как: «Не думаете ли вы, что мы будем выполнять всю работу, пока вы наблюдаете?.. Неужели вы никогда не начнете воевать? Вы убедитесь, что это не так плохо, когда начнете!» Это, естественно, уязвило Черчилля. Правда, ему удалось вызвать у Сталина интерес к операции «Торч». Черчилль живо описал, как она может косвенно облегчить положение русских. Можно представить, как же был шокирован Черчилль, узнав, что американцы предлагают свести на нет этот план!

27 августа он направил пространную телеграмму Рузвельту, где утверждал, что изменения, предлагаемые американскими начальниками штабов, могут оказаться «роковыми для всего плана» и что, «если мы не возьмем в первый день Алжир и Оран, пропадет весь смысл операции».

В своем ответе от 30 августа Рузвельт настаивал на том, что «при любых обстоятельствах одна из наших высадок должна произойти на Атлантическом побережье». Рузвельт предложил, чтобы американцы высадились в Касабланке и Оране, а англичане произвели высадку в восточных пунктах. Кроме того, памятуя о военных действиях англичан против вишистских французских сил в Северной Африке, Сирии и других местах, Рузвельт поднял новый вопрос: «Я твердо убежден, что первоначальные удары должны нанести исключительно американские сухопутные войска... Я пойду еще дальше и скажу с полным основанием, что одновременная высадка англичан и американцев вызовет сильное сопротивление французов в Африке, тогда как первоначальная высадка американцев без английских сухопутных войск имеет реальные шансы на то, что французы не окажут никакого сопротивления или что оно будет чисто символическим... Мы считаем, что немецкие воздушно-десантные или парашютные войска не смогут быть доставлены в Алжир или Тунис в сколько-нибудь значительном количестве раньше чем через две недели после первоначального удара»⁹⁸.

Англичан пугала мысль о длительной паузе накануне высадки в восточных районах, имевшей более важное значение для достижения стратегических целей, чем высадка в западных районах. Не разделяли англичане и оптимистического мнения американцев о том, что немцы не смогут эффективно вмешаться раньше чем через две недели.

Черчиллю очень хотелось использовать сильное влияние американского посла при правительстве Виши адмирала Леги в целях облегчения задачи в политическом и психологическом отношении. Хотя Черчилль «стремился сохранить американский

характер экспедиции», а потому был готов держать английские войска, «насколько это физически возможно, на заднем плане», он не считал необходимым скрывать тот факт, что большая часть транспортных судов, поддерживающей авиации и военноморских сил будет английской и что они проявят себя раньше, чем сухопутные войска. Черчилль коснулся этих вопросов в тактичном ответе Рузвельту 1 сентября и отметил, что, «если политически бескровная победа, на которую, я согласен с Вами, имеются хорошие шансы, не удастся, произойдет военная катастрофа, чреватая очень большими последствиями». И далее: «Наконец, несмотря на трудности, нам представляется жизненно важным, чтобы Алжир был занят одновременно с Касабланкой и Ораном. Это самое дружественное и обнадеживающее место во всей Северной Африке, где политическая реакция будет наиболее решительной. Отказываться от Алжира ради вряд ли осуществимой высадки в Касабланке представляется нам весьма опрометчивым решением. Если это приведет к тому, что немцы упредят нас не только в Тунисе, но и в Алжире, произойдет весьма прискорбное нарушение равновесия сил на всем Средиземном море»⁹⁹.

Этот веский довод в пользу высадки в Алжире не содержал упоминаний о необходимости высадки дальше к востоку и ближе к Бизерте. Это была не только уступка, но и упущение, имевшее роковые последствия для шансов на скорый стратегический успех.

3 сентября, отвечая на телеграмму Черчилля, Рузвельт согласился включить в план высадку в Алжире при условии, чтобы американские войска высадились первыми, а «в течение часа вслед за ними и английские войска». Черчилль согласился с этим предложением при условии, что численность войск, предназначенных для высадки в Касабланке, будет сокращена настолько, чтобы обеспечить успех высадки в Алжире. Рузвельт дал на это согласие в иной форме, предложив сократить на «один усиленный полк» десант в Касабланке и на столько же в Ороне, чтобы предоставить «10 тыс. человек для использования в Алжире». Черчилль телеграфировал 5 сентября: «Мы согласны с предлагаемым Вами планом. У нас достаточно войск, хорошо подготовленных для высадки. Если это удобно, они могут надеть вашу форму. Они с гордостью будут ее носить. С транспортами будет все в порядке». В тот же день Рузвельт ответил одним словом: «Ура!»

Таким образом, в результате обмена телеграммами между Рузвельтом и Черчиллем вопрос был окончательно урегулирован. Через три дня Эйзенхауэр определил дату высадки — 8 но-

ября, но отклонил предложение Черчилля одеть английских «коммандос» в американскую форму, так как хотел, чтобы первая высадка была целиком американская. Черчилль примирился с отсрочкой и с изменением плана. В телеграмме Рузвельту от 15 сентября он писал: «Во всей операции „Торч“ я считаю себя в военном и политическом отношении Вашим помощником; прошу только разрешения прямо излагать Вам свои мнения»¹⁰⁰.

«Ура!» Рузвельта в телеграмме от 5 сентября завершило «трансатлантическое состязание», хотя Маршалл продолжал высказывать сомнения, а его непосредственный политический начальник военный министр Стимсон жаловался президенту по поводу решения о высадке в Северной Африке. Решение президента позволило ускорить детальное планирование, приостановленное в период проволочки. Впрочем, план таил в себе обоюдоострые последствия компромисса. Уменьшая шансы на быстрый решающий успех в Северной Африке, он неизбежно на длительное время отвлекал усилия союзников в районе Средиземного моря. Это официально признают и подчеркивают американские историки.

Согласно окончательному плану, высадку на Атлантическом побережье с целью захвата Касабланки производили только американские войска численностью в 24 500 человек под командованием генерал-майора Паттона с кораблей Западного оперативного соединения ВМС под командованием контр-адмирала Хьюитта. Оно отправлялось прямо из Америки (большая часть — из Хэмптон Роудса) и состояло из 102 кораблей и судов, в числе которых было 25 транспортов¹⁰¹.

Задачу захвата Орана предстояло выполнить Центральному оперативному соединению (американские войска численностью 18500 человек) под командованием генерал-майора Фридендолла, а его переход морем обеспечивало соединение английских кораблей под командованием коммодора Трубриджа. Оно отплывало из Клайда, так как состояло из американских войск, доставленных в Шотландию и Северную Ирландию в начале августа.

Операции по высадке в Алжире осуществляло Восточное оперативное соединение ВМС, состоявшее полностью из английских кораблей под командованием контр-адмирала Бэррофса. Десантная группа состояла из 9 тыс. англичан и 9 тыс. американцев, командовал ею американец генерал-майор Райдер. Кроме того, американские войска общей численностью в 2 тыс. человек были включены в состав отрядов английских «коммандос». Такой странный смешанный состав был задуман в надежде на то, что выдвижение американцев напоказ в первые ряды

заставит французов думать, будто десантная группа состоит из одних американцев. На второй день после высадки, 9 ноября, общее командование всеми союзными войсками в Алжире должен был принять командующий вновь сформированной английской 1-й армией генерал-лейтенант Андерсон.

Войска десанта, предназначавшиеся для высадки в Оране и Алжире, отплыли из Англии двумя большими конвоями: более медленный конвой отправился 22 октября, а более быстроходный — через четыре дня. Эти сроки были определены с таким расчетом, чтобы оба конвоя могли одновременно пройти через пролив Гибралтар в ночь на 5 ноября. В дальнейшем их должна была прикрывать часть английского Средиземноморского флота под командованием адмирала Эндрю Каннингхэма. Этого оказалось достаточно, чтобы удержать итальянский флот от вмешательства даже после высадки. Каннингхэм с сожалением отмечал, что его мощным силам пришлось «попусту крейсировать». Однако работы Каннингхэму хватало, так как, будучи командующим союзными военно-морскими силами, подчиненными Эйзенхауэру, он отвечал за все морское обеспечение операции «Торч». Включая суда с запасами, прибывшие с передовыми конвоями в начале октября, из Англии отправилось более 250 торговых судов, из них около 40 транспортов (в том числе три американских), а английские военно-морские силы, привлеченные к операции, включали до 160 боевых кораблей разных типов.

Дипломатическая прелюдия к высадке напоминала смесь детектива и вестерна с комическими интерлюдиями, разыгрываемыми на сцене истории. Главный американский дипломатический представитель в Северной Африке Мэрфи активно готовил почву для высадки, осторожно зондируя мнения французских высших офицеров, которые могли бы сочувствовать плану и оказать ему помощь. Мэрфи особенно рассчитывал на генерала Маста, командующего войсками в алжирском секторе (бывшего начальника штаба главнокомандующего генерала Жуэна), и на генерала Бетуара, командующего войсками в секторе Касабланки (в целом этот сектор находился под командованием адмирала Мишелье, и этого не учли американцы).

Маст настаивал, чтобы в Алжир тайно прибыл старший военный представитель союзников для закулисных переговоров и обсуждения планов с Жуэном и другими. В ответ на это требование в Гибралтар вылетел генерал Кларк (только что назначенный заместителем командующего операцией «Торч») с четырьмя ответственными штабными офицерами. Оттуда всю группу переправили на английской подводной лодке «Сераф»

на виллу, расположенную в 100 км к западу от Алжира. Подводная лодка прибыла в указанный район утром 21 октября, но слишком поздно, чтобы высадить группу Кларка до рассвета. Подводной лодке пришлось весь день оставаться в погруженном состоянии. Озадаченные и разочарованные французы уехали назад. С подводной лодки в Гибралтар была отправлена радиogramма, которую передали по секретному радиоканалу в Алжир. Мэрфи с несколькими французами вернулся на виллу. Группа Кларка на четырех парусиновых лодках, одна из которых перевернулась при посадке, высадилась на берег. Ориентиром для них служила лампа, выставленная в окне на фоне белого одеяла.

Кларк в общих чертах информировал Маста о том, что крупные американские силы готовятся к отправке в Северную Африку и что их будут поддерживать английские военно-воздушные и военно-морские силы. Сообщение Кларка было недостаточно открытым. Более того, в интересах секретности он не назвал Масту время и пункты высадки союзников. Такая чрезмерная осторожность при переговорах с человеком, чья помощь имела огромное значение, была неразумной, так как лишала Маста и его коллег возможности точно планировать и осуществлять совместные мероприятия. Кларк, правда, уполномочил Мэрфи сообщать Масту дату высадки накануне, но не называть места. При таких обстоятельствах Маст не успел бы известить своих коллег в Марокко.

Совещание было временно прервано появлением французской полиции, заподозрившей неладное. Кларка с коллегами поспешно спрятали в пустом винном погребе. Когда полицейские наконец ушли, не освободившись от подозрений и готовые снова вернуться, Кларка и его группу ждала новая неприятность. В сумерках при сильном прибое они пытались сесть в лодки, лодка генерала перевернулась, и Кларк чуть не утонул. При новой попытке на рассвете перевернулись и другие лодки. В конце концов им удалось преодолеть буруны. Насквозь промокшие, Кларк с коллегами благополучно добрались до подводной лодки. На следующий день летающая лодка доставила группу в Гибралтар.

На этом совещании обсуждался и такой важный вопрос, как выбор наиболее подходящего французского руководителя, который сумел бы привлечь французские войска в Северной Африке на сторону союзников. Жуэн в частной беседе благосклонно отнесся к идее высадки, но он стремился как можно дольше сохранять нейтралитет и не хотел брать на себя инициативу. Старшие из его подчиненных не имели достаточного престижа и тоже не хотели предпринимать никаких решительных шагов

вразрез с распоряжениями правительства Виши. Главнокомандующий вооруженными силами Виши (и вероятный глава государства в случае смерти престарелого маршала Петэна) адмирал Дарлан в 1941 году намекал Леги, а позже и Мэрфи, что он готов отказаться от политики сотрудничества с Германией и привлечь Францию на сторону союзников, если получит гарантии американской военной помощи в достаточно широком масштабе. Однако Дарлан так долго заигрывал с Гитлером, что его намеки не внушали доверия. К тому же он питал предубеждение в отношении Англии, которое, естественно, усилилось из-за английской акции против французского флота в Оране и других местах после падения Франции в 1940 году. Позиция Дарлана вызывала сомнения еще и потому, что трудно было скрыть тот факт, какая важная роль предназначалась англичанам в операции «Торч».

Генерала де Голля исключили по иной причине. Его неповиновение Петэну в 1940 году и участие в дальнейшем в мерах, предпринятых Черчиллем против Дакара, Сирии и Мадагаскара, не вызывали сомнения в том, что французские офицеры, оставшиеся верными Виши (даже те, кто жаждал сбросить германское ярмо), не согласятся на кандидатуру де Голля как руководителя. Этот довод, выдвинутый Мэрфи, охотно признал Рузвельт, который питал глубокое недоверие к суждениям де Голля и которому не нравилось его высокомерие.

Черчилль подчинился Рузвельту, и де Голлю ничего не сообщили о проекте высадки.

В этих условиях американцы, начиная с президента и ниже, охотно согласились с мнением генерала Мааста и его коллег, что самым приемлемым кандидатом в руководители французов в Северной Африке является генерал Жиро. Об этом Мэрфи сообщил еще до совещания. Жиро, командовавший армией в 1940 году, был взят немцами в плен, но в апреле 1942 года ему удалось бежать. Он добрался до неоккупированной части Франции. Ему разрешили остаться при условии, что он будет поддерживать власть Петэна. Жиро поселился вблизи Лиона. Находясь под наблюдением, Жиро все-таки связался со многими офицерами как в самой Франции, так и в Северной Африке, которые разделяли его стремление организовать с помощью американцев восстание против господства немцев. Жиро изложил свою точку зрения в письме к одному из своих сторонников генералу Одиду: «Мы не хотим, чтобы американцы нас освободили; мы хотим, чтобы они помогли нам освободиться, а это не совсем одно и то же». В конфиденциальных переговорах с американцами Жиро поставил одним из условий, что командовать

союзными войсками на французской территории везде, где сражаются французы, будет он. Из полученного им сообщения Жиро понял, что Рузвельт принимает его условия, однако для Эйзенхауэра было полной неожиданностью, когда 7 ноября, накануне высадки, Жиро прибыл в Гибралтар, чтобы встретиться с ним.

Жиро доставила та же самая английская подводная лодка «Сераф»¹⁰², которая переправляла Кларка с его секретной миссией на алжирское побережье. Потом Жиро пересадили на летающую лодку. Прибыв в Гибралтар, он был ошеломлен сообщением, что союзники высаживаются в Северной Африке на следующее утро (ему говорили, что высадка намечена на следующий месяц). Еще больше его потрясло то, что командование войсками поручено Эйзенхауэру, а не ему. Последовал горячий спор. Жиро, ссылаясь на свой более высокий ранг и полученные им заверения, неустанно повторял, что, если ему не предложат пост верховного командующего, будет нанесен ущерб не только его престижу, но и престижу его страны. Утром 8 ноября переговоры возобновились, и Жиро примирился с ситуацией, так как его заверили, что он возглавит французские войска и администрацию в Северной Африке. Это обещание вскоре было аннулировано под предлогом практической целесообразности доверить все адмиралу Дарлану.

При высадке во Французской Северной Африке американцы добились такой внезапности, что привели в замешательство своих друзей и помощников даже больше, чем противника. Французы оказались не подготовленными к оказанию эффективной помощи по расчистке пути, и большинство французских командиров, потрясенных внезапным вторжением, реагировали так, как было естественно в подобных обстоятельствах, то есть сохраняли верность законной власти маршала Петэна. Поэтому десант вначале встретил сопротивление; правда, в Алжире меньшее, чем в Оране и Касабланке.

Командир французской дивизии в Касабланке генерал Бетуар поздно вечером 7 ноября получил сообщение о том, что высадка состоится в 2 часа ночи 8 ноября. Он выделил группы из своих войск, чтобы арестовать членов немецкой комиссии по перемирию, и выставил нескольких офицеров для встречи американцев на берегу у Рабата, в 80 км севернее Касабланки, полагая, что они высадятся именно в этом месте, поскольку там не было батарей береговой обороны и Рабат являлся резиденцией французского правительства в Марокко.

Приняв предварительные меры, сам Бетуар с батальоном пехоты захватил штаб армии в Рабате. Далее Бетуар отправил

письма генеральному резиденту (и командующему войсками) в Марокко генералу Ногесу и адмиралу Мишелье, сообщив им, что вскоре высадятся американцы, что прибывает генерал Жиро для командования всеми войсками во Французской Северной Африке и что его самого Жиро назначил командующим армией в Марокко. В письмах Ногесу и Мишелье Бетуар предлагал им не оказывать сопротивления американцам при высадке или держаться в стороне, пока им не будет более удобно признать совершившийся факт.

Получив письмо, Ногес постарался занять нейтральную позицию в ожидании, пока прояснится обстановка. В это время Мишелье принял срочные меры, однако его патрульные самолеты и подводные лодки до наступления темноты не обнаружили приближающейся армады. Мишелье решил, что Бетуара ввели в заблуждение или просто обманули. Заверения Мишелье, что никаких крупных сил вблизи берега не обнаружено, так подействовали на Ногеса, что, даже когда после пяти часов утра к нему поступили первые сообщения о высадке, он решил, что это не более как рейды «коммандос». Ногес переметнулся на антиамериканскую сторону и приказал французским войскам оказывать сопротивление десантам. Бетуара он арестовал по обвинению в государственной измене.

Главные силы Паттона высадились в районе Федалы, в 25 км севернее Касабланки, а вспомогательные — в районе Мехдия, Сафи, в 225 км южнее Касабланки. В Федале удобные для высадки берега благоприятствовали подходу к этому городу и его сильно защищенному порту — единственному крупному и хорошо оборудованному порту на Атлантическом побережье Марокко. Мехдия была избрана для высадки как ближайшее место к аэродрому Порт-Лиоте — единственному в Марокко аэродрому с бетонной взлетно-посадочной полосой. Десант в Сафи мог парировать удар сильного французского гарнизона города Марракеш в направлении Касабланки. В Сафи также находился порт, где можно было выгрузить средние танки (новые танкодесантные корабли находились в производстве и не были готовы к началу операции «Торч»).

Когда американская армада после спокойного перехода по океану 6 ноября приближалась к берегам Марокко, поступило сообщение о «сильном волнении на море»). Прогноз погоды на 8 ноября грозил сорвать высадку из-за сильного прибойя. Однако личный метеоролог адмирала Хьюитта предсказывал, что шторм пройдет. Адмирал решил рискнуть и выполнить план высадки на Атлантическом побережье. К тому же 7 ноября море начало утихать, а 8 ноября совсем успокоилось. Прибой был

слабее, чем во всякое другое утро этого месяца. И все же из-за недостатка опыта произошло множество неприятностей и задержек.

Дела шли, во всяком случае, лучше, чем предвосхищал Паттон в своей «зажигательной» речи на последнем совещании накануне посадки на корабли, когда он язвительно бросил представителям военно-морских сил, что их тщательно разработанные планы могут «рухнуть в первые пять минут», и добавил: «История не знает случаев, когда флот высаживал армию в намеченное время и в намеченном месте. Но если даже вы высадите нас где-либо в пределах 80 км от Федалы и в пределах одной недели от дня «Д», я пойду вперед и одержу победу».

К счастью, замешательство и растерянность среди французов были так велики, что волны десанта благополучно достигли берега. Когда обороняющиеся открыли организованный огонь, уже достаточно рассвело, и американская корабельная артиллерия подавила береговые батареи. Но на плацдарме высадки и при его расширении возникли новые затруднения из-за неопытности и неорганизованности армейских отрядов обеспечения высадки, так что Паттону пришлось перенести свою яростную критику на собственные войска и свой вид вооруженных сил: и войска, и десантно-высадочные средства были перегружены. Хотя наступление на Касабланку началось на второй день и не встретило серьезного сопротивления, оно быстро остановилось из-за перебоев в снабжении: груды припасов были сложены на берегу, их не сумели доставить наступающим боевым частям. На третий день продвижение было незначительным, а сопротивление усилилось. Перспективы стали довольно мрачными.

Положение оказалось бы еще более серьезным, если бы в первый же день не была ликвидирована угроза со стороны французского флота. Сражение при Касабланке протекало в старомодном духе. Оно началось около 7.00. Батарея береговой обороны с мыса Эль-Ханк и орудия линкора «Жан Бар» из порта (это был новейший французский линкор, но еще не законченный и не способный сдвинуться с места у причала) открыли огонь по группе прикрытия контр-адмирала Джиффена, в которую входили линкор «Массачусетс», два тяжелых крейсера и четыре эскадренных миноносца. Американские корабли не получили прямых попаданий, хотя было несколько близких разрывов. Их ответный огонь оказался достаточно эффективным, чтобы на время заставить замолчать батарею Эль-Ханка и артиллерию «Жана Бара». Однако американцы так увлеклись этой перестрелкой, что забыли о поставленной перед ними задаче не выпускать из порта другие французские корабли. В ито-

ге к 9 часам один легкий крейсер, семь эсминцев и восемь подводных лодок ускользнули. Эсминцы направились к Федале, где легкую добычу представляли американские транспорты. Однако эсминцы заставили отступить тяжелый крейсер, легкий крейсер и два эсминца, которые получили приказ адмирала Хьюитта перехватить французские корабли. Затем по приказу Хьюитта вышла группа прикрытия с задачей отрезать им путь отхода. Благодаря искусному кораблевождению, умелому применению дымовых завес и беспокоящим действиям подводных лодок французам удалось выдержать сокрушительный шквал сосредоточенного огня. Они потеряли только один эсминец. Затем французы предприняли еще одну смелую попытку прорваться в район расположения транспортов. Однако во втором бою был потоплен еще один эсминец, и только один из восьми французских кораблей вернулся в порт без повреждений. В порту были потоплены еще два корабля, а остальные получили новые повреждения при бомбардировке.

И все же результат не был решающим. Батарея Эль-Ханка и 380-мм орудия «Жана Бара» ожили вновь, а американские корабли израсходовали столько боеприпасов, что могли оказаться не способными отразить возможную атаку французских кораблей, базировавшихся в Дакаре.

К счастью, обстановка в Касабланке и на всем Атлантическом побережье коренным образом изменилась вследствие благоприятного развития политических событий в Алжире. К концу дня генерал Ногес окольным путем узнал, что местные французские власти во главе с адмиралом Дарланом отдали 10 ноября приказ о прекращении боевых действий. Ногес поспешил воспользоваться этим непроверенным сообщением и приказал своим подчиненным командирам прекратить активное сопротивление в ожидании перемирия.

Американская высадка в Оране встретила более упорное сопротивление, чем Западное оперативное соединение ВМС в районе Касабланки. Американцев выручило исключительно хорошо организованное совместное планирование и взаимодействие между американским войсковым оперативным соединением и английскими военно-морскими силами, на кораблях которых был доставлен десант. К тому же американская 1-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Аллена была отлично подготовленным соединением и ее поддерживали части 1-й бронетанковой дивизии.

План предусматривал захватить порт и город Оран двойным охватом: два усиленных полка высаживались на берег в заливе Арзев, в 40 км к востоку, а третий — в районе Лез-Андалуза,

в 23 км к западу от города. Затем одна колонна должна была двинуться в глубь территории с плацдарма у залива Арзев, а другая -- с более удаленного пункта высадки в районе Мерса-Бу-Зеджара, в 50 км к западу от Орана, с задачей захватить аэродромы южнее Орана и завершить окружение города с тыла. Быстро окружить город было тем более важно, что, как предполагали, гарнизон города, насчитывавший около 10 тыс. человек, мог быть почти удвоен за сутки за счет подкреплений из других гарнизонов.

Операция началась хорошо. С наступлением темноты 7 ноября конвой, чтобы ввести противника в заблуждение, проследовал мимо Орана на восток, а ночью повернул обратно. Высадка в заливе Арзев началась точно вовремя (в 1.00), а в Лез-Андалузе и Мерса-Бу-Зеджаре -- с опозданием лишь на полчаса. Внезапность оказалась полной, и на побережье не было встречено никакого сопротивления. Этот участок прикрывали 13 батарей береговой обороны, но до рассвета они не вели огня, а потом причинили весьма незначительный ущерб благодаря эффективной поддержке флота и постановке дымовых завес. Высадка и выгрузка прошли в общем гладко, хотя и относительно медленно из-за того, что каждому солдату пришлось нести на себе около сорока килограммов снаряжения. Средние танки перевозились на транспортах, а после захвата порта в заливе Арзев выгружались на причале.

Единственная серьезная неудача произошла при попытке захватить порт Орана лобовой атакой, чтобы предотвратить акты саботажа. Для выполнения этого дерзкого плана, который американское военно-морское командование резко осуждало как безрассудство, было выделено два небольших английских катера -- «Уолни» и «Хартленд» -- с 400 американскими солдатами на борту, сопровождаемых двумя сторожевыми катерами. Ход событий подтвердил мнение американцев о том, что это «самоубийственная задача». Время начала лобовой атаки порта было выбрано неразумно -- через два часа после высадки основных сил десанта. К этому времени французы уже были на чеку. Поднятый для предосторожности большой американский флаг на катерах не остановил французов. Они сразу же открыли огонь. Были повреждены оба катера, а десантная группа разгромлена.

Наступление с плацдармов высадки главных сил десанта началось в 9.00, и вскоре после 11.00 легкая бронетанковая колонна полковника Уотерса, выступившая из района залива Арзев, достигла аэродрома Тафараци. Через час было получено сообщение о готовности аэродрома к приему самолетов из Гиб-

ралтара. Но когда колонна повернула на север, она была остановлена недалеко от аэродрома Ла-Сенья, как и колонна полковника Робинетта, выступившая из Мерса-Бу-Зеджара. Наступление пехоты по сходящимся направлениям из залива Арзев и Лез-Андалуза тоже задержалось из-за сопротивления на подступах к Орану.

На второй день не было достигнуто большого успеха, так как сопротивление французов усилилось, а их контратака во фланг арзевского плацдарма расстроила план операции из-за преувеличенно мрачных сообщений, которые заставили генерала Фридендолла отвлечь войска от выполнения других задач. И хотя аэродром Ла-Сенья был захвачен еще днем, его нельзя было использовать из-за непрерывного артиллерийского обстрела. На третье утро, после того как ночью были обойдены очаги сопротивления на дорогах, ведущих к Орану, концентрическое наступление на город возобновилось. Атаки пехоты с востока и запада вновь получили отпор, но они отвлекли на себя внимание обороняющихся, а тем временем передовые отряды двух легких бронетанковых колонн ворвались в город с юга. Не встретив сопротивления, они к середине дня достигли штаба французских войск. Тогда французское командование согласилось капитулировать. Потери американцев за три дня боев на суше составили около 400 человек, а потери французов — еще меньше. Ослабление сопротивления в последний день свидетельствовало о том, что французским командирам было известно о переговорах в Алжире.

Высадка в Алжире прошла более гладко и заняла меньше времени. Немалая заслуга в этом принадлежала генералу Масту и сотрудничавшим с ним офицерам. Нигде не было оказано серьезного сопротивления, за исключением сопротивления при первой попытке прорваться в порт, как и в Оране.

На рассвете 7 ноября американский транспорт «Томас Стоун» был временно выведен из строя торпедой, выпущенной с подводной лодки, в 250 км от Алжира. Дальнейший переход по Средиземному морю прошел без происшествий. Когда несколько разведывательных самолетов обнаружили конвой, никаких атак не последовало. С наступлением темноты конвой повернул на юг к районам высадки. Одна группа высадилась у мыса Матифу, примерно в 25 км к востоку от Алжира, другая — около мыса Сиди-Ферруш, в 15 км к западу от города, а третья группа — еще на 15 км западнее, вблизи Кастильоне. В целях политической маскировки в пунктах, ближайших к Алжиру, высадились американские войска и отряды английских «командос». Англичане же высадились на самом западном участке, у Кастильоне.

Высадка началась точно в 1.00 и протекала без происшествий, хотя условия высадки из-за крутых берегов были сложные. Французские войска, встреченные недалеко от берега, сообщили, что им дано указание не оказывать сопротивления. Около 9.00 был занят аэродром. Высадка восточнее Алжира несколько запоздала и протекала не совсем организованно, но из-за отсутствия сопротивления удалось быстро выправить положение.

Вскоре после 6.00 войска подошли к важному аэродрому Мэзон-Бланш и заняли его, практически не встретив сопротивления. Однако при наступлении на сам Алжир войска наткнулись на сопротивление опорного пункта. Их продвижение приостановилось под угрозой атаки французских танков. Береговая батарея на мысе Матифу тоже отказалась капитулировать и сдалась лишь во второй половине дня, после того как ее дважды обстреляли военные корабли и атаковали пикирующие бомбардировщики.

Попытка прорваться в порт Алжира окончилась хуже. Эту задачу получили английские эсминцы «Броук» и «Малькольм», на которых были подняты большие американские флаги и разместились американский пехотный батальон. По плану эти корабли должны были войти в порт через три часа после высадки десанта. Предполагалось, что порт обороняться не будет. Однако, как только эсминцы подошли к порту, на них обрушился мощный огонь. «Малькольм» получил серьезные повреждения и отошел. «Броуку» с четвертой попытки удалось прорваться, пришвартоваться у причала и высадить войска, которые быстро заняли портовые сооружения. Около 8.00 корабль подвергся сильному артиллерийскому обстрелу и был вынужден покинуть порт. Десантная группа, окруженная французскими колониальными войсками, после полудня сдалась, так как у нее кончились боеприпасы и не было никакой надежды на помощь со стороны главных сил. Впрочем, французы открыли огонь не столько для того, чтобы уничтожить десант, сколько чтобы остановить его продвижение.

При высадке западнее Алжира, около мыса Сиди-Ферруш, произошло гораздо больше путаницы. Некоторые десантно-высадочные средства вышли даже к району высадки англичан, дальше к западу. Подразделения батальонов растянулись вдоль побережья на 25 с лишним километров, а многие десантные катера получили повреждения от прибоя или задержались из-за неисправности двигателей. К счастью, вначале войска встретили дружественный прием. Маст со своими офицерами расчистили им путь, иначе эта высадка окончилась бы дорогостоящим провалом. Однако когда, спешно перегруппировавшись, войска двинулись к Алжиру, они в нескольких пунктах встретили со-

противление. Дело в том, что к тому времени Маста отстранили от командования и его распоряжения о сотрудничестве с союзниками были отменены. Французские войска получили приказ оказывать сопротивление войскам союзников.

Те, кто сотрудничал с союзниками в Алжире, выполнили свою роль исключительно добросовестно. А это было нелегко, если учесть, что их поздно информировали о высадке и ее целях. Собственные планы содействия высадке они незамедлительно привели в исполнение. Вдоль побережья для встречи и сопровождения американцев были выставлены офицеры, телефонная связь в значительной степени оказалась блокированной, были заняты полицейские штабы и участки, несочувствующие высшие чиновники взяты под арест, захваченная радиостанция могла передать обращение самого Жиро или заявление от его имени, которое должно было сыграть решающую роль. В общем, было сделано достаточно, чтобы парализовать сопротивление ко времени высадки и сохранить контроль над городом почти до 7.00 — дольше, чем считалось необходимым.

Однако наступление с участков высадки развивалось гораздо медленнее, чем следовало бы. А когда американцы не появились и к 7.00, стало очевидно, что офицеры, сотрудничающие с союзниками, не пользуются особым влиянием на своих соотечественников. Более того, когда они передали по радио воззвание от имени Жиро, который тоже не явился в ожидаемое время, равнодушие, с каким оно было воспринято, показало, что они переоценили популярность Жиро. Вскоре офицеры, сотрудничающие с союзниками, начали терять контроль над положением и затем были отстранены или арестованы.

Тем временем на высшем уровне велись решающие переговоры. В половине первого ночи Мэрфи отправился к генералу Жуэну и ошеломил его известием о предстоящей высадке мощных сил. Мэрфи потребовал, чтобы Жуэн незамедлительно дал указание не оказывать сопротивления. Он сказал, что войска союзников прибыли по приглашению Жиро, чтобы помочь освобождению Франции. Жуэн не пожелал признать Жиро руководителем, счел недостаточным его авторитет и предложил обратиться к адмиралу Дарлану, который в этот момент случайно оказался в Алжире, прилетев навестить своего тяжело заболевшего сына. Дарлана разбудили по телефону и попросили прибыть на виллу Жуэна, чтобы принять срочное послание от Мэрфи. Когда Дарлану сообщили о предстоящей высадке, он сердито воскликнул: «Я давно знаю, что англичане глупы, но всегда считал, что американцы умнее. Теперь я начинаю верить, что вы совершаете столько же ошибок, сколько и они».

Однако, немного поспорив, Дарлан в конце концов согласился послать радиogramму маршалу Петэну с сообщением о сложившейся обстановке и с просьбой предоставить ему свободу действий. Тем временем виллу окружил отряд антивишистов. Дарлан фактически оказался под стражей. Немного погодя отряд жандармерии прогнал антивишистов и арестовал Мэрфи. Дарлан и Жуэн, с подозрением глядя друг на друга, отправились в штаб в Алжир. Там Жуэн отдал распоряжение освободить генерала Кельца и других офицеров, арестованных Масто и его сотрудниками, и в свою очередь арестовал последних. Дарлан около 8 часов утра послал еще одну телеграмму маршалу Петэну, где указывал, что «положение ухудшается и оборона скоро будет сломлена». Это был явный намек на то, чтобы разумно склониться перед превосходящими силами союзников. Петэн в своем ответе предоставил ему требуемые полномочия.

Примерно в 9.00 американский поверенный в делах в Виши Такк отправился к Петэну и передал ему письмо Рузвельта с предложением о сотрудничестве. Петэн вручил заранее подготовленный ответ, где выражал «недоумение и огорчение» по поводу американской «агрессии» и заявлял, что Франция будет сопротивляться нападению на свою империю даже со стороны старых друзей: «Таков приказ, который я отдаю». Через несколько часов премьер-министр Лаваль принял предложение немцев об оказании помощи авиацией, и к вечеру державы оси начали готовить силы для переброски в Тунис.

Тем временем Дарлан на свою ответственность отдал распоряжение французским войскам и кораблям в зоне Алжира прекратить огонь. Хотя этот приказ не относился к районам Орана и Касабланки, Дарлан уполномочил Жуэна достигнуть договоренности относительно всей Северной Африки. Кроме того, в начале вечера было достигнуто соглашение, что в 20.00 контроль над Алжиром переходит к американцам и что союзники могут пользоваться портом с рассвета следующего дня, 9 ноября.

Днем 9 ноября прибыли Кларк для ведения дальнейших переговоров и Андерсон, которому предстояло принять командование союзными войсками в предстоящем наступлении на Тунис. Немного раньше прибыл Жиро, но, обнаружив, что другие французские руководители отнюдь не обрадовались его приезду, поселился уединенно. По замечанию Кларка, «он фактически ушел в подполье», однако на следующее утро Жиро явился на первое совещание Кларка с Дарланом, Жуэном и их главными помощниками.

Кларк потребовал, чтобы Дарлан отдал приказ о немедленном прекращении огня во всей Французской Северной Африке.

Дарлан заколебался, объяснив, что ждет указаний из Виши. Тогда Кларк стукнул кулаком по столу и заявил, что в таком случае приказ отдаст Жиро. Дарлан на это возразил, что Жиро не имеет ни юридических полномочий, ни достаточного личного авторитета. Дарлан также предупредил, что такой приказ «приведет к немедленной оккупации немцами Южной Франции» (и это предсказание вскоре оправдалось). Дальнейший спор под аккомпанемент ударов кулаком по столу кончился тем, что Кларк в резкой форме заявил Дарлану: если тот немедленно не отдаст приказ, то будет арестован. Кларк заранее позаботился расставить вокруг здания вооруженную охрану. Дарлан, коротко посоветовавшись со своим штабом, принял ультиматум и в 11.20 разослал приказ.

Когда об этом сообщили в Виши, Петэн вначале был склонен одобрить решение Дарлана, но Лаваль, услышав об этом по пути в Мюнхен, связался по телефону с Петэном и убедил его не признавать этого решения. Вскоре после полудня Кларк получил сообщение, что вишисты отвергают перемирие. Когда Кларк информировал об этом Дарлана, тот удрученно заметил: «Мне больше ничего не остается, как отменить приказ, который я подписал утром». Кларк на это возразил: «Вы не сделаете ничего подобного. Приказ не будет отменен, а для большей уверенности я буду держать вас под арестом». Дарлан, который сам намекнул на возможность такого решения, проявил полную готовность принять его и направил ответ Петэну: «Я аннулирую свой приказ и становлюсь пленником». Аннулирование предназначалось только для ушей вишистов и немцев. На следующий день Петэн под нажимом Гитлера объявил через Лаваль, что вся власть в Северной Африке переходит от Дарлана к Ногесу. Перед этим Дарлан получил от Петэна секретное послание о том, что он отклонил перемирие под нажимом немцев и что это решение противоречит его личным стремлениям. Такая двойная игра была вынужденной, вызванной опасной ситуацией во Франции, однако она не внесла ясности в положение французских военных руководителей в Северной Африке вне Алжира.

Внести ясность и разрешить их сомнения помог Гитлер, отдав приказ своим войскам занять неоккупированную часть Франции, которая по соглашению о перемирии 1940 года оставалась под контролем правительства Виши. В течение 8 и 9 ноября правительство Виши увиливало от предложения Гитлера о вооруженной поддержке, выдвигая отговорки, которые лишь возбуждали его подозрение. 10 ноября в Мюнхен для встречи с Гитлером и Муссолини прибыл Лаваль. Гитлер потребовал, чтобы порты и авиационные базы Туниса были открыты для войск

стран оси. Сразу же после окончания встречи с Лавалем он отдал приказ войскам в полночь вступить в неоккупированную часть Франции (этот шаг уже был подготовлен) и захватить совместно с итальянцами тунисские авиационные и морские базы.

Немецкие механизированные войска быстро захватили южную Францию, а шесть итальянских дивизий вступили в нее с востока. Во второй половине дня 9 ноября на аэродром вблизи Туниса начали прибывать немецкие самолеты с войсками охраны. Начиная с 11 ноября масштабы переброски по воздуху увеличились. Соседние французские части были разоружены, а в Бизерту морским путем стали поступать танки, орудия, транспортные машины и запасы. К концу месяца прибыло 15 тыс. немецких солдат и офицеров и около 100 танков. Значительная часть личного состава приходилась на административный персонал для организации базы. Прибыло также около 9 тыс. итальянцев, которых использовали главным образом для прикрытия южного фланга. В условиях поспешно организованной переброски в тот период, когда войска стран оси повсюду испытывали жестокий нажим, это было немалое достижение. Однако эти силы выглядели весьма малочисленными по сравнению с тем количеством войск, какое доставили союзники во Французскую Северную Африку, и возможность сопротивления оказалась бы незначительной, если бы по плану операции «Торч» большая часть союзных экспедиционных сил выделялась бы для наступления на Тунис или если бы союзное командование быстрее развертывало наступление.

Вторжение немцев в Южную Францию только способствовало упрочению положения союзников в Африке, так как оно потрясло местных французских командиров. Утром 11 ноября, еще до поступления сообщения об этом, в Алжире опять создавалось неустойчивое положение. Началось с того, что Кларк посетил Дарлана и потребовал от него принять все неотложные меры: приказать французскому флоту в Тулоне прибыть в любой североафриканский порт и отдать распоряжение губернатору Туниса французскому адмиралу Эстева оказать сопротивление вступлению немцев. Дарлан вначале увиливал, утверждая, что его приказам могут не подчиниться, так как по радио было объявлено о его смещении с поста командующего французскими вооруженными силами. После дальнейшего нажима Дарлан отказался принять требования Кларка. Во второй половине дня американскому генералу передали по телефону просьбу вновь встретиться с Дарланом. Теперь Дарлан, учитывая развитие событий во Франции, согласился удовлетворить требования Клар-

ка, хотя свою телеграмму командующему флотом в Тулоне он сформулировал скорее как настойчивый совет, чем приказ. Повлияло на Дарлана и согласие генерала Ногеса, назначенного правительством Виши преемником Дарлана, прибыть на следующий день в Алжир на совещание.

Однако в ночь на 12 ноября Кларк получил новый удар, узнав, что приказ Дарлана об оказании сопротивления в Тунисе отменен. Кларк вызвал к себе в гостиницу Дарлана и Жуэна, и вскоре выяснилось, что в изменении приказа повинен Жуэн. Он утверждал, что приостановил исполнение приказа в ожидании прибытия Ногеса, который теперь был его законным начальником. Такие тонкости в отношении законности, хотя и характерные для французских военных принципов, казались Кларку просто юридической уверткой. Французы уступили его настойчивому требованию немедленно, не ожидая прибытия Ногеса, вторично послать приказ в Тунис. Однако их несогласие на участие в совещании Жиро вновь возбудило подозрения Кларка. Американского генерала настолько вывели из себя эти проволочки, что он пригрозил посадить всех французских руководителей под арест и запереть их на борту корабля в порту, если они в течение двадцати четырех часов не придут к удовлетворительному решению.

Это помогло Дарлану, обладавшему более тонким чувством реальности, чем многие его соотечественники, договориться с Ногесом и другими о заключении рабочего соглашения с союзниками; был включен пункт и о признании Жиро. На следующем совещании 13 ноября решение вопроса ускорила новая угроза Кларка посадить всех под арест. Во второй половине дня соглашение было достигнуто и незамедлительно утверждено Эйзенхауэром, только что прилетевшим из Гибралтара. По условиям соглашения Дарлан назначался верховным комиссаром и командующим военно-морскими силами; Жиро — командующим сухопутными и военно-воздушными силами; Жуэн — командующим восточным сектором; Ногес — командующим западным сектором и генеральным резидентом во Французском Марокко. Активное сотрудничество с союзниками в освобождении Туниса предполагалось начать немедленно.

Эйзенхауэр утвердил соглашение с готовностью. Он, подобно Кларку, понимал, что Дарлан — единственный человек, способный убедить французов перейти на сторону союзников. Эйзенхауэр еще находился под впечатлением слов Черчилля, сказанных ему перед отлетом из Лондона: «Если б я мог встретиться с Дарланом, хоть я его и ненавижу, то с радостью прополз бы мимо на четвереньках, если бы это могло заставить его

привлечь французский флот в орбиту союзных вооруженных сил». Решение Эйзенхауэра одобрили Рузвельт и Черчилль.

Однако «сделка с Дарланом», которого пресса так долго представляла как зловещего пронациста, вызвала бурю протеста в Англии и Америке. Этому не предвидели ни Черчилль, ни Рузвельт. В Англии волна возмущения была наиболее сильной, поскольку там находился де Голль и его сторонники старались разжечь народный гнев. Рузвельт, стараясь успокоить общественность, выступил с публичным разъяснением, в котором привел фразу из конфиденциальной телеграммы Черчилля, где говорилось, что соглашение с Дарланом — «это лишь временное средство для достижения цели, оправданное исключительной напряженностью битвы». Более того, на закрытой пресс-конференции Рузвельт в оправдание этого соглашения привел старинное изречение Православной Церкви: «Дети мои, в час серьезной опасности вам разрешается идти с самим дьяволом, пока вы не перейдете мост».

Разъяснение Рузвельта о том, что это соглашение — «лишь временное средство для достижения цели», естественно, было ударом для Дарлана, который почувствовал себя обманутым. В письме Кларку он с горечью отмечал, что как публичное заявление, так и частные высказывания свидетельствуют о том, что его рассматривают «лишь как лимон, который американцы выкинут после того, как выжмут его досуха». Заявление Рузвельта вызвало возмущение и у французских командиров, поддерживавших Дарлана при достижении соглашения с союзниками. Встревоженный Эйзенхауэр телеграфировал в Вашингтон, отмечая, что «нынешние настроения французов даже отдаленно не напоминают прежние расчеты, и крайне важно не предпринимать никаких опрометчивых действий, которые нарушили бы достигнутое нами равновесие». Фельдмаршал Сметс, прилетевший в Алжир на обратном пути из Лондона в Южную Африку, телеграфировал Черчиллю: «Что касается Дарлана, то опубликованные заявления выбили из колеи местных французских руководителей, и было бы опасно и впредь придерживаться этого курса. Ногес угрожает отставкой, а, поскольку он управляет марокканским населением, такой шаг мог бы вызвать далеко идущие последствия».

Тем временем Дарлан заключил конкретное и детальное соглашение с Кларком о совместных действиях. Дарлан также убедил французских руководителей в Западной Африке последовать его примеру и открыть союзникам важнейший порт Дакар и авиационные базы. Однако в сочельник Дарлан был убит молодым фанатиком Бонье де ля Шапеллем. Убийца принадле-

жал к роялистским и голлистским кругам, требовавшим отстранения Дарлана от власти. Устранение Дарлана помогло союзникам разрешить щекотливую политическую проблему и расчило путь де Голлю. К тому времени союзники уже успели извлечь выгоды из своей «сделки» с Дарланом. Черчилль в своих мемуарах замечает: «Убийство Дарлана, хотя и было преступлением, освободило союзников от неловкости из-за сотрудничества с ним и в то же время сохранило союзникам все выгоды, которые он им предоставил в решающие часы высадки». По приказу Жиро убийцу Дарлана быстро предали военному суду и казнили. На следующий день французские руководители согласились избрать Жиро верховным комиссаром вместо Дарлана. Жиро на короткое время «заполнил вакуум».

Не заручись союзники поддержкой Дарлана, им пришлось бы гораздо труднее. Ведь в Северной Африке было около 120 тыс. французских войск: 55 тыс. человек в Марокко, 50 тыс. человек в Алжире и 15 тыс. человек в Тунисе. Даже при большой рассредоточенности они представляли бы собой серьезное препятствие, если бы продолжали оказывать сопротивление союзникам¹⁰³.

Единственно, где помощь и авторитет Дарлана не принесли желаемого результата, это в вопросе перевода главных сил французского флота из Тулона в Северную Африку. Командующий флотом адмирал де Лаборде не решился откликнуться на призыв Дарлана без подтверждения со стороны Петэна, а специальный эмиссар, посланный Дарланом убедить адмирала, был схвачен немцами. Пока Лаборде колебался, немцы подошли вплотную к военно-морской базе, однако не стали ее оккупировать, и Тулон продолжали занимать французские войска. Немцы планировали захватить флот в неприкосновенности и 27 ноября нанесли удар, предварительно минировав выходы из порта. Однако, хотя французы были лишены возможности прорваться, им все же удалось осуществить заранее подготовленный план и быстро затопить корабли, так что попытка немцев захватить французский флот была сорвана. Тем самым осуществилось заверение Дарлана, которое он дал на первом совещании с Кларком в Алжире 10 ноября: «Ни при каких обстоятельствах наш флот не попадет в руки немцев». Разочарование союзников по поводу того, что французский флот не прибыл в Северную Африку, компенсировалось чувством облегчения, когда после его потопления исчезла опасность использования французских кораблей против союзников.

Другим положительным фактором для союзников в этот критический период, и особенно в первые дни, было то, что испан-

цы воздержались от всякого вмешательства и что Гитлер не попытался нанести удар через Испанию по западному входу в Средиземное море. Испанская армия могла бы лишить союзников возможности использовать порт и аэродром Гибралтара, обстреливая их артиллерийским огнем из Алжесираса, и перерезать коммуникации между войсками Паттона и союзными войсками в Алжире, так как железная дорога от Касабланки до Орана проходит вблизи границы Испанского Марокко, всего в 30 км. Когда планировалась операция «Торч», англичане утверждали, что в случае вмешательства Франко использовать Гибралтар будет невозможно. Штаб Эйзенхауэра, осуществлявший планирование, подсчитал, что для оккупации Испанского Марокко потребуется пять дивизий и эта операция займет три с половиной месяца. К счастью, Франко удовольствовался статусом «невоюющего» союзника стран оси, тем более что американцы покупали испанские продукты и позволяли ему получать нефть из зоны Карибского моря. Архивы стран оси свидетельствуют, что Гитлер, учитывая прежний опыт, когда Франко искусно уваливал от его предложения двинуться через Испанию на Гибралтар, практически не рассматривал попытку такого контрудара в ноябре 1942 года. Эту идею возродил Муссолини в апреле следующего года, когда войска стран оси в Тунисе испытывали сильный нажим и возникла угроза скорого вторжения союзников в Италию. Но даже тогда Гитлер отклонил просьбу Муссолини, так как боялся, что его «невоюющий» союзник будет решительно и упорно сопротивляться продвижению через Испанию, и продолжал верить, что войска стран оси сумеют удержать Тунис. Его уверенность основывалась на успехе весьма малочисленных сил стран оси, отправленных в Тунис в конце ноября и сумевших в то время сдержать наступление союзников.

Продвижение к Тунису

Наступление на Тунис и Бизерту началось с высадки морского десанта в порту Бужи, примерно в 150 км восточнее Алжира. Это был сокращенный вариант первоначального плана, который, исходя из полного и безотлагательного сотрудничества французов, предполагал использовать парашютные войска и высадку морского десанта «коммандос» для захвата аэродрома Бона, Бизерты и Туниса соответственно 11, 12 и 13 ноября. Второй эшелон войск, высадившихся в Алжире, должен был захватить порт Бужи и аэродром в Джиджелли, в 65 км от передовой базы. Однако в условиях неопределенности после высадки в Алжире этот план сочли слишком рискованным и высадку десантов в более отдаленных от передовой базы пунктах отменили. Вместо этого 9 ноября было решено занять Бужи и аэродром, а затем стремительно двинуть отряд к конечной железнодорожной станции Сук-Ахрас вблизи тунисской границы; одновременно воздушный и морской десанты должны были занять Бон.

Вечером 10 ноября два усиленно охраняемых конвоя вышли из Алжира, имея на борту 36-ю бригаду английской 78-й дивизии. Бригада прибыла в район Бужи рано утром на следующий день, однако, опасаясь враждебной встречи, потеряла время, высаживаясь на необорудованных берегах при сильном прибое. На самом же деле

встреча оказалась дружественной. Из-за сильного приобоя намеченная высадка вблизи Джиджелли не состоялась, и аэродром не был занят своевременно. В результате не удалось обеспечить эффективное прикрытие высадки с воздуха. Аэродром захватили только через два дня. Рано утром 12 ноября отряд «коммандос» проскользнул в порт Бон, а на аэродром был сброшен отряд парашютистов. Французы не оказали сопротивления.

13 ноября усиленная бригада двинулась вперед из Бужи, а другие части дивизии начали наступать по суше из Алжира; за ними следовала группа «Блейд» — только что высадившийся 17/21-й уланский полк¹⁰⁴ из состава 6-й бронетанковой дивизии с приданными подразделениями под командованием полковника Халла. Чтобы расчистить путь группе, намечалось 15 ноября выбросить английский парашютно-десантный батальон в район Сук-эль-Арбы, в 130 км от Туниса, на тунисской территории, и американский парашютно-десантный батальон вблизи Тебессы для прикрытия южного фланга и захвата передового аэродрома в этом районе. Американский десант был выброшен точно по плану, и через два дня этот батальон под командованием полковника Раффа захватил аэродром в Гафсе, в 110 км от залива Габес и дефиле, идущего от Триполи. Выброска англичан задержалась на день из-за непогоды, а передовые сухопутные части двигались так быстро, что к 16 ноября тоже достигли Сук-эль-Арбы. К этому времени другая колонна, наступавшая вдоль прибрежной дороги, подошла к небольшому тунисскому порту Табарка на пути в Бизерту.

На следующий день, 17 ноября, генерал Андерсон отдал приказ 78-й дивизии после сосредоточения в передовом районе наступать на Тунис и уничтожить силы стран оси. Такая пауза для сосредоточения, какой бы желанной она ни казалась, была угрожающей, если учитывать малочисленность прибывших сил стран оси: не полностью укомплектованный парашютно-десантный полк из двух батальонов в Тунисе, переброшенный по воздуху из Италии 11 ноября, и два батальона в Бизерте (один парашютно-саперный и один пехотный). А 16 ноября в сопровождении единственного штабного офицера прибыл генерал Неринг, бывший командир Африканского корпуса. Неринг был тяжело ранен в сражении под Алам-Хальфой. Теперь, поправившись, он вступил в командование этими войсками численностью около 3 тыс. человек, которые составляли ядро 90-го корпуса. Даже к концу месяца так называемый корпус по численности был равен только дивизии.

Немцы, не дожидаясь сосредоточения сил англичан, быстро нанесли удар в западном направлении и этим смелым шагом скрыли свою слабость. Французские войска в Тунисе, хотя и более многочисленные, отступили перед ними во избежание преждевременного столкновения до подхода союзных подкреплений. Парашютно-десантный батальон (всего около 300 человек) под командованием капитана Кнохе 17 ноября двинулся вдоль дороги Тунис-Алжир и заставил находившиеся там французские войска отступить к узлу дорог Меджез-эль-Баб (в 55 км к западу от Туниса) с важным мостом через р. Меджерда. Здесь в ночь на 18 ноября французы были усилены подразделениями группы «Блейд», включая английский парашютно-десантный батальон и американский дивизион полевой артиллерии (17/21-й уланский полк еще не прибыл).

В 4.00 французского командующего в Тунисе генерала Барре вызвали для встречи с немецким парламентаром, передавшим ультиматум Неринга, который требовал, чтобы французы отошли на линию вблизи границы Туниса. Барре пытался вступить в переговоры, но немцы поняли, что он просто старается выиграть время. Рано утром немецкая разведка обнаружила присутствие союзных войск. В 9.00 немцы прервали переговоры и через четверть часа открыли огонь. Через полтора часа появились немецкие пикирующие бомбардировщики. Вслед за этим немецкие парашютисты предприняли две небольшие атаки, и эта видимость решительного наступления создала преувеличенное впечатление об их силах. Союзники сочли, что они не смогут продержаться, если не подойдут на помощь новые подкрепления, а распоряжения генерала Андерсона исключали такую помощь, пока не будет закончено сосредоточение союзных войск для планируемого наступления на Тунис.

С наступлением темноты капитан Кнохе выслал небольшие группы, которые переплыли реку и весьма успешно имитировали наступление большими силами. Войска союзников отступили от моста, оставив его в неприкосновенности. Ближе к полуночи местный английский командир вызвал на свой командный пункт французского командира и потребовал немедленно отвести войска на более безопасную позицию, на высоты. Это было сделано, и немцы заняли Меджез-эль-Баб. Это был поразительный пример того, как небольшой отряд дерзкими действиями может обмануть противника.

Парашютно-саперный батальон из Бизерты под командованием майора Витцига с несколькими танками двинулся на запад по прибрежной дороге и у Джебель-Абиода встретил головной батальон 36-й усиленной пехотной бригады 6-й западнокент-

ской дивизии. Немцы разгромили часть батальона, но он сумел продержаться до подхода остальных подразделений бригады.

Тем временем высланные к югу небольшие немецкие отряды захватили ключевые города на пути из Триполи — Сус, Сфакс и Габес. Около 50 парашютистов напугали французский гарнизон и заставили его эвакуироваться из Габеса, а 20 ноября к парашютистам прибыло подкрепление — два итальянских батальона из Триполи. Вместе они отразили атаку американских парашютистов полковника Раффа на Габес. Небольшая немецкая танковая колонна 22 ноября вытеснила французов из Сбейтлы и перед возвращением в Тунис оставила там итальянский отряд, который, однако, вскоре был изгнан другим отрядом батальона Раффа.

Тем не менее малочисленные силы Неринга не только сохранили свои плацдармы в районе Туниса и Бизерты, но и расширили их, создав очень большой плацдарм в северной части Туниса.

Намеченное Андерсоном наступление с целью захвата Туниса началось только 25 ноября. За время этой паузы скудные силы немцев увеличились в три раза, хотя непосредственно боевые части включали лишь два небольших парашютно-десантных полка (двухбатальонного состава), парашютно-саперный батальон, три пехотных батальона из новобранцев и две роты танкового батальона с 30 танками. В числе последних было несколько танков нового образца с длинноствольными 75-мм пушками. Таким образом, из-за длительной задержки Андерсона у границы Туниса в ожидании, пока завершится сосредоточение войск, резкое неравенство сил стран оси и союзников сократилось.

Сам Андерсон 21 ноября высказал сомнение в возможности выполнить поставленную задачу имеющимися силами. По распоряжению Эйзенхауэра ему на подкрепление были поспешно направлены дополнительные американские части, в том числе боевое командование «В» 1-й бронетанковой дивизии, которое проделало путь в 1100 км от самого Орана (колесные и полугусеничные машины — по дорогам, а танки — железнодорожным транспортом)¹⁰⁵. Только часть этих сил прибыла к началу операции.

Наступление развивалось по трем направлениям: слева, около побережья, — 36-я усиленная пехотная бригада; в центре — более многочисленная группа «Блейд»; справа, вдоль главного шоссе, — 11-я усиленная пехотная бригада. Каждой были приданы американские бронетанковые и артиллерийские подразделения.

Левая группа, наступавшая по холмистой прибрежной дороге, выступила днем позже и в первые два дня продвигалась весьма осторожно — всего по 10 км в день. Перед ней отходил малочисленный парашютно-саперный батальон Витцига. 28 ноября она продвинулась в два раза быстрее, но натолкнулась на засаду, устроенную Витцигом в дефиле около станции Джефна, и головной батальон был сильно потрепан. Предпринятая 30 ноября атака более крупными силами оказалась безуспешной, и наступление было прекращено. Полученный отпор в свою очередь привел к провалу десантной операции смешанного англо-американского отряда «коммандос», который рано утром следующего дня высадился на побережье к северу от Джефны и блокировал дорогу восточнее Матёра. Через три дня ему пришлось уйти, так как не было никаких признаков поступления помощи, а средств для продолжения боевых действий почти не осталось.

В центре действовала группа «Блейд». В дальнейшем она была усилена американским легким танковым батальоном (1-м батальоном 1-го танкового полка, вооруженным танками «стюарт»), и в ней насчитывалось значительно больше 100 танков; 25 ноября она продвинулась на 50 км к проходу Шуиги после прорыва линии охранения, занимаемой небольшим отрядом противника. На следующее утро ее продвижение остановил немецкий отряд, состоящий из танковой роты с десятью танками и двух рот пехоты. Он нанес удар к югу от Матёра. Восемь немецких танков были подбиты, главным образом американскими 37-мм противотанковыми пушками. Это привело к тому, что английское высшее командование приостановило наступление группы «Блейд» и рассредоточило ее силы для прикрытия фланга правой группы.

Обе стороны блуждали в «тумане войны». Такая осторожность со стороны англо-американских войск в решающий момент была неразумной и составляла резкий контраст с дерзостью немцев, а ведь накануне небольшой отряд группы «Блейд» хотя и случайно, но сильно напугал немецкое высшее командование. Произошло это так. Халл приказал командиру американского легкого танкового батальона подполковнику Уотерсу разведать мосты через р. Меджерда около Тебурбы и Джедейды. Эта задача была поручена роте «С» под командованием майора Барлоу. Случилось так, что она вышла к границе недавно введенного в эксплуатацию аэродрома Джедейды. Воспользовавшись представившейся возможностью, Барлоу атаковал аэродром 17 танками и уничтожил около 20 самолетов (в донесениях эта цифра возросла до 40). Этот глубокий прорыв, масштабы

которого также были раздуты в донесениях, так потряс Неринга, что он оттянул свои войска для непосредственной обороны Туниса.

Правая группа союзников, наступавшая вдоль главного шоссе, была сразу остановлена при атаке Меджез-эль-Баба¹⁰⁶, а контратаки немцев привели к беспорядочному отступлению. 25 ноября с наступлением темноты Неринг, потрясенный рейдом на Джедейду, приказал обороняющимся отойти, опасаясь, что их разобьют при новой атаке. Преследуя отходящие подразделения, колонна союзников рано утром 27 ноября заняла Тебурбу, в 30 км от Меджез-эль-Баба. Однако на следующий день после незначительного продвижения ее внезапно остановила в Джедейде (в 20 км от Туниса) смешанная батальонная группа. Возобновившееся 29 ноября наступление тоже было отражено. Тогда генерал Ивлей посоветовал приостановить наступление до подхода новых подкреплений, а для борьбы с немецкими пикирующими бомбардировщиками, которые все больше тревожили войска союзников, выделить истребители непосредственного прикрытия.

Андерсон и Эйзенхауэр приняли его рекомендации. В эти два дня Эйзенхауэр побывал на передовых позициях и слышал от американских офицеров один и тот же вопрос: «Где же наша распроклятая авиация? Почему мы видим одни только «хейнкели»?» В своих мемуарах Эйзенхауэр замечает: «Все, с кем мне пришлось разговаривать по пути, преувеличивали размеры ущерба, однако страшно было выслушивать замечания, подобные следующему: „Нашим войскам обязательно придется отступить; люди не могут существовать в таких условиях“»¹⁰⁷.

Между тем фельдмаршал Кессельринг, посетивший Тунис в это же время, упрекал Неринга в чрезмерной осторожности и оборонительной тенденции. Кессельринг отверг доводы о значительной превосходящей численности союзных войск и о том, что поступлению подкреплений войскам стран оси сильно препятствует бомбардировка аэродромов союзниками. Критикуя решение об отходе от Меджез-эль-Баба, он приказал Нерингу вновь захватить утраченную территорию, хотя бы до Тебурбы. И вот 1 декабря три танковые роты примерно с 40 танками и поддерживаемыми подразделениями, в том числе с трехорудийной батареей полевой артиллерии и двумя ротами противотанковых пушек, нанесли контрудар. Контрудар был направлен не прямо против сил, атаковавших Джедейду, а с севера во фланг, в направлении прохода Шуиги, с целью выйти в тыл союзников в районе Тебурбы. Немцы двумя колоннами сначала нанесли удар по группе «Блейд», прикрывавшей фланг, разгромили часть ее сил. Потом, во второй половине дня, они двинулись к

Тебурбе, но, прежде чем немцам удалось достичь своей цели, они были остановлены артиллерийским огнем и бомбардировкой с воздуха.

Однако постоянный нажим противника создал такую непосредственную угрозу, что авангард союзников пришлось оттянуть из Джедейды на позицию около Тебурбы. И 3 декабря Неринг бросил в бой все имевшиеся здесь немецкие подразделения, оставив лишь небольшую группу для охраны города Тунис. В ту ночь авангард союзников был вытеснен из Тебурбы и едва сумел ускользнуть по грунтовой дороге вдоль берега реки, побросав много имущества и транспортных средств. В ходе контрудара немцы захватили в плен больше 1000 человек, и их трофеи составили больше 50 танков.

К этому времени немцы в качестве подкреплений получили пять новых танков «тигр» с длинноствольными 88-мм пушками. Эти чудовища считались «секретным оружием», но Гитлер решил послать несколько танков в Тунис для испытания их в бою; два из них были приданы боевой группе в сражении за Тебурбу.

В течение последующих дней командование союзников готовилось в скором времени возобновить наступление большими силами. Однако надежды на его осуществление вскоре исчезли после предпринятых Нерингом мер по развитию успеха. Неринг решил использовать свои небольшие танковые силы для захвата Меджез-эль-Баба путем широкого обходного маневра к югу от р. Меджерда. Здесь только что развернулось боевое командование «В» американской 1-й бронетанковой дивизии с задачей возобновить наступление. Передовой отряд этого командования расположился в Джебель-эль-Гессе, на возвышенной местности к юго-западу от Тебурбы, господствующей над расположенной южнее равниной. Прежде чем начать свой обходный маневр, немцы утром 6 декабря атаковали позиции отряда и вытеснили его. Подкрепления, направленные американцам, прибыли слишком поздно и получили отпор, понеся большие потери.

Этот удар немцев заставил вновь прибывшего командира английского 5-го корпуса генерал-лейтенанта Олфри отдать приказ об отводе войск, расположенных севернее реки, с позиции вблизи Тебурбы на позицию у высоты 200 (которую англичане называли Долгой стоянкой), ближе к Меджез-эль-Бабу. Более того, Олфри предложил отойти еще дальше, на рубеж западнее Меджез-эль-Баба. Андерсон одобрил это предложение, но Эйзенхауэр его отверг. Тем не менее высота Долгая стоянка была оставлена.

В письме к своему другу генералу Хэнди от 7 декабря Эйзенхауэр писал: «По-моему, наши боевые действия лучше

всего охарактеризовать как нарушение всех общепризнанных принципов ведения войны, как противоречащие всем правилам проведения операций и обеспечения войск, изложенным в уставах. Их будут подвергать критике в Ливенуорте и военном колледже еще лет 25».

10 декабря немцы нанесли новый фланговый удар силами, в состав которых входило около 30 средних танков и два «тигра», однако в трех километрах от Меджез-эль-Баба они были остановлены огнем удачно расположенной французской батареи; пытаясь обойти ее с фланга, танки сошли с дороги, застряли в грязи и под угрозой удара в тыл со стороны отряда американского боевого командования «В» были вынуждены отступить. Тем не менее они косвенно добились непредвиденного успеха, так как с наступлением темноты боевое командование «В» начало отход со своей незащищенной позиции. Под влиянием ложного слуха об угрозе со стороны немцев оно свернуло затем на топкую дорогу, идущую вдоль реки. Здесь многие из уцелевших танков и других машин застряли и были брошены. Это пагубно отразилось на перспективе скорого возобновления наступления союзников на Тунис. К этому времени в боевом командовании «В» осталось всего 44 танка, пригодных к бою, — едва четвертая часть его штатной численности. Два немецких контрудара весьма чувствительно подорвали планы союзников.

Тем временем Гитлер назначил генерал-полковника Арнима верховным главнокомандующим войсками стран оси, которые были сведены в 5-ю танковую армию. Арним 9 декабря принял командование от Неринга и с прибытием новых подкреплений приступил к расширению двух позиций круговой обороны, охватывающих Тунис и Бизерту, в общий плацдарм. Он состоял из цепи опорных пунктов и простирался на 150 км от побережья примерно в 30 км к западу от Бизерты до Анфидавила на восточном берегу. Плацдарм делился на три сектора: северный обороняла дивизия Бройха (названная по имени ее командира), центральный (от пункта западнее прохода Шуиги до Пон-дю-Факса включительно) — 10-я танковая дивизия, прибывавшая небольшими группами, и южный сектор — итальянская дивизия «Суперга». По оценке разведки союзников, силы стран оси в середине декабря насчитывали около 25 тыс. человек в боевых частях, 10 тыс. человек административного персонала и 80 танков. Эта оценка была явно завышенной. Действующие боевые части союзников насчитывали около 40 тыс. человек: около 20 тыс. англичан, 12 тыс. американцев и 7 тыс. французов, а общая численность союзных войск была гораздо выше из-за раздутого административно-хозяйственного аппарата.

Задержка в сосредоточении войск, отчасти из-за плохой погоды, вынудила Андерсона отложить возобновление наступления. Он решил начать наступление 24 ноября, чтобы воспользоваться полнолунием для ночной атаки пехоты. Наступление намечалось провести силами английских 78-й пехотной и 6-й бронетанковой дивизий и частью сил американской 1-й пехотной дивизии.

Для обеспечения развертывания были предприняты две частные атаки с целью захвата высоты Долгая стоянка и высоты 466, расположенной севернее на подступах к Тебурбе. Из-за плохой погоды обе атаки потерпели неудачу и вылились в затяжные бои с переменным успехом. По этой причине пришлось отложить основное наступление. К 25 декабря немцы полностью овладели своими прежними позициями и, вполне естественно, переименовали высоту Долгая стоянка в Рождественскую высоту.

В канун Рождества Эйзенхауэр и Андерсон решили отказаться от намеченного наступления, учитывая свои неудачи и проливные дожди, превратившие поле боя в болото. Союзники проиграли «гонку к Тунису».

Однако эта неудача впоследствии обернулась величайшим благом. Ведь не потерпи союзники такой неудачи, у Гитлера и Муссолини не появилось бы ни времени, ни побуждения направить в Тунис огромные подкрепления и довести численность войск, оборонявших этот плацдарм, до 25 тыс. человек, которым приходилось воевать, имея за собой море, где господствовал противник, и под постоянной угрозой оказаться в западне. Когда в мае силы стран оси были в конце концов сокрушены, юг Европы оказался почти оголенным, так что последующее вторжение союзников в Сицилию в июле прошло сравнительно легко¹⁰⁸.

Если бы не неудача союзников в декабре, весьма вероятно, что их вторжение в Европу было бы отражено. То, что Черчилль любил называть «мягким подбрюшием», представляло собой гористую, очень трудную для наступающих войск местность, которая «смягчалась» лишь недостатком сил обороняющихся.

Перелом на Тихом океане

Своей цели на Тихом океане — создания так называемой «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания» — Япония практически достигла за четыре месяца. Были полностью завоеваны Малайя, Голландская Восточная Индия и Гонконг, а также почти все Филиппины и южная часть Бирмы. Потом капитуляция острова-крепости Коррехидора означенвала утрату американцами последнего плацдарма на Филиппинах. Через неделю англичан вытеснили из Бирмы в Индию, и Китай оказался отрезанным от своих союзников. В результате таких обширных завоеваний японцы потеряли около 15 тыс. человек, 380 самолетов и четыре эсминца.

После ряда легких побед японцы, естественно, не захотели переходить к обороне, как предписывал их стратегический план. Они опасались, что такая перемена может привести к постепенному упадку боевого духа и в то же время дать их западным противникам, экономически гораздо более сильным, передышку для восстановления сил. Командование японских военно-морских сил, в частности, стремилось лишить американцев возможности использовать Гавайские острова и Австралию. Оно указывало, что авианосные силы американского флота все еще могут базироваться на Гавайях, а Австралию американцы явно превращают в трамплин и опорный пункт.

Командование японских сухопутных войск, внимание которого по-прежнему было направлено на Китай и Маньчжурию, не хотело высвободить войска для таких огромных по масштабу операций, как, например, вторжение в Австралию. Раньше оно также уклонилось от участия в осуществлении плана по захвату Цейлона, разработанного штабом объединенного флота.

Впрочем, командование военно-морских сил надеялось, что еще один удачный удар может преодолеть сопротивление армейских начальников и убедить их предоставить войска для той или иной операции. Однако и среди представителей военно-морского командования не было единого мнения относительно направления удара. Адмирал Ямамото и штаб объединенного флота поддерживали план захвата островов Мидуэй (1700 км к западу от Перл-Харбора) в качестве приманки, чтобы втянуть в бой американский Тихоокеанский флот и разгромить его. Штаб ВМС предпочитал нанести удар через Соломоновы острова с целью захвата Новой Каледонии, Фиджи и Самоа, чтобы блокировать морские пути между Америкой и Австралией. Веским аргументом в пользу плана изоляции Австралии было то обстоятельство, что японцы, проделав большой путь, уже были близки к завершению своих планов экспансии. К концу марта они продвинулись из Рабаула на Соломоновы острова и на северное побережье Новой Гвинеи.

Споры относительно планов войны на море прервал налет американской авиации на Токио 18 апреля 1942 года.

Налет на Токио. Удар авиации по японской столице, самому сердцу страны, был задуман как акт возмездия за Перл-Харбор. Его планирование началось еще в январе. Поскольку расстояние от любой из оставшихся американских баз было слишком большим, налет по необходимости приходилось планировать с авианосцев. Однако, как стало известно, сторожевые корабли японцев патрулировали в 800 км от берегов Японии. Значит, атакующие самолеты пришлось бы поднимать в воздух примерно в 850 км до цели, то есть перелет туда и обратно составил бы по крайней мере 1700 км. Это было слишком большое расстояние для самолетов авианосной авиации. К тому же немногочисленные американские авианосцы подверглись бы опасности, если бы им пришлось ожидать в установленном районе возвращения самолетов, участвовавших в налете. Поэтому решили использовать бомбардировщики армейской авиации с большим радиусом действия, причем после бомбардировки Токио они должны были лететь на запад на китайские аэродромы.

Теперь предстояло выбрать самолет, способный преодолеть расстояние в три с лишним тысячи километров и взлететь с авианосца. Выбор пал на самолет «Митчелл В-25». Эти самолеты, снабженные дополнительными топливными баками, могли нести бомбовую нагрузку в 2 тыс. фунтов на расстояние в 3850 км. Летчики под командованием подполковника Дулиттла практиковались во взлете с коротким разбегом и длительных полетах над водой. Было привлечено только 16 самолетов, так как они были слишком велики для размещения под палубой и нуждались в достаточной площади для взлета.

Для выполнения этой задачи избрали авианосец «Хорнет». Он вышел из Сан-Франциско с эскортом из крейсеров и эсминцев 2 апреля, а 13 апреля к нему присоединилось 16-е оперативное соединение во главе с авианосцем «Энтерпрайз», который должен был осуществлять авиационную поддержку, так как собственные самолеты «Хорнета» размещались под палубой. Рано утром 18 апреля авианосное соединение было обнаружено японским дозорным кораблем. До Токио еще оставалось 1050 км. Командир соединения вице-адмирал Хэлси и Дулиттл, посоветовавшись, решили, что лучше немедленно поднять бомбардировщики в воздух, хотя им и придется пролететь лишнее расстояние. Это решение оказалось мудрым.

Поднявшись в воздух между 8.15 и 9.24 при сильной волне, бомбардировщики за четыре часа долетели до Японии и, застигнув врасплох ее противовоздушную оборону, сбросили бомбы (в том числе зажигательные) на Токио, Нагою и Кобе. Затем при попутном ветре самолеты повернули к Китаю. К сожалению, из-за какого-то недоразумения аэродром Чжучжоу не был готов к их приему, и экипажам пришлось совершать аварийную посадку или выбрасываться с парашютом. Из 82 человек вернулось 70. Трех японцы казнили за бомбардировку гражданских объектов. 25 апреля оба авианосца невредимыми вернулись в Перл-Харбор.

Несмотря на предупреждение дозорного корабля, японцы предполагали, что налет состоится днем позже, 19 апреля, когда, по их расчетам, авианосцы подойдут достаточно близко. К тому времени были бы готовы военно-воздушные силы, а авианосцы адмирала Нагумо достигли бы намеченной позиции для нанесения контрудара.

После налета моральный дух американцев, испытавших сильное потрясение после Перл-Харбора, неизмеримо возрос. Кроме того, налет заставил японцев держать четыре истребительные группы для обороны Токио и других городов и отправить карательную экспедицию в составе пятидесяти трех бата-

льонов в провинцию Чжедзян, где приземлялись американские бомбардировщики. Еще более важным последствием, которое само по себе отвлекало силы, было решение японцев в целях предотвращения дальнейших налетов предпринять операцию против островов Мидуэй и нанести удар с целью отрезать Австралию от Америки. Эта двойная попытка оказалась пагубной, так как вела к распылению сил и средств.

Согласно новому японскому плану, во-первых, предусматривалось продвижение в глубь Соломоновых островов с целью захвата Тулаги как базы морской авиации для прикрытия дальнейшего скачка в юго-восточном направлении. Кроме того, намечалось захватить Порт-Морсби на южном берегу Новой Гвинеи, в результате чего Квинсленд оказался бы в пределах досягаемости японских бомбардировщиков. Затем объединенный флот под командованием Ямамото должен был занять острова Мидуэй и ключевые пункты на западных Алеутских островах. После предполагаемого уничтожения американского Тихоокеанского флота планировалось возобновить наступление на юго-восток с целью блокирования морских путей из Америки в Австралию.

Первый из этих пунктов плана привел к сражению в Коралловом море, второй — к сражению у атолла Мидуэй и третий — к затяжной и ожесточенной борьбе за Гуадалканал, большой остров вблизи Тулаги.

Косвенным следствием этого разностороннего японского плана было то, что он помог американцам ликвидировать разногласия в планировании и организации командования. В начале апреля Соединенные Штаты взяли на себя ответственность за весь район Тихого океана, кроме Суматры. Англичане сохранили ответственность за Суматру и район Индийского океана. Китай считался отдельным театром военных действий под опекой Америки. Американская сфера делилась на две части: юго-восточная часть Тихого океана под командованием генерала Макарура, штаб которого разместился в Австралии, и район Тихого океана под командованием адмирала Нимица. Оба командующих отличались властным характером, что вело к постоянным трениям. Японский план полностью учитывал компетенцию и сферу деятельности каждого. К тому же граница между соответствующими сферами проходила по Соломоновым островам, где угроза японского десанта требовала объединенных усилий сухопутных войск Макарура и морских сил Нимица, поэтому им необходимо было разработать какое-то рабочее соглашение.

Сражение в Коралловом море. Для выполнения первой задачи японские сухопутные и военно-воздушные силы сосредоточились в районе Рабаула, на острове Новая Британия, а воен-

но-морские силы — в районе Трука, на Каролинских островах, в 1600 км к северу. Высадку десантов прикрывало авианосное ударное соединение, готовое отразить контрудары американцев. Оно состояло из авианосцев «Дзуйкаку» и «Сёкаку» с эскортом из крейсеров и эсминцев и имело 125 самолетов (42 истребителя и 83 бомбардировщика). Их могли поддержать еще 150 самолетов, расположенных в Рабауле.

Американская разведка раскрыла основные нити японского плана, и адмирал Нимиц направил на юг все имеющиеся у него силы: два авианосца — «Йорктаун» и «Лексингтон» — из Перл-Харбора со 141 самолетом (42 истребителя и 99 бомбардировщиков) и две группы крейсеров для их охраны¹⁰⁹. (Два других американских авианосца — «Энтерпрайз» и «Хорнет», — возвратившиеся после выполнения задачи при налете на Токио, тоже получили приказ срочно следовать в Коралловое море, но они прибыли туда слишком поздно, когда сражение уже закончилось.)

3 мая японцы высадились на острове Тулаги и заняли его, не встретив сопротивления (небольшой австралийский гарнизон был заранее предупрежден и выведен с острова). В это время «Лексингтон» заправлялся топливом в море, а «Йорктаун» под командованием контр-адмирала Флетчера оказался еще дальше от места действия. Однако на следующий день, находясь почти в 180 км от Тулаги, он нанес ряд ударов. Правда, они не имели особого эффекта, если не считать потопления японского эсминца. «Йорктауну» удалось избежать ответного удара. Накануне два японских авианосца получили задачу доставить в Рабаул несколько истребителей (авианосцы отправили из района боевых действий лишь потому, что хотели сэкономить на лишней перегонке самолетов). Это положило начало целому ряду ошибок и недоразумений с обеих сторон; в результате всего этого выиграли американцы.

Авианосная группа адмирала Такаги прошла восточнее Соломоновых островов в Коралловое море в надежде нанести удар американскому авианосному соединению с тыла. Тем временем «Лексингтон» присоединился к «Йорктауну», и оба авианосца направились на север на перехват японских сил вторжения, находившихся на пути к Порт-Морсби. В черный день капитуляции Коррехидора, 6 мая, авианосные группы американцев и японцев пытались найти друг друга, но так и не вступили в соприкосновение, хотя одно время их отделяло всего лишь 130 км.

Утром 7 мая японские разведывательные самолеты доложили, что им удалось обнаружить авианосец и крейсер. Такаги немедленно приказал нанести массированный бомбовый удар, и

обнаруженные корабли быстро потопили. Оказалось, однако, что жертвами стали всего лишь танкер и эскортировавший его эсминец, так что время и усилия были потрачены зря. В тот же вечер Такаги попытался нанести еще один, уже менее мощный удар, но в результате потерял 20 из 27 самолетов. Тем временем самолеты с авианосца Флетчера, тоже введенного в заблуждение ложным донесением, нанесли удар по силам непосредственного прикрытия высадки в Порт-Морсби. При этом они потопили легкий авианосец «Сёхо», затратив на это всего десять минут. Это было одно из самых быстрых потоплений, зарегистрированных за годы войны. Важнее оказалось другое: японскому командованию пришлось отложить вторжение и приказать своим силам вернуться.

Утром 8 мая американское и японское авианосные соединения наконец завязали бой. Силы сторон были почти равными: у японцев — 121 самолет, у американцев — 122. Их эскорты тоже были почти одинаковы по силе: 4 тяжелых крейсера и 6 эсминцев у японцев; 5 тяжелых крейсеров и 7 эсминцев у американцев. Однако японцы двигались в зоне облачности, а американцам пришлось действовать в районе чистого неба. Авианосец «Дзуйкаку» остался незамеченным, но «Секаку» получил три попадания бомб, и пришлось вывести его из боя. В «Лексингтон» попали две торпеды и две бомбы, а последующие взрывы внутри авианосца завершили гибель этого любимца моряков, который они ласково называли «Леди Лекс». Более подвижный «Йорктаун» отделался одним попаданием бомбы.

Во второй половине дня Нимиц приказал авианосному соединению покинуть Коралловое море, тем более что угроза для Порт-Морсби на время миновала. Японцы тоже оставили район боевых действий, ошибочно полагая, что оба американских авианосца потоплены.

По абсолютным потерям американцы вышли из боя в несколько лучшем положении: 74 самолета против более 80 у японцев и 543 человека против более 1000. Однако американцы лишились тяжелого авианосца, тогда как японцы потеряли легкий. Более важно то, что американцы сорвали японский план захвата стратегического объекта — Порт-Морсби на Новой Гвинее. К тому же благодаря техническому превосходству американцам удалось вовремя отремонтировать «Йорктаун» для следующего этапа войны на Тихом океане, тогда как ни один из двух японских авианосцев, участвовавших в сражении в Коралловом море, не был подготовлен для другого, более решающего сражения.

Сражение в Коралловом море было первым в истории боем между флотами, которые так и не увидели друг друга. Вскоре

предстояло повторить подобное сражение в более широком масштабе.

Сражение у атолла Мидуэй. Имперский генеральный штаб Японии уже определил этот следующий этап своим приказом от 5 мая. План, разработанный штабом объединенного флота, был тщательно и всесторонне продуман, однако ему не хватало гибкости. В операции предстояло использовать почти все военно-морские силы: в общей сложности около 200 кораблей, в том числе 8 авианосцев, 11 линкоров, 22 крейсера, 65 эсминцев, 21 подводную лодку. Их поддерживало больше 600 самолетов. Адмирал Нимиц смог наскрести только 76 кораблей, причем треть из них принадлежала военно-морским силам северной части Тихого океана и в бой так и не вступила.

Для Мидуэйской операции японцы привлекли: передовое соединение подводных лодок, имевшее задачей сорвать контрмеры американских военно-морских сил; силы вторжения под командованием адмирала Кондо из 12 транспортов с 5 тыс. солдат на борту при непосредственной поддержке четырех тяжелых крейсеров и соединения дальнего прикрытия, состоящего из двух линкоров, одного легкого авианосца и четырех тяжелых крейсеров; 1-е авианосное соединение под командованием Нагумо из четырех тяжелых авианосцев (свыше 250 самолетов), двух линкоров, двух тяжелых крейсеров и охранения из эскадренных миноносцев; главный линейный флот под командованием Ямато в составе трех линкоров с охранением из эскадренных миноносцев и одного легкого крейсера. Одним из линкоров был недавно построенный гигант «Ямато» водоизмещением в 70 тыс. т с девятью 460-мм орудиями.

Для Алеутской операции японцы выделили силы вторжения на трех транспортах с 2400 солдат на борту и группой поддержки из двух тяжелых крейсеров; авианосное соединение из двух легких авианосцев; силы прикрытия из четырех линкоров старого образца.

Сражение на Алеутских островах должно было начаться 3 июня ударами авиации по Датч-Харбору с последующей высадкой в трех пунктах 6 июня. Самолеты с авианосцев Нагумо должны были 4 июня атаковать аэродром на атолле Мидуэй. На следующий день предстояло захватить остров Куре (в 10 км к западу) в качестве базы для самолетов морской авиации. После артиллерийского обстрела на атолле Мидуэй 6 июня должны были высадиться войска под прикрытием линкоров Кондо.

Японцы рассчитывали, что до окончания высадки в районе атолла Мидуэй американских кораблей не будет, потому что,

как только поступят сообщения об ударах авиации по Алеутским островам, Тихоокеанский флот США поспешит на север. Это позволило бы японцам поймать американцев в ловушку. Однако, преследуя эту стратегическую цель — уничтожение американских авианосцев, японцы сковали себя тактическими мероприятиями. Решив воспользоваться благоприятными метеорологическими условиями в начале июня, Ямамото не стал дожидаться, пока «Дзуйкаку» пополнит свои потери в самолетах, понесенные в Коралловом море, и сможет усилить другие авианосцы. Из восьми имеющихся авианосцев два были направлены к Алеутским островам, а еще два сопровождали группы линкоров. В то же время передвижения флота сковывала малая скорость хода войсковых транспортов. К тому же трудно понять смысл отвлекающего маневра на Алеутские острова, если главной целью японцев было уничтожение американских авианосцев, а не только захват атолла Мидуэй. Связав себя захватом определенного пункта в определенное время, японцы утратили стратегическую гибкость.

Что касается американской стороны, то главную тревогу адмирала Нимица вызывало превосходство японцев в силах. После катастрофы в Перл-Харборе у него не осталось ни одного линкора, а после сражения в Коралловом море пригодными к боевым действиям были только авианосцы «Энтерпрайз» и «Хорнет». Нечеловеческими усилиями удалось отремонтировать «Йорктаун» (за два дня вместо предполагаемых 90). Число авианосцев таким образом увеличилось до трех.

Этот недостаток компенсировался для Нимица превосходством в средствах и способах получения информации. Три американских авианосца с 233 самолетами находились далеко к северу от атолла Мидуэй, оставаясь вне зоны обнаружения японскими разведывательными самолетами, но сами они могли рассчитывать на заблаговременное получение сведений о передвижениях японцев при помощи летающих лодок «Каталина», обладавших большим радиусом действия и базировавшихся на атолле Мидуэй. Американцы рассчитывали нанести фланговый удар по японским силам, и 3 июня, на другой день после того, как авианосцы заняли свои позиции, воздушная разведка обнаружила медленно движущиеся японские транспорты в 1000 км западнее острова Мидуэй. Интервалы между полетами японских разведывательных самолетов позволили американским авианосцам незаметно подойти с северо-востока. Им помогло также убеждение Ямамото и Нагумо в том, что Тихоокеанского флота США в море не будет.

Рано утром 4 июня 108 самолетов Нагумо нанесли удар по атоллу Мидуэй. Другая волна такой же численности готовилась нанести удар по военным кораблям противника, если они будут замечены. Первая волна причинила большой ущерб сооружениям на атолле Мидуэй. Нагумо доложил, что требуется второй удар. Американские самолеты с атолла Мидуэй бомбили японские авианосцы, и Нагумо счел необходимым подавить аэродромы острова. С этой целью он приказал на самолетах второй волны заменить торпеды бомбами, ибо никаких признаков появления американских авианосцев не было.

Вскоре поступило сообщение, что примерно в 320 км обнаружена группа американских кораблей. Вначале считали, что эта группа состоит только из крейсеров и эсминцев. Однако в 8.20 поступило уточнение, что в группу входит авианосец. Это поставило Нагумо в затруднительное положение, так как большинство его бомбардировщиков-торпедоносцев были уже снаряжены бомбами, а большинство истребителей патрулировали в воздухе. К тому же еще предстояло принять на палубы самолеты, возвращающиеся после первого удара по атоллу Мидуэй.

И тем не менее, получив это сообщение, Нагумо произвел изменение курса на северо-восток, и это помогло ему уклониться от удара первой волны пикирующих бомбардировщиков с американских авианосцев. А когда между 9.30 и 10.24 три последовательные волны американских бомбардировщиков-торпедоносцев атаковали японские авианосцы, 35 американских самолетов из 41 были сбиты японскими истребителями и зенитными орудиями. И в этот момент японцы уже считали, что они выиграли сражение.

Однако через две минуты 37 американских пикирующих бомбардировщиков с «Энтерпрайза» так неожиданно спикировали с высоты 6 км, что не встретили никакого сопротивления. Японские истребители, которые только что отразили нападение третьей волны американских бомбардировщиков-торпедоносцев, не имели возможности набрать высоту и контратаковать. Авианосец «Акаги», флагманский корабль Нагумо, был поражен бомбами в тот момент, когда на самолетах меняли снаряды, что вызвало взрыв многих торпед и заставило команду покинуть корабль. На авианосце «Кага» прямыми попаданиями бомб был разрушен мостик. Авианосец был охвачен огнем от носа до кормы и к вечеру затонул. Авианосец «Сорю» получил три прямых попадания полутонных бомб с пикирующих бомбардировщиков «Йорктауна» и через двадцать минут был покинут экипажем.

Единственный еще не поврежденный тяжелый авианосец «Хирю» нанес ответный удар по «Йорктауну» во второй половине дня и причинил ему такие повреждения, что его команде пришлось покинуть корабль. Уже перед самым вечером 24 американских пикирующих бомбардировщика настигли «Хирю» и нанесли ему жестокие удары. Ночью 5 июня его команда покинула корабль, а в 9.00 «Хирю» затонул.

Сражение 4 июня примечательно самой быстрой в военно-морской истории переменой удачи. Это было яркое свидетельство превратностей судьбы, характерных для сражений нового типа, ведущихся силами авиации флота на больших дистанциях.

Когда адмирал Ямамото узнал о бедствии, постигшем его авианосное соединение, он сначала решил остановить линкоры и отозвать два легких крейсера с Алеутских островов. Адмирал еще надеялся провести морское сражение в более традиционном стиле, чтобы восстановить шансы на успех. Однако последующее сообщение о гибели «Хирю» и мрачные донесения Нагумо заставили его изменить решение, и утром 5 июня Ямамото отдал приказ приостановить нападение на острова Мидуэй. Он все еще надеялся заманить американцев в ловушку, отойдя к западу, но его план потерпел неудачу благодаря сочетанию дерзости и осторожности, проявленных адмиралом Спрюэнсом, который командовал двумя американскими авианосцами — «Энтерпрайзом» и «Хорнетом» — в этом решающем сражении.

Тем временем утром 3 июня, как и планировалось, был нанесен удар по Алеутским островам в северной части Тихого океана. С двух легких крейсеров, назначенных для проведения этой операции, поднялись 23 бомбардировщика и 12 истребителей и нанесли удар по Датч-Харбору. Силы были слишком малы, чтобы достигнуть значительного эффекта, и вследствие сильной облачности причиненный ущерб был невелик. Повторив удар на следующий день при более ясной погоде, самолеты добились нескольких попаданий, которые не имели решающего значения. Авианосцы 5 июня были отозваны на юг на помощь главной операции. А 7 июня небольшой японский десант высадился, не встретив сопротивления, на острова Кыска и Атту, которые заранее были назначены объектами нападения. Японская пропаганда всюду раздула этот незначительный успех, чтобы как-то скрасить впечатление от поражения у атолла Мидуэй. На первый взгляд захват этих островов казался важным достижением, так как Алеутские острова, простирающиеся поперек северной части Тихого океана, примыкают к кратчайшему пути между Сан-Франциско и Токио. В действительности же эти су-

ровые, скалистые острова, часто затянутые туманом и подверженные штормам, совершенно не пригодны как авиационные или морские базы для наступления через Тихий океан с любой стороны.

В целом июньские операции 1942 года окончились сокрушительным поражением для японцев. В одном лишь сражении у атолла Мидуэй они потеряли четыре тяжелых авианосца, примерно 330 самолетов и тяжелый крейсер, тогда как потери американцев составили только один авианосец и около 150 самолетов. Главным оружием с американской стороны были пикирующие бомбардировщики. Что касается бомбардировщиков-торпедоносцев, то 90% этих самолетов было сбито, а большие армейские бомбардировщики В-17 оказались совершенно неэффективными в борьбе против кораблей.

Кроме основных стратегических ошибок, упомянутых выше, неудачи японцев объясняются целым рядом других недостатков. Среди них можно назвать и такие, как фактическая изоляция Ямамото в ходе сражения, потеря самообладания Нагумо и рабское следование морской традиции, подчиняясь которой Ямагучи и другие командиры пошли на дно со своими кораблями и не сумели вновь захватить инициативу. В отличие от Ямамото Нимиц, оставаясь на берегу, имел возможность постоянно быть в курсе всей оперативной обстановки.

Беды японцев усугублялись целым рядом и тактических ошибок, таких, как недостаточное использование разведывательных самолетов для обнаружения американских авианосцев; отсутствие истребительного прикрытия на больших высотах; плохая организация противопожарной защиты на кораблях; нанесение одновременного удара самолетами всех четырех авианосцев (поэтому приходилось принимать и перевооружать самолеты в одно и то же время, и был период, когда японское авианосное соединение было лишено ударной силы). Японские корабли продолжали двигаться навстречу противнику, когда происходило перевооружение их самолетов. Это позволило американской авиации, обнаружившей силы Нагумо, нанести японцам удар прежде, чем они смогли нанести ответный удар или хотя бы защититься. Большинство этих недостатков объясняется чрезмерной самоуверенностью японских военных руководителей.

Потеряв четыре тяжелых авианосца и хорошо обученные экипажи самолетов, японцы сохранили превосходство в линкорах и крейсерах, но оно уже не имело большого значения. Эти корабли могли действовать только в тех районах, которые прикрывала авиация наземного базирования, и поражение

японцев в длительной борьбе за Гуадалканал объясняется главным образом отсутствием господства в воздухе. Сражение у атолла Мидуэй дало американцам бесценную передышку, так как в конце года стали поступать новые тяжелые авианосцы класса «Эссекс». Таким образом, можно с полным основанием сказать, что сражение у атолла Мидуэй явилось поворотным пунктом, предопределившим конечное поражение Японии.

Обстановка в юго-западной части Тихого океана после сражения у атолла Мидуэй. Хотя исход сражения у атолла Мидуэй серьезно помешал продвижению японцев в юго-восточной части Тихого океана, они все же не были остановлены окончательно. Японцы не могли больше использовать свой флот для ведения наступательных операций и предпочли продолжать наступление в двух направлениях: на Новой Гвинее — наземными действиями через полуостров Папуа и на Соломоновых островах — скачками с острова на остров, оборудуя аэродромы вдоль цепи островов для прикрытия последующего короткого скачка.

Новая Гвинея и Папуа. Когда Япония в декабре 1941 года вступила в войну, большая часть боевых частей Австралии находилась в составе английской 8-й армии в Северной Африке, хотя в случае необходимости они могли быть отозваны. На Новой Гвинее, в столь угрожающей близости от Австралии, единственные значительные силы, численностью до бригады, находились в Порт-Морсби, столице Папуа, на южном побережье. Малочисленные австралийские гарнизоны на северном побережье, а также на архипелаге Бисмарка и Соломоновых островах были выведены при первой же угрозе захвата этих территорий японцами. Однако было признано необходимым удержать Порт-Морсби, так как оттуда японская авиация могла бы достигнуть Квинсленда на Австралийском материке. Австралийский народ, естественно, чувствительно реагировал на такую угрозу.

В начале марта 1942 года японцы высадились в Лаэ, на северном берегу Новой Гвинеи, вблизи полуострова Папуан. Однако, как уже было сказано, их десант, предназначенный для захвата Порт-Морсби, не был высажен из-за неудачи в сражении в Коралловом море. В это время командующим союзными войсками в юго-западной части Тихого океана был назначен генерал Макартур. После сражения у атолла Мидуэй в начале июня положение союзников значительно упрочилось, так как многие австралийские части к этому времени вернулись на ро-

дину и формировались новые дивизии, а Соединенные Штаты разместили в Австралии две дивизии и восемь авиагрупп. В Папуа силы Австралии тоже увеличились до дивизии. Две бригады дислоцировались в Порт-Морсби, третья — в заливе Милн, а два батальона двигались по Кокодской дороге к Буне, на северном побережье, чтобы создать там авиационную базу для обеспечения прикрытия планируемого наступления десантных войск союзников в западном направлении вдоль побережья Новой Гвинеи.

Однако 21 июля японцы предвосхитили этот шаг. Они высадили примерно 2 тыс. человек около Буны, возобновив попытку захватить Порт-Морсби на этот раз с суши. Еще один удар был нанесен союзникам 29 июля, когда японцы заняли Кокоду, расположенную почти в центре полуострова. К середине августа, сосредоточив силы до 13 тыс. человек, японцы стали теснить австралийцев по дороге через джунгли. Полуостров в этом месте имеет немногим более 150 км в ширину. Японцам пришлось пересечь хребет Оуэн-Стэнли на высоте 2600 метров. Растущие затруднения со снабжением в такой местности, естественно, большие для наступающей стороны, усугублялись ударами авиации союзников. Через месяц наступление японцев приостановилось примерно в 50 км от цели. Тем временем 25 августа небольшие силы японцев высадились в заливе Милн и после пятидневных ожесточенных боев вышли к аэродрому, однако австралийцы контратаковали их и заставили вновь погрузиться на корабли.

К середине сентября Макартур сосредоточил в Папуа главные силы австралийских 6-й и 7-й дивизий, а также американский полк в готовности начать наступление. И вот 23 сентября в Порт-Морсби прибыл командующий сухопутными силами союзников в юго-западной части Тихого океана австралийский генерал Блейми для руководства боевыми действиями. Его войска, стремясь пробиться обратно к Кокоде, а затем к Буне, встретили ожесточенное сопротивление. Для снабжения этих войск широко использовался воздушный транспорт, и к концу октября японцы были выбиты с трех последовательно расположенных позиций, которые они оборудовали на Темплтонском перевале на вершине хребта, а 2 ноября австралийцы заняли Кокоду и вновь открыли там аэродром. Японцы пытались закрепиться на р. Кумуси, но их оборону удалось преодолеть с помощью переправочно-мостового имущества, сброшенного с воздуха, и путем создания фланговой угрозы силами свежих австралийских и американских войск, переправленных по воздуху на северный берег реки.

Тем не менее японцам удалось долгое время, в течение всего декабря, удерживать свою последнюю позицию в районе Буны, и только 21 января 1943 года, после прибытия по морю и воздуху новых подкреплений, был ликвидирован последний очаг японского сопротивления. За шесть месяцев кампании японцы потеряли свыше 12 тыс. человек. Боевые потери австралийцев составили 5700 человек, американцев — 8500 человек; потери же от тропических болезней в малярийных джунглях оказались в три раза большими. Эта кампания доказала, что союзные войска могут успешно бороться с японцами даже в таких ужасных условиях и что превосходство в воздухе во всех его проявлениях играет решающую роль.

Гуадалканал. Планируя операции на этом острове, генерал Макартур и адмирал Нимиц стремились использовать победу у атолла Мидуэй, чтобы скорее перейти от обороны к контрнаступлению на Тихом океане. В этом их поддерживали в Вашингтоне генерал Маршалл и адмирал Кинг. Все соглашались на том, что единственным районом, где можно в скором времени предпринять контрнаступление, является юго-западная часть Тихого океана. Разногласия возникли относительно того, кто должен руководить контрнаступлением. Теперь, когда нажим противника на Гавайские острова был не только ослаблен, но и устранен, военно-морские силы жаждали полностью сыграть свою роль в операции на Гуадалканале, задуманной в основном как десантная операция. Адмирал Кинг неохотно соглашался со стратегическим курсом первоначально разгромить Германию и сосредоточить с этой целью американские вооруженные силы в Англии. Возражения англичан против скорейшего вторжения через Ла-Манш в 1942 году заставили Маршалла изменить свое мнение в пользу идеи предоставления приоритета Тихому океану. Кинг с радостью приветствовал этот курс, хотя он мог быть временным и вряд ли получил одобрение президента Рузвельта как решительное изменение политики.

После того как было достигнуто соглашение о переходе в наступление в юго-западной части Тихого океана, в конце июня развернулись бурные дебаты о том, кто должен его возглавить. Спор закончился компромиссом, который нашел выражение в директиве комитета начальников штаба от 2 июля, принятой под влиянием Маршалла. Наступление намечалось провести в три этапа. На первом этапе планировалось захватить острова Санта-Крус и восточные Соломоновы острова, особенно Тулаги и Гуадалканал. С этой целью была смещена граница между зонами, и этот район отходил к Нимицу, на которого и возлагалась задача первого этапа наступления. На втором этапе предусмат-

ривалось захватить остальные Соломоновы острова и побережье Новой Гвинеи до полуострова Хуон, сразу за Лаэ. На третьем этапе намечалось захватить Рабаул, главную японскую базу в юго-западной части Тихого океана, и остальную часть архипелага Бисмарка. На этих двух этапах руководство должен был осуществлять Макартур.

Этот компромиссный план не нравился Макартуру. Сразу же после победы у атолла Мидуэй он настаивал на скорейшем проведении крупного наступления на Рабаул, заверяя, что может быстро захватить его вместе с остальной частью архипелага Бисмарка и оттеснить японцев к Труку (на Каролинских островах, отдаленных на 1200 км). Однако Макартуру дали понять, что он не может рассчитывать на получение необходимых, по его мнению, сил: дивизии морской пехоты и двух авианосцев в дополнение к уже имевшимся трем пехотным дивизиям. Таким образом, был принят компромиссный трехэтапный план, выполнение которого потребовало гораздо больше времени, чем рассчитывали Макартур и Нимиц.

План союзников по захвату восточных Соломоновых островов, как и в Папуа, предвосхитили японцы: 5 июля разведывательные самолеты донесли, что японцы перебросили часть сил из Тулаги на соседний, более крупный остров Гуадалканал (140 км в длину и 40 км в ширину) и строят взлетно-посадочную полосу в Лунга-Пойнте. Явная угроза действий японских бомбардировщиков с этого аэродрома заставила союзников срочно пересмотреть свою стратегию. Так Гуадалканал стал главным объектом. Покрытые лесом горные хребты, проливные дожди и нездоровый климат создавали неблагоприятные условия для военных действий.

Общее руководство операцией было поручено командующему силами на этом участке вице-адмиралу Гормли, а непосредственное командование — контр-адмиралу Флетчеру, которому также подчинялись три группы прикрытия авианосцев «Энтерпрайз», «Саратога» и «Уосп». Авиация берегового базирования осуществляла поддержку из Порт-Морсби, Квинсленда и с других островных взлетно-посадочных полос. Десантные войска под командованием генерал-майора Вандергрифта состояли из 1-й дивизии морской пехоты и одного полка 2-й дивизии (19 тыс. моряков-пехотинцев были погружены на 19 транспортов). При приближении этой армады никаких признаков противника обнаружено не было, и рано утром 7 августа союзники начали бомбардировку с воздуха и артиллерийский обстрел острова, а в 9.00 приступили к высадке. К вечеру на берег высадилось 11 тыс. морских пехотинцев. На следующее утро они

заняли аэродром. Большая часть из 2200 японцев, находившихся на острове Гуадалканал, главным образом строительные рабочие, бежали в джунгли. Японский гарнизон острова Тулаги, насчитывавший 1500 человек, оказал упорное сопротивление, и только к концу следующего дня 6 тыс. морских пехотинцев, высадившихся на остров, преодолели сопротивление японцев.

Японцы, полагая, что численность американского десанта невелика, не стали тратить время на подготовку к соответствующему отпору, а посылали подкрепления мелкими, но все увеличивающимися группами. В результате то, что стороны замыслили как стремительный удар и контрудар, вылилось в затяжную кампанию.

Появление японских кораблей, обеспечивавших доставку подкреплений, вызвало ряд серьезных столкновений на месте. Первым, и самым худшим для американцев, был бой у острова Саво, недалеко от северо-западного берега острова Гуадалканал. Вечером 7 августа вице-адмирал Микава, японский командующий в Рабауле, во главе соединения из пяти тяжелых крейсеров с двумя легкими крейсерами направился к Гуадалканалу. На следующий день, проскользнув незамеченным через так называемую «щель» — узкий проход между двумя грядами Соломоновых островов, он подошел к острову Саво в тот момент, когда Флетчер отвел американские авианосцы из-за недостатка топлива и истребительного прикрытия. Хотя крейсера и эскадренные миноносцы союзников и приняли меры предосторожности, располагаясь на ночь, однако несение вахты и взаимодействие были организованы плохо. На рассвете Микава захватил врасплох поочередно южную и северную группы и через час уже направился обратно через «щель». Японцы потопили четыре тяжелых крейсера союзников и один серьезно повредили. Японские же корабли почти не получили повреждений.

Японцы превосходили противника в умении вести ночной бой, чему способствовали лучшие оптические приборы и особенно 610-мм, «длинноносые» торпеды. Это было одно из самых тяжелых поражений, которые испытал американский флот в войне на море. К счастью для союзников, Микава не уничтожил массу транспортов и судов снабжения, стоявших беззащитными в Лунга-Роудсе. Он не знал, что союзники отвели свои авианосцы, и опасался контратаки с воздуха, пока он успеет вновь найти относительное укрытие в «щели». Кроме того, Микава не знал, что американцы высадили так много войск на Гуадалканале. Но ведь командира нужно судить в свете тех сведений, которыми он располагал в момент принятия решения.

В тот день, во избежание новой атаки, союзники отвели все, что осталось от их военно-морских сил, к югу, хотя успели выгрузить меньше половины продовольствия и боеприпасов, предназначенных для морской пехоты. В результате войскам пришлось перейти на двухразовое питание, и в течение последующих двух недель морская пехота оставалась изолированной — без поддержки флота и авиационного прикрытия. 20 июня был введен в эксплуатацию аэродром Хендерсон-Филд, но и после этого авиационная поддержка продолжала быть крайне ограниченной.

Японцы упустили возможность разгромить десант главным образом потому, что намного недооценили силы морской пехоты, высадившиеся на Гуадалканале. Японцы считали, что десант составляет 2 тыс. человек, а потому полагали, что для его разгрома и захвата острова будет достаточно 6 тыс. человек. Они выслали на эсминцах два передовых отряда численностью в 1500 человек, которые 18 августа высадились восточнее и западнее Лунга-Пойнта и атаковали, не дожидаясь следующего конвоя. Японский десант был быстро уничтожен морской пехотой. Следующий конвой в 2 тыс. человек вышел из Рабаула 19 июня. Немногочисленный сам по себе, он получил мощную поддержку флота, участие которого должно было послужить приманкой для американского флота, чтобы завлечь его в ловушку, как предполагалось и в бою у Мидуэя. Возглавлял движение легкий крейсер «Рюдзо», за ним следовали два линкора и три крейсера под командованием адмирала Кондо, а далее — тяжелые авианосцы «Дзуйкаку» и «Сёкаку» под командованием адмирала Нагумо.

Сражение разыгралось у восточных Соломоновых островов, но ловушка, которую замыслили японцы, не удалась. Адмирала Гормли своевременно, предупредила о приближении японских кораблей береговая охрана — организация, где служили преимущественно офицеры разведки австралийского флота и местные поселенцы. Гормли сосредоточил юго-восточнее Гуадалканала три оперативные группы, основу которых составляли авианосцы «Энтерпрайз», «Саратога» и «Уосп». Утром 24 июня «Рюдзо» был обнаружен и потоплен самолетами с американских авианосцев. Тем временем были обнаружены также два японских тяжелых авианосца. Прежде чем начался налет японской авиации, американские авианосцы уже подняли в воздух все свои истребители, которые нанесли японским бомбардировщикам тяжелые потери, сбив свыше 70 самолетов из 80. Потери союзников составили 17 самолетов. «Энтерпрайз» получил серьезные повреждения. После окончания этого боя, не имевшего

решающего значения, японский и американский флоты отошли под покровом ночи.

Затем в боевых действиях наступило затишье, хотя бои на суше продолжались. Малочисленные японские силы пытались овладеть Хендерсон-Филдом, но их атаки отбивали морские пехотинцы. Японцы сражались насмерть, почти все гибли, но на их место в регулярной последовательности прибывали на эсминцах новые небольшие отряды. Этот процесс морские пехотинцы прозвали «токийским экспрессом». Численность японских сухопутных войск на Гуадалканале постепенно увеличивалась. К началу сентября было переброшено еще 6 тыс. человек. В ночь на 14 сентября японцы яростно атаковали позицию морской пехоты, получившую название «Кровавый кряж», однако все их атаки были отбиты, и при этом они потеряли свыше 1200 человек.

В это же время американский флот понес тяжелые потери: японские подводные лодки серьезно повредили авианосец «Саратога» и потопили Уосп». Поскольку «Энтерпрайз» еще не вышел из ремонта, для обеспечения воздушного прикрытия остался один лишь «Хорнет». После неудачных попыток вновь захватить Гуадалканал японский имперский генеральный штаб издал 18 сентября директиву, согласно которой приоритет в этой кампании отдавался Новой Гвинее. Японцы по-прежнему недооценивали силы находившейся там морской пехоты, полагая, что они не превышают 7500 человек. Исходя из этого, японцы решили, что достаточно направить туда одну дивизию и поддержать ее действиями объединенного флота.

При перевозке по морю первого контингента подкрепления у берегов Гуадалканала 11–12 октября разгорелся еще один морской бой. В этом бою, получившем название «бой у мыса Эсперанс», потери сторон были небольшими, но итог оказался более благоприятным для американцев. Во время боя японцам удалось высадить подкрепление и довести общую численность своих войск до 22 тыс. человек. В то же время американцы довели численность своих войск до 23 тыс. человек, не считая 4500 человек на острове Тулаги.

Середина октября была самым критическим периодом кампании. В этот период артиллерия двух японских линкоров нанесла огромный ущерб аэродрому Хендерсон-Филд. Пожар уничтожил запасы горючего и около 50 самолетов. Армейские тяжелые бомбардировщики были вынуждены перебазироваться на Новые Гебриды. Постоянные налеты японских бомбардировщиков держали войска союзников в напряжении, а влажный жаркий климат и недостаточное питание также вели к тяжелым последствиям.

24 октября японцы начали наступление на суше, однако ливневые дожди и непроходимые джунгли мешали его развитию. Японцы нанесли главный удар с юга, но морская пехота, укрепившись на своих оборонительных позициях, умело использовала артиллерийский огонь. Наступление японских войск было приостановлено. Их потери исчислялись тысячами. Американцы потеряли всего несколько сотен человек. К 26 октября японцы вынуждены были отступить, оставив на поле боя около 2 тыс. убитых.

Тем временем объединенный флот под командованием Ямато в составе 2 тяжелых авианосцев, 2 легких авианосцев, 4 линейных кораблей, 14 крейсеров и 44 эсминцев крейсировал северо-восточнее Соломоновых островов в ожидании сообщения о захвате сухопутными войсками аэродрома Хендерсон-Филд. Американский флот был слабее чуть ли не вдвое, несмотря на прибытие нового линкора «Южная Дакота» и нескольких крейсеров. В линейных кораблях соотношение было 1:4. Зато помимо авианосца «Хорнет» теперь в строй отремонтированный «Энтерпрайз». С точки зрения ведения современных военно-морских операций это было немаловажно. Свежую струю внесло также назначение адмирала Хэлси вместо переутомившегося Гормли. Американский и японский флоты столкнулись 26 октября в так называемом «бою» у островов Санта-Крус, в котором опять главную роль играла авиация. В итоге боя, закончившегося 27 октября, «Хорнет» затонул, «Энтерпрайз» получил повреждения. У японцев получили серьезные повреждения «Сёкаку» и легкий крейсер «Дзуйхо». В самолетах японцы понесли гораздо большие потери: 70 их самолетов не вернулись на базы, а за десять дней, закончившихся этим боем, потери японской авиации составили 200 самолетов (300 самолетов они потеряли еще раньше, начиная с последней недели августа). Американцы вскоре получили подкрепления: свыше 200 самолетов, а также части 2-й дивизии морской пехоты и так называемой Американской дивизии.

Впрочем, японцы тоже получили достаточные подкрепления. Побуждаемые гордостью и обманутые абсурдно оптимистическими донесениями о причиненном противнику ущербе, они решили возобновить свои усилия. Это привело к двум столкновениям, получившим название «Морское сражение у Гуадалканала». Первое произошло рано утром в пятницу 13 ноября и продолжалось всего каких-нибудь полчаса. Американцы потеряли два крейсера, а японский линкор «Хией» получил такие повреждения, что на следующий день его пришлось затопить. Это был первый линкор, который японцы потеряли в войне.

Вторая часть этого морского сражения разыгралась в ночь на 15 ноября, причем роли поменялись. Японцы попытались доставить подкрепление (11 тыс. человек) на транспортах под непосредственным охранением эсминцев, которыми командовал контр-адмирал Танака. Силами прикрытия, в состав которых входили более тяжелые корабли, командовал адмирал Кондо. Семь транспортов были потоплены. Остальные четыре достигли Гуадалканала, но утром подверглись атакам авиации. Японцам удалось высадить всего 4 тыс. человек и выгрузить только остро необходимые запасы.

В морском бою жестоко пострадали американские эсминцы, но в полночь японский линкор «Киризима» подвергся обстрелу корабельной артиллерии американского линкора «Вашингтон». За семь минут «Киризима» был выведен из строя, и вскоре его пришлось затопить.

Тем временем на суше морская пехота и другие американские части перешли в наступление, стремясь расширить границы захваченного плацдарма. К концу месяца численность американской авиации на острове достигла 188 самолетов, и японцы больше не осмеливались доставлять пополнения и запасы конвоями тихоходных транспортов. В течение декабря они смогли переправлять лишь мелкие партии на подводных лодках.

Японский флот понес такие тяжелые потери, что военно-морское командование потребовало отказаться от захвата Гуадалканала, однако командование сухопутных войск, сосредоточив к тому времени в Рабауле 50 тыс. человек, все еще надеялось послать их на остров Гуадалканал. Американцы к 7 января 1943 года сосредоточили на Гуадалканале свыше 50 тыс. человек и хорошо организовали снабжение. Японцы же получали лишь треть нормального рациона и были так ослаблены голодом и малярией, что не могли рассчитывать на ведение наступательных действий, хотя по-прежнему упорно сражались в обороне.

4 января японский имперский генеральный штаб, учитывая создавшееся положение, отдал приказ о постепенной эвакуации войск. Не зная об этом решении, американцы продвигались вперед весьма осторожно. Это дало японцам возможность вывести все свои войска в три этапа, начиная с ночи на 1 февраля, и завершить эвакуацию к 7 февраля. При этом японцы потеряли всего лишь один эсминец.

В общем итоге длительная борьба за Гуадалканал стала очень серьезным поражением для Японии. Ее потери составили примерно 25 тыс. человек, в том числе 9 тыс. человек умерло от голода и болезней. Потери американцев были гораздо меньше. Кроме того, японцы потеряли не меньше 600 самолетов

вместе с обученными экипажами. В то же время мобилизация людских ресурсов и промышленности позволила американцам непрерывно наращивать свои силы во всех областях¹¹⁰.

Бирма, май 1942 — май 1943 года. Провал ответного удара. К маю 1942 года, после отхода англичан из Бирмы в Индию, японцы, добившись цели своей экспансии в Юго-Восточной Азии, перешли к обороне и приступили к закреплению своих завоеваний. Тем временем англичане планировали возвратиться в Бирму с наступлением очередного сухого сезона в ноябре 1942 года. Однако их планы оказались неосуществимыми из-за трудностей материально-технического обеспечения. Единственная их попытка — весьма ограниченное наступление в провинции Аракан — окончилась катастрофическим провалом.

Для обеспечения тыла решающее значение имели Ассам и Бенгалия, хотя они никогда не рассматривались как районы для создания военных баз. А надо было строить аэродромы, склады, шоссе и железные дороги, трубопроводы, расширять порты.

Первой из главных трудностей, с которыми столкнулось индийское командование, был недостаток судов, поскольку большую часть необходимых грузов приходилось доставлять из-за пределов страны. Однако приоритет отдавался всем прочим театрам военных действий, а на долю Индии, даже когда ей угрожало вторжение, оставалось очень мало судов. В первую очередь обеспечивались атлантические и арктические конвои, средиземноморский и тихоокеанский театры. Количество выделяемых Индии судов составляло лишь около трети того, что было необходимо для оборудования района как трамплина для наступления.

Большие трудности были и с внутренним транспортом. Система шоссе и железных дорог в Северо-Восточной Индии была старой и хаотично спланированной. Требовались большие усовершенствования, прежде чем можно было обеспечить подвоз из Калькутты и других портов к линии фронта. Успешный ход работ тормозила нехватка материалов. Трудности усугублялись также муссонами, вызывавшими оползни и сносившими мосты. И самым страшным бедствием был недостаток паровозов: Уэйвелл просил по крайней мере 185, а ему дали только 4!

Проблема материально-технического обеспечения осложнилась еще больше в связи с решением превратить Индию в базу для 34 дивизий и 100 авиационных эскадрилий. Свыше миллиона человек оказались занятыми на строительстве 220 новых аэродромов. Тем самым резко сократились возможности использования рабочей силы для других нужд, самой неотложной из

которых было дорожное строительство. Возникли большие трудности и со снабжением, так как необходимо было прокормить 400 тыс. гражданских беженцев из Бирмы.

Хотя в состав индийского контингента теперь входило много дивизий, большинство из них сформировалось в процессе расширения индийской армии в военное время. Они были плохо оснащены и подготовлены, не хватало опытных офицеров и младшего командного состава. Те немногие дивизии, которые имели какой-то боевой опыт, были истощены после бирманской кампании, чему способствовала также и свирепствовавшая в войсках малярия, и растеряли большую часть вооружения во время отступления. Только три из номинально числившихся пятнадцати дивизий были во всех отношениях готовы к боевым действиям в ближайшем будущем.

Административно-хозяйственные проблемы осложнялись проблемами командования, что было связано с присутствием китайских войск и частей американской армейской авиации. Да и генерал Стилуэлл был не лучшим партнером для организации четкого взаимодействия в управлении войсками.

В целях обороны самой Индии необходимо было добиться превосходства в воздухе как одного из решающих факторов, а также обеспечить бесперебойное снабжение Китая и авиационное прикрытие войск, ведущих борьбу за освобождение Бирмы. К счастью, в мае 1942 года с началом муссонов японцы отправили значительную часть авиации для поддержки боевых действий в юго-западной части Тихого океана, а остальным силам авиации предоставили отдых. Это позволило союзникам спокойно сосредоточить свою авиацию. К сентябрю 1942 года в Индии находилась 31 английская и индийская эскадрилья. Шесть из них были не подготовлены к боевым действиям, девять прикрывали Цейлон и пять несли транспортную и разведывательную службу. Таким образом, для боевых действий в северо-восточной Индии оставалось только семь истребительных и четыре бомбардировочные эскадрильи. Правда, с каждым месяцем приток самолетов из Англии и США усиливался, и к февралю предполагалось иметь 52 эскадрильи. Кроме того, устаревшие самолеты заменялись линейными новых образцов: «митчелл», «харрикейн», «либерейтор», «бофайтер». Большую часть их можно было направлять прямо на новые аэродромы в Ассаме и Бенгалии, так как после морских сражений в Коралловом море и у атолла Мидуэй возможность вторжения японцев в Индию с моря стала маловероятной.

В апреле 1942 года Уэйвелл реорганизовал индийское командование. Штаб центрального командования, находившийся

в Агре, отвечал за боевую подготовку войск и организацию снабжения. Были созданы три региональных армейских командования: северо-западное, южное и восточное.

План освобождения Бирмы предусматривал взаимодействие с китайскими армиями, находившимися в Ассаме и в китайской провинции Юньань. План, составленный китайским командованием в октябре 1942 года, предусматривал наступление по сходящимся направлениям 15 китайских дивизий из Юньани и трех из Ассамы во взаимодействии примерно с 10 английскими или индийскими дивизиями. Английские и индийские дивизии должны были вторгнуться в Бирму с суши, а также путем высадки морского десанта в Рангуне. Уэйвелл в принципе согласился с этим планом, хотя и сомневался в возможности осуществить два важнейших, по его мнению, условия: добиться достаточных сил авиации для завоевания господства в воздухе над Бирмой и привлечь крупные силы английского флота (четыре-пять авианосцев) для обеспечения господства в Индийском океане и прикрытия высадки в Рангуне. Второе условие действительно нельзя было осуществить вследствие занятости военно-морских сил на других театрах войны. Чан Кай-ши считал эти важнейшие условия уверткой со стороны Уэйвелла и в конце 1942 года отказался участвовать в операции.

Араканское наступление, декабрь 1942 — май 1943 года. Уэйвелл тем не менее решил провести ограниченное наступление с целью захватить Араканский прибрежный район. План предусматривал наступление вдоль полуострова Маю на глубину в 150 км в сочетании с высадкой морского десанта на остров Акьяб с целью захвата аэродромов, с которых японские эскадрильи могли подвергнуть бомбардировкам районы северо-восточной Индии. Если бы удалось вновь разместить там эскадрильи союзников, они смогли бы прикрывать всю Северную и Центральную Бирму. Однако от высадки десанта, важной части плана операции, пришлось отказаться из-за недостатка десантно-высадочных средств.

И все же Уэйвелл настоял на проведении наступления на Аракан по суше. В декабре 1942 года индийская 14-я дивизия начала наступление, но двигалась так медленно, что командующий японской 15-й армией успел перебросить в этот район подкрепления и к концу января остановил наступление англичан. Однако Уэйвелл настаивал на продолжении наступления, невзирая на доводы и протесты командующего Восточной армией генерала Эрвина, который предупреждал, что войска измучены малярией и их моральный дух падает. Японцам удалось нанести удар в тыл 14-й дивизии, выйти к Хтизве на р. Маю и заставить

индийцев отступить. Индийская 14-я дивизия была заменена 26-й дивизией. Японцы продолжали продвижение вдоль р. Маю и к началу апреля вышли на побережье у Индина. Затем они двинулись в северном направлении, чтобы к маю, к началу сезона муссонов, прорвать оборону противника на рубеже Маундо — Бутидаун и тем самым расстроить английские планы возобновления наступления на Бирму в течение следующего сухого сезона — с ноября 1943 до мая 1944 года.

14 апреля в командование войсками в Аракане вступил командир индийского 15-го корпуса генерал-лейтенант Слим. Он был потрясен физическим и моральным состоянием войск, пораженных эпидемией малярии и понесших потери в результате фронтальных атак на японские позиции. Надеясь удержать рубеж Маундо — Бутидаун, Слим все же предполагал в случае необходимости отвести войска в глубь страны от Кокс-Базара еще на 80 км севернее. Местность там была сравнительно открытая, что создавало лучшие условия для использования превосходства англичан в артиллерии и танках, чем в джунглях и болотах на полуострове Маю. Кроме того, коммуникации японцев вдоль побережья растянулись бы еще больше и, следовательно, стали бы более уязвимыми.

Случилось совсем не так, как предполагал Слим: 6 мая с наступлением темноты японцы выбили англичан из Бутидауна, и создавшаяся фланговая угроза заставила последних оставить Маундо. Японцы решили остановиться на вновь занятом рубеже, поскольку приближался сезон муссонов. Таким образом, попытка англичан вновь занять Акьяб путем наступления по суше закончилась полной катастрофой. Японцы, искусно совершая фланговые маневры, просачивались сквозь джунгли, а кровопролитные фронтальные атаки основательно подорвали боевой дух английских войск. К маю 1943 года англичане находились на том же рубеже, который занимали осенью минувшего года.

Операции «Чиндит». Единственный луч света в этой мрачной фазе войны мелькнул в северной части Бирманского театра при проведении первой операции «Чиндит». Инициатор операции Уингейт назвал ее именем мифического зверя Чинда — полульва-полуорла, изображения которого часто встречаются в бирманских пагодах. Для Уингейта этот подобный грифону зверь стал символом тесного взаимодействия сухопутных и военно-воздушных сил. Этому названию помогло закрепиться то обстоятельство, что первые операции проводились с форсированием р. Чиндуин в Северной Бирме.

Осенью 1938 года Уингейт, в то время капитан, прибывший в Англию в отпуск из Палестины, встретился с рядом влиятель-

ных лиц и произвел на них сильное впечатление. Такое же впечатление он произвел раньше, в этом же году, на генерала Уэйвелла, командующего войсками в Палестине. Вернувшись в декабре в Палестину, Уингейт обнаружил, что его политическая деятельность в сионистских кругах вызвала сильное подозрение в английских официальных сферах. В результате преемник Уэйвелла генерал Хэйнинг решил назначить Уингейта на безобидную должность в своем штабе. В мае 1939 года Уингейта по требованию Хейнинга отправили в Англию и назначили на небольшую штабную должность в командовании противовоздушной обороны.

Осенью 1940 года Уингейта вытащили из тихой заводи и послали в Эфиопию организовать партизанское движение против итальянского владычества в Восточной Африке. Вопрос об этом назначении был окончательно решен благодаря поддержке Уэйвелла. После успешного завершения этой восточно-африканской кампании последовал новый упадок в карьере Уингейта, и в состоянии депрессии, во время приступа малярии, он пытался покончить самоубийством. Но, пока он поправлялся дома, ему представилась новая возможность проявить себя, поскольку Англия терпела катастрофические поражения на Дальнем Востоке. Эту возможность опять предоставил ему Уэйвелл, которого после неудачного летнего наступления освободили от командования на Ближнем Востоке и послали в Индию. В конце года, когда японцы вторглись в Малайю и Бирму, Уэйвелл оказался в еще более критическом положении. В феврале 1942 года, когда даже в Бирме сложилась мрачная ситуация, Уэйвелл попросил прислать к нему Уингейта, чтобы с его помощью развернуть там партизанские действия.

Прибыв на место, Уингейт решил создать так называемые группы дальнего проникновения для действий в бирманских джунглях и ударов по японским коммуникациям и заставам. Эти силы должны были быть достаточно крупными, чтобы наносить эффективные удары, и достаточно малыми, чтобы ускользать от противника. Наиболее подходящим соединением признали бригаду (для этого была реорганизована индийская 77-я бригада). «Чиндита» предстояло научиться воевать в джунглях лучше японцев. В состав этих групп включили разных специалистов, в особенности по подрывному делу и радиосвязи. Им следовало также взаимодействовать с авиацией, так как их снабжение осуществлялось по воздуху. С этой целью каждой колонне было придано небольшое подразделение английской авиации.

Уингейт настаивал как можно скорее начать операции, чтобы восстановить моральный дух англичан и проверить действен-

ность «групп дальнего проникновения». Уэйвелл предпочитал использовать их непосредственно перед началом общего наступления англичан и во время его, но, уступив желанию Уингейта, решил, что стоит рискнуть и провести такой эксперимент, который может дать опыт и важные сведения.

Бригада состояла из семи колонн и для планируемой операции делилась на две группы: северную — из пяти колонн общей численностью 2200 человек с 850 мулами и южную — из двух колонн общей численностью 1000 человек с 250 мулами. Обе группы в ночь на 14 февраля 1943 года под прикрытием отвлекающих действий регулярных войск переправились через р. Чиндуин. Двигаясь в восточном направлении, группы, как было предусмотрено, разделились на колонны, совершили ряд нападений на японские заставы и железнодорожные линии, взрывали мосты и устраивали засады на дорогах. В середине марта колонны переправились через р. Иравади в 150 км восточнее р. Чиндуин, однако к тому времени японцы поняли, насколько велика угроза, созданная этими группами, и направили против них большую часть сил двух дивизий из пяти, имевшихся в Бирме. Под нажимом японцев колонны были вынуждены отступить и к середине апреля вернулись в Индию, потеряв треть своего состава и большую часть снаряжения.

Операция не принесла стратегических выгод, и потери японцев были невелики, однако она показала, что английские и индийские войска способны действовать в джунглях. Кроме того, операция помогла приобрести полезный опыт организации снабжения по воздуху и подчеркнула необходимость завоевания превосходства в воздухе.

Эта операция вместе с тем помогла командующему японской 15-й армией генералу Мутагути понять, что нельзя считать р. Чиндуин надежным препятствием и что единственный путь к срыву контрнаступления англичан — это продолжать наступательные действия. Эта операция повлекла за собой наступление японцев через границу Индии, а затем и решающее сражение при Импхале.

Планы на будущее. Наступление англичан в период сухого сезона 1942/43 года не состоялось из-за административно-хозяйственных затруднений и недостатка средств. План операций на следующий сухой сезон 1943/44 года в соответствии с решениями Касабланской конференции предусматривал высадку морского десанта в Рангуне (операция «Анаким»), за которой должно было последовать наступление английских и китайских войск на севере Бирмы и захват ключевых пунктов на побережье. Предстояло завоевать превосходство в воздухе и сосредото-

точить крупные силы флота и десантно-высадочных средств, а также решить административно-хозяйственные вопросы и проблему перевозок по суше.

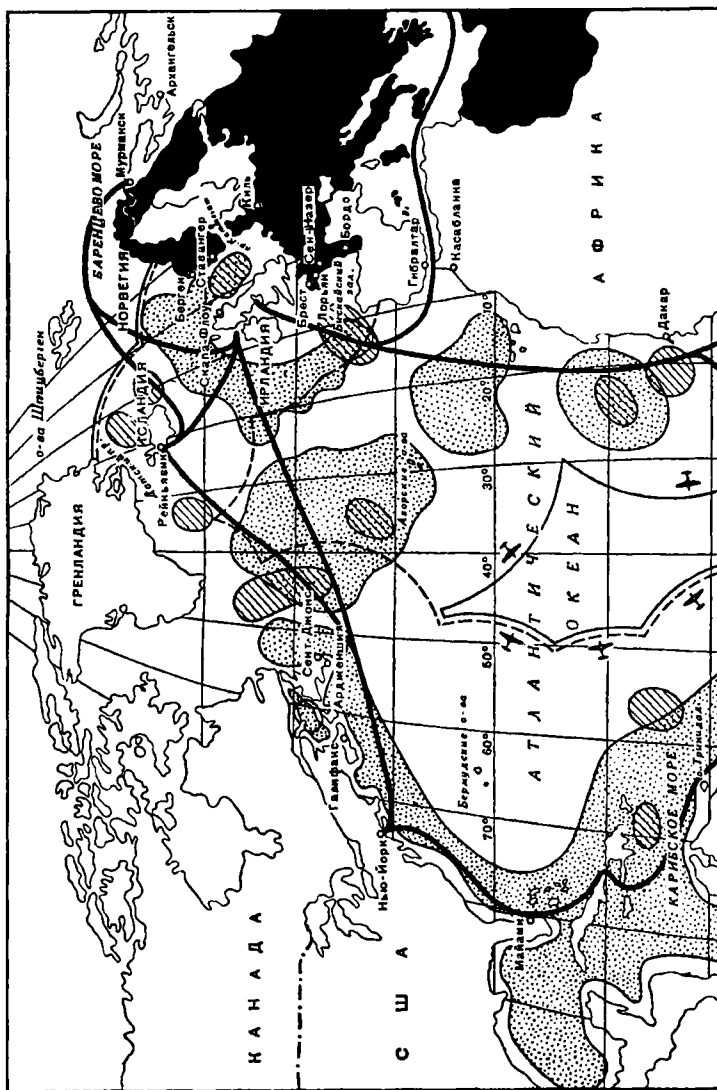
Удовлетворить все эти требования было так трудно, что весной 1943 года Уэйвелл стал склоняться к отказу от проведения операции в Бирме и предложил план наступления на Суматру. Во время поездки в Лондон в апреле он убедил Черчилля и начальников штабов в необходимости отложить операцию «Анаким» или вовсе от нее отказаться. Вместо нее было решено провести операцию против Суматры под кодовым наименованием «Калверин». Однако от этой операции тоже пришлось отказаться по тем же причинам, что и от операции «Анаким», а также потому, что американцы настаивали на необходимости как можно скорее вновь открыть путь снабжения Китая по суше. Таким образом, проведение операций на юге было отложено в долгий ящик, хотя планирование их продолжалось. Если вообще можно было что-нибудь предпринять на этом театре военных действий, то только на севере Бирмы.

Битва за Атлантику

Самый критический период битвы за Атлантику приходится на вторую половину 1942 — первую половину 1943 года, хотя в течение всех шести лет войны она велась с переменным успехом. Можно сказать, что эта битва началась еще до начала войны, когда 19 августа 1939 года первые океанские подводные лодки вышли из Германии на места стоянок военного времени в Атлантическом океане. К концу месяца, накануне вторжения Германии в Польшу, 17 подводных лодок уже находились в Атлантике, а около 40 подводных лодок прибрежного действия — в Северном море.

Несмотря на то что Германия с запозданием стала вооружать флот подводными лодками, к началу войны у немцев было 56 подводных лодок (правда, 10 из них не были полностью готовы к действиям), то есть только на одну меньше, чем в военно-морском флоте Великобритании. Однако 30 немецких подводных лодок были не пригодны для плавания в Атлантике.

Первый успех немецким подводным лодкам принесло потопление лайнера «Атения» вечером 3 сентября, в тот самый день, когда Англия объявила Германии войну, и через два дня после вторжения немцев в Польшу. Лайнер был торпедирован без предупреждения. Командир подводной лодки оправдывал свои действия тем, что

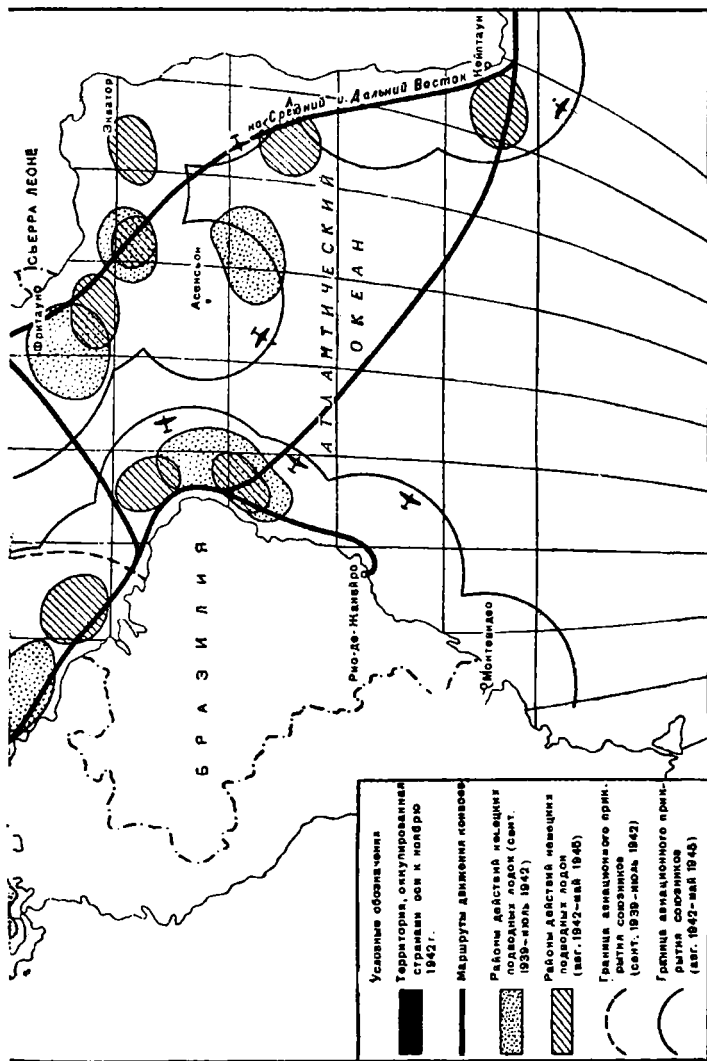

Рис. 14. Битва за Атлантику

якобы принял лайнер за вспомогательный крейсер. В последующие дни было потоплено еще несколько судов.

17 сентября подводная лодка U-29 добилась более важного успеха, потопив авианосец «Корейджес» у западных подступов к Британским островам. За три дня до этого авианосец «Арк Ройял» едва ускользнул от подводной лодки U-39, которую сразу же контратаковали и потопили эсминцы. По этой причине тяжелые авианосцы были отстранены от выполнения задач борьбы с подводными лодками.

Нападения подводных лодок на торговые суда увенчались еще большими успехами. За первый месяц войны было потоплено 41 судно общим водоизмещением до 154 тыс. т, а к концу года — 114 судов общим водоизмещением свыше 420 тыс. т. В середине октября подводная лодка U-47 проникла на якорную стоянку флота в Скапа-Флоу и потопила линкор «Ройял Оук». Англичане были вынуждены временно отказаться от использования этой главной базы флота.

Примечательно, однако, что в ноябре и декабре потери торгового судоходства были вдвое меньшими, чем в первые два месяца, причем значительное число судов пострадало не от действий подводных лодок, а подорвалось на минах. К тому же союзники потопили девять немецких подводных лодок. Налеты немецкой авиации на суда в море не причинили сколько-нибудь серьезного ущерба.

В начальный период войны немецкий флот возлагал большие надежды не только на подводные лодки, но и на свои надводные корабли, однако эти надежды не оправдались. К началу войны «карманный» линкор «Адмирал граф Шпее» находился в средней части Атлантического океана, а однотипный корабль «Дейчланд» (впоследствии переименованный в «Лютцов») — в его северной части, но Гитлер до 26 сентября не разрешал атаковать английские суда. В итоге ни один из них не добился большого успеха, а линкор «Адмирал граф Шпее», загнанный в устье Ла-Платы, в декабре пришлось затопить¹¹¹. Новые линейные крейсеры «Гнейзенау» и «Шарнхорст» провели кратковременную вылазку в ноябре, но после потопления вспомогательного крейсера в проливе между Исландией и Фарерскими островами поспешили вернуться на базу. Союзники, учтя опыт 1917–1918 годов, отправляли свои суда в сопровождении конвоев. Эта мера оказалась исключительно эффективной.

После падения Франции в июне 1940 года угроза морским коммуникациям Англии резко возросла. Теперь всем судам, проходящим южнее Ирландии, угрожало нападение немецких под-

водных лодок, надводных кораблей и авиации. Остался единственный морской путь в обоих направлениях — через северо-западные подступы, в обход Ирландии с севера, но даже этот путь находился в пределах досягаемости немецких самолетов дальнего действия — четырехмоторных бомбардировщиков FW-200, действовавших из Ставангера, в Норвегии, и Мериньяка, около Бордо. В ноябре 1940 года бомбардировщики дальнего действия потопили 18 судов водоизмещением 66 тыс. т. Кроме того, значительно возросли потери от действий подводных лодок: в октябре они потопили 63 судна водоизмещением свыше 350 тыс. т.

Угроза стала настолько серьезной, что к выполнению задач по борьбе с подводными лодками пришлось привлечь многие из кораблей, предназначенных для отражения вероятного вторжения немцев в Англию, и направить их на северо-западные подступы. Охранение конвоев надводными кораблями и самолетами осуществлялось при этом явно недостаточными силами.

В июне, в первый месяц после изменения стратегической обстановки, немецкие подводные лодки потопили 58 судов водоизмещением 284 тыс. т, и, хотя в июле эта цифра несколько снизилась, в последующие месяцы она держалась в среднем на уровне свыше 250 тыс. т.

На пути от восточного побережья мины, сброшенные с воздуха, в последние месяцы 1939 года причинили больше ущерба, чем подводные лодки, а после вторжения немцев в Норвегию и Нидерланды весной 1939 года опасность плавания из-за мин возросла.

Осенью «карманный» линкор «Адмирал Шеер» проскользнул незамеченным в северную часть Атлантического океана и 5 ноября атаковал конвой, возвращавшийся в Англию из Галифакса (Новая Шотландия). Линкор потопил пять торговых судов и вспомогательный крейсер «Джервис Бей», который пожертвовал собой, чтобы выиграть время и дать возможность конвою уйти. Внезапное появление линкора «Адмирал Шеер» на этом важном пути следования конвоев дезорганизовало все судоходство через Атлантический океан. Отправка других конвоев была задержана на две недели, пока не выяснилось, что линкор «Адмирал Шеер» ушел в Южную Атлантику. Там оказалось меньше объектов для нападения, и 1 апреля он благополучно возвратился в Киль. После похода протяженностью свыше 74 тыс. км его боевой счет возрос до 16 судов (99 тыс. т).

В конце ноября крейсер «Адмирал Хиппер» тоже прорвался в Атлантику и на рассвете атаковал конвой, направлявшийся на Ближний Восток под сильным охранением. Крейсера охранения

отогнали «Хиппера», и из-за неисправности машин ему пришлось направиться в Брест. В феврале он произвел еще одну вылазку, потопив семь судов из состава неохраяемого конвоя, направлявшегося в Африку. Из-за недостатка топлива капитан «Хиппера» решил вернуться в Брест. В середине марта морской штаб приказал ему направиться в Германию для более тщательного ремонта. Он прибыл в Киль незадолго до возвращения туда «Шеера». Малый запас хода «Хиппера» показал, что этот тип кораблей непригоден для действий на морских коммуникациях.

Самым эффективным после подводных лодок и минирования средством войны на море оказались немецкие рейдеры — торговые суда, переоборудованные для действий на морских коммуникациях.

Их стали посылать в длительное плавание с апреля 1940 года. К концу этого года первая «волна» в составе 6 рейдеров потопила 54 торговых судна водоизмещением 366 тыс. т (главным образом в отдаленных морях). Одно их присутствие оказывало дезорганизующее действие на английский торговый флот, причем искусство, с которым немцам удавалось пополнить рейдеры топливом и всякими видами довольствия, лишь усиливало эту угрозу. Немцы умело руководили действиями рейдеров и хорошо выбирали цели для нападения. Только один из рейдеров ввязался в бой, но избежал серьезных повреждений.

Перед лицом такой многообразной угрозы, прежде всего со стороны подводных лодок, на атлантических подступах к Англии ее военно-морские силы испытывали чрезвычайные затруднения, связанные с кораблями охранения. Из французских атлантических портов Брест и Ла-Паллис вблизи Ла-Рошели немецкие подводные лодки могли совершить плавание на 25° к западу, тогда как летом 1940 года англичане могли обеспечивать свои конвои охранением только на 15° к западу, то есть примерно на 300 км к западу от Ирландии, а дальше уходящие конвои должны были рассредоточиваться или идти без охранения. В октябре зона непосредственного охранения расширилась до 19° к западу (около 650 км к западу от Ирландии), но охранение обычно состояло всего лишь из одного вспомогательного крейсера. Только к концу года удалось увеличить среднее число кораблей охранения до двух. Более мощное охранение предоставлялось лишь конвоям, отправлявшимся на Ближний Восток.

Главным конечным пунктом атлантических конвоев на западе служил Галифакс в провинции Новая Шотландия. Конвои, на-

правлявшиеся в Англию с грузом продовольствия, горючего и военного имущества, первые 500—600 км шли в сопровождении канадских эсминцев, а затем их передавали английским кораблям охранения, которые сопровождали конвои до западных подступов к Англии.

Разрешить проблему обеспечения охранения помогли появившиеся весной 1940 года сторожевые корабли. Командам этих небольших кораблей водоизмещением всего 925 т приходилось нелегко в штормовую погоду, да и сами корабли не обладали достаточной скоростью, чтобы перегонять и даже идти наравне с подводными лодками, но тем не менее они доблестно выполняли задачу по охранению конвоев при любой погоде.

В сентябре, после двухмесячных настойчивых усилий, было заключено соглашение между Черчиллем и Рузвельтом, согласно которому военно-морские силы США передавали Англии 50 старых эсминцев, оставшихся после Первой Мировой войны, в обмен на предоставление в аренду 8 английских баз в западных районах Атлантики сроком на 99 лет. Хотя эсминцы были устарелыми и их, прежде чем вводить в эксплуатацию, требовалось оснастить гидролокаторами для обнаружения подводных лодок, они вскоре оказали большую помощь в борьбе с подводными лодками противника. Эта сделка, в свою очередь, позволила Соединенным Штатам подготовить базы для защиты своего океанского и прибрежного судоходства и явилась первым шагом по вовлечению этой страны в битву за Атлантику.

С наступлением зимы и плохой погоды, естественно, возросли трудности для движения конвоев и организации их охранения, и в то же время снизилась активность немецких подводных лодок. Согласно немецким данным, к июлю 1940 года число подводных лодок увеличилось на 50%, 27 подводных лодок было уничтожено. К февралю следующего года число действующих подводных лодок сократилось до 21. С захватом французских баз немцы получили возможность держать в море больше подводных лодок, а также использовать небольшие подводные лодки прибрежного действия на океанских путях.

Участие итальянских военно-морских сил в битве за Атлантику оказалось ничтожным. Хотя итальянские подводные лодки начали действовать с августа и к ноябрю их было не меньше 26, практически они ничего не добились.

Активность подводных лодок зимой снизилась главным образом из-за плохой погоды, однако в начале 1941 года их дея-

тельность вновь развернулась благодаря тактике «волчьих стай» — совместных действий нескольких подводных лодок вместо одиночных атак. Эту новую тактику генерал Дениц ввел в октябре 1940 года, а в последующие месяцы она получила дальнейшее развитие.

«Волчьи стаи» действовали следующим образом. Получив информацию о движении конвоя, штаб командования подводным флотом предупреждал ближайшую группу подводных лодок. Сразу же высылалась одна лодка с задачей выследить конвой и по радио навести на него всю группу. Собравшись в указанном месте, подводные лодки атаковали конвой ночью из надводного положения, предпочтительнее с подветренной стороны. Атаки проводились несколько ночей. В дневное время подводные лодки уходили довольно далеко от конвоя и его охранения. Ночные атаки из надводного положения были известны и в Первую Мировую войну. Дениц в своей книге, вышедшей как раз накануне Второй Мировой войны, рассказал об этом.

Эта тактика застигла англичан врасплох. Англичане строили противолодочную оборону, рассчитывая на атаки из погруженного положения. Большие надежды возлагались на гидролокаторы — приборы для обнаружения подводных целей. Однако подводные лодки, действующие на поверхности, с помощью гидролокатора обнаружить нельзя, и ночью в таких случаях корабли охранения практически не могли получить какую-либо информацию. Таким образом, используя преимущества ночных атак подводных лодок из надводного положения, немцы свели на нет подготовку англичан к подводной войне и выбили их из колеи.

Одной из главных задач противодействия этой тактике стало заблаговременное обнаружение и уничтожение выслеживающей подводной лодки, поддерживающей контакт с конвоем. Если кораблям охранения удавалось заставить подводные лодки погрузиться, то, поскольку перископы ночью бесполезны, подводным лодкам становилось трудно действовать. Важной контрмерой против ночных атак явилось освещение моря. Вначале для этих целей использовались осветительные снаряды и ракеты, но потом их заменили более эффективными осветительными средствами — светящимися авиационными бомбами, которые чуть ли не превращали ночь в день. Кроме того, устанавливались мощные прожекторы на самолетах, используемых для охраны конвоев и в противолодочных дозорах. Еще большее значение имела разработка радиолокационной аппаратуры. Наряду с внедрением новых приборов более тщательно проводилась под-

готовка кораблей охранения и заметно улучшилась организация разведки.

Однако всякие усовершенствования требовали времени. К счастью, в распоряжении немцев в то время было немного подводных лодок, и это ограничивало действия «волчьих стай». Адмирал Дениц считал, что, если англичане повсюду введут систему конвоев, Германии для достижения решающих результатов потребуется 300 подводных лодок, а весной 1941 года она имела в строю лишь десятую долю этого числа.

В марте вновь усилились нападения кораблей и самолетов на конвои. «Карманный» линкор «Адмирал Шеер» и линейные крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау» потопили или захватили 17 судов; бомбардировщики дальнего следования потопили 41 судно, столько же было на счету подводных лодок. В общем всеми средствами было уничтожено 139 судов водоизмещением свыше 0,5 млн. т.

Линейные крейсера, 22 марта прибывшие в Брест, стояли там в бездействии, так как в апреле английская авиация нанесла серьезные повреждения порту.

В начале второй половины мая новый немецкий линкор «Бисмарк» в сопровождении нового крейсера «Принц Ойген» вышел в Атлантику. Английская разведка сработала точно, и предупреждение об их появлении в Каттегате было получено в Лондоне утром 21 мая. В тот же день их обнаружили самолеты берегового командования вблизи Бергена. Из Скапа-Флоу сразу же вышли линейный крейсер «Худ» и линкор «Принс оф Уэльс» под командованием вице-адмирала Холланда с целью перехватить немецкие корабли севернее Исландии. На следующий день к вечеру, после того как воздушная разведка доложила, что кораблей в районе Бергена больше нет, из Скапа-Флоу в том же направлении вышли главные силы флота. Вечером 23 мая крейсера «Норфолк» и «Суффолк» заметили два немецких корабля в Датском проливе, между западным берегом Исландии и краем ледяного поля восточнее Гренландии. К тому времени силы вице-адмирала Холланда подходили к южному концу пролива.

Формально силы Холланда имели большое превосходство над противником, поскольку крейсер «Худ» водоизмещением 42 тыс. т номинально являлся самым крупным кораблем всех флотов и был вооружен восемью 381-мм орудиями. Однако «Худ», построенный в 1930 году, еще до Вашингтонского соглашения, не был до конца модернизирован: начавшаяся в 1939 году война помешала осуществить принятое в марте этого года решение совета адмиралтейства улучшить броневую защи-

ту корабля. «Принс оф Уэлс» был новым кораблем, и его вооружение еще не успели полностью испытать¹¹². Немецкие корабли, хотя и предполагалось, что они соответствуют ограничениям Вашингтонского соглашения (35 тыс. т для линкоров и 10 тыс. т для тяжелых крейсеров), фактически имели водоизмещение соответственно 42 тыс. т и 15 тыс. т, а это позволило снабдить их более тяжелой броневой защитой. Кроме того, хотя они и уступали в артиллерии главного калибра (восемь 380-мм орудий у «Бисмарка» и восемь 203-мм орудий у «Принца Ойгена»), это компенсировалось дефектами орудий «Принс оф Уэлс» и превосходством дальномерных приборов немецких кораблей.

Немецкие корабли были обнаружены в 5.35, за час до восхода солнца, а в 5.52 все четыре корабля завязали огневой бой, оба немецких корабля сосредоточили огонь на крейсере «Худ». «Худ» был не только флагманским кораблем, но и самым уязвимым, особенно для навесного огня, поэтому он поспешил как можно скорее сократить дистанцию. Сближение происходило на встречных курсах, и англичане не могли вести огонь орудиями кормовых башен. Немцы же имели возможность использовать всю артиллерию одного борта. После второго или третьего залпа в 6.00 «Худ» взорвался и в течение нескольких минут затонул. Спаслось только трое из экипажа более чем в 1400 человек. Это вызывало самые мрачные воспоминания о судьбе английских линейных крейсеров во время Ютландского сражения четверть века назад¹¹³. «Принс оф Уэлс», на котором теперь сосредоточили огонь оба немецких корабля, сильно пострадал от разрушительных попаданий с «Бисмарка» и «Принца Ойгена». В 16.30 командир «Принс оф Уэлс» принял решение выйти из боя и стал уходить под прикрытием дымовой завесы. Контр-адмирал Уэйк-Уокер, командующий двумя крейсерами, а теперь, после гибели Холланда, и всем соединением, одобрил это решение, но приказал не терять соприкосновения с противником до подхода главных сил флота. Они находились теперь на расстоянии около 500 км, но было мало надежды, что удастся подойти вовремя, так как утром видимость ухудшилась. После полудня командующий английским флотом адмирал Тоуви с облегчением узнал, что «Бисмарк» изменил курс и сбавил ход примерно до 24 узлов.

Оказалось, что в короткой утренней схватке «Бисмарк» получил два прямых попадания с «Принс оф Уэлс» и одно из них вызвало утечку топлива. Это снизило запас хода корабля. Немецкий адмирал Лютьенс вынужден был направиться в один из портов западной Франции, отказавшись от рейда в Атлан-

тику или возвращения в Германию из опасения быть перехваченным английскими соединениями, действовавшими в этом районе.

Днем Тоуви приказал 2-й эскадре крейсеров под командованием адмирала Кертейса и авианосцу «Викторис», который готовился к отправке в Средиземное море, следовать на позицию в 180 км от «Бисмарка» — достаточно близко, чтобы «Викторис» мог поднять в воздух свои девять бомбардировщиков-торпедоносцев. После 22.00 в очень плохую погоду корабли отправились к указанному месту, с трудом отыскивали «Бисмарк» и после полуночи успешно его атаковали. «Бисмарк» получил одно прямое попадание, которое не причинило серьезного ущерба линкору, защищенному тяжелой броней. Рано утром 25 марта ему удалось ускользнуть от своих преследователей, и остальная часть дня прошла в бесплодных попытках вновь его обнаружить.

Только 26 марта в 10.30 его обнаружил в 1200 км от Бреста патрулирующий самолет «Каталина» берегового командования. Широко рассредоточенный флот Тоуви не смог бы успеть перехватить «Бисмарк». Зато соединение «Н» адмирала Сомервила, возвращавшееся из Гибралтара, находилось теперь достаточно близко, чтобы перехватить «Бисмарк». К тому же в это соединение входил большой авианосец «Арк Ройял». Первый удар был неудачным. Второй удар, нанесенный около 21.00, оказался более успешным. Две из тринадцати выпущенных торпед достигли цели. Одно попадание пришлось в броневую пояс «Бисмарка» и было малоэффективным. Второе попадание, прямо по корме, повредило винт, разрушило рулевое устройство и заклинило рули. Это попадание оказалось решающим.

В то время как эсминцы капитана 1 ранга Вайана держали «Бисмарка» в кольце и всю ночь продолжали его торпедировать, на поле боя появились линкоры «Кинг Джордж V» и «Родней», которые в течение полутора часов вели огонь бронейными снарядами из тяжелых орудий. К 10.15 «Бисмарк» представлял собой охваченную пламенем развалину. По приказу Тоуви английские линкоры ушли, а крейсер «Дорсетшир» тремя торпедами прикончил тонущий корабль. В 10.30 «Бисмарк» исчез под волнами.

Для потопления «Бисмарка» потребовалось по крайней мере восемь, а то и все двенадцать попаданий торпед и гораздо больше попаданий тяжелых снарядов. Это делает честь конструкторам корабля.

«Принц Ойген» расстался с «Бисмарком» 24 мая и направился для дозаправки в среднюю часть Атлантики. Однако вско-

ре обнаружили дефекты в машине, и командир взял курс на Брест. «Принц Ойген» был обнаружен на подступах к порту, но благополучно достиг его 1 июня.

В конечном счете эти драматические события мая 1941 года были наивысшей точкой усилий немцев и свидетельствовали об окончательном крушении их планов выиграть битву за Атлантику с помощью надводных кораблей.

Операции немецких подводных лодок продолжались гораздо дольше. Они создали серьезную угрозу. В мае число потопленных лодками судов резко возросло, в июне тоже достигло высокой цифры — 61 судно водоизмещением 310 тыс. т. Столько судов обычно входило в отдельный большой конвой. Примечательно, что эта опасность никогда не создавала трудностей по укомплектованию команд.

11 марта в Соединенных Штатах был принят закон о ленд-лизе¹¹⁴. В том же месяце из эсминцев и летающих лодок была сформирована американская группа поддержки Атлантического флота. В апреле американская «зона обеспечения безопасности», патрулируемая военно-морскими силами США, была расширена от 60° до 26° западной долготы.

В марте начали действовать американские авиационные базы на восточном побережье Гренландии и на Бермудских островах, а в мае военно-морские силы США приняли арендованную базу в Ардженшии, в юго-восточной части Ньюфаундленда. В начале июня американская морская пехота сменила английский гарнизон в Рейкьявике, в Исландии, и с тех пор военно-морские силы США охраняли американские суда, следующие в Исландию и обратно. Американский «нейтралитет» в Атлантике становился все более односторонним. В апреле была достигнута договоренность о ремонте английских судов на американских верфях и началось строительство военных кораблей и торговых судов на основе ленд-лиза.

Все большую помощь Англии в борьбе за Атлантику стала оказывать Канада. В июне было создано канадское соединение кораблей охранения, базирующееся на Сент-Джонсе, на Ньюфаундленде. Военно-морские силы Канады взяли на себя ответственность за охрану судов от нападения подводных лодок на всем пути следования конвоев до района их встречи южнее Исландии. Таким образом, английское адмиралтейство могло теперь осуществить планы относительно обеспечения непрерывного охранения.

Летом 1941 года канадские и английские корабли охранения встречались в океане в пункте около 35° западной долготы и передали друг другу свои конвои. Исландские корабли и кораб-

ли английского Западного военно-морского округа обменялись конвоями в восточной части океана в пункте около 18° западной долготы.

Начиная с июля группа непосредственного охранения на всем пути сопровождала гибралтарские конвои. Конвоем, следовавшим вдоль Западно-Африканского побережья в Сьерра-Леоне, тоже предоставлялось постоянное охранение.

Охранение конвоев осуществлялось в среднем пятью кораблями. Периметр зоны охранения из 45 судов составлял свыше 50 км. Тем не менее гидролокатор каждого корабля охватывал дугу радиусом всего два километра, поэтому еще оставались широкие интервалы, через которые незамеченными могли проникнуть подводные лодки.

Что касается авиационного прикрытия, то начиная с весны с получением по ленд-лизу летающих лодок «Каталина» зона прикрытия расширилась примерно до 1100 км от Британских островов. Это вынудило немецкие подводные лодки покинуть районы на удаление 1000 км от Канады и 650 км от Исландии. В середине Атлантического океана еще оставался разрыв около 500 км шириной, а американские самолеты «либерейтор», которые могли бы его прикрыть, предоставлялись вплоть до конца марта 1943 года нерегулярно, да и к середине апреля в строю находился только 41 такой самолет.

В то же время число немецких подводных лодок росло. К июлю 1941 года действовало 65 лодок, а в октябре — уже 80. На 1 сентября общее число подводных лодок составляло 198, хотя к этому времени 47 лодок было потоплено. Темпы пополнения подводного флота намного превышали размеры потерь. Немецкая промышленность стала выпускать подводные лодки со сварными прочными корпусами. Для потопления такой подводной лодки требовалось более точное бомбометание.

В сентябре из-за недостаточного авиационного прикрытия тяжелые потери понесли четыре конвоя. Однако в этом же месяце, после августовской встречи Рузвельта с Черчиллем, взаимодействие флотов двух стран значительно улучшилось благодаря утверждению президентом хорошо продуманному «американскому плану обороны западного полушария № 4». Согласно этому плану, американские военно-морские силы получили разрешение сопровождать конвои неамериканских судов и начали обеспечивать охранение некоторых атлантических конвоев до пункта встречи, который был отодвинут на восток примерно до 22° западной долготы.

Это облегчило англичанам задачу организации охранения конвоев на участке пути между Британскими островами и

океанским пунктом встречи. К концу года число групп охраны увеличилось до восьми (по три эсминца и около шести сторожевых кораблей в каждой). Еще одиннадцать групп по пять эсминцев номинально числились в резерве для усиления охранения любого конвоя, который окажется в трудном положении, или для борьбы с сосредоточениями подводных лодок, но фактически выполняли второстепенные текущие задачи.

В октябре число потопленных подводными лодками судов сократилось до 32 общим водоизмещением 156 тыс. т. Примечательно, что ни одно судно не было потоплено в пределах 600 км от базы берегового командования. Этот факт свидетельствовал о том, что подводные лодки стали избегать зон, прикрываемых разведывательной и бомбардировочной авиацией дальнего действия. Правда, подводные лодки использовались отчасти для поддержки боевых действий Роммеля в Северной Африке.

В ноябре количество потоплений подводными лодками вновь упало и составляло не более трети октябрьского тоннажа. В декабре в Северной Атлантике было потоплено еще меньше судов. Однако тяжелые потери на Дальнем Востоке после вступления в войну Японии увеличили число потоплений от всех видов оружия (около 282 судов водоизмещением почти 600 тыс. т).

На западе во второй половине 1941 года немецкие бомбардировщики дальнего действия создали угрозу гораздо большую, чем подводные лодки, особенно для гибралтарских конвоев. Так встал вопрос о необходимости использовать истребители для непосредственной поддержки операций по проводке конвоев. В июне был введен в строй первый конвойный авианосец «Одэсити» с катапультными истребителями. В декабре он сыграл главную роль при сопровождении возвращавшегося в Англию гибралтарского конвоя, хотя сам был потоплен в бою.

В конце 1941 года общее число действующих немецких подводных лодок составляло 86. Но, поскольку 50 лодок направилось в Средиземное море, в северной части Атлантического океана осталось только 36. В июне 9 подводных лодок было потоплено кораблями охранения конвоев, и немецкому подводному флоту пришлось уйти из южной Атлантики. За девять месяцев, с апреля по декабрь 1941 года, немецкие и итальянские подводные лодки потопили 328 судов водоизмещением 1576 тыс. т, но лишь третья часть этих судов входила в состав конвоев. Вместе с тем корабли охранения потопили 20 немецких подводных ло-

док. Таким образом, усиление охранения и выбор более безопасных маршрутов принесли успех в борьбе с немецкими подводными лодками.

Кратко подведем итог мерам по организации охранения конвоев в начале 1942 года. Три крупные операционные базы Западного военно-морского округа (Ливерпуль, Гринрок, Лондондерри), которыми командовал адмирал Ноубл, руководили 25 группами охранения, насчитывающими 70 эсминцев и 95 других кораблей.

Корабли делились на четыре категории: 1) эсминцы с малым запасом хода для ближневосточных и арктических конвоев на первую часть их пути и для лайнеров, которые начали доставлять американские войска через океан; 2) эсминцы и сторожевые корабли дальнего плавания для североатлантических конвоев от западного океанского пункта встречи до Англии и для гибралтарских конвоев; 3) сторожевые корабли, эсминцы и катера с большой дальностью плавания для конвоев, следующих в Сьерра-Леоне, на главной части их пути; 4) корабли ПВО для поддержки кораблей охранения конвоев в районах действия немецких бомбардировщиков, а также для арктических и гибралтарских конвоев.

Имелись также две группы охранения в Гибралтаре и фри-таунское соединение, состоящее из одной флотилии эсминцев и двух десятков сторожевых кораблей. В ньюфаундлендское соединение охранения входили преимущественно корабли военно-морских сил Канады (14 эсминцев и около 40 сторожевых кораблей).

В начале 1942 года перспективы благоприятного исхода битвы за Атлантику серьезно ухудшились. Одной из причин был недостаток в самолетах. Де Ла Ферте, возглавлявший предыдущим летом береговое командование, оценивал потребности примерно в 800 самолетов всех типов и особенно подчеркивал значение бомбардировщиков дальнего действия. Однако в следующем году бомбардировщики берегового командования, как и все новые бомбардировщики, были переданы бомбардировочному авиационному командованию для использования в авиационном наступлении на Германию. Вокруг приоритета тех или иных боевых действий разгорелся спор. Авиация военно-морских сил также испытывала затруднения в получении истребителей для обеспечения действий новых конвойных авианосцев, заказ на которые был уже размещен.

Другая причина состояла в следующем. Новые фрегаты, которые строились в Америке для Англии, вступали в строй не так быстро, как планировалось, и главным образом потому, что

приоритет отдавался десантно-высадочным средствам, необходимым для вторжения в Европу через Ла-Манш, которое американцы все еще надеялись осуществить если не в 1942, то в 1943 году. Это обстоятельство в значительной степени обусловило как ослабление Англии в Атлантике, так и дальнейшие тяжелые потери в судоходстве.

Третья причина возникла в первые месяцы 1942 года, когда Америка испытывала затруднения не только на Тихом океане после катастрофы в Перл-Харборе, но и на Атлантическом океане, где активизировали свои действия немецкие подводные лодки и возросли потери Америки в судоходстве.

Адмирал Дениц и его штаб в мае 1942 года считали, что Англии можно нанести поражение, если в месяц топить в среднем суда общим водоизмещением 700 тыс. т. Им было известно, что в 1941 году не удалось достичь этой средней цифры, но они не знали, что среднемесячная цифра не превышала и 180 тыс. т. Дейниц и его штаб считали, что вступление Америки в войну даст Германии большую свободу в западной Атлантике и большой выбор объектов для нанесения ударов.

Немцы смогли направить к берегам Америки лишь небольшое число подводных лодок, но и они добились непропорционально больших результатов, поскольку американские адмиралы, подобно английским во время Первой Мировой войны, не торопились формировать конвои. Американцы также не спешили принять другие меры предосторожности. Так, продолжали освещаться фарватерные буи, неограниченно использовалось радио на судах. В приморских курортах вроде Майами на протяжении многих километров берега по-прежнему освещались неоновыми фонарями, и на этом фоне отчетливо вырисовывались силуэты судов. Днем подводные лодки погружались на некотором расстоянии от берега, а ночью всплывали и атаковали суда орудиями или торпедами. И хотя число подводных лодок, действующих у берегов Америки, никогда не превышало дюжины, к началу апреля они потопили судов водоизмещением почти в полмиллиона тонн, причем 57% из них были танкеры.

Это серьезно отразилось на положении Англии. Военно-морским силам Соединенных Штатов пришлось отвести корабли охранения в прибрежные воды, и английские торговые суда, уцелевшие при переходе через Атлантический океан, становились легкой добычей немцев в американских водах.

Достигнутые результаты так ободрили адмирала Дейница, что он намеревался направить к берегам Америки как можно

больше подводных лодок. К счастью для союзников, в этот критический момент им на помощь пришла «интуиция» Гитлера. На совещании 22 января он высказал убеждение, что Норвегия является «зоной, где решатся судьба», и потребовал все имеющиеся надводные корабли и подводные лодки направить в этот район для отражения вторжения союзников. Через три дня Дейниц получил неожиданный приказ отправить первую группу из восьми подводных лодок для прикрытия морских подступов к Норвегии. В январе в Норвегию отправили также линкор «Тирпиц», а за ним последовали «Адмирал Шеер», «Принц Ойген», «Адмирал Хиппер» и «Лютцов».

Опасения Гитлера в какой-то степени были обоснованы, так как Черчилль действительно предлагал английским начальникам штабов рассмотреть возможность высадки в Норвегии с целью ослабить нажим немцев на арктические конвои, однако американцы не поддержали этого предложения, и оно не было осуществлено.

Еще одной удачей для союзников была суровая зима 1941/42 года, которая задержала боевую подготовку команд подводных лодок в Балтийском море, в результате чего в первой половине 1942 года оказались готовы к боевым действиям всего лишь 69 подводных лодок. Впоследствии 26 из них было отправлено в северную Норвегию, 2 — на Средиземное море и 12 восполнили потери, так что чистый прирост в Атлантике составил только 29 лодок.

Как бы то ни было, тоннаж потопленных немецкими подводными лодками судов возрастал с каждым месяцем: в феврале — почти до 500 тыс. т, в марте — свыше 500 тыс. т, в апреле упал до 430 тыс. т, зато в мае возрос до 600 тыс. т, а в июне достиг зловещей цифры — 700 тыс. т. К концу июня полугодовой итог составил свыше 3 млн. т из 4 147 406 т всех потопленных судов, причем около 90% приходилось на суда, потопленные в Атлантике и Арктике. Только с июня благодаря усовершенствованию методов противолодочной борьбы и принятию американцами системы конвоев ежемесячные потери от подводных лодок сократились до 500 тыс. т.

Улучшение обстановки летом 1942 года оказалось иллюзорным. К августу, с появлением вновь построенных подводных лодок, их общее число превысило 300. Около половины из них находилось в действии. Их группы действовали у Гренландии, у побережья Канады, у Азорских островов, в Карибском море (или поблизости от него) и у берегов Бразилии. В августе тоннаж потопленных подводными лодками судов вновь превысил

500 тыс. т. В последующие месяцы им досталась особенно большая добыча в районе острова Тринидад, где многие суда еще плавали без охранения. Сомнительной акцией немцев в политическом отношении и с точки зрения большой стратегии было потопление пяти бразильских судов в середине августа, что привело к немедленному объявлению Бразилией войны. Использование бразильских баз позволило союзникам значительно усилить контроль над всей южной Атлантикой и изгнать оттуда надводные рейдеры.

Теперь это, однако, не имело такого значения, как раньше, поскольку вместо немецких вспомогательных крейсеров, используемых для нарушения морских коммуникаций, появились новые, более крупные подводные лодки, так называемые «подводные крейсера», водоизмещением 1600 т и с радиусом действия 50 тыс. км.

Подводные лодки теперь могли погружаться на гораздо большую глубину, до 200 метров, а в случае острой необходимости даже глубже. Впрочем, это преимущество вскоре было сведено к минимуму, поскольку в большем количестве стали выпускаться глубинные бомбы с установкой взрывателей на большую глубину. Действия подводных лодок, однако, тоже облегчились, так как с появлением новых подводных танкеров стало возможно дозаправлять подводные лодки в океане. Кроме того, повысилась эффективность радиоразведки. Немцы вновь получили возможность, как и до августа 1940 года, читать многие английские сигналы управления конвоями.

В это же время английские ученые создали новый 10-сантиметровый радиолокатор. Его широкое использование в начале 1943 года на самолетах в сочетании с прожектором Ли позволило союзникам вновь захватить инициативу в ведении боевых действий ночью и при плохой видимости. Поисковые приемники радиолокаторов немецких подводных лодок, работающие на волне 1,5 метра, оказались бессильными.

Военный дневник Деница ярко свидетельствует о том, как обеспокоили немецкого адмирала эффективность нового английского средства обнаружения и возросшее число английских самолетов в восточной части Атлантического океана. В течение всей кампании Дениц проявил себя весьма способным стратегом. Он умел нащупывать слабые места противника и сосредоточивать силу удара там, где была слаба оборона. Он надежно удерживал инициативу, а подводные силы союзников неизменно отступали.

Во второй половине 1942 года Дениц сосредоточил усилия подводных лодок в районах между зонами авиационного при-

крытия к югу от Гренландии. Тактика немцев состояла в том, чтобы обнаружить конвои союзников прежде, чем они достигнут этих районов, а затем, нанеся им сосредоточенный удар, отводить подводные лодки сразу же после появления английской авиации.

К осени у Деница было достаточно подводных лодок, чтобы позволять «стоям» атаковать по своей инициативе, когда предоставлялась возможность. Начиная с июля активность подводных лодок возросла, в ноябре они потопили 119 судов водоизмещением 729 тыс. т. — впрочем, большую часть этих судов, плавающих без охранения, подводные лодки перехватили у берегов Южной Африки или Южной Америки.

Потребность в охранении особенно возросла при подготовке и проведении операции «Торч» — высадки англо-американских войск в Северо-Западной Африке. Операция проводилась осенью. Пришлось временно приостановить отправку конвоев в Гибралтар, Сьерра-Леоне и Арктику. Новые силы охранения понадобились также для сопровождения конвоев из войсковых транспортов, на которых перевозились американские войска из Исландии в Англию. Для охранения этих быстроходных конвоев на каждые три войсковых транспорта придавалось по крайней мере по четыре эсминца.

Исключение составляли два гигантских (водоизмещением 80 тыс. т) лайнера «Куин Мэри» и «Куин Элизабет», переоборудованных в войсковые транспорты, чтобы перевозить по 15 тыс. человек и более. Их скорость, свыше 25 узлов, была слишком велика для эсминцев, которые сопровождали их лишь в начале и конце пути. Такие гигантские лайнеры могли обеспечить свою безопасность только благодаря скорости хода, умелому маневрированию и правильному выбору маршрутов. Эта рискованная политика оказалось настолько успешной, что ни одной подводной лодке так и не удалось перехватить лайнеры во время многочисленных трансатлантических переходов, начавшихся с августа.

Вообще говоря, масштабы охранения силами флота и авиационного прикрытия ни в какое сравнение не шли с темпами роста производства подводных лодок. Каждый месяц вступало в строй в среднем около 17 подводных лодок, и к концу 1942 года действовало около 212 лодок из 393 (в начале войны действовала 91 подводная лодка из 249). За это время было уничтожено 87 немецких и 22 итальянских подводных лодки. Темпы же ввода в строй новых подводных лодок были гораздо выше.

В течение года подводные лодки стран оси потопили во всех водах 1160 судов общим водоизмещением 6266 тыс. т, а

общие потери составили 1664 судна водоизмещением свыше 7790 тыс. т.

Хотя тоннаж судов, введенных в строй союзниками, составил около 7 млн. т, все равно дефицит увеличился почти на 1 млн. т. Импорт Англии за этот год упал ниже 34 млн. т. Особенно угрожающе снизились, в частности, запасы топлива для торговых судов — до 300 тыс. т, тогда как месячная потребность составляла 130 тыс. т. Недостаток можно было восполнить из резервных запасов военно-морских сил, но к этому следовало прибегнуть лишь в случае крайней необходимости.

Когда в январе 1943 года в Касабланке, на побережье Марокко, собралась конференция союзников для определения дальнейшей стратегии, ее участников весьма серьезно встревожила проблема тоннажа торгового флота. Вторжение в Европу обещало эффект лишь в том случае, если будет ликвидирована угроза со стороны подводных лодок и выиграна битва за Атлантику. Битва за Атлантику приобрела такое же решающее значение, как и битва за Англию в 1940 году. Исход зависел прежде всего от того, какая из сторон сможет дольше выдержать в материальном и психологическом отношении.

На ход борьбы повлияли и перемены в командовании. В ноябре адмирал Ноубл был назначен главой английской военно-морской миссии в Вашингтоне и стал английским представителем в объединенном англо-американском штабе. За двадцать месяцев пребывания в должности командующего западным военно-морским округом он многое сделал для усовершенствования мер противолодочной борьбы и для поддержания боевого духа команд охранения и экипажей самолетов, постоянно проявляя понимание их проблем и установив с ними тесный личный контакт. Его преемника подобрали удачно. Им стал адмирал Хортон. С начала 1940 года он командовал базировавшимися в Англии подводными лодками, отлично знал как подводные лодки, так и подводников, был человеком энергичным, обладал творческим воображением. Такое сочетание качеств делало его достойным командиром, под стать Деницу.

Хортон разработал методы ведения более мощных и сосредоточенных контратак против подводных лодок. Сторожевые и другие малые корабли, не обладающие достаточной скоростью, не могли довести до конца бой с подводными лодками, поскольку, если бы им пришлось далеко преследовать противника, потом они не сумели бы догнать охраняемые ими конвои. Требовалось больше эсминцев и фрегатов, которые могли бы прийти на помощь охранению конвоев, а при встрече с подводными

лодками преследовать их до конца. Для этой цели еще в сентябре начали формироваться группы поддержки. Хортон сразу же ускорил этот процесс, сократив состав групп непосредственного охранения. Хортон поставил цель — застигнуть противника врасплох в средней части Атлантического океана координированными контратаками нескольких новых групп поддержки и авианосной авиации во взаимодействии с охранением и самолетами сверхдальнего действия. Хортон подчеркивал, что группы поддержки не должны тесно взаимодействовать с группами охранения конвоев. При прохождении зоны разрыва в авиационном прикрытии каждый конвой должен усиливаться группой поддержки и по возможности самолетами. Хортон предусмотрел, что подводные лодки, привыкшие к атакам кораблей охранения конвоя, будут выбиты из колеи, когда группы поддержки атакуют их со всех сторон.

Гитлер был взбешен неэффективными результатами предновогоднего нападения «Хиппера», «Лютцова» и шести эсминцев, вышедших из Альта Фьорда, на арктический конвой. Раздраженный Гитлер высказал «твердое и неизменное решение» рассчитаться с виновниками. В итоге гросс-адмирал Редер через месяц ушел в отставку. На посту главнокомандующего военно-морскими силами его заменил Дениц, который одновременно сохранил пост командующего подводными силами. Дениц лучше умел ладить с Гитлером и, в конце концов, получил согласие фюрера оставить «Тирпиц», «Лютцов» и «Шарнхорст» в Норвегии как «довольно мощное оперативное соединение».

В декабре и январе в Атлантике наступило затишье. Тоннаж потопленных подводными лодками судов едва достиг 200 тыс. т. Затишье объяснялось главным образом штормовой погодой. Однако за этой передышкой последовали новые сокрушительные удары по судам, следовавшим в составе конвоев.

В феврале тоннаж потопленных подводными лодками судов почти удвоился, а в марте цифра достигла 108 судов водоизмещением 627 тыс. т, что граничило с рекордными цифрами июля и ноября 1942 года. Особенную тревогу вызвало то, что около двух третей судов было потоплено при следовании в составе конвоев. В середине марта 38 подводных лодок атаковали два направлявшихся в Англию конвоя, которые оказались поблизости друг от друга. В итоге было потоплено 21 судно водоизмещением 141 тыс. т, а немцы потеряли лишь одну подводную лодку.

Впоследствии адмиралтейство отмечало, что «немцы никогда не были так близки к нарушению коммуникаций между Но-

вым и Старым Светом, как в первые двадцать дней марта 1943 года». Более того, морской штаб даже стал сомневаться, можно ли по-прежнему использовать конвои.

Однако в последние одиннадцать дней этого рокового месяца положение резко изменилось. В северной Атлантике было потоплено только 15 судов против 107 за первые две декады месяца. В апреле потери снизились вдвое, а в мае оказались еще меньше. Контрнаступление, организованное Хортоном, принесло желаемые результаты в удивительно короткий срок.

В самые критические мартовские дни американцы попросили освободить их от участия в проводке североатлантических конвоев и взяли на себя ответственность за южноатлантические пути, в особенности ведущие в Средиземное море. Они, конечно, имели в виду также и Тихий океан. Практический результат был невелик. Правительство США подчинило английскому командованию авианосец первой группы поддержки и поставило самолеты «либерейтор». Таким образом, с 1 апреля Англия и Канада приняли на себя полную ответственность за проводку всех конвоев между Американским континентом и Англией.

Весной 1943 года немецкие подводные лодки в ряде сражений потерпели поражение и понесли тяжелые потери. В середине мая проницательный Дениц докладывал Гитлеру: «Мы стоим перед лицом величайшего кризиса в подводной войне, так как противник, применяя новые средства обнаружения, наносит нам тяжелые потери». Потери подводных лодок в мае больше чем удвоились и составляли около 30% всех находившихся в море лодок. Такие потери вынудили Деница 23 мая отозвать подводные лодки из северной Атлантики.

К июлю союзники строили судов больше, чем теряли от действий противника. Это был переломный момент в борьбе с подводными лодками.

Теперь ясно, что в марте Англия едва избежала поражения. Столь же очевидно, что главной причиной создавшейся опасности был недостаток самолетов дальнего действия для защиты конвоев. С января по май в Атлантическом океане в тех случаях, когда конвои прикрывались с воздуха, было потоплено всего только два судна. Когда конвои получили достаточное воздушное прикрытие (в особенности самолеты «либерейтор»), подводным лодкам стало все труднее действовать «волчьими стаями». Теперь их могли в любой момент внезапно обнаружить с самолета, который навел бы корабли группы поддержки на их позиции.

Важную роль, бесспорно, сыграло создание новой радиолокационной станции, работающей в 10-сантиметровом диапазоне. Внесли свой вклад и такие новые боевые средства, как многотельный самолет «Хеджхог», противолодочная ракетная установка и более мощные глубинные бомбы. Большое значение имела и аналитическая деятельность нового управления штаба западного военно-морского округа. Оно было создано в начале 1942 года для разработки методов борьбы с подводными лодками. Кроме того, для управления судами в составе конвоев в конце мая 1943 года был введен новый шифр, что лишило немцев самого ценного источника информации. Однако наибольшее значение имело, пожалуй, повышение уровня подготовки команд кораблей охранения и экипажей самолетов, а также улучшение взаимодействия между моряками и летчиками.

Выдающуюся роль в отражении угрозы со стороны немецких подводных сил, как уже указывалось, сыграл адмирал Хортон. Немалый вклад внес также маршал авиации Слессор, назначенный командующим береговым командованием в феврале 1943 года, в решающий период битвы. Среди славных командиров групп охранения и поддержки заслуживают особого упоминания за свои подвиги капитан 1-го ранга Уокер и капитан 2-го ранга Греттон.

В июне 1943 года в Северной Атлантике не было ни одного нападения на конвои. В июле подводные лодки понесли большие потери, особенно в Бискайском заливе, где патрули Берегового командования ВВС собрали богатый урожай: из 86 подводных лодок, пытавшихся пересечь залив, 55 было обнаружено, 17 потоплено (все, кроме одной, самолетами) и 6 было вынуждено повернуть обратно. Дениц доказывал Гитлеру, что единственным выходом в Атлантику стала узкая полоса Бискайского залива, примыкающая к испанскому берегу. Успехи противолодочных патрулей стоили англичанам только 14 самолетов.

В течение трех месяцев, с июня по август 1943 года, немецкие подводные лодки потопили не больше 57 торговых судов союзников во всех водах, кроме Средиземного моря, причем половина из них была потоплена у берегов Южной Америки и в Индийском океане. Этих весьма скромных результатов они добились ценой потери 79 подводных лодок; не меньше 58 из них были потоплены самолетами.

В надежде вновь завоевать господство на море Дениц потребовал от Гитлера увеличить численность дальней разведывательной авиации в Атлантическом океане и усилить авиационное

прикрытие на транзитных путях. Дениц встретил более сочувственное отношение, чем Редер, который в свое время пытался преодолеть нежелание Геринга обеспечивать взаимодействие флота и авиации. Дениц также добился разрешения увеличить производство подводных лодок с 30 до 40 в месяц и предоставить приоритет новым типам подводных лодок, способным развивать большую скорость в подводном положении. Однако многообещающая подводная лодка типа «Вальтер» с двигателем, работающим на смеси дизельного топлива и перекиси водорода, испытала столько родовых мук, что ни одна из них так и не была подготовлена к эксплуатации даже к концу войны. Новым важным усовершенствованием было внедрение шноркеля. Это устройство состояло из выдвижной трубы, по каналам которой засасывался воздух и отводились отработанные газы. Шноркель, изобретенный в Голландии еще до 1940 года, позволял подводным лодкам заряжать аккумуляторные батареи, оставаясь на перископной глубине. К середине 1944 года было установлено тридцать таких устройств.

В середине 1943 года у немцев появилось еще два новшества — самонаводящаяся торпеда, акустически направляемая на шум винтов судна, и планирующая бомба. Однако в сентябре и октябре, в первые два месяца после активизации действий подводных лодок, союзники потеряли только 9 торговых судов из 2468, входивших в состав 64 североатлантических конвоев. За тот же период было потоплено 25 немецких подводных лодок. После этого нового тяжелого поражения Дениц отказался от объединения подводных лодок в большие мобильные группы.

8 октября Англия по соглашению с Португалией приняла две авиационные базы на Азорских островах и с этого момента получила возможность обеспечивать авиационное прикрытие во всей Северной Атлантике.

В первые три месяца 1944 года Дениц получил приказ сформировать группу из 40 подводных лодок для отражения угрозы высадки союзников в Западной Европе. К концу мая Дениц сосредоточил 70 подводных лодок в бискайских портах, а в северной Атлантике осталось только три подводные лодки.

Отказ Германии от ведения войны в Северной Атлантике принес облегчение английскому Береговому командованию. К маю 1944 года 19-я авиационная группа потопила 50 и повредила 56 подводных лодок. За этот же период группа потеряла в Бискайском заливе 350 самолетов. Ее потери, вероятно, были бы меньшими, а эффективность действий еще большей, если бы

в соответствии с исключительной важностью своей задачи Береговое командование имело больше самолетов.

Среди других событий этого периода следует отметить две успешные атаки на «Тирпиц», находившийся на якорной стоянке в Северной Норвегии. Его атаковали три сверхмалые подводные лодки в сентябре 1943 года и самолеты военно-морской авиации в марте 1944 года. До того как тяжелые бомбардировщики английских ВВС в ноябре 1944 года потопили линкор, «Тирпицу» пришлось лишь однажды вести огонь главным калибром (во время рейда на остров Шпицберген). Количество повреждений, которые он выдержал, свидетельствует о высоком качестве конструкции и прочности немецких кораблей. Само его существование как корабля, представляющего потенциальную угрозу, оказало большое влияние на морскую стратегию Англии и отвлекло значительную часть сил флота.

Угроза со стороны «Шарнхорста» отпала в декабре предыдущего года. Этот немецкий корабль, направляясь на перехват арктического конвоя, был сам перехвачен сильным соединением метрополии.

В первой половине 1944 года главное внимание Англии в водах метрополии уделялось небольшим немецким торпедным кораблям. Хотя число этих катеров никогда не превышало трех дюжин, они быстро переключались с одного маршрута конвоев на другой и, улучая выгодный момент, доставляли большие неприятности.

Подводные лодки, сосредоточенные в западных портах Франции с целью противодействия высадке союзников через Ла-Манш, оказались малоэффективными, хотя ко времени вторжения в Нормандию в июне 1944 года эти лодки оснастили шноркелями, что делало их менее уязвимыми от нападения с воздуха.

Когда американская 3-я армия в середине августа приблизилась к западным портам Брест и Сен-Назер, большинство подводных лодок передислоцировалось в Норвегию. Суда, следующие в Англию и из Англии, вновь получили возможность пользоваться старым привычным путем — в обход Ирландии с юга и севера.

В конце августа из Норвегии и Германии двинулся поток подводных лодок. Огибая с севера Шотландию и Ирландию, они занимали позиции вблизи берега на всем протяжении до мыса Портленд-Билл на юге Англии. Однако в этой «прибрежной» кампании они достигли немногого, хотя благодаря использованию шноркелей несли меньшие потери, чем прежде. За четыре месяца, с сентября по декабрь 1944 года, подвод-

ные лодки потопили в прибрежных водах Англии только 14 судов.

Арктические конвои. Английские конвои начали направляться в северную Россию в конце сентября 1941 года. Зимой Архангельск был закрыт льдами. Пользовались единственным незамерзающим портом России Мурманском. Немцы допустили странную стратегическую ошибку: пытаясь захватить этот порт мощным ударом с суши, они тем самым утратили возможность перерезать этот северный путь снабжения в момент наибольшей уязвимости. Когда же немцы осознали, насколько значительны масштабы помощи, оказываемой России этим путем, они поспешили пополнить свои морские и воздушные силы в Норвегии и в марте, апреле и мае 1942 года нанесли ряд мощных ударов по арктическим конвоям союзников. Самый тяжелый удар принял конвой PQ-17, отправившийся на восток в конце июня 1942 года. Адмиралтейство, опасаясь, что конвой и его охранение могут быть разгромлены немецкими военными кораблями, 4 июля приказало ему рассредоточиться в Баренцевом море. Беспомощные торговые суда подверглись нападению самолетов и подводных лодок. Уцелело лишь 13 из 36 судов. Конвой доставил 87 самолетов и потерял 210; доставил 164 танка и потерял 430; доставил 896 небоевых машин и потерял 3350. Были потеряны и другие грузы весом в 99316 тонн.

После этой катастрофы следующий конвой отправили в Россию лишь в сентябре. Его охранение было значительно усилено, а адмирал Редер, предупрежденный радиоразведкой, из осторожности задержал большие военные корабли, которые могли бы разгромить охранение. В результате 27 из 40 торговых судов, входивших в конвой PQ-18, благополучно прибыло в Архангельск, а немецкие самолеты и подводные лодки понесли тяжелые потери. Немцы никогда больше не сосредотачивали таких крупных сил авиации на дальнем Севере.

С марта 1943 года, с увеличением продолжительности светлого времени, командующий флотом адмирал Тоуви решил не рисковать новыми конвоями. В это время создалось критическое положение в Атлантическом океане, и корабли охранения с арктических маршрутов были переброшены в Атлантику, где они сыграли большую роль в разгроме немецких подводных сил.

К ноябрю движение арктических конвоев возобновилось. Теперь их сопровождали более значительные силы охранения, в состав которых входили новые конвойные авианосцы. Они наносили тяжелые потери военно-воздушным и подводным силам Германии и обеспечивали благополучную доставку грузов в Рос-

сию: 40 атлантических конвоев, отправленных с 1941 года, включали 811 судов, из них 58 было потоплено, а 33 по тем или иным причинам повернули обратно, 720 судов благополучно дошли до места назначения и доставили в Россию около 4 млн. т грузов. Поставки включали 5 тыс. танков и свыше 7 тыс. самолетов. Союзники при этом потеряли 80 боевых кораблей и 98 торговых судов. Немцы при попытках остановить движение конвоев потеряли линейный крейсер «Шарнхорст», три эсминца и 28 подводных лодок.

Последний этап. В первые месяцы 1945 года численность немецкого подводного флота продолжала расти как за счет строительства новых лодок, так и за счет уменьшения потерь благодаря внедрению шноркелей и прекращению дальних операций в Атлантическом океане. В январе были введены в строй 30 новых подводных лодок (в последние месяцы 1944 года строилось в среднем 18 подводных лодок). Некоторые из них были нового, усовершенствованного образца с большей дальностью плавания и повышенной скоростью подводного хода: океанские лодки типа XXI водоизмещением 1600 т и прибрежного действия типа XXXIII водоизмещением 230 т. В марте подводный флот достиг максимальной численности — 463 единицы.

С марта 1945 года серьезное влияние на темпы кораблестроения стали оказывать бомбардировки. К счастью для союзников, установка мин с воздуха в Балтийском море хотя и причиняла небольшой по сравнению с затрачиваемыми усилиями материальный ущерб, но имела важные последствия, большие, чем предполагали их военно-морские начальники: препятствуя проведению испытаний и подготовке команд, она, следовательно, мешала вводить в строй новые типы подводных лодок в большом количестве. Если бы лодки новых типов могли выйти в море в большом количестве, возникла бы такая же опасная угроза, как в 1943 году.

В последние недели войны подводные лодки действовали преимущественно у восточных и северо-восточных берегов Англии. Они добились немногого. Примечательно, что в этих водах так и не была потоплена ни одна подводная лодка нового типа.

После капитуляции Германии 159 подводных лодок сдалось в плен. Остальные 203 были потоплены их командами.

За пять с половиной лет войны Германия построила 1157 подводных лодок и захватила 15 иностранных. Немцы потеряли 789 подводных лодок (в том числе три бывшие иностранные). 500 из 632 подводных лодок, потопленных в море, было

уничтожено английскими кораблями и авиацией. С другой стороны, немецкие, итальянские и японские подводные лодки потопили 175 военных кораблей (преимущественно английских) и 2828 судов общим водоизмещением почти 15 млн. т. Подавляющее большинство судов было потоплено немецкими кораблями и самолетами. Из общей суммы потерь союзников от подводных лодок 61% составляют суда, шедшие вне конвоев; 9% — отставшие от конвоев и только 30% — шедшие в составе конвоев. Потери в конвоях, прикрываемых авиацией, оказались весьма незначительны.

Потери союзников в Атлантическом океане были бы гораздо меньшими, если бы немцы в течение четырех лет не владели французскими военными базами в Бискайском заливе, а также если бы не отказ Эйре в использовании союзниками ее западных и южных портов. Единственный путь в Англию оставался открытым главным образом благодаря тому, что союзники удерживали Северную Ирландию и Исландию.

Часть VI

**Перелом в ходе войны.
1943 год**

Разгром немецко-итальянских войск в Африке

Вследствие неудачной попытки союзников захватить Тунис в декабре 1942 года им пришлось отказаться от первоначальной идеи зажать Роммеля в клещи между преследующей их английской 8-й армией и вновь сформированной 1-й армией, наступавшей в восточном направлении, навстречу 8-й армии. Теперь этим двум армиям какое-то время предстояло действовать раздельно против соответствующих сил Роммеля в Триполитании и войск Арнима в Тунисе. По мере сближения войск Роммеля и Арнима у них появилось стратегическое преимущество: они могли действовать совместно против любой из наступавших группировок союзников.

Когда в рождественские дни 1942 года противнику удалось остановить наступление под Тунисом и возникли затруднения в передвижении войск до окончания сезона дождей, Эйзенхауэр попытался нанести удар, стремясь выйти к побережью у Сфанкса и тем самым блокировать пути снабжения и отхода войск Роммеля. В операции «Сэтин» Эйзенхауэр планировал использовать главным образом американские войска (американский 2-й корпус под командованием генерал-майора Фридендолла). Свой план Эйзенхауэр доложил объединенному англо-американскому штабу, члены которого вместе с Рузвельтом и Черчиллем в середине января прибыли в Афри-

ку на конференцию в Касабланке для обсуждения дальнейших планов ведения войны. Рассмотрев новый план Эйзенхауэра, они признали рискованным использовать не имеющие боевого опыта войска против опытных сил Роммеля. Особенно горячо возражал генерал Брук. В результате Эйзенхауэру было предложено воздержаться от проведения операции «Сэтин».

Этим решением инициатива действий передавалась Монтгомери, войска которого в середине ноября остановились в Нофилии и готовились к наступлению на позицию Буэрат, где Роммель сосредоточил остатки своей армии после длительного отступления из Египта.

Монтгомери начал наступление в середине января. Замысел был обычным — фронтальным ударом сковать силы противника и одновременно совершить обходной маневр, чтобы отрезать пути отступления врагу. Монтгомери постарался тщательно скрыть от противника свои намерения и не позволить ему своевременно отвести войска с занимаемых позиций. До начала операции наблюдение за противником вели только моторизованные подразделения охранения, а главные силы располагались в глубине. Утром 15 января они совершили длительный марш-подход и сразу же были введены в бой, 51-я дивизия при поддержке танков наступала вдоль побережья, а 7-я бронетанковая и новозеландская дивизии осуществляли намеченный обходной маневр. Сначала противник не оказал организованного сопротивления, а западнее позиции Буэрат войска союзников встретились лишь с арьергардами врага. Роммель отошел с позиции Буэрат и вновь избежал ловушки. Впрочем, все это было к лучшему, ибо, как с упреком отмечал генерал Александер в своем донесении, «новозеландцы и 7-я бронетанковая дивизия действовали нерешительно на южном фланге полосы противотанкового заслона противника».

Главный бой Роммелю пришлось опять выдержать с верховным командованием стран оси. Пребывая в полной безопасности в Риме, Муссолини в который раз потерял чувство реальности и за неделю до Рождества издал приказ «оборонять позицию Буэрат до последней возможности». Роммель по радио запросил начальника итальянского генерального штаба маршала Кавальеро о том, что следует предпринять в случае обхода позиции Буэрат английскими войсками и их продвижения на запад. Кавальеро не ответил на этот вопрос, но подчеркнул, что итальянские войска ни в коем случае не должны оказаться в окружении, как это случилось у Эль-Аламейна.

Роммель обратил внимание Бастико на очередное противоречие между приказом Муссолини и ответом Кавальеро. Прислуж-

ник авторитарного режима, Бастико попытался избежать твердого выбора и ответственности за проведение мероприятий, не отвечающих замыслам своего вождя. Роммель, однако, настоял на своем и все же заставил Бастико согласиться на отход пеших подразделений итальянских войск на рубеж Тархуна, Хомс, на 210 км ближе к Триполи. В начале января Кавальеро попросил перебросить одну из немецких дивизий в дефиле Габес для отражения возможного удара американских войск, который, как мы уже знаем, не состоялся. Роммель, естественно, не противился этой просьбе, поскольку она полностью отвечала его собственному замыслу, и перебросил в указанный район 21-ю танковую дивизию. Таким образом, у Роммеля осталось только 36 танков 15-й танковой дивизии и 57 устаревших танков итальянской дивизии «Чентауро» против 450 танков, которые Монтгомери сосредоточил для проведения намеченной им операции. Роммель не намеревался вступать в безнадежный бой с численно превосходящими силами противника и отвел свои войска с позиции Буэрат, как только из сообщений радиоразведки стало известно, что англичане 15 января готовятся перейти в наступление.

В течение двух дней Роммель сдерживал наступление войск Монтгомери, продвижение которых по умело заминированным полям шло медленно. Только в боях с арьергардами они потеряли около 50 танков. Роммель 17 января отвел свои моторизованные силы на рубеж Тархуна — Хомс, приказав находившейся там итальянской пехоте отойти в Триполи. Рубеж Тархуна — Хомс был более удобен для обороны, чем позиция Буэрат. Однако Монтгомери сосредоточил мощный танковый кулак на правом фланге итало-немецких войск, и это убедило Роммеля в невозможности удержать этот рубеж, поскольку противник мог перерезать пути отхода. Он приказал отвести войска и взорвать портовые сооружения в Триполи.

Рано утром 20 января Роммель получил телеграмму от Кавальеро, который сообщал, что Муссолини крайне недоволен отходом войск Роммеля и настоятельно требует удерживать занимаемые позиции по крайней мере в течение трех недель. К исходу дня Кавальеро лично прибыл в штаб Роммеля и подтвердил требование Муссолини. Роммель осторожно заметил, что сроки удержания позиций будут зависеть от действия противника, так как нет резервов, необходимых для отражения его натиска. Свой доклад Роммель закончил аналогичным аргументом, что и в беседе с Бастико, когда тот в ноябре минувшего года требовал удержать позиции у Мерса-Бреги: «Вы можете либо удерживать район Триполи еще несколько дней и потерять

армию, либо оставить Триполи на несколько дней раньше и сохранить армию для Туниса. Решайте, что делать». Кавальеро уклонился от определенного решения, но косвенно признал правоту суждений Роммеля, заявив, что армию, безусловно, необходимо сохранить, однако столь же важно как можно дольше удерживать Триполи.

Роммель сразу же начал отвод итальянских немоторизованных войск, а также большинства тыловых подразделений обслуживания. В ночь на 23 января он отвел остальные войска с рубежа Тархуна—Хомс к Тунисской границе (160 км западнее Триполи), а затем на позицию Марет (еще 130 км западнее).

Продвижение английских войск за позицию Буэрат развивалось, по признанию Монтгомери, весьма медленными темпами. Это объяснялось не только минными полями и дорожными заграждениями, но и исключительной осторожностью англичан в борьбе с арьергардами противника. В своих мемуарах Монтгомери подчеркивает, что наступление на прибрежном участке «характеризовалось отсутствием инициативы и темпа». Эта же мысль прослеживается в дневниковой записи Монтгомери от 20 января: «Вызвал к себе командира 51-й дивизии и дал ему королевскую взбучку. Это сразу произвело эффект». Однако к этому времени Роммель уже успел отойти на рубеж Тархуна—Хомс. Не натиск англичан на прибрежном участке, а сосредоточение мощных танковых сил противника на левом фланге вынудило Роммеля оставить этот рубеж и отойти к тунисской границе. Когда английская 51-я подошла ночью к рубежу Тархуна—Хомс, выяснилось, что противник исчез. Утром 23 января подразделения английских войск, не встретив сопротивления противника, вступили в Триполи.

Этот город был целью нескольких наступательных операций англичан с 1941 года. Преследующим войскам Роммеля английским войскам пришлось пройти 2250 км. Триполи был занят ровно через три месяца после начала наступления. Для Монтгомери и его войск это было радостное событие, которое принесло самому Монтгомери известное моральное удовлетворение. Он писал: «Я впервые с тех пор, как принял командование 8-й армией, испытал подлинную радость».

Шторм, разразившись в первую неделю января, нанес серьезные разрушения в порту Бенгази, и объем принимаемых грузов сократился с 3 тыс. тонн в день до менее 1 тыс. тонн. Пришлось полагаться на использование порта Тобрук, который находился примерно в 1300 км от Триполи. Это значительно удлинило и без того растянутые коммуникации и линии снаб-

жения. Чтобы изыскать необходимые транспортные средства, Монтгомери пришлось «спешить» свой 10-й корпус, хотя он очень опасался, что придется замедлить темпы наступления, если не удастся занять Триполи за десять дней до начала нового наступления.

К счастью для Монтгомери, противнику не было известно о тех трудностях, которые испытывал английский генерал. Роммель знал лишь одно: противник имел в 14 раз больше танков, чем их было в 15-й танковой дивизии (итальянские танки Роммель не принимал в расчет). Если бы 21-ю танковую дивизию не перебросили в район дефиле Габес для отражения возможного удара американских войск (этот удар отменили через два дня после того, как 21-я дивизия заняла позиции у дефиле), то можно было бы рассчитывать на удержание рубежа Тархуна — Хомс. В этом случае, как признал сам Монтгомери, англичанам пришлось бы прекратить продвижение и отойти к позиции Буэрат: ведь войска Монтгомери вступили в Триполи всего за два дня до истечения десятидневного срока, предусмотренного планом операции.

В Триполи Монтгомери остановился на несколько недель в связи с необходимостью пополнить запасы и восстановить разрушенные портовые сооружения. Порт принял первый транспорт только 3 февраля, а 9 февраля в Триполи прибыл конвой транспортов. Преследование отходящего противника вели лишь разведывательные подразделения, а головная дивизия войск Монтгомери перешла тунисскую границу только 16 февраля.

Арьергарды Роммеля отошли на позицию Марет, построенную французами для отражения вторжения в Тунис итальянских войск из Триполитании. Эти укрепления состояли из устаревших блиндажей, и Роммель предпочел использовать траншеи, заново отрытые в промежутках между блиндажами. После инспекционной поездки на позицию Марет Роммель пришел к убеждению, что целесообразнее было бы организовать оборону подступов к Тунису у Вади-Акарита, в 25 км западнее Габеса, поскольку тогда правый фланг позиции опирался бы на район непроходимых для танков солончаковых болот у Чот-эль-Жерида. Его предложение, однако, не устраивало находившихся вдали от событий диктаторов, которые все еще жили радужными надеждами и продолжали строить воздушные замки. Мнение Роммеля их не интересовало.

Муссолини, разгневанный потерей Триполи, отозвал Бастико и сместил Кавальеро, которого заменил генерал Амброзио. Роммель 26 января получил телеграмму, в которой его извещали,

что в связи с ухудшением здоровья он будет освобожден от командования войсками, как только они закрепятся на позиции Марет. Армия, которой командовал Роммель, переименовывалась в итальянскую 1-ю армию, а ее командующим назначался генерал Мессе. За Роммелем оставили право определить день передачи командования и отъезда из Африки. Роммель не преминул воспользоваться этим правом. Он был больным человеком, и напряжение последних трех месяцев только ухудшило состояние его здоровья. Однако в феврале он сумел показать, что есть еще порох в пороховницах.

Не смутившись приближением американских войск к путям отхода его сил через южные районы Туниса, Роммель воспользовался предоставившейся возможностью нанести удар по американцам, прежде чем Монтгомери совершит новый бросок. Хотя возможности позиции Марет были ограничены, она обеспечивала отражение танковых атак и могла задержать продвижение войск Монтгомери. В то время силы Роммеля возросли. Отступая на запад, он приблизился к портам снабжения и выиграл гораздо больше, чем потерял за время отступления. Численность его войск в настоящий момент была примерно такой же, как и к началу битвы за Эль-Аламейн осенью минувшего года. Когда Роммель прибыл в Тунис, его армия насчитывала 30 тыс. немцев¹¹⁵ и около 48 тыс. итальянцев. Правда, сюда входил и личный состав 21-й танковой дивизии, которая была переброшена в район Габес, Сфакс, и личный состав танковой дивизии «Чентауро», которая перебрасывалась для прикрытия дефиле Эль-Геттар у позиций американских войск в Гафсе. По вооружению, однако, положение было не столь блестящим. Немецкие части имели одну треть штатной численности танков, одну четверть штатной численности противотанковых пушек и одну шестую штатной численности артиллерии. Более того, из 130 танков лишь меньше половины считались пригодными к бою. И все же положение в целом было сравнительно лучше, чем могло бы стать после того, как англичане восстановили бы порт Триполи и завершили бы сосредоточение превосходящих сил на тунисской границе. Роммель горел желанием воспользоваться временным перерывом в наступательных действиях Монтгомери.

Роммель, взяв за основу так называемую «теорию внутренних линий», разработал план двойного удара. Он намеревался воспользоваться стратегически выгодным положением своих войск между двумя группировками противника и нанести удар по одной из них, пока другая лишена возможности помочь первой. Если бы ему удалось разгромить американские войска, он

развязал бы себе руки для действий против Монтгомери, которые сейчас оказались ослабленными из-за растянутости их линий снабжения.

Это был блестящий план, но его успех зависел прежде всего от использования тех войск, которыми Роммель не распоряжался. С позиции Марет он мог снять не больше половины дивизии, чтобы создать боевую группировку под командованием полковника фон Либенштейна. Переброшенная в Тунис раньше 21-я танковая дивизия находилась как раз в районе планируемого удара, но она подчинялась Арниму и входила в состав войск его армии. Таким образом, определять цели главного удара и состав используемых для этого войск мог Арним, а Роммелю отводилась второстепенная роль помощника в этой операции.

Объектом контрудара, намеченного Роммелем, был американский 2-й армейский корпус, в состав которого входила одна французская дивизия. Корпус занимал оборону в полосе шириной 150 км, но фактически действовал на трех дорогах, идущих через горы к морю. Передовые подразделения корпуса находились у перевалов вблизи Гафсы, Фаида и Фондука. По соседству с корпусом американцев действовал французский 19-й корпус генерала Кельца. Горные перевалы были настолько узкими, что американцы и французы чувствовали себя здесь в безопасности. Внимание американо-французского командования было сосредоточено лишь на отражении отдельных атак итало-немецких войск на участке севернее Фондука.

В конце января 21-я танковая дивизия неожиданно нанесла удар в районе перевала Фаид и, прежде чем подоспели американцы, разгромила слабо вооруженный французский гарнизон. Таким образом были созданы предпосылки для более крупных наступательных действий. Этот удар заставил союзное командование задуматься о возможности дальнейшего развертывания наступательных действий противника, однако оно ошиблось в определении района наступления. Союзное командование полагало, что удар на перевале Фаид — отвлекающий маневр, а наступление противника развернется в районе Фондука. Как отметил в своих мемуарах генерал Брэди, «это предположение едва не оказалось фатальным». Вероятность нанесения противником удара в районе Фондука признавали многие офицеры штаба Эйзенхауэра и штаба английской 1-й армии, которой командовал генерал Андерсон, исполнявший обязанности командующего союзными войсками в Тунисе до прибытия генерала Александера. В ходе конференции в Касабланке генерал Александер был назначен командующим 18-й группой армий, кото-

рую предполагалось сформировать из войск 1-й и 8-й армии после выхода 8-й армии на территорию Туниса. Для прикрытия вероятного направления удара противника Андерсону было приказано вывести в резерв в районе Фондука боевое командование «В», наполовину укомплектованное американскими танками. Этот прорсчет облегчил задачу противника.

К началу февраля силы стран оси в Тунисе возросли до 100 тыс. человек (74 тыс. немцев и 26 тыс. итальянцев). Таким образом, положение значительно улучшилось по сравнению с декабрем 1942 года. Из общей численности личного состава около 30% приходилось на долю административного персонала. Общая численность танков составляла 280 машин, в том числе 110 танков в 10-й танковой дивизии, 91 — в 21-й танковой дивизии (т. е. примерно половина штатной численности) и около дюжины «тигров» — в специальном подразделении. В боевой группе Либенштейна имелся танковый батальон (26 танков), который должен был усилить итальянскую дивизию «Чентауро», находившуюся в районе Гафсы и имевшую 23 танка. По общей численности танков немецко-итальянские войска значительно уступали союзным войскам и, даже используя все свои танки, не смогли бы добиться численного превосходства на намеченном участке наступления в южной части Туниса. Американская 1-я бронетанковая дивизия, находившаяся в этом районе, имела примерно 300 танков (в том числе 90 танков «стюарт») и 36 самоходных противотанковых орудий. По огневой мощи она значительно превосходила немецкую танковую дивизию, хотя и не была полностью укомплектована по штатам¹¹⁶.

Но, к сожалению для Роммеля, только часть сил 10-й танковой дивизии (батальон средних танков и рота «тигров» в составе четырех машин) была выделена для поддержки 21-й танковой дивизии, да и то на начальный период операции, поскольку Арним планировал использовать 10-ю танковую дивизию для нанесения удара на другом участке фронта.

Наступление началось 14 февраля силами 21-й танковой дивизии и подразделений 10-й танковой дивизии из района Фаида. Наступающими войсками командовал заместитель Арнима генерал Циглер. В то время как две небольшие боевые группы из подразделений 10-й танковой дивизии начали охватывающий маневр против боевого командования «А» 1-й бронетанковой дивизии, две боевые группы 21-й танковой дивизии (основу каждой боевой группы составлял танковый батальон) совершили за ночь широкий охватывающий маневр, вышли в тыл американцам и окружили их. Только отдельным американским подразделениям удалось вырваться из окружения у Сиди-Бу-Зида.

Потери в танках и другой технике оказались огромными. Поле боя было усеяно горящими американскими танками. В этом бою американцы потеряли 40 машин. На следующее утро в контратаку было брошено боевое командование «С», однако оно попало в окружение. Спаслись лишь четыре машины. Таким образом, были последовательно уничтожены два батальона средних танков. Немцы умело использовали частное превосходство в силах, но, к счастью для союзников, проявили медлительность в развитии достигнутого успеха.

14 февраля Роммель приказал Циглеру в течение ночи развить успех первого удара. «Американцы не имеют боевого опыта, и мы должны с самого начала показать им, что сопротивление бессмысленно», — писал Роммель. Однако Циглер счел необходимым подождать. Только 17 февраля Циглер продвинулся к Сбейтле, когда американцы уже организовали оборону. Немцы встретили более упорное сопротивление, особенно когда в этот район было переброшено боевое командование «В» во главе с бригадным генералом Робинеттом. Это боевое командование сдерживало натиск немцев до вечера и прикрыло отход дезорганизованных остатков двух других боевых командований. Отход боевых командований был частью общего отхода южного крыла союзных войск к горным хребтам Западного Дорсала. Вступление немцев в Сбейтлу было задержано, но союзники потеряли более 100 танков, и почти 3 тыс. человек попало в плен.

Тем временем боевая группа Роммеля, наносившая удар по флангу союзных войск у Гафсы, 15 февраля заняла этот важный узел дорог. К 17 февраля, не снижая темпов наступления, эта боевая группа продвинулась на 80 км в северо-западном направлении через Фернану и захватила американские аэродромы в Телепте. Таким образом, глубина прорыва оказалось почти такой же, как в полосе действий 21-й танковой дивизии. Но поскольку участок прорыва боевой группы находился в 55 км западнее участка прорыва 21-й танковой дивизии, то боевая группа создала большую опасность для коммуникаций американских войск. Генерал Александер, прибывший в этот район 17 февраля и принявший командование обеими армиями 19 февраля, в своем сообщении писал, что «в ходе беспорядочного отступления американские, французские и английские подразделения так перемешались, что не могло быть и речи о каком-либо плане обороны или четком управлении войсками». Узнав, что союзники уничтожают свои склады в Тебессе, которая находилась в 80 км от линии фронта, за следующей горной грядой, Роммель заключил, что в рядах союзников царит растерянность.

Наступил кульминационный момент, хотя союзное командование потом считало, что он произошёл три дня спустя. Роммель, стремясь воспользоваться растерянностью и паникой в рядах союзных войск, предложил нанести мощный удар через Тебессу всеми имеющимися подвижными силами. Он считал, что такой удар в направлении главной линии снабжения союзных войск «заставит англичан и американцев отвести свои основные силы в Алжир». Между прочим, об этом тогда поговаривали многие командиры соединений союзных войск. Однако Арним, уже отозвавшийся с фронта 10-ю танковую дивизию, не выразил желания участвовать в осуществлении плана Роммеля. Тогда Роммель направил свой план в штаб итальянского верховного командования, рассчитывая, что его предложение придется по вкусу Муссолини, жаждавшему побед, чтобы «упрочить свои политические позиции в стране».

Только в полночь 18 февраля из Рима была получена телеграмма, где одобрялось продолжение наступления. Руководить операцией поручалось Роммелю, в распоряжение которого передавались обе танковые дивизии. Однако в приказе говорилось, что удар следует нанести в северном направлении на Талу и Ле-Кеф, а не в северо-западном направлении через Тебессу. По мнению Роммеля, такое изменение направления удара было «невероятной близорукостью», поскольку «противник получал возможность ввести в бой против наступающих войск сильные резервы».

Итак, наступление противника началось там, где его ожидал Александер, приказавший Андерсону «сосредоточить танковые подразделения для обороны Талы». Это было сделано, исходя из ошибочного предположения, будто Роммель предпочтет «тактический» успех, а не будет добиваться косвенной стратегической цели. Это ошибочное предположение вследствие просчета итальянского верховного командования на деле обернулось для союзников удачей. Однако союзники могли бы оказаться в тяжелом положении, если бы Роммелю разрешили нанести удар там, где он предполагал это сделать: большая часть резервов английских и американских войск была переброшена к Тале и Сбиде, а Тебессу прикрывали лишь остатки первой бронетанковой дивизии.

Важнейшей составной частью английских резервов была 6-я бронетанковая дивизия. Ее 26-я танковая бригада размещалась в Тале. Бригаду поддерживали пехотные артиллерийские подразделения только что прибывшей сюда американской 9-й пехотной дивизии, 1-й мотопехотной бригаде, входившей в состав 6-й бронетанковой дивизии, была поставлена задача прикрывать перевал Сбиде севернее Сбейтлы, действуя совместно

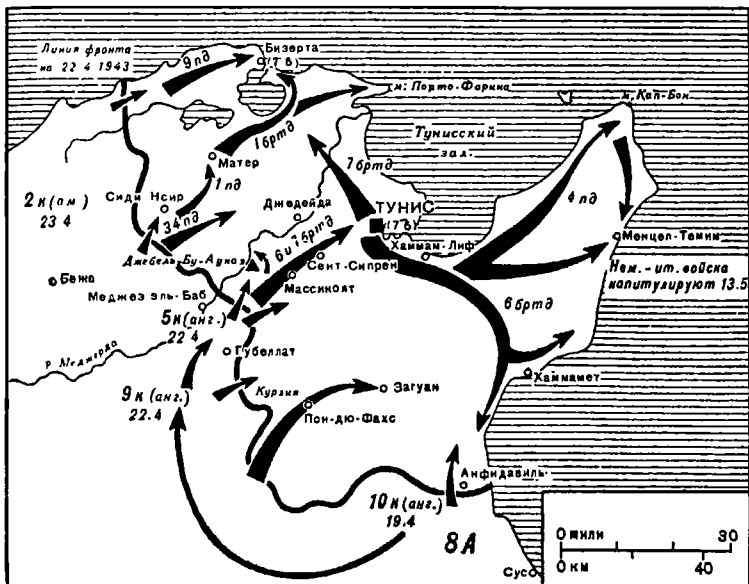

Рис. 15. Завершение боевых действий в Северной Африке

три усиленными полками из состава американских 1-й и 34-й пехотных дивизий.

Роммель начал наступление утром 19 февраля, через несколько часов после получения телеграммы из Рима. Однако шансы на успех значительно уменьшились из-за потери времени и решения Арнима отозвать 10-ю танковую дивизию. Теперь этой дивизии пришлось возвращаться в распоряжение Роммеля, но она так и не смогла принять участия в первой фазе начатого наступления. Учитывая сложившуюся обстановку, Роммель приказал боевой группе из состава своего Африканского корпуса наступать на Ле-Кеф через Талу, а 21-й танковой дивизии продвигаться к Ле-Кефу в обход через перевал Сбиба. Успех на одном из этих направлений, по мнению Роммеля, должен был обеспечить успех и на другом.

Путь к Тале проходил через перевал Кассерин (между Сбейтлой и Фернаной). Здесь оборонялись американские части и подразделения под командованием полковника Старка. Первая попытка войск Роммеля прорваться через перевал не

удалась, а к вечеру Старк получил подкрепление, и его группа стала значительно превосходить силы боевой группы из состава Африканского корпуса Роммеля (танковый батальон и два пехотных батальона), которая вела наступление. Однако обороняющиеся действовали несогласованно, и немцам в нескольких местах удалось прорваться. Тем временем продвижение 21-й танковой дивизии было задержано минными полями и действиями сильной группы союзных войск (одиннадцать пехотных батальонов против двух в составе наступающих войск), имевшей превосходство в артиллерии и танках (в 21-й танковой дивизии к этому времени насчитывалось менее 40 танков).

Роммель решил сосредоточить внимание на прорыве через перевал Кассерин, где, по его мнению, оборона была слабее, и ввести в бой на этом направлении запоздавшую с прибытием 1-ю танковую дивизию. Однако с прибытием этой дивизии шансы Роммеля на успех ничуть не возросли, ибо теперь она состояла лишь из одного танкового, двух пехотных и одного мотоциклетного батальона. Арним оставил себе почти половину штатного состава дивизии и приданный ей батальон танков «тигр», на который Роммель рассчитывал как на козырную карту.

Наступление с целью прорыва через перевал Кассерин Роммель начал лишь во второй половине дня 20 февраля, поскольку пришлось ждать прибытия подразделения 10-й танковой дивизии, и эта задержка очень разозлила Роммеля. Утром обороняющиеся отразили атаку немцев, но в 16.30 Роммель бросил в наступление всю свою пехоту (пять батальонов, включая один итальянский батальон) и быстро прорвал оборону. Затем наступающие встретили упорное сопротивление небольшого английского отряда (танковый эскадрон, пехотная рота и батарея пехотной артиллерии) под командованием полковника Гора. Сопротивление этого отряда немцы преодолели, лишь введя в бой танковый батальон, при этом они потеряли 11 танков. В американских официальных трудах по истории Второй Мировой войны подчеркивается исключительное мужество солдат и офицеров этого английского отряда и в то же время отмечается, с какой легкостью немцам удалось прорваться на других участках. «Противник был удивлен количеством американского вооружения, которое он захватил в полной исправности»¹¹⁷.

После захвата перевала Роммель выслал разведывательные отряды по дороге на Талу и по дороге на Тебессу, чтобы дезориентировать союзников относительно своего замысла и выявить возможность осуществления своей первоначальной идеи захвата американских баз снабжения в Тебессе. Первая цель

была достигнута, как только поступили сообщения о прорыве Роммелем обороны у перевала. Фридендолл, который утром приказал боевому командованию «В» выдвинуться к Тале, перебросил его для прикрытия дороги от перевала Кассерин на Тебессу. Тем временем английская 26-я бригадная танковая группа (два танковых полка и два пехотных батальона) под командованием бригадного генерала Данфи выдвинулась из района Талы на юг и заняла оборону примерно в 15 км от перевала Кассерин в ожидании прибытия боевого командования «В». К счастью для союзников, силы наступающих были значительно слабее, чем предполагалось.

На следующее утро, 21 февраля, Роммель задержал продвижение своих войск, ожидая контратаки противника с целью захвата перевала Кассерин. Эта задержка удивила союзников, так как они не знали, насколько слабы силы Роммеля по сравнению с тем, что удалось сосредоточить им самим. Увидев, что противник не собирается контратаковать, Роммель начал продвижение по дороге на Талу силами подразделений 10-й танковой дивизии (фактически эта боевая группа насчитывала 30 танков, 20 самоходных орудий и два батальона мотопехоты). Бригадная группа Данфи постепенно отходила под натиском немцев, обороняясь на последовательно занимаемых позициях.

На исходе дня танковые подразделения бригадной группы стали отходить на заранее подготовленную позицию у Талы. За ними устремилась группа немецких танков, во главе которой двигался танк «валентайн», захваченный немцами в бою. Увидев этот танк, англичане приняли группу за свои оставшиеся танки. Так немцам удалось ворваться на английскую позицию, нанести потери пехоте противника, подбить несколько машин и дезорганизовать оборону. Хотя продвижение этой группы немецких танков было остановлено, немцам удалось захватить около 700 пленных. В боях по пути от перевала Кассерин на Талу немцы потеряли около дюжины танков, уничтожив около 40 танков противника, в том числе танки эскадрона, который сбился с пути и в темноте наткнулся на немецкие подразделения, изготовившиеся к отражению ожидавшейся утром контратаки противника.

Роммель, предполагая, что противник нанесет контрудар, считал целесообразным добиться цели, отразив этот контрудар, а затем разведка донесла, что в район боев прибыли крупные резервы противника и на подходе новые резервы. Бессмысленно было продолжать наступление на Талу, тем более что на боевом фланге войск стран оси создавалось весьма опасное положение. В течение минувшего дня боевая группа из состава Африканского

корпуса продвигалась по дороге на Тебессу с целью овладеть перевалом и прикрыть войска, наступавшие на Талу, но дальнейшее продвижение боевой группы было остановлено сосредоточенным огнем американской артиллерии, занимавшей огневые позиции на горных вершинах. Атака, возобновленная утром 22 февраля, почти не принесла успеха, а потери немецких частей оказались значительными, особенно если учесть огромное численное превосходство американских войск, сосредоточенных на этом участке фронта. Здесь действовали боевое командование «В» во главе с Робинеттом и части 1-й пехотной дивизии Аллена.

Вечером 22 февраля Роммель и прибывший к нему Кессельринг пришли к выводу, что бесполезно продолжать наступление в западном направлении и следует сосредоточить все усилия на контрударе в восточном направлении против английской 8-й армии. В соответствии с этим решением войскам было приказано начать отход, и прежде всего к перевалу Кассерин.

Тем временем Аллен все утро пытался контратаковать фланг немецко-итальянских войск, но из-за отсутствия связи со штабом Робинетта не сумел сделать это своевременно. Контратаку смогли провести только во второй половине дня. Она дезорганизовала отход подразделений боевой группы из состава Африканского корпуса, а итальянские подразделения в панике бежали с поля боя. Растущее боевое мастерство американских войск, точность их артиллерийского огня, а также изобилие военной техники и оружия произвели большое впечатление на Роммеля. Его сравнительно слабым силам грозила серьезная опасность, если бы противник перешел в решительное наступление крупными силами.

Однако высшие круги союзного командования не осознавали, насколько слабы силы Роммеля и как изменилась обстановка. В официальных американских трудах по истории Второй Мировой войны отмечается, что Фридендолл не проявил должной решительности по управлению действиями подчиненных ему войск против отступающего противника в наиболее неблагоприятный для немцев момент. Андерсон тоже думал только об обороне. Крупные силы союзных войск у перевала Сбиба в ту ночь были отведены на 15 км севернее из опасения, что Роммель сумеет прорваться у Талы и создаст угрозу тылу. По этим же соображениям на другом крыле фронта намечалась эвакуация Тебессы. Даже когда стало известно об отходе противника из района Талы, ничего не было сделано для организации его преследования.

Только 23 февраля был отдан приказ о подготовке контрнаступления, которое намечалось на 25 февраля. К этому времени

немцы благополучно отошли через перевал Кассерин, и усилия союзников, направленные на то, чтобы уничтожить противника и овладеть перевалом, свелись к ординарному маршруту, в ходе которого им пришлось лишь преодолевать дорожные и минные заграждения, устроенные отошедшим противником.

Если учесть соотношение сил сторон и возросшее сопротивление противника, становятся совершенно очевидными правильность и обоснованность решения командования войск стран оси о прекращении наступления в западном направлении. Продолжать наступление значило бы совершить ошибку, поскольку налицо было огромное численное превосходство сил союзников. Результаты наступления оказались весьма значительными. В плен попали 4 тыс. солдат и офицеров противника, а потери составили около 1 тыс. человек. Было уничтожено и выведено из строя около 200 танков, процент потерь был значительно ниже. Таким образом, «наступление с ограниченной целью» явилось крупным успехом.

Однако оно не достигло стратегической цели (хотя и близко было к ее достижению) заставить союзников уйти из Туниса. Если бы для нанесения контрудара 1-я танковая дивизия была бы выведена в полном составе, если бы Роммель руководил проведением операции с самого начала и ему разрешили бы нанести удар в направлении Тебессы, эту задачу удалось бы выполнить. Быстрый захват американской главной базы снабжения и находившихся там крупных запасов военного имущества лишил бы союзные войска возможности удерживать союзные позиции в Тунисе.

По иронии судьбы, 23 февраля из Рима пришел приказ, согласно которому все немецко-итальянские войска в Тунисе передавались в подчинение Роммеля. Хотя его назначение командующим вновь созданной группой армий «Африка» свидетельствовало о том, что драматический эффект контрудара заставил Муссолини и Гитлера изменить свое отношение к Роммелю в положительную сторону, сообщение об этом назначении лично Роммелю доставило лишь огорчение, поскольку оно поступило в тот день, когда уже начался отход войск за перевал, то есть слишком поздно, чтобы Роммель мог вернуть утраченную возможность.

Сообщение о новом назначении Роммеля пришло слишком поздно и для того, чтобы отменить намеченный Арнимом удар в северном направлении, для осуществления которого Арним сохранял крупные резервы. А ведь эти силы могли бы быть куда более эффективно использованы в операции, проведенной Роммелем!

Согласно плану, захват Меджез-эль-Баба являлся ограниченной целью операции, а наступление предполагалось начать

26 февраля силами двух танковых и шести пехотных батальонов. Однако 24 февраля на рассвете Арним, отправив одного из офицеров своего штаба к Роммелю, чтобы информировать его о намеченном плане, вылетел в Рим к Кессельрингу. В результате этих переговоров родился более претенциозный план, согласно которому предполагалось начать атаки в восьми пунктах на 120-км участке фронта между северным побережьем и Пондю-Фахс против сил английского 5-го корпуса (три английские дивизии и французский усиленный полк). Главный удар в направлении дорог Бежа (100 км западнее Туниса) должна была нанести танковая группа. Одновременно намечалось осуществить охватывающий маневр с целью захвата Меджез-эль-Баба. Хотя использовались все имеющиеся силы, ни на одном из направлений войска не получили достаточного усиления, чтобы решать поставленные им задачи. Для нанесения удара на Бежу танковая группа, состоявшая из двух танковых батальонов, получила в общей сложности 77 танков (в том числе 14 танков «тигр»), но даже эта скромная цифра была достигнута за счет 15 танков, только что прибывших в Тунис и предназначавшихся для 21-й танковой дивизии, действовавшей на юге. Роммель был очень удивлен и расстроен, узнав о новом плане Арнима, и назвал его «полностью нереальным». Впрочем, Роммель считал, что инициатива исходит от итальянского верховного командования, но оно, узнав о плане Арнима, было потрясено не меньше Роммеля.

Арним отдал приказ о проведении операции 25 февраля, а на следующий день началось наступление. Сохранив дату начала операции, Арним значительно расширил ее цели. Этот пример явился бы прекрасной иллюстрацией гибкости немецких планов, если бы не поспешность, с какой были внесены изменения в первоначальный план. И все же наибольших успехов добилась дополнительно привлеченная к операции дивизия Мантейфеля, действовавшая на северном крыле фронта. Она едва не достигла главной рокадной дороги у Джебель-Абиода, захватив в плен 1600 англичан и французов, оборонявшихся на этом направлении. Немецкая танковая группа, наносившая главный удар, преодолела передовые позиции англичан у Сиди-Нсира, но вынуждена была остановиться в узком болотистом дефиле в 15 км от Бежи.

Английская полевая и противотанковая артиллерия нанесла здесь значительный урон танковой группе противника. Только шесть немецких танков остались в строю. Вспомогательный удар в районе Меджез-эль-Баба не принес никаких результатов, хотя первоначально имел некоторый успех. Неудачей закончились

атаки и на других направлениях. Войска Арнима захватили 2500 пленных, потеряв около 1000 человек. Но операцию нельзя считать успешной, поскольку немцы потеряли 71 танк, в то время как потери союзников составляли около 20 танков. Заметим, что в это время немцы уже испытывали недостаток в танках и им было трудно восполнить свои потери.

Главное же состояло в том, что это неудачное наступление не позволило своевременно высвободить дивизии, необходимые для намеченного наступления против войск Монтгомери у Мединина (позиции Марет). Кессельринг потребовал оставить 10-ю и 21-ю танковые дивизии перед флангом американских войск на сравнительно долгое время, чтобы не допустить переброски американских резервов на север для отражения наступления Арнима. Это обстоятельство оказало отрицательное влияние на судьбу контрудара войск Роммеля в восточном направлении. До 26 февраля Монтгомери имел у Мединина только одну дивизию. Как признавал сам Монтгомери, он очень опасался удара Роммеля, и его штаб лихорадочно принимал меры к ликвидации угрозы. К 6 марта, когда Роммель начал наступление, силы Монтгомери возросли в четыре раза и составляли примерно четыре дивизии, 400 танков, 350 орудий и 470 противотанковых орудий.

Таким образом, Роммель был лишен возможности нанести удар превосходящими силами. В его трех танковых дивизиях (10, 15, 21-й) насчитывалось только 160 танков (это меньше, чем положено по штату в одной дивизии). Их действия поддерживали 200 орудий и пехота, насчитывавшая около 10 тыс. штыков, если не считать слабых итальянских дивизий, располагавшихся на позиции Марет. Кроме того, в распоряжении Монтгомери находились три истребительных авиакрыла, действовавших с передовых аэродромов и обеспечивших английским войскам превосходство в воздухе, а Роммель был лишен возможности добиться внезапности, поскольку еще за два дня до наступления английская авиация обнаружила переброску танковых дивизий к линии фронта.

В этой обстановке Монтгомери получил возможность максимально использовать свои способности в организации обороны, и наступление противника было отражено даже более успешно, чем у Алам-Хальфы шесть месяцев назад. Наступающие немецкие войска были быстро остановлены и разгромлены сосредоточенным огнем английских войск. Поняв, что продолжать наступление бессмысленно, Роммель вечером отдал приказ перейти к обороне. К этому времени он потерял больше 40 танков; потери в людях составили 645 человек. Потери англичан оказались значительно меньшими.

После провала этого наступления у Роммеля не оставалось никакой надежды на то, что уступавшие союзникам по численности и вооружению войска стран оси сумеют разгромить одну из союзных армий до их соединения и организации совместных действий. Еще за неделю до этого Роммель, сообщая Кессельрингу оценку обстановки, откровенно изложил свое личное мнение и мнение командующих армиями — генералов Арнима и Мессе. В этой оценке Роммель подчеркнул, что войска стран оси действуют на фронте шириной примерно 650 км против значительно превосходящих сил противника (превосходство англичан и американцев составляло 2:1 по пехоте и 6:1 по танкам)¹¹⁸. Считая, что фронт чрезмерно растянут, Роммель предложил сократить его до 80 км, от Туниса до Бизерты. Он докладывал, что этот фронт можно удерживать только при условии, если ежемесячно в войска будет доставляться 140 тыс. грузов. Кроме того, он просил Кессельринга информировать его о планах высшего командования по дальнейшему ведению боевых действий в Тунисе. В полученном после нескольких настойчивых напоминаний ответе сообщалось, что фюрер не согласен с оценкой обстановки, которую дал Роммель. К ответу прилагалась таблица, где перечислялись соединения, находящиеся в распоряжении сторон, без какого-либо учета численности войск и вооружения. Это был тот самый ошибочный метод сравнения, которым пользовались и союзные военачальники, оценивая достигнутые ими успехи.

После неудачи у Мединина Роммель пришел к выводу, что дальнейшее пребывание немецко-итальянских войск в Африке равносильно «самоубийству». Сославшись на нездоровье, он 9 марта передал командование группой армий Арниму и вылетел на самолете в Европу, рассчитывая лично убедить своих хозяев в правильности сделанной им оценки обстановки. Фактически же итогом этой попытки явилось отстранение Роммеля от дальнейшего участия в Африканской кампании.

Прибыв в Рим, Роммель встретился с Муссолини, который, «казалось, утратил всякое чувство реальности и все время старался найти аргументы, подтверждавшие его точку зрения». Затем Роммель был принят Гитлером. Фюрер не стал слушать доводы генерала и дал ясно понять, что считает его пессимистом. Гитлер не разрешил Роммелю вернуться в Африку и высказал надежду, что когда тот поправится, то примет «командование в операции против Касабланки». Этот город находился далеко на Атлантическом побережье, но Гитлер, видимо, все еще надеялся полностью изгнать союзников из Африки. Это было явное заблуждение.

Тем временем союзники готовили сосредоточенный удар превосходящими силами, ставя целью захватить подступы к Тунису с юга, обеспечить соединение войск 8-й и 1-й армий и разгромить итальянскую 1-ю армию под командованием Мессе, которая раньше называлась Африканской танковой армией Роммеля (Бейерлейн, номинально являясь начальником штаба Мессе, полностью контролировал использование немецких частей и подразделений, входивших в состав армии).

Успешно отразив контрудар немецких войск у Мединина, Монтгомери не попытался развить успех оборонительных действий и, воспользовавшись растерянностью противника, организовать его преследование. Вместо этого Монтгомери продолжал сосредоточивать силы и средства для планомерного наступления на позицию Марет. Это наступление намечалось начать 20 марта, то есть через две недели после завершения боев у Мединина.

Чтобы обеспечить успех путем нанесения удара в тыл обороняющимся войскам противника, американский 2-й армейский корпус 17 марта перешел в наступление на юге Туниса. По замыслу Андерсона, утвержденному Александером, этот удар ставил три цели: сковать резервы противника, которые могли бы помешать успешному наступлению Монтгомери; захватить передовые аэродромы у Телепты и обеспечить с них поддержку действий войск Монтгомери; создать базу снабжения в районе Гафсы для обеспечения наступающих войск Монтгомери. Перед 2-м армейским корпусом, однако, не ставилась задача перерезать пути отхода противника, прорвавшись к побережью. Такое ограничение цели удара объяснялось сомнением относительно способности американских войск решить наступательную задачу на огромную глубину — 260 км от исходной позиции до побережья, а также стремлением избежать нового контрудара немцев, подобно тому, который они нанесли в феврале. Эти опасения вызвали бурное недовольство у Паттона, который сменил Фридендолла на посту командира корпуса. В этот момент корпус имел в своем составе четыре дивизии общей численностью войск до 88 тыс. человек, то есть в четыре раза больше, чем у противостоящих сил оси. Кроме того, в полосе наступления корпуса немецкие войска насчитывали только 800 человек, а итальянские (преимущественно в составе частей дивизии «Чентауро» в районе Гафсы) — 7850 человек ¹¹⁹.

Наступление корпуса началось успешно. Первая пехотная дивизия под командованием Аллена 17 марта без боя завладела Гафсой. Итальянцы отошли на 30 км к позициям восточнее Эль-Геттара, к перекрестку дорог, ведущих к прибрежным городам Габес и Махарес. 20 марта 1-я бронетанковая дивизия вышла

из района Кассерии к дороге от Гафсы к побережью и, заняв на следующее утро Стасьон-де-Сенед, продолжила движение в восточном направлении через Макнаси к перевалу.

В этот день Александер разрешил Паттону подготовить удар танковых подразделений с задачей перерезать дорогу, идущую вдоль побережья, и тем самым помочь войскам Монтгомери, только что начавшим наступление против позиции Марет. Однако Паттон встретил упорное сопротивление противника у перевала и на прилегающих высотах. Здесь действовал небольшой немецкий отряд под командованием полковника Ланга. 23 марта атаки с целью захвата господствующей над местностью высоты 322 были отбиты, хотя высоту оборонял отряд всего из 80 человек, ранее состоявших в личной охране Роммеля.

На следующий день численность обороняющихся возросла до 350 человек. Они отбили новую атаку американских подразделений, включавших 3 пехотных батальона, 4 артиллерийских дивизиона и 2 танковые роты. 25 марта была предпринята новая атака. Ею лично руководил Уорд, получивший от Паттона по телефону приказ во что бы то ни стало захватить высоту.

Однако и эта атака не увенчалась успехом. От захвата высоты пришлось отказаться, поскольку противник получил значительные резервы. Паттон и раньше считал, что дивизия не справляется с поставленной задачей, и поэтому снял Уорда с поста командира 1-й бронетанковой дивизии. Паттон настолько увлекся наступательными действиями, что недооценил преимущества обороны (даже в условиях численного превосходства наступающих), особенно если ее ведут закаленные в боях войска против не имеющих боевого опыта атакующих войск.

Преимущества обороны, правда в несколько иной форме, продемонстрировали в районе Эль-Геттара хорошо обученные войска, хотя и не имевшие боевого опыта. Речь идет о подразделениях и частях 1-й пехотной дивизии. Эта дивизия 21 марта прорвала позиции итальянских войск и весь следующий день успешно продвигалась вперед, а 23 марта ее контратаковали немцы. В контратаке участвовали подразделения 10-й танковой дивизии, которая составляла резерв группы армий «Африка» и была переброшена в район Эль-Геттара с побережья. В составе дивизии были два танковых, два пехотных, один мотоциклетный батальоны и артиллерийский дивизион.

Контратакующие прорвали передовые позиции американских войск, но дальнейшее их продвижение было задержано минными полями, и немцы понесли большие потери под огнем полевой и противотанковой артиллерии Аллена. Контратака была сорвана, и попытка возобновить ее на следующее утро не имела ус-

пеха. В донесении Аллена указывалось: «Наша артиллерия обрушила на танки противника всю мощь своего огня и била их, как мух». Правда, потери немцев на второй день контратаки не были столь значительны, как может показаться из этого донесения, но все же в ходе боя 40 танков были подбиты огнем артиллерии или подорвались на минах.

Втянув танковый резерв противника в губительную контратаку, американцы как бы взяли реванш за собственную неудачу в районе Макнаси. В результате им удалось не только отвлечь часть сил противника из района действий Монтгомери, но и нанести противнику значительный урон в танках. Своей победой союзники оказались гораздо больше обязаны успешному отражению трех контратак противника, чем своим собственным наступательным действиям. Успех стал возможен только после того, как противник истощил свои силы. Немецко-итальянские войска могли бы продолжать борьбу, но это лишь растратило их силы в бесплодных действиях.

Монтгомери начал наступление в ночь на 20 марта. Для этого он ввел в бой 10-й и 20-й корпуса, имевшие в своем составе 160 тыс. человек, 610 танков и 1410 орудий. Хотя у Мессе номинально было девять дивизий (против шести у Монтгомери), в их составе насчитывалось менее 80 тыс. человек, 150 танков (включая танки 10-й танковой дивизии, действовавшей в районе Гафсы) и 680 орудий. Таким образом, наступающие имели превосходство в живой силе, артиллерии и авиации в соотношении 2 : 1, а в танках 4 : 1.

Позиция Марет протянулась на 35 км от моря до высот Матмата-Хилс, за которыми находился открытый фланг на пустынной местности. В этих условиях войсками стран оси, уступающим войскам союзников в численности, целесообразнее было попытаться вести лишь сдерживающие действия на позиции Марет силами подвижных частей, а главными силами удерживать позицию Вади-Акарит севернее Габеса. Эта позиция представляла собой узкую полосу шириной в 23 км между побережьем и соляными болотами. Именно этот вариант действий отстаивал Роммель, и именно здесь он предлагал организовать оборону после отхода из Эль-Аламейна в ноябре 1942 года.

В беседе с Гитлером 10 марта Роммель сумел убедить фюрера в целесообразности этого плана, и Гитлер приказал Кессельрингу отвести малоподвижные итальянские дивизии с позиции Марет к Вади-Акариту для организации обороны на этом рубеже. Однако итальянские руководители предпочитали удерживать позицию Марет, и Кессельринг, разделявший их взгляды, уговорил Гитлера отменить свое распоряжение.

Первоначальный план, разработанный Монтгомери, имел кодовое наименование «Боксерский галоп». Согласно этому плану, главный удар наносился с фронта тремя дивизиями 30-го корпуса (командир Лис) с задачей прорвать оборону противника у побережья и обеспечить ввод в прорыв танковых частей 10-го корпуса (капитан Хоррокс) с целью развить успех наступления. Одновременно Новозеландский корпус (временное соединение) под командованием Фрейберга должен был осуществить широкий охватывающий маневр в направлении Эль-Хамы (45 км от Габеса) с задачей создать угрозу тылам противника и сковать его резервы.

Фронтальный удар не принес успеха. Он был нанесен на узком участке фронта у побережья силами одной пехотной бригады и танкового полка (50 танков). Вклинение в позиции противника оказалось неглубоким, поскольку их прикрывали участки болот Вади-Зигзау (ширина участка 60 м, глубина 6 м) и противотанковый ров, отрытый за этим участком. Вязкий грунт и минные поля затруднили продвижение танков и поддерживающей артиллерии, а пехота, вклинившаяся в позицию противника, подверглась сосредоточенному фланговому огню. После ввода в бой резервов ночью была предпринята новая атака, в результате которой участок вклинения немного расширился.

Большинство итальянцев, как только английские подразделения заняли их позиции, сразу же сдались в плен. Однако болотистый участок основательно задерживал прибытие противотанковых пушек, и во второй половине дня передовые пехотные подразделения англичан были сняты контратакой немцев¹²⁰. Не имея достаточной огневой поддержки, англичане под покровом ночи отошли за болотистый участок. Таким образом, войска, наступавшие с фронта, к ночи 22 марта не только не сумели прорвать оборону противника, но и не удержали позиций, занятых ими при вклинении.

Охватывающий маневр также начался успешно, но затем темпы его замедлились. После долгого марш-подхода из тылового района 8-й армии по трудной пустынной местности Новозеландский корпус в составе 27 тыс. человек и 200 танков ночью 20 марта, когда фронтальное наступление уже началось, подошел к перевалу под названием «Плам» в 50 км западнее Габеса и в 25 км юго-западнее Эль-Хамы. Здесь продвижение корпуса остановили итальянские войска, действовавшие при поддержке 21-й танковой дивизии из резерва немцев и четырех батальонов 164-й легкой Африканской дивизии, переброшенной с правого фланга позиции Марет.

Утром 23 марта, когда стало очевидно, что возобновлять наступательные действия на побережье бессмысленно, Монтгомери внес изменения в свой первоначальный план и сосредоточил все силы и средства на левом фланге. Он полагал, что здесь обстановка более благоприятствует возобновлению наступления крупными силами к прорыву к Эль-Хаме. Монтгомери приказал Хорроксу со штабом 10-го корпуса и 1-й бронетанковой дивизией под командованием генерал-майора Бригса (160 танков) ночью совершить марш через пустыню для усиления Новозеландского корпуса. В то же время Индийская 4-я дивизия (командир генерал-майор Такер) должна была выступить из Медины и занять перевал Холлуф в высотах Матмата-Хилс, возможность использования которого на 150 км сократила бы путь снабжения главных сил, совершавших обходной маневр через пустыню. Заняв перевал, Такер должен был продвигаться в северном направлении, в обход позиции Марет, создав таким образом угрозу выхода в тыл противника и обеспечив возможность развития успеха обходного маневра на тот случай, если маневр у перевала Плам будет сорван противником.

Новый план был отличным по замыслу. Он показал умение Монтгомери менять направление удара в зависимости от обстановки. Здесь это умение проявилось даже в большей степени, чем у Эль-Аламейна, хотя, как обычно, сам Монтгомери скромно умалчивал о своей роли, заявляя, что события развивались с самого начала строго по плану.

Во многих отношениях действия Монтгомери явились образцом полководческого мастерства, хотя были тут и неудачи. Так, неудачным оказалось первоначальное намерение прорвать оборону противника на узком заболоченном участке вблизи побережья, а также то, что противнику удалось раскрыть угрозу маневра через пустыню, поскольку не были приняты достаточные меры по обеспечению быстроты этого маневра.

Именно преждевременное раскрытие этого маневра создало основные трудности осуществления нового плана Монтгомери, получившего кодовое название «Суперчардж II» в память об успешном плане операции у Эль-Аламейна. Появление новозеландцев у перевала Плам встревожило командование войск стран оси, которое сразу поняло, что Монтгомери изменил план действий и перенес главный удар на свой левый фланг. Эти выводы подтвердились донесениями разведки, обнаружившей 23 и 24 марта подход новых сил союзников в этот район. В связи с этим 15-я танковая дивизия была переброшена обратно в район Эль-Хамы и еще за два дня до прибытия английских подкреплений в этот район уже находилась в готовности поддержать

21-ю танковую и 164-ю легкую африканскую дивизии при отражении наступления союзников, назначенного на 26 марта.

Как только была утрачена внезапность, вероятность успеха операции «Суперчардж II» сразу же уменьшилась. Однако союзникам благоприятствовали некоторые другие факторы. Во-первых, 24 мая Арним, вопреки желанию итальянского генерала удерживать позицию Марет, решил отвести армию Мессе на позицию Вади-Акарит во избежание ее окружения. Перед немецкими войсками, оборонявшими перевал, стояла задача задержать наступление противника лишь на время, необходимое для отвода малоподвижных войск с позиции Марет. Во-вторых, перед началом наступления немецкие позиции подверглись обработке с воздуха: 16 эскадрилий истребителей-бомбардировщиков, совершая штурмовые налеты (в каждом участвовало по две эскадрильи), в течение 15 минут обстреливали и подвергали бомбардировке с малых высот позиции противника. Эти действия авиации, организованные командующим авиацией пустыни вице-маршалом авиации Броджерстом, дали огромный эффект, однако штаб ВВС Великобритании не одобрил их, считая, что Броджерст нарушил принятые принципы использования авиации. В-третьих, успеху способствовало смелое решение совершить марш-подход ночью. Немцы не раз прибегали к подобному маневру, англичане же до сих пор избегали ночных маршей. В-четвертых, к счастью для союзников, разразилась песчаная буря, скрывшая от противника сосредоточение английских танков и их движение через перевал, по обе стороны которого немцы организовали противотанковую оборону.

Наступление союзных войск началось 26 марта в 16.00, когда лучи заходящего солнца затрудняли наблюдение для обороняющихся немецких войск. В первом эшелоне действовали 8-я танковая бригада и новозеландская пехота. Примерно в 18.00 через их боевые порядки прошла 1-я бронетанковая дивизия генерала Бриггса. Облака пыли и спускавшиеся вечерние сумерки помогли ей скрытно преодолеть восемь километров. С 19.30 до полуночи, когда взошла луна, дивизия перегруппировалась, а затем вновь двинулась в путь. К рассвету 27 марта, благополучно миновав горловину перевала, она вышла к окраинам Эль-Хамы.

Здесь продвижение англичан на два дня задержали немецкие противотанковые подразделения и контратака, которую приняли во фланг англичанам примерно 30 танков 15-й танковой дивизии. Это позволило большей части стран оси, занимавших позицию Марет, избежать окружения и отойти на позицию Вади-Акарит. Англичане захватили в плен около 5 тыс. итальянцев и 100 немцев, однако благодаря отчаянному сопротив-

лению итало-немецких войск на дороге к побережью главные силы войск стран оси благополучно вышли из боя без существенных потерь. Стремительный выход англичан к морю мог бы лишить их этой возможности, но время было упущено. Прошло больше недели, прежде чем Монтгомери сумел начать боевые действия против немецко-итальянских войск, занявших новые оборонительные позиции.

Тем временем Паттон возобновил наступление к побережью, в тыл противника. Его корпус был усилен американскими 9-й и 34-й пехотными дивизиями. Главный удар наносился из района Эль-Геттара в направлении на Габес силами 1-й и 9-й пехотных дивизий, через боевые порядки которых должна была пройти 1-я бронетанковая дивизия. 34-я пехотная дивизия получила задачу захватить перевал Фондук, в 150 км севернее исходного района, и открыть путь к прибрежной равнине. Однако, встретив упорное сопротивление, 34-я дивизия задачу не выполнила и была вынуждена отойти на исходные позиции для перегруппировки сил. В донесении одного из немецких офицеров по этому поводу говорилось: «Американцы выходят из боя, как только подвергнутся атаке».

Наступление главных сил на Эль-Геттара, начатое 28 марта, было также приостановлено противником. Тяжелые бои не позволили наступающим войскам намного продвинуться. К этому времени Монтгомери прорвался у Эль-Хамы и вышел к Габесу. В связи с этим Александер приказал танкам Паттона начать движение к побережью, не дожидаясь, пока пехота расчистит им путь. Эта попытка не удалась, поскольку противник хорошо организовал противотанковую оборону, и по истечении трех дней в бой была введена пехота, чтобы расчистить путь танкам.

Несмотря на гневные указания Паттона, пехота также ничего практически не добилась. Тем не менее ввиду угрозы прорыва противника немецкое командование перебросило в этот район 21-ю танковую дивизию с задачей поддержать боевые действия 10-й дивизии. Это новое ослабление немецкого танкового резерва создало благоприятные условия для фронтального наступления на позицию Вади-Акарит войск Монтгомери, располагавших 570 танками и 1470 орудиями.

Местность в районе позиции Вади-Акарит благоприятствовала ведению обороны. Она представляла собой равнинную прибрежную полосу шириной около 6 км, которую прикрывали непроходимые болота и скалистые холмы с крутыми склонами, спускающимися к полосе соляных болот. Однако немецко-итальянское командование слишком поздно решило оставить позицию Марет, так что осталось очень мало времени для усовершенствования и

создания необходимой глубины обороны позиции Вади-Акарит. Кроме того, обороняющиеся войска испытывали недостаток в боеприпасах, поскольку израсходовали значительные средства в предшествующих боях на невыгодных для них рубежах.

Первоначально Монтгомери, как и у позиции Марет, намеревался прорвать оборону противника на узком участке у побережья и затем для развития успеха ввести в прорыв танки. 51-я дивизия должна была прорвать оборону, а Индийской 4-й дивизии под командованием Такера ставилась задача овладеть восточной оконечностью гряды холмов и прикрыть фланг 51-й дивизии. Однако Такер настаивал на расширении участка прорыва и требовал включить в план действий овладение господствующими высотами в центре полосы наступления. Свои доводы Такер обосновывал тем, что при ведении боевых действий в горной местности можно обеспечить успех, только овладев господствующими высотами. Такер верил, что его войска, накопившие опыт действий в горах, сумеют справиться с такой задачей. Монтгомери принял предложение Такера и расширил участок прорыва. Для действий в первом эшелоне предназначались три пехотные дивизии 30-го корпуса. Более того, Монтгомери принял смелое решение не дожидаться нового периода полнолуния и начать наступление ночью, несмотря на дополнительные трудности управления войсками.

5 апреля с наступлением темноты части Индийской 4-й дивизии перешли в наступление и задолго до рассвета 6 апреля глубоко прорвались в расположение позиций противника, захватив около 4 тыс. пленных, преимущественно итальянцев. В 4.30 в наступление перешли 50-я и 51-я дивизии при поддержке 400 орудий. Части 50-й дивизии были остановлены у противотанкового рва, а 51-я дивизия прорвала оборону противника, хотя и на меньшую глубину, чем Индийская 4-я дивизия. Прорыв обороны противника на двух участках создал благоприятные условия для ввода в бой танковых частей 10-го корпуса под командованием Хоррокса с задачей развить успех наступления. Корпус располагался во втором эшелоне именно с этой задачей.

В 8.45 Хоррокс прибыл в штаб Такера. В журнале боевых действий имеется следующая запись: «Командир Индийской 4-й дивизии доложил командиру 10-го корпуса, что оборона противника прорвана и что путь свободен для ввода в бой сил 10-го корпуса, а это дало бы возможность завершить кампанию в Северной Африке. Настало время нанести решающий удар, для которого нельзя жалеть ни сил, ни средств. Командир 10-го корпуса запросил по телефону разрешение командующего армией ввести в бой соединения 10-го корпуса, чтобы развить успех на-

ступления». Однако произошла задержка с выдвиганием частей и соединений корпуса на исходные позиции и вводом их в бой. В донесении Александера говорится: «В 12.00 Монтгомери ввел в бой 10-й корпус». К этому времени немецкая 90-я дивизия контратаковала части английской 51-й дивизии и потеснила их с занятых позиций. Во второй половине дня, когда головные подразделения 10-го корпуса прошли через боевые порядки 51-й дивизии, противник контратаковал их силами 15-й танковой дивизии, последнего своего резерва. В то же время в этот день ничего не было предпринято, чтобы использовать силы 10-го корпуса для развития успеха в полосе действий Индийской 4-й дивизии.

Монтгомери тщательно подготовился к развитию успеха наступления на следующий день. Началу наступления должны были предшествовать мощная артиллерийская подготовка и удары бомбардировочной операции. Однако утром обнаружилось, что противник покинул позиции, и вместо запланированного сокрушительного удара пришлось преследовать главные силы противника, которым вновь удалось улизнуть.

Хотя Монтгомери упустил шанс добиться решающей победы, но и противник лишился возможности ликвидировать прорыв позиции Вади-Акарит, поскольку ему пришлось перебросить две свои танковые дивизии (10-ю и 21-ю) для отражения угрозы, которую создали его тылу американские войска. Мессе донес Арниму, что ввиду отсутствия резервов удерживать позицию Вади-Акарит больше невозможно, и получил разрешение отойти к позиции Анфидавил, в 240 км севернее. Это был следующий рубеж, на котором узкую прибрежную равнинную полосу прикрывала гряда холмов.

Немецко-итальянские войска начали отход сразу же с наступлением темноты, и 11 апреля они уже заняли позицию Анфидавил, хотя большинству подразделений и частей пришлось пройти весь путь в пешем строю. Головные подразделения и части 8-й армии, имевшей в первом эшелоне два корпуса, восстановили соприкосновение с противником лишь два дня спустя, хотя были полностью моторизованы и значительно превосходили немецкие арьергарды, которые периодически завязывали бои, чтобы задерживать продвижение преследующих английских войск.

Стремясь перехватить отступающие силы противника, Александер бросил в наступление 9-й корпус 1-й армии с задачей овладеть перевалом Фондук и затем, двигаясь в восточном направлении через Кайруан, выйти на побережье к Сусу, в 30 км южнее Анфидавила. В состав этого недавно сформированного корпуса вошли английская 6-я бронетанковая дивизия, одна из пехотных бригад 46-й дивизии и 34-я американская пехотная

дивизия. Командовал корпусом Крокер. Задача пехоты состояла в том, чтобы захватить господствующие высоты по обе стороны перевала Фондук и обеспечить ввод в бой танковых частей.

Спешно подготовленное наступление предполагалось начать в ночь на 8 апреля. Однако части 34-й дивизии начали наступление на три часа позже срока, когда уже рассвело, и были остановлены огнем противника. Продвигаться вперед они не решились, видимо находясь под впечатлением неудачного наступления, в котором им пришлось участвовать десять дней назад. Переход этой дивизии к обороне позволил немцам перенести огонь в полосу наступления 46-й дивизии и остановить ее успешно развивающееся продвижение с целью захвата высот севернее перевала. Крокер решил ввести в бой танки и прорваться через перевал, не дожидаясь, пока пехота проложит путь. Ведь весь смысл операции состоял в том, чтобы быстро выйти через перевал на прибрежную равнину.

9 апреля 6-я бронетанковая дивизия под командованием генерал-майора Кейтли, потеряв 34 танка, выполнила задачу (эти потери можно считать не слишком тяжелыми, если учесть трудности передвижения по минным полям под огнем противотанковых орудий, прикрывавших перевал). Танки противника прорвались через перевал только к исходу дня, и Крокер решил отложить развитие успеха до утра. Танковые подразделения были отведены за перевал. Эта осторожность резко контрастировала со смелыми, решительными действиями накануне. Для колесных машин еще предстояло расширить проход в минном поле, а, по данным разведки, немецкие танковые подразделения, отходившие с юга, уже приближались к Кайруану. На рассвете 10 апреля 6-я бронетанковая дивизия возобновила движение в восточном направлении, но, когда она достигла Кайруана, отступающие колонны немецких войск уже благополучно миновали этот узел дорог.

Небольшой немецкий отряд (два пехотных батальона и противотанковая рота), удерживающий сектор Фондука, также отошел, выполнив приказ Байерлейна не допустить продвижения частей 9-го корпуса до утра 10 апреля и прикрыть отход армии Мессе вдоль прибрежной полосы. Успешный вывод из боя этого отряда, которому с фронта и тыла угрожали превосходящие силы, — замечательное достижение немецкого командования.

Таким образом две армии немецко-итальянских войск соединились для ведения обороны дугообразного участка протяженностью около 150 км — от побережья на севере и Анфидавила на юге.

Это обстоятельство временно несколько улучшило положение немецко-итальянских войск. Правда, этот выигрыш стоил им

огромных потерь в предшествующих боях, особенно в боевой технике и оружии. Даже сократившаяся протяженность фронта обороны оказалась слишком велика для уцелевших войск в условиях все возрастающего превосходства союзников в живой силе и технике накануне решающего штурма. Более того, войскам Арнима пришлось оставить позиции у Меджез-эль-Баба, которые они заняли в результате контрнаступления в феврале. В марте и в первые дни апреля части и соединения английского 5-го корпуса под командованием генерал-лейтенанта Олфри потеснили немецкие войска, и теперь союзники имели хорошие возможности для развития наступления в восточном направлении на Тунис и Бизерту.

Огромное влияние на выбор района, где бы союзники могли нанести решающий удар с целью завершения всей кампании, имели политические и психологические соображения. В письме от 23 марта и в других письмах Александру Эйзенхауэр требовал сосредоточить главные силы на севере, в полосе действий войск 1-й армии, и перебросить в этот район корпус Паттона. Эйзенхауэр считал, что это необходимо для поддержания морального духа американских войск.

Разрабатывая план операции, Александер учел пожелания Эйзенхауэра и 10 апреля приказал Андерсону подготовиться к нанесению главного удара примерно 22 апреля. Александер учел также постоянные жалобы Паттона на то, что его 2-му корпусу приходится выполнять волю командования 1-й армии, и предоставил честолюбивому американцу полную самостоятельность. В то же время Александер отклонил просьбу Монтгомери о подчинении ему 6-й бронетанковой дивизии, которая только что соединилась с войсками 8-й армии. Более того, Монтгомери было приказано передать в распоряжение 1-й армии одну из своих бронетанковых дивизий, поскольку войскам 8-й армии предстояло выполнять вспомогательную задачу.

В данном случае полностью совпали интересы политики и стратегии. Северный участок фронта обеспечивал лучшие условия для использования превосходящих сил союзников, поскольку здесь создавался большой оперативный простор и имелись короткие пути подвоза, в то время как на южном участке фронта, в районе Анфидавиля, условия были гораздо сложнее, главным образом для действий танков.

Войска американского 2-го корпуса начали перебазироваться с южного участка фронта на северный. Для этого был разработан тщательный график, предусматривающий передвижение около 2400 машин в день по тылам английских войск. Это потребовало огромных усилий со стороны офицеров штаба корпуса (командиром корпуса стал Брэдли, а Паттон вернулся в штаб

главнокомандующего союзными войсками и принял участие в разработке операции по вторжению американских войск на Сицилию). Английский 9-й корпус был также переброшен на северный участок фронта и занял позиции между английским 5-м и французским 19-м корпусами. Французские части стали соседями 8-й армии на правом крыле союзных войск.

Согласно последнему варианту плана, утвержденному Александером 16 апреля, предусматривалось начать наступление по четырем сходящимся направлениям. 8-я армия должна была нанести удар в ночь на 19 апреля силами 10-го корпуса под командованием Хоррокса через Анфидавиль и далее на север, к Хаммамету и Тунису, с целью перерезать полуостров Кап-Бон и не допустить, чтобы отступающие войска стран оси организовали длительную оборону в этом районе. Выполнение этой задачи требовало продвижения на глубину около 80 км на очень узком участке. Войска французского 19-го корпуса должны были оказывать постоянное давление на противника и быть в готовности развить успех наступления своих соседей.

Английский 9-й корпус, имевший в своем составе одну пехотную и две бронетанковые дивизии, переходил в наступление 22 апреля в районе Пон-дю-Фахс и Губеллат, чтобы обеспечить ввод в прорыв бронетанковых войск. Английский 5-й корпус, являясь соседом 9-го корпуса слева, имел в своем составе три пехотные дивизии и танковую бригаду. Он наносил главный удар на этом участке и должен был перейти в наступление также 22 апреля в районе Меджес-эль-Баба в полосе до 25 км, которую обороняли два полка немецкой 334-й дивизии. Американский 2-й корпус должен был перейти в наступление на северном участке фронта 23 апреля. Ему предстояло действовать в полосе шириной до 65 км, которую обороняли три полка дивизии Мантейфеля и один полк 334-й дивизии. Здесь численность немецких войск составляла 8 тыс. человек, в то время как войска американского 2-го корпуса насчитывали 95 тыс. человек.

Перспективы этого общего наступления, осуществляемого почти одновременно на обоих участках, казались благоприятными. У союзников теперь было 20 дивизий, в боевых подразделениях которых насчитывалось 300 тыс. человек и 1400 танков. Общая численность личного состава девяти немецких дивизий, являвшихся главными силами в обороне фронта протяженностью 150 км, составляла, по данным разведки союзников, не более 60 тыс. человек. В их распоряжении было меньше 100 танков. В одном из немецких документов говорится, что из этих 100 танков только 55 считались боеготовыми. Более того, контратаку, предпринятую Арнимом в ночь на 20 апреля в райо-

не Меджес-эль-Баба, союзные войска отразили, хотя немцам и удалось под покровом темноты продвинуться на 8 км. Арним не сумел помешать подготовке и проведению наступления американских войск в этом районе.

Тем не менее, наступление союзных войск, начатое точно по плану, развивалось не так, как было намечено. Немцы оборонялись упорно и сумели использовать благоприятные условия местности, чтобы сдерживать натиск превосходящих сил противника. Таким образом, «последний» вариант плана Александра не удался, и ему пришлось стать «предпоследним».

Наступление войск 8-й армии у Анфидавила силами трех пехотных дивизий встретило упорное сопротивление противника в горном районе, на границе с прибрежной полосой. Английские войска, понеся значительные потери, вынуждены были остановиться. Утверждения Монтгомери и Хоррокса о том, будто противника в этом районе можно легко отбросить, оказались несостоятельными. Итальянцы здесь сражались так же упорно, как и немцы.

Танкам 9-го корпуса удалось прорвать оборону противника на глубину до 13 км в районе Курзии, северо-западнее Пон-дю-Фахса, но после контратаки единственного значительного подвижного резерва, которым располагал Арним, им пришлось остановиться. Введенная Арнимом в бой 10-я танковая дивизия имела всего одну десятую штатной численности танков (полагалось иметь 360 танков). На направлении главного удара, где действовал английский 5-й корпус, наступление развивалось медленнее, поскольку оборонявшиеся в этом районе две немецкие пехотные дивизии оказали упорное сопротивление. После четырех дней ожесточенных боев англичане продвинулись на 10—11 км к Меджес-эль-Бабу. Затем им пришлось перейти к обороне и отражать контратаку немецкой танковой бригады, сформированной из уцелевших танковых подразделений бывшей группы армий «Африка». На северном участке фронта американский 2-й корпус в течение первых двух дней наступления добился незначительных успехов, продвигаясь по резко пересеченной местности, а 25 апреля обнаружилось, что противник незаметно отвел свои войска на новую оборонительную позицию. В целом наступление союзных войск захлебнулось на всех участках, не принеся где-либо решительных результатов.

Однако войска стран оси значительно истощили в этих боях свои силы и средства. К 25 апреля в обеих армиях имелась только четвертая часть необходимых запасов горючего (примерно на 25 км хода каждой машины). Оставшихся боеприпасов едва хватило бы на три дня боев. Подвоз боеприпасов и горю-

чего почти прекратился. Быстро таяли и запасы продовольствия. Это оказало решающее влияние на исход следующего наступления союзников. Позже Арним заявил, что «даже если бы союзники и не начали наступления, пришлось бы капитулировать не позже 1 июня ввиду отсутствия продуктов питания».

В конце февраля Роммель и Арним доносили верховному командованию, что, если будет принято решение удерживать Тунис, необходимо подвозить по крайней мере 140 тыс. т предметов снабжения в месяц, чтобы поддерживать боеспособность войск стран оси. Итальянское командование, отлично сознавая трудности доставки грузов, считало, что будет достаточно 120 тыс. т предметов снабжения в месяц. При этом отмечалось, что примерно треть грузов может быть потеряна в ходе транспортировки. В марте войска стран оси получили только 29 тыс. т грузов, причем почти четвертую часть всех грузов доставили по воздуху.

Резким контрастом вышесказанному являются данные о том, что только американцы доставили в марте 400 тыс. т грузов в порты Северной Африки. В апреле объем перевозок грузов для войск стран оси сократился до 23 тыс. т, а в первую неделю мая составил мизерную цифру — 2 тыс. т. Таков был итог действий союзной авиации и военно-морских сил (главным образом английских кораблей), а также разведки союзников, вскрывавшей переброску грузов противника по Средиземноморскому бассейну. Приведенные выше цифры убедительно раскрывают причины неожиданного ослабления того противодействия, которое оказывали войска стран оси союзным армиям. Они объясняют положение дел куда лучше и понятнее, чем воспоминания любого из союзных руководителей.

Новый план Александра оформился в связи с развитием событий в районе Анфидавиля. Когда стала очевидной неудача наступления силами трех пехотных дивизий, Монтгомери 21 апреля приказал войскам остановиться ввиду возросших потерь. Это позволило Арниму перебросить все оставшиеся танковые подразделения на север для отражения попыток английских войск прорваться в район восточнее Меджес-эль-Баба. Монтгомери намеревался возобновить наступление 29 апреля, сосредоточив свои усилия на узкой прибрежной полосе и не пытаясь овладеть высотами вдали от побережья. Хоррокс согласился с этим приказом Монтгомери, но у командиров дивизий первого эшелона Такера и Фрейберга это вызвало горячий протест. Их возражения не были лишены оснований, так как возобновившееся наступление быстро сорвалось. На следующий день, 30 апреля, Александр прибыл в штаб Монтгомери, чтобы обсудить обстановку. Здесь он отдал приказ передать в состав 1-й армии

две наиболее боеспособные дивизии 8-й армии для нового и решительного удара в районе Меджес-эль-Баба. Именно этот вариант предлагал Такер еще до начала неудачного наступления у Анфидавиля, и его следовало бы принять раньше, ибо наступление у Анфидавиля не достигло даже ограниченной цели — сковать силы противника и не дать ему перебросить подкрепления на центральный участок фронта.

Войска немедленно приступили к выполнению нового замысла командующего. Индийская 4-я и 7-я бронетанковая дивизии 8-й армии 30 апреля с наступлением темноты двинулись в северо-западном направлении, 7-й бронетанковой дивизии, находившейся во втором эшелоне армии, предстояло пройти почти 500 км по пересеченной местности. Она совершила марш за двое суток, причем танки перевозились на транспортерах. Обе дивизии вошли в состав 9-го корпуса, которому предназначалось нанести главный удар. В связи с этим корпус был отведен в район сосредоточения за позиции 5-го корпуса. Командиром 9-го корпуса был назначен Хоррокс, поскольку Крокер получил ранение во время испытаний нового миномета. Ему, конечно, не повезло, ибо сложившаяся обстановка предоставляла хорошие возможности показать себя.

В ночь на 26 апреля на северном участке фронта в наступление перешел американский 2-й корпус под командованием Брэдли. В течение четырех дней ожесточенных боев его попытки продвинуться вперед в горном районе не имели успеха вследствие упорного сопротивления противника. Однако настойчивые действия американских войск настолько истощили силы противника и его боеприпасы, что он вынужден был отойти на новые, менее выгодные оборонительные позиции восточнее Матера. Отход был искусно осуществлен по ночам 1 и 2 мая. Новые оборонительные позиции находились всего в 25 км от Бизерты, а это значило, что глубина обороны оказалась явно недостаточной. Впрочем, она была не больше и в районе Меджес-эль-Баба на тунисском направлении.

При такой малой глубине обороны весьма ощутимо сказывался недостаток в предметах снабжения. Это обстоятельство во многом предопределило успех нового наступления союзников, которое они готовились начать 6 мая. После прорыва главной полосы обороны уже невозможно было вести подвижную оборону, в которой сочетались бы удержание отдельных позиций и проведение отхода. Если войскам стран оси раньше удавалось отразить удары союзников, то это достигалось путем почти полного истощения запасов материальных средств. Оставшиеся боеприпасы позволяли теперь лишь отвечать короткими огневыми

налетами на подавляющий огонь наступающих союзных войск. Что касается горючего, то его ничтожные запасы практически лишили войска стран оси возможности маневрировать. Более того, они лишились и прикрытия с воздуха, так как аэродромы в Тунисе нельзя было больше использовать и почти все уцелевшие самолеты пришлось перебросить в Сицилию.

Новый удар союзников не был неожиданным для командования войск стран оси, поскольку из перехваченных радиogramм стало известно о переподчинении крупных сил из состава 8-й армии командованию 1-й армии. Однако такая осведомленность несколько не помогла, ибо в распоряжении войск стран оси не оставалось сил для отражения угрозы.

Согласно новому плану Александера, получившему кодовое название «Вулкан», главный удар наносил 9-й корпус. Он должен был пройти через боевые порядки 5-го корпуса и наступать в очень узкой полосе (менее 3 км шириной) в долине южнее Меджерды. В первом эшелоне должны были наступать английская 4-я и индийская 4-я дивизии при поддержке четырех батальонов легких танков. Второй эшелон составляли 6-я и 7-я бронетанковые дивизии. Общее число танков превышало 470. После прорыва обороны двумя пехотными дивизиями на глубину до 5 км две бронетанковые дивизии должны были выдвинуться через боевые порядки и в течение дня выйти в район Сент-Сипрена, в 30 км от исходного рубежа и на полпути к Тунису. В своей директиве Александер подчеркивал, что важнейшей задачей является захват Туниса и что при любых обстоятельствах войска не должны терять время на уничтожение отдельных очагов сопротивления, оставшихся в тылу наступающих войск.

Для обеспечения успеха наступления 9-го корпуса Александер приказал 5-му корпусу вечером 5 мая овладеть высотами в районе Джебель-бу-Ауказа. Завязав ожесточенный бой с противником, эту задачу корпус выполнил. В дальнейшем 5-му корпусу предстояло прикрыть с фланга наступательные действия 9-го корпуса. Это сделать было нетрудно, поскольку у противника уже не оставалось сил для контратак.

Однако прорвать оборону противника днем оказалось не так легко. А ведь первоначально из-за недостатка опыта в ведении ночного боя наступление 9-го корпуса планировалось днем. По настоянию Такера время начала наступления было перенесено на 3.00. По его же настоянию обычную артиллерийскую подготовку заменили последовательными огневыми налетами на выявленные опорные пункты обороны противника. Норму расхода снарядов увеличили вдвое, и она возросла до 1 тыс. комплектов выстрела на орудие. Плотность огня в огневых налетах соста-

вила один снаряд на каждые два метра фронта и в пять раз превысила мощь артиллерийской подготовки в сражении под Эль-Аламейном осенью минувшего года. Парализующий эффект таких огневых атак 400 орудий, которые непосредственно поддерживали подразделения первого эшелона, усилился мощными ударами авиации на рассвете. Всего было совершено 200 самолето-вылетов.

К 9.30 индийская 4-я дивизия глубоко вклинилась в оборону противника, потеряв в бою немногим больше 100 человек. Командир дивизии доложил, что никаких признаков возможного усиления сопротивления противника не наблюдается. В радиограмме штабу корпуса он сообщил, что танки могут теперь «двигаться с любой скоростью и на любую глубину». Еще до 10.00 головные подразделения 7-й бронетанковой дивизии стали выдвигаться через боевые порядки пехоты. Английская 4-я пехотная дивизия начала наступать с некоторым опозданием и продвигаться медленнее, чем индийская 4-я дивизия, однако успех индийцев позволил английской пехоте выполнить свою ближайшую задачу еще до 12.00. После этого бронетанковым дивизиям было разрешено развить успех наступления пехоты, однако через несколько часов они остановились вблизи Массиколта, то есть всего в 10 км от исходного рубежа и 5 км от позиций, занятых пехотой. До Туниса была пройдена всего четвертая часть расстояния. В журнале боевых действий 7-й бронетанковой дивизии эта чрезмерная осторожность объясняется так: «Командир считал целесообразным, чтобы каждая из бригад была в состоянии оказать помощь другой, занимая прочную позицию». Такое объяснение свидетельствует о полном непонимании задачи войск в развитии успеха наступления. Как и во время боев у Вади-Акарита, Хоррокс и командиры бронетанковых дивизий промедлили, продолжая действовать темпами, свойственными больше пехоте, хотя условия требовали полного использования потенциальных возможностей подвижных войск.

Никакой необходимости в подобной осторожности не было. Участок южнее р. Меджерда протяженностью 13 км (главный удар наносился в этом районе в полосе шириной около 3 км) обороняли два пехотных батальона и противотанковый дивизион 15-й танковой дивизии при поддержке менее 60 танков, то есть почти всех танков, которые остались в распоряжении немецко-итальянского командования. Немногочисленные силы противника перед атакой подверглись мощному удару артиллерии и авиации союзников. Кроме того, нехватка горючего лишила Арнима возможности перебросить на север пехотные подразделения 10-й и 21-й танковых дивизий, как он планировал.

Нехватка горючего сковала подвижность немецко-итальянских войск в большей степени, чем хитроумный план оперативной маскировки, задуманный английским командованием, чтобы заставить противника предположить, будто удар вновь будет нанесен в районе Курзии.

На рассвете 7 мая 6-я и 7-я бронетанковые дивизии возобновили наступление. Однако они опять действовали излишне осторожно, и небольшой немецкий отряд при поддержке десяти танков и нескольких орудий на полдня остановил их передвижение в Сент-Сипрена. Только в 15.15 был отдан приказ наступать на Тунис. Полчаса спустя бронеавтомобили 11-го полка вступили в город. Почти одновременно в Тунис вошли подразделения бронеавтомобилей 6-й бронетанковой дивизии. За ними последовали танки и мотопехота. Восторженные толпы населения задерживали наступающие войска больше, чем сопротивление охваченных паникой немецких войск. В тот же вечер и на следующее утро было захвачено значительное число пленных. Основные силы противника отошли от города к северу и югу.

Американский 2-й корпус возобновил наступление на северном участке одновременно с ударом англичан по Тунису, 6 мая продвижение наступающих войск шло медленно, так как противник оказывал упорное сопротивление. Утром 7 мая разведывательные подразделения 9-й пехотной дивизии установили, что путь свободен, и в 16.15 вступили в Бизерту. Противник оставил город и отошел в юго-восточном направлении. Честь официально вступить в город была предоставлена французскому Африканскому корпусу, прибывшему сюда 8 мая. Наступавшая из Матера 1-я бронетанковая дивизия в течение первых двух дней встречала упорное сопротивление, как и 1-я и 34-я пехотные дивизии, действовавшие южнее этого района. Однако 8 мая в полосе 1-й бронетанковой дивизии противник почти прекратил борьбу, поскольку испытывал нехватку горючего и опасался выхода в тыл английской 7-й бронетанковой дивизии, продвигавшейся по побережью от Туниса в северном направлении.

Зажатые между английскими и американскими передовыми частями и не имея средств для сопротивления, немецко-итальянские войска начали сдаваться в плен. К исходу дня 8 мая головные подразделения 11-го гусарского полка захватили около 10 тыс. пленных. Утром 9 мая другое подразделение этого же полка вступило в Порто-Фарину, в 30 км восточнее Бизерты, и приняло капитуляцию еще 9 тыс. немецких солдат и офицеров. Пленные были переданы американским бронетанковым подразделениям, прибывшим в город. В 9.00 командующий 5-й танковой армией генерал фон Верст направил Арниму следующую

радиограмму: «Наши танки и подразделения уничтожены. Нет боеприпасов и горючего. Мы будем сражаться до последней возможности». Последняя фраза в радиограмме прозвучала абсурдно, ибо вести бой без боеприпасов невозможно. Вскоре Верст узнал, что подчиненные ему войска, осознав бессмысленность его приказов о сопротивлении, начали сдаваться в плен. В полдень Верст согласился на капитуляцию. Таким образом, общее число пленных в этом районе достигло 40 тыс. человек.

К моменту захвата Туниса южнее города находились значительные силы стран оси. Здесь были более благоприятные условия местности для организации обороны, и командование союзных войск предполагало, что противник окажет длительное сопротивление. Однако и в этом районе истощение запасов горючего и боеприпасов вынудило противника прекратить сопротивление. Кроме того, противника охватило чувство полной безнадежности, поскольку не приходилось рассчитывать на пополнение необходимых запасов, а следовательно, и на возможность вырваться из кольца окружения. Это лишь ускорило окончательный разгром.

Александр теперь поставил цель — не позволить войскам Мессе отойти на полуостров Кап-Бон и создать там «последний рубеж» обороны. Поэтому сразу же после захвата Туниса 6-я бронетанковая дивизия получила приказ повернуть на юго-восток и наступать в направлении Хамман-Лифа. В это же время 1-я бронетанковая дивизия должна была продвигаться к этому пункту с севера. У Хамман-Лифа горы настолько близко подступают к морю, что ширина равнинной прибрежной полосы не превышает 300 метров. Немецкий отряд, имевший в своем распоряжении 88-мм зенитные пушки, удерживал это узкое дефиле в течение двух дней, несмотря на превосходство наступающих союзных войск. Все господствующие над городом высоты захватили пехотные подразделения 6-й бронетанковой дивизии. После мощного артиллерийского налета вдоль берега двинулась колонна танков. Уцелевшие орудия противника уже не могли их поразить.

К ночи наступающие войска достигли Хаммамета, закрыв противнику доступ на полуостров. Испытывая недостаток горючего, немецкие войска не сумели отойти в глубь полуострова. На следующий день 6-я бронетанковая дивизия двинулась на юг, в тыл немецко-итальянским войскам, задерживавшим продвижение соединений английской 8-й армии у Анфидавиля. Хотя в этом районе противник все еще располагал боеприпасами, угроза полного окружения и отсутствие всякой надежды на спасение вынудили его к капитуляции.

К 13 мая все немецко-итальянские войска сложили оружие. Только немногим удалось переправиться морем и по воздуху в Сицилию. Туда же в течение апреля было доставлено 9 тыс. раненых и больных. Относительно общего числа пленных нет единого мнения. Штаб Александра в донесении Эйзенхауэру 12 мая сообщал, что число пленных с 5 мая достигло 100 тыс. человек. Предполагалось, что к концу боев эта цифра возрастет до 130 тыс. человек.

В более позднем донесении говорилось, что общее число пленных составило 150 тыс. человек. В своих мемуарах Александр назвал цифру в четверть миллиона. Такую же цифру мы находим в мемуарах Черчилля, только с оговоркой «почти». Эйзенхауэр писал, что было захвачено «240 тыс. пленных, в том числе 125 тыс. немецких солдат и офицеров».

Однако штаб группы армий «Африка» в своем донесении в Рим 2 мая указывал, что в апреле общая численность немецко-итальянских войск составляла 170—180 тыс. человек. А ведь это было до начала тяжелых боев в последнюю неделю кампании! Таким образом, трудно понять, почему число пленных почти в полтора раза превышает указанную выше численность немецко-итальянских войск. Стоит заметить, что еще бóльшие расхождения в цифрах относительно численности немецких войск и захваченных союзниками пленных наблюдались на заключительном этапе войны.

Вторжение на европейский континент через Сицилию

В ретроспективе захват Сицилии в 1943 году кажется простым делом, однако в действительности этот первый шаг на Европейский континент был трудным, сопряженным со многими испытаниями. Успешный исход во многом предопределили долгое время неизвестные факты: во-первых, слепое упорство Гитлера и Муссолини в стремлении «спасти свое лицо» в Африке; во-вторых, страх Муссолини перед своим немецким союзником и нежелание позволить немцам играть ведущую роль в обороне итальянской территории; в-третьих, убежденность Гитлера (в противоположность мнению Муссолини) в том, что союзники не намереваются захватывать Сицилию. Эта убежденность частично явилась следствием осуществленного англичанами плана оперативной маскировки.

Важнейшую роль сыграл первый из этих факторов. Одной из величайших ироний войны в целом было то, что Гитлер и немецкий генеральный штаб (всегда опасавшийся предпринимать морские десантные операции в зоне действий английского флота) неизменно воздерживались от отправки Роммелю достаточного количества войск, когда он одерживал победы, а в последний момент направили в Африку столько сил, что значительно ослабили свои возможности по обороне Европейского континента.

Иронией судьбы можно считать и то, что эту фатальную ошибку они совершили после неожиданного успеха в отражении первого наступления Эйзенхауэра на Тунис, хотя англо-американское вторжение во Французскую Северную Африку в ноябре 1942 года застигло немцев врасплох. Несмотря на то, что союзные войска наступали из Алжира на восток весьма осторожно, немецкое командование спешно стало перебрасывать войска через Средиземное море, стремясь не допустить захвата союзниками портов Туниса и Бизерты. Немцам удалось удержать горные перевалы и добиться длительной передышки.

Однако этот успех дал повод Гитлеру и Муссолини предположить, что они могут безгранично долго удерживать Тунис. Уверовав в это, они решили перебросить в Африку столько резервов, чтобы противостоять войскам Эйзенхауэра, численность которых все возрастала. Однако по мере роста численности немецко-итальянских войск в Африке становилось все сильнее убеждение Гитлера и Муссолини в том, что они не могут отказаться от своей идеи, не потеряв престижа.

В то же время задача отвода войск или удержание занимаемых позиций в равной степени усложнилась по мере того, как превосходящие силы флота и авиации союзников завоевывали господство над проливами между Сицилией и Тунисом.

Немецко-итальянский плацдарм, созданный в Тунисе, задерживал продвижение союзников в течение зимы и прикрывал остатки армии Роммеля на позициях, занятых после отступления от Эль-Аламейна. Тем не менее неудачная попытка союзников сразу же овладеть Тунисом в конечном итоге обернулась выгодой для них: Гитлер и Муссолини отвергали любые доводы о необходимости эвакуировать немецко-итальянские войска, пока сохранялось затишье и была возможность это сделать.

Стремясь убедить Гитлера в такой возможности, Роммель 10 марта 1943 года отправился в ставку фюрера в Восточной Пруссии. В его дневнике есть запись, свидетельствующая о том, насколько безнадежной оказалась эта попытка: «Я изо всех сил настаивал на том, что африканские войска должны быть перегруппированы в Италии для обороны южноевропейского фланга. Я даже пошел на то, чтобы дать Гитлеру гарантию (обычно я избегаю давать какие-либо гарантии), что с этими войсками сумею отразить любое вторжение союзников на юге Европы. Но все было напрасно»¹²¹.

По мере того как союзные силы сосредоточивались для решающего удара по плацдарму, немецко-итальянские войска вынуждены были пассивно ждать этого удара и упустили предоставившуюся им возможность погрузиться на транспорты и эва-

куироваться в Италию под прикрытием неблагоприятных для союзников метеорологических условий в апреле 1943 года. Приказа об эвакуации так и не последовало. Немецко-итальянским войскам удалось отразить первую попытку союзников прорвать их оборону (20—22 апреля), однако они фактически прекратили организованное сопротивление, как только в следующей крупной наступательной операции 6 мая союзники прорвали фронт. Недостаточная глубина плацдарма и тот факт, что обороняющиеся войска остро ощущали близость моря, где господствовали союзники, обусловили полный развал обороны.

После того как в плен попало восемь дивизий в Тунисе (в их составе находились большинство ветеранов армии Роммеля и лучшие части и подразделения итальянской армии), Италия и ее острова оказались почти без защиты. Эти силы могли бы обеспечить прочную оборону подступов к Европе со стороны Италии, и тогда шансы союзников на успешное вторжение были бы весьма проблематичными. Однако союзники, со своей стороны, не были готовы сразу же воспользоваться предоставившейся благоприятной возможностью, хотя еще в январе союзное командование решило, что следующим шагом будет вторжение на Сицилию, и хотя Тунис был захвачен почти точно в срок по плану. К счастью, такая возможность сохранилась из-за разногласий в военном руководстве стран оси.

Вот что утверждает по этому поводу генерал Вестфаль, начальник штаба фельдмаршала Кессельринга, главнокомандующего войсками в Южной Италии. Поскольку Италия больше не располагала подвижными силами, итальянские военные руководители добивались от немецкого командования отправки в Италию танковых дивизий. Гитлер решил удовлетворить эти настоятельные просьбы и направил Муссолини личное послание, предлагая ему пять дивизий. Дуче, ничего не сказав Кессельрингу, сообщил Гитлеру, что достаточно трех дивизий. Это фактически означало переброску одной дивизии, поскольку две были сформированы из подразделений, направлявшихся в Африку. Муссолини даже выразил пожелание, чтобы в Италию вообще больше не направлялось немецких войск.

Нежелание дуче воспользоваться предложением Гитлера объяснялось смешанным чувством страха и ущемленного самолюбия. Муссолини не хотел зависеть от помощи немцев. Как заметил Вестфаль, «он хотел, чтобы Италию обороняли итальянцы, и закрывал глаза на то, что состояние итальянских войск исключало такую возможность». Более того, Муссолини не хотел позволить немцам занять доминирующее положение в Италии. Как ни велико было его желание не допустить вторжения

союзников, почти так же сильно он стремился не допустить в Италию и немцев.

Новый начальник штаба итальянской армии генерал Роатта (раньше он командовал войсками на Сицилии) в конце концов убедил Муссолини в необходимости более крупных немецких подкреплений для успешной обороны Италии и островов. Муссолини согласился на прибытие в страну новых немецких дивизий при условии, что они в оперативном отношении будут подчинены итальянскому командованию.

Итальянский гарнизон на Сицилии состоял из четырех полевых дивизий и шести дивизий береговой обороны. Они были плохо вооружены и малобоеспособны. Немецкие подразделения, направлявшиеся в Африку после поражения в Тунисе, были сведены в дивизию, получившую наименование 15-й моторизованной дивизии. В ее составе находилось всего одно танковое подразделение. Подобным же образом перестроенная танковая дивизия «Герман Геринг» в конце июня тоже была перебросена на Сицилию. Муссолини воспротивился объединению этих двух дивизий в корпус под единым командованием немецкого генерала, и они были подчинены непосредственно командующему итальянской армией генералу Гудзони. Их силы дислоцировались в пяти пунктах по побережью острова, составив подвижный резерв. В распоряжение старшего офицера связи от немецкого командования генерал-лейтенанта Зенгера была предоставлена небольшая группа штабных офицеров и рота связи, чтобы в случае необходимости контролировать действия немецких частей.

Однако к тому времени, когда Муссолини наконец согласился принять более значительную помощь от немцев, у Гитлера все чаще стали возникать сомнения относительно ее предоставления. С одной стороны, он подозревал, что итальянцы могут свергнуть Муссолини и подписать перемирие (это подозрение вскоре оправдалось), и потому не спешил перебрасывать новые немецкие дивизии туда, где они могли оказаться отрезанными от Германии в случае капитуляции или перехода Италии на сторону союзников. С другой стороны, Гитлер пришел к выводу, что Муссолини, итальянское верховное командование и Кессельринг ошибаются, предсказывая, будто следующим шагом союзников явится вторжение на Сицилию из Африки. В этом вопросе Гитлер, как оказалось, допустил просчет.

Самым большим стратегическим минусом в положении гитлеровских войск с точки зрения возможности отразить высадку союзников на Европейский континент была огромная протяженность границ территорий, занятых немецкими войсками, — от западного побережья Франции до Атлантики к берегам Греции.

Гитлеру трудно было определить, где союзники нанесут удар. Союзники обладали преимуществом широкого выбора направлений и маневра благодаря превосходству на море. Гитлер, вынужденный постоянно остерегаться удара из Англии через Ла-Манш, имел основание опасаться, что англо-американские армии из Северной Африки могут высадиться где угодно на юге от Испании до Греции.

Гитлер полагал, что более вероятна высадка союзников в Сардинии, а не в Сицилии: с Сардинии легко добраться до Корсики, а она могла послужить плацдармом для вторжения во Францию или Италию. В то же время была возможна высадка союзников в Греции, и Гитлеру хотелось иметь резервы на этот случай.

«Правоту» этой точки зрения подтвердили полученные от нацистских агентов в Испании документы, найденные в одежде «английского офицера», труп которого волной прибило к испанскому берегу. Среди этих документов оказалось письмо заместителя начальника имперского генерального штаба генерал-лейтенанта Ная генералу Александеру. Погибший «офицер», видимо, должен был передать его адресату. В письме упоминалось о недавних официальных телеграммах, касающихся предстоящих операций. Комментарии автора письма свидетельствовали о том, что союзники намереваются высадиться в Сардинии и Греции, хотя пытаются заставить немецкое командование предположить, будто целью их является Сицилия.

И труп и письмо были частью хитроумного плана, разработанного английской разведкой с целью ввести противника в заблуждение. План был так хорошо осуществлен, что у руководителей немецкой разведки не родилось и сомнений относительно подлинности документов. Правда, эти документы не изменили точку зрения итальянских военных руководителей и Кессельринга, считавших, что следующим объектом действий союзников является Сицилия, однако на Гитлера эти сведения произвели большое впечатление.

По приказу Гитлера 1-ю танковую дивизию перебросили из Франции в Грецию, где уже находились три немецкие пехотные дивизии и итальянская 11-я армия. В то же время недавно сформированная 90-я моторизованная дивизия отправилась на Сардинию, где уже дислоцировались четыре итальянские дивизии. Большие подкрепления отправить на Сардинию было трудно из-за невозможности обеспечить их снабжение, поскольку большинство причалов и портовых сооружений уничтожила в результате налетов авиация союзников. Гитлер приказал перебросить 11-й воздушно-десантный корпус (в составе двух парашютных дивизий) под командованием генерала Штудента на юг Франции,

чтобы в случае высадки союзников в Сардинии использовать воздушно-десантные войска для нанесения контрудара.

Союзники долго разрабатывали свой план. Решение о высадке на Сицилию было компромиссным и не преследовало каких-либо далеко идущих целей. Когда начальники штабов США и Великобритании встретились на конференции в Касабланке в январе 1943 года, их мнения разошлись. Правда, уже тогда был сформирован объединенный англо-американский штаб. Представители американского командования (адмирал Кинг, генералы Маршалл и Арнольд) считали, что действия на средиземноморском направлении следует завершить захватом Северной Африки и потом предпринять действия непосредственно против Германии. Представители английского командования (генерал Брук, адмирал Паунд и главный маршал авиации Портал) считали, что условия вторжения на европейский континент через Ла-Манш еще не созрели и что попытка в 1943 году может окончиться катастрофой или окажется бесплодной.

Обе стороны сошлись на том, что необходимо предпринять какие-то новые действия, чтобы не ослабить давление на Германию и заставить ее оттянуть часть сил с Восточного фронта. Английский объединенный комитет по планированию предлагал осуществить высадку в Сардинии, однако начальники штабов США и Великобритании больше склонялись избрать объектом удара Сицилию. Такого же мнения придерживался и Черчилль. Соответствующее решение было быстро согласовано. Самым сильным аргументом в пользу осуществления высадки в Сицилии оказался довод, что захват этого острова позволит расчислить средиземноморские коммуникации и таким образом высвободится большое количество морских транспортных средств. Ведь с 1940 года большинство конвоев с войсками и грузами, направлявшихся в Египет и Индию, вынуждены были следовать дальним путем вокруг Африки.

19 января объединенный англо-американский штаб принял решение о вторжении на Сицилию и указал цели операции: обеспечить коммуникации в Средиземном море, отвлечь часть сил Германии с Восточного фронта, усилить давление на Италию. Вопрос о дальнейших перспективах остался открытым, поскольку попытка принять решение о следующей операции возобновила бы разногласия между представителями командования союзных стран.

Не было дано и каких-либо указаний относительно сроков разработки плана нанесения удара по Сицилии. Хотя предполагалось, что Тунис будет захвачен к концу апреля, объединенный англо-американский штаб назначил высадку в Сицилии на

июль. План операции «Хаски» в черновике англичане разработали к 20 января. Он предусматривал высадку десанта путем одновременной переброски войск из восточных и западных районов Средиземного моря. Было решено, что пост главнокомандующего займет Эйзенхауэр, а его заместителем будет Александер. Этим решением за США признавалась роль старшего партнера, хотя Александер был старше по званию и войска, предназначавшиеся для проведения операции, были в большинстве своем английскими.

В начале февраля был создан специальный комитет по планированию операции. Основной его состав находился в Алжире, а отделения — в других городах. Представителей ВВС в этом комитете отделяло от остальных его членов не только расстояние, но и различный подход к операции, поэтому действия авиации во время высадки на Сицилию не всегда отвечали нуждам сухопутных войск и военно-морских сил. Проект плана долго согласовывался в различных инстанциях. Эйзенхауэр, Александер и командующие армиями Монтгомери и Паттон были слишком заняты, принимая последние усилия в североафриканской кампании, чтобы уделить внимание следующей операции. Монтгомери познакомился с проектом плана лишь в конце апреля и внес в него множество изменений. Разработку нового варианта закончили только 3 мая. Объединенный англо-американский штаб 13 мая утвердил план операции. Это произошло неделю спустя после развала немецко-итальянского фронта в Тунисе и в тот самый день, когда сложили оружие последние подразделения врага.

Задержки в разработке плана операции «Хаски» могли вызвать лишь сожаление, особенно если учесть, что только одна из десяти дивизий, предназначенных для высадки в первом эшелоне, участвовала в заключительных боях в Северной Африке, а семь дивизий вообще были новичками на этом театре. Осуществление высадки в Сицилии сразу же после капитуляции войск стран оси в Африке практически лишило бы противника средств для обороны острова. Однако интервал, которым воспользовался противник для усиления обороны Сицилии, был бы еще большим, если бы Черчилль на конференции в Касабланке и в последующие месяцы настоятельно не потребовал провести операцию в июне. Черчилль поддержал объединенный англо-американский штаб, но командование войсками союзников на Средиземноморском театре не было готово начать высадку десанта раньше 10 июля.

Основное намерение в первоначальном плане операции заключалось в том, что армия Паттона (Западная оперативная

группа) должна была высадиться на юго-восточном побережье острова, вблизи участка высадки армии Монтгомери, а не на западной оконечности Сицилии, вблизи Палермо. Если учесть, что противник имел время для усиления обороны, то сужение общей полосы высадки можно объяснить рациональной предосторожностью на случай массированного контрудара, хотя практически эта предосторожность оказалась ненужной. Кроме того, этим была утеряна возможность овладеть портом Палермо в самом начале операции. Это могло бы дорого обойтись союзникам, если бы выгрузку войск на необорудованное побережье и подвоз предметов снабжения не обеспечили новые десантно-высадочные средства.

Новый вариант плана, по сравнению с предыдущим, намного уменьшал возможность распыления сил противника. Немецкое командование после высадки союзников получило возможность сосредоточить свои резервы и воспрепятствовать продвижению союзных войск по гористым районам в центральной части острова. Если бы Паттон высадился вблизи Палермо, на северо-западном побережье, он оказался бы гораздо ближе к Мессинскому проливу, то есть к путям переброски подкреплений или отхода противника. Тогда все немецкие войска в Сицилии оказались бы в ловушке. В действительности же немецким войскам удалось избежать этой ловушки, что значительно отразилось на дальнейших действиях союзников.

Однако ошибка, обусловленная стремлением обезопасить себя от случайностей, была вполне естественна для первого шага к вторжению на Европейский континент — первой крупной морской десантной операции с высадкой войск на обороняемое противником побережье. Следует заметить, что одновременная высадка в первом эшелоне восьми дивизий по своим масштабам превосходила высадку в Нормандии, которая была осуществлена через 11 месяцев. В первые три дня высадились войска численностью около 150 тыс. человек. Общая численность войск, принявших участие в операции, составила 478 тыс. человек, из них 250 тыс. англичан и 228 тыс. американцев. Английские войска высаживались на участке побережья протяженностью 65 км в юго-восточной части острова, а американцы — тоже на участке протяженностью 65 км в южной части острова. Расстояние между участками составляло 30 км.

Действия сил флота планировались и проходили под руководством адмирала Эндрю Каннингхэма. План предусматривал сложный маневр по обеспечению высадки войск ночью. Однако вся операция прошла гладко, и в этом заслуга как тех, кто планировал ее, так и тех, кто ее осуществлял. Высадка войск

была проведена успешнее и организованнее, чем во Французской Северной Африке в операции «Торч», которую осуществляли в ноябре предшествующего года и которая позволила извлечь много полезных уроков.

Восточная военно-морская оперативная группа (английская) под командованием вице-адмирала Рамсея насчитывала 795 кораблей и судов, на которых транспортировалось 715 десантных судов. Дивизии 5-я и 50-я (а также 231-я пехотная бригада) были доставлены в район высадки на кораблях из Суэца, Александрии и Хайфы в восточной части Средиземного моря. Они должны были высадиться между Сиракузами и мысом Пассеро на восточном побережье Сицилии. На десантных судах перебрасывали 51-ю дивизию из Туниса и с острова Мальта. Она должна была высадиться в юго-восточной части Сицилии. Канадскую 1-ю дивизию, которой предстояло высадиться несколько западнее 51-й дивизии, доставили из Англии двумя конвоями, последний из которых вышел из Клайда за 12 дней до высадки (28 июня). С этим конвоем были доставлены главные силы дивизии. Конвой прошел через прикрываемый минными заграждениями фарватер у Бизерты немного раньше американских конвоев.

Западная военно-морская группа (американская) под командованием вице-адмирала Хьюитта насчитывала в своем составе 580 кораблей и судов, на которых транспортировались 1124 десантных судна. Пехотная 45-я дивизия, которой предстояло высадиться у Шольитти, была переброшена через Атлантику на двух конвоях, которые после короткой стоянки в Оране направились к Бизерте, чтобы принять на борт десантные суда. 1-я пехотная и 2-я бронетанковая дивизии, которым предписывалось высадиться у Джелы, погрузились на корабли в Алжире и Оране. Предназначенная для высадки у Ликаты, 3-я пехотная дивизия произвела погрузку в Бизерте и транспортировалась к району высадки на десантных судах.

Переход морем и сосредоточение конвоев осуществлялись под прикрытием сил флота и авиации и завершились успешно. Подводным лодкам противника удалось потопить только четыре транспорта в составе конвоев и два десантных катера для перевозки танков. На переходе морем авиация противника не сумела нанести ощутимых потерь конвоям, большинство которых не было даже обнаружено. Превосходство союзников в воздухе в этом районе оказалось настолько велико (4 тыс. самолетов союзников против 1500 немецких и итальянских самолетов), что бомбардировочную авиацию противника в июне перебазировали в северные и центральные районы Италии. Начиная со 2 июля аэродромы в Сицилии подвергались таким мощным и планомер-

ным налетам, что к моменту высадки десанта союзников уцелели лишь отдельные вспомогательные ВПП, а значительная часть уцелевших истребителей перебазировалась в Италию или на Сардинию (фактически за время операции было уничтожено не больше 200 самолетов противника, а не 1100, как утверждало в сообщениях союзное командование).

9 июля во второй половине дня конвои начали прибывать в назначенные районы сосредоточения восточнее и западнее Мальты. Усилившийся ветер вызвал волнение на море, что создало угрозу мелким десантным судам и могло сорвать график высадки. К счастью, ветер постепенно утих, и только немногие десантные суда запоздали с выходом к берегу.

Самое отрицательное воздействие метеорологические условия оказали на высадку воздушного десанта, которая предшествовала высадке десанта с моря. В воздушном десанте участвовали подразделения английской 1-й и американской 82-й воздушно-десантных дивизий. Это была первая для союзников крупная воздушно-десантная операция, и провести ее, во всяком случае, было нелегко из-за отсутствия опыта и поскольку операцию планировалось осуществить ночью. Сильный ветер затруднял навигационные расчеты экипажей транспортных самолетов и самолетов, буксировавших планеры. Выброске и посадке десанта препятствовал также огонь зенитной артиллерии противника. Американские парашютно-десантные подразделения высадились группами в районе, имевшем около 80 км в диаметре. Планеры с английскими десантными войсками также оказались рассеяны в большом по площади районе; 17 из 134 планеров упали в море. Тем не менее выброска воздушного десанта в неожиданно большом районе вызвала панику в тылу противника, и отдельным подразделениям воздушного десанта удалось захватить важные мосты и узлы дорог.

Ущерб, который нанес атакующим войскам неожиданно поднявшийся шторм, не идет ни в какое сравнение с дезорганизацией, какую он вызвал в обороне противника. Хотя во второй половине дня немцы обнаружили пять конвоев, следовавших от Мальты в северном направлении, и до наступления темноты немецкое командование получило еще несколько сообщений подобного рода, никаких мер принято не было. Немецкие войска, находившиеся в резерве сил обороны Сицилии, были приведены в боевую готовность сразу же после получения первого донесения об обнаружении конвоев. Однако командование итальянских войск, занимавших позиции на побережье, решило, что сильный ветер и волнение на море гарантируют безопасность по крайней мере до утра. Адмирал Каннингхэм в своем донесении

о ходе операции писал, что неблагоприятные метеорологические условия «подсказали уставшим итальянцам мысль хотя немного отдохнуть после нескольких суток тревожного ожидания и дали основание считать, что по крайней мере в эту ночь союзники не появятся». Но они появились.

Итальянцы устали не только физически. Они устали от войны вообще, и очень немногие разделяли воинственный энтузиазм Муссолини. В войсках береговой охраны находилось много сицилийцев. Итальянское командование рассчитывало, что они будут оборонять родную землю. Однако в этом предположении не учитывались давняя неприязнь сицилийцев к немцам и здравый вывод местных жителей, что чем ожесточеннее они будут сопротивляться, тем больший ущерб будет нанесен их имуществу.

Нежелание сицилийцев сопротивляться союзникам усилилось утром 10 июля, когда у берегов острова появилась армада судов, с которых непрерывным потоком шли подкрепления подразделением первого эшелона, начавшим высадку на рассвете.

Десант легко преодолел оборону противника у берега, войска почти не понесли потерь от огня противника при высадке на берег. Александр так охарактеризовал первый этап операции: «Итальянские дивизии береговой обороны, никогда высоко не оценивавшиеся, почти сразу же капитулировали без единого выстрела, а полевые дивизии также были легко сметены. Часто наблюдались случаи массовой сдачи в плен». Таким образом, с первого же дня вся тяжесть обороны легла на плечи двух немецких дивизий, к которым впоследствии добавились еще две.

Пока войска десанта еще не закрепились на захваченном плацдарме, противник предпринял опасную контратаку силами дивизии «Герман Геринг», которая вместе с отрядом новых 56-тонных танков «тигр» располагалась в районе Кальтаджироне в 30 км от побережья, на высотах, господствующих над равнинной местностью у Джелы. В этом районе высаживалась американская 1-я пехотная дивизия. К счастью, свой удар противник нанес лишь на второй день высадки союзников. Утром в первый день высадки небольшая группа легких итальянских танков предприняла смелую контратаку и даже ворвалась в Джелу, но вскоре была отогнана. Немецкие подразделения и части задержались на марше и к месту боя прибыли только на следующее утро. К этому моменту на берег выгрузилась лишь часть американских танков (в основном из-за тесноты участка высадки и сильного прибоя).

Высадившимся подразделениям не хватало также противотанковых орудий и полевой артиллерии. Немецкие танки смяли охранение американских подразделений и вышли к дюнам у самого берега. Казалось, десант вот-вот будет сброшен в море,

но корабельная артиллерия метким огнем быстро отразила контратаку немецких танков. Таким же образом была отбита опасная контратака других немецких подразделений, поддержанных ротой танков «тигр», на левом фланге 45-й дивизии.

На следующий день к участку высадки американских войск вышли две боевые группы 15-й моторизованной дивизии, спешно переброшенной сюда из западных районов Сицилии, однако дивизия «Герман Геринг» к тому времени уже отошла к участку высадки английских войск, стремясь задержать их продвижение. Англичане находились поблизости от порта Катания, а плацдарм, занятый американскими войсками, был незначителен по глубине и не имел сплошного фронта.

Английские войска встретили такое же слабое сопротивление, как и американские. Правда, их продвижению способствовало отсутствие контратак противника. Несмотря на трудности, выгрузка на восточном участке в целом шла лучше, чем на западном, более открытом участке. В течение первого дня немецкая авиация чаще атаковала высаживающиеся английские войска, но благодаря хорошо организованному авиационному прикрытию потери в десантно-высадочных операциях здесь были не больше, чем на американском участке высадки. Тем, кто был свидетелем первых дней военных действий на Средиземноморском театре, казалось «почти фантастическим — как писал адмирал Каннингхэм, — что армада кораблей и судов, находясь на стоянке у обороняемого противником побережья, почти не несла потерь от удара с воздуха». Это обстоятельство сыграло решающую роль в успехе высадки морского десанта. На следующем этапе ход операции замедлился ввиду иного рода действий противника с воздуха.

Английские войска в первые три дня сумели очистить от противника всю юго-восточную часть острова. Затем Монтгомери решил выйти на оперативный простор с плацдарма в районе Лентини и приказал начать наступление в ночь на 13 июля. Главная задача состояла в том, чтобы захватить Примозольский мост через р. Симето в нескольких километрах южнее Катании. Для этой цели была использована парашютная бригада. Правда, только половину ее подразделений десантировали в нужном месте, но и они сумели захватить мост.

Дальнейший ход событий хорошо изложил командир немецкого 11-го воздушно-десантного корпуса генерал Штудент. Две воздушно-десантные дивизии этого корпуса по указанию Гитлера расположились на юге Франции в готовности высадиться в Сардинии, если союзники, как предполагал фюрер, нанесут удар по этому острову. А воздушно-десантные войска — весьма

гибкий стратегический резерв, который можно легко переброшить в любом направлении. Об этом свидетельствуют и записки генерала Штудента.

«Когда 10 июля союзники высадились в Сицилии, я сразу же предложил нанести контрудар силами моих двух дивизий. Гитлер, последовав совету Йодля, отверг мое предложение. 1-я парашютная дивизия была переброшена по воздуху из Франции в Италию (в Рим и Неаполь), а 2-я парашютная дивизия осталась вместе с моим штабом в Риме. Однако вскоре 1-ю парашютную дивизию отправили на Сицилию для действий в качестве обычной пехотной дивизии, чтобы помочь немногочисленным немецким войскам, оказавшимся в одиночестве после быстрой капитуляции итальянской армии. Часть сил этой дивизии была переброшена по воздуху и высажена в тылу наших войск на восточном участке фронта южнее Катании, хотя я бы предпочел высадить этот воздушный десант в тылу противника. Первая группа оказалась в трех километрах от позиций наших войск в тылу. По какому-то странному совпадению она высадилась почти одновременно с английскими парашютистами, получившими задачу захватить мост через р. Симето в тылу наших войск. Немецкие парашютисты уничтожили английский десант и овладели мостом. Это было 14 июля».

После трех дней упорных боев главные силы англичан вновь овладели мостом, и теперь перед ними открылся свободный путь на равнину Катании. Однако их попытка продвинуться в северном направлении окончилась неудачей из-за усилившегося сопротивления немецких резервов, прикрывавших дорогу к Мессине, то есть к северо-восточной оконечности Сицилии, ближайшей точке к собственно Италии.

Так исчезла надежда на быстрый захват Сицилии. Монтгомери вынужден был перевести основные усилия в горные районы, действовать в обход вулкана Этна во взаимодействии с войсками 7-й армии, которая достигла северного побережья и 22 июня захватила Палермо, не сумев вовремя перерезать пути отхода на восток подвижным войскам противника. Теперь в корне менялась роль армии Паттона. Если раньше перед ней стояла задача прикрыть фланг 8-й армии, наступающей на Мессину, и отвлечь на себя резервы противника, то теперь ей предстояло наносить главный удар.

Согласно плану, наступление следовало возобновить 1 августа. Для этой цели из Африки дополнительно были переброшены две пехотные дивизии (американская 9-я и английская 78-я). Теперь войска союзников имели в своем составе 12 дивизий. Немецкие войска также были усилены 29-й моторизованной ди-

визией, которая вошла в состав 14-го танкового корпуса под командованием генерала Хубе, возглавившего немецкие войска. Перед ним была поставлена задача вести сдерживающие действия и прикрыть эвакуацию войск стран оси из Сицилии. Это решение приняли Гудзони и Кессельринг вскоре после свержения Муссолини 23 июля и незадолго до начала нового наступления союзников.

Резко пересеченная горная местность на северо-востоке Сицилии благоприятствовала ведению сдерживающих действий. Отходя, немецкие войска сокращали фронт обороны, облегчая себе ведение боя, в то время как наступающим союзным войскам все труднее становилось использовать свое численное превосходство. Паттон предпринял три попытки ускорить продвижение путем высадки небольших морских десантов (у Сант-Агаты — в ночь на 8 августа; у Броло — в ночь на 11 августа и у Спадафоры — в ночь на 16 августа), но они не дали эффекта. Монтгомери также пытался высадить небольшой десант, но арбергарды противника уже миновали пункт высадки этого десанта. Главные силы немецких войск к этому времени уже успели переправиться через пролив в Италию.

Отвод немецко-итальянских войск в Италию был осуществлен за шесть суток, причем без серьезных помех со стороны авиации и флота союзников. Успешно были эвакуированы немецкие войска численностью около 40 тыс. человек и итальянские войска, насчитывающие 60 тыс. человек. Итальянцам удалось спасти только 200 машин, немцы же сумели эвакуировать почти 10 тыс. машин, 47 танков, 94 орудия, а также 17 тыс. т предметов снабжения и снаряжения. Головные дозоры американских войск 17 августа, примерно в 6.30, вступили в Мессину, вскоре там появились и англичане.

На фоне успешной эвакуации немецко-итальянских войск из Сицилии весьма уныло прозвучало донесение Александра о завершении операции, отправленное на имя премьер-министра: «К 10.00 17 августа 1943 года последний немецкий солдат оставил Сицилию... Можно предположить, что все итальянские войска, находившиеся на острове 10 июля, разгромлены, хотя нескольким потрепанным частям, вероятно, удалось переправиться в Италию».

Документы свидетельствуют, что численность немецких войск в Сицилии составляла немногим больше 60 тыс. человек, а итальянские войска насчитывали 195 тыс. человек (по утверждению Александра, эти цифры соответственно были 90 тыс. и 315 тыс. человек). Немцы потеряли 5500 человек пленными, 13 500 раненых было эвакуировано в Италию до конца боев. Значит, убито

было всего несколько тысяч немецких солдат и офицеров (по английским данным — 24 тыс. человек). Англичане потеряли 2721 убитыми, 2183 человека пропавшими без вести и 7939 ранеными, то есть всего 12 843 человека. Американцы потеряли 2811 человек убитыми, 686 человек пропавшими без вести и 6741 ранеными, то есть всего 9968 человек. Таким образом, потери союзников исчисляются в 22 800 человек. В общем, это была небольшая цена в свете тех политических и стратегических результатов, к которым привела успешно завершенная операция — свержение Муссолини и капитуляция Италии.

Однако число захваченных в плен немецких солдат и офицеров могло бы быть большим (что облегчило бы дальнейшие действия союзников в войне), если бы союзники шире использовали свои возможности наносить удары по тылам противника путем проведения морских десантных операций. Таково было мнение адмирала Каннингхэма, который в своем донесении Черчиллю отмечал, что после начала высадки в Сицилию «не использовались те возможности, которыми располагала 8-я армия для проведения морских десантных операций. Мы располагали достаточным количеством десантно-высадочных и транспортных средств. Возможно, были какие-то основания отказываться от использования бесценных преимуществ, обеспечиваемых гибкостью маневра сил флота. Однако в будущем надо учесть, что может быть достигнут огромный выигрыш во времени и затрачиваемых усилиях путем нанесения ударов во фланг и тыл противника, пусть даже небольшими силами».

К счастью для Кессельринга, союзное верховное командование не попыталось осуществить высадку десанта в Калабрии на южной оконечности Италии, то есть в тылу немецких войск, находившихся в Сицилии, с целью не допустить их отвод через Мессинский пролив. Кессельринг в течение всего периода обороны Сицилии опасался этого удара и не имел сил для его отражения. По мнению фельдмаршала, «удар в Калабрии превратил бы высадку в Сицилии в триумфальную победу союзников». До завершения боев в Сицилии и успешной эвакуации четырех немецких дивизий с этого острова в распоряжении Кессельринга для обороны юга Италии были всего лишь две немецкие дивизии.

Вторжение в Италию и ее капитуляция. Наступление остановлено

«**Н**ичто не принесет большего успеха, чем сам успех» — так гласит известный афоризм, основанный на французской поговорке. Однако на практике часто оказывается, что «ничто не приносит большего успеха, чем неудача». Именно так дважды случилось на Средиземноморском театре военных действий во время Второй Мировой войны.

Неудачный исход наступления союзных войск на Тунис из Алжира в ноябре 1942 года послужил для Гитлера и Муссолини поводом, чтобы отправить морем подкрепления в Тунис. Через шесть месяцев союзники разгромили в Тунисе две армии противника и таким образом создали благоприятные условия для вторжения из Африки на юг Европы.

Еще одним примером того, как неудача превратилась в успех, является вторжение в Италию. После быстрого захвата Сицилии и падения режима Муссолини вторжение в Италию казалось сравнительно легким делом. Перспективы стали еще благоприятнее в связи с тем, что втайне от немцев была достигнута договоренность о капитуляции Италии, о которой предполагалось объявить одновременно с высадкой союзных войск на территории этой страны¹²². В этот момент на юге Италии находились только шесть ослабленных в боях немецких дивизий, а в районе Рима — еще

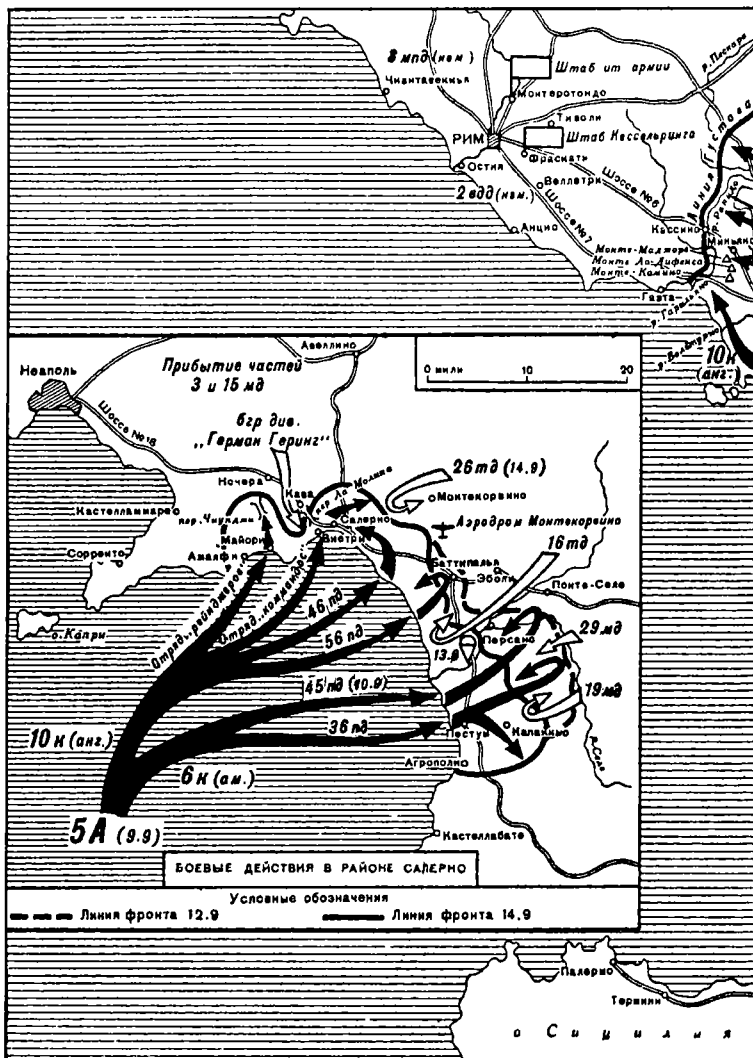
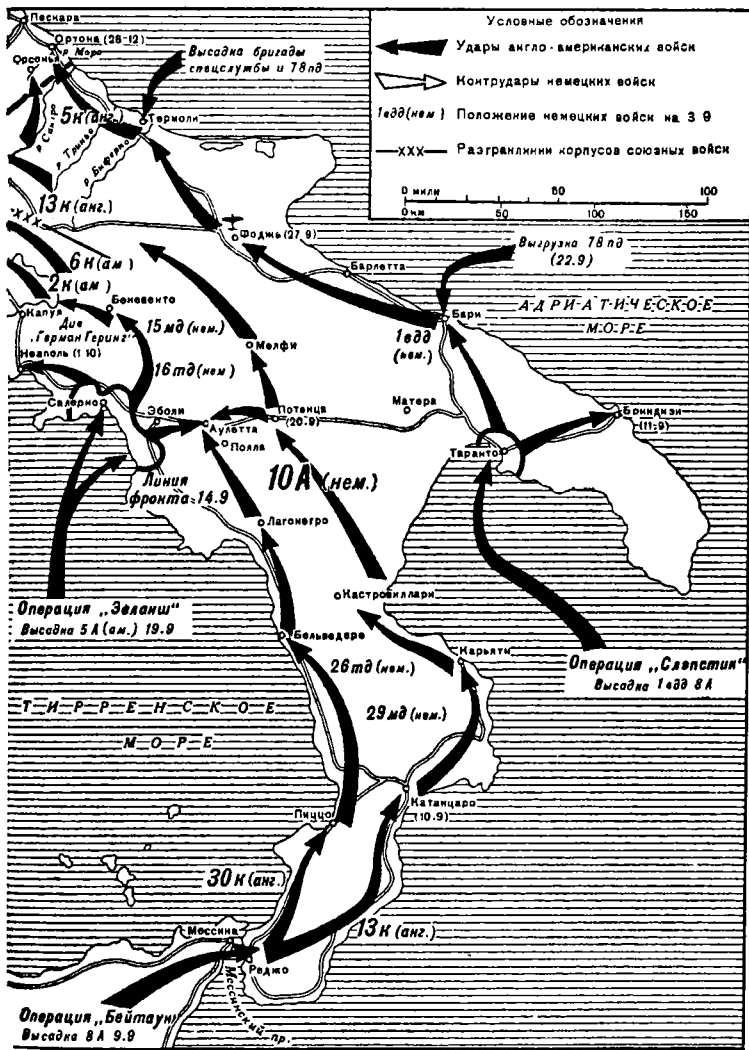

Рис. 17. Высадка союзных войск в Италии

две дивизии, перед которыми стояла задача противодействовать высадке союзников и нести охрану территории своего бывшего союзника.

И все же фельдмаршалу Кессельрингу удалось задержать продвижение союзных войск и разоружить итальянскую армию. Союзники не сумели продвинуться дальше рубежа, находившегося в сотне километров от Рима. Только через восемь месяцев союзники овладели итальянской столицей. Затем их продвижение вновь было задержано еще на восемь месяцев, прежде чем они сумели выйти из горных районов полуострова на равнины Северной Италии.

И все же эта длительная задержка в достижении конечного успеха, который казался столь близким в сентябре 1943 года, компенсировалась общими благоприятными перспективами для союзников. Гитлер первоначально намеревался вывести свои войска из южных районов Италии и организовать оборону на севере страны. Однако неожиданный успех действий Кессельринга навел Гитлера на мысль перебросить, вопреки совету Роммеля, резервы на юг Италии, чтобы удерживать как можно бóльшую территорию этой страны в течение длительного срока. Это решение лишило Гитлера резервов, которые вскоре ему потребовались для отражения удара русских с востока, а западных союзников — из Нормандии.

Союзные войска в Италии привлекли на себя бóльшую долю немецких резервов, чем на других фронтах. Более того, если на итальянском фронте немцы могли позволить себе уступить территорию с наименьшим риском, то попытка в равной мере оказывать сопротивление на всем протяжении своих фронтов создала для них еще бóльшую опасность окончательного поражения из-за перенапряжения сил. Это обстоятельство служило моральным подспорьем для союзных войск в Италии, надежда которых на быстрый успех долгое время терпела крах.

Следует заметить, что крупные операции никогда не предпринимаются в расчете на такую неудачу, которая в конечном итоге принесет успех. Человек по своей натуре не может искать пути к успеху через поражение. Проследим, что же произошло и как это могло случиться.

Первое серьезное разочарование союзники пережили в связи с тем, что долго не могли использовать благоприятную возможность после антивоенного переворота в Италии, в результате которого был свергнут Муссолини. Это случилось 25 июля, но прошло еще шесть недель, прежде чем союзники высадились в Италии. Задержка была вызвана политическими и военными соображениями. На конференции высших военных руководи-

лей США и Англии, состоявшейся в конце мая в Вашингтоне, американцы возражали против высадки в Италии на Сицилии, если это помешает осуществлению планов вторжения в Нормандию и разгрома Японии на Тихом океане. Лишь 20 июля, когда итальянские войска в массовом порядке начали сдаваться союзникам, комитет начальников штабов США дал согласие на вторжение в Италию, однако время было упущено, чтобы быстро воспользоваться сложившейся там обстановкой.

Политическое требование «о безоговорочной капитуляции», сформулированное Рузвельтом и Черчиллем на конференции в Касабланке в январе 1943 года, также создало известные трудности. Новое правительство в Италии во главе с маршалом Бадольо, естественно, рассчитывало на более благоприятные условия в переговорах с союзниками, однако выяснилось, что не так-то легко установить с ними контакт. Самым очевидным каналом связи были посланники США и Англии при Ватикане, однако этот канал оказался бесполезным прежде всего из-за политической близорукости официальных лиц. Бадольо писал: «Английский посланник сообщил нам, что, к сожалению, имеющийся у него код устарел и известен немцам, а потому им нельзя воспользоваться для секретных переговоров итальянского правительства с правительством Англии. Временный поверенный в делах США в Ватикане заявил, что в его распоряжении совсем нет нужного кода». Таким образом, итальянцам пришлось ждать до середины августа, пока они нашли подходящий предлог отправить своего доверенного человека в Португалию, чтобы встретиться с представителями Англии и США. Однако и этот окружной путь для ведения переговоров не ускорил решения вопроса.

А Гитлер не терял времени и принимал меры на случай, если новое правительство Италии попытается начать мирные переговоры и выйти из войны. 25 июля, то есть в тот день, когда в Риме произошел переворот, в Грецию прибыл Роммель, чтобы принять командование немецкими войсками в этой стране. Незадолго до полуночи ему сообщили по телефону, что Муссолини свергнут и что фельдмаршалу надлежит немедленно отправиться в ставку Гитлера, находившуюся в лесных районах Восточной Пруссии. По прибытии в ставку Гитлера Роммель получил приказ «сосредоточить войска в Альпах и подготовиться к возможному вступлению в Италию».

Вскоре начался ввод немецких войск в Италию, правда в несколько замаскированной форме. Опасаясь, что итальянцы при поддержке парашютных войск союзников попытаются блокировать альпийские перевалы, Роммель 30 июля отдал приказ

головным подразделениям немецких войск перейти границу и занять перевалы. Это было сделано под предлогом охраны путей подвоза в Италию. Итальянцы заявили протест и были даже готовы оказать сопротивление, однако не решились вступить в прямой конфликт со своими союзниками. В дальнейшем немцы расширили зону вторжения под предлогом, что они освобождают итальянские войска от задачи по охране северной части страны и предоставляют им возможность усилить оборону южных районов, где в любой момент могли высадиться союзники. В стратегическом отношении этот довод был настолько убедителен, что итальянские руководители не могли отвергнуть его, не обнаружив своих намерений выйти из войны. Таким образом, к началу сентября восемь немецких дивизий под командованием Роммеля разместились в Северной Италии и были готовы прийти на помощь войскам Кессельринга, находившимся в южных районах страны.

В дополнении ко всему из Франции в район Рима была переброшена 2-я парашютная дивизия. Командующий немецкими воздушно-десантными войсками генерал Штудент также прибыл в Италию. На допросе после окончания войны он заявил: «Итальянскому верховному командованию не было известно о прибытии 2-й парашютной дивизии в район Рима. Итальянцам сообщили, что она будет использована в Сицилии или Калабрии. Однако мне Гитлер дал указание держать дивизию в районе Рима и принять под свое командование 3-ю моторизованную дивизию, также переброшенную в этот район. С помощью этих двух дивизий я должен был по получении приказа разоружить итальянские войска у Рима».

Прибытие двух указанных немецких дивизий практически исключило для союзников возможность выброски воздушно-десантной дивизии (речь шла об американской 82-й дивизии под командованием генерала Риджуэя) в Риме с целью помочь итальянцам удержать их столицу и создать угрозу штабу Кессельринга, находившемуся в Фраскати, в 15 км юго-восточнее Рима.

Однако и теперь, по крайней мере пока не началось вторжение союзников в Италию, перед Штудентом стояла трудная задача. Маршал Бадольо удерживал пять итальянских дивизий в районе Рима, несмотря на настойчивое требование немцев перебросить хотя бы часть этих сил для усиления обороны побережья на юге страны. Пока эти дивизии не были бы разоружены, Кессельринг находился бы в трудном положении. Ему пришлось бы отражать натиск высадившихся англо-американских войск и вести борьбу с итальянскими войсками, которые распо-

лагались на коммуникациях шести немецких дивизий, оборонявших южные районы Италии. Кстати, эти шесть немецких дивизий были сведены во вновь сформированную 10-ю армию под командованием генерала Витинггофа. Четыре из них были эвакуированы из Сицилии, понеся в боях серьезные потери в живой силе и технике.

3 сентября в Италии высадились войска 8-й армии Монтгомери, переправившиеся из Сицилии через Мессинский пролив. В тот же день представители итальянского правительства тайно подписали с союзниками соглашение о перемирии. Объявить об этом договорились после высадки главных сил союзников в Салерно, южнее Неаполя.

5-я армия под командованием генерала Кларка высадилась в заливе Салерно в ночь на 8 сентября, через несколько часов после того, как радиостанция Би-би-си передала официальное сообщение о капитуляции Италии. Итальянские руководители не ожидали, что высадка будет осуществлена так скоро (их предупредили о радиопередаче Би-би-си лишь поздно вечером 7 сентября). Бадольо пожаловался, что не сможет оказать содействие союзникам, поскольку не все приготовления завершены.

Убедившись в неподготовленности и нерешительности итальянского руководства, генерал Тэйлор, тайно направленный в Рим Эйзенхауэром, сообщил, что намеченную ранее высадку дивизий Риджуэя в Риме следует отменить, поскольку она может потерпеть неудачу. Вместе с тем уже было поздно осуществлять выброску этой дивизии к р. Вольтурно, на северных окраинах Неаполя, чтобы воспрепятствовать переброске немецких подкреплений на юг Сицилии.

События могли бы развиваться по-иному, если бы итальянское командование действовало решительнее и проявило столько же терпения, сколько оно проявляло в своих усилиях, направленных на то, чтобы сохранить в тайне готовящуюся капитуляцию и развеять сомнения Кессельринга по этому поводу. Интересные открытия содержатся на этот счет в мемуарах генерала Вестфalia, начальника штаба Кессельринга:

«7 сентября военно-морской министр Италии адмирал граф де Куртен нанес визит Кессельрингу и сообщил ему, что 8 или 9 сентября итальянский флот выйдет из Специи и даст бой английскому флоту в Средиземном море. „Итальянские моряки победят или погибнут“, — сказал адмирал, вытирая слезы на глазах. Затем он изложил план сражения.

Эти торжественные заверения произвели необходимое впечатление. На следующий день Вестфаль и генерал Туссент вы-

ехали в штаб итальянской армии в Монтеротондо (в 25 км северо-восточнее Рима).

Генерал Роатта оказал нам теплый прием. Мы обсуждали подробности плана совместных действий итальянской 7-й и немецкой 10-й армии на юге Италии. Во время нашей беседы позвонил полковник Вальденбург и сообщил о переданном по радио заявлении относительно капитуляции Италии... Генерал Роатта утверждал, будто это — пропагандистский маневр. «Совместная борьба, — сказал он, — будет продолжаться, как и было условлено».

Вестфалья не убедили эти заверения, а вернувшись в свой штаб в Фраскати, он узнал, что Кессельринг уже известил командиров подчиненных подразделений о капитуляции Италии и отдал приказ немедленно разоружить итальянские части.

Выполняя приказ Кессельринга, представители немецкого командования на местах прибегли к разным тактическим приемам. Они действовали в зависимости от конкретных условий обстановки и сообразно личным качествам. В районе Рима, где сложилась особенно трудная обстановка, генерал Штудент прибегнул к насильственным мерам. Он рассказывает: «Я предпринял попытку захватить итальянский генеральный штаб, высадив воздушный десант. Успех был неполный. Нам удалось захватить 30 генералов и 150 офицеров. Начальник генерального штаба бежал из Рима вместе с Бадольо и королем еще прошлой ночью».

Вместо того чтобы попытаться справиться с двумя дивизиями Штудента, итальянские руководители поспешили отвести подчиненные им войска к Тиволи и оставили столицу в руках немцев. Это открыло путь к переговорам, в ходе которых Кессельринг решил использовать более мягкую форму убеждения, пообещав немедленно распустить итальянских солдат по домам, если они сложат оружие. Это предложение Кессельринга противоречило приказу Гитлера арестовать итальянских солдат после разоружения. Предложение Кессельринга оказалось эффективной мерой. Вот как пишет об этом Вестфаль в своих мемуарах: «Напряжение в районе Рима сразу спало, когда итальянское командование приняло предложение об условиях разоружения. Таким образом была устранена угроза коммуникациям 10-й армии. Значительным облегчением для нас явился и тот факт, что отпала необходимость боев в Риме. В соглашении, предложенном фельдмаршалом Кессельрингом, Рим объявлялся открытым городом. В Риме должны были находиться только полицейские подразделения (две роты) для охраны телефонных линий и т. п. Это обязательство мы выполняли до конца. После

объявления Рима открытым городом мы могли возобновить телеграфную и радиосвязь с верховным командованием, которая была прервана с 8 сентября. Бескровное разоружение итальянской армии дало нам возможность перебросить из района Рима подкрепления войскам 10-й армии, действовавшим на юге... Таким образом, проблема, которая первоначально вызывала лишь беспокойство, была решена успешно».

До этого момента Гитлер и его военные советники уже считали армию Кессельринга обреченной. Об этом убедительно свидетельствует Вестфаль в своих мемуарах: «С августа мы совершенно не получали никаких подкреплений в живой силе, технике и предметах снабжения. Все наши требования верховное командование отклоняло. Это пессимистическое отношение, очевидно, сказалось и на использовании сил группы армий „Б“ под командованием Роммеля, находившихся в Северной Италии. Роммелю было приказано принять под свое командование те наши части, которым удастся избежать совместных ударов союзников и итальянских войск.

Фельдмаршал Кессельринг также считал обстановку тяжелой. Однако он полагал, что при определенных условиях можно поправить дело: чем южнее высадились бы союзники, тем больше шансов было бы отразить их натиск. Но если противник высадится с моря и воздуха в районе Рима, и то трудно будет рассчитывать на возможность спасти войска 10-й армии. Двух дивизий, которыми мы располагали в районе Рима, вряд ли будет достаточно для уничтожения итальянских войск и отражения десантов союзников, а также для охраны коммуникаций 10-й армии. Еще 9 сентября стало ясно, что итальянские войска блокируют дорогу к Неаполю и отрезают пути снабжения 10-й армии. В таких условиях эта армия не могла бы оказать длительного сопротивления. Фельдмаршал Кессельринг облегченно вздохнул, когда ни 9, ни 10 сентября союзники не высадили воздушных десантов в Риме. В течение этих двух дней мы каждый час ждали высадки таких десантов при содействии итальянцев. Высадка воздушных десантов, несомненно, подняла бы дух итальянских войск и гражданского населения, большей частью враждебно настроенного по отношению к нам».

Кессельринг выразил такую же точку зрения, заявив, что «высадка воздушного десанта в Риме и морского десанта в этом же районе, а не в Салерно, наверняка вынудила бы нас вывести все войска из южной части Италии».

Впрочем, и после высадки союзных войск у Салерно положение немцев в первые дни оказалось тяжелым, тем более что они не имели достаточной информации о происходящих на юге

Италии событиях. Никогда еще «туман войны» не был столь густ, потому что немцам пришлось воевать на территории союзника, который неожиданно предал их. Еще раз обратимся к мемуарам Вестфала: «Фельдмаршал Кессельринг сначала почти не имел сведений о положении в Салерно. Телефонная связь оказалась нарушенной, и восстановить ее было нелегко, так как раньше нам не разрешалось ознакомиться с существующей в Италии системой телефонной связи. Радиосвязь вначале также бездействовала, поскольку личный состав подразделений связи 10-й армии не был знаком с особенностями метеорологических условий на юге Италии».

К счастью для немцев, главные силы союзников высадились в районе, где и ожидалась их высадка и где Кессельрингу было удобно сосредоточить силы для отражения удара союзников. Наступление высадившихся войск 8-й английской армии развивалось, как и предполагало немецкое командование, и не создавало прямой угрозы войскам Кессельринга, который во многом выиграл из-за нежелания командиров соединений союзных войск продвигаться дальше рубежа авиационного прикрытия. Именно на этом Кессельринг и построил свои расчеты. Продвижение союзных войск, высадившихся в Салерно (эта операция под влиянием оптимистических прогнозов получила наименование «Эвеланш»), задержалось, что опять было на руку противнику. Сам Кларк называл итог операции «равным провалу»¹²³. Высадившиеся войска едва сумели отразить контрудар немцев и удержаться на занятом плацдарме.

Еще в период планирования операции Кларк предлагал осуществить высадку в заливе Гаэта, севернее Неаполя, где местность была более открытой и не было таких горных массивов, как у Салерно, которые мешали расширить захваченный плацдарм. Однако главнокомандующий союзными ВВС Теддер заявил, что трудно будет осуществлять авиационное прикрытие войск, высадившихся в заливе Гаэта, и Кларку пришлось согласиться на высадку в районе Салерно.

В некоторых союзнических кругах высказывалось мнение, что наверняка неожиданной для немцев была бы высадка в районе Таранто или Бриндизи. Эти пункты находились за линией «максимальной вероятности высадки», и, следовательно, риск проведения десантной операции в этом районе был невелик, а в случае успеха появлялась возможность быстро овладеть двумя портами.

В последний момент в план действий союзников все же включили и высадку в районе Таранто. В ней участвовала только английская 1-я воздушно-десантная дивизия, наскоро сфор-

мированная в Тунисе и спешно переброшенная на кораблях морем. Дивизия не встретила сопротивления, но у нее совсем не было танков, она имела очень мало артиллерии и транспортных средств, чтобы развить свой успех.

От общего изложения событий, связанных с вторжением союзников в Италию, перейдем к подробному анализу операций, начавшихся 3 сентября высадкой английской 8-й армии под командованием Монтгомери.

Приказ о проведении операции «Бейтаун», по плану которой предусматривалась высадка в Калабрии, был отдан лишь 16 августа, когда последние арьергарды немецких войск покидали Сицилию. В приказе задача десанта не определялась. Об этом с присущим ему сарказмом писал Монтгомери в телеграмме на имя Александра 19 августа. В ответной телеграмме задачу определили следующим образом: «Ваша задача — овладеть плацдармом и тем самым обеспечить для сил флота возможность действовать в Мессинском проливе. В случае отхода противника организуйте преследование всеми имеющимися силами, памятуя, что чем больше сил противника вы сумеете сковать, тем больше поможете проведению операции „Эвеланш“».

В этой задаче возможности испытанной в боях 8-й армии явно недооценивались. В своих мемуарах Монтгомери по этому поводу пишет: «Никакой попытки согласовать действия войск моей армии с войсками 5-й армии, высаживавшимися в Салерно, не было предпринято». Для выполнения второстепенной задачи — поддержки действий 5-й армии — высадку войск 8-й армии осуществили в самом невыгодном районе — более 500 км от Салерно, на узком гористом участке, идеальном по условиям местности для организации обороны. На север вели только две дороги: одна — по западному, а другая — по восточному побережью. Таким образом, можно было использовать только две дивизии и иметь в первом эшелоне каждой из них не больше одной бригады. На каждом направлении наступления было трудно развернуть больше одного батальона.

Для противника не было необходимости держать крупные силы в этом районе. Кроме того, немецкое командование было уверено, что главные силы союзных войск высадятся где-то еще. Как только высадилась 8-я армия, шансы на внезапность действий для 5-й армии резко упали, поскольку у союзников почти не осталось выбора. Район Калабрии был самым невыгодным участком для проведения отвлекающей операции. Противник имел возможность вывести необходимые силы из этого района и попытаться сорвать высадку главных сил союзников.

Несмотря на маловероятность сильного сопротивления, высадку первого эшелона войск Монтгомери осуществил с привычной для него тщательностью. Для прикрытия переброски войск через Мессинский пролив и высадки 13-го корпуса под командованием генерала Демпси в районе Реджо было сосредоточено около 600 орудий. Процесс сосредоточения артиллерии задержал высадку десанта на несколько дней. Огневую поддержку высаживающихся сил осуществляли также 120 орудий корабельной артиллерии.

В предшествующие дни разведка установила, что «немцы оставили в этом районе не более двух пехотных батальонов», которые разместились в 15 км от побережья, прикрывая дороги на север страны. Эта информация об отводе сил противника послужила для некоторых обозревателей поводом, чтобы заявить, что грандиозная артиллерийская подготовка высадки в Калабрии была, по сути дела, «выстрелом из пушки по воробьям». Это весьма красноречивое высказывание неточно, ибо даже воробьев не оказалось на месте. Артиллерийская подготовка в данном случае была напрасной тратой боеприпасов.

3 сентября в 4.30 английская 5-я и канадская 3-я дивизии, действовавшие в первом эшелоне десанта, высадились на побережье Италии, не встретив даже минных полей и проволочных заграждений. В одном из канадских документов шутливо замечено, что «самое сильное сопротивление в течение дня оказала пума, сбежавшая из зоопарка в Реджо и почему-то не испугавшаяся пехотинцев канадской бригады». Войска первого эшелона, не понеся никаких потерь при высадке, к исходу дня заняли плацдарм глубиной до 8 км. В плен попали три немецких солдата-дезертира и три тысячи итальянцев. Местное население тепло встретило союзников и помогало разгружать десантные баржи. В последующие дни противник также не оказал серьезного сопротивления продвижению англичан на север. Отмечались лишь редкие стычки с арьергардами противника. Однако многочисленные разрушения, произведенные немцами при отходе, не раз вызвали задержки в продвижении английских войск. На четвертый день операции (6 сентября) они продвинулись только на 50 км от места высадки и вышли к перешейку полуострова лишь 10 сентября. Таким образом, они прошли лишь треть расстояния до Салерно.

И все же, как указывает Монтгомери, «Александр был настроен оптимистически». Он побывал 5 сентября в войсках 8-й армии и сообщил Монтгомери, что Италия тайно подписала перемирие с союзниками. Монтгомери отмечает в своих мемуарах, что Александр «был готов строить планы на том, что

итальянцы выполняют все свои обещания». С этим мнением Александра Монтгомери не соглашался и позже писал по этому поводу: «Я заявил ему, что немцы немедленно разоружат итальянцев, как только узнают о случившемся». Ход событий показал, что Монтгомери был прав.

Уверенность Александра в успешном исходе операции «Эвеланш» вызывает удивление еще и потому, что за две недели до ее начала немецкий военный обозреватель в радиопередаче предсказал, что главные силы союзников высадятся в районе Неаполь, Салерно, а высадка в Калабрии будет играть вспомогательную роль.

Еще неделей раньше, 18 августа, Гитлер отдал приказ об отражении угрозы высадки союзников в Италии. В этом приказе, между прочим, говорилось:

«1. Следует ожидать, что рано или поздно Италия капитулирует под натиском союзников.

2. По этой причине 10-я армия должна обеспечить себе возможность отхода. Центральную Италию, особенно район Рима, до отхода 10-й армии надлежит непременно удерживать.

3. В прибрежном районе Неаполь, Салерно, где наиболее вероятна высадка союзников, необходимо создать сильную группировку, имеющую в своем составе по крайней мере три подвижных соединения 10-й армии. Все пехотные части и соединения 10-й армии должны быть отведены в этот район. Первоначально передвижные части и соединения могут располагаться между Катанзаро и Кастровиллари и вести мобильные операции. Для обороны Фоджи может быть использована 1-я парашютная дивизия. В случае высадки десанта противника район Неаполь, Салерно необходимо удерживать. Южнее кастровилларского дефиле следует вести только сдерживающие действия...»

Кессельринг передал шесть из восьми дивизий, находившихся на юге Италии, в подчинение командующего вновь сформированной 10-й армией генерала Витингофа. Штаб этой армии разместился в небольшом городке Полла юго-восточнее Салерно. 22 августа Гитлер в беседе с Витингофом сказал, что Салерно следует рассматривать «как центр тяжести». Об этом есть соответствующая запись в журнале боевых действий 10-й армии. Две дивизии Кессельринга находились в резерве и размещались вблизи Рима в готовности захватить столицу Италии и обеспечить пути отхода войск 10-й армии «в случае предательства со стороны итальянцев». Из шести дивизий, находившихся на юге, две дивизии недавно прибыли в Италию из Германии (16-я и 26-я танковые) и четыре дивизии были эвакуированы из Сицилии. Из этих четырех дивизий две дивизии (дивизия «Герман Геринг» и 15-я моторизованная) понесли тяжелые по-

тери в боях на Сицилии и были размещены в районе Неаполя для доукомплектования и отдыха. 1-я парашютная дивизия находилась в Апулии, а 29-я моторизованная дивизия осталась на южной оконечности Италии для действий против войск Монтгомери. На помощь ей в Калабрию временно перебросили 26-ю танковую дивизию, правда не имевшую танков¹²⁴. 16-я танковая дивизия, лучшее немецкое танковое соединение в Италии, прикрывала залив Салерно, то есть наиболее вероятный район высадки союзников, и могла быть поддержана другими дивизиями. Однако и в составе этой дивизии был фактически один танковый батальон¹²⁵, и только четыре пехотных батальона располагали значительным количеством артиллерии.

Это были небольшие силы для отражения удара той армады, которая направлялась к берегам залива Салерно на 700 кораблях и судах. В первом эшелоне предполагалось высадить войска численностью 55 тыс. человек, а затем еще 115 тыс. человек.

В первый эшелон были включены американская 36-я пехотная дивизия (на правом фланге), а также английские 46-я и 50-я дивизии. Кроме того, американская 45-я пехотная дивизия находилась на фланге в резерве. Эти дивизии соответственно входили в состав американского 6-го корпуса под командованием генерала Доули и английского 10-го корпуса под командованием генерала Маккрири. Английский корпус должен был высадиться на участке протяженностью 11 км южнее Салерно, вблизи главной дороги на Неаполь, пересекающей гористый полуостров Соренто и идущей через перевал Кава. Таким образом, огромное значение приобретало быстрое выполнение задачи этим корпусом. В этих целях ему были приданы два английских разведывательно-диверсионных батальона «коммандос» и два американских батальона «рейнджеров», которым ставилась задача быстро овладеть перевалами Кава и Чиундзи.

Конвой с главными силами английских войск вышел 6 сентября из Триполи, а конвой с главными силами американских войск — вечером 5 сентября из Орана. Остальные силы десанта перебрасывались из Алжира в Бизерты, а также из Палермо и Термини в Сицилию. Хотя пункт назначения этих конвоев сохранился в строжайшей тайне, нетрудно было определить, куда они направляются, если учесть возможность организации авиационного прикрытия и очевидную необходимость захвата крупного порта. Именно эти две причины не оставляли сомнений в выборе союзников. Повар-китаец, работавший на водоналивном судне в Триполи, прокричал вслед отплывавшим кораблям: «До встречи в Неаполе!» — чем вызвал немалый переполох у офицеров контрразведки союзных армий. Однако в этом инциденте

нашли отражение те разговоры, которые в то время ходили среди английских и американских солдат. Помимо этого, явно неудачными были обозначения, присвоенные группировкам десанта: группа *N* (для войск, высаживавшихся на севере) и группа *S* (для войск, высаживавшихся на юге). В дополнение ко всему в одном из приказов по материально-техническому обслуживанию войск (к этим приказам имел доступ широкий круг лиц) упоминались пункты в районе Салерно.

Поскольку район высадки десанта стал очевиден, возникли новые трудности. Так, стремясь добиться внезапности действий, генерал Кларк запретил проводить артиллерийскую подготовку, несмотря на доводы вице-адмирала Хьюитта, командующего поддерживающими силами флота, который справедливо полагал, что добиться внезапности не удастся. Однако следует признать, что преимущества, полученные благодаря артиллерийской подготовке, могли бы быть вскоре утрачены из-за быстрого сосредоточения резервов противника, в случае если бы он четко выявил намеченный район высадки после артиллерийского налета союзников.

О движении конвоя вдоль западного и северного побережья Сицилии немецкая разведка узнала и донесла командованию 8 сентября. В 15.30 немецкие войска были приведены в готовность к отражению высадки. В 18.30 по алжирскому радио и в 19.20 по каналам радиостанции Би-би-си было объявлено о подписании перемирия с Италией. Эти передачи были приняты также и на бортах кораблей и транспортов с войсками десанта. Несмотря на предупреждения некоторых офицеров о том, что с немцами предстоят бои, многие солдаты десанта под впечатлением полученных известий решили, будто высадка пройдет без осложнений. Очень скоро эти иллюзии были рассеяны. Не оправдались и оптимистические предсказания некоторых офицеров союзных штабов, будто захват Неаполя произойдет на третий день операции. В действительности пришлось около трех недель вести ожесточенные бои, которые чуть было не закончились катастрофой.

Вечером 8 сентября конвои несколько раз подвергались налетам авиации. Налеты продолжались и с наступлением темноты. Потери союзников оказались незначительными. После полуночи головные транспорты вышли на рубеж спуска десантно-высадочных средств в 13–15 км от берега. Десантно-высадочные средства подошли к берегу почти точно в назначенное время, около 3.30 утра. За два часа до этого батарея береговой обороны, захваченная немцами, открыла огонь по десантно-высадочным средствам на северном участке района высадки, но ее подавила корабельная артиллерия. Высадка первых волн десан-

та проходила здесь под прикрытием огня корабельной артиллерии. Однако на южном участке района высадки такую артиллерийскую поддержку не провели, поскольку командир американской дивизии строго придерживался указаний командующего армией, который запретил открывать огонь, надеясь достигнуть внезапности. По этой причине десантно-высадочные средства во время движения к берегу подверглись огневому налету противника и понесли серьезные потери.

Поскольку возможность захвата Неаполя зависела от овладения дорогой, ведущей от Салерно в северном направлении через горы, целесообразно рассмотреть ход высадки последовательно, начиная с северных участков. Американские «рейнджеры» высадились здесь, не встретив сопротивления у Майори, и через три часа заняли перевал Чиундзи, закрепившись на высотах, господствующих над дорогой Салерно — Неаполь. Английские «коммандос» закрепились севернее у перевала Ла-Молина, неподалеку от перевала Кава.

Высадка же главных сил англичан на участке южнее Салерно встретила упорное сопротивление противника. Некоторые подразделения 46-й дивизии ошибочно высадились на участке, отведенном для 56-й дивизии. Это отрицательно сказалось на темпах продвижения высадившихся войск и вызвало трудности управления войсками. Головные подразделения продвинулись на 3 км. от берега, однако они понесли большие потери и не сумели выполнить задачу дня — овладеть портом Салерно, аэродромом Монтекорвино и перекрестками дорог у Баттипальи и Эболи.

Более того, к концу дня все еще не был ликвидирован разрыв между правым флангом английских войск у р. Селе и левым флангом американских войск южнее этой реки. Расстояние между ними составляло около 11 км.

Американские войска высадились на четырех участках вблизи известных греческих храмов у Пестума. Помимо того, что их войска, ввиду отсутствия поддержки с моря, понесли потери при движении на десантно-высадочных средствах к берегу, они подверглись сильному огневому обстрелу и при высадке. Значительные затруднения создавали также непрерывные налеты немецкой авиации на участке высадки войск. Особенно тяжело пришлось 36-й дивизии, не имевшей боевого опыта. Правда, сразу же после высадки ей оказала поддержку корабельная артиллерия. Эсминцы, смело преодолев минные заграждения, помогли войскам десанта. То же самое наблюдалось и на участке высадки английских войск. Здесь были отражены контратаки небольших групп немецких танков, которые представляли наибольшую опасность для десанта. К ночи левофланговые подраз-

деления американских войск продвинулись на 8 км к городу Капаккво, однако на правом фланге войска не смогли продвигнуться дальше берега.

10 сентября, на второй день операции, на американском участке воцарилось затишье, поскольку большую часть сил немецкой 16-й танковой дивизии перебросили к участку высадки англичан, где создавалась серьезная угроза немецким войскам в районе Салерно. Американцы воспользовались этим и расширили захваченный плацдарм, а также высадили свою 45-ю дивизию, составлявшую резерв командования армии. Тем временем английская 56-я дивизия утром заняла аэродромы Монтекорвино и Баттипалья, но ей пришлось отойти после решительной контратаки двух немецких мотопехотных батальонов, усиленных танками. Появление немецких танков вызвало среди английских солдат панику, которую удалось ликвидировать лишь с прибытием английских танков.

Ночью 56-я дивизия силами трех бригад предприняла наступление с целью захвата господствующих над местностью высот у Эболи; но сумела овладеть только Баттипальей. 46-я дивизия заняла Салерно и силами одной из бригад попыталась помочь осажденным «коммандос». В северном направлении дивизии продвинуться не удалось. Американская 45-я дивизия, только что высадившаяся на берег, продвинулась примерно на 15 км вверх по течению р. Селе через Персано и вышла к узлу дорог Понте-Селе, который находился на дальней границе намеченного к захвату плацдарма. Однако вскоре продвижение дивизии было приостановлено, а потом ей пришлось отойти в результате контратаки немецкого мотопехотного батальона и восьми танков, переброшенных с участка высадки англичан.

Таким образом, к исходу третьего дня высадившиеся дивизии союзников все еще занимали небольшие разрозненные плацдармы, в то время как немцы удерживали все высоты и пути подхода к равнинной береговой полосе. Расчеты союзников овладеть Неаполем на третий день операции не оправдались. Немецкая 16-я танковая дивизия, по численности и составу почти вдвое уступавшая любой из дивизий союзников, сумела приостановить продвижение войск десанта и выиграть время, необходимое для того, чтобы подтянуть резервы.

Первыми прибыли 29-я моторизованная дивизия, которую еще до высадки союзники отозвали из Калабрии, и боевая группа (два пехотных батальона и 20 танков), сформированная из подразделения дивизии «Герман Геринг». Эта боевая группа, выйдя из района Неаполя, контратаковала войска союзников и прорвала оборону английских войск у перевала Ла-Молина. Затем она

сумела выйти к Виетри. Ее продвижение 13 сентября остановили вступившие в бой «коммандос», однако перевал уже был надежно закрыт противником. Английский 10-й корпус оказался прижатым к узкой прибрежной полосе у Салерно, в то время как немцы владели всеми господствующими высотами. На южном участке события также опровергали первоначальные оптимистические прогнозы Кларка: 29-я моторизованная дивизия совместно с частями 10-й танковой дивизии ворвалась в промежуток между участками высадки американских и английских войск. Вечером 12 сентября противник выбил правофланговые части английских войск Баттипальи. Англичане понесли большие потери, особенно пленными. Воспользовавшись увеличившимся разрывом между позициями двух корпусов союзных войск, немцы 13 сентября нанесли удар по левому флангу американцев и выбили их из Персано. Все это создало необходимость общего отступления.

Воспользовавшись паникой, охватившей союзные войска, немцы прорвали оборону в нескольких местах и кое-где вышли почти к береговой полосе.

В тот вечер обстановка настолько накалилась, что на южном участке прекратили разгрузку транспортов. Более того, Кларк направил адмиралу Хьюитту срочную просьбу подготовиться вновь принять на борт корабля штаб 5-й армии и выделить плавсредства для эвакуации с плацдарма войск 6-го корпуса или переброски 10-го корпуса на юг. Эти поспешные меры вряд ли были осуществимы и поэтому вызвали протест Маккрири и командора Оливера, а также недовольство Эйзенхауэра и Александера, когда им доложили о намерениях Кларка. На плацдарм ускорили переброску подкреплений, для чего использовали 18 десантных катеров, предназначенных для отправки в Индию. В распоряжение Кларка выделили 82-ю воздушно-десантную дивизию, и к исходу дня генерал Риджуэй уже сумел осуществить выброску первых воздушных десантов на южном плацдарме. На северном участке 15 сентября начала высадку 7-я бронетанковая дивизия, однако к этому времени кризис уже миновал, главным образом благодаря быстро организованной поддержке силами флота и авиации союзников.

14 сентября все имеющиеся самолеты стратегической и тактической авиации на Средиземноморском театре были брошены против немецких войск и их коммуникаций. В течение дня было совершено 1900 самолето-вылетов. Еще более эффективным в отражении наступления немецких войск к побережью оказались действия корабельной артиллерии союзников. Витингоф впоследствии писал: «В это утро наступление встретило более упорное сопротивление противника. Наши войска подверглись ожес-

точенному обстрелу артиллерии 16—18 кораблей. Огонь был исключительно точным и подавляющим по всем выявленным союзниками нашим объектам».

Благодаря этой мощной поддержке американские войска сумели удержать рубеж обороны, на который они отошли предшествующей ночью; 15 сентября наступило затишье. Немцы осуществляли перегруппировку сил, приводя в порядок свои войска после ожесточенного обстрела, чтобы, подтянув резервы, возобновить наступление. Все еще не имеющая танков, 26-я танковая дивизия прибыла из Калабрии в соответствии с приказом Витингофа, отданным в день высадки союзников в Салерно. Из Рима и Гаэты соответственно прибыли подразделения 3-й и 15-й моторизованных дивизий. Общая численность немецких войск и теперь не превышала четырех дивизий полного состава, танков было не больше сотни. В то же время 5-я армия насчитывала около семи дивизий большей штатной численности и имела примерно 200 танков. Таким образом, возможно командованию не о чем было беспокоиться, кроме возможности упадка морального духа войск, прежде чем свою роль сыграет превосходство в силах. К тому же английская 8-я армия уже приближалась к району Салерно, что увеличивало превосходство союзников и создавало угрозу флангу противника.

В то утро штаб Кларка посетил Александер, прибывший на плацдарм на эсминце из Бизерты. Он побывал и в войсках. В тактичной форме Александер отвел все предположения о возможной эвакуации войск с какого-либо участка высадки. Серьезным подкреплением для войск десанта стали прибывшие из баз на острове Мальта два английских линейных корабля «Уорспайз» и «Вэлиант» с шестью эсминцами. В бой эти корабли вступили лишь через семь часов после прибытия, поскольку произошла задержка в установлении связи с артиллерийскими наблюдателями на берегу. Затем они подвергли обстрелу цели, находившиеся на удалении свыше 15 км от берега. Их огонь произвел сильное подавляющее воздействие на противника.

В то же утро прибыла группа военных корреспондентов, аккредитованных при штабе английской 8-й армии. Видя, что войска армии продвигаются медленно и соблюдают излишнюю осторожность, военные корреспонденты по собственной инициативе отправились на джипах к позициям соединений 5-й армии по горным дорогам, в обход взорванных немцами мостов по главной дороге. Более 80 км они проехали по тылам противника, не встретив ни одного немца. Через 27 часов головные разведывательные подразделения 8-й армии установили контакт с войсками 5-й армии.

Утром 16 сентября немцы возобновили наступление, нанеся удар на английский участке с севера в направлении Салерно и Баттипальи. Однако немцев остановили своим огнем артиллерия и танки. Срыв наступления и приближение английской 8-й армии убедили Кессельринга в том, что возможность сбросить десант союзников в море исчезла, и в тот же день он приказал «выйти из боя в прибрежной полосе» и постепенно отводить войска на север, сначала на рубеж р. Вольтурно в 30 км севернее Неаполя. Здесь Кессельринг надеялся продержаться до середины октября.

Если учесть роль корабельной артиллерии союзников в отражении контратаки немецких войск, то немцы добились известной моральной компенсации, повредив линкор «Уорспайт» прямым попаданием новой управляемой по радио планирующей бомбы. Таким же образом немцы нанесли «прощальный удар» своему бывшему союзнику. Когда 9 сентября итальянские корабли вышли из Специи, чтобы сдать флоту союзников, немцы потопили флагман итальянского флота «Рома».

Анализ события показывает, что, как только немцы потерпели неудачу при попытке сбросить десант союзников в море, их отход из Салерно стал неизбежным. Хотя Кессельринг и стремился воспользоваться «осторожным продвижением Монтгомери», он, конечно, не мог удерживать этот участок на западном побережье, когда сюда выдвинулась английская 8-я армия и возникла угроза обхода его позиций с фланга.

У Кессельринга было слишком мало сил, чтобы отражать натиск войск Монтгомери на широком фронте. Однако союзники действовали недостаточно решительно, чтобы создать угрозу отступающим немецким войскам или вынудить их действовать поспешнее. Только во второй половине дня 20 сентября канадские части из состава войск 8-й армии ворвались в Потенцу — узел дорог в 130 км от залива Салерно. Около сотни немецких парашютистов, высадившихся в Потенце на сутки раньше, задерживали продвижение канадских подразделений в течение всей ночи, и только в результате атаки силами до бригады сопротивление немцев было сломлено.

В этих боях союзные войска по численности превосходили противника почти в 30 раз. Данный пример показывает, насколько эффективными могут быть сдерживающие действия, если их умело проводить в быстро меняющейся обстановке. В ходе предпринятой утром атаки в плен попали только 16 немецких солдат и офицеров, а в результате налетов авиации союзников на город перед началом атаки погибли 2 тыс. итальянцев — местных жителей. В течение последующей недели канадские войска медленно и осторожно продвигались к Мелфи,

в 65 км севернее Потенцы, лишь изредка вступая в бой с немецкими арьергардами. Тем временем продвижение главных сил 8-й армии было приостановлено для пополнения запасов предметов снабжения. Главными базами снабжения были Таранто и Бриндизи в юго-восточной Италии.

Высадка десанта в этом районе не встретила никакого сопротивления противника. Таранто рассматривали как один из возможных объектов высадки еще в июне, после того как объединенный англо-американский штаб поручил Эйзенхауэру разработать план операции вслед за захватом Сицилии. Однако от этого пункта высадки вскоре отказались, поскольку его захват не соответствовал принятому объединенным штабом принципу не планировать высадку десанта на обороняемое побережье за пределами возможности обеспечить истребительское прикрытие.

Таранто, как и Неаполь, находились вне радиуса действия (290 км) истребителей «спитфайер», базировавшихся на аэродроме в северной части Сицилии, в то время как Салерно оказывался в пределах этого радиуса. К вопросу о высадке в Таранто вернулись лишь после подписания перемирия с Италией 3 сентября. Эта операция получила кодовое название «Слэпстик» и рассматривалась как вспомогательный удар. Ее осуществили после получения информации о том, что в Южной Италии осталось лишь небольшое число немецких войск, и когда союзное командование поняло, что, для того чтобы обеспечить наступление на север вдоль восточных и западных склонов Апеннин, порта Неаполя после приведения его в порядок будет недостаточно.

Адмирал Каннингхэм, предложивший провести эту операцию, заявил Эйзенхауэру, что, если найдутся войска для ее проведения, он предоставит необходимые транспорты. В тот момент в Тунисе находилась английская 1-я воздушно-десантная дивизия. Для использования ее по прямому назначению не хватало транспортных самолетов, поэтому дивизию быстро погрузили в Бизерте на пять крейсеров и минный заградитель, который вечером 8 сентября отправился в Таранто. Во второй половине дня 9 сентября конвой, приближаясь к Таранто, встретил отряд итальянских кораблей, ранее базировавшихся в Таранто и теперь направлявшихся к Мальте для сдачи союзникам.

Поздно вечером конвой вошел в порт. Все портовые сооружения оказались в исправности. Через два дня этот успех был развит благодаря овладению Бриндизи (сюда бежали из Рима король Эммануил и маршал Бадольо) и Бари, в 100 км севернее Бриндизи. Таким образом на юге Италии союзники заняли три крупных порта, которые позволяли обеспечить снабжение войск, наступавших в северном направлении. Это случилось

задолго до того, как в распоряжении союзников появился хотя бы один такой порт на западном побережье Италии. Стало совершенно очевидным, что промедление с захватом Неаполя после высадки в Салерно позволит немцам разрушить этот порт накануне отхода своих войск.

Однако союзное руководство проявило недалекость и медлительность. Меры для исправления ранее допущенного прочета долго не принимались, и прекрасная возможность, представившаяся на восточном побережье, была упущена. Кодовое наименование операции точно соответствовало ее итогам. Операция планировалась с ограниченной целью — овладеть портами, и 1-я воздушно-десантная дивизия была отправлена без транспортных средств, если не считать нескольких джипов, и поэтому не могла наступать в северном направлении до 14 сентября.

За эти пять дней несколько дозоров продвинулись на автомобилях на север и не обнаружили никаких войск противника в широкой прибрежной полосе. В этом районе находилась лишь немецкая 1-я парашютная дивизия, и то не в полном составе. Часть ее сил была переброшена в Салерно, а остальные силы дивизии отошли в Фоджс, в 200 км севернее Таранто, чтобы прикрыть восточный фланг войск Кессельринга. Когда же были доставлены транспортные средства и английские войска стали вновь мобильными, им пришлось ждать, пока будет разработан план дальнейших наступательных действий. Эта традиционная осторожность и консерватизм вызывают только сожаление, поскольку 1-я парашютная дивизия противника находилась далеко и не могла контратаковать англичан, да и в ее составе насчитывалось всего 1300 человек, в то время как английские войска по численности превосходили противника в четыре раза и могли рассчитывать на новые подкрепления в ходе наступательных действий. Тем не менее традиция осталась традицией.

Действиями войск в этом районе руководил командир 5-го корпуса генерал Олфри. В декабре прошлого года он же руководил наступлением на Тунис и тоже проявил там излишнюю осторожность. Александр поставил войскам корпуса задачу «овладеть плацдармом на юге Италии, в том числе портами Таранто и Бриндизи, а если окажется возможным, то и Бари, с целью последующего развития наступления». Однако вероятность продвижения за пределы этого рубежа отпала, когда 13 сентября корпус вошел в состав 8-й армии, поскольку Монтгомери всегда старался сосредоточить свои силы и, если не был уверен в наличии достаточных резервов, не начинал наступательных действий.

22 сентября в Бари началась выгрузка 78-й дивизии, а в Бриндизи — индийской 8-й дивизии. Одновременно 31-й кор-

пус генерала Демпси перебрасывали на восточное побережье. Однако только 27 сентября небольшой подвижный отряд, высланный из Бари с целью разведки, занял город Фоджс. Немцы оставили его сразу, как только узнали о приближении англичан. Таким образом столь необходимые аэродромы были захвачены без боя. Однако даже теперь Монтгомери придерживался своего первоначального приказа о том, что главные силы не должны начинать наступление до 1 октября. Когда же наступление началось, то в первых эшелонах использовались только две дивизии 13-го корпуса, а три дивизии 5-го корпуса остались в резерве с задачей прикрыть правый фланг.

Немецкая первая парашютная дивизия занимала оборону вдоль р. Биферно, удерживая порт Термоли. Ширина полосы обороны была слишком велика для дивизии. Наступление войск Монтгомери на этом участке фронта имело целью прорвать оборону путем высадки морского десанта в тылу противника.

Рано утром 3 октября бригада специальной службы была высажена севернее Термоли и, используя внезапность нанесения удара в ночное время и неблагоприятные метеорологические условия, быстро захватила порт и город, а затем соединилась с войсками, захватившими плацдарм на северном берегу реки. В последующие два дня еще две бригады из состава 78-й дивизии были переброшены по морю из Барлетты в Термоли с задачей развить успех операции.

Командующий немецкой армией Витинггоф, воспользовавшись промедлением англичан в подготовке наступления на восточном побережье, еще 2 октября перебросил 16-ю танковую дивизию из района р. Вольтурно на западное побережье для поддержки действий парашютных частей, прикрывавших левый фланг отходящих войск армии. В район Термоли 16-я танковая дивизия прибыла утром 5 октября и сразу же предприняла контратаку, вынудив англичан отойти к окраинам города и едва не перерезав их коммуникации. Однако наступление немецкой дивизии было приостановлено, а затем, когда 78-я дивизия получила подкрепление по морю, английские войска при поддержке крупных сил английских и канадских танковых подразделений отбросили немцев.

Немцы отошли к позициям на рубеже р. Триньо, в 20 км севернее. Стремительный контрудар немцев у Термоли заставил Монтгомери отложить на две недели наступление на позиции противника у р. Триньо, чтобы сосредоточить достаточное число сил и средств.

Тем временем 5-я армия под командованием Кларка продвигалась из района Салерно вдоль западного побережья, стараясь

дезорганизовать отход немецкой 10-й армии Витинггофа. Наступление развивалось медленно и с большим трудом, так как немецкие войска на своем правом фланге оказывали упорное сопротивление, прикрывая отход войск левого фланга из района Баттипальи и Пестума. Почти неделя прошла после отхода немецких войск, прежде чем английский десятый корпус 23 сентября перешел в наступление, получив задачу прорваться к Неаполю из района Салерно. В этом наступлении использовались не только 46-я и 50-я пехотные дивизии, но и 7-я бронетанковая дивизия, а также танковая бригада. Им противостояли три — четыре немецких батальона, которые удерживали перевалы. До 26 сентября наступающие войска имели лишь незначительный успех, а в этот день они обнаружили, что ночью противник отошел, выполнив свою задачу — выиграть время для отвода войск из южных районов страны. А 28 сентября войска 10-го корпуса вышли на равнину в район Ночеры, но лишь 1 октября головные подразделения войск корпуса вступили в Неаполь, в 30 км севернее.

Части американского 6-го корпуса продвигались медленно, так как приходилось преодолевать множество дорожных препятствий (темп продвижения составлял в среднем 5 км в день), и 2 октября они вступили в Беневенто. Командовать этим корпусом стал генерал-майор Лукас, сменивший генерала Доули.

Таким образом, 5-й армии потребовались три недели после высадки, чтобы выйти к Неаполю. Войска армии потеряли 12 тыс. человек, в том числе 7 тыс. англичан и 5 тыс. американцев. Таково было возмездие за выбор слишком очевидного направления действия и места высадки десанта. А ведь этот выбор мотивировался лишь одним соображением: район высадки находился в пределах радиуса действия авиации, прикрывавшей высадку.

Прошла еще неделя, прежде чем 5-я армия достигла позиций противника у р. Вольтурно. Дожди, начавшиеся на месяц раньше, чем предсказывали метеорологи, размыли дороги, что привело к задержке наступления. Наступление войск 5-й армии на позиции противника у р. Вольтурно, где оборонялись три немецкие дивизии, началось 12 октября, на трое суток позже намеченного срока. Американский 6-й корпус захватил плацдарм за рекой севернее Капуи, но развить успех не сумел, поскольку потерпели неудачу правофланговые части английского 10-го корпуса, пытавшиеся форсировать реку непосредственно в Капуи, на главной дороге из Неаполя в Рим.

Попытки двух других английских дивизий форсировать реку были отражены контратаками немецких войск. Таким образом,

немцы выполнили приказ Кессельринга удержать оборону на рубеже р. Вольтурно до 16 октября, а затем отойти на новый рубеж обороны в 25 км севернее. Этот рубеж простирался от устья р. Гарильяно, через холмистую местность вдоль шоссе № 6, по дефиле Миньяно к верховьям р. Гарильяно и долинам у ее притоков — рек Рапидо и Лири. Кессельринг рассчитывал удержать этот передовой рубеж, пока не будет подготовлена к длительной обороне новая позиция рек вдоль Гарильяно и Рапидо, опирающаяся на дефиле Кассино. Эта позиция получила название «линия Густава», или «Зимняя линия».

Погодные условия и необходимость преодолевать множество дорожных препятствий задержали начало наступления войск 5-й армии на первый рубеж обороны противника на три недели, то есть до 5 ноября. Сопrotивление противника оказалось столь ожесточенным, что после десяти дней кровопролитных боев Кларк, добившись незначительных успехов у побережья, был вынужден отвести войска для перегруппировки сил и подготовки нового наступления, которое началось лишь в первую неделю декабря. Потери 5-й армии к середине ноября составили 22 тыс. человек, в том числе 12 тыс. американцев.

За истекший длительный период во взглядах Гитлера произошли изменения, которые сыграли немаловажную роль. Поскольку союзники затратили много времени на продвижение от Салерно к Бари, это воодушевило Гитлера, и он пришел к выводу, что отводить войска в Северную Италию нет необходимости. Гитлер 4 октября отдал приказ «об удержании рубежа Гаэта, Ортона» и, чтобы как можно дольше обороняться южнее Рима, пообещал Кессельрингу передать три дивизии из состава войск группы армий «В», которой командовал Роммель.

Гитлер все больше склонялся к тому, чтобы поддержать мнение Кессельринга о целесообразности упорной обороны, и 21 ноября принял окончательное решение по этому вопросу, подчинив все немецкие войска в Италии Кессельрингу. Группа армий под командованием Роммеля была расформирована, а входящие в ее состав войска подчинены Кессельрингу. Часть этих сил Кессельрингу пришлось держать на севере страны. Кроме того, четыре лучшие дивизии, в том числе три танковые, были отправлены в Россию, а их заменили три дивизии неполного состава, личный состав которых нуждался в отдыхе.

Ценным подкреплением явилась 90-я моторизованная дивизия, которая в момент подписания Италией перемирия находилась на Сардинии, а затем была переброшена на Корсику и оттуда по воздуху и морем в Ливорно. На это ушло две недели, но зато удалось успешно избежать ударов авиации и флота

союзников, которые, кстати, действовали недостаточно решительно и малыми силами. В распоряжение Кессельринга дивизию передали лишь шесть недель спустя, но он все же сумел своевременно перебросить ее на юг для отражения наступления английской 8-й армии вдоль восточного побережья Италии.

Решение Гитлера подчинить немецкие войска в Италии Кессельрингу, ставшему командующим группой армий «С», почти совпало с началом наступления войск Монтгомери против немецких позиций на р. Сангро, прикрывавших Ортону и позиции на линии Густава.

Встретив упорное сопротивление при форсировании р. Биферно в первую неделю октября, Монтгомери перебросил 5-й корпус на прибрежный участок фронта, а 13-й корпус — на участок холмистой местности, где продвижению канадских частей препятствовали немецкие арьергарды. После перегруппировки 5-й корпус продвинулся к Триньо (30 км за р. Биферно) и в ночь на 22 октября захватил небольшой плацдарм за р. Триньо. Ночью 27 октября этот плацдарм был расширен, однако в дальнейшем успех развить не удалось из-за бездорожья и сильного огня противника. Прорвать оборону наступающие войска сумели только в ночь на 3 ноября. Немцы отошли к Сангро, в 27 км севернее.

Последовала еще одна длительная пауза, так как Монтгомери, готовя наступление, подтягивал к району боев вновь прибывшую новозеландскую дивизию. Таким образом, в распоряжении Монтгомери для наступления на Сангро находились пять дивизий и две танковые бригады. Противостоявший 8-й армии немецкий 76-й танковый корпус был усилен 65-й пехотной дивизией, которая сменила 16-ю танковую дивизию, направлявшуюся в Россию. Помимо этой пехотной дивизии в состав корпуса входили остатки 1-й парашютной дивизии и боевая группа 26-й танковой дивизии, которую теперь по частям перебрасывали к Адриатическому побережью по мере ослабления давления на немецкие войска со стороны 5-й армии союзников.

Наступлением на Сангро Монтгомери намеревался прорвать немецкую оборону, продвинуться к Пескаре, оседлать шоссейную дорогу от этого города к Риму и создать угрозу тылу немецких войск, сдерживавших продвижение 5-й армии. Александер все еще надеялся на успешное выполнение его директивы от 21 сентября, в которой были определены задачи союзных армий на четыре последовательных этапа операций: первый этап — закрепление на рубеже Салерно, Бари; второй этап — захват Неаполя и аэродромов в Фодже; третий этап — захват Рима и его аэродромов, а также важного узла дорог Терни;

четвертый этап — захват порта Ливорно и узлов коммуникаций Флоренция и Арецца, в 250 км севернее Рима. Необходимость быстрого захвата Рима была вновь подчеркнута в директиве, которую Александер издал 8 ноября после получения соответствующего указания от Эйзенхауэра.

Начало наступления Монтгомери планировалось на 20 ноября, однако ухудшившаяся погода и разлив реки вынудили Монтгомери ограничиться действиями небольших сил, которые после нескольких дней боев овладели плацдармом шириной в десять километров и глубиной около километра. Пришлось затратить немало усилий, чтобы удержать этот плацдарм до начала наступления главных сил. Это произошло в ночь на 28 ноября, то есть на неделю позже, чем планировалось. И все же Монтгомери продолжал надеяться на успех. В своем обращении к войскам 25 ноября он заявил: «Пришло время отогнать противника за Рим... Состояние немецких войск позволяет нам рассчитывать на успех. Мы нанесем им сокрушительный удар». Примечательно, что это заявление Монтгомери сделал, стоя с зонтом под проливным дождем.

Наступление началось после мощной авиационной и артиллерийской подготовки при соотношении сил 5 : 1. 65-я дивизия противника, не имевшая опыта, слабо вооруженная и сформированная из граждан различных стран, не выдержала натиска и к 30 ноября оставила горный район за Сангро. Немцы организованно отошли на следующий рубеж обороны и немало выиграли от того, что преследовавшие их войска придерживались традиционного требования Монтгомери «о необходимости закрепляться на каждом занятом рубеже». Особенно хороший шанс развить успех англичане упустили 2 и 3 декабря у Орсоньи. В результате немцы успели подтянуть главные силы 26-й танковой дивизии и 90-ю моторизованную дивизию, переброшенную Кессельрингом с севера. Союзники все время оказывались перед необходимостью форсировать «еще одну и еще одну реку». Только 10 декабря 8-я армия переправилась через р. Моро (13 км севернее Сангро) и лишь 28 декабря овладела Ортоной (3 км севернее р. Моро). Дальнейшее продвижение армии было задержано у Риццио, на полпути к Пескаре (на р. Пескаре и шоссейной дороге к Риму). Такова была обстановка к концу года, когда Монтгомери передал командование армией Лису и возвратился в Англию, чтобы принять командование 21-й группой армий, готовившейся к вторжению в Нормандию через Ла-Манш.

2 декабря Кларк возобновил наступление в районах западнее Апеннин. К этому времени в составе 5-й армии насчитывалось до десяти дивизий, но двум из них (английской 7-й бронетан-

ковой и американской 82-й воздушно-десантной) предписывалось отправиться в Англию для участия в предстоящем вторжении через Ла-Манш. Численность войск Кессельринга тоже возросла. Теперь он имел четыре дивизии в первом эшелоне и одну дивизию в резерве.

В ходе первого этапа нового наступления планировалось овладеть высотами на шоссе № 6 и дефиле Миньяно. Английский 10-й корпус и недавно прибывший американский 2-й корпус под командованием генерал-майора Кейса начали наступление при поддержке 900 орудий, обрушивших в течение двух дней 4 тыс. снарядов на немецкие позиции. 3 декабря англичане чуть было не захватили вершину горы Монте-Камино, но в результате контратаки противника вынуждены были обойти ее. Англичане овладели этой вершиной 6 декабря и вышли к позициям противника на р. Гарильяно. Тем временем американские войска овладели вершинами Монте-ла-Дифенса и Монте-Маджоре, вблизи шоссейной дороги через перевал.

На втором этапе операции, начавшемся 7 декабря, американские 2-й и 6-й корпуса провели наступление на широком фронте в направлении р. Рапидо, стремясь очистить от противника горный район восточнее шоссе № 6 путем двустороннего охвата. Однако они встретили упорное сопротивление и в последующие несколько недель продвинулись на небольшую глубину.

К исходу первой недели января это наступление было остановлено, хотя наступающие войска так и не достигли р. Рапидо и позиций противника на линии Густава. Потери 5-й армии в боях составили почти 400 тыс. человек, значительно превысив потери противника. Кроме того, только у американцев оказалось 50 тыс. больных в результате двухмесячных боев зимой в горных условиях.

Результаты вторжения в Италию были весьма плачевными. За четыре месяца союзные войска продвинулись только на 110 км от Салерно (в основном в первые несколько недель) и все еще находились в 130 км от Рима. Сам Александер назвал боевые действия в Италии «каторжным трудом». В описании этих действий с осени 1943 года все чаще употребляется слово «медлительность».

При изучении Итальянской кампании, даже если сделать скидку на трудности, обусловленные характером местности и погодой, становится очевидным, что союзники не раз упускали благоприятные возможности добиться более серьезных успехов. Дело в том, что военачальники союзных войск слишком увлекались «закреплением на заданных рубежах», прежде чем сделать следующий шаг вперед. Они проявляли излишнюю озабочен-

ность о накоплении достаточных сил и средств к началу наступления. Из-за опасения, что не хватит имеющихся сил и средств, не раз активные действия предпринимались с опозданием.

Комментируя ход боевых действий в Италии, Кессельринг писал: «Планы союзников неизменно свидетельствовали, что союзное командование стремилось гарантировать успех, хотя это нередко вело к шаблонным решениям. Благодаря этому я всегда имел возможность (несмотря на слабо организованную разведку) предвидеть следующий стратегический или тактический шаг противника и принять такие контрмеры, которые обеспечивались имеющимися в моем распоряжении ресурсами».

Однако причиной всех бед союзников был выбор Салерно и южной оконечности Италии для высадки своих войск. Этот выбор точно совпал с предположениями противника. Кессельринг и начальник его штаба Вестфаль отмечали, что союзники в стратегическом отношении заплатили слишком большую цену за свое желание обеспечить авиационное прикрытие высадки. Это была явно излишняя забота, если учесть слабость немецкой авиации в Италии. Кессельринг и Вестфаль признавали, что им только на руку была практика союзного командования ограничивать масштабы операций в свете возможностей обеспечить прикрытие действий войск с воздуха. Это позволяло обороняющимся решать многочисленные проблемы.

Что касается плана действий, который следовало бы принять союзникам, Вестфаль выразил следующее мнение: «Если бы силы, использованные для высадки в Салерно, использовали в районе Чивитавеккья (в 50 км от Рима), результат оказался бы гораздо существеннее. В Риме находились только две дивизии, и для обороны города нельзя было быстро перебросить какие-либо резервы. Вместе с пятью итальянскими дивизиями, дислоцировавшимися в Риме, силы морского и воздушного десанта овладели бы итальянской столицей за трое суток. Нечего и говорить, каким политическим потрясением явился бы для Германии этот успех союзников. Последние могли бы одним ударом отсечь пути снабжения пяти немецких дивизий, отступавших из Калабрии. Вся Италия южнее линии Рим, Пескара оказалась бы в руках союзников».

По мнению Вестфаля, ошибочным было также решение высадить 8-ю армию Монтгомери на юго-западной оконечности Италии. Гораздо большие возможности предоставила бы высадка на незащищенной юго-восточной оконечности полуострова, на Адриатическом побережье.

«Английскую 8-ю армию нужно было высадить в полном составе в районе Таранто, где оборонялась только одна пара-

шютная дивизия, имевшая всего три артиллерийские батареи. Еще лучше было бы провести высадку на участке Пескара, Анкона... В таком случае нельзя было бы воспрепятствовать высадке силами войск, находившихся в Риме, поскольку мы испытывали нехватку в резервах. По этой же причине нельзя было перебросить значительные силы и из Северной Италии (из долины р. По)».

Если бы высадка главных сил 5-й армии была произведена в Таранто, а не у Салерно, то Кессельринг не смог бы быстро перебросить свои силы с западного побережья на юго-восток.

Короче говоря, союзники не сумели воспользоваться своим величайшим преимуществом — наличием сил и средств для проведения крупных морских десантных операций, и это упущение сыграло роковую роль. Заявление Кессельринга и Вестфалья в целом подтверждают справедливость вывода, сделанного Черчиллем в телеграмме комитету начальников штабов Великобритании от 19 декабря:

«Застой боевых действий в Италии приобретает скандальный характер... Пренебрежение возможностью высадки морского десанта на Адриатическом побережье и отказ от нанесения подобного удара на западном побережье привели к катастрофе.

Десантно-высадочные средства, которыми мы располагаем на Средиземном море, в течение трех месяцев по прямому назначению не использовались. Даже в ходе этой войны редко приходилось встречаться с примерами столь полного расточительства ценных сил и средств»¹²⁶.

Черчилль тогда не видел, что главная причина заключалась в порочности самой доктрины ведения войны, в которой господствовал принцип, характерный для осторожного банкира: «Ни шагу вперед без гарантии успеха».

Отступление немцев в России

В первую неделю января 1943 года наибольшая угроза создавалась для войск, занимавших позиции у предгорья Кавказа. Первый удар русские нанесли по левому флангу у Моздока, а затем — по правому флангу у Нальчика и овладели обоими городами. Одновременно с этим русские нанесли стремительный удар через калмыцкие степи в тыл левого фланга немецких войск на стыке группы армий «А» и группы армий «Дон». Овладев Элистой, русские продвинулись мимо северной оконечности озера Маньч к Армавиру, через который проходили коммуникации, связывающие Клейста с Ростовом. Серьезную угрозу создал и неожиданный удар русских из района Сталинграда непосредственно в направлении на Ростов. Одна из ударных группировок русских достигла района в 80 км от Ростова.

Это тревожное сообщение Клейст получил в тот самый день, когда поступил приказ Гитлера при любых обстоятельствах удерживать занимаемые позиции. В этот момент 1-я танковая армия оборонялась в 650 км восточнее Ростова. На следующий день Клейст получил приказ отвести войска с Кавказа. Эвакуировать войска и боевую технику на такое значительное расстояние было трудно, и это требовало много времени.

Чтобы освободить дороги к Ростову для 1-й танковой армии, 17-я полевая армия получила

приказ отходить на запад вдоль р. Кубань к Таманскому полуострову, в случае необходимости ее можно было бы перебросить в Крым через Керченский пролив, 17-й полевой армии предстояло пройти небольшое расстояние.

Отступление 1-й танковой армии, наоборот, было связано со множеством опасностей, как косвенных, так и прямых. Наибольшая опасность грозила армии в период с 15 января по 1 февраля, когда ее главные силы уже достигли Ростова. На дальнейшем пути отступления, хотя уже не было недостатка в дорогах, русские создали несколько опасных угроз, нанеся удары на глубину до 300 км и более.

10 января, после того как немецкое командование отклонило ультиматум о капитуляции, генерал Рокоссовский приступил к ликвидации немецкой группировки, окруженной под Сталинградом. По мере того как кольцо окружения под Сталинградом сжималось, все больше сил высвобождалось для ударов в южном направлении.

К моменту завершения драмы под Сталинградом войска Клейста, отведенные с выступа на Кавказе, занимали позиции по р. Кума между Пятигорском и Буденновской. Через десять дней, нанеся удар от Элисты в южном направлении, русские достигли района в 150 км за р. Кума. К этому времени отступающие войска Клейста приблизились к Армавиру и таким образом избежали наибольшей опасности.

Однако новая серьезная угроза немецким войскам возникла из-за стремительного наступления русских вдоль обоих берегов Дона в направлении на Ростов. На восточном берегу русские приближались к р. Маныч и железнодорожному узлу Сальск. На западном берегу они вышли к Донцу, неподалеку от места его впадения в Дон. Уставшие войска Манштейна пытались прикрыть с фланга пути отхода войск Клейста, но испытывали такое сильное давление со стороны противника, что вот-вот были готовы прекратить сопротивление.

Через десять дней арьергарды Клейста подошли к Ростову. К счастью для немцев, заснеженные равнины ограничили темпы продвижения русских в сторону от железнодорожных узлов, в результате русские не смогли подтянуть достаточные силы для того, чтобы вовремя замкнуть кольцо окружения.

Однако немцам стоило больших трудов не попасть в это кольцо. Войска Манштейна так долго оставались на уязвимых позициях, что оказались под угрозой окружения. Клейсту пришлось выделить несколько дивизий, чтобы вырвать войска Манштейна из западни.

Как раз в тот момент, когда сталинградская группировка капитулировала, немецкие войска с Кавказа переправились через

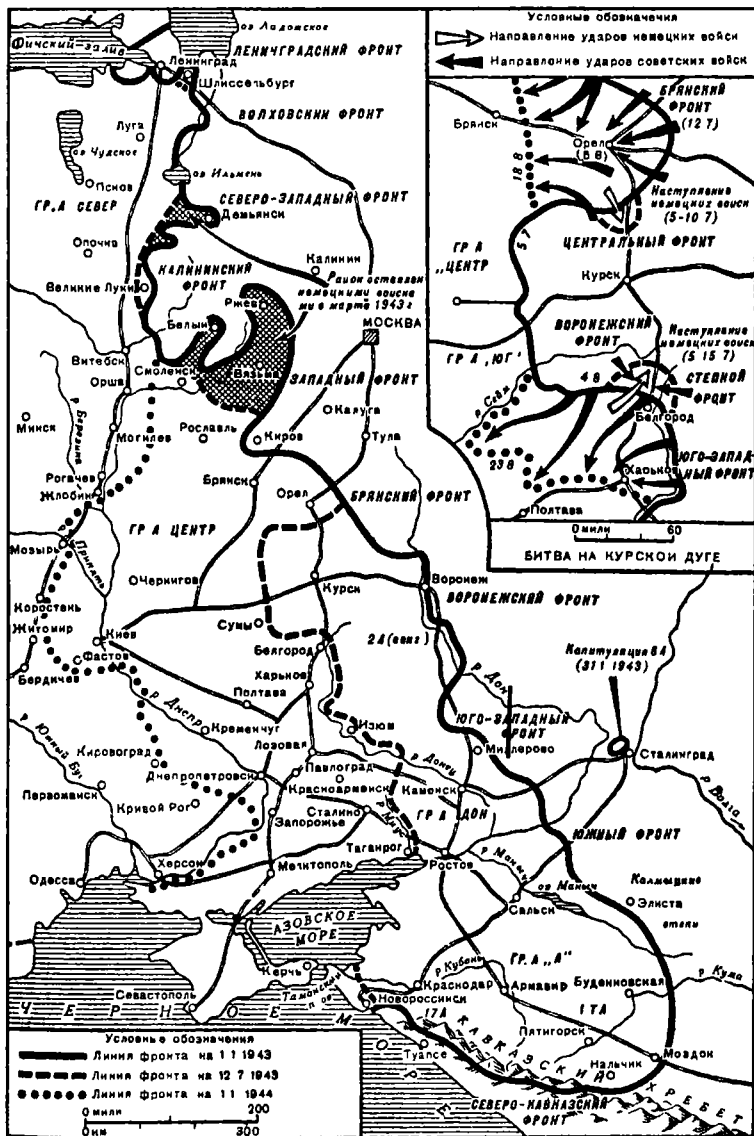

Рис. 18. Наступление советских войск в 1943 году

Дон в Ростов. Итак, 31 января сдалась большая часть сил сталинградской группировки во главе с Паулусом, а 2 февраля сложили оружие остальные немецкие войска под Сталинградом. За три недели русского наступления было взято в плен 92 тыс. немецких солдат и офицеров, а общие потери немецких войск составили примерно в три раза большую цифру. Среди сдавшихся в плен было 24 генерала. Хотя немецкие генералы на Восточном фронте получили ампулы с ядом на случай, если их захватят русские в плен, немногие из них тогда воспользовались этим средством. Когда же 20 июля 1944 года провалился «заговор генералов» с целью убийства Гитлера, генералы, боясь попасть в руки гестапо, чаще прибегали к самоубийству. Однако Сталинград подействовал на умы немецких генералов и офицеров так же, как смертельный яд. Сталинград развенчал стратегию немецкого командования. И в моральном отношении катастрофа, которую потерпела немецкая армия под Сталинградом, имела такой эффект, от ее воздействия армия уже не оправилась.

В середине января левофланговые соединения генерала Ватутина возобновили наступление из районов среднего течения Дона и р. Донец за Ростовом. Обойдя Миллерово, они овладели этим очагом сопротивления немцев и переправились через Донец у Каменска и восточнее этого города.

На этой же неделе русские начали наступление еще на двух направлениях. Одно из них проводилось далеко на севере, у Ленинграда. В результате была прорвана блокада этого великого города. Хотя и не удалось полностью уничтожить клин, простиравшийся к Ладожскому озеру и пригородам Ленинграда, все же русские сумели пробить брешь в позициях немцев на пути к Шлиссельбургу вдоль берега озера. Теперь гарнизон Ленинграда и его население могли вздохнуть свободнее.

Другой удар русских создал опасность для немецких войск на юге. Войска генерала Голикова 12 января перешли в наступление у Воронежа и прорвали фронт немецкой 2-й и венгерской 2-й армий. За неделю они продвинулись на 150 км, то есть прошли половину расстояния от Дона до Харькова. Правофланговые соединения генерала Ватутина нанесли удар в восточном направлении вдоль коридора между Доном и Донцом.

В последнюю неделю января наступательные действия русских активизировались. В то время как внимание немцев было приковано к продвижению русских войск к Харькову на юго-западе, русские нанесли удар на широком фронте от Воронежа в западном направлении, сорвали попытку немцев выровнять линию фронта на этом участке и обратили противника в бегство. За три дня русские прошли почти половину расстояния до Кур-

ска, то есть вышли к рубежу, с которого немцы начали свое летнее наступление.

В первую неделю февраля русские нанесли удар своим правым крылом, образовав глубокий клин между Курском и Орлом. Такой же клин затем был образован между Курском и Белгородом. Обойдя Курск с флангов, русские 7 февраля внезапным ударом овладели городом. Два дня спустя с помощью такого же маневра был занят Белгород. Таким образом создавалась угроза Харькову с севера.

Тем временем наступление непосредственно на Харьков развивалось в юго-западном направлении — к Азовскому морю и путям отхода немцев из Ростова.

5 февраля войска Ватутина овладели городом Изюм и захватили плацдарм за р. Донец. Оседлав железную дорогу южнее Донца, русские устремились в западном направлении и 11 февраля овладели важным железнодорожным узлом Лозовая.

Успехи русских подорвали позиции немцев у Харькова. 16 февраля войска Голикова овладели этим городом. Это был настоящий триумф. Однако еще более серьезную угрозу немецким войскам создало стремительное продвижение русских от Донца к Азовскому морю. За четыре дня до падения Харькова подвижная группа русских достигла Красноармейска на главном пути из Ростова к Днепропетровску. Этот охватывающий маневр грозил отрезать пути отхода немецким армиям, только что избежавшим западни на Кавказе.

Постоянное изменение направления и темпов действий было характерно для русских на начальной стадии наступления. Легко представить, какое давление испытывали на себе немцы и как истощались их и без того перенапряженные силы, особенно если учесть ширину фронта, на котором им приходилось обороняться. Русские не раз применяли этот метод, демонстрируя свое возросшее оперативное-тактическое мастерство и умение использовать преимущества. Анализируя успехи русских, неизбежно приходишь к выводу, что овладение каждым ключевым пунктом (даже если это случалось вслед за наступательными действиями в непосредственной близости от него) всегда было следствием удара русских в другом районе, что делало невозможным для противника удерживать этот пункт или обесценивало его стратегическое значение. Все это легко проследить на общем развитии событий на фронте. Действия командования Красной Армии можно сравнить с игрой пианиста, ударяющего по клавишам то в одном конце клавиатуры, то в другом.

Хотя метод наступательных действий русских походил на методы, которые применял маршал Фош в 1918 году, в данном

случае все делалось куда более скрытно и решительно. Цель удара в том или ином месте была минимально очевидной для противника, а паузы между ударами значительно короче. Подготовительные действия никогда не раскрывали той цели, по которой наносился удар. На заключительном же этапе эта цель вырисовывалась (в географическом смысле) со всей очевидностью. Таким образом достигалась внезапность, ибо удар наносился в самом неожиданном направлении.

Однако во второй половине февраля произошло изменение в обстановке на фронте. Русские постепенно лишились преимущества, по мере того как они, преодолев Донец, вышли к Азовскому морю и излучине Днепра, намереваясь отсечь южную группировку противника. Цель русских стала очевидной. Эта цель привела их в тот самый район, куда стремились и немцы. Таким образом, этот период отличает своеобразная гонка, исход которой зависел от того, сумеют ли русские закрыть коридор для отходящих немецких войск, прежде чем последние выйдут в этот район и перегруппируют силы для отражения удара.

Раннее снеготаяние снизило темпы продвижения русских. Возросли трудности, которые пришлось им испытывать в связи с непрерывными наступательными действиями в течение длительного периода. Планируя зимнюю кампанию, русские понимали, что в материально-техническом отношении они не в состоянии обеспечить стратегический замысел, поскольку не хватало транспорта для доставки даже половины количества боеприпасов, горючего и продовольствия, необходимого для ведения операций такого широкого размаха. Однако с характерной для русских смелостью они решили не менять плана действий, а в значительной мере рассчитывать на захваченные у противника имущество и предметы снабжения. Эти расчеты имели основания, поскольку в ходе каждой операции русские захватывали многие склады снабжения.

Однако, когда сопротивление противника усилилось, таких трофеев стало меньше, и русские начали испытывать затруднения из-за нехватки транспорта, причем эти проблемы возрастали по мере удаления войск от железнодорожных узлов. Таким образом, вновь вступило в силу правило об излишней растянутости коммуникаций, и на этот раз не в пользу русских. В коридоре Дон — Донец железных дорог было немного, да и шли они перпендикулярно оси наступления, развивавшегося в юго-западном направлении. Железные дороги, идущие в юго-западном направлении южнее Донца (а таких было достаточно), позволили немцам сосредоточить силы на угрожаемом участке. Выиграли немцы и от сокращения линии фронта на 1000 км.

Ввиду всех указанных выше обстоятельств русские вынуждены были остановить наступление. Немцы сумели вытеснить русских из Харькова и вновь захватили Белгород. Однако это был их последний успех.

Предпринимая контрнаступление на юге, немцы продолжали отступать на севере. Это было первое их значительное отступление на этом участке за год. После зимней кампании 1941/42 года линия фронта немецких войск перед Москвой имела форму сжатого кулака. Русские как бы подкрались к запястью в том месте, где находится Смоленск. В августе русские нанесли сильный удар по укрепленному пункту Ржев, стремясь отвлечь силы немцев от Сталинграда путем прорыва позиций противника на Центральном фронте. Их наступление встретило упорное сопротивление у Ржева, однако русским удалось продвинуться на обоих флангах южнее и севернее Ржева. Наступательные действия, возобновившиеся в ноябре, еще больше обнажили клин, который стал похож на узкий полуостров. В конце года русские начали наступление с острия собственного огромного клина севернее немецкого клина и захватили узел железных дорог Великие Луки, в 250 км западнее Ржева на линии Москва — Рига. Теперь стала очевидной опасность, нависшая не только над Ржевом, но и над всем немецким клином.

Месяц спустя эту опасность косвенно подтвердила капитуляция немецких войск под Сталинградом. Вместе с тем вынужденный отход немецких войск на юге показал, какой ценой обходится попытка удержать чрезмерно растянутый фронт. Цейцлеру наконец удалось убедить Гитлера в целесообразности принять предложение об отходе. Фюрер обычно отвергал всякую мысль об отступлении, особенно когда речь шла об отходе с позиций на московском направлении, однако теперь он был вынужден согласиться с необходимостью выровнять линию фронта на этом участке, чтобы избежать поражения и высвободить резервы. В первые дни марта, как раз к началу нового наступления русских, немцы оставили Ржев. К 12 марта весь клин был ликвидирован и немецкие войска оставили Вязьму, отойдя на рубеж, прикрывавший Смоленск. Несколько меньший клин под Демянском, между Великими Луками и озером Ильмень, был ликвидирован в начале марта. (Этот отход немецких войск остался незамеченным в странах Запада, поскольку на картах, которые публиковались в английских и американских газетах, линия фронта обозначалась в этом районе прямой линией и проходила западнее Демянска.)

Однако весь выигрыш от выравнивания фронта на севере немцы растеряли в результате нового расширения фронта на

юге. Таким образом, рухнули надежды немецких генералов на то, что Гитлер разрешит отвести войска на рубеж, где можно было бы закрепиться и провести перегруппировку сил вне досягаемости для русских.

Удерживая рубеж южнее Донца у Таганрога, Гитлер мог использовать промышленные ресурсы этого района и надеяться, что представится случай еще раз попытаться овладеть Кавказом. По мнению Гитлера, возвращение к Донцу между Харьковом и Изюмом создавало отличную фланговую позицию в этом районе. Повторный захват Белгорода и удержание Орла открывали возможность для охватывающего удара против позиций русских у Курска и вокруг него. Срезав этот огромный выступ, немцы могли бы образовать огромную брешь в позициях русских, а после ввода в прорыв танковых соединений рассчитывать на любой успех. Численность русских войск превзошла ожидания Гитлера, но и потери их были весьма значительны. Только «старым генералам» казалось, что ресурсы русских неистощимы. Размышляя подобным образом, Гитлер все больше убеждал себя в том, что прорыв у Курска приведет к перелому в ходе войны в пользу немцев и поможет решить многие проблемы.

Гитлер легко убедил себя в том, что все неприятности объясняются русской зимой и что всегда можно рассчитывать на преимущества летом. В действительности эти надежды Гитлера оказались иллюзорными.

Решив предпринять основные наступательные операции на курском участке, Гитлер планировал также провести в летний период наступление на Ленинград, уже дважды откладывавшееся. Любопытно, что этот план в точности повторял план кампании на 1942 год. Был сформирован парашютный корпус в составе двух дивизий, который предполагалось выбросить на Ленинград, чтобы открыть тем самым путь для наступления с фронта. По мере того как шансы на успех уменьшались, планы Гитлера становились все более авантюристичными. Год назад он не решился принять предложение генерала Штудента о выброске воздушного десанта на Ленинград. После поражения в Тунисе парашютный корпус был переброшен на юг Франции и содержался в готовности к использованию для отражения предполагаемой высадки союзников на Сардинии. Провал наступления под Курском заставил Гитлера окончательно отказаться от наступления на Ленинград.

В отношении плана действий под Курском мнения генералов разошлись. Большинство из них сомневалось в победе на Востоке. Теперь в числе сомневающихся оказался и такой опытный военачальник, как Клейст. После перегруппировки во время

зимней кампании во главе основных сил Южного фронта стал Манштейн. В начале года в состав его группы армий была включена 1-я танковая армия. Клейст теперь командовал войсками только в Крыму и на Кубани. Наступление на Курский выступ планировалось осуществить левым крылом войск Манштейна на юге выступа и правым крылом группы армии «Центр» под командованием Клюге на севере выступа.

Манштейн и Клюге до начала операции не высказывали своих сомнений относительно ее успеха. Военачальники, как правило, верят в успех порученного им дела и стараются не высказывать каких-либо сомнений, чтобы не подорвать оказываемого им доверия у старших начальников.

Установившиеся военные традиции также способствовали тому, чтобы не высказывать каких-либо сомнений. Многие генералы предпочли бы подальше отвести войска, чтобы уйти от преследования русских (еще год назад такую точку зрения высказывал Рундштедт), однако фюрер не хотел и слышать о подобных предложениях. Поскольку рубеж, занимаемый немецкими армиями в конце зимы, не благоприятствовал обороне, генералы решили положиться на принцип, согласно которому «наступление — лучшее средство обороны». В ходе наступательных действий они надеялись исправить недостатки позиций и сорвать готовящееся наступление противника. Все усилия поэтому были направлены на достижение успеха в наступлении, а о возможной неудаче наступательных действий никто не думал. Никто не думал и о том, что израсходование только что накопленных резервов лишит их возможности успешно вести оборонительные действия впоследствии.

Истощение немецких ресурсов держалось в строгой секретности. Так прикрывался некомплект личного состава и вооружения в частях и соединениях. Число дивизий сохранялось прежнее, и поэтому ложность цифровых выкладок не была очевидной. Командиры соединений находились в таком неведении, что немногие из них представляли себе обстановку в целом. Их приучили не задавать вопросов. Помимо чисто маскировочных соображений, число дивизий поддерживалось на одном уровне и по другим причинам.

Гитлер всегда трепетно относился к цифровым показателям. Как демагогу, ему казалось, что цифры — это залог мощи. А поскольку дивизия была расчетной единицей, Гитлер стремился иметь максимальное число этих соединений, хотя в 1940 году немцы одерживали победу в основном благодаря качественному превосходству механизированных войск Германии. До вторжения в Россию Гитлер настаивал на проведении поли-

тики, которая обеспечивала бы максимальное число дивизий, пусть даже неукомплектованных. В дальнейшем эта неукомплектованность допускалась в еще большей степени, чтобы не сокращать общего числа дивизий, хотя эта цифра лишь вводила в заблуждение самих же немцев. Последствием такой политики явилась инфляция в сфере военной экономики.

В 1943 году эта инфляция достигла таких размеров, что свела на нет преимущества качественного усовершенствования военной техники, в частности создание новых танков «тигр» и «пантера». Когда дивизия несет тяжелые потери, то резко нарушается баланс между боевыми частями и частями обслуживания, поскольку наибольшие потери приходится на долю боевых частей. В танковой дивизии ядро обычно составляют танки и танковые экипажи, пехота занимает второе место по численности, а подразделения обслуживания — третье, последнее. Таким образом, экономически и с точки зрения боевой мощи невыгодно содержать дивизии, особенно танковые, с некомплектом личного состава и вооружения. Если вовремя не исправить положение, то получается колосс, размеры которого резко диссонируют с его ударной силой.

Эти трудности немецкой армии начали обнаруживаться теперь отчетливее, поскольку Красная Армия, по сравнению с 1942 годом, стала значительно качественнее и выросла в численном отношении. Красная Армия действовала успешнее еще и потому, что возрос поток вооружения, которое поступало с новых предприятий на Урале и от западных союзников России. Танки Красной Армии не уступали танкам других армий, а многие немецкие генералы и офицеры считали их даже самыми лучшими. Это были превосходные машины по своим ходовым качествам, надежности и вооружению. Русская артиллерия также отличалась превосходными качествами. Широкое развитие получила реактивная артиллерия, которая обеспечивала высокую эффективность удара. Русская винтовка была более современной, чем немецкая, и обладала более высокой скорострельностью. Большинство других видов пехотного вооружения характеризовалось такими же высокими качествами. Значительно возросло и оперативно-тактическое мастерство Красной Армии.

Немцам все больше хотелось заставить русских первыми начать наступательные действия, чтобы заманить их в ловушки, нанести им контрудары. Этому желанию не суждено было сбыться, но не из-за нетерпения Гитлера, а из-за того, что русские решили на этот раз применить такую же выжидательную тактику.

Впоследствии немецкие руководители утверждали, что они добились бы большего, если бы ударные группировки были

готовы начать наступление на шесть недель раньше. Когда их ударные группировки завязли в многочисленных минных полях, немцы обнаружили, что русские отвели свои главные силы¹²⁷. Свою неудачу немецкое командование объясняло тем, что русские, видимо, узнали об их приготовлении еще в период весенней паузы и, таким образом, смогли принять необходимые меры. Эта точка зрения игнорировала очевидность существования Курского выступа как объекта наступления. Этот выступ был настолько же очевидным объектом действий немецких ударных группировок, как и вклинение немецких войск под Орлом — объектом действий русских войск. Не приходилось сомневаться, где нанесет удар каждая из сторон. Главный вопрос состоял в том, кто нанесет удар первым.

Этот вопрос был предметом обсуждения и у русских. Те, кто предлагал нанести удар первыми, главным аргументом выдвигали то обстоятельство, что русская оборона не выдерживала ударов противника в двух предшествующих летних кампаниях. С другой стороны, успехи многих наступательных операций, начиная с событий под Сталинградом, пробудили большую уверенность в своих силах, и русские руководители склонялись к мысли взять на себя инициативу в летней кампании.

Когда вновь назначенный глава английской военной миссии генерал-лейтенант Мартел в конце мая впервые побывал в Генеральном штабе, у него сложилось впечатление, что русские склоняются к мысли взять инициативу на себя. Он тогда заявил, что, по его мнению, этого делать не следует, пока обновленные немецкие танковые группировки еще не введены в бой.

Несколько дней спустя русские попросили Мартела рассказать о тактике действий англичан в Северной Африке. Мартел объяснил успех под Эль-Аламейном прежде всего тем, что англичане заставили немцев измотать свои танковые группировки в попытке преодолеть оборону. Когда эти танковые группировки потеряли свободу действий и были достаточно измотаны, англичане перешли в наступление. Мартел воспользовался случаем, чтобы рассказать русским еще об одном уроке, который англичане извлекли из своего опыта: о важности не допустить расширения участка вклинения наступающих танковых группировок и использовать для укрепления флангов все имеющиеся резервы, не пытаясь сдерживать продвижение ударных группировок противника с фронта.

Исследуя тот или иной план, обычно трудно установить, какие мотивы обусловили его принятие, даже если есть возможность познакомиться с архивными материалами. Ведь в документах редко фиксируются действительные первоначальные мо-

тивы того или иного решения. Документы не дают представления о том, как рождались и обретали конкретные формы те или иные аспекты плана в умах людей, разрабатывающих их. Вряд ли история прольет свет и на то, что побудило русских принять свое решение. Их стратеги обладали достаточным опытом, чтобы сделать соответствующие выводы, обусловившие принятие этого плана.

Огромное значение имел поистине драматический и решающий итог действий, осуществляющихся по оборонительно-наступательному методу.

Немцы начали наступление на рассвете 5 июля на обоих флангах Курского выступа. Фронтальная часть выступа имела в ширину менее 150 км, южная сторона — около 80 км в глубину, а северная — более 250 км тоже в глубину, ибо она совпадала с немецким клином у Орла, который имел противоположную направленность по сравнению с Курским выступом. Основную часть фронта удерживали войска Рокоссовского. Правое крыло войск Ватутина охватывало южную часть выступа.

Ударная группировка Манштейна, действовавшая с юга, и ударная группировка Клюге, действовавшая с севера, имели примерно равные силы, но у Манштейна было больше танков. В целом в наступлении участвовали 18 танковых и моторизованных дивизий. Это составляло почти половину всех действовавших в операции сил и почти все танковые соединения, находившиеся на Восточном фронте. Гитлер вел крупную игру.

В первые несколько дней южная ударная группировка продвинулась местами до 30 км (темп не очень высокий). Продвижение немцев задерживали многочисленные минные поля. Немецкое командование вскоре обнаружило, что главные силы русских отведены в тыл. Вместе с тем русские энергично и упорно препятствовали расширению участков вклинения. Ударная группировка Клюге продвинулась вперед еще меньше и не сумела прорвать главную полосу обороны. К исходу первой недели борьбы танковые дивизии понесли огромные потери. Клюге, встревоженный возникновением угрозы его левому флангу, начал выводить танковые дивизии из боя.

12 июля русские перешли в наступление на левом фланге и перед фронтом выступа у Орла. В первые три дня на северном участке они продвинулись на 50 км в обход Орла, а группировка, наступавшая с фронта выступа, приблизилась к городу на 25 км, и 5 августа немцев вытеснили из Орла. С 1941 года Орел был одним из важнейших и сильно укрепленных бастионов немцев. Не меньшее значение имел и тот факт, что, пока

Орел находился в руках немцев, они могли угрожать Москве. Стратегическое положение Орла и мощь его укреплений были настолько велики, что овладение этим городом сыграло огромную роль в ходе дальнейших боевых действий.

Тем временем войска Ватутина вслед за отступавшими немецкими частями, ранее вклинившимися с юга в Курский выступ, продвинулись к рубежу, на котором начались боевые действия в летнюю кампанию. 4 августа Ватутин перешел в наступление и на следующий день овладел Белгородом. В течение следующей недели, используя истощение сил противника, войска Ватутина продвинулись на 170 км, вышли к Харькову и создали угрозу дороге на Киев и всему южному крылу немецких войск. Десять дней спустя войска Конева, действовавшие слева от войск Ватутина, форсировали Донец юго-восточнее Харькова и создали угрозу полного окружения города. Конев сумел добиться этого, разумно избрав район Люботинских болот для форсирования Донца, и 23 августа город был занят русскими.

Во второй половине августа наступление русских приняло большой размах. В то время как войска Попова постепенно продвигались от Орла к Брянску, войска Еременко нанесли удар в направлении на Смоленск. Войска Рокоссовского подвигались к Днепру у Киева. В этом же направлении действовали войска Ватутина. На юге войска Толбухина форсировали р. Миус и вынудили немцев оставить Таганрог. В начале сентября войска Малиновского нанесли удар через Донец в направлении Сталино, и это заставило немцев поспешно отвести свои войска из районов южнее Донца.

По характеру и темпам их ведения операции русских все больше напоминали общее наступление, предпринятое Фошем в 1918 году. Удары наносились последовательно, на различных направлениях. Каждый раз, как только сопротивление возрастало, русские переходили к временной обороне. Каждый удар прокладывал путь следующему и был тесно увязан с ним по срокам. В 1918 году такой метод заставлял немцев спешно перебрасывать резервы к местам, где противник наносил удар, и, таким образом, не позволял им своевременно иметь необходимые силы там, где удары только намечались. Немцы были лишены свободы действий, а их резервы постепенно таяли. Спустя четверть века русские повторили и усовершенствовали метод, примененный Фошем.

Такой метод более выгоден, если рокадные коммуникации не позволяют быстро перебрасывать резервы по фронту для развития успеха на каком-нибудь одном направлении. Поскольку каждый раз приходилось прорывать подготовленную оборону,

расширение участка прорыва обходилась бы дороже, чем развитие успеха в глубину. Кроме того, примененный русскими метод не мог, вероятно, быстро дать решающие результаты, хотя в конечном счете гарантировал успех, если наступающая сторона располагала достаточными резервами для наращивания усилий.

В сентябре истощение сил немцев на фронте и сокращение их резервов позволили русским увеличить темпы продвижения. Такие талантливые военачальники, как Ватутин, Конев, Рокоссовский, сумели быстро использовать слабые места противника на широком фронте. Еще до конца месяца русские вышли к Днепру не только у Днепропетровска, но и на всем протяжении этой реки до Припяти за Киевом. Русские быстро форсировали Днепр в нескольких местах и захватили плацдармы на западном берегу. Таким образом, рухнули надежды немцев на отдых и перегруппировку сил под защитой крупной водной преграды, которую военные обозреватели неосторожно называли «немецким зимним рубежом». Легкость, с которой русские форсировали Днепр, объясняется также мастерством и решительностью их военачальников в использовании возможностей для маневра. Захват важного плацдарма у Кременчуга, юго-западнее Полтавы, стал возможен благодаря решению Конева не сосредоточивать усилия на одном направлении, а форсировать реку в нескольких местах. Таких мест на фронте в 100 км было восемнадцать¹²⁸. Внезапность этого преднамеренного рассредоточения усилий возросла благодаря тому, что форсирование осуществлялось под прикрытием тумана. Такой же метод действия позволил войскам Ватутина захватить несколько плацдармов севернее Киева. Впоследствии эти плацдармы были соединены в один.

Однако важнейшее значение в этой обстановке имел тот факт, что у немцев уже не хватало сил, чтобы удержать весь фронт, и им приходилось полагаться на контратаки, чтобы не допустить расширения захваченных русскими плацдармов. Это было опасно, поскольку противник располагал мощными силами.

25 сентября немцы оставили Смоленск, а неделей раньше были вытеснены из Брянска. Постепенно они отошли на рубеж Жлобин — Рогачев — Могилев — Орша — Витебск.

На юге немцы вывели свои войска с захваченного ранее плацдарма на Кубани и через Керченский пролив эвакуировали войска в Крым, где в результате продвижения русских к Днепру также создалась опасная обстановка.

Клейст получил приказ отвести войска с Кубани и занять участок фронта между Азовским морем и излучиной Днепра у

Запорожья. Это решение было принято с запозданием на две недели. Когда войска Клейста в середине октября начали прибывать на новые позиции, русские прорвались у Мелитополя.

В первой половине октября на этом участке после форсирования Днепра было сравнительно спокойно. Русские подтягивали резервы, накапливали средства материального обеспечения, наводили мосты. Для строительства этих мостов использовали деревья, которые валили в намеченных местах переправы. Русские показали себя настоящими мастерами в строительстве таких мостов.

В то время как внимание немцев было приковано к району Киева, где, как ожидалось, должны были развернуться основные события, Конев внезапно нанес удар с плацдарма у Кременчуга, юго-западнее Полтавы, и вогнал массивный клин у основания огромного выступа между излучиной Днепра и Киевом. Вначале у немцев здесь находились незначительные силы для отражения этого удара, однако Манштейн быстро перебросил резервы и приостановил продвижение войск Конева. Таким образом было выиграно время для отвода оказавшихся в опасности войск в излучине Днепра. Эти войска позволили немцам задержать русских под Кривым Рогом, в 110 км от плацдарма, с которого они наносили свой удар.

Поражение к югу от излучины Днепра было лишь частью той цены, которую пришлось уплатить немцам. Ведь Манштейн вынужден был отвести свои войска с этого участка раньше, чем им на смену прибыли войска Клейста. Развивая успех прорыва у Мелитополя, русские стремительно продвинулись через ногайские степи к нижнему течению Днепра. В первую неделю ноября они отрезали немцам выход из Крыма, изолировав оставшиеся там войска.

Во второй половине октября в районе Киева царило относительное затишье. Русские продолжали расширять плацдарм севернее города, чтобы нанести с него мощный удар в обход во фланг противника. Этот удар нанесли войска Ватутина в первую неделю ноября. Русские, выявив слабые места в чрезмерно растянутом фронте немцев, прорвали их оборону, начали наступать в западном направлении, а затем, отрезав пути отхода противнику из Киева, овладели городом с тыла.

Захватив Киев, русские танковые соединения в тот же день овладели Фастовом, в 60 км юго-западнее Киева. Преодолев сопротивление противника на этом рубеже, русские продвинулись к Житомиру и овладели этим крупным железнодорожным узлом на единственной оставшейся восточнее Припятских болот рокадной железной дороге. Затем русские продвинулись в се-

верном направлении и захватили железнодорожный узел Коростень. Сопrotивление немцев было на грани развала. Утверждение Сталина 6 ноября о том, что «победа близка», оправдывалось.

В сложившейся тревожной обстановке Манштейн приказал командиру 7-й танковой дивизии Мантейфелю собрать все силы и нанести удар из Бердичева. Однако контрнаступление немцев не дало ощутимых результатов. На карте обстановка казалась более опасной для русских, чем было на самом деле. Немцы уже утратили преимущество внезапности, которая компенсировала недостаток их сил. Кроме того, действия контрнаступающих войск осложнила ухудшившаяся погода. К началу декабря контрнаступление немцев приостановилось. Наступившую передышку Ватутин использовал для сосредоточения своих войск с целью нанесения нового, еще более мощного удара.

Северное крыло немцев в течение всей осени также подвергалось тяжелым испытаниям. Силы 4-й армии Хейнрици в составе десяти дивизий принимали на себя удары русских и удерживали полосу шириной 180 км между Оршей и Рогачевом.

Главные силы русские сосредоточили в районе Орла на фронте шириной в несколько километров у шоссе Москва—Минск. У русских здесь были хорошие возможности для подвоза средств материального обеспечения и развития успеха наступательных действий. Однако очевидность выбора этого направления позволила немцам, в свою очередь, сосредоточить силы для отражения удара русских. Метод ведения обороны немцами на этом участке заслуживает внимания. Хейнрици расположил здесь чуть больше трех дивизий, а еще шесть—семь дивизий заняли оставшуюся часть полосы обороны армии. Таким образом Хейнрици добился удовлетворительной плотности сил на важном направлении. Его артиллерия почти не несла потерь, и он использовал 380 орудий для прикрытия важного участка. Управление огнем артиллерии осуществлялось из штаба армии, и поэтому была возможность сосредоточить огонь на любом участке.

Кроме того, Хейнрици ежедневно перебрасывал в распоряжение каждой дивизии, ведущей тяжелые бои, по одному батальону из состава дивизий, занимавших позиции на участках, где царило затишье. Таким образом восполнялись потери за минувший день и каждая дивизия получала свежий резерв, который могли использовать для контратаки. Трудности, связанные с появлением нового для дивизии подразделения, ликвидировали в результате перегруппировки сил в дивизиях, состоявших из трех полков по два батальона в каждом. На второй день боя

вновь прибывший батальон присоединялся к батальону, прибывшему днем раньше. Еще через два дня формировался совершенно новый полк, а на шестой день полностью сменялась дивизия. Ее прежние подразделения направлялись на более спокойный участок фронта, с которого перебрасывалось по батальону ежедневно.

Однако все надежды на стратегический успех рухнули из-за настояний Гитлера не отводить войска без его разрешения. Командующим армиями, проявившим в этом отношении инициативу, грозил суд военного трибунала, даже если речь шла об отводе небольшого подразделения, которому грозило окружение. Запрет был настолько грозен, что, как говорили, командиры батальонов «не осмеливались переставить часового от окна к двери». Верховное командование твердило, что «каждый должен сражаться, где поставлен».

Этот принцип позволил немцам выстоять в первую трудную зиму в России, но сыграл фатальную роль в дальнейшем, когда им все больше и больше не хватало сил для действий на необъятных просторах России. Командиры на местах утратили первоначальную гибкость и, занимаясь бесконечной перегруппировкой сил, долго колебались в принятии решений, хотя рано или поздно их приходилось принимать.

В 1943 году последствия строжайшего приказа Гитлера проявились с полным трагизмом на южном крыле фронта. В 1944 году то же самое произошло на севере на всех участках, где раньше немецкая оборона была труднопреодолимой.

Отступление Японии на Тихом океане

На первом этапе военных действий на Тихом океане мир стал свидетелем захвата Японией всей западной и юго-западной части Тихого океана и территорий стран Юго-Восточной Азии. На втором этапе Япония пыталась овладеть американскими и английскими базами на Гавайских островах и в Австралии. В битве за атолл Мидуэй и остров Гуадалканал в группе Соломоновых островов, являющихся подступами к Австралии, Япония потерпела крупное поражение.

На третьем этапе Япония перешла к обороне. Это было подчеркнуто в приказах, которые получали командующие японскими силами в юго-западной части Тихого океана и которые предусматривали «удержание всех позиций на Соломоновых островах и Новой Гвинее». Только в Бирме японцы продолжали наступательные действия, хотя и они фактически имели оборонительную цель — воспрепятствовать контрнаступлению англичан из Индии. Возможность эффективных действий со стороны Японии исключалась из-за потери четырех тяжелых авианосцев у атолла Мидуэй, двух линейных кораблей и многих мелких кораблей и судов у острова Гуадалканал, а также из-за больших потерь авиации в этих важных боях. Западные союзники вновь обрели превосходство на море. Вопрос теперь состоял в том, сумеют ли они использовать это преимущество и каким образом.

Осуществлению плана наступательных операций Японии во многом способствовали стратегические преимущества, которые обеспечивало географическое положение страны. Эти преимущества давали возможность (и японцы ее использовали) одинаково успешно вести как наступательные, так и оборонительные действия. В итоге стремительной экспансии Япония создала вокруг своей территории концентрические кольца обороны, служившие серьезной преградой при любом контрударе, которые союзники могли предпринять в направлении собственно Японии.

При поверхностном взгляде на карту представлялся целый ряд альтернативных решений, но более тщательный анализ обстановки значительно ограничивал выбор для западных союзников. Изучив эти возможности в различных районах, союзники исключили планы ударов с севера из-за недостатка баз, из-за частых штормов и туманов. Контрудар с советских территорий на Дальнем Востоке также не мог быть осуществлен, поскольку Сталин отказался вступить в войну против Японии, пока Россия вела тяжелые оборонительные бои против немецких армий на западе. Контрудар через Китай был невозможен ввиду трудностей снабжения и ненадежности китайских союзников. Более долгий путь через Бирму тоже исключался, потому что англичане, вынужденные раньше отойти за индийскую границу, не имели средств для быстрого возврата захваченных Японией территорий.

Таким образом, вскоре стало очевидным, что возможность нанести эффективный контрудар имеют только американцы и этот контрудар будет нанесен на направлении, удобном для них. Американцы могли выбрать один из двух вариантов: нанести удар с юго-запада из Новой Гвинеи в направлении на Филиппины или в центральных районах Тихого океана. Главнокомандующий американскими силами в юго-западной части Тихого океана генерал Мак Артур, естественно, предпочитал первый вариант. По его мнению, это позволило бы в кратчайший срок лишить Японию захваченных ею южных владений, откуда она черпала сырье, необходимое для ведения войны. В случае удара из районов в центральной части Тихого океана японцы могли бы нанести ответный удар с захваченных ими подмандатных островов, где были созданы морские и авиационные базы. Кроме того, выбор такого направления для нанесения контрудара вряд ли устроил бы австралийцев.

Командование ВМС США отдавало предпочтение удару из районов центральной части Тихого океана. По его мнению, это позволило бы более эффективно использовать все возрастающее число быстрходных авианосцев, чем в ограниченных водных

пространствах у Новой Гвинеи, и в большей степени отвечало бы новой концепции использовать авианосные оперативные группы для захвата островных архипелагов. Кроме того, нанесение удара из центральной части Тихого океана позволило бы осуществить идею снабжения по морю; тем самым отпала бы необходимость для авианосцев периодически возвращаться в базы для пополнению запасов горючего и боеприпасов.

С точки зрения командования ВМС, нанесение ударов из этого района позволило бы избежать риска, который возникал при нанесении удара с юга из-за возможных контрударов японцев с подмандатных островов. Более того, наступление с юга было более очевидным вариантом и поэтому, вероятно, встретило бы сильное и более продолжительное сопротивление японцев. Однако суть этих доводов командованием ВМС сводилось прежде всего к тому, что оно хотело оставить основные силы авианосцев вне контроля со стороны Макартура, который давно проявлял авторитарные тенденции.

В конце концов, на конференции «Тридент», состоявшейся в Вашингтоне в мае 1943 года, было решено нанести удар в двух направлениях: из районов юго-восточной и центральной частей Тихого океана. Расчет строился на том, чтобы японцы не сумели определить направление главного удара и вынуждены были рассредоточить силы, что затруднило бы им переброску резервов из одного района в другой. Общей целью наступательных действий с обоих направлений были Филиппинские острова, что привело бы к реализации идеи создать угрозу на нескольких направлениях. Это был важный компонент стратегии косвенного сближения. Но, являясь по сути дела компромиссным, решение не учитывало того факта (и урока истории), что цель, для достижения которой был выбран дезориентирующий противника двойной удар, может быть достигнута проще, если выбрать одно направление удара, в ходе нанесения которого следует овладеть различными пунктами в зависимости от обстановки. Нанесение удара с двух направлений неизбежно требовало более длительной и значительной подготовки с точки зрения сосредоточения сил, организации снабжения, подготовки транспортных и десантно-высадочных средств без флота и аэродромов. В результате такого длительного периода подготовки японцы получили больше времени для совершенствования своей обороны; задачи же американцев усложнились, особенно в отношении проведения десантных операций.

В течение длительного периода затишья единственной важной операцией была высадка американских войск на Алеутских островах в северной части Тихого океана. Со стратегической

точки зрения эта операция ни в коей мере не повлияла на ход военных действий в целом. Ее значение было второстепенным, ибо она не дополняла какую-то другую операцию и не отвлекала силы противника из других районов. Операция имела значение лишь с психологической точки зрения. Ее целью было успокоить американскую общественность, встревоженную угрозой безопасности Аляски после июня 1942 года. Однако эту задачу решили путем неэкономного использования слишком больших ресурсов, которые у США были весьма ограничены.

Первой ответной мерой на захват японцами двух островов явилась бомбардировка острова Кыска с моря в начале августа. В конце месяца американские войска высадились на острове Адак, в 400 км восточнее Кыски, и построили там аэродром, чтобы наносить удары по захваченному японцами острову. В январе 1943 года американцы вновь овладели островом Амчитка, в 120 км от Кыски. Затем американское командование обратило свое внимание на остров Атту на западной оконечности Алеутских островов, поскольку, как выяснилось, оборона на Атту была значительно слабее, чем на Кыске. Некоторый спад активности начался в конце марта, когда блокирующий отряд кораблей американского флота встретил в море более сильный японский отряд, сопровождавший конвой из трех транспортов. После трехчасового боя с дальних дистанций японцы отошли. Ни одна из сторон не понесла потерь, но транспортам пришлось вернуться в свой порт.

11 мая под покровом тумана и при поддержке трех линейных кораблей на Атту высадились американская дивизия. Имея четырехкратное численное превосходство над противником, эта дивизия постепенно оттеснила японский гарнизон, насчитывавший 2500 человек, в горы. Японцы предприняли отчаянную попытку контратаковать части дивизии, но были почти полностью уничтожены. Американцы захватили в плен только 26 человек. Теперь наступила очередь Кыски. Непрерывные удары по этому острову с воздуха и моря вынудили японцев в ночь на 15 июля под покровом тумана эвакуировать свой гарнизон (около 5 тысяч человек). Американцы же еще две с половиной недели продолжали бомбардировать остров, а затем высадили там десант, насчитывавший 34 тыс. человек. В течение пяти дней американцы проводили поисковые действия, пока наконец не убедились, что противника на острове нет.

Таким образом, Алеутские острова были очищены от противника, однако для решения столь незначительной задачи американцы использовали войска численностью 100 тыс. человек, действия которых поддерживались крупными силами флота и

авиации. Это, с одной стороны, пример нерационального использования сил, а с другой — пример эффективного отвлечения сил противника путем затраты сравнительно небольших сил и средств.

Затишье в районах юго-западной части Тихого океана продолжалась до лета 1943 года.

К счастью для американцев и их союзников, действия японцев по предупреждению контрударов союзников затруднялись из-за разногласия между командованием сухопутных и командованием военно-морских сил Японии. Хотя и армейское, и военно-морское командование признавало необходимым удерживать захваченные территории, их мнения относительно методов действий резко расходились. Командование сухопутных войск отдавало предпочтение наземным действиям на Новой Гвинее, поскольку считало ее ключевой позицией для удержания захваченных территорий в Голландской Восточной Индии и на Филиппинах. Военно-морское командование считало, что первостепенное значение имеют Соломоновы острова и архипелаг Бисмарка как стратегическое прикрытие важнейшей военно-морской базы Трук (на Каролинских островах). Как и в решении многих других стратегических вопросов, командование сухопутных войск взяло верх.

Согласованная наконец линия обороны проходила от Санта-Исабель и Нью-Джорджии на Соломоновых островах, западнее Гуадалканала, к Лаэ на Новой Гвинее, то есть к району западнее полуострова Папуа. Командование ВМС руководило действиями в районе Соломоновых островов, а командование сухопутных войск — действиями в районе Новой Гвинеи.

Штаб в Рабауле руководил операциями 17-й армии на Соломоновых островах и 18-й армии на Новой Гвинее, 17-й армии была придана 7-я авиационная дивизия, а 18-й армии — 6-я авиационная дивизия. ВМС имели в своем составе 8-й и 11-й воздушный флот, руководство действиями которых также осуществлялось из Рабаула. 8-й флот состоял из крейсеров и эсминцев; их действия могли быть поддержаны тяжелыми кораблями из Трука.

Сухопутные войска Японии на этом театре военных действий были весьма значительными по численности: три дивизии в составе 18-й армии на Новой Гвинее (55 тыс. человек), две дивизии, одна бригада и другие части 17-й армии на Соломоновых островах и архипелаге Бисмарка. Хотя японская авиация понесла большие потери в боях за остров Гуадалканал, сухопутные войска имели 170 самолетов, а ВМС — 240 самолетов. Предполагалось, что за шесть месяцев на театр дополнительно придут

10—15 дивизий и 850 самолетов. Таким образом, были все основания считать, что стратегия удержания захваченных территорий вполне осуществима.

Планирование операции американцами затруднялось ранее принятым решением разделить Тихоокеанский театр на зону Тихого океана и зону юго-западной части Тихого океана, причем линией раздела являлись Соломоновы острова. Стремясь обеспечить эффективное руководство операциями, комитет начальников штабов возложил стратегическое руководство операциями в районе Новая Гвинея, Соломоновы острова на генерала Макартура, а командующему силами в южной части Тихого океана адмиралу Хэлси поручил тактическое руководство. Силы флота, базирующиеся в Перл-Харборе, оставались в подчинении адмирала Нимица, главнокомандующего зоной Тихого океана.

Стратегическая цель США состояла в том, чтобы преодолеть барьер, созданный японцами на архипелаге Бисмарка, и захватить главную японскую базу Рабаул. Этого предполагалось добиться попеременным нанесением ударов с двух направлений, чтобы держать японцев в постоянном напряжении. Сначала силы Хелси должны были захватить остров Расселл, западнее острова Гуадалканал, и создать там авиационную и морскую базу. Затем намечалось захватить два острова из группы островов Тробиан, восточнее Новой Гвинеи, чтобы создать авиационные базы для переброски авиации с одного рубежа на другой.

На втором этапе силы Хелси должны были продвинуться к острову Нью-Джорджия из группы Соломоновых островов (западнее Гуадалканала) и захватить ключевую авиабазу Мунда. Войскам Макартура предстояло захватить японские опорные пункты в районе Лаэ на северном побережье Новой Гвинеи. К тому времени, как предполагалось, Хэлси должен был овладеть островом Бугенвиль на западной оконечности Соломоновых островов.

На третьем этапе войска Макартура должны были высадиться на остров Новая Британия в архипелаге Бисмарка — огромном острове, на северной оконечности которого расположен Рабаул. На четвертом этапе предполагалось наступление на эту японскую базу. Таким образом, план был перспективным, и, согласно расчетам, наступление на Рабаул намечалось осуществить через восемь месяцев после начала кампании.

Макартур имел семь дивизий (в том числе три австралийские) и около 1000 самолетов (в том числе около 250 австралийских). Предполагалось, что после завершения подготовки придут еще 2 американские и 8 австралийских дивизий. У Хэлси было семь дивизий (в том числе две дивизии морской

пехоты и одна новозеландская дивизия) и 1800 самолетов (в том числе 700 самолетов армейской авиации). Состав сил флота постоянно менялся, поскольку при подготовке каждой десантной операции значительное число боевых кораблей привлекалось из состава сил Нимица, базировавшихся в Перл-Харборе. К началу кампании Хэлси имел 6 линейных кораблей и 2 крейсера, а также множество мелких кораблей и судов. В целом сил было вполне достаточно для успешного выполнения плана, хотя Макартур просил предоставить ему значительно больше (22 дивизии и 45 авиационных групп).

В течение предварительного, или «спокойного», периода Хэлси 24 февраля высадил десант на острове Рассел, но противника там не оказалось. Австралийцы отразили попытку японцев захватить аэродром Вау вблизи залива Хуон, высадив воздушный десант в составе бригады. Японцы решили перебросить туда подкрепления, но конвой в составе восьми транспортов и восьми эсминцев был быстро обнаружен авиацией союзников у Новой Гвинеи. Японцы потеряли все транспорты и четыре эсминца. Погибли 3600 японских солдат, то есть больше половины состава дивизии, направлявшейся в качестве подкрепления. После этого «трагического боя в море Бисмарка» японцы отваживались доставлять боеприпасы и продукты питания своим войскам на Новую Гвинею только на подводных лодках или на баржах.

Адмирал Ямамото попытался улучшить обстановку в воздухе над этим районом, выслав самолеты авианосной авиации 3-го флота из Трука в Рабаул в надежде подорвать силы авиации союзников путем постоянных ударов по ее базам. Однако в результате этой операции японцы за две недели потеряли в два раза больше самолетов, чем американцы, хотя в донесениях японских летчиков картина представлялась обратной. Сам же Ямамото попал в засаду. Его самолет был сбит во время полета в Бугенвиль: американская разведка заранее узнала об этом визите. Вместо Ямамото на пост главнокомандующего японским объединенным флотом был назначен адмирал Кога, который не проявил такой решительности и инициативы, как его предшественник.

Американское наступление, готовившееся так долго, должно было начаться 30 июня. Согласно плану, американским войскам под командованием генерала Крюгера предстояло высадиться на островах Киригина и Муруа в группе островов Тробриан. Войска под командованием генерала Херринга (в основном австралийские) высаживались у Саламауа в заливе Хуон. Войска Хэлси должны были высадиться на островах Нью-Джорджия.

Высадка на островах Тробриан прошла легко, и противник не оказал сопротивления. Сразу же началось строительство аэродрома. На Новой Гвинее высадка также была осуществлена благополучно, и американские войска, высадившиеся вслед за австралийцами, не встретили серьезного сопротивления. Однако оттеснить японские войска в этой части острова (6 тыс. человек) к окраинам Саламауа не удавалось до середины августа. Американские войска перешли к обороне до высадки главных сил десанта на полуострове Хуон. Это был первый шаг к наступлению на Лаэ, который являлся основным объектом наступления. Третий удар, нанесенный войскам Хэлси на острове Нью-Джорджия, был сопряжен с еще большими трудностями.

На острове Нью-Джорджия японский гарнизон насчитывал около 10 тыс. человек. Ведение боевых действий осложняли гористая местность и влажный климат. Кроме того, японский имперский штаб приказал гарнизону сражаться до последнего солдата. Высадку десанта затрудняли также рифы у северо-восточной части побережья острова и цепи островов к югу и западу от острова.

План американского командования предусматривал высадку в трех пунктах. На главном направлении — западном берегу острова Рендова — высаживались американские войска численностью до дивизии. Каждой дивизии предстояло переправиться через пролив шириной 10 км и высадиться вблизи южного аэродрома Мунда. Вслед за этим намечалось высадить небольшой отряд на северном побережье острова Нью-Джорджия, в 20 км от Мунды, и таким образом лишить японцев возможности получать подкрепления с моря. Кроме того, предполагалось осуществить три вспомогательные высадки на юге. Группа прикрытия имела в своем составе 5 авианосцев, 3 линейных корабля, 9 крейсеров и 29 эсминцев, а с воздуха высадку десантов и действия войск на берегу поддерживали примерно 530 самолетов.

Получив донесение наблюдателей о том, что японцы перебрасывают войска в южную часть острова, Хэлси решил начать высадку не 30 июня, как намечалось планом, а 21 июня. Десант не встретил сопротивления, и к 30 июня была успешно осуществлена высадка на всех вспомогательных направлениях.

Что касается главной высадки на острове Рендова, то американские войска численностью 6 тыс. человек быстро разгромили японский гарнизон, насчитывавший только 2 тыс человек. Последующие высадки были осуществлены у Мунды в первую неделю июля. В течение этой и следующей недели небольшие отряды японских кораблей совершили несколько артиллерийских налетов и сумели нанести значительные повреждения крей-

серам группы прикрытия и высадить на остров войска численностью до 3 тыс. человек.

Высадившаяся на острове американская дивизия не имела боевого опыта и после переправы через пролив, несмотря на мощную поддержку с воздуха и моря, очень медленно продвигалась к Мунде. Узнав о низком моральном состоянии личного состава дивизии, американское командование вынуждено было высадить на острове Нью-Джорджия еще полторы дивизии. К 5 августа Мунда и ее окрестности наконец были заняты. Большой части японского гарнизона удалось переправиться на соседний остров Коломбангара. В последовавших за этим морских боях американская авиация, пользуясь господством в воздухе, причинила существенный урон японским кораблям.

Анализируя итоги медленного продвижения американских войск на острове Нью-Джорджия, Хэлси и другие американские командиры поняли невыгодность поэтапного проведения операции, так как противник при этом выиграл время для организации обороны на следующем рубеже, а американцам не удалось использовать то огромное преимущество, которым они располагали на море и в воздухе. Было решено блокировать остров Коломбангара, гарнизон которого насчитывал 10 тыс. японских солдат и офицеров. Американские войска сосредоточили свои усилия против крупного, но слабо обороняемого острова Велья-Лавелья, где численность японского гарнизона не превышала 2500 человек. (Это был плановый «обход» и, несомненно, значительный шаг по сравнению с тем, что происходило на Алеутских островах.) Более того, создание аэродрома на острове Велья-Лавелья приблизило бы американцев на расстояние более 120 км к острову Бугенвиль, самому западному из группы Соломоновых островов.

Высадку на остров Велья-Лавелья осуществили 15 августа, раньше, чем была завершена оккупация острова Нью-Джорджия. Командующий японскими войсками в этом районе генерал Сазаки надеялся на возможность длительного сопротивления на острове Коломбангара, однако поступил приказ свыше оставить центральную группу Соломоновых островов и отвести войска на остров Бугенвиль. В конце сентября — начале октября крупный гарнизон острова Коломбангара и небольшой гарнизон острова Велья-Лавелья эвакуировались в течение нескольких ночей.

В боях на острове Нью-Джорджия японцы потеряли примерно 2500 человек убитыми и 17 боевых кораблей, а потери союзников составили 1000 человек (значительно большее число солдат и офицеров союзных войск умерло от болезней) и 6 боевых

кораблей. Японская авиация понесла гораздо ббльшие потери, чем авиация союзников.

В течение августа союзники не переставали оказывать давление на противника на Саламауа, и прежде всего для того, чтобы отвлечь внимание японцев от готовившегося удара на Лаэ и полуостров Хуон. Находящиеся здесь порты были необходимы для дальнейшего продвижения в северном направлении на остров Новая Британия, а также для прикрытия фланга сил, наносящих этот удар.

Для захвата полуострова Хуон Макартур планировал сочетать морской и воздушный десанты. Это усложнило проведение операции, а ведь в распоряжении Макартура было достаточно резервов, чтобы использовать один способ атаки. 5 сентября высадились восточнее Лаэ главные силы австралийской 9-й дивизии. На следующий день северо-западнее Лаэ, у заброшенного аэродрома Наджаб, высадился американский 503-й парашютный полк. Это был первый случай применения американцами воздушных десантов на Тихом океане. Когда аэродром был приведен в порядок, транспортные самолеты доставили туда австралийскую 7-ю дивизию. Одновременно возобновили наступление австралийские и американские войска, базировавшиеся на полуострове.

Эти действия союзников не встретили сопротивления японцев. Японский имперский генеральный штаб сознавал, что единственная японская дивизия в этом районе будет отрезана от остальных сил, и поэтому приказал отвести ее к Киаре, примерно в 80 км за Лаэ. Итак, 11 сентября японцы оставили Саламауа, а 15 сентября — Лаэ. Их надежды удержать порт Финшфахен развеяла высадка австралийской бригады в северной части полуострова. Хотя японцы подтянули в этот район целую дивизию, союзные войска постепенно оттеснили ее назад вдоль побережья. Австралийская 7-я дивизия быстро продвигалась по долине р. Маркхам от Лаэ, в первые дни октября вышла к Дампу, в 80 км от важного порта Маданг, расположенного в 260 км северо-западнее Лаэ. К концу 1943 года союзные войска начали готовиться нанести удар вдоль побережья и в глубь острова на Маданг. Правда, эти действия развивались медленнее, чем предполагалось.

К сентябрю 1943 года японскому имперскому генеральному штабу стало ясно, что прежняя оптимистическая оценка обстановки и предполагаемого развития событий оказалась неверной. Японские силы были слишком растянуты. Американцы оправились от первых поражений в неожиданно короткий срок и теперь располагали превосходством как в воздухе, так и на море. Японцам становилось ясно, что им придется оставить некоторые

занятые позиции. Помимо давления, которое испытывали японские силы на флангах своего фронта, возникла опасность удара американцев и в центре, из района Перл-Харбора, где адмирал Нимиц сосредоточил огромное число боевых кораблей. Такой армады здесь не бывало со времен флота адмирала Джелико в годы Первой Мировой войны.

Опасную военную ситуацию Японии усугубляла слабость ее экономики. Производство самолетов не обеспечивало противодействия американской авиации. Япония уже не справлялась с защитой своих морских коммуникаций.

«Новая оперативная политика», разработанная японским имперским генеральным штабом в середине сентября, основывалась на определении минимального пространства, необходимого для достижения целей войны. Это минимальное пространство, названное «абсолютной сферой национальной обороны», простиралось от Бирмы вдоль малайского барьера к западной части Новой Гвинеи, к Каролинским, Марианским и Курильским островам. Таким образом, большая часть Новой Гвинеи, архипелаг Бисмарка (в том числе Рабаул), Соломоновы острова, острова Гилберта и Маршалловы острова считались теперь не имеющими жизненно важного значения, хотя предполагалось их удерживать еще примерно полгода. К этому времени японское командование рассчитывало превратить «абсолютную сферу» в непреодолимый барьер, в три раза увеличить производство самолетов и достаточно усилить объединенный флот, чтобы он мог успешно противодействовать американскому Тихоокеанскому флоту.

Тем временем японские силы в юго-западной части Тихого океана получили приказ сковать американские силы, насчитывавшие теперь около 20 дивизий, которые поддерживались примерно 3 тыс. самолетов. Японцы имели три дивизии в восточной части Новой Гвинеи, одну дивизию — на острове Новая Британия, одну — на острове Бугенвиль. Ожидалась переброска еще одной дивизии в этот район, 26 дивизий находились в Китае и 15 дивизий — в Манчжурии. Таким образом, слабость сухопутных войск Японии объяснялась не их малочисленностью, а разбросанностью этих сил.

Медленные темпы продвижения послужили Макартуру стимулом усилить давление, особенно в связи с тем, что американский комитет начальников штабов теперь был склонен отдать приоритет ударам в центральной части Тихого океана, то есть на кратчайшем пути к цели, что, очевидно, могло дать выигрыш и во времени. Этот стимул возрастал в связи с тем, что комитет начальников штабов не считал больше необходимым захват Рабаула, поскольку этот сильно обороняемый пункт мог быть те-

перь обойден и изолирован. Адмирал Хэлси также стремился к активным действиям, чтобы ускорить продвижение на Соломоновых островах. Для участия в наступательных операциях в центральной части Тихого океана в его распоряжение вновь поступило множество боевых кораблей и 2-я дивизия морской пехоты.

Бои за остров Бугенвиль. Это самый западный и один из самых крупных островов в группе Соломоновых островов. Японский гарнизон острова составлял примерно 40 тыс. человек, не считая 20 тыс. моряков. Эти силы в основном находились в южной части острова. Транспорты и десантные средства, которыми располагал Хэлси, позволили ему сначала высадить на острове только одну дивизию со средствами усиления. Дивизия высадилась в бухте Императрицы Августы на слабо обрываемом западном побережье. Местность позволяла быстро построить здесь аэродромы.

После мощной бомбардировки с воздуха японских авиационных баз на острове Бугенвиль и захвата островов на подступах к нему 1 ноября была осуществлена высадка десанта. Японцы не ожидали этого, так как полагали, что американцы попытаются высадиться в южной части острова, где не такой сильный прибой. Американцы отразили контратаки японских авиации и кораблей, нанеся им большие потери. Налеты авианосной авиации на Рабаул и Новую Гвинею имели также значительный успех. Была подавлена японская авиация в Рабауле, недавно пополнившаяся дополнительным количеством самолетов. Быстроходные авианосцы сумели эффективно действовать в районах, которые, казалось бы надежно, прикрывались японской авиацией берегового базирования. Это был важный урок на будущее.

На суше американские войска, усиленные еще одной дивизией, постепенно расширяли плацдарм. Его ширина по фронту вскоре составила 15 км. К середине декабря американцы имели на острове войска численностью 44 тыс. человек. Японцы почти не предпринимали контрмер, по-прежнему полагая, что главный удар американцы нанесут где-то еще. Когда же японцы осознали, что главную угрозу составляет десант, высаженный в бухте Императрицы Августы, они не сумели быстро организовать противодействие, ибо им пришлось весьма долго перебрасывать силы через джунгли с позиции в южной части острова. Фактически японцы ничего не предпринимали до конца февраля, и на острове длительное время царил затишье.

Захват архипелага Бисмарка и островов Адмиралтейства. Тем временем на Новой Гвинее продолжалось наступление союзников. 2 января 1944 года Макартур высадил отряд численностью около 7 тысяч человек в Сайдоре, между полуостровами

Хуон и Мадангон, а вскоре численность этих войск удвоилась. Таким образом пути отхода по побережью для японских сил (примерно такой же численности), пытавшихся удержать Сио, западнее полуострова Хуон, были отрезаны. Японцы сумели избежать ловушки, проделав изнурительный марш через гористые джунгли, в ходе которого они потеряли несколько тысяч человек.

В это же время австралийские войска вели наступление из Дампу в долине р. Маркхам в сторону побережья и 13 апреля вышли к морю. Войска Макартура 24 апреля, не встретив серьезного сопротивления противника, заняли Мадангон. Японский имперский генеральный штаб был вынужден ускорить отвод войск и отдать приказ войскам на Новой Гвинее отойти в Веваку, примерно в 320 км западнее Дампу.

Следующий удар Макартур нанес раньше, чем полуостров Хуон был очищен от противника. 15 декабря отряд «Аламо» начал высадку на юго-западном побережье острова Новая Британия у Аро. Сразу же после рождественских праздников две дивизии высадились на западной оконечности острова у мыса Глостер и захватили там аэродром. Отказавшись от идеи захвата Рабаула, Макартур все же стремился установить полный контроль над проливами, чтобы прикрыть с фланга действия своих войск, наступавших на Новой Гвинее в западном направлении. Западную оконечность острова Новая Британия, где высадились американцы, удерживал переброшенный из Китая японский отряд численностью около 8 тыс. человек. От Рабаула отряд отделяло расстояние в 500 км, покрытых непроходимыми джунглями. Отряд почти не имел поддержки с воздуха, поскольку 7-я авиационная дивизия недавно была перебазирована в район Целебеса. В результате японские силы в районе мыса Глостер почти не оказали сопротивления и вскоре начали отходить к Рабаулу.

В конце февраля на островах Адмиралтейства (в 400 км от мыса Глостер) высадился разведывательный отряд 1-й кавалерийской дивизии. Здесь находилось несколько действующих аэродромов и была возможность построить новые. В то же время у острова были прекрасные якорные стоянки. Японский гарнизон, насчитывавший около 4 тыс. человек, оказал более сильное сопротивление, чем предполагалось, однако после высадки главных сил американских войск 9 марта был разгромлен. К концу марта американцы овладели всеми намеченными объектами и приступили к оборудованию базы на островах Адмиралтейства. Остатки японских войск продолжали сопротивление до мая.

Таким образом, Рабаул, гарнизон которого насчитывал более 100 тыс. человек, оказался изолированным. Барьер в виде

архипелага Бисмарка был прорван, причем с меньшими потерями, чем могло бы случиться при прямой атаке.

Прошло почти четыре месяца после высадки союзников на острове Бугенвиль, когда японское командование наконец осознало, что десанты американцев на западном берегу представляют главную опасность. В марте 1944 года японское командование предприняло контрнаступление против высадившихся американских войск. В нем участвовало около 15 тыс. человек. Американские войска на плацдарме насчитывали 60 тыс. человек. По оценке японского командования, американцы имели 20 тыс. человек в сухопутных войсках и 10 тыс. в авиации. Даже эти ошибочные цифры должны были убедить японское командование, что предпринимаемое с опозданием контрнаступление не принесет желаемых результатов. И все же японцы 8 марта начали наступление. Оно продолжалось две недели при соотношении 1 : 4. Потери японцев составили более 8 тыс. человек, в то время как американцы потеряли только 300 человек. После отражения контрнаступления уцелевшие японские войска не предпринимали активных действий. Американцы же удовлетворились полной изоляцией противника.

Наступление в центральной части Тихого океана. На этом направлении, так же как и в юго-западной части Тихого океана, конечной целью удара были Филиппины и восстановление американских позиций на этих островах, а не собственно Япония. На этом этапе войны объединенный англо-американский штаб планировал после захвата Филиппинских островов вторгнуться в Китай. Предполагалось создать в Китае крупные авиационные базы, опираясь на которые американская авиация завоевала бы господство в воздухе над Японией, подорвала бы способность противника к сопротивлению и отрезала бы метрополию от баз снабжения.

В исполнение этого стратегического плана американцы стали оказывать помощь китайским националистам во главе с Чан Кай-ши и поддерживать их сопротивление японцам. Американцы также стояли за то, чтобы англичане возобновили наступление в Бирме и овладели Бирманской дорогой в Южный Китай, по которой можно было бы снабжать армию Чан Кай-ши и оказывать ей другую военную помощь.

Наступление в центральной части Тихого океана развивалось так стремительно, что адмирал Нимиц перенес свои усилия на север. Были захвачены Марианские острова. Появление на вооружении американской авиации бомбардировщиков дальнего действия «В-29» позволило нанести удар по собственно Японии (ведь от Марианских островов до островов Японии было меньше

2300 км). Более того, ко времени захвата Марианских островов в октябре 1944 года американскому комитету начальников штабов стало ясно, что нельзя рассчитывать на какую-либо помощь китайских националистов и что англичане в ближайшее время вряд ли выйдут к южным границам Китая.

Планируя операции в центральной части Тихого океана, адмирал Кинг намеревался сначала нанести удар по Маршалловым островам, но от этой идеи ему пришлось отказаться из-за недостатка транспортов и обученных войск, без которых нельзя было рассчитывать на успех. Решено было нанести удар по островам Гилберта, хотя они и находились несколько дальше от американской базы на Гавайях. Предполагалось, что захват этих островов потребует меньше усилий и позволит накопить опыт в проведении морских десантных операций и овладеть базами для бомбардировочной авиации в ее последующих операциях против Маршалловых островов. Главными объектами должны были стать атоллы Макин и Тарава, два самых западных атолла в этой группе.

Нимиц как главнокомандующий поручил руководство этой операцией вице-адмиралу Спрюэнсу. Войсками десанта, получившими наименование 5-го десантного корпуса, командовал генерал-майор Смит, а кораблями, обеспечивающими высадку, — контр-адмирал Тэрнер, уже имевший опыт подобных операций на Соломоновых островах. Все силы десанта были разделены на две группы: одна должна была высадиться на атолле Макин, другая — на атолле Тарава. В первой группе было шесть транспортов с 27-й дивизией (7 тыс. человек), во второй — 16 транспортов со 2-й дивизией морской пехоты (более 18 тыс. человек). Помимо вспомогательных авианосцев, высадку десанта прикрывал оперативный авианосный отряд контр-адмирала Паунолла, состоявший из 6 тяжелых авианосцев, 5 легких крейсеров и 6 новых линейных кораблей, а также нескольких других мелких кораблей. Кроме 850 самолетов, имевшихся на авианосцах, в операции участвовало 150 бомбардировщиков берегового базирования.

Примечательно, что в этой операции использовалась подвижная группа снабжения, которая обеспечивала действия кораблей флота и была готова решать все задачи материально-технического обслуживания, кроме капитального ремонта крупных боевых кораблей. В составе группы были танкеры, буксиры, тральщики, лихтеры, база снабжения боеприпасами. Позже в группу включили также госпитальные суда, плавучий док, плавучие краны, гидрографические суда, суда для сборки понтонных мостов и другие вспомогательные суда. Этот плавучий тыл значительно увеличил возможность проведения морских десантных операций.

20 ноября 1943 года после бомбового удара авиации началось наступление на острова Гилберта, получившее кодовое название «операции Галваник». Японцы имели на островах Гилберта небольшие силы, поскольку подкрепления, которые в сентябре, согласно «новой оперативной политике», планировалось отправить сюда, еще не прибыли. На атолле Макин гарнизон насчитывал около 800 человек, а на атолле Апамама — всего 25 человек. Однако на атолле Тарава находилось более 3 тыс. японских солдат и офицеров, и этот атолл был сильно укреплен.

На атолле Макин небольшой японский гарнизон в течение четырех дней оказывал сопротивление американской дивизии, которая, правда, не имела боевого опыта. Очень эффективным оказалось использование десантных гусеничных машин, однако в распоряжении десанта таких машин было очень мало.

Атолл Тарава, где находились самые крупные силы японцев, сначала был подвергнут мощному обстрелу корабельной артиллерии (за два с половиной часа было выпущено 3 тыс. т снарядов), а также сильной бомбардировке с воздуха. Затем началась высадка частей 2-й дивизии морской пехоты, которая раньше отличилась на острове Гуадалканал. И тем не менее почти треть из 5 тыс. человек, высадившихся на острове в первый день, при преодолении пространства шириной около 500 метров между коралловыми рифами и берегом была уничтожена противником. Десанту все же удалось оттеснить японцев в глубь острова к двум опорным пунктам, которые в дальнейшем были полностью изолированы занятыми остров подразделениями американской морской пехоты. Японцы 22 ноября предприняли несколько контратак, но потерпели сокрушительное поражение. Вскоре после этого американские войска заняли и другие атоллы из группы островов Гилберта.

Американский флот потерял один вспомогательный авианосец, но в целом авианосцы оказались способны отражать любые налеты японской авиации. Японские надводные корабли не осмеливались вступать в бой с крупными силами американского флота, которым командовал адмирал Спрюэнс.

Потери в боях за остров Гилберта глубоко взволновали американскую общественность, и эта операция еще долго служила предметом горячих споров. Опыт, приобретенный в этих боях, позволил улучшить методику проведения морских десантных операций. Американский военный историк контр-адмирал Морисон даже назвал бои за острова Гилберта «фундаментом победы в 1945 году».

Нимиц и его штаб уже планировали следующую операцию — против Маршалловых островов, однако только после завершения

боев за острова Гилберта этот план окончательно оформился. По настоянию Нимица вместо прямой атаки на ближайшие (расположенные восточнее других) острова из этой группы намечалось их обойти и нанести удар по атоллу Кваджелейн, в 650 км западнее. После этого Спрюэнс должен был выделить часть сил для захвата атолла Эниветок на самой дальней оконечности этой цепи островов, протянувшихся на 1100 км. В организационном отношении операция строилась так же, как против островов Гилберта, но в данном случае использовались две свежие дивизии. В высадке должны были участвовать войска общей численностью 54 тыс. человек; гарнизон для несения оккупационной службы на островах предполагался в 31 тыс. человек. В составе сил флота было четыре группы авианосцев (12 авианосцев и 8 линейных кораблей). В операции использовалось множество десантных гусеничных машин, а истребители и канонерские лодки имели на вооружении ракеты. Артиллерийская и авиационная подготовка удара должна была быть сильнее, чем на островах Гилберта, примерно в четыре раза.

Успешному осуществлению плана сопутствовало то обстоятельство, что японцы направили все подкрепления, которые им удалось собрать, на восточную часть островов этой группы. Таким образом, для них оказалась неожиданной новая американская стратегия, которая предусматривала действия в обход ближайших к американским позициям островов.

После кратковременного отдыха и пополнения запасов в Перл-Харборе группы быстроходных авианосцев в конце января вновь вышли в море и действиями авианосной авиации (было совершено до 6 тыс. боевых вылетов) сковали японскую авиацию и флот на весь период проведения операции против Маршалловых островов. За этот период было уничтожено 150 японских самолетов.

Первым успехом в операции явился захват необороняемого острова Маджуро (31 января). Впоследствии здесь была создана стоянка американских кораблей и судов обеспечения. Затем были захвачены мелкие острова вблизи атолла Кваджелейн, а 1 февраля началась высадка десанта на этом атолле. Японский гарнизон предпринял несколько контратак, но это лишь ускорило его уничтожение. Японцы имели на острове более 8 тыс. человек, в том числе около 5 тыс. человек в составе боевых частей и подразделений. В ходе боев американцы потеряли только 370 человек.

Затем американские войска численностью около 10 тыс. человек направились для захвата атолла Эниветок. Овладение этим атоллом приблизило бы американцев к Труку (оставалось всего

1100 км) — крупнейшей японской базе на Каролинских островах. В день высадки на атолле Эниветок с десяти американских авианосцев был нанесен удар по Труку. Такие удары (с применением самолетной радиолокационной аппаратуры для опознавания целей) наносились также поздно ночью и на следующий день после высадки десанта. Хотя адмирал Кога предусмотрительно вывел из базы большинство кораблей объединенного флота, все же были потоплены два крейсера, четыре эсминца, 26 танкеров и транспортов. В воздушных боях и на аэродромах японцы потеряли более 250 самолетов, американцы же — 25. Стратегический итог этих налетов оказался весьма существенным, поскольку японцам пришлось эвакуировать всю авиацию с архипелага Бисмарка. Рабаул остался без авиационного прикрытия. Таким образом, операции в центральной части Тихого океана не только не замедлили продвижение сил Макартура в юго-западной части Тихого океана, но и способствовали его развитию.

Ход операции показал, что американские силы могут подавить крупную базу противника, не прибегая к помощи самолетов берегового базирования. Таким образом, отпадала необходимость овладеть этой базой с суши.

Захват атолла Эниветок прошел сравнительно легко. Быстро были заняты и ближайшие острова. На самом атолле десант, состоящий примерно из половины частей и подразделений дивизий, сломил сопротивление противника в течение трех дней. В этих условиях представлялась возможность быстро построить аэродромы на Маршалловых островах. Для захвата островов Гилберта и Маршалловых островов потребовалось только два месяца, хотя японцы рассчитывали удерживать их около полугода. Значительно была ослаблена позиция Трука как ключевого пункта в «абсолютной сфере» японской обороны.

Бирма, 1943—1944. Кампания в Бирме развивалась совсем не так, как ожидалось, и по своим итогам резко контрастировала с быстрым продвижением союзников на Тихом океане, особенно в центральной его части. Основным событием на фронте в Бирме стало новое наступление японцев, которым удалось пересечь индийскую границу. Англичане тоже рассчитывали провести наступательные операции с целью очистить от противника северные районы Бирмы и открыть себе путь в Китай. Наличие хороших коммуникаций из Индии и возросшая численность английских войск, казалось, обещали неплохие перспективы.

Наступление японцев имело целью сорвать планируемое англичанами наступление. Несмотря на численное превосходство англичан, японцам чуть не удалось добиться тактического успеха и вынудить англичан отложить наступательные действия до

1945 года. Однако наступление японцев было приостановлено весной 1944 года благодаря упорной обороне Импхалы и Кохимы. Вскоре стало очевидно, что японцы в наступательных действиях настолько истощили свои силы, что не смогли оказать противодействия ни частному контрудару, ни общему контр наступлению, которые англичане предприняли в 1945 году.

В ходе подготовки к началу кампании союзники договорились, что важнейшей целью наступления будет захват северных районов Бирмы — кратчайшего пути в Китай, военная помощь которому могла бы осуществляться по Бирманской дороге, идущей через горные массивы. После долгих споров все другие варианты действий, например высадка морского десанта в Акьябе, Рангуне или на Суматре, были отклонены. Наступлению англичан в северных районах Бирмы должны были предшествовать наступления в Аракане и отвлекающие действия в других районах.

В конце августа 1943 года было создано так называемое объединенное командование вооруженными силами в Юго-Восточной Азии во главе с адмиралом лордом Маунтбэттенем, ранее занимавшим пост начальника управлений совместных операций. Командующими видами вооруженных сил в этом объединении были назначены адмирал Сомервил, генерал Джиффард и главный маршал авиации Пирс. Генерал Стилуэлл назначался заместителем Маунтбэттена. Командование вооруженными силами в Индии стало самостоятельным объединением и имело задачу подготовки личного состава. Уэйвелл получил повышение и стал вице-королем Индии; вместо него на пост главнокомандующего вооруженными силами в Индии был назначен Окинлек.

Основные силы сухопутных войск, которыми командовал генерал Джиффард (11-я группа армий), составляли соединения недавно сформированной 14-й армии под командованием генерала Слива. В состав армии входили 15-й корпус Христисона, дислоцировавшийся в Аракане, и 4-й корпус Скунса, находившийся в Северной Бирме. В оперативном подчинении командования армии находились также китайские дивизии, действовавшие на этом театре. Силы флота оставались небольшими, в то время как состав ВВС был увеличен до 67 эскадрилий (19 американских), насчитывавших около 850 самолетов.

Увеличение сил союзников и очевидность их подготовки к наступательным действиям послужили для японцев поводом начать превентивное наступление на Ассам, хотя в другой обстановке они удовлетворились бы оборонительными действиями в этом районе Бирмы, который был захвачен ими в начале 1942 года. Своим наступлением японцы ставили цель: овладеть

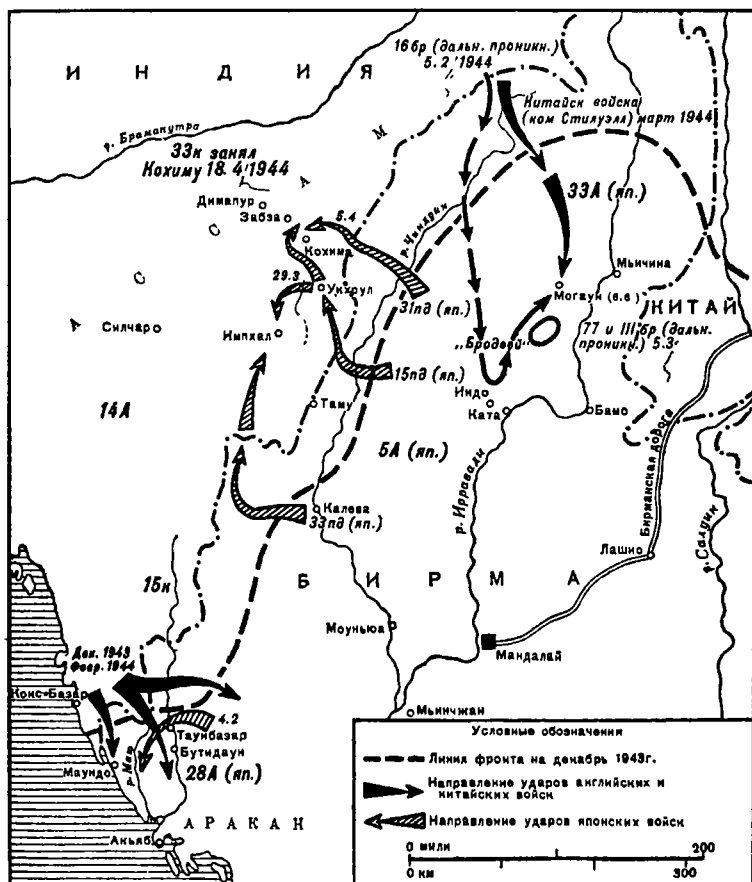

Рис. 19. Боевые действия в северной Бирме (декабрь 1943 — апрель 1944 года)

равниной у Импхала и установить контроль над перевалами, ведущими из Ассама, сорвать наступление союзников в течение сухого сезона 1944 года. Японцы не пытались глубоко вторгаться на территорию Индии или «совершать марш на Дели».

В подготовительный период японцы реорганизовали схему управления своими силами. В подчинении командующего силами в Бирме генерала Кавадэ находились три так называемые

армии (по составу их можно было едва приравнять к армейскому корпусу): 33-я (в составе двух дивизий) под командованием генерала Хонда в северо-восточной части фронта, 28-я армия (в составе трех дивизий) под командованием генерала Сакураи в Аракане и 15-я армия под командованием генерала Мутагути на центральном участке фронта. Эта армия состояла из трех дивизий и индийской национальной дивизии, насчитывавшей только 9 тыс. человек, то есть примерно половину того, что имела обычная японская дивизия. Армия Мутагути получила задачу — вести наступательные действия у Импхала после подготовительных ударов японских войск в Аракане и Юньнани.

Обе стороны до нанесения удара более крупными силами на центральном участке фронта планировали ограниченные наступательные действия в Аракане. У англичан эти действия представляли возможность генералу Слимму испытать новую тактику ведения боя в джунглях. Эта тактика предусматривала создание опорных пунктов, из которых можно было бы легко отвести войска и снабжение которых осуществлялось бы по воздуху. Для отражения действия японцев в промежутках между опорными пунктами намечалось использовать резервы. Эта тактика, по сравнению с прежней, больше способствовала тому, чтобы удерживать опорные пункты, а не отводить войска в случае угрозы обхода.

К началу 1944 года 15-й корпус Христисона постепенно продвигался тремя колоннами в южном направлении в Акьябу. В феврале, однако, темпы продвижения англичан замедлились в связи с началом японского наступления, хотя японцы использовали для этой цели только одну из трех дивизий, находившихся в Аракане. Из-за оплошности англичан японцам удалось захватить Таунбазар. Затем японцы, повернув на юг, поставили в трудное положение продвигающиеся колонны английских войск. Англичанам удалось поправить свои дела лишь после того, как они перебросили по воздуху дополнительные силы в этот район. И все же, несмотря на отдельные ошибки, новая тактика англичан оправдала себя. Японцы из-за недостатка в продовольствии и боеприпасах были вынуждены приостановить свое контрнаступление еще до начала дождей в июне.

Силы Уингейта не предпринимали активных действий с тех пор, как в мае 1943 года они вынуждены были отойти под давлением противника. Однако за минувший отрезок времени силы Уингейта возросли с двух бригад до шести. Это произошло благодаря тому, что Уингейту удалось убедить в правоте своих взглядов самого Черчилля. Комитет начальников штабов, который с большим скептицизмом отнесся к предложениям Уингейта

в августе 1943 года, теперь тоже изменил свою позицию. Уингейту присвоили звание генерал-майора. В его распоряжение выделили 1-й авиационный отряд, насчитывающий примерно 11 эскадрилий. В обиходе этот отряд стали называть «цирком Кохрана» (по имени его командира — молодого американского офицера Кохрана).

В конце 1943 — начале 1944 года бригады, вновь включенные в состав сил Уингейта, проходили специальную подготовку. Соединение по-прежнему именовалось индийской 3-й дивизией, хотя в его составе не было индийских войск и по своей численности оно было эквивалентно двум дивизиям. Основным пополнением сил Уингейта стала английская 70-я дивизия.

Взгляды Уингейта за минувший отрезок времени также изменились: от партизанской тактики он перешел к нанесению ударов на значительную глубину. Группам дальнего проникновения он поставил задачу занять Индо и район вокруг этого пункта на р. Иравади, в 250 км севернее Мандалая (пространство между полосами действия 4-го корпуса и китайских соединений, то есть двух дивизий, находившихся в составе войск Стилуэлла), а также нарушить коммуникации японцев, создав ряд опорных пунктов, материально-техническое обеспечение которых осуществлялось бы по воздуху. Этим группам предстояло не отсиживаться в опорных пунктах, а вести активные действия против японских войск. Впереди должны были действовать «чиндитские» подразделения, а войскам 4-го корпуса отводилась роль поддерживающих сил армии.

Начало боевых действий вечером 5 марта было неудачным. Многие из 62 планеров, которые доставляли первые подразделения групп дальнего проникновения, не сумели совершить посадку в назначенном пункте «Бродвей» (80 км северо-восточнее Индо) или разбились при посадке. Посадке во втором из назначенных пунктов помешал завал деревьев, а третий пункт и вовсе оказался непригодным. На «Бродвее», однако, началось строительство посадочной полосы, и в последующие несколько ночей сюда были успешно доставлены основные силы 77-й бригады дальнего проникновения под командованием Калверта, а затем 111-я бригада Лентейна. К 13 марта в глубоком тылу противника были высажены войска общей численностью около 9 тыс. человек. Кроме того, 16-я бригада дальнего проникновения под командованием Фергюссона в начале февраля выступила из Ассамы и к середине марта, несмотря на тяжелые условия местности, вышла на подступы к Индо.

Хотя эти действия англичан оказались для японцев неожиданными, они все же сумели собрать импровизированный отряд

(около дивизии) под командованием генерала Хаяси для борьбы с посадочным десантом англичан. Часть этих японских сил прибыла в Индо 18 марта, а другие — в конце месяца.

17 марта японская авиация нанесла удар по аэродрому на «Бродвее», уничтожив большинство базировавшихся там английских истребителей «спитфайер». С этого момента противовоздушную оборону английских войск обеспечивали патрульные истребители с аэродрома в районе Импхала.

24 марта в авиационной катастрофе погиб Уингейт. Однако еще до его трагической гибели слишком сложный и недостаточно продуманный план действий, выдвинутый Уингейтом, начал рушиться. Так, 26 марта прямая атака на Индо, предпринятая по приказу Уингейта 16-й бригадой, была отражена японцами. Были отражены и удары других бригад дальнего проникновения. Мысль Уингейта о переходе от партизанских действий к глубокому проникновению в тыл оказалась ошибочной, хотя, справедливости ради, следует отметить, что Уингейт не получил всех тех сил и средств, на которые рассчитывал.

Вместо погибшего Уингейта назначили Лентейна. В начале апреля, после беседы со Слимом и Маунтбэттенем, он решил перебросить «чиндитские» подразделения на север, чтобы помочь войскам Стилуэлла. Это не обрадовало Стилуэлла, так как он полагал, что японцы и сюда подтянут дополнительные силы. Однако «чиндитские» подразделения помогли его войскам захватить Могаун. И все же китайские части из состава войск Стилуэлла не сумели выйти к ключевой позиции японцев у Мыичины. «Чиндитским» подразделениям удалось продвинуться в северном направлении, прежде чем в этот район прибыла новая японская дивизия.

Превентивное наступление в Ассам с целью захвата Импхала и Кохимы японцы начали в середине марта силами трех дивизий. Вопреки ожиданиям, на сроки этого наступления и его ход появление «чиндитских» подразделений в долине р. Иравади никакого влияния не оказало.

В конце января Скунс остановил продвижение войск 4-го корпуса из Импхала в южном направлении и перешел к обороне, поскольку поступившие сведения предупреждали, что японцы проводят перегруппировку и сосредоточение сил для наступления на Импхал. Три дивизии, входившие в состав 4-го корпуса, были разобщены, а одна из них (17-я) оказалась отрезанной от остальных сил корпуса в районе Тиддима и не могла вернуться в Импхал. Обстановка была столь тревожной, что еще одну английскую дивизию, только что прибывшую из Аракана, а также некоторые другие части пришлось срочно подготовить к

переброске по воздуху в Импхал. Наступление японцев от р. Чиндуин развивалось также успешно, и это вынудило англичан ускорить отвод 20-й дивизии. Затем 19 марта атаке подверглась позиция англичан около Укхрула, примерно в 50 км северо-восточнее Импхала. Стало очевидным, что целью наступления японцев является Кохима, в 100 км севернее Импхала. Это был путь, ведущий через горы в Индию. 29 марта японцы перерезали дорогу Импхал — Кохима. Чтобы задержать продвижение противника, англичане были вынуждены бросить в бой еще две дивизии. Короче говоря, японцам вновь удалось сорвать планы англичан, имевших численное превосходство, и поставить их в опасное положение.

Хотя англичане сумели отвести войска на равнинную местность у Импхала и для ведения оборонительных действий сосредоточили здесь четыре дивизии, Кохиму обороняли только 1500 человек. К счастью для англичан, генерал Кавадэ не разрешил генералу Мутагути атаковать Димапур, находящийся в 50 км от Кохимы при выходе с горного перевала. Этот удар лишил бы англичан всякой возможности контратаковать, чтобы снять блокаду Импхала.

Наступившая пауза позволила перебросить из Индии части и соединения 33-го корпуса под командованием генерал-лейтенанта Стопфорда, а 2 апреля его назначили командующим войсками в районе Димапура — Кохима.

Наступление японцев на Кохиму (силами 31-й дивизии) началось в ночь на 4 апреля. Японцам удалось быстро захватить господствующие высоты, и к 6 апреля небольшой гарнизон города оказался отрезанным от бригады, которую направили ему в помощь. Японцы устроили завалы на дороге у Забзы, и бригада, в свою очередь, оказалась отрезанной от Димапура.

10 апреля генерал Слим отдал приказ о переходе в контрнаступление. 14 апреля бригада, высланная Стопфордом, расчистила завалы у Забзы. Две другие бригады 18 апреля прорвались к окруженной Кохиме, гарнизон которой к этому времени уже почти не имел сил для сопротивления. В дальнейшем англичанам удалось оттеснить японские войска с окрестных высот.

Тяжелые бои развернулись и в районе Импхала. Две английские дивизии контратаковали противника в северном направлении, стремясь очистить от японцев дорогу на Кохиму, и в северо-восточном направлении, чтобы овладеть Укхрулом и создать угрозу тылу японской дивизии, атаковавшей Кохиму. Две другие английские дивизии наступали от Импхала на юг.

К счастью для англичан, они располагали почти полным господством в воздухе (японцы имели в Бирме менее 200 самолета-

тов) и снабжали свои войска в Импхале по воздуху в течение всего времени, пока в этом районе сохранялось напряженное положение (в Импхале находилось около 120 тыс. английских солдат и офицеров даже после того, как 35 тыс. раненых и больных были эвакуированы из города по воздуху).

В мае, получив подкрепление, войска Стопфорда очистили от противника дорогу к Импхалу, предварительно оттеснив японцев, упорно удерживавших свои позиции вокруг Кохимы. Войскам Скунса едва удалось окружить японцев южнее Импхала. Японцы сумели бы спокойно и без потерь уйти из ловушки, однако, несмотря на протесты подчиненных командиров, Мутагути настаивал на продолжении наступательных действий даже тогда, когда не оставалось никаких шансов на успех.

В течение июля английская 14-я армия под командованием Слима продолжала вести наступательные действия и вышла к Чиндуину. Дальнейшее продвижение англичан приостановилось скорее из-за начавшихся дождей, чем из-за сопротивления японцев, силы которых были истощены.

За время чрезмерно длительного по срокам наступления потери японцев составили 54 тыс. убитыми из 84 тыс. человек, участвовавших в этих боях. Англичане, действовавшие более разумно, потеряли менее 17 тыс. человек. Правда, они располагали значительным численным превосходством к началу боев, а к моменту завершения кампании это превосходство возросло. Всего в боях участвовало шесть английских дивизий и несколько отдельных частей и подразделений. Англичане обладали полным превосходством в воздухе. Японцы использовали только три дивизии. Своим превосходством в тактическом мастерстве японцы не воспользовались, поскольку слепо придерживались устаревших военных традиций. За это им еще в большей степени пришлось поплатиться в последующие этапы войны.

Часть VII

**Полный крах.
1944 год**

Захват Рима и новая заминка в Италии

Положение союзников в Италии в начале 1944 года оказалось гораздо хуже, чем можно было рассчитывать после высадки союзных войск на территории этой страны в сентябре 1943 года. Обе высадившиеся армии (американская 5-я и английская 8-я) понесли большие потери и были измотаны в непрерывных фронтальных ударах по обе стороны Апеннин. Медленное продвижение на север стало печальной копией действий союзных армий на Западном фронте в годы Первой Мировой войны. В сентябре, в результате капитуляции Италии и одновременной высадки англо-американских войск в трех пунктах Италии (в Реджо, Таранто и Салерно), немцы оказались в трудном положении, из которого им удалось выйти только благодаря решительным контрмерам. Растерявшиеся вначале войска Кессельринга в сложной обстановке действовали так успешно, что Гитлер отказался от первоначального плана, согласно которому намечалось отвести войска в северные районы Италии, и предпочел длительную оборону полуострова.

С осени 1943 года союзники могли рассчитывать только на одно — как можно больше сковать немецких дивизий в Италии и не позволить им перебросить отсюда силы для отражения вторжения в Нормандии, которое намечалось на середину лета 1944 года.

На Тегеранской конференции трех великих держав в ноябре 1943 года и созванной до этого англо-американской конференции в Каире эту идею одобрили. Было принято решение о первостепенном значении операции «Оверлорд» (высадка в Нормандии) и операции «Энвил» (вспомогательный удар на юге Франции). Что касается боевых действий в Италии, то было решено ограничиться захватом Рима и последующим продвижением к рубежу Пиза—Римини. Наступление в северо-восточном направлении на Балканы развивать не предполагалось. Это направление не казалось особо важным в английской политике на данном отрезке времени.

Несмотря на общую договоренность о приоритете операций «Оверлорд» и «Энвил», между американцами и англичанами возникли существенные разногласия в оценке значения кампании в Италии. Англичане, в частности Черчилль и Брук, считали, что чем больше союзных войск будет направлено в Италию, тем большие силы немцев окажутся там скованными и не смогут быть использованы в Нормандии. Эта точка зрения была ошибочной. Черчилль лелеял надежду одержать на этом театре войны крупную победу, честь которой принадлежала бы прежде всего англичанам. Американцы же были озабочены тем, чтобы любое усиление мощи союзников в Италии не вызвало ослабления сил во Франции, которая по праву считалась важнейшим и решающим направлением усилий союзников. Американцы в большей степени, чем Черчилль и английский комитет начальников штабов, учитывали трудности местности, которые не позволяли добиться быстрого успеха в Италии и развить его. Кроме того, американцы подозревали, что англичане стремятся сосредоточить свое внимание на действиях в Италии, чтобы уклониться от вторжения во Францию, поскольку последнее представляет собой гораздо более трудную задачу.

Для обороны так называемой линии Густава у Кессельринга было 15 дивизий в составе 10-й армии (не считая еще 8 дивизий в составе 14-й армии, находившейся на севере Италии). Хотя большинство немецких дивизий имело некомплект личного состава¹²⁹, они могли выдержать любой фронтальный удар 18 дивизий союзников, высадившихся в Италии к концу 1943 года. Поэтому, естественно, возникло решение высадить морской десант за линией Густава. Выполнению этой задачи должно было способствовать превосходство союзников в воздухе и на море. Если бы удалось провести десантную операцию одновременно с фронтальным ударом по позициям немцев на линии Густава, можно было рассчитывать на то, чтобы выбить противника с этих позиций южнее Рима. План действий, получивший кодовое

название «Шингл», был одобрен Черчиллем, который высказывал недовольство медленными темпами наступления союзников в Италии. В Каире и Тегеране Черчилль добился решения выделить необходимые десантно-высадочные и транспортные средства. Уступив желанию американцев провести операцию «Энвил» (высадку в Южной Франции, намеченную на лето), Черчилль попросил до начала этой операции оставить десантно-высадочные средства в Средиземном море, чтобы использовать их для высадки десанта в Анцио (южнее Рима), которую намечалось провести в январе.

План операции в районе Анцио был тщательно разработан Александером и его штабом. Наступление на сухопутном фронте против позиций немцев на линии Густава поручалось начать примерно 20 января 5-й армией под командованием Кларка. Американский 2-й корпус должен был форсировать р. Рапидо и наступать к долине р. Лири, как только французский корпус (сосед американцев справа) и английский 10-й корпус отвлекут на себя главные силы 14-го танкового корпуса генерала Зенгера. Затем намечалось высадить в Анцио американский 6-й корпус. Предполагалось, что немецкие резервные дивизии, спешно направлявшиеся на юг, будут возвращены назад для отражения высадки в Анцио. В создавшейся обстановке 5-й армии Кларка предстояло прорвать позиции немцев на линии Густава и соединиться с войсками 6-го корпуса в Анцио. Далее предполагалось, что немецкая 10-я армия в любом случае (если бы и не удалось ее разгромить) вынуждена будет отойти в район Рима для перегруппировки сил.

Однако на практике события развивались не так, как планировалось. Немецкие войска не растерялись и оказались в гораздо лучшей форме, чем предполагали союзники. Немцы упорно отстаивали свои позиции. Союзники же готовились к операции в спешке, и наступление 5-й армии задержалось.

Операция началась с успешного форсирования р. Гарильяно в ночь на 18 января войсками английского 10-го корпуса под командованием Маккрири на западном участке фронта. Это вынудило Кессельринга перебросить сюда значительные резервы (29-ю и 90-ю моторизованные дивизии и часть сил дивизии «Герман Геринг»). Форсирование р. Рапидо, предпринятое американским 2-м корпусом 20 января, окончилось полной неудачей и привело к большим потерям. Два полка, действовавшие в первом эшелоне, были почти полностью разгромлены. Немцы прочно удерживали долину р. Лири, и наступавшие на ней войска попали под губительный огонь с горы Монте-Кассино. Все это не ушло союзное командование при планировании операции.

Быстрое течение р. Рапидо даже в обычных условиях создавало большие трудности при переправе. Задачу форсировать реку поставили американской 36-й дивизии, которая после захвата горы Монте-Троччио (на подступах к р. Рапидо) находилась на пятидневном отдыхе. Попытка форсировать реку, предпринятая английской 46-й дивизией, также закончилась неудачей. Морской десант был высажен в Анцио 22 января. Наступление войск 5-й армии продолжалось, но результаты его не были блестящими.

Район Анцио оказался единственным участком на побережье в тылу позиций немецких войск, где местность благоприятствовала высадке десанта. В случае высадки десанта севернее Рима его отделяло бы от войск, действовавших с фронта, значительно большее расстояние. Высадка в Анцио была неожиданной для Кессельринга, считавшего, что союзники могли бы создать большую в стратегическом отношении угрозу, высадившись севернее Рима. В момент высадки союзников в Анцио находился только что прибывший туда на отдых батальон 29-й моторизованной дивизии. К счастью для немцев, командовавший войсками десанта генерал-майор Лукас, занявший пост командира 6-го корпуса во время боев под Салерно, был исключительно осторожным и пессимистически настроенным человеком. Свои пессимистические взгляды он высказывал еще до начала операции, причем не только в своем дневнике, но и в беседах с другими офицерами и генералами, в том числе и с Александером.

6-й корпус генерала Лукаса имел в первом эшелоне две пехотные дивизии (английскую 1-ю и американскую 3-ю), отряды «коммандос» и «рейнджеров», парашютный полк, два танковых батальона. Во втором эшелоне должны были действовать американские 1-я танковая и 45-я пехотные дивизии. Состав сил не только обеспечивал превосходство над противником во время высадки, но и открывал широкие возможности для развития успеха. Черчилль надеялся быстро выйти к Альбанским высотам южнее Рима, перерезать важные в стратегическом отношении шоссе № 6 и 7 и таким образом изолировать войска немецкой 10-й армии на линии Густава.

Англичане высадились севернее Анцио, американцы — южнее. Ни те ни другие не встретили почти никакого сопротивления. Однако немцы быстро и решительно приняли контрмеры. Их войска на линии Густава получили приказ упорно обороняться. Дивизия «Герман Геринг» была переброшена на север, а другие части срочно подтянуты на юг из Рима. Верховное главнокомандование обещало Кессельрингу предоставить любые дивизии, находившиеся в северной части Италии. Кроме того,

в его распоряжение направили две дивизии, три отдельных полка и два батальона тяжелых танков. Гитлер горел желанием нанести по десанту такой удар, чтобы союзники воздержались от дальнейших попыток высадиться в Италии или на побережье Франции.

Кессельринг произвел группировку сил. В первые восемь дней в район Анцио были подтянуты подразделения и части восьми немецких дивизий. Было реорганизовано и управление войсками. На участке Анцио действовала 14-я армия Макензена, имеющая в своем подчинении 1-й парашютный и 76-й танковый корпуса, которые находились соответственно севернее и южнее района высадки союзников. На позициях линии Густава осталась 10-я армия Витинггофа; в ее состав входили 14-й танковый и 10-й горнострелковый корпуса. Всего вокруг плацдарма в Анцио было сосредоточено восемь дивизий. Семь дивизий, входивших в состав 14-го танкового корпуса под командованием генерала Зенгера, действовали против 5-й армии Кларка. Только три дивизии входили в состав 51-го горнострелкового корпуса для противодействия английской 8-й армии на Адриатическом побережье Италии. Шесть дивизий под командованием генерала Цангера оставались в Северной Италии. (После отъезда Монтгомери в Англию для руководства работой по планированию и подготовке предстоящего вторжения в Нормандию командующим английской 8-й армией стал Лис.)

Надежды Черчилля на быстрое продвижение от Анцио к Альбанским высотам не оправдались из-за упорного стремления Лукаса (его поддерживал Кларк) закрепиться на плацдарме до начала развития успеха. Однако, если учесть быструю реакцию немцев и их превосходящее тактическое мастерство, а также неопытность большинства американских командиров и их войск, чрезмерная осторожность Лукаса, возможно, сыграла и положительную роль: при таких обстоятельствах продвижение войск с плацдарма могло создать угрозу фланговых ударов и привести к катастрофическим последствиям.

Намеченный плацдарм был захвачен к исходу второго дня. И хотя теперь облегчалась организация снабжения десанта, первую попытку начать наступление с плацдарма предприняли лишь 30 января, то есть больше чем через неделю после высадки. Продвижение союзных войск вскоре приостановили прибывшие в этот район силы немцев. Более того, весь плацдарм теперь подвергался артиллерийскому обстрелу. Авиация союзников, действовавшая из района Неаполя, не могла помешать немецкой артиллерии наносить удары по скоплениям транспортов у Анцио. Таким образом, силы Кларка против линии Густава

не только не получили помощи от десанта, но были вынуждены сами начать прямые атаки на позиции немцев, чтобы выручить морской десант, высадившийся у Анцио.

Американский 2-й корпус попытался прорвать линию Густава ударом на Кассино с севера: 24 января в наступление перешла американская 34-я дивизия, на фланге которой действовали французские части. Только после тяжелых боев, длившихся почти неделю, американцы овладели небольшим плацдармом. Однако еще раньше Зенгеру удалось подтянуть резервы на этот участок фронта и укрепить свои позиции. Ввиду больших потерь 11 февраля американцы оставили захваченный плацдарм.

После этой неудачи в бой был введен Новозеландский корпус генерал-лейтенанта Фрейберга. В состав корпуса входили новозеландская 2-я и индийская 4-я дивизии, отлично показавшие себя в североафриканской кампании. Индийская 4-я дивизия, состоявшая из английских и индийских подразделений, считалась, по мнению немецкого командования, одним из лучших соединений союзников в Италии. План действий, предложенный Фрейбергом, предусматривал охватывающий маневр в районе Кассино и мало чем отличался от прежних планов, когда нанесли фронтальные удары по отлично оборудованным, умело выбранным и упорно обороняемым позициям немцев. В ходе таких фронтальных атак союзники несли большие потери. Командир индийской 4-й дивизии Такер предлагал провести более широкий маневр и продвинуться через горные районы. Предложение Такера поддерживало и французское командование. Однако Такер заболел, и поэтому с его мнением перестали считаться. Его дивизии поставили задачу атаковать позиции немцев на горе Монте-Кассино. Тогда Такер попросил подавить с помощью авиации огневые средства немцев, размещенные в монастыре, расположенном на вершине горы Монте-Кассино. Каких-либо доказательств того, что немецкие войска занимают этот монастырь, не было (позже точно установили, что немцы тогда еще не вступили на территорию монастыря). Величественное здание монастыря, возвышающееся над местностью, одним своим грозным видом оказывало на войска, атакующие позиции врага на горе, подавляющее действие. Фрейберг и Александер удовлетворили просьбу Такера, и 15 февраля был произведен мощный налет. Когда же монастырские здания были разрушены, немцы заняли территорию монастыря и закрепились в развалинах. Их оборона стала еще сильнее.

Неоднократные атаки, предпринятые частями индийской 4-й дивизии ночью 15 и 16 февраля, успеха не принесли, поэтому в ночь на 18 февраля войска Новозеландского корпуса стали дей-

ствовать по первоначальному плану. Индийской 4-й дивизии удалось захватить высоту 593, не раз переходившую из рук в руки, но в результате контратаки немецких парашютистов высоту пришлось оставить. На следующий день немецкие танки контратаковали новозеландскую 2-ю дивизию, которая вынуждена была отойти с плацдарма, захваченного за р. Рапидо.

До прибытия крупных подразделений, обещанных верховным главнокомандующим для уничтожения десанта союзников, Макензен провел серию контратак с целью воспрепятствовать расширению плацдарма противником. Первую из этих контратак предприняли в ночь на 3 февраля против позиций английской 1-й дивизии, которая 30 января неудачно пыталась продвинуться в направлении на Кампалеоне. К счастью, в это время высадилась одна из бригад английской 56-й дивизии, и контратака немцев была отбита. Еще одну, более сильную контратаку немцы предприняли 7 февраля, и, хотя англичанам удалось ее отбить, потери оказались настолько большими, что 1-ю дивизию пришлось заменить американской 45-й дивизией, только что высадившейся на плацдарме.

К середине февраля Макензен был готов нанести контрудар. Он имел 10 дивизий против 5 дивизий, которыми располагали союзники на плацдарме. Получив значительные подкрепления, немецкая авиация оказывала существенную поддержку наземным войскам. Новые миниатюрные танки «голиаф», управляемые по радио и снаряженные взрывчатыми веществами, немцы предполагали использовать для того, чтобы вызвать замешательство и панику среди обороняющихся союзных войск. Подготовке контрудара не помешали действия союзных войск у Кассиано и действия союзной авиации.

Наступление немцев на плацдарм началось 16 февраля. Ему предшествовали разведывательные действия по всему фронту и налеты авиации. К вечеру немцам удалось прорваться в полосе обороны американской 45-й дивизии. Этой возможности давно добивалось немецкое командование. 17 февраля оно бросило в прорыв 17 батальонов при поддержке танков. Перед ними поставили задачу — расширить участок прорыва и продвигаться вдоль дороги Альбано — Анцио. Победа казалась совсем близкой.

Однако скопление войск на этой единственной дороге создало непредвиденные трудности. Наступающие немецкие войска стали объектом наземной артиллерии, авиации и корабельной артиллерии союзников. Не дали ожидаемого эффекта и танки «голиаф». И все же, несмотря на тяжелые потери, немцам удалось потеснить войска союзников. Предпринятая 18 февраля новая атака с участием 26-й танковой дивизии позволила им продвинуться к

побережью. Однако английские 56-я и 1-я, а также американская 45-я дивизии упорно оборонялись и успешно удерживали последний рубеж обороны плацдарма. Продвижение немцев было задержано у ручья Каррочето. Моторизованные дивизии 20 февраля предприняли последнюю попытку наступать, но и они вскоре были остановлены. Большая заслуга в успешном ведении оборонительных действий принадлежала генералу Траскотту, сменившему Лукаса. Раненого командира 1-й дивизии генерал-майора Пенни сменил генерал-майор Темплер, который наладил успешное взаимодействие с 56-й дивизией.

Узнав, что попытка уничтожить десант не принесла успеха, Гитлер приказал 28 февраля вновь начать наступление силами четырех дивизий вдоль Чистернской дороги. Однако американская 3-я дивизия без труда остановила продвижение немцев, а три дня спустя, когда установилась ясная погода, союзная авиация нанесла сокрушительные удары по наступающим немецким войскам. Ввиду огромных потерь 4 марта Макензен был вынужден отдать приказ о переходе к обороне. Вокруг плацдарма остались пять немецких дивизий, а остальные были отведены на отдых.

Союзники предприняли еще одно наступление на Кассино, чтобы расчистить себе путь для наступательных действий весной. На этот раз удар вновь наносился в лоб. Новозеландской дивизии было приказано овладеть городом, после чего индийской 4-й дивизии предписывалось атаковать высоту, где размещался монастырь. Для подавления немецких войск в городе был предпринят мощный артиллерийский и воздушный налет (было израсходовано 190 тыс. снарядов и 1 тыс. т бомб).

Это произошло 15 марта, когда еще стояла ясная погода. Однако обороняющиеся немецкие войска на этом участке (полк 1-й парашютной дивизии) не только выдержали налет, но и сумели отразить атаку пехоты союзников. Этому в немалой степени способствовали завалы, которые образовались в результате бомбардировки и артиллерийского обстрела и затруднили действия танков союзных войск. После овладения высотой Каствл дальнейшее продвижение 4-й дивизии приостановилось. К счастью для обороняющихся, начался проливной дождь. Только одна из рот достигла высоты за монастырем, но попала в окружение.

Тем временем в городе продолжались ожесточенные бои. К 19 февраля ни одной из сторон не удалось добиться успеха. На следующий день Александер решил, что, если в ближайшие трое суток не удастся ничего добиться, придется отказаться от продолжения операции из-за больших потерь. Наступление было прекращено 23 февраля с согласия Фрейберга. Таким обра-

зом, неудачей закончилась и третья битва у Кассино. После этого Новозеландский корпус расформировали, а войска были отправлены на отдых и переподчинены другим соединениям. У Кассино остались 78-я дивизия и 1-я бригада 6-й бронетанковой дивизии.

22 февраля Александер предложил провести операцию «Диadem» в долине р. Лири и одновременно нанести удар силами десанта с плацдарма в Анцио. По замыслу эта операция напоминала январское наступление, но была лучше спланирована и согласована. Ее предполагалось начать примерно за три недели до начала операции «Overlord», чтобы оттянуть часть немецких дивизий из Франции.

План, разработанный начальником штаба Александра Хардингом, предусматривал увеличение мощи удара, сняв с Адриатического побережья оставшийся там один корпус. Другие соединения 8-й армии смещались в западном направлении и должны были действовать на участке Кассино, долина р. Лири. 5-й армии, в том числе и французским войскам, предписывалось действовать не только на участке р. Гарильяно на левом фланге, но и на плацдарме в Анцио. Одновременно было выдвинуто предложение не проводить операцию «Энвил» на юге Франции.

Английский комитет начальников штабов, естественно, одобрил этот план. Американский же комитет выступил против, мотивируя свои возражения тем, что высадка десанта на юге Франции в большей степени отвлечет силы противника от побережья Нормандии, чем операция «Диadem». Эйзенхауэр выступил с компромиссным предложением: отдать приоритет наступления в Италии, но продолжать планирование операции «Энвил». Если к 20 марта станет ясно, что крупную десантную операцию подготовить не удастся, то большую часть транспортных средств, находившихся в итальянских водах, передать для нужд операции «Overlord». Объединенный англо-американский штаб 25 февраля утвердил это компромиссное решение.

В эти дни генерал Уилсон узнал от Александра, что весеннее наступление в Италии начнется не раньше мая. Александер подчеркивал, что нельзя отвести из Италии какие-либо силы для участия в операции «Энвил» раньше, чем главные силы, действующие против линии Густава, прорвут оборону противника и соединятся с десантом в Анцио. Это означало (если дать десять недель на перегруппировку сил и подготовку), что операция «Энвил» начнется не раньше конца июля, то есть через два месяца после высадки в Нормандии, а не до начала операции «Overlord» с целью отвлечь силы противника. Уилсон и Александер решили поэтому, что стечение обстоятельств позволяет им

пренебречь операцией «Энвил» и сосредоточить усилия на полном завершении кампании в Италии. Эта точка зрения совпала с мнением Черчилля и английского комитета начальников штабов. Эйзенхауэр склонялся к тому, чтобы согласиться с ними, но выдвинул условия передать большую часть транспортных средств для нужд операции «Оверлорд». Американский комитет начальников штабов с большой неохотой согласился отсрочить проведение операции «Энвил» до июля, возражая против полной ее отмены, и высказал сомнение в целесообразности ставить более глубокие задачи наступающим войскам в Италии, чем намечалось раньше. Американцы сомневались и в том, что активные действия в Италии могут отвлечь немецкие дивизии из Нормандии. Вскоре выяснилось, что эти сомнения были не напрасны. Разгорелся длительный спор. В результате Черчиллю и Рузвельту пришлось обмениваться пространными телеграммами.

Тем временем в Италии шла подготовка к весеннему наступлению. Перегруппировка войск 8-й армии и другие факторы (в том числе нехватка средств) задержали начало наступления до 11 мая. Перед 8-й армией стояла задача прорвать оборону немцев у Кассино, а 5-я армия должна была оказать ей помощь, форсировав р. Гарильяно и начав наступление с плацдарма у Анцио в направлении на Вальмонтоне на шоссе № 6. В Анцио находились шесть дивизий союзников против пяти немецких дивизий (еще четыре немецкие дивизии стояли в резерве в районе Рима). У линии Густава было сосредоточено 16 дивизий союзников (из них четыре дивизии находились в резерве). С целью прорыва союзники большую часть сил на этом фронте сосредоточили на участке от Кассино до устья р. Гарильяно — всего 12 дивизий (две американские, четыре французские, четыре английские и две польские). Еще четырём дивизиям предстояло развить успех, нанеся удар в долине р. Лири и прорвав позиции немцев (10 км севернее) раньше, чем они сумеют организовать оборону на этом рубеже.

Наступление десяти дивизий 8-й армии поддерживалось огнем 1 тыс. орудий. Стояла сухая погода, позволявшая широко использовать танки и автотранспорт. Эти условия резко контрастировали с бездорожьем в период зимнего наступления. Для трех бронетанковых дивизий (английской 6-й, канадской 5-й и южноафриканской 6-й) открывались благоприятные возможности.

Польскому корпусу (две дивизии) поставили задачу овладеть Кассино, а английскому 13-му корпусу, действовавшему слева от поляков, — наступать в направлении Сент-Анджело.

Наступательные действия союзных войск на всем фронте намечалось поддержать огнем более 2 тыс. орудий. Авиация союз-

ников должна была сначала нанести мощные бомбовые удары по узлам железных и шоссейных дорог, а затем по объектам противника на поле боя. (Операция «Стренгл», однако, не оказала такого воздействия на коммуникации и тылы немецких войск, как планировалось.) Было подготовлено несколько диверсионных операций, но и они не принесли успеха. Стремясь ввести противника в заблуждение, союзники открыто репетировали морские десантные операции в надежде заставить Кессельринга поверить, что именно таковы их намерения, в частности в районе Чивитавеккьи, неподалеку от Рима. Однако Кессельринг был настолько убежден, что союзники не преминут воспользоваться своими возможностями в высадке морских десантов, что эти меры оперативной маскировки оказались излишними.

Наступление началось 11 мая в 23.00 мощной артиллерийской подготовкой, вслед за которой в атаку пошла пехота. В течение первых трех дней союзники, встретив упорное сопротивление противника, не добились существенных результатов на большинстве участков фронта. Польский корпус генерала Андерса понес большие потери в атаке на Кассино, хотя войска действовали решительно и умело обходили опорные пункты противника. Английский 13-й корпус также продвигался медленно и неизбежно понес бы большие потери, если бы внимание противника не приковали к себе поляки. Американский 2-й корпус на прибрежном участке фронта продвинулся на небольшую глубину. Перед фронтом французского корпуса под командованием Жуэна оказалась только одна немецкая дивизия против четырех французских. Французы быстро продвинулись по горной местности за р. Гарильяно, где немцы не ожидали удара, и 14 мая вышли в долину р. Аусенте, тесня немецкую 71-ю дивизию. Благодаря этому успеху американский 2-й корпус получил возможность быстрее продвигаться вдоль побережья и вынудил немецкую 94-ю дивизию отступить. Более того, пути отхода немецких 71-й и 94-й дивизий перерезали горы Аурунчи, преодолеть которые было очень трудно. Воспользовавшись этим, Жуэн выслал вперед марокканские горные части под командованием Жильома с задачей прорвать позиции немцев на линии Гитлера в долине р. Лири, прежде чем противник сумеет организовать здесь оборону.

Оборона немцев на правом фланге стала рушиться. Положение немцев осложнилось еще и тем, что одного из самых способных немецких генералов — Зенгера — к моменту начала наступления союзников вызвали в ставку. Кессельринг на этот раз тоже не проявил решительности и не сумел быстро перебросить резервы на юг. Изучив ход событий на севере, он только

13 мая направил в долину р. Лири одну из резервных дивизий. Вскоре сюда прибыли еще три дивизии. Они сразу же оказались втянутыми в тяжелые бои, но так и не смогли стабилизировать положение на фронте. На участке Кассино немцы продолжали удерживать свои позиции еще несколько дней, хотя 15 мая союзное командование ввело в бой канадский корпус. Только в ночь на 17 мая немецкие парашютные части наконец отошли. Утром 18 мая польские войска вступили на территорию разрушенного монастыря. В этих боях поляки потеряли 4 тыс. человек.

Когда немецкие резервы были переброшены на юг, настал момент начать наступление с плацдарма в Анцио, куда только что прибыла еще одна американская дивизия (36-я). Приказав начать наступление 23 мая, Александер рассчитывал быстро выйти к Вальмонтоне и таким образом отрезать пути отхода главным силам немецкой 10-й армии, оборонявшей линию Густава. Если бы это удалось, можно было бы надеяться на быстрый захват Рима. Однако все возможности были упущены из-за Кларка, который считал, что первыми в Рим должны войти войска 5-й армии. 1-я танковая и 3-я пехотная дивизии 25 мая вышли к Кори вблизи шоссе № 6, преодолев 40 км. Они соединились с войсками 2-го корпуса, наступавшими на север по шоссе № 7. Дивизия «Герман Геринг» (единственная танковая дивизия, имевшаяся в резерве Кессельринга) была переброшена в этот район, чтобы задержать продвижение союзников, но попала под удары союзной авиации. В этот момент Кларк приказал четырем своим дивизиям повернуть на Рим, оставив лишь одну дивизию для продолжения наступления к Вальмонтоне. Эту дивизию остановили в 5 км от шоссе № 6 три немецкие дивизии. Александеру, хотя он и обратился к Черчиллю, не удалось изменить направление действий войск Кларка, продвижение которых приостановило сопротивление немцев на оборонительных позициях линии Цезаря южнее Рима. Более того, бронетанковые дивизии 8-й армии встретили гораздо большие трудности, чем предполагалось, и не сумели прижать отступающие войска немецкой дивизии 10-й армии к горным хребтам Апеннин. Немцам удалось ускользнуть через горные перевалы, хотя этому их успеху немало способствовало бездействие союзных войск в Анцио.

В течение нескольких дней казалось, что на линии Цезаря немцам удастся стабилизировать фронт, так как союзники встретили упорное сопротивление, оказанное под руководством Зенгера на участке Арк, Чепрано, на шоссе № 6, а союзные бронетанковые дивизии с их громоздкими обозами продвигались

слишком медленно по узкой, запруженной войсками дороге. Однако печальную перспективу новой заминки устранил успех американской 76-й дивизии, которая 30 мая заняла Веллетри на шоссе № 7 в Альбанских высотах и прорвала позиции немцев на линии Цезаря. Развивая этот успех, Кларк начал общее наступление, в ходе которого 2-й корпус занял Вальмонтоне, и по шоссе № 6 устремился к Риму. В это время 6-й корпус поддерживал наступление по шоссе № 7. Под давлением одиннадцати дивизий сравнительно малочисленные немецкие войска, удерживающие подступы к Риму, отошли, и 4 июня американские войска вступили в Рим.

Два дня спустя, 6 июня, союзники начали наступление в Нормандии. Боевые действия в Италии отошли на второй план. Весеннее наступление (операция «Диадем») к моменту овладения Римом обошлась американцам в 18 тыс. человек, англичанам — в 14 тыс. человек и французам — в 10 тыс. человек. Потери немцев составили 10 тыс. человек убитыми и ранеными и примерно 20 тыс. человек пленными.

Если учитывать соотношение сил сторон (30 дивизий союзных войск против 22 немецких дивизий, а фактически 2:1 в боевых частях), то второе наступление в Италии нельзя назвать значительным вкладом в дело победы со стратегической точки зрения. Не способствовало оно и вторжению в Нормандию путем отвлечения немецких дивизий из Франции. Не удалось помешать немцам укрепить свои позиции в северо-западной Европе. Численность немецких войск в Северной Франции и Нидерландах увеличилась с 35 дивизий в начале 1944 года до 41 дивизии к моменту начала вторжения союзников через Ла-Манш в июне.

Справедливости ради следует отметить, что стратегическое значение кампании в Италии для Нормандской операции состоит только в одном: не будь итальянского фронта, силы немцев в Нормандии оказались бы еще значительнее. Кроме того, масштабы вторжения были ограничены имеющимися десантно-высадочными средствами. Значит, союзные войска в Италии все равно не могли быть использованы в Нормандии на самом ответственном этапе операции. С другой стороны, использование в Нормандии тех сил, которые немцы были вынуждены держать в Италии, обрекало бы на неудачу высадку союзных войск во Франции. Эти аргументы справедливы, но, к сожалению, многие из английских руководителей, отстаивая значение кампании в Италии, почему-то ни словом по этому поводу больше не обмолвились. Вместе с тем вряд ли были возможны переброски крупных немецких сил в Нормандию из-за активной боевой

деятельности бомбардировочной авиации союзников, наносивших удары по узлам железных дорог.

В политическом отношении самым заметным событием этого периода было отречение короля Виктора-Эммануила в пользу своего сына и замена маршала Бадольо на посту премьер-министра Италии антифашистом Бономи.

События, последовавшие за овладением Римом, которого так долго добивались союзники, принесло разочарование их армиям. Частично это объяснялось решениями высших инстанций, а частично и тем, что немцы сумели оправиться и принять контрмеры.

Уилсон согласился с точкой зрения американцев, что, несмотря на задержку, операция «Энвил» может стать самым эффективным средством, чтобы отвлечь немецкие дивизии из Северной Франции и обеспечить быстрое продвижение с плацдарма в Нормандии. Александр придерживался иной точки зрения. 6 июня, два дня спустя после овладения Римом, он выдвинул план развития успеха по операции «Диадем». Александр считал, что если будут сохранены имеющиеся в его распоряжении силы, то они сумеют начать наступление на линию обороны немцев севернее Флоренции не позже 15 августа (то есть в те же сроки, на которые была намечена операция «Энвил») и прорвать оборону противника, если Гитлер не решится перебросить в этот район восемь или больше дивизий для усиления своих войск. Александр полагал, что сумеет быстро занять северо-восточные районы Италии и получит возможность прорваться через Люблянский проход в Австрию. Эта была исключительно оптимистическая оценка возможности быстро преодолеть несколько горных барьеров на пути между Венецией и Веной, где немцы располагали множеством выгодных позиций для ведения сдерживающих действий. Здесь проявилось нежелание считаться с тем фактором, что итальянцы не раз получали серьезный отпор и терпели неудачу при аналогичных попытках в годы Первой Мировой войны.

Однако план понравился Черчиллю и английскому комитету начальников штабов, особенно Бруку, как альтернатива тяжелым потерям и даже катастрофе, которой они опасались в Нормандии. Американский комитет начальников штабов во главе с генералом Маршалом выступил против нового и весьма сомнительного расширения масштабов наступательных действий в Италии, но Александр взял вверх над Уилсоном. Тогда вмешался Эйзенхауэр. Он был сторонником операции «Энвил». И вновь в спор были вовлечены Черчилль и Рузвельт. Ко 2 июля спор закончился в пользу американцев, и Уилсон отдал

приказ начать операцию «Энвил» (теперь ее называли более скромно — «Дрэген») 15 августа. Это решение предусматривало переброску американского 6-го корпуса (три дивизии) и французского корпуса (четыре дивизии), командование которого, естественно, хотело принять участие в освобождении родной страны. В 5-й армии осталось пять дивизий, а группа армий в целом рассталась примерно с 70% поддерживающей авиации.

Тем временем Кессельринг уже принял ряд мер, чтобы воспрепятствовать союзникам развить достигнутый ими успех. Потери немцев за время операции «Диadem» были тяжелыми: четыре дивизии пришлось отвести для отдыха и переформирования, а остальные семь имели значительный некомплект. Четыре новые дивизии были направлены в район боевых действий одновременно с танковым полком. Большинство этих подкреплений предназначалось для 14-й армии, прикрывшей наиболее вероятное направление наступления союзников. Кессельринг намеревался замедлить продвижение противника, ведя в течение лета сдерживающие действия на последовательных рубежах, и к зиме отойти на Готическую линию. Примерно в 150 км севернее Рима имелся естественный оборонительный рубеж у Тразимене, представлявший собой выгодную позицию для первого этапа сдерживающих действий. Умело проведенные инженерно-заградительные работы должны были помочь задержать продвижение союзников.

Наступление началось 5 июня, после вступления союзников в Рим, однако союзные войска действовали недостаточно решительно в этот самый опасный для немцев момент. Затем в наступление перешли французские войска, входящие в состав 5-й армии. Тем временем английский 13-й корпус наступал вдоль шоссе № 3 и 4, но, встретив упорное сопротивление, остановился на рубеже Тразимене. На других участках фронта продвижение союзных войск также было приостановлено. Таким образом, немногим больше, чем через две недели после отступления из Рима, Кессельрингу удалось стабилизировать положение на фронте. Более того, ему сообщили, что верховное главнокомандование направляет ему еще четыре дивизии (находившиеся на Восточном фронте в России или предназначавшиеся для отправки туда), а также пополнение из числа призывников для доукомплектования дивизий, понесших потери в предшествующих боях, — все это помимо четырех дивизий и полка тяжелых танков, которые уже начали прибывать. По иронии судьбы значительные усилия войск Кессельринга происходили в тот самый момент, когда перед Александером встала удручающая перспектива расстаться с семью дивизиями, с большей частью

поддерживающей авиации, а также с подразделениями материально-технического обеспечения союзной группы армий в Италии.

Когда темпы продвижения союзных войск, развивавших достигнутый успех, начали замедляться, Кессельринг принял решение удержать позиции на естественном рубеже.

Два летних месяца после 20 июня принесли разочарование армиям Александра. Продвинуться вперед им почти не удавалось. Боевые действия носили характер изолированных боев между отдельными корпусами союзных и немецких войск. В этих боях немцы обычно удерживали свои позиции до тех пор, пока союзные войска готовились к наступлению, а затем отходили к следующему рубежу.

После быстрой перегруппировки сил, проведенной Кессельрингом, 14-й корпус на западном побережье противостоял американскому 2-му корпусу, 1-й парашютный корпус — французскому корпусу (еще не переброшенному для участия в операции «Энвил»), 76-й танковый корпус — английскому 13-му и 10-му корпусам, а на Адриатическом побережье 51-й горнострелковый корпус — польскому 2-му корпусу.

К началу июля на центральной части фронта союзные войска, действия которых затруднялись неблагоприятными условиями погоды, наконец прорвали позиции немцев у Тразимене, однако через несколько дней вновь остановились у Ареццо. Немцы 15 июля отошли с этой позиции на позицию Арно, проходившую от Пизы на Флоренцию и далее к востоку. Здесь союзникам пришлось остановиться надолго, хотя цель их наступления — Готическая линия — находилась совсем близко. Некоторой компенсацией за эту неудачу явился захват польскими войсками Анконы 18 июля и захват Ливорно американскими войсками 19 июля. Этот привело к сокращению путей снабжения союзных войск.

Поскольку англичане, особенно Александр и Черчилль, хотели продолжать активные действия в Италии (несмотря на неоднократные неудачи и сократившуюся численность войск), началось планирование летнего наступления на Готическую линию. Предполагалось, что это наступление позволит оттянуть силы немцев от главных театров. Кроме того, в случае поражения на Западном фронте немцы отошли бы из Италии, что позволило бы силам Александра быстро овладеть северными районами Италии и двинуться на Триест и Вену.

В основе разработанного раньше начальником штаба Александра генералом Хардингом плана наступления на Готическую линию лежала идея внезапного прорыва на центральном участке

фронта в Апеннинах, однако командующий 8-й армией Лис 4 августа убедил Александера принять другой план. Согласно этому плану, предполагалось скрытно перебросить 8-ю армию на Адриатическое побережье с задачей прорвать оборону противника в Римини. Затем, когда внимание Кессельринга будет приковано к 8-й армии, 5-я армия нанесет удар в направлении Болоньи. Кессельринг будет вынужден вновь перебросить сюда резервы, и тогда 8-я армия, нанося новый удар, выйдет на Ломбардскую равнину, где ее бронетанковые соединения получат свободу маневра, которой они были лишены с момента высадки в Италии. Несмотря на трудности материально-технического обеспечения войск, этот план открывал неплохие перспективы, тем более что прежний план не мог быть осуществлен из-за вывода французских горнострелковых частей из Италии. Лис считал также, что 5-я и 8-я армии будут действовать лучше, если им поставят различные объекты наступления. Александер быстро согласился с доводами Лиса и утвердил новый план действий, получивший кодовое наименование «Олив».

Недостатки этого плана стали очевидны сразу же после начала операции. Хотя англичанам больше не нужно было преодолевать горные массивы, им пришлось форсировать несколько рек, что замедлило темпы продвижения войск. Кессельринг, наоборот, воспользовался хорошей рокадной дорогой для переброски своих сил (по шоссе № 9, проходящему от Рима к Болонье). Кроме того, план англичан строился на том, что сохранится сухая погода. Это был чрезвычайно оптимистический расчет. Помимо этого, к северу от Римини состояние местности не благоприятствовало быстрому продвижению бронетанковых войск.

Александер начал наступление 25 августа, на десять дней позже намеченного срока. Для немцев оно явилось неожиданностью. Они не заметили выдвижения на исходные позиции английского 5-го корпуса (пять дивизий) и канадского 1-го корпуса (две дивизии) за боевыми порядками польского 2-го корпуса. (Английский 10-й корпус по-прежнему занимал позиции на горном участке фронта, а 13-й корпус был переброшен на запад с задачей поддержать наступление войск 5-й армии.)

На Адриатическом побережье оборонялись только две ослабленные немецкие дивизии, действия которых поддерживала 1-я парашютная дивизия. В то время переброска немецких войск в основном шла в направлении с востока на запад. Наступление польских войск на Адриатическом побережье не привлекло внимания немецкого командования, и только 29 августа, после того как в течение четырех дней три корпуса союзных

войск развернули наступление на широком фронте и продвинулись на 15 км от р. Метауро к Фолье, немцы забеспокоились. На следующий день в этот район прибыли еще две дивизии с задачей задержать наступление союзников, но было уже слишком поздно: 2 сентября союзники вышли к р. Конка.

Темпы продвижения войск 8-й армии не были высокими. 4 сентября разгорелись бои в районе горного хребта Корьяно за Аусой. Здесь англичане вынуждены были остановиться, ибо немцы получили некоторые подкрепления, и к тому же 6 сентября начались проливные дожди.

Кессельринг отдал приказ отвести войска к Готической линии. Благодаря этому сократилась протяженность фронта обороны, а также высвободились войска для действия на Адриатическом побережье. Этот частичный отход открыл переправы у Арно, где войска 5-й армии изготовились к удару. С 10 сентября американский 2-й и английский 13-й корпуса вели наступление на немецкие позиции, упорно обороняемые небольшими силами. Неделю спустя союзникам удалось прорваться через перевал Иль-Джиога севернее Флоренции. Кессельринг вновь был захвачен врасплох, ибо только 20 сентября он понял, что это — главное направление наступления союзников, и перебросил сюда еще две дивизии. К этому времени введенная в бой из резерва американская 88-я дивизия уже устремилась к Болонье. Однако немцы, даже потеряв позиции на Готической линии и их главный опорный пункт на горе Батталья, сумели задержать продвижение союзников. В конце сентября Кларк вернулся к идее нанести удар непосредственно на Болонью.

Тем временем 8-я армия, действовавшая на Адриатическом побережье, все еще испытывала трудности. К 17 сентября в полосе действия армии находилось уже около десяти немецких дивизий, сдерживавших натиск англичан. Хотя канадцам к 21 августа удалось выйти к Римини и к дельте р. По, немцы успели отойти к следующему рубежу по р. Уза. Союзникам на этой равнине предстояло форсировать тринадцать рек, не считая р. По. В этих боях союзники потеряли около 500 танков; многие пехотные дивизии также понесли большие потери. Немцы получили возможность перебросить значительную часть своих сил для противодействия наступлению войск 5-й армии.

2 октября войска Кларка возобновили наступление на Болонью, на этот раз вдоль шоссе № 65. В бой были брошены все четыре дивизии 2-го корпуса, однако немцы оборонялись так упорно, что в течение трех недель американцы продвигались не больше чем на километр в сутки. Наступление было приостановлено 27 октября. К концу октября наступление 8-й армии

также заглохло. Было форсировано только пять рек, а до р. По все еще оставалось 80 км.

Важные изменения в этот период произошли в командовании. Кессельринг получил серьезную травму в автомобильной катастрофе и был заменен Витингтофом. Маккрири сменил на посту командующего 8-й армии Лиса, получившего назначение в Бирму. В конце ноября Уилсона вызвали в Вашингтон, и его место занял Александер. Кларк стал командующим группой армий союзных войск в Италии.

К концу 1944 года положение союзников было разочаровывающим по сравнению с теми перспективами, которые представлялись весной и летом. Хотя Александер по-прежнему оптимистически относился к возможности прорыва в Австрию, однако медленное продвижение в Италии фактически исключало эту возможность. Уилсон признавал это в своем докладе английскому комитету начальников штабов 22 ноября. Об упадке боевого духа союзных войск свидетельствовали участвовавшие случаи дезертирства.

Наступление, предпринятое в конце 1944 года, имело целью овладеть Болоньей и Равенной. Канадским войскам из состава 8-й армии удалось захватить Равенну 4 декабря. Это вынудило немцев перебросить в этот район три дивизии, чтобы задержать продвижение англичан. Таким образом, открылись неплохие перспективы для действий 5-й армии. Однако 26 декабря противник нанес контрудар в долине р. Сенио. Муссолини был вдохновлен идеей оказать помощь наступлению немцев в Арденнах, и в контрударе участвовали в основном итальянские войска, оставшиеся верными дуче. Очень скоро контрнаступление выдохлось, и его легко остановили союзники. Однако силы 8-й армии были измотаны, войска испытывали нехватку боеприпасов, в то время как немцы имели в районе Болоньи сильные резервы. Александер решил поэтому перейти к обороне и подготовиться к мощному наступлению весной.

Новым ударом по надеждам, возлагаемым на кампанию в Италии, явилось решение объединенного англо-американского штаба перебросить из Италии на Западный фронт еще пять дивизий для участия в весеннем наступлении на территории Германии. Фактически во Францию был переброшен только канадский корпус, имевший в своем составе две дивизии.

Освобождение Франции

А о начала вторжения в Нормандию эта операция представлялась весьма опасным предприятием. Союзным войскам предстояло высадиться на побережье, которое противник занимал в течение четырех лет. У немцев было достаточно времени, чтобы укрепить здесь свои позиции и прикрыть их заграждениями. Немцы имели на западном фронте 58 дивизий, в том числе 10 танковых, способных нанести стремительный контрудар.

Возможности союзников создать превосходство в силах ограничивались тем, что им предстояло совершить переход морем, а также недостаточным количеством десантно-высадочных средств. В первом эшелоне десанта они могли высадить только шесть дивизий с моря и три воздушно-десантные дивизии. Потребовалась бы неделя, чтобы число дивизий возросло вдвое.

Таким образом, у союзников были основания опасаться за успех удара по Атлантическому валу (так назвал эти позиции немцев Гитлер). Вполне возможно, что немцы сумели бы сбросить десант союзников в море.

Однако в действительности вскоре после высадки союзникам удалось создать плацдарм шириной около 150 км. Противник не попытался серьезно контратаковать, пока союзные войска не начали наступление с плацдарма. Это наступление

осуществлялось по плану, разработанному Монтгомери. Фронт немцев во Франции стал быстро рушиться.

Если оглянуться назад, может показаться, что вторжение произошло легко и без срывов, однако это неверно. Это была операция, которая «развивалась по плану», но совсем не по расчету времени. Вначале шансы на успех были невелики. Конечный успех операции позволил как бы закрыть глаза на тот факт, что союзники находились в опасном положении.

Распространенное мнение о том, будто вторжение развивалось гладко и уверенно, — следствие утверждений Монтгомери, что «бои шли точно так, как планировалось перед вторжением». Так, он писал, что «союзные армии вышли к Сене через 90 дней». Согласно приложенной к плану карте, подготовленной в апреле, войска должны были выйти на этот рубеж к дню «Д»+90.

Монтгомери любил утверждать, что любая проведенная им операция развивалась в точном соответствии с его намерениями. Эта черта часто скрывала другую черту Монтгомери — умение приспособиться к обстоятельствам. Он умел сочетать гибкость с решительностью.

План предусматривал захватить Кан в первый же день, 6 июня. Береговые оборонительные позиции немцев были заняты к 9.00. Однако в мемуарах Монтгомери ничего не говорилось о том, что наступление на Кан началось лишь во второй половине дня. Это объяснялось не только образовавшейся пробкой на участках высадки, но и чрезмерной осторожностью командиров на местах, хотя им в то время ничто не мешало начать наступление с плацдарма. Когда же войска наконец двинулись к Кану — ключевому пункту в районе вторжения, — сюда уже прибыла немецкая танковая дивизия (единственная в Нормандии) и задержала продвижение союзников. Прошло больше месяца, пока Кан после тяжелых боев наконец был занят и очищен от противника.

Так, первоначально Монтгомери рассчитывал, что действовавшие на правом фланге бронетанковые части сумеют выдвинуться в Виллер-Бокажу, в 30 км от берега, и перерезать дороги, ведущие на запад и юг от Кана. Об этом тоже ничего не говорится в мемуарах Монтгомери. В действительности же бронетанковые части продвигались медленно, хотя сопротивление противника западнее Кана после прорыва береговой обороны было незначительным. Впоследствии пленные показали, что до третьего дня операции участок фронта шириной в 15 км прикрывался только одним немецким разведывательным батальоном. К исходу третьего дня в этот район прибыла третья по

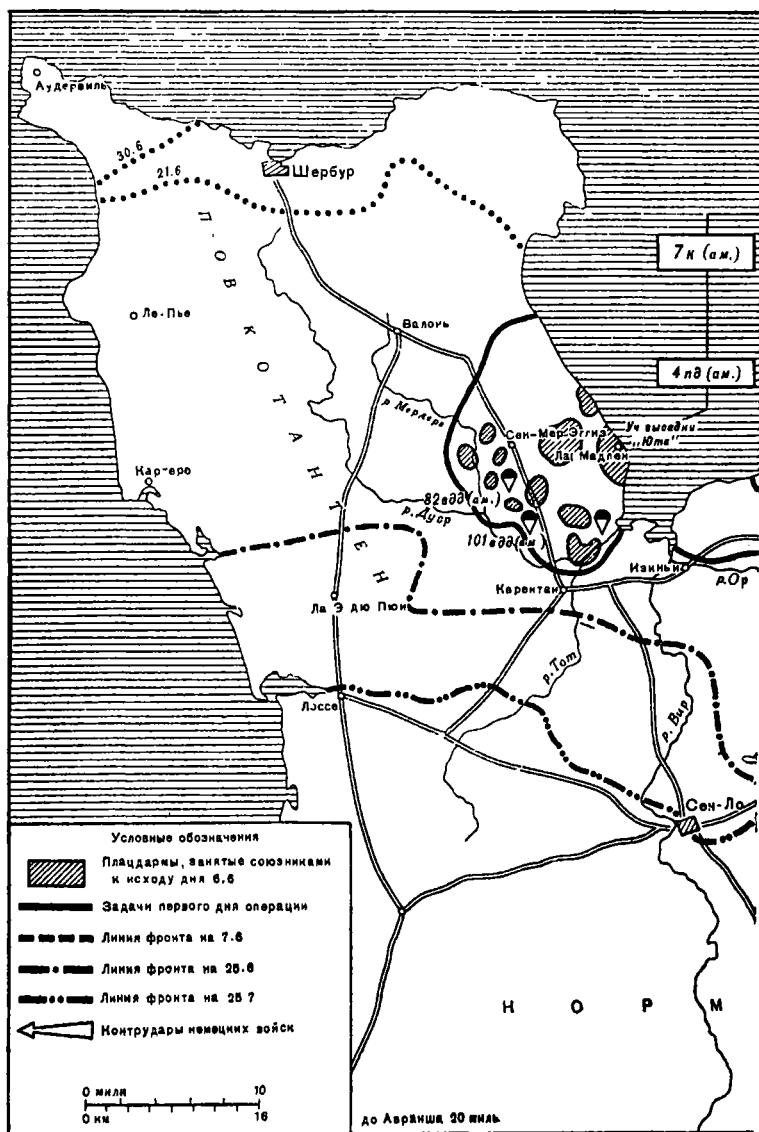
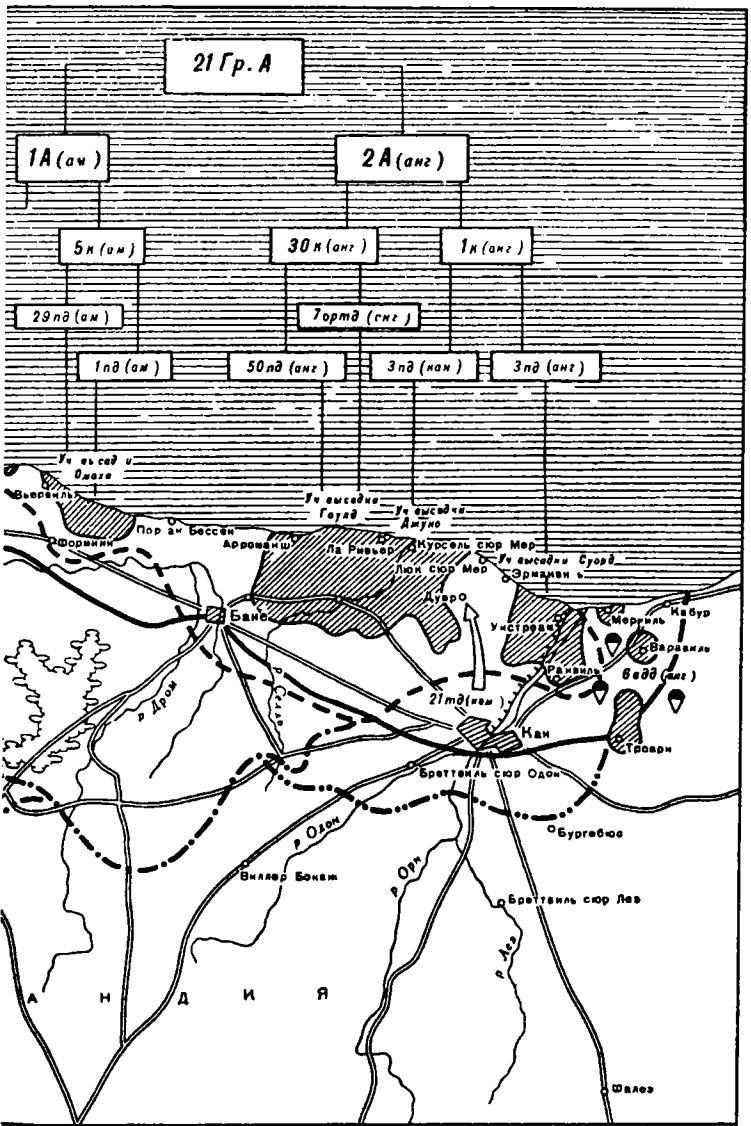

Рис. 20. Высадка союзных войск в Нормандии и ход боевых действий (6 июня — 25 июля 1944 года)

счету немецкая танковая дивизия. В результате англичане, вступившие 13 июня в Виллер-Бокаж, вскоре были выбиты из этого города. Немцы получили в подкрепление еще одну танковую дивизию. В итоге Виллер-Бокаж союзники заняли только через два месяца после высадки.

По первоначальному плану весь полуостров Котантен с портом Шербур намечалось занять через две недели после высадки, а через 20 дней (Д+20) начать наступление на западном участке фронта. Однако темпы продвижения американских войск на этом участке оказались ниже, чем предполагалось, хотя значительная часть немецких сил, в том числе и прибывшие подкрепления, были брошены на противодействие англичанам, наступавшим в районе Кана, как и рассчитывал Монтгомери.

Наступление с плацдарма началось на западном участке, как и планировал Монтгомери, но это произошло в конце июля с опозданием на 36 дней (Д+36).

Было совершенно очевидно, что если союзникам удастся захватить достаточно большой по глубине и ширине плацдарм, то их общее численное превосходство рано или поздно обеспечит возможность начать наступление с плацдарма. Ничто не могло бы задержать наступление вторгнувшихся войск, если бы союзникам удалось захватить достаточное пространство для накопления необходимых сил.

На практике удлинение боя за плацдарм пошло только на пользу союзникам. Хотя большая часть немецких сил на Западе находилась здесь, они прибывали очень медленно. Сказывались разногласия в кругах высшего немецкого командования и активные действия многочисленной авиации союзников, господствующей в воздухе. Первыми прибыли танковые дивизии. Их использовали для задержки продвижения союзных войск. Таким образом танковые дивизии были вынуждены фактически действовать как пехотные. В результате немцы потеряли подвижные войска, которые им были столь необходимы для ведения боевых действий на открытой местности. Упорное сопротивление противника, замедлившее вначале наступление союзников с плацдарма, в дальнейшем обеспечило англо-американским войскам свободный путь через Францию, как только они вышли с плацдарма.

Союзники не имели никаких шансов захватить и удержать плацдарм, если бы не их полное господство в воздухе. Авиацией командовал главный маршал авиации Теддер, заместитель верховного главнокомандующего Эйзенхауэра. Авиация оказала большую поддержку при высадке с моря. Решающую роль сыграли и парализующие действия авиации. Уничтожив большин-

ство мостов через Сену на востоке и через Луару на юге, авиация союзников изолировала в стратегическом отношении район боев в Нормандии.

Немецким резервам пришлось двигаться в обход и такими темпами, что они либо запаздывали, либо прибывали в недееспособном состоянии.

Отрицательно сказались также противоречия в немецком руководстве — между Гитлером и его генералами, а также между самими генералами.

Первоначально главная трудность для немцев заключалась в том, что им пришлось оборонять побережье протяженностью 5 тыс. км — от Голландии до Италии. Из 58 дивизий половину составляли дивизии, которые были привязаны к назначенным им полосам обороны на побережье. Другую половину составляли дивизии, в том числе десять танковых, которые отличались высокой мобильностью. Это позволяло немцам сосредоточить превосходящие силы, способные сбросить десант союзников в море прежде, чем он закрепится на берегу.

В момент вторжения союзников единственная находившаяся в Нормандии вблизи района высадки десанта танковая дивизия сумела не допустить захвата Кана войсками Монтгомери. Одной из частей дивизии даже удалось выйти к берегу в районе высадки английских войск, но удар немцев был слишком слаб и никакого значения не имел.

Если бы даже три танковые дивизии из десяти, находившиеся в районе высадки десанта к четвертому дню, смогли бы вступить в бой в первый день, то союзники были бы сброшены в море, не успев закрепиться на берегу. Однако такой решительный и мощный контрудар не был нанесен из-за несогласия в немецком руководстве по вопросу о том, где произойдет вторжение и как следует действовать в этом случае.

В оценке места высадки предчувствия Гитлера оказались вернее расчетов его генералов. Однако в последующем постоянные вмешательства фюрера и строгий контроль с его стороны лишили военное командование возможности выправить положение, что в итоге привело к катастрофе.

Командующий войсками на Западном фронте генерал-фельдмаршал Рундштедт считал, что союзники высадятся в самой узкой части Ла-Манша — между Кале и Дьеппом. Он исходил из того, что со стратегической точки зрения это самый правильный для союзников выбор. Однако этот вывод основывался на недостаточной информации. Немецкой разведке так и не удалось узнать что-либо существенное о подготовке войск к его вторжению.

Начальник штаба Рундштедта генерал Блюментрит позже на допросе показал, насколько слабо действовала немецкая разведка: «Из Англии поступало очень мало достоверной информации. Разведка давала нам общие сведения о районах сосредоточения войск в Южной Англии, где действовало несколько наших агентов, которые с помощью радио сообщали все, что видели своими глазами. Но этим агентам удалось узнать мало... Мы не могли определить, где намерены высадиться союзники».

Гитлер, однако, был убежден, что высадка будет произведена в Нормандии. Начиная с марта он не раз направлял генералам предупреждения о возможной высадке союзников между Каном и Шербуром. На основе чего Гитлер пришел к такому выводу, оказавшемуся правильным? Генерал Варлимонт, работавший в его ставке, утверждает, что на эту мысль Гитлера навели сведения о расположении войск в Англии, а также убеждение, что союзники сразу попытаются захватить один из крупных портов. Таким наиболее вероятным портом мог стать Шербур. Вывод Гитлера был подкреплён сообщениями агентов о крупной учебной высадке, проведенной в Девоне, где войска высаживались на равнинном открытом побережье, аналогичном по условиям намеченному району высадки в Нормандии.

Роммель, командовавший войсками на побережье Ла-Манша, придерживался той же точки зрения, что и Гитлер. Незадолго до вторжения союзников Роммель попытался ускорить строительство подводных препятствий и блиндажей, а также постановку минных полей. К июню оборонительные сооружения имели гораздо бóльшую плотность, чем весной. Однако, к счастью для союзников, у Роммеля не было ни времени, ни возможности довести оборону в Нормандии до желаемого состояния или хотя бы до состояния обороны на рубеже восточнее р. Сены.

Рундштедт не разделял мнения Роммеля о методах отражения высадки десанта. Рундштедт считал необходимым нанести контрудар после высадки, а Роммель полагал, что такой удар после высадки будет запоздалой мерой ввиду господства союзников в воздухе.

Роммель считал, что проще всего разгромить десант на берегу, пока он еще там не закрепился. По словам офицеров штаба Роммеля, «на фельдмаршала оказывали сильное влияние воспоминания о том, как его войскам в Африке приходилось по нескольку дней оставаться в укрытиях из-за налетов авиации, силы которой были тогда несравненно слабее тех, которые действовали против него сейчас».

Принятый план действий был компромиссным и провалился. Хуже всего было то, что Гитлер упорно стремился управлять

боевыми действиями, находясь в Берхтесгадене, и жестко контролировал использование резервов.

В Нормандии у Роммеля была всего одна танковая дивизия. Он подтянул ее к Кану. Это дало возможность в день высадки десанта задержать продвижение англичан. Напрасными оказались просьбы Роммеля дать ему еще одну дивизию для размещения на позициях в Сен-Ло, то есть поблизости от участка высадки американских войск.

В день высадки десанта много времени ушло на споры между немецкими руководителями. Ближе всего к району вторжения находился 1-й танковый корпус СС, но Рундштедт не мог использовать его без разрешения ставки Гитлера. Блюментрит писал:

«В 4.00 по поручению фельдмаршала Рундштедта я позвонил по телефону в ставку, чтобы получить разрешение использовать корпус для поддержки контрудара Роммеля. Однако Йодль от имени Гитлера ответил мне отказом. По его мнению, высадку в Нормандии следовало рассматривать как попытку отвлечь внимание от главного удара, который будет нанесен в другом районе, где-то восточнее Сены. Наш спор продолжался до 16.00, когда наконец было получено разрешение использовать корпус».

Поразительно, что Гитлер не знал о вторжении союзников почти до полудня, а Роммель отсутствовал в штабе. Не случись этого, немцы, вероятно, смогли бы быстрее принять решительные контрмеры.

Гитлер, как и Черчилль, любил бодрствовать далеко за полночь. Эта привычка была изнурительной для работников их штабов, которые допоздна задерживались на службе, и часто им приходилось заниматься на следующее утро важными делами, не отдохнув. Йодль, не желая беспокоить Гитлера рано утром, взял на себя ответственность отказать Рундштедту в просьбе о резервах.

Разрешение использовать резервы могло бы быть получено раньше, если бы Роммель находился в Нормандии. Не в пример Рундштедту, Роммель часто разговаривал с Гитлером по телефону и имел на него большее влияние, чем кто-либо еще из генералов. Однако Роммель за день до вторжения союзников уехал в Германию. Поскольку сильный ветер и бурное состояние моря делали маловероятной высадку десанта, Роммель решил поговорить с Гитлером, чтобы убедить его в необходимости увеличить число танковых дивизий в Нормандии, а заодно и побывать дома, в Ульме, на семейном торжестве по случаю дня рождения жены. Рано утром, когда Роммель собирался с визи-

том к Гитлеру, по телефону ему сообщили, что началось вторжение. В свой штаб Роммель вернулся лишь к вечеру, а к этому времени десант уже прочно закрепился на берегу.

Командующий армией в этом районе Нормандии был также в отъезде. Он руководил учениями в Бретани. Командир танкового корпуса, составлявшего резерв армии, уехал с визитом в Бельгию. Командира еще одного из соединений не оказалось на службе. Таким образом, благодаря решению Эйзенхауэра осуществить высадку несмотря на бурное состояние моря союзники оказались в очень выгодном положении.

Как ни странно, но Гитлер, угадавший место вторжения, после его начала вдруг решил, что это лишь демонстрация, за которой последует высадка более крупных сил восточнее Сены. Поэтому он и не хотел перебрасывать резервы из этого района в Нормандию. Такая убежденность явилась следствием того, что разведка переоценила число союзных дивизий в Англии. Частично в этом «повинны» меры оперативной маскировки, принятые союзниками, а частично — меры по борьбе с немецким шпионажем.

Когда первые контратаки не принесли успеха и когда стало ясно, что помешать союзникам наращивать силы на плацдарме не удастся, Рундштедт и Роммель поняли бесполезность сопротивления на западных рубежах.

Блюментрит писал:

«В отчаянии фельдмаршал Рундштедт обратился к Гитлеру с просьбой приехать во Францию для беседы. Он и Роммель отправились встречать Гитлера в Суассон 17 июня и попытались разъяснить ему сложившуюся обстановку... Но Гитлер настаивал на том, чтобы ни в коем случае не отступить. „Держитесь на своих позициях!“ — заявил фюрер. Он даже не разрешил нам производить перегруппировку войск по собственному усмотрению. Поскольку Гитлер не хотел изменить своего распоряжения, войска должны были вести бои на невыгодных рубежах. Какого-либо плана действий больше не существовало. Мы просто пытались выполнить приказ Гитлера — любой ценой удерживать рубеж Кан — Авранш».

Гитлер отмахнулся от предупреждений фельдмаршалов, заверив их, что новое оружие (летающие бомбы «фау») скоро окажет решающее действие на ход войны. Тогда фельдмаршалы потребовали применить это оружие (если оно столь эффективно) против десанта или (если первое технически трудно сделать) против портов Южной Англии. Но Гитлер настаивал, что бомбовые удары нужно направить против Лондона, чтобы «склонить Англию к миру».

Однако летающие бомбы не дали того эффекта, на который рассчитывал Гитлер, а давление союзников в Нормандии усилилось, Гитлер решил устранить Рундштедта и заменить его Клюге, находившимся на Восточном фронте.

«Фельдмаршал фон Клюге — энергичный, решительный военачальник, — писал Блюментрит. — Сначала у него было радостное настроение и уверенность в себе, как и у каждого только что назначенного командующего... Несколько дней спустя он помрачнел и больше не делал оптимистических заявлений. Гитлеру не нравился изменившийся тон его донесений».

17 июля Роммель получил тяжелые ранения: его автомобиль подвергся обстрелу союзных самолетов и потерпел аварию. Три дня спустя была предпринята попытка убить Гитлера в его ставке в Восточной Пруссии. Разорвавшаяся бомба не поразила главный объект заговорщиков, но «ударная волна» этого взрыва оказала огромное влияние на ход боевых действий на Западе в этот решающий момент.

Блюментрит писал: «В результате проведенного расследования гестапо обнаружило документы, в которых упоминалась фамилия фельдмаршала Клюге, и последний оказался под подозрением. Еще один инцидент усложнил дело. Вскоре после начала наступления войск Брэдли с плацдарма в Нормандии, когда разгорелись бои в районе Авранша, фельдмаршал Клюге больше двенадцати часов не имел связи со своим штабом. Это произошло потому, что во время поездки на фронт он попал под сильный артиллерийский налет... Тем временем мы страдали от „бомбардировки“ с тыла. Долгое отсутствие фельдмаршала в штабе сразу же вызвало подозрение у Гитлера, особенно в связи с найденными гестапо документами. Гитлер подозревал, что фельдмаршал предпринял поездку на фронт, чтобы установить контакт с союзниками и подготовить капитуляцию. Тот факт, что фельдмаршал все же вернулся в штаб, не принес Гитлеру успокоения. С этого дня все приказы Гитлера фельдмаршалу Клюге формулировались в резких, оскорбительных выражениях. Фельдмаршала это беспокоило. Он опасался, что в любой момент его могут арестовать. Ему все больше становилось ясно, что он не сможет доказать свою лояльность каким-либо успехом в боевых действиях.

Все это значительно снизило оставшиеся шансы не допустить прорыва союзников с плацдарма. В эти критические дни фельдмаршал Клюге не уделял должного внимания тому, что происходило на фронте. Он все время был настороже, ожидая репрессий со стороны ставки Гитлера.

Фон Клюге не был единственным генералом, встревоженным возможными последствиями заговора против Гитлера. Страх сковал многих генералов и офицеров верховного командования на несколько недель и даже месяцев после покушения на фюрера».

25 июля американская 1-я армия начала наступательную операцию под кодовым наименованием «Кобра». Развить успех предстояло только что высадившейся 3-й армии Паттона. Немцы бросили в бой последние свои резервы, стремясь остановить продвижение английских войск. 31 июля американские войска прорвали оборону противника у Авранша. Введенные в прорыв танки Паттона устремились на открытую местность за этим рубежом. Гитлер приказал собрать остатки танковых подразделений в ударный кулак и попытаться остановить прорвавшиеся у Авранша американские войска. Эта попытка не удалась. Гитлер тогда заявил: «Наша попытка не удалась потому, что Клюге не хотел добиться успеха». Уцелевшие немецкие армии стремились вырваться из ловушки, в которой они оказались вследствие запрета Гитлера отходить от занимаемых позиций. Значительная часть немецких войск оказалась в так называемом фалезском мешке. Те части, которым удалось вырваться из окружения и переправиться через Сену, вынуждены были оставить все тяжелое оружие и боевую технику¹³⁰.

Клюге был смещен со своего поста. Его нашли мертвым в автомашине, на которой он возвращался в Берлин. Клюге принял яд, поскольку, как писал Блюментрит, «был уверен, что будет арестован гестапо немедленно по прибытии в столицу».

Однако не только у немцев происходили серьезные потрясения в верховном командовании. Правда, в лагере союзников эти потрясения не имели таких серьезных последствий для развития событий или судеб отдельных людей. Многие были обижены, но это выяснилось позже.

Самый крупный «закулисный взрыв» произошел в связи с тем, что англичане начали наступление с плацдарма на две недели раньше, чем американцы у Авранша. Англичане нанесли удар силами 2-й армии под командованием Демпси в районе Кана.

Это был самый мощный танковый удар за всю кампанию. Его нанесли в едином порыве три бронетанковые дивизии. Они были скрытно сосредоточены на небольшом плацдарме за р. Ори и после интенсивной авиационной подготовки, которая длилась около двух часов и осуществлялась 2 тыс. тяжелых и средних бомбардировщиков, перешли в наступление утром 18 июля. Авиационная подготовка буквально подавила немецкие войска

на этом участке фронта. Большинство пленных, оглушенные разрывами, почти сутки не могли даже отвечать на вопросы.

Однако оборона немцев оказалась более глубоко эшелонированной, чем предполагала английская разведка.

Роммель, предвидевший этот удар, торопил своих подчиненных увеличить глубину и усилить прочность обороны. (Перед самым началом наступления англичан он сам попал под удар английской авиации, проезжая в автомашине неподалеку от деревни Сент-Фуа-де-Монтгомери.) Кроме того, немцы слышали шум моторов танков, выдвигавшихся ночью на исходный рубеж наступления. Командир одного из немецких корпусов Дитрих впоследствии заявил, что он различил примерно в шести километрах звуки передвижения танков, прибегнув для этого к приему, освоенному им в России: приложил ухо к земле.

Блестящие перспективы, на которые рассчитывали, планируя операцию, быстро улетучились, когда начали преодолевать первые оборонительные позиции. Головная бронетанковая дивизия завязла в ожесточенных боях против опорных пунктов, оборудованных противником в мелких населенных пунктах, и почему-то не решилась их обойти. Продвижение других дивизий задержала пробка, образовавшаяся на узкой дороге, ведущей из района плацдарма к оборонительным позициям противника. Прежде чем эти дивизии прибыли к району боев, головная дивизия уже остановилась. К исходу дня все возможности добиться успеха были потеряны.

Эта неудача долго оставалась загадкой. Эйзенхауэр в своем донесении писал об этой операции, как о «преднамеренном прорыве» и «наступлении в направлении р. Сены и Парижа». Однако во всех монографиях английских историков после войны говорится, что операция не ставила далеко идущих целей и что никакого прорыва на этом участке фронта не предполагалось.

Такой же точки зрения придерживался и Монтгомери, который утверждал, что операция носила характер «боя за позицию» и ставила целью, во-первых, создать «угрозу», оказав тем самым помощь предстоящему наступлению американцев с плацдарма, и, во-вторых, овладеть пространством, где можно было бы сосредоточить крупные силы для нанесения удара на юг и юго-восток, навстречу наступающим американским войскам.

После войны Эйзенхауэр в своих мемуарах тактично уклонился от описания этих боев, а Черчилль упомянул о них весьма кратко.

А тогда все остро ощутили «разыгравшийся шторм». Недовольно было командование ВВС, особенно Теддер. О его настроении помощник Эйзенхауэра по военно-морским вопросам

капитан 1 ранга Батчер в своем дневнике писал: «Вечером Теддер позвонил Эйзенхауэру и сказал, что Монтгомери остановил продвижение своих танков. Эйзенхауэр был возмущен». По словам Батчера, Теддер на следующий же день позвонил Эйзенхауэру по телефону из Лондона и сообщил, что английский комитет начальников штабов готов сместить Монтгомери, если Эйзенхауэр этого потребует. Сам же Теддер опровергает это утверждение Батчера.

Естественно, что в ответ на эти обвинения Монтгомери заявил, будто задачи прорвать позиции противника не ставилось. Это объяснение вскоре было безоговорочно принято военными обозревателями. Однако оно явно шло вразрез с кодовым наименованием операции — «Гудвуд» (место скачек в Англии). Кроме того, в своем первом заявлении о наступлении 18 июля Монтгомери употребил слово «прорыв». Более того, его замечание о том, что он «доволен ходом событий» в первый день, невозможно увязать с пассивностью действий английских войск во второй день. Именно эта пассивность и вызвала недовольство командования ВВС, которое не разрешило бы использовать такие крупные силы авиации, если бы не было уверено, что намечается прорыв обороны противника.

Более позднее заявление Монтгомери было полуправдой и только подорвало его авторитет. Если он планировал прорыв обороны, не надеясь на успех, то поступил неблагоразумно, не поверив в возможность отступления немцев под мощным ударом его войск и в возможность развития успеха, если бы такового удалось добиться.

Командующий 2-й армией Демпси, считая, что сопротивление немцев будет быстро сломлено, выехал в штаб бронетанкового корпуса, чтобы быть готовым развить достигнутый успех. «Я намеревался захватить все переправы через Ори от Кана до Аржантона, — писал Демпси. — Это позволило бы выйти немцам в тыл и отрезать пути их отхода более эффективно, чем в случае удара американцев на другом крыле фронта». Надежда Демпси на прорыв могла быть реализована 18 июля. Учитывая высказанные им самим намерения, интересно еще раз обратить внимание на утверждения, будто бы прорыв к Фалезу не планировался. Ведь Аржантон, о котором упомянул Демпси, был вдвое дальше.

Кроме того, Демпси понимал, что неоправдавшиеся надежды могут обернуться выгодой. Когда один из офицеров его штаба предложил ему заявить протест против критической оценки прессой операции «Гудвуд», Демпси ответил: «Не беспокойтесь. Это пойдет нам на пользу, сыграет роль мероприятия оператив-

ной маскировки». Успех наступления американских войск с плацдарма, несомненно, во многом объяснялся тем вниманием, которое противник уделил угрозе прорыва у Кана.

Прорыв у Авранша не давал прямым шансов отрезать пути отхода противника. Перспективы в этом отношении зависели от возможности быстрого продвижения на восток или попытки противника удерживать свои позиции до тех пор, пока отход уже станет невозможен.

В действительности же, когда американцы 31 июля прорвались у Авранша, между этим городом и р. Луара в полосе шириной 150 км находилось только несколько немецких батальонов. Таким образом, американские войска имели возможность беспрепятственно продвигаться в восточном направлении. Однако союзное верховное командование упустило предоставившийся шанс развить успех, придерживаясь устаревшего плана-графика, согласно которому следующим шагом должен был стать захват портов Бретани¹³¹.

Отвлечение сил для этой цели не принесло пользы. В Бресте немцы удерживались до 19 сентября, то есть еще 44 дня после того, как Паттон неосмотрительно заявил о захвате этого порта. Лорьян и Сен-Назер оставались в руках противника до конца войны.

Прошло две недели, прежде чем американцы достигли Аржантона и выровняли на левом крыле фронт с англичанами, которые все еще топтались у Кана. Когда Паттону передали по телефону, что он не должен продвигаться дальше на север с целью отрезать пути отхода немецких войск, он воскликнул: «Разрешите мне двинуться на Фалез и сбросить англичан в море, как это уже один раз было в Дюнкерке!»

Таким образом, у немцев было бы достаточно времени, чтобы отвести свои войска к Сене и создать там сильный оборонительный рубеж, если бы не упорство Гитлера, приказ которого запрещал какое-либо отступление с занимаемых позиций. Этот просчет Гитлера вернул союзникам утраченные возможности и позволил им освободить Францию.

Война могла бы закончиться в сентябре 1944 года. Основные силы немецких войск на Западе были сосредоточены в Нормандии и оставались там до тех пор, пока их или разгромили, или окружили. Уцелевшие жалкие остатки не могли оказать серьезного сопротивления и отступили, но вскоре и они были уничтожены стремительно продвигавшимися моторизованными войсками союзников. Когда в начале сентября союзники подошли к германской границе, ничто не могло задержать их дальнейшего продвижения в глубь Германии¹³².

3 сентября 2-я гвардейская бронетанковая дивизия из состава английской 2-й армии стремительным броском овладела Брюсселем, пройдя 120 км по территории Бельгии от исходного района, который она еще утром занимала в Северной Франции. На следующий день 11-я бронетанковая дивизия вышла к Антверпену и захватила важные доки в полной исправности. Ошеломленные немецкие войска сумели произвести лишь незначительные разрушения в этом порту.

В тот же день передовые части американской 1-й армии захватили Намюр на р. Маас.

Четырьмя днями раньше, 31 августа, передовые части американской 3-й армии Паттона форсировали р. Маас у Вердена. На следующий день головные дозоры, не встретив сопротивления, вышли к р. Мозель у Меца, еще на 80 км восточнее. Оставалось около 50 км до Саарского промышленного района на германской границе и меньше 160 км до р. Рейн. Однако главные силы не могли сразу выдвинуться к р. Мозель, так как испытывали нехватку горючего. Они подошли к реке только 5 сентября.

К этому времени противник сумел сформировать из остатков разгромленных соединений около пяти дивизий, которым была поставлена задача удерживать рубеж р. Мозель против шести американских дивизий, наступавших в первом эшелоне армии Паттона.

Англичане, выйдя к Антверпену, оказались в 160 км от того места, где Рейн вступает в Рурский бассейн — крупнейший промышленный район Германии. Если бы союзники захватили Рур, Гитлер не смог бы продолжать войну.

Перед английскими войсками находился совершенно открытый участок фронта шириной 150 км. У немцев здесь не было сил, чтобы закрыть эту брешь. В войне такое встречается редко. Когда Гитлер, находясь в своей ставке на Восточном фронте, узнал об этом, он позвонил по телефону в Берлин командующему воздушно-десантными войсками генералу Штуденту, приказав ему закрыть брешь на участке Антверпен — Маастрихт и создать рубеж обороны вдоль Альберт-канала. Для этого Гитлер рекомендовал использовать все немецкие части в Голландии, а также перебросить в этот район парашютные подразделения и части, проходившие подготовку в различных районах Германии. Эти парашютные подразделения срочно были приведены в боевую готовность и в сжатые сроки отправлены в эшелонах в назначенный район. Между прочим, оружие личному составу этих подразделений выдавалось при выгрузке. Подразделения сразу направлялись в бой. Общая численность парашютистов

составляла только 18 тыс. человек, то есть едва равнялась численности дивизии в союзных армиях.

Это наспех сколоченное формирование получило название 1-й парашютной армии. Громкое название прикрывало множество недостатков. Бывшие полицейские, матросы, выздоравливающие после болезней и ранений, и даже юноши шестнадцати лет были мобилизованы для того, чтобы пополнить ряды этой «армии». Оружия не хватало. Альберт-канал не был подготовлен к обороне, не было фортификационных сооружений, траншей и опорных пунктов.

После окончания войны генерал Штудент писал: «Внезапный прорыв английских войск к Антверпену явился для ставки Гитлера полной неожиданностью. В этот момент у нас не было резервов ни на Западном фронте, ни внутри страны. 4 сентября я принял командование правым крылом Западного фронта на Альберт-канале. В моем распоряжении были только части, сформированные из новобранцев и выздоравливающих больных и раненых, а также дивизия береговой обороны, дислоцировавшаяся в Голландии. К этому добавили танковый отряд, насчитывавший 25 танков и самоходных орудий».

Как свидетельствуют трофейные документы, на всем Западном фронте немцы имели около 100 пригодных для боя танков против 2 тыс. танков, которыми располагали передовые соединения союзников. У немцев было только 570 самолетов, в то время как у союзников на Западном фронте находилось более 14 тыс. самолетов. Таким образом, союзники имели превосходство 20 : 1 в танках и 25 : 1 в самолетах.

Однако, когда победа казалась совсем близкой, темпы продвижения союзных войск резко упали. В следующие две недели, до 17 сентября, союзники продвинулись совсем немного.

Передовые части английских войск после короткой паузы для пополнения и отдыха возобновили наступление 7 сентября и вскоре овладели переправой через Альберт-канал восточнее Антверпена. Однако в последующие дни они сумели продвинуться только на 30 км, к каналу Маас-Эскот. Этот небольшой участок болотистой местности, пересеченный множеством ручьев, немецкие парашютисты отстаивали с таким отчаянием и упорством, какого трудно было ожидать, учитывая их малочисленность.

Американская 1-я армия продвигалась примерно так же, как и англичане, не быстрее. Главные силы армии вышли к сильно укрепленной полосе обороны, и, кроме того, им пришлось с боями пробиваться через район угольных шахт, расположенный вокруг Ахена. Здесь американцы были втянуты в затяжные бои

и упустили более широкие возможности. Ведь когда они вышли к границе Германии на участке протяженностью 130 км между Ахеном и Мецем, против них на гористой, поросшей лесом местности действовали только восемь немецких батальонов. В 1940 году немцы весьма эффективно использовали эту пересеченную местность для внезапного вторжения во Францию. Однако на этом, как казалось легчайшем, пути в Германию союзники встретились с большими трудностями.

Это наблюдалось в равной степени как на севере, так и на юге. Хотя 3-я армия Паттона начала форсировать р. Мозель еще 5 сентября, однако через две недели и даже через два месяца она находилась совсем недалеко от этого рубежа. Ее продвижение задерживали бои за сильно укрепленный город Мец и окрестные пункты, где немцы с самого начала сосредоточили больше сил, чем где-либо.

К середине сентября немцы уплотнили свою оборону по всему фронту, и прежде всего на самом северном участке, на пути к Руру, там, где раньше была самая широкая брешь. Именно здесь Монтгомери готовился теперь нанести самый мощный удар в направлении на Арнем на Рейне. Наступление планировалось начать 17 сентября. Монтгомери намеревался бросить в тыл противника недавно сформированную союзную воздушно-десантную армию, чтобы расчистить путь войскам английской 2-й армии.

Этот удар, не достигнув цели, был отражен немцами. Значительная часть английской 1-й воздушно-десантной дивизии, высаженной в Арнеме, попала в окружение и вынуждена была сдаться в плен. В течение следующего месяца американская 1-я армия продолжала медленно продвигаться в районе Ахена. Монтгомери подтянул канадскую 1-ю армию, чтобы уничтожить две изолированные группировки немцев (на побережье восточнее Бружа и на острове Валхерен), которые препятствовали продвижению англичан к Антверпену и не позволяли использовать этот порт во время высадки десанта в Арнеме. Уничтожение этих группировок потребовало много времени и было завершено лишь в первые дни ноября.

Тем временем немцы сосредоточивали свои силы вдоль фронта, прикрывавшего Рейн. Они действовали быстрее, чем союзники, несмотря на преимущество последних в материальных ресурсах. К середине ноября шесть союзных армий перешли в общее наступление на Западном фронте. Оно привело к незначительным результатам, а потери оказались внушительными. Только в Эльзасе союзникам удалось выйти к Рейну, но это не имело существенного значения. На севере союзники все еще

находились на удалении почти 50 км от Рейна, прикрывающего важный Рурский район, который был занят только весной 1945 года.

Дорого обошлись союзным армиям упущенные в начале сентября благоприятные возможности. Из 750 тыс. человек, которых они потеряли в боях за освобождение Западной Европы, 500 тыс. человек приходится на период после сентября 1944 года. Для всего мира потери составили еще более страшную цифру — миллионы мужчин и женщин погибли на полях сражений и в немецких концентрационных лагерях. И все это в результате затянувшихся сроков окончания войны!

Что же за причины повлекли за собой потерю благоприятных возможностей и привели к таким катастрофическим последствиям? Англичане винили во всем американцев, американцы же — англичан. В середине августа между ними возник спор о задачах союзных армий после форсирования Сены.

Поскольку число подкреплений все возрастало, союзные войска 1 августа были сведены в две группы армий, по две полевые армии в каждой. В составе 21-й группы армий под командованием Монтгомери остались только английские и канадские войска. Американские соединения вошли в состав 12-й группы армий под командованием Брэдли. Однако Эйзенхауэр, как верховный главнокомандующий, поручил Монтгомери по-прежнему осуществлять оперативный контроль и организацию взаимодействия обеих групп армий до тех пор, пока штаб верховного главнокомандующего не переберется на Европейский континент (это произошло 1 сентября). Эта временная мера, сформулированная в туманных выражениях, была продиктована сочувствием Эйзенхауэра к Монтгомери и уважением к его опыту. Однако компромиссное решение, принятое в доброжелательных целях, привело, как это часто случается, к конфликту.

17 августа Монтгомери предложил Брэдли, чтобы «после форсирования Сены 12-я и 21-я группы армий действовали совместно, как единое объединение, насчитывающее 40 дивизий и готовое к решению любых задач». Обе группы армий должны были наступать в северном направлении на Антверпен и Ахен, опираясь своим правым флангом на Арденны.

Выдвинутое им предложение показывает, что Монтгомери тогда еще не понимал всей обстановки и трудностей снабжения такой массы войск при их стремительном продвижении вперед.

Тем временем Брэдли и Паттон обсуждали идею нанесения удара в восточном направлении через Саар к Франкфурту на

Рейне. Брэдли предлагал сделать этот удар главным, используя одновременно обе американские армии. Это означало, что удар в северном направлении имел бы второстепенное значение, что, конечно, пришлось не по вкусу Монтгомери. Кроме того, удар на восток не обеспечивал немедленного захвата Рура.

Эйзенхауэр оказался в неловком положении, выполняя роль буфера между двумя своими ближайшими помощниками. 22 августа он рассмотрел оба предложения и на следующий день имел беседу с Монтгомери, который требовал осуществить единый удар и принять все меры для обеспечения снабжения войск, действующих на направлении главного удара. Это означало бы неизбежную остановку войск Паттона в тот самый момент, когда темпы его наступления были бы наивысшими. Эйзенхауэр попытался доказать Монтгомери, что подобная мера неосуществима по политическим соображениям. «Американская общественность этого не поймет, — говорил Эйзенхауэр. — Англичане еще не вышли к нижнему течению Сены, а войска Паттона уже находятся меньше чем в 300 км от Рейна...»

Перед лицом взаимно исключающих друг друга доводов Эйзенхауэр попытался найти компромиссное решение. Удару войск Монтгомери в северном направлении на Бельгию временно пришлось отдать приоритет, а американская 1-я армия должна была наступать на север параллельно англичанам, чтобы прикрыть их правый фланг, как этого требовал Монтгомери, и обеспечить успешное выполнение задачи. Большую часть имеющихся средств материального обеспечения и транспорта нужно было отдать для обеспечения войск, наступающих в северном направлении, конечно в ущерб обеспечению войск Паттона. После овладения Антверпеном союзные армии должны были действовать по первоначальному плану — наступать к Рейну «на широком фронте к северу и югу от Арденн».

Ни Монтгомери, ни Брэдли предложение Эйзенхауэра не понравилось, однако вначале они протестовали не так энергично, как впоследствии, когда каждый из них считал себя лишенным возможности одержать победу только в результате этого решения Эйзенхауэра. Паттон назвал его «самой крупной ошибкой в войне».

По приказу Эйзенхауэра объем снабжения 3-й армии Паттона был сокращен до 2 тыс. тонн в день, а 1-я армия Ходжеса стала получать 5 тыс. тонн в день. Брэдли писал, что Паттон прибыл в его штаб, «отборно ругаясь». «К черту Ходжеса и Монтгомери! Мы выиграем войну, если 3-я армия получит все необходимое для стремительного продвижения вперед!» — заявил Паттон.

Не желая считаться с ограничением снабжения своих войск, Паттон приказал наступающим корпусам продвигаться вперед, пока хватит горючего, а потом продолжать движение в пешем строю. 31 августа американцы вышли к р. Маас. В предшествующий день армия Паттона получила только 145 тыс. литров горючего вместо необходимых 1800 тыс. литров. Паттона предупредили, что его армия не получит больше горючего до 3 сентября. Встретившись с Эйзенхауэром в Шартре 2 сентября, Брэдли заявил: «Мои люди могут употреблять в пищу ременные пояса, но танкам нужно горючее!»

После захвата Антверпена 4 августа армия Паттона стала снабжаться наравне с 1-й армией и могла продолжать наступление в восточном направлении. Однако к этому времени сопротивление противника усилилось, и вскоре продвижение 3-й армии было остановлено на рубеже р. Мозель. По мнению Паттона, Эйзенхауэр поступил стратегическими преимуществами ради сохранения согласия между командующими группами армий и упустил возможность добиться быстрой победы, удовлетворяя «неуемные аппетиты Монтгомери».

Со своей стороны Монтгомери считал идею Эйзенхауэра о «наступлении на широком фронте» ошибочной и возражал против предоставления предметов снабжения армии Паттона, нанеся отвлекающий удар в восточном направлении, хотя исход удара его (Монтгомери) войск в северном направлении оставался неясным. Естественно, жалобы Монтгомери усилились после неудачи в Арнеме. Он считал, что стговор Паттона с Брэдли и Брэдли с Эйзенхауэром сыграл губительную роль в затягивании войны и помешал успешно осуществить его план.

Легко понять, что Монтгомери не соглашался с любыми действиями, которые шли вразрез с его планом. На первый взгляд кажется, что у Монтгомери были основания жаловаться на решение Эйзенхауэра о возобновлении ударов в двух направлениях. Большинство английских военных обозревателей, не вникая в суть дела, считали это решение основной причиной затяжки войны. Однако при более глубоком изучении вопроса становится ясно, что решение Эйзенхауэра не имело столь принципиального значения.

Ведь Паттон в течение первой половины сентября ежедневно получал 2500 т предметов материально-технического обеспечения — только на 500 т больше, чем в те дни, когда его армия вынуждена была остановиться. Эта цифра не идет ни в какое сравнение с суточной нормой снабжения армий, нанесящих удар в северном направлении, и этих предметов снабжения едва хватило бы, чтобы обеспечить дополнительно одну дивизию.

Значит, чтобы найти причину затяжки войны, нужен более глубокий анализ.

Одна из трудностей возникла из-за решения высадить крупный воздушный десант в Турне, на бельгийской границе южнее Брюсселя, в интересах содействия удару союзных войск в северном направлении. Наземные войска вышли к этому рубежу раньше, чем намечалось осуществить высадку, и воздушно-десантную операцию, естественно, отменили. Однако для подготовки к этой операции была зарезервирована транспортная авиация, отсутствие которой на шесть дней лишило наступающие армии снабжения, и они не получили 5 тыс. тонн нужных грузов. В пересчете на горючее это означало 6,8 млн литров. Этого горючего хватило бы для того, чтобы обеспечить выход двух армий к Рейну в тот момент, когда противник еще не организовал оборону.

Кто ответствен за решение провести воздушно-десантную операцию, повлекшее за собой такие печальные последствия, установить трудно. Любопытно, что и Эйзенхауэр, и Монтгомери в своих послевоенных мемуарах приписывают это решение себе. Эйзенхауэр пишет: «Мне казалось, что в районе Брюсселя создалась выгодная обстановка для выброски воздушного десанта. Мнения по вопросу о целесообразности отвлечения транспортной авиации от выполнения задач по снабжению были различные, но я решил рискнуть...» Монтгомери же пишет: «У меня был готовый план выброски воздушного десанта в Турне». Далее фельдмаршал пишет об этом как о своей идее. Брэдли со своей стороны утверждает: «Я просил Эйзенхауэра отказаться от идеи выброски воздушного десанта и оставить нам самолеты для подвоза предметов снабжения».

Важно отметить еще один фактор. Дело в том, что значительную долю в предметах снабжения для войск, наносивших удар в северном направлении, составляли боеприпасы, хотя особой необходимости в них не испытывали, так как противник был дезорганизован. Вместо боеприпасов следовало бы увеличить долю горючего, поскольку необходимо было вести преследование и лишить противника возможности сосредоточить свои силы.

Далее, поток снабжения для армий Монтгомери в критический момент серьезно ограничивался в связи с тем, что использовались английские трехтонные грузовые автомобили (их было около 1400 шт.), которые из-за неисправности двигателей часто выходили из строя. Если бы все эти автомобили были в исправности, войска 2-й армии получили бы дополнительно 800 тонн предметов снабжения, а этого бы хватило для двух дивизий.

Еще более важное значение имел тот факт, что английские и американские войска были весьма расточительны в определении норм снабжения. Планы снабжения союзных войск строились в расчете на то, что каждой дивизии требовалось 700 тонн предметов снабжения в день, в том числе 520 тонн для дивизий первого эшелона. Немцы были гораздо экономнее, расходуя 200 т предметов снабжения на каждую дивизию в день. А ведь им приходилось испытывать налеты авиации и нападения партизан, чего не знали союзные войска.

Трудности снабжения, обусловленные расточительностью норм снабжения, усугублялись расточительностью расходования предметов снабжения в войсках. Вот один из примеров. Он касается тары для горючего, имеющей важное значение в снабжении войск: из 17,5 млн. канистр, отправленных во Францию после высадки союзных войск в июне 1944 года, осенью удалось собрать только 2,5 млн. канистр.

Еще одним важным фактором, обусловившим неудачу наступления союзных войск в северном направлении, явилось то обстоятельство, что американская 1-я армия фактически застряла в укрепленном районе вокруг Ахена. Если проанализировать сложившуюся здесь обстановку, то станет совершенно очевидно, что неудача в действиях американской 1-й армии (она получала примерно три четверти объема снабжения всех американских войск, конечно в ущерб войскам Паттона) объясняется требованием Монтгомери использовать главные силы этой армии севернее Арденн для прикрытия фланга английских войск. Пространство между полосой наступления английских войск и Арденнами было таким узким, что американская 1-я армия не имела свободы маневра для обхода Ахена.

Американская 1-я армия не смогла оказать помощи Монтгомери и на следующем этапе боевых действий, когда фельдмаршал в середине сентября начал наступление на Арне. Англичане тоже поплатились за свою непредусмотрительность. Когда 4 сентября 11-я бронетанковая дивизия ворвалась в Антверпен и захватила в полной исправности доки, никаких мер не было принято для охраны мостов через Альберт-канал на окраине города. Немецкие диверсанты взорвали эти мосты через два дня после захвата Антверпена, когда англичане попытались форсировать канал. Дивизии было приказано двинуться на восток. Командир дивизии не подумал об охране мостов сразу же после овладения городом, и никто не подумал о том, чтобы отдать ему такой приказ. Виновны в этом все командиры, в том числе и сам Монтгомери, хотя обычно они внимательно относились к каждой важной детали плана действий.

Далее, в 30 км севернее Антверпена находится выход с Бевелендского полуострова. Это узкая полоска земли шириной всего несколько сотен ярдов. Во вторую и третью неделю сентября остаткам немецкой 15-й армии, отрезанной на побережье, удалось ускользнуть на север. Их переправили на пароме через устье Шельды, и они прошли через Бевелендский полуостров. Три дивизии, таким образом, усилили войска на фронте в Голландии до начала наступления Монтгомери к Рейну у Арнема. Это помогло немцам отразить удар англичан.

Каков же был лучший план действий для союзников с точки зрения немецкого командования? Блюментрит считал правильным план Монтгомери о сосредоточенном ударе на север с целью прорыва к Руру и далее к Берлину. Блюментрит писал:

«Тот, кто владеет севером Германии, владеет ею в целом. Такой прорыв в условиях господства в воздухе привел бы к развалу немецкого фронта и окончанию войны. Берлин и Прагу удалось бы занять раньше русских».

По мнению Блюментрита, союзные войска действовали на слишком широком фронте и были сгруппированы слишком равномерно. Особенно критически Блюментрит оценивал наступление в направлении Меца:

«В прямом ударе на Мец не было необходимости. Укрепленный район вокруг этого города следовало бы обойти. Наоборот, удар в северном направлении на Люксембург и Битбург принес бы больший успех и привел бы к разгрому нашей 1-й, а потом и 7-й армий. Благодаря этому фланговому удару вся 7-я армия могла бы быть отрезана прежде, чем ее войска сумели бы отойти за Рейн».

Генерал Вестфаль, сменивший 5 сентября Блюментрита на посту начальника штаба Западного фронта, считал, что выбор направления удара имел гораздо меньшее значение, чем сосредоточение усилий для достижения избранной цели.

«Общая обстановка на Западном фронте для нас была исключительно опасной. Крупное поражение на любом участке фронта, который мы не в состоянии были уже прикрыть полностью, могло привести к катастрофе, если бы противник сумел развить достигнутый успех. Особую опасность вызывал тот факт, что ни один мост на Рейне не был подготовлен к взрыву. Потребовалось несколько недель, чтобы исправить положение. До середины октября противник мог прорваться в любом месте и получил бы возможность форсировать Рейн и беспрепятственно нанести удар в глубь Германии».

Вестфаль отмечал, что в сентябре самым уязвимым на Западном фронте был люксембургский участок, откуда открывал-

ся доступ к Кобленцу на Рейне. Мнение Вестфаля совпадает с заявлением Блюментрита о значении удара на этом слабо обороняемом участке Арденнского массива между Мецем и Ахеном.

Каковы же основные выводы, которые можно сделать по итогам действий союзников в этот критический период?

Предложенный Эйзенхауэром план наступления на широком фронте к Рейну (этот план разработали еще до начала вторжения в Нормандию) был бы неплохим методом подавления сопротивления все еще сильного противника, однако он не отвечал требованиям сложившейся обстановки. В этот период противник был дезорганизован, и следовало воспользоваться этим, стремительно продвигаясь вперед и не давая возможности противнику привести свои силы в порядок. Для этого нужно было безостановочно преследовать противника.

В этих условиях план Монтгомери — нанести один сосредоточенный удар — был в принципе лучше. Факты свидетельствуют, что причина неудачного исхода наступления в северном направлении вовсе не в том, что пришлось отвлечь часть запасов предметов снабжения для армии Паттона, как это принято считать. Гораздо бóльшие трудности возникли из-за ошибок, допущенных командованием 21-й группы армий: задержка с открытием порта Антверпена; прекращение на шесть дней снабжения по воздуху из-за подготовки ненужной воздушно-десантной операции; подвоз лишнего количества боеприпасов и других материальных средств, из-за чего на хватало транспорта для подвоза горючего; использование 1400 английских грузовых автомобилей с дефектными двигателями; использование войск американской 1-й армии в полосе, ограничивавшей свободу их маневра; небрежность, в результате которой мосты через Альберт-канал, не охраняемые после овладения Антверпеном, оказались взорванными противником к моменту, когда было принято решение форсировать канал.

Самую фатальную роль при выполнении задачи выхода к Рейну сыграла пауза в боевых действиях после захвата Брюсселя и Антверпена — с 4 по 7 сентября. Этот факт трудно воспринять, учитывая цель, которую ставил Монтгомери в наступлении от берегов Сены, — оттеснить противника к Рейну и форсировать реку прежде, чем он сумеет организовать оборону на этом рубеже. Постоянное давление на противника — залог успеха при глубоком прорыве или преследовании. Промедление даже в один день обрекает операцию на неудачу.

Однако в союзных войсках с того момента, как они вступили в Бельгию, царило благодушие. Этим настроениям способствовали сами руководители союзных армий. Разведка доложила

Эйзенхауэру, что у немцев нет сил для удержания фронта. Представителям печати было сообщено, что «мы пройдем сквозь немецкую оборону, как нож сквозь масло». Эйзенхауэр передал эти заверения своим подчиненным. Так, 15 сентября он писал Монтгомери: «Мы скоро захватим Рур и Саар, а также район Франкфурта. Мне бы хотелось иметь ваши соображения о дальнейших действиях». Такой оптимизм был характерен для всех штабов. Генерал Хоррокс, объясняя, почему он не отдал приказ о захвате мостов через Альберт-канал, откровенно сказал: «Я не рассчитывал в тот момент встретить какое-либо сопротивление на Альберт-канале. Нам казалось, что немцы полностью дезорганизованы».

Рассказывая о боевом пути 21-й группы армий, Норт на основе официальных документов правильно характеризует царившие тогда настроения: «Война окончена — так думали все в наших войсках». По этой причине командный состав не видел необходимости в каких-то срочных мерах, а солдаты, естественно, воздерживались от активных действий, стараясь не оказаться убитыми, когда все думали, что «война окончена».

Однако самая лучшая возможность быстро закончить войну была упущена, когда в последнюю неделю августа танки Паттона, находясь на 160 км ближе к Рейну, чем англичане, оказались без горючего.

Паттон острее других чувствовал необходимость в безостановочном преследовании противника. Он был готов наступать в любом направлении. Он даже 23 августа предложил, чтобы его армия начала наступление в северном направлении, а не двигалась на восток. Весьма примечательно его заявление по этому поводу: «Нельзя обстановку подгонять под принятый план действий. Нужно, чтобы планы отвечали требованиям обстановки. Успех зависит от того, сумеет ли командование добиться этого».

Главная же причина всех неприятностей союзников в период, когда открывались величайшие возможности, состоит в том, что ни один из союзных руководителей не ожидал такой полной дезорганизации противника, которая произошла в августе. Союзные руководители ни морально, ни материально не были готовы развить достигнутый успех, нанеся решительный удар на значительную глубину.

Освобождение России

Ход кампании на Восточном фронте в 1944 году определялся тем фактом, что по мере продвижения русских ширина фронта оставалась прежней, а силы немцев сокращались. Поэтому естественно, что продвижение русских продолжалось без помех и задержки вызывались только трудностями снабжения. Ход событий явился прекрасным доказательством решающего значения соотношения пространства и сил. Более того, паузы в продвижении были мерой пространства, через которое русские осуществляли снабжение своих войск.

Главное место в кампании отводилось ударам на двух направлениях противоположных крыльев фронта, причем за каждым из ударов следовала длительная пауза. Первый удар был предпринят в середине зимы, второй — в середине лета. Во вспомогательной операции, которая привела на южном крыле к перемещению фронта в Центральную Европу, паузы были короче. Это объяснялось тем, что соотношение размеров, пространства и численности немецких войск здесь оказалось больше, чем в основном районе театра, а поэтому русским нужно было накапливать меньше сил для прорыва каждого следующего рубежа обороны немцев.

Зимнее наступление вначале развивалось так же, как осеннее, и дало примерно такой же эффект, но не из-за просчетов немецкого командо-

вания, а потому, что немцы все меньше могли «свести концы с концами». В начале декабря 1943 года Конев совершил обходной фланговый маневр, стремясь преодолеть сопротивление немцев у Кривого Рога и попытаться ликвидировать немецкую группировку в излучине Днепра. Нанеся на этот раз удар в западном направлении с кременчугского плацдарма, войска Конева продвинулись почти до Кировограда. Этот удар и удар с черкасского плацдарма вынудили немцев израсходовать значительную часть своих тощих резервов. Манштейн оказался перед дилеммой. Получив от Гитлера приказ, запрещающий отводить войска (этого требовали стратегические соображения), Манштейн вынужден был пытаться «залатать дыры» на участке между излучиной Днепра и Киевом, хотя это уменьшало его шансы удержать войска Ватутина на киевском выступе. А именно здесь русские теперь быстро накапливали силы.

Новое наступление войск Ватутина началось в канун Рождества под прикрытием плотного утреннего тумана. Так начиналось почти каждое наступление в последний период Первой Мировой войны. В первый же день русские прорвали позиции немцев. Полоса прорыва была настолько широкой, что всякие контрмеры оказались бесполезными. Недели спустя Ватутин занял Житомир и Коростень и одновременно перенес часть усилий на юг, к опорным пунктам немцев в Бердичеве и Белой Церкви.

3 января 1944 года русские подвижные войска, нанеся удар в западном направлении, овладели узлом железных дорог Новоград-Волынский, в 80 км западнее Коростеня. На следующий день они перешли довоенную польскую границу. На юге немцы оставили Белую Церковь и Бердичев, отойдя к Виннице и Бугу, чтобы прикрыть рокадную дорогу Одесса—Варшава. Здесь Манштейн собрал некоторые резервы и нанес контрудар, однако он оказался слишком слабым, а Ватутин был хорошо подготовлен к его отражению. Хотя контрудар несколько задержал продвижение русских к Бугу, теперь русским открывалась возможность флангового удара. Русские нанесли удар из районов Бердичева и Житомира, обошли узел сопротивления в Шепетовке и 5 февраля овладели важным городом Ровно. В тот же день, нанеся фланговый удар, русские заняли Луцк, примерно в 80 км северо-западнее Ровно.

Еще бóльшую опасность для немцев создал удар русских на юге. Здесь левое крыло войск Ватутина соединилось с правым крылом войск Конева для уничтожения немецких сил, которые по приказу Гитлера оставались между киевским и черкасским плацдармами русских. Кольцо окружения замкнулось 28 января. В ловушке оказалось почти шесть дивизий. Попытки пробиться к окруженным войскам в конце концов удались, главным

Рис. 21. Освобождение советской территории

образом благодаря усилиям 3-го и 47-го танковых корпусов. В корсунском котле из 60 тыс. человек 30 тыс. были уничтожены, 18 тыс. попали в плен или были ранены.

Попытки освободить окруженные дивизии предпринимались за счет ослабления сил в излучине Днепра. Немцы не смогли отразить удара, который нанесли войска Малиновского в основании никопольского клина. Немцам пришлось оставить Николаполь 8 февраля. Важное месторождение марганцевой руды было потеряно для Германии. В Кривом Роге немцы удерживались еще две недели, а затем оставили этот город ввиду угрозы окружения.

Глубокие вклинения русских на Южном фронте между Припятскими болотами и Черным морем увеличили ширину фронта, который немцам приходилось прикрывать, а жесткий приказ Гитлера не позволял им сократить протяженность фронта за счет его выравнивания. Возросшие потери, особенно в корсунском котле, привели к образованию брешей в линии фронта, которые немцы не могли залатать. Принцип, которого приказал придерживаться Гитлер, привел к более значительному отступлению, чем требовалось осуществить два месяца назад.

Слабость позиций и бреши в линии фронта вызывали чувство обреченности у немецких солдат. Это чувство усугублялось не только численностью наступавшего противника, но и тем, что противник не испытывал очевидных трудностей в снабжении. Армии русских шли лавиной. Русские солдаты переносили такие трудности, которые оказались бы не под силу солдатам западных армий, и продолжали наступать тогда, когда другие остановились бы в ожидании восстановления коммуникаций. Немецкие мобильные войска, пытавшиеся остановить продвижение русских путем нанесения ударов по их коммуникациям, редко находили подходящие объекты для атаки.

Шансы остановить наступление еще больше уменьшились после того, как был отстранен от должности Манштейн. В качестве официальной причины называли болезнь Манштейна, однако его смещение было вызвано обострением отношений с Гитлером, стратегию которого Манштейн считал бессмысленной и с которым он спорил в неприемлемом для Гитлера тоне. Таким образом, человек, которого немцы считали лучшим стратегом, оказался не у дел. Здоровье Манштейна быстро поправилось, но он мог теперь следить за событиями только по карте, удалившись в свое родовое имение. А немецкую армию слепо вели к пропасти.

Начало марта 1944 года ознаменовалось новым комбинированным маневром, еще более широким по масштабам охватом. Сначала внимание немцев приковал к себе удар в верховьях

Буга, в юго-восточной Галиции. Этот удар нанесли войска маршала Жукова, который сменил Ватутина, нарвавшегося на засаду и смертельно раненного националистами. Нанеся удар из Шепетовки, войска Жукова продвигались по 50 км в сутки и 7 марта у Тарнополя перерезали железнодорожную линию Одесса — Варшава. Русские вышли во фланг оборонительным позициям на Буге раньше, чем немцы сумели отойти на них и закрепиться.

На другом крыле Южного фронта Малиновский уже теснил немецкие войска в нижней части излучины Днепра. Используя захваченные позиции и у Никополя и у Кривого Рога, он начал охватывающий маневр. 13 марта войска Малиновского заняли порт Херсон в устье Днепра и окружили часть сил немцев в этом районе. Одновременно другое крыло войск Малиновского, наступая с севера, достигло Николаева в устье Буга. Немцы оказали здесь упорное сопротивление, и город был занят только 28 марта.

Более драматичное событие произошло на центральном участке фронта, между полосами действий войск Жукова и Малиновского. Пользуясь тем, что внимание немцев сосредоточено на действиях войск Малиновского и Жукова, Конев нанес удар в направлении Умани и вышел к Бугу. Не теряя времени, его танки двинулись к Днестру, протекающему в этом районе в 110 км от Буга. Лед на Днестре начал таять, и эта река с быстрым течением и крутыми берегами казалась трудным препятствием и удобной для обороны позицией. Однако для обороны немцы не имели необходимых сил. 18 марта русские танки вышли к реке и с ходу форсировали ее по понтонным мостам у Ямполья и соседних городов. Легкость форсирования объяснялась стремительностью наступления русских и растерянностью немецких войск. Ведущую роль здесь вновь сыграли бронетанковые войска под командованием генерала Ротмистрова. Они сумели подавить сопротивление противника, применив новый тактический прием: наступление велось в широко рассредоточенных боевых порядках, и тем самым обрекалась на неудачу попытка противника остановить их продвижение путем удержания опорных пунктов на главном направлении наступления.

Глубокое вклинение в оборону противника было связано с большим риском. В это время левое крыло войск Жукова нанесло новый удар в южном направлении на Тарнополь. Этот удар, хорошо рассчитанный по времени, был нанесен сразу же после отражения контратак немцев у Тарнополя. Организовав оборону, русские отбили контратаку и двинулись следом за отходившим противником. Удар имел целью соединиться с наступающими войсками Конева. После быстрого продвижения к Днестру войска Конева повернули на юг вдоль восточного бе-

рега реки, охватывая фланг противника и прижимая его к правому крылу войск Конева. Этот комбинированный удар не только обеспечивал безопасность флангов наступающих войск, но и открывал хорошие перспективы для развития успеха.

Нанося эти фланговые удары, русские расширяли полосу прорыва и окружали силы противника, слишком поздно начавшие отход. Кроме того, русские продолжали продвигаться и в западном направлении. До конца марта войска Конева вышли к Пруту у Ясс, а войска Жукова овладели важными пунктами Коломыя и Черновцы, форсировав Прут в верхнем течении. Русские, таким образом, подошли вплотную к Карпатам.

Немцам необходим был этот горный барьер, и не только чтобы помешать вторжению русских на Центральноевропейскую равнину, но и для ведения длительной обороны Балканского полуострова. Карпаты, к которым на юге примыкают Трансильванские Альпы, представляют собой отличный естественный оборонительный рубеж. Протяженность этой горной гряды в стратегическом отношении уменьшается из-за сравнительно небольшого числа перевалов, и, таким образом, создается возможность сэкономить силы. Между Черным морем и горной местностью у Фокшаны находится равнинный участок шириной 200 км, однако его восточную часть занимают дельта Дуная и цепочка озер, поэтому ширина опасной зоны фактически составляет 100 км в районе Галацкого прохода.

В начале апреля казалось, что немцы вот-вот отойдут на этот тыловой оборонительный рубеж, северо-восточной части которого уже угрожали войска Жукова, прорвавшиеся между Гарнополем и Черновцами в направлении Яблоницкого перевала. Казалось, Жуков намеревается внезапно обрушиться на Будапешт, как это однажды сделал Сабутай, который командовал монгольскими ордами Чингисхана и в марте 1241 года прорвался через Венгерскую равнину к Дунаю.

1 апреля передовые части Жукова подошли к Яблоницкому перевалу. Горы здесь значительно ниже и положе, чем на юге. Перевал лежит на высоте не более 930 метров над уровнем моря. Но даже при столь незначительной высоте в случае упорной обороны перевал преодолеть нелегко, поскольку свобода маневра наступающих войск ограничена. И действительно, рядовым частям не удалось с ходу прорваться через перевал, а потом не хватило сил, чтобы сразу возобновить наступление. После стремительного продвижения войска нуждались в пополнении запасов средств материального обеспечения.

Немцы же оказались в выгодном положении, отойдя к сети коммуникаций, опирающейся на Львов. С отходом в Галицию у

них появилась возможность сосредоточить свои силы. На следующей неделе немцы нанесли сильный контрудар. Они преследовали двойную цель — остановить продвижение русских и вырвать из окружения 18 дивизий 1-й танковой армии, пойманных в ловушку восточнее Днестра войсками Жукова и Конева. Эта группировка попыталась пробиться на запад через Скалу и Бузак к Львову.

Продвижение войск Конева за Прутом было приостановлено неподалеку от реки. Русским не удалось прорваться к Яссам, находящимся всего в 15 км западнее Прута, но они вышли к Серету, несколько севернее. Перед Коневым, однако, в этот момент стояла более важная цель. Левое крыло его войск продвигалось на юг вдоль Днестра в тыл войскам противника. Здесь действовали в основном румынские части. Фланговый удар войск Конева совпал с наступлением войск Малиновского из района Николаева на Одессу.

Эта угроза поставила в трудное положение Шернера, который сменил Клейста на посту командующего бывшей группой армий «А» (теперь она называлась группой армий «Южная Украина»), и Моделя, который сменил Манштейна на посту командующего группой армий «Северная Украина» (раньше называлась группой армий «Дон» и группой армий «Юг»). Трудности для Шернера усугублялись бедственным состоянием и слабостью коммуникаций в тылу, так как после выдвигания русских к Карпатам его войска оказались отрезанными от армий в Польше и могли пользоваться лишь дорогами через Балканы и через Венгрию.

В это время тяжелые бомбардировщики союзной авиации, базирующиеся в Италии, нанесли серию ударов по узлам коммуникаций. Первыми объектами их ударов стали Будапешт, Бухарест и Плоешти. Однако эти удары, нанесенные в первую неделю апреля, уже не могли оказать непосредственного влияния на ход событий.

5 апреля войска Малиновского вышли к станции Раздельная, лишив противника возможности пользоваться единственной оставшейся в исправности железнодорожной линией из Одессы. 10 апреля этот крупный порт был занят. Большой части войск противника удалось ускользнуть. Они отошли к нижнему течению Днестра. Отсюда линия фронта тянулась к Яссам.

В первую неделю мая войска Конева нанесли мощный удар западнее Ясс по обоим берегам Серета, используя в этих боях новые танки «ИС».

В апреле был освобожден Крым. Численность оккупантов, наполовину немецких, наполовину румынских, на этом полуострове постепенно сокращалась путем эвакуации по морю. Наступающие войска русских испытывали трудности, поскольку противнику не требовалось больших сил, чтобы удерживать два узких прохода в горах. Захват Крыма требовал нанесения удара

крупными силами и хорошей организации наступления. Именно поэтому Гитлер долго удерживал этот полуостров, пока русские войска не продвинулись намного западнее его. В данном случае Гитлер мог вполне оправданно пожертвовать силами, оборонявшимися Крым, ибо бои на полуострове отвлекали значительные войска русских в критический момент.

Главный удар на Крым нанесли войска Толбухина. Это было 8 апреля после разведки боем с целью вскрыть систему огня противника. Фронтальному удару на Перекопском перешейке содействовал вспомогательный удар через Сиваш во фланг и тыл противника. Когда в результате этого маневра были открыты ворота в Северный Крым, войска Еременко нанесли удар с Керченского полуострова. К 17 апреля наступающие войска двух группировок русских соединились в окрестностях Севастополя и захватили в плен 37 тыс. человек. Немцы пытались удержаться на позициях южнее Перекопа, вместо того чтобы сразу отойти к Севастополю. Это позволило Толбухину подтянуть танки, прорвать наспех занятую оборону, фронт которой был слишком растянут, и захватить в плен большую часть войск противника, прежде чем они сумели отойти к Севастополю.

Чтобы овладеть этим укрепленным городом, русские подтянули тяжелую артиллерию. У немцев же не хватало сил для создания обороны необходимой плотности. И все же Гитлер требовал любой ценой удерживать Севастополь. Русские перешли в наступление в ночь на 6 мая и быстро прорвались на северо-восточных подступах к городу между Инкерманом и Балаклавой. Наконец, 9 мая Гитлер отменил свой приказ удерживать Севастополь, пообещав прислать корабли для эвакуации гарнизона, 10 мая гарнизон оставил город и отошел к полуострову Херсонес, 13 мая здесь сдались в плен 30 тыс. солдат и офицеров немецко-румынских войск. Лишь немногим удалось спастись морем. Большинство пленных составляли немцы. Еще до начала наступления русских немецкое командование эвакуировало румынские части, чтобы в обороне полагаться только на свои силы. Эта мера могла бы увеличить сроки обороны, если бы не фатальная жесткость плана оборонительных действий.

На другом крыле Восточного фронта в первые месяцы 1944 года русские тоже продвигались вперед, хотя и не так быстро, как на юге. В начале года немцы все еще стояли у Ленинграда. Их позиции от окрестностей города протянулись на 100 км к востоку, а затем проходили вдоль р. Волхов до озера Ильмень. На другом берегу этого озера немцы удерживали города-крепости Новгород и Старая Русса. В середине янва-

ря русские начали долгожданное наступление с целью снять блокаду Ленинграда. Нанеся удар с побережья западнее города, войска Говорова прорвались на левом фланге выступа, занятого немецкими войсками. Войска Мерецкова глубоко вклинились на правом фланге немцев у Новгорода. В результате блокада Ленинграда была снята и восстановлено железнодорожное сообщение с Москвой. Этот успех привел к изоляции Финляндии.

Завершив отход, немцы заняли позиции от Финского залива у Нарвы до Пскова, выравнивание и сокращение фронта на какое-то время улучшили положение немцев, тем более что практически сокращение фронта обороны было гораздо существеннее, чем при взгляде на карту. Три четверти полосы протяженностью 200 км между побережьем и Псковом занимали два крупных озера — Чудское и Псковское. В конце февраля Говоров внезапным ударом захватил плацдарм за р. Нарва, между побережьем залива и Чудским озером.

Оказавшись в изоляции, финское правительство в середине февраля вступило в переговоры о заключении перемирия. В сложившейся обстановке условия, выдвинутые русскими, следует признать умеренными. Они сводились в основном к восстановлению границ 1940 года. В марте переговоры прервались, но уже было ясно, что весь вопрос только во времени. Инициатива, предпринятая Финляндией, оказала влияние и на других сателлитов Германии, которые также начали прощупывать почву для подписания перемирия.

Стабилизация положения на Восточном фронте весьма значительно облегчила положение Германии. Ее ресурсы были настолько истощены, что время уже не могло ей помочь. Русским же нужно было время для подготовки новых ударов. Не меньше нуждались в передышке и те сателлиты Германии, которые уже подумывали пойти на перемирие с Россией. На мирные устремления сателлитов, как и на работу тыловых коммуникаций Германии, все большее влияние стали оказывать усилившиеся удары бомбардировочной авиации союзников по объектам на Балканах. Так, 2 июня начались «челночные» полеты американских бомбардировщиков «летающая крепость». Американские самолеты, выполнив боевое задание, приземлялись на русских аэродромах, заправлялись горючим и пополняли свой бомбовый запас, чтобы нанести новые удары по пути на базы в Средиземноморье. На всем протяжении полета бомбардировщиков сопровождали истребители дальнего действия. Подобные «челночные» полеты английских бомбардировщиков начались 21 июня.

10 июня русские нанесли удар по финским войскам на Карельском перешейке, между Ладожским озером и Финским за-

ливом. Прорвав несколько оборонительных позиций противника, войска Говорова 20 июня овладели Выборгом и, таким образом, вышли за пределы перешейка. Финны сразу же выразили готовность принять условия перемирия русских, которые раньше они отвергали. Тем временем в Хельсинки отправился Риббентроп. Подогревая опасения финнов, он пообещал прислать в Финляндию подкрепление. Успеху миссии Риббентропа содействовал тот факт, что русские замедлили темпы наступления на покрытой озерами местности за границей 1940 года. Таким образом, военные действия на севере продолжались, хотя и в ограниченных масштабах. Учитывая позицию правительства Финляндии, правительство США, долгое время сохранявшее отношения с этой страной, решило порвать их. Немцы же увеличили численность своих войск в Финляндии.

У русских были все основания остаться довольными развитием событий, и 23 июня они перешли в наступление против немецких войск. К этому времени союзные войска уже закрепились на плацдарме в Нормандии и вели наступательные действия севернее Рима. Однако русские выиграли больше, чем западные союзники, оттого, что Гитлер по-прежнему настаивал на ведении жесткой, а не эластичной обороны.

Хотя русские готовились к наступлению на всем протяжении фронта от Карпат до Балтики, обращал на себя внимание участок южнее Припятских болот. Здесь русские глубоко вклинились на территорию Польши, и было естественно ожидать, что весной они возобновят удары, которые позволят им выйти ко Львову и овладеть Ковелем.

Однако русские предпочли начать наступление на самом «отсталом» участке своего фронта, поступив точно так же, как немцы в 1942 году. Они нанесли удар в Белоруссии, севернее Припятских болот, там, где немцы все еще удерживали значительную часть советской территории.

Выбор был сделан правильно. Поскольку на северном участке русские к началу кампании продвинулись меньше, чем на других участках, их коммуникации были короче и обеспечивали нанесение мощного начального удара. В связи с тем, что в 1943 году здесь удалось сдержать натиск русских, немцы вряд ли бы рискнули усилить войска на этом участке за счет более важного и опасного направления между Ковелем и Карпатами. Хотя на большей части этого участка немцам удалось удержать свои позиции в предшествующие осень и зиму, русские сумели вклиниться на флангах, у Витебска и Жлобина. Это создавало благоприятные возможности для возобновления наступления. Кроме того, в случае отхода немцев русские получали хорошие

возможности выйти противнику в тыл, нанеся удар из района Ковеля. Здесь русские войска находились у западной оконечности полосы болот, разделявшей немецкие армии.

Перед началом наступления управление войсками на участке фронта от Балтики до Припятских болот было реорганизовано и войска были усилены. Теперь здесь действовало семь фронтовых объединений. Справа — Ленинградский фронт Говорова; далее на юг — 3-й Прибалтийский фронт Масленникова и 2-й Прибалтийский фронт Еременко. Эти фронты пока не вели наступательных действий. Наступление начали четыре фронта: 1-й Прибалтийский фронт под командованием Баграмяна (войска этого фронта раньше вклинились в позиции противника у Витебска); 3-й Белорусский фронт под командованием Черняховского — самого молодого из советских военачальников; 2-й Белорусский фронт под командованием Захарова и 1-й Белорусский фронт под командованием Рокоссовского (войска этого фронта ранее вклинились в позиции противника у Жлобина).

Основную тяжесть удара русских приняли на себя войска группы армий «Центр» под командованием Буша, который сменил на этом посту Клюге, получившего тяжелые повреждения в автомобильной катастрофе. Хотя в течение зимы русским не удалось прорвать оборону противника на этом участке фронта, Буш и его подчиненные хорошо понимали, насколько близки были русские к успеху, и теперь сомневались, сумеют ли они выдержать новый удар в благоприятных для наступающих условиях. В предвидении этого удара Буш хотел отвести свои войска к р. Березина, то есть на 150 км к западу. Но Гитлер и слышать не хотел о каком-либо отходе.

Тепельскирх, сменивший Хейнрици на посту командующего 4-й армией, несколько смягчил удар русских, отведя свои войска к позициям в верхнем течении Днепра. Однако в целом это не дало эффекта, так как русские сосредоточили основные усилия в районах, где они сумели вклиниться в позиции немцев еще до начала кампании.

На севере русские овладели Витебском, нанеся удары по сходящимся направлениям силами Баграмяна между Витебском и Полоцком и силами Черняховского между Витебском и Оршей. Витебск был занят на четвертый день операции. Русские образовали огромную брешь в позициях немецкой 3-й армии. Создалась возможность продвигаться на юг, к шоссе Москва — Минск, и создать угрозу тылу немецкой 4-й армии, которая сдерживала натиск войск Захарова. Опасность положения этой армии увеличилась после того, как войска Рокоссовского нанесли удар севернее Припятских болот в полосе обороны 9-й ар-

мии. Прорвав оборону немцев у Жлобина (этот город был занят на четвертый день операции), Рокоссовский форсировал Березину и двинулся в обход Бобруйска. Его танковые соединения 2 июля вышли к Столбцам, в 65 км от Минска, перерезав шоссейную и железную дороги на Варшаву.

Благодаря возросшей мобильности своих войск русские получили возможность вести наступательные действия на таком обширном пространстве, что все попытки немцев сдержать их натиск оказались безуспешными. В течение недели русские армии продвинулись на 250 км. Вслед за танками двигалась мотопехота. Войска Рокоссовского с севера приближались к Минску, угрожая перерезать дорогу на Вильнюс. Находившаяся в резерве танковая армия Ротмистрова нанесла удар вдоль шоссе Москва — Минск и 3 июля овладела Минском, пройдя за последние два дня около 130 км.

В первую неделю на северном участке полосы наступления было взято 30 тыс. пленных, а на южном — 24 тыс. пленных. У Минска попало в окружение около 100 тыс. немецких войск. Хотя путь отхода на Минск был отрезан, части сил 4-й армии Тепельскирха удалось избежать уничтожения и отойти на юг, воспользовавшись проселочными дорогами, по которым долгое время немецкие войска не продвигались, опасаясь русских партизан. Группа армий «Центр» была фактически разгромлена, потери в общем составили 200 тыс. человек.

Западнее Минска немецкие войска попытались задержать наступление русских, но, поскольку не было удобного естественного рубежа и не хватало сил для обороны все расширяющегося участка прорыва, эта попытка оказалась неудачной. Русские легко обходили те города и населенные пункты, где немцы пытались организовать оборону, и стремительно продвигались к Вильнюсу, Гродно, Белостоку и Бресту, 9 июля вступили в Вильнюс, а 13 июля, когда мобильные части обошли его с севера и юга, полностью овладели этим городом. В тот же день другие части русских войск вошли в Гродно.

К середине июля русские не только очистили от врага всю Белоруссию, но и заняли половину северо-восточных районов Польши, подошли к границам Восточной Пруссии и оказались в 300 км за флангом группы армий «Север», которой командовал Фриснер и которая все еще удерживала подступы к Прибалтийским республикам. Войска Баграмяна находились ближе к Риге, чем позиции войск Фриснера. Почти так же близко к Балтике продвинулись войска Черняховского, вышедшие к Неману за Вильнюсом. Получалось так, что на возможных путях отхода группы армий Фриснера создавалось двойное кольцо окружения. Положение войск Фриснера еще больше осложни-

лось, когда русские перешли в наступление в районе Пскова. Здесь удар нанесли войска 3-го Прибалтийского фронта под командованием Масленникова и войска Еременко.

Тем временем возросло напряжение для немецких войск на фронте в целом, поскольку 14 июля русские начали давно готовившееся наступление южнее Припятских болот, между Тарнополем и Ковелем. Оно велось в двух направлениях: на правом фланге — через Буг к Люблину и р. Висла, навстречу наступавшим войскам Рокоссовского, а на левом фланге, у Луцка, — в обход Львова с севера.

27 июля войска Конева овладели Львовом. К этому времени передовые части уже форсировали р. Сан в 110 км западнее Львова. Об огромных масштабах наступления русских свидетельствовало овладение Станиславом у подножия Карпат, Белостоком и железнодорожным узлом Шяуляй на пути из Риги в Восточную Пруссию. Все эти пункты были заняты в один день. Занятие Шяуляя осуществили стремительным броском танки Баграмяна. В результате немецким войскам на северном участке фронта грозила полная изоляция.

Однако прорыв в центре превзошел этот крупный успех. Еще 24 июля левое крыло войск Рокоссовского овладело Люблином, в 50 км от Вислы и в 150 км от Варшавы. Рокоссовский умело воспользовался тем, что немецкие армии были разобщены Припятью и что в их рядах началась паника, вызванная наступлением соседей Рокоссовского слева. Подвижные части войск Рокоссовского 26 июля вышли к Висле, стремительно продвигаясь к Варшаве. На следующий день немцы оставили Брест. В тот же день, обойдя этот город, русские войска подошли к Седлице, в 80 км западнее Бреста и всего в 65 км от Варшавы.

В Седлице немцы на некоторое время задержали продвижение русских и оказали сравнительно упорное сопротивление на Висле. В ночь на 29 июля войска Рокоссовского захватили пять плацдармов за Вислой.

31 июля мощным ударом во фланг немцы были выбиты из Седлице, а войска Рокоссовского достигли окраин Праги — пригорода Варшавы на восточном берегу Вислы. Когда на следующее утро немцы начали отходить по мостам в Варшаву, руководители польского подполья решили, что наступил благоприятный момент поднять восстание в городе.

Этот день ознаменовался важными событиями и на Балтике. Танки генерала Обухова из состава войск Баграмяна заняли Тукумс на побережье Рижского залива, пройдя за ночь около 80 км. Таким образом, путь отхода войск группы армий «Север» был отрезан. Войска Черняховского заняли Каунас, столицу Литвы, и,

продолжая развивать наступление, подошли к границам Восточной Пруссии со стороны Инстербурга. Войска Конева захватили 8 августа крупный плацдарм на западном берегу Вислы, в 210 км южнее Варшавы, вблизи Бараново, при впадении р. Сан в Вислу.

Для Германии настал критический момент. На западе фронт немецких войск рушился под ударами союзников. В тылу также было далеко не спокойно: 20 июля заговорщики пытались совершить покушение на Гитлера. В заговоре участвовало несколько генералов. Отсутствие точной информации о том, что произошло в ставке Гитлера, а затем страх перед репрессиями парализовали работу многих военных штабов.

После того как в штаб-квартире Гитлера в Растенбурге (Восточная Пруссия) разорвалась бомба, все участники заговора в штабах групп армий получили телеграмму с сообщением, что Гитлер убит. Опровержение этого известия по немецкому радио, естественно, вызвало ажиотаж, обусловленный стремлением узнать подробности случившегося. В телеграмме в штаб Фриснера заговорщики, сообщая об убийстве Гитлера, давали указание немедленно отвести войска, чтобы избежать всякого риска «повторения Сталинграда». На Восточном фронте, как и на Западном, покушение на Гитлера привело к сильной перетряске в командовании немецких войск.

Меньше других репрессии коснулись группы армий «Центр». Причиной этому был Модель, который сменил Буша сразу же после начала наступления русских. Буш не выдержал двойного натиска — нажима русских армий и бесконечных укоров со стороны Гитлера. Когда немецкие армии вторгались в Россию в 1941 году, Модель был всего-навсего командиром дивизии. В 1944 году ему исполнилось 54 года, то есть он был примерно на десять лет моложе большинства высших военных руководителей Германии. Своей головокружительной карьерой Модель обязан все той же беспощадности, какую он проявлял, будучи командиром дивизии.

Пользуясь необычной терпимостью, с которой относился к нему Гитлер, Модель часто действовал по своему усмотрению, отводя войска из-под ударов, и не раз игнорировал распоряжения, поступавшие от высшего командования. Именно такая свобода инициативы, а не какое-то мастерство при отводе войск, позволила Моделю спасти оказавшиеся под угрозой уничтожения армии. В то же время доброжелательное отношение Гитлера к принимаемым им решениям стимулировало Моделя больше проявлять верноподданические чувства. Он первым из военных руководителей выступил с заявлением, в котором всячески поносил участников заговора и заверял Гитлера в преданности германских сухопутных войск своему фюреру. Развитие военных событий только утвердило то доверие, которое Гитлер питал к Моделю.

В начале августа сопротивление немцев резко усилилось, и вступление русских войск в Варшаву не состоялось до следующего года. Ночью 1 августа в Варшаве началось восстание. Польские силы Сопротивления сражались упорно, но в конце концов были разобщены на три небольшие группы, которые так и не получили никакой помощи от русских, находившихся на противоположном берегу Вислы. Вполне естественно, что повстанцы считали, будто русские преднамеренно воздержались от вмешательства. Трудно установить, кто здесь прав. К тому времени наступление советских войск остановилось и на других участках фронта. Этот факт свидетельствует о том, что военные соображения в данном случае были важнее политических.

В районе Варшавы немцы ввели в бой три сравнительно сильные танковые дивизии СС, прибывшие на фронт только 29 июля: две из них перебросили с юга России, одну — из Италии. Нанеся контрудар с севера, они вклинились в позиции русских и вынудили их отойти. Попытку русских продвинуться с плацдармов на Висле немцы отразили с помощью подкреплений, прибывших из Германии. К концу первой недели августа продвижение русских было остановлено везде, кроме района Карпат и Латвии, но и здесь темпы снизились. Попытки продвинуться дальше предпринимали лишь небольшие подвижные силы, и резервов Моделя оказалось достаточно, чтобы остановить их, как только немецкие войска отошли в районы, где местность благоприятствовала организации обороны. Пройдя за 5 недель 730 км (самое быстрое продвижение, которого им когда-либо удавалось добиться), русские, естественно, стали испытывать трудности вследствие растянутости коммуникаций и были вынуждены подчиниться законам стратегии. На Висле им пришлось задержаться почти на шесть месяцев, пока они сумели подготовить новый мощный удар.

Вторая неделя августа ознаменовалась упорными боями во многих районах. Немцы отчаянно контратаковали, русские старались найти возможности возобновить наступление, однако ни одной из сторон не удалось добиться сколько-нибудь значительных результатов. Фронт на Висле стабилизировался. На границе Восточной Пруссии продвижение русских остановила танковая дивизия Мантейфеля, только что прибывшая из Румынии.

Однако стабилизация обстановки на фронте от Карпат до Балтики не принесла немцам облегчения. В это время возникла новая угроза — началось наступление русских в Румынии.

20 августа войска 2-го Украинского фронта под командованием Малиновского нанесли удар из Ясс по обоим берегам р. Серет в направлении на Галац. Это создало угрозу флангам и тылу

немецких войск в южных районах Бессарабии. Войска 3-го Украинского фронта под командованием Толбухина начали наступление в западном направлении из районов в нижнем течении Днестра. Вначале они встречали упорное сопротивление, но затем темпы наступления стали быстро возрастать.

23 августа румынское радио передало сообщение о том, что Румыния объявила войну Германии и перешла на сторону союзников. Маршал Антонеску был арестован, а его преемник принял условия, выдвинутые русскими, в том числе обязательство Румынии выступить против Германии на стороне союзников.

Пользуясь всеобщей растерянностью, русские 27 августа прорвались у Галаца и 30 августа овладели нефтеносным районом Плоешти, а 31 августа они вступили в Бухарест. За двенадцать дней танки прошли 400 км, а в следующие шесть дней, преодолев еще 300 км, они достигли югославо-румынской границы у Турну-Северина на Дунае. Большая часть немецких войск на бессарабском выступе попала в западню и с ходу была уничтожена. Вся 6-я армия в составе 20 дивизий оказалась разгромленной. По своим масштабам это поражение было почти таким же, как под Сталинградом. Выход Румынии из войны на стороне Германии послужил сигналом для правительства Болгарии, которое начало искать пути для заключения перемирия с Англией и США.

Красная Армия получила возможность использовать открытый фланг противника. Проведение этого маневра было лишь вопросом организации материального обеспечения войск, а не боевой операцией, связанной с преодолением сопротивления врага. В Румынии было взято в плен более 100 тыс. немцев. Возможностей восполнить эти потери для Германии уже не существовало ввиду катастрофического положения на Западе, где к концу сентября на различных участках фронта было захвачено в плен более полумиллиона немецких солдат и офицеров.

Все, что могли сделать немцы, чтобы замедлить продвижение русских, — это попытаться удерживать узлы коммуникаций, а будучи вынужденными отходить, уничтожать эти узлы. Немцам явно не хватало сил, чтобы вести боевые действия на таком огромном пространстве, но, к счастью для них, коммуникаций в этом районе также не хватало, а естественных препятствий было много. Немцы выиграли время, чтобы отвести свои войска из Греции и Югославии. Им, возможно, удалось бы на более длительный срок задержать продвижение русских, если бы в первые недели, когда царил растерянность после перехода Румынии на сторону союзников, советские войска не нанесли стремительный удар из северо-западных районов. Наступая в обход южной оконечности горного массива, русские моторизованные

части вступили на территорию Румынии и 19 августа заняли Тимишоару, а 22 августа — Арад. Таким образом, русские перерезали дороги, идущие на север из Белграда, и вышли к южным границам Венгрии всего в 150 км от Будапешта. Чтобы развить успех этого вклинения, русским предстояло накопить силы. Это потребовало времени, но дало желаемый результат быстрее, чем мог бы обеспечить прямой удар через горы в Трансильванию.

11 октября русские выбили противника из столицы Трансильвании Клужа, в 210 км восточнее Арада. К этому же времени Малиновский, сосредоточив достаточные силы в районе вклинения, форсировал р. Мур и вышел на Венгерскую равнину, оседлав дороги, ведущие из Трансильвании. Когда левое крыло его войск овладело Клужем, передовые части правого крыла находились уже в 270 км западнее этого города и почти в 100 км от Будапешта. Стратегический замысел русских принес свои плоды.

Неделю спустя войска 4-го Украинского фронта под командованием Петрова прорвались через карпатские перевалы на участке между Яблоницким перевалом и Лупкувом, где оборонялась венгерская 1-я армия. После прорыва они повернули на запад, в Словакию. В эти же дни в результате совместного прорыва войск Толбухина с южного участка клина через Дунай и партизан маршала Тито была освобождена столица Югославии. Немецкий гарнизон отчаянно сопротивлялся, но 20 октября Белград был очищен от противника. Значительные силы немцев все еще оставались в Греции, повинаясь приказу Гитлера не отходить без особого распоряжения. Только в первую неделю ноября немецкие войска оставили Грецию, начав отход через враждебную им территорию по резко пересеченной местности.

Освобождение Белграда и выход русских на Венгерскую равнину ознаменовали окончание первого этапа кампании.

Выйдя на рубеж р. Тиса на фронте 130 км от Сольнока к Сегеду, Малиновский 30 октября нанес удар по Будапешту. В его распоряжении было 64 дивизии, включая румынские части. Войскам предстояло преодолеть всего 80 км. Тесня немецкие и венгерские войска, передовые части войск Малиновского 4 ноября достигли Будапешта, однако ухудшившаяся погода задержала их продвижение, и противнику удалось организовать оборону.

Продвижение войск Петрова на запад в Словакию также было задержано, и они не сумели прийти на помощь словацким партизанам. Условия местности значительно ограничивали свободу маневра русских.

Встретив упорное сопротивление противника у Будапешта, русские предприняли новый маневр. Из Югославии были переброшены войска Толбухина. В последнюю неделю ноября они на-

чали широкий охват позиций противника с плацдарма, захваченного у впадения Дравы в Дунай, в 210 км южнее Будапешта. К 4 декабря русские вышли к озеру Балатон. В то же время войска Малиновского перешли в наступление севернее Будапешта и начали штурм города. Однако и эта попытка овладеть венгерской столицей не удалась. К концу года немцы все еще удерживали Будапешт. В последние дни декабря город был окружен, но гарнизон продолжал сопротивляться почти до середины февраля.

На другом конце Восточного фронта, на Балтике, осенняя кампания развивалась почти так же, как на юге: сначала немцы быстро откатывались на запад, а потом остановили продвижение русских. Поражения Германии этим летом заставили Финляндию последовать примеру Румынии и Болгарии, и в начале сентября финны приняли условия перемирия русских. По этим условиям, в частности, финская армия должна была начать боевые действия против немецких войск, которые к 15 сентября все еще находились на территории Финляндии.

Выход Финляндии из войны на стороне Германии позволил русским сосредоточить свои усилия против группы армий «Север», командующим которой стал Шернер вместо Фриснера. Войска двух фронтов — Говорова и Масленникова — вели фронтальное наступление на позиции войск Шернера. Еременко охватывал фланг немецкой группировки, а Баграмян угрожал ее тылам. Учитывая сложившуюся обстановку, советское командование значительно усилило войска Баграмяна и поставило им задачу выйти к побережью Балтики севернее и южнее Мемеля¹³³. Два дня спустя Шернер оставил Ригу и отошел в Курляндию на северо-западе Латвии. Здесь его войска сумели организовать длительное сопротивление. Продолжал сопротивляться и окруженный гарнизон Мемеля. Однако у русских оказалось достаточно сил, чтобы справиться с этой группировкой врага.

Очистив от противника районы Прибалтики, русские начали активные действия в Восточной Пруссии, перейдя в наступление в середине октября. Оборона, однако, выдержала удар на узком фронте, где пути подхода наступающих ограничивали многочисленные озера и болота.

Осенняя кампания показала, что эластичная оборона при правильном ее ведении могла бы позволить Германии выиграть время, необходимое для создания нового оружия. Однако Гитлер настаивал на жесткой обороне. Исходя из этого, он не только не разрешил своим военачальникам своевременно отвести войска с арденнского выступа, но и приказал усилить оборону Будапешта, тем самым катастрофически подорвав свои возможности на Востоке.

Стратегическое авиационное наступление против Германии

Учитывая постоянство и последовательность, с какими в довоенные годы провозглашалась идея стратегических бомбардировок, будущие историки поразятся, обнаружив, что в 1939 году, когда началась война, английские ВВС не обладали сколько-нибудь достаточными силами для стратегических бомбардировок. Это объяснялось не только финансовыми затруднениями и режимом экономии, господствовавшим в 20-х — начале 30-х годов, но и ошибочным представлением командования ВВС относительно того, какого рода силы и самолеты требуются для этой цели. После 1933 года начали заменять устаревшие бипланы, однако еще очень много оставалось легких бомбардировщиков, не пригодных для стратегических бомбардировок, а большинство новых типов — «уитли», «хэмпдены», «веллингтоны» — не отвечали требованиям и даже нормам того времени. Из семнадцати тяжелобомбардировочных эскадрилий, имевшихся в 1939 году, только шесть, вооруженных «веллингтонами», были сколько-нибудь эффективными. Кроме того, бомбардировочная авиация испытывала недостаток в подготовленных экипажах (главным образом из-за того, что долгое время все внимание уделялось легким двухместным машинам), а также в навигационных и бомбардировочных приборах.

Тренчард, который в конце 1929 года оставил пост начальника штаба ВВС, в течение следующего

десятилетия продолжал оказывать большое влияние на ВВС через своих приверженцев. Как и Тренчард, они еще долгое время отдавали приоритет бомбардировщикам, даже после того как стало известно, что ВВС Германии добились большого превосходства. «План Л», составленный штабом ВВС в начале 1938 года, предусматривал к весне 1940 года иметь 73 бомбардировочных и 38 истребительных эскадрилий (соотношение примерно 2:1, а по числу самолетов фактически — еще больше). После мюнхенского кризиса в сентябре 1938 года штаб ВВС в пересмотренном «плане М» увеличил число бомбардировочных эскадрилий до 85, а истребительных эскадрилий — до 50; тем самым соотношение между этими родами авиации составило 5:3.

Тренчард выразил сожаление по поводу этого изменения, хотя оно было совсем незначительным, и уже следующей весной доказывал в палате лордов, что следует сохранить соотношение бомбардировщиков и истребителей 2:1 как лучшее средство сдерживания немецких ВВС. Однако это была явная химера, поскольку немецкие бомбардировочные силы уже почти вдвое превышали английские, а для увеличения численности бомбардировочной авиации требовалось гораздо больше времени, чем для истребительной.

К счастью, в штабе ВВС начали преобладать более реалистические взгляды. Еще в 1937 году министр координации обороны Инскип высказал свои сомнения, заявив, что лучше уничтожать немецкие бомбардировочные силы над Англией, чем бомбить аэродромы и авиационные заводы. В начале 1939 года вице-маршала авиации Пека вызвали из Индии, где он в течение трех лет возглавлял штаб ВВС, и назначили начальником оперативного управления. В двадцатых годах, будучи еще молодым человеком, Пек возглавлял плановый отдел штаба ВВС и сформулировал многие из тех доводов, которые Тренчард в докладе кабинету приводил в пользу бомбардировочной авиации. Подобно многим офицерам, Пек пересмотрел свои взгляды в свете реальной обстановки и вскоре после начала войны убедил начальника штаба ВВС Ньюолла в необходимости увеличить численность истребительной авиации. Аргументом в пользу его доводов послужило то обстоятельство, что теперь улучшились перспективы эффективной противовоздушной обороны благодаря созданию радиолокационных станций дальнего обнаружения и появлению новых скоростных истребителей типа «харрикейн» и «спитфайер». В октябре был отдан приказ о формировании еще 18 истребительных эскадрилий для обороны Англии. Это решение, спешно проведенное в жизнь, сыграло важнейшую роль в переломе, который был достигнут в битве за Англию год

спустя, в июле — сентябре 1940 года. В противном случае противоздушная оборона Англии вряд ли смогла бы выдержать мощные и длительные атаки немецкой авиации.

Под влиянием более реалистических взглядов кабинет и штаб ВВС согласились, что в условиях 1939 года Англии разумнее не начинать стратегических бомбардировок, если от них воздержатся и немцы; во всяком случае до тех пор пока английская бомбардировочная авиация не будет значительно усилена и не будет достигнуто лучшее соотношение с истребительной авиацией.

Несоответствие оценки обстановки и планов штаба ВВС резюмировано в официальной истории:

«С 1918 года стратегия ВВС основывалась на том, что следующую войну нельзя будет выиграть без стратегических бомбардировок, но, когда началась война, бомбардировочное авиационное командование было способно нанести противнику лишь незначительный ущерб».

По вышеизложенным причинам английские ВВС во время польской кампании и так называемой «странной войны» ограничивались весьма скромными действиями: сбрасывали пропагандистские листовки над Германией и совершали редкие налеты на военно-морские объекты. Более того, французы, которые еще больше боялись ответных бомбардировок немцев, возражали против использования бомбардировочным командованием французских баз, а сами, как и немцы, придавали бомбардировщикам только тактическое значение, хотели использовать их во взаимодействии с сухопутными войсками. Немцы в противоположность англичанам считали, что варварские налеты Первой Мировой войны во всех отношениях не оправдали себя, поэтому практически исключили идею стратегических бомбардировок из своих планов¹³⁴.

Штаб ВВС Англии планировал воздушные налеты на промышленные центры Германии в Руре, однако ему не разрешали их проводить. Возможно, это было к лучшему, так как налеты совершались бы днем тихоходными и беззащитными бомбардировщиками. Сам главный маршал авиации Хьюитт, командовавший бомбардировочной авиацией ВВС с 1937 по 1940 год, считал, что такие операции принесут результаты сомнительной ценности, а потери будут огромные. В декабре 1939 года «веллингтоны» бомбардировочного командования ВВС при дневных налетах на военно-морские объекты, не достигнув действенных результатов, понесли жестокие потери от немецких истребителей, тогда как менее эффективные «уйтли», применявшиеся для сбрасывания листовок по ночам, с середины ноября до середины марта никаких потерь не имели. Такой контраст привел к тому, что действия самолетов бомбардировочного командования после апреля

1940 года были ограничены ночным временем. Все это — результат заблуждения штаба ВВС, полагавшего до войны, что дневные бомбардировки можно проводить без больших потерь.

Другое заблуждение, состоявшее в том, что определенную цель можно легко обнаружить и поразить, выявилось не сразу, и главным образом потому, что до 1941 года фотографическая разведка результатов бомбардировки не получила еще широкого распространения; тогда чрезмерно доверяли данным визуального наблюдения, которые, как выяснилось позже, были глубоко ошибочными.

Бомбардировщики и пикирующие бомбардировщики немецких ВВС сыграли главную роль как в сентябрьском вторжении в Польшу, так и в апрельском вторжении в Норвегию и еще большую роль — в майском вторжении на Запад, где они взаимодействовали с танковыми войсками. Однако командование английских ВВС по-прежнему не желало взаимодействовать с сухопутными войсками и продолжало отстаивать свою доктрину чисто стратегических бомбардировок. Именно поэтому бомбардировочная авиация оказала незначительное влияние на ход этих решающих кампаний.

Авиация британских экспедиционных сил совершила несколько хаотичных налетов на наступающие немецкие войска, особенно по мостам через р. Маас. Эти налеты обошлись дорого, но не принесли результатов. Только 15 мая военный кабинет, который теперь возглавлял Черчилль, санкционировал использование бомбардировочной авиации для ударов к востоку от Рейна. В ту ночь 99 бомбардировщиков было направлено для нанесения ударов по нефтеперерабатывающим заводам и железнодорожным объектам Рура. Эту дату обычно считают началом стратегического авиационного наступления против Германии. Однако бомбардировочное командование еще долго продолжало переоценивать результаты этого и последующих стратегических бомбардировочных ударов.

Намеченные штабом ВВС удары по нефтеперерабатывающим заводам Германии пришлось, однако, отложить из-за возникшей в июне реальной угрозы нападения немецкой авиации на Англию, и в течение всей «битвы за Англию» бомбардировочная авиация наносила удары по вражеским портам, судоходству и сосредоточениям барж, а также по заводам, изготавливающим фюзеляжи и авиационные двигатели, с целью воспрепятствовать вторжению немцев. Между тем бомбардировка немцами 14 мая Роттердама, а затем и других городов уменьшила отвращение общественного мнения Англии к идее огульных бомбардировок.

Однако изменение взглядов и позиции штаба ВВС произошло главным образом под влиянием оперативных факторов. Его уступ-

ка реальной оперативной обстановке и давлению Черчилля нашла выражение в директиве от 30 октября 1940 года, которая предусматривала нанесение ударов ночью по нефтеперерабатывающим заводам и городам. Эта директива фактически признавала идею огульных бомбардировок, или «бомбометания по площадям».

Нелепо, однако, было надеяться, что бомбардировочная авиация сможет поразить даже небольшие нефтеперерабатывающие заводы Германии с помощью тех скудных средств, которые имелись в 1940 году. Столь же нелепо было верить, что путем бомбардировки городов можно дискредитировать нацистский режим.

Многочисленные фактические данные о результатах отдельных налетов заставили штаб ВВС признать их неэффективность. Даже в апреле 1941 года теоретическая средняя ошибка бомбометания оценивалась в 900 метров, а это означало, что небольшие нефтеперерабатывающие заводы обычно оставались невредимыми. Впрочем, от этих споров отвлекла необходимость бросить бомбардировочные средства против немецких военно-морских баз и баз подводных лодок в период кризиса 1941 года в «битве за Атлантику». Нежелание бомбардировочного командования оказать помощь в период кризиса на море свидетельствовало о близорукости и доктринерской непреклонности.

Постепенно отходя от своей первоначальной позиции, бомбардировочное командование после июля 1941 года пыталось наносить «полуприцельные» удары по таким объектам, как железнодорожная система Германии. В условиях облачности удары наносились по крупным промышленным районам. Однако даже эта идея на практике оказалась бесплодной. Тщательное исследование, проведенное в августе 1941 года, показало, что лишь десятая часть бомбардировщиков, участвовавших в налетах на Рур, оказывалась в радиусе 8 км от намеченного объекта. Совершенно очевидно, что главной задачей бомбардировочной авиации было овладеть искусством самолетовождения. Оперативные трудности в сочетании с давлением извне в конце концов вынудили штаб ВВС признать, что единственным объектом, которому ночные бомбардировщики могут нанести серьезный ущерб, является город.

По мере того как все очевиднее становилась неточность бомбометания, штаб ВВС все большее внимание начал уделять проблеме морального воздействия на гражданское население. Сломить волю противника к ведению войны провозглашалось такой же важной задачей, как и уничтожение его вооруженных сил. Черчилль, однако, все более критически оценивал оптимизм штаба ВВС, особенно в отношении его плана от 2 сентября, который предусматривал разгром Германии с помощью бомбар-

дировочных сил, доведенных до 4 тыс. самолетов, и его уверенности в том, что этой цели можно добиться за шесть месяцев. Под впечатлением доклада Батта и других Черчилль указал, что повышение точности бомбометания увеличит эффект бомбардировок в четыре раза. Он подверг сомнению также уверенность штаба ВВС относительно возможности деморализовать население и подавить противовоздушную оборону Германии. Он заявил новому начальнику штаба ВВС Порталу: «Весьма сомнительно, что бомбардировки сами по себе станут решающим фактором в этой войне. Напротив, все, что нам стало известно с начала войны, говорит о том, что их эффект, как физический, так и моральный, сильно преувеличен».

Премьер-министр справедливо указал также, что система противовоздушной обороны Германии, «весьма вероятно», будет усовершенствована. В записке Порталу Черчилль пророчески заметил, что «иная будет картина, если удастся настолько сократить военно-воздушные силы противника, чтобы можно было с высокой точностью бомбить заводы в дневное время». Этот курс не удавалось осуществить вплоть до 1944 года, да и потом его проводили американцы.

Опасения и предостережения Черчилля относительно укрепления и усовершенствования противовоздушной обороны Германии вскоре оправдались. В ноябре бомбардировочная авиация понесла тяжелые потери, особенно 7 ноября, когда 12,5% из 169 бомбардировщиков, участвовавших в налете на Берлин, не вернулись на базы, хотя при налетах на более близкие объекты потери были меньшими.

Опыт начального периода войны показал, что укоренившиеся принципы действий штаба ВВС и бомбардировочного командования глубоко ошибочны. Результаты бомбардировок за первые два года войны оказались весьма разочаровывающими.

Упадок в действиях бомбардировочной авиации продолжался до марта 1942 года. Зимой боевые действия сосредоточивались преимущественно против немецких линейных крейсеров «Шарнхорст» и «Гнейзенау» в Бресте, причем был отмечен ряд прямых попаданий. Когда в декабре 1941 года в войну вступила Америка, сразу же исчезла надежда на увеличение числа бомбардировщиков, поступающих с американских заводов. Кроме того, поражение немцев этой зимой в России, через шесть месяцев после июньского вторжения, поставили под сомнение необходимость и целесообразность попыток выиграть войну путем бомбардировок.

Бомбардировочная кампания против Германии начала возрождаться в середине февраля, когда проблема Бреста решилась сама собой в результате прорыва линейных крейсеров в Герма-

нию через Ла-Манш. К тому времени многие английские бомбардировщики были оснащены системой «Джи» для радионавигации и опознавания целей. В новой директиве бомбардировочному командованию от 14 февраля 1942 года указывалось, что главной целью бомбардировочной кампании теперь должен стать «подрыв морального духа гражданского населения противника, и в особенности промышленных рабочих».

Таким образом, запугивание безоговорочно стало ясно выраженной политикой английского правительства, хотя в ответах на запросы в парламенте ее продолжали скрывать.

Новая директива фактически признавала практическую осуществимость намечаемых мероприятий. Мнение большинства по этому вопросу высказал еще раньше, 4 июля 1941 года, Портал: «Самую подходящую с экономической точки зрения цель нет смысла преследовать, если она тактически недостижима».

Указанная выше директива уже ждала маршала авиации Харриса, когда он 22 февраля 1942 года принял командование бомбардировочной авиацией, сменив Пирса, которого вскоре после вступления в войну Японии направили на Дальний Восток в качестве командующего союзными военно-воздушными силами. Будучи сильной личностью, Харрис сумел вдохновить экипажи и улучшить организацию бомбардировочного командования, однако ретроспективно многие его взгляды и решения представляются ошибочными.

В это напряженное время, когда царил упадок духа, поддержку и ободрение принес меморандум личного советника Черчилля по научным вопросам лорда Чэруэлла, составленный в конце марта. Этот меморандум был написан сразу же после сокрушительного удара, нанесенного в начале марта по заводу Рено в Бийянкюре, около Парижа, когда был сбит только один из 235 бомбардировщиков. Это был первый крупный эксперимент с использованием светящихся авиационных бомб для наведения атакующих самолетов.

В том же месяце состоялся «успешный» налет на Любек, во время которого зажигательными бомбами был уничтожен густонаселенный центр города. В апреле было осуществлено четыре подобных налета на Росток. Больше всего пострадали красивые старинные дома в центре этих исторических ганзейских городов, а не заводы. Эти города находились фактически вне досягаемости системы «Джи», но они легко обнаруживались, поэтому воодушевление по поводу того, что 40% бомбардировщиков, оснащенных системой «Джи», отыскивали свои цели, было неоправданным. Впрочем, во время налета на Любек бомбардировочная авиация понесла большие потери, а восемь налетов на

Эссен за эти два месяца осуществлялись при менее благоприятных метеорологических условиях и противодействии более сильной противовоздушной обороны, а потому оказались гораздо менее эффективными.

Немцы поспешно укрепляли противовоздушную оборону, используя для этой цели радиолокационную аппаратуру обнаружения и увеличив число ночных истребителей. В начале 1942 года ночные истребители сбивали только 1% бомбардировщиков, а к лету эта цифра возросла до 3,5%.

«Планы действий бомбардировочной авиации строились на предположении, что ночью можно успешно уклоняться от авиации противника» — так записано в английском официальном документе. В этом главная ошибка бомбардировочного командования и штаба ВВС. Они игнорировали основной принцип: как бы хорошо ни был защищен бомбардировщик, он все равно остается уязвимым для самолета, сконструированного и построенного для его уничтожения. Никакие тактические уловки и технические средства не могли надолго обеспечить бомбардировщикам безопасность полетов в условиях непрерывно совершенствуемой системы противовоздушной обороны Германии, пока английские ВВС не завоевали господства в воздухе.

Первыми шагами на пути к этой цели явились так называемые операции «Серкус», которые проводились с начала 1941 года и продолжались в 1942 году. Бомбардировщики и истребители, действуя совместно, в дневное время вторгались в прибрежные районы континента с целью вынудить немецкие самолеты подняться в воздух, чтобы затем можно было атаковать их силами «спитфайеров» истребительного командования. Операции «Серкус» имели некоторый успех, но их эффективность ограничивалась сравнительно коротким радиусом действия английских истребителей, и потому, когда дневные операции распространились вглубь, бомбардировщики, встречаясь с сильным сопротивлением, стали нести большие потери. Главный результат операций «Серкус» в том, что, несмотря на отдельные неудачи, они ознаменовали начало борьбы союзников за господство в воздухе вдоль северного побережья Франции, а это имело важное значение для успеха последующего вторжения.

В 1942 году главным новым событием стали рейды «1000 бомбардировщиков», которые получили широкое одобрение. Харрис стремился путем сосредоточения сил сократить потери и добиться больших результатов. Хотя в мае 1942 года бомбардировочное командование имело только 416 самолетов первой линии, Харрису удалось, используя самолеты второй линии и учебные эскадрильи, в ночь на 30 мая послать на Кельн

1046 бомбардировщиков. В результате этого налета было опустошено 600 акров площади города (гораздо больше, чем за 1346 вылетов против Кельна в предшествующие десять месяцев). Потери составили 40 бомбардировщиков (3,8%). Все наличные силы бомбардировочного командования — 956 самолетов — 1 июня были направлены на более трудный объект — Эссен, однако облачность и дымка спасли этот город от больших разрушений; англичане же потеряли 31 самолет (3,2%). Потом соединение «1000 бомбардировщиков» было расформировано, однако Харрис продолжал планировать аналогичные рейды. Так, 26 июня 904 бомбардировщика, в том числе 102 из Берегового командования, атаковали крупный порт Бремен и авиационный завод фирмы «Фокке-Вульф». На этот раз преобладала плотная облачность, и ущерб оказался сравнительно небольшим, а потери возросли почти до 5%, главным образом среди учебных эскадрилий. Больше рейдов «1000 бомбардировщиков» не предпринималось до 1944 года.

Однако при ретроспективном рассмотрении становится ясно, что результаты английских бомбардировок значительно преувеличивались. В действительности же ущерб, нанесенный германской промышленности, оказался ничтожным. В 1942 году производство вооружения в Германии увеличилось почти на 50%. Нефтеперерабатывающая промышленность, самое слабое звено Германии, почти не пострадала, а выпуск самолетов резко возрос. В этот год число немецких дневных бомбардировщиков на Западе угрожающе увеличилось с 292 до 453, а ночных истребителей — со 162 до 349. С другой стороны, потери английских бомбардировщиков в 1942 году возросли до 1404.

На конференции, состоявшейся в январе 1943 года в Касабланке, стратегические бомбардировщики были определены как вспомогательная мера перед наземным вторжением. В директиве союзным военно-воздушным силам ставились следующие задачи: «Последовательное разрушение и дезорганизация военной, промышленной и экономической системы Германии и подрыв морального духа немецкого народа, пока не будет решительно ослаблена его способность к вооруженному сопротивлению». Это удовлетворяло как Харриса, которому важнейшей казалась вторая часть директивы, так и генерал-лейтенанта Икера, командующего американской 8-й воздушной армией, который считал более важной первую часть. Директива, определяя общий порядок очередности целей, предоставляла командирам на местах выбор тактических приемов. Следовательно, хотя англичане вели бомбардировки ночью, а американцы днем, их удары не дополняли друг друга (разве только в самом общем смысле).

На конференции, состоявшейся в мае 1943 года в Вашингтоне, был сделан вывод о необходимости наладить взаимодействие бомбардировочной авиации США и Англии в связи с возрастающей угрозой со стороны немецкой истребительной авиации. Поэтому первой целью план «Пойнтблэнк» (Объединенное бомбардировочное наступление) ставил уничтожение немецких военно-воздушных сил и авиационной промышленности, что было «необходимо для перехода к налетам на другие источники военного потенциала противника». В конечном счете такая задача была в одинаковой степени важна как для английского бомбардировочного командования, так и для американцев. План, однако, был сформулирован в довольно расплывчатых выражениях. И это позволяло Харрису продолжать бомбардировки немецких городов, не считаясь с тем, что успех дальнейших действий бомбардировочной авиации и операции «Оверлорд» зависел от уничтожения немецких военно-воздушных сил, численность которых с января до августа 1943 года удвоилась. Однако значительные успехи английской бомбардировочной авиации в рейдах на Рур и Гамбург сыграли все же положительную роль.

Первые месяцы 1943 года были для бомбардировочного командования спокойным периодом по сравнению с 1942 годом. Это позволило экипажам ликвидировать некоторые недостатки в освоении нового оборудования и приспособиться к «ланкастерам» и «москито», которые все больше стали заменять старые бомбардировщики. (Число этих самолетов увеличилось с 515 в январе 1943 года до 947 к марту 1944 года.) Проблема комплектования экипажей была решена путем осуществления широких планов подготовки летного состава в странах содружества, особенно в Канаде, а также путем ликвидации в 1942 году должности второго пилота.

Все эти факторы оказались полезными в «битве за Рур». Это была серия из 43 крупных рейдов, совершенных с марта по июль 1943 года и охвативших территорию от Штутгарта до Ахена. Налеты начались 5 марта, когда 442 самолета атаковали Эссен — сильно защищенный район, где находились заводы Круппа. Эссен пострадал гораздо больше, чем раньше, поскольку были использованы самолеты наведения, оснащенные системой «Гобой», причем англичане потеряли только 14 бомбардировщиков. В течение последующих месяцев Эссен, как и большинство крупных центров Рура, подвергался жестоким ударам еще четыре раза. Ущерб был нанесен преимущественно зажигательными бомбами, но применялись и фугасные бомбы весом до 3200 кг. В результате использования системы «Гобой» значительный ущерб был нанесен Дуисбургу, Дортмунду, Дюссель-

дорфу, Бохуму и Ахену, а Бармен-Вупперталь был разрушен в результате одного налета в ночь на 29 мая. Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, точность бомбометания значительно повысилась, и это укрепило позицию Харриса в спорах относительно использования бомбардировочных сил.

И все же английская бомбардировочная авиация еще была мало способна вести прицельное бомбометание ночью. Исключение составило разрушение дамб Мене и Эдера в Руре в ночь на 16 мая специально подготовленной 16-й эскадрильей «разрушителей дамб» под командованием подполковника Гибсона. Несмотря на блестящий успех, эскадрилья потеряла восемь из девятнадцати «ланкастеров».

Таким образом, революционизирующие достижения в технике бомбометания, использованные в период «битвы за Рур», превратили бомбардировочное командование «в хорошую дубинку, но это... еще не позволило ему развить потенциальные возможности рапиры». Более того, поскольку решающую роль играла система «Гобой», нельзя было рассчитывать на хорошие результаты за пределами ее дальности действия.

После первого налета на Эссен потери быстро возросли и составили в среднем за всю кампанию 4.7% (872 самолета). Только высокий боевой дух экипажей и постоянное пополнение сил позволили бомбардировочному командованию мириться с такими потерями, которые приближались к опасному уровню.

Примечательно, что самолеты «москито», большая скорость и высота полета которых делали их почти неуязвимыми для немецких истребителей и зенитной артиллерии, понесли весьма небольшие потери. Система «Гобой» не дала бы эффекта без таких высотных самолетов (сигнал шел по касательной к кривизне земли), и нельзя было бы обеспечить точное целеуказание для бомбардировщиков «ланкастер».

Использование поступивших на вооружение самолетов «бофайтер» для сопровождения бомбардировщиков в ночных налетах не решало вопроса, так как эти самолеты обладали слишком малой скоростью. К тому же если технические достижения позволяли английским бомбардировщикам успешно действовать ночью, то немцы предпринимали контрмеры, чтобы добиться таких же результатов для своих военно-воздушных сил, и было похоже, что вскоре бомбардировщики будут уязвимы ночью так же, как и днем.

За «битвой за Рур» последовала «битва за Гамбург» — серия из 33 крупных налетов на этот город (с июля по ноябрь 1943 года), во время которых было сделано 17 тыс. самолето-вылетов. «Битва за Гамбург» началась 24 июля рейдом 791 бомбардиров-

щика, в том числе 374 «ланкастеров». Новые навигационные приборы, ясная погода и хорошее целеуказание позволили сбросить на центр города огромное количество зажигательных и фугасных бомб, а благодаря новому устройству «Уиндоу» для создания радиолокационных помех потери составили только 12 бомбардировщиков. К тому же в налетах 24 и 26 июля приняли участие самолеты американской 8-й воздушной армии, а самолеты «москито» (которые сами способны нести бомбовую нагрузку в 1600 кг) в эти две ночи не давали покоя противовоздушной обороне города. В ночь на 27 июля 787 английских бомбардировщиков вновь совершили разрушительный налет, причем потери англичан составили только 17 самолетов, а 29 июля город вновь атаковали 777 бомбардировщиков, хотя и с меньшей точностью. Потери англичан возросли до 33 самолетов, так как немцы начали приспособляться к действию системы «Уиндоу». Четвертый налет 2 августа из-за плохой погоды не имел успеха. Однако в общем город подвергся страшному разрушению, и хотя потери с каждым разом возрастали, в среднем они составили только 2,8%. Кроме того, 25 и 30 июля, в разгар «битвы за Гамбург», английская бомбардировочная авиация нанесла жестокие удары по Реймшейду и заводам Круппа в Эссене. В последующие месяцы она совершала налеты на Мангейм, Франкфурт, Ганновер и Кассель, причинив серьезные разрушения всем этим городам. В ночь на 17 августа был нанесен знаменитый удар по научно-исследовательской и экспериментальной базе самолетов-снарядов в Пенемюнде на берегу Балтийского моря. В налете участвовало 597 бомбардировщиков; 40 из них было сбито и 32 повреждено, однако результаты оказались не такими значительными, как представляли себе в Лондоне.

Налеты на Берлин в этот период были еще менее эффективными из-за плохой погоды и невозможности использовать систему «Гобой». К тому же немецкие ночные истребители имели широкие возможности наносить удары во время длительного полета (расстояние в оба конца составляло 1850 км). Кроме того, их наводили радиолокационные станции, которые освоили принцип действия системы «Уиндоу» до такой степени, что могли опознавать главный поток атакующих (но не отдельные бомбардировщики). Из 123 бомбардировщиков, сбитых в трех рейдах на Берлин, около 80 были уничтожены ночными истребителями. Это было предвестием грядущей «битвы за Берлин».

Эта битва продолжалась с ноября 1943 года по март 1944 года. Ее поощрял Черчилль. На столицу Германии было совершено 16 крупных налетов, а также 12 налетов на другие важные

объекты, в том числе на Штутгарт, Франкфурт и Лейпциг. Всего было сделано более 20 тыс. самолето-вылетов.

Результаты этого массированного наступления, однако, оказались не такими, как предсказывал Харрис. Ни Германия, ни Берлин не были поставлены на колени, а потери англичан настолько возросли, что пришлось прекратить налеты. Потери достигли 5,2%, а ущерб от бомбардировок не шел ни в какое сравнение с ущербом, причиненным Гамбургу или Эссену. Моральный дух летчиков бомбардировочной авиации резко упал, да и не удивительно, поскольку англичане потеряли 1047 бомбардировщиков, а 1682 самолета получили повреждения. Обычно решающую роль играло присутствие или отсутствие немецких ночных истребителей. Например, когда немецкие ночные истребители были неправильно ориентированы при налете английской авиации на Мюнхен 7 октября, бомбардировочная авиация потеряла лишь 1,2% участвовавших в налете сил. Обычно ночные истребители неожиданно появлялись на арене и весьма активно атаковали бомбардировщики. Так постепенно они вынудили бомбардировочное командование перенести свои удары на объекты, расположенные южнее Берлина, и все большую часть своих сил использовать на отвлекающие налеты. Кульминацией стал катастрофический рейд на Нюрнберг 30 марта 1944 года, когда из 795 участвовавших в нем самолетов было сбито 94, а 71 поврежден.

Это сразу же вызвало протест против стратегии Харриса. Штаб ВВС должен был признать, что прицельное бомбометание по заранее намеченным целям, то есть налеты на избранные предприятия, например нефтеперерабатывающие, авиационные и другие заводы, больше отвечали реализации идеи, высказанной на конференции в Касабланке, о том, что вторжение в Северную Европу — главная цель союзников, но ее можно добиться, если будет завоевано господство в воздухе.

По мере развития противовоздушной обороны и роста военного производства Германии взгляды Харриса все больше ставились под сомнение. Он стремился привлечь американцев к налетам на Берлин, но это оказалось невозможным, так как они не были подготовлены к ночным действиям, а дневные налеты в конце 1943 года были бы равносильны самоубийству. В начале 1944 года штаб ВВС отверг идею Харриса, что к апрелю можно поставить Германию на колени с помощью одних «ланкастеров», и потребовал наносить выборочные удары по германской промышленности, например по шарикоподшипниковому заводу в Швейнфурте.

Налет 25 февраля на этот завод был, пожалуй, первым настоящим примером объединенного бомбардировочного наступле-

ния. Таким образом, угроза срыва бомбардировочного наступления и ухудшение перспектив операции «Оверлорд» в связи с усилением немецких ВВС заставили отказаться от тех принципов, которые отстаивал Харрис, а неудача «битвы за Берлин» подтвердила правильность этого решения. Харрис сам признал свое поражение, когда в апреле потребовал ночные истребители для поддержки бомбардировщиков. Кстати, американцы уже давно настаивали на использовании истребителей дальнего действия для поддержки дневных бомбардировочных операций.

Все большее сомнение вызывала также целесообразность проведения массированных ударов бомбардировочной авиации по немецким городам, и в апреле ее переключили, как и планировалось раньше, на действия против французской железнодорожной сети в предвидении вторжения через Ла-Манш. Это облегчило задачи бомбардировочной авиации и помогло скрыть тяжелое поражение, понесенное в авиационном наступлении на Германию. Задачи бомбардировочной авиации значительно упростились с началом операции «Оверлорд», когда обстановка в воздухе решительно изменилась в пользу союзников.

После 1942 года стратегическое авиационное наступление, которое вели английские ВВС, стало частью объединенных усилий США и Англии. Оно больше не было независимым и разобщенным, как прежде. План создания крупных союзных бомбардировочных сил на базах в Англии, предложенный на Вашингтонской конференции командующим армейской авиацией США генералом Арнольдом, естественно, понравился Черчиллю и английскому комитету начальников штабов. Англичане сразу же ослабили критику американской доктрины дневных бомбардировок. Американцы питали уверенность, что если бомбардировщики будут хорошо вооружены и снабжены броней, если будут достаточно высоко летать и держаться группами, то смогут совершать дневные налеты без больших потерь. Это оказалось таким же заблуждением, как и уверенность командования английских ВВС в том, что ночью удастся избежать противодействия немецкой авиации.

Первые налеты американская авиация совершила в 1942 году, но они были слишком небольшими по масштабу, чтобы определить их подлинную эффективность. Когда же в 1943 году были предприняты более крупные операции на большую глубину, потери резко возросли. Во время налета на Бремен 17 апреля из 115 участвовавших самолетов 16 было сбито, а 44 повреждено. Во время налета на Киль 13 июня было сбито 22 из 66 самолетов «летающая крепость» В-17; во время налета на Ганновер в июле — 24 из 92; при налете 28 июля на Берлин — 22 из 112.

Американцы пытались использовать для сопровождения бомбардировщиков истребители «тандерболт», снабженные запасными баками с горючим, но радиус их действия был недостаточным, и осенью после ряда налетов на шарикоподшипниковый завод в Швейнфурте, восточнее Франкфурта, стала очевидной необходимость в более подходящих самолетах сопровождения.

Во время катастрофического рейда 14 октября 291 самолет «летающая крепость» шел в сопровождении «тандерболтов», однако последние не могли сопровождать бомбардировщики дальше района Ахена, и, когда они повернули назад, немецкие истребители волна за волной на всем пути атаковали В-17. К моменту возвращения американского соединения оказалось сбито 60 бомбардировщиков, а 138 повреждено. Это была кульминация страшной недели, в течение которой 8-я воздушная армия потеряла 148 бомбардировщиков с экипажами в результате четырех попыток прорвать немецкую оборону за пределами радиуса действия истребительного сопровождения. Такой чрезвычайно высокий уровень потерь был недопустим, и американское авиационное командование было вынуждено признать необходимость дальнего истребительного сопровождения, чем оно до сих пор пренебрегало или считало это технически невозможным.

Решение пришло в виде американского истребителя «мустанг». Англичане еще в 1940 году разместили на них заказ, но тогда американцы отвергли этот самолет. Установка английских двигателей «Роллас-Ройс Мерлин» значительно улучшила летные качества этих машин. Осенью 1942 года прошел испытания «Мустанг Р-51В», оснащенный двигателем «Паккард-Мерлин». Он оказался быстрходнее и маневреннее всех немецких истребителей того времени. Снабженный десятью дополнительными топливными баками, он обладал дальностью полета около 2400 км и, следовательно, мог сопровождать бомбардировщики дальше 960 км от базы (фактически до восточной границы Германии). Осуществление программы производства «мустангов» началось после швейнфуртских катастроф. Первая партия поступила на вооружение американской 8-й воздушной армии в декабре 1943 года. К концу войны, в мае 1945 года, было произведено в общем 14 тыс. «мустангов».

Зима 1943/44 года оказалась сравнительно спокойным периодом для 8-й воздушной армии, так как совершались налеты лишь на ближние цели. В декабре потери составили только 3,4% против 9,1% в октябре. Дальнейшим этапом американского плана ослабления военной экономики Германии явилось создание 5-й воздушной армии, предназначенной для действий из Италии. Командующим обеими армиями был назначен генерал Спаатс.

Первые месяцы 1944 года ознаменовались все возрастающим притоком «мустангов» и увеличением дальности их полета. Более того, не будучи постоянно связанными с задачей по сопровождению бомбардировщиков, «мустанги» атаковали немецкие самолеты везде, где только могли их обнаружить. При этом оставалась цель — добиться общего господства в воздухе, а не господства только в районах действий бомбардировщиков. «Мустанги» сами навязывали бой немецким истребителям, нанося им все большие потери. К марту немецкие истребители все неохотнее вступали в бой с «мустангами». Активные действия «мустангов» не только позволили американским бомбардировщикам совершать дневные налеты со все уменьшающимися потерями, но и расчистили путь к проведению операции «Оверлорд».

Впоследствии это помогло бомбардировочному командованию проводить ночные налеты по объектам в Германии. Немецкие ВВС, будучи еще хозяевами воздуха ночью, днем уступали господство в воздухе американцам. Когда же английские бомбардировщики, завершив действия по поддержке вторжения в Нормандию, возобновили стратегическое наступление против Германии, немецкие ночные истребители начали испытывать острый недостаток горючего и страдали от потери системы дальнего радиолокационного обнаружения во Франции. Бомбардировочное командование, в свою очередь, выиграло от установки передаточных станций на континенте.

Эта перемена нашла отражение и в цифрах потерь английской бомбардировочной авиации. В мае 1944 года во время нескольких налетов на Германию потери англичан были высокими, а в июне при налетах на нефтеперерабатывающие заводы они выросли до 11%. В результате около половины английских налетов на Германию в августе и сентябре производилось в дневное время и сопровождалось значительно меньшими потерями. Впрочем, к тому времени даже ночные налеты стали обходиться гораздо дешевле: 3,7% и 2,2% соответственно. В сентябре английское бомбардировочное командование использовало в ночных налетах втрое с лишним больше самолетов, чем в июне 1944 года, но потери составили лишь около двух третей прежних.

Включение в состав бомбардировочного командования ночных истребителей дальнего действия способствовало снижению потерь, но это не стало решающим фактором, так как истребители обладали слишком малой скоростью и задача для них оказалась трудной. С декабря 1943 года по апрель 1944 года был уничтожен только 31 немецкий ночной истребитель, и даже после поступления новых эскадрилий, вооруженных лучшими самолетами, с декабря 1943 года по апрель 1945 года, за семнадцать

месяцев войны, было уничтожено всего 257 немецких самолетов, то есть в среднем едва по 15 самолетов в месяц. Следовательно, ни ночные истребители, ни новое радиолокационное оборудование не сыграли такой роли, как потеря немцами территории, нехватка горючего и утрата господства в воздухе в дневное время.

В 1943 году на Германию было сброшено в общей сложности 200 тыс. бомб — почти в пять раз больше, чем в 1942 году. Тем не менее уровень производства в Германии продолжал расти и достиг новых высот, главным образом благодаря реорганизации, проведенной Шпеером, а меры гражданской обороны и быстрое восстановление разрушенных предприятий предотвратили кризис морального духа населения. Увеличение производства самолетов, орудий, танков и подводных лодок обусловило рост общего производства вооружения в 1943 году на 50%.

Немцев, конечно, встревожили массовые налеты бомбардировочной авиации. После сильнейшего налета на Гамбург в июле 1943 года Шпеер будто бы мрачно заявил, что еще шесть налетов такого масштаба — и Германию могут поставить на колени. Однако бомбардировкой по площадям во время налетов, последовавших во второй половине года, не удалось добиться предполагаемых разрушений и морального воздействия, а деятельность Шпеера по рассредоточению промышленности спасла положение.

Прицельное бомбометание, проводимое американскими самолетами по избранным объектам, одно время дало большой эффект. К августу производство истребителей в Германии снизилось примерно на 25%, однако после тяжелого поражения американской 8-й воздушной армии в октябре оно вновь возросло и в начале 1944 года достигло высокого уровня. Хотя союзники стали более точно оценивать нанесенный ущерб, они недооценивали возможностей немецкой производственной мощи и ошибочно полагали, что заметный рост численности немецких ВВС объясняется переброской самолетов с Восточного фронта.

Самой характерной чертой английского бомбардировочного командования в этот период действий было усовершенствование методов прицельного бомбометания в ночное время. Вначале англичане ограничивались в этих действиях использованием 617-й эскадрильи, ставшей после налета на дамбы специальной «снайперской частью», но потом, после усовершенствования системы наведения «Пасфайндер» и появления новых бомбардировочных прицелов, 5442-кг «сверхтяжелой» бомбы «толлбой», а затем 9988-кг бомбы «грэнд Слэм», стали использоваться и другие авиационные части бомбардировочного командования.

Самым важным общим итогом действий англо-американской бомбардировочной авиации было то, что они обеспечили завое-

вание господства в воздухе в дневное время. Это позволило проводить операцию «Оверлорд» при незначительном противодействии со стороны немецких ВВС.

В последний год войны, с апреля 1944 года по май 1945 года, союзники добились решающего господства в воздухе. Однако необходимость обеспечить операцию «Оверлорд» на несколько месяцев отвлекла объединенные силы бомбардировочной авиации от нанесения ударов по объектам в Германии.

Такое отвлечение сил, естественно, не нравилось Харрису и другим горячим энтузиастам бомбардировок, однако Портал и штаб ВВС, проявив большую широту взглядов, признали, что бомбардировочная авиация должна играть вспомогательную роль в стратегии союзников. Поскольку стратегической бомбардировочной авиации предписывалось оказывать помощь тактической авиации, в середине апреля руководство всеми родами авиации было сосредоточено в руках Теддера, которого к тому времени назначили заместителем верховного главнокомандующего генерала Эйзенхауэра. Раньше Теддер с успехом командовал военно-воздушными силами на Ближнем Востоке. Он считал, что задача бомбардировочной авиации в операции «Оверлорд» — парализовать транспортную сеть Германии. Разработанный им план был одобрен 25 марта 1944 года, несмотря на беспокойство Черчилля по поводу возможных жертв среди гражданского населения Франции и противодействие Спаатса и Портала, которые отдавали предпочтение ударам по нефтеперерабатывающим предприятиям.

Решимость Спаатса нанести удары по нефтеперерабатывающим заводам привела к тому, что весной 1944 года 8-я воздушная армия продолжала налеты на Германию, а английское бомбардировочное командование в течение апреля — июня наносило удары преимущественно по железнодорожным объектам во Франции. (В июне только 8% бомб было сброшено на объекты в Германии.) К июню на транспортную систему противника, а также на береговые батареи, ракетные базы и аналогичные цели было сброшено 65 млн тонн бомб. Теперь очевидно, что курс Теддера на парализацию системы транспорта и связи оказался важнейшим фактором, обусловившим успешное вторжение в Нормандию. Возражения Харриса относительно того, что бомбардировочное командование неспособно обеспечить необходимую точность, были опровергнуты еще в марте эффективными ударами по французским товарно-сортировочным станциям.

«Отвлечение сил» подвергалось сильной критике, но оно оказалось весьма благотворным для бомбардировочной авиации, так как не только ослабило напряжение ее сил, но и послужило

стимулом для усовершенствования методов бомбометания. Кроме того, противодействие истребителей над Францией было гораздо слабее, чем в период «битвы за Берлин» и других налетов на объекты в Германии.

Повышению точности бомбометания способствовал новый метод, разработанный подполковником авиации Чешайром. Этот метод предусматривал указание цели с помощью самолетов «москито» с малых высот. Впервые его применили в апреле во Франции. Средняя ошибка бомбометания снизилась с 610 метров в марте до 255 метров в мае.

Успех ударов по коммуникациям перед днем «Д» подтвердил мнение Теддера, что такие же удары следует как можно быстрее перенести и на объекты в Германии. Теддер считал, что вывод из строя немецкой железнодорожной системы не только нарушит передвижение войск (что пошло бы на пользу русским), но и будет означать также крушение экономики Германии. Взгляды Теддера как бы перечеркивали конвенцию общего бомбометания по площадям, которой придерживался Харрис, и предложения Спата о нанесении ударов по нефтеперерабатывающей промышленности. И действительно, удары, нанесенные по плану Теддера, более эффективно подействовали на немецкую армию и ее военно-воздушные силы, чем общие бомбардировки по площадям.

После высадки десанта союзников в Нормандии бомбардировщики атаковали разные цели. Если в течение этих месяцев американцы переключились главным образом на нефтеперерабатывающие и авиационные заводы, то английские бомбардировщики за этот период сбросили на объекты в Германии только 32 тыс. тонн из 181 тыс. тонн бомб.

Тенденция к отказу от бомбардировок по площадям стала все заметнее. Штаб ВВС Англии воспринял американскую точку зрения, что следует отдать приоритет ударам по нефтеперерабатывающим заводам. Уже в апреле 15-я воздушная армия нанесла из Италии удар по нефтяным промыслам Плоешти в Румынии. А 12 мая 8-я воздушная армия из Англии начала налеты на нефтеперерабатывающие заводы Германии. Против 935 американских бомбардировщиков немцы бросили 400 истребителей, однако американские истребители сопровождения сумели нанести противнику значительный урон (у немцев было уничтожено 65 машин, американцы потеряли 46 бомбардировщиков).

В июне штаб английских ВВС, учитывая успех бомбардировочного командования в ночном прицельном бомбометании, отдал приказ о проведении налетов на нефтеперерабатывающие заводы. Налет на Гильзенкирхен в ночь на 9 июля был довольно успешным, хотя обошелся сравнительно дорого. Другие налеты

были менее эффективными: из 832 бомбардировщиков, участвовавших в налетах, немецкие ночные истребители и зенитная артиллерия за три ночи сбили 93.

Американская авиация также продолжала наносить удары: 16 июня в налете участвовало больше 1000 бомбардировщиков в сопровождении почти 800 истребителей, а 20 июня число бомбардировщиков составило 1361. На следующий день состоялся налет на Берлин. Одновременно другая группа американских самолетов подвергла бомбардировке нефтеперерабатывающие заводы, после чего совершила посадку на территории России. Потери американцев росли, но зато все больше нефтеперерабатывающих заводов выходило из строя, что оказало пагубное воздействие на снабжение немецких ВВС горючим. К сентябрю они получили лишь 10 тыс. тонн бензина, тогда как минимальная месячная потребность составляла 160 тыс. тонн. К июлю были разрушены или серьезно повреждены все крупные нефтеперерабатывающие заводы Германии, и множество новых самолетов и танков, изготовленных усилиями Шпеера, стали практически бесполезными из-за недостатка горючего.

В то время как число действующих немецких самолетов уменьшалось, военно-воздушные силы союзников становились все многочисленнее. Число самолетов на первой линии бомбардировочного командования возросло с 1023 в апреле до 1513 в декабре 1944 года и до 1609 в апреле 1945 года. Число бомбардировщиков в американской 8-й воздушной армии возросло с 1049 в апреле до 1826 в декабре 1944 года и до 2085 в апреле 1945 года.

Бомбардировочное командование решило впервые предпринять массивную дневную бомбардировку. Опасения Харриса рассеялись, поскольку немецкие ВВС оказали более слабое сопротивление, чем в ночное время. Первый крупный дневной налет был совершен на Гавр в середине июня в сопровождении «спитфайеров», как и последующие налеты. В конце августа английская бомбардировочная авиация, совершая дневные налеты на Рур, по-прежнему встречала незначительное сопротивление.

Эти новые обстоятельства побудили бомбардировочное командование возобновить ночные налеты на немецкие нефтеперерабатывающие заводы. Они оказались более эффективными и сопровождались меньшими потерями, чем раньше. Весьма успешный налет на такой отдаленный объект, как Кенигсберг (хотя там и не было нефтяной промышленности), свидетельствовал об общем улучшении обстановки с точки зрения союзников.

Таким образом, в период с октября 1944 года по май 1945 года главную роль играли бомбардировщики. За последние три месяца

1944 года английская бомбардировочная авиация сбросила бомб больше, чем за весь 1943 год. За эти месяцы на один только Рур было сброшено более 60 тыс. тонн взрывчатки. Под влиянием этих ударов сопротивление Германии постепенно ослабевало, а ее экономика испытывала все возрастающие трудности¹³⁵.

Новые возможности прицельного бомбометания в условиях незначительного сопротивления противника заставляют задуматься, можно ли считать разумными с моральной и оперативной точек зрения действия бомбардировочного командования, самолеты которого в этот период сбросили 53% бомб на городские районы, только 14% на нефтеперерабатывающие заводы и 15% на транспортные объекты. (Вот соответствующие цифры за январь: 36,6%; 26,2% и 15,4%.) Соотношение объектов американских бомбардировок совершенно иное. Идея американцев о нанесении ударов по выявленным уязвимым объектам Германии была более разумной, чем попытки добиться того, чтобы каждая бомба поразила любую цель и как-то ослабила Германию. Кроме того, действия американской авиации не вызвали морального осуждения, которому все больше подвергалась политика Харриса.

Общим недостатком последнего этапа стратегического наступления было несоблюдение установленной очередности целей. Директива от 25 сентября 1944 года установила в качестве первоочередного объекта предприятия нефтеперерабатывающей промышленности. Следующими по важности наряду с другими объектами считались коммуникации. Это давало хорошую возможность приблизить конец войны, так как к октябрю бомбардировочное командование тоже сосредоточило удары по объектам в Германии, сбросив на них 51 тыс. тонн бомб (его потери составили менее 1% участвовавших сил). Однако в октябре две трети налетов производились по площадям, а на нефтеперерабатывающие заводы и коммуникации было сброшено мало бомб. В связи с этим 1 ноября 1944 года была издана новая директива, в которой вновь подчеркивалась первостепенная важность нанесения ударов по объектам нефтеперерабатывающей промышленности и коммуникациям. Во избежание неправильных толкований другие объекты в директиве не указывались. Поражение указанных объектов, оборона которых теперь стала слабее, должно было дать решающие результаты быстрее, чем бомбардировки по площадям. Однако упорство Харриса, угрожавшего даже отставкой, помешало должному осуществлению этого плана.

В начале 1945 года положение осложнилось, поскольку немцы предприняли контрнаступление в Арденнах и в их распоряжение поступили реактивные истребители и подводные лодки, оснащенные шноркелями. Это привело к разногласиям союзни-

ков по поводу того, какие объекты считать первоочередными. В итоге споров было принято компромиссное решение, как большинство компромиссов, весьма неопределенное и неудовлетворительное.

Самые острые споры вызвало возобновление налетов с целью терроризирования населения. Харрис 27 января 1945 года получил указание приступить к выполнению этого плана. Первоочередное значение сохранили лишь удары по предприятиям нефтеперерабатывающей промышленности, а другие объекты, в том числе и коммуникации, считались менее важными, чем города. В середине февраля состоялся опустошительный налет на отдаленный город Дрезден с заранее обдуманном намерением посеять панику среди гражданского населения и беженцев. Удар был нанесен не по заводам или железным дорогам, а по центру города.

К апрелю заслуживающих внимания целей оставалось так мало, что стратегические бомбардировки, как по площадям, так и прицельные, прекратились, и бомбардировщики переключились на непосредственную поддержку действий войск.

Сравнительные результаты стратегических бомбардировок по разным объектам

Удары по предприятиям нефтеперерабатывающей промышленности. Вследствие длительной неприкосновенности отдаленных нефтепромыслов Румынии и роста заводов по производству синтетического горючего в мае 1944 года запасы Германии достигли максимума и лишь в последующие месяцы начали снижаться.

Более двух третей гидрогенизированной нефти производилось на семи легкоуязвимых заводах. Уязвимость нефтеочистительных заводов тоже была очевидной, и поэтому концентрированные бомбовые удары по этим предприятиям летом 1944 года быстро начали приносить результаты. Апрельский выпуск топлива для двигателей внутреннего сгорания к июню снизился наполовину, а к сентябрю — в четыре раза. Производство авиационного бензина в сентябре упало до 10 тыс. тонн при плановом задании всего в 30 тыс. тонн, тогда как минимальная месячная потребность немецких ВВС составляла 160 тыс. тонн. Около 90% самого необходимого авиационного бензина поступало с завода Бергиуса.

В связи с высадкой западных союзников в Нормандии и наступлением русских потребность в горючем сильно возросла. Положение сложилось весьма серьезное: начиная с мая потребление превышало производство. Благодаря отчаянным мерам Шпеера удалось добиться некоторого увеличения запасов горючего нака-

нуне контрнаступления в Арденнах в середине декабря, но их оказалось недостаточно. Затянувшееся сражение и налеты союзнической авиации на нефтеперерабатывающие заводы в декабре и январе исчерпали все запасы. Особенно эффективными оказались ночные налеты английской бомбардировочной авиации: «ланкастеры» могли теперь нести гораздо более крупные бомбы и значительно повысили точность ночного бомбометания.

Удары по объектам нефтеперерабатывающей промышленности в Германии значительно снизили также производство взрывчатых веществ и синтетического каучука, а из-за нехватки авиационного бензина почти полностью прекратились учебные полеты и резко сократились боевые вылеты ВВС. Например, в конце 1944 года немцы уже не могли использовать больше пятидесяти ночных истребителей одновременно. Нехватка горючего в значительной степени сводила на нет потенциальное значение новых реактивных истребителей, поступивших на вооружение немецких ВВС.

Удары по коммуникациям. Эта задача носила смешанный тактико-стратегический характер и, несомненно, имела большое значение для успеха вторжения в Нормандию. Однако по мере приближения союзных армий к Рейну становилось все труднее определить, насколько эффективны действия союзной авиации. В ноябрьском плане главное внимание уделялось железным дорогам и каналам вокруг Рура, так как нарушение снабжения углем парализовало бы большую часть немецкой промышленности. В результате осуществления этого плана был причинен большой ущерб немецким коммуникациям, что сильно встревожило Шпеера. Однако военачальники союзников недооценивали успех бомбардировок. Расхождения во взглядах задерживали и ограничивали ход боевых действий. И все-таки в феврале 1945 года в ударах по транспортной системе Германии участвовало 8—9 тыс. самолетов; к марту она была разрушена, и промышленность страдала от недостатка топлива. Утратив Верхнюю Силезию в результате февральского наступления русских, Германия лишилась важных источников снабжения углем. Производство стали, несмотря на наличие достаточных запасов железной руды, не могло удовлетворить минимальную потребность в боеприпасах.

Удары по городам. Результаты таких ударов становились все очевиднее. Город за городом подвергался разрушению. С июля 1944 года промышленное производство Германии неуклонно сокращалось. И чаще всего главной причиной сокращения производства было разрушение систем снабжения электроэнергией, газом и водой. За пределами Рура главным фактором, обусло-

вившим окончательный крах немецкой промышленности в 1945 году, стал недостаток сырья, вызванный нарушением транспортной системы.

Выводы. Союзное командование возлагало большие надежды на стратегическое бомбардировочное наступление против Германии, однако вначале это наступление дало весьма незначительный эффект, и главным образом по причине излишней самоуверенности союзников. Осознав ошибку, они постепенно перешли от дневных бомбардировок к ночным, а затем взяли курс на ведение бомбардировок по площадям.

До 1942 года бомбардировки фактически являлись лишь булавочными уколами для Германии. Возможно, их проведение повысило моральный дух английского народа, хотя и это утверждение сомнительно.

В 1943 году в результате все возрастающей помощи американцев ущерб, причиненный Германии бомбардировочными силами обеих союзных стран, увеличился, но это практически не оказало большого влияния на уровень промышленного производства и моральный дух немецкого народа.

Решающая перемена произошла лишь весной 1944 года, главным образом в результате принятия на вооружение американских истребителей с достаточно большим радиусом действия для сопровождения бомбардировщиков.

Оказав большую помощь при проведении операции «Оверлорд», бомбардировочная авиация союзников возобновила удары по немецкой промышленности и добилась значительных успехов. В последние девять месяцев войны бомбардировочная авиация своими успехами обязана новой навигационной технике и тактике действий, а также ослаблению сопротивления немецкой авиации.

Однако нерешительность союзного командования и постоянные разногласия помешали сосредоточить большие усилия, чтобы добиться более крупных успехов. Потенциальные возможности военно-воздушных сил союзников были гораздо большими, чем их практические достижения. В частности, англичане еще долго проводили бомбардировки по площадям, хотя такие действия утратили всякий смысл.

Освобождение юго-западной части Тихого океана и Бирмы

Весной 1944 года на Тихом океане сложилась следующая обстановка. В центральной части Тихого океана силы под командованием адмирала Спрюэнса под общим руководством адмирала Нимица овладели островами Гилберта и Маршалловыми островами, разрушили ударами с воздуха японскую базу Трук на Каролинских островах и тем самым глубоко вклинились в важную «тыловую зону обороны», как называли ее японцы. Одновременно силы генерала Макартура в юго-западной части Тихого океана, прорвав оборонительную зону, захватили большую часть архипелага Бисмарка и острова Адмиралтейства и надежно нейтрализовали передовую японскую базу в Рабауле. В то же время войска Макартура значительно продвинулись к западу в Новой Гвинее и готовились к очередному большому скачку на Филиппины.

Освобождение Новой Гвинее. Продолжение кампании в Новой Гвинее характеризовалось дальнейшим развитием «метода скачков», ранее испытанного на Соломоновых островах. За четыре месяца войска Макартура, используя такие «скачки», продвинулись на 2000 км — от района Маданга до полуострова Фогелькоп на западной оконечности Новой Гвинее. Японцы рассчитывали закрепиться в нескольких удобных прибрежных пунктах, где можно было бы построить аэродро-

мы, но союзники, не имея возможности обойти эти позиции из глубины, использовали свое превосходство в воздухе и на море для обходного движения вдоль побережья.

Оперативная обстановка сложилась не в пользу японцев, так как их главные силы авиации и флота сосредоточились севернее этого района для отражения очередного наступления адмирала Спрюэнса в центральной части Тихого океана. Сухопутные силы японцев тоже были рассеяны и не имели поддержки. Так называемый 8-й фронт оборонялся в Рабауле, а на северном побережье Новой Гвинеи остатки так называемой 18-й армии Адати в Веваке были подчинены 2-му фронту Анами. Всего здесь находилось шесть слабых дивизий против пятнадцати дивизий союзников (восьми американских и семи австралийских), пользовавшихся поддержкой значительно превосходящих сил авиации и флота.

В течение апреля австралийская 7-я дивизия, а затем и 11-я наступали на запад от Маданга вдоль побережья, Макартур же предпринял новый, самый большой по тому времени «скачок» с целью захвата ключевой базы Холландия в заливе Гумбольдта, более чем в 300 км западнее Вевака.

Высадке предшествовали мощные налеты бомбардировочной авиации. В результате на земле было уничтожено большинство из 350 самолетов, которые японцы наскребли для обороны этого района. 22 апреля две десантные группы высадились по обе стороны Холландии, а еще одна группа — в Аитапе (около трети расстояния от Вевака) для захвата аэродромов. Разведка союзников оценивала численность японских войск в Холландии в 14 тыс. человек, а в Аитапе — в 3500 человек. Чтобы гарантировать успех, Макартур привлек для участия в этой операции около 50 тыс. солдат, главным образом из американского 1-го корпуса Эйхельбергера. На самом же деле обороняющихся оказалось намного меньше, чем предполагалось. Их силы состояли главным образом из тыловых частей, которые после первой же бомбардировки поспешно отошли в глубь страны.

В результате три слабые дивизии Адати в Веваке были отрезаны. Вместо изнурительного отступления окружным путем, вдали от берега, Адати решил попытаться совершить прорыв вдоль побережья. Однако в июле Макартур успел перебросить на американский плацдарм в Аитапе три сильные дивизии, и попытка прорыва была отражена с большими потерями для японцев.

Задолго до этой неудачной контратаки японцев американцы продвинулись на 200 км к западу, к своей следующей цели, прибрежному острову Вакде, где японцы построили аэродром. В середине мая американцы высадились в Тоэме, на побережье Новой Гвинеи, а затем пересекли узкий пролив, отделяющий

остров Ваке. Упорное сопротивление небольшого гарнизона острова было быстро сломлено, однако при продвижении вдоль побережья на Сарми американцы встретили более продолжительное сопротивление. И все же японская оборона на Новой Гвинее приняла теперь характер sporadический и хаотичный. Американские подводные лодки наносили тяжелые потери конвоям войсковых транспортов, следовавших из Китая, а угроза Марианским островам в центральной части Тихого океана лишила японцев всякой надежды на отправку дополнительных подкреплений на Новую Гвинею.

Очередной «скачок» войска Макарура совершили через месяц после захвата Холландии и через десять дней после высадки в Тоэме и на острове Ваке. Перед американцами стояла задача — захватить остров Биак с его аэродромами, расположенный в 650 км к западу от Холландии (и в 400 км от Ваке). Операция протекала не совсем гладко. В отличие от операции по захвату Холландии американцы сильно недооценили здесь численность гарнизона (больше 11 тыс. человек), и хотя первоначальная высадка 27 мая встретила незначительное сопротивление, при продвижении в глубину с целью захвата аэродромов положение изменилось. Японцы не стали пытаться удерживать побережье, где им угрожали корабельная артиллерия и бомбардировочная авиация союзников, а разместили главные силы своего гарнизона в пещерах и на укрепленных позициях на высотах, господствующих над аэродромами. Японские танки отрезали на некоторое время часть американской пехоты. Макарур щедро посылал подкрепления, но все равно захват острова превратился в медленный, мучительный процесс и закончился лишь в августе. Потери американских сухопутных войск составили около 10 тыс. человек, причем большинство умерло от болезней, так как в бою погибло только около 400 человек. Все это явилось предзнаменованием тех трудностей и неприятностей, с которыми американцам предстояло встретиться при высадке на острове Иводзима через девять месяцев, в феврале 1945 года.

Упорное сопротивление японцев на Биак могло бы дать еще большие результаты, если бы верховное командование Японии настойчиво проводило в жизнь свое запоздалое решение об отправке подкреплений на Биак. Изменив прежнее решение о сосредоточении усилий на обороне Марианских островов, японское верховное командование в начале июня отправило с Марианских островов на Биак конвой войсковых транспортов под прикрытием крупного соединения кораблей и авиации. Однако отправку задержали на пять дней из-за ошибочного донесения,

будто у Биака находится американское авианосное соединение. При второй попытке японцы действительно встретились с группой американских крейсеров и эсминцев и поспешно отступили. Японское верховное командование отправило мощные силы прикрытия, включавшие линкоры «Ямато» и «Мусаси». В тот день, когда они подошли к Новой Гвинее, группы американских авианосцев в центральной части Тихого океана начали наступление на Марианские острова, и японским военно-морским силам пришлось поспешно направиться обратно на север, чтобы отразить эту более серьезную угрозу. Наступление американцев в двух направлениях на Тихом океане вновь сыграло важную роль в срыве планов противника.

Когда наступление на аэродромы Биака приостановилось, Макартур, не теряя времени, предпринял наступление на близлежащий остров Ноэмфор. Высадка состоялась 2 июля после мощной бомбардировки и артиллерийского обстрела с кораблей, а к 6 июля были захвачены все три аэродрома острова. Лишившись авиации, японцы начали отступать к самой западной оконечности Новой Гвинеи, на полуостров Фогелькоп. 30 июля около мыса Сансапор Макартур без авиационной и артиллерийской подготовки высадил дивизию. На этом отдаленном участке полуострова японских войск не было. Американцы быстро построили полосу обороны и приступили к строительству новых аэродромов. Теперь, опираясь на три группы аэродромов на западной оконечности Новой Гвинеи, можно было совершить скачок на Филиппины. Задачу по ликвидации остатков пяти японских дивизий на Новой Гвинее поручили австралийцам.

Захват Марианских островов и сражение на Филиппинском море. Наступление на Марианские острова силами адмирала Спрюэнса в центральной части Тихого океана ознаменовало прорыв американцами внутреннего кольца обороны Японии. Отсюда американские бомбардировочные силы могли наносить удары по самой Японии, а также по Филиппинам, Формозе и Китаю. Вместе с тем захват Марианских островов создавал сильнейшую угрозу коммуникациям Японии с недавно приобретенной южной империей.

На Марианских островах, как и повсюду, жизненно важное значение имели острова, где находились аэродромы: Сайнап, Тиниан и Гуам. Их обороняли гарнизоны численностью соответственно 32 тыс., 9 тыс. и 18 тыс. человек. Численность японской авиации номинально составляла 1400 самолетов, но фактически их было гораздо меньше, так как многие были отправлены на Новую Гвинею и уничтожены соединением быстроходных авианосцев адмирала Митшера, которое с февраля наносило удары

по японским базам. Тем не менее японцы рассчитывали сосредоточить до 500 самолетов, если удастся получить подкрепления из других районов. Японские военно-морские силы в этом районе под командованием адмирала Озавы состояли из трех групп: главный линейный флот под командованием адмирала Куриты в составе четырех линкоров, трех легких авианосцев, крейсеров и эсминцев; главное авианосное соединение под командованием самого Озавы в составе трех тяжелых авианосцев, крейсеров и эсминцев; резервное авианосное соединение под командованием адмирала Дейсимы в составе двух тяжелых и одного легкого авианосцев, линкора, а также крейсеров и эсминцев.

Японцы заранее подготовили контрудар и надеялись, заманив силы Спрюэнса в западню, уничтожить его авианосцы. Этот план составил командующий военно-морскими силами адмирал Кога, но в конце марта 1944 года он погиб в авиационной катастрофе. Его преемник адмирал Тоеда принял план контрудара с некоторыми изменениями. Тоеда ставил целью заманить американские авианосные силы в воды восточнее Филиппин и там взять их в клещи между мощным авианосным соединением Озавы и авиацией, действующей с баз на подмандатных островах.

Американская армада, предназначенная для вторжения на Марианские острова, вышла с Маршалловых островов 9 июня; высадка на Сайпан намечалась на 15 июня. Два дня спустя авианосцы Митшера начали интенсивную бомбардировку намеченных для высадки островов, а к 13 июня американские линкоры вели сильный огонь по Сайпапу и Тиниану. В то же время адмирал Тоеда приказал начать операцию «А-Го» — давно запланированный японский контрудар. Из-за этого, как уже упоминалось, пришлось отказаться от попыток усилить войска на острове Биак и удержать Новую Гвинею.

Американские десантные силы включали три дивизии морской пехоты в первом эшелоне и пехотную дивизию в резерве при непосредственной поддержке соединения кораблей в составе 12 авианосцев, 5 линкоров и 11 крейсеров. Проведение операции обеспечивали силы 5-го флота адмирала Спрюэнса в составе 7 линкоров, 21 крейсера и 69 эсминцев, а также 4 группы авианосцев адмирала Митшера (15 авианосцев и 956 самолетов). Переброска морем около 130 тыс. солдат на Марианские острова с Гавайев и Гуадалканала была хорошо организована и прошла успешно.

Утром 15 июня первая волна морских пехотинцев высадилась на острове Сайпан под прикрытием мощного огня корабельной артиллерии, кораблей артиллерийской поддержки десанта и ракетноносных самолетов: 8 тыс. морских пехотинцев высадились за 20 минут, что свидетельствовало о высоком уров-

не подготовки. С наступлением темноты общее число войск на берегу достигло 20 тыс. человек, однако они смогли продвигаться лишь на незначительную глубину, поскольку японцы удерживали командные высоты и ожесточенно контратаковали.

Более отдаленную, но весьма серьезную угрозу десанту создавал японский флот, линкоры и авианосцы которого направлялись в Филиппинское море. Получив донесение о передвижении этого флота, Спрюэнс отменил намечавшуюся высадку на Гуам и высадил на остров Сайпан свою резервную 27-ю дивизию, чтобы ускорить захват этого ключевого острова. Транспорт он приказал отвести в безопасные воды, а 5-й флот сосредоточился примерно в 300 км от острова Тиниан.

Такая оборонительная позиция оказалась разумной. До этого момента план, который наметил адмирал Тоеда, казалось, осуществляется успешно, хотя авианосная авиация Митшера уничтожила японские военно-воздушные силы на Марианских островах. 19 июня с 8.30 с авианосцев Озавы четыре раза подряд поднимались в воздух самолеты, но их вовремя обнаруживали американские радиолокационные станции, и сотни истребителей поднимались им навстречу. Одновременно бомбардировщики с авианосцев Митшера атаковали японские авиационные базы на островах. Эта битва в воздухе фактически вылилась в массовое избиение японской авиации и получила название «великий марианский разгром». Американские летчики имели подавляющее превосходство над менее опытными японцами, которые потеряли 218 самолетов, а сбили только 29 американских самолетов. В это же время американские подводные лодки торпедировали и потопили два японских тяжелых авианосца «Секаку» и «Тайхо», на которых базировалось много самолетов.

Озава, полагая, что его самолеты приземлились на Гуаме, остался в районе боевых действий; на следующий день его корабли были обнаружены американскими разведывательными самолетами. Адмирал Митшер нанес удар силами 216 самолетов, которые потопили один тяжелый авианосец (повреждения были нанесены еще двум авианосцам, а также двум легким крейсерам, линкору и тяжелому крейсеру) и уничтожили 65 японских самолетов. Американцы потеряли в бою только 20 самолетов. Еще 80 самолетов было сбито или потерпело аварию во время длительного ночного полета на обратном пути к авианосцам. Правда, многие экипажи были спасены, когда корабли Озавы покинули поле боя и направились к острову Окинава, из группы островов Рюкю, к югу от Японии.

К тому времени боевые потери японской армии составили около 480 самолетов — свыше трех четвертей их общего коли-

чества, причем большинство экипажей погибло. Потеря такого большого числа самолетов и авианосцев причинила серьезный ущерб. Правда, к осени эти потери были в основном возмещены. Гораздо хуже обстояло дело с потерями в летном составе, которые нельзя было возместить. Это означало, что в ближайшее время японский флот будет испытывать серьезные затруднения и ему придется рассчитывать главным образом на свое более традиционное вооружение.

Таким образом, сражение на Филиппинском море обернулось серьезным поражением для японцев. Американский военно-морской историк адмирал Морисон считает его даже более важным, чем последующее сражение в заливе Лейте в октябре. Теперь путь на Филиппины был открыт и успех боев на Марианских островах обеспечен.

После боев на море и в воздухе исход боев на Марианских островах не вызывал сомнений, хотя японцы продолжали оказывать упорное сопротивление на суше. Три американские дивизии, высаженные в южной части Сайпана, неуклонно продвигались на север при мощной поддержке авиации и флота. К 25 июня они захватили командную высоту — гору Типотчау. Два высших японских командира на Сайнапе — адмирал Нагумо (бывший командующий авианосными силами) и генерал Сайто 6 июля совершили самоубийство, «чтобы вдохновить войска в последнем бою». На следующий день 3 тыс. оставшихся в живых солдат и офицеров совершили фактически то же самое, предприняв убийственную атаку на позиции американцев. В боях за Марианские острова японцы потеряли свыше 26 тыс. человек, тогда как потери американцев составили 3500 убитыми и 13 тыс. ранеными и больными.

23 июля две дивизии морской пехоты были переброшены с острова Сайпан на остров Тиниан и овладели им в течение недели, но для окончательной очистки территории от противника потребовалось времени больше. За три дня до высадки на остров Тиниан силы, предназначавшиеся для вторжения на Гуам и отозванные после того, как возникла угроза вмешательства флота Озавы, вернулись для выполнения своей задачи и были усилены еще одной дивизией. Японцы оказывали упорное сопротивление, которому способствовала сложная система оборонительных сооружений в пещерах, но к 12 августа остров все-таки был полностью занят американскими войсками.

Потеря Марианских островов и предшествовавшее этому тяжелое поражение на море значительно ухудшили положение Японии, хотя гордость японцев все еще мешала им взглянуть в лицо фактам. Весьма примечательно, впрочем, что за этими

драматическими событиями 18 июля последовала отставка генерала Тодзио.

Через четыре дня был сформирован кабинет генерала Койсо, который поставил себе задачу создать лучшую систему обороны. Хотя кампания в Китае все еще продолжалась, главной заботой стала оборона Филиппин: японцы понимали, что сокращение объема поставок нефтепродуктов из Ост-Индии ухудшит положение вооруженных сил Японии в целом.

Даже при настоящем положении Япония испытывала огромные трудности из-за нехватки нефти. Важнейшим стратегическим фактором, создавшим такое положение, были действия американских подводных лодок, которые топили японские танкеры. Значительное уменьшение запасов нефти вызвало сокращение программы подготовки летного состава авиации. Это привело также к необходимости держать японский флот в Сингапуре, ближе к источникам снабжения, и когда он вышел для выполнения боевой задачи, у него не было достаточных запасов топлива, чтобы вернуться назад.

На этом этапе войны вооруженные силы Соединенных Штатов вполне могли обойти Филиппины и сделать следующий «скачок» на Формозу или на острова Иводзима и Окинава. Именно на этом настаивали адмирал флота Кинг и некоторые другие военно-морские начальники. Однако политические соображения и стремление Макартура с триумфом вернуться на Филиппины взяли верх над доводами в пользу обхода этих больших островов.

Было признано необходимым до вторжения на Филиппины захватить несколько небольших объектов. Первоначально планировалось захватить острова Моротай, вблизи острова Хальмахера (западнее Новой Гвинеи), острова Палау, острова Яп и Талауд, острова Минданао, а также построить передовые авиационные и военно-морские базы для обеспечения главного удара на Филиппины. Командующий 3-м флотом (этот флот назывался 5-м, когда находился в подчинении Спрюэнса) адмирал Хэлси установил, что оборона филиппинского побережья очень слаба, и предложил отменить промежуточные этапы операции. Однако это предложение не было принято, поскольку боевые действия уже фактически начались и их успех рассматривался как дополнительная гарантия общего успеха.

Отряд войск Макартура 15 сентября высадился на острове Моротай, преодолев незначительное сопротивление, и уже к 4 октября американская авиация действовала с аэродрома, построенного на этом острове. Силы адмирала Хэлси 15 сентября вторглись на острова Палау и за несколько дней заняли большую их часть. Тем самым они получили передовые аэродромы,

расположенные всего в 900 км от острова Минданао, больше чем на полпути от острова Гуам.

Теперь два основных направления наступления на Тихом океане — Макартура и Нимица — сблизились и их силы находились на расстоянии, позволяющем осуществлять непосредственную поддержку друг друга.

Японский план обороны Филиппин, известный под названием «SHO-1»¹³⁷, имел две составные части. На суше оборона была поручена 14-му фронту под командованием генерала Ямаситы, который располагал для этой цели девятью пехотными, одной танковой дивизиями и тремя отдельными бригадами, а также 4-й воздушной армией. Кроме того, ему подчинялись сосредоточенные в районе Манилы силы, которые насчитывали около 25 тыс. человек, способных вести бой на суше. Однако главные действия предусматривались на море, и японское верховное командование во имя их осуществления готово было все поставить на карту. Как только стали бы известны места высадки американцев, японские авианосные силы должны были заманить американский флот на север. Войскам Ямаситы предстояло сковать американские десантные войска, а двум группам японских линкоров — взять их в клещи. Тоеда рассчитывал, что американцы, которые превыше всего ценили авианосцы, по всей вероятности, бросятся за ними, так как они всегда использовали линкоры как приманку, а авианосцы — как ударную силу.

На составление этого плана оказали влияние ослабление японской авиации и неугасимая вера в линкоры. Гордость и уверенность адмиралов неизмеримо возросли с завершением строительства двух крупнейших в мире линкоров — «Ямато» и «Мусаси» — водоизмещением свыше 70 тыс. тонн, вооруженных девятью 460-мм орудиями (ни один военный корабль в мире не имел столько орудий такого калибра). В то же время японцы мало что сделали для развития своих авианосных сил и требующейся им авиации. Как часто случается в истории, японцы дольше своих противников усваивали причины собственных успехов в начале войны.

Американцы осуществили следующий большой бросок на Филиппины в октябре, на два месяца раньше намеченной программы. Эти острова простираются на тысячу километров — от острова Минданао на юге до Лусона на севере. Первый удар был нанесен по острову Лейте, с тем чтобы расколоть японскую оборону. Войска Макартура — четыре дивизии 6-й армии генерал-лейтенанта Крюгера — начали высадку утром 20 октября с кораблей 7-го флота адмирала Кинкейда. Его поддерживал и прикрывал 3-й флот адмирала Хэлси, который занял позиции тремя группами немного восточнее Филиппин.

Вторжению предшествовал ряд воздушных налетов с авианосцев Митшера (из состава 3-го флота Хэлси) на Формозу, Лусон и Окинаву. Эти налеты длились целую неделю, начиная с 10 октября, и оказали большое влияние на последующие события. Японские летчики представляли настолько преувеличенные донесения, что правительство в официальных сообщениях и радиопередачах утверждало, будто потоплено 11 авианосцев, 2 линкора и 3 крейсера. На самом же деле американские авианосцы уничтожили свыше 500 японских самолетов, потеряв только 71 самолет, и ни один американский корабль не был потоплен. Поверив в справедливость донесений летчиков, японский генеральный штаб направил для участия в операции в районе Филиппин свои резервы флота. Вскоре японцы обнаружили абсурдность утверждений своих летчиков, и флот был отведен из района Филиппин. В результате три из четырех дивизий Судзуки в южной части Филиппин получили приказ оставаться там, вместо того чтобы быть в готовности к использованию на Лусоне, как намечал Ямасита.

Как уже упоминалось, японское верховное командование планировало нанести сокрушительный контрудар всеми наличными военно-морскими силами в то же время и в том же месте, где нанесут удар американцы. За два дня до высадки на остров Лейте незакодированная телеграмма, отправленная одним из американских начальников, попала в руки японцам. Она содержала важнейшие сведения, необходимые для выбора направления контрудара.

Тоеда понимал, что идет на риск, однако японский флот зависел от снабжения нефтью из Ост-Индии, эта линия снабжения оказалась бы перерезанной. После войны Тоеда объяснял свои расчеты так:

«Если бы случилось самое худшее, мы могли бы потерять весь флот, но я считал, что надо пойти на риск... В случае неудачи в Филиппинской операции морские коммуникации с югом были бы полностью отрезаны и флот, вернувшись в японские воды, не смог бы получать необходимого топлива, а оставшись в южных водах, не смог бы получать боеприпасы и вооружение. Не было никакого смысла спасать флот за счет утраты Филиппин».

Роль приманки была предназначена соединению адмирала Озавы, направлявшемуся на юг из Японии. Оно включало 4 оставшихся боеспособными авианосца и 2 линкора, переоборудованных в авианосцы. Оно могло действовать лишь в качестве приманки, так как едва насчитывало сто самолетов, а большинство летчиков не имело опыта.

Итак, в этой крупной азартной игре за победу японцы рассчитывали на устаревший флот из 7 линкоров, 13 крейсеров и

3 легких крейсеров, прибывших из района Сингапура. Командующий флотом адмирал Курита выслал вперед отряд, который должен был прорваться в залив Лейте с юго-запада через пролив Суригао, а сам с главными силами шел с северо-запада через пролив Сан-Бернардино. Он надеялся разгромить десантные силы Макарура.

Адмирал Курита полагал, что «Ямато» и «Мусаси» своими 460-мм орудиями легко смогут уничтожить старые американские линкоры и что они почти непотопляемы благодаря бронированным палубам и корпусам, разделенным множеством переборок. К тому же, если на месте боя не будет авианосного соединения Хэлси, удары с воздуха не могут быть сильными. Японское командование надеялось, что к тому времени, когда Курита прорвется в залив Лейте, удастся отвлечь Хэлси, и наметило нанести удар 25 октября.

Однако приманка не сработала. В ночь на 23 октября Курита встретил в море две американские подводные лодки «Дартер» и «Дейс», которые курсировали у берегов Борнео. Они сразу же поспешили на север, держась впереди японского флота. С первыми лучами солнца они погрузились на перископную глубину, дождались подхода флота, а затем с близкого расстояния выпустили торпеды, потопив два японских крейсера и повредив еще один. Сам Курита находился на головном крейсере. Его спасли прежде, чем корабль затонул, и доставили на «Ямато», но для него это было сильным потрясением. Более того, американские адмиралы узнали о приближении противника и об его силах.

Когда Озаве сообщили о столкновении Куриты с подводными лодками, он поспешил дать знать противнику о своем приближении с севера, то и дело посылая незакодированные радиogramмы, чтобы привлечь внимание Хэлси. Однако американцы не перехватили этих радиogramм.

Вскоре с авианосцев Хэлси волна за волной стали взлетать бомбардировщики и бомбардировщики-торпедоносцы, направляясь против флота Куриты. Американской авиации противодействовали только самолеты берегового базирования и самолеты с авианосцев Озавы. В этих боях японцы потеряли более 50% самолетов, но сумели, правда, нанести тяжелые повреждения авианосцу «Принстон» (команде пришлось его оставить).

Американская морская авиация, действуя против флота Куриты, добилась значительного успеха. Во второй половине дня «Мусаси», получив 19 попаданий торпед и 17 попаданий бомб, опрокинулся и затонул. Хотя американские летчики доносили, будто тяжелые повреждения получили еще три линкора и три тяжелых крейсера, на самом же деле был серьезно поврежден

и не смог продолжать бой только один тяжелый крейсер. После потопления «Мусаси» японский флот ушел на запад.

Получив донесения воздушной разведки об итогах этого боя, адмирал Хэлси сначала решил, что Курита отступает. Однако то обстоятельство, что во флоте Куриты не оказалось ни одного авианосца, побудило Хэлси провести более широкую авиационную разведку, и около 17 часов было обнаружено соединение Озавы, шедшее курсом на юг. Тогда Хэлси принял решение попытаться утром следующего дня нанести решающее поражение силам Озавы. Все корабли соединения Хэлси устремились навстречу противнику. Пролив Сан-Бернардино остался без прикрытия.

Через четверть часа после того, как Хэлси сообщил Кинкейду о своем решении, он получил донесение от ночного разведывательного самолета о том, что флот Куриты на большой скорости возвращается к проливу. Хэлси не поверил этому донесению. Теперь, когда ему представилась возможность разыграть излюбленную дерзкую и стремительную партию, он закрыл глаза на другие возможности. Недаром еще в начале войны его удачно прозвали Быком.

Отводя свои силы, Курита стремился лишь выйти из зоны досягаемости авиации в дневное время и намеревался вернуться под покровом темноты. Если не считать потопленного «Мусаси», ни один из крупных кораблей Куриты, вопреки оптимистическим донесениям американских летчиков, не был серьезно поврежден.

В 23.00, когда Хэлси ушел на 300 км к северу, разведывательные самолеты вновь обнаружили флот Куриты, который продолжал двигаться к проливу Сан-Бернардино и находился уже в 70 км от него. Хэлси не мог больше игнорировать этого факта, однако он не учел серьезности угрозы, полагая, что это просто самоубийственное усилие флота, понесшего большие потери. Хэлси продолжал идти к северу, самонадеянно полагая, что флот Кинкейда легко разобьет значительно ослабленного, как он считал, противника.

Таким образом, японская приманка, хотя и с опозданием, сыграла свою роль.

Положение флота Кинкейда оказалось тем более опасным, что его дважды ввели в заблуждение. Южный отряд Куриты, появившись у пролива Суригао, привлек внимание Кинкейда к этому направлению, и он сосредоточил большую часть своих сил для отражения этой угрозы. Кинкейд полагал, что часть сил Хэлси продолжает прикрывать подступы через пролив Сан-Бернардино. Кроме того, Кинкейд не принял мер предосторожности и не организовал разведку, чтобы проверить, не приближается ли противник с этого направления.

Атаку японского южного отряда отразили после напряженного ночного боя в значительной степени благодаря «ночному зрению» американских радиолокационных станций, гораздо более совершенных, чем радиолокационная аппаратура на кораблях японских военно-морских сил. Кроме того, японцы оказались в невыгодном положении, когда их корабли, проходя кильватерной колонной через узкий пролив Суригао, попали под сосредоточенный огонь линкоров адмирала Олдендорфа. В отряде было два линкора, и оба были потоплены. С наступлением рассвета пролив был свободен от японских кораблей. На поверхности плавали лишь обломки и растекались нефтяные пятна.

Однако через несколько минут после того, как Кинкейд передал в эфир радиogramму об одержанной победе, ему сообщили, что главные силы Куриты прошли с северо-запада через пролив Сан-Бернардино и у восточного берега острова Самар атакуют корабли Кинкейда, оставленные там для прикрытия пунктов высадки десанта войск Макартура на Лейте.

Силы флота, поддерживавшие высадку десанта на остров Лейте, состояли из шести вспомогательных авианосцев (переоборудованных торговых судов) и нескольких эсминцев. Под градом тяжелых снарядов с «Ямато» и трех других линкоров они сразу же отошли на юг.

Получив эти тревожные известия, Кинкейд в 8.30 послал радиogramму Хэлси: «Срочно требуются быстроходные линкоры залив Лейте». В 9.00 Кинкейд отправил еще одну радиogramму, на этот раз открытым текстом, а не кодом. Однако Хэлси продолжал идти на север, исполненный решимости добиться своей цели — уничтожить авианосное соединение Озавы. Несмотря на неоднократные призывы Кинкейда о помощи, Хэлси полагал, что авианосная авиация Кинкейда сможет сдержать атаки Куриты, пока подспеют на помощь главные силы флота Кинкейда с их шестью линкорами. Правда, Хэлси все же приказал небольшому отряду авианосцев и крейсеров под командованием адмирала Маккейна, находившемуся у Каролинских островов, поспешить на помощь Кинкейду. Однако этот отряд находился в 700 км, на 80 км дальше самого Хэлси.

Тем временем натиск Куриты в южном направлении был приостановлен доблестными действиями авиации и группы американских эсминцев, прикрывавших отход шести вспомогательных авианосцев. Один авианосец и три эсминца были потоплены, но остальные ушли, хотя и с изрядными повреждениями¹³⁷.

Курита прекратил преследование и повернул к заливу Лейте, где сосредоточились беззащитные теперь американские транспорты и десантные суда. Курита находился всего в 50 км от входа в залив.

Прежде чем нанести удар, Курита выждал, пока сосредоточатся корабли, рассеявшиеся в ходе боя. Перемена курса и пауза опять вызвали у американской стороны ошибочное представление, будто Курита отступает под ударами авиации и эсминцев. Вскоре иллюзия рассеялась, и Кинкейд послал Хэлси еще один настойчивый призыв о помощи: «Положение опять очень серьезное. Авианосцам вновь угрожают надводные силы противника. Ваша помощь крайне необходима. Авианосцы отходят в залив Лейте».

На сей раз Хэлси откликнулся на призыв. К этому времени его самолеты уже нанесли тяжелые повреждения соединению Озавы, и, хотя Хэлси очень хотелось завершить разгром противника, он поспешил на помощь Кинкейду с шестью быстроходными линкорами и одной из трех авианосных групп. Однако, преследуя Озаву, Хэлси так далеко зашел на север, что залива Лейте достиг лишь на следующее утро. Авианосная группа Маккейна, получив приказ Хэлси, тоже не скоро вышла в район, позволявший ввести в бой против Куриты самолеты. Поэтому к полудню обстановка у Лейте сложилась весьма мрачная.

Внезапно Курита вновь повернул на север, и на этот раз окончательно. В чем же было дело? Причиной послужили перехваченные радиogramмы. Сначала был перехвачен переданный по радио приказ самолетам американских авианосцев произвести посадку на остров Лейте. Курита вообразил, что это — подготовка к сосредоточенной атаке на его корабли с наземных баз, хотя на самом деле это была чрезвычайная мера, чтобы спасти самолеты от потопления вместе с авианосцами. Через несколько минут радисты доложили Курите перехваченную радиogramму, отправленную Хэлси Кинкейдом в 9.00 открытым текстом. На ее основе японский адмирал сделал ошибочный вывод, будто Хэлси уже больше трех часов мчит на юг. Курита не имел связи с Озавой и не знал, как далеко на север зашел Хэлси. Кроме того, его тревожило отсутствие достаточного авиационного прикрытия.

Окончательно сбита с толку адмирала Куриту ошибка, допущенная японской службой радиоперехвата. Эта ошибка создала у Куриты впечатление, будто часть американских сил, идущих на выручку Кинкейду, находится всего в 120 км к северу от него и уже приближается к путям отхода через пролив Сан-Бернардино. Курита поэтому решил поспешить на север, чтобы устранить угрозу раньше, чем американцы получат подкрепление и закроют ему пути отхода.

Это был один из многих случаев в истории, когда исход сражения решает эмоциональный настрой военачальника. В этом

случае угроза противника нанести удар оказывает большее влияние, чем фактически нанесенный удар.

Достигнув пролива Сан-Бернардино, Курита не обнаружил там противника и двинулся через пролив на запад. Неоднократные налеты американской авиации задерживали продвижение, и выхода из пролива Курита достиг только около 22.00. Осталось еще три часа до появления головных кораблей Хэлси, спешивших к югу.

С точки зрения американцев неудачная попытка уничтожить японские линкоры полностью компенсировалась потоплением всех четырех японских авианосцев: «Титосэ» (около 9.30), «Тиэда», «Дзуйкаку» и «Дзуйхо» (во второй половине дня).

Анализируя эти четыре отдельных боя в целом, можно сказать, что сражение в заливе Лейте было самым крупным военно-морским сражением всех времен. В нем участвовало 282 корабля и сотни самолетов. Если июньское сражение в Филиппинском море в известном смысле имело пагубные последствия для японской военно-морской авиации, то сражение в заливе Лейте принесло Японии новые беды. В этом сражении японцы потеряли четыре авианосца, три линкора, шесть тяжелых крейсеров, три легких крейсера и восемь эсминцев; американцы же потеряли только один легкий авианосец, два вспомогательных авианосца и три эсминца.

Следует заметить, что в этом сражении японцы впервые применили новую тактику, которой трудно было противостоять. После того как американским авианосцам из 7-го флота Кинкейда удалось выдержать неожиданный мощный удар превосходящих сил «центрального соединения» Куриты, пока он не повернул обратно и не ушел через пролив Сан-Бернардино, они подверглись первому организованному удару «камикадзе». Эти летчики, жертвуя собой, пикировали на вражеский корабль и вызывали на нем пожар от взрыва баков с горючим и бомб. Впрочем, в результате первого удара «камикадзе» был потоплен только один авианосец, а несколько других получили повреждения.

Решающее значение в этом сражении имело потопление четырех авианосцев Озавы. Без авианосцев шесть оставшихся японских линкоров стали беспомощными и в дальнейшем не могли повлиять на ход боевых действий. Таким образом, хотя бросок Хэлси на север подверг серьезной опасности остальные американские силы, исход сражения оказался в пользу американцев. Результаты сражения выявили беспочвенность представлений о линкоре как о пугале и показали нелепость верований в эти устаревшие чудовища¹³⁸. Единственно важную роль во Второй Мировой войне эти корабли сыграли при артиллерийском обстреле

берегов, хотя, по иронии судьбы, предыдущие поколения считали их для этой цели непригодными и слишком уязвимыми.

Решение японского командования сражаться за Лейте и сделать его центром обороны Филиппин созрело слишком поздно, и подкрепление с Лусона (около трех дивизий) не успело прибыть на остров до того, как американские войска расширили свои плацдармы. Прежде всего, нанеся удары с пунктов высадки, они захватили близлежащие аэродромы в Дулаге и Таклобане. Затем, развивая наступление на обоих флангах, они достигли ко 2 ноября залива Каригара на северном побережье острова Лейте и Абуйога в средней части восточного побережья. В результате этих ударов американцы не только захватили все пять японских аэродромов и разгромили их единственную дивизию, уже находившуюся на острове, но и сорвали план Судзуки — сосредоточить силы, направляемые на подкрепление, в Каригарской равнине.

Далее Крюгер намеревался провести двусторонний маневр по обе стороны горного хребта острова, чтобы захватить главную японскую базу Ормок на западном берегу. Проливной дождь задержал ремонтные работы на захваченных аэродромах, с которых предполагалось организовать непосредственную авиационную поддержку действиям наступающих войск. За это время японцы успели высадить в Ормоке две дивизии. За ними последовали дальнейшие подкрепления, и к началу декабря японцы довели численность своих войск на Лейте с 15 тыс. до 60 тыс. человек. К тому времени численность войск Крюгера превысила 180 тыс. человек. Стремясь поскорее добиться успеха, Крюгер высадил одну из своих свежих дивизий на западном берегу южнее Ормока, расчленив тем самым оборону японцев, и через три дня, 10 октября, занял эту базу. Японцы, испытывая острую нехватку продовольствия, быстро капитулировали. К Рождеству организованное сопротивление прекратилось. Ямасита вновь обратился к своему первоначальному плану — сосредоточить оборонительные усилия на главном острове Лусон (однако теперь значительно ухудшились условия и намного сократились силы).

В эти решающие недели три группы быстроходных авианосцев 3-го флота Хэлси располагались вблизи Филиппин для постоянной поддержки действий войск Макартура, несмотря на участвовавшие атаки «камикадзе». Последние нанесли значительное число разрушающих ударов. Два авианосца пришлось отвести для капитального ремонта.

В качестве подготовительной меры к вторжению на Лусон Макартур решил захватить промежуточный остров Миндоро, чтобы создать там аэродромы, с которых части 5-й воздушной

армии могли бы прикрывать морские подступы к Лусону. Это был рискованный шаг, так как Миндоро находится почти в 500 км от залива Лейте и гораздо ближе к японским аэродромам на Лусоне. Гарнизон Миндоро составлял лишь около 100 человек, и 15 декабря через несколько часов после высадки американцы заняли четыре заброшенные взлетно-посадочные полосы, переоборудовали их, и еще до конца месяца армейские самолеты перебазировались на остров. Легкому успеху в большой мере способствовало соединение быстроходных авианосцев Хэлси, которые наносили мощные удары по аэродромам Лусона и постоянно держали над ними истребительный заслон, чтобы воспрепятствовать взлету японских бомбардировщиков для ударов по Миндоро и морским подступам к нему.

3 января американские десантные силы вышли из залива Лейте, насчитывая в своем составе 164 корабля, в том числе 6 линкоров и 17 вспомогательных авианосцев, под командованием адмиралов Кинкейда и Олдендорфа. Они прибыли 9 января в залив Лингаен (200 км севернее Манилы), откуда японцы начали вторжение на Филиппины почти четыре года назад. Утром 10 января началась высадка четырех дивизий 6-й армии Крюгера.

Большую помощь оказало соединение быстроходных авианосцев флота Хэлси, особенно в противодействии атакам «камикадзе», которые стали наносить все больший ущерб кораблям. Прикрыв высадку в заливе Лингаен, это авианосное соединение совершило глубокий рейд в Восточно-Китайское море, громя японские базы и суда в Индокитае, южном Китае, Гонконге, на Формозе и Окинаве.

Тем временем войска Крюгера, преодолевая ожесточенное сопротивление, наступали от залива Лингаен на Манилу. Чтобы обеспечить успех этих действий и не допустить отход японцев на полуостров Батаан, Макартур 29 января высадил еще один корпус вблизи этого полуострова. Через два дня в Насугбу, примерно в 70 км южнее Манилы, высадилась, не встретив сопротивления, воздушно-десантная дивизия. К тому времени, когда она начала наступление на Манилу, войска Крюгера уже подошли к окраинам города, а войска Ямаситы отошли в горы.

Манилу продолжал оборонять адмирал Ивабути, начальник военно-морской базы. Он отказался подчиниться приказу Ямаситы объявить Манилу открытым городом и с фанатичным упорством вел бои за каждый дом. Бои продолжались целый месяц, в результате город был разрушен. Полностью Манилу очистили от японцев только 4 марта. За это время был захвачен полуостров Батаан и остров Коррехидор. Японский гарнизон этого острова-крепости держался десять дней. К середине марта

порт Манила был готов к приему американских кораблей. В горных районах острова Лусон, а также на острове Минданао и мелких южных островах противник еще оказывал сопротивление.

Наступление на Иводзиму. Захватив ключевые пункты на Филиппинах, американцы начали изыскивать возможности нанести удар по собственно Японии. Отказавшись от прежней идеи захватить войсками Макартура Формозу или часть побережья Китая в качестве авиационных баз для ударов по Японии, комитет начальников штабов счел необходимым овладеть островом Иводзима из группы островов Бонин (на полпути между островом Сайпан и Токио) и островом Окинава из группы островов Рюкю (на полпути между юго-западной оконечностью Японии и Формозой) в качестве стратегических промежуточных опорных пунктов.

Вначале планировалось захватить остров Иводзима, так как эта операция казалась более легкой. Американцы рассчитывали использовать этот остров для вынужденных посадок «летающих крепостей» В-29, которые с конца ноября бомбили Токио с Марианских островов, и как базу для сопровождающих их истребителей, поскольку ни один истребитель не мог пролететь все это расстояние без посадки.

На Иводзиме, вулканическом острове всего в 6 км длиной, гражданского населения не было. До сентября здесь находился небольшой гарнизон, который не мог оказать серьезного сопротивления, однако теперь он был увеличен примерно до 25 тыс. человек. Генерал Курибаяси создал систему обороны в скальных пещерах, хорошо замаскированных и соединенных глубокими подземными ходами. Курибаяси намеревался вести длительную оборону и из-за огромного превосходства американцев на море и в воздухе не рассчитывал на получение подкреплений.

Нимиц поручил руководство операцией по захвату Иводзимы адмиралу Спрюэнсу, который в конце января 1945 года принял командование 5-м флотом (раньше, когда им командовал Хэлси, он назывался 3-м флотом). Для захвата острова предполагалось использовать три дивизии морской пехоты. Перед началом операции была проведена самая продолжительная за все время войны на Тихом океане авиационная и артиллерийская подготовка. С 8 декабря авиация ежедневно совершала налеты на остров, а с 3 января бомбила его и днем и ночью. За три дня до высадки интенсивный огонь вела корабельная артиллерия. Однако все это оказало удивительно слабое воздействие на сильно укрепленную японскую оборону. Когда морская пехота утром 19 февраля высадилась на остров, ее встретил сильный минометный и артилле-

рийский огонь, и долгое время десант был прикован к берегу, потеряв в первый день 2500 человек из 30 тыс. высадившихся.

Морская пехота при мощной огневой поддержке с воздуха и моря медленно, чуть ли не метр за метром, продвигалась вперед. Захватить этот остров удалось только 26 марта после пяти с лишним недель ожесточенных боев. К тому времени боевые потери морской пехоты достигли почти 26 тыс. человек — 30% всех высадившихся войск. Японцы упорно сражались. Они потеряли убитыми 21 тыс. человек, и только 200 человек было взято в плен. Для ликвидации отдельных очагов сопротивления потребовалось еще больше двух месяцев, при этом общее число убитых японцев превысило 25 тыс. человек, 1000 человек было взято в плен. К концу марта три аэродрома были готовы к приему американских самолетов, и до конца войны на острове совершили посадку 2400 бомбардировщиков В-29.

Бирманская кампания — от Импхала до освобождения Рангуна в мае 1945 года. Срыв наступления японцев у Импхала весной 1944 года был для них жестоким ударом, но не таким сокрушительным, чтобы сломить их позиции в Бирме. Успех теперь зависел от того, насколько эффективными будут последующие действия, а для этого англичанам предстояло организовать надежную систему снабжения.

Объединенный англо-американский штаб в директиве от 3 июня поставил Маунтбэттену задачу расширить воздушный мост в Китай и имеющимися в его распоряжении силами расчистить наземный путь. Ожидалось, что при этом будет освобождена Бирма, хотя конкретных указаний на этот счет не поступало. Рассматривались два главных плана: план «Кэпитал» — наступление по суше с целью освобождения северной и центральной Бирмы и план «Дракула» — десантная операция с целью захвата южной Бирмы. При сложившихся обстоятельствах генерал Слим и американцы предпочитали план «Кэпитал», и хотя было приказано вести подготовку к осуществлению обоих планов, главное внимание уделялось плану «Кэпитал».

Несмотря на значительное улучшение коммуникаций из Индии и превращение Индии в главную базу, становилось все очевиднее, что еще предстоит сделать гораздо больше, чтобы вторжение в Бирму быстрее принесло реальные плоды. Главную трудность представляли не столько оперативно-тактические проблемы, сколько проблемы материально-технического обеспечения. Несмотря на усовершенствование наземных коммуникаций и внутреннего водного транспорта, 14-я армия Слима продолжала зависеть от снабжения по воздуху, а оно, в свою очередь, зависело от помощи американской транспортной авиации.

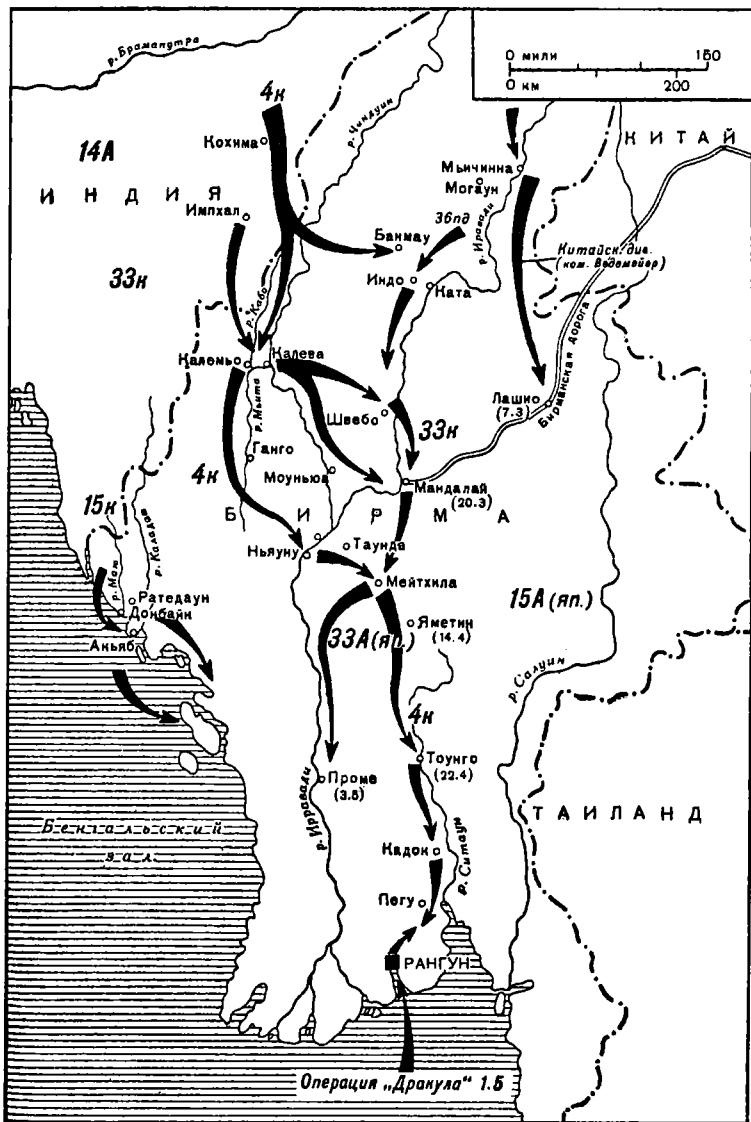

Рис. 23. Наступление союзных войск в Бирме
(3 декабря 1944 – 6 мая 1945 года)

В результате во второй половине 1944 года главным образом решали эти вопросы, а также провели реорганизацию системы командования. Наиболее важными мероприятиями были передача руководства снабжением по воздуху объединенному штабу под названием «оперативная группа транспортной авиации», согласование действий разведывательных служб и ликвидации частей специального назначения. Проведению реорганизации способствовало то, что в октябре из Китая был отозван Стилуэлл. Вместо него начальником штаба Чан Кай-ши и китайских войск назначили генерала Ведемейера. В ноябре генерал Лис, командовавший 8-й армией в Италии, был назначен командующим союзными сухопутными силами в Юго-Восточной Азии с подчинением Маунтбэттену.

В середине октября, когда прекратились муссонные дожди и высохла земля, Слим приступил к выполнению плана «Кэпитал». Начав наступление на Центральном фронте, он сосредоточил 33-й корпус Стопфорда в южной части долины Кабо с задачей овладеть Калемью и Калевой (210 км южнее Импхала), форсировать р. Чиндуин в районе Калевы к середине декабря, а затем вместе с 4-м корпусом (которым теперь командовал генерал Мессерви) развить успех в юго-восточном направлении на Моунъюа и Мандалай (в 250 км от Калевы).

Японское верховное командование, учитывая все возрастающую угрозу наступления американцев с моря на Филиппины, не могло выделить подкрепления бирманскому флоту генерала Кимуры и приказало ему удерживать свои позиции, чтобы не дать возможности союзникам выйти на Бирманскую дорогу или двинуться на Малайю. Японцам не приходилось особенно надеяться на выполнение этих оборонительных задач, поскольку их силы резко сократились в результате затяжного наступления на Импхал. На Центральном фронте четырем неукомплектованным дивизиям японской 15-й армии общей численностью всего 21 тыс. человек противостояли восемь-девять сильных дивизий. Помимо четырех дивизий японцы могли рассчитывать только на подразделения и части дивизии, расположенной в южной Бирме, но использовать ее означало бы оголить Рангун. Хотя часть сил Слива оставалась в резерве на случай возможного осуществления плана «Дракула», он имел больше дивизий и обладал значительным превосходством в танках и самолетах. Принимая во внимание эти упрямые факты, японцы признавали, что им, возможно, придется оставить северную Бирму, но все еще надеялись удержать рубеж, включающий Мандалай и нефтяные промыслы Енанджуана (в 230 км к югу по р. Иравади).

Пока развивалось наступление англичан на Центральном фронте, успешно завершились две вспомогательные операции — в Ракхайне (Аракан) и в северной Бирме.

Задача 15-го корпуса Кристисона заключалась в том, чтобы с прекращением муссонов очистить от японцев провинцию Ракхайн, захватить остров Акьяб с его авиационными базами, а потом высвободить войска для решения основной задачи. Кристисон располагал тремя сильными дивизиями против двух слабых дивизий так называемой 28-й армии Сакураи. Наступление англичан началось 11 декабря. 23 декабря они заняли Донбайк на оконечности полуострова, а через неделю — Ратадаун, на восточном берегу р. Маю. В это же время одна из дивизий корпуса Кристисона очищала от японцев долину Каладан в глубине. Японцы оказали слабое сопротивление, так как уже выводили войска из Ракхайна. Это ускорило захват Акьяба: когда англичане 4 января вошли в город, японцы уже оставили его.

Потребность в новых авиационных базах заставила Кристисона осуществить захват острова Рамри. Англичане заняли этот остров 21 января, почти не встретив сопротивления, так как японцы теперь стремились главным образом удержать горные проходы, ведущие к низовьям Иравади, и не допустить прорыва англичан в центральную Бирму. Небольшие японские арьергарды удерживали проходы до конца апреля и тем самым дали возможность истощенной армии Сакураи уйти из Аракана. Впрочем, их упорной обороне способствовало то обстоятельство, что корпус Кристисона теперь уделял больше внимания подготовке плана «Дракула».

В Китае в течение 1944 года боевые действия складывались неудачно для войск Чан Кай-ши¹³⁹, и это привело к пересмотру решения, принятого на конференции «Трайидент», о приоритете снабжения Китая по воздуху. Теперь главное внимание уделялось не столько американской стратегической авиации в Китае, сколько наращиванию и укреплению китайских вооруженных сил, особенно после того, как наступление двенадцати китайских дивизий в западной провинции Юньнань остановила одна японская дивизия, хотя соотношение сил было 7 : 1.

На северном фронте в Бирме войска Стилуэлла, стремившиеся продвинуться к северному флангу Бирманской дороги через Мьичину, в течение весны не могли добиться значительного успеха против трех слабых дивизий 33-й армии Хонды. Впрочем, осенью положение улучшилось, после того как «чиндитские» подразделения сменила индийско-английская 36-я дивизия, а большинство китайских дивизий были сняты с фронта для противодействия японскому наступлению в Китае.

В декабре войска Салтена быстро добились успеха, и слабые японские дивизии Хонды были вынуждены отступить на юго-запад к Мандалаю. К середине января весь западно-центральный участок Бирманской дороги был очищен от японцев. К апрелю всю дорогу от Мандалая до Китая открыли вновь.

К середине ноября 1944 года 33-й корпус Стопфорда создал плацдарм на восточном берегу Чиндуина, а 4-й корпус Мессерви начал наступление в восточном направлении в Шуэбо-Мандалайскую равнину, войдя в соприкосновение у Банмау с 36-й дивизией Фестинга, которая к тому времени продвинулась на юг до Индо и Каты на Иравади. Отсутствие сопротивления свидетельствовало о том, что японцы отходят из равнины Шуэбо на позиции Мандалая на Иравади. Таким образом, рухнула надежда Слима окружить и уничтожить противника на сравнительно открытой местности, используя свое превосходство в танках, артиллерии и авиации. Слим пересмотрел свой план. В то время как 33-й корпус Стопфорда (по численности эквивалентный четырем дивизиям) наступал на Мандалай с севера с целью захватить переправы через Иравади, 4-й корпус (по численности эквивалентный трем дивизиям) должен был как можно более скрытно наступать прямо на юг от Калемью вдоль долины р. Мьита. Затем планировалось повернуть от Ганго на юго-восток с целью захватить переправу через Иравади около Пакокку и создать стратегический барьер в районе Мейтхилы, тем самым блокировав пути отхода и линии снабжения японских войск, оборонявших Мандалай. Успех этого плана действий на Центральном фронте зависел от решения проблем материального обеспечения, и особенно проблем снабжения по воздуху.

К началу 1945 года, в то время как 4-й корпус готовился к глубокому фланговому маневру, 33-й корпус Стопфорда продолжал наступление на юг к Мандалаю. К 10 января он занял Шуэбо, 22 января — Моуньюа (на р. Чиндуин). Еще одна дивизия уже захватила переправы через Иравади в 80—100 км севернее Мандалая. Кроме отдельного отряда, расположенного напротив Мандалая, все японские силы находились теперь на восточном берегу Иравади.

Сигналом к началу операций по плану, намеченному Слимом, послужил захват корпусом Мессерви 10 февраля Канхлы, вблизи Пакокку. 14 февраля одна из дивизий корпуса захватила плацдарм около Ньяуну, южнее Пакокку, легко преодолев сопротивление индийских националистских войск, оборонявших этот участок. Затем его ударная группа под командованием генерала Кауэна (17-я моторизованная дивизия с танковой брига-

дой) вошла в прорыв и 24 января заняла Таунду, а 28 января подошла к окраине Мейтхилы. На короткое время она оказалась отрезанной, когда японский отряд вновь занял Таунду. Группу все время снабжали с воздуха, и после двухдневных боев 3 марта ей удалось захватить Мейтхилу. Кауэн всеми силами старался сохранить инициативу и предпринял ряд стремительных рейдов в различных направлениях силами небольших отрядов пехоты и танков.

Японцы оказались в опасном положении: они выдерживали сильный натиск в районе Мандалая, их тыловые коммуникации были перерезаны, а войска значительно уступали по численности противнику на суше и почти лишены были прикрытия с воздуха. Тем не менее японцы оказывали ожесточенное сопротивление. Они отбили неоднократные атаки на форт Дафферин и предприняли отчаянное контрнаступление в районе Мейтхилы с целью восстановить свои коммуникации. Две японские дивизии наступали с юга, еще одну спешно перебрасывали из Мандалая. Все они теперь вошли в состав 33-й армии Хонды (которая отошла с Северного фронта и от Бирманской дороги). В середине марта сражение достигло апогея, однако к концу месяца японское контрнаступление было отбито. Тем временем Стопфорд захватил наконец форт Дафферин и 20 марта занял Мандалай. Поняв безнадежность своего положения, японская 15-я армия отказалась от попыток удерживать Мандалай и отступила к югу. Теперь центральная Бирма находилась в руках англичан и путь на Рангун был открыт. Два английских корпуса за несколько недель боев потеряли около 10 тыс. человек. Потери японцев достигли примерно трети их общей численности. Возможности дальнейшего сопротивления особенно ухудшились из-за потерь во время отступления на восток в Шанские горы.

Теперь путь на Рангун был открыт для англичан, однако надо было спешить занять город до начала периода муссонов; к тому же в начале июня американскую транспортную авиацию предполагалось вывести из Бирмы и направить на помощь Китаю. От Мейтхилы до Рангуна было больше 500 км, и снабжение 14-й армии Слима могло нарушиться, если бы до этого срока не удалось овладеть одним из портов южной Бирмы. Маунтбэттен поэтому решил приступить в начале мая к осуществлению плана «Дракула», который рассматривался как гарантия на случай, если армия Слима не успеет вовремя достичь Рангуна. Эту операцию поручили провести одной дивизии из корпуса Кристисона с полком средних танков и парашютным десантным батальоном гурков.

Намеченный Слимом план развития успеха в южном направлении от Мандалая и Мейтхилы предусматривал, что 4-й корпус Мессерви будет наступать вдоль шоссе и железной дороги, а 33-й корпус Стопфорда — по обоим берегам Иравади, причем снабжение войск 33-го корпуса осуществлялось водным транспортом, а снабжение 4-го корпуса — по воздуху.

Японцы надеялись удержать Иравади силами 28-й армии, прибывшей из Аракана, а силами двух других армий — задержать наступление Мессерви. Однако надежды японцев оказались тщетными, так как их войска были в небоеспособном состоянии. Тем временем 5-я дивизия, первоначально находившаяся в резерве Слима, двинулась вперед и к 14 апреля захватила Яметин, примерно в 65 км к югу от Мейтхилы. Наступление вдоль Иравади начал 33-й корпус Стопфорда, а 3 мая одна из дивизий этого корпуса достигла Проме. Передовые части корпуса Мессерви после 22 апреля достигли Тоунгго и преградили путь отхода остаткам японской 15-й армии, отступавшим через Шанские горы. К тому времени другие остатки японских войск находились в 160 км позади. Через неделю войска Мессерви достигли Кадока, в 150 км от Тоунгго и в 110 км от Рангуна. Здесь они встретили более жесткое сопротивление, так как японцы стремились оставить открытым путь на восток через Таиланд. За несколько дней их сопротивление было сломлено, но даже этой короткой задержки оказалось достаточно, чтобы солдаты корпуса Мессерви не удостоились чести освободителей Рангуна.

1 мая высадкой парашютного и морского десантов в устье р. Рангун началась операция «Дракула». Когда стало известно, что японцы эвакуируют Рангун, десантные войска погрузились на корабли и двинулись вверх по реке. На следующий день они вступили в Рангун. Утром 6 мая десант встретился с передовыми подразделениями войск Мессерви, двигавшимися на юг от Кадока и Пегу. Освобождение Бирмы было фактически завершено.

Слабое сопротивление японцев на последних этапах кампании объясняется главным образом тем, что они перестроили большую часть своих военно-воздушных и военно-морских сил для противодействия более серьезной угрозе — американскому наступлению на Тихом океане. Свыше 800 боевых самолетов союзников (650 бомбардировщиков и 177 истребителей) противостояло всего лишь 50 самолетам. Успех наступления английских войск зависел от действий американской транспортной авиации, которая обеспечивала их снабжение.

Контрудар гитлеровских войск в Арденнах

15 декабря 1944 года Монтгомери направил Эйзенхауэру письмо, где напомнил, что ему хотелось бы до начала следующего крупного наступления на Рейне провести Рождество дома. Монтгомери вложил в письмо счет на пять фунтов для уплаты за пари, которое он заключил с Эйзенхауэром год назад. Это шуточное напоминание было не очень тактичным, так как всего лишь две недели назад в письме, которое «вывело из себя Айка», Монтгомери едко критиковал стратегию Эйзенхауэра, его неспособность покончить с немцами и предлагал Эйзенхауэру передать командование другому. Проявляя примерное терпение, Эйзенхауэр предпочел принять второе письмо Монтгомери как шутку, а не как колкость. В своем ответе от 16 декабря Эйзенхауэр писал: «В моем распоряжении еще девять дней, и, хотя представляется, что вы почти наверняка будете иметь к Рождеству лишние пять фунтов, вы их не получите до этого дня».

Ни Эйзенхауэр, ни Монтгомери и никто из подчиненных им командиров не предполагал, что противник помешает осуществить их наступательные планы. В последней оценке обстановки, разосланной в этот день войскам 21-й группы армий, Монтгомери с уверенностью заявлял: «В настоящее время противник ведет оборонительные бои на всех фронтах; его положение таково, что он не

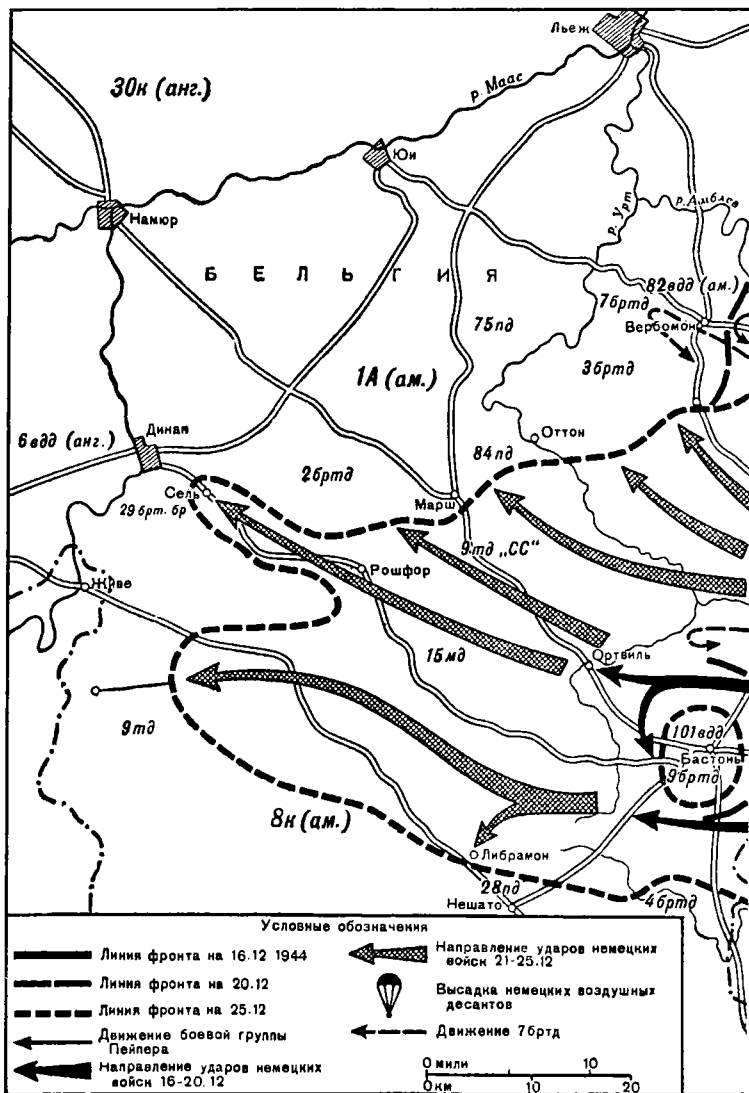
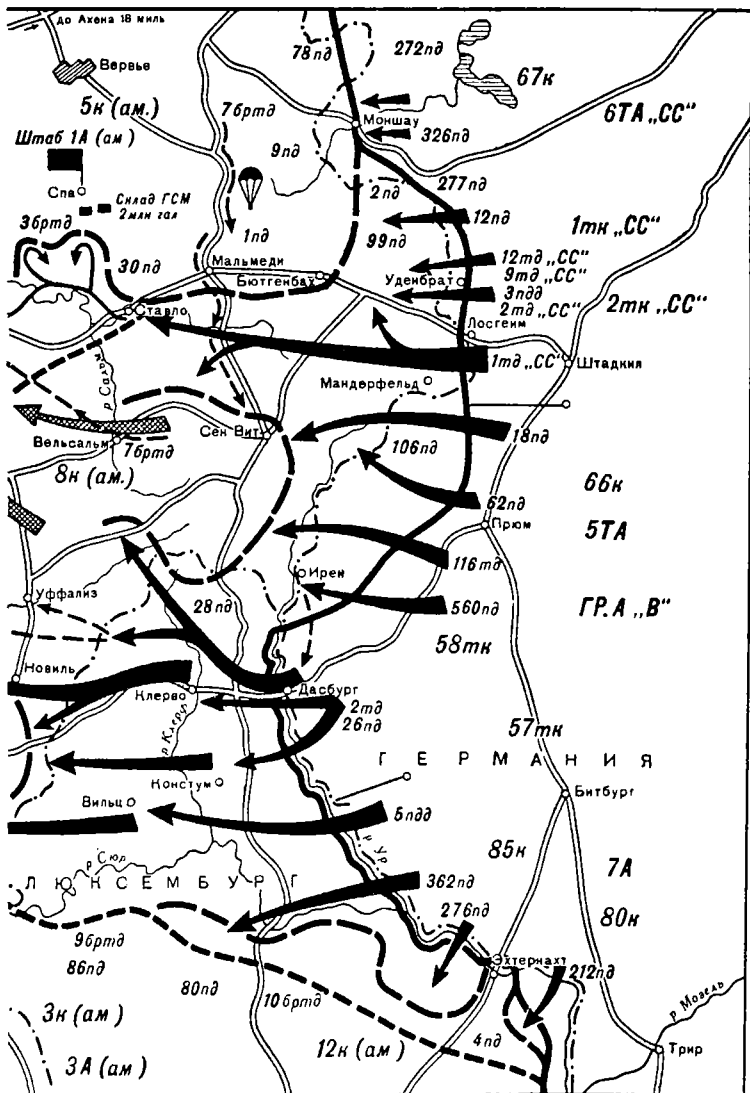

Рис. 24. Бой в Арденнах (16 -- 25 декабря 1944 года)

в состоянии предпринять крупные наступательные операции». Брэдли, командующий американскими войсками 12-й группы армий, придерживался такого же мнения.

Однако как раз в это утро 16 декабря противник предпринял широкое наступление, которое опрокинуло планы союзного командования. Немцы нанесли удар в полосе действий американской 1-й армии в Арденнах, на холмистой, поросшей лесом местности. Войска действовали здесь на широком фронте, стремясь сосредоточить максимум сил на более легких подступах к Германии. Считая Арденны неподходящим направлением для наступления, союзники почти игнорировали их как вероятное направление наступления противника, хотя ведь именно здесь немцы предпочли начать свой блицкриг четыре года назад, который привел к разгрому союзников в 1940 году и к краху Запада. Странно, что союзное командование в 1944 году оказалось настолько слепым и не учло, что Гитлер может попытаться повторить свой удар и вновь добиться успеха в том же месте.

Сведения о наступлении немцев дошли до высших штабов не скоро. В Версале об этом стало известно вечером. Эйзенхауэр и Брэдли обсуждали здесь перспективы наступления американских войск. Брэдли считал начатое немцами наступление просто попыткой сорвать наступление американских войск. По утверждению Эйзенхауэра, он «сразу понял, что действия немцев выходят за рамки частной операции». Примечательно, однако, что обе дивизии, которые Эйзенхауэр держал в резерве, были подняты по тревоге для переброски к месту действий только вечером следующего дня, 17 декабря.

К этому времени фронт союзных войск в Арденнах, где четыре дивизии 8-го корпуса генерала Мидлтона обороняли полосу шириной 80 км, был прорван в результате наступления 20 немецких дивизий, в том числе 7 танковых (около 1000 танков и самоходных орудий)¹⁴⁰. Брэдли, возвратившись на свой командный пункт в Люксембург, воскликнул: «Откуда, черт возьми, этот сукин сын набрал все эти силы?» Обстановка же сложилась куда более серьезная, чем было известно штабу Брэдли. Немецкие танки уже вклинились на 30 км в глубину, а на одном из участков достигли Ставло. До сих пор командующий американской 1-й армией Ходжес тоже недооценивал значения прорыва немцев и настаивал на безотлагательном наступлении своих войск в направлении р. Роер. Только утром 17 декабря, когда выяснилось, что немцы прошли через Ставло и приблизились к его штабу в Спа, Ходжес осознал серьезность угрозы.

Медлительность верховного командования в уяснении обстановки отчасти объясняется запоздалым поступлением информации. А это происходило потому, что переодетые немецкие диверсанты перерезали многие телефонные линии, идущие от фронта.

Однако это не может служить оправданием для верховного командования, недооценившего возможность немецкого контрудара в Арденнах. Разведка союзников сообщала с октября, что немецкие танковые дивизии отводятся с фронта на доукомплектование и что часть их вошла в состав вновь сформированной 6-й танковой армии СС. В начале декабря стало известно, что штаб 5-й танковой армии переместился в Кобленц. Кроме того, разведка обнаружила движение танковых частей в направлении Арденн и сообщила, что на этом участке фронта появились свежие пехотные дивизии. Далее, 12 и 13 декабря поступили сообщения, что на этот «тихий» участок прибыли дивизия СС «Великая Германия» и 116-я танковая дивизия, а 14 декабря разведка обнаружила, что к р. Ур, протекающей вдоль южной половины американского фронта в Арденнах, подвозят переправочно-мостовое имущество. Еще 4 декабря немецкий солдат, захваченный в плен в этом секторе, сообщил, что в этом районе готовится большое наступление. Его сообщение подтвердили и другие пленные, взятые в последующие дни. Они также сообщили, что наступление должно начаться за неделю до Рождества.

Почему же на эти сигналы обращали так мало внимания? Начальник разведывательного отдела штаба 1-й армии был не в очень хороших отношениях с начальником оперативного отдела, а также с начальником разведывательного отдела штаба группы армий и пользовался репутацией паникера. Он не смог сделать должных выводов из полученных сообщений. Штаб 8-го корпуса, над которым нависла непосредственная угроза, сделал пагубное ошибочное заключение, будто смена дивизий в его полосе означает обычную боевую учебу и лишней раз свидетельствует о том, что немцы стремятся сохранить этот участок фронта тихим и пассивным.

Однако просчет высших военных руководителей союзников объясняется не только неосведомленностью разведки о масштабах готовившегося немцами контрудара, здесь сыграли роль четыре обстоятельства. Союзники так долго вели наступательные действия, что не могли себе представить, будто противник сумеет захватить инициативу. Союзники настолько прониклись идеей «лучший вид обороны — наступление», что у них появилась опасная уверенность, будто, пока они продолжают насту-

пать, противник не сможет нанести эффективный ответный удар. Они рассчитывали, что даже если противник и попытается нанести контрудар, то лишь в ответ на наступление союзников на Кельн и промышленные центры Рура. Союзники уверились в своих расчетах на ортодоксальные и осторожные действия со стороны противника еще и потому, что Гитлер вновь назначил главнокомандующим войсками на Западе фельдмаршала Рундштедта, которому шел семидесятый год.

Союзники, однако, ошиблись во всех отношениях, и заблуждение, вызванное первыми тремя предположениями, усилилось ошибочностью последнего. Дело в том, что Рундштедт имел лишь номинальное отношение к этому контрудару, хотя союзники и называли его «наступлением Рундштедта». В действительности же Рундштедт не только был против этого наступления в Арденнах, но и умыл руки, предоставив своим подчиненным проводить его как могут, а его штаб выполнял лишь роль почтовой конторы для пересылки инструкций Гитлера.

Идея, решение и стратегический план целиком принадлежали Гитлеру. Это была блестящая идея, и она могла бы завершиться блестящим успехом, если бы в распоряжении фюрера находились достаточные средства и силы для достижения широких целей операции. Сенсационный успех в начале операции объяснялся отчасти новой тактикой, разработанной молодым генералом Мантейфелем, которого Гитлер незадолго до этого выдвинул на пост командующего армией. Однако главную роль сыграло глубоко парализующее воздействие осенившей Гитлера идеи — открыть путь к победе над миллионными союзными армиями путем дерзких действий нескольких сот человек. Для этой цели фюрер использовал еще одну из своих «находок» — тридцатилетнего Скорцени, которому год назад поручил вызвать Муссолини из тюрьмы.

Эта идея Гитлера получила кодовое название «операция Грайф», что в переводе с немецкого означает мифическое существо грифон. Это было подходящее название, так как в основе операции лежала гигантская мистификация, которая должна была вызвать смятение в тылу союзников.

Операцию намечалось провести двумя волнами, как современный вариант стратегии «тroyанского коня» — военной хитрости, воспетой Гомером. Первую волну составляла диверсионная рота солдат, говоривших по-английски и одетых в американские полевые куртки поверх немецкой военной формы. Сразу же после прорыва фронта им предстояло мчаться вперед небольшими группами, перерезать телефонные линии, менять дорожные указатели, чтобы направить по ложному пути резе-

рвы противника, развешивать красные ленты, обозначающие, будто дороги заминированы, и вызывать замешательство всеми другими возможными способами. Вторую волну составляла целая танковая бригада (ее солдаты также были переодеты в американскую форму), которая должна была захватить мосты через Маас.

Однако вторая волна так и не выступила. Штаб группы армий сумел собрать лишь небольшую часть требующихся американских танков и грузовиков, недостающие пришлось возместить камуфлированными немецкими машинами. Эта прозрачная маскировка требовала осторожности, а на северном участке, где предстояло действовать этой бригаде, явного прорыва не намечалось, поэтому выступление бригады было отложено и в конце концов отменено.

Зато первая волна добилась поразительного успеха, даже большего, чем ожидалось. Около 40 джипов прошли в прорыв и начали выполнять свою задачу — сеять панику. Все машины, за исключением восьми, благополучно вернулись назад, а те немногие, что попали в руки американцев, причинили немало беспокойства: у американцев сложилось впечатление, будто в тылу действует множество подобных диверсионных групп. Это вызвало сильнейшую панику, и сотни американских солдат, не сумевших дать удовлетворительные ответы допрашивающим, были арестованы. Сам Брэдли пишет:

«...полмиллиона американских солдат, каждый раз встречаясь на дороге, играли меж собой в кошки-мышки. Ни чин, ни удостоверения, ни протесты не освобождали проезжающего по дорогам от допросов на каждом перекрестке. Трижды бдительные солдаты приказывали мне удостоверить мою личность. Первый раз я должен был назвать столицу штата Иллинойс — Спрингфилд (допрашивающий меня считал, что это — Чикаго); во второй раз мне предложили указать место защитника на линии схватки в регби; в третий раз мне предложили назвать очередного супруга блондинки по имени Бетти Грэйбл. На Грэйбл я споткнулся, но часовой, довольный, что ему удалось поставить меня в тупик, разрешил мне продолжать путь»¹⁴¹.

В еще более трудном положении оказались английские офицеры связи и проезжие штабные офицеры, которые не могли правильно ответить на такие коварные вопросы.

Затем 19 декабря один из пленных диверсантов заявил на допросе, что некоторые экипажи джипов имели задачу убить Эйзенхауэра и других высших командиров. Этот необоснованный слух распространился в учебном лагере диверсантов до

того, как им сообщили действительную задачу. Однако теперь, когда этот слух дошел до штаба союзников, он вызвал панику в службе безопасности, которая сразу же приняла жесткие меры по охране вплоть до Парижа.

Военно-морской адъютант Эйзенхауэра капитан 1 ранга Батчер записал в дневнике 23 декабря:

«Сегодня я был в Версале и видел Айка. Он пленник нашей службы безопасности и ужасно раздражен ограничением свободы передвижения, хотя ничего не может сделать. Дом усиленно охраняется, в том числе пулеметчиками, и Айку приходится ездить в штаб и из штаба в сопровождении джипа с вооруженной охраной».

Немцы, однако, тоже испытывали чрезмерные трудности и напряжение средств в стремлении выполнить честолюбивые планы Гитлера, фантазия которого не знала границ.

Суть плана хорошо сформулировал Мантейфель:

«План наступления в Арденнах был полностью разработан штабом верховного главнокомандования и направлен нам в виде директивы фюрера. Была поставлена цель добиться решающей победы на Западе силами двух танковых армий: 6-й под командованием Дитриха и 5-й под моим командованием. 6-й армии предстояло нанести удар в северо-западном направлении, форсировать Маас между Льежем и Юи и наступать на Антверпен. Ей отводилась главная роль и выделялись основные силы. Моей армии ставилась задача форсировать Маас между Намюром и Динаном и наступать в направлении на Брюссель, прикрывая фланг 6-й армии. Общая цель наступления состояла в том, чтобы отрезать английскую армию от баз снабжения и заставить эвакуироваться с континента»¹⁴².

Гитлер полагал, что успех этого «второго Дюнкерка» практически выведет англичан из войны и он получит передышку, чтобы сдержать натиск русских.

В конце октября с планом были ознакомлены Рундштедт и начальник штаба группы армий фельдмаршал Модель. Описывая свое впечатление, Рундштедт говорит:

«Я был поражен. Гитлер не советовался со мной об осуществимости плана. Мне было ясно, что имеющихся сил совершенно недостаточно для такого крайне честолюбивого плана. Модель разделял мою точку зрения. Фактически ни один военный не верил, что цель захватить Антверпен реальна. Однако я уже знал, что Гитлеру возражать бесполезно. Посоветовавшись с Моделем и Мантейфелем, я решил, что единственная надежда отговорить Гитлера от его фантастического плана — это выдвинуть альтернативное предложение, которое может ему понра-

виться и будет более реальным. Я предложил провести наступление с ограниченной целью — окружить войска союзников в районе Ахена».

Гитлер отверг этот более скромный план и настоял на первоначальном варианте. Подготовка велась с максимальной скрытностью. Мантейфель вспоминает:

«Все дивизии моей 5-й армии рассредоточились на широком фронте между Триром и Крефельдом, чтобы никто не мог понять, что готовится. Войскам объяснили, что они готовятся к отражению предстоящего наступления союзников на Кельн. Лишь весьма ограниченное число штабных офицеров было информировано о фактическом содержании плана».

6-я танковая армия сосредоточилась в районе между Ганновером и Везером. Ее дивизии были сняты с фронта для отдыха и перевооружения. Любопытно, что до самого начала операции Дитриха не проинформировали о поставленной ему задаче и не посоветовались с ним относительно плана, который ему предстояло выполнять. Большинство командиров дивизий узнали об операции за несколько дней до ее начала. Что касается 5-й танковой армии Мантейфеля, то выход на исходные позиции был совершен за три ночи.

Эта стратегическая маскировка обеспечила внезапность действий, но за такую крайнюю секретность пришлось поплатиться дорогой ценой, особенно 6-й танковой армии. У командиров, которых так поздно информировали, оказалось слишком мало времени для изучения своей задачи, разведки местности и необходимой подготовки. В результате многое было упущено и, когда началось наступление, возникли многочисленные препятствия. Гитлер в своем штабе детально разработал план с Йодлем и, видимо, полагал, что этого вполне достаточно для его выполнения. Он не уделил никакого внимания местным условиям и индивидуальным задачам исполнителей. Столь же оптимистично он смотрел и на потребности участвующих в операции войск.

Рундштедт писал, что не были предусмотрены ни достаточные резервы, ни снабжение боеприпасами, и хотя число танковых дивизий было значительным, танков в них было мало.

Острее всего ощущалась нехватка горючего. Мантейфель говорит:

«Йодль заверил нас, что бензина будет достаточно, чтобы развернуть все наши силы и довести наступление до конца. Это заверение оказалось совершенно ошибочным. Беда отчасти была в том, что штаб верховного главнокомандования исходил из

стандартных математических расчетов количества бензина, необходимого для передвижения дивизий на 100 километров. Мой опыт в России показывал, что в боевых условиях фактически требуется вдвое больше. Йодль этого не понимал.

Принимая во внимание дополнительные трудности, которые, по всей вероятности, возникнут в зимнее время на такой сложной местности, как Арденны, я лично докладывал Гитлеру, что необходимо обеспечить впятеро большую норму бензина. Фактически, когда началось наступление, нам дали лишь полторы нормы. Хуже того, значительная часть горючего находилась слишком далеко в тылу, в больших колоннах грузовиков на восточном берегу Рейна. Когда кончилась туманная погода и начала действовать авиация союзников, доставка горючего очень затруднилась».

Войска, не зная обо всех этих скрытых слабостях, безгранично верили Гитлеру и его заверениям в победе. Рундштедт вспоминает: «В начале наступления моральный дух войск, участвующих в операции, был поразительно высок. Они, в отличие от высших командиров, которым были известны факты, действительно верили в возможность победы».

После того как Гитлер отклонил его «минимальный» план, Рундштедт оставался в тени, предоставив Моделю и Мантейфелю, которые имели больше шансов повлиять на Гитлера, бороться за чисто технические изменения в плане — единственное, что соглашался обсуждать Гитлер. Рундштедт лишь номинально участвовал в заключительном совещании, состоявшемся 12 декабря в его штабе около Бад-Наугейма. Гитлер присутствовал на совещании и руководил его работой.

Что касается технических изменений и тактических усовершенствований, то о них ярко рассказал Мантейфель. Его рассказ соответствует данным, полученным впоследствии из документальных и других источников.

«Когда я увидел приказ Гитлера о наступлении, я был поражен, обнаружив, что там изложены даже метод и время атаки. Артиллерия должна была открыть огонь в 7.30; атака пехоты назначалась на 11.00. В промежутке авиации предписывалось бомбить штабы и коммуникации. Танковые дивизии не должны были наносить удар, пока массы пехоты не прорвут оборону противника. Артиллерия была рассредоточена по всему фронту.

Это показалось мне неразумным в нескольких отношениях, поэтому я немедленно разработал другой метод и объяснил его Моделю. Модель согласился со мной, но саркастически заметил: „Вы лучше договоритесь об этом с фюрером“. Я ответил: „Хо-

рошо, я так и сделаю, если вы поедете со мной". И вот 2 декабря мы оба отправились к Гитлеру в Берлин.

Я начал словами: „Никто из нас не знает, какая будет погода в день атаки. Уверены ли вы, что авиация сможет выполнить свою задачу, учитывая превосходство союзников в воздухе?“ Я напомнил Гитлеру два прежних случая в Вогезах, где танковые дивизии совершенно не могли двигаться днем. Затем я продолжал: „Все, чего добьется наша артиллерия в 7.30, — это разбудит американцев, и у них будет три с половиной часа, чтобы принять контрмеры до начала нашей атаки“. Я также указал, что немецкая пехота в своей массе не так хороша, как прежде, и вряд ли способна вклиниться так глубоко, как требуется, особенно на такой трудной местности. Ведь американская система обороны состояла из цепи передовых опорных пунктов, а главная полоса обороны проходила далеко позади, и прорвать ее гораздо труднее.

Я предложил Гитлеру внести ряд изменений. Во-первых, начать наступление в 5.30, под покровом темноты. Правда, это ограничило бы количество целей для артиллерии, но позволило бы сосредоточить огонь на важнейших объектах — батареях, складах боеприпасов и штабах, места расположения которых точно определены.

Во-вторых, я предложил в каждой пехотной дивизии сформировать по одному штурмовому батальону из самых опытных солдат и офицеров. Эти штурмовые батальоны должны были начать атаку в 5.30 без артиллерийской поддержки и пройти в промежутки между американскими передовыми опорными пунктами. Им следовало по возможности уклоняться от боя, пока они не вклинятся достаточно глубоко.

Прожекторы, выделенные зенитным частям, должны освещать путь штурмовым батальонам. Незадолго до этого на меня произвела большое впечатление демонстрация этого метода, и я считал это решающим фактором для быстрого вклинения до наступления рассвета.

Изложив свои альтернативные предложения Гитлеру, я стал доказывать, что нельзя вести наступление иным способом. Я утверждал: „В 16.00 уже стемнеет. Следовательно, если наступление начнется в 11.00, у нас останется только пять часов светлого времени для осуществления прорыва. Весьма сомнительно, что этого удастся достичь вовремя. Если вы примете мои предложения, у нас будет лишних пять с половиной часов для достижения этой цели. Потом, с наступлением темноты, я могу двинуть танки. Они будут наступать в течение ночи, пройдут через боевые порядки нашей пехоты и к рассвету следую-

шего дня смогут самостоятельно атаковать главную полосу обороны».

По словам Мантейфеля, Гитлер без звука принял эти предложения. Это было важно. По-видимому, он был готов выслушать предложения генералов, в которых верил (в их число входил и Модель), хотя испытывал инстинктивное недоверие к большинству высших генералов. Опираясь на собственный штаб, Гитлер понимал, что его генералам не хватало опыта в боевых условиях.

Однако улучшение перспектив наступления в результате этих тактических изменений сводилось на нет из-за сокращения предназначенных для участия в нем сил. Командиры, которым было поручено вести наступление, вскоре, к своему разочарованию, узнали, что они не получают части обещанных сил вследствие угрожающих ударов русских на Востоке.

В результате концентрический удар 15-й армии, которой теперь командовал Блюментрит, на Маастрихт пришлось отменить, и тем самым союзники получили возможность беспрепятственно подтягивать резервы с севера. К тому же 7-й армии, которая должна была прикрывать фланг южного крыла наступающих войск, оставили лишь несколько дивизий, но ни одной танковой.

С точки зрения планирования заслуживает внимания ряд ключевых вопросов, которые следует иметь в виду при описании хода боевых действий во время арденнского наступления немецких войск. Первым фактором было то, что немцы придавали большое значение проведению наступления при облачной погоде. Немецкие руководители отлично знали, что союзники, если потребуется, могут бросить в бой свыше 5 тыс. бомбардировщиков, тогда как Геринг для авиационной поддержки мог обещать только 1000 самолетов всех видов. Гитлер, который теперь стал осторожнее относиться к обещаниям командования ВВС, снизил цифру до 800–900. В действительности его расчет оказался реальным лишь в течение дня.

Вторым фактором было то обстоятельство, что после июльского заговора ни один генерал не мог и не стал бы категорически возражать против планов Гитлера, какими бы безрассудными они ни были. Самое большее, что они могли сделать, это убедить его принять технические и тактические изменения, однако и в этом случае он прислушивался к предложениям только тех генералов, которые пользовались его особым доверием.

Другими важными факторами были: сокращение первоначально обещанных сил; пассивная роль, отводившаяся фланго-

вым армиям; решительные действия американских войск в районе Ахена, которые сковали немецкие дивизии, первоначально предназначавшиеся для использования в нанесении контрудара; перенос начала наступления немецких войск с ноября на декабрь, когда условия были менее благоприятными.

Многое зависело от быстроты наступления 6-й танковой армии СС Дитриха, которая находилась ближе всех к р. Маас на главном направлении. Для расчистки пути здесь могли бы очень пригодиться парашютно-десантные войска, но их в распоряжении немецкого командования уже не было. Лишь за неделю до наступления удалось наскрести тысячу парашютистов и сформировать из них батальон под командованием полковника Хайдте. Связавшись с командованием ВВС, Хайдте узнал, что больше половины экипажей выделенных ему самолетов не имеют опыта парашютно-десантных операций и что не хватает необходимого снаряжения.

Задача, поставленная парашютно-десантным войскам, в конечном счете предусматривала не захват одного из труднопреодолимых дефилов на пути наступления танков, а высадку на Мон-Рижи, вблизи перекрестка дорог из Мальмеди, Эйпен и Вервье, с целью задержать подход подкреплений союзников с севера. Однако вечером накануне наступления обещанный транспорт для переброски рот на аэродромы не прибыл, и высадку отложили до следующей ночи, когда наступление сухопутных войск уже началось. В дальнейшем только треть самолетов смогла достичь намеченной зоны выброски десанта, а так как Хайдте удалось собрать лишь две сотни человек, он не смог выполнить задачу. В течение нескольких дней парашютисты вели беспокоящие действия на дорогах, а затем, поскольку войска Дитриха так и не пришли им на выручку, попытались пробиться на восток, им навстречу, но попали в плен.

Удар войск Дитриха на правом фланге быстро отразили упорно оборонявшиеся американцы у Монжуа. На левом фланге немцы прорвали оборону и, обойдя Мальмеди, 18 декабря переправились через р. Амблев, пройдя 50 км от исходного рубежа. В этом узком дефиле их остановили контрманевром американцы. Новые попытки немцев продвинуться вперед не увенчались успехом, так как силы американцев росли по мере подхода подкреплений. Наступление 6-й танковой армии захлебнулось.

Армия Мантейфеля наступление начала успешно. Вот что говорит он сам:

«Мои штурмовые батальоны, подобно дождевым каплям, быстро просочились через американские позиции. В 16.00 двину-

лись танки и продолжали наступать в темноте при помощи „искусственного лунного света“».

Однако после переправы через р. Ур войскам Мантейфеля пришлось преодолеть еще одно трудное дефиле у Клерво на р. Клерф. В зимних условиях это вызвало задержку наступления.

«Везде, где появлялись крупные танковые силы, сопротивление таяло, но на этой ранней стадии слабость сопротивления сводилась на нет трудностями движения», — писал Мантейфель.

18 декабря немцы, пройдя около 50 км, вплотную подошли к Бастони, но их попытка штурмом овладеть этим важным узлом дорог была отбита¹⁴³.

Две резервные дивизии Эйзенхауэра 18 декабря были наконец отправлены в район боевых действий в Арденнах. Но они находились у Реймса, и им предстояло пройти 150 км. Дивизию, предназначавшуюся для Бостона, из-за ошибки в штабе направили на север. Только случайно, в результате пробки на дороге, дивизия 19 декабря утром оказалась в Бастони.

Удары немецких войск, предпринятые в течение следующих двух дней, были отражены. Мантейфель решил обойти Бастонь и наступать в направлении на р. Маас. К этому времени со всех сторон стали подходить сильные резервы союзников, значительно превосходившие наступавшие немецкие войска. Два корпуса Паттона двинулись в северном направлении на помощь Бастони. Хотя контратаки войск Паттона были отражены, эта угроза со стороны американцев привела к дальнейшему сокращению сил, которые мог выделить Мантейфель для наступления.

Для немцев дни больших возможностей миновали. Обходный маневр Мантейфеля вызвал тревогу в штабе союзников, но не больше. По плану предусматривалось взять Бастонь на второй день наступления. Немцы же достигли этого города лишь на третий день, а обошли его только на шестой. Передовые части Мантейфеля 24 декабря почти вышли к р. Маас у Динана, но это был предел продвижения немецких войск, и вскоре эту группировку разгромили.

Неудовлетворительное состояние дорог и нехватка горючего значительно снижали темпы наступления. По этим же причинам удалось ввести в бой только половину артиллерии. Если в первые дни туманная погода, приковавшая к земле авиацию союзников, благоприятствовала наступлению немцев, то 23 декабря туман рассеялся, и скудные ресурсы немецких ВВС оказались неспособны прикрыть наземные войска от сокрушительных уда-

ров. Это умножило расплату за потерянное время. Гитлер поплатился и за то, что предпочел отвести главную роль правому крылу — 6-й танковой армии, в которой преобладали его излюбленные войска СС, однако не учел, что местность здесь гораздо больше ограничивала возможности маневра и плотность войск союзников была гораздо большей.

В первую неделю наступление не оправдало надежд, а ускоренное продвижение в начале второй недели оказалось иллюзорным: немцы лишь глубже вклинились между главными узлами дорог, которые американцы теперь прочно удерживали.

После такого общего обзора боевых действий желательно более подробно рассмотреть некоторые важнейшие этапы сражения на различных участках фронта: 6-я танковая армия СС, действовавшая на направлении главного удара, имела задачу прорвать оборону союзников около Уденбрата силами трех пехотных дивизий, которые после пополнения еще двумя пехотными дивизиями должны были занять отсечную позицию, обращенную фронтом на север. Четыре танковые дивизии намечалось ввести в прорыв на двух участках с задачей наступать в направлении на Льеж — крупный город и узел дорог.

1-я, 2-я, 9-я и 12-я танковые дивизии состояли целиком из войск СС и входили в состав 1-го и 2-го танковых корпусов СС. В них насчитывалось около 500 танков, в том числе 90 танков «тигр». Следует заметить, что сам Дитрих хотел осуществить прорыв двумя танковыми дивизиями, но взяла верх точка зрения Моделя, который считал, что танкам на таком участке фронта выполнить эту задачу слишком трудно.

Здесь, в полосе шириной около 30 км, оборонялась американская 99-я пехотная дивизия 5-го корпуса генерала Джероу. Такие же полосы имели оборонявшиеся южнее дивизии 8-го корпуса Мидлтона. Это свидетельствовало о том, что наступление немцев явилось полной неожиданностью для союзников.

Артиллерийская подготовка началась 16 декабря в 5.30, но немецкая пехота на этом участке перешла в наступление только около 7.00. Немцы захватывали опорные пункты один за другим, хотя многие из них вели ожесточенные бои с превосходящими силами противника, нанося ему тяжелые потери и задерживая продвижение его танковых дивизий. В последующие два дня немцам удалось продвинуться к западу, однако оборона американцами ключевого района Берг-Бютгенбах, Эльзенборн помешала немцам захватить северную отсечную позицию, как

планировалось. Каждый день оборонявшимся приходилось отбивать сильные атаки немцев. Это был великий подвиг американского 5-го корпуса Джероу. Этот корпус только что принимал участие в наступлении американцев в районе Ахена, но в сложившейся критической обстановке его перебросили к югу. (Неудача в этих боях сильно подорвала авторитет войск СС в глазах Гитлера, и 20 декабря фюрер решил перенести главный удар в полосу наступления 5-й танковой армии Мантейфеля.)

Армии Мантейфеля удалось быстро прорваться на правом фланге, ближайшем к армии Дитриха. Этот участок в горах Шне-Эйфель, шириной более 30 км обороняла вновь прибывшая американская 106-я дивизия. Она прикрывала подступы к важному узлу дорог Сен-Вит. Примечательно, что здесь у наступающих не было такого решающего превосходства в силах, как на севере. Наступление вели две пехотные дивизии 66-го корпуса Люхта с танковой бригадой. К 17 декабря им удалось окружить два полка 106-й дивизии и захватить в плен по меньшей мере 7 тыс. человек. Это была победа новой тактики Мантейфеля. Именно в полосе действия армии Мантейфеля штурмовые отряды успевали проникать в глубь американских позиций, прежде чем открывался заградительный огонь. В американской официальной истории Второй Мировой войны отмечается, что бои у Шне-Эйфеля нанесли «самое серьезное поражение американскому оружию в операциях на Европейском театре».

На южном участке полосы действий армии Мантейфеля главный удар справа наносил 58-й танковый корпус Крюгера, а слева — 47-й танковый корпус Лютвица. 58-й корпус, форсировав р. Ур, наступал в направлении Уффализа с дальнейшей задачей захватить плацдарм на западном берегу р. Маас между Арденнами и Намюром. 47-й корпус, форсировав р. Ур, должен был захватить важный узел дорог Бастонь и продолжить наступление с задачей захватить переправы через р. Маас южнее Намюра.

Части американской 28-й дивизии несколько задержали продвижение немцев к р. Ур, но остановить их не могли, и в ночь на 17 декабря немцы уже подходили к Уффализу и Бастони, а также к рокадной дороге между этими двумя узлами дорог.

Немецкая 7-я армия Бранденбергера в составе четырех дивизий (трех пехотных и одной парашютно-десантной) имела задачу: наступая через Нешато на Мезьер, активно прикрывать прорыв войск армии Мантейфеля. Всем ее дивизиям удалось

форсировать р. Ур, а 5-я парашютно-десантная дивизия за три дня продвинулась до Вильца. Однако правофланговые части 38-й дивизии оказали упорное сопротивление, а две другие дивизии 8-го корпуса Мидлтона (9-я бронетанковая и 4-я пехотная) остановили наступление противника, которому удалось продвинуться лишь на 5—6 км. К 19 декабря стало ясно, что на южном крыле фронта немецкого наступления американцы прочно удерживают позиции. Были также получены сведения, что для усиления из Саара на север движется 30-я армия Паттона. В этот день немецкий 80-й корпус перешел к обороне.

Мантейфель попросил верховное главнокомандование передать 7-й армии механизированную дивизию, чтобы войска этой армии не отставали от левого фланга войск 5-й армии, однако Гитлер отказал в этой просьбе. Возможно, этот отказ сыграл решающую роль.

В полосе действий армии Дитриха наступление танков началось лишь 17 декабря. 1-ю танковую дивизию СС ввели в прорыв с целью обойти Льеж с юга. Впереди действовала боевая группа Пайпера, в которую вошло большинство из 100 танков дивизии. Группа Пайпера продвигалась, не встречая почти никакого сопротивления, с задачей захватить переправы через р. Маас у Юи. Танкисты Пайпера проявили безрассудную жестокость, расстреляв пулеметным огнем несколько групп безоружных американских военнопленных и бельгийских мирных жителей. (Пайпер на суде после войны утверждал, будто он выполнял приказ Гитлера о том, что наступлению должна предшествовать «волна террора».) Боевая группа Пайпера на ночь остановилась на окраине Ставло, в 67 км от р. Маас. Трудно объяснить, почему она не захватила там важный мост и расположенный немного севернее большой склад горючего, где хранилось больше 11,2 млн литров. Оба эти объекта в тот момент охранялись очень слабо. Штаб американской 1-й армии в Спа тоже находился неподалеку. За ночь в этот район подошли американские подкрепления. Склад горючего американцы подожгли, а мосты в Труа-Пон взорвали. Пайпер попытался совершить обход по долине, но был остановлен у Стумона. Здесь ему стало известно, что он наступает один, далеко оторвавшись от остальных сил 6-й танковой армии.

В полосе действий армии Мантейфеля немцы усилили нажим на важнейшие узлы дорог Сен-Вит и Бастонь. Овладение ими имело бы решающее значение для успеха наступления. Первые атаки на Сен-Вит немцы предприняли 17 декабря, однако малыми силами. На следующий день в район боевых дей-

ствий подошли главные силы американской 7-й бронетанковой дивизии. 18 декабря немцы, наращивая темпы наступления, захватили одну за другой деревни в районе Сен-Вита, и этот нажим помешал американцам выручить два попавших в окружение полка 106-й дивизии. К тому же надо было дать отпор танковым колоннам, обходившим Сен-Вит с севера и юга, на подкрепление которым двигалась немецкая танковая бригада.

К 18 декабря 47-й танковый корпус Лютовца в составе двух танковых дивизий и 26 пехотной дивизии¹⁴⁴ вплотную подошел к Бастони. На помощь обороняющимся прибыли американская 9-я бронетанковая дивизия и саперные батальоны. Бои за каждую деревню и пробки на дорогах замедлили наступление немцев. В результате в решающий момент, утром 19 декабря, к Бастони успела подойти 101-я воздушно-десантная дивизия из стратегического резерва Эйзенхауэра. (Этой дивизией вместо убитого в отпуск Тэйлора временно командовал бригадный генерал Маколиф.) Ожесточенная оборона Бастони, где особенно отличились американские саперы, не позволила немцам ворваться в город, и танковые колонны обошли его с обеих сторон. Осаду города продолжали 26-я пехотная дивизия и танковая боевая группа. Таким образом, 20 декабря Бастонь была отрезана.

Эйзенхауэр и его ближайшие сподвижники лишь утром 17 декабря начали сознавать, что немцы ведут широкое наступление, и 19 декабря у союзного командования рассеялись последние сомнения на этот счет. Брэдли приказал 10-й бронетанковой дивизии выступить в северном направлении и одобрил решение командующего 9-й армией генерал-лейтенанта Симпсона направить 7-ю бронетанковую дивизию к югу, вслед за 30-й дивизией. Таким образом, в угрожаемый район двинулось свыше 60 тыс. свежих войск. Еще 180 тыс. человек было направлено туда в последующие восемь дней.

30-й дивизии генерал-майора Хоббса, находившейся на отдыхе около Ахена, вначале было приказано следовать к Эйпену, потом ее повернули на Мальмеди, а затем направили еще дальше на запад с задачей остановить боевую группу Пайпера. С помощью истребителей-бомбардировщиков 30-я дивизия освободила часть Ставло и отрезала группу Пайпера от остальных сил 6-й танковой армии. К 19 декабря у танкистов Пайпера кончились запасы горючего, а с прибытием воздушно-десантной дивизии и танковых подкреплений соотношение сил изменилось явно не в пользу немцев, тем более что главные силы двух танковых корпусов СС застряли далеко в тылу. Боевая группа

Пайпера была окружена и осталась без горючего, и 24 декабря, бросив танки и другие машины, она начала пробиваться назад в пешем строю.

В полосе действий армии Мантейфеля двинулись вперед части американских 3-й и 7-й бронетанковых дивизий. Перед ними стояла задача — воспрепятствовать наступлению немцев на запад из района Сен-Вита. Войска Мантейфеля сломали сопротивление гарнизона этого города и вынудили гарнизон поспешно отойти. К счастью, огромные заторы на дорогах помешали немецкому 66-му корпусу быстро развить успех, и остаткам 106-й пехотной и 7-й бронетанковой дивизий удалось избежать окружения. Таким образом, на этом участке фронта американцы сумели сдержать натиск противника и не допустить его стремительного продвижения к р. Маас.

Прорыв обороны на широком фронте побудил Эйзенхауэра 20 декабря подчинить Монтгомери все войска, расположенные к северу от участка прорыва, в том числе и обе американские армии — 1-ю и 9-ю. Монтгомери перебросил на участок прорыва немецких войск 30-й корпус (в составе четырех дивизий) для обороны мостов через р. Маас.

Уверенность Монтгомери и его спокойствие оказали благотворное действие на войска, но эффект был бы бóльшим, если бы он, как заметил один из английских офицеров, «не вступил в штаб Ходжеса, как Христос, пришедший очищать храм». Монтгомери вызвал большое возмущение, когда впоследствии на пресс-конференции попытался создать впечатление, будто только его «личное руководство» сражением спасло американские войска от разгрома. Монтгомери утверждал, что «использовал все наличные силы английской группы армий» и «в конце концов с огромным успехом ввел их в бой». Это заявление вызвало еще большее раздражение, поскольку на южном фланге Паттон контратаковал начиная с 22 декабря, а 26 декабря освободил Бастонь, тогда как Монтгомери требовал сначала «привести в порядок» позиции и нанес контрудар с севера только 3 января, причем до этого момента английские резервы в бой не вводил.

20 декабря приказом Эйзенхауэра руководство обороной на северном крыле участка прорыва было возложено на генерал-майора Коллинза, командовавшего 7-м корпусом: Монтгомери заявил, что для такой решающей задачи ему нужен Коллинз. Для выполнения новой задачи — организации контрудара в южном направлении против наступающих войск Мантейфеля — Коллинз получил 2-ю и 3-ю бронетанковые дивизии и 75-ю и 84-ю пехотные дивизии.

Положение в Бастони продолжало оставаться критическим. Неоднократными атаками противник оттеснил оборонявшихся, но разгромить их ему так и не удалось, и 22 декабря Лютовииц высрал к осажденному гарнизону парламентаров с требованием сдать на почетных условиях, однако Маколиф ответил лишь каким-то непонятным для немцев словом, которое один из подчиненных Лютовиица не смог перевести иначе, как «к черту!».

На следующий день установилась долгожданная хорошая погода. Впервые появилась возможность сбросить осажденному гарнизону грузы с воздуха и предпринять многочисленные налеты на немецкие позиции. С юга уже двигались войска Паттона, но положение все еще оставалось критическим. 24 декабря, в канун Рождества, периметр обороны сократился до 25 км. Однако и войска Лютовиица, получая мало подкреплений и предметов снабжения, подвергались в то же время все более сильным ударам авиации союзников. В день Рождества немцы предприняли решительную атаку, но понесли тяжелые потери в танках и взломать оборону не сумели. К тому времени американская 4-я бронетанковая дивизия (которой теперь командовал генерал-майор Гаффи) из 3-й армии Паттона пробилась с юга и 26 декабря в 16.45 соединилась с гарнизоном. Осада была снята.

Немецкая 7-я армия вначале довольно успешно выполняла задачу по прикрытию левого фланга наступавших войск Мантейфеля, однако ей не хватало сил, и вскоре она оказалась уязвимой для контрудара с юга. Паттон получил приказ прекратить наступление в Сааре к 19 декабря и сосредоточить усилия для ликвидации выступа, образованного войсками Мантейфеля, используя два своих корпуса. К 24 декабря 12-й корпус потеснил дивизии немецкой 7-й армии и ликвидировал южную отсечную позицию, которую они пытались создать.

Американский 3-й корпус (4-я бронетанковая, 26-я и 80-я пехотные дивизии) сосредоточил усилия на освобождении Бастони. Местность, однако, благоприятствовала обороне. Наиболее сильное сопротивление оказывали войска немецкой 5-й парашютно-десантной дивизии, сражавшиеся в пешем строю. Парашютистов с большим трудом приходилось выбивать из каждой деревни и рощи. Вскоре разведка обнаружила, что вдоль дороги Нешато — Бастонь сопротивление противника слабее, и 25 декабря удар был перенесен на северо-восточное направление. На следующий день несколько танков 4-й бронетанковой дивизии прорвались с юга в Бастонь.

Тем временем танковые дивизии Мантейфеля, обойдя Бастонь, быстро продвигались к р. Маас к югу от Намюра. Для прикрытия переправ до подхода свежих американских сил английский 30-й корпус Хоррокса занял восточный и западный берега реки в районах Живе и Динана. Американские саперы находились в готовности взорвать мосты.

Стремясь обеспечить выход наступающих войск к р. Маас, Гитлер выделил из резерва верховного главнокомандования 9-ю танковую и 15-ю моторизованную дивизии в помощь Мантейфелю для очистки от союзных войск района Марш-Сели на подступах к Динану. Таким образом, обе стороны намеревались вести наступательные действия, но были слишком скованы друг другом. Войска Коллинза медленно продвигались вперед. Утром 25 декабря с помощью английской 29-й бронетанковой бригады они освободили деревню Сель, в каких-нибудь 8 км от Мааса и Динана. Многочисленные изолированные очаги сопротивления в дальнейшем были очищены пехотой или уничтожены авиацией. Начиная с 23 декабря немецкие танковые войска подвергались жестокому ударам с воздуха и к 26 декабря уже не рисковали передвигаться в дневное время. Прибывшая 25 декабря вечером 9-я танковая дивизия не смогла преодолеть упорную оборону американской 2-й бронетанковой дивизии. К 26 декабря немцы перешли к обороне и начали отход.

6-я танковая армия Дитриха получила приказ поддержать наступление Мантейфеля, нанеся удар в юго-западном направлении. Однако, несмотря на ввод в бой танковых дивизий, 6-я армия не добилась успеха. Американцы при активной поддержке истребителей и бомбардировщиков вели упорную оборону. Вначале 2-й танковой дивизии СС удалось вклинуться в оборону, но в затяжном бою за деревню Мане (в 20 км юго-западнее Труа-Пон) она понесла тяжелые потери. В целом наступление 6-й танковой армии ничего не дало, только истощило силы немцев.

Задолго до начала контр наступления союзных войск немцы отказались от удара на севере и потерпели неудачу при последней попытке прорваться на левом крыле. Эту попытку предприняли после запоздалого решения Гитлера перенести туда главный удар и поддержать наступление 5-й танковой армии. Однако возможность была упущена. Мантейфель с горечью говорил: «Мне дали оставшиеся резервы только 26 декабря, но мобильные части не могли продвигаться вперед из-за недостатка горючего». По иронии судьбы, 19 декабря немцы находились в полукилometре от огромного склада горючего около Ставло, где хранилось около 11,25 млн литров бензина.

«Мы только что предприняли новое наступление, как началось контрнаступление союзников. Я позвонил по телефону Йодлю и попросил его передать фюреру, что собираюсь отвести свои передовые части с окончности выступа, который мы создали... Однако Гитлер запретил отход. Итак, вместо того чтобы вовремя отвести войска, нам пришлось шаг за шагом отходить под нажимом союзников, неся ненужные потери... На этом последнем этапе наши потери оказались тяжелее прежних из-за гитлеровской политики „ни шагу назад“. Это грозило банкротством, так как мы не могли себе позволить такие потери».

Рундштедт согласился с этим мнением: «Я хотел прекратить наступление на ранней стадии, когда стало ясно, что мы не можем достичь своей цели, но Гитлер яростно настаивал на его продолжении. Это был Сталинград номер два».

В начале Арденнского сражения союзники оказались на грани катастрофы из-за пренебрежения к действиям противника. Однако в конце концов именно Гитлер довел до крайности военный девиз: «Лучший вид обороны — наступление». Оказалось, что это — худший вид обороны: Германия потеряла способность к дальнейшему сопротивлению¹⁴⁵.

Часть VIII

Финал. 1945 год

Наступление от Вислы до Одера

Сталин сообщил западным союзникам, что начнется новое наступление с рубежа Вислы примерно в середине января, в одно время с планировавшимся ударом союзников по рубежу обороны немцев на Рейне. Однако удар союзников теперь откладывался, поскольку контрнаступление немцев в Арденнах расстроило союзную группировку войск.

В конце декабря Гудериан, которого на этом безнадежно позднем этапе войны назначили начальником генерального штаба сухопутных войск, начал получать злоешие донесения. Начальник отдела «Иностранные армии — Восток» разведывательного управления штаба сухопутных войск Гелен сообщал, что на фронте между Балтийским морем и Карпатами выявлено 225 русских стрелковых дивизий и 22 танковых корпуса, готовых к наступлению.

Когда же Гудериан доложил это злоешие сообщение о крупных приготовлениях русских Гитлеру, тот отказался поверить ему и воскликнул: «Это самый большой обман со времен Чингисхана! Кто подготовил всю эту чепуху?» Гитлер предпочитал полагаться на доклады Гимmlера и разведывательной службы СС.

Верховное Главнокомандование русских тщательно подготовилось, чтобы воспользоваться слабостью положения немецких войск. Хорошо понимая решающую роль темпов наступления и отри-

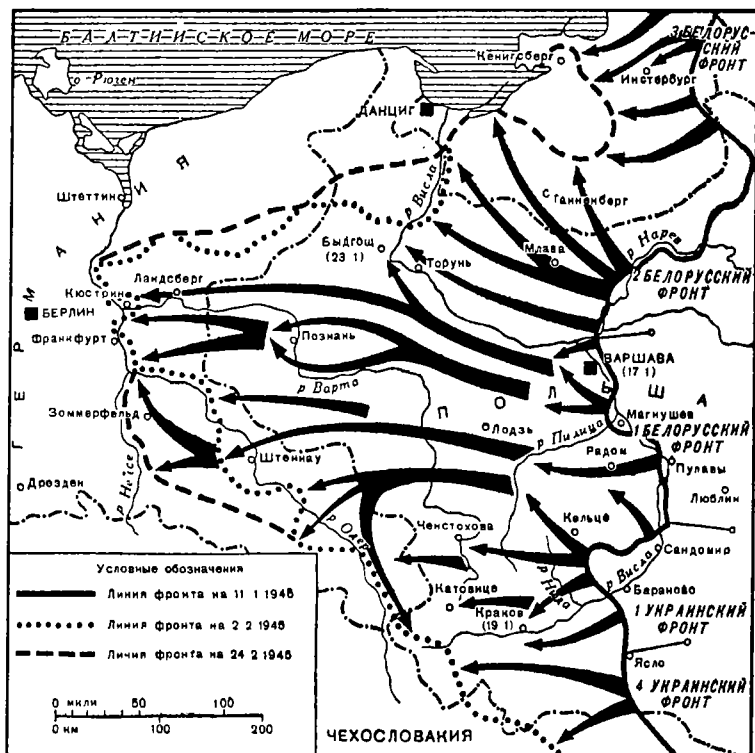

Рис. 25. Наступательные операции советских войск
(12 января – 24 февраля 1945 года)

цательное значение растянутости коммуникаций, русские выжидали, пока в тылу нового фронта будут отремонтированы железные дороги, а железнодорожное полотно перешито с центральноевропейской колеи на широкую русскую колею. На конечно-выгрузочных станциях были созданы крупные запасы материальных средств. Ближайшей задачей был захват Верхней Силезии, одного из важных промышленных районов Германии, который остался в неприкосновенности и не подвергался бомбардировкам союзной авиации. Для достижения этой цели предстояло продвинуться в глубину более 150 км с баранувского плацдарма на р. Висла в южной Польше. Однако Сталин и Василевский ставили более широкие цели в соответствии с раз-

работанным ими грандиозным замыслом. Основное внимание они сосредоточили на том, чтобы форсировать Одер и захватить Берлин, находившийся почти в 500 км от исходных рубежей русских в районе Варшавы. Расширяя масштабы наступления, русские получали возможность воспользоваться обширным просторством для маневра. Растущий приток американских грузовых автомобилей позволял теперь русским моторизовать гораздо большую часть стрелковых бригад, а за счет возросшего производства своих собственных танков — увеличить число бронетанковых и механизированных корпусов для развития успеха. В то же время возросшее число танков «Иосиф Сталин» увеличивало ударную мощь советских войск. На этих танках были установлены 122-мм пушки (на танках «тигр» были 88-мм пушки), и они обладали более толстой броней, чем «тигры».

Перед началом новой кампании русские реорганизовали управление войсками и на главных направлениях. Командование фронтами было поручено трем выдающимся военачальникам России. Конеv остался командующим 1-м Украинским фронтом. На центральном направлении Жуков принял 1-й Белорусский фронт от Рокоссовского, который был назначен командующим 2-м Белорусским фронтом, стоявшим на Нереве к северу от Варшавы.

Русские нанесли первый удар 12 января 1945 года в 10.00. В наступление перешли войска под командованием Коневa с баранувского плацдарма (около 50 км в ширину и столько же в глубину).

Вначале темп наступления был невысоким: над полем боя висел туман, мешавший действиям авиации. Однако туман маскировал наступающие войска, а умело используемая артиллерия постепенно уничтожала оборонительные сооружения противника. На третий день наступающие прорвались к Пинчову (в 30 км от исходного рубежа) и форсировали Ниду на широком фронте. Началась фаза развития успеха. Втянувшись в прорыв, танковые корпуса шли по польской равнине все расширяющимся потоком. В этот момент расширение участка прорыва имело более важное значение, чем увеличение его глубины. 15 января колонна, наступающая в северо-западном направлении и угрожавшая таким образом тылу немецких войск перед фронтом Жукова, заняла Кельце.

14 января Жуков начал наступление с плацдарма у Магнушева и Пулав. Войска, действовавшие на его правом крыле, повернули на север и вышли в тыл Варшавы, а войска левого крыла 16 января взяли Радом. В этот же день ударные силы Коневa форсировали р. Пилица (всего лишь в 50 км от границы Силезии). Между тем войска Рокоссовского 14 января нанесли удар

с двух плацдармов на Нереве и прорвали оборонительные позиции, прикрывавшие подходы к Восточной Пруссии с юга. Ширина участка прорыва превышала 300 км. Теперь на запад катилась лавина почти из 20 дивизий (включая резервы).

17 января войска Жукова охватывающим маневром овладели Варшавой, а передовые танковые отряды продвинулись на запад почти до Лодзи. Войска Конева захватили город Ченстохова, у силезской границы, а несколько южнее продвинулись за Краков, оставшийся у них на фланге.

19 января правое крыло войск Конева достигло границы Силезии, а войска левого крыла, совершив охватывающий маневр, овладели Краковом. Войска Жукова захватили Лодзь; армии Рокоссовского вышли к южным воротам Восточной Силезии у Млавы. Войска Черняховского и Петрова продвигались вперед на флангах. Таким образом, к концу первой недели наступавшие войска продвинулись на 150 км. Ширина фронта возросла почти до 600 км.

Немцы предприняли запоздалую попытку прикрыть подходы к Силезии и срочно перебросили на север семь дивизий из Словакии. Хейнрици, командовавший находившимися там немецкими войсками, еще до начала наступления русских предлагал выделить часть своих сил в качестве резерва для обеспечения обороны на р. Висла, однако такое перераспределение сил противоречило принципу Гитлера — «каждый солдат должен сражаться там, где находится», — а также не соответствовало его привычке проводить кампании в отдельных, изолированных районах. Когда фронт в Словакии был почти полностью оголен, немцы продержались еще несколько недель, и это свидетельствовало о том, что находившиеся здесь первоначально силы намного превышали потребность в них. Семь дополнительных дивизий, прибывших на участок севернее Карпат, теперь значили меньше, чем значила бы пара дивизий, переброшенных сюда до начала наступления русских. Фронт прорыва оказался слишком широк, чтобы можно было закрыть брешь.

Спешная эвакуация гражданского населения из городов на территории самой Германии свидетельствовала о том, что темп наступления русских войск расстроил все расчеты немцев и что русские вытеснили немецкие войска с промежуточных позиций, на которых они надеялись закрепиться.

20 января войска Конева перешли границу Силезии и вступили на территорию Германии. Еще большую угрозу создал выход войск Рокоссовского к узловой станции Алленштейн. Русские перерезали здесь основную железнодорожную артерию Восточной Пруссии. В это время войска Черняховского, насту-

павшие с востока, овладели Инстербургом. Продолжая развивать наступление, Рокоссовский вышел 26 января к Данцигскому заливу у Эльбинга, отрезав тем самым все немецкие войска, находившиеся в Восточной Пруссии. Немцы отошли в Кенигсберг и оказались в окружении.

За четыре дня до этого войска Конева вышли на Одер на фронте шириной 60 км к северу от промышленного района Верхняя Силезия. К концу второй недели наступления войска Конева на правом фланге форсировали Одер в целом ряде пунктов на участке к югу от Бреслау, находившегося в 290 км от исходного рубежа наступления. Другие колонны наступавших охватили столицу Силезии с севера. Обойдя Бреслау, русские устремились на юг с целью захватить железнодорожный узел Глейвиц и изолировать Верхнесилезский промышленный район. Весь этот район в различных направлениях пересекали окопы, проволочные заграждения и противотанковые рвы; он был усеян дотами, однако войск, которые могли бы удерживать его, не хватало. Кроме того, действиям оборонявшихся мешал поток беженцев. Дороги были забиты вышедшими из строя автомашинами и брошенным беженцами имуществом. По донесениям немецких летчиков, наступавшие русские войска походили на гигантского осьминога, протянувшего свои щупальца между городами Силезии. Как сообщали немецкие летчики, колонны грузовиков с запасами снабжения и подкрепления казались бесконечными и растянулись далеко на восток.

Еще более внушительным по масштабам и грозным по своим последствиям было стремительное продвижение Жукова на центральном участке. Основную массу танков Жуков сосредоточил на правом крыле. Они устремились вперед по коридору между Вислой и Вартой и, до того как немцы организовали оборону между озерами, сумели прорваться через цепь озер к востоку от Гнезно, в самом узком месте коридора. В результате этого маневра войска Жукова вышли в тыл Торуня, знаменитой крепости на Висле, и 23 января заняли Быдгощ. Другие силы фронта наступали на еще более крупный узел дорог Познань, но встретили более упорное сопротивление. Обойдя крепость, они устремились на запад и северо-запад и вышли к границам Бранденбурга и Померании (в 350 км от Варшавы и всего лишь в 150 км от Берлина). Войска Жукова на левом крыле фронта, форсировав Варту и овладев Калишем, вышли на одну линию с правым крылом войск Конева.

В начале третьей недели наступления войска левого крыла фронта Конева захватили Катовице и другие крупные промышленные города Верхней Силезии. В это время на левом крыле был занят новый плацдарм на Одере в районе Штейнау, в 60 км

к северо-западу от Бреслау. Продвигаясь вперед, войска Жукова 30 января пересекли границы Бранденбурга и Померании, а затем сломали сопротивление немцев на Одере. Одновременно ударные танковые соединения Жукова вышли к низовьям Одера у Кюстрина (в 60 км от окраин Берлина). Теперь всего лишь 610 км отделяло русских от передовых позиций их западных союзников.

Однако закон о чрезмерной растянутости коммуникаций стал в конце концов действовать в пользу немцев, уменьшая давление русских на Одере и увеличивая, таким образом, сопротивление смешанных сил, состоявших из регулярных войск и частей «фольксштурма», которые немецкое командование направило для удержания этого рубежа. Упорная оборона Познани блокировала пути, по которым русские могли бы доставлять запасы снабжения и подкрепления своим передовым частям. Оттепель в первую неделю февраля также тормозила наступление, превратив дороги в трясину. Кроме того, лед на Одере растаял, что повысило значение этой реки как естественной преграды. Хотя войска Жукова к концу первой недели февраля вышли на Одер на широком фронте и захватили переправы у Кюстрина и Франкфурта-на-Одере, у них не хватило сил развить достигнутый успех.

Конец попытался развить успех на правом фланге и прорваться к Берлину. Его войска, расширив плацдарм к северу от Бреслау, 9 февраля прорвались в западном направлении, затем повернули на северо-запад, наступая широким фронтом вдоль левого берега Одера, а 13 февраля они вышли к Зоммерфельду, в 130 км от Берлина (в тот же день пал Будапешт, где общая численность пленных достигла 110 тыс. человек). Через два дня, пройдя еще 30 км, войска Конева достигли р. Нейсе у ее слияния с Одером и, таким образом, вышли на одну линию с передовыми отрядами войск Жукова.

К третьей неделе февраля фронт на Востоке стабилизировался с помощью подкреплений, переброшенных немцами с Запада и из внутренних районов страны. Русские задержались на этом рубеже до тех пор, пока не рухнула окончательно немецкая оборона на Рейне. Тем не менее именно кризис, вызванный угрозой со стороны русских, заставил немцев принять роковое решение пожертвовать обороной Рейна ради обороны Одера с тем, чтобы задержать русских. Переброска на Восток основной массы подкреплений, которые смогли наскрести немцы для пополнения поредевших рядов, имела большее значение, чем фактическое число дивизий, переброшенных с Запада на Восточный фронт. Таким образом, наступавшим англо-американским войскам был облегчен не только выход к Рейну, но и его форсирование.

Разгром гитлеровских войск в Италии

Положение немецких войск в Италии зимой 1944/45 года выглядело на карте до неприязности похожим на их положение за год до этого и казалось почти столь же прочным, хотя их и оттеснили на 300 км к северу. Однако в пользу союзников действовали многие факторы. К концу 1944 года их войска находились уже за Готической линией, перед ними не было больше хорошо оборудованных немецких оборонительных позиций, и они сами занимали гораздо более выгодные исходные рубежи для наступления. Кроме того, были и другие важные факторы, усилившие сравнительную мощь союзных армий.

В марте 1945 года, накануне весеннего наступления, силы союзников, состоявшие из 17 дивизий, включали также 6 итальянских боевых групп. У немцев были 23 дивизии и 4 так называемые «итальянские дивизии», которые Муссолини удалось сколотить в северной Италии после того, как его самого спасли немцы (эти дивизии в действительности были немногим больше боевых групп). И все же любое подобное сравнение по числу дивизий дает, в сущности, искаженную картину действительного соотношения сил. Боевые силы союзников включали также шесть отдельных бронетанковых бригад и четыре отдельные пехотные бригады, что соответствовало примерно трем или четырем дивизиям.

Подсчет численности личного состава дает возможность ближе подойти к истине. Общая численность 5-й и 8-й армии составляла примерно 536 тыс. человек, не считая 70 тыс. итальянцев. У противника было 491 тыс. немецких и 108 тыс. итальянских войск, однако 45 тыс. немецких солдат составляли полевую жандармерию и войска ПВО. Еще более точную картину дает сравнение численности боевых войск и количества вооружения. Например, когда 8-я армия перешла в наступление в апреле, она имела примерно двукратное превосходство в численности боевых войск (57 тыс. человек против 29 тыс. человек), двукратное превосходство в артиллерии (1220 орудий против 665) и более чем трехкратное превосходство в боевых бронированных машинах (1320 против 400).

Кроме того, союзникам оказывали помощь примерно 60 тыс. партизан, действия которых вызывали замешательство в тылу у немцев и вынуждали их отвлекать войска с фронта.

Еще более важным обстоятельством было полное господство в воздухе союзной авиации. Стратегическая бомбардировочная авиация своими действиями настолько парализовала немецкие войска, что если бы даже Гитлер приказал перебросить их из Италии на другие театры, это удалось бы сделать с большим трудом. Наряду с этим нехватка горючего для механизированных и моторизованных частей и подразделений к этому времени стала настолько острой, что они не могли ни быстро маневрировать резервами, как раньше, ни совершать «отступательный маневр со сдерживающими действиями». Однако Гитлер в большей мере, чем раньше, не желал санкционировать какой-либо стратегический отход даже в тех случаях, когда была возможность попытаться сделать это.

Трехмесячная передышка после завершения осеннего наступления союзников способствовала большим изменениям в состоянии боевого духа и настроения союзных войск. На их глазах прибывала в изобилии новая боевая техника: плавающие танки, бронетранспортеры «кенгуру», гусеничные десантные бронетранспортеры, танки «шерман» и «Черчилль», вооруженные более мощной пушкой; огнеметные танки и танки-бульдозеры. Поступило также много нового переправочно-мостового имущества, не говоря уже о громадных запасах боеприпасов.

Фельдмаршал Кессельринг после болезни возвратился в строй в январе, а в марте он получил назначение на Западный фронт, сменив фельдмаршала Рундштедта на посту командующего. Виттингоф стал командующим группой армии «С» в Италии. Герр принял командование немецкой 10-й армией, оборонявшейся на восточном крыле фронта; в ее состав входили

1-й парашютно-десантный корпус (пять дивизий) и 76-й танковый корпус (четыре дивизии). 14-я армия под командованием Зенгера обороняла западное крыло фронта, причем 51-й альпийский корпус (четыре дивизии) удерживал рубеж, идущий к Генуе и Средиземному морю, а 14-й танковый корпус (три дивизии) прикрывал Болонью. В резерве группы армий находились лишь три дивизии, так как две дивизии были размещены в тылу фланга, примыкающего к Адриатическому морю, и еще две недели находились в районе Генуи с целью воспрепятствовать возможной высадке десантов союзников с моря за линией фронта. В данный момент эта же самая задача возлагалась и на три дивизии, находившиеся в резерве группы армий.

У союзников на правом крыле 15-й группы армий Кларка действовала 8-я армия под командованием Маккрири, противостоящая немецкой 10-й армии. В состав 8-й армии входили английский 5-й корпус (четыре дивизии), польский корпус (две дивизии), английский 10-й корпус и английский 13-й корпус, состоявший по существу из одной индийской 10-й дивизии. В резерве армии была 6-я бронетанковая дивизия. Западнее 8-й армии находилась 5-я армия, которой теперь командовал Траскотт и которая состояла из американских 2-го корпуса (четыре дивизии) и 4-го корпуса (три дивизии). Резерв армии составляли две бронетанковые дивизии: американская 1-я и южноафриканская 6-я.

Союзное командование ставило цель разгромить и уничтожить немецкие войска до того, как они смогут отойти за р. По. Этой цели лучше всего можно было достичь путем использования бронетанковых сил на равнинном участке протяженностью около 50 км между реками Рено и По. (В начале января, когда на короткое время установилась сухая погода, 8-я армия вышла на р. Сенио, впадающую в р. Рено неподалеку от Адриатического моря). Предполагалось, что 8-я армия, захватив район Бастья, Арджента, лежащий непосредственно к западу от озера Комаккьо, сможет открыть путь на равнину. А 5-я армия должна была перейти в наступление через несколько дней, нанося удар в северном направлении — в район Болоньи. Этими согласованными ударами намечалось перерезать пути отступления немцев и загнать их в западню. Начало наступления союзники планировали на 9 апреля.

План действий 8-й армии был сложным, но хорошо продуманным и умело разработанным. Демонстрация подготовки к высадке десанта севернее р. По должна была приковать внимание Виттингофа к этому направлению и заставить его держать там большинство своих резервов. Чтобы усилить это впечатление, де-

сантно-диверсионные отряды и 24-я гвардейская бригада в начале апреля овладели песчаной косой, отделяющей озеро Комаккьо от моря, а через несколько дней специальная лодочная служба захватила небольшие островки на этом обширном озере.

Главный удар в направлении р. Сенио наносили английский 5-й и польский корпуса, которые должны были прорвать оборону немцев на р. Сенио и затем попытаться развить успех в двух направлениях: вдоль одной из сторон коридора Бастья — Арджента (который получил впоследствии название «арджентская брешь»), непосредственно к западу от озера Комаккьо, и в северо-западном направлении, в тыл Болонье, с целью отрезать этот город с севера. Польскому корпусу предстояло наступать на Болонью более прямым путем, вдоль дороги № 9. 56-я дивизия 5-го корпуса получила задачу овладеть «арджентской брешью», сочетая прямую атаку с фланговым маневром на гусеничных десантных транспортерах через озеро Комаккьо.

Левофланговые соединения 8-й армии, где действовали не полностью укомплектованные 10-й и 13-й корпуса, должны были наступать в северном направлении мимо Монте-Батталья до встречи с польскими и американскими войсками. После этого 13-му корпусу предстояло совместно с 6-й бронетанковой дивизией развить успех наступления.

Во второй половине дня 9 апреля около 800 американских и английских тяжелых бомбардировщиков и 1000 средних бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков нанесли мощные удары по позициям противника, а 1500 орудий произвели пять сосредоточенных артиллерийских налетов продолжительностью 42 мин. каждый (с десятиминутными интервалами между налетами). Затем, с наступлением сумерек, вперед пошла пехота при поддержке тактической авиации, прижимавшей немцев к земле. Оборонявшиеся были ошеломлены этим градом бомб и снарядов, а сопровождавшие пехоту огнемётные танки усилили ужас и смятение в рядах немцев. К 12 апреля 5-й корпус под командованием Кейтли форсировал р. Сантерно и двинулся дальше. По мере того как немцы приходили в себя после первоначального шока, их сопротивление становилось все упорнее. И все же мост у Бастии союзники захватили 14 апреля в полной исправности. (Действия гусеничных десантных бронетранспортеров на озере Комаккьо принесли разочарование, но в затопленном районе у «арджентской брешии» они оказались намного эффективнее.) Англичане прорвались сквозь «арджентскую брешь» лишь 18 апреля. Поляки встретили еще более упорное сопротивление со стороны немецкой 1-й парашютно-десантной дивизии, но в конце концов им удалось разгромить ее.

Начало наступления американской 5-й армии задержалось до 14 апреля: плохая погода мешала действиям поддерживающей авиации. Кроме того, войскам армии, чтобы вырваться на равнину и выйти к Болонье, пришлось преодолеть несколько горных хребтов. Поддерживающая авиация 15 апреля сбросила 2300 тонн бомб на позиции противника. Это была рекордная цифра для всей кампании. Однако соединения немецкой 14 армии еще два дня оказывали упорное сопротивление, и лишь 17 апреля 1-й горнопехотной дивизии американского 4-го корпуса удалось прорвать оборону и продвинуться к важной рокадной дороге № 9. В следующие два дня весь фронт немецких войск начал рушиться. Американцы вышли на окраины Болоньи и устремились к р. По.

Большая часть войск, находившихся в распоряжении Виттингофа, оказалась скованной на фронте, а у него было слишком мало резервов и еще меньше горючего, чтобы закрыть брешь, пробитую союзниками. У Виттингофа больше не осталось возможности стабилизировать фронт или оторваться от противника. Единственная надежда спасти войска заключалась в отступлении — длительном отступлении.

Гитлер отверг предложение генерала Герра применить «эластичную оборону», совершая тактические отходы от одного водного рубежа к другому, что могло свести на нет успех наступления английской 8-й армии. Накануне наступления американских войск, 14 апреля, Виттингоф попросил разрешения отойти на рубеж р. По, пока не было слишком поздно. Однако его просьбу отклонили, и 20 апреля он под свою ответственность приказал немецким войскам начать отход.

Но было действительно слишком поздно. Три бронетанковые дивизии союзников двумя энергичными маневрами отрезали и окружили большую часть противостоящих войск противника. Хотя многим немцам удалось избежать плена, переправившись вплавь через широкую р. По, они уже не были в состоянии создать новый оборонительный рубеж. 27 апреля англичане форсировали Адидже и прорвали Венецианскую линию, прикрывавшую Венецию и Падую.

Американцы, продвигавшиеся еще быстрее, 26 апреля заняли Верону. За день до этого, 25 апреля, началось всеобщее восстание, и немцы повсюду попадали под удары повстанцев-партизан. Все перевалы в Альпах были блокированы к 28 апреля. В этот день Муссолини и его любовница Кларетта Петаччи были схвачены и расстреляны отрядом партизан вблизи озера Комо. Немецкие войска не встречали нигде серьезного сопротивления. К 29 апреля новозеландцы вошли в Венецию, а ко 2 мая — в Триест.

Тайные переговоры о капитуляции немецких войск в Италии начались еще в феврале по инициативе генерала Вольфа, командовавшего войсками СС в Италии. Со стороны союзников переговоры вел Даллес, возглавлявший американскую разведывательную службу в Швейцарии. Первоначально в качестве посредников использовались итальянцы и швейцарцы, а затем Вольф и Даллес перешли к личным переговорам. Вступить в переговоры Вольфа побудило, по-видимому, желание избежать дальнейших бессмысленных потерь в Италии и стремление преградить путь коммунизму, использовав союз с западными державами. Помимо того что Вольф контролировал войска СС, он нес ответственность и за районы, лежащие за линией фронта. Таким образом, Вольф играл важную роль и мог свести на нет замысел Гитлера создать в Альпах укрепленный район для решительной обороны.

25 апреля Вольф приказал войскам СС не противодействовать партизанам в захвате власти на местах, а маршал Грациани выразил готовность обеспечить капитуляцию итальянских фашистских войск. В 14.00 29 апреля представители немецкого командования подписали документ о безоговорочной капитуляции к 12 часам (14 часам по итальянскому времени) 2 мая 1945 года.

Крах Германии

Гитлер все больше оголял Западный фронт и направлял все новые и новые резервы, чтобы удержать оборону на Одере. Он считал, что западные союзники уже не способны возобновить наступление после сокрушительного, по его мнению, поражения, которое они потерпели в результате контрнаступления немцев в Арденнах. Таким образом, большая часть боевой техники, поступающей с немецких заводов и из ремонтных мастерских, направлялась на Восток. И тем не менее именно в это время западные союзники наращивали превосходящие силы для наступления на Рейне. В этом массированном наступлении основная ударная роль отводилась Монтгомери, которому была подчинена американская 9-я армия в дополнение к его собственным двум армиям — канадской 1-й и английской 2-й. Это обстоятельство вызвало сильное негодование у большинства американских генералов, полагавших, что Эйзенхауэр уступает требованиям Монтгомери и англичан в ущерб собственным перспективам.

Негодование заставляло американских генералов прилагать более энергичные усилия на своих участках фронта. Они стремились показать, на что способны: 7 марта танки американской 3-й армии, которой командовал Паттон, прорвали слабые оборонительные позиции немцев в Эйфеле (немецкая часть Арденнских гор) и вышли к

Рейну в районе Кобленца, покрыв за три дня 100 км. Здесь они на некоторое время задержались, так как мосты через Рейн были взорваны. Немного севернее передовой отряд танков американской 1-й армии нашел брешь в обороне и прошел через позиции немцев настолько быстро, что достиг моста в Ремагене, около Бонна, и захватил этот мост. Немцы не успели взорвать его. Сюда, на этот важный плацдарм, были немедленно подтянуты подкрепления.

Когда командующий группой армий Брэдли получил сообщение об этом, он, быстро оценив предоставившуюся возможность прорвать оборону противника на Рейне, с ликованием крикнул в телефонную трубку: «Здорово, черт побери! Это заставит немцев раскрыться!» Однако прибывший в штаб Брэдли офицер из оперативного отдела штаба Эйзенхауэра холодно возразил: «Вам не удастся предпринять что-либо в Ремагене. Это просто не соответствует плану». На следующий день Брэдли получил категорический приказ не вводить на этот плацдарм никаких крупных сил.

Этот приказ ограничивал свободу действий и вызвал особое возмущение, потому что американская 9-я армия, за четыре дня до этого вышедшая на Рейн в районе Дюссельдорфа, была остановлена по приказу Монтомгери, который запретил форсировать реку с ходу. Недовольство подобными ограничениями, вызванными стремлением подогнать все под план, день ото дня возрастало, так как крупное наступление Монтомгери на Рейне должно было начаться лишь через три недели — 24 марта.

В результате Паттон с одобрения Брэдли повернул на юг, стремясь смять ударом во фланг боевые порядки противника к западу от Рейна и одновременно найти удобное место для переправы. К 21 марта Паттон очистил от противника западный берег Рейна на участке шириной 110 км между Кобленцем и Мангеймом. В следующую ночь войска Паттона, почти не встретив сопротивления, форсировали реку у Оппенгейма, между Майнцем и Мангеймом.

Узнав об этом внезапном ударе, Гитлер потребовал немедленно принять контрмеры, но ему доложили, что никаких резервов уже не осталось. «Шкаф у немцев был пуст», и продвижение американцев за Рейн не встретило сопротивления.

К этому времени Монтомгери завершил тщательную подготовку к крупному наступлению на Рейне в районе Везеля, в 250 км ниже по течению. Монтомгери сосредоточил здесь 25 дивизий, а в полевых складах на западном берегу скопилось четверть миллиона тонн боеприпасов и других предметов снабжения. Участок реки, на котором планировалось развернуть на-

ступление, удерживался всего лишь пятью слабыми, измотанными немецкими дивизиями.

Наступление началось в ночь на 23 марта после грандиозной артиллерийской подготовки, в которой приняло участие более 3 тыс. орудий, наступлению предшествовали также последовательные налеты бомбардировщиков. Передовые пехотные части при поддержке танков форсировали реку и, преодолев слабое сопротивление, захватили плацдармы на восточном берегу. С рассветом в тылу немцев были выброшены две воздушно-десантные дивизии; чтобы расчистить путь наступающим с фронта войскам, спешно наводились переправы для дивизий второго эшелона, танков и транспорта. О слабости сопротивления противника свидетельствовал хотя бы тот факт, что американская 9-я армия, на долю которой приходилась половина всех ударных пехотных частей, потеряла убитыми всего около 40 человек. Потери англичан также были незначительными. Упорное сопротивление наступающим было оказано лишь в одном пункте — у деревни Реес на берегу Рейна, где батальон немецких парашютистов продержался три дня.

К 28 марта плацдарм был расширен до 30 км в глубину и до 50 км по фронту. Однако Монтомгери все еще опасался контр-удара немецких войск и потому не санкционировал переход в общее наступление в восточном направлении до тех пор, пока не сосредоточил на плацдарме 20 дивизий и 1500 танков. Когда же наступление началось, серьезным препятствием оказались груды камней и земли, образовавшиеся в результате бомбардировок союзной авиацией. Эти завалы блокировали пути наступления намного эффективнее, чем это мог сделать противник.

Однако и с приближением конца Гитлера не покидали иллюзии. Он начал рассчитывать на какое-то чудо, которое принесет спасение чуть ли не в самый последний момент. Гитлер любил перечитывать главу из «Истории Фридриха Великого» Карлейля, где рассказывалось о том, как Фридрих был спасен, когда его армии были на грани поражения. Тогда смерть русской императрицы вызвала раскол противостоящей коалиции. Гитлер изучал также гороскопы, предсказывающие, будто катастрофа в апреле будет компенсирована внезапным поворотом судьбы, который в августе приведет к миру с удовлетворительными условиями.

В полночь 12 апреля Гитлер получил сообщение о скоропостижной кончине президента Рузвельта. Ему позвонил Геббельс: «Мой фюрер, поздравляю вас. Судьба расправилась с вашим величайшим врагом. Бог не покинул нас». Казалось, это было то «чудо», которого так ждал Гитлер: повторение случая со

смертью русской императрицы в критический момент Семилетней войны в XVIII веке. Гитлер был убежден, что «великий союз», как называл его Черчилль, между державами Востока и Запада теперь распадется из-за противоречивых интересов.

Однако эта надежда не сбылась, и через две недели Гитлер был вынужден покончить с собой, как это собирался сделать Фридрих Великий, если бы не произошло «чудо», спасшее его владения и жизнь.

В начале марта Жуков расширил свой плацдарм на Одере, но ему не удалось вырваться с него. Наступление русских войск на флангах продолжалось, и в середине апреля они вступили в Вену. Между тем немецкий фронт на Западе рухнул, и союзные армии продвигались от Рейна в восточном направлении, почти не встречая сопротивления. 11 апреля они вышли на Эльбу в 100 километрах от Берлина и остановились, а 16 апреля войска Жукова во взаимодействии с войсками Конева, которые форсировали Нейсе, возобновили наступление.

На этот раз русские войска вырвались с плацдарма и менее чем через неделю вошли в пригороды Берлина. Гитлер решил остаться в Берлине. К 25 апреля город был полностью окружен армиями Жукова и Конева, а 27 апреля солдаты Конева обменивались рукопожатиями с американцами. Немцы в Берлине оказывали отчаянное сопротивление, ведя бои за каждую улицу. Это сопротивление окончательно было сломлено, лишь когда война закончилась безоговорочной капитуляцией Германии.

Война в Европе закончилась официально в полночь 8 мая 1945 года. Фактически же это было лишь окончательное формальное признание конца, который наступил в разные сроки и в разных местах в течение предшествующей недели. 2 мая прекратились все боевые действия на южном фронте в Италии, где акт о капитуляции был подписан еще за три дня до этого. 4 мая подобный же акт о капитуляции подписали в штабе Монтгомери в Люнебурге представители немецких войск в Северо-Западной Европе, и 7 мая в штабе Эйзенхауэра в Реймсе был подписан еще один акт о капитуляции, касавшийся всех немецких вооруженных сил. Подписание этого более широкого акта происходило в присутствии русских, а также американских, английских и французских представителей.

Эти формальные акты о капитуляции стали быстрым следствием смерти Гитлера: 30 апреля, на следующий день после бракосочетания с Евой Брайн, Гитлер совершил вместе с ней самоубийство в развалинах рейхсканцелярии в Берлине, когда ему сообщили, что наступающие русские войска находятся в непосредственной близости. Их тела были поспешно сожжены.

Крах Японии

Япония была в основном морской державой и зависела от снабжения из морских стран даже в большей мере, чем Британская империя. Ее военный потенциал зависел от ввоза морским путем крупных количеств нефти, железной руды, бокситов, коксующегося угля, никеля, марганца, алюминия, олова, кобальта, свинца, фосфатов, графита, а также поташа, хлопка, соли и каучука. Кроме того, чтобы обеспечить питание населения, она должна была ввозить большую часть потребляемого сахара и соевых бобов, а также 20% потребляемой пшеницы и 17% потребляемого риса.

И тем не менее Япония вступила в войну, имея торговый флот, общий тоннаж которого составлял всего 6 млн регистровых тонн, что было значительно меньше одной трети общего тоннажа торгового флота Англии в 1939 году (примерно 9500 судов общим тоннажем свыше 21 млн регистровых тонн). Более того, Япония пренебрегла опытом боевых действий на море в 1939–1941 годах и строила свои экспансионистские планы, не принимая мер по защите судоходства (не используя систему конвоев и не имея конвойных авианосцев). Япония предприняла серьезные усилия по исправлению этих упущений лишь после того, как потеряла значительное количество своих торговых судов.

В результате японские транспортные суда стали легкой добычей для американских подводных

лодок. В начальный период войны на Тихом океане конструктивные недостатки американских торпед снижали эффективность действий подводных лодок. Когда же эти недостатки были устранены, атаки подводных лодок стали исключительно действенными. Японские подводные лодки сосредоточивали свои усилия на действиях против боевых кораблей, а позже использовались для подвоза предметов снабжения изолированным гарнизонам на островах. Американские же подводные лодки действовали в основном против торговых судов. В 1943 году они потопили 296 судов общим тоннажем 1 млн 355 тыс. регистровых тонн, а в 1944 году они нанесли еще больший урон: общий тоннаж потопленных ими только в октябре судов составил 321 тыс. тонн. Кроме того, их воздействие усиливалось благодаря тому, что в первую очередь они нападали на японские танкеры. В результате японцы были вынуждены держать свои основные военно-морские силы в Сингапуре, чтобы быть поближе к нефтепроизводящим районам. В самой же метрополии летчики не могли получить соответствующую подготовку из-за нехватки горючего для тренировочных полетов.

Американские подводные лодки нанесли большие потери и японским военно-морским силам: на их долю приходилась почти треть всех потопленных японских боевых кораблей. В ходе сражения в Филиппинском море американцы потопили два японских эсминца — «Тайхо» и «Сёкаку», а в последние месяцы 1944 года потопили или вывели из строя на длительное время еще три авианосца и почти сорок эсминцев.

К тому времени, когда американские подводные лодки начали действовать из бухты Субик на Лусоне, большая часть торгового флота Японии уже была уничтожена. Выгодные цели стали настолько редкими, что появилась возможность использовать часть подводных сил для спасения экипажей бомбардировщиков, совершавших вынужденную посадку на море после налетов на Японию.

В целом вклад американских подводных сил в войну был огромным, причем не последнюю роль они сыграли и в пресечении попыток японцев перебрасывать подкрепления и запасы снабжения изолированным гарнизонам на островах. Однако наибольшая их заслуга состоит в том, что на их долю приходилось 60% от общего тоннажа потопленных в годы войны японских судов, достигавшего 8 млн регистровых тонн. Это был наиболее важный фактор в окончательном крахе Японии. Он был решающим в том отношении, что американские подводные силы использовали экономическую слабость Японии и ее зависимость от снабжения из заморских районов.

Окинава. Последние приготовления к высадке десанта на Окинаву, получившей название «операции „Айсберг“» шли полным ходом еще до того, как был завершен захват острова Иводзима. Начало операции планировалось на 1 апреля, всего лишь через шесть недель после высадки десанта на Иводзиму. Это самый крупный в архипелаге Рюкю остров — 100 км в длину и около 20 км в ширину. Он был достаточно крупным, чтобы служить базой для сухопутных войск и флота при организации вторжения в Японию, и к тому же лежит точно посередине между Формозой и Японией и в 670 км от берегов Китая. Размещенные на Окинаве силы могли угрожать всем этим трем целям, а базирующаяся на нем авиация могла контролировать подходы к ним.

Рельеф острова, поросшего лесом, был сильно пересечен, за исключением отдельных участков в южной части, где находились аэродромы. Здесь известняковые породы легко позволяли вести землеройные работы. Таким образом, остров в силу естественных условий был хорошо приспособлен к обороне. Его оборонительные возможности намного возросли с увеличением численности гарнизона (32-я армия под командованием Усидзими — примерно до 77 тыс. боевых войск и 20 тыс. войск обслуживания, то есть в общей сложности почти 100 тыс. человек). Кроме того, японцы имели здесь в изобилии легкую и тяжелую артиллерию, хорошо размещенную в укрепленных пещерах. Японское верховное командование было полно решимости всеми силами защищать Окинаву, а принятая японцами тактика предусматривала упорную эшелонированную оборону внутренних районов, как и на Иводзиму, без траты сил на бои за участки высадки, где американские боевые корабли могли обстреливать японские войска. Для нанесения контрудара имперский генеральный штаб сосредоточил на аэродромах в Японии и на Формозе свыше 2 тыс. самолетов. Кроме того, он планировал расширить масштабы использования «камикадзе».

Американское верховное командование понимало, что Окинава будет твердым орешком и что для ее захвата потребуется большое превосходство в силах, в связи с чем встанут сложнейшие проблемы по материально-техническому обеспечению. Оно планировало высадить на остров вновь сформированную 10-ю армию под командованием генерал-лейтенанта Бакнера, которая должна была иметь пять дивизий (в общей сложности около 116 тыс. человек) в первом эшелоне, две дивизии во втором эшелоне и еще одну дивизию в резерве. Общая численность десантных сил (из трех дивизий морской пехоты и четырех армейских дивизий) составляла примерно 170 тыс. боевых и

115 тыс. войск обслуживания. Помимо разгрома мощного японского гарнизона в их задачу входило осуществление контроля над гражданским населением острова, достигавшим почти полмиллиона человек.

Пытаясь уменьшить угрозу контрудара со стороны японской авиации, быстроходная авиационная группа адмирала Митшера провела серию вылетов на Японию за неделю до высадки, сбив около 160 японских самолетов в воздушных боях и уничтожив много самолетов на аэродромах. Однако этот успех достался ей дорогой ценой, так как в результате налетов «камикадзе» были серьезно повреждены три авианосца («Уосп», «Йорктаун» и «Франклин»). Неделю спустя базировавшиеся на Гуаме самолеты «летающая сверхкрепость», совершавшие массированные налеты на японские города, были перенацелены на уничтожение аэродромов на Кюсю (самом южном из крупных островов Японского архипелага). Другой важной предварительной мерой явился захват группы островов Керама, лежащей в 25 км к западу от Окинавы. Их планировалось использовать в качестве передовой базы флота и якорной стоянки. На этом настаивал адмирал Тэрнер. 27 марта, преодолев слабое сопротивление, эту группу островов заняла американская дивизия. На следующий же день туда прибыли танкеры, чтобы организовать рейдовую службу. Английский Тихоокеанский флот (два линейных корабля, четыре авианосца, шесть крейсеров и пятнадцать эскадренных миноносцев) под командованием адмирала Фрейзера, прибывший к месту действий в середине марта, начал контролировать район к юго-западу от Окинавы.

В 8 час. 30 мин. 1 апреля (это было Пасхальное воскресенье) после интенсивной трехчасовой артиллерийской и авиационной подготовки началась высадка главных сил десанта. В тот же день адмирал Тэрнер принял командование всеми силами в водах Окинавы. Десант высаживался на западном берегу южной половины острова, где можно было, продвинувшись на небольшое расстояние, отрезать всю южную оконечность. Высадившиеся войска не встретили никакого сопротивления и к 11 часам захватили два аэродрома на участке высадки шириной 8 км. Противник даже не показывался. К вечеру американский плацдарм был расширен до 15 км. На берег благополучно высадились свыше 60 тыс. войск. К 3 апреля они перерезали остров, а на следующий день расширили плацдарм до 25 км. И лишь после 4 апреля, когда американцы начали продвигаться в южном направлении, они стали встречать все возрастающее сопротивление со стороны японских войск, находившихся в южной части острова.

Однако в воздухе японцы действовали активно с самого начала. После 6 апреля атаки «камикадзе» усилились, 6 и 7 апреля на Окинаву было послано около 700 самолетов, из них почти половину составляли «камикадзе». Большинство этих самолетов американцы сбили, но 13 американских эсминцев оказались потопленными или получили серьезные повреждения.

6 апреля ознаменовалось самоубийственной акцией японского флота. Гигантский линейный корабль «Ямато» был направлен к Окинаве с небольшим охранением из надводных кораблей, но без всякого авиационного прикрытия и с запасом топлива лишь для перехода в один конец. Авианосцы Митшера готовились нанести удар 280 самолетами. В 12 час. 30 мин. 7 апреля «Ямато» подвергся мощной атаке бомбами и торпедами и после непрерывных налетов в течение двух часов затонул, увлекая в пучину огромное количество моряков. Как и «Тирпицу», ему так и не удалось ни разу использовать свою артиллерию главного калибра против линейных кораблей противника. Его участь была еще одним подтверждением того, что эра линейных кораблей миновала.

Боевые действия на острове продолжались несколько дольше, чем борьба на море. Японцы 13 апреля на юге острова попытались нанести контрудар, но он был легко отражен. Между тем 6-я дивизия морской пехоты, не встречая сопротивления, продвигалась в северном направлении. Когда она вышла к скалисту, поросшему лесом полуострову Мотобу, то была временно остановлена. Японские силы состояли здесь всего лишь из двух батальонов. Их хорошо укрепленные позиции были взяты 17 апреля с помощью военной хитрости. Разрозненные группы японцев продолжали сопротивление до 6 мая. Американцы имели огромный численный перевес. В ходе этой операции было убито 2500 японцев, в то время как потери морских пехотинцев составили меньше одной десятой части этого числа. 13 апреля один из отрядов морской пехоты, не встретив сопротивления, вышел на северную оконечность Окинавы.

19 апреля 24-й корпус генерала Ходжеса начал наступление силами двух дивизий на позиции японцев в южной части Окинавы. Мощная артиллерийская и авиационная подготовка (с моря, воздуха и суши) оказала незначительное воздействие на японские оборонительные сооружения в пещерах. Продвижение было незначительным, а потери — крупными, даже после того как в бой ввели 1-ю и 6-ю дивизии морской пехоты. В начале мая, однако, японское командование в этом районе, проявляя характерную неприязнь к оборонительным действиям, хотя они и были выгодными для японской стороны, решило нанести контрудар одновременно с новой волной налетов «камикадзе».

Японцам удалось осуществить прорыв лишь на одном участке. Их отбросили с очень тяжелыми потерями (они потеряли убитыми около 5 тыс. человек). Благодаря этой победе американцы возобновили наступление 10 мая, но на следующей неделе их продвижение приостановили длительные проливные дожди.

Воспользовавшись передышкой, японцы отошли из района Сури, прикрывавшего столицу Окинавы Наху, на позиции южнее города. В начале июня американцы продолжили наступление и к середине месяца оттеснили японцев к южной оконечности острова, а 17 июня были прорваны сильно укрепленные позиции японцев вдоль обрыва Йен-Даке, в основном с помощью огнеметов. Усидзима и офицеры его штаба, как и многие другие японцы, покончили жизнь самоубийством. Почти 7400 человек сдались в плен в ходе последовавшей за этим фазы очистки острова от противника.

Общие потери японцев составляли 110 тыс. человек, включая жителей Окинавы, мобилизованных в японскую армию. Американцы потеряли 49 тыс. человек (из них 12 500 убитыми). Это были их самые крупные потери в ходе одной кампании за всю войну на Тихом океане.

В ходе трехмесячной кампании на Окинаве японская авиация совершила десять массированных налетов «камикадзе», которые японцы называли «Кикусуй» («хризантема, плавающая на воде»). Они включали свыше 1500 отдельных атак «камикадзе» и почти столько же аналогичных самоубийственных атак других самолетов. В общей сложности было потоплено 34 американских боевых корабля, а 368 кораблей получили повреждения (преимущественно в результате действий «камикадзе»). Эти тяжелые потери способствовали принятию в июле решения применить атомную бомбу.

Очистка от противника районов Тихого океана и Бирмы. Темпы наступления американцев по двум направлениям значительно увеличились после перехода к стратегии «обходов» — штурму и захвату только тех пунктов на каждом из двух направлений, которые были необходимы либо как стратегические промежуточные базы на пути к Японии, либо для установления стратегического контроля над районом Тихого океана. Когда же американские силы приблизились к Японии и стали готовиться к последнему прыжку, комитет начальников штабов счел целесообразным очистить их тыл, уничтожив изолированные гарнизоны противника на крупных островах, которые были обойдены в ходе наступления. В результате на предпоследней стадии войны проводились многочисленные операции по очистке от противника различных районов. Особенно необходимо было

очистить южную часть центральной Бирмы после быстрого выхода Слима к Рангуну и до начала намечавшейся десантной операции командования Юго-Восточной Азии по освобождению Сингапура и Голландской Восточной Индии.

Бирма. Когда Слим взял Рангун в начале мая 1945 года, у него в тылу, к западу от р. Салуин, осталось около 60 тыс. японских войск. Важно было не дать им уйти на восток, в Таиланд, а также положить конец осложнениям, вызываемым ими в районе, через который прошли войска Слима, наступая на Рангун. Часть сил 4-го корпуса под командованием генерала Мессерви направили для удержания переправ на р. Ситаун, а другую часть выслали навстречу 33-му корпусу Стопфорда, наступавшему по долине р. Иравади. В течение мая Стопфорду удалось сорвать обе попытки остатков 28-й армии Сакураи прорваться из Аракана на восток, но многие мелкие японские подразделения сумели переправиться через р. Иравади, и примерно 17 тыс. японских войск вышли в район Пегу-Йомас между Иравади и Ситауном. Отвлекающий удар для оказания им помощи пытались, правда не удачно, нанести остатки 33-й армии Хонды. В конце июля войска Сакураи, разделившись на многочисленные мелкие группы по несколько сот человек в каждой, решили проскользнуть сквозь заслон Мессерви. Однако большинство этих мелких групп было перехвачено и разгромлено. На восточный берег р. Ситаун, которая в это время широко разлилась, удалось переправиться лишь около 6 тыс. японцев, но они уже были не способны продолжать борьбу.

Новая Гвинея — Новая Британия — Бугенвиль. Продвигаясь скачками вдоль северного побережья Новой Гвинеи в течение первой половины 1944 года, войска Макартура обошли несколько японских гарнизонов, и когда американцы перешли на Филиппины, у них в тылу оставались остатки пяти дивизий противника. Большое число японских войск оказалось изолировано также на островах Новая Британия и Бугенвиль. В директиве от 12 июля командующему австралийскими войсками генералу Блейми Макартур возлагал на него обязанность «непрерывно подавлять», начиная с осени, японские войска, оставшиеся в этих районах. Блейми решил истолковать эту директиву в более наступательном духе, хотя в его распоряжении, после того как две австралийские дивизии были выделены для участия в кампании на Филиппинах, находились только четыре дивизии (три из них были дивизии ополчения).

Австралийская 6-я дивизия была направлена в Аитапе, откуда должна была начать наступление в восточном направлении с

целью уничтожить в районе Вевака три слабые дивизии Адати (насчитывавшие в общей сложности около 35 тыс. человек). Переход по труднодоступной местности явился тяжелым испытанием для транспортной системы австралийцев, а боевой дух войск подрывали болезни и сознание того, что в этой операции не было действительной стратегической необходимости. Продвижение шло медленными темпами, и Вевка был взят лишь в мае. Остатки японских войск держались во внутренних районах вплоть до окончания войны в августе 1945 года. За это время численность японских войск уменьшилась на одну пятую. Австралийцы потеряли в боях меньше 1500 человек, однако их потери от болезней превысили 16 тыс. человек.

На Новую Британию направили австралийскую 5-ю дивизию. Ее командир генерал-майор Рамсей проявил здесь больше здравого смысла. Когда дивизия в ноябре прибыла на остров, американцы контролировали пять шестых территории этого крупного острова. Остальную часть удерживали почти 70 тыс. японских войск, сосредоточившихся главным образом в Рабауле. После непродолжительного перехода к перешейку острова австралийцы стали вести лишь патрулирование этого короткого рубежа, предоставив крупному японскому гарнизону «засыхать на корню». Тем самым противник был нейтрализован минимальной ценой и капитулировал с окончанием войны.

Бугенвиль, лежавший на западном конце Соломоновых островов, считался самым крупным островом этого архипелага. Сюда направили 2-й корпус генерала Сэвиджа в составе австралийской 3-й дивизии и двух отдельных бригад. Здесь также не было необходимости в наступательных действиях, так как японцы, сосредоточившись в основном в районе Буина на юге острова, всюду занимались выращиванием овощей и ловлей рыбы, чтобы как-то пополнить свои скудные запасы продовольствия. Сэвидж предпринял наступление в начале 1945 года. Оно развивалось очень медленно: японцы упорно обороняли район, обеспечивавший их продовольствием. Через шесть месяцев наступление прекратилось из-за сильных паводков. Австралийские войска здесь, как и на Новой Гвинее, не проявляли особого энтузиазма, так как вполне справедливо считали это бесцельным.

Борнео. Инициатива по захвату Борнео исходила главным образом от американцев, которые хотели перерезать пути снабжения Японии нефтью и каучуком, а также обеспечить для англичан передовую базу флота в заливе Бруней. Комитет начальников штабов не поддерживал эту идею: англичане стремились получить базу на Филиппинах, поскольку их Тихоокеан-

ский флот уже действовал в районе Окинавы и они не хотели возвращать его на юг. Операция осуществлялась австралийским 1-м корпусом (в составе двух дивизий) под командованием генерал-лейтенанта Морсхеда при взаимодействии американского 7-го флота, и 1 мая 1945 года они заняли остров Таракан, лежащий у северо-восточного побережья Борнео, а 10 июня захватили без серьезного сопротивления район залива Бруней на западном побережье. Оттуда австралийские войска продвинулись вдоль побережья на юг, в Саравак. В начале июля после продолжительной бомбардировки, преодолев короткое, но упорное сопротивление, они захватили центр нефтедобычи Баликлапан на юго-восточном побережье. Это была последняя крупная десантная операция Второй Мировой войны.

К этому времени шли полным ходом приготовления англичан к освобождению Сингапура, однако эти усилия свела на нет капитуляция Японии в августе. Когда 12 сентября Маунтбаттен прибыл в Сингапур, ему оставалось лишь принять общую капитуляцию японских вооруженных сил в Юго-Восточной Азии, предварительное соглашение о которой было уже подписано в Рангуне 27 августа. По этому соглашению капитулировало три четверти миллиона японцев.

Филиппины. Хотя американцы установили стратегический контроль над Филиппинами через пять месяцев после высадки первого десанта на Лейте в октябре 1944 года, в марте 1945 года на Филиппинах все еще находились крупные японские силы. На одном только Лусоне их численность, как стало известно позже, составляла около 170 тыс. человек, намного больше, чем считали американцы в то время. Наиболее крупные группировки, которыми командовал сам Ямасита, были сосредоточены на севере Лусона, но примерно 50 тыс. японских войск под командованием генерала Йокоямы находились в горах, неподалеку от столицы Филиппин Манилы, и контролировали водоснабжение города. Первые попытки отбросить их не увенчались успехом. Японцы даже предприняли наступление против 14-го корпуса генерала Гриссулда. В середине марта в боевые действия включился 11-й корпус под командованием генерала Холла. Он предпринял наступление и захватил к концу мая две основные плотины у Авы и Ипо. К этому времени силы Йокоямы сократились наполовину, главным образом в результате голода и болезней. На каждого японца, убитого в бою, приходилось десять погибших от голода и болезней. До капитуляции дожило всего лишь 7 тыс. человек.

Между тем войска генерала Крюгера расчистили проходы в море Висаян, сократив, таким образом, путь для транспортных

судов от Лейте к Лусону, а затем начали операцию по очистке от противника южной части Лусона. Другие силы очистили от противника острова, расположенные к югу от Лейте, и захватили плацдарм на Минданао, где было сосредоточено свыше 40 тыс. японских войск (японский генеральный штаб считал, что остров будет первоочередной целью вторжения американских войск). К лету японские войска во всех этих районах отошли в горы, неся большие потери от голода и болезней.

Последним этапом этого процесса явилось наступление американцев против войск Ямаситы в северной части Лусона. Его начали 27 апреля три американские дивизии, которые вскоре были усилены еще одной дивизией. По мере продвижения в горы американцы встречали все большие трудности. Ямасита сосредоточил там свыше 50 тыс. войск (в два с лишним раза больше, чем предполагали американцы). Он удерживал здесь позиции до окончания войны. Стратегическая необходимость этой дорого обошедшейся кампании по очистке острова от противника весьма сомнительна.

Американское стратегическое авиационное наступление.

Авиационное наступление против Японии стало действительно эффективным, когда его начали вести с Марианских островов, захваченных главным образом именно с этой целью летом 1944 года.

Основным средством этого наступления был самолет «летающая сверхкрепость» — «боинг» В-29 — самый крупный бомбардировщик времен Второй Мировой войны, способный нести бомбовую нагрузку более 7,5 тонн и летать со скоростью до 560 км/час на высотах свыше 10 тыс. метров. Его дальность действия превышала 6 тыс. км, он был хорошо бронирован и вооружен 13 крупнокалиберными пулеметами.

В середине июня 1944 года около 50 самолетов В-29, базировавшихся в Китае и Индии, нанесли бомбовый удар по центру сталелитейной промышленности Явата на острове Кюсю, но этот и последующие налеты причинили небольшой ущерб. За всю вторую половину 1944 года с этого направления на Японию было сброшено всего около 800 тонн бомб. Обслуживание самолетов В-29 из состава 20-го бомбардировочного командования на аэродромах в Китае требовало переброски по воздуху через Гималаи большого количества предметов снабжения, а столь скромные результаты налетов привели к тому, что в начале 1945 года В-29 перебросили в другие районы.

Первый аэродром на Марианских островах, на Сайпане, был готов принять самолеты к концу октября 1944 года, и сразу же на него перебазировалось первое авиационное крыло (112 само-

летов) 21-го бомбардировочного командования. Месяцем позже, 24 ноября, с этого аэродрома поднялись в воздух 111 самолетов В-29, чтобы нанести удар по авиационному заводу в Токио. Это был первый налет на Токио после рейда полковника Дулиттла в апреле 1942 года. Он ознаменовал начало нового наступления. И хотя к цели вышло меньше четверти всех бомбардировщиков, потери составили всего два самолета, несмотря на то что для перехвата поднялись в воздух 125 японских истребителей.

В течение последующих трех месяцев экипажи самолетов В-29 продолжали применять дневное прицельное бомбометание, основываясь на опыте, полученном ими в Европе. Результаты оказались разочаровывающими. Правда, эти бомбардировки заставили японцев рассредоточить авиационные заводы и другие промышленные предприятия. К марту 1945 года число В-29 на Марианских островах утроилось, и генерал Лимэй, принявший командование, решил переключить их на ночное бомбометание по площадям с малых высот, воспользовавшись слабой подготовленностью японской ПВО к действиям ночью. Лимэй решил также увеличить бомбовую нагрузку, уменьшить нагрузку на двигатели и таким образом повысить эффективность ударов по многочисленным мелким промышленным объектам.

Еще более важным явилось решение Лимэя вооружать самолеты В-29 не фугасными, а зажигательными бомбами. Каждый самолет мог взять на борт 40 кассет с 38 зажигательными бомбами в каждой. Они могли выжечь район площадью примерно 6,5 га. Результаты были ужасающе эффективными. Так, 9 марта 279 самолетов В-29, каждый из которых нес на борту 6—8 тонн зажигательных бомб, нанесли опустошительный урон Токио. Пожары выжгли площадь около 40 кв. км, что составляло одну четверть общей площади города, при этом было уничтожено свыше 267 тыс. домов. Потери среди гражданского населения составили примерно 185 тыс. человек. Американцы потеряли 14 самолетов. В последующие 9 дней подобным же образом были разрушены города Осака, Кобе и Нагоя. К 19 марта эти налеты прекратились, потому что у американцев истощился запас зажигательных бомб: за 10 дней они сбросили почти 10 тыс. тонн зажигательных бомб.

Вскоре опустошительные налеты возобновились, причем в увеличенных масштабах (в июле было сброшено в три раза больше бомб, чем в марте). Кроме того, самолеты сбросили тысячи авиационных мин, чтобы блокировать японское каботажное судоходство. Тоннаж потопленных судов превысил 1,25 млн тонн, и каботажное судоходство почти прекратилось. Противодействие со стороны японской авиации было незначительным.

Последствия оказались потрясающими. Моральный дух гражданского населения резко упал после налета на Токио, где возникли огромные пожары, и снизился еще больше, когда американские самолеты стали сбрасывать листовки, в которых заранее указывались цели новых налетов. Из городов бежало свыше 8,5 млн жителей. В результате резко сократилось военное производство, и это произошло в тот момент, когда военная экономика Японии находилась почти на пределе своих возможностей. Производство нефтепродуктов сократилось на 83%, авиационных двигателей — на 75%, фюзеляжей самолетов — на 60%, радиоэлектронного оборудования — на 70%. В результате бомбардировок было уничтожено или серьезно повреждено свыше 600 крупных предприятий военной промышленности ¹⁴⁶.

Атомная бомба и капитуляция Японии. В последнем томе своих военных мемуаров Черчилль рассказывает, как 14 июля 1945 года, когда он находился на Потсдамской конференции вместе с президентом Трумэном и Сталиным, ему вручили листок бумаги с загадочным сообщением: «Дети родились благополучно». Военный министр США Стимсон объяснил его значение. Речь шла о том, что проведенное накануне испытание атомной бомбы прошло успешно. «Президент пригласил меня переговорить с ним немедленно. Вместе с ним были генерал Макартур и адмирал Леги».

Рассказ Черчилля о том, что произошло дальше, имеет настолько важное значение, что его основная часть заслуживает дословного цитирования:

«Внезапно перед нами открылись возможность милосердного прекращения войны на Востоке и гораздо более отрадные перспективы в Европе. Я не сомневался, что такие же мысли рождались и в голове у моих американских друзей. Во всяком случае, не возникало даже вопроса о том, следует ли применить атомную бомбу. Возможность предотвратить гигантскую затяжную бойню, закончить войну, даровать всем мир, залечить раны измученных народов, продемонстрировав подавляющую мощь ценой нескольких взрывов, — все это после наших трудов и опасностей казалось чудом избавления.

Принципиальное согласие англичан использовать это оружие было дано 4 июля, до того как состоялось испытание. Окончательное решение теперь должен был принять президент Трумэн, в руках которого находилось это оружие. Но я ни минуты не сомневался, каким будет это решение, и с тех пор я никогда не сомневался, что он был прав. Исторический факт таков — и о нем следует судить в исторической перспективе, — что решение

об использовании атомной бомбы для того, чтобы вынудить Японию капитулировать, никогда даже не ставилось под сомнение. Между нами было единодушие, автоматическое, безусловное согласие, и я также никогда не слыхал ни малейшего возражения, что нам следовало бы поступить иначе»¹⁴⁷.

Однако позже Черчилль сам выражает сомнение в правильности решения применить атомную бомбу, когда говорит:

«Было бы неправильно полагать, что атомная бомба решила судьбу Японии. Поражение было предreshено еще до того, как упала первая бомба, и оно было обеспечено подавляющей морской мощью. Одна эта мощь дала возможность захватить океанские базы, с которых можно было повести окончательное наступление и вынудить японскую армию, находившуюся на территории собственно Японии, капитулировать, даже не нанося удара. Торговый флот Японии был уничтожен»¹⁴⁸.

Черчилль упоминает также, что в Потсдаме, за три недели до того, как была сброшена атомная бомба, Сталин рассказал ему в частной беседе о послании японского посла в Москве, в котором выражалось стремление Японии к миру. Далее Черчилль добавляет, что, передавая эту новость президенту Трумэну, он предложил несколько смягчить выдвигаемое союзниками требование «безоговорочной капитуляции», чтобы облегчить японцам путь к капитуляции.

Попытки заключить мир японцы начали предпринимать гораздо раньше, и американские власти были осведомлены о них лучше, чем указывал Черчилль или, возможно, чем ему было известно. Накануне Рождества 1944 года американская разведка в Вашингтоне получила сообщение от хорошо информированного агента в Японии о том, что там начинает выступать на арену и завоевывать поддержку партия, стремящаяся к миру. Агент предсказал, что правительство генерала Койсо, сменившее в июле правительство Тодзио, которое свергло Японию в войну, будет вскоре, в свою очередь, смещено правительством во главе с адмиралом Судзуки. Новое правительство будет стремиться к миру и начнет переговоры при поддержке императора. Это предсказание сбылось в апреле.

1 апреля американцы высадились на Окинаве, одном из островов архипелага Рюкю, находящемся на полпути между Формозой и Японией. Вызванное этой новостью потрясение, а также уведомление русских о прекращении действия пакта о нейтралитете с Японией ускорили падение кабинета Койсо, и премьер-министром стал Судзуки.

Руководители партии мира теперь представляли большинство в правительстве, но они не знали еще, как действовать. Уже

в феврале по инициативе Хирохито были сделаны попытки уговорить Россию «как нейтральную страну» выступить в качестве посредника в переговорах о мире между Японией и западными союзниками. Эти попытки предпринимались вначале через русского посла в Токио, а затем через японского посла в Москве. Сталин, информируя Гопкинса о том, что советские армии на Дальнем Востоке будут развернуты 8 августа для наступления против японцев в Маньчжурии, в ходе обсуждения этого вопроса дал понять, что «некоторые элементы в Японии» пытаются прорешать вопрос о мире.

Задолго до конца борьбы на Окинаве исход ее был ясен. Было также очевидно, что, как только остров будет захвачен, американцы получат возможность усилить бомбардировки собственно Японии: расположенные на острове аэродромы находились менее чем в 650 км от Японии, а это составляло всего лишь четверть расстояния до Японии от Марианских островов.

Безнадежность положения была очевидна для любого человека, разбирающегося в стратегии, и особенно для такого военно-морского специалиста, как Судзуки, антивоенные взгляды которого были общеизвестны, за что военные экстремисты угрожали его жизни еще в 1936 году. Однако Судзуки и его кабинет запутались в сложной проблеме. Хотя они и стремились к миру, но принятие выдвинутого союзниками требования «безоговорочной капитуляции» выглядело бы как предательство по отношению к действующей армии, которая была готова стоять насмерть. Армия по-прежнему держала в залоге жизни тысяч почти умирающих с голоду пленных из числа военного и гражданского персонала союзников, и она могла не подчиниться приказу о прекращении огня, если условия будут явно унижительными (и прежде всего, если в них будет включено какое-либо требование о смещении императора, который был в глазах японцев не только их монархом, но и лицом божественного происхождения).

Но именно сам император сделал попытку разрубить узел: 20 июня он пригласил на заседание шестерых членов высшего совета по руководству войной и заявил им: «Вы должны рассмотреть вопрос о прекращении войны как можно скорее». Все шесть членов совета были единодушны в этом вопросе, однако если премьер-министр, министр иностранных дел и военно-морской министр были готовы пойти на безоговорочную капитуляцию, то три других члена — военный министр и начальники штабов армии и флота — выступали за продолжение сопротивления до тех пор, пока Япония не добьется некоторого смягчения условий.

Президент Трумэн и большинство его главных советников, в особенности Стимсон и начальник штаба армии США генерал

Маршалл, были теперь в такой же мере полны решимости применить атомную бомбу для ускорения краха Японии, в какой Сталин был готов вступить в войну с Японией.

Некоторые лица высказывали больше сомнений, чем пишет об этом Черчилль. В их числе был начальник штаба президента Рузвельта, а затем президента Трумэна адмирал Леги, которому претила мысль о применении подобного оружия против гражданского населения. Он заявил:

«Я лично считаю, что, применив его первыми, мы тем самым примем этический стандарт, характерный для варваров средневековья. Меня не учили вести войну подобным образом, и войну нельзя выиграть, уничтожая женщин и детей». За год до этого Леги выразил Рузвельту протест против предложения применить бактериологическое оружие.

Среди самих ученых-атомщиков также не было единства мнений. Буш сыграл ведущую роль в том, чтобы добиться поддержки атомного оружия со стороны Рузвельта и Стимсона. Сторонником атомного оружия был также личный советник Черчилля по научным вопросам лорд Черуэлл (известный раньше как профессор Линдеманн). Не удивительно поэтому, что комиссия, назначенная Стимсоном весной 1945 года под председательством Буша для рассмотрения вопроса о применении атомной бомбы против Японии, настоятельно рекомендовала применить бомбу как можно скорее, без предварительного предупреждения о ее мощи. Как объяснил впоследствии Стимсон, комиссия опасалась, что бомба окажется недостаточно эффективной.

Другая группа ученых-атомщиков во главе с профессором Франком представила Стимсону несколько позже, в конце июня, доклад с иными выводами: «Военные преимущества и спасение жизни американцев, достигнутые путем внезапного применения атомных бомб, могут иметь меньше значения, чем волна ужаса и отвращения, которая распространится по остальным странам мира... Если Соединенные Штаты первыми обрушат на человечество это новое средство массового уничтожения, они потеряют поддержку мировой общественности, ускорят гонку вооружений и поставят под угрозу возможность достижения международного соглашения о контроле над таким оружием в будущем... Мы полагаем, что эти сообщения делают нецелесообразным применение ядерных бомб против Японии в ближайшее время».

Однако ученые, к мнению которых чаще прислушивались государственные деятели, имели больше шансов привлечь внимание к своей точке зрения, и их аргументы одержали верх при принятии решения. Этому способствовал и тот энтузиазм, который они уже пробудили в государственных деятелях относи-

тельно атомной бомбы как быстрого и легкого способа завершения войны. Для двух произведенных бомб военные советники предложили пять возможных целей. После изучения их перечня президент Трумэн и Стимсоном были выбраны два города — Хиросима и Нагасаки, поскольку в них наличие военных объектов сочеталось с «домами и другими строениями, наиболее подверженными ущербу».

6 августа американцы сбросили на Хиросиму первую атомную бомбу, которая разрушила большую часть города и уничтожила около 80 тыс. человек (четверть его населения). Через три дня на Нагасаки была сброшена вторая бомба. Президент Трумэн получил сообщение об атомной бомбардировке Хиросимы, когда возвращался по морю с Потсдамской конференции. Как рассказывали очевидцы, он с ликованием воскликнул: «Это величайшее дело в истории!»

Однако атомная бомбардировка оказала намного меньшее влияние на японское правительство, чем считали в то время на Западе. Она не отвечала позиции тех трех членов «совета шести», которые выступали против безоговорочной капитуляции. Они по-прежнему требовали сначала получить некоторые гарантии относительно будущего, в особенности в отношении сохранения «суверенного положения императора». Что касается японского народа, то он узнал о случившемся в Хиросиме и Нагасаки лишь после войны.

Объявление Россией войны Японии 8 августа и незамедлительное продвижение русских войск в Маньчжурию, начавшееся на следующий же день, ускорили окончание войны почти в такой же мере, однако авторитет императора оказал в этом отношении еще большее воздействие. На заседании внутреннего кабинета, состоявшемся 9 августа в присутствии императора, он настолько явно указал на безнадежность положения и настолько энергично высказался в пользу немедленного заключения мира, что три члена кабинета, находившихся в оппозиции, проявили уступчивость и согласились на проведение заседания совета старейшин, где император мог лично принять окончательное решение. Между тем правительство объявило по радио о своей готовности капитулировать при условии, если будет уважаться верховная власть императора. Этот вопрос в Потсдамской декларации союзников от 26 июля зловеще замалчивался. После коротких консультаций президент Трумэн принял это условие, что заметно смягчило «безоговорочную капитуляцию».

Однако даже после этого участники заседания совета старейшин, состоявшегося 14 августа, не смогли прийти к общему мнению. Император положил конец спорам, решительно заявив:

«Если больше никто не желает выступить, мы выразим наше собственное мнение. Мы требуем, чтобы вы согласились с ним. Мы видим только один путь к спасению Японии. Именно поэтому мы приняли решение — вытерпеть то, что невозможно вытерпеть, и выстрадать то, что невозможно выстрадать». После этого о капитуляции Японии было объявлено по радио.

Для достижения этого результата не было действительной необходимости применять атомную бомбу. В условиях, когда было потоплено или выведено из строя девять десятых торгового флота Японии, нанесен невосполнимый ущерб ее авиации и флоту, разрушена промышленность, а запасы продовольствия, необходимые для поддержания жизни японского народа, быстро таяли, крах Японии стал неминуем.

В отчете о результатах стратегических бомбардировок ВВС США, где особо подчеркивалось это положение, говорилось также: «Промежуток времени между утратой военной мощи и неизбежным решением политической власти о капитуляции мог бы быть короче, если бы политическая структура Японии позволяла более быстро и решительно формулировать государственную политику. Тем не менее представляется ясным, что даже без атомных бомбардировок превосходство в воздухе могло создать давление, достаточное для того, чтобы обеспечить безоговорочную капитуляцию и избежать необходимости вторжения». Главкомандующий американскими военно-морскими силами адмирал Кинг говорил, что одна только морская блокада «заставила бы японцев сдаться в результате истощения» (из-за нехватки нефти, риса и других важных материальных средств), «если бы мы захотели ждать».

Мнение адмирала Леги было еще более категоричным: «Применение этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки не принесло никакой существенной пользы в нашей войне против Японии. Японцы уже были разгромлены и готовы капитулировать в результате эффективной морской блокады и успешных бомбардировок с применением обычного оружия».

Почему же атомную бомбу все-таки применили? Были ли для этого какие-нибудь побудительные мотивы, помимо инстинктивного желания как можно скорее прекратить человеческие жертвы со стороны Америки и Англии? Можно отметить две причины. Об одной из них пишет сам Черчилль в том месте мемуаров, где рассказывает о своем совещании с президентом Трумэном 18 июля, после того как было получено сообщение об успешном испытании атомной бомбы, и о мыслях, которые немедленно пришли ему в голову в связи с этим. В числе этих мыслей была следующая:

«...нам не нужны будут русские. Окончание войны с Японией больше не зависело от участия многочисленных армий... Через несколько дней я сообщил Идену: „Совершенно ясно, что Соединенные Штаты в настоящее время не желают участия русских в войне против Японии“»¹⁴⁹.

Вторая причина поспешного применения атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки была раскрыта адмиралом Леги: «Ученые и другие лица хотели провести это испытание, потому что на создание атомной бомбы были затрачены огромные денежные суммы» (2 млрд долларов). Один из высших офицеров, связанных с проектом атомной бомбы, известной под кодовым названием «Манхэттен Дистрикт», сформулировал еще яснее:

«Бомба просто обязана была иметь успех — так много денег было израсходовано на нее. Если бы она не сработала, то как бы мы объяснили все эти громадные затраты? Подумайте только, какой шум подняла бы общественность!.. Когда подошли сроки окончания работы, некоторые лица в Вашингтоне пытались убедить начальника проекта „Манхэттен“ генерала Гроувза выйти их игры, пока не поздно, потому что, если нас постигнет неудача, на него посыплются все шишки. Чувство облегчения, которое испытал каждый, связанный с созданием бомбы, после того как ее изготовили и сбросили, было огромным».

Однако теперь, поколение спустя, слишком ясно, что поспешное применение атомной бомбы не принесло чувства облегчения остальной части человечества.

2 сентября 1945 года представители Японии подписали акт о капитуляции на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе. Так закончилась Вторая Мировая война, через шесть лет и один день после того, как Гитлер начал ее нападением на Польшу, и через четыре месяца после капитуляции Германии. В Токийском заливе состоялась официальная церемония, которая документально закрепила торжество победителей. Действительный конец войны наступил 14 августа, когда император объявил о капитуляции Японии на условиях союзников. Боевые действия прекратились через неделю после того, как была сброшена первая атомная бомба. Однако даже этот ужасный удар, в результате которого город Хиросима был стерт с лица земли и была продемонстрирована непреодолимая мощь нового оружия, только лишь ускорил момент капитуляции. Капитуляция уже стала неизбежной, и не было никакой действительной необходимости применять такое оружие, под мрачной тенью которого мир продолжает жить до сих пор.

Важнейшие факторы и поворотные моменты. Катастрофический конфликт, закончившийся тем, что для России открылся путь в сердце Европы, Черчилль совершенно справедливо назвал «ненужной войной». Стремясь избежать этого конфликта и в то же время обуздать Гитлера, Англия и Франция, однако, проводили политику, свидетельствующую о непонимании ими стратегических факторов. Вступив в войну в самый неблагоприятный для них момент и постепенно ускоряя приближение катастрофы, имеющей далеко идущие последствия, Англия и Франция уцелели лишь чудом, а в действительности только потому, что Гитлер допустил такие же ошибки, какие уже не раз допускались агрессивными диктаторскими режимами.

Важная предвоенная фаза. В ретроспективе совершенно очевидно, что первым, фатальным для обеих сторон шагом явилось вторжение Германии в Рейнскую область в 1936 году. Гитлеру этот шаг дал двойное стратегическое преимущество: ему удалось прикрыть важный промышленный район в Руре и создать плацдарм для вторжения во Францию¹⁵⁰.

Почему же этому никто не помешал? Прежде всего потому, что Франция и Англия стремились избежать вооруженного конфликта, который мог бы перерасти в войну. Отказ от решительных действий объяснялся также и тем, что захват Германией Рейнской области оказался лишь мерой,

пусть и незаконной, направленной на устранение несправедливости. В Англии, в частности, этот шаг рассматривали в большей степени как политическую, а не как военную акцию. Такая оценка свидетельствовала о непонимании стратегических последствий шага, предпринятого Германией.

Своими действиями в 1938 году Гитлер извлек новое стратегическое преимущество из политических факторов, используя стремление народов Германии и Австрии к объединению, возмущение, охватившее Германию в связи с притеснениями судетских немцев в Чехословакии, и широко распространенное в странах Запада мнение о том, что Германия в какой-то мере справедливо поступила в обоих случаях (и в отношении Австрии, и в отношении Чехословакии).

Однако вторжение Гитлера в Австрию оставило безо всякой защиты южный фланг Чехословакии, служившей препятствием для Гитлера в осуществлении планов экспансии на Восток. Угрожая войной (результатом этих угроз явилось Мюнхенское соглашение), Гитлер добился не только возвращения Судетской области, но и стратегической изоляции Чехословакии.

В марте 1939 года Германия оккупировала остаток территории Чехословакии и, таким образом, вышла во фланг Польше. Это был последний «бескровный» маневр. За этим последовал катастрофически поспешный шаг со стороны англичан — неожиданное предоставление гарантий Польше и Румынии, находившихся в стратегической изоляции. Это произошло без предварительного одобрения со стороны России — единственной державы, которая могла эффективно поддержать их.

Если учесть время предоставления этих гарантий, становится ясно, что они наверняка сыграли провоцирующую роль. Мы теперь знаем, что, до тех пор пока ему не был брошен вызов, Гитлер не намеревался нападать на Польшу. Поскольку гарантии касались стран, к которым вооруженные силы Англии и Франции не имели прямого доступа, это послужило лишь стимулом для агрессора. Таким образом, когда они уступали по силам своему потенциальному противнику, западные державы в корне подорвали единственно возможную для них стратегию. Вместо того чтобы пресечь агрессию путем создания обороны против любого нападения на Западе, они предоставили Гитлеру возможность прорвать фронт в слабом звене и тем самым добиться триумфального успеха в самом начале конфликта.

Единственный шанс избежать войны теперь заключался в том, чтобы заручиться поддержкой России — единственной страны, которая могла оказать Польше непосредственную помощь и служить сдерживающей силой для Гитлера. Однако,

несмотря на тревожность обстановки, английское правительство проявило уклончивость и неискренность. Помимо колебаний англичан пагубную роль сыграли также возражения правительства Польши и других малых стран против помощи со стороны России из-за опасений, что ввод русских войск будет означать фактически вторжение на их территории.

Совсем по-иному в новой обстановке, сложившейся в результате предоставления Англией гарантий Польше, действовал Гитлер. Решительное заявление англичан и принятые ими меры по ускоренному вооружению потрясли Гитлера, но дали совершенно неожиданный для западных держав эффект. Решение, принятое Гитлером, основывалось на анализе исторически сложившихся национальных черт характера англичан. Считая их людьми хладнокровными и рационально мыслящими, умеющими контролировать свои чувства, Гитлер пришел к выводу, что англичане не вступят в войну на стороне Польши, не заручившись поддержкой России.

Англичане, взяв обязательство поддержать Польшу, считали, что не смогут остаться в стороне без ущерба для своей чести и не рискуя открыть Гитлеру путь к более широкой экспансии. Гитлер же не захотел отступить от своих притязаний на Польшу, даже осознав, что вторжение в эту страну будет означать начало войны.

Таким образом, европейская цивилизация вступила в мрачный период истории, длившийся шесть изнуряющих лет. И даже светлый луч победы оказался иллюзорным.

Первая фаза войны. В пятницу 1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись в Польшу. В воскресенье 3 сентября английское правительство, выполняя ранее данные Польше гарантии, объявило войну Германии. Шесть часов спустя его примеру, правда не так охотно, последовало правительство Франции.

Меньше чем через месяц Польша оказалась поверженной. За девять месяцев война охватила большую часть территории Западной Европы.

Могла ли Польша продержаться дольше? Могли ли Англия и Франция сделать больше, чем сделали, чтобы ослабить давление Германии на Польшу? Если исходить из соотношения сил сторон, то ответ на оба вопроса, на первый взгляд, следовало бы дать положительный.

В 1939 году немецкая армия была далеко не готова к войне. Поляки и французы вместе имели около 150 дивизий, в том числе 35 резервных (из этого числа французы вынуждены были держать часть сил на своих заморских территориях). Германия имела 98 дивизий, в том числе 36 слабо обученных. Из 40 дивизий, оставленных для обороны западных границ, только

4 были полностью укомплектованы, обучены и оснащены¹⁵¹. Франция могла оказать помощь Польше только активными наступательными действиями, но к этому французская армия не была готова. Устаревший мобилизационный план Франции не позволял быстро развернуть силы страны. Возможность ведения наступательных действий зависела от наличия тяжелой артиллерии, которую сформировали в достаточном для этого количестве лишь на шестнадцатый день войны. К этому времени сопротивление польской армии уже почти было сломлено.

Польша испытывала огромные трудности из-за своего стратегического положения. Страна оказалась как бы языком, зажатым между челюстями Германии. Стратегия польского военного командования лишь усугубила дело, поскольку основные силы поляков были расположены на самом кончике этого языка. Кроме того, вооружение армии и военно-теоретические взгляды, отводившие главную роль совершенно беспомощной перед лицом немецких танков кавалерии, явно устарели.

Немцы в то время имели только шесть готовых к бою танковых и механизированных дивизий. Однако благодаря энтузиазму Гудериана, пользовавшегося поддержкой Гитлера, Германия по сравнению с другими странами ушла далеко вперед в разработке принципов ведения маневренной войны, родоначальниками которых в 20-е годы явились англичане. К тому же Германия обладала самой сильной военной авиацией по сравнению со всеми другими странами, в то время как Польша да и Франция испытывали недостаток в самолетах даже для поддержки действий сухопутных войск.

Таким образом, на примере Польши мир стал свидетелем первой триумфальной демонстрации блицкрига. А в это время западные союзники Польши готовились вести войну по устаревшим канонам.

После быстрого захвата Германией Польши наступило затишье, длившееся шесть месяцев. Те, кого ввело в заблуждение поверхностное впечатление от событий этого времени, называли этот период «странная война», хотя правильнее было бы назвать его «зима иллюзий». Ведь руководители и общественность западных держав без устали строили радужные планы нанесения ударов по флангам Германии и... слишком открыто говорили об этом.

В действительности же у Франции и Англии не было шансов развернуть силы, необходимые для победы над Германией. Теперь, когда между Германией и Россией пролегла общая граница, Англия и Франция видели единственную надежду в возникновении трений между этими государствами, не доверявшими друг другу, и в том, что Гитлер направит свои агрессивные усилия на Восток, а не на Запад. Это и произошло год спустя и могло бы произойти раньше, не прояви западные союзники нетерпения.

Громогласные и угрожающие разглагольствования в лагере союзников о нанесении ударов по флангам Германии вынудили Гитлера принять упреждающие меры. Первым его ударом явилась оккупация Норвегии. Захваченные немецкие документы свидетельствуют, что до начала 1940 года Гитлер считал «сохранение нейтралитета Норвегии наилучшим вариантов» для Германии, однако в феврале пришел к выводу, что «англичане намерены высадиться в этой стране и необходимо упредить их». Небольшие немецкие силы вторжения высадились в Норвегии 9 апреля, опрокинув планы англичан установить контроль над этим нейтральным районом. Пока внимание норвежцев было приковано к английским кораблям, вошедшим в норвежские воды, немцы захватили основные порты страны.

Следующий удар Гитлер нанес 10 мая против Франции, Бельгии и Голландии. Подготовка к нанесению этого удара началась еще осенью предшествующего года, когда союзники отвергли мирное предложение Германии после разгрома Польши. Гитлер считал, что сокрушительный удар по Франции даст лучшие шансы склонить англичан к миру. Из-за неблагоприятных метеорологических условий и возражений командования вермахта Гитлеру начиная с ноября приходилось несколько раз откладывать начало наступательных операций. Так, например, 10 января самолет, на борту которого находился немецкий штабной офицер с документами, касавшимися плана наступления, вместо Бонна приземлился в Бельгии. Инцидент привел к отсрочке наступления на Западе до мая и коренной переработке плана. Такое развитие событий оказалось весьма неблагоприятным для союзников и принесло временную удачу Гитлеру. Результатом явилось резкое изменение хода войны.

Первоначальный план, предусматривавший нанесение главного удара через центральные районы Бельгии, неизбежно привел бы к столкновению немецких войск с лучшими англо-французскими силами и, вероятно, закончился бы провалом для немцев. Новый план, предложенный Мантейфелем, оказался полной неожиданностью для союзников, и они сразу попали в тяжелое положение. Пока союзники сосредоточивали силы для отражения удара в Бельгии и Голландии, семь немецких танковых дивизий стремительно прорвались через Арденны, где союзное командование считало невозможным использование танков. Не встретив сопротивления, немцы переправились через Маас и двинулись на запад, к побережью Ла-Манша, по тылам союзных армий в Бельгии. Это решило исход сражения даже раньше, чем в бой были введены основные силы немецкой пехоты. Английской армии едва-едва удалось эвакуироваться из Дюнкерка. Бельгийская

армия и большая часть французских войск вынуждены были капитулировать. Когда неделю спустя после эвакуации англичан из Дюнкерка немцы нанесли удар в южном направлении, французские войска оказались неспособными оказать им сопротивление.

А ведь можно было легко избежать катастрофы, потрясшей весь мир! Немецкие танки задолго до того, как они вышли к Ла-Маншу, можно было остановить путем нанесения контрудара силами бронетанковых соединений. Однако французы, располагая большим количеством танков, чем противник (да и качество их танков было выше), придерживались устаревших взглядов на использование этих грозных боевых машин.

Продвижение немецких войск можно было остановить на рубеже р. Маас, если бы французы не направили свои силы в Бельгию или сумели быстрее перебросить резервы для обороны своих границ. Французское командование, считая Арденны непроходимым для танков участком местности, полагало также, что для подготовки форсирования р. Маас немцам потребуется по меньшей мере неделя, в течение которой можно будет подтянуть резервы французской армии в этот район. Немецкие же танки, выйдя к р. Маас утром 13 мая, во второй половине дня форсировали реку. Новые военно-теоретические взгляды одержали верх над устаревшими представлениями о характере боевых действий.

И все же блицкриг оказался возможным не только потому, что командование армий союзников не осознало значения этого нового способа ведения боевых действий и не приняло надлежащих контрмер. Продвижение немецких войск могло быть остановлено до их выхода к р. Маас, если бы подступы к этой реке прикрывались минными полями. А если бы не хватило мин, немецкие танки можно было остановить, создав завалы на лесных дорогах, ведущих к р. Маас. Потеря времени на расчистку таких завалов могла бы оказаться пагубной для немцев.

После падения Франции широко распространилось мнение, будто поражение французских войск произошло вследствие их низкого морального духа. Это неправильное утверждение, попытка поставить повозку впереди лошади. Моральный дух французских войск упал после поражения, которого можно было избежать. К 1942 году все союзные армии научились противодействовать молниеносным ударам, но можно было избежать многих потерь, если бы союзные армии научились этому до войны.

Вторая фаза войны. Англия теперь осталась естественным активным противником нацистской Германии. Однако дело было не только в этом. Положение Англии становилось крайне опасным, так как ее территорию угрожающе охватывала растянувшаяся на 3 тыс. км территория, контролируемая противником.

Английская армия сумела избежать уничтожения и эвакуироваться из Дюнкерка лишь благодаря странному приказу Гитлера, который остановил на два дня продвижение танковых соединений в тот момент, когда они находились всего в 15 км от единственного оставшегося в распоряжении англичан порта, практически беззащитного. Приказ Гитлера был вызван целым рядом соображений, и в том числе стремлением Геринга предоставить право последнего сокрушительного удара немецкой авиации.

Хотя большей части английской армии удалось эвакуироваться, все вооружение практически пришлось бросить, 16 эвакуированных дивизий переукомплектовывались, и для обороны страны осталась всего одна бронетанковая дивизия, а флот находился в северных базах — подальше от района действий авиации. Если бы немцы высадились в Англии в течение месяца после падения Франции, то англичане вряд ли могли бы серьезно воспрепятствовать им в этом.

Однако Гитлер и командующие видами вооруженных сил не вели никакой подготовки к вторжению в Англию и не разработали даже планов развития успеха действий во Франции. Гитлер надеялся, что Англия согласится заключить мир. Даже когда стала очевидной беспочвенность этих надежд, немецкие приготовления в этом направлении развивались очень слабо. Когда же немецкой авиации не удалось одержать верх над английскими ВВС в битве за Лондон, командование сухопутных войск и командование ВМС Германии были даже рады поводу отложить вторжение. Особенно примечательно, что Гитлер с готовностью выслушивал и принимал аргументы в пользу отсрочки вторжения.

Записи личных бесед фюрера свидетельствуют, что это частично объяснялось нежеланием Гитлера довести дело до уничтожения Англии и Британской империи, которую он считал стабилизирующей силой в мире и надеялся заполучить ее в качестве партнера. Однако важнее другое обстоятельство. В своих мыслях Гитлер вновь и вновь обращался на Восток, и это сыграло решающую роль в сохранении Англии.

Разработка соответствующих планов велась давно, хотя определенное решение Гитлер принял лишь в начале 1941 года. Немецкие армии вторглись в Россию 22 июня (напомним, что Наполеон начал свое нашествие 23 июня), однако советской столицы они так никогда и не достигли.

Зима в России создала огромное напряжение для немецких войск и истощила их силы настолько, что они так больше и не оправались. И все же в 1942 году у Гитлера еще были значительные шансы на победу. Новое наступление позволило немцам выйти к кавказским нефтеносным районам, от возможности ис-

пользования которых зависела вся военная машина России. Гитлер, однако, поставил перед войсками сразу две цели — Кавказ и Сталинград. Когда продвижение на Кавказе было остановлено, фюрер измотал свои войска в упорных атаках по овладению «городом Сталина», в атаках, проводившихся из чистого самолюбия. Зимой Гитлер объявил приказ, запрещавший отводить войска с занимаемых позиций. Этот приказ обрек армии, наступавшие на Сталинград, на окружение и разгром свежими силами русских, которые были подтянуты сюда в конце года.

Катастрофа под Сталинградом вынудила немцев вести боевые действия на таком широком фронте, который им уже оказался не под силу. Спасти положение мог лишь отвод войск. Этого требовали командующие на местах, однако Гитлер упорно отказывался разрешить отход. «Никакого отхода!» — твердил он как попугай, но эти заклинания не могли остановить натиск русских. В результате отход стал неизбежным вследствие поражения на фронтах, но он стоил теперь гораздо больших потерь, поскольку предпринимался с опозданием.

Гитлеровские войска все больше страдали от последствий стратегического перенапряжения, которое, как известно, привело к поражению и Наполеона. Это перенапряжение ощущалось все сильнее еще и потому, что в 1940 году начались боевые действия в Средиземноморье. Стремясь воспользоваться падением Франции и слабостью Англии, в войну вступила Италия. У англичан появилась возможность нанести контрудар в районе, где можно было максимально использовать силы флота. Черчилль не преминул воспользоваться этой возможностью, но в какой-то мере поторопился. Английские механизированные силы, хотя и небольшие по численности, быстро разгромили итальянские армии в Северной Африке и даже захватили итальянские владения в Восточной Африке. Англичане могли бы выйти к Триполи, но наступление было приостановлено, чтобы использовать эти силы для вторжения в Грецию. Это был поспешный и плохо подготовленный шаг, и немцы легко парировали удар. Однако поражение итальянских войск в Северной Африке вынудило Гитлера направить туда немецкие войска под командованием Роммеля. Учитывая планируемое вторжение в Россию, фюрер направил в Африку силы, способные лишь поддерживать итальянцев, но не ставил задачи овладеть Суэцем, островом Мальта и Гибралтаром.

Отправка войск в Африку явилась лишь новым отвлечением сил, которое не компенсировалось успехом контрнаступления войск Роммеля, затянувшим освобождение Северной Африки союзными войсками на два года. Теперь немцам нужно было

прикрывать все побережье Западной Европы и, кроме того, пытаться удержать огромный фронт в глубинах России.

Естественные последствия такого перенапряжения сил Германии сказались не сразу. Война продолжалась. В декабре 1941 года военные действия начала Япония, нанеся внезапный удар по Перл-Харбору. Американскому Тихоокеанскому флоту был причинен тяжелый урон, что позволило японцам захватить позиции союзников в юго-западной части тихого океана — Малайю, Бирму, Филиппины и Голландскую Восточную Индию. Однако в своем стремительном наступлении японцы перенапрягли силы и оказались неспособными удержать захваченные территории, так как Япония была небольшим островным государством с ограниченным промышленным потенциалом.

Третья фаза войны. Когда развернула всю свою мощь Америка, а Россия выстояла и тоже развернула свои силы, поражение Германии, Италии и Японии стало неизбежным, так как военный потенциал стран оси был значительно выше военного потенциала союзников. Неизвестно лишь было, как скоро наступит это поражение и насколько полным окажется. Агрессорам, уже перешедшим к обороне, оставалось лишь надеяться на менее жесткие условия мира и стараться затянуть войну в расчете, что союзники устанут воевать или начнут ссориться между собой. Однако, чтобы удлинить сроки войны, предстояло сократить протяженность фронтов. Ни один из руководителей стран оси не хотел подорвать свой авторитет, отдав приказ об отводе войск, и поэтому позиции удерживались до полного разгрома.

На третьем этапе войны не было настоящего поворотного момента. Он характеризуется безостановочным наступлением союзников. Это наступление наиболее стремительно развивалось в России и на Тихом океане. В этих районах возрастающее превосходство в силах сочеталось с достаточным пространством для маневра. В южных и западных районах Европы союзники встречали более сильное сопротивление, поскольку пространство для маневра здесь было ограничено.

Первый шаг англо-американских войск по возвращении на Европейский континент в июле 1943 года оказался легким, поскольку Гитлер и Муссолини перебросили значительные силы в Тунис в надежде держать там плацдармы и отразить одновременное наступление союзных армий из Египта и Алжира. Тунис оказался ловушкой. Уничтожение немецко-итальянских армий привело к тому, что Сицилия осталась практически беззащитной. Когда же союзники вторглись в Италию из Сицилии, их продвижение на север по этому гористому и узкому полуострову не отличалось высокими темпами.

6 июня главные силы союзных армий, сосредоточенные в Англии для проведения морской десантной операции через Ла-Манш, высадились в Нормандии. Успех зависел от того, сумеют ли высадившиеся войска закрепиться и создать достаточный плацдарм для наращивания сил, чтобы прорвать оборону противника.

После выхода с плацдарма перед союзниками открылась вся территория Франции. Их механизированным соединениям противостояла фактически только немецкая пехота.

Таким образом, оборона немецких войск была обречена. Оставалась надежда — в первые же дни сбросить союзников в море, однако танковые соединения из резерва немецкого верховного командования прибыли слишком поздно. Заслуга в этом принадлежит и союзной авиации, обладавшей на этом театре войны тридцатикратным превосходством в силах над немецкой авиацией.

Даже если бы немцам удалось отразить вторжение, превосходство союзников в воздухе было настолько велико, что Германия не выдержала бы ударов союзной авиации. До 1944 года стратегическое авиационное наступление не давало ожидаемых результатов как альтернатива действиям сухопутных войск, да и успехи авиации сильно преувеличивались. Безрассудные бомбардировки городов не сократили существенно уровень промышленного производства Германии и не подорвали, как ожидалось, воли народа к сопротивлению. В Германии и Италии господствовали тоталитарные режимы, и народы этих стран не сложили бы оружие перед самолетами, кружившими в небе. Однако в 1944–1945 годах военно-воздушные силы союзников использовались гораздо эффективнее, нанося сокрушительные удары по жизненно важным центрам немецкой военной промышленности и тем самым подрывая способность противника к сопротивлению. На Дальнем Востоке превосходство союзников в воздухе также обрекло Японию на поражение, которое стало неизбежным, даже если бы не была применена атомная бомба.

Главным препятствием на пути союзников, после того как произошел коренной перелом в ходе войны, была недалекость их руководителей, выдвинувших требование о безоговорочной капитуляции. Это позволило Гитлеру и военным руководителям Японии удержать контроль над народами своих стран. Если бы руководители союзных стран выдвинули разумные требования, то конец власти Гитлера над народом Германии наступил бы гораздо раньше, чем в 1945 году.

Таким образом, «ненужная война» была без всякой необходимости затянута, были принесены в жертву дополнительно многие миллионы жителей, а достигнутый мир лишь породил новую опасность, угрозу новой войны.

Комментарии

¹ В марте 1939 года английское правительство заявило, что оно окажет Польше в случае нападения на нее Германии *«всю поддержку, которая в его силах»*. Позднее аналогичные гарантии были выданы Румынии, Греции и Турции. Шестого апреля односторонние английские гарантии Польше были заменены предварительным двусторонним соглашением о взаимной помощи между Англией и Польшей. В дальнейшем англо-польский союз был оформлен в виде соглашения о взаимной помощи и секретного протокола, подписанных в Лондоне 25 августа. Аналогичное соглашение между Францией и Польшей было подписано 4 сентября 1939 года (*здесь и далее сноски научн. ред.*).

² W. Churchill. The Second World War. Vol. I, pp. 311—312. — *Прим. авт.*

³ В это время Жорж занимал должность заместителя главнокомандующего сухопутными войсками. Осведомленный о стремлении Англии максимально ограничить свою помощь Франции в случае нападения на нее Германии, он тогда сказал Черчиллю: *«У немцев очень сильная армия, и нам никогда не позволят нанести первый удар. Если они нападут, обе наши страны будут выполнять свой долг»*.

⁴ W. Churchill. The Second World War. Vol. I, p. 425. — *Прим. авт.*

⁵ W. Churchill. The Second World War. Vol. I, p. 39. — *Прим. авт.*

⁶ 5600 км. В дальнейшем в тексте все мили переведены в километры.

⁷ В составе групп армий «Север» и «Юг» на 01.09.1939 г. насчитывалось 53 дивизии. Всего же в польской кампании 1939 года приняли участие 62 дивизии, из них 7 танковых, 4 моторизованные и 4 легкие. Им противостояли 39 польских пехотных дивизий, 11 кавалерийских бригад, 2 моторизованные и 2 горнострелковые бригады.

⁸ Шестнадцатого сентября польское правительство бежало в Румынию. Уже 17 сентября 1939 советское правительство приняло решение

перейти польскую границу и занять согласованные с германским руководством территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Как свидетельствуют записи начальника штаба ОКХ Гальдера, немецкие войска к тому времени в нескольких местах уже перешли оговоренную линию и находились восточнее нее (в том числе в районе Львова, который был захвачен 20 сентября). После соответствующих дипломатических маневров Львов был оставлен немецкими войсками, и 24 занят Красной армией. «*День позора политического руководства*», — так комментирует Гальдер указанные события. Советская сторона отрицала сам факт захвата немцами Львова.

⁹ Немецкие потери в кампании составили 8082 человека убитыми, 27278 ранеными и 5029 пропавшими без вести. Было уничтожено 217 танков, из них 89 танков Т-I, 83 танка Т-II, 26 танков Т-III, 19 танков Т-IV. (С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы, Русич: 1998, стр. 87). По данным К. Типпельскирха, потери выше: 10 600 убитыми, 30 300 ранеными и 3400 пропавшими без вести (К. Типпельскирх. История 2-й Мировой войны, стр. 28).

Потери поляков значительно более существенны: 66300 убитыми, 133 700 ранеными. Около 420 тыс. попавшими в плен. (Там же.)

¹⁰ События показали, что опасения Гитлера были напрасными. Моральный дух французов пал за семь месяцев войны еще в большей степени, чем у немцев. Союзная пропаганда не была эффективной: слишком много говорили о поражении Германии и слишком малые усилия прилагались к тому, чтобы отличить обычного немца от нацистского лидера. — *Прим. авт.*

¹¹ Бельгийцы получили в свои руки десять частично сожженных листов. Один из них представлял собой инструкцию 1-му воздушному флоту для действий против Бельгии. Из другого было ясно, что готовится наступление 10 армейского корпуса на Голландию. По третьему можно было установить подготовку десанта 7-й воздушнодесантной дивизии для захвата на территории Бельгии мостов через Маас. В других документах 1-го воздушного флота указывалась зона действий его бомбардировщиков над территорией Бельгии (L. Vanwelkenhuysen. Die Kriese von Januar 1940. — «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1955, № 2, стр. 68).

Сопоставив полученные документы с уже имеющимися данными, бельгийцы пришли к выводу об их подлинности. Тем более что немецкий авиационный аташе генерал Веннингер немедленно стал требовать встречи с летчиками. Встреча состоялась 12 января в приемной казармы жандармерии. Первый вопрос к летчикам был зафиксирован безошибочно: «Документы уничтожены?» (Там же, стр. 72.)

Военный аташе в Берлине полковник Гоэтальс в 17 часов 13 января узнал от своего голландского коллеги, майора Саса, которому периодически сообщал секретные сведения начальник штаба адмирала Канариса полковник Остер, что Гитлер после посадки самолета у Мехелена в ярости отдал приказ о немедленном нападении на Бельгию. (Там же, стр. 76.)

Сообщение вызвало переполох. Бельгийские соединения получили приказ: «Начиная с данного момента вступлению французских и британских маршевых колонн не чинить никаких препятствий. Шлюзы на юге немедленно открыть». (Там же, стр. 78.)

¹² W. Churchill. The Second World War. Vol. I, p. 33. — *Прим. авт.*

¹³ Крайне спорное утверждение. Финнам предлагалась малозаселенная и фактически девственная территория в обмен на зону с развитой инфраструктурой. В зону обмена попадала и пресловутая «линия Маннергейма». Но финнов беспокоило не столько это, сколько база на полуострове Ханко — совместно с позицией на другом берегу полностью перекрывавшая залив.

¹⁴ Финская армия неоднократно могла взять Ленинград. Проще всего ей было сделать это в сентябре 1941 года: попытаться остановить наступление противника на Пулковские высоты, Г. Жуков снял с северного направления практически все. Первокласные финские дивизии, имея значительное превосходство в силах (установить точные цифры не представляется возможным, поскольку не известен процент укомплектованности соединений 23-й советской армии; речь идет, во всяком случае, о преимуществе «в разы»), останавливаются перед такой незначительной преградой, как река Сестра, притом наступление на Сестрорецк останавливается nasкоро сформированными рабочими батальонами, вооруженными винтовками!

Далее, в ноябре финны отказались принять участие в замыкании второго кольца блокады путем наступления через Свирь. Более того, сославшись на трудности с транспортом и снабжением, они не пропустили на этот участок фронта немецкие части, выделенные «для содействия финнам» штабом ОКХ.

В ходе блокады фронт по Карельскому перешейку был самым спокойным участком всего Восточного фронта, что породило анекдот: во всей Европе осталось только две невоюющие армии — королевская шведская и 23-я советская. По воспоминаниям солдат, финская сторона даже снабжала их продовольствием.

С другой стороны, условия, предъявленные в 1944 году разбитой вдребезги Финляндии, были очень умеренными. Страна сохранила независимость, территориальную целостность (отклонения от границы 1940 г. были незначительны), общественный строй. Никто из руководящих деятелей Финляндии не подвергался репрессиям, а в послевоенной советской литературе к ним относятся подчеркнуто уважительно.

Совокупность всех этих обстоятельств заставляет предположить существование некоего тайного договора между Финляндией и СССР, договора, который был заключен не позднее начала сентября 1941 года, отвечал интересам обоих государств и был ими скрупулезно исполнен.

Принимая решение о фактическом снятии войск с финского фронта, Г. Жуков об этом договоре несомненно знал.

¹⁵ W. Churchill. War Speeches. Vol. I, p. 169—170. — *Прим. авт.*

¹⁶ W. Churchill. The Second World War. Vol. I, p. 483. — *Прим. авт.*

¹⁷ W. Churchill. The Second World War. Vol. I, p. 489. — *Прим. авт.*

¹⁸ 20 января Черчилль в своем выступлении по радио говорил об успехах союзного военно-морского флота. Он привел цифры потерь нейтральных государств от немецких подводных лодок и доказывал безопас-

ность плавания в составе союзнических конвоев. Затем, кратко оценив обстановку, Черчилль спросил: «Но что бы произошло, если бы все нейтральные страны, о которых я говорил (и некоторые другие, о которых я не упоминал), объединились в едином порыве, чтобы выполнить свой долг согласно Уставу Лиги Наций, и выступили бы совместно с английской и французской империями против зла и агрессии?» (W. Churchill. War Speeches. Vol. I, p. 137). Это заявление вызвало настоящий переполох. В бельгийской, голландской, датской, норвежской и шведской печати были поспешно опубликованы заявления, отвергающие призыв Черчилля, а в Лондоне, отдавая дань эпохе умиротворения, объявили, что Черчилль всего лишь высказал личные взгляды. — *Прим. авт.*

¹⁹ К истории Нюрнбергского и Токийского процессов редакция надеется вернуться в издании «Правосудие от Генерального штаба».

²⁰ Были два эшелона десанта: первый, состоявший из тихоходных судов, замаскированных под грузовые пароходы, вышел в море заблаговременно. На судах первого эшелона располагалось тяжелое оборудование, снаряжение и продовольствие. Второй эшелон предназначался для захвата плацдармов. В состав шести групп входили два линейных крейсера («Шархорст» и «Гнейзенау»), осуществлявших прикрытие с моря, броненосец (карманный линкор) «Лютцов», 2 тяжелых крейсера, 4 крейсера, 14 эскадренных миноносцев, 8 миноносцев, артиллерийское судно, 14 торпедных катеров, 12 тральщиков и транспорта с десантом, численностью в 8850 человек. (Ф. Руге. Война на море 1939—1945, стр. 103—105.)

²¹ В состав 10-го авиационного корпуса, назначенного для обеспечения операции «Везербюнд», входило 500 боевых и 500 транспортных самолетов (История 2-й Мировой войны в 12 томах. Том 3, стр. 68).

²² При захвате Дании немцы потеряли 2 человека убитыми и 10 ранеными.

²³ 16 мая фон Рундштедт отдал приказ о 24-часовом перерыве в наступлении, чтобы пехота могла подтянуться и прикрыть фланги танковой группы Клейста. Затем поступило донесение Гудериана, в котором сообщалось, что тот намерен продолжать наступление. Позднее Гудериан утверждал, что после успехов 16 мая ему и в голову не приходило, что приказ об остановке все еще имеет силу. Начальство же увидело в этом нарушение субординации и передало строгий приказ остановиться. Гудериану также был отдан приказ ожидать прибытия Клейста в 7 часов утра следующего дня.

Прибыв на аэродром 19-го корпуса, Клейст тут же устроил Гудериану жесточайший разнос за неподчинение приказам. Началась яростная перепалка, которая закончилась тем, что Гудериан потребовал, чтобы его освободили от командования. Что Клейст и сделал. В тот же день в конфликт вмешался генерал-полковник Лист, командующий 12-й армией, который и уладил дело. (С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Русич: 1998, стр. 119, 120.)

²⁴ Соотношение сил сторон отражает следующая таблица (учтены силы в оперативном районе кампании — то есть в Северной Франции, Бельгии, Нидерландах. Для авиации — на территории Англии, Франции и Германии).

	Франция	Англия	Бельгия	Нидерланды	Всего у союзников	Германия
Личный состав (тыс. человек)	2440	395	600	350	3785	3300
Дивизий	104	13	22	10	149	136
Из них: танковых	3+1 (формируется)				3	10
механизированных	3				3	—
моторизованных	7	10			17	7
кавалерийских	5		2		7	1
Танков	2789	310			3099	2580
Боевых самолетов	1648	1837	186	120	3791	3824
Из них: истребителей	946	800	84		1730	1264
бомбардировщиков	219	544			763	1462

Из приведенной таблицы можно сделать вывод, что единственное преимущество Гитлера заключалось в структуре управления войсками. Прежде всего — в танковых дивизиях (соотношение 3 : 10). Кроме того, Люфтваффе имели значительное преимущество в бомбардировщиках (1 : 2). По истребителям немцы несколько проигрывали, однако стоит учесть, что лишь незначительное количество из британских истребителей были привлечены к операции.

²⁵ В «Истории 2-й Мировой войны» приводится цифра 85 десантников (том 3, стр. 92).

²⁶ W. Churchill. The Second World War. Vol. I, pp. 38—39. — *Прим. авт.*

²⁷ В предвидении той самой ситуации, которая создалась в 1940 году, в газете «Таймс» и других газетах с 1935 года не раз помещались статьи, призывавшие вместо отправки экспедиционных сил в составе пехотных дивизий (у Франции их было достаточно) выделить крупные силы авиации и отправить две-три танковые дивизии для нанесения контрудара в случае прорыва немецких войск во Францию. В конце 1937 года кабинет одобрил этот принцип, однако в 1939 году от него отказались в пользу создания экспедиционных сил. К маю 1940 года во Францию было отправлено 13 пехотных дивизий, которые, однако, не спасли положения. — *Прим. авт.*

(Очень интересный комментарий. Стоит напомнить, что с 1935 по 1939 год военным обозревателем «Таймс» был сам Лиддел Гарт).

²⁸ Согласно 12-томной Истории Второй Мировой войны, потери были более существенны — 6 английских и 7 французских эсминцев, а всего 261 судно (3 том, стр. 102).

²⁹ Стоит, однако, напомнить высказывание Черчилля: «войны не выигрываются эвакуациями». За время боев англичане потеряли уби-

тыми, пленными и пропавшими без вести 68 тыс. человек (17%), всю артиллерию (1350 орудий), более 63 тыс. автомашин, 500 тыс. тонн военного имущества и боеприпасов.

³⁰ Потери вермахта в кампании составили 27 074 чел. убитыми, 18 384 пропавшими без вести и 111 043 ранеными. Потери Франции значительно превосходят эти цифры: 84 тыс. убитыми, 1547 тыс. пленными.

³¹ Как ни печально признавать, у него на это были свои основания. Еще в начале июня 1940 заместитель министра иностранных дел Англии Р. Баттлер в беседе с послом Швеции в Англии Б. Прютцем заявил, что считает необходимым заключить мир и найти компромисс с Германией. Баттлер подчеркнул, что министр иностранных дел Галифакс разделяет его точку зрения.

³² Однако уже на 4 сентября было собрано 168 судов, 1910 паромов, 419 буксиров и 1600 катеров (К. Klee. Das Unternehmen «See-Howe», р. 113). Таким образом, к началу сентября немцы сосредоточили значительно большее количество судов, чем это требовало ОКМ.

³³ Как отмечается Д. М. Проэктором в книге «Агрессия и катастрофа», точное количество немецкой авиации установить весьма непросто. Общая численность ВВС составляла 2422 самолета (949 бомбардировщиков, 336 пикировщиков, 869 истребителей Me-109, 268 — Me-110). Однако большая часть из этих самолетов оказались неисправными. Исходя из анализа состава Люфтваффе, в августе немцы могли рассчитывать на 578 истребителей и 1100 бомбардировщиков. Королевские ВВС располагали 700 истребителями и 517 бомбардировщиками (учитываются лишь исправные машины).

Соотношение в истребителях было для немецкой стороны столь неблагоприятным, что Геринг, узнав на совещании высшего командования ВВС в Гравенеге в июле 1940 года о количестве имеющихся в строю самолетов, был потрясен и воскликнул: «И вот это мое воздушное оружие?» На требование командиров соединений принять меры к получению новых самолетов начальник штаба ОКВ Ешоннек лаконично ответил: «Больше у нас нет». (Д. Проэктор. «Агрессия и катастрофа», стр. 165 — 166.)

³⁴ Согласно Т. Веберу, потери Королевских ВВС в Французской кампании 1940 года составили 959 самолетов, в том числе 477 истребителей.

³⁵ Ежедневно генерал Пайл присылал мне схемы полетов в надежде, что я смогу найти к ним ключ. Однако я не смог ясно установить характер или цели этих полетов. — *Прим. авт.*

³⁶ Имеется в виду Ju-87 Stuka.

³⁷ Здесь приведена численность итальянских войск в колониях. В Ливии итальянцы сосредоточили две армии (5-я и 10-я) численностью 236 тыс. человек, а в Эфиопии — армию герцога Аосты (около 300 тыс. человек). Им противостояли силы англичан: в Египте — 66 тыс. (из них 30 тыс. египтян, по какой-то причине «забытых» автором), в Палестине — 27,5 тыс., в Судане — 9 тыс., в Кении — 22 тыс., в Сомали и Адене 4 тыс. (История Второй Мировой войны в 12 томах, том 3, стр. 149).

³⁸ В ходе наступления итальянское командование потеряло управление войсками, возникли проблемы со снабжением. Поэтому 10-я ита-

льянская армия остановилась. Однако англичане продолжали отступать и дальше, остановившись лишь у Мерса-Матрух. Таким образом, возникла «ничейная» полоса шириной 130 км. (К. Maksey. Bedda Fomm: The Classic Victory. London, 1972, p. 47.)

³⁹ Из-за болезни генерала Крея дивизией временно командовал бригадным генерал Каунтер. — *Прим. авт.*

⁴⁰ О танках смотри Приложение 3.

⁴¹ Большая заслуга в этом принадлежит человеку, принимавшему участие в боях. Генерал-майор Хобарт в 1938 году был командиром бронетанковой дивизии в Египте и добился высокого уровня маневренности ее подразделений и частей. Однако его идеи об использовании бронетанковых войск и их возможностях в ходе самостоятельных действий противоречили взглядам более консервативных высших начальников. Осенью 1939 года, за полгода до того, как немецкие танковые войска доказали осуществимость тех же самых идей, Хобарт был смещен с занимаемой должности за «еретические» мысли и бескомпромиссность суждений. — *Прим. авт.*

⁴² Потери в Балканской кампании, длившейся 24 дня, со стороны немцев составили примерно 2.5 тыс. человек убитыми, 3 тыс. пропавшими без вести и около 6 тыс. ранеными. Только пленными было захвачено 375 тыс. югославских солдат и офицеров и 225 тыс. греческих. Англичане потеряли убитыми, ранеными и пленными 12 тыс. человек (12-томная История Второй Мировой, том 3, стр. 268).

⁴³ W. Churchill. The Second World War. Vol. III, p. 246. — *Прим. авт.*

⁴⁴ Ibid., p. 249. — *Прим. авт.*

⁴⁵ Данные о потерях у автора не совсем точны. Англичане потеряли четыре крейсера: York (Йорк), Fiji (Фиджи), Glouchester (Глочестер), Calcuta (Калькута). Около 12 тыс. англичан попало в плен (12-томная история 2-й Мировой войны, том 3, стр. 270).

⁴⁶ О плане «Барбаросса» см. Приложение 2.1.

⁴⁷ Остатки гарнизона держались еще три недели после того, как немцы объявили о захвате крепости.

⁴⁸ Это, а также другие сетования на якобы «плохую погоду» в СССР в тот год необоснованны. Никаких экстраординарных дождей или морозов в 1941 г. не регистрировалось. В отличие, скажем, от зимы 1942—1943 гг.

⁴⁹ W. Churchill. The Second World War. Vol. III, p. 178. — *Прим. авт.*

⁵⁰ Не совсем понятно, какие танки автор имеет в виду. Дело в том, что у итальянцев не было танка М-135. Возможно, имеется в виду наиболее массовый средний танк М13/40 или М14/41. Подробнее смотри Приложение 3.

⁵¹ W. Churchill. The Second World War. Vol. III, p. 178. — *Прим. авт.*

⁵² В этом нет ничего «поразительного». Группировка Роммеля, усиленная двумя дивизиями, уже в 1941 году могла достигнуть намеченной цели, однако для увеличения численности немецких войск в Африке нужно было сперва нейтрализовать английский флот на Средиземном

море. Чего сделано не было. А значит, снабжение войск Роммеля было нерегулярным и недостаточным. Фактически Роммелю не хватало не войск, а боеприпасов и прежде всего — топлива. При увеличении сил Африканского корпуса, эта проблема только усугублялась.

⁵³ В памятной записке для начальников штабов Черчилль в резкой форме писал в тот же день: «Судьба войны на Среднем Востоке, возможность потери Суэцкого канала, смятение или дезорганизация огромных сил, которые мы создали в Египте, исчезновение всех перспектив американской помощи через Красное море — все может зависеть от нескольких сотен танков. Их нужно, если это только возможно, доставить туда любой ценой» (W. Churchill. The Second World War. Vol. III, p. 218). — *Прим. авт.*

⁵⁴ Черчилль предлагал направить по средиземноморскому пути еще 100 танков, необходимых для укомплектования третьих полков обеих бригад, но адмиралтейство не намерено было еще раз идти на такой риск. Черчилль с горечью замечает в своих мемуарах: «Я, не колеблясь, добился бы решения кабинета по этому спорному вопросу, если бы не тот факт, что сам генерал Уэйвелл не настаивал на этом и в сущности — прикнул к моим оппонентам. Это выбило у меня почву из-под ног» (W. Churchill. The Second World War. Vol. III, p. 223). Конвой был отправлен вокруг мыса Доброй Надежды и прибыл в Сули лишь в середине июля. — *Прим. авт.*

⁵⁵ Данные о соотношении сил по танкам взяты из «Официальной истории Великобритании» (British Official History, pp. 30—31). Сведения о боевом составе английских войск (713 танков, в том числе 201 пехотный) были выведены на основе различных документов. При другом способе подсчета по официальным документам общее число танков составило 756 (в том числе 225 пехотных). — *Прим. авт.*

По «Истории Второй Мировой войны» общее количество английских танков — 924, немецких и итальянских — 552 (том 3, стр. 203—204). Самолетов 1072 против 340.

⁵⁶ Английское наступление развернулось слишком поздно. Черчилль настаивал на начале операции уже в сентябре, однако командование считало 8-ю армию не готовой. Роммель собирался начать операцию по штурму Тобрука 23 ноября, так что английское командование опередило Роммеля всего на неделю.

⁵⁷ Балаклавский бой — сражение 25 октября между русскими и англо-турецкими войсками во время Крымской войны 1853—1856 гг. в районе Балаклавы, являвшейся базой английских войск. Русские войска захватили линию фортов, однако в отсутствие подкреплений не смогли развить успех. Под «атакой легкой бригады» имеется в виду контратака британской кавалерийской бригады, окончившаяся плачевно, — потери составили более 40%. Английский поэт Теннисон написал поэму «Атака легкой бригады под Балаклавой».

⁵⁸ Соотношение потерь таково: англичане потеряли 17 704 человека, 271 самолет и 278 танков, а Роммель 32 тыс. человек (из них 29 тыс. пленными), 165 самолетов и 292 танка. В общем и целом Роммель провел успешную оборонительную операцию при нехватке сил и внезапности удара противника. Однако стратегически это, конечно, было поражение.

⁵⁹ Рузвельт потребовал очистить территорию Китая. Позже госсекретарь клялся и божился, что под «Китаем» в этом документе понимался, в сущности, Индокитай и что Маньчжурия ни в коем случае не имела в виду. На наш взгляд, человек, занимающий высокое положение, способен откровенно признать свой непрофессионализм, только если это необходимо, чтобы скрыть нечто, более предосудительное.

⁶⁰ К этой теме редакция намерена вернуться в книге «Тихоокеанская премьера».

⁶¹ Англичане потеряли 140 тыс. человек, включая попавших в плен в Сингапуре. Японские потери составляют приблизительно 10 тыс. человек.

⁶² Мэйдзи — официальное название периода правления (с 1868 года) японского императора Муцухито (правил в 1867—1912).

⁶³ Договор девяти держав (США, Англии, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая) был подписан 6 февраля 1922 года. Он формально провозглашал суверенитет и территориальную целостность Китая.

⁶⁴ S. S. Roskill. The War at Sea. Vol. I, p. 560. — *Прим. авт.*

⁶⁵ Лишь «Arisona» («Аризона» — взорвался) и «Oklahoma» («Оклахома» — опрокинулся) не были отремонтированы. Остальные линкоры возвратились в строй: «Marylend» («Мэриленд») 26.02.42, «West Virginia» («Вест Виргиния») 1.09.44, «California» («Калифорния») 31.01.44, «Tennesi» («Теннеси») 26.02.42, «Pennsylvania» («Пенсильвания») 5.02.43, «Nevada» («Невада») 11.09.43.

⁶⁶ Согласно «Истории Второй Мировой войны», потери американцев составили уничтоженными или выведенными из строя все линкоры, 6 легких крейсеров (из 8), один эсминец и 272 самолета. Потери в людях составили 3400 человек, в том числе 2402 убитыми.

⁶⁷ С конца декабря Макартур находился на Коррехидоре, а затем, оставив войска, направился в Австралию. С потерей Филиппин США лишились колонии, в которой безраздельно господствовали с 1898 года.

⁶⁸ Полезность и эффективность бронетанковых войск в джунглях Малайи вызывает сомнения. Кроме того, по своим качествам японские танки были близки к бронеавтомобилям англичан.

⁶⁹ W. Churchill. The Second World War. Vol. III, p. 774. — *Прим. авт.*

⁷⁰ Столь большое число зенитных орудий на линкоре в 1941 году невероятно. Согласно «А. Равен, Д. Робертс. Линейные корабли британского королевского флота типов "King George V", "Lion", "Vanguard"» (СПб секция любителей истории флота, 97, СПб.) и "M. Schiffner, K. Dohmen, R. Friedrich. Torpedowaffnung" (Militarverlag der DDR, 90, Berlin.), зенитное вооружение линкора состояло из 6 автоматов пом-пом (8-ствольных 40-мм) и 16 универсальных 133-мм орудий в восьми двухорудийных башнях. Указанное количество зенитных орудий характерно для кораблей 1945 года.

⁷¹ W. Churchill. The Second World War. Vol. III, p. 551. — *Прим. авт.*

⁷² ABDA (American-British-Duich-Australian) — американско-англо-голландско-австралийское объединенное командование.

⁷³ W. Churchill. The Second World War. Vol. III, p. 375. — *Прим. авт.*

⁷⁴ Ibid., p. 376. — *Прим. авт.*

⁷⁶ На самом деле англичане потеряли один авианосец Hermes (Гермес), два тяжелых крейсера Dorsetshire (Дорсетшир) и Cornwall (Корнуэлл), эсминец Tenedos (Тенедос) и сторожевой корабль.

⁷⁷ Это далеко не столь очевидно. Судя по ходу кампаний 1943—1945 годов, немецкая дивизия («сокращенного состава») оказывалась зачастую сильнее английской или американской.

⁷⁸ За 1942 год в Советском Союзе производство танков достигло величины 24 446 танков в год (в среднем 2030 в месяц). Это превышало показатели США (23 884 танков в год), Британии (8611 танка), Германии (6189), Италии (667) и Японии (1165) («История Второй Мировой войны», том 5, стр. 48, 57, 63, 92, 94 и 96).

⁷⁹ В 1941—1942 годах поставки по ленд-лизу из США в СССР носили ограниченный характер, что было обусловлено как организационными причинами и трудностями, так и неверием правящих кругов США в способность СССР выстоять и победить. Основную массу поставленных СССР грузов по ленд-лизу составляли редкие металлы и вещества — ванадий, каучук. Доля военной техники была невелика.

⁸⁰ К сожалению, физиологическое отступление автора не имеет под собой реального обоснования — основную работу при захватах, ударах, многих других видах деятельности (кроме работы машинистки) совершают именно три пальца. Например, мизинец при ударе ломается — это слабый палец. Вообще, дискуссия о правильной организации войск ведется давно — из европейских военных теоретиков уже Клаузевиц занимался этим вопросом. Нужно помнить, что структура управления должна отвечать двум взаимопротиворечащим условиям: *принципу разнообразия*, и *принципу простоты* управления. Конечно, чем больше подчиненных единиц, тем гибче можно руководить войсками. Однако усложнение структуры приводит к тому, что командир и штабы не в состоянии справиться с информационными потоками. Поэтому командир вынужден объединять единицы в группы, чтобы уменьшить количество поступающей информации.

⁸¹ С этим трудно согласиться. Танк МЗ «Генерал Грант» был неудачной машиной. Высокий силуэт (вызванный установкой авиационного дизеля), спонсон для 75-мм орудия, две башни — для 37-мм орудия и для пулемета, расположенные друг на друге, — все это были, по меньшей мере, сомнительные технические решения. Кроме того, 57-мм броня пробивалась пушкой танка Pz.3J с дистанции 500 м.

⁸² The Rommel papers. Pp. 207—208. — *Прим. авт.*

⁸³ The Rommel papers. P. 208. — *Прим. авт.*

⁸⁴ The Rommel papers. P. 211. — *Прим. авт.*

⁸⁵ Kippenberger. Infantry Brigadier. P. 217. — *Прим. авт.*

⁸⁶ The Rommel papers. P. 249. — *Прим. авт.*

⁸⁷ Kippenberger. Infantry Brigadier. P. 180. — *Прим. авт.*

⁸⁸ The Rommel papers. P. 257. — *Прим. авт.*

⁸⁹ The Rommel papers. P. 260. — *Прим. авт.*

⁹⁰ The Rommel papers. P. 257. — *Прим. авт.*

91 The Rommel papers. P. 248. — *Прим. авт.*

92 Alexander Dispatch. P. 841. — *Прим. авт.*

93 The Rommel papers. P. 312. — *Прим. авт.*

94 The Rommel papers. P. 312. — *Прим. авт.*

95 Alexander Dispatch. P. 836. — *Прим. авт.*

96 Данные о потерях Роммеля сомнительны. Дело в том, что у него всего было 540 танков, 1219 орудий, 350 самолетов («История Второй Мировой войны», том 6, стр. 213). Потери же, по-видимому, составили 55 тыс. человек, 320 танков и около 1 тыс. орудий. (Там же.)

97 The Rommel papers. P. 366. — *Прим. авт.*

98 W. Churchill. The Second World War. Vol. IV, p. 477. — *Прим. авт.*

99 W. Churchill. The Second World War. Vol. IV, pp. 479—480. — *Прим. авт.*

99 W. Churchill. The Second World War. Vol. IV, p. 488. — *Прим. авт.*

101 Согласно «Истории Второй Мировой войны», силы союзников были больше: в Касабланке высаживалось 35 тыс. американцев, в Оране 39 тыс. американцев, а в Алжире — 23 тыс. американцев и 10 тыс. англичан (том 6, стр. 218). Всего же десантные силы насчитывали 110 тыс. человек (Encyclopaedia Britannica).

102 Жиро поставил условие, чтобы по политическим соображениям за ним прислали американский корабль. Его требование удовлетворили, назначив номинальным командиром «Серафа» американского морского офицера капитана I ранга Райта и снабдив подводную лодку американским флагом, который можно было выставить в случае необходимости. Жиро сопровождали его сын и два молодых штабных офицера. Один из них, капитан Борф, играл важную роль в планировании мер по вовлечению французской армии в боевые действия против немцев. Впоследствии Райт и Борф заняли высокие посты в соответствующих видах вооруженных сил Франции и в системе командования НАТО. — *Прим. авт.*

103 К 1 декабря союзники высадили в Северной Африке уже 253 213 человек, из них 146 453 американских солдат и офицеров и 106 760 британских (G. Howe. Northwest Africa: Seizing the Initiative in the West, p. 679).

104 В 17/21-м уланском полку и других танковых полках этой дивизии две роты каждого батальона имели на вооружении новые быстроходные танки «Крусейдер III», оснащенные мощными 57-мм пушками, а две другие роты — танки «валентайн» с 42-мм пушками, менее быстроходные, но более надежные и с лучшей броневой защитой. — *Прим. авт.*

105 В тот период американская бронетанковая дивизия состояла из двух танковых полков (по одному легкому и четыре средних батальона в каждом), мотопехотного полка трехбатальонного состава и трех дивизионов полевой артиллерии. Она имела по штату 390 танков (158 легких и 232 средних). В оперативном отношении дивизия подразделялась на два боевых командования — «А» и «В», а впоследствии добавилось и третье — «С». — *Прим. авт.*

¹⁰⁶ Меджез-эль-Баб обороняли немецкий парашютно-десантный батальон, итальянская противотанковая рота при поддержке роты 190-го танкового батальона с 17 танками. — *Прим. авт.*

¹⁰⁷ D. Eisenhower. Crusade in Europe. P. 120. — *Прим. авт.*

¹⁰⁸ Учитывая, что 78% немецких войск находилось на Восточном фронте, утверждение о сковывающей роли боев за Тунис спорно.

¹⁰⁹ С учетом базовой авиации соотношение по самолетам было в пользу американцев: 450 против 315 японских.

¹¹⁰ Потери японцев: 24 600 человек, 2 линкора, легкий авианосец, 3 тяжелых и два легких крейсера, 12 эсминцев, 4 подводные лодки и 23 транспорта. Союзники же потеряли 6696 человек, 2 тяжелых авианосца, 6 тяжелых и 2 легких крейсера, 15 эсминцев («История Второй Мировой войны», том 6, стр. 261). Несмотря на то что бои за Гвадалканал проиграны японцами, огромные потери американского флота позволили Японии продержаться в дальнейшем.

¹¹¹ 13 декабря 1939 года английские крейсера Exeter (Эксетер), Ajax (Аякс) и Achilles (Ахиллес) обнаружили рейдер в южной Атлантике. В результате боя Graf Spee (Граф Шпее) получил повреждения, укрылся в нейтральном порту Монтевидео, где был блокирован английскими кораблями, а затем затоплен собственной командой.

¹¹² На борту еще находилось несколько рабочих с верфи Клайда. — *Прим. авт. (Ошибка: рабочие были с верфи «Камел Лайрд».)*

¹¹³ Ютландское морское сражение, сражение 31 мая — 1 июня 1916 года, в котором участвовали главные силы английского и германского флотов, — крупнейшее в Первой Мировой войне. Несмотря на превосходство в силах, английский флот понес в этом сражении тяжелые потери (3 линейных крейсера, 3 броненосных крейсера и 8 эсминцев против 1 линейного крейсера, 1 эскадренного броненосца, 4 легких крейсеров и 5 эсминцев у противника). Стратегическая победа тем не менее осталась за англичанами: морская блокада Германии не была прорвана а, напротив, усугубилась.

¹¹⁴ Ленд-лиз — существовавшая во время Второй Мировой войны система передачи Соединенными Штатами союзным странам взаймы или в аренду вооружений, военных и других, необходимых для ведения войны материалов. Ленд-лиз был неизбежной и выгодной для США формой «помощи» Англии, а затем и участия в антигитлеровской коалиции.

¹¹⁵ Эта цифра составляла примерно половину штатной численности армии. Точно так же обстояло дело к началу битвы за Эль-Аламейн. — *Прим. авт.*

¹¹⁶ Эти цифры, взятые из документов, со всей очевидностью свидетельствуют, насколько ошибочно сравнивать силы сторон по числу дивизий, как это часто делали офицеры союзных войск и многие историки. К этому времени американская бронетанковая дивизия имела в два раза больше танков, чем немецкая танковая дивизия (390 против 180 танков). Фактически же разница была еще большей, так как немцы не могли покрыть дефицита. Даже 1-я бронетанковая дивизия, не полностью укомплектованная, имела в среднем в три раза больше танков, чем любая немецкая танковая дивизия, действовавшая на том же участке фронта.

Незадолго до этого численность танков в английской бронетанковой дивизии была сокращена примерно до 270 единиц (не считая специальных танков), а немного позже в том же плане была реорганизована американская бронетанковая дивизия. В 1944 году в английской бронетанковой дивизии насчитывалось 310 танков, поскольку в разведывательных подразделениях бронемашин были заменены танками. По количеству танков бронетанковые дивизии США и Англии в два-три раза превосходили немецкие танковые дивизии. Немцам приходилось рассчитывать только на лучшее качество своих машин. — *Прим. авт.*

¹¹⁷ Howe. US Army in The World War II. North Africa: Seizing the Initiative in the West. P. 456. Vol. III, p. 178. — *Прим. авт.*

¹¹⁸ По мнению Роммеля, союзные войска насчитывали 210 тыс. человек с 1600 танками, 850 орудиями и 1100 противотанковыми орудиями. Фактически союзники в начале марта имели свыше 500 тыс. человек, но лишь половина из них находилась в боевых частях и соединениях. Общее число танков составляло примерно 1800, орудий насчитывалось до 1200, а противотанковых орудий — около 1500. В составе боевых войск стран оси было примерно 120 тыс. человек и 200 танков. — *Прим. авт.*

¹¹⁹ Эти данные преувеличены. Дивизия «Чентауро» еще до февральских боев насчитывала в своем составе только 5 тыс. человек, и с тех пор численность ее уменьшилась.

¹²⁰ В контратаке участвовали меньше 30 танков и два пехотных батальона 15-й танковой дивизии. — *Прим. авт.*

¹²¹ The Rommel papers. P. 419. — *Прим. авт.*

¹²² 18 августа 1943 года начальник штаба Эйзенхауэра американский генерал Смит и начальник разведки этого же штаба английский генерал Стронг, в гражданском, направились в Гибралтар, а затем в Лиссабон, где встретились с представителем итальянского генерального штаба генералом Кастеллано и обсудили условия выхода из войны Италии и сохранения в стране власти правительства Бадольо (предшественника Кавальеро на посту начальника итальянского генерального штаба). В Италии к этому времени уже сложилась взрывоопасная ситуация.

¹²³ M. Clark. The Calculated Risk. P. 179. — *Прим. авт.*

¹²⁴ Как и большинство немецких танковых дивизий этого периода, 26-я дивизия имела в своем составе только два танковых батальона (один был оснащен танками «пантера», другой — более легкими танками Т-IV). Один из них вовсе не прибыл в Италию, а другой остался в районе Рима для выполнения задачи по разоружению итальянской армии. — *Прим. авт.*

¹²⁵ В этом батальоне было восемь танков Т-IV. Другой танковый батальон дивизии был заменен дивизионом самоходных установок, насчитывавшим 40 машин, которые издалека можно было принять за танки. Однако и в этом случае трудно понять, почему Кларк писал о том, что немцы первоначально имели в Салерно около 600 танков. Фактически их было почти в восемь раз меньше. — *Прим. авт.*

¹²⁶ W. Churchill. The Second World War. Vol. V, p. 380. — *Прим. авт.*

¹²⁷ Здесь Лиддел Гарт ошибается — советское командование не отводило войск из выступа. Просто часть сил входила в Степной фронт и изначально находилась вне оперативной зоны наступления немецких войск.

¹²⁸ Форсирование Днепра началось почти одновременно на многих участках в полосе шириной 750 км от Лоева до Запорожья. К концу сентября в этой полосе было захвачено на правом берегу реки более 20 плацдармов.

¹²⁹ Численность личного состава немецких дивизий была различной. Некоторые из дивизий, участвовавших в тяжелых боях, понесли большие потери, но даже по штатному расписанию личный состав немецкой дивизии равнялся примерно 2/3 численности личного состава дивизии союзников. — *Прим. авт.*

¹³⁰ Количество сил в «Фалезском мешке» было не столь велико, как это может показаться по описанию автора. Реально окружены были лишь части 10 дивизий, большинство из которых было ограничено боеспособно.

¹³¹ Прорыв у Авранша был осуществлен американской 4-й бронетанковой дивизией под командованием Вуда. Я был у него незадолго до вторжения, и он поразил меня своими суждениями о возможностях быстро развить успех на большую глубину и о важности скорости действий. Даже Паттон тогда в разговоре со мной высказывал распространенное мнение, что союзные войска «должны вернуться к методам 1918 года», что они не могут повторить быстрых и стремительных танковых ударов, которые немцы, в частности Гудериан и Роммель, осуществили в 1940 году.

Делясь со мной впечатлениями о том, что произошло после начала наступления с плацдарма, Вуд сказал: «В верхах никто не рассчитывал на глубокое вклинение танковых частей и не думал об обеспечении подобных действий. Я подчинялся штабу 1-й армии, а он не мог быстро реагировать на изменения обстановки. Когда же штаб армии среагировал, то по его приказу две фланговые бронетанковые дивизии повернули на 180°, спиной к главному противнику, и получили задачу вести осаду Лорьяна и Бреста. 4 августа был черный день. Я протестовал долго, настойчиво, резко... и приказал своим танковым колоннам вступить в Шатобриан (без приказа сверху) и выдвинуться к окрестностям Анжера, находясь в готовности наступать на восток, к Шартру. Я мог оказаться на этих важных коммуникациях противника через два дня. Но нас вынудили подчиниться первоначальному плану. Это было одно из глупейших решений за всю войну». — *Прим. авт.*

¹³² По этому вопросу я беседовал с ведущими немецкими генералами. Блюментрит, в частности, сказал: «За Рейном не было немецких войск. В конце августа наш фронт был фактически открыт». — *Прим. авт.*

¹³³ Сейчас это город Клайпеда.

¹³⁴ За исключением налета на Роттердам, остальные бомбардировки городов немцами успеха не имели. Тем не менее время от времени они производились, особенно в период 1939—1941 гг., когда Люфтваффе имели преимущество в воздухе. Однако подлинные «стратегические»

бомбардировки, несомненно, проводились лишь англо-американскими союзниками.

¹³⁵ Автор сам далее вынужден поставить этот довод под сомнение.

¹³⁶ В историографии этот план известен под названием «Сего» или «Се». Т. Хаттори именует его планом операции «Кацу-1» (см.: Т. Хаттори. Япония в войне 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1973. Гл. IV—V).

¹³⁷ Малое количество потерь у американцев вызвано прежде всего неправильным выбором типа взрывателей у японцев — бронейные снаряды не взрывались при попадании в безбронный эскортный авианосец.

¹³⁸ На наш взгляд, сражение при Лейте было изначально проиграно японцами — ни при каких обстоятельствах они не могли рассчитывать на уничтожение сил Хэлси. Таким образом, единственной целью японцев мог стать только разгром десантного соединения. И к достижению его они были очень близки. Сражение показало, что линкор намного менее уязвим, чем авианосец, и способен действовать даже в условиях полного господства противника в воздухе. Учитывая, сколь часто линкоры играли решающую роль в битвах в Атлантике и Средиземном море (от Нарвика до потопления Бисмарка), вывод автора необходимо признать недостаточно обоснованным. Особенно стоит подчеркнуть, что наличие или отсутствие в японском флоте 6 авианосцев (всего с двумя сотнями самолетов с неопытными экипажами) уже не имело никакого значения.

¹³⁹ Весной 1944 года японское командование начало в Китае большое наступление в направлении на Лоян, Синьань (провинция Хэнань) и вдоль железнодорожной магистрали Ханькоу—Чанша—Хэньань—Кантон. Японские войска захватили почти всю провинцию Хэнань и продолжали развивать наступление на юг от р. Янцзы. Летом 1944 года они заняли Чанша. В октябре почти вся железнодорожная магистраль Ханькоу—Кантон оказалась в руках японцев. Одновременно силами морских десантов они захватили порты Фучжоу, Амой и Сватоу, а также ряд американских аэродромов. Основные коммуникации, необходимые для обеспечения Японии промышленным сырьем и продовольствием, оказались в руках японских войск.

¹⁴⁰ Данные о количестве немецких танков, участвовавших в Арденнской операции, противоречивы. Это объясняется недостатком документальных сведений, следствием той особой секретности, в которой проводилась подготовка операции. Американский историк Х. Коул утверждает, что у немцев было 970 танков и штурмовых орудий в первом эшелоне и 450 в резерве для развития успеха. Всего, продолжает Х. Коул, немцы имели на Западном фронте в тот период 2567 танков и штурмовых орудий, в то время как на советско-германском фронте находилось 1500 (Н. Cole. *The Ardennes: Battle of the Bulge*. Washington, 1965. Pp. 71—72). Документальные данные немецкого командования свидетельствуют, что на советско-германском фронте находилось около 3 тыс. танков и штурмовых орудий (Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seine militärischen Konferenzen. Stuttgart, 1962. S. 9707). О. Брэдли полагает, что Рундштедт сосредоточил для арденнского наступления около 600 танков (О. Брэдли. *Записки солдата*. Пер. с англ. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 442).

¹⁴¹ Этот эпизод хорошо характеризует американскую «безопасность». Даже для среднеподготовленного немецкого шпиона не составляло труда проникнуть в глубь оперативного построения противника.

¹⁴² Вскоре после окончания войны мне представилась возможность допросить ряд руководящих немецких командиров и подробно обсудить с ними на картах операции; где уместно, я использую любопытные выдержки из их показаний, предварительно сверив их с другими, более поздними свидетельствами. — *Прим. авт.*

¹⁴³ Впрочем, в этом «повинны» не только обороняющиеся. Командир немецкого авангарда впоследствии признался мне, что в этот решительный момент он развлекался с молодой американской сестрой в какой-то деревне. — *Прим. авт.*

¹⁴⁴ Это не пехотная, а фольксгренадерская дивизия.

¹⁴⁵ Это не совсем верно. Немецкое наступление в Арденнах не «заканчивается» в конце декабря. Автор умалчивает, что в начале января вермахт предпринял новое наступление, которое поставило англо-американские войска в трудное положение, и 6 января 1945 года Черчилль обратился к Сталину с просьбой о помощи, которая была удовлетворена.

¹⁴⁶ Согласно Т. Хаттори («Япония в войне 1941—1945 гг», стр. 522), в Японии от воздушных бомбардировок было разрушено свыше 98 городов, из них 72 города не имели военных объектов.

¹⁴⁷ W. Churchill. The Second World War. Vol. IV, pp 522. — *Прим. авт.*

¹⁴⁸ W. Churchill. The Second World War. Vol. IV, pp 559. — *Прим. авт.*

¹⁴⁹ В США и Англии считали, что если СССР не выступит против Японии, то для вторжения на Японские острова потребуется армия в 7 млн. человек и война с Японией затянется еще на полтора года.

¹⁵⁰ Говорить о «первом, фатальном шаге» весьма не просто. На наш взгляд, первым фатальным шагом стал Парижский договор (1919), закреплявший расчленение Германии и фактически разоружавший ее. В ситуации, когда Германия была второй по промышленной мощи страной мира, ограничения армии и территориальные потери, огромные репарации неизбежно вели к реваншизму и, в перспективе, к войне. Причем поскольку Германо-Польские и Германо-Французские противоречия никак иначе разрешены быть не могли, то они автоматически (ввиду межвоенных договоров) приводили к именно мировой войне.

¹⁵¹ Сведения автора неточны. В группе армий «Ц», выставленной против Франции, формально насчитывалось 31 дивизия. Еще шесть дивизий стояли против Бельгии, итого всего 37 дивизий. Из них боеспособными должны считаться по крайней мере семь. С выводом, однако, нельзя не согласиться.

**Мировая война
в событиях
и датах**

1. Хронология Второй Мировой войны

1918

11 ноября. Подписание Компьенского перемирия между Германией и странами Антанты.

1919

5 января. В Мюнхене основана Германская рабочая партия (с 1920 — Германская национал-социалистская партия — НСДАП).

18 января — 28 июня. Парижская мирная конференция 27 стран, посвященная созданию нового, послевоенного миропорядка.

23 марта. Создание в Милане фашистской организации — «Союза борьбы» Муссолини.

19 ноября. Отказ США от участия в Лиге Наций.

1919. Принятие США новой кораблестроительной программы, по которой флот США должен был стать сильнейшим в мире.

1920

1 марта. Адмирал Хорти провозглашен диктатором Венгрии.

29 ноября. Создание мандатной комиссии при Лиге Наций. Передел немецких колоний между победителями.

1921

19 февраля. Подписан договор о военном союзе между Польшей и Францией.

12 ноября — 6 февраля 1922. Вашингтонская морская конференция девяти держав.

1922

16 апреля. Подписание Рапальского договора между Германией и Советской Россией.

28 октября. Главой итальянского правительства стал Муссолини.

30 декабря. Образование СССР.

1923

9 июня. Фашистский переворот в Болгарии.

13 сентября. Переворот в Испании. Диктатором стал Primo де Ривьера.

8—9 ноября. «Пивной путч» в Германии.

1924

16 июля — 16 августа. Лондонская конференция. Принятия «плана Дауэса» — плана развития Германии и репарационной политики.

29 сентября. Обращение Германии в Лигу Наций с требованиями равноправия в вопросах вооружения, возвращения бывших колоний.

1925

5—16 октября. Локарнская конференция семи стран (Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Германии, Польши и Чехословакии). Гарантии западной границы Германии.

1926

9 июля. В Португалии к власти пришел генерал Кармон.

27 ноября. Подписан итало-албанский договор «О дружбе и безопасности», фактически закрепивший протекторат Италии над Албанией.

12 декабря. Снятие контроля за вооружениями Германии.

1926—1933. Война США против Никарагуа, закончившаяся захватом этой страны.

1927

31 мая. Захват японцами Циндао.

20 июня. Женевская конференция по морским вооружениям (Великобритания, США, Япония).

1928

16 января — 20 февраля. VI Панамериканская конференция в Гаване.

20 апреля. Японские войска вошли в китайскую провинцию Шаньдун.

10 августа. Правительство Германии приняло решение о строительстве броненосцев (т. н. «карманных линкоров»).

27 августа. В Париже подписан договор 15 стран о запрещении войны в качестве орудия национальной политики (пакт Келлога — Бриана).

1929

6 января. Военный переворот в Югославии.

11 февраля. Подписан конкордат между Ватиканом и Италией.

Июль—декабрь. Китайско-советский конфликт на Китайской восточной железной дороге. Разрыв советско-китайских отношений.

24 октября. Биржевой конфликт в США. Начало кризиса 1929—1933.

1930

20 января. Принятие нового репарационного плана (плана «Юнга») в отношении Германии.

21 января — 22 апреля. Лондонская конференция по морским вооружениям.

17 мая. Предложение министра иностранных дел Франции Бриана объединить государства Европы («пан-Европа»).

1931

14 апреля. Свержение монархии в Испании.

20 июля. Меморандум Гувера о приостановлении на один год репарационных выплат Германией.

21 сентября. Отказ либерального правительства Британии от «золотого стандарта» фунта стерлингов, вызвавший новый виток мирового экономического кризиса.

9 декабря. Принятие республиканской конституции в Испании.

Конец года. Японские войска полностью оккупировали Маньчжурию.

1932

27 января. Доклад Гитлера о программе НСДАП на собрании финансистов и промышленников в Дюссельдорфе.

2 февраля. Открытие Международной конференции по разоружению.

9 марта. Провозглашение марионеточного прояпонского государства Маньчжоу-Го.

Июль. Начало «войны Чако» между проанглийским Парагваем и проамериканской Боливией за обладание так называемой природной областью Чако, в которой в двадцатые нашли нефть. Продолжалась до июня 1934.

11 декабря. Декларация Англии, Франции, Италии и США о признании равенства Германии в вопросах о вооружении.

1933

Ночь на 28 января. Поджог фашистами рейхстага в Берлине.

30 января. Назначение Гитлера рейхсканцлером Германии.

7 марта. Установление диктатуры Дольфуса в Австрии.

27 марта. Выход Японии из Лиги Наций.

15 июля. Подписание Англией, Францией, Германией и Италией «пакта согласия и сотрудничества „четырёх держав“» в Риме.

2 сентября. Подписание советско-итальянского договора о дружбе.

14—19 октября. Выход Германии из Лиги Наций и уход ее делегации с конференции по разоружению.

1934

26 января. Подписание германо-польского пакта о ненападении.

2 августа. Объявление Гитлера «фюрером и рейхсканцлером германского народа».

18 сентября. Вступление СССР в Лигу Наций.

19 декабря. Денонсация Японией Вашингтонских соглашений 1922 г.

1935

13 января. Плебисцит в Сааре о возвращении в Германию.

26 февраля. Отказ Германии от статей Версальского договора, ограничивающих вооружение Германии.

18 июня. Подписание англо-германского морского договора.

3 октября. Вторжение войск Италии в Эфиопию. Начало итало-эфиопской войны.

7 октября. Лига Наций объявила Италию агрессором.

9 декабря 1935 — 25 марта 1936. Лондонская морская конференция.

1936

15 января. Уход Японии с Лондонской морской конференции.

16 февраля. Победа Народного фронта на выборах в Испании.

7 марта. Занятие Германией рейнской зоны и денонсация Локарнских соглашений.

12 марта. Подписание советско-монгольского протокола о взаимопомощи, фактически закрепившего протекторат СССР над Монголией.

19 марта. Итало-албанские соглашения. Фактически присоединение Албании к Италии.

30 апреля. Правительство Великобритании приняло программу строительства флота, самую крупную с 1921 по настоящее время.

5 мая. Захват Италией столицы Эфиопии Аддис-Абебы.

5 июля. Отмена Лигой Наций санкций в отношении Италии.

17—18 июля. Начало фашистского мятежа в Испании.

1 октября. Генерал Франко провозглашен руководителем «национального правительства».

23 октября. Итало-германские соглашения о разграничении сфер экономической экспансии на Балканах, в Дунайском бассейне, о борьбе против Испанской республики и признании захвата Эфиопии. Оформление оси Берлин — Рим.

1937

2 января. Итало-английское «соглашение о Средиземном море».

Январь. В Испанию прибыл итальянский экспедиционный корпус.

24 июня. Директива главнокомандующего вермахтом «О единой подготовке вермахта к войне».

7 июля. Начало японо-китайской войны.

6 ноября. Оформление «антикоминтерновского пакта» в составе Германии, Японии и Италии.

- 12 ноября.** Захват Японией Шанхая.
11 декабря. Выход Италии из Лиги Наций.
13 декабря. Захват японцами Нанкина.

1938

- 28 января.** Принятие США новой программы вооружения.
10 февраля. Установление фашистской диктатуры в Румынии.
12 марта. Аншлюс (присоединение) Австрии к Германии.
2 апреля. Правительство Великобритании признало аншлюс Австрии.
6 апреля. Правительство США признало аншлюс Австрии.
5 мая. В Японии издан императорский указ «О всеобщей мобилизации нации».
17 мая. Принятие США программы морских вооружений.
30 мая. Принятие в Германии плана «Грюн» (нападения на Чехословакию).
29 июля — 11 августа. Провокация японских войск у озера Хасан и их разгром советской армией.
19 сентября. Англо-французский ультиматум правительству Чехословакии с требованием предоставления самоуправления Судетской области.
23 сентября. Объявление всеобщей мобилизации в Чехословакии.
28 сентября. Начало мобилизации в Германии.
29—30 сентября. «Мюнхенский сговор». Расчленение Чехословакии.
1—10 октября. Оккупация немецкими войсками пограничных районов Чехословакии.

1939

- 26 января.** Захват испанскими фашистами Барселоны.
24 февраля. Присоединение Венгрии к Антикоминтерновскому пакту.
27 февраля. Англия и Франция признали правительство Франко.
15 марта. Немецкие войска оккупировали всю Чехию.
21 марта. Германский ультиматум Польше о возвращении Данцига (Гданьска).
22 марта. Присоединение к Германии Мемеля (Клайпеды).
22 марта. Заявление Франции и Англии об оказании помощи Голландии, Бельгии и Швейцарии в случае агрессии.
28 марта. Вступление в Мадрид войск Франко.
1 апреля. Войска франкистов заняли всю территорию Испании.
3 апреля. Гитлер утвердил план «Вайс» (нападения на Польшу).
27 апреля. Англия приняла закон о всеобщей воинской повинности.
28 апреля. Германии денонсировала договор о ненападении с Польшей и морской договор с Англией.
8 мая. Выход Испании из Лиги Наций.
11 мая — 31 августа. Нападение японцев на Монголию и их разгром советскими войсками и войсками МНР у реки Халхин-Гол.
19 мая. Подписание франко-польского договора о военном союзе.

- 26 июля.** Денонсация США торгового договора 1911 с Японией.
- 23 августа.** Подписание советско-германского пакта о ненападении (т. н. «пакт Молотова — Риббентропа»).
- 24 августа.** Предоставление парламентом Англии чрезвычайных полномочий правительству.
- 25 августа.** Подписание англо-польского договора о взаимной помощи в случае агрессии.
- 31 августа.** В Польше объявлена мобилизация.
- 1 сентября.** Нападение Германии на Польшу. Официальная дата начала Второй Мировой войны.
- 3 сентября.** Объявление Англией и Францией (а также Австралией, Новой Зеландией и Индией) войны Германии.
- 5 сентября.** Заявление правительства США о нейтралитете.
- 6 сентября.** Объявление ЮАР войны Германии.
- 10 сентября.** Объявление Канадой войны Германии.
- 15 сентября.** Подписание Японией, СССР и МНР договора о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол.
- 17 сентября.** Вступление советских войск на территорию Польши.
- 28 сентября.** Падение Варшавы.
- 28 сентября.** Подписание договора о взаимной помощи между СССР и Эстонией.
- 3 октября.** Решение панамериканской конференции о 300-мильной зоне безопасности вдоль побережья Американского континента южнее Канады.
- 8—12 октября.** Декреты Гитлера о ликвидации Польши.
- 10 октября.** Советско-литовский договор о взаимопомощи.
- 14 октября.** Потопление английского линкора «Ройял Оук» в базе Скапа-Флоу.
- 19 октября.** Директива ОКХ о развертывании и сосредоточении сил по плану «Гельб» (против Франции).
- 4 ноября.** Принятие США поправки к закону о нейтралитете, допускающей продажу воюющим сторонам вооружения и материалов.
- 17 ноября.** Утверждение верховным советом союзников плана «Диль».
- 30 ноября 1939 — 12 марта 1940.** Советско-финская война.
- 2 декабря.** Объявление правительством США моратория на торговлю с СССР.
- 13 декабря.** Бой у Ла-Платы, закончившийся затоплением тяжелого крейсера «Адмирал граф Шпее».

1940

- 5 февраля.** Решение о направлении экспедиционного корпуса союзников в Финляндию.
- 11—29 февраля.** Февральское наступление советских войск.
- 24 февраля.** Принятие окончательного варианта директивы ОКХ на проведение операции «Гельб».
- 20—21 марта.** Отставка правительства Даладьё, формирование правительства Рейно во Франции.

28 марта. Решение верховного совета союзников о минировании норвежских вод.

9 апреля. Начало операции Германии против Дании и Норвегии.

14 апреля. Начало высадки англо-французских войск в Норвегию.

10 мая. Начало операции «Гельб» (Французская кампания).

10 мая. Отставка правительства Чемберлена и формирование правительства Черчилля в Великобритании.

13 мая. Прорыв немецкими войсками фронта союзников на реке Маас.

14 мая. Капитуляция голландской армии.

17 мая. Занятие Брюсселя немецкими войсками.

19 мая. Назначение генерала Вейгана главкомандующим войсками союзников во Франции.

24 мая. Остановка немецких танковых соединений под Дюнкерком.

27 мая — 4 июня. Эвакуация англо-французских войск из-под Дюнкерка.

28 мая. Капитуляция бельгийской армии.

10 июня. Завершение оккупации Норвегии.

10 июня. Вступление Италии в войну.

14 июня. Захват немцами Парижа.

14, 16 июня. Ультиматум СССР Эстонии, Латвии и Литве о нарушении ими условий договоров 1939 года.

16 июня. Отставка Рейно и приход к власти Петена.

22 июня. Капитуляция Франции перед Германией.

24 июня. Капитуляция Франции перед Италией.

28 июня. Английское правительство признало де Голля главой движения «Свободная Франция».

28—30 июля. Отторжение Бессарабии и Северной Буковины в пользу СССР.

1 июля. Переезд французского правительства в Виши.

1 июля — 19 августа. Наступление итальянских войск в Северной Африке.

16 июля. Директива о подготовке операции «Зеелёве» (против Англии).

21—22 июля. Ввод советских войск на территории Эстонии, Латвии и Литвы.

3—6 августа. Присоединение Латвии, Литвы, Эстонии и Молдавии к СССР.

4—18 августа. Захват итальянскими войсками Британского Сомали.

10 августа. Начало воздушной «Битвы над Англией».

2 сентября. Предоставление Англией баз в Атлантическом океане США в обмен на 50 эсминцев и материально-техническую помощь.

4 сентября. Приход к власти в Румынии Антонеску.

13—16 сентября. Наступление английских войск в Египте.

16 сентября. Принятие закона о воинской повинности в США.

23 сентября. Ввод японских войск на территорию Индокитая.

27 сентября. Заключение Тройственного пакта Германии, Японии и Италии.

- 12 октября.** Ввод немецких войск в Румынию.
28 октября. Вторжение итальянских войск в Грецию.
1 ноября. Высадка британских войск на Крит.
5 ноября. Избрание президента Рузвельта на третий срок.
11 ноября. Налет английских морских самолетов на итальянские корабли в Таранто.
20—24 ноября. Присоединение Венгрии, Румынии и Словакии к Тройственному пакту.
9 декабря 1940 — 10 февраля 1941. Наступление английских войск в Северной Африке.
13 декабря. Директива о нападении на Грецию (план «Марита»).
18 декабря. Директива о войне против СССР (план «Барбаросса»).

1941

- 15 января — 18 мая.** Наступление английских войск в Восточной Африке.
22 января. Захват англичанами Тобрука.
1 марта. Ввод немецких войск в Болгарию, ее присоединение к Тройственному пакту.
7 марта. Начало высадки британских войск в Греции.
9—16 марта. Наступление итальянских войск в Греции.
11 марта. Закон о ленд-лизе в США.
27 марта. Государственный переворот в Югославии.
28 марта. Бой у мыса Матапан между итальянской и английской эскадрами.
31 марта — 15 апреля. Наступление Роммеля в Киренаики.
1 апреля — 31 мая. Антианглийское восстание в Иране.
6 апреля. Захват англичанами и эфиопскими партизанами Аддис-Абебы.
6—17 апреля. Захват Югославии.
6—29 апреля. Захват Греции.
24—29 апреля. Эвакуации английских войск из Греции.
25 апреля. Директива ОКВ о захвате острова Крит (операция «Меркурий»).
30 апреля. Перенос Гитлером даты нападения на СССР с 15 мая на 22 июня 1941.
Апрель. Начало строительства на территории Гренландии американских баз.
10 мая. Перелет Гесса в Англию («Миссия Гесса»). Прекращение массовых налетов на Англию.
13 мая. Переброска советских войск в приграничные округа.
19 мая. Капитуляция итальянских войск в Эфиопии.
20 мая — 1 июня. Захват немецкими войсками острова Крит.
27 мая. Потопление немецкого линкора «Бисмарк» английским флотом.
6 июня. Инструкция немецкого командования о политических комиссарах.
8 июня. Оккупация Сирии английскими войсками и войсками «Свободной Франции». **10—21 июня.** Развертывание по плану «Барбаросса».

- 18 июня. Германо-турецкий договор о дружбе и ненападении.
22 июня. Нападение Германии и союзников на СССР.
22—29 июня. Приграничные сражения.
22—27 июня. Оборона Либапи.
22 июня — 20 июля. Оборона Бреста.
26—28 июня. Оборона Минска.
26 июня — 2 декабря. Оборона Ханко.
30 июня. Захват немцами Львова.
3—5 июля. Бои на реке Березина от Борисова до Бобруйска.
8—9 июля. Бои в районах Житомира и Бердичева.
10 июля — 10 сентября. Смоленское сражение.
11 июля — 19 сентября. Киевское сражение.
16—27 июля. Оборона Могилева.
22 июля. Начало налетов на Москву.
24—27 июля. Остановка группы армий «Центр» на Великолукском направлении и под Ельней.
24 июля. Оккупация Японией Индокитая.
5 августа—16 октября. Оборона Одессы.
7—28 августа. Оборона Таллина.
14 августа. Атлантическая хартия Рузвельта и Черчилля о послевоенном устройстве мира.
31 августа. Прибытие в Архангельск первого английского конвоя.
7 сентября — 19 октября. Оборона советскими войсками Моонзундского архипелага.
8 сентября. Захват Шлиссельбурга. Начало блокады Ленинграда.
16 сентября. Директива командования группы армии «Центр» о наступлении на Москву (операция «Тайфун»).
19 сентября. Советские войска оставили Киев.
30 сентября 1941 — 20 апреля 1942. Битва под Москвой.
2 октября. Советские войска оставили Петрозаводск.
3 октября. Советские войска оставили Орел.
6 октября. Советские войска оставили Брянск.
16—18 октября. Отставка в Японии правительства Еоноэ и образование кабинета Тодзио.
25 октября. Советские войска оставили Харьков.
30 октября. Беспроцентный заем США СССР в размере 1 млрд. долларов.
4 ноября 1941—4 июля 1942. Оборона Севастополя.
7 ноября. Парад на Красной площади.
12 ноября — 28 декабря. Контрнаступление советских войск под Тихвином.
17 ноября — 2 декабря. Контрнаступление советских войск под Ростовом-на-Дону.
18 ноября 1941 — январь 1942. Наступление английских войск в Северной Африке.
5 декабря 1941—7 января 1942. Контрнаступление под Москвой.
7 декабря 1941. Японская атака Перл-Харбора.
7 декабря 1941 — апрель 1942. Наступление японских войск на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

8 декабря 1941. Объявление США и Великобританией войны Японии.

16—17 декабря 1941. Советско-английские переговоры в Москве («Миссия Идена»).

25 декабря. Капитуляция Гонконга.

1942

1 января. Декларация 26 государств (декларация ООН).

8 января — 20 апреля. Зимнее наступление советской армии.

15 января. Английские войска заняли Бардию в Северной Африке.

21 января — 7 февраля. Наступление Роммеля в Северной Африке.

27—28 февраля. Сражение в Яванском море.

31 марта — 10 апреля. Операция японского флота в Индийском океане.

2 апреля — 10 мая. Германские налеты на Мальту.

20 апреля. Налет американских самолетов на Токио.

25 апреля. Высадка американцев на о. Новая Каледония.

5—7 мая. Высадка британских войск на острове Мадагаскар.

7—8 мая. Сражение между японским и американским флотами в Коралловом море.

12—19 мая. Харьковское наступление советских войск.

17 мая — 27 июля. Изюмское контрнаступление немецких войск.

8—20 мая. Керченская операция.

26 мая. Подписание в Лондоне союзного договора между СССР и Великобританией.

27 мая — 3 июля. Наступление Роммеля в Ливии.

4—6 июля. Сражение у атолла Мидуэй между американским и японскими флотами.

9 июня. Капитуляция Филиппин, завершение оккупации японскими войсками Филиппинских островов.

12 июня. Налет американской авиации на нефтяные промыслы в Плоэшти.

21 июня. Капитуляция английского гарнизона Тобрука.

27 июня — 24 июля. Воронежско-Ворошиловградская операция. Немецкое наступление на юге.

25 июля — 31 декабря. Оборона Кавказа.

24 июля — 18 ноября. Оборона Сталинграда.

3—17 августа. Операция британского флота по проводке на Мальту конвоя «Пьедестал».

7 августа. Высадка американцев на остров Гуадалканал.

22 августа. Бразилия объявила войну Германии и Италии.

24 сентября. Отставка начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковника Ф. Гальдера.

14 октября. Приказ ставки вермахта о переходе к стратегической обороне на восточном фронте.

23 октября. Начало наступления британской 8-й армии под Эль-Аламейном (Северная Африка).

8—11 ноября. Высадка британских и американских войск на побережье Северо-Западной Африки в районах Алжира, Орана и Касабланки.

11 ноября. Оккупация германо-итальянскими войсками южной зоны Франции и острова Корсика.

23-25 ноября. Сражение у острова Гуадалканал.

19 ноября 1942—2 февраля 1943. Наступление советских войск под Сталинградом.

21 ноября. Массированный налет англо-американской стратегической авиации на города Италии.

27 ноября. Затопление французских кораблей в Тулоне.

2 декабря. Э. Ферми впервые осуществил цепную ядерную реакцию в реакторе (США).

1943

12—18 января. Наступление Ленинградского и Волховского фронтов. Прорыв блокады Ленинграда.

13 января. Приказ Гитлера о тотальной мобилизации.

14—24 января. Конференция Рузвельта и Черчилля в Касабланке.

21 января. Директива англо-американского командования о начале «воздушного наступления» против промышленных центров Германии.

31 января. Капитуляция южной группировки немецких войск вместе с фельдмаршалом Паулюсом.

4 февраля — 6 апреля. Новороссийская десантная операция советских войск.

2—22 марта. Ржевско-Вяземская наступательная операция войск Западного и Калининского фронтов.

17—20 марта. Начало наступления войск союзников в Тунисе.

13 мая. Капитуляция немецких войск в Тунисе. Завершение военных действий в Северной Африке.

5 июля — 23 августа. Битва на Курской дуге.

10 июля — 17 августа. Сицилийская операция англо-американских войск.

12 июля. Танковое сражение под Прохоровской.

25 июля. Падение правительства Муссолини, его арест. Формирование нового правительства во главе с маршалом Бадольо. Оккупация Италии Германией.

3 сентября. Начало высадки англо-американских войск на юге Апеннинского полуострова.

9 октября. Завершение битвы за Кавказ.

12 октября — 23 декабря. Киевская операция войск 1-го Украинского фронта.

1 ноября. Сражение у острова Бугенвиль.

22—26 ноября. Конференция глав правительств США, Англии и Китая в Каире.

28 ноября — 1 декабря. Тегеранская конференция.

26 декабря. Потопление немецкого линкора «Шарнхорст» английской эскадрой.

1944

24 января — 17 февраля. Корсунь-Шевченковская наступательная операция войск 2-го и 1-го Украинских фронтов.

27 января. Окончательное освобождение Ленинграда от вражеской блокады.

15 марта — 4 апреля. Полесская наступательная операция войск 2-го Белорусского фронта.

26 марта — 14 апреля. Одесская наступательная операция войск 3-го Украинского фронта.

10 апреля. Освобождение Одессы.

9 мая. Освобождение Севастополя.

11 мая. Начало четвертого англо-американского наступления на Рим.

4 июня. Союзные войска вступили в Рим.

6 июня. Начало высадки в Нормандии.

13 июня. Первый обстрел Лондона ракетами «Фау-1».

19—20 июня. Сражение у Марианских островов между флотами США и Японии.

3 июля. Освобождение Минска.

13 июля — 29 августа. Львовско-Сандомирская наступательная операция советских войск.

20 июля. Вступление советских войск в Польшу.

20 июля. Покушение на Гитлера.

21—24 июля. Высадка американских войск на Гуам.

1 августа — 2 октября. Варшавское восстание.

15 августа. Высадка союзников в Южной Франции.

25 августа. Французские войска (дивизия Леклерка) вступили в освобожденный Париж.

3 сентября. Освобождение Брюсселя.

8 сентября. Советские войска вступили в Болгарию. Болгария объявила войну Германии.

27 сентября — 24 ноября. Моонзундская десантная операция Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота.

28 сентября — 20 октября. Белградская операция советских войск и югославских партизан.

4 октября. Высадка английских войск в Греции.

23—26 октября. Сражение между американским и японским флотами у Филиппин.

7 ноября. Избрание Ф. Рузвельта на четвертый срок президентом США.

12 ноября. Потопление английской авиацией линкора «Тирпиц».

1945

1 января. Начало наступления немецких войск в Эльзасе («Снежный вальс»).

4 января. Арденнское наступление немецких войск.

9 января — 1 июля. Захват острова Лусон.

26 января. Окружение немецких войск в Восточной Пруссии.

4—11 февраля. Крымская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.

- 8 февраля — 10 марта.** Рейнское наступление союзников.
- 17 января.** Советские войска освободили Варшаву.
- 4 марта.** Финляндия в состоянии войны с Германией (с 15.09.1944).
- 29 марта.** Окончательный разгром немецких войск в Восточной Пруссии.
- 1 апреля — 21 июня.** Захват Окинавы.
- 7 апреля.** Потопление японского линкора «Ямато».
- 12 апреля.** Кончина президента Рузвельта. Вступление на пост президента США Трумэна.
- 13 апреля.** Советские войска заняли Вену.
- 30 апреля.** Советские войска водрузили Знамя Победы над рейхстагом в Берлине.
- 6—11 мая.** Пражская операция.
- 8 мая.** Подписание в Карлсхорсте (пригород Берлина) безоговорочной капитуляции Германии.
- 9 мая.** День Победы.
- 15 мая.** Завершение освобождения Югославии.
- 23 мая.** Американцы заняли Фленсбург.
- 17 июля — 2 августа.** Потсдамская конференция.
- 27 июля.** Отставка правительства Черчилля, формирование правительства Эттли.
- 6 августа.** США сбросили атомную бомбу на Хиросиму.
- 8 августа.** СССР объявил войну Японии.
- 8 августа.** США сбросили атомную бомбу на Нагасаки.
- 9 августа — 2 сентября.** Маньчжурская операция советской армии.
- 28 августа.** Высадка американских войск на территорию Японии.
- 2 сентября.** Подписание акта о капитуляции Японии.
- 20 ноября 1945 — 1 октября 1946.** Нюрнбергский процесс.

1946

2 мая 1946 — 12 ноября 1948. Токийский процесс.

2. Стратегическая обстановка на 22 июня 1941 года

Тысяча девятьсот сорок первый год. Середина. «Третий Рейх» на вершине успеха. Под пятой Германии Западная, Центральная и Юго-Восточная Европа. Нацизм популярен во многих странах. Нейтральные страны (во всяком случае, в Европе) поддерживают нормальные дипломатические и экономические отношения с **фашистской** Германией. Казалось бы, один шаг отделяет рейх от установления полного контроля над Европой (а там, глядишь, и над всей планетой), а если не задаваться такой целью, то выгодный мир уж точно может быть заключен с легкостью. Однако:

«— От великого до смешного один шаг!

— Да. И этот шаг до смешного велик...»

Оставалось несколько «но», из-за которых добиться военной победы или хотя бы «почетного мира» было для Германии не так уж просто.

Подробнее рассмотрим обстановку в мире в середине 1941 года. Германия фактически захватила территорию, которую принято называть «Европой» (кроме Британских островов на западе и нависающего на востоке колосса — СССР). О Союзе отдельный разговор — пока с ним заключен «Пакт о ненападении», и СССР — основной поставщик продуктов питания и многого другого, едва ли не стратегический союзник.

Иным было положение с Великобританией, ставшей «полюсом притяжения» всех антигерманских (и шире — антифашистских) сил на континенте. Не захватив Англию, нельзя было утверждать, что Европа покорена: это в свое время пришлось понять Наполеону. И ладно если бы Соединенное королевство просто было «Островом свободы», так оно имело вдобавок могущественный флот. В довершение Британия служила «непотопляемым авианосцем», постоянной «rain in the ...хм-м... neck» для Германии. В силу уже одной этой причины положение Германии оказывалось не таким блестящим, как это представлялось ее союзникам и даже противни-

кам¹. Особенно если учесть, что «Гитлер чувствовал, что его договор со Сталиным не обеспечил бы нейтралитет России ни на одну минуту дольше, чем это соответствовало бы интересам Сталина»².

1

Политическая обстановка. Непосредственно воюющие страны: Великобритания с одной стороны, и «Ось» в составе Германии, Италии (1 сентября 1939 года объявила себя «невоюющей стороной»), вступила в войну 10 июня 1940 года, в момент, когда Франция уже фактически была побеждена, и умудрилась-таки потерпеть от нее поражение!) и Венгрии. Болгария — сателлит Германии, на ее территории с марта 1941 года размещены части вермахта; категорически не желает воевать против СССР.

Соединенные Штаты Америки нейтральны, но 11 марта подписан «Акт о ленд-лизе», 10 апреля оккупирована Гренландия, готовится оккупация Исландии. Фактически США к тому моменту следует считать уже не нейтральной страной, а невоюющим союзником Великобритании. Пока между Рузвельтом и Гитлером идет сомнительная для дипломатов и будущих историков, но исполненная глубокого смысла политическая игра: «Кто должен объявлять войну?»

Япония, являющаяся союзником Германии по Берлинскому Пакту 1940 года, выжидает, совершенно не собираясь ссориться с США³.

В Испании — диктатура Франко, в Португалии — Салазара. Они, разумеется, прекрасно относятся к Гитлеру, но воевать ни с кем не намерены — справедливо опасаются Британии⁴. А вот Финляндия (на

¹ На рубеже 1940 и 1941 годов в Швеции вышел роман убежденной антифашистки К. Бойе «Каллокаи». При всей иступленной гуманистической направленности книги, она написана с грустной убежденностью, что человечество обречено существовать при тоталитаризме. «Пораженческая» позиция К. Бойе типична для европейской либеральной интеллигенции 1940–1941 годов.

² Б. Х. Лиддел Гарт. «Стратегия непрямых действий». М., 1999 г.

³ Подписание Берлинского договора было крупной победой германской и, что значительно менее очевидно, американской дипломатии. В самой Японии пакт отвечал интересам армейского руководства, но вызывал явное неодобрение командования флота; что же касается императора, то он, насколько можно судить, предпочел бы не связывать Страну Восходящего Солнца с «обратной свастикой» Третьего Рейха. В связи с этим Япония при первой же возможности подписала с СССР «перестраховочный» договор о нейтралитете (13 апреля 1941 года) и приложила огромные усилия к тому, чтобы достичь «модуса вивенди» с США. Последнее намерение не встретило поддержки у правительства Рузвельта.

Заметим, что вступив в войну, японское руководство не прилагало ни малейших усилий к согласованию своих планов с действиями Германии в Европе и Италии на Средиземноморье.

⁴ Испанию от вступления в войну на стороне «Оси» остановила прежде всего сила английского флота, способного безнаказанно атаковать всю испанскую береговую линию — еще одно следствие того, что Британию своевременно не вывели из войны. (Именно по причине резкого расширения оперативной зоны британского флота Гитлер без всякого воодушевления относился к планам привлечения Франко к «Оси».)

которую в 1939 году СССР напал и отхватил кусок территории) и Румыния («26 июня 1940 Советское правительство предложило Румынии возвратить захваченную Румынией в 1918 Бессарабию и передать СССР сев. часть Буковины, населенную украинцами»¹ — до войны, правда, дело не дошло...) были совсем не против участия в войне с Союзом. Что касается остальных стран, то они на середину 1941 года в целом нейтральны. Исключение, пожалуй, могут составлять только Ирак, в котором не до конца было подавлено антибританское восстание, возглавлявшееся премьер-министром Рашидом Али, и Аргентина, где, особенно у правящей «верхушки», отношение к Германии было традиционно благожелательным. (Заметим здесь, что, кроме Ирака, и в остальных арабских странах были сильны антианглийские настроения. При определенных обстоятельствах эти страны могли бы поддержать Германию.)

Что касается более серьезных нейтральных стран, то со Швецией и Турцией отношения у рейха были прекрасные, с вишистской Францией дело обстояло несколько сложнее: эта страна была по сути демилитаризована и имела нейтральный статус, в то же время оказывая (в соответствии с условиями Компьенского перемирия) некоторую экономическую помощь. Здесь на помощь Гитлеру неожиданно пришли англичане, предприняв действия, которые Лиддел Гарт мог бы назвать «слишком непрямыми»: 3—4 июля 1940 года они атаковали французский флот, а 8 июня 1941 года войска Уэйвела (Англия) и Карту («Свободная Франция») вторглись на территорию французского владения Сирии. Понятно, что при любых обстоятельствах поддержка официальных Лондоном «раскольников» де Голля способствовало сближению Виши и Берлина; Уинстон Черчилль справедливо рассматривал это обстоятельство как благоприятное — в плане долговременных политических интересов Великобритании. Соответственно, Рузвельт столь же справедливо полагал, что американской дипломатии выгоднее поддерживать «законное правительство» Франции.

Психологический аспект. Германия национал-социализма вследствие мясничкой внутренней политики легко переняла флаг «Империи зла» у большевистского Советского Союза. Поскольку всякий, кто был недоволен режимом Гитлера, мог видеть перед собой оставшуюся свободной Британию, то на всех оккупированных территориях крепили «Движения Сопротивления»².

¹ Большая Советская Энциклопедия, 1971 г.

² Если говорить о 1940—1943 годах, то важное значение этих «движений» ни в коем случае нельзя пренебрегать. Это после победы выяснилось, что 99% всех французов, датчан, бельгийцев, голландцев и чехов с оружием в руках сражались против гитлеровской агрессии; во время же войны внутренняя обстановка на оккупированных западноевропейских территориях была в целом достаточно спокойной. Однако, даже единичные акции протеста в сочетании с близорукой гестаповской «политикой умиротворения» порождали не только очередную «волну» антигитлеровской пропаганды, но и, что намного более важно, оказывали сильнейшее психологическое воздействие на людей по обе стороны Ла-Манша.

Особенно неприятными для Германии были югославские и норвежские партизаны, базирующиеся в горах. Приходилось держать в Скандинавии и на Балканах армейские части, которые быстро потеряли оперативную мобильность: в условиях постоянного воздействия со стороны партизан эти соединения было тяжело снабжать и невозможно куда-либо передвинуть.

Много проблем приносили силы «Свободной Франции», возглавляемые Шарлем де Голлем. После «нейтрализации» англичанами вишистского флота, Петен потерял всякую возможность контролировать дальние колониальные территории (в частности, в Экваториальной Африке), и Шарль де Голль воспользовался этим, захватив эти земли в качестве базы своего движения.

Еще раз подчеркнем, что суть, конечно, не в «Движениях Сопротивления», как таковых («Укус клопа. Клопа раздавят») а в том, что Гитлер, проводя свою политику, противопоставил себя свободолюбивым людям, а в известном смысле — и всему архетипу европейского сознания. В результате антифашисты были твердо уверены в своей конечной победе, чего нельзя сказать о народе рейха, из памяти которого не изгладили горький опыт прошлой войны.

Психологическими же причинами объяснялась невозможность для руководителей демократических стран заключать с Германией Гитлера компромиссные договоры и соглашения.

Однако, анализируя обстановку, ни в коем случае нельзя упускать из вида противоположные социальные и психологические тенденции. Конечный разгром Германии в значительной мере вытеснил в «коллективное бессознательное» историков-исследователей Второй Мировой войны пронацистские (шире, прогерманские) тенденции, распространившиеся в Европе и мире на рубеже тридцатых — сороковых годов.

Националистические движения, структурно подобные гитлеризму и черпающие в нем силу (аналогично тому, как любые левые и левацкие движения находили опору в Коминтерне), были в рассматриваемый период довольно широко распространены в Европе и в мире. Например, в ЮАС (Южно-Африканский Союз, сейчас ЮАР) заметным влиянием обладала националистическая бурская организация «Брудербонд», существовали объединения открыто фашистского типа («Серые братья» и др.), имеющие свои военизированные отряды. С началом Второй Мировой войны крупнейшие партии ЮАС выступили против участия в войне на стороне Великобритании, а затем вплоть до 1942 года регулярно ставили вопрос о выходе из войны. В Аргентине, Чили, Перу, Уругвае и даже в Бразилии также существовали партии нацистского направления.

По отношению к рассмотренным выше антифашистским тенденциям это создавало некоторый баланс, который дает нам право назвать политическое положение Германии отличным, а психологическое состояние — сносным.

Экономический аспект. Несмотря на большое число стран, захваченных рейхом или включенных в его орбиту, экономика Германии к середине 1941 года находилась в сложном положении и с трудом поддерживала достигнутый «нормальный» уровень функционирования.

В условиях постоянного нарастания милитаризации страны производство начинало «скрипеть по швам». Еще хуже было положение у союзника по Берлинскому пакту — Японии, которая могла просуществовать без постоянного импорта стратегических продуктов лишь недолгое время. Да и у Италии дела обстояли совсем неважно. К середине 1941 года промышленность этой страны рассматривалась экспертами рейха как откровенно нежизнеспособная. В результате — снабжение дуче румынской нефтью (хотя бы и в минимально необходимых объемах) перестало быть для руководителя рейха приоритетной задачей.

Экономику остальных стран, союзных Германии, нет смысла даже рассматривать.

Возможности промышленности, в частности авиационной, всей «Оси» и одной Великобритании (с учетом экономической помощи из-за океана) были примерно равны. Потенциал США, готовящихся вступить в войну, намного превосходил совокупные ресурсы Германии, Японии и Италии. Если говорить о СССР, на который Гитлер собирался напасть, то его индустрия превосходила немецкую в 1,5–2 раза, и это при том, что она еще не была переведена на «военные рельсы». Дополнительно следует учесть зависимость по стратегическому сырью (особенно по «крови войны» — нефти) Германии — от СССР, а Японии — от США. При любых обстоятельствах к затяжной войне, тем более с расширением числа участников, «Ось» была экономически не способна.

В таком экономическом соревновании вновь проявился рассмотренный выше психологический аспект. Жители Великобритании, видя политику, проводимую рейхом на оккупированных территориях, утраивали свои силы. Немцы также делали все, что могли и даже больше — здесь хорошо работала пропаганда, — но жители захваченных территорий совершенно не желали выкладываться на благо Германии. Конечно, их заставляли (в основном «кнутом»), но эффективность была уже не та.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что «Ось» экономически уступала «свободному миру», даже при том, что США открыто не вступили в войну. В случае же вступления в войну США (и/или СССР) разрыв становился угрожающим. Кроме того, по общему настрою населения «свободный мир» также превосходил «Ось», хотя и не до такой степени, как это стало принято изображать после войны.

Все это не имело бы существенного значения при «молниеносной» войне, но если бы боевые действия приняли затяжной характер, экономические и психологические проблемы стали бы фатальными для Германии.

2

Теперь перейдем к собственно **стратегии**.

В ходе кампании во Франции Гитлер допустил, пожалуй, первую свою стратегическую ошибку: широко известное «Дюнкерское чудо». В результате Великобритания сохранила войска, хотя и потрепанные, но вполне боеспособные и, главное, получившие боевой опыт. Во всяком случае, с их помощью можно было в случае необходимости попытаться

отразить попытку десанта на Британские острова. Бронетанковая дивизия именно из этих, спасшихся в Дюнкерке частей, **единственная**, оставшаяся у Британии, была отправлена в Северную Африку. Как знать, что было бы с англичанами в Египте без нее...

Следующая — и уже едва ли поправимая — ошибка произошла в ходе «Битвы за Англию». Непрерывающимися атаками Люфтваффе британская истребительная авиация, аэродромы, система снабжения и управления ПВО были сильно потрепаны и близки к полному уничтожению. Но «...пилоты примерно десяти немецких бомбардировщиков в ночь на 23 августа допустили небольшую навигационную ошибку. Имея задачу сбросить бомбовый груз на авиационные заводы и нефтехранилища на окраине Лондона, летчики ошиблись в расчетах и сбросили бомбы на центр английской столицы, взорвав несколько домов и убив некоторое количество мирных жителей».¹ Англичане не остались в долгу и провели несколько налетов на Берлин, несмотря на двойное кольцо ПВО вокруг него. Ущерб в тот момент был относительно невелик, но психологическое воздействие — в особенности на психику фюрера Германской нации — огромно². Гитлер и Геринг были взбешены и в сентябре 1940 решили изменить цель авиационных атак — вместо баз ВВС и аэродромов этой целью стали жилые кварталы Лондона. В результате истребительные силы Британии получили возможность «отдышаться», и, кроме того, их задача сильно упростилась — вместо непредсказуемых атак на различные звенья воздушной обороны теперь преимущественно проводились массированные налеты на Лондон. В ходе одного из подобных налетов Люфтваффе понесли такие потери, что от дневных бомбардировок пришлось отказаться. «Битва за Англию» оказалась проигранной, а в середине сентября в ходе английского налета на порты Франции, Бельгии и Нидерландов, поддержанного легкими силами флота, было уничтожено более 200 барж и прочих плавсредств, с трудом собранных Гитлером для операции «Морской Лев».

В «Битве за Англию» выявились недостатки технического оснащения вермахта, и прежде всего самолетов Люфтваффе: малый радиус действия основного истребителя Me-109 и недостаточные боевые качества «надежды Люфтваффе» — Me-110. Ю-87 — прекрасный пикирующий бомбардировщик, единственный недостаток — способен «работать», только если в воздухе достигнуто господство. Что касается горизонтальных бомбардировщиков, то они не вполне соответствовали широкому задачам, стоявшим перед ними.

В качестве стратегических ошибок Гитлера следует упомянуть Норвежскую и Балканскую операции. Тактически они были проведены превосходно, укрепив репутацию «военной машины» вермахта, но прине-

¹ У. Ширер. «Взлет и падение Третьего рейха».

² Таким образом, Германия вместе с Англией несут ответственность за введение в практику такой отвратительной тактики, как «стратегическая бомбардировка». Здесь надо отметить, что Гитлер до последнего не желал прибегать к «терроризирующим налетам».

сли, во-первых, политические проблемы, а во-вторых, проблемы ухудшения географической связности. Удержание территорий с труднопроходимой местностью, не включенных в общую дорожную сеть и населенную открыто враждебными людьми, требует размещения крупных оккупационных сил и серьезного расхода ресурсов на их снабжение. Мне представляется, что эти страны проще было оставить в покое — в результате проблемы с местным населением возникли бы у англичан. (Норвегия весьма негативно реагировала на попытки Англии и Франции использовать ее территорию для переброски союзных войск для помощи Финляндии в 1940 году и позже на их поползновения разместить в Норвегии свои войска. Учитывая то, что союзники планировали захватить Норвегию, легко представить себе реакцию ее правительства и народа. В Югославии же внутренняя этническая напряженность достигла пика как раз к 1941 году, и там вскоре должна была начаться гражданская война).¹

При всех допущенных ошибках и неточностях стратегическое положение Германии к середине 1941 года оставалось прочным и давало некоторые основания для оптимистических прогнозов. Иначе обстояло дело в Италии.

В течение 1940—1941 годов эта страна потерпела несколько катастрофических поражений. Во-первых, налет 11 ноября 1940 года авиации англичан на Таранто, основную базу итальянского флота, вывел его ядро из строя. Что характерно, в налете принимали участие в основном устаревшие английские самолеты — «Сордфиши» и «Гладиаторы». Тем не менее эффект их применения был огромен. Во-вторых, при мысе Матапан 28 марта 1941 года в ходе морского столкновения итальянского флота с английским были потоплены тяжелый крейсер «Пола» и еще два крейсера и четыре эсминца. Линкор «Витторио Венетто» получил тяжелые повреждения. После этого итальянский флот в войне практического участия не принимал. В-третьих, Италию постигло несчастье и на суше — в Африке. После похода Уэйвела она потеряла большую часть своих владений в Африке и чуть не лишилась Ливии. По окончании боев итальянских пленных считали арами. Моральный дух войск дуче, особенно в Африке, был ужасающе низок.

Италию, после поражений во Франции, в Греции, в Африке уже никто не принимал как серьезную военную силу.

¹ Норвежская операция имела смысл в качестве информационного прикрытия перед кампанией 1940 года во Франции. Она в действительности вызвала некоторую дезорганизацию англо-французского командования. В некоторых вариантах «Битвы за Англию» владение аэродромами Бергена и морскими базами северной Норвегии было крайне желательным. Но если временная оккупация Норвегии и была оправдана конкретными оперативно-тактическими соображениями, то удержание этой территории в 1941 году являлось прямой ошибкой. Что же касается оккупации Югославии и Греции, то она, по-видимому, вообще не имела позитивного (для рейха) содержания. (*Примечание редактора серии.*)

Тем не менее в Средиземноморье она могла попытаться, разумеется теперь уже не сама, а «под чутким руководством» Германии, установить свое господство. Но и на этом ТВД проявилась тенденция операций вермахта к незаконченности, которую можно проследить во французской кампании и в «Битве за Англию».

На выручку итальянцам в Африку был послан Эрвин Роммель, на наш взгляд, лучший тактик Второй Мировой войны. Он совершал чудеса, изгнав англичан из Ливии вплоть до Тобрука с той же легкостью, с которой те разбили итальянцев. Но у Роммеля была лишь одна танковая и одна легкая дивизия, потери в которых были фактически невозполнимы. Несмотря на «авиационное наступление» против Мальты, «остров-крепость» продолжал препятствовать снабжению «Африканского Корпуса». Ни Люфтваффе, ни итальянский флот так и не смогли обеспечить снабжение Роммеля.

Тридцать первого мая 1941 года в результате крупнейшей воздушно-десантной операции был захвачен остров Крит. Тогда потери немцев, вообще говоря, вполне терпимые, настолько напугали Гитлера, что войска Германии более никогда не проводили подобных операций.

Несмотря на захват авиацией рейха господства в воздухе в Средиземноморье (в пределах боевого радиуса самолетов, базировавшихся на Сицилии), операции не получили завершения — был восстановлен баланс сил, но и только. В 20-х числах июня 1941 года Роммель был остановлен у Тобрука и не смог продвинуться дальше из-за недостатка топлива, отсутствия нормальной ремонтной базы и растянутости линии снабжения.

Что касается ситуации на море, то:

- в Средиземном море силы итальянского флота превосходили английские. Люфтваффе имела неоспоримое господство в воздухе. С учетом этого «Ось» должна была стремиться к установлению полного контроля над Средиземноморским бассейном;

- В Норвежском и Северном морях морские силы Великобритании могли, в свою очередь, достигнуть полного господства, флоту рейха нечего было им противопоставить;

- в Балтийском море силы сторон оказались примерно равны (хотя поскольку СССР еще не вступил в войну, а Британия не имела кораблей на Балтике, то немецкий флот получил здесь даже преимущество — во всяком случае, жизненно важную коммуникационную линию со Швецией рейх удерживал и в 1945 году);

- На Черном море «Ось» не имела сколько-нибудь серьезных морских сил;

- В Атлантическом океане Британия удерживала явное преимущество. Тем не менее действия немецких подводных лодок серьезно мешали снабжению Англии из США и колоний. В уничтожении британских конвоев подлодкам помогали крупные корабли флота рейха — единственное, для чего они были использованы за всю войну. Многие из них в ходе рейдерства были потоплены. Например, 18–28 мая

1941 года был выслежен и уничтожен крупнейший боевой корабль того времени — линкор «Бисмарк».

А по другую сторону от Гринвича Япония вела свою, отдельную от союзников по «Оси», войну. «Империя Восходящего Солнца» поставила своей задачей построить «Великую восточно-азиатскую сферу сотрудничества». Японцы планировали расширить свои владения в Юго-Восточной Азии, включив в них Китай и территории, принадлежащие Франции, потерпевшей военное поражение и лишенной (собственным союзником) флота.

18 сентября 1931 года началась колонизация Маньчжурии. В принципе именно оккупацию и отторжение от Китая Маньчжурии (где было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го) можно считать истинным началом Второй Мировой войны.

В 1933—1936 годах Япония продолжала экспансию, ее войска оккупировали провинцию Жэхэ и вторглись в провинцию Хэбэй. В июле 1937 года Япония приступила к операциям, направленным на захват всего Китая. В первые же месяцы был захвачен фактически весь Северный Китай, в дальнейшем были захвачены значительная часть Центрального и приморские районы в Южном Китае, включая Гуанчжоу. В Китае началось освободительное движение, но так как долгое время фактически велась гражданская война между силами гоминьдана под руководством Чан Кай-ши и коммунистической Красной армией Китая, наладить между ними взаимодействие оказалось непросто. Тем не менее в 1938 году наступление японцев приостановилось. Они перешли к «стратегии выматывания». Параллельно с действиями в Китае Япония решила попробовать свои силы против СССР и Монголии. 29 июля — 11 августа в районе озера Хасан произошел вооруженный конфликт между Японией и СССР. Войска Красной армии, впервые после гражданской войны, вступили в бой с кадровыми войсками Японии и нанесли ей поражение. Годом позже, в мае 1939 года, японцы в районе реки Халхин-Гол атаковали части сателлита СССР — Монголии. Однако и тогда японская армия потерпела поражение, на этот раз от совместных действий войск Монголии и советских частей, размещенных на территории МНР. После этого Япония стала с осторожностью относиться к войне с Советским Союзом и держала на границах с ним, в Северном Китае, Квантунскую армию — наиболее боеспособную из японских боевых частей. За всю войну, вплоть до нападения СССР, эта армия так и не сдвинулась с места.

13 апреля 1941 года Япония и СССР, как уже говорилось, заключили «Пакт о ненападении».

Реализуя планы расширения на юг, 25 июня 1940 года правительство Японии потребовало от правительства Виши разрешения на высадку войск во Французском Индокитае и получило его. Японский флот стал использовать порты французских владений для блокады Китая. Несмотря на то что 4 сентября 1940 года госсекретарь США предупредил правительство Японии о нежелательности расширения ее действий во Французском Индокитае, 22 сентября начинается оккупация Северного Индокитае, впоследствии там строятся

военно-воздушные базы. В ответ США 26 сентября вводят эмбарго на поставки в Японию металлолома и стали. Япония сочла это недружественным актом. В первой половине 1941 года напряженность в отношениях между США и Японией нарастала. США готовились к активным экономическим действиям против Японии. Правительство же Японии, в свою очередь, предполагало решить проблему мирными способами, не вступая в боевые действия ни с США, ни с Великобританией. Также оно не собиралось совершать какие-либо действия против СССР, памятуя о поражениях в 1938 и 1939 годах.

3

Важное значения для оперативно-стратегического анализа имело наличие серьезных разногласий в верхах стран-участниц войны. Вновь начнем с Германии. Управленческая структура рейха была разделена на несколько суверенных «блоков»: Имперское министерство труда, Имперское министерство пропаганды, Имперское министерство иностранных дел, СС, армия (Heer), флот (Рейхсмарине), авиация (Люфтваффе) и др. Подчеркнем, они были фактически независимы друг от друга. Вся политическая система рейха оказалась, таким образом, замкнута лично на Гитлера. То же самое — но в худшей форме — произошло и с вооруженными силами.

ОКХ (командование сухопутными силами) слабо координировало свои действия с Рейхсмарине и непрерывно конфликтовало с ОКЛ (командование Люфтваффе). ОКВ (главное командование вооруженных сил) рассматривалось перечисленными инстанциями едва ли не как главный противник в войне, что до некоторой степени объясняет весьма низкий уровень исполнения Кейтелем и Йодлем своих непосредственных обязанностей.

Помимо абвера, каждый вид вооруженных сил имел свою разведку! В результате возникали совершенно анекдотические ситуации, как, например, со сроком начала операции «Морской Лев». Командование армией требовало назначить одну дату, командование флотом — другую, а авиацией — третью. Случались вещи и посерьезнее — например, 24 мая было остановлено наступление танковых корпусов Гота и Рейнгардта на Дюнкерк — последний оставшийся порт, из которого могли эвакуироваться англичане. Одной из причин приказа об остановке была уверенность рейсхмаршала Люфтваффе Геринга в том, что его авиация легко сможет воспрепятствовать эвакуации англичан морем. Итог произошедшего известен.

В Японии дела в этом отношении обстояли даже хуже — армия и флот Империи представляли из себя как бы отдельные государства. Взаимопонимание между этими частями вооруженных сил почти полностью отсутствовало. У армии и флота Японии существовали разные планы на случай вступления в войну: соответственно «Север» (ориентированный на действия против СССР) и «Юг» (направленный преимущественно против США и Великобритании). Заметим, что официальное «Соглашение о совместных действиях», заключенное по инициативе командующих армией и флотом Страны Восходящего Солнца,

представляет собой документ, уникальный не только для Нового времени, но и, пожалуй, для Средневековья.

У союзников также, разумеется, не обошлось без трений и разногласий. В ходе первой фазы войны (1939–1940 гг.) Великобритания и Франция не смогли наладить между собой эффективного взаимодействия. В описываемый период следует отметить пренебрежительное отношение к «Свободной Франции» со стороны Соединенного Королевства и открыто негативное — со стороны Белого Дома. Все это, однако, не имело большого значения вследствие подавляющего ресурсного превосходства антигитлеровской коалиции, которую вполне устраивал 10% коэффициент взаимного содействия.

4

Оперативные возможности сторон летом 1941 года определялись прежде всего планом «Барбаросса». Здесь мы коснемся лишь основных моментов самого амбициозного замысла военного руководства рейха.

Предполагалось одновременно провести наступление по трем расходящимся оперативным линиям: на Ленинград, Москву и Киев. При этом взаимодействие между группами, действующими севернее и южнее Припятских болот, фактически не предусматривалось. Мало того, в состав этих стратегических группировок были выделены почти одинаковые силы. На карте это выглядит, как равномерное распределение войск по границе с СССР. Соответственно ни о каких стратегически непрямых действиях не могло быть и речи.

Представляется, что своими успехами в начале боевых действий против Советского Союза вермахт обязан удивительному планированию командования Красной армии, а точнее, полному отсутствию одного планирования. Во всяком случае, при непредвзятом анализе «Барбароссы» возникает впечатление, что командование Третьего рейха исчерпало стратегические планы, оставшиеся от Второго, а с самостоятельным стратегическим мышлением у гитлеровских генералов возникли серьезные проблемы.

Предполагалось, что СССР удастся разгромить в ходе «блицкрига» к началу осени — то есть примерно за два месяца, притом что на разгром Франции понадобился месяц с лишним. Если обратить внимание только лишь на ужасающе низкий по сравнению с Францией уровень развития дорожной сети, то можно прийти к выводу, что командование рейха охватила мания величия и эйфория от одержанных побед. Хотя подобные факторы принято относить к субъективным, они играют в военном искусстве важнейшую роль и должны учитываться при анализе.

В заключение еще пара слов о «вероятностной стратегии».

Мы заключили, что при всех серьезных и все время нарастающих проблемах стратегическая обстановка была пока еще благоприятна для Германии. Англия не имела возможности использовать свои войска в Европе, Советский Союз был недостаточно подготовлен к реальной войне. Внутренние транспортные линии — важное преимущество Гер-

мании — позволяли быстро маневрировать силами. В описываемый период лишь части в Норвегии и на Балканах выпадали из единой транспортной сети, и это было поправимо. Союзник рейха — Япония — имела мощный флот, в некоторых отношениях сильнейший в мире, ее участие в войне даже в середине 1941 года было вполне возможным.

Что же можно сказать о возможных направлениях действий «Оси»?

Во-первых, Средиземноморье. В случае нейтрализации английского средиземноморского флота можно было убедить Испанию выступить на стороне «Оси». Это могло бы привести к захвату Гибралтара, соответственно, к потере Великобританией важнейшей военно-морской базы и установлению частичного господства «Оси» в этом регионе.

Во-вторых, СССР. У Германии, даже при использовании плана «Барбаросса», была реальная возможность победить.

В-третьих, все еще можно было провести десант на Британские острова.

Хочется особо подчеркнуть, что середина 1941 года представляет собой ключевой момент, когда «Ось» находится на перепутье и должна выбирать между несколькими соблазнительными стратегическими схемами. Очевидно, она имела бы шансы на победу, лишь если инициатива оставалась за нею и ее войска действовали бы грамотно и быстро. В противном случае, «Ось», хотя и могла продолжать сражаться еще четыре года (как и произошло в истории), не имела никаких шансов на окончательную победу.

3. Пятая колонна: фашистские и антифашистские движения в мире (1941 год)

«Вы скажете мне: — Что за поза?!
Вы, батенька, максималист!
Я отвечу вам: — Что Вы, мой фюрер,
Я просто антифашист!»

Константин Панфилов

1. Фашисты

В России первая ассоциация на слово «фашизм» — Германия, немцы, Гитлер. Более эрудированные могут сказать: «А еще в Италии тоже были фашисты». Так вот, *фашисты* как раз в Италии-то и были. Здесь необходимо уточнить — в российской (советской) историографии принято называть все подобные движения фашистскими, не видя различий, например, между итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом¹. А различия эти существенны.

В чем суть фашизма как государственного строя? Перечислим «основные принципы», которым в большей или меньшей степени отвечают все фашистские режимы, как бы они ни назывались:

- 1) «сильное государство» и «примат государственности» как идеологическая основа;
- 2) «корпоративное общество»;
- 3) «принцип вождизма» как результат образование культа личности «вождя»;
- 4) государственное управление экономикой или, по крайней мере, активное вмешательство государства в экономику;

¹ После поражения под Сталинградом один из пленных немецких офицеров на заявление о том, что он фашист, ответил: «Я?! Нет, фашисты там (и показал в сторону размещения итальянских пленных), а я — национал-социалист!»

- 5) сращивание партийного аппарата с государственным;
- 6) неограниченные полномочия полиции и «служб безопасности», преследование «инакомыслящих» вплоть до помещения их в концлагеря или физического уничтожения, в то же время жестокая борьба с преступностью, особенно организованной;
- 7) роспуск всех партий и общественных движений, кроме фашистских, при этом особая борьба с коммунистами и любыми рабочими организациями, не подконтрольными правящей фашистской партии, запрет на деятельность внегосударственных профсоюзов;
- 8) развитая пропаганда, монополия государства на средства массовой информации и книгоиздание, партийный контроль над образованием — стремление к полному контролю государства над сознанием населения;
- 9) активное обращение государства также и к подсознанию людей — пропагандистская истерия, ночные марши с факелами и т. д.;
- 10) образование массы «союзов» и общественных движений, управляющихся партией и служащих ее резервуаром.

Теперь поищем различия между фашистскими партиями. Рассматривая движения времен Второй Мировой войны, можно выделить следующие направления:

- 1) фашизм как таковой, и партии, подобные ему;
- 2) национализм;
- 3) военные диктатуры, тяготевшие к Германии;
- 4) антианглийские движения, по сути своей фашистскими не являющиеся, но также тяготевшие к Германии как противнику Великобритании;
- 5) национал-социализм (который стоит как бы особняком).

К 1941 году фашизм охватил большую часть Европы. Фашистские режимы были установлены: в Италии (у власти — фашистская партия, во главе — «дуче» Муссолини), Испании (у власти, не поверите, «Испанская фаланга традиционалистов и хунта национал-синдикалистского наступления», глава — «каудильо» генерал Франко), Португалии (Национальный Союз, глава — Салазар), Румынии («Железная Гвардия», глава — генерал Антонеску).

В Финляндии было велико влияние фашистской партии «Патриотическое народное движение». В Венгрии и Болгарии были установлены диктатуры, стремящиеся во внешней политике к сближению с Германией. Позднее все три страны присоединились к Берлинскому пакту. (В Греции, кстати, в 1940 году тоже была установлена военная диктатура, ориентирующаяся на рейх. Однако из-за действий Италии Греция оказалась противником «Оси»).

При этом в Венгрии, Болгарии и Финляндии в той или иной степени сохранялись демократические формы государственного устройства — существовало несколько партий, заседал парламент. Италия оставалась королевством; более того, на руководящих должностях в Министерстве иностранных дел, армии и ряде других госучреждений по-прежнему находились представители аристократии. В Италии, Испании, Португалии и Румынии в большей или меньшей степени выполнялись все «основные принципы», но национализм был выражен довольно слабо,

проявляясь в основном как «мягкий» антисемитизм (в основном бытовой) и возвеличивание роли народа в мировой истории. В первую очередь это касается Италии, «наследницы» Римской империи.

Совсем другой ситуация была в государствах, где господствовали националистические партии — в Германии (Национал-социалистическая рабочая партия Германии, глава — «фюрер» Гитлер) и марионеточных государствах — Словакии (Тисо) и Хорватии (Павелич). Здесь ко всем «престелям» фашистского строя добавлялся национализм. В Германии НСДАП создало с помощью СС настоящую индустрию уничтожения «расово неполноценных» людей с помощью «лагерей смерти». Не будем подробно останавливаться на этой теме — она хорошо известна.

После «Мюнхенского соглашения» 1938 г. Чехословакия оказалась разделена на несколько частей. Словакия стала «независимой». Лидер клерикально-фашистской Словацкой Народной партии Тисо, ставший к тому времени благодаря вмешательству Германии премьер-министром Словакии, учредил так называемую «глинковскую гвардию» — вооруженную организацию по типу немецких СС. Эти доморожденные эсэсовцы проводили по отношению к чехам и другим не-словакам крайне националистическую политику, подобно немецким «старшим товарищам» (правда, обходились без концлагерей).

После захвата Германией весной 1941 года территории Югославии эта страна была разделена между Германией и Италией, причем Хорватия получила «независимость». К власти там пришла националистическая организация «усташей» во главе с Павеличем. Эти верные последователи немцев организовали на своей территории концлагеря, в которые отправались сотни тысяч людей других югославских национальностей¹. В Сербии немцы поставили во главе «правительства» генерала Недича. Приблизительно в то же время (август 1941 года) в стране возникло великосербское националистическое движение «четников» (действующее в том же «стиле», что и хорватские «усташи»). Несколько месяцев четники с одинаковым «удовольствием» боролись как против немцев и усташей, так и против коммунистических партизанских отрядов под общим управлением Тито. (Фактически на территории Сербии шла трехсторонняя партизанская война.) Однако с осени четники стали практиковать «тактические примирения» с отрядами Недича, а позже перестали бороться и с немцами. В конце концов четники перешли на позицию сотрудничества с Недичем в борьбе против коммунистических партизанских отрядов.

На всех оккупированных территориях существовала пресловутая «пятая колонна».

¹ В Хорватии Павелича была создана значительно более грубая и деспотическая система уничтожения людей, нежели даже в гитлеровском рейхе. В разряд «неполноценных» включили сербов, албанцев, турок и, разумеется, евреев. Расправы стали настолько жестокими, что не только представители командования вермахта, но и функционеры НСДАП слали в Берлин требования оказать на Павелича дипломатическое давление и добиться ограничения массовых убийств хоть какими-то рамками.

В Бельгии были сразу два вида националистов: валлоны¹ и фламандцы. И те и другие появились как организованные политические течения фашистского толка в середине 30-х годов и ратовали за отсоединение Валлонии и Фландрии соответственно от Бельгии и образование независимых государств. Обе партии активно привлекались к сотрудничеству немецкими оккупационными властями, однако же воевали они прежде всего друг с другом.

В Нидерландах еще в 1931 г. была создана партия «Национал-социалистское движение» во главе с Муссертом. После оккупации страны немцы активно использовали эту партию в своих интересах, а в 1942 г. Гитлер признал Муссерта «лейдером» (вождем) нидерландского народа.

В Норвегии активную роль пыталась играть нацистская партия «Нашунал Самлинг» во главе с Квислингом. Его имя стало нарицательным для предателей из «пятой колонны» во время Второй Мировой.

Надо заметить, что все эти движения были относительно малочисленны и не пользовались широкой поддержкой населения. Квислинг, к примеру, был настолько непопулярен, что ему дали власть только в 1942 г., когда немцы уже не рассчитывали на «взаимопонимание» с норвежцами.

Что касается Франции, то там, конечно, тоже существовали фашистские движения (например, «Огненные кресты» полковника де ля Рока, «Патриотическая молодежь», председателем которой был Пьер Теттенже, «Голубые рубашки» Марселя Бюкара). Тем не менее они не играли никакой существенной политической роли ни до поражения Франции, ни после него. Зато коллаборационисты и пораженцы были во Франции повсюду. Они приняли «деятельное» участие в разгроме страны, они же установили режим Виши, фашистский по сути. «Мы, маршал Франции, Глава Французского Государства...» Олицетворением этой «команды» были, конечно, Петен и Лаваль. Именно внутренняя политика, проводимая Лавалем, вызвала повсеместное недовольство французов и дала толчок развитию «Движения Сопротивления».

Вне оккупированной Европы некоторые страны также имели прогерманскую ориентацию. Речь идет прежде всего об Ирландии. Дело было не столько в обилии приверженцев национал-социализма на Зеленом острове, сколько в повсеместной «генетической» ненависти к англичанам: ирландцы были готовы поддержать кого угодно, лишь бы ненавистная Англия была сокрушена.

В 1932–1935 годах в Ирландии распространилось околорашистское движение «синерубашечников». После попытки переворота они были разогнаны, но в 1941 году «синерубашечник» все еще существовали, хотя и не играли уже важной роли в политике.

Антианглийские настроения распространились в 40-е годы и в большинстве арабских стран. Как уже отмечалось, в максимальной степени это затронуло Ирак, где премьер-министр Рашид Али произвел переворот

¹ Самой крупной партией валлонских националистов была партия рексистов (именно из ее членов во время войны с СССР была сформирована механизированная дивизия СС «Валлония»).

и начал боевые действия против англичан. В западных районах Иордании в 1936—1939 годах велась антибританская партизанская война. С началом Второй Мировой английское военное присутствие там усилилось: Иордания стала одним из стратегических плацдармов Британии на Ближнем Востоке, но недовольные в стране остались, что в драматической форме проявилось уже после войны. В Египте также существовала сильная антиколониальная оппозиция в армии и в дворцовых кругах, которая усиливалась по мере приближения войск Роммеля; в январе 1942 года египетские националисты были готовы провести переворот, но из-за неудач «Оси» эти планы постепенно сошли на нет.

Начиная с 1933 года Италия, а вскоре и Германия усилили экономическое проникновение в страны Латинской Америки. Немецкие и итальянские компании и банки стали весьма влиятельными структурами в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Перу, Чили и даже в Никарагуа (перечислены в порядке уменьшения влияния стран «Оси»). Однако к началу мировой войны конкурировавшие с ними компании США и Великобритании вытеснили немцев и итальянцев из Центральной Америки и серьезно подорвали их позиции в Бразилии.

Надо заметить, что во многих латиноамериканских странах поколениями жили немецкие колонисты. Это, а также привязанность местного истеблишмента к идее диктатуры привели к возникновению и распространению фашистских партий и движений в южноамериканском регионе. Фактически можно проследить корреляцию: чем удаленнее страна от США и чем меньше их экономическое влияние, тем более независима тамошняя военная диктатура и тем более влиятельны фашисты. В наибольшей степени фашизация затронула Аргентину, в которой жило очень много немцев, и Парагвай.

В Перу и Чили в 1939 году резко усилилось влияние США, и к власти пришли демократические правительства. Что касается Бразилии, то традиционные «разногласия» с профашистской Аргентиной (доходившие временами до войны) обусловили переход этой страны на проамериканские и, следовательно, антигерманские позиции. Уже в январе 1941 года США направили в Бразилию военную миссию, а в январе 1942-го Бразилия объявила войну Германии и Италии.

Теперь обратимся к «свободным нациям».

В самой Великобритании, слывшей с 1940 г. «Островом Свободы» (союзников у нее формально было много, но, увы, только на бумаге, так что в реальном мире она в одиночку боролась с Германией), еще с 1932 г. существовал «Британский союз фашистов» во главе с Мосли. Эта партия пропагандировала сотрудничество с фашистской Италией, а затем и с Германией. В 1940 г. сам Мосли был интернирован, но его партия просуществовала до тех пор, пока поражение Германии не стало очевидным (до конца 1942 г.). Стоит отметить, что эта партия была родственна итальянским фашистам; Мосли выступал за «революцию», подобную итальянской, в Великобритании.

В Южно-Африканском Союзе крупнейшие партии регулярно выступили против участия в войне на стороне Великобритании (пока самых ярких фашистов не интернировали).

Даже в Австралии в 1932 — 1933 гг. появилась партия фашистского типа «Новая Гвардия». Впрочем, ее деятельность в основном была направлена против рабочего движения.

В США, за редким исключением, фашистские движения не получили распространения. Даже Ку-Клус-Клан фактически свернул свою деятельность в период Второй Мировой (зато развернулся в первые послевоенные годы). В то же время очень велико было влияние «изоляционизма» — политики невмешательства США в военные конфликты за пределами американского континента. Правда и неправдами президент Рузвельт «шаг за шагом» преодолевал сопротивление изоляционистов, но США вступили в войну только после того, как Япония разгромила американский флот в Перл-Харборе, а Германия формально объявила войну «Великой Демократии»¹. После разгрома Германии изоляционизм переродился в такое одиозное течение, как маккартизм².

Наконец, упомянем СССР. В рамках «принципов», сформулированных в начале статьи, заметно сходство, если не тождество между сталинизмом и фашизмом — пусть практическое воплощение было различным, но суть-то одна.

Сравнивая идеологии Германии и СССР, можно видеть, что при всей несопоставимости идей национал-социализма и коммунизма (в некотором смысле эти идеи абсолютно противоположны) между ними можно провести параллель, если рассматривать их в прагматическом, а не гносеологическом плане. Можно спокойно заменить «евреев» на «капиталистов», «расу» на «класс», «арийцев» на «пролетариат» и «мировой еврейский заговор против Великого Рейха германской нации» на «мировой заговор империалистов против первого рабоче-крестьянского социалистического государства», и из национал-социализма мы получим коммунизм. Что же касается воплощения идеологических императивов в жизнь, то сложно найти более идентичные структуры (по уровню государственного принуждения, по степени контроля государства над сознанием людей, по размаху репрессий) чем Германия при Гитлере и СССР при Сталине.

Прослеживаются очевидные параллели между СС и НКВД (ОГПУ, ЧК). По некоторым сведениям, гестапо (политическая полиция Германии в составе СС) и НКВД тесно сотрудничали. Это касается подготовки кадров (недаром, по словам В. Шелленберга, Мюллер был «боль-

¹ Огромную помощь оказали Ф. Рузвельту ведущие американские монополии, руководство которых в конце тридцатых годов пришло к пониманию альтернативы: вступление в войну или возвращение к «Великой Депрессии». «Моментом истины» следует считать выборы 1940 года. Согласно американской политической традиции, Ф. Рузвельт не должен был соглашаться на выдвижение своей кандидатуры на третий президентский срок. На съезде Демократической партии этот вопрос, однако, не был даже поставлен.

² Наиболее характерная мысль идеологии маккартизма выглядит примерно так: «Негр, значит еврей, значит коммунист (т. е. враг)» — что-то знакомое, не так ли?

шим поклонником НКВД»), равно как и передачи друг другу «в качестве жеста доброй воли» различных «врагов государства».

Обращение с оккупированной Польшей в 1939—1941 гг. прекрасно иллюстрирует практическую близость Германии и СССР, казалось бы, совершенно противоположных в идеологическом плане. За исключением евреев, СС и НКВД выбирали одни и те же объекты для своей «работы». Первоочередной их задачей было уничтожить политическое руководство страны, «обезглавить общину», как выразился польский генерал Андерс. Кроме того, сам предлог и обоснование агрессии в обоих случаях одинаковы — если заменить «фольксдойче» на «братский украинский и белорусский народы» — «поляки плохо обращаются с меньшинствами, нарушают границу, устраивают провокации».

Интересно, что и такой основополагающий признак фашизма, как антисемитизм, «диагностируется» в СССР. Хотя во время войны был при одобрении Сталина создан Еврейский антифашистский комитет (в основном для обеспечения международной поддержки СССР), начиная с 1946 года в стране проводится массовая антисемитская кампания, достигшая своего апогея в 1953 году и окончившаяся лишь со смертью Сталина.

Сходным было отношение Гитлера и Сталина к Коминтерну и зарубежным коммунистам. Уже в 20-х годах Сталин стремился подчинить Коминтерн себе и добился в 1929 году признания себя «вождем мирового коммунистического движения». После этого он последовательно убирал видных зарубежных коммунистов, не преданных ему и способных составить конкуренцию. После окончания гражданской войны в Испании многие лидеры испанских коммунистов и советских «добровольцев» были вызваны в Москву и в 1939—1940 гг. попросту сгинули в сталинских концлагерях. Среди них был, например, и легендарный Берзин, после возвращения ненадолго ставший начальником разведуправления РККА. Как один из наиболее показательных моментов в отношении Сталина к мировому коммунистическому движению можно рассматривать то, что некоторое время им всерьез рассматривалось предложение Гитлера о присоединении СССР к «Антикоминтерновскому Пакту»(!). В целом, напрашивается вывод, что сталинизм в период до начала Великой Отечественной можно рассматривать как разновидность фашизма в той же мере, что и национал-социализм. И тот и другой режимы были функционально одинаковыми, идеология и пропаганда использовали фактически один язык, хотя используемые термины и были противоположны. Лишь после того как Германия пала на СССР, Сталин озабочился тем, чтобы придать своему режиму вид, более привычный западным демократиям. Тем не менее вскоре после разгрома Германии и вплоть до смерти Сталина все «вернулось на круги своя».

II. Антифашисты

В предыдущем разделе показана довольно мрачная картина всеобщего торжества фашизма. Неужели все было настолько беспросветно? Нет, конечно, было и либеральное (антифашистское) движение. Другое дело, что беспристрастный историк вынужден признать -- до нападения Германии на СССР оно оставалось вялым и неорганизованным.

Как верно отмечала советская историография, основной частью антифашистов были коммунисты. Они были максимально боеспособны, зачастую фанатичны до полного презрения к смерти. Тем не менее рост антифашистского Движения Сопротивления тесно увязан с началом войны Гитлера против СССР. Это приводит к довольно печальному выводу, что коммунисты по всей Европе контролировались Сталиным и «придерживались» им вплоть до тех пор пока ему не стало политически выгодно их использовать¹.

Вместе с тем стоит отметить тот вклад, который вносила Великобритания в Движение Сопротивления на оккупированных территориях. До тех пор пока она не была побеждена, в Европе не мог быть установлен «новый порядок». В то время как СССР занимал по отношению к Германии нейтральную позицию, Соединенное Королевство всеми способами поддерживало антифашистов.

Норвегия, страна свободных людей, пыталась сопротивляться захвату в 1940 году, но из-за предателей из «пятой колонны», слабого оснащения норвежской армии и бездарных действий британского Адмиралтейства не смогла этого сделать. Поражению немало способствовало и стойкое нежелание правительства и командования провести хотя бы минимальную подготовку к войне. Сопротивление возникало локально и было слишком слабым для срыва немецкого десанта, однако потери немцев, особенно в кораблях, оказались тяжелыми. Норвежские антифашисты служили важной причиной того, что «Норвежский Корпус» был вынужден оставаться в Норвегии и оказался стратегически интернирован.

Во Франции до середины 1941 года антифашистское движение фактически не проявлялось, хотя уже в мае французскими коммунистами была создана «массовая боевая организация франтиреров (вольных стрелков) и партизан — „Франтирер э партизан Франсэ“»². Вообще, с французским Движением Сопротивления ситуация сложилась поистине анекдотическая. Когда после войны попытались подсчитать точное количество участников Сопротивления, оказалось, что их количество приближается к общей численности населения страны. Каждый лавочник, считавший немецкого оккупанта на несколько франков, искренне считал себя героем освободительной борьбы...

Движение «Свободная Франция», руководимое Шарлем де Голлем, представляло для Германии гораздо большую угрозу, однако к середине 1941 года оно не имело еще широкой поддержки ни на территории самой Франции, ни в колониях (за исключением Французской Экваториальной Африки). Главной проблемой де Голя было несерьезное отношение к движению со стороны Великобритании, а в еще большей

¹ Одним из наиболее ярких примеров служит ситуация накануне выборов в Германии в 1933 году: немецким коммунистам было дано указание рассматривать как врагов в первую очередь социал-демократические партии, что сыграло немалую роль в приходе НСДАП к власти в четком соответствии с конституцией. Более того, по ряду вопросов национал-социалисты и коммунисты выступали в рейхстаге одинаково.

² А. М. Самсонов. «Крах фашистской агрессии».

степени — и США. Лишь в 1942 году «Свободной Франции» и ФКП удалось найти общий язык, и они начали действовать совместно, одновременно в колониях все большее количество французов стало склоняться к де Голлю.

В Югославии освободительное движение появилось фактически сразу после оккупации. Его составляли «четники», с одной стороны, и коммунисты, с другой. Что касается «четников», то национализм в этом движении перевесил патриотизм, и отнести их к антифашистам не представляется возможным. Зато югославские коммунисты во главе с Тито уже 7 июля 1941 года организовали всеобщее восстание в Югославии и даже сумели на некоторое время освободить обширные области страны, включавшие 40 городов; в Западной Сербии была провозглашена Ужицкая республика, просуществовавшая до декабря. Благодаря действиям югославских партизан, соединения стран «Оси» на Балканах также оказались стратегически интернированы, что имело далеко идущие последствия.

В Польше и Чехословакии существовало довольно своеобразное Движение Сопротивления, четко делившееся на патриотическое и коммунистическое крылья. Эти крылья фактически не координировали свои действия друг с другом, поддерживались соответственно Англией и СССР и использовались для совершения диверсий и разведывательной работы.

В заключение вновь повторим, что в целом можно говорить о некоем «балансе»: профашистские силы в «свободных» и нейтральных странах уравновешивали антифашистские движения на оккупированных территориях. Уже к началу 1942 года этот баланс будет необратимо нарушен в пользу «Свободного Мира».

4. Стратегическая обстановка на 1 июня 1942 года

1

В литературе по Второй Мировой войне можно отметить наличие «поворотного пункта» в войне. Практически любому автору понятно, что с некоторой даты война не могла быть проиграна союзниками¹. С какой? Есть несколько точек зрения — 1944 (высадка союзников в Нормандии), 1943 (Курская битва) и даже 1941 — нападение на СССР. Каждая из приведенных дат имеет своих приверженцев, каждую можно разумно обосновать. Для Лиддел Гарта перелом в войне приходится на 1942. Чем же был примечателен этот год?

Во-первых, мировой кризис вступил в свою высшую стадию — «Пространство войны», формально определяемое как территория, на которой происходят события, непосредственно оказывающие воздействие на систему «война», именно в 1942 году максимально.

Во-вторых, не слишком удачные операции стран Оси предыдущих лет, и прежде всего кампания в России 1941, привели стороны к локальному равновесию: с точки зрения оперативно-стратегического искусства можно считать, что на начало весенней кампании 1942 года силы сторон совпадают. У Оси имеется тактическое преимущество, выраженное прежде всего в большем опыте, но это преимущество поставлено под сомнение предыдущей кампанией, а у союзников — экономическое, в свою очередь поставленное под сомнение успешными территориальными приобретениями противника.

Отметим также, что 1942 явился годом структурного водораздела: если кампании 1939, 1940 и даже 1941 шли под знаком блицкрига, осуществляемого странами «Оси» (лишь немногие операции были выиграны союзниками — первая Африканская О'Коннора и Московская оборонительная 1941), то в 1943 мы видим медленные, «тяжелые» опе-

¹ Стоит, однако, заметить, что это не эквивалентно тому, что война обязательно проигрывалась странами Оси.

рации союзников: Тихоокеанская кампания 1943, Курская битва, высадка в Африке. Изменился стиль войны. По выражению немецкого историка Б. Шойринга, 1942 год наступал «под знаком упорства».

2

Анализируя стратегическую обстановку на середину 1942 года, прежде всего необходимо констатировать, что Италия практически выведена из войны. Еще при довоенном планировании считалось, что итальянская сторона будет нуждаться в 4 млн. тонн нефти, а немецкая — в 12 млн. К 1942 году положение с топливом стало трудным даже для Германии, хотя его еще хватало. Но вот на союзника, особенно столь «некачественного», ресурсов уже не оставалось. Действительно, если в 1940 Италия получила из Румынии 1069 тыс. тонн нефти, то в 1942 — всего 261 тыс. тонн.

Это обстоятельство ударило прежде всего по флоту и авиации (итальянские пехотные дивизии были не столь требовательны к горючему, а немногие танковые части в Африке были очень нужны, поэтому их-то снабжали). Следовательно, теперь на Средиземном море безусловно господствовал английский флот. Обратим внимание на дерзкую акцию итальянских подводников в декабре 1941 года — два английских линкора в Александрии оказались выведенными из строя на длительный срок — вплоть до 1944 года. Но успех операции был сведен на нет нерешительностью итальянского командования, которое не смогло использовать полученного преимущества (было придумано оправдание: дескать, линкоры сели на грунт и с воздуха не было заметно повреждений, поэтому итальянская супремарина считала их боееспособными. При этом все равно остается непонятно, почему итальянцы не решились хотя бы на демонстрацию, для выяснения точных результатов атаки).

С потерей моря положение Африканского корпуса и итальянских сил в Северной Африке становится не просто тяжелым, а безнадежным. Роммеля могло спасти только чудо или искусная стратегия в сочетании с бездарным командованием англичан. В качестве альтернативы командование «Оси» третий год разрабатывало операцию по взятию Мальты — десантную операцию типа Критской. Стоит помнить, однако, что десантные действия без обеспечения топливом итальянского флота лишь немного улучшали общую ситуацию на ТВД.

На восточном фронте позиция оставалась более устойчивой. Основываясь на системе железных дорог и опорных пунктов, немецкие войска удерживали позиционный фронт. Несмотря на большие потери в летней кампании 1941, наличных войск было еще достаточно: фактически даже не потребовалось особенно сокращать протяженность линии фронта.

С другой стороны, на широкие наступательные действия сил уже явно не хватало. Причем дефицит выражался двояко: во-первых, не хватало людей. Как известно, для сосредоточения групп армий «А» и «Б» по плану кампании 1942 пришлось обескровить группы «Север» и «Центр». Во-вторых, не хватало транспортных мощностей. Наступление

могло вестись лишь ограниченным числом дивизий, так как железнодорожная сеть СССР очень бедна. Особенно страдали армии группы армий «Центр» — и без того плохая ж/д сеть непрерывно подвергалась атакам партизан, объем перевозок оказался ниже всякого минимума.

Чрезвычайная растянутость линий снабжения и обширность захваченных территорий создавали еще одну проблему — необходимость вести разумную оккупационную политику. И здесь наибольшим камнем преткновения стали национал-социалистическая идеология, а также предвоенная пропаганда расширения «жизненного пространства» немцев за счет СССР. Умеренную внутреннюю политику на землях, все жители которой объявлены недочеловеками, вести крайне сложно, если не сказать невозможно. Поэтому проблема партизанского движения решена быть не могла — даже паллиативно.

В начале 1942 г. высшее командование вермахта вообще считало кампанию в России проигранной. «С весны 1942 года я знал, что мы не сможем выиграть войны», — так заявил Йодль 13 мая 1945 года¹. Лишь неудачные действия советского командования спасли вермахт от поражения зимой 1941 года. Тем не менее предложение японского адмиралтейства о посредничестве между Германией и Советским Союзом «в пользу сепаратного мира» было отвергнуто².

Особую проблему составляли Черное море и Крым. Румынский флот был не способен противостоять численно и качественно превосходящему черноморскому флоту. Следствием этого стала возможность героической обороны Севастополя — окруженного, блокированного и постоянно подвергающегося ударам авиации. А Крымский полуостров нависал над глубоким тылом группы армий «Юг». Успешная Керченская десантная операция показала, что Красная армия способна к активным действиям и будет развивать успех, если не предпринять срочных шагов по полному захвату полуострова.

Третий «фронт» рейха — Атлантика. Ситуация в «битве за Англию» была неоднозначной. Потери торгового флота союзников ощути-мо росли — в мае 1942 было потоплено 151 судно общим водоизмещением 705 тыс. брт, а в июне — 173 общим водоизмещением 834 тыс. брт³.

Стоит вспомнить, что в мае 1942 адмирал Дениц считал, что для обеспечения победы в битве за Атлантику необходимо топить 700 тыс. брт. в месяц: «В 1942 г. общий тоннаж, который может построить противник, составляет около 8 млн. 200 тыс. тонн. Это означает, что мы должны топить примерно 700 тыс. тонн, чтобы компенсировать новое строительство»⁴. Тоннаж торгового флота Великобритании постоянно снижался. Перед войной ежегодный импорт Великобритании со-

¹ Kriegstagebuch des OKW, vol. 4, p. 1501.

² W. Gorlitz, H. Quint. Op. cit., p. 580.

³ История 2-й Мировой Войны в 12 томах. Том 5., вкл. 21.

⁴ Brassey's Naval Annual 1948, p. 281.

ставлял 50 млн. тонн. В 1940 он снизился до 42.4 млн. тонн, в 1941 — до 30.5, а к концу 1942 — до 23 млн. тонн. Казалось, Дениц выигрывает войну.

На деле для Германии все обстояло значительно хуже. Во-первых, оценка строительства торгового флота была занижена Деницем. Суммарный объем тоннажа, построенного США, Канадой и Великобританией, составил чуть меньше 10 млн. брт. Во-вторых, экономическая блокада Англии еще не давала результата — индекс военного производства Британии рос чудовищными темпами: если взять за 100% уровень 1939 года, то в мае 1942 он составил 724, в сентябре 798 и в ноябре 811. Наконец, Дениц не учел, что в самом лучшем для немцев случае решения динамических уравнений для английского импорта будут носить некое равновесие. (В теории стратегических бомбардировок, вообще говоря изоморфной подводной войне, это обстоятельство носит название «закон убывающего вреда».)

Планы прошлого года о вторжении в Англию ныне, в 1942 году, пришлось оставить. Западная армия была чрезвычайно слаба. На самом деле, она состояла из переформировывавшихся частей и новобранцев. А резервов с Восточного фронта получить было нельзя — наоборот, русский ТВД поглощал все резервы. Флот Великобритании, несмотря на поражение в Индийском океане и Малайе, вырос. Вступление же в войну США существенно упрощало задачу охраны конвоев.

И наконец, Тихий океан.

Тут положение было более благоприятным для стран Оси — Япония успешно осуществила захват «пояса обороны» Империи. Японский флот стал сильнейшим на ТВД — американские силы не имели ни опыта, ни достаточного количества кораблей, а английские соединения после захвата Японией Гонконга, Сингапура, Голландской Ост-Индии и удара по Коломбо оказались не способными к активным действиям. Возможно, Черчилль сознательно пошел на уход с Тихого океана. Очищение Сингапура было теперь уже выгодно разваливающейся Британской империи. Дело в том, что с точки зрения главной задачи — сохранения Индийского океана — Сингапур бесполезен. Флоту и авиации, базирующимся на Сингапуре, затруднительно действовать в Индийском океане — этому мешает остров Суматра. Для оборонительных целей подходит архипелаг Чагос или, еще в большей степени, Кокосовые острова (мало того что они находятся в центре линии, соединяющей Индию и Австралию, так еще и закрывают Зондский пролив).

С другой стороны, удобное расположение острова Сингапур на входе в Южно-Китайское море позволяет вести наступление на Филиппины, Индокитай или Формозу. Потому Сингапур бесполезен при оборонительной стратегии и очень удобен при наступательной.

Британский флот, связанный задачами в Атлантике и Средиземном море, не мог оказать поддержки гарнизону этой крепости — судьба «Принца Уэльского» и «Рипалса» весьма показательна. Тем более, Ад-

миралтейство не имело сил для активных действий в Тихом океане. У американского же флота, потерпевшего сокрушительное поражение в Перл-Харборе, имелся минимум сил для действий на Тихом океане, помощь Сингапуру он мог оказать чисто символическую (даже если считать, что таковая помощь вообще входила в планы Ф. Рузвельта, чего мы не предполагаем, — см. Предисловие). Голландская эскадра никогда не воспринималась как сколько-нибудь существенная помеха японцам.

Таким образом, эвакуация Сингапура была неизбежной. Другой вопрос, что рекламная кампания, сопутствовавшая строительству этой «морской крепости», и созданный при этом имидж не позволяли просто так отдать крепость противнику. Нужно было не потерять лицо. И даже этого сделать не удалось.

Другой вопрос, что сдача Сингапура — какими бы оперативными или тактическими соображениями она ни оправдывалась — была «похоронным звоном» — не только по Британской Империи, но и по всей политике традиционного колониализма. Но на этой стадии войны Черчиллю уже было не до киплингговской романтики и «бремени белого человека».

После потери Сингапура американский флот оставался один на один с численно и качественно превосходящим противником. Японский флот выигрывал войну! В это никто не верил, но ведь американская промышленность не успевала с постройкой боевых кораблей — первый новый тяжелый авианосец «Эссекс» вступил в строй лишь 31.12.1942. За весь 1942 год было переоборудовано под эскортные авианосцы 14 гражданских судов, однако половина из них воевала на Атлантике, да и использоваться эти корабли с 21 самолетом на борту могли лишь как корабли ПЛО. Японцы за это же время переоборудовали 6 легких авианосцев. Следовательно, примерно до середины 1943 Императорский флот сохранял преимущество в этом классе кораблей. В остальных классах было если и не превосходство (как, например, в линкорах — фактически десять против нуля), то паритет.

Развернувшееся 7–8 мая неудачное для японцев сражение в Коралловом море еще более усугубило превосходство — размен легкого «Сехо» на тяжелый «Лексингтон» был более чем оправдан для страны Восходящего Солнца. В июне Япония могла выставить на Тихом океане 6 больших авианосцев против 3 американских.

Итак, мы можем сформулировать задачи сторон на кампанию 1942:

— Для Германии: решение топливной проблемы, создание блокадной позиции на Восточном фронте. Захват Ростова, Сталинграда, Астрахани, Баку. Обязательное удержание Харькова и нейтрализация Крыма.

— Для Италии: захват господства на Средиземном море, что приводит к решению экономических проблем. Захват Мальты и Суэца (впрочем, для Муссолини эта стадия планирования относится к тому, что врачи называют *post mortem*).

— Для Японии: обеспечение «Большого оборонительного периметра». Захват Мидуэя.

— Для США: поиск тактических шансов на Тихом океане, которые позволят продержаться до массового вступления в строй новых кораблей.

— Для Великобритании: захват Северной Африки как обеспечение Средиземного моря, потенциальный вывод Италии из войны. Борьба с немецкими подводниками в Атлантике. Удержание Индийского океана.

Задачи СССР несколько не ясны. Ставкой было предложено несколько разрозненных наступлений. Единственная осмысленная операция — освобождение Харькова.

Все перечисленные задачи можно было решить только наступательно. Что в перспективе должно было привести к большому числу встречных сражений.

Так оно и случилось.

Высшая стратегия

1. Операция «Барбаросса» — кризис Мировой войны

Осенью 1940 высшее руководство Третьего Рейха приняло решение о подготовке к войне с СССР. Этим был однозначно определен приоритет «континентального» способа решения Мировой войны над «морским». Вторжение в Англию откладывалось до завершения Восточной кампании.

Экономически эта стратегия подразумевала усиление автаркии Германии, а в перспективе — нарастание сырьевых кризисов. Отметим, что богатства СССР и безо всякой войны могли быть использованы рейхом: этой цели служили уже заключенные торговые соглашения. Конечно, цена тонны груза, купленного у СССР, была выше, чем стоимость тонны того же груза, вывезенного с оккупированной территории. Не стоит, однако, забывать, что основную проблему военной экономики в ситуации блокады составляют не столько деньги — в условиях победоносной войны валюта у рейха нашлась бы, — сколько физическая невозможность купить данный вид товара. Иными словами, нейтральный Советский Союз, готовый торговать с Германией, был «окном», через которое можно было получить самые разные изделия, произведенные в любых точках земного шара. Частично оккупированный Советский Союз «предоставлял» какие-то товары (прежде всего, зерно и рабочую силу) совершенно «бесплатно», но ничего сверх этого получить уже было нельзя: блокада приобретала почти абсолютный характер¹.

¹ В реальности у рейха оставались три коммуникационные линии с «остальным миром»: через Швецию, откуда она получала, в частности, полиметаллы и подшипники, через Швейцарию и через Пиренейский полуостров. Ни одна из этих линий не шла ни в какое сравнение с советским торговым капиталом.

Таким образом, с чисто экономической точки зрения решение Гитлера напасть на СССР выглядит неочевидным¹.

С чисто военной точки зрения СССР представлял и более опасного, и более уязвимого из возможных противников рейха. В начале августа 1940 Абвер предоставил такую оценку сил Красной армии: «Россия имеет всего 151 пехотную дивизию, 32 кавалерийские дивизии, 38 мотомехбригад. До весны это число не может существенно увеличиться»². Против Рейха, по мнению германских специалистов, следовало ожидать развертывания 96 пехотных, 23 кавалерийских дивизий и 28 мотомехбригад.

Сейчас нам известно, что гитлеровская разведка ошиблась в определении мобилизационных возможностей Красной армии. Абвер преуменьшил число советских дивизий на 30%, самолетов в 2.8 раза, о количестве советских танков и их распределении по типам вообще не имелось точного представления. Но вот о том, что в СССР выполняется программа переоснащения армии, что принята программа увеличения ее численности, немецкие генералы *знали*. Признавалось ими и то, что «широкая перестройка армии» даст положительные результаты: «Все эти мероприятия должны постепенно внести улучшения общего порядка во всех областях в рядах Красной армии»³. По мнению Типпельскирха, к 1943 можно было ожидать существенного роста как численности Красной армии, так и ее боевых возможностей. Гитлер следующими словами обосновывал необходимость вторжения: «Русские вооруженные силы хотя и представляют собой глиняный колосс без головы, но их дальнейшее развитие нельзя точно предвидеть. Так как Россия все равно должна быть разбита, то лучше всего это сделать сейчас, когда русские вооруженные силы не имеют вождей и плохо вооружены и когда русские должны преодолевать большие трудности в своей военной промышленности, развивающейся с чужой помощью»⁴.

Итак, не найдя в себе достаточно мужества для предельно рискованной, но необходимой операции Зеелеве, немецкое руководство приняло решение «поставить» все на менее рискованную, более привлекательную и «традиционную» (то есть находящуюся в русле

¹ Часто говорится, что Гитлер опасался нарастания зависимости экономики рейха от сырьевых поставок из СССР. Если фюрер германской нации в действительности так думал, он допустил курьезную ошибку: суть торговли в том и состоит, что между странами образуются *взаимные зависимости*. Перефразируя Сунь-Цзы, можно сказать, что, не понимая этого, невозможно понять и всю выгоду от торговли. В данном случае положение рейха дополнительно облегчалось тем, что Германия стояла выше СССР в индустриальной пирамиде: покупала она преимущественно сырье, а расплачивалась продукцией машиностроения. Таким образом, в большую зависимость от взаимной торговли попал Советский Союз, а, отнюдь, не Германия.

² Н.-А. Jacobsen. 1939—1945. Der zweine Weltkrieg in Chonik und Dokumenten, 1961, p. 165.

³ Архив МО СССР, ф.6598, оп.725109, л.106.

⁴ КТВ/OKW, vol. I, p. 257, 258.

идей, оставшихся со времен старшего Мольтке и Шлиффена) «карту» России.

История поэтапного планирования операции «Барбаросса» сама по себе представляет интерес. Уже 28 июля 1940 гросс-адмирал Редер (!) представил Гитлеру памятную записку «Соображения о России». В ней говорилось: «Военные силы русской армии необходимо считать неизмеримо более слабыми, чем наши, имеющие опыт войны. Захват района до линии Ладожское озеро — Смоленск — Крым в военном отношении возможен, и из этого района будут продиктованы условия мира. Левый фланг, который прорвется через прибалтийские государства, за короткий срок установит контакт с финнами на Ладожском озере. С занятием побережья и Ленинграда сила сопротивления русского флота рухнет сама собой. Если еще потребуются занять Москву, то это будет решено с учетом обстановки и времени года»¹. Редер пришел к выводу о возможности проведения операции против России уже осенью 1940, то есть до начала высадки в Англию².

Штаб ОКХ был не столь самоуверен и предпочел более глубоко исследовать «проблему России». В последующие месяцы было создано множество предварительных планов и оперативных схем. Первый вариант предусматривал нанесение главного удара в центре — на московском направлении — группой армий в составе 16 танковых и моторизованных и 34 пехотных дивизий³ при развертывании более слабых сил на флангах. Более известен план, представленный 5 августа 1940 генералом Марксом, начальником штаба 18-й армии, значившимся в анналах Генерального штаба «специалистом по России». В этом плане наступление предполагалось вести по *двум* направлениям: на Москву и на Киев. В плане полковника Лоссберга предполагалось действовать тремя группами, причем северная группа должна взаимодействовать с финнами. Наиболее необычен, пожалуй, план начальника штаба группы армий «Юг» генерала Зодденштерна, который предложил осуществить стратегические «Канны» всей России. Охват должна была осуществить северная группа армий (21 танковая и моторизованная, 46 пехотных дивизий) через Смоленск, Даугавпилс и южная группа (9 танковых и моторизованных,

¹ A. Hillgruber. Op.cit., стр.221.

² При изучении этого «оперативного плана» создается впечатление, что единственной целью, которую преследовал Редер, было отвлечь фюрера от идеи вторжения в Англию. Символично, что именно в те дни, когда все внимание руководителя германского флота должно было принадлежать операции «Зеслевс», Редер находит время заниматься делами, которые вообще находились вне сферы его компетенции.

³ При всей своей простоте и заманчивости план имел тот недостаток, что немцы были не готовы к созданию подобной «Группы танковых армий» (речь идет, конечно, об организационной неподготовленности.)

37 пехотных дивизий) через Киев, при общих сковывающих действиях в центре¹.

Третьего сентября 1940 года первым обер-квартирмейстером Генерального штаба был назначен генерал Паулюс, который и возглавил последний этап планирования войны. К 29 октября он предоставил докладную записку «Основы русской операции».

Наибольшую проблему составляла Красная армия. Ее силы «представляли собой большую неизвестную величину»².

Для целей стратегического планирования Паулюс предположил, что силы СССР, развернутые против Германии, будут составлять примерно 125 стрелковых дивизий, 50 танковых и мотомехбригад (напомним, что, согласно советским планам, в первом стратегическом эшелоне планировалось иметь примерно 170 дивизий, что показывает достаточно точную оценку Паулюсом данного параметра — величина погрешности не превышает 10%). Прибытие резервов определялось следующим графиком: до третьего месяца войны ожидалось 30—40 русских дивизий, до шестого месяца — еще 100 дивизий. Однако немецкая разведка не смогла вскрыть создание второго стратегического эшелона, появление которого станет в июле 1941 года неприятной неожиданностью для командования сухопутных сил.

Для Красной армии наиболее естественным признавалось наступление на Юге — с задачей выхода к румынским нефтяным месторождениям, либо авиационный удар по ним. На севере, как полагала немецкая разведка, предполагалось отступление русских.

Паулюсом были проведены три штабные игры — 29 ноября, 3 и 7 декабря (а не две, как пишет Лиддел Гарт). В них участвовали офицеры штаба ОКХ и штабные офицеры объединений, которым предстояло принять участие в кампании.

В ходе этих игр сразу же стало ясно, что наличных сил недостаточно. Особенно тяжелая ситуация складывалась с резервами. Фактически «Восточный поход» предстояло выигрывать одним эшелоном войск. Таким образом, было установлено, что при успешном развитии опера-

¹ Очень рискованный и красивый асимметричный план, имеющий тот же недостаток, что и первый, — необходимость создания «Группы танковых армий», то есть — предварительного разрешения весьма серьезных организационных проблем.

Кроме того, план требовал от Северной группы армий осуществить весьма сложный и вычурный маневр с продвижением не только в глубь территории противника, то есть на восток, но и параллельно линии фронта (на север, с последующим поворотом на юг). (Это было связано с недостатком в Восточной Пруссии места для нормального развертывания выделенных для операции дивизий, а также — со сравнительной бедностью дорожной сети в Прибалтике и северной Белоруссии.) Проблему можно было бы разрешить при помощи десантной операции на Балтике, однако ни Кригсмарине, ни сухопутные силы, отвергнув высадку в Англию, даже не рассматривали подобную возможность.

² W. Gortitz. Paulus: «Ich stehe hier auf Befehl!», Frankfurt a/M., 1960, стр. 107.

ций на ТВД, «который расширяется к востоку наподобие воронки», немецкие силы «окажутся недостаточными, если не удастся нанести решающее поражение русским до линии Киев—Минск—Чудское озеро»¹. Данный тезис был принят как аксиома. Дополнительный тезис состоял в том, что резерв личного состава вермахта насчитывает лишь 400 тыс. человек, то есть может покрыть потери личного состава лишь до осени. А значит, операция должна длиться не более трех месяцев.

При дальнейшем планировании исходили из необходимости обеспечить разгром Советской армии на всем протяжении линии фронта. Замышлялось грандиозное «пограничное сражение», после которого у СССР не должно было оставаться ничего, кроме 30—40 резервных дивизий.

Этой цели предполагалось достичь наступлением по всему фронту. Основными оперативными линиями были признаны московское и киевское направления. Их обеспечивали группы армий «Центр» (на фронте 500 км сосредоточивалось 48 дивизий) и «Юг» (на фронте 1250 км сосредоточивалось 40 немецких дивизий и значительные силы союзников). Группа армий «Север» (29 дивизий на фронте 290 км) имела компромиссную задачу: обеспечивать северный фланг группы «Центр», захватить Прибалтику и установить контакт с финскими войсками. Общее число дивизий первого стратегического эшелона, с учетом финских, венгерских и румынских войск, составляло 157 дивизий, из них 17 танковых и 13 моторизованных и 18 бригад².

Итак, общая схема операции выглядела следующим образом: глубоким танковым прорывом окружить основные силы Красной армии до рубежа Днепр—Двина. Расчет времени таков: на восьмые сутки выйти на рубеж Каунас, Барановичи, Львов, Могилев-Подольский. На двадцатые сутки войны «немецкой армии удастся после тяжелых пограничных сражений в Западной Украине, в Белоруссии и в балтийских государствах захватить территорию и достигнуть рубежа: Днепр до района южнее Киева, Мозырь, Рогачев, Орша, Витебск, Великие Луки, южнее Пскова, южнее Пярну»³. После чего пауза на двадцать дней, во время которой предполагалось сосредоточить и перегруппировать соединения, дать отдых войскам и подготовить новую базу снабжения. На сороковой день войны должна начаться вторая фаза наступления в общем направлении на Москву. Командование вермахта считало, что на защиту столицы Красная армия бросит последние оставшиеся силы, что даст возможность разгромить и их в одной операции.

Вторая фаза операции разрабатывалась гораздо менее тщательно, нежели первая. Даже общего представления о том, что следует делать после приграничного сражения, у немцев не было. Три базовые

¹ A. Philippi, F. Heim. Der Feldzug gegen Sowjetrussland 1941 bis 1945. Stuttgart, 1962, стр. 31.

² История 2-й Мировой войны в 12 томах. Москва, 1973—1982. Том 3. Стр. 441.

³ W. Gortitz. Paulus: «Ich stehe hier auf Befehl!», Frankfurt a./M., 1960, стр. 122.

схемы — наступление на Ленинград, Москву или Ростов — «тасовались» постоянно, и штаб ОКХ не мог сделать между ними выбор, хотя Гальдер и склонялся к центральному варианту. Решение было оставлено Верховному командованию (то есть, Браухичу и Гитлеру), но фюрер не разобрался в сути проблемы и настаивал на наступлении сразу по всем направлениям.

Обычно, рассказывая о плане войны с СССР, упоминают о рубеже Архангельск--Волга, на который должны были выйти немецкие войска. На самом деле, столь далеко операцию штаб ОКХ не планировал.

В то время как вермахт готовился к войне, Красная армия проходила этап структурной перестройки. Был заменен командный состав (и не только вследствие репрессий), существенно переоснащалась материальная база. Вводились новые организационные структуры.

Показательна следующая статистика изменения численности советских войск¹ (в процентах):

Виды вооруженных сил	Сентябрь 1939	Май 1940	Июнь 1941
Сухопутные войска	74,5	84,2	79,3
Воспно-Воздушные силы	10,9	5,8	11,5
Воспно-Морской флот	10,7	7,5	5,8
Войска ПВО страны	3,9	2,5	3,4

По мнению немцев, численность Красной армии составляла 175 стрелковых, 33.5 кавалерийских, 7 танковых дивизий и 43 мотомехбригады, итого 227 дивизий. Из них в европейской части СССР: 150 стрелковых, 25.5 кавалерийских, 7 танковых дивизий и 38 мотомехбригад. Непосредственно в оперативной зоне предполагалось встретить 120 стрелковых, 22.5 кавалерийских, 5 танковых дивизий, 33 мотомехбригады и 4 парашютные бригады². После завершения мобилизации ожидалось, что силы Красной Армии увеличатся на 34 дивизии (до 261 дивизии)³.

Фактически же к началу войны, Красная армия имела 1 фронтовое, 16 окружных и 20 армейских управлений, 62 управления стрелковыми корпусами. На 22 июня 1941 в Красной армии насчитывалось 177 стрелковых дивизий, 19 горнострелковых, 2 моторизованные и 3 стрелковые бригады. С 1940 началась перестройка бронетанковых войск. Вместо танковых и броневых бригад шло формирование танковых и моторизованных дивизий, как правило входивших в состав вновь создаваемых моторизованных корпусов. Было сформировано 9 таких

¹ История 2-й Мировой войны в 12 томах. Москва, 1973—1982. Том 3. Стр. 418.

² «Fall Barbarossa» / Ausgewählt und eingeleitet von E. Moritz. Berlin, 1970. P. 114, 119.

³ Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа. Москва, 1972. С. 235.

корпусов, предполагалось создать еще 20. Большую часть танкового парка составляли машины устаревших образцов, общеизвестно, что количество танков новых типов составляло 1861¹ (при том, что только в 9 танковых корпусах, находившихся в европейской части СССР, по штату должно было быть 9279 танков²).

Общее количество советских дивизий определяется как 222, еще 81³ находилось в процессе формирования. При этом полностью укомплектованы были далеко не все. При штатной численности дивизии в 14 483 человека средняя укомплектованность дивизий приграничных округов составляла: Ленинградского — 11 985 человек, Прибалтийского Особого — 8712, Западного Особого — 9327, Киевского Особого — 8792 и Одесского — 8400⁴.

Таким образом, мы должны сделать парадоксальный вывод: общее количество советских войск было *угадано* немецким командованием верно. В советской литературе господствует *ошибочное* мнение о недооценке штабом ОКХ сил Красной армии: «нельзя не прийти к заключению о крупном просчете гитлеровских разведывательных органов. Так, германская разведка преуменьшила: число имеющихся в Красной армии стрелковых дивизий в 1,3 раза»⁵.

К действительным крупным просчетам Абвера следует отнести неверную оценку советских бронетанковых частей. Порядок величины: 45 соединений (7 танковых и 38 мотомехбригад) соответствовал действительности (9 корпусов, по штату состоявших из двух танковых и одной моторизованной дивизии, несколько танковых дивизий вне корпусного подчинения на Дальнем Востоке, по разным данным 50—55 дивизий). Однако организационная структура не была выявлена.

Другой серьезный просчет состоял в недооценке мобилизационных возможностей СССР. Как отмечалось выше, к третьему месяцу войны ожидалось встретить не более 40 новых дивизий Красной армии. На

¹ История 2-й Мировой войны в 12 томах. Москва, 1973—1982. Том 3. С. 418—421.

² По штату советский механизированный корпус 1941 года имел в 1,5—2 раза больше танков, нежели танковые армии 1944—1945 гг. При этом оснащение корпуса средствами связи и управления оставалось на пещерном уровне, штабная работа оставляла желать много лучшего, проблема снабжения танковых частей горючим и боеприпасами в реальных условиях реального боя, по-видимому, никем даже не рассматривалась. Потому не следует переоценивать боееспособность советских мехкорпусов. Как орудие «глубокой операции» они вообще не могли использоваться, и даже применение их для короткого быстрого удара было затруднено.

Редакция предлагает вернуться к организационной структуре и боевым возможностям советских мехкорпусов «образца 1941 года» в комментариях к одной из последующих книг серии — «В тяжкую пору» Н. К. Попсиля.

³ Э. Манштейн. Утраченные победы. Москва, 1999.

⁴ История 2-й Мировой войны в 12 томах. Москва, 1973—1982. Том 3. С. 419.

⁵ Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа. Москва, 1972. С. 238.

самом деле советское руководство только летом на фронт направило 324 дивизии¹ (с учетом развернутых ранее 222 дивизий), то есть в этом вопросе немецкая разведка ошиблась более чем в 2,5 раза².

О планах советской стороны существуют различные мнения. Официальная точка зрения военных историков СССР такова: наиболее опасным и вероятным противником считалась фашистская Германия, на стороне которой могли выступить Финляндия, Румыния, Италия и, возможно, Венгрия. Предполагалось, что агрессоры выставят 240 дивизий, 10 тыс. танков и 15 тыс. самолетов (что явно завышено). Существовали два взгляда на направление главного удара — севернее р. Сан и южнее ее.

Концентрация главных сил Советской армии на львовско-киевском направлении преследовала цель не допустить продвижения крупных танковых масс противника на Украину. Принималось во внимание также и то, что на этом направлении местность была достаточно удобной для развертывания крупных масс танков и мотопехоты.

Считалось, что военные действия начнутся с отражения нападения крупных сил противника. Особое значение придавалось борьбе за господство в воздухе³.

Стрелковые войска первого эшелона армий прикрытия должны были сдерживать первый натиск, танковые корпуса вместе со стрелковыми дивизиями второго эшелона предназначались для осуществления мощных контрударов и создания благоприятных условий для перехода в общее контрнаступление. Сто семьдесят дивизий приграничных округов эшелонировались в глубину: по плану первый эшелон составляли 63 дивизии и 2 бригады, за ними располагалась 51 дивизия (большая часть подвижных соединений находилась именно тут). На глубине 100—150 км располагался второй эшелон — 45 дивизий резерва командования округами. Еще 11 дивизий подчинялось непосредственно наркому обороны. Фактически на 22 июня в первом эшелоне оказались 56 дивизий и 2 бригады, во втором эшелоне армий (50—100 км от границы) — 52 и в резерве округов остались 62 дивизии, распределенные на глубине 100—400 км⁴.

Начало наступления стало для вермахта весьма удачным. Танковые группы преодолели полосу сопротивления дивизий первого эшелона и уже в первый день продвинулись на 35—50 км, вступив в бой с бро-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Том 6. М., 1965. С. 192.

² В ее оправдание следует заметить, что массовое использование на фронте совершенно необученного (и зачастую и безоружного) пополнения считалось тогда принципиально невозможным.

³ Мы не считаем необходимым обсуждать здесь планы превентивной войны в рамках подхода, практикуемого В. Суворовым. Если таковые планы и существовали (что весьма несочетливо), они не были реализованы летом 1941 года.

⁴ История 2-й Мировой войны в 12 томах. Москва, 1973—1982. Том 3. С. 430—441.

нетанковыми дивизиями второго эшелона армий. Контрудары советских войск оказались, несмотря на всю их беспорядочность, существенной проблемой. Особенно неприятным сюрпризом для немцев оказались новые русские танки. Основная противотанковая пушка вермахта (37-мм) их броню не пробивала!

Первая фаза была безусловно выиграна немцами. На четвертый день войны их передовые отряды выдвинулись на 200 км и на центральном участке фронта вели бои под Минском¹. Уже к 3 июля немецкие танковые армии в целом выполнили первую поставленную перед ними задачу — вышли на линию Западная Двина—Днепр. Советская армия прикрытия — вся, целиком — попала в окружение.

Общая оценка обстановки Германским генеральным штабом сводилась к тому, что вермахт достиг полной тактической внезапности, что Красная армия не собирается совершать оперативный отход от границы, а, наоборот, упорно защищает каждый рубеж и использует каждую возможность для контратак. Последнее обстоятельство имело как положительные моменты — советские дивизии регулярно оказывались в окружении, так и отрицательные — немцы платили за разгром обреченных частей несоизмеримо большую цену. До 30 июня в группе армий Центр потери составили 8886 человек только убитыми².

Здесь стоит поговорить об одной отличительной черте плана «Барбаросса». Как уже отмечалось, главную свою задачу немецкое руководство видело в разгроме максимально возможного числа советских войск западнее линии Западная Двина—Днепр. С этой точки зрения всякая советская дивизия, занявшая жесткую оборону в этом районе, являлась «выигранной» немцами — потери, которые несли немецкие пехотные части от жесткой обороны советских войск, были велики, но для общего хода операции значения они не имели. Более того, легко видеть, что максимально удачным («идеальным») для вермахта был бы вариант, когда Советская армия сама начинает наступление. При этом глубина оперативного построения Красной армии понятным образом уменьшается, резервы связываются наступательной задачей.

Обратим внимание на действия 1-й танковой группы на Украине. Ее совершенно прямой удар на Луцк—Житомир—Киев, в случае «естественного» наступления (выдвижения) русских в Румынию, обретает совершенно другой оперативный смысл — теперь это фланговый удар, нацеленный на узлы снабжения советских войск. Сразу же снимаются проблемы с контрударами советских танковых корпусов, так беспокоившими немцев. По начертанию дорожной сети 1-я танковая группа выигрывает фланг наступающей советской группы *быстрее*, чем та успеет достичь оперативных целей: за время, которое потребуется советским войскам для достижения района Плоэшти, 1-я танковая группа достигает рубежа Житомир—Бердичев. При этом в течение следую-

¹ Э. Манштейн. Утраченные победы. Москва, 1999.

² P. Carell. Unternehmen Barbarossa. Frankfurt a/M., 1963, стр. 39.

щих двух суток положение советских армий становится безнадежным — они попадают в окружение на территории Румынии и Молдавии¹.

С достижением линии Западная Двина—Днепр план Паулюса был выполнен, и перед немцами вплотную встал вопрос: что делать дальше? Дожимание попавших в окружение советских войск оказалось неожиданно трудным делом. Фактически все германские пехотные дивизии первого эшелона были в начале июля связаны этой задачей. Так что для продолжения операции у Германии оставалось примерно 60 дивизий — четыре танковые группы и резерв пехотных дивизий. Правда, по мнению начальника Генерального штаба Гальдера, у СССР осталось перед фронтом всего лишь 46 дивизий.

В реальности дело обстояло для вермахта несколько хуже. Красная армия развернула группу армий резерва Главного командования — 74 дивизии в трех эшелонах². Учитывая недоукомплектованность советских войск, можно считать, что советская сторона выставила силы, эквивалентные 55—60 «расчетным дивизиям». Итак, фактически на фронте оказались равные силы. При этом стратегический баланс оставался пока в пользу немцев: их резерв, в виде сил, высвобождавшихся после решения задач, связанных с уничтожением окруженных группировок, прибывал на фронт быстрее, чем советское командование могло мобилизовать новые дивизии. Это означает, ко всему прочему, что немцы должны были себе позволить оперативную паузу. Советские войска от такой паузы не получали, в сущности, ничего, кроме возможности чуть лучше организовать стационарную оборону. Вермахт же приобретал множество плюсов: успевали отдохнуть танковые и мотострелковые соединения, оставалось больше времени для планирования операции, можно было получить более точную разведывательную информацию. (В середине июля германская разведка обнаруживает развертывание армий резерва противника. Уже после начала сражений второй фазы кампании.) Обратим внимание, что при первоначальном планировании оперативная пауза была признана необходимой, и на нее отводилось целых 20 дней. (Точнее говоря, срок перехода ко второй стадии был назначен не позднее сорокового дня от начала кампании.) Но немецкие генералы зачем-то торопились выиграть войну! Группа армий «Центр» докладывала, что для продолжения наступления ей нужна пауза всего в семь дней (кстати, она не получила и этой недели).

¹ В ходе недавней (1995 год) оперативной игры на картах по мотивам событий первого этапа Великой Отечественной войны германский фюрер спросил своего начальника штаба:

— Что нужно сделать, чтобы наш план войны стал безупречным?

И получил ответ:

— Добиться того, чтобы русские начали наступление в Румынии и Польше.

² Д. М. Просктор. Агрессия и катастрофа. Москва, 1972. С. 282.

«Борьба за темп» на этой стадии оправдана, лишь если противник наращивает силы быстрее. Накопление сил вермахтом шло двумя путями: прибытием резервов ОКХ и высвобождением армейских корпусов, связанных окруженными войсками. Советская сторона могла, в свою очередь, перебрасывать дивизии из других регионов и создавать новые соединения по мобилизации. До конца июля вермахт обладает преимуществом в скорости подтягивания резервов. В сущности, все пехотные дивизии, связанные в Прибалтике, в Белоруссии, в Молдавии и в Западной Украине, следует считать «динамическим резервом».

Здесь руководство вермахтом во второй раз совершило ошибку, допущенную при планировании операции «Рот» (вторая фаза французской кампании), — оно считало, что война уже выиграна и дальнейшие действия представляют собой прочесывание территории на предмет уничтожения разрозненных сил противника. Вспомним, однако, что и во Франции немцы столкнулись с тем, что противник сумел организовать новую линию обороны, прорвать которую «с наскока» не удалось.

Во всяком случае, вместо обоснованной и запланированной паузы, развернулась серия сражений, центральным из которых, несомненно, является Смоленское. Начавшееся 10 июля, оно продолжалось по 10 сентября и определило ход и исход всей операции «Барбаросса». В рамках кампании смоленская битва должна рассматриваться как генеральное сражение, от исхода которого зависела судьба всей войны. Если немцы выигрывали ее быстро (к началу августа), перед ними действительно оказывалась «пустота», столь благоприятная для наступления танковых соединений. Проигрыш означал остановку половины всех сил вермахта, что немедленно приводило к заметному ухудшению позиции обеих фланговых группировок. В действительности немцы выиграли операцию, но медленно и с большими потерями. В результате группа армий «Центр» потеряла возможность вести осмысленные наступательные действия — перед ней уже была готова и занята войсками следующая линия обороны, не уступавшая предыдущей.

Генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», заявил 4 августа Гитлеру, прибывшему на Восточный фронт: «Дальнейшее наступление группы армий „Центр“ я считаю, мой фюрер, опасным и предлагаю в сложившейся обстановке занять прочные позиции, чтобы переждать русскую зиму»¹.

Целью Смоленской операции для советской стороны стало создание прочного фронта перед группой армий «Центр» — главными силами противника. Цели вермахта гораздо менее понятны. Вероятно, справедливо мнение Браухича: «Основным является не овладение пространством, а уничтожение сил русских»².

¹ О. Е. Moll. Der deutschen Generalfeldmarschalle 1935–1945. Rastatt, 1961. С. 19.

² Материалы кабинета ИВИ ВАФ, инв. No 10/ИВИ, листы 31–32.

К 10 июля состояние фронта было таким: на участке шириной более 800 км оборонялись пять советских армий Западного фронта: 22-я, 19-я, 20-я, 13-я и 21-я общей численностью 24 дивизии (некоторое количество дивизий было переброшено позже). В районе Смоленска сосредоточивались силы 16-й армии. В тылу Западного фронта, в 210—240 км восточнее, развертывался фронт резервных армий (24-я и 28-я резервные армии — всего 19 дивизий). С немецкой стороны наступали войска двух танковых групп (2-й и 3-й) в составе 28 дивизий, в том числе 9 танковых и 6 моторизованных.

Восьмого июля немецкое командование приняло решение наступать, не дожидаясь подхода пехотных резервов. Поскольку протяженность фронта не соответствовала наличным силам (напомним, что первоначально вся группа армий «Центр» была развернута на пятисоткилометровом фронте), удары были нанесены только по трем направлениям: на Великие Луки, Смоленск и на Рославль. Операция началась 10 июля с рубежа рек Западная Двина—Днепр.

Прямой удар на Великолукском направлении, где оборонялась изолированная 22-я армия, имел успех: LVII моторизованный корпус под командованием генерала Манштейна занял Великие Луки, однако уже в конце июля 22-я армия смогла жестко закрепиться на рубеже Великие Луки — озеро Двинье, где и оставалась до конца августа. Фактически все это время 22-я армия занимала удаленную фланговую позицию, мешая противнику использовать северное направление для глубокого охвата. Маневром XXIII корпуса немцам удалось разгромить 22-ю (и прибывшую позже 29-ю) армию¹, однако теперь это имело значение только для группы армий «Север».

В центре удары 3-й и 2-й танковых групп привели к прорыву фронта советских 19-й и 20-й армий, и уже к 15 июля 3-я танковая группа обошла Смоленск с севера, выйдя в район Ярцево. 2-я танковая группа 16 июля захватила Смоленск, а к 20 числу вышла к Ельне. В оперативном окружении оказались 19-я, 16-я и 20-я армии.

На рославльском направлении оборонялись силы 13-й армии. Они не оказали существенного сопротивления противнику, который окружил часть сил этой армии у Могилева. Другая часть войск отошла на юг.

К 20 числу немецкие группировки прошли 170—220 километров (темп наступления 19—23 километров в день), захватили Великие Луки, Смоленск и Мстиславль, окружили три армии и части еще двух. Однако для продолжения операции необходимо было освободить моторизованные части от совершенно несвойственной им задачи блокирования окруженного противника.

23 и 25 июля советское командование предприняло попытку контр-удара с северо-востока (30-й, 19-й и частью сил 24-й армий) и юго-востока (28-й армией). Контрудары не были удачными, однако отвлекли значительное число немецких сил. (Северо-восточный удар вообще был

¹ Немцы нанесли удар на левом фланге 29-й армии — к 29 августа захватили центр позиции советских войск Торонец.

бессмысленным — он не имел ни оперативной цели, ни операционной линии.) Двадцать восьмая армия была, в свою очередь, окружена противником¹. Следствием этих контрударов стало то, что кольцо окружения 16-й и 20-й армий оказалось завершено лишь 27 августа.

Решительный удар Рокоссовского по фронту неприятельских танковых групп не имел успеха, так как, хотя части советских войск удалось вырваться из окружения, оперативный баланс сдвинулся в пользу немцев, чем они и воспользовались на следующей стадии операции. Утверждение, что немцы могли наступать на Москву в той группировке, которую они имели на 20 июля, неверно. На фронте 130 км против пяти советских армий действовали 4 корпуса (I армейский, XXXIX моторизованный, XVII армейский и XLVI моторизованный — всего 11 дивизий).

Существенно более успешными оказались действия советских войск на флангах немецких группировок. Контрудар 22-й армии на Невель и Великие Луки поставил LVII корпус Манштейна на грань катастрофы, на юге группа кавалерийских дивизий под командованием Петровского (3 дивизии) была направлена на тылы группы армий Центр. Это наступление удалось остановить, *преждевременно* введя в бой прибывший из резерва ОКХ XLIII корпус.

Немецкое командование было вынуждено организовать отдельное частное наступление, чтобы ослабить давление на южном фланге группы армий Центр. Уже 3 августа был взят Рославль, к 20-му — Стародуб и Гомель. Была окружена 28-я армия, частично разгромлены 13-я и 21-е армии.

К началу сентября оперативный баланс сдвинулся в пользу советских войск. В прямых ударах немцами было потеряно много сил. Генерал Гот пишет: «Потери в танках составляют теперь 60–70% состава»².

В сентябре советское командование опять попыталось разгромить группу армий «Центр». Были нанесены контрудары силами Западного и Центрального фронтов. Контрудар Западного фронта имел некоторый тактический успех — 6 сентября была освобождена Ельня. Центральный же фронт попал под сильный фланговый удар противника, который прорывал его оборону, и 29 августа был взят Торопец. Первого сентября севернее Ельни попытались перейти в наступление 30-я, 19-я, 20-я и 16-я армии, и опять неуспешно.

Десятого сентября советские войска окончательно перешли к обороне. Встречное смоленское сражение закончилось.

Операция «Барбаросса» была сорвана. Дальнейшие действия вермахта были явной импровизацией — попыткой как-то выиграть войну в отсутствие ясного понимания происходящего и при недостатке резе-

¹ Официальная советская военная история говорит, что оперативные линии ударов сходились у Смоленска. Но тогда глубина наступления должна была составить 110 км, что (при ширине наступления 130 км) малореально без использования подвижных бронетанковых соединений.

² P. Carell. Unternehmen Barbarossa. Frankfurt a/M., 1963. P. 84.

рвов. Триумф первых двух недель «русской кампании» оказался сведен на нет совершенно прямыми действиями второй фазы. Крупнейшее наступление вермахта захлебнулось.

В советских источниках принято утверждать, что события 1941 опровергают концепцию «молниеносной войны». Данное утверждение весьма спорно. Как раз «блиц»-составляющая «Барбароссы» прекрасно удалась. Но вот, как только вермахт перешел к прямым действиям, наступил кризис. В одной кампании блестящее подтверждение всех положений «Стратегии непрямых действий» Б. Г. Лиддел Гарта!

Для Германии, впрочем, еще не все было потеряно. Можно было пытаться достичь политического решения, основываясь на несомненных военных успехах. Оставалась надежда на удачные действия на стратегических флангах фронта. Существовал шанс добиться «чуда под Москвой». Однако, с точки зрения *немецкого* военного искусства, кампания была безоговорочно проиграна -- поскольку первоначальный план был опровергнут, а для создания нового не было времени.

Германия не добилась своей цели -- экономическая база Империи так и не была обеспечена, а стратегическая обстановка заметно ухудшилась. Теперь на востоке вместо «опасного партнера» был непримиримый враг. Одно это делало поражение Германии весьма вероятным.

Фактически вермахт уже не мог выиграть войну. В кампании 1942 года его шансы против СССР были много меньше, нежели в 1941. Но даже и в том случае, если немцам каким-то чудом будет сопутствовать успех, это приведет их лишь к созданию очередной «континентальной империи», то есть к оперативной обстановке, в самом лучшем случае сходной с серединой 1941 года. Между тем альянс США -- Великобритания преодолел политические и экономические затруднения, и шансы на успех вторжения в Англию стали теперь действительно минимальны.

2. Риск как фактор стратегии¹

1. «Кризис аналитичности»: онтология

Понятие «кризиса аналитичности»² связано с социальной катастрофой, известной как Первая Мировая война. Суть его заключена в невозможности достигнуть позитивного стратегического результата в условиях, когда обе стороны последовательно используют одинаковую модель войны.

Многолетний и кровавый «позиционный тупик» показал ограниченность того направления стратегической мысли, которое европейцы развивали уже несколько столетий и называли «классическим». Постепенное наращивание контроля за боевыми столкновениями превратило военное искусство в строгую науку, едва ли не раздел геометрии или инженерного дела. Планирование войны поднялось — при Мольтке-

¹ Этой и последующей статьями редакция открывает разговор об управленческих решениях, лежащих за пределами классического искусства стратегии. Если **аналитическая теория операций** может рассматриваться как триумф использования естественнонаучных методов в военном деле, то в рамках нового подхода нам придется отказаться от односторонней рациональности и взять на вооружение методы, которые соотносятся, скорее, с магией, нежели с наукой. Речь идет, таким образом, об **эзотерической стратегии**.

² Подробное изложение основных положений аналитической стратегии дано в статье С. Переслегина «Основные понятия „аналитической стратегии“» (в книге Э. Манштейна «Утерянные победы»). О «кризисе аналитичности» см. также: Р. Исмаилов «Танковые сражения. Теория и практика» (Там же). Для понимания материала настоящей статьи достаточно интуитивного представления об «аналитической стратегии» как о сиюминутном «военной науке в современном понимании этого термина».

старшем и Шлиффене — до стадии математического расчета и неожиданно оказалось тупиковой ветвью развития¹.

Вообще говоря, аналитическое (рациональное) регулирование динамики сложной системы с неизбежностью приводит к структурному кризису, который наступает тем быстрее, чем сложнее система и чем больше ограничений на ее развитие наложено внешним управлением. Заметим, что при любых обстоятельствах «кризис аналитичности» наступает раньше, нежели «кризис структуры»: иными словами, внешнее управление провоцирует в системе бифуркационные процессы, направленные на разрушение механизма управления.

Данная теорема представляет собой динамическую форму обобщенного принципа Ле-Шателъе и носит общесистемный характер.

Неравномерное развитие общества и его подсистем не столь опасно для цивилизации, как это может показаться. Фактически европейская культура была построена на формальном использовании традиционных «системных кризисов». Однако позиционный тупик Западного фронта оказался для социума крайне неприятной неожиданностью. Совпав по времени с первой общемировой войной, то есть с конфликтом, затронувшим все государства и большую часть социально активного населения планеты, «кризис аналитичности» вышел за пределы искусства стратегии и приобрел всеобщий характер.

Поражение Германии предопределило консервацию проблемы. Неизвестно, имели ли германские политики и генералы свой вариант решения; теперь мы уже вряд ли об этом узнаем.

Союзники, во всяком случае, не смогли придумать разумный выход, в результате кризис из разряда «новых вопросов» перешел в категорию «вечных проблем».

Конечно, страны Антанты, особенно их военные лидеры, понимали суть происходящего. Вот почему в межвоенные годы регулярно появлялись поистине фантастических прожекты, касающиеся реорганизации армии, военного дела, государства в целом. Самым необычным из них (с позиции человека начала века) должен был показаться пакт Келлога-Бриана о **юридическом** запрещении войны как орудия мировой политики. Да, конечно, Европа устала от непрерывной четырехлетней бойни. Жертвы, которые все народы принесли на ее алтарь, были не просто тяжелы, но и бессмысленны. Чуть ли не две трети всех военных расходов составили бессмысленные затраты на выпущенные в воздух артиллерийские снаряды... Пацифизм как направление общественной мысли именно после Первой Мировой войны стал политической силой.

Но мир все еще оставался многополюсным. Англия, США, Япония, Франция и Италия считались Великими Державами. Германия и Россия в качестве таковых не признавались, но смогли стать ими «де факто».

¹ Аналогичные процессы имели место и в других областях человеческой деятельности, если эти области достаточно долго подвергались императивной внешней «регуливке». Типичный пример системы, в которой кризисы аналитичности происходят постоянно, что считается «нормой», — это финансы. Менее очевидным случаем неизбежного управленческого коллапса может служить регулируемая (окультуренная) экосистема.

Неизбежные в сложном мире конфликты с обязательностью часового механизма приводили к использованию силы. В двадцатые годы «релаксационные»¹ и окраинные войны стали печальной традицией. Война Чако² весьма показательна.

Конечное, предлагаемое «ненасильственное» решение казалось (и до сих пор кажется любому разумному человеку) наиболее приемлемым. Но оно так и остается фантастикой. Возможно, необходимым условием для подобного развития человечества является создание единой всепланетной Империи (но даже и это условие не достаточно).

Итак, кардинальное разрешение противоречия (устранить саму систему, охваченную кризисом аналитичности, пагубным для социума, — войну) оказалось неосуществимым, а пакт Келлога — Бриана стал не более чем дипломатической экзотикой. А значит, проблему всякий военачальник должен был решать сам — по мере собственных возможностей.

Подчеркнем еще раз содержание проблемы. Благодаря высокой информационной связности мира начала XX столетия, уровень развития военной науки оказался в различных странах сравнимым. Поскольку аналитическая стратегия является именно наукой, она объективна, то есть управленческие решения не зависят от особенности личности командующего. Иными словами, полководцы по обе стороны реальной или воображаемой линии фронта были обречены принимать одни и те же «оптимальные» решения. Результатом был взаимный тупик: ни одна из сторон не могла добиться своих целей.

Возникшая позиционная структура была, как выяснилось, более устойчивой, нежели само общественное устройство: государства разваливались быстрее, чем сдвигалась линия фронта.

Интересно, что в те же двадцатые годы «кризис аналитичности» охватил систему, гомоморфную войне, — виртуозная техника Х. Р. Капабланки и других мастеров позиционной игры породила «миф о ничейной смерти» в шахматах. Разница заключалась лишь в том, что на поле боя «позиционная ничья» оборачивалась обоюдным поражением.

Какие же предлагались решения? Идей было довольно много, но какой-то смысл имели лишь три: доктрина Дуэ о воздушной мощи, концепция «глубокой операции», наконец, учение о войне идеологий. С на-

¹ Распад Австро-Венгерской и Турецкой империй, центробежные процессы в России, отторжение части земель от Германии — все это перекроило карту мира, на которой появилось слишком много новых государств. Границы между этими государствами проводились по решению «Большой четверки» в Версале — то есть в значительной мере случайно. Как правило, эти границы не были позиционно обоснованы: порождаемые ими оборонительные структуры оказывались неустойчивыми. Все это привело к многочисленным вооруженным столкновениям, итогом которых явилось преобразование границ к состоянию, допускающему хотя бы относительную стабильность. Войны, в ходе которых происходило реальное становление Версальской мировой системы, мы называем релаксационными.

² Война (1933 г.) между Парагваем (за которым стояла Англия) и Боливией (поддержанной США) за нефтяные поля Чако. Закончилась победой Парагвая. Чуть ли не последняя победа Англии в столкновении культур.

чала тридцатых годов эти схемы (в разных сочетаниях) принимаются генеральными штабами всех Великих Держав, признанных и непризнанных. Можно утверждать, что с этого момента подготовка к новой войне, ранее — несколько абстрактная, приобретает практический характер.

Сейчас мы знаем, что ни один из этих методов не оказался панацеей. Да, конечно, привнося в войну некоторый хаотический элемент, они позволяли уйти от кризиса или, вернее, расширить «пространство» этого кризиса. Рассмотрим результаты применения каждой из этих стратегий во Второй Мировой войне:

Доктрина Дуэ, в «авторском» варианте, была взята на вооружение союзниками и применена против Германии и Японии. Однако же Германия продолжала наращивать выпуск вооружений почти до самого своего краха, а для того, чтобы дать **повод** сдаться Японии, пришлось сбросить две атомные бомбы. В стратегических налетах участвовали тысячи и тысячи тяжелых бомбардировщиков, причем добавление очередной «воздушной армии» почти никакого влияния на обстановку не оказывало. То есть даже при явном превосходстве в воздухе одной из сторон перед нами типичный кризис аналитичности: система (воздушная война) пожирает ресурсы (самолеты, с одной стороны, города — с другой) без какого-либо осмысленного результата. Классическая «воронка», из которой нет правильного выхода. (Хуже того, в данном случае «лекарство» оказалось страшнее болезни. Воздушная война более деструктивна для общества, нежели позиционный тупик, поскольку, как заявил в своих мемуарах кто-то из фашистских генералов, «города, а не руины являются фундаментом цивилизации».)

Глубокая операция последовательно (можно даже сказать — методично) эксплуатировалась немцами. Действия против дальнего флага и глубокого тыла стали отличительной особенностью немецкой стратегии в эту Мировую войну. Но, несмотря на всю красоту наступлений Вермахта и на талант гитлеровских генералов, Германия проиграла. Проигрыш связан с кампанией в России, вернее, с тем, что в этой кампании аналитический кризис проявился вновь — в полной мере¹. **«Глубокая операция» немцев оказалась недостаточно глубокой.**

Наконец, **идеологическую войну** вело правительство СССР. Метод продемонстрировал свою жизнеспособность. Во всяком случае, с его помощью оказалось возможным выиграть войну. Но, увы, «выиграть» в том же смысле, в котором Франция насладились триумфом в Первой Мировой. Ценой «победы» было необратимое отставание в цивилизационной гонке. Страна оказалась столь обескровленной, что выиграть следующую, «холодную», войну уже не смогла.

Может показаться, что был еще один — американский метод. Кроме стратегических бомбардировок, Великая Западная Демократия продемонстрировала более содержательную стратегию: экономическое давление на противников и союзников, известное как «план Маршалла».

Эта оперативная схема была и проще и тоньше. Экономика — это тот козырь, который бьет все, если ей дать достаточно времени. Только вот времени может не оказаться...

¹ Смотри в статье «Операция Барбаросса. Кризис Мировой войны».

Кроме того — и данное возражение гораздо более серьезно, — направленное использование экономической стратегии как-инструмента разрешения проблемы аналитичности приведет к новому витку кризиса, еще более деструктивному.

(Неочевидно даже, что позиционная экономическая война приведет к меньшим разрушениям в инфраструктуре, чем ядерный конфликт.)

Таким образом, Вторая (равно как, заметим, и Третья) Мировая война продемонстрировала лишь не вполне удовлетворительные способы борьбы с «кризисом аналитичности». Этим и объясняется длительность конфликта, огромные людские и материальные потери и, главное, полное отсутствие позитивного итога для всех участников конфликта, кроме, быть может, США.

А ведь было одно «идеальное» решение, причем лежащее на магистральном пути развития аналитической теории. Только вот замечено оно не было. Очень уж оно авантюристично и слишком большого мужества требует от ответственного командира.

Речь идет о «**стратегии риска**».

2. Статистика риска

Суть стратегического риска проще всего продемонстрировать на том же вечном примере шахмат. Пусть в некоторой позиции существуют две возможные стратегии за черных. В рамках первой они стремятся отбить атаку, используя классические приемы теории Стейнница, аналогичные методы применяет и наступающая сторона. Из ста партий, сыгранных таким образом, белые выиграют пять, проиграют три, остальные 92 партии закончатся ничью. То есть при данной (классической) стратегии черные набирают 49% возможных очков.

При альтернативной стратегии черные жертвуют пешку или даже фигуру, стремясь резко изменить характер позиции, отклонить ее от равновесия и перехватить инициативу. Если белые справятся с этим неожиданным (а с точки зрения классической теории — экстравагантным и пикантным) наскоком, у них складывается ясная перспектива победы.

Из ста партий, сыгранных таким образом, белые выиграют сорок, проиграют двадцать, еще будет сорок ничьих. Черные набирают 40% возможных очков, то есть заметно меньше, чем при стандартной позиционной игре.

При формальном рассмотрении вторую стратегию следует признать ошибочной. Если задача стратегического искусства — **модифицировать вероятность** боевых столкновений оптимальным для себя образом, то следует выбрать классический подход и минимизировать вероятность неудачи.

Однако шансы выиграть партию при второй стратегии почти в семь раз больше, чем при первой! И если, как это часто бывает, ничья для Вас равносильна поражению, следует отказаться от оптимального способа действий и избрать путь риска.

В отличие от шахмат в войне «ничьей» не бывает. Позиционный тупик, позиционный «размен» — это всегда напрасно **потраченные** человеческие жизни, огромные материальные издержки, духовный коллапс. Все это обуславливает мир, худший, нежели довоенный. Стратегическое поражение.

Потому в военном деле рискованные операции, выходящие за пределы «кризиса аналитичности», весьма важны.

Подчеркнем теперь, что риск есть неотъемлемый спутник борьбы на войне. С этой точки зрения рискованна — в большей или меньшей степени — *любая* стратегия. В системе «война» слишком много переменных, потому, сколь бы безопасным ни выглядел избранный вами план, он всегда может оказаться гибельным.

Из этого, однако, не следует, что любая стратегия есть стратегия риска.

Мастера военного дела стремились вслед за Наполеоном Великим ввязываться в сражение при вероятности успеха в 70—80 процентов. В этом случае благоприятный исход относится к неблагоприятному, как 2—4 к одному. Будем считать классической (условно безрисковой) стратегией любой план, коэффициент благоприятности которого выше двух (обратный показатель, коэффициент риска менее 0,5).

Назовем «умеренным риском» операции с коэффициентом благоприятности от 1 до 2. Если этот параметр лежит в параметрах от 0,5 до 1, речь идет о «значительном риске».

В данной статье речь пойдет об операциях с коэффициентом благоприятности, много меньшим 0,5 (показатель риска много больше двух).

Рассмотрим некое сражение как «тепловую игру», в которой в ответ на каждый ваш ход у противника есть некоторая последовательность реплик, вообще говоря, бесконечная. Суть «аналитической революции», совершенной при Мольтке-старшем и Шлиффене, заключалась прежде всего в редуцировании «пространства решений». ***Классическая стратегия всегда работала не с реальной системой «война», весьма сложной, а с ее упрощенной моделью.*** Само по себе это и неизбежно, и чрезвычайно удобно. Проблема заключалась в том, что в какой-то момент в сознании ответственных командиров модель заменила собой реальный мир: карта стала местностью.

Модель просчитывалась до конца. Суть кризиса аналитичности в том и состоит, что она оказалась просчитанной всеми одинаково. Принятая сторонами «оптимальная стратегия» формально обеспечивала наибольшее мат-ожидание победы. Реально же речь шла о распределении $+5-3=92$, то есть о гарантированном позиционном тунике.

Заметим здесь, что рецепт «вернуться от модели к системе» невыполним. При всей примитивности (по сравнению с реальностью) модели войны, используемой в аналитической теории операций, эта теория все же очень сложна. Попытки выйти за «нумерованные полки» и «абстрактные боевые коэффициенты» хороши только в идее, на практике мы сразу же приходим к невозможности принимать научно обоснованные оперативные решения.

Учтем теперь, что, сколь бы хорошо ни работала разведка, ее данные всегда либо неполны, либо запаздывают. Иными словами, если речь идет о действиях в реальном времени, война — в отличие от шахмат — всегда оказывается игрой с неполной информацией. С этим связано происхождение «нормального» оперативного риска в 20—30 процентов.

Чем более аналитическими являются наши действия, тем они предсказуемее, тем меньше вероятность ошибки у противника. Далее, поскольку позиция всегда остается близкой к равновесию, тем меньше цена возможной ошибки и больше возможностей своевременно исправить ее.

При использовании стратегии риска равновесие нарушается грубо и необратимо — маятник отклоняется в крайнее положение. Все содержание войны — тотальная победа или абсолютное поражение — «повисает» в неопределенности, и резко повышается значение каждого «хода», каждого оперативного решения.

Противник вынуждается к действиям в состоянии неопределенности, причем исход войны отныне находится в его руках. Среди многих вариантов, из которых ему предстоит выбирать, какие-то обуславливают вашу победу вне зависимости от дальнейших решений (после «естественного» маневра «Диль» у англо-французов уже не было спасительных «ходов»: «Битва за Францию» была проиграна). Другие варианты обуславливают ваше поражение, причем уже никакие, самые гениальные идеи, воплощенные в приказы, не изменят этого исхода. Наконец, ситуация может какое-то время оставаться неопределенной.

Понятно, что **показатель риска** есть отношение мощности пространства решений **противника**, приводящих к однозначно проигранной вами позиции, к общей мощности его пространства решений.

«Аналитическая стратегия» утверждает, что показатель риска есть величина, обратно пропорциональная **нагрузке на операцию**, то есть **риск есть мера нетождественности преобразования** позиции.

Эти формулировки имеют простое математическое воплощение, однако они и неудобны, и недостаточны. Дело в том, что «пространство решений» только в теории изотропно и однородно. На самом же деле некоторые решения будут приняты противником с большей вероятностью, нежели другие, причем определяющее значение имеет дефицит времени, то есть степень перегрузки информационных каналов противника. Можно показать, что если размерность «пространства решений» возрастет вдвое, реальная размерность пространства решений сокращается в восемь раз! «Чем ближе цейтнот, тем меньше стратегии и больше тактики...» С этой точки зрения речь идет об «управляемом риске», о переводе войны в иную — информационную — плоскость, о воздействии на управленческие структуры противника с целью модифицирования вероятности принятия им тех или иных решений. Такая стратегия имеет много общего с азартной игрой, но к ней не сводится.

Формально при операциях с показателем риска 6—8, «трудно не найти» правильного, то есть спасающего и автоматически приводящего к победе, решения. Казалось бы, войну можно выиграть в этом случае простым подбрасыванием монетки. В реальности же использование статистических методов выбора (равно как и естественных, «уставных» ходов) приведет к быстрому разгрому именно из-за способности «стратегии риска» модифицировать вероятности.

Не следует, однако, ударяться в другую крайность — считать, что управляемый риск обязательно приводит к победе. В конкретной шахматной партии время на принятие решения измеряется минутами (в самом крайнем случае, чревато страшным цейтнотом, десятками минут). Поэтому в шахматах могут «пройти» заведомо некорректные комбинации, лишь бы только «пространство решений» не могло быть исперчено расчетом в течение указанных минут.

В войне — за редким исключением — характерные времена составляют часы и дни, притом работает не один человек, а квалифицированный штаб. Поэтому перегрузить информационные каналы до такой степени, чтобы «пространство решений» противника вообще не содержало правильных ходов, практически невозможно. С этой точки зрения аналогом «стратегии риска» окажется не комбинационная шахматная партия, а, скорее, «дырявый» мизер в преферансе. Но такие мизеры тоже можно разыгрывать хорошо и плохо!

«— *Весь ваш план — азартная игра, — сказал Нагумо.*
— Угу, и я ее выиграю, — ответил Ямамото.»

3. Гносеология риска

«Аналитическая стратегия» всегда имеет дело со *средними* значениями величин — усредненными показателями боевого потенциала и численности. Усреднение (как наиболее естественная форма упрощения) составляет самую суть аналитического подхода. Воюют не конкретные люди с их особенностями, характером, темпераментом — сталкиваются между собой счетные дивизии, приведенные расчетами опытных генштабистов к «нормальной» форме.

В реальной жизни средние показатели встречаются сравнительно редко: почти всегда значения параметров несколько (хотя, может быть, и не слишком существенно) отклоняются от «теоретически предсказанных». В статике этим отклонением можно пренебречь¹. Однако динамические процессы в сложных системах имеют тенденцию к неустойчивости, поэтому отклонения от среднего начинают нарастать, а в бифуркациях² — полностью изменяют картину.

¹ В статье «Основные понятия „аналитической стратегии“» условный показатель «силы дивизии» образовывался из двух составляющих — аналитической (а), соответствующей усредненным расчетам для абстрактной «нормальной» воинской части, и хаотической (h), заключающей в себе индивидуальные особенности. За счет глубокой индуктивной обратной связи в армии (другими словами, за счет характерного для воинской организации подавления индивидуальности) почти всегда h много меньше а, потому аналитическая модель и «работает».

² Динамические процессы описываются дифференциальными уравнениями типа «время—пространство». Примером могут служить три закона Ньютона: классическая физика, построенная на них, является чисто аналитической, все решения бесконечно гладкие. Однако в сложных системах, а с переходом к квантовой картине мира и в простых, возникают уравнения Шредингеровского типа. Решения таких уравнений могут иметь особенности, и в частности точки «бифуркации», в которых решение разделяется на несколько ветвей, всдущих себя существенно по-разному. Вблизи точки бифуркации сколь угодно малое изменение начальных условий оказывает макроскопическое воздействие на динамику системы. В применении к стратегии это означает, что исход сражения может быть определен индивидуальными особенностями одного солдата или офицера: выключит ли он свою РЛС в соответствии с уставом или соберется поработать еще десять минут, подойдет к внезапно завопившему телефону или проигнорирует этот звонок.

В карточных играх примером бифуркации может стать игра «ва-банк», когда результат всей игры зависит от одного случайного события и изначально не предопределен предыдущими событиями, — полностью изменяют картину.

Здесь и возникает надежда добиться нетождественного преобразования. Противоречия с законом аналитической стратегии, согласно которому равные позиции остаются равными, нет: бифуркационный переход порождает возможности как со знаком «плюс», так и со знаком «минус», и в среднем они составляют ноль, то есть *статистически* позиция осталась равной! Вот только теперь это «среднее» есть сумма диаметрально противоположных вариантов, из которых в конкретном сражении реализуется только один.

Итак, риск следует переопределить как *вероятность неблагоприятного исхода в бифуркационном процессе*. Вероятность эта всегда отлична от нуля именно вследствие закона перехода равных позиций в равные. Более того, существует аналог правила рычага: *произведение вероятности благоприятного исхода на степень его благоприятности равно произведению вероятности неблагоприятного на степень неблагоприятности*.

К примеру, если и благоприятный и неблагоприятный исходы имеют равные показатели, то риск оказывается ровно 50%, вне зависимости от остальных параметров.

Определив понятие рискованной операции, мы должны отметить, что ее эффективность определяется величиной «рычага»: произведения вероятности благоприятного исхода на степень благоприятности этого исхода. Чем больше рычаг, тем выше возможный выход. В терминах аналитической стратегии этот параметр называется нагрузкой на операцию. Выражает он степень отклонения результата от аналитического «среднего» исхода.

Понятно, что увеличение нагрузки на операцию также увеличивает и возможные негативные эффекты, в результате чего операция становится очень «строгой» в управлении. Если обычный план (вроде захвата Польши) Германский штаб мог модифицировать на ходу, превращать его совсем в другой план, даже терять недели, то запаздывание группы Гудериана во время Французской кампании всего на четыре дня (с 12 по 16 мая) приводило к полному краху замысла Манштейна.

Таким образом, использование «стратегии риска» требует от исполнителей значительно более тонкого понимания и точного выполнения планов, нежели в рамках «классического подхода». Работа командиров и штабов неизмеримо усложняется. Результат, однако, стоит того. Должен существовать закон, описывающий степень усложнения операции как функцию нагрузки на операцию: по всей видимости, сложность растет быстрее, чем показатель риска.

В отличие от аналитической стратегии, когда индивидуальные особенности исполнителей малосущественны, для «стратегии риска» характерна «привязка» операции к личности командира. План Шлиффена, построенный начальником Германского Генерального штаба «под себя», был невыполним для Мольке-младшего. Тому не оставалось ничего делать, кроме как снижать «показатель риска», чтобы сделать схему

кампании приемлемой для себя. Однако уменьшение нагрузки на операцию привело к затягиванию войны, что стало губительным для Германии, равно как и для остальной Европы.

С точки зрения европейских парадигм рискованная операция — это игра, которая должна приводить к безусловному выигрышу или безусловному проигрышу, но никак не к затягиванию войны. Поскольку длительная война приводит к тому, что в игру вступают неаналитические параметры, чаще всего деструктивные для общества, затягивание войны безусловно хуже, чем быстрый ее проигрыш. (К сожалению, зачастую стороны оказываются не способными к своевременному заключению мира из-за предвоенной пропаганды. Громкое поражение или громкая победа могут стать тем фактором, который исправят ошибки политиков).

Как способ преодоления кризиса аналитичности «стратегия риска» приводит к идеальному результату с точки зрения этики войны¹. Однако полководец, принимая решение о рискованной операции, должен помнить о том, что он ставит на кон не только судьбу своей страны (эту ставку он делает постоянно), но и свое имя. То есть «стратегия риска» это и стратегия ответственности.

Мольтке-старший так говорит об обязанности ответственного командира принимать рискованные решения: ***«Командующий армией в своих действиях, успех которых никогда не обеспечен, так же как и государственный деятель, руководящий политикой, не должен бояться судебной ответственности. Он несет совсем иную ответственность перед богом и своей совестью за жизнь многих тысяч людей и за благо государства. Он теряет нечто большее, чем свободу и состояние»***².

4. Психология риска

Итак, платой за огромную эффективность рискованных операций является ответственность командира³.

Непрерывный четырехлетний стресс Первой Мировой войны превратил Дэвида Битти, самого молодого английского адмирала, воплощение здоровья, уверенности в себе, даже физической красоты, в старика. Он умер в 65 лет, хотя в его роду было принято доживать до восьмидесяти. Она порождает прежде всего неуверенность в принятых решениях. Между тем технически рискованная операция существенно труднее

¹ См. статью С. Переслегина и Р. Исмаилова «Этика войны» в книге Б. Г. Лидделл Гарта «Стратегия непрямых действий».

² Мольтке. «Военные поучения». М., 1938. С. 15.

³ Уровень нагрузки на психику командира чрезвычайно велик даже в самых простых, вполне аналитических ситуациях. По мнению брачней, матч на первенство мира отнимает у шахматистов около пяти лет жизни. Проигрыш такого матча почти всегда (исключение составляют Ласкер и Ботвинник, люди с железным характером) приводит к резкому снижению творческих и спортивных результатов — ломается личность.

обычной аналитической. Как отмечалось раньше, обратившись к «стратегии риска», необходимо приложить максимум усилий для достижения нужного исхода. В отличие от аналитической стратегии, в которой наблюдается эффект саморегуляции (по крайней мере, в фазе нарастания), в рискованной операции **динамический гомеостаз** панацеей не является. От начала такой операции до ее последнего дня основным ресурсом, модифицирующим вероятности, поддерживающим оперативную устойчивость и извлекающим из дружелюбной Вселенной спасительные и грозные чудеса, служит психика ответственного командира.

Показатель риска не снижается даже после преодоления операцией первой критической точки¹. От первого до последнего дня исход рискованной операции остается неопределенным. Иными словами, пока не достигнута победа, такая операция должна считаться проигранной, и государственную политику следует строить в предвидении этого поражения.

Важно понять, что «конец игры», как правило, носит не военно-технический, а психологический характер. «Стратегия риска», в сущности, является «стратегией блефа»: лучший способ правильно разыграть некорректный мизер — вынудить партнеров бросить карты на стол, так как «очевидно, что он не ловится». Противник должен внутренне признать неизбежность капитуляции гораздо раньше, чем она будет подписана.

В этом плане психологическое содержание в военном искусстве гораздо шире, нежели в шахматах. «Рискованная операция» значительно дальше выводит позицию за границы равновесия, нежели даже некорректные атаки М. Талья, не говоря уже о строгих позиционных комбинациях А. Алехина. Но — и в шахматах, и в войне — «стратегия риска» может быть построена только на здоровой позиционной основе. Иными словами, неаналитическая теория операций есть развитие аналитической, но, отнюдь, не нигилистическое отрицание ее.

«Стратегия риска», решая основное аналитическое противоречие, порождает целый ряд технических проблем. Вот небольшой перечень: увеличение ответственности командира, усложнение задач подчиненных командиров, наконец, усиление «трения»². Собственно, всякая операция порождает трение Клаузевица, однако в лишь рискованной операции оно легко может привести к катастрофе.

¹ В первой критической точке происходит разрушение устойчивой позиции, операция переходит из затратной фазы в фазу нарастания. Во второй критической точке формируется новая устойчивая позиция, операция переходит в стадию затухания (см. «Основные понятия аналитической стратегии»).

² Под «трением» понимаются различные более или менее случайные факторы, которые, в соответствии с принципом Ле-Шателье, препятствуют изменению позиции, то есть развитию операции. В аналитических операциях «трение» концентрируется на затратной стадии и в стадии насыщения, фаза нарастания характеризуется практически полным его отсутствием. В неаналитической «стратегии риска» фаза нарастания является неустойчивой: каждая ее точка может реализоваться как критическая. Потому имеет смысл говорить о «структурном трении» — более или менее случайных факторах, увеличивающих вероятность негативной бифуркации.

Вообще-то, это **умеренная плата** за преодоление кризиса аналитичности. Фактически речь идет лишь о том, что несколько ответственных командиров и штабистов должны качественно работать. По сравнению со, скажем, доктриной Дуэ, разрушающей жизни миллионов мирных граждан, цена очень невелика.

Более существенна, пожалуй, другая проблема. Стратегия есть наука об оптимизации вероятностей. Но статистически стратегия риска всегда неоптимальна (смотри пример с шахматами — 40 процентов против 49). Но в таком случае и в одной единственной операции, где статистические показатели не имеют смысла, этот прирост риска должен как-то проявляться. И он проявляется — на очень высоком, цивилизационном уровне. Рискованные операции, даже завершившиеся успешно, реализуют менее вероятные состояния исторического континуума, нежели аналитические. Это означает, что мир, возникший как следствие успешно проведенной в жизнь «стратегии риска» обладает дополнительной структурной неустойчивостью: он не стабилен по отношению к процессам, переводящим его в более термодинамически (статистически) выгодное «основное состояние». Об этом явлении А. Азимов говорил, как об эффекте нивелирования изменения Реальности.

В аналитических операциях задачей штабного звена является уменьшение показателя риска. В неаналитической стратегии речь должна идти о минимизации прироста этого показателя. То есть в некотором смысле неаналитическую стратегию можно рассматривать как метастратегию: стратегию в пространстве стратегий. А это означает, что ее гомоморфной моделью будут не равновесные термодинамические процессы, а самоорганизующиеся (автокаталитические) петли, порождаемые метаоператорами¹.

Выше мы отметили такую особенность рискованных операций, как усиление роли ответственного командира (в широком смысле — вообще личностного начала в стратегии). Немецкий стиль, аналитический со времен Мольтке, усиливал штабное звено. Здесь же максимум нагрузки лежит на командном звене. И все-таки рискованные операции (хотя, на наш взгляд, — и недостаточно рискованные) стали отличительной чертой именно немецкой стратегии. План Шлиффена (в авторской версии) с его эхо-вариантом, предложенным Э. фон Манштейном, — лишь один из примеров. Военная наука, доведенная до абсолюта в немецкой школе, породила два противоположных полюса — сверханалитичную штабную работу и сверххаотичную «стратегию риска».

Конечно, неаналитическая стратегия не является прерогативой только немцев. Ямамото и О'Коннор также сознательно стремились к повышению показателя риска в своих операциях. С практической точки зрения их пример показывает, что «стратегия риска» для своего воплощения в жизнь нуждается прежде всего в подготовленных командирах младшего звена, затем — в штабных работниках высокого уровня.

¹ Об автокаталитических процессах см. труды И. Пригожина, в частности — «От существующего к возникающему».

В конце концов, всякая операция имеет целью бой, и именно этот бой определит ее исход. Но если результат боя в аналитической операции предсказуем, то в рискованной операции — нет¹. Возникает не вполне обычная ситуация, когда вся кампания может провалиться из-за недостаточно подготовленных (например, в психологическом отношении) полевых командиров. В кампании 1940 немцам очень повезло, что принципиальные решения на поле боя принимал Гудериан. Хотя иногда и у него отказывали нервы, в целом он стремился поддерживать показатель риска на высоком уровне в течение всей операции. Напротив, фон Бюлов в кампании 1914 г. постоянно пытался действовать безопасно. В изначально рискованной схеме Шлиффена (даже в сомнительной версии младшего Мольтке) это привело к невозможности использовать для достижения окончательной победы в войне огромные успехи, достигнутые немецкими войсками в «фазе нарастания» маневра Правого крыла.

Похожая ситуация наблюдается в паре Ямамото — Нагумо. В рамках сверхрискованной стратегии Ямамото, Нагумо всегда действовал максимально инициативно, предпочитая неопределенности конкретный тактический успех конкретной выполненной задачи. И вот, действуя строго по уставу, он проигрывает роковые пять минут во взаимно хаотическом сражении у атолла Мидуэй.

Итак, «стратегия риска» — это, прежде всего, человеческий фактор — смогут ли ответственные командиры силой своей личности удержать операцию на узкой грани, отделяющей их сторону от катастрофы? Затем — штабная работа: человечество открыло только один метод управления случайностями в войне — штаб. И наконец, время, темпы операций.

Аналитическая операция в основе своей геометрична. Ее основу составляет «учение о позиции», о геометродинамике местности. Рискованная операция — это всегда конкретная темповая «игра», в которой позиционные факторы — навсегда или на время — теряют самодовлеющее значение. Связано это как с необходимостью уменьшить число лишних «паразитных» рисков, так и с тем простым фактом, что рискованная операция дает равные шансы на выигрыш обоим сторонам. Угадай французы 13 числа, во время переправы Гудериана через Маас, замысел Манштейна, и вся немецкая подвижная группировка оказывается окруженной и затем разгромленной. Сумей американцы в декабре 1941 года принять правильное решение, и соединение Нагумо было бы уничтожено во время атаки Перл-Харбора: слишком малые силы были оставлены для обороны.

Значит, очень важно, чтобы противник в ответ на рискованную операцию стал действовать не «правильно», а «естественно». По уставу. Мы уже отмечали, что это возможно только в случае перегрузки штаба

¹ Например, успех немецкого прорыва в Арденнах зависел, в частности, от того, насколько успешно войска, наступающие в Бельгии, выполняют свою задачу и спровоцируют союзников на гибельный «маневр „Диль“». Но динамика этой отвлекающей операции определялась успешностью/неуспешностью действий немецких десантников, которые должны были принудить к капитуляции бельгийские форты. С точки зрения аналитической стратегии, действия отряда Витцига, описанные Б. Лиддел Гартон в седьмой главе «Второй Мировой войны», были попросту невозможны.

противника оперативной информацией, что подразумевает, в частности, огромную скорость операции¹.

В неаналитических операциях крайне важно знать противника. Здесь вновь работает «личностный фактор»: «стратегия риска» критична к индивидуальным особенностям командиров не только своей, но и противостоящей стороны. *«Поэтому и говорится: если знаешь его и себя, сражайся хоть сто раз — опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, то один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение» (Сунь Цзы).*

5. Заключение

Рассматривая классическую стратегию, мы отмечали, что победа аналитически может быть достигнута лишь в двух случаях: изначального неравенства в силах либо — заведомо неправильными действиями. Для исследователя неравенство в силах особенного интереса не представляет, хотя, может быть, и зря. Дело даже не в отсутствии осмысленной теории, описывающей, как перейти от выигранной позиции к окончательной победе (опыт антигитлеровской коалиции, равно как и антикайзеровской, чисто негативен: как сказал бы Холмс, по этим операциям следует учить стратегов, как не надо работать). Более серьезной проблемой является то, что генералы сильнейшей стороны теряют интерес к тщательному анализу и планированию и начинают полагаться на простую мощь своего государства. А это чревато осложнениями и потерями.

«Заведомо неправильные действия» могут быть очень разными. И лучший вариант — это последовательность шагов, результат которых не может быть просчитан противником в реальном времени. «Стратегия риска» являет собой один из лучших примеров **контролируемого хаоса**. Тем более что на современном уровне развития военной науки военачальник имеет в своем распоряжении аппарат такого контроля. Нужны еще мужество принять трудное решение и талант, нужно умение оценить и свои силы, и силы противника и — last, but not least — поставить на нужные посты правильных людей.

Это намного сложнее, нежели в очередной раз без толку послать на цель тысячу бомбардировщиков или сорок дивизий солдат. В военных академиях неаналитическим действиям учат плохо. Получить же опыт проведения рискованных операций в современном, достаточно устроенном — аналитичном, — мире непросто.

И все-таки «стратегия риска» остается лучшим ответом на кризис аналитичности. Эта стратегия лежит на главном направлении европейской военной мысли, поскольку отвечает как этическим принципам войны, так и логическим законам.

¹ Либо — использование специальных, сугубо информационных методов ведения войны. Но это уже логика следующего великого конфликта, известного как «холодная война».

3. Стратегия чуда: введение в теорию неаналитических операций

Моделирование как основа научного метода познания мира

Вопреки распространенному мнению, механика отнюдь не изучает движение материальных тел в пространстве. Предмет ее исследования — динамика модели материального тела в модели физического пространства.

Работая с этими моделями, физика создает теории движения (*способ исследования*), которые и сами по себе носят, конечно, модельный характер. За четыре тысячелетия своего развития механика отработала три основные концепции движения, связанные с именами Аристотеля, Буридана, Ньютона. Модель пространства (*среды исследования*), первоначально анизотропная (земная твердь и небо), постепенно обрела изотропию и однородность, превратившись в ньютоновский «аквариум», бесконечно протяженный в трех измерениях и существующий «из вечности в вечность». Уже в XX столетии произошел переход от Вселенной Ньютона (в которой инвариантны время и расстояние) к миру Минковского (где неизменен интервал: математическое выражение, связывающее время и расстояние) и затем — к искривленному «геометродинамическому» космосу Эйнштейна. Одновременно возникло функциональное пространство, в котором выполняются законы квантовой механики с ее кажущимся индетерминизмом и несомненными парадоксами. Постепенно мы приходим к пониманию, что квантовомеханическое пространство есть модель, работающая не только в микромире (для которого ее первоначально построили), но и в обычной жизни. Факт этот, впрочем, слишком нов и слишком неожидан, чтобы мы могли до конца оценить его значение.

Моделей материального тела (*объекта исследования*) было предложено несколько. Простейшей из них является материальная точка, позднее было корректно определено понятие абсолютно твердого тела, начались работы с бесконечными средами и, наконец, с деформи-

руемыми средами. Тем не менее во многих практически важных случаях приходится рассматривать систему многих взаимодействующих тел, численные методы исследования которой сейчас, как и столетие назад, «недостаточно разработаны».

Физика является точной наукой, ее методы безупречны и исчерпывающи. Поэтому в каждой конкретной задаче точно известно, насколько именно принятая нами модель отклоняется от реальности. Более того, если величина ошибки по каким-то причинам нас не устраивает, мы знаем, как перейти к более адекватной модели.

Тем не менее довольно большое количество задач механики не может быть решено до конца. Чаще всего это связано с непреодолимыми математическими трудностями. Положите в пенал три разных карандаша и швырните пенал об стену. Если вас будет интересовать не только положение центра тяжести всей системы, но и движение отдельных карандашей, задача окажется не под силу современной математике, и вы не получите аналитического решения. Конечно, поскольку уравнения движения известны, при наличии достаточно мощного компьютера результат можно получить численными методами. Но требуемая вычислительная мощность будет экспоненциально расти при увеличении количества предметов в пенале и очень быстро превысит возможности любого «Крея».

В других случаях недостаточно развита базовая теория. Это касается прежде всего задач с фазовыми переходами: брошенное на бетонный пол стеклянное зеркало, несомненно, разобьется — для того чтобы предсказать это, не требуется высшего физического образования. Но вот на какие именно осколки оно разобьется? Задача, на современном уровне развития физики практически неразрешимая.

Следует иметь в виду, что теории движения сами по себе противоречивы и приводят к парадоксам. Конечно, классические апории Зенона, построенные в рамках аристотелевой модели, вызывают сейчас лишь улыбку. Намного труднее разобраться в «парадоксе близнецов» и других аналогичных задачах из курса специальной теории относительности. И совсем плохо обстоит дело, когда речь заходит о парадоксе Шредингера, демонстрирующем механизм, посредством которого квантовомеханическая бесконечномерная Вселенная отбрасывает тень на нашу обыденную реальность.

Указанные трудности и проблемы вовсе не ставят под сомнение колоссальные успехи физических методов исследования мира. Напротив, физика потому и является (наряду с астрономией) ведущей из всех естественных наук, что она может корректно определить границы своего незнания.

С точки зрения метатеории, физика является простейшей наукой, поскольку ее объектами исследования являются системы, описываемые сравнительно небольшим числом параметров. Одним из сложнейших (во всех отношениях — с точки зрения базовой теории, модели пространства и модели объекта) разделов физики является квантовая механика атомов и молекул, объясняющая характер химического взаимодействия веществ.

Поскольку этот механизм представляет собой основу химии, на «лестнице наук» химия стоит выше физики — ее объекты исследования (вещества) с физической точки зрения сложны. Потому химия не может использовать для описания молекул физические модели: соответствующие квантовомеханические уравнения написать можно, но они будут заведомо неразрешимы.

Продолжая движение «вверх по лестнице», мы последовательно перейдем к биологии (основу ее образуют белковые молекулы, самые сложные объекты органической химии), психологии (которая работает с наиболее сложной биологической структурой — мозгом), социологии (где «базисной единицей» является личность, предмет изучения психологов), наконец, историей, рассматривающей социумы в их динамике.

Во всех случаях методология, схема «работы» науки неизменна и сводится к построению трех классов моделей: объекта, среды и взаимодействия.

Аналитическая теория военного искусства находится на стыке социологии, психологии и экономики; какая-то часть ее выводов входит в базис истории (динамической теории социумов). Таким образом, на «лестнице наук» аналитическая стратегия находится довольно высоко, что подразумевает **сложность** исследуемой системы под названием «война».

Сразу же отметим, что это само по себе предполагает наличие в системе огромного количества точек бифуркации. Нельзя исключить даже того, что множество особых точек плотно: события войны кажутся — на обыденном языке — **«проявлениями полного хаоса»**, но, может быть, речь действительно идет о хаосе, о структурных системах, потерявших свойство аналитичности?

Ни в конце XVIII — начале XIX столетия, когда появились первые наброски классической военной науки, ни столетием позже — при Мольтке и Шлиффене, ни еще через поколение — при Лиддел Гарте и Гудериане теории хаотических систем не существовало. Нет ее и сейчас.

Поэтому классическая военная наука обречена работать с заведомо некорректной моделью. При любых обстоятельствах система хаотическая (или, скажем осторожнее, проявляющая тенденцию к хаотичности) будет эмулироваться в этой науке аналитической системой.

Базовая модель в аналитической стратегии

Определим классическое оперативное искусство как науку о движении модели армии на модели местности и рассмотрим эволюцию указанных моделей.

Исходным представлением местности является белый лист бумаги, символизирующий бесконечную плоскость. При всей примитивности этой модели она позволяла ввести ряд основополагающих определений, классифицировать типы движения (например, разделить маневры армий на концентрические и эксцентрические), построить представление о системе коммуникаций и доказать ряд важных утверждений, касаю-

щихся снабжения войск. Заметим здесь, что фундаментальная теорема Кристаллера¹ (относящаяся, правда, скорее к большой стратегии, нежели к оперативному искусству) была доказана именно для бесконечной плоскости.

Естественным способом ввести на местности метрику и учесть ограниченные размеры государств является переход к конечному разграфленному листу бумаги. Если лист топологически эквивалентен квадрату восемь на восемь граф, мы получаем шахматную доску — прекрасную рабочую модель «пространства войны»².

Постепенно лист бумаги превращается в карту, на которую нанесены формы рельефа, границы, дороги и иные факторы, оказывающие влияние на движение. Следует, однако, помнить, что карта, как модель местности, исключительно неудобна. Дело в том, что расстояние между точками на карте и время, необходимое армии для перемещения между этими точками, не связаны простым соотношением. Иными словами, карта требует от оператора умения правильно читать себя.

Следующим шагом является преобразование карты в изохроническую схему, в которой роль расстояния играет обратное время. В наше время такое преобразование может быть легко выполнено компьютером, но и столетие назад эта задача не представляла серьезных трудностей³.

Если структурно сравнивать эти модели пространства с физическими, то речь идет об аналогах пространства Ньютона (бесконечная плоскость, конечная плоскость) и искривленного геометрического пространства Эйнштейна (карта, изохроническая схема). Весьма существенно, что военная наука на данном уровне своего развития не знает аналога квантовомеханического пространства.

Модель армии развивалась по преимуществу как теория управленческих структур. Ввиду чрезвычайно сильной системной индукции, эти

¹ Теорема Кристаллера описывает идеальное распределение иерархических сетевых узлов в транспортной системе. Всякое отклонение от такого распределения увеличивает транспортное сопротивление и соответственно издержки производства. Примером государства, дорожная сеть которого соответствует требованиям теоремы Кристаллера, может считаться США (в особенности, Восточное побережье и Великие равнины).

² Шахматы иллюстрируют такие основополагающие понятия аналитической стратегии, как позиция, оперативная тень (в шахматах — рентген и силовая линия), слабые и сильные пункты, темп, центр позиции и пр. Именно поэтому аналитическая теория войны и позиционная школа шахматной игры имеют много общего.

³ Пользование изохроническими схемами удержало бы союзников от некоторой части бессмысленных наступлений на Западном фронте Первой Мировой войны; «Бег к морю», например, был бы разыгран как совокупность маршей, а не сражений.

Особый интерес такие схемы представили бы для японского военно-морского командования, которое многие свои операции в период Второй Мировой войны строило на косвенном взаимодействии первоначально изолированных групп кораблей. Изохронический анализ позволяет автоматически определять невыгоднейшее взаимное расположение таких групп.

структуры оказались сходными в различных государствах, что очень быстро привело к понятию **единицы планирования** (стандартной дивизии¹, рассматриваемой вместе со своей системой снабжения). В дальнейшем теория развивалась в двух направлениях: создание методологии перехода от реальных войск к стандартным дивизиям и оптимизация структуры войск².

Попытки как-то алгоритмизировать «процедуру стандартизации» привели к появлению довольно-таки эмпирических правил учета национальных особенностей (формулы вида: «это англичане, которые устойчивы в обороне», «у вас будет восемь дивизий, но, к сожалению, итальянских», «корпус состоял из пылких и страстных, но неустойчивых уроженцев Гаскони»), боевого опыта, морального состояния войск.

Тем не менее, «стандартная дивизия» остается интегральным объектом, который никоим образом не учитывает индивидуальности людей, ее составляющих. Заметим в этой связи, что все мастера военного **искусства**, начиная с Сунь-Цзы, ценили элитарные соединения и требовали в обязательном порядке иметь их в составе армии. Напротив, мастера военной **науки**, начиная с Клаузевица, считали такие части ненужными. (В яркой форме это проявилось в оценке Э. Манштейном войск СС.)

В аналитической теории рассматривается три вида движения «свободных войск»: маневр (части перемещаются в пространстве, свободно от противника), позиционная блокада (соединение пассивно препятствует действиям противника), нормальный бой.

Теория маневра весьма развита. По сути, аналитическая стратегия как научная дисциплина более ста лет занималась изучением только этой стороны военного дела.

Модель **позиционной блокады** есть антиманевр, «маневр, взятый со знаком минус». Разработка этой модели запоздала и лишь после Второй Мировой войны привела к созданию теории позиции.

Нормальный бой классическая военная наука не изучает, полагая, что столкновение стандартных дивизий всегда подчиняется урав-

¹ Если речь идет о столкновении армий; для обеспечения присмелой точности единица планирования должна быть на два уровня иерархии меньше, нежели исследуемая система.

² Имея одинаковые войска, технику и условия снабжения, можно построить очень разное число «стандартных дивизий». Это связано с соотношением между боевыми и обслуживающими частями, особенностями организации связи и управления, заданной структурой взаимодействия между соединениями, топкостями дифференциальной регуляции снабжения. Например, советский мехкорпус 1941 года был «перетяжелен» по количеству танков при нехватке средств связи и автотранспорта. В результате его боевые возможности были подорваны: при выполнении любых задач, кроме сугубо позиционных, для которых танки малоприспособны, соединения корпуса получали недостаточное снабжение как материально-техническими средствами, так и информацией. Это означало, что корпус вовсе не сводился к восьми «стандартным» немецким дивизиям по 135 танков: в лучшем случае он насчитывал две такие дивизии.

нениям Остроградского-Ланчестера, то есть ход и исход его predetermined первоначальным соотношением сил.

Как правило, так оно и есть на самом деле, а немногие исключения усредняются процедурой интегрирования по всем «нормальным боям» в операции. Проблема, однако, заключается в бифуркационных тенденциях системы «война», которая, отнюдь, не сводится к движению «стандартных армий» по картам с заданной метрикой.

Прежде всего, интегрировать можно далеко не всегда. Если на суше усреднение обычно действительно возникает, то морские бои уникальны: потеряв (из-за статистической флуктуации) четыре авианосца в одном сражении, трудно рассчитывать «отыграть» их в следующем. Кроме того, почти в каждой операции существуют критические моменты, которые определяют ее развитие в целом (например, захват неповрежденным важным моста). Случайный проигрыш на этой стадии не может быть исправлен последующими успехами.

Талант полководца в аналитической стратегии

Современная военная наука считает деятельность ответственного командира сложной квалифицированной работой, требующей глубоких знаний, аналитических способностей, умения быстро рассчитывать варианты.

Первейшей задачей командира является создание адекватных требованиям момента организационных структур¹. Следует еще и еще раз обращать внимание на важность своевременного (то есть довоенного) решения этой проблемы. Весь план Шлиффена тактически обосновывался включением в состав германских армейских корпусов тяжелой гаубичной артиллерии. Японская концепция войны на море опиралась на разработанные специально «под нее» взаимно сопряженные оргструктуры — авианосное соединение Нагумо и Первый Воздушный

¹ Понятно, что такие структуры должны быть оптимизированы под конкретную операцию. Ввиду чудовищной инертности военной машины этого, обычно, не происходит: воевать приходится в рамках утвержденных раз и навсегда штатов. Сплошь и рядом штатное расписание благополучно «переживает» и мировые войны, и пару-тройку революций в военной технике.

Заслугой Г. Гудериана было не более или менее удачное проведение кампаний в Польше, Франции и России, но разработка оптимальной структуры танковых войск.

Тяготение военных к стереотипным штатным расписаниям не может иметь никакого оправдания. Например, вполне пригодная для операций на Восточном Фронте классическая немецкая структура управления и снабжения (армия — корпус — дивизия) была недостаточно гибкой для потребностей Северо-Африканского и Крымского ТВД: немцы добились бы большего, использовав бригадную организацию.

Концепция балансировки соединения под конкретную задачу применялась — последовательно, хотя и не вполне разумно — только в Японском Императорском Флоте.

флот. Немецкие «блицкриги» напрямую связываются с танковыми дивизиями, в то время как поражение Франции — с отсутствием таковых (при том, что танков у французов было больше, чем у немцев, и танки эти были лучше — см. Приложение 3).

Далее, командир обязан довести свое соединение до высокой степени боеготовности. Как правило, это означает всего лишь умение грамотно пользоваться находящимися на вооружении техническими системами. Оять-таки, как правило, войска этого не умеют совершенно¹, что приводит к резкому снижению коэффициента их пересчета в «стандартные дивизии».

На войне задачей командира является оптимизация маневра, что подразумевает организацию разведки, связи, снабжения и — во вторую очередь — создание такой модели движения войск, которая приводит к нормальному бою при наимыгоднейших условиях. Разработка собственной схемы маневра или хотя бы нетривиального варианта такой схемы автоматически причисляет полководца к высшей военной элите.

Нормальный бой к оценке способностей полководца отношения не имеет. На любом уровне рассмотрения — от роты до группы армий — это всегда задача подчиненных командиров.

Заметим здесь, что в рамках аналитической военной науки от полководца, отнюдь, не требуется «гениальности», то есть способности увидеть в системе «война» нечто, доселе неизвестное. Тем более, он не обязан обладать «харизмой». Нет необходимости даже в сильном характере: подчинение «сверху — вниз» обеспечивается самой структурой армии.

Иными словами, полководец должен быть профессионалом, но он может не быть личностью.

Вероятностная стратегия и риск

Простейшим обобщением классической модели оперативного искусства является переход к вероятностному распределению результатов «нормального боя». В рамках данного построения исход боя, соответствующий уравнениям Остроградского, признается не неизбежным, а лишь наиболее вероятным. «Отклонение от нормы» описывается тем

¹ В 1913 году английские моряки на тренировках стреляли по неподвижной цели на расстоянии 4–6 миль. Первое же (произведенное Д. Битти) учение на скорости 26 узлов и расстоянии около 8 миль дало поль попаданиям. Советские танкисты в 1941 году имели «в среднем» двухчасовой опыт вождения танков, из орудий не стреляли вообще, рациями пользоваться не умели. Летчики того же периода тренировались совершать атаки при скоростях на 100 км в час меньше, нежели расчетные боевыс. За редчайшими исключениями (японский флот при И. Ямамото) тяжелые корабли межвоенного периода не умели по ночам выходить из базы и заходить в псс (в коммерческом флоте такой маневр считался в порядке вещей).

Во Второй Мировой войне сражались «лыжные батальоны, не обученные пользоваться лыжами», горно-стрелковые войска, не способные действовать в горах, морские десантники, не умеющие плавать и боящиеся воды...

или иным статистическим распределением (системой модификаторов — кубиков с разным числом граней, как это было принято у японских генштабистов в начале Второй Мировой войны и как это делается в современных настольных ролевых играх серии D&D, классическим гауссовым «колоколом», «резонансной кривой» и пр.)

При этом подходе расчет штабом противника своих возможных «ходов» также может быть представлен в виде распределения вероятностей решений. Таким образом, «нормальный бой» теряет свой фиксированный результат; вместо этого мы получаем статистическое распределение возможных вариантов, определяющееся произведением вероятности данного боя на модификатор, описывающий вероятность данного исхода.

Мы имеем дело с нетривиальным обобщением «пространства войны», как статистического пространства, являющегося некоторым достаточно далеким аналогом пространства квантового. Интегрируя во всем частным боям, получим распределение вероятностей исхода операции или даже войны в целом. Заметим, что здесь мы сталкиваемся с подобием «парадокса Шредингера»: до тех пор, пока внешний по отношению к системе «война» наблюдатель не фиксирует калибровку, войну следует считать находящейся в смешанном состоянии, описываемым суперпозицией ряда «собственных функций», некоторые из которых описывают победу, а некоторые — поражение. В этом плане можно сказать, что **«вероятностная война» поддерживает состояние неопределенности.**

В «аналитической стратегии» прослеживается желание ответственных командиров максимально сузить вероятностные распределения, а в идеале — вообще вернуться в классическому насквозь и до конца просчитываемому «нормальному бою». Лишь в рамках «стратегии риска», о которой шла речь в предыдущей статье, можно увидеть стремление «убежать от определенности» и поискать свои шансы на краю гауссианы.

Эти шансы могут быть найдены на пути расширения «пространства решений» (состояний). Чем больше степеней свободы у штабов, командиров и соединений, ведущих «нормальный бой», тем шире «резонансный спектр» возможных исходов. Поэтому «стратегия риска» — это всегда стратегия, лежащая за пределами Устава¹. В известном смысле

¹ Чем сложнее «пространство войны» (т. е. множество всех факторов, событий, обстоятельств, влияющих на состояние системы «война»), тем, как правило, больше возможных точек бифуркаций, больше существенно различающихся «конечных позиций». С этим связано стремление мастеров военного дела обогащать аналитическую реальность инновациями, зачастую весьма странными и вычурными. К такого рода попыткам можно отнести некоторые технические системы (японские «ныряющие снаряды», немецкие «асимметричные самолеты», итальянские человеко-торпеды и пр.), «исключительно несправые» — в терминологии Лиддел Гарта — оперативные планы (например, объявление Германией в декабре 1941 года войны США, что может быть рассмотрено, по мнению западногерманского историка С. Хаффнера, «как зов о помощи»), разнообразные тактические «выкрута-

можно сказать, что по отношению к классическому военному искусству, различающему понятия «можно» и «нельзя», она носит «карнавальный» характер.

Разведка — элемент хаоса в аналитической стратегии

Расчет вариантов в «классической стратегии» основывается на предположении о равной информированности сторон об обстановке. Понятно, что сторона, информированная лучше, получает преимущество, которое в некоторых случаях может вывести ситуацию за пределы аналитичности.

Организация разведки со времен Сунь-Цзы представляла собой важнейший сектор работы полководца. Разумеется, подавляющую часть информации доставляет войсковая разведка: кавалерийские завесы маневренного периода Первой Мировой войны, разведывательные самолеты Второй, спутники — Третьей. Наконец, радиоперехват.

Следует, однако, помнить, что в организации войсковой разведки обе стороны находятся в одинаковом положении. Иными словами, такая разведка сводится к двустороннему обмену информацией, вполне укладываемому в рамки аналитической модели. Мы можем расширить определение снабжения, включив в него доставку частям и соединениям не только горючего, пищи и боеприпасов, но и необходимой для осмысленной боевой работы информации. Тогда работа войсковой разведки влияет на количество «стандартных дивизий», тем самым — на ход и исход «нормального боя». Величину этого влияния не следует переоценивать.

Совершенно иной является ситуация с агентурной разведкой. В рамках этой подсистемы действуют не полки и эскадрильи, а отдельные люди — со своими совершенно индивидуальными особенностями: ин-

сы» (персеодвание в чужую или нейтральную форму, провокационные приказы, отданные на радиочастотах противника и т. д. — мастерами такого рода босвых действий показали себя израильтяне в 1967 и отчасти в 1973 гг.). Как правило, реальный вред от подобных действий невелик, и их проще всего просто игнорировать. В этом случае они остаются в истории, как некое чудачество. Если, однако, противник начнет реагировать на страшные инновации, включая их тем самым в собственное «пространство войны», система «война» приобретает дополнительные степени свободы. Это еще не значит, что она обязательно претерпит бифуркационный скачок, но вероятность такого исхода повышается.

Поэтому экстенсивное нагромождение инноваций представляет особый вид стратегии за слабейшую сторону. Стратегии, направленной на размытие спектра возможных «конечных состояний» системы «война».

Само собой разумеется, что сильнейшая сторона может использовать тот же прием -- и притом с меньшим риском. Но, как правило, человеческий ум более изворотлив в тяжелой ситуации; выигранные же позиции для него не столь интересны.

Для страны, проигравшей в очередном раунде раздела мира, это представляет определенные шансы.

теллектом, лояльностью, стойкостью, инициативностью, фантазией. Везением, наконец. Поскольку этих людей очень мало (по сравнению с характерной численностью армий), никакому усреднению их деятельность не поддается, оставаясь величиной, априори совершенно непредсказуемой. А это означает, что возможны — и время от времени реализуются — ситуации, в которых деятельность одного разведчика может привести к бифуркации в системе «война», то есть — к потере аналитичности. Классическая модель операции, построенная на равной информированности сторон, сразу же станет неадекватной, и выводы классической военной теории будут опровергнуты.

«Если бы войско знало, войско побило бы войско», — гласит французская пословица.

Неаналитичность агентурной разведки проявляется прежде всего как ее сверхэффективность. Во время Первой Мировой войны с деятельностью шпионов связывают катастрофические для немцев результаты «прорыва» группы кайзеровских эсминцев в Финский залив. Анализируя деятельность немецкого агента, которая «наводила» подводные лодки на союзные конвои, ответственный офицер ВМС союзников заявил: «Линкор, свободно разгуливающий по коммуникациям, не причинил бы нам столько вреда».

Следующая война принесла еще более разительные примеры. Разгром японского флота при Мидуэе стал возможен благодаря довоенной деятельности одного (двух) человек, добывших секрет японской шифровальной системы. В некотором смысле эти два человека подменили собой по крайней мере три ударных авианосца (что представляет собой где-то около 50% всего наступательного потенциала флота США, создаваемого десятилетиями на деньги всей страны). Аналогичную роль сыграла операция «Ультра» в срыве решающего наступления Роммеля под Эль-Аламейном.

До сих пор трудно оценить реальные результаты деятельности супругов Розенберг в США и О. Пеньковского в СССР. В обоих случаях, однако, можно уверенно говорить о стратегических последствиях шпионажа.

Если согласиться с тем, что разведка — прежде всего агентурная разведка — представляет собой непредсказуемое, хаотическое звено в сугубо аналитическом мире военной науки, становится понятной и общепринятой недооценка ее роли (что проявляется, в частности, в вопросах о званиях и наградах: очень редко разведывательной сетью страны руководит человек в звании выше генерал-майора) и чрезвычайно жестокое отношение к пойманным неприятельским шпионам, которых в военное время казнят, а в мирное — приговаривают к многолетнему тюремному заключению.

В обоих случаях речь идет о борьбе принципиально обезличенного организма, каковым является армия, с индивидуальной человеческой активностью, подрывающей самые основы существования армии.

Чудо как фактор стратегии

Будем называть «чудом» всякое боевое столкновение, исход которого столь сильно отличается от «нормального», что это не может быть

объяснено с точки зрения статистической модели. Подчеркнем, что речь в данном случае пойдет о событиях, скорее невероятных вообще, нежели маловероятных¹.

Начнем изучение стратегических «чудес» с анализа захвата группой Витцига форта Эбен Эмаэль.

Итак, имеются наступающие немцы численностью в 75 человек при легком вооружении и «обороняющиеся», насчитывающие 1200 человек в бетонированных казематах при орудиях и пулеметах. В пересчете на «стандартные соединения» перевес сил обороняющихся никак не меньше 6 : 1 (полагая одного арийского десантника сразу за четверых бельгийских резервистов и используя для форта заниженный оборонительный коэффициент 1,5).

Если аппроксимировать статистическое распределение гауссианой, нормировав на 50% вероятность успеха при трехкратном превосходстве наступления над обороной (что, исходя из опыта обеих мировых войн, завышено), получим, что ставки на отряд Витцига следовало принимать где-то из расчета 1 : 1000000. В действительности дело обстояло еще хуже, поскольку при отсутствии у наступающего тяжелого вооружения никаких шансов на успех не было вообще!

Тем не менее, операция «Гельб» не производит впечатление выигранной случайно — из-за слишком уж большой глупости противника или фантастического везения. Иными словами, подсознательно мы воспринимаем звенья этой операции — захват бельгийских мостов и фортов, расчистка завалов и минно-взрывных заграждений в Арденнах, форсирование Мааса без поддержки артиллерии, быстрое продвижение к морю с «повисшими» флангами — как вполне реальные. В манштейновской аванюре присутствует своя логика — **логика невозможного**.

Анализируя штурм Эбен Эмаэля и сходные события, принято говорить о «внезапности». Б. Лиддел Гарт указывает, что гарнизон форта был не готов к отражению именно этого вида атаки — воздушного десанта. Но, помилуйте, неизбежность скорого вторжения в Бельгию была в мае 1940 года очевидна всем — от короля Леопольда до последнего мусорщика. Что же касается использования ВДВ, то в конце 30-х годов такая возможность уже не была новостью и учитывалась при военном планировании. Таким образом, если операция Витцига и оказалась для бельгийцев внезапной, то речь должна идти о не совсем привычной трактовке понятия «внезапность».

Рассмотрим с этой точки зрения операции японцев против Перл-Харбора, Филиппин и Сингапура в декабре 1941 года. Не подлежит сомнению, что союзники оказались совершенно не готовыми к сраже-

¹ Конечно, существует вероятность того, что типографский шрифт, выброшенный из окна, образует при падении строки «Илиады», а весь восдлух в силу статистической флуктуации соберется в правой половине комнаты, вследствие чего люди, оказавшиеся в другой половине, задохнутся. Однако характерное время ожидания подобного события на много порядков превосходит характерное время жизни Вселенной, что, собственно, и означает, что **случайно** они не происходят **никогда**.

нию. Однако же конвои, идущие к Малайе, были обнаружены с воздуха задолго до высадки; о неизбежности атаки Перл-Харбора американцы были предупреждены не только «расколотым» японским дипломатическим кодом, но и многообразной косвенной разведывательной информацией. Что же касается Филиппин, то атака Манилы по погодным условиям была задержана и состоялась лишь через несколько часов после официального объявления войны.

Вновь перед нами противоречие: внезапность достигнута, однако, объективно ее не было и быть не могло.

Здесь, пожалуй, лежит первый из ключей к понятию стратегического чуда: в таких операциях **субъективные факторы начинают превалировать над объективными**. Иными словами, хотя объективно в рассмотренных выше примерах внезапности не было, субъективно она была достигнута в полной мере: **обороняющийся** оказался психологически не готов оказать сопротивление и **принял** в качестве истинной **ту картину мира, которую построил для него наступающий**.

Речь идет, по сути, об **индукции безумия**. Сторона, дерзнувшая подготовить и осуществить невозможную операцию, должна быть чуть-чуть (или не чуть-чуть) «не в себе». Но безумие, будучи проявлением в индивидуальной психике сил хаоса, и в самом деле заразительно. У десантников Витцига, у летчиков Футиды, у саперов Ямаситы были особые «тоннели Реальности», искаженные, болезненные, но и привлекательные, как любая сказка. Добропорядочные англо-франко-бельгийско-американские воины столкнулись с подлинным сумасшествием, с яростной, почти религиозной верой в неизбежность чуда. И их уравновешенное мировоззрение оказалось бессильным против этой веры.

Мы уже говорили о шредингеровской проблеме в стратегии. Всякий бой на какое-то время существует как суперпозиция состояния победы и поражения. «Калибровка действительности» фиксируется актом выбора, единым для обеих сторон: не только немцы должны поверить, что они выиграли, но и бельгийцы согласиться с тем, что они проиграли. И с этой точки зрения мы должны признать правоту Ф. Фоша: «Выигранная битва — это та битва, в которой вы не признаете себя побежденным».

Никто, однако, не знает, как не признать себя побежденным...

Восьмиконтурная модель психики. Личностное содержание неаналитической стратегии

Ключ к пониманию высших, неаналитических, форм стратегии может дать восьмиконтурная модель психики Т. Лири. Согласно данной модели, поведение человека может быть представлено как результат взаимодействия нескольких жестко закрепленных (импринтированных) паттернов.

Древнейшим из них является **биовыживательный контур**, сцепленный с продолговатым мозгом. Контур этот возник с появлени-

ем жизни на Земле; современную форму он принял у первых млекопитающих. У человека импринт первого контура возникает при рождении.

Биовыживательный контур определяет сосательный рефлекс и далее все функции организма, связанные с питанием. Он же инициирует в человеческих языках систему понятий, а в культуре — ценностей, связанных с образом Матери.

С военной точки зрения первый контур обеспечивает так называемую «спайку» в частях и соединениях перед лицом опасности. Будучи древнейшими, импринты первого контура всегда широко использовались в военном деле; проявлением этого контура в классической стратегии является принцип экономии сил (следует предпочесть такой образ действий, при котором минимальны потери). В рамках высшей стратегии биовыживательный контур отвечает за этику войны: им, в частности, продиктовано императивное требование минимизировать жертвы среди мирного населения сражающихся сторон, то есть прежде всего среди матерей и детей.

Эмоционально-территориальный контур связан с подкоркой головного мозга и возник вместе с древними приматами. Этот контур отвечает за проявление низших эмоций (прежде всего — активной и пассивной агрессии) и определяет положение индивидуума в «стае» одомашненных приматов — людей. Импринт второго контура возникает на первом году жизни ребенка — в период овладения ходьбой.

Контур инициирует систему понятий, связанных с иерархией, подавлением, насилием, территорией обитания. В известном смысле государства и армии представляют собой отражение на уровне социума болезненных импринтов второго контура.

В армии второй контур проявляется как гротескная военная дисциплина и ее тень — дедовщина. В большей степени именно этот контур «отвечает» за жестокость войн, военных конфликтов, да и «мирной» казарменной жизни. Воплощением импринта эмоционально-территориального контура служит **сержант**, который, заметим, может носить и генеральские погоны.

Семантический контур имеет отношение к коре левого полушария и, частично, к лобным долям головного мозга. Импринт происходит, когда ребенок учится говорить.

Данный контур определяет, собственно, разум: умение находить логические (т. е. измеримые) связи между объектами, умение аргументировать свою позицию, не прибегая к физической силе или эмоциональному давлению. Контур отвечает за научное познание, и воплощением его может быть признан ученый, являющийся одновременно и узким специалистом в своей области и человеком высокой культуры.

Революционный вклад в военное искусство классической «немецкой школы» (Клаузевиц, Энгельс, Мольтке старший, Шлиффен) состоит именно в обогащении армейской среды образами третьего контура. Германский Генеральный штаб **«породил новый тип офицера — никогда не участвующего в боях и скорее ученого, нежели солдата»**. Это немедленно привело к антагонизму между штабами и

передовой, но, тем не менее, позволило создать аналитическую теорию стратегии и блестяще воплотить ее в жизнь.

Серьезной ошибкой немецких военных аналитиков была уверенность, что Разум и в самом деле исчерпывается третьим контуром (характерное заблуждение интеллигенции, от которого ей так и не удалось избавиться, несмотря на опыт трех мировых войн и нескольких революций). Между тем, Советский Союз убедительно опроверг аналитические построения стратегов шлиффеновской школы, распространив «пространство войны» на иную — социальную плоскость.

Социально-половой контур определяет паттерны сексуального поведения и формируется в предпубертатный и пубертатный периоды развития человека. Исторически он был порожден тяжелейшими противоречиями в прасоциумах, где крупные приматы, в психике которых эволюционно задан личный эгоизм, учились жить в коллективе, не сводящемся к семье или стае. Биохимически контур связан с «новой корой» левого полушария и таламусом.

Четвертый контур задает формы взаимосвязи индивидуума и общества; именно с этим контуром связаны религиозные и идеологические течения (превращенные формы сексуальности).

В военном деле четвертый контур породил отвратительную, но действенную гипермодернистскую стратегию, которую мы определили как войну против самих условий существования неприятельского государства и народа¹.

Четвертый контур превращает убийство (и самоубийство) на войне в форму сексуального поведения, то есть использует для решения стратегических задач основной у большинства людей ресурс психики. Именно использованием паттернов социально-полового контура удалось создать войсковые части, начисто лишённые инстинкта самосохранения².

Этим контуром кончается первый круг психики: ее древнейшие отделы, отвечающие за эволюционно устойчивые личные стратегии, ее сравнительно новые конструкторы, инициирующие эволюционно-неустойчивые поведенческие паттерны. Однако мозг, являясь информационной моделью Вселенной, содержит в себе структуры, связанные не только с прошлой эволюцией (сохранение смыслов), но и эволюцией будущей (распаковка смыслов).

«Контур второго круга» проявлены не у всех; с этой точки зрения их функционирование неочевидно. Высшие моды психики — **нелокальный квантовый контур** и **контур метапрограммирования** — отвечают за связь индивидуума со Вселенной в целом. Сомнительно, чтобы на том уровне, на котором функционируют эти контуры,

¹ См. С. Перселегин Основные понятия аналитической стратегии. В кн.: Э. Машштейн. «Утерянные победы». М., 1999.

² С этим и был связан провал операции «Барбаросса». Аналитическая стратегия не могла рассчитывать на «чудеса четвертого контура»: пехотными сражающимися в окружении корпуса и дивизии. С точки зрения военной науки по всем разумным соображениям этим частям подлежало сдать. Соответственно, в операции появился механизм торможения, аналитически не рассчитанный.

могли иметь хоть какой-то смысл локальные военно-политические «разборки» на одной из планет Солнечной системы¹.

Иначе обстоит дело с промежуточными контурами, и прежде всего — пятым или **нейросоматическим**. Этот контур связан с корой и подкоркой правого полушария мозга и активно импринтируется на уровне социума в наши дни². (Мы не знаем, каким именно образом происходит импринт на уровне индивидуума; предполагается, что он каким-то образом связан с ведущей функцией левой руки. Существуют психофизиологические средства и медитативные техники, позволяющие спроектировать сознание на уровень пятого контура — примером подобной техники может служить ребефинг.)

Нейросоматический контур отвечает за интуитивные «проколы Суты», и с этой точки зрения **стратегия чуда всегда связана с возбуждением в психике ответственного командира нейросоматического уровня**, позволяющего построить и навязать — своим войскам и противнику — безумный «тоннель Реальности». Другими словами, мышление на уровне пятого контура позволяет **увидеть** победу, средства, при помощи которых она будет достигнута, и чудеса, которые для этого понадобятся. Здесь кроется секрет «странных инноваций»: они, отнюдь, не берутся «с потолка», но привносятся в мир интуитивными озарениями. Каждое такое новшество поэтому имеет смысл, хотя сплошь и рядом он скрыт от аналитического истолкования³.

Значительно более богатые ресурсы содержит шестой — **нейрогенетический контур**. Если интуитивные озарения пятого происходят все-таки на уровне личности, то шестой контур включает в работу коллективный мозг всего социума — архетипические конструкты, коллективное бессознательное. Это уровень богов, богинь и демонов, уровень представлений (здесь математический термин «представление» исполь-

¹ Существует простая семантическая формула, хорошо помогающая при «советских» и «постсоветских» обобщенных неприятностях на работе: «А ты уверен, что через десять лет будешь помнить этот конфликт?» Для крупных социальных процессов можно говорить о ста годах. (Кто, кроме историков, сейчас сможет с ходу назвать участников Тридцатилетней войны? Итоги войны Семилетней? Да хотя бы основные статьи Версальского договора?) Между тем, высшие контуры оперируют возрастом Вселенной, и людям, у которых эти контуры импринтированы, в высшей степени безразлично, какого цвета флаг водружен над Рейхстагом, Кремлем, Белым домом.

² Имеется в виду, конечно, антропологический масштаб со шкалой более 1 000 000 лет. То есть «наши дни» — это приблизительно одно тысячелетие.

³ Следует помнить, однако, что большинство ответственных командиров не патренировано в работе со старшими контурами сознания. Иными словами, знаки, которые посылает в ходе интуитивных озарений «дружественная Вселенная», могут быть неверно поняты. Многие уродцы из военной кусткамеры были порождены именно ошибкой в дешифровке нейросоматического символа.

зуется, как отдаленный синоним слова «воплощение») эгрегоров и иных информационных объектов. В стратегии шестой контур — кольцо Все-власть, позволяющее решать любые задачи или же обходиться без их решения.

В истории не было полководцев, сознательно работающих с нейрогенетической составляющей своей психики, однако паттерны этого уровня оставляют следы (прежде всего, на близком к нему нейромантическом уровне), которые могут быть прочитаны и использованы.

Проявлением информационного давления шестого контура в стратегии служит «закон серии» — волнообразное чередование «счастливых» и «несчастливых» серий событий. «Чудесная операция» может иметь успех, только если она попадет в «полосу благоприятствования».

Классическая теория вероятностей неприменима к серийным пола-сам, порожденным паттернами нейрогенетического контура. Совпадения в таких сериях только кажутся случайными: **совпадение есть механизм, посредством которого организующие структуры коллективного бессознательного проявляют себя в мире наблюдаемом**¹.

С нейрогенетическим «законом серии» связано издревле известное явление **«предварительного преодоления обстоятельств»**, проявляющееся в классической формуле: **«безумцам сопутствует удача»**. Заметим, что эта поговорка вновь связывает неаналитические операции с безумием.

Итак, неаналитическое военное искусство связано с возбуждением в психике командующего высокоэнергетических структур, известных в теории Т. Лири как нейросоматической и нейрогенетической контуры мозга. Поскольку на данном уровне развития человечества далеко не все индивидуумы умеют работать с высшими поведенческими паттернами, неаналитическая стратегия носит исключительно личный характер и требует от командира проявления особых способностей. Речь идет, по сути, о личной гениальности, о реконструировании «пространства Войны» на основе полученных интуитивным путем знаков, символов, а то и просто намеков.

Гитлер как полководец

«Великий фюрер германской нации» был одним из очень немногих полководцев, которые совершенно сознательно использовали в руковод-

¹ Смысл этого утверждения иллюстрируется анекдотом о Христе, играющим в гольф со священником.

После удара священника мяч останавливается в трех футах от лулки. «Отличный удар», — замечает Иисус, и с размаху бьет по мячу, отправляя его в противоположную от лулки сторону. Мяч попадает в зайца, тот с испуга берет его в зубы и бежит через все поле, зайца хватает коршун, но он оказывается слишком тяжелым, коршун роняет его, шар выпадает изо рта зайца и оказывается прямо в лулке. «Пана! — раздраженно говорит Христос, — Я же просил: дай поиграть!»

стве войсками «проколы Сути»: внелогические предвидения определенных событий и их последовательностей. Гитлер не имел высшего образования и не научился профессиональным приемам работы с информацией. В результате его «озарения» были, как правило, очень «сырыми», содержали именно намек на решение, но отнюдь не само это решение.

Тем не менее гитлеровские «предвидения» дали рейху неоценимое стратегическое преимущество. Фюрер сообщал ту область, в которой следовало искать победные бифуркации. Воспользовавшись этой подсказкой, грамотные штабисты могли построить решение, если не идеальное, то во всяком случае удовлетворяющее граничным условиям.

Однако отношения между Гитлером и штабом ОКХ сложились самым неудачным образом. Генералы вовсе не были расположены выслушивать наставления со стороны человека, имеющего лишь унтер-офицерский военный опыт. Соответственно фюрер подчеркнуто игнорировал генштабистов и их предостережения¹.

В результате в высшем командном звене фашистской Германии начинается «перетягивание каната»: в качестве личного штаба фюрера создается ОКВ, сразу же вспыхивает что-то вроде войны за ресурсы между ОКВ и ОКХ, стороны саботируют решения друг друга: Гитлер не дает нормально управлять войсками, распоряжаясь дивизиями и даже батальонами, со своей стороны Гальдер прилагает все усилия, чтобы сорвать выполнение даже вполне осмысленных распоряжений своего командующего. После отставки Гальдера роль лидера «фракции ОКХ» переходит к Э. Манштейну, и вся история повторяется по новому кругу...

Между тем и Э. Манштейн и Ф. Гальдер были вынуждены признать, что и до войны, и во время войны Гитлер нередко бывал прав, хотя обычно правота его была глубоко неочевидна. Но в таком случае им следовало отказаться от «тоннеля Реальности», порожденного третьим (семантическим) контуром, и поступать в согласии с основными принципами воинской дисциплины. Анализируя ход одной стратегической игры, в которой он участвовал, Ф. Дельядо, исполнитель роли начальника штаба ОКХ, написал в этой связи:

«Если смириться с безумием Главкома, а смириться придется, то остается весьма важный вопрос: а как же относиться к его явно безумным приказам и планам?»

Ответ с точки зрения военной дисциплины идеальный — выполнять. Как показывает мой весьма большой опыт, нет настолько безумного приказа, который нельзя либо выполнить, либо обойти, либо по которому нельзя убедительно отрапортовать о его выполнении.

Третий способ русские называют «tufta».

Эта шуточная формула может считаться базовой для организации взаимодействия командной и штабной структур в неаналитической операции. Штаб должен оставаться рабочим органом командующего, пере-

¹ См. Ф. Гальдер. Военные дневники. М., 1967—1971.

водящим интуитивные прозрения высших контуров сначала на семантический уровень (третий контур), а затем на уровень эмоционально-территориальных приказов (второй контур).

«Закон серии» и сражение у атолла Мидуэй

Весь японский план войны базировался даже не на «стратегии риска», а на «стратегии чуда». В этой связи важнейшее значение приобретали высшие психологические контуры: лишь интуитивные прозрения позволяли сторонам как-то планировать весенне-летнюю кампанию 1942 года. Но в таком случае следовало максимально серьезно отнестись к тем намекам и обещаниям, которые время от времени дарило будущее.

Если какая-то операция японского флота и начиналась сочетанием неблагоприятных предзнаменований, то это был именно Мидуэй. Одновременная болезнь трех главных фигур в «стратегическом пасьянсе» — Футиды, Ямамото и Гэнды (людей, вообще говоря, болеющих крайне редко) — совпадение более чем необычное. Как раз тот случай, когда следует обратить внимание на складывающуюся негативную серию.

Если бы японцы расшифровали «знаки», настойчиво посылаемые Вселенной (или Судьбой?), операция была бы отложена «до завершения ремонта авианосца „Сеаку“» — в этом плане сражение в Коралловом море обусловило благовидный предлог. Американские корабли вышли бы к атоллу Мидуэй и не нашли бы там противника. Само по себе это означало бы банкротство высшего командования Тихоокеанского флота: в то время как противник атакует Алеутские острова, лучшие авианосцы ВМС США сжигают топливо, бесцельно маневрируя в пустом океане. Появились бы обоснованные сомнения в правильности дешифровки японских кодов. Конечно, в этой явно неаналитической ситуации есть много разнообразных вариантов, но с достаточной степенью вероятности можно предположить, что корабли, самолеты и морская пехота будут отозваны с Мидуэя... после чего японская операция, отложенная на две недели или на месяц, пройдет совсем легко.

Но в текущей Реальности предостережения шестого контура прочитаны не были, и боги (напомним, именно на этом уровне психики они существуют как представления коллективного бессознательного) навсегда отвернулись от страны Ямато.

Структура неаналитической модели в стратегии

Итак, неаналитическая операция представляет собой самый эффективный, но и самый непредсказуемый способ преобразования пространства войны. Такого рода стратегия носит личностный характер: она подразумевает ответственных командиров, способных сознательно работать с ресурсами высших психических уровней — нейросоматического и нейрогенетического. Неаналитическая операция представляет собой квинтэссенцию «стратегии риска». «Парадокс Шредингера» проявляется здесь в полной мере — до самого конца текущая Вселенная осцил-

лирует между состояниями, отвечающими сокрушительному поражению или абсолютной победе.

Платой за «стратегическое чудо» служит уменьшение достоверности текущей Реальности — послевоенный мир оказывается неустойчивым и проявляет тенденцию к самопроизвольному бифуркационному возвращению в «основное состояние». Само по себе это не должно вызывать беспокойства: речь идет, по сути, об антиэнтропийном характере процессов, инициируемых неаналитической операцией. Вся человеческая история, вся эволюция жизни на Земле — антиэнтропийны. Жизнь менее устойчива, нежели смерть, но разве это повод не жить?

Однако же неустойчивый характер «конечного состояния» подразумевает, что оно на самом деле не является конечным: неаналитическая операция продолжается и за второй критической точкой (точкой стабилизации позиции)! То есть ответственный командир обречен последовательно выступать в роли трех ведущих богов индуистского пантеона: как Шива он разрушает мир, как Брахма создает новый и как Вишну охраняет его... пока хватает сил.

Планируя неаналитическую операцию, следует помнить и о том, что такие операции **слишком** красивы и потому создают шансы обеим сторонам. Иными словами, красивые ходы и этюдные решения могут найтись и у противника.

Тем не менее, для стороны, изначально слабейшей, альтернативы «стратегии чуда» нет. В рамках аналитической модели ранжированы не только флота, но и армии, и государства. Потому исход столкновений между ними предопределен.

Разработка неаналитической операции существенно отличается от обычного планирования. Модель такой операции составляется для Пространства Войны, богатого точками бифуркации. Это означает, что многие понятия классической стратегии «не работают»: так, например, невозможно корректно определить связность позиции¹.

Поэтому «позиция» в неаналитической операции есть синоним понятия «текущая Реальность», а «преобразование позиции» должно восприниматься как бифуркация, «тоннельный переход» между Реальностями.

С этой точки зрения структура неаналитической операции определяется почти исключительно особыми точками пространства Войны. Задачей ответственного командира является поиск (или, что в известном смысле то же самое, — создание) таких бифуркаций, которые приводят систему «Война» в желательное состояние. Решение этой задачи лежит, как мы выяснили, на пути эксплуатации высших мод человеческой психики — «проколов Сути».

Далее, выбранная безумная Реальность должна быть противопоставлена текущей (обыденной) и навязана своим войскам и войскам противника в качестве «единственно возможной».

¹ Вариационная задача, к решению которой сводится вычисление связности, может быть задана только на гладком многообразии. Пространство неаналитической операции таковым не является.

Наконец, «стратегию чуда» необходимо корректно оттранслировать на язык семантического и эмоционально-территориального контуров: иными словами, **она должна быть представлена как сугубо аналитическая**¹. Это требует четкой работы штабов, **иницирующих аналитическую составляющую хаотической операции**².

Роль штаба возрастает неимоверно: он должен не только перевести интуитивные прозрения командующего в конкретные приказы и распоряжения, не только исправить неизбежные ошибки неточно прочитанных «символов грядущего», не только обеспечить динамическую устойчивость принципиально неустойчивой операции, но и организовать управление войсками вблизи точки бифуркации, где решения необратимы и не могут быть исправлены, а характерные частоты управленческих процессов резко возрастают³. С этой точки зрения «стратегия чуда» есть развитие аналитической стратегии, а не опровержение ее.

«...Теоретически ты знал, что за твоими заклинаниями стоит абсолютная власть. Сам Хаос. Работать непосредственно с ним крайне опасно. Но, как видишь, все-таки возможно. Теперь, когда ты это знаешь, учеба завершена».

¹ Это требование связано с принципиальным различием контуров первого и второго круга. Высшие контуры связаны с будущим и, с точки зрения «сейчас и здесь», задают лишь потенциальную возможность некоего события. Операция, превращающая эту возможность в достоверность, должна иметь свое выражение на языке «объективных» контуров, ориентированных на настоящее и прошедшее.

² Вновь процитируем Ф. Дельядо: **«Так, например, когда Главком требует рассчитать график переброски войск с помощью воздушного моста, но при явном отсутствии как достаточного числа самолетов, так и аэродрома посадки, ему, условно, нужно сообщить о выполнении приказа и при этом разработать схему, вообще не требующую применения транспортной авиации. Более того, потом можно использовать высвободившиеся транспортные самолеты для гораздо более важных целей...»**

³ Непаналитическая операция подразумевает цейтнот: время принятия решения.

Танки Второй Мировой войны

**(краткое
технико-тактическое
обозрение)**

Кризис, который мировое танкостроение переживало вплоть до середины 30-х годов, легко объясняется не только антивоенными настроениями, царившими в измученной мировой войной Европе, но и тогдашней геополитической логикой. Военные лидеры промышленно развитых стран считали, что не слишком нуждаются в этом виде боевой техники. Британию, Японию и Соединенные Штаты, защищенных от любого внешнего врага морем, гораздо больше интересовали авиация и флот — тем более что, согласно модной тогда доктрине Дуэ, тяжелый бомбардировщик мог без проблем выиграть любую войну. Германии иметь танковые войска запрещалось Версальскими соглашениями. В результате из ведущих держав серьезно занималась танками лишь Франция, а в остальных странах этот вид вооружений был отдан на откуп частным предприятиям, по своей инициативе время от времени разрабатывавшим те или иные проекты. (Спрос на танки в мире все-таки был — небогатые страны Европы и Латинской Америки охотно заказывали за рубежом бронированную технику, готовясь к своим «игрушечным» войнам или уже ведя их. В основном их интересовали дешевые легкие машины с пулеметным вооружением — недаром двадцатые и начало тридцатых годов по праву считаются золотым веком танкетки.

Отчасти эту слячку прервало посещение военными представителями Англии, Франции, Италии и Чехословакии Киевских маневров 1935 года, в которых участвовало свыше 1000 русских танков. Быстроходный и маневренный БТ-5 произвел на британских военных сильное впечатление, после чего они тоже приняли решение закупить у американца Кристи его знаменитый танк. Впрочем, делу это помогло не сильно — единственной страной, сумевшей буквально за пять-шесть лет не только наладить выпуск бронетехники, но и создать эффективные бронетанковые войска, стала нацистская Германия...

Германия

Создавая в 1917 году свои первые танки, немцы плохо понимали, зачем им вообще нужна подобная техника. Однако уже в самом конце 1918 года, после монстровидных А7, германские конструкторы создали вполне приличный образец легкого танка. LkII весил 9 тонн и вооружался 57-мм пушкой с углом обстрела в 45 градусов и пулеметом. Уже после Версаля несколько таких машин было тайно продано в Венгрию. Впрочем, в 20-е годы дальше нелегальных экспериментов с бронированными тракторами у немцев дело не пошло — Веймарская республика была слишком бедной страной, чтобы расходувать скудные бюджетные средства на дорогостоящие военные игрушки. Немцы предпочитали производить гражданскую технику... и набираться опыта.

Версальские ограничения были отброшены лишь после прихода к власти Гитлера. В 1933 году создается Управление бронетанковых войск под командованием генерала Лутца, начальником штаба стал полковник генштаба Гейнц Гудериан (незадолго перед тем вернувшийся после обучения в Советском Союзе). Первые учения «танковые части» проводили на легких бронеавтомобилях, тракторах и бутафорских фанерных макетах на автомобильном шасси. Но уже весной 1934 года начался серийный выпуск первой машины новых германских танковых войск — Panzersampfvaegen. I, или попросту Pz. I (принятый у нас для немецких танков индекс «Т» является его буквальным переводом). Имея 13-мм броню и только пулеметное вооружение, он, по существу, являлся танкеткой, и уже Испанская война продемонстрировала необходимость более мощного танка. Им стал появившийся в 1936 году Pz. II, имевший на вооружении 20-мм автоматическую пушку, весьма эффективную против легкой бронетехники. А в 1937 году началось производство средних танков Pz. III и Pz. IV. Первый сначала имел броню в 15 мм, 37-мм противотанковую пушку и считался основным. Немного более тяжелый Pz. IV с короткоствольной 75-мм пушкой рассматривался как танк поддержки.

В 1935 году были сформированы первые три танковые дивизии. Готовясь к новой войне, Германия в первую очередь рассчитывала именно на танки. Быстрые маневренные действия — блицкриг — были единственным шансом в борьбе с заведомо более могущественным противником. Однако мощностей германской промышленности не хватало для того, чтобы в короткий срок обеспечить армию достаточным количеством бронетехники. Тем более что первой целью должна была стать Чехословакия — страна с развитой автомобильной промышленностью, имевшая сильную армию и танки собственного производства, превосходящие по своим боевым качествам немецкие Pz. I и Pz. II (основная масса чешских танков производилась на экспорт). Гитлеру оставалось лишь действовать по принципу «наглость — второе счастье». Но его блеф в Мюнхене, к невероятному удивлению германского генералитета (уже замышлявшего мятеж), увенчался полным успехом. Блистательный идиотизм сэра Невилля Чемберлена подарил агрессору Чехослова-

кию вместе с ее мощной танковой промышленностью. В результате на 1 сентября 1939 года германские танковые войска имели уже 1445 Pz. I, 1223 Pz. II, 98 Pz. III, 211 Pz IV, 219 35(t), 76 38(t) и 5 штурмовых орудий Stug III (Sturmgeschutz — штурмовое орудие). Индексом (t) немцы обозначали танки чехословацкого производства, в том числе построенные на чешских заводах во время оккупации...

Следующим противником стала Польша. Ее танковая промышленность была куда более слабой, нежели чехословацкая. Поляки выпускали в основном танкетки — ТК-3 и ТКС. Правда, с 1935 года здесь производился легкий танк 7ТР, созданный на основе английского «Виккерса-6 тонн» и очень похожий на советский Т-26 (подобно ему, выпускался в двух- и однобашенном вариантах). Характерно, что 7ТР был первым в мире серийным танком с дизельным двигателем. Все же из 867 танков, которыми располагала польская армия к началу войны, более 600 составляли танкетки. Еще было 135 7ТР, 38 «Виккерсов-шеститонных», 67 «Рено-FT» и 50 только что купленных у Франции R35. Помимо этого поляки имели около сотни бронеавтомобилей — в основном устаревших марок.

С Польшей немцы расправились быстро — для этого хватило наличных сил, полнейшего бездействия англо-французов и ошибок в исходной дислокации польской армии. Наглость снова сыграла свою роль.

Следующим летом во Франции немецкие танковые войска впервые столкнулись с равным, а временами и превосходящим их по мощи противником. Однако кампания 1940 года тоже завершилась успешно — и вновь с многочисленными трофеями, немалую часть которых составляли танки. Впрочем, французские машины — в отличие от восточноевропейских — немцы использовали не столь охотно. Лишь после катастрофических потерь 1941 года некоторые захваченные на западноевропейском театре машины были переоборудованы в самоходные установки, причем большая часть танков (в том числе и сохранившиеся на ходу «Рено FT») так и осталась во Франции в составе оккупационных войск. Похоже, довольно мощные и тяжелые французские танки с малым запасом хода просто пришлось не по нраву немцам, которые из своих успешных кампаний сделали вывод, что для танка важнее всего не мощная броня или крупнокалиберная пушка, а скорость и маневренность.

Основой стратегии «блицкрига» были именно массированные танковые удары, глубоко рассекающие оборону противника. Затем в прорыв вводились моторизованные части; задачей пехоты оставалось блокирование и уничтожение окруженного противника, да еще удержание обороны на второстепенных направлениях.

Еще до войны немцы создали организационную структуру, адекватную этой оперативной схеме: смешанный танковый корпус, включающий одну-две танковые дивизии, а также — моторизованные и пехотные части.

В связи с ориентацией на «блицкриг» немцы до 1942 года слабо интересовались тяжелыми танками. Перед войной у них существовали лишь опытные машины этого класса — например, трехбашенный

Nb. Fz «Рейнметалл» весом 23 тонны, с броней 40 мм и спаренными 37-мм и 75-мм короткоствольными пушками в главной башне¹. Однако к 1941 году тяжелые танки в германской армии все же появились — ими стали 160 трофейных французских В-1 и В-1bis. На части из них 75-мм пушка в корпусе была заменена огнеметом — 12 таких машин использовались в 1942 году при штурме Севастополя.

Как уже отмечалось, практически все немецкие танки были сосредоточены в танковых дивизиях — это позволяло максимально эффективно использовать имеющиеся машины. В большинстве случаев немцы вели успешные наступления, не имея общего превосходства в количестве бронетехники. Их пехотные дивизии танков и бронемашин не имели вообще², моторизованные дивизии представляли собой мобильную пехоту — они оснащались лишь автотранспортом. Так называемые «легкие» дивизии являлись аналогом танковых для взаимодействия с кавалерией — три четверти боевых машин в них заменялись колесными бронеполками и полугусеничными бронетранспортерами.

По оснащенности автомашинами и колесной бронетехникой германская армия к началу войны занимала первое место в мире. Основным легким броневиком был двухосный «Хорьх», имевший две модификации — пулеметную *Sd. kfz.221* и *Sd. kfz.222* с 20-мм пушкой. С 1938 года выпускался тяжелый четырехосный «Бюссинг-Наг» *GS* — уже в трех модификациях. Основная, *Sd. kfz.231*, имела броню до 14,5 мм (впоследствии усилена до 30 мм) и вооружалась 20-мм пушкой, спаренной с пулеметом во вращающейся башне. Эти машины применяли в разведках танковых и моторизованных подразделений. Модификация 232 имела еще радиостанцию, а 233 несла 75-мм короткоствольную пушку в открытом сверху корпусе и использовалась для поддержки пехоты. Основных бронетранспортеров было два, и оба полугусеничных — то есть с хорошей проходимостью. Легкий «Демаг» *D 7p* (*Sd. kfz.250*) выпускался в 14 различных модификациях, в том числе как разведывательный броневик с 20-мм пушкой и легкая противотанковая самоходка с 37-мм орудием. Всего с 1941 года их было выпущено около 7,5 тысячи. Средний «Ганомег» *Hk 6p* появился раньше, в 1938 году, и имел еще больше модификаций — в их числе были огнеметная машина и самоходная 75-мм гаубица. Всего машин этого класса было выпущено более 15 тысяч. Кроме того, немецкая армия имела около 50 бронемашин *ADGZ* австрийского производства.

Новых марок танков с 1937 года в Германии не создавалось — война должна была вестись на той технике, с которой в нее вступили. Конечно, от серии к серии машины продолжали модернизироваться — доля легких танков постоянно уменьшалась, а у новых модификаций усиливались защита и вооружение. После французской кампании *Pz. III* вместо 37-мм по-

¹ Согласно другим источникам, вес этих танков достигал 35 тонн. Одна из таких машин из состава «Лейбштандарта» (танковой дивизии СС «Адольф Гитлер») была, по свидетельству очевидцев, подбита советским *KV* в июне 1941 года на западной границе.

² За исключением командирских и штабных машин, которые выпускались на шасси легких танков.

лучил 50-мм пушку Kfk.38, с Pz.IV были сняты функции танка поддержки пехоты — теперь этим должны были заниматься более защищенные штурмовые орудия Stug.III (на базе Pz.III), вооруженные 75-мм пушкой в неподвижной рубке — сначала короткоствольной, а с модификации F — длинноствольной. С 1942 года Pz.IV тоже стал оснащаться длинноствольным 75-мм орудием (модификация F2 и последующие).

К 22 июня 1941 года на советской границе было сосредоточено около 3350 немецких танков в 17 танковых и 3 легких дивизиях. Кроме того, в резерве ОКН находились две танковые дивизии — 350 машин, а в различных частях насчитывалось еще около 230 командирских танков (без пушечного вооружения) и небольшое количество трофейных французских машин. Таким образом, на востоке вермахт имел в общей сложности чуть менее 4000 танков, из них около 1650 средних (вместе со штурмовыми орудиями). При этом легких Pz.I и Pz.II в танковых частях оставалось уже не более сотни. Армии стран-сателлитов (Финляндии, Венгрии, Словакии и Румынии) вместе взятые имели еще около 500 машин разных классов. Порядка 350 танков находилось в Северной Африке, остальные машины были дислоцированы на территории Германии и оккупированных стран Европы. Общая численность германских танковых войск составляла на этот момент 5630 танков и штурмовых орудий¹. В это число не включена основная масса машин, захваченных на Западе, — по большей части в тот момент они были разбросаны по всей Европе в составе охранных частей либо находились на хранении. Впоследствии все более-менее ценные трофейные танки были отремонтированы или переоборудованы в самоходные установки. Точное количество трофейных танков, имевшихся у Германии на лето 1941, установить трудно, однако известно, что только в мае-июне 1940 года во Франции было захвачено не менее 4 тысяч английских и французских машин, значительная часть которых не имела повреждений либо могла быть легко отремонтирована. В мае 1943 года германские танковые войска все еще имели около 800 трофейных танков, причем из них 600 французских и лишь 126 советских.

Первые же недели войны на востоке показали, что тактика танкового блицкрига на необъятных просторах Советского Союза не срабатывает или срабатывает «как-то не так». Из-за бездорожья пехота и даже моторизованные дивизии регулярно отставали, и вырвавшимся вперед танкам приходилось самим организовывать оборону на достигнутых рубежах, а иногда даже вести бои в окружении. Подвоз горючего был затруднен, в то время как глубина операций, в отличие от Западной Европы, намечалась очень большая. Правда, господство немецкой авиации в воздухе и достаточное количество транспортных самолетов до поры до времени позволяли налаживать снабжение вырвавшихся вперед танковых частей по воздуху — опыт, сослуживший впоследствии под Сталинградом дурную службу.

¹ Всего к этому моменту в Германии было выпущено около 6500 танков всех типов.

Но самая главная проблема — это катастрофически высокие потери танков, не покрывающиеся их производством. Осознавая чрезвычайную ценность бронетехники, германское командование стремилось беречь ее любой ценой и отражать контратаки советских танков только пехотными подразделениями, сильно насыщенными противотанковым оружием. Немецкие же танки при любой возможности уклонялись от боя с советскими танковыми частями. Тем не менее, с июня по ноябрь 1941 года германские танковые войска безвозвратно потеряли 2326 танков и около 800 бронемашин¹, а промышленность за этот период выпустила только 2108 танков и штурмовых орудий.

Неприятной неожиданностью стала встреча с новыми советскими танками — правда, немецкие мемуаристы (за редким исключением) утверждают, что произошло это вовсе не в июне 1941 года, а ближе к началу осени².

С конца 1941 года в войска начали поступать новые модификации Pz.III с усиленным до 60 мм бронированием и пушкой Kfk.39 в 60 калибров. В марте 1942 года Pz.VI получил, наконец, длинноствольную пушку в 43 калибра (Kfk 40). Выпуск легких танков практически прекратился, хотя последней моделью Pz.II стал появившийся в 1943 году разведывательный танк Pz.III «Лухс» («Рысь»). Но главное — наконец-то было принято решение о создании (вопреки традиции) совершенно новой боевой машины с бронированием, способным противостоять любым советским танковым пушкам, и вооруженный 88-мм пушкой KwK.36. Это орудие, первоначально создававшееся как зенитное, оказалось лучшей противотанковой пушкой времен Второй Мировой войны.

За создание машины одновременно взялись два подрядчика — фирма «Хеншель» и известный австрийский конструктор Фердинанд Порше, в качестве основы использовались разработки, ведшиеся еще до войны (в частности, созданный «тигерфатером» Д. Адерсом опытный танк DW2 с шахматным расположением катков). Лучшим был признан танк фирмы «Хеншель», пошедший в серию как Pz.VI «Тигр», а уже выпущенные фирмой «Алькетт» 90 шасси «Тигра Порше» были использованы для выпуска истребителя танков «Элефант», он же «Фердинанд» (по имени Порше) — одной из самых мощных противотанковых СУ Второй Мировой войны.

«Тигр», испытанный летом 1942 года, оказался в два раза тяжелее всех предыдущих немецких танков, а главное — слишком маломанев-

¹ По другим данным, потери на 1 января составили 2656 танков и 970 бронесамобилей.

² В этом плане не совсем ясно, куда исчезли полторы тысячи Т-34 и КВ, которые находились 22 июня 1941 года на западной границе, и почему встреча с подобными машинами в бою через два месяца стала для немцев столь большой неожиданностью? Возможно, большинство этих машин в самом деле удалось полностью уничтожить при отступлении. А из немцев, ранее успевших столкнуться с ними в бою, похоже, просто-напросто уцелели немногие...

ренным. С восемью машинами, отправленными в июле на Восточный фронт для войсковых испытаний, произошел конфуз — они были использованы в абсолютно неподходящей для них болотистой местности и потеряны в первом же бою. Поэтому серийное производство машины слегка приостановили для внесения доработок в конструкцию, а параллельно усилили работу по созданию более легкого танка, идеологически копирующего советский Т-34. Впрочем, названный «средним танком» Pz.V «Пантера» по весу едва ли не превосходил советский КВ, а создать танковый дизель немцам за всю войну так и не удалось. Тем не менее, именно «Пантера» считается лучшим танком Второй Мировой войны — из-за очень хорошей маневренности, легкости в управлении и комфортабельных условий работы экипажа. Правда, в результате эта машина получилась довольно дорогостоящей.

Впервые в массовом количестве «Тигр», «Пантера», «Элефант» были использованы летом 1943 года на Курской дуге, где показали себя очень хорошо, хотя победы вермахту это не принесло. А затем последовало отступление, и оказалось, что теперь немецкой армии гораздо нужнее не танки, а противотанковые самоходные орудия. Первые такие САУ, как уже упоминалось, были созданы еще в начале 1942 года путем вооружения штурмового орудия Stug.III длинноствольной 75-мм пушкой Pak.39 и усиления брони до 80 мм. Для быстрой постройки противотанковых самоходок (их называли еще истребителями танков) пригодились корпуса трофейных (в основном французских) танков.

Понятно, что СУ, не имеющая вращающейся башни, в изготовлении проще и дешевле, чем танк. А главное — при том же весе ее можно обеспечить более мощной броней — то есть хорошо отработанные базы средних Pz.III и Pz.VI вполне пригодны для производства достаточно мощных и защищенных самоходных орудий. Поэтому с конца 1943 года производство САУ в Германии начало преобладать над производством танков. С 1944 года в Праге выпускался надежный и дешевый истребитель танков «Хетцер» на базе танка 38(t)¹. На базе «Тигра» и «Пантеры» создаются истребители танков — соответственно, «Ягдтигер» и «Ягдпантер». А шасси снятых с производства легких танков до конца войны использовались в качестве базы для самоходных орудий поддержки пехоты.

Таким образом, с 1943 года немецкие танковые войска из средства глубокого прорыва обороны превратились в средство борьбы с танковыми ударами противника — то есть из наступательного оружия стали оборонительным. И хотя качество их практически до самого конца войны превосходило качество танковых войск союзников, помочь Германии это не могло. Дальнейшие попытки создания «сверхтанка», которым сначала стал «Тигр II» (он же «Королевский Тигр»), а затем 188-тонный «Маус», выглядели несколько параноидально.

С 1940 года выпуск бронетанковой техники в Германии рос в геометрической прогрессии, каждый год увеличиваясь почти вдвое. Своего

¹ После 1945 года работы по дальнейшим модификациям этой машины продолжались уже для Советской Армии.

максимума он достиг в 1944, когда было произведено почти 19 000 танков и САУ. Всего же с 1934 по 1945 годы в Германии было выпущено 50 138 танков и самоходных установок, а кроме того 21 880 бронетранспортеров и около 4,5 тысячи броневых автомобилей.

Италия

Первые свои танки Италия попыталась создать в 1916 году, но ни машина фирмы «Павези», ни тяжелый «Фиат-2000» не оказались пригодными к использованию. Первые серийные машины начали выпускаться в конце 1918 года — это был «Фиат-3000А», несколько облегченная копия французского «Рено FT». Их изготовили около сотни; в 1929 году появился пушечный вариант «Фиат-3000В», доживший до Второй Мировой войны. Тогда же по образцу закупленных английских танкеток «Карден-Ллойд Mk VI» в Италии началась постройка аналогичной техники — сначала CV3/33, а затем CV3/35. На части последних в 1939 году установили дизель-моторы. Выпускалась танкетка и в огнеметном варианте — огнесемь перевозилась в бронированном прицепе. В 1934 году появился трехосный броневый автомобиль «Фиат-Ансальдо-611», вооруженный пулеметом и 20-мм пушкой.

Танкетки CV3/35 неплохо показали себя в Абиссинии, однако уже в Испании (куда Муссолини послал 120 таких машин) стало ясно, что их вооружение и бронирование недостаточны для полноценной боевой машины. Поэтому в конце 30-х годов в Италии приступили к проектированию более мощных танков. В 1939 году появился легкий M11/39 с дизель-мотором и 37-мм пушкой... правда, не в башне, а в корпусе. Всего построено 73 экземпляра (по другим данным — 100). В 1940 году начался выпуск легкого L6/40 и среднего M13/40. Первый должен был стать аналогом немецкого Pz.II — при весе в 7 тонн он имел экипаж всего из 2 человек, лобовую броню до 30 мм, был вооружен 20-мм автоматической пушкой и пулеметом (произведено 287 машин, по другим данным — 267). Второй весил 14 тонн и имел 47-мм пушку длиной 32 калибра. Именно он стал основным итальянским танком времен войны. Вместе с двумя последующими модификациями — M14/41 и M15/42 — этих машин было выпущено около 1800. На M15/42 устанавливалась пушка в 40 калибров, толщина лобовой брони достигла 45 мм.

Попытка создать тяжелый танк потерпела неудачу. Заранее зная предел своим возможностям, итальянцы не стали мучиться с конструированием новой базы (как впоследствии пытались венгры), а взяли за основу шасси все того же M15/42. В результате вес танка P40 изначально был ограничен 26 тоннами. И хотя компоновка машины была продумана очень тщательно, броневые листы расположены под выгодными углами, все равно клепаная конструкция машины к 1943 году смотрелась чрезвычайно архаично. Вооружался танк 75-мм 34-калиберным орудием и спаренным с ним пулеметом. Всего было выпущено около 50 машин, все они достались немцам.

Зато итальянцы были первыми, кто вслед за Германией осознал необходимость создания самоходных орудий — как противотанковых,

так и для поддержки пехоты. Уже с 1941 года на базе легкого L6/40 был начат выпуск САУ «Земовенте» DA 47/32, на базе средних машин — штурмовых орудий «Земовенте» DA 75/18 и DA 65/46. В конце 1942 года на том же шасси появилась DA 105/25. Все САУ имели вес не более 16 тонны и броню до 70 мм. Как ни странно, эти аналоги немецких Sturmgeschutz получились довольно удачными (в частности, из-за очень низкого силуэта), и после капитуляции Италии охотно использовались немцами. Немцы умудрились даже наладить на севере Италии производство четвертого варианта той же машины, M43 DA 75/46 — уже под своим названием Stug.M43 mit 75/46 (i). Самой мощной итальянской САУ должна была стать «Земовенте» DA 90/53, вооруженная переделанной 90-мм зенитной пушкой, установленной в кормовой части и защищенной лишь коробчатым броневым щитом. Этих машин удалось сделать только около 30 штук.

Основных броневых автомобилей в итальянской армии к началу войны было два — очень похожие двухосные «Аутоблинда» АВ 40 и АВ 41. Последний имел вес 7,7 тонны, скорость до 85 км/ч, 20-мм пушку в башне от танка L6/40 и два пулемета, но обладал недостаточной проходимость из-за перетяжеления первоначальной базы. Всего обеих вариантов машины было выпущено около 500. В 1943 году появилось дальнейшее развитие той же конструкции — восьмитонный АВ 43 с 47-мм пушкой (эти машины почти все достались немцам). Кроме того, к началу войны итальянцы имели некоторое количество тяжелых броневых автомобилей «Фиат-611» с 37-мм пушкой в башне, а в 1940—1941 годах они переделали часть трофейных английских Mk.I «Динго» в собственный броневый автомобиль «Линче» («Рысь»).

На момент вступления в войну (1940 год) Италия имела около 1500 танков и танкеток, за время войны (до 1943 года) ею было произведено еще около 2300 машин. Поначалу танки входили в состав пехотных частей. С 1941 года, под впечатлением от успехов «старшего» союзника Италия начала создавать танковые дивизии. Самоходные орудия сводились в артиллерийские штурмовые группы. Но если легкие итальянские танки в начале войны еще могли в какой-то мере отвечать своему назначению, то бронирование и вооружение средних машин сразу оказалось недостаточным — что послужило одной из причин уничтожения итальянских танковых войск в Северной Африке и в излучине Дона.

Япония

В конце 20-х годов японцы закупили в Европе некоторое количество танков (в основном французские «Рено NC1»), после чего решили взяться за дело сами. В 1931 году появился средний танк «89», в больших количествах выпускавшийся несколько лет, а в 1932 году на базе танкетки «Карден-Ллойд» была создана собственная танкетка образца «2592» (это 1932 год по европейскому летоисчислению) с пулеметом во вращающейся башне. Дальнейшим ее развитием был появившийся в 1937 году «2597 Те-ке». При весе в 4,75 т он уже считался легким танком, поскольку на нем стояли 37-мм пушка и пулемет. Впрочем, для китайского фронта это был действительно полноценный танк.

Из-за нехватки бензина последующие японские танки конструировались под дизельный двигатель.

В 1935 году появился самый известный и массовый японский танк — легкий «Ха-го» с 37-мм пушкой и 12-мм броней (1160 машин до 1942 года), а в 1937 — средний «Чи-ха». Последний имел уже длинноствольную 47-мм противотанковую пушку и броню 25 мм. До 1942 года их выпустили свыше 1200 штук; затем появилась следующая модификация — «Чи-хе» весом 17 т, с броней до 50 мм и скоростью 44 км/ч (произведено 600 машин). Тогда же изготовили 60 экземпляров модификации «Чи-ну», вооруженных мощным 75-мм орудием. Но все это были лишь переделки уже устаревшей модели, и только в конце войны японцы построили сотню действительно новых легких танков «Ке-ну». Тяжелые же их машины так и не вышли из разряда опытных.

На базе «Чи-ха» строились самоходки «Хо-ни» разных модификаций — с 75-мм полевой, 77-мм противотанковой пушкой и 150-мм гаубицей.

Свои собственные разработки вел и флот, озабоченный проведением грядущих десантных операций. В основном это были плавающие танки. В отличие от европейских моделей, японские машины должны были быть амфибиями в полном смысле этого слова, так как предназначались не для форсирования рек, а для высадки с десантных судов в открытом море и достижения суши своим ходом. В 1942 году был создан плавающий танк-амфибия типа «2» («Току 2»), более известный у нас как «Ка-ми» — возможно, лучший плавающий танк времен войны. Он весил 12,5 тонны, был вооружен 37-мм автоматической пушкой и тремя пулеметами и обладал неплохой мореходностью. Для поддержания плавучести использовались сбрасываемые понтоны, придававшие машине на воде вид и обводы боевого корабля. Но флоту требовался не столько танк, сколько бронированный десантный транспортер-амфибия, поэтому в конце 1943 года появился тип «3» («Току 3») весом 28 тонн и с 46-мм пушкой, предназначенный для наружной транспортировки подводными лодками. Однако небольшой серией была выпущена лишь следующая модель — тип «4» («Току 4»), известная также как транспортер-амфибия «Ка-цу». Эта 19-тонная машина, оснащенная дизелем в 240 л. с. и двумя 13-мм пулеметами, более всего напоминала выползшую на сушу десантную баржу. Она имела отсек для перевозки 4 тонн груза, могла брать 25—30 человек десанта и транспортировалась к месту высадки либо десантными кораблями, либо даже десантными катерами типа «Дайхацу». Заказано было 70 машин, сделано то ли 34, то ли 49. Но к 1944 году какие-либо десантные операции японским войскам уже не светили, поэтому 18 машин были переоборудованы в диверсионные атакующие средства и перевооружены двумя... 450-мм торпедными аппаратами! В результате получилось нечто вроде итальянского торпедного катера «Грилло» времен Первой Мировой войны, гусеничный ход которого предназначался для преодоления отмелей и боновых заграждений на подходе к якорным стоянкам.

Бронеавтомобилей в японской армии было немного и в основном трех изрядно устаревших модификаций — трехосная «Осака» образца 2592 (то есть 1932 года), армейский «Хиода» и флотский «Кокусан»

все того же года. Поскольку основные боевые действия японской армии приходилось вести в условиях полного бездорожья, начиная с 1940 года броневые автомобили в Японии практически не выпускались. Лишь в 1942 году появился бронетранспортер «Хо-ни» весом 10 тонн и броней всего 6 мм, предназначенный для перевозки 12 человек десанта.

С 1931 по 1939 год в Японии было выпущено 2020 танков и танкеток. Танки предназначались только для поддержки пехоты, отдельные крупные танковых частей в японской армии не было. К 7 декабря 1941 года Япония имела около 2 тысяч танков — в основном легких «Ха-го» и танкеток. Средних «Чи-ха» насчитывалось всего несколько сотен. С 1942 по август 1945 в Японии было произведено еще 3648 машин — главным образом «Чи-ха» и «Ха-го»

Другие европейские союзники Германии

Бронетанковую технику имели и другие европейские страны, воевавшие на стороне Германии, а Венгрия даже смогла организовать собственное производство танков. Еще в 20-х годах, в нарушение Трианонского мирного договора, она закупила в Германии 13 «нелегальных» LkII, а затем — несколько легких английских и итальянских машин. В 1935 году, по-прежнему нарушая этот договор, Венгрия приобрела у Италии 121 танкетку SV3/35(37M). А в начале 1940 года на вооружение венгерской армии начал поступать легкий танк 38.M «Толди», представлявший собой лицензионное воспроизведение шведского «Ландсверка» La-60B. До 14 мая 1941 года было произведено 80 машин — таким образом, к началу войны с Советским Союзом венгры имели около 200 танков и танкеток. В 1941—1942 году было выпущено еще 200 улучшенных «Толди II», часть из которых потом перевооружили на 40-мм пушки. Кроме того, в 1941—1944 на базе «Толди» было построено 135 СУ «Нимрод» с 40-мм автоматической зениткой «Борфорс». Поначалу рассматривавшийся как истребитель танков, «Нимрод» неожиданно оказался лучшей самоходной зенитной установкой времен войны.

Весной 1942 года в Венгрии начался выпуск среднего танка 41.M «Туран», созданного на основе опытного чехословацкого S-IIС (Т-21). В 1943 появился «Туран II» (выпущено соответственно 285 и 139 машин). Пытались венгры создать и тяжелый танк, но здесь дальше испытаний корпуса без башни дело не пошло. В 1943—1944 годах еще было выпущено 66 самоходных (точнее, штурмовых) орудий «Зриньи II» со 105-мм гаубицей. Кроме того, с 1940 по 1944 в Венгрии было построено около 140 броневых автомобилей «Шабо», вооруженных 20-мм ПТР и пулеметом. Таким образом, до конца 1944 года в Венгрии было выпущено около 900 танков и САУ, еще порядка 400 машин в 1942 и 1944 годах ей передала Германия.

Румыния своей танкостроительной промышленности не создала. На 22 июня 1941 года в ее армии имелось всего около 220 танков, включая 60 старых «Рено FT» и машин чехословацкого производства — 35 танкеток Р-1 (масса 4,2 т) и 126 танков S-IIAR-2 фирмы «Шкода» (практически аналог LT-35, он же 35(t)). Было еще некоторое количество

польских машин, отступивших через границу и интернированных в сентябре 1939 года. (В частности, — несколько французских танков Н35, закупленных Польшей, отправленных через Румынию и до места назначения не добравшихся.) Кроме того, в 1941 году, уже после нападения на СССР, Румыния получила от Германии 75 трофейных французских R35.

Несколько десятков танков имела также армия Словакии — среди них была 21 машина LTS-40, ранее предназначавшиеся для Литвы.

О танках Финляндии практически все источники хранят молчание. Известно лишь, что в 1939 году на вооружении финской армии имелись машины шведского производства, немного английских и французских. Во время «Зимней войны» известные старьевщики финны не поленились вытащить из болот и снегов некоторое количество подбитых советских танков — в основном Т-26 и БТ, отремонтировать их и зачислить в свои войска. Часть БТ-7 они переоборудовали в самоходную установку ВТ-42 со 114-мм гаубицей во вращающейся башне. Всего на 22 июня 1941 года в финской армии числилось 86 танков.

Советский Союз

Советская Россия была шестой страной мира, организовавшей строительство танков — в конце 1920 года на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде была начата небольшая серия машин КС («Красное Сормово»), в целом представлявших собой слегка улучшенный вариант «Рено FT». Но после выпуска двух десятков машин строительство танков в РСФСР прекратилось — страна не могла позволить себе выпуск военной техники на мощностях, которые были жизненно необходимы для производства автомашин и тракторов. Более того, в первую танковую часть, состоящую из отечественных машин, целенаправленно набирались бойцы, знакомые с сельским хозяйством, — в начале 20-х годов эти танки регулярно использовались на сельхозработках. В 1925—1926 годах проводились работы над дальнейшим развитием «Рено», получившим название Т-16. Но производство следующего варианта машины под маркой Т-18 (он же «малый сопровождения» или МС-1) начали лишь в 1927 году, когда страна приступила к быстрой модернизации армии, а военные теоретики заговорили о создании крупных механизированных подразделений. В следующем году был принят пятилетний план развития вооруженных сил, составленный под руководством начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского. Согласно этому плану до конца 1932 года намечалось выпустить 1075 танков. За три года было построено около 962 машин Т-18. В 1928 году также было начато производство броневедомола БА-27 на шасси первого советского грузовика АМО-Ф-15, башня которого была унифицирована с танком Т-18. В 1930 году было построено 26 средних танков Т-24 весом в 18 тонн, с броней 20 мм, пушкой 45 мм и тремя пулеметами. В 1929—1930 годах на основе Т-18 были созданы танкетки Т-17 и Т-23, выпущенные малой серией.

Постепенно становилось ясно, что «Рено FT», как прототип для новых танков, безнадежно устарел. В 1929 году, одновременно с созда-

нием управления механизации и моторизации РККА, формируется первый опытный механизированный полк, в 1931 году развернутый до бригады. Одновременно утверждается новая программа строительства бронетехники, по которой до конца первой пятилетки должно было быть построено уже 5,5 тысячи машин! А поскольку к этому моменту в стране не существовало даже приемлемых образцов для создания новых танков, в конце того же 1929 года за рубежом отбывает комиссия во главе с начальником Управления механизации и моторизации РККА И. А. Халепским, задачей которой была закупка в ведущих странах мира бронетехники и лицензий на ее производство. Весной 1930 года комиссия купила в Англии 15 экземпляров танка «Виккерс-6 тонн» с лицензией на его производство и танкетку «Карден-Ллойд», а в Америке — экспериментальный колесно-гусеничный танк изобретателя Дж. У. Кристи, имевший обозначение М.1931, но реально созданный в 1930 году (в РККА он получил обозначение БТ-1).

С этих машин и началось массовое советское танкостроение. На основе танкетки «Карден-Ллойд» с использованием автомобильных агрегатов начался выпуск танкетки Т-27, чей малый вес (2,7 т) позволял использовать ее как авиадесантную (с самолетов ТБ-3). «Виккерс-6 тонн» превратился в двухбашенный Т-26 (1600 машин), а танк Кристи получил новую башню с 37-мм пушкой и название БТ-2 (на первых выпусках машины в башне все еще ставилась спарка пулеметов).

Эти машины были запущены в производство в 1931 году. В следующем году часть Т-26 получила 37-мм пушку в правую башню. В 1933 появились однобашенный Т-26 и колесно-гусеничный БТ-5 с 45-мм пушками, а на смену танкетке Т-27 (3328 машин) пришел малый плавающий танк Т-37А (выпущено 2627 штук), в 1936 году замененный танком Т-38 (1375 машин).

В 1933 году был создан первый массовый средний танк Т-28. Он имел вес 25 тонн, броню 30 мм и три башни — две пулеметных и пушечную с 76-мм короткоствольным орудием КТ (до 1940 года выпущено около 600 машин). И наконец, в том же году появился монстр — тяжелый Т-35, из всех многобашенных танков мира в наибольшей степени воплотивший мечту о «сухопутном линкоре». У него было пять башен — одна от Т-28, две от Т-26 и две пулеметные, но всего лишь 30-мм броня сводила на нет огневую мощь 50-тонного громоздкого мастодонта. Всего до 1939 года было выпущено около 60 таких машин (на последних броня усилилась до 50 мм), в 1941 году они показали себя совершенно бесполезными.

Параллельно с ускоренным строительством бронетанковой техники быстро развивалась и теория ее применения. В 1932 году на базе уже упомянутой механизированной бригады был сформирован первый механизированный корпус, по штату имевший 500 танков, 215 бронемашин, 60 орудий и 200 автомобилей. Тогда же было принято временное наставление механизированных войск РККА, которым закреплялось их назначение — глубокая маневренная операция по прорыву обороны противника с целью развития тактического успеха в оперативный. К 1936 году Красная Армия имела 4 механизированных корпуса, 6 от-

дельных механизированных бригад и 15 механизированных полков в кавалерийских дивизиях. На Киевских маневрах 1935 года и Белорусских 1936 года значение маневренных танковых частей в современной войне было на практике продемонстрировано ошарашенным иностранным представителям.

Впрочем, на всем протяжении 30-х годов в СССР предпочитали выпускать в основном легкие и плавающие танки, постепенно модернизируя их от серии к серии. Т-26 должен был выполнять функции танка поддержки пехоты, а мощный и скоростной БТ с большим запасом хода — использоваться как крейсерский, то есть для глубоких танковых операций. Досужие байки об «автострадном танке», якобы пригодном только для использования на хороших дорогах Европы, относятся к области не слишком научной фантастики: для движения по шоссе вполне можно применять и куда более дешевые бронеавтомобили, что с успехом делали немцы во времена «блицкрига». Колесный же ход колесно-гусеничных машин никогда не предназначался для использования в бою — за счет него увеличивалась «перегоночная дальность» и уменьшался износ гусениц при передвижении вне поля боя. Именно поэтому с появлением более долговечных гусениц колесно-гусеничные танки исчезли.

Широкий интерес к колесно-гусеничному шасси объясняется также тем, что спроектированная Кристи ходовая часть оказалась просто очень удачной, сочетая в себе высокую скорость, маневренность и проходимость — недаром результатом развития линии БТ явился знаменитый танк Т-34.

На некоторых Т-26 и БТ вместо 45-мм пушки устанавливалась 76-мм короткоствольная пушка КТ. В 1936 году была предпринята попытка поставить на Т-26 76-мм зенитную пушку ЗК — лицензионное воспроизведение немецкой. Было выпущено 14 экземпляров этой машины, ставшей первой в мире ЗСУ. Однако база оказалась слишком легкой для 76-мм зенитки, а 37-мм автомат Шпитального, которым предполагалось перевооружить большинство машин серии, так и не был запущен в производство.

В 1935 году появился четырнадцатитонный БТ-7 с усиленным до 22 мм бронированием и увеличенным до 350 км запасом хода (на колесах — 500 км) — он стал самой массовой модификацией БТ (4600 машин). В 1937 году Т-26 получил новую коническую башню и еще два пулемета (один зенитный) — вес вырос с 9,4 до 10,3 т. Наконец, в 1939 году был выпущен БТ-7М с дизельным двигателем В-2, сразу давшим прирост в дальности хода, а главное — сделавшим машину гораздо менее пожароопасной и более дешевой в эксплуатации. А вот попытки создать плавающий пушечный танк успехом не увенчались — опытные машины ПТ-1 и ПТ-А оказались не слишком удачными, поэтому линия Т-37 завершилась в 1940 году танком Т-40 с двумя пулеметами (один крупнокалиберный). Всего было построено 668 Т-40, из которых последние 181 машин были вооружены 20-мм автоматической пушкой ТНШ, но зато уже не умели плавать (Т-40С — «сухопутный»).

Параллельно с танками строились и бронеавтомобили — в основном легкие и средние. Легкие, созданные на базе легкового автомобиля ГАЗ-

А — Д-8 и Д-12 (1931 год) и ФАИ (1932) — весили около 2 тонн и имели на вооружении 1—2 пулемета, сначала в корпусе, а у последнего — в башне. В 1936 году был начат выпуск броневедомоцикла БА-20М на шасси «эмки» — легкового автомобиля ГАЗ-М1, а в 1938 на ту же базу перевели и ФАИ — так получился почти идентичный ФАИ-М. Средние броневедомоциклы производились на базе трехосного ГАЗ-ААА, весили 5—6 тонн и вооружались облегченной башней танка Т-26 с 45-мм орудием — это были выпускаемые с 1934 года БА-3, БА-6 и БА-10. Все они имели 50-сильный двигатель и бронирование 8—10 мм. Лишь в 1939 году был создан тяжелый броневедомоцикл БА-11 с мотором в 97 л. с. и усиленной до 13 мм броней. В следующем году на него поставили дизельный двигатель — так получился БА-11Д. Кроме того, в 1937 году небольшими сериями были выпущены плавающий ПБ-7 и полугусеничный БА-30. Бронетранспортер для механизированных частей так и не был создан — только в 1939 году на заводе ЗИС очень маленькой серией выпустили семитонный полугусеничный Б-3.

В 1930 году в СССР было выпущено 170 танков (в основном МС-1), в 1931 — уже 740, в 1932 — 3121 (из которых 1693 составляли танкетки Т-27). В 1933 году выпуск танков составил 3500 машин в год, затем он снизился до 3—3,2 тысячи в год, а в 1938 было выпущено только 2270 танков. Армия была переполнена легкими машинами. Они применялись в боях у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, в Китае и Испании. В боевых действиях против японской армии, не имевшей ни сильных танков, ни противотанкового оружия, их эффективность оказалась высокой. Но Испанская война, где на поле боя впервые появились противотанковые пушки (немецкая 37-мм и, в самом конце, — советская 45-мм), показала необходимость усиления бронирования техники. Маневренным механизированным частям потребовался средний крейсерский танк с броней, выдерживающей фугасные снаряды полевых и бронестойкие — противотанковых пушек, на что в то время были способны только некоторые тяжелые танки.

Уроки войны в Испании остались практически неучтенными — причём не только в СССР, но и в Италии и Германии. Точнее, в СССР реакция на неожиданную эффективность массовой противотанковой артиллерии оказалась парадоксальной — военные теоретики решили, что снаряд окончательно выиграл противоборство с броней. Интерес к танкам и танковой стратегии упал, производство машин, как уже упоминалось выше, резко снизилось. В 1939 году механизированные корпуса вообще были расформированы как самостоятельные боевые единицы, а танковые подразделения переданы пехотным частям.

Все же конструкторы бронированных машин битву со снарядом проигранной не считали. В 1938 году в Советском Союзе были изготовлены два опытных образца среднего танка Т-46—5 весом около 30 тонн, 45-мм пушкой и броней 60 мм. Но первым танком с противоснарядной броней все же суждено было стать тяжелой машине. В конце 1938 года на двух заводах — Кировском (номер 174) и Ленинградском имени Кирова (номер 185) началась разработка нового тяжелого танка прорыва. Первоначально он был трехбашенным, однако постепенно ко-

личество башен сократилось до двух, расположенных линейно-возвышено, на манер боевого корабля. Попутно на заводе номер 185 разрабатывался также и однобашенный его вариант. В сентябре 1939 года на полигоне под Москвой государственной комиссии были представлены 58-тонный Т-100 завода номер 174, 55-тонный СМК завода номер 185 и 47-тонный однобашенный КВ. Первые две машины имели 60-мм броню, по одной 76-мм и одной 45-мм пушке. КВ имел одну 76-мм пушку Л-11 и более мощную броню в 75 мм — такой брони еще не бывало ни на одном танке! 17 декабря все три тяжелых танка с заводскими представителями в экипажах были отправлены на Карельский перешеек и испытаны в боевых условиях на линии Маннергейма, в районе станции Перикярви, между озером Суммаярви и незамерзающим болотом Сунасуо. Хотя атака и не удалась, ни одна машина повреждений от массированного огня противотанковой артиллерии противника не получила. На следующий день СМК подорвался на фугасе и повредил передние катки, так что ни исправить машину, ни вытащить ее с нейтральной полосы экипажам всех трех танков не удалось. Зато КВ совершил рейд по ближним тылам противника, уничтожил несколько дотов и вытащил на буксире подбитый Т-28. Все танки получили десятки попаданий противотанковых 37-мм снарядов, но броня не была пробита ни разу.

На следующий день, 19 декабря 1939 года танк КВ официально был принят на вооружение. Его серийный выпуск под маркой КВ-1 начался в январе, а уже в феврале появился созданный на его базе КВ-2, по сути, представлявший собой первую серийную советскую СУ, вооруженную 152-мм гаубицей М-10 во вращающейся башне. Обе машины успели принять участие в Финской войне.

Одновременно с демонстрацией тяжелых танков на том же полигоне испытывались изготовленные Харьковским паровозостроительным заводом опытные образцы новых средних танков — колесно-гусеничный А-20 и чисто гусеничный А-32. (Первый из них в некоторых источниках именуется «легким», хотя от А-32 по весу он практически не отличался.) Эти танки, предназначенные для замены БТ, проектировались с 1938 года и первоначально, при весе около 19 тонн и броне 25—30 мм, оснащались обычной 45-мм пушкой (для этого времени уже чрезвычайно слабой). Однако к сентябрьским испытаниям 1939 года был представлен усиленный вариант А-32 весом 24 тонны с 76-мм орудием Л-10 (таким же как на Т-28 последних выпусков) и несколько увеличенной толщиной брони. Этот танк получил название Т-32 и успешно прошел государственные испытания, показав хорошую скорость и высокую маневренность. Но на вооружение был принят не он, а следующая модификация — с новой пушкой Л-11 (30,5 калибра) — появившийся весной 1940 года Т-34. Испытания показали, что его 45-мм броня, расположенная под большими углами наклона, не пробивается советской 45-мм противотанковой пушкой образца 1937 года, а по скорости и запасу хода (55 км/ч и 400 км) он приближался к легким колесно-гусеничным машинам. С 1941 года Т-34 вооружался новой пушкой Ф-32 длиной 40,5 калибра.

Сравнительно успешные действия танков в Финской войне (и, разумеется, немецкие танковые блицкриги) привели к воссозданию само-

стоятельных организационных структур танковых войск. В 1940 году вновь было сформировано 9 механизированных корпусов. По штату каждый из них состоял из двух танковых и одной моторизованной дивизий и должен был иметь свыше 1000 танков. Однако в отличие от немецких танковых частей в советских мехкорпусах оснащенность колесной техникой была крайне низка — на 4 танка по штату приходилась всего одна бронемашинка, автомобилей для сопровождающей танки пехоты было мало, бронетранспортеров не было вовсе. В феврале-марте 1941 года началось формирование еще 20 механизированных корпусов, однако укомплектовать их не успели. Главной бедой оказалась острая нехватка даже не танков, а вспомогательных средств — маневренной артиллерии на автотяге и автотранспорта. Не хватало даже бензозаправщиков, а имеющаяся артиллерия на тракторной тяге, как выяснилось уже во время боев, передвигалась со скоростью не выше 6 км/ч.

Всего в Советском Союзе с 1929 года до начала Великой Отечественной войны было построено около 30 тысяч танков — такого не знала ни одна страна мира. Правда, около 8 тысяч из них составляли плавающие танки и танкетки, вооруженные лишь пулеметами. До 1933 года было построено 7500 машин, часть их к началу войны еще числилась в строю, хотя уже безнадежно устарела¹. За последние полтора предвоенных года — с января 1940 года по июнь 1941 года — Красная Армия получила около 7000 танков.

На 22 июня 1941 года в РККА числилось по спискам около 23 тысяч танков — поражающая воображение цифра. Около 2/3 из них (то есть почти 16 тысяч) находилось в западных военных округах. Немалую часть этого парка составляли танкетки Т-27, Т-37А и Т-38 и устаревшие МС-1, БТ-2, двухбашенные Т-26, давно выработавшие свой моторесурс. Проще говоря, танки в Красной Армии практически не списывались — в 1939 году была даже предпринята попытка модернизировать безнадежно дряхлые МС-1 с установкой в их корпуса нового двигателя (танк получил название Т-18М). Короче, значительное количество машин годилось разве что в металлолом. Известно, что из всех танков старых марок (т.е. всех типов, кроме Т-34, КВ и, возможно, БТ-7М) 44% нуждались в среднем ремонте и 29% — в капитальном. Первое по нормативам означало необходимость ремонта в окружных мастерских, второе — ремонта на заводах танковой промышленности².

Полностью исправные танки среди машин старых марок составляли порядка 27%. То есть общее число условно боеспособных (то есть хотя бы находившихся на ходу) советских танков, по-видимому, не превышало 12 тысяч (эта же цифра встречается и у Типпельскирха), из

¹ Например, к июню 1941 года в строю еще оставалось целых 600 БТ-2, причем, свыше 500 из них — в западных округах. Ввиду отсутствия запчастей, большая часть этих машин была не на ходу.

² Приказ НКО от 10 января 1940 года. Согласно тому же приказу, отправленные для ремонта на завод танки продолжали числиться в списках частей. Таким образом, многие танки, формально причисленные к корпусам и армиям Особых военных округов, вообще являлись «мертвыми душами».

которых около 9000 на момент начала войны находилось в западных округах (но не только на границе!). На основании приведенных выше цифр ряд работ (например, книга «Гриф секретности снят», М., 1992) вообще оценивает реальное соотношение боеспособных танков сторон на 22.06.41 как «приблизительно равное». Хотя необходимо учитывать, что Т-34 и КВ значительно превосходили по своим боевым возможностям немецкие средние танки; равным образом БТ последних модификаций были значительно сильнее 38(t), не говоря уже о Pz.I и II. С другой стороны, неопценным преимуществом немецких танков была тотальная радиофикация. В любом случае, будем ли мы считать силы «равными», или диагностируем соотношение сил порядка 1,2:1 в средних и тяжелых и около 3:1 по устаревшим легким танкам (что отвечает оценкам Типпельскирха, Гальдера, Гота и Гудериана), приводимое в «трудах» В. Суворова соотношение в 23 тысячи советских танков на 3350 немецких не выдерживает никакой критики. Оно получено с помощью очевидной подтасовки — для одной стороны взято общее списочное число машин, для другой — количество танков первой линии.

Большинство машин было распределено по механизированным корпусам — в двадцати мехкорпусах по списочному составу (то есть вместе с неисправными машинами и «мертвыми душами») насчитывалось 10 394 танков. Среди них было 967 Т-34 и 508 КВ (из 1861 машины этих марок, выпущенных к 22 июня).

Новые танки успели поступить в войска лишь в течение последних 1—2 месяцев и не имели обученных экипажей. Но главное — к ним зачастую отсутствовало дизельное топливо и бронебойные снаряды для 76-мм и пушек, а КВ-2 приходилось стрелять по немецким танкам бетонобойными 152-мм снарядами. Снабжение армии в первые же дни войны было нарушено, поэтому многие машины просто были взорваны при отходе, ни разу не вступив в бой. По немецким источникам, за первые два месяца войны было «подбито и захвачено» свыше 14 тысяч советских танков¹. Отремонтировать и ввести в строй немцы смогли лишь около 100 машин. На остальных же, даже не имевших серьезных наружных повреждений, обнаружили неустраняемые поломки двигателя или ходовой части. Можно подозревать, что в таком состоянии большая часть машин уже находилась к началу войны...

Несмотря на воссоздание перед самой войной механизированных корпусов, некоторая часть танков еще находилась в пехоте (по штатам — 16 танков на пехотную дивизию), поэтому танковые контрудары оказались заведомо ослаблены. Неумение советского командования управлять войсками привело к тому, что мехкорпусам приходилось для

¹ Сравнение источников показывает, что приводимые в немецких официальных армейских донесениях цифры уничтоженных машин противника обычно на 10—15 процентов превосходят общую списочную численность советских танков в этом районе. Это говорит об очень высокой точности подсчета боевых результатов в сухопутных войсках — к примеру, в авиации число сбитых (по боевым донесениям) самолетов противника превосходило реальные потери противоборствующей стороны в несколько раз.

выхода в указанные районы сосредоточения совершать многокилометровые марши и контрмарши вне поля боя, расходуя топливо и моторесурс. Так, VIII мехкорпус по вине командующего ЮЗФ генерала Кирпоноса с 22 по 24 июня «накрутил» в сумме 500 (!) километров бесцельных передвижений взад-вперед вдоль линии фронта на участке Львов-Броды¹.

Поначалу тактика «блицкрига» выдерживалась четко — немецкие танковые дивизии стремились максимально быстро продвинуться в глубь территории противника, при этом всячески уходя от столкновения с советскими танками. Танковым контрударам ловко «подставлялись» пехотные части, высоко насыщенные противотанковыми средствами и способные погасить неумело организованный удар броневого кулака. На северном и центральном направлениях это срабатывало, но вот на южном фланге фронта уклониться от боев с советскими танками немецким танковым войскам не удалось. Тем более что именно здесь было сосредоточено 2/3 всех механизированных частей РККА. С 25 по 28 июня в районе Луцк-Дубно-Броды, северо-восточнее Львова, развернулось крупнейшее на тот момент в истории танковое сражение. С обеих сторон в нем участвовало свыше полутора тысяч машин. Советские войска пытались одновременными ударами с севера и с юга силами четырех механизированных корпусов отрезать и окружить вошедшие в разрыв между 5-й и 6-й армиями Юго-Западного фронта ударные части 1-й танковой группы Клейста (два моторизованных и два армейских корпуса). И хотя разгромить противника не удалось, он понес тяжелые потери и на некоторое время был остановлен. Новые советские танки Т-34 и КВ действительно оказались практически неуязвимы для немецкой противотанковой артиллерии и танковых орудий — с ними могла бороться лишь 88-мм зенитная пушка. Согласно донесениям танковых частей РККА, большая часть потерянных машин КВ числится взорванными при отступлении...

Но надежды на танковое превосходство не оправдались: сразу же сказалось отсутствие моторизованной пехоты, способной быстро двигаться за танками и закрепить успех наступления. Поэтому советские танки, даже прорвав оборону противника (что случалось очень часто), быстро оказывались отрезаны от своих войск и линий снабжения. Организовать же снабжение танковых частей по воздуху мешало немецкое превосходство в авиации, а также обычная для советских войск первого периода войны неразбериха. Те же танки, что находились в пехотных частях и в отдельных батальонах приданных пехоте, не могли сделать многого в условиях маневренной войны — они лишь поддерживали локальные контратаки. Вновь повторилась история кампании 1940 года,

¹ Конечно, не *вся* вина лежит на Кирпоносе и его начальнике штаба Пуркаше. В рамках предвоенного планирования подчиненность VIII мехкорпуса не была точно определена, потому приказы ему давали самые разные инстанции. Подробное изложение истории VIII мехкорпуса и перипетий сражения в треугольнике Луцк-Дубно-Броды будет дано в тексте книги Н. К. Поинеля «В тяжкую пору» и комментариях к этому тексту. (Предполагается к изданию в конце 1999 г.)

когда превосходство французов перед англичанами в количестве и качестве танков было сведено к нулю превосходством немецкой армии в организации и управлении подвижными войсками.

В тяжелых условиях осени 1941 года, когда эвакуация производственных мощностей привела к снижению выпуска танков, недостаток боевых машин пришлось восполнять более дешевыми и простыми в изготовлении, легкими танками. Было выпущено небольшое количество Т-50 созданного, как легкий пехотный танк на смену Т-26. Однако самой массовой легкой машиной стал Т-60, в производстве которого широко использовались автомобильные агрегаты. Он представлял собой дальнейшее развитие проекта Т-40, который в процессе усовершенствования утратил способность плавать, но зато получил более мощную броню и 20-мм автоматическую пушку ТНШ (танковый вариант авиационной ШВАК) со скорострельностью 800 выстрелов в минуту и боекомплект 780 снарядов. Таким образом, имея броню, вооружение и скорость, практически идентичные немецкому Pz.IIF (модификация 1940 года), он был в полтора раза легче и имел в два раза большие боезапас и скорость хода. Т-60 было выпущено 6045 штук¹. В 1942 году на смену ему пришел более тяжелый Т-70, уже вооруженный 45-мм пушкой и с броней до 45 мм (выпущено 8226 машин). Но при том же экипаже — всего в 2 человека — командиру танка было очень тяжело одновременно наблюдать за полем боя, работать заряжающим и вести огонь из пушки и пулемета. Поэтому в 1943 году появился Т-80, экипаж которого увеличился до 3 человек, а пушка получила угол возвышения 80 градусов и зенитный коллиматорный прицел для ведения огня по воздушным целям и верхним этажам домов. Но время легких танков уже прошло, поэтому этих машин выпустили всего 75 штук.

Стремление к увеличению выпуска танков любой ценой, естественно, имело и негативные последствия. В 1942 году, в связи с нехваткой высококачественной броневой стали, для упрощения и удешевления производства были снижены нормативы на качество брони для Т-34 — отныне на них могла идти обычная котельная сталь. Зачастую, согласно указаниям «сверху», толщина брони тоже снижалась до 25—30 мм. Нехватка пушек Ф-32 приводила к тому, что в башню были вынуждены ставить 45-мм орудие (упоминается у Карпенко и хорошо видно на одной из фотографий, приведенных у Шмелева). Поэтому реальные ТТХ танков Т-34 постройки второй половины 1942 г. очень сильно различаются и отнюдь не соответствуют официальным, приводимым в документах. По сути, большинство из них было легкими машинами и отличалось весьма низкими боевыми качествами — этим, в частности, объясняются очень большие потери в «тридцатьчетверках» на Курской дуге.

Осенью 1941 года на сотне новых «тридцатьчетверок» была установлена только что созданная длинноствольная 57-мм пушка ЗИС-4 (танко-

¹ В «Истории танка» И. Шмелева указывается цифра 5915.

вый вариант ЗИС-2), оказавшаяся куда более эффективным противотанковым средством, чем стандартная Ф-34. Тогда же тяжелый КВ-1 получил 76-мм пушку ЗИС-5, а в конце 1942 года появился облегченный КВ-1С с увеличенной скоростью хода. В следующем году на его базе создали самоходную установку СУ-152, вооруженную гаубицей-пушкой раздельного заряжания МЛ-20 с длиной ствола в 28,8 калибров (620 машин). С этого момента в Советском Союзе началась массовая постройка самоходной артиллерии, довоенные разработки в области которой не пошли дальше опытных машин — часть которых, правда, участвовала в боях. А единственной советской серийной самоходкой к тому времени была 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2, почти без защиты устанавливавшаяся на шасси полубронированного тягача «Комсомолец», — некоторое количество этих машин изготовили в Москве осенью 1941 года.

СУ-152 оказалась очень кстати, поскольку в ходе Курской битвы выяснилось, что новые немецкие «Тигры» и «Пантеры» уже превосходят советские танки по весу, а их броня не пробивается 76-мм пушками с дистанции более 500 м — в то время как 88-мм пушка «Тигра» поражала Т-34 с расстояния более полутора километров. Поэтому летом 1943 года на базе Т-34 была создана СУ-85, вооруженная 85-мм пушкой Д-5С, как и у немцев, созданной на основе зенитки (выпущено 2650 машин). В сентябре на смену ей пришла СУ-100 со 100-мм морской пушкой. Тем временем 85-мм орудие установили и на танках — в сентябре появился КВ-85, а в декабре 1943 года — новый тяжелый танк ИС-1 (ИС-85) и были выпущены первые экземпляры Т-34—85, официально принятого на вооружение в следующем году.

Но 85-мм пушка оказалась слаба для борьбы с новейшими немецкими танками, а на КВ установить более мощное орудие не удалось. Поэтому в самом начале 1944 года появился ИС-2, вооруженный 122-мм пушкой Д-25Т, созданной на основе корпусной пушки образца 1937 года. Одновременно на его базе начался выпуск ИСУ-122 (2400 штук) и самой мощной советской самоходной пушки времен войны — ИСУ-152 (2800 штук). Впрочем, от ИСУ-122 она отличалась только артистической.

Более легкая самоходка была создана в 1943 году на немного усиленной базе снимаемого с производства легкого танка Т-70. Вес СУ-76 составил всего 10,5 т, и их было выпущено свыше 14 000 экземпляров. На основе модернизированного варианта СУ-76М в конце 1943 года была создана первая советская серийная зенитная самоходка ЗСУ-37 с открытой сверху вращающейся башней и боекомплектом в 320 снарядов.

В 1942 году возобновился и выпуск броневых автомобилей — появились легкие БА-64, созданные на шасси армейского автомобиля «ГАЗ-64». Дальнейшее развитие Т-34 дало Т-44 с усиленной до 120-мм броней. Он появился в конце 1944 года, но на фронт уже не попал. Как не попал на фронт и новый тяжелый ИС-3 — первый отечественный танк с полусферической башней.

За весь период войны в СССР было построено около 90 000 танков и самоходных установок (80 000 до конца 1944 и еще 15 000 за первое полугодие 1945 года). Из них 15 000 — легкие танки и 21 000 — САУ. С осени 1941 года в СССР поставлялись также танки из Англии и США — всего

около 14 500 машин, среди которых было 4063 «Шермана», 3782 «Валентайна», 1665 «Стюартов», 1386 «Грантов», 1084 «Матильды II», 300 «Черчиллей» и около 1800 САУ — как правило, зенитных. Поставлялись в СССР также броневые автомобили и бронетранспортеры — в основном английский «Универсал». В сумме Советская Армия за войну получила 109 000 единиц отечественной и импортной гусеничной бронетехники.

Великобритания

Оказавшись после Первой Мировой войны с огромным танковым парком и очень сильными пацифистскими настроениями, англичане занимались созданием новых машин довольно вяло. Лишь в 1923 году был принят на вооружение новый средний танк — Mk I или «Виккерс-12 тонн» с одной 45-мм пушкой и шестью пулеметами. В модификациях Mk II и Mk IIA его вес достиг 16 тонн, а всего до 1933 года было выпущено около 200 машин. Попытка создать новый средний «Виккерс-16 тонн» со скоростью хода 50 км/ч не увенчалась успехом, однако в 1929 году фирма «Виккерс» создала новую модель танка, впоследствии ставшую знаменитой. Это был «Виккерс-6 тонн». При реальном весе в 7–7,5 тонны он имел броню 13–17 мм, скорость до 35 км/ч и вооружался либо пулеметом, либо 47-мм пушкой в одной башне. Но самое главное — новая мелкозвенчатая гусеница из марганцевистой стали выдерживала пробег до 5000 км, невероятный по тем временам. Таким образом, по своим боевым качествам этот легкий танк почти не уступал средним машинам. Британское армейское командование по непонятным причинам так и не приняло его на вооружение — в отличие от руководства армий многих других стран, закупивших у «Виккерса» готовые машины либо лицензии на их производство.

Зато сверхлегкими танками армейское начальство увлеклось не на шутку. В условиях мирового экономического кризиса военный бюджет пришлось несколько подсократить, поэтому маленькие дешевые машины выглядели очень привлекательно, и не только для британской армии. Так появилась серия безбашенных танкеток «Карден-Ллойд», последнюю из которых — «Карден-Ллойд» Mk VI с 1928 года закупили шестнадцать малых стран, а еще 5 более крупных приобрели лицензии на ее производство. Маленькие и маневренные танкетки действительно оказались очень дешевыми и удобными — особенно в локальных конфликтах между небогатыми странами. Однако броня машин не выдерживала даже огня бронебойными пулями с близкого расстояния, а пулемет в лобовом листе корпуса имел слишком малый угол обстрела. Более серьезным армиям требовались более серьезные машины.

Первым делом англичане поставили на танкетку Mk VI вращающуюся башню — получился разведывательный танк «Виккерс-Карден-Ллойд» Mk VII (A4E1) образца 1929 года. В том же году появилась амфибия «Виккерс-Карден-Ллойд» A4E11 весом в 2,9 тонны, изготовленная фирмой «Виккерс-Армстронг» — первый в мире по-настоящему плавающий танк.

В 1930 году разработан улучшенный «Виккерс-Карден-Ллойд» Mk VIII (A4E3) с 12,7-мм пулеметом в башне, сразу же переименованный

в Mk I и ставший родоначальником массовой серии легких танков, созданных уже непосредственно для британской армии. Надо сказать, номенклатура боевых машин у англичан всегда была донельзя запутанной и могла состоять из класса машины, названия фирмы, собственно марки (причем, как «Mark», так и «Mk» или оба вместе), года выпуска и иногда имени собственного (с номером модификации). Ко всему этому часто прибавлялось еще порядковое литерно-цифровое обозначение проекта — и в результате получалось совсем непрозрачное буквосочетание, где ключевым элементом, отличающим одну машину от другой, могла быть всего лишь одна литера или цифра, или даже их порядок. Но хуже всего было то, что одинаковое обозначение могли носить двести-четыре абсолютно разные машины, относящиеся к разным классам или просто выпущенные в разные годы — как только машина снималась с вооружения или даже просто получала другое наименование, командование с чистой совестью присваивало прежнее название новому, только что разработанному танку. Так, название «Mk I» носил сначала «Большой Вилли» — первый английский танк 1916 года, потом «Виккерс-12 тонн», легкий Mk I 1930 года и крейсерский Mk I 1937 года. И лишь в конце 30-х годов для базового обозначения марки танков стало применяться слово «Mark», а буквами «Mk» стали обозначать модификацию... но только у легких и крейсерских танков. Для четкого отличия одной машины от другой с 1929 года служили порядковые обозначения с буквой «А» (А4Е1, А11), — но были они опять же не у всех танков (например, «Валентайн» такого индекса не имел), а главное — упоминаются только в очень специализированной литературе.

В 1936 году линия развития легкого Mk I 1930 года дала легкий танк Mk VI, весивший 5,3 тонны, в башне которого стояли два пулемета — простой и крупнокалиберный. С более тяжелыми машинами все обстояло сложнее. Еще в конце 20-х годов танки в Англии были четко подразделены на пехотные и крейсерские, задачей первых считалась поддержка пехоты, задачей вторых — глубокие танковые операции. Последнее явилось важным шагом вперед в теории танковой войны, но штаб сухопутных войск требовал создания в первую очередь пехотных машин. В результате не строились ни те, ни другие — к 1936 году в армии насчитывалось только 375 танков, причем из них 209 легких машин и танкеток. Лишь в 1937 году, когда после Абиссинии и начала Испанской войны стала ясна угроза большого конфликта, на вооружение наконец-то был принят тринадцатитонный трехбашенный крейсерский Mark I (A9) с 40-мм пушкой, тремя пулеметами и броней всего в 14 мм. Это не оправдывалось даже скоростью в 40 км/ч, и поэтому чуть позже появилась «пехотная версия» с отсутствием пулеметных башенок и усиленной до 30 мм броней. В этом же году с использованием подвески «Виккерса-6 тонн» был создан пехотный танк Mark I (A11) «Матильда» с рекордно толстой броней в 60 мм и всего одним пулеметом.

В двадцатые и начале тридцатых годов англичане с увлечением конструировали бронемашину. Как и танкетки, это были в основном экспортные, колониальные и «представительские» модели — так, в 1920 году была выпущена даже серия броневиков «роллс-ройс»! Действительно массовой армейской машиной стал трехосный «Виккерс-

Кросли» образца 1929 года весом в 7,5 тонны, имевший два пулемета и броню всего 4—6 мм. Так что начало войны Англия встретила практически без бронемашин. Зато в 1938 году на базе все той же танкетки «Карден-Ллойд» был создан легкий гусеничный бронетранспортер «Универсал», который в самом деле оказался универсальным — он мог использоваться как пулеметовоз («Брен-кэрриер»), разведывательный броневик с противотанковым ружьем, как транспортная машина или в качестве легкого артыгача. С 1941 года его производили в основном заводы Канады, США и Австралии — только за океаном выпустили 50 тысяч (!) таких машин. Поставлялись они и в Советский Союз.

Под влиянием посещения британским военным атташе Киевских маневров 1935 года решено было закупить лицензию на танк «Кристи», и в конце 1937 года появился крейсерский Mark III (A13). Его модификация Mark IV A13 Mk II, выпускавшаяся в 1938—1939 годах, при весе в 15 тонны имела скорость 48 км/ч, броню до 38 мм и стандартную для всех английских танков этого времени 40-мм¹ (двухфунтовую) противотанковую пушку Mk IX, на дистанции в 450 м пробивавшей броневую плиту в 57 мм под углом 30 градусов. С 1939 года начался выпуск новой крейсерской машины — Mark V «Ковенантер», но у всех у них оставался один существенный для крейсерских машин недостаток — дальность хода всего в полторы сотни километров. Поэтому с 1940 года выпуск крейсерских машин в Англии временно прекратился.

Пехотные танки у англичан получались куда лучше. Осенью 1939 года появилась «Матильда II» — Mark II A12 весом в 27 тонн, защищенная 75-мм броней спереди и с бортов. Правда, броневые листы на ней (как и на большинстве британских танков) располагались почти вертикально, что обеспечивало минимальный вес при максимальной толщине брони (и, соответственно, солидные ТТХ по справочникам), — но сильно снижало реальную снарядостойкость. Тем не менее «Матильда II» оказалась одним из самых сильных танков своего времени, и встреча с ней во Франции стала для немцев неприятной неожиданностью. Она выпускалась до 1943 года в шести различных модификациях (в том числе и «штурмовой» — с 75-мм гаубицей). Вслед за «Матильдой» в 1940 году появился более легкий и маневренный «Валентайн» с 60-мм броней и несколько большей скоростью, выпускавшийся до 1944 года и ставший самым массовым британским танком Второй Мировой войны. Он имел 11 модификаций, с восьмой устанавливалась 57-мм пушка, на последней стояло 75-мм орудие. В 1941 году появился тяжелый пехотный Mk IV «Черчилль», про который британский премьер самокритично сказал: *«У танка, носящего мое имя, недостатков больше, чем у меня самого»*. Действительно, громоздкая комодообразная машина с охватывающими корпус гусеницами весьма напоминала танки времен Первой Мировой. Основное вооружение — 76-мм гаубица — тоже располагалась в корпусе, а сверху, в сравнительно небольшой башенке, помещалась стандартная 40-мм пушка. Впрочем, с моди-

¹ Если совсем точно, ее калибр был 42 мм.

фикации II гаубицу убрали, однако теперь тяжелый танк с маленькой пушочкой стал выглядеть и вовсе смешно. Поэтому на «штурмовой» модификации (ICS) 40-мм пушку переместили в корпус, а 76-мм гаубицу поставили в башню. Модификации III-IV были вооружены уже единственной 57-мм пушкой в новой башне, а начиная с пятой в башню ставилась либо 75-мм пушка, либо 94-мм гаубица. Скорость машины не превышала 27 км/ч, зато лобовая броня со 101 постепенно усилилась до 152. Правда, листы ее по-прежнему были расположены вертикально. Впервые в боевых условиях «Черчилль» был испытан 19 августа 1942 года во время высадки в Дьеппе. Сам факт посылки в десант максимально непригодной для этого машины, тяжелой и с плохой проходимостью, наводит на мысль о том, что организаторы стремились проиграть эту операцию любой ценой. Как и следовало ожидать, в Дьеппе англичане потеряли все 28 «Черчиллей» — причем, из них только 6 успело вступить в бой. Всего же до конца войны было выпущено 5640 этих машин в 16 модификациях.

Первым приличным крейсерским танком у англичан стал «Крусейдер» Mark VI (A15), появившийся в конце 1939 года, но на фронт (в Северную Африку) попавший только весной 1941. Эта машина имела вес 19–20 тонн, лобовую броню 50 мм и скорость 43 км/ч. На последней модификации («Крусейдер III») 40-мм пушка была заменена 57-мм. В 1942 году появились более тяжелые и мощные крейсерские машины — сначала не слишком удачный «Кавалиер» Mark VII, а потом двадцативосьмитонный Mark VIII, выпускавшийся в двух вариантах — «Сентаур» (A27L) и «Кромвелль» (A27M). Друг от друга они отличались только двигателем — на «Кромвелле» стоял дефицитный 600-сильный «Метеор», дающий скорость в 64 км/ч, а на «Сентауре» — 400-сильный авиационный «Либерти», находившийся в производстве с начала 20-х годов и позволявший развивать лишь 43 км/ч. Оба танка имели 64-мм лобовую броню 76-мм башенную и вооружались 75-мм орудием (на последних модификациях «Кромвелля» лобовая броня достигала 101 мм и стояла 95-мм гаубица). В 1943 году появился «Челленджер» — танк поддержки на шасси «Кромвелля», вооруженный мощной 76,2-мм пушкой с длиной ствола в 58 калибров, а в 1944 — А34 «Комет», считающийся лучшим английским танком времен войны (по боевым качествам он даже превосходил немецкий Pz.IV!). «Комет» весил 36 тонн (то есть приближался уже к тяжелым танкам), имел скорость 47 км/ч, лобовую броню 76 мм (башня 102) и 77-мм пушку Mk II (на самом деле, она была 76,2-мм, но чуть короче и имела снаряды с усиленной гильзой).

Кроме перечисленных машин, в Канаде с 1941 года на базе американского «Гранта» выпускался танк «Рам» («Баран» или «Таран»), у которого 75-мм орудие располагалось не в корпусе, а в башне (отчего он очень напоминал «Шерман»). Австралийцы же построили свою собственную, весьма оригинальную машину «Сентиел» ACI, взяв за основу конструкцию ходовой части... французского «Гочкисса» H35! Танк весил 28 тонн и вооружался все той же 40-мм пушкой. Как это ни смешно звучит, данная машина, хоть и не пошла в большую серию, оказалась едва ли не лучшим англосаксонским танком за всю войну!

Справедливости ради надо сказать, что до «Центуриона» особых удач в танкостроении у англичан не наблюдалось.

И самоходных установок они сделали очень немного. В 1943 году появился «Бишоп» — 87,6-мм СУ на шасси «Валентайна» с вращающейся орудийной башней, по виду очень похожая на KV-2. В 1944-м на той же базе построили противотанковую СУ «Арчер» с 76,2-мм пушкой, аналогичной «Челленджеру». В Канаде 87,6-мм гаубицу-пушку выпустили на шасси американского танка «Гризли» — она называлась «Секстон» и имела очень уродливый вид. Зато на шасси машин «Крусейдер» и «Сентаур» было сделано около тысячи спаренных 20-мм ЗСУ (первый вариант машины имел 40-мм «Бофорс»). Надо сказать, что официально в состав вооружения практически всех британских танков до середины войны входил 7,7-мм «зенитный» пулемет «Брен», но перевозился он внутри машины и имел боекомплект всего 600 патронов. В общей сложности за время войны англичане построили около 25 000 танков, еще 6000 было произведено в Канаде.

Основным броневым автомобилем английской армии во время войны стал «скаут-кар» «Динго» фирмы «Дэймлер» — с ним англичане начали войну, с ним и закончили. Это был бронированный полноприводный двухосный автомобиль весом 3 тонны, использовавшийся в качестве штабного, разведывательного и связного. Постоянного вооружения у него не было. Всего было выпущено 10 тысяч таких машин, из них треть — в Канаде. Помимо «Динго» к началу войны имелся также четырехтонный «Моррис» АС9, вооруженный хилым 14-мм противотанковым ружьем «Бойс», и спаренным с ним пулеметом во вращающейся башне. Под угрозой вторжения немцев с 1940 года начал спешно выпускаться «Моррис» Mk I. весом 3,75 т, вооруженный одним пулеметом в башне. К счастью для этой модели, «изданной» тиражом в 1000 экземпляров, за пределы Британских островов она не попала и повоювать ей не пришлось. А вскоре на вооружение армии стали поступать настоящие машины — пушечные броневые автомобили «Хамбер» (Mk I — Mk IV) и «Дэймлер» (Mk I и Mk II). Последние весили по 7 тонн и вооружались 40-мм танковым орудием (модификация Mk IIC несла 76,2-мм гаубицу). Всего было построено 2694 «Дэймлеров». Кроме того, в 1941—1942 годах в Северной Африке на шасси тяжелого грузовика «Матадор» строился полукустарный пушечный броневый автомобиль «Дикон». Кабина этого двенадцатитонного монстра закрывалась броневыми листами, а вместо кузова устанавливалась 57-мм противотанковая пушка в коробчатом поворотном щите. В 1944 году появился тяжелый 12-тонный броневый автомобиль фирмы «АЕС» с толстой броней, 75-мм пушкой и 135-сильным двигателем от «Валентайна».

США

В Первую Мировую войну Соединенные Штаты так и не успели наладить собственное производство танков, хотя совместно с англичанами создали «интернациональный» Mk VIII и сделали 15 экземпляров собственного танка «Форд». В американских танковых частях на Западном

фронте применялись английские Mk V и французские «Рено». Уже после окончания войны в Штатах по лицензии выпустили около 500 «Рено» FT¹ и порядка сотни Mk VIII. В 1920 году все танковые части передали в пехоту, и до Второй Мировой войны в США разрабатывались лишь пехотные танки, причем, очень вяло — на суше Америка не собиралась ни с кем серьезно воевать. Правда, танками слегка заинтересовались кавалерийские части, и в качестве экспериментальных было создано несколько машин. В общем, даже танк «Кристи», определивший «лицо» мирового танкостроения второй половины тридцатых годов и закупленный едва ли не всеми великими военными державами, в США не пошел в производство. Чуть лучше обстояло дело с броневедомыми — в 1932 году начали выпускать трехосный M1 с броней до 10 мм и двумя пулеметами в башне, простым и крупнокалиберным.

С 1920 по 1935 годы в США был построен всего 31 танк. Лишь в 1936 году появились прототипы легких двухбашенных машин M1 и M2A1, а в 1938 году — M2 средний, вооруженный 37-мм пушкой и 6-ю пулеметами. Но в 1940 году американцы все равно имели только 300 легких, 20 средних танков и некоторое количество... учебных Mk VIII! И только успехи германских бронетанковых войск побудили американское командование вплотную заняться этим видом техники. В конце 1940 года появился легкий танк M3 «Генерал Стюарт», созданный на основе M2. При весе в 12 тонн он имел 37-мм пушку и довольно солидную лобовую броню в 45 мм. Эта линия продолжилась в танках M4, M5 и M24.

Первым основным массовым танком в американской армии стал средний M3 «Генерал Грант» — с этих времен в США повелась традиция называть танки именами своих генералов, и вскоре буквенно-цифровое обозначение отошло на второй план. А затем из названия исчез и чин, осталось одно имя.

Средний M3 получился весьма странной машиной. Установка авиационного двигателя вызвала увеличение высоты машины — высоко поднимающийся над гусеницами корпус на долгое время вообще стал отличительной чертой американских машин. Зато вооружение на танке располагалось в три яруса. Самой нижней была 75-мм пушка, расположенная не в башне, а в спонсоне с правой передней стороны корпуса — она могла стрелять вперед и на 32% вправо. Затем шла башня с 37-мм орудием, на которой сверху возвышалась пулеметная башенка. Все это сильно напоминало американские броненосцы начала века, у которых башни среднего калибра тоже громоздились на башнях главного. Танк имел 76-мм башенную и 51-мм лобовую броню, что по меркам 1941 года было неплохо. Только вот большая высота машины делала ее прекрасной целью для немецких артиллеристов — боевое крещение танк принял в английских войсках в Северной Африке. Поставлялся он по ленд-лизу и в СССР — эти машины можно заметить в нашей военной кинохронике.

¹ Цифра взята из И. Шмелова, но в другом месте этой же книги говорится про 952 машины!

Появившийся в середине 1942 года М4 «Шерман» имел уже всего одну башню с более мощной длинноствольной 75-мм пушкой. Броня не изменилась, зато углы ее наклона стали более рациональными. Довольно слабая защита оставалась характерной особенностью американских танков всю войну — зато скорость и маневренность были на высоте. Поэтому, кстати, в английской армии все американские машины считались крейсерскими. Создать же тяжелый танк до конца войны американцам так и не удалось. Лишь в 1944 году появился средний М26 «Першинг», считавшийся временной заменой тяжелому — и ставший лучшим танком США времен войны. Тем не менее бороться с «Тиграми» и «Пантерами» эти машины были не в состоянии.

Зато в большом количестве производились более легкие самоходные установки — как противотанковые (М10 «Прист» и М36 «Слаггер»), так и машины артиллерийской поддержки пехоты с крупнокалиберными пушками и гаубицами (105-мм М7 «Прист», 155-мм М40, 203-мм М43). Под конец войны в большом количестве выпускались зенитные самоходки — М19 на базе легкого танка М24, М15 и М16 на базе полугусеничного бронетранспортера М3. Кстати, американская армия вслед за германской осознала необходимость массового обеспечения подвижной пехоты бронетранспортерами. Большинство их было полугусеничными (М3, М9) — до конца войны выпущено свыше 41 тысячи штук. Колесных бронетранспортеров была сделана только 21 тысяча, значительная их часть отправлена в Англию. Создавались и плавающие, чисто гусеничные, бронетранспортеры семейства LVT — правда, с очень слабым и неполным бронированием, да к тому же с ограниченной подвижностью на суше. От огромных потерь во время многочисленных десантных операций на Тихом океане их спасало лишь многократное превосходство в силах. Сметаемые артиллерией линкоров с побережья, японские войска практически не оказывали сопротивления у береговой линии, предпочитая создавать оборонительные рубежи в глубине территории.

Всего в США за годы войны — с июня 1940 по конец августа 1945 — было выпущено 103 096 танков и самоходных установок (по другим данным — 135 100.), а также около 80 тысяч бронемашин и бронетранспортеров. Большинство из них не блистало выдающимися боевыми качествами — как известно, на одну подбитую «Пантеру» приходилось пять потерянных «Шерманов». Зато «Шерманов» было очень много...

Франция

Создав свой классический «Рено» FT, французы по окончании войны оказались обладателями крупнейшего в мире танкового парка. В 1920 году танковые части были подчинены пехоте, а большинство «Сен-Шамонов» и «Шнейдеров» сдано на слом (правда, часть последних продали в Испанию, где к началу гражданской войны они все еще находилась в строю). К 1921 году у Франции оставалось 3737 машин. Поэтому строить новые танки было совсем не с руки — доделали лишь десяток тяжелых (точнее, сверхтяжелых) 2С, вес которых достигал

69 тонн, а броня 45 мм. Правда, в начале 20-х годов французы стали первыми, кто начал эксперименты с колесно-гусеничными машинами («Сен-Шамон» M21, M24 и M28), но особых результатов добиться не удалось — последняя машина достигла веса 8,6 т, развивая на колесах всего 28 км/ч. Дело в том, что до появления машин «Кристи» ходовая часть у колесно-гусеничных танков делалась заменяющейся — в боевом положении колеса поднимались, а для их опускания машине приходилось наезжать на специальные подставки.

Продолжались вялотекущие эксперименты по улучшению «Рено». Основное внимание конструкторов было направлено на ходовую часть и увеличение скорости — броня и вооружение поначалу считались вполне приемлемыми. В 1927 году появился «Рено» NC, скорость которого достигла 35 км/ч (правда, с недолговечной резиновой гусеницей). Этот танк в небольших количествах закупили несколько малых стран, а Япония даже приобрела лицензию и выпускала под названием «Оцу». В самой Франции он на вооружение принят не был, зато послужил прототипом для следующей серии модификаций, из которых в 1929 году наконец-то получился 14-тонный D1. Этот танк был вооружен 47-мм пушкой и имел 40-мм броню, что по тем временам было очень немало. С 1936 года выпускался 20-тонный D2. Параллельно Франция переболела увлечением танкетками. В 1931 году появился «пехотный трактор» UE — эта машина, созданная «по мотивам» английской безбашенной танкетки «Карден-Ллойд» MkVI, имела вес 2,6 тонны, броню до 7 мм, скорость до 35 км/ч, не несла постоянного вооружения и могла использоваться как пулеметовоз, артиллерийский тягач и машина снабжения. До 1940 года было выпущено 6200 «пехотных тракторов», на части их впоследствии немцы установили-таки пулемет.

Бронеавтомобили для французской армии с середины 20-х годов строились двух типов — колесные AMD для дальней разведки и полугусеничные AMR для взаимодействия с кавалерией. К первым относился «Панар-178», ко вторым — машины «Ситроен-Кегресс». С середины 30-х годов полугусеничные машины начали заменяться легкими танками (сохранившими ту же номенклатуру AMR), а колесные сначала получили 25-мм, а затем 37-мм пушку.

В 1931 году была принята программа моторизации французской армии, и создание легких машин получило новый толчок. В 1933 году появляется башенная танкетка AMR для замены бронеавтомобилей в кавалерийских полках и разведывательных частях. В 1935 году она получила на вооружение 23-мм пушку — вес AMR35 достиг 6,5 т. Но несмотря на обилие экспериментальных машин, серийный выпуск танков оставался недостаточным. И лишь в 1936 году наконец-то появилась четырехлетняя программа строительства вооруженных сил, которая предусматривала создание 2 танковых, 3 легких механизированных дивизий и 50 отдельных танковых батальонов, оснащенных новой техникой, — для чего требовалось не менее 35 тысяч машин. Это был шаг к созданию современных танковых войск и танковой стратегии. В этом же году на вооружение был принят тяжелый тридцатидвухтонный V1 с 60-мм броней и двумя пушками (75 мм в корпусе и 47 мм в башне),

средний (а скорее, легкий) FCM36 с дизель-мотором, сварным броневым корпусом из 40-мм листов и 37-мм пушкой, а также легкие танки сопровождения пехоты H35 и R35. Эти две очень похожие друг на друга машины были дальнейшим развитием «Рено» FT, имели слабые короткоствольные 37-мм пушки и невысокую скорость хода, но зато были защищены броней в 34–45 мм, оказавшейся в 1940 году не по зубам немецким танкам. Перед самой войной появились их улучшенные модификации H39 и R40. В 1936 году в серию пошел «кавалерийский» (то есть крейсерский) танк «Сомуа» S35 весом 19,5 тонны, оснащенный 47-мм пушкой, с броней до 58 мм и дальностью хода 400 км.

Таким образом, к началу Второй Мировой войны Франция имела на вооружении едва ли не лучшую в мире бронетанковую технику, причем в весьма приличных количествах — на сентябрь 1939 года во французской армии было около 4800 танков. Из них 1600 составляли старые «Рено» FT (большой частью находившиеся в колониях), 2700 — легкие танки и танкетки и 478 — средние и тяжелые машины. Напомним, что у немцев к моменту нападения на Польшу насчитывалось всего 3277 танков, из которых только 314 средних. На западной же границе Германии не было вообще практически ничего. Но французская и английская армии предпочли играть в «зицкриг».

К началу немецкого наступления на Западе французская армия имела уже свыше 6 тысяч танков, из которых новыми (постройки 30-х годов) являлись 4586 и плюс к этому 800 современных броневедомостей. На восточной границе находилось 2800 танков (в основном средних и легких), а вскоре начали прибывать английские танковые части. Эти машины во всех отношениях превосходили немецкие Pz.II и Pz.III и сумели доставить немцам немало неприятных минут — но не спасли Францию от разгрома.

Значительную часть французской трофейной техники немцы, как уже отмечалось, переоборудовали в самоходные артиллерийские установки — было сделано 174 47-мм СУ на базе R35, 48–105-мм и столько же 75-мм СУ на базе H35, 179 восьмитонных 75-мм противотанковых СУ «Мардер I» и около сотни 105-мм гаубиц на базе гусеничного тягача фирмы «Лоррейн». R35, H39 и S35 использовались на Восточном фронте в своем первоначальном виде, и даже «старикашка» «Рено» FT служил в полицейских частях на оккупированных территориях.

Библиография

Библиография Второй Мировой войны насчитывает тысячи названий. Практически по каждой кампании и сражению можно найти монографию или описание. Однако большинство изданий, посвященных войне, бессистемно, поверхностно и отражает позицию страны автора. Поэтому из массы книг, посвященных Второй Мировой войне мы можем рекомендовать **для первоначального ознакомления** лишь немногие.

Во-первых, несколько работ по системному анализу Второй Мировой войны:

1. **Д. М. Проэктор.** Европа — век XX. М., 1984.

В этом небольшом труде все мировые войны (Первая, Вторая и Третья — холодная) анализируются в комплексе.

2. **Р. Палм Датт.** Кризис Британской империи. М., 1950.

Аналитическое издание, посвященное нетривиальному подходу к мировому кризису как к кризису основы прежнего миропорядка — Британской империи.

3. **Д. М. Проэктор.** Агрессия и катастрофа. М., 1972.

Отличная работа об особенностях руководства немецкими вооруженными силами в войне.

4. **Г. Ф. Воронцов.** Военные коалиции и коалиционные войны. М., 1976.

Эта книга исследует систему коалиционных войн и стратегий.

Во-вторых, интерес представляют официальные «Истории Второй Мировой войны».

5. **Вторая Мировая война 1939—1945 гг.** В 12 томах. М., 1973—1979 гг.

Официальная советская история войны. Несмотря на это, — одна из наиболее удачных работ, посвященная всей войне. Практически не содержит недостоверной информации, ложных утверждений. К недо-

статкам следует отнести слабую проработку операций союзников (особенно Североафриканской кампании), обилие бесполезного материала, посвященного работе коммунистической партии, недостаточный объем цифровой информации. К достоинствам — системность изложения (военные, политические и экономические события рассматриваются в комплексе) и отличные карты.

6. **Типпельскирх К.** История Второй Мировой войны. М., 1956.

Официальная немецкая история войны, написанная бывшим 4-м оберквартирмейстером штаба ОКХ (разведка и контрразведка). Содержит превосходные описания кампаний и операций, особенно с немецкой стороны. К сожалению, слабый картографический материал и отсутствие аналитической части существенно уменьшают ценность работы.

7. **Фуллер Дж.** Вторая Мировая война 1939—1945. М., 1956.

Официальная английская версия. Содержит хорошие описания действий союзников, однако материал, посвященный советским войскам, безнадежно слаб.

То же самое можно сказать и о многотомной «Большой стратегии» Р. Батлера.

Лиддел Гарт неоднократно упоминает имя премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, поэтому, в-третьих, мы считаем необходимым рекомендовать:

8. **Churchill W.** The Second World War. В 6 тт. Лондон. 1948—1954. (Имеется русский перевод.)

Данная работа интересна прежде всего историкам следующей, холодной войны. Поскольку писалась в свое время именно как инструмент этой войны. Содержит много интересной информации о работе английского руководства и разведки.

Далее, после войны вышло множество книг немецких генералов, посвященных описанию ее перипетий. Наибольший интерес представляют следующие:

9. **Э. Манштейн.** Утраченные победы. М. — СПб, «АСТ» — «Тегга Fantastica», 1999.

Мемуары лучшего стратега Германии, написанные прекрасным языком. Уже одно это делает книгу очень полезной для изучения.

10. **Гальдер Ф.** Военный дневник. В 3 томах. М., 1967—1971.

Ценность данного материала в том, что он был написан прямо в ходе боевых действий человеком, непосредственно отвечавшим за ход боевых действий в 1939—1941, — начальником генерального штаба сухопутных войск. Поэтому в ней практически отсутствует апостериорное восприятие событий (то есть объяснения типа, «все получилось не так, а так, поэтому...»). С другой стороны, материал «Военного дневника» не систематизирован и сложен для чтения.

11. **Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht.** (Военный дневник главного командования вермахта). В 4 тт. Фг. / М., 1961—1965.

Эту работу можно было бы считать официальной историей войны, однако официозность издания и наличие множества досадных ошибок

(которые не исправляются уже в котором издании) существенно подрывают ее авторитет.

12. **Гот Г.** Танковые операции. М., 1961.

Написанные одним из известнейших «танковых» генералов, мемуары Гота содержат много полезной информации. Напротив, работу Г. Гудериана «Воспоминания солдата» мы не считаем возможным рекомендовать — во всяком случае, на стадии первоначального ознакомления с темой.

В последнее время появилось множество работ, посвященных войне на Тихом океане.

13. **Апальков Ю. В.** Боевые корабли японского флота. Линкоры и авианосцы. СПб.: «Дидактика», 1997.

Весьма точное и подробное описание истории создания, конструкции и судьбы крупнейших кораблей Императорского флота. Монография также содержит сведения об истории и организационной структуре японского флота и подробную хронологию боевых действий флота в 1941–1945 гг.

14. **Далл С.** Боевой путь Императорского японского флота. Екатеринбург: «Сфера», 1997.

Несомненно, одна из лучших работ обзорного характера. Книга издана в превосходном переводе А. Больных (серия «Морские битвы крупным планом») и может быть рекомендована читателю любого уровня подготовки.

15. **Кампании войны на Тихом океане.** М.: Воениздат, 1949.

Сборник японских оперативных документов, подготовленный после войны Комиссией по изучению результатов стратегических бомбардировок. Сугубо специальное издание, содержащее важный фактический материал.

16. **Локвуд Ч., Адамсон Г.** Морские дьяволы. СПб.: «Текс», 1994.

История рейда американских подводных лодок к берегам Японии в последние месяцы войны. (В сущности, книга рассказывает о том, как выглядела «неограниченная подводная война» в исполнении американских подводников. Ее полезно читать параллельно с материалами Нюрнбергского процесса в части дела К. Денца.)

17. **Лорд У.** Невероятная победа. СПб.: «КОМКОН», 1993.

Созданные по воспоминаниям участников событий беллетризованные хроники, посвященные удару по Перл-Харбору и сражению за Мидуэй. Книга весьма популярна в США и, пожалуй, заслуженно.

18. **Молодяков В.** Подсудимые и победители. Токио, 1996.

Хотя эта монография и издана в Токио, она написана на русском языке и представляет собой попытку переосмысления в духе идей историков-ревизионистов Токийского процесса японских военных преступников.

19. **Роскилл С.** Флот и война. Т. 2, 3. М.: Воениздат, 1970 (т. 2), 1972 (т. 3).

Официальная история действий Королевских ВМС Великобритании во Второй Мировой войне. Книга написана весьма казенным языком. Она практически не содержит аналитической составляющей, но включает в себя много фактического материала.

20. **Футида М., Окумия М.** Сражение у атолла Мидуэй. М.: Воениздат, 1958.

Книга написана человеком, участвовавшим в планировании и осуществлении наиболее ярких операций Императорского флота в первый период войны. Возможно, лучшая из работ мемуарного характера, сочетает в себе живой и образный стиль изложения и вполне приемлемую точность и обстоятельность. Предполагается к переизданию в рамках данной серии.

21. **Хара Т.** Одиссея самурая. СПб.: «Облик», 1997.

Мемуары японского офицера, на протяжении всей войны прослужившего на эскадренных миноносцах. Наибольший интерес представляют описания боев в Индонезии и у Соломоновых островов в 1942–1943 гг., а также последнего похода «Ямато». Книга относится к типичной мемуарной литературе и представляет собой «взгляд снизу» — с мостика корабля прикрытия — на проблемы военно-морской истории и стратегии. Большинство выводов, к которым приходит автор, выражают собой его «субъективное умонастроение».

Биографический указатель

Адати Хазато [1890—1947], японский генерал. С ноября 1942 командующий 18-й армией в Новой Гвинее. Сдался в плен 13.9.1945 американцам. Осужден на пожизненное заключение, умер в тюрьме.

Айронсайд (Ironside) Уильям Эдмунд, барон (1941) [1880—1959], британский фельдмаршал. Участник англо-бурской войны 1899—1902 и 1-й Мировой войны. С 1939 возглавлял Имперский генеральный штаб, в мае 1940 смещен с этого поста за поражение в Бельгии, командовал войсками метрополии, однако смещен и с этого поста в июле 1940 и вышел в отставку.

Александр Тунисский (Alexander of Tunis) Гарольд Руперт Леофрик Джордж [10.12.1891, Лондон — 16.6.1969, Слу, Букингемшир], британский фельдмаршал (1944), граф (1952). Окончил колледжи Харроу и Сандхерст, штабной колледж (1927) и Имперский колледж обороны (1930). С 1911 в ирландской гвардии. Участник 1-й Мировой войны в 1919 в составе английских сил в Латвии. В 1934—1938 участвовал в подавлении национально-освободительного движения в Индии. С 1938 командующий 1-й пехотной дивизией, участвовавшей в 1939—1940 в операциях во Франции, затем командовал корпусом, руководил эвакуацией английских войск из Дюнкерка. В 1940—1942 командовал войсками Южного военного округа метрополии, затем войсками в Бирме. С августа 1942 командующий войсками на Среднем Востоке (включая Северную Африку), с февраля 1943 командовал 18-й группой армий в Тунисе, затем 15-й группой армий в Италии. С декабря 1943 главнокомандующий войсками союзников на Средиземноморском ТВД. В 1946—1952 генерал-губернатор Канады, в 1952—1954 министр обороны. Кавалер всех высших орденов Великобритании. Автор мемуаров ("Memoirs", 1940—1945, 1962).

Амброзио (Ambrosio) Витторио [1897 — 1958], итальянский генерал. Командовал 2-й итальянской армией в Югославии. С января 1942 начальник генерального штаба армии, а с февраля 1943 начальник итальянского генерального штаба. После падения Муссолини присоединился к союзникам, остался на должности генерал-инспектора армии.

Анами Корэтика [1886 -- 15.8.1945, Токио], японский генерал. Окончил в 1906 военное училище и позже военную академию в Токио. В 1930—

1934 командовал 2-й гвардейской дивизией. С 1935 флигель-адъютант императора, секретарь Высшего военного совета. В 1936—1937 в военном министерстве. В 1938—1939 командовал пехотной дивизией в Китае. В 1939—1941 заместитель военного министра. В 1941—1944 командовал 11-й армией и Северным фронтом в Китае. С апреля 1945 военный министр в правительстве Судзуки. После неудавшейся попытки произвести в ночь на 15.8.1945 государственный переворот с целью создания правительства «твердой руки» и продолжения войны покончил с собой, применив харикири.

Андерс (Anders) Владислав [11.8.1892, Блоние — 12.5.1970, Лондон], польский военачальник, генерал. Призван в русскую армию, участник 1-й Мировой войны. Участник советско-польской войны 1919—1920. Во время 2-й Мировой войны попал в советский плен (1939), в августе 1941 был отпущен и возглавил польские национальные части в СССР. Был переведен на Ближний Восток, а затем принял участие в боевых действиях в Италии как командир Польского корпуса. После войны возглавлял польских антикоммунистов на Западе.

Антонеску (Antonescu) Йон [14.6.1882, Питешти — 1.6.1946], диктатор Румынии, генерал. Участвовал в подавлении восстания 1907, а также в интервенции в Венгрию (1919). В 1933 начальник румынского генштаба, с 1938 министр обороны. В сентябре 1940 стал диктатором Румынии, присоединился к Германии в войне против СССР. После восстания 23.8.1944 был арестован и как военный преступник казнен по приговору народного трибунала Бухареста.

Аоста (Aosta) князь Амадей [1898—1942], итальянский генерал, кузен короля Италии Эммануила. Во время 2-й Мировой войны был генералом ВВС и вице-королем Абиссинии. Возглавлял вторжение в Британское Сомали, однако в 1941 войска Аосты были разгромлены, а сам он сдался в плен. Помещен в лагерь военнопленных в Кении, где и скончался.

Арним (Arnim) Юрген фон [1889 — 1971], немецкий генерал-полковник. В армии с 1908, с 1919 в рейхсвере, с 1922 в Генеральном штабе. В Польской кампании 1939 командовал пехотной дивизией. Командовал танковой дивизией, а с 9 декабря 1942 главнокомандующий силами Оси в Тунисе. 12 мая 1943 попал в плен к союзникам вместе с остатками Африканского корпуса.

Арнолд (Arnold) Генри Харли [25.6.1886, Гладвайп, штат Пенсильвания — 15.1.1950, Сонома, штат Калифорния], американский военный историк и теоретик, первый в истории ВВС США генерал армии (1944). Окончил военное училище в Уэст-Пойнте (1907). С 1911 на командных должностях, с 1918 на штабной работе в ВВС. В 1940 назначен заместителем начальника штаба армии США по ВВС. С февраля 1942 по февраль 1946 командующий ВВС армии США. Написал несколько трудов по теории воздушного боя, применению авиации и другим вопросам боевых действий ВВС. Наиболее известна книга Арнолда по истории американских ВВС — «Глобальные действия» (Global Mission, NY, 1949).

Баграмян Иван Христофорович [2.12.1897, Елизаветполь, Азербайджан — 21.9.1982], маршал Советского Союза (11.3.1955), Герой Советского Союза. С 1915 в армии, окончил школу прапорщиков (1917). 12.1920 вступил в Красную Армию, участник Гражданской войны. Окончил кавалерийские курсы усовершенствования комсостава (1925), курсы совершенство-

вания высшего начального состава (1931), Военную академию имени Фрунзе (1934) и Академию Генштаба (1938). С сентября 1940 начальник оперативного отдела штаба армии и округа. В начале войны начальник оперативного управления Юго-Западного фронта, начальник оперативной группы Юго-Западного направления и начальник штаба Юго-Западного фронта. С июля 1942 командовал армией, с ноября 1943 войсками 1-го Прибалтийского фронта, с апреля 1945 войсками 3-го Белорусского фронта. После войны командовал войсками Прибалтийского военного округа, с 1954 главный инспектор министерства обороны, в 1956—1958 начальник Военной академии Генштаба, с 1958 заместитель министра обороны, начальник тыла Вооруженных сил. С 1968 генеральный инспектор группы генеральных инспекторов.

Бадольо (Badoglio) Пьетро [28.9.1871, Граццано-Монферрато — 31.10.1956, там же], итальянский государственный и военный деятель, маршал (1926). Участник 1-й Мировой войны. В 1919—1921 начальник Генерального штаба. В 1924—1925 посол в Бразилии. С 1925 начальник генштаба, одновременно в 1928—1933 генерал-губернатор Ливии, в 1935—1936 главнокомандующий итальянскими войсками в Итало-эфиопской войне 1935—1936. После поражения Эфиопии — вице-король Эфиопии (1936—1937). После первых поражений итальянских войск в Греческой кампании (1940) вышел в отставку с поста начальника штаба. Участвовал в государственном перевороте (25.7.1943), приведшем к падению режима Муссолини, после чего назначен премьер-министром. Правительство Бадольо объявило 13.10.1943 войну Германии. Ушел в отставку 9.7.1944.

Байерлейн (Bayerlein) Фриц [14.1.1899 —], немецкий генерал-лейтенант. Начальник штаба Африканского корпуса (1942). Командир 130-й танковой дивизии. Награжден Железным крестом с дубовыми листьями и мечами (20.7.1944).

Бакнер (Buckner) Симон Боливар [18.7.1886, Мапдфордвилль, Кентукки — 18.6.1945, Окинава], американский генерал. Окончил военную академию в Уэст-Пойнте (1908). К 1940 году получил звание бригадного генерала и с августа 1940 по июнь 1944 возглавлял Штаб обороны Аляски. С сентября 1944 командовал 10-й Американской армией, с ней участвовал в захвате островов Рюкю, а также острова Окинава (апрель-июнь 1945). Погиб в бою.

Батт (Bath) Генри Фредерик Тайп, маркиз [26.1.1905, Лонглит-Хауз, Уилтшир — 30.6.1992, Лонглит-Хауз], английский государственный деятель и коммерсант. Во время 2-й Мировой войны на государственной службе. После войны занялся туристическим бизнесом.

Бек (Beck) Людвиг [29.6.1880, Бибрих — 20.7.1944, Берлин], немецкий генерал-полковник. Участник 1-й Мировой войны, начальник штаба армии, затем служил в рейхсвере. С 1933 начальник войскового управления, с 1935 начальник генштаба сухопутных войск. В августе 1938 уволен в отставку. Один из руководителей неудачного заговора против Гитлера в 1944, был арестован и покончил жизнь самоубийством.

Бивербрук (Beaverbrook) Вильям Максвелл Эйткен [25.5.1879, Мейпл — Канада 9.6.1964, близ Бивербрука], английский политический лидер, газетный магнат, лорд (с 1917). Основал и фактически руководил газетным концерном. Играл заметную роль в консервативной партии и в политической жизни страны. В 1918 и 1940—1941 входил в правительство. Возглавлял английскую делегацию на Московском совещании 29 сентября — 1 октября 1941 года.

Битти (Beatty) Дейвид [17.1.1871, Дублин — 11.3.1936, Лондон], английский адмирал флота (1919), граф Северного моря и граф Бруксби (1919). На флоте с 1884. Участвовал в экспедициях в Египте и Судане в 1896—1898 и в подавления Ихэтуаньского восстания 1900 в Китае. С 1911 морской секретарь 1-го лорда Адмиралтейства. С 1913 командовал эскадрой крейсеров, затем линейных крейсеров. Командовал линейными крейсерами в битвах у о. Гельголанд (1914), Доггер-банки (1915) и в Ютландском сражении (1916). С декабря 1916 по конец 1918 командовал Гранд-флотом. В 1919—1927 1-й морской лорд.

Бласковиц (Blaskowitz) Иоханн [10.7.1883, Петерсвальд — 5.2.1948, Нюрнберг], немецкий фельдмаршал. Участник 1-й Мировой войны. Командующий 8-й армией во время Польской кампании 1939. С 22.10.1939 военный управляющий оккупированной Польшей. После был возвращен на фронт. В 1944 командующий группой армий на Западе. В начале 1945 командовал немецкими войсками в Нидерландах, когда они сдались союзникам. Покончил жизнь самоубийством во время Нюрнбергского процесса в тюрьме.

Блейни (Blamey) Томас [1884, Вагга-Вагга, Новый Южный Уэльс — 27.5.1951], австралийский фельдмаршал (1950). В армии с 1906. Участвовал в 1-й Мировой войне. С 1920 назначен заместителем начальника Австралийского генштаба, в 1922—1924 представитель Австралии в Британском военном министерстве, в 1924—1925 второй начальник Австралийского генштаба. Затем комиссар полиции штата Виктория (1925—1937), командир 10-й пехотной бригады (1926—1930), 3-й австралийской дивизии (1931—1937). Главнокомандующий Австралийскими Имперскими Вооруженными силами на Ближнем Востоке (1940), в 1941 командовал силами блока АНЗАК (в Греции), затем заместитель генерала Уэйвела. Возглавлял оборону Крита (1941). Командующий сухопутными силами союзников на юго-западном театре (1942—1946). Подписал акт о капитуляции Японии со стороны Австралии.

Блюментритт (Blumentritt) Гюнтер [1892—1967], немецкий генерал. Начальник оперативного отдела армии Рундштедта в Польской и Французской кампаниях. Сдался англичанам в 1945.

Бок (Bock) Федор [3.12.1880, Кюстрип — 3.5.1945, Ленсани, Гольштейн], генерал-фельдмаршал немецкой армии (1940). С 1912 офицер генштаба, участник 1-й Мировой войны. Член комиссии по перемирию в 1918, затем служил в рейхсвере, монархист, один из организаторов «черного рейхсвера». С 1925 командовал 3-й армейской группой. В 1938 командовал 8-й армией во время аншлюса Австрии, затем 2-й армейской группой при оккупации Судетской области. Командующий группой армий «Север» в Польской кампании 1939, группой армий «Б» во Французской кампании 1940 и группой армий «Центр» в Российской кампании 1941. В декабре 1941 за поражение под Москвой отстранен от командования. С января по июль 1942 командовал группой армий «Юг», затем находился в распоряжении ставки Гитлера. Погиб во время воздушного налета.

Болдуин (Baldwin) Стэнли [3.8.1867, Бьюдли, Вустершир — 14.12.1947, Астли-холл, Вустершир], английский государственный деятель, лидер консервативной партии, промышленник. С 1908 член парламента. В 1921—1922 министр торговли, в 1922—1923 министр финансов. С мая 1923 по январь 1924 и с ноября 1924 по июнь 1929 премьер-министр. В 1931—1935 лорд-председатель Совета, а в 1935—1937 снова премьер-министр.

Бонони (Bonomi) Иваноэ [18.10.1873, Мантуя — 20.4.1951, Рим], итальянский политический и государственный деятель. Был одним из лидеров реформистского крыла социалистической партии. В 1912 вместе с другими реформистами был исключен из социалистической партии за поддержку правительства в Ливийской войне. В 1916—1919 министр общественных работ, в 1920—21 военный министр. С июля 1921 по февраль 1922 премьер-министр. После прихода к власти Муссолини (1922) политической деятельностью не занимался. В 1943—1944 возглавлял Комитет национального освобождения в Риме, был премьер-министром (июнь 1944 — июль 1945), затем председателем сената (1948—1951).

Борис III [30.1.1894 — 28.8.1943], царь Болгарии (1918—1943). Сын Фердинанда Кобургского. В 1923 содействовал перевороту националиста А. Цанкова. Проводил прогерманскую внешнюю политику, приведшую Болгарию в 1941 к присоединению к Антикоминтерновскому пакту.

Бранденбергер (Brandenberger) Эрик. Немецкий генерал артиллерии. Командовал 29 корпусом. 12.11.1943 награжден Рыцарским крестом с дубовыми листьями.

Браун (Brown) Вилсон, американский вице-адмирал. С декабря 1941 командовал TF11 (Лексингтон). Командующий ВМС Юго-западной части Тихого океана (1942).

Браухич (Brauchitsch) Вальтер фон [4.10.1881, Берлин — 18.10.1948, Гамбург], генерал-фельдмаршал немецкой армии (1940). В армии с 1900. Участник 1-й Мировой войны на штабных должностях, затем служил в рейхсвере. С 1932 генерал-инспектор артиллерии, с 1933 командовал 1-м военным округом, с 1935 1-м армейским корпусом, с 1937 4-й армейской группой. 4 февраля 1938 после отстранения генерала В. Фрича назначен главнокомандующим сухопутными войсками. После провала наступления на Москву уволен 19 декабря 1941 в запас. В 1945 сдался в плен английским войскам, умер в госпитале для военнопленных.

Брук, Аланбрук (Brooke, Alanbrooke) Алан Фрэнсис [23.7.1883, Бэпьер-де-Бигор, Франция — 17.6.1963, Хартли-Уитни, Хэмпшир], английский фельдмаршал (1944), виконт Брукборо (1946). Участник 1-й Мировой войны. В начале 2-й Мировой руководил ПВО Британии. В 1940 командовал 2-м армейским корпусом во Франции и в районе Дюнкерка. С июля 1940 командующий войсками метрополии. С декабря 1941 по 1946 начальник Имперского Генштаба, был военным советником премьер-министра Черчилля на международных конференциях. С 1946 в отставке.

Брэдли (Bradley) Омар Нелсон [12.2.1893, Кларк, штат Миссури — 8.4.1981, Нью-Йорк], американский генерал армии (1950). Окончил Военную академию США в Уэст-Пойнте (1915), преподавал тактику в военных школах. Во время 2-й Мировой войны, в 1943 помощник главнокомандующего союзными силами в Северной Африке; в Тунисской и Сицилийской операциях командовал 2-м корпусом; в 1944 — 1-й американской армией в Нормандской операции. С августа 1944 командующий 12-й группой армий в Европе. В 1947—1949 начальник штаба армии США, в 1949—1953 председатель Объединенного комитета начальников штабов и Военного комитета НАТО. С августа 1953 в отставке.

Буш (Busch) Эрнст [6.7.1885, Бохум — 17.7.1945, Ноттингемшир], немецкий генерал-фельдмаршал (1943). Участник 1-й Мировой войны, затем служил в рейхсвере. С 1938 командовал 8-м армейским корпусом, с которым участвовал в Польской кампании 1939. С октября 1939 командующий

16 армией во время французской кампании и на советско-германском фронте. С ноября 1943 командующий группой армий «Центр», после поражения в Белоруссии в августе 1944 зачислен в резерв. С марта 1945 командовал группировкой немецких войск на Северо-Западе Германии. Умер в плену в Англии.

Вайан (Vian) Филипп Луи [1894 — 1968], британский адмирал флота. В 15.2.1940 эсминец «Коссак» под его командованием захвачен у Норвегии немецкий вспомогательный крейсер «Альтмарк» с пленными англичанами на борту. В 1941 он возглавлял соединение эсминцев, атаковавшее Бисмарк. Произведен в рыцари 1942.

Вандергрифт (Vandergrift) Александр Арчер [13.3.1887, Чарлоттсвилль, Вайоминг — 8.5.1973, Бетесда, Мэриленд], американский генерал (март 1945). Призван как младший лейтенант в морскую пехоту в 1909. Участвовал в боевых действиях на территории Никарагуа, Гаити и Китая. Во время 2-й Мировой войны командовал морской пехотой, с 1942 генерал-майор. С ноября 1943 командир 1-го морского амфибийного корпуса на островах Бугенвилль. В отставке с 1948.

Василевский Александр Михайлович [30.9.1896, с. Новая Гольчиха Костромской губернии — 5.12.1977], советский военачальник, Маршал Советского Союза (16.2.1943), дважды Герой Советского Союза. Окончил Алексеевское военное училище (1915), участвовал в 1-й Мировой войне, окончил ее в чине штабс-капитана. Участник гражданской войны в Красной Армии. Окончил Академию Генштаба (1937), с мая 1940 заместитель начальника, с августа 1941 начальник Оперативного управления, заместитель и первый заместитель начальника Генштаба. С июня 1942 начальник Генштаба и зам. наркома обороны. В феврале 1945 введен в Ставку Верховного Главнокомандования и назначен командующим 3-м Белорусским фронтом, провел операцию по захвату Кенигсберга и Восточной Пруссии. В июне 1945 назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке и руководил ими в японской кампании 1945. С 1946 начальник Генштаба и первый замминистра обороны, с 1949 министр Вооруженных Сил СССР, в 1950—1953 военный министр, в 1953—1957 первый заместитель и замминистра обороны. С января 1959 наomenclатурной работе в Министерстве обороны СССР.

Ватугин Николай Федорович [16.12.1901, с. Черснухино, Курской области — 15.4.1944], генерал армии (2.1943), Герой Советского Союза (6.5.1965). Окончил Полтавскую пехотную школу (1922), Киевскую высшую объединенную школу (1924), Военную академию имени Фрунзе (1929), оперативный факультет этой же академии (1934) и Академию Генштаба (1937). До начала Великой Отечественной войны был начальником штаба дивизии, заместителем начальника штаба Киевского военного округа, начальником оперативного управления Генштаба. С июля 1941 по май 1942 начальник штаба Северо-Западного фронта, в мае-июле 1942 заместитель начальника Генштаба и уполномоченный ставки на Брянском фронте. Затем командовал войсками фронтов: Воронежского (июль-октябрь 1942, март-октябрь 1943), Юго-Западного (октябрь 1942-март 1943), 10-го Украинского (октябрь 1943-март 1944). Умер после тяжелого ранения. Похоронен в Киеве.

Ведемейер (Wedemeyer) Альберт Коди [9.7.1897, Омаха, Небраска — 17.12.1989, Форт Бельву, Вайоминг], американский генерал (1954). Окончил военную академию в Уэст-Пойнте (1919), в 1936—1938 прошел подготовку в Военном колледже в Берлине. С 1941 в отделе Военного планиро-

ваная Военного департамента Генерального штаба, автор американского плана войны. В 1942 произведен в бригадные генералы. Был начальник штаба у Чап Кай-ши (1944—1946). В отставке с 1941.

Вейган (Weugand) Максим [21.1.1867, Брюссель — 28.1.1965, Париж], французский генерал, член Французской академии наук (1931). Окончил Сен-Сирскую военную школу (1887). Участник 1-й Мировой войны, с ноября 1917 член Высшего военного совета, а с марта 1918 начальник штаба верховного главнокомандующего. В 1920—1922 глава военной миссии в Польше по обучению и снабжению Польской армии. В 1930—1935 начальник Генштаба, вице-президент Высшего военного совета, инспектор армии. В 1937 участвовал в движении кагуляров. С начала 1939 главнокомандующий французскими войсками в Сирии и Ливане. С 19 мая 1940 начальник штаба национальной обороны и верховный главнокомандующий, подписал капитуляцию Франции. В июле-сентябре 1940 министр национальной обороны правительства «Виши», затем генеральный уполномоченный правительства во Французской Африке, заключил соглашение с США в 1941. В ноябре 1942 был арестован немцами и до 1945 находился в лагере. После освобождения был предан военному суду, но в 1948 оправдан.

Вейхс (Weichs) Максимилиан фон [12.11.1881, Дассау — 27.9.1954], немецкий генерал-фельдмаршал (1943). В армии с 1900, служил в кавалерии, участник 1-й Мировой войны, затем служил в рейхсвере. С 1933 командовал кавалерийской (с 1935 танковой) дивизией, с 1937 — 13-м армейским корпусом. С октября 1939 командующий 2-й армией, участвовал во Французской и Балканской кампаниях и в войне против СССР. С июля 1942 командующий группой армий «Б», с августа 1943 — группой армий «Ф» и немецкими войсками Юго-Востока (Балканы). Широко использовал в наземных боях зенитную артиллерию, за что получил прозвище «зенитного генерала». С марта 1945 в резерве ставки. В 1945—1948 находился в американской тюрьме за военные преступления.

Виктор Эмануил III (Vittorio Emanuele) [11.11.1869 — 28.12.1947], последний король Италии (1900—1946). Поддержал установление диктатуры Муссолини (1922). В 1943 под угрозой массовых волнений отстранил его от власти. 5.6.1944 передал королевские функции своему сыну Умберто как королевскому наместнику, а 9.3.1946 отрекся от престола и уехал из страны.

Витциг (Witzig) Рудольф [14.8.1916, Ролингхаузен, Вестфалия — ?], немецкий парашютист, полковник (18.10.1965). В армии с 1935, произведен в лейтенанты 20.4.1937, командир взвода. С 1938 в парашютных войсках армии (затем переданных Люфтваффе). За взятие форта Эбен-Эмаэль (10.5.1940) в Французской кампании 1940 награжден Рыцарским крестом. В 1942 с полком парашютистов в Тунисе, 24.3.1942 — майор. В 1944 командовал батальоном, затем полком парашютистов. Сдался в плен 8.5.1945. После войны служил в бундсвере. В отставке с 30.9.1974.

Вольф (Wolff) Людвиг, немецкий генерал-майор. В 1942 командовал 22 пехотной дивизией. 22.6.1942 награжден Рыцарским крестом с дубовыми листьями.

Воронов Николай Николаевич [5.5.1899, Петербург — 28.2.1968, Москва], Главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза. В Красной Армии с 1918, участвовал в Гражданской войне. Окончил Военную академию имени Фрунзе (1930). С 1934 начальник 1-го Ленинградского артиллерийского училища. Участвовал в войне в Испании 1936—1937.

В 1937—1941 начальник артиллерии Красной Армии, замначальника Главного артиллерийского управления, начальник управления ПВО. С июля 1941 по март 1943 замнаркома обороны СССР и начальник артиллерии Красной Армии, с марта 1943 по март 1950 командующий артиллерией Вооруженных Сил. В 1950—1953 президент Академии артиллерийских наук, в 1953—1958 начальник Военной артиллерийской командной академии, с 1958 на номенклатурной работе в Министерстве обороны СССР.

Галифакс (Halifax) Эдуард Фредерик Линдли Вуд [16.4.1881, Паудерем, Дорсетшир — 23.12.1959, Йорк], английский государственный деятель, барон Ирвин (1925). Член парламента с 1910 от консервативной партии. В 1922—1924 и 1932—1935 министр просвещения, в 1924—1925 министр сельского хозяйства. В 1926—1931 вице-король Индии. В 1935—1937 лорд-хранитель печати, в 1935—1938 лидер палаты лордов и заместитель премьер-министра. В 1938—1940 министр иностранных дел, в 1941—1946 посол в США. В 1947—1953 председатель консультативного совета радиовещательной компании Би-Би-Си.

Гальдер (Halder) Франц [20.6.1884, Вюрцбург — 1971], немецкий генерал-полковник (1940). В армии с 1902, окончил Баварскую военную академию (1914), участник 1-й Мировой войны. С 1936 в Генеральном штабе сухопутных войск, с октября 1937, с февраля 1938 — первый обер-квартирмейстер. С сентября 1938 по сентябрь 1942 начальник Генерального штаба сухопутных войск. Руководил работой штаба в Польской кампании 1939, Французской кампании 1940, Балканской кампании 1941, а также в кампаниях против СССР 1941 и 1942. В связи с провалом немецкой стратегии, отстранен осенью 1942, а в январе 1945 уволен в отставку. В 1945—1946 американский пленный, участвовал в написании военно-исторических трудов. Автор брошюры «Гитлер как полководец» (1949), а также трехтомного «Военного дневника» (1962—1964), содержащего важные данные по истории 2-й Мировой войны.

Гамелен (Gamelin) Морис Гюстав [20.9.1872, Париж — 18.4.1958, Париж], французский генерал. Окончил Военное училище Сен-Сир (1893) и штабной колледж (1899). Во время 1-й Мировой войны был секретарем Жоффра, командовал бригадой и дивизией. В 1925—1928 командующий французскими войсками в Сирии и заместитель верховного комиссара, подавил восстание в Сирии (1925—1927). В 1931—1935 и 1938—1939 начальник Генерального штаба, в 1935—1940 заместитель председателя Высшего военного совета. С 3 сентября 1939 главнокомандующий союзными войсками во Франции. 19 мая 1940 сменил генералом М. Вейганом. В сентябре 1940 был арестован и осужден на римском процессе над виновниками поражения (1942). Процесс был предпринят правительством А. Петена в целях самооправдания. В 1943 вывезен гитлеровцами в Германию, находился в концлагере до конца войны.

Геббельс (Goebbels) Йозеф Пауль [29.10.1897, Рейдт — 1.5.1945, Берлин], один из лидеров нацистской партии. Приклуч к ней в 1922. В 1927—1933 издатель газеты «Ангрифф» (“Angriff”). В 1928 возглавил работу по ведению пропаганды. С 1933 имперский министр народного просвещения и пропаганды. В 1944 имперский уполномоченный по тотальной военной мобилизации. После вступления советских войск в Берлин покончил жизнь самоубийством.

Гендерсон (Henderson) Артур [13.9.1863, Глазго — 20.10.1935, Лондон], английский политический деятель, один из правых лидеров Лейбористской партии, в 1911—1934 ее секретарь. В 1915—1917 входил в прави-

тельства Асквита и Ллойд Джоржа, выступал за «войну до победного конца». В 1924 и 1929—1931 министр иностранных дел в кабинетах Р. Макдональда. В 1932—1933 председатель международной конференции по вооружению.

Гепнер (Gunner) Эрих [1886 — 8.4.1944], немецкий генерал. Командовал 16-м танковым корпусом при вторжении в Польшу. Уволен за расхождения с Гитлером (1941). Участвовал в заговоре офицеров (1944), после провала заговора арестован и расстрелян.

Геринг (Goring) Герман [12.1.1893, Рохсехсйм, Бавария — 15.10.1946, Нюрнберг], немецкий рейхсмаршал авиации (1940), один из нацистских преступников. Участвовал в 1-й Мировой войне, был летчиком. С 1922 член НСДАП (фашистской партии), руководитель СА (штурмовых отрядов). Будучи политическим уполномоченным Гитлера (с 1930) и председателем рейхстага (с августа 1932) играл активную роль в приходе Гитлера к власти в 1933, после чего стал имперским министром авиации и главой правительства Пруссии. Главнокомандующий ВВС с 1935, глава концерна «Геринг» (с 1937). Один из организаторов нацистского террора в оккупированных Германией странах. На Нюрнбергском процессе 1946 при помощи ловкой демагогии сумел отвести от себя значительную часть обвинений, был приговорен к смертной казни, перед казнью покончил жизнь самоубийством.

Гесс (Hess) Рудольф [26.4.1894, Александрия, Египет — 17.8.1987], один из руководителей национал-социалистической партии Германии. Член НСДАП 1920. С 1925 личный секретарь Гитлера, с апреля 1933 его заместитель по партии. В мае 1941 прибыл на самолете в Великобританию с предложением заключить мир. Предложение было отклонено, а Гесс интернирован как военнопленный. На Нюрнбергском процессе осужден к пожизненному заключению, которое отбывал с 1946. Покончил жизнь самоубийством.

Гибсон (Gibson) Гай Пенроуз [1918—1944], британский пилот бомбардировочной авиации. В авиации с 1936, с 1939 пилот бомбардировщика. Возглавил рейд «разрушителей дамб» (16—17 мая 1943). Разбился при возвращении из рейда на Баварию над Голландией в 1944.

Гиммлер (Himmler) Гейрих [7.10.1900, Мюнхен — 23.5.1945, Люпсбург], один из лидеров нацистской партии. Участвовал в путче в ноябре 1923. С 1929 руководитель СС. С 1933 занимал посты начальника политической полиции в Мюнхене, Баварии и затем во всей Германии (с 1936 шеф гестапо). С 1943 имперский министр внутренних дел, с 1944 командующий резервной армией. Один из организаторов террора, системы концлагерей, массового истребления местного населения на оккупированных территориях. После капитуляции Германии в 1945 попытался скрыться, но был арестован. Покончил жизнь самоубийством.

Гитлер (Hitler) Адольф [20.4.1889, Браунау, Австрия — 30.4.1945, Берлин], лидер германской национал-социалистической партии (фашистской), глава немецко-фашистского государства (1933—1945), главный военный преступник. Отец Адольфа Алоис Шикльгрубер (Schicklgruber) сменил фамилию на Гитлер в 1876 (Гитлер иногда пользовался старой фамилией как псевдонимом). С 1913 Гитлер жил в Мюнхене, во время 1-й Мировой войны был сфрейтором в германской армии. В 1919 один из организаторов, а в 1920 глава (фюрер) Национал-социалистической рабочей партии Германии. 8—9 ноября 1923 вместе с генералом Э. Людendorфом предпринял в Мюнхене попытку фашистского переворота, которая окончилась провалом

(Гитлер попал в тюрьму). В дальнейшем, используя национал-социалистическую демагогию и реваншистские настроения, создал себе массовую опору среди населения. 30 января 1933 президент П. Гинденбург назначил его рейхсканцлером. После смерти Гинденбурга Гитлер сосредоточил в своих руках всю законодательную и исполнительную власть, объединив посты рейхсканцлера и президента (август 1934). В дальнейшем правительство Гитлера превратило Германию в базу для проведения мировой экспансии. Фашистская Германия приняла участие в войне против Испанской республики (1936—1939), осуществила аншлюс (присоединение) Австрии (1938), оккупировала Чехословакию (1938—1939), и, сколотив блок союзников, развязала 2-ю Мировую войну (1939—1945). В 1945, когда советские войска вошли в Берлин, Гитлер кончил жизнь самоубийством.

Говоров Леонид Александрович [22.2.1897, Бутырки, ныне Кировская область — 19.3.1955, Москва], Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза. В армии с 1916, окончил Константиновское артиллерийское училище (1917). В октябре 1918 мобилизован в чине подпоручика в колчаковскую армию. В январе 1920 перешел в Красную Армию. Окончил Военную академию имени Фрунзе (1933) и Академию Генштаба (1938). Участвовал в советско-финской войне в должности начальника штаба артиллерии 7-й армии, затем заместитель генерального инспектора артиллерии. С 22.7.1941 начальник артиллерии Западного направления, затем Резервного фронта. С 18.10.1941 командовал 5-й армией, с 25.4.1942 командовал Ленинградской группой войск, а с июня 1942 до мая 1945 войсками Ленинградского фронта (в феврале — марте 1945 одновременно командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта). После войны командующий ЛенВО, главный инспектор сухопутных войск, с 1948 командующий войсками ПВО и зам военного министра.

Голиков Филипп Иванович [30.7.1900, Борисово, ныне Курганской области — ?], Маршал Советского Союза (1961). В Красной Армии с 1918, окончил Военную академию имени Фрунзе (1933). В 1939 командовал 6-й армией, участвовавшей в присоединении к СССР Западной Украины. С июля 1940 заместитель начальника Генерального штаба. С октября 1941 командовал 10-й армией, с февраля 1942 — 4-й ударной армией, с апреля 1942 Брянским фронтом, а с июля 1942 — Воронежским фронтом. В августе-октябре 1942 командующий 1-й Гвардейской армией и заместитель командующего Юго-Восточного и Северо-Западного фронтов. С октября 1942 командовал Воронежским фронтом. С апреля 1943 начальник главного управления кадров и с октября 1944 одновременно временно уполномоченный СНК СССР по делам репатриации. В 1950—1956 на командных должностях. В 1956—1958 начальник Военной академии бронетанковых войск. В 1958—1962 начальник Главного политического управления Советской Армии и ВМФ. С мая 1962 на поименклатурной работе в Министерстве обороны.

Голь (Gaulle) Шарль де [22.11.1890, Лилль — 9.11.1970, Коломбел-Дез-Эглиз], французский военный и государственный деятель, бригадный генерал (1940). Учился в военном училище Сен-Сир и позже в Высшей военной школе в Париже. Участник 1-й Мировой войны. До 1937 занимался в основном педагогической и штабной деятельностью. С первых дней 2-й Мировой войны командовал в чине полковника танковыми подразделениями 5-й французской армии, а в мае 1940, во время боев на р. Сомма, возглавил 4-ю бронетанковую дивизию. 5 июля стал заместителем министра национальной обороны. После вступления германских войск в

Париж (14 июня) и прихода к власти правительства Петена (16 июня) Голль выехал в Великобританию, откуда руководил движением «Свободная Франция». В июне 1944 председатель Временного правительства Французской республики. 10 декабря 1944 подписал в Москве Договор о союзе и взаимопомощи между СССР и Францией. В январе 1946 ушел с поста главы государства. С 1947 руководил созданной им партией «Объединение французского народа». Объявив в 1953 о роспуске этой партии, временно отошел от политической деятельности. В мае 1958, в период Алжирского кризиса, большинство парламента выступило за возвращение Голля к власти. 1 июня 1958 Национальное собрание утвердило состав правительства во главе с ним. В сентябре была подготовлена новая конституция, а 21 декабря Голль становится президентом Французской республики. 18 декабря 1965 он был переизбран на новый 7-летний срок, однако после поражения на референдуме 27 апреля 1969 (о реорганизации Сената и реформе территориально-административного устройства Франции), ушел с поста президента.

Гомер (Homeros), легендарный эпический поэт Древней Греции. Время жизни Гомера определялось по-разному: от XII до VII века до н. э. Гомеру приписывалась большая часть греческого эпоса, позже античная критика выделила в качестве «подлинных» произведений две эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея», а также ряд более мелких произведений — «Гомеровские гимны», комическую поэму «Маргит» и другие.

Гопкинс (Hopkins) Гарри Ллойд [17.8.1890, Су-Сити, Айова — 29.1.1946, Нью-Йорк], государственный деятель США. В 1938—1940 министр торговли. В 1940—1945 советник и специальный помощник президента Рузвельта. С июля 1945 отошел от политической деятельности.

Гормли (Gormley) Роберт Ли [1883—1953], американский вице-адмирал. Заместитель начальника штаба ВМС (1940). С 12.5.1942 по 18.10.1942 командующий южной частью Тихого океана. После чего входил в состав штаба адмирала Кинга. 15.12.1944 назначен объединенными ВМФ в Европе. После войны наблюдатель за разоружением Германских ВМС. В отставке с 1947.

Горт (Gort) Джон Стэндиш Сюрте Прендергаст Веркер, виконт [1886 — 1946], британский генерал. Командующий Британским экспедиционным корпусом во Франции (1939—1940). Командовал эвакуацией своих сил из Дюнкерка.

Гот (Hoth) Герман [12.4.1895, Нойруштин — 25.1.1971, Гослар], немецкий генерал. Участник 1-й Мировой войны (в кавалерии). Командовал танковым корпусом в Польской 1939 и Французской кампании 1940, 3-й танковой группой в кампании против России 1941, 4-й танковой армией в кампании 1942 и новой 4-й танковой армией в Курском сражении 1943. За поражение снят с поста. В апреле 1945 назначен командующим оборонительным районом в Рудных горах, взят в плен американцами. Осужден на 15 лет Нюрнбергским трибуналом, освобожден в 1954. После войны написал книгу «Танковые операции».

Грациани (Graziani) Родольфо [11.8.1882, Филеттино — 11.1.1955, Рим], итальянский маршал (1937). В 1930—1934 вице-губернатор Киренаики, в 1935 губернатор Итальянского Сомали. За участие в Итало-эфиопской войне 1936—1937 (командовал Южной армией) получил звание маршала и титул маркиза Негелли. В 1936—1937 вице-король Эфиопии. В 1939—1940 начальник штаба сухопутных войск. С июня 1940 главнокомандующий итальянскими войсками в Северной Африке. После поражения у Мерса-Матрух

уволен в отставку. Во время немецкой оккупации Италии (1943—1945) военный министр марионеточной «Итальянской социальной республики» Б. Муссолини, возглавлял борьбу против партизан. В 1950 приговорен к 19 годам тюрьмы, но в том же году амнистирован. С 1952 был почетным президентом неофашистской партии Итальянское социальное движение.

Гринвуд (Greenwood) Артур [8.2.1880, Ханслет, Йоркшир — 9.6.1954, Лондон], британский политический деятель, лейборист. Член палаты общин с 1922. В январе-ноябре 1924 секретарь министра здравоохранения в первом лейбористском правительстве, в 1929—1931 министр здравоохранения. С 1935 по 1945 лидер лейбористской партии. В коалиционном правительстве Черчилля стал министром без портфеля и членом военного совета (1940—1942). В послевоенном лейбористском правительстве Эттли лорд-хранитель печати (1945—1947).

Гроувз (Groves) Лесли [1896—1970], американский генерал и инженер. В 1942 назначен главой «Манхэттенского проекта» (атомная бомба).

Грэбл (Grable) Бетти (Элизабет Рут) [18.12.1916, Сент-Луис, штат Монтана — 2.7.1973], американская актриса, певица и танцовщица. Начала выступать в Голливуде в 14 лет. Звезда. Пик ее популярности приходится на 2-ю Мировую войну.

Гудериан (Guderian) Хайнц Вильгельм [17.6.1888, Кульм, ныне Хелмно, Польша — 15.5.1954, Швангау, Бавария], немецкий генерал-полковник (1940), военный теоретик. Окончил военное училище (1907) и военную академию (1914). Во время 1-й Мировой войны на штабных должностях, после войны — в рейхсвере, с 1922 в автомобильных войсках. В 1935—1938 командир танковой дивизии и армейского корпуса. В 1938—1939 командовал подвижными войсками. В начале 2-й Мировой войны командовал танковым корпусом (1939—1940), с июня 1940 2-й танковой группой, с октября 1941 — 2-й танковой армией. В декабре 1941 за поражение под Москвой снят с должности и отчислен в резерв. С марта 1943 генерал-инспектор танковых войск. С июля 1944 по март 1945 начальник Генерального штаба сухопутных войск. Взят в плен американцами и вскоре освобожден. В 50-х годах выступал за восстановление довоенных границ и военной мощи Германии как оплота против коммунизма. Автор книг «Внимание — танки!» (1937) и «Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск» (1937), а также мемуаров «Танки — вперед» (1957).

Даладье (Daladier) Эдуард [18.6.1884, Карпантра — 11.10.1970, Париж], французский политический и государственный деятель. Был одним из лидеров партии радикалов, ее председателем в 1927—1931, 1835—1938, 1957—1958. В 1924—1940 неоднократно входил в состав правительства. Премьер-министр в январе-октябре 1933, январе-феврале 1934, апреле 1938 — марте 1940. Подписал от имени Франции «Мюнхенское соглашение» 1938 о разделе Чехословакии. Правительство Даладье объявило войну Германии 3.9.1939. Активно участвовал в пацифистском движении после войны. После 1958 отошел от активной политической жизни.

Даллес (Dulles) Аллен Уэлш [7.4.1893, Уотердаун, Нью-Йорк — 29.1.1969, Вашингтон], государственный деятель США. По профессии юрист. В 1916—1926 на дипломатической службе, затем партнер в крупной юридической фирме. В 1942—1945 возглавлял службу политической разведки США в Европе. С 1947 — в органах ЦРУ, в 1953—1961 директор ЦРУ.

Дарлан (Darlan) Жан Луи Ксавье [7.8.1881, Нерак — 24.12.1942, Алфир], французский флотоводец, адмирал флота (1939). Во флоте с 1902.

участник 1-й Мировой войны. С декабря 1936 начальник Морского генштаба. С августа 1939 главнокомандующий ВМФ. После поражения Франции в ходе Французской кампании с июня 1940 морской министр в правительстве Петена. С февраля 1941 вице-президент Совета министров правительства «Виши», министр обороны, иностранных и внутренних дел. С апреля 1942 главнокомандующий вооруженными силами «Виши». После высадки англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 отдал приказ французским войскам о прекращении сопротивления союзникам, а затем о вступлении французских вооруженных сил в борьбу против держав Оси. 14.12.1942 объявил себя верховным комиссаром Франции в Северной Африке и образовал Государственный совет. Убит французским националистом.

Даудинг (Dowding) Хью Касуэл Трменхир, барон Бенгли (1943) [1882 — 1970], британский главный маршал авиации (1936). Участник 1-й Мировой войны в авиации, командовал корпусом британских ВВС во Франции. С 1939 начальник командования истребительной авиации Британии, руководил им во время Битвы за Британию. Из-за разногласий с Черчиллем и другими политическими лидерами снят в ноябре 1940. В отставке с 1942.

Демпси (Dempsey) Майлз, сэр [1896 — 1969], английский генерал-лейтенант. В 1939—1940 командовал пехотной бригадой во Франции, с июня 1941 танковой дивизией. В 1943 командовал 13-м корпусом в Сицилии и Италии. При высадке союзников в Нормандии (1944) и последующем наступлении союзников командовал 2-й английской армией. Затем главнокомандующий союзными силами в Юго-Восточной Азии, который занимал до конца войны.

Дениц (Donitz) Карл [16.9.1891, Грюнау, близ Берлина — 24.12.1980], немецкий гросс-адмирал (1943). В 1936—1943 командовал подводным флотом, с 30.1.1943 главнокомандующий ВМФ. 1.5.1945, согласно завещанию Гитлера, сменил его на посту рейхсканцлера и верховного главнокомандующего и 2—5 мая сформировал новое «имперское правительство» в Мюрвике-Фленсбурге. 23 мая арестован английскими войсками и в октябре 1946 приговорен Нюрнбергским трибуналом к 10 годам тюрьмы как военный преступник. В 1956 освобожден, вел активную политическую деятельность в ФРГ.

Джеллико (Jellicoe) Джон Рапуорт [5.12.1859, Саутгемптон — 20.11.1935, Лондон], граф, английский адмирал флота (1919). На флоте с 1872. Окончил морской колледж (1884), участвовал в колониальных войнах против Египта (1882) и Китая (1900). С 1913 2-ой морской лорд Великобритании. Во время 1-й Мировой войны в 1914—1916 главнокомандующий Гранд Флотом (Большим флотом), которым руководил в Ютландском сражении в 1916. С декабря 1916 до конца 1917 1-й морской лорд. Под его руководством была начата активная борьба с германскими подводными лодками. С 1920 губернатор Новой Зеландии, с 1925 в отставке.

Дилл (Dill) Джон Грир [25.12.1881, Ларган, Ольстер — 4.11.1944, Вашингтон], британский генерал-фельдмаршал (1941). Окончил военный Челтенгем-колледж (1901). Участвовал в англо-бурской войне 1899—1902 и 1-й Мировой войне. В 1931—1934 начальник Имперского штабного колледжа, в 1934—1936 начальник оперативного управления военного министерства. В 1936—1937 командовал британскими войсками в Палестине, в 1937—1939 командующий войсками Олдершотского военного округа. В 1939—1940 командовал 1-м армейским корпусом во Франции. В 1940

заместитель начальника, в 1940—1941 начальник Имперского генштаба. В декабре 1941 в составе военной делегации участвовал в Вашингтонской конференции, после чего до конца жизни был главой британской военной миссии при Объединенном штабе союзников в Вашингтоне.

Дитл (Dietl) Эдуард [1890 — 1944], немецкий генерал. Вступил в НСДАП в 1920. В 1939 командующий 3-й горной дивизией, с которой участвовал в Польской и Норвежской кампаниях. Во время кампании 1941 в СССР возглавлял горный корпус. Затем командовал всеми немецкими войсками в Лапландии. Погиб в авиакатастрофе.

Дитрих Йозеф («Зенн») [28.5.1882, деревня Хаванген, Швабия — 21.4.1966, Людебург], немецкий генерал-полковник и обергруппенфюрер СС (8.1944). Участник 1-й Мировой войны, закончил войну в танковых войсках. После войны в «зеленой» полиции. Принял участие в «Пивном путче» 9.11.1923, вступил в НСДАП и СС. С 1930 член рейхсага, а в конце 1931 получил чин группенфюрера СС. Организовал лейб-штандарт «Адольф Гитлер», с которым участвовал в аншлюсе Австрии (1938), походе на Судеты (1938), Польской (1939) и французской (1940) кампаниях, а также кампаниях 1941 в Югославии, Греции и СССР. 27.7.1943 командовал 1-м танковым корпусом СС, а в конце сентября 1944 — 6-й танковой армией, ставшей позднее 6-й танковой армией СС. Кавалер Рыцарского креста с Дубовыми Листьями и Брильянтами (1944). 8.5.1945 сдался американцам. Осужден на 25-летнее заключение, однако уже 22.10.1946 освобожден. Однако за участие в «чистке» 1934 года (уничтожение СА) опять заключен 7.8.1958 на полтора года, однако в январе 1959 был отпущен по состоянию здоровья.

Дорман-Смит Эрик, британский генерал-майор. Заместитель начальника генерального штаба (1942).

Дулиттл (Doolittle) Джеймс Гарольд («Джимми») [14.12.1896, Аламеда, Калифорния — 27.9.1993, Песбл-Бич, Калифорния], американский авиатор и генерал-лейтенант (1944). Окончил Юношеский колледж в Лос-Анджелесе (1916) и University of California School of Mines (1917). В армии с 1917, стал пилотом и инструктором. После войны остался в ВВС, в 1920 произведен в лейтенанты, одновременно обучался в Массачусетском Технологическом Университете (MIT). В отставке с 1930, однако и после этого принимал участие в состязаниях самолетов, в 1932 установил рекорд скорости. С началом 2-й Мировой войны вернулся в ВВС. 28 апреля 1942 возглавил палет на Токио. За этот рейд Дулиттла произвели в бригадные генералы, а вскорости и в генерал-майоры. В 1944—1945 командовал 8-й воздушной армией.

Жуков Георгий Константинович [1.12.1896, дер. Стрелковка, Калужской области — 18.6.1974, Москва], советский военачальник, Маршал Советского Союза (18.1.1943), четырежды Герой Советского Союза, Герой Монгольской Народной Республики. Член КПСС с 1919. С 1915 в армии, участник 1-й Мировой войны, младший унтер-офицер кавалерии. Участник Гражданской войны 1918—1920, командир взвода и эскадрона. Окончил кавалерийские курсы (1920), курсы усовершенствования состава кавалерии (1925) и высшего начсостава (1930). Командовал кавалерийским полком, бригадой, дивизией, корпусом, был помощником инспектора кавалерии РККА и заместителем командующего Белорусского особого военного округа. В 1939 разгромил японские войска на р. Халхин-Гол (Монголия). С июня 1940 командовал войсками Киевского особого военного округа. С конца января 1940 по 30 июля 1941 начальник Генштаба и замиаркома обороны СССР. Участник 2-й Мировой войны, с его именем связаны оборона Мос-

квы (зима 1941), оборона Сталинграда (осень 1942), прорыв блокады Ленинграда (1943), Курская битва (1943), освобождение Правобережной Украины (март-май 1944), Висло-Одерская операция и взятие Берлина (ноябрь 1944 — май 1945). 8 мая 1945 принял капитуляцию Германии. После войны — главнокомандующий Группой советских войск в Германии и главноначальствующий советской администрации (июнь 1945 — март 1946), главнокомандующий сухопутными войсками и замминистра Вооруженных Сил (март — июнь 1946). В 1946—1953 командующий войсками Одесского и Уральского военных округов. С марта 1953 1-й замминистра, а с февраля 1955 по октябрь 1957 министр обороны СССР. С марта 1958 в отставке.

Жюэн (Juin) Альфонс [16.12.1888, Бон, Алжир — 27.1.1967, Париж], маршал Франции (1952). Окончил Сен-Сирское военное училище и Высшую военную школу. Участник 1-й Мировой войны. В 1918 был в составе французской миссии в американской армии. После окончания 1-й Мировой войны служил на штабных должностях в Марокко, принимал участие в войне против республики Рифф (в 1931). С 1935 командир пехотного полка. В 1937 получил назначение в канцелярию Высшего военного совета. В 1939—1940 командир пехотной дивизии, был взят в плен немцами. По просьбе вишистских властей освобожден и назначен главнокомандующим французскими войсками в Северной Африке. В ноябре 1942 после высадки англо-американских войск в Алжире присоединился к движению «Сражающаяся Франция». Командовал французскими войсками в Тунисе. В 1944 командир французского экспедиционного корпуса в Италии, войска которого вместе с союзниками вошли в Рим. В 1947—1951 главнокомандующий французскими войсками в Северной Африке, в 1951—1956 командующий сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе. В 1962 уволен в отставку.

Еременко Андрей Иванович [14.10.1892, село Марковка — 19.11.1970, Москва], Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза. В армии с 1913, участвовал в 1-й Мировой войне рядовым. В Красной Армии с 1918, участник Гражданской войны. Окончил Военную академию имени Фрунзе (1935). Участвовал в присоединении Западной Украины (1939) в должности командира кавалерийского корпуса. С августа по октябрь 1941 командовал Брянским фронтом, затем 4-й ударной армией (декабрь 1941 — февраль 1942), Юго-Восточным, Сталинградским и Южным фронтами (август 1942 — февраль 1943), Калининским фронтом (апрель-октябрь 1943), 1-м Прибалтийским фронтом (октябрь-ноябрь 1943), Отдельной Приморской армией (февраль-апрель 1944), 2-м Прибалтийским фронтом (апрель 1944 — февраль 1945) и 4-м Украинским (март-май 1945). После войны командующий войсками Прикарпатского, Западно-Сибирского и Северо-Кавказского военных округов (1945—1958). С 1958 генеральный инспектор Министерства обороны СССР.

Жиро (Giraud) Анри Онопэ [18.1.1879, Париж — 11.3.1949, Дижон], французский политический и военный деятель, генерал. Окончил Сен-Сирское училище (1900). Участник 1-й Мировой войны. В 1922—1926 участвовал в войне с республикой Рифф (Марокко). В начале 2-й Мировой войны командовал 7-й, а потом 9-й армиями. В мае 1940 попал в плен к немцам, в апреле 1942 бежал в Вишистскую Францию и установил связи с правительством Петена и представителями США. В ноябре 1942 при помощи американской разведки переправился в Алжир и после высадки англо-американских войск 17.11.1942 назначен командующим французскими войсками в Северной Африке. В июне-ноябре 1943 сопредседатель Француз-

ского комитета национального освобождения, в связи с разногласиями с де Голлем и обвинениями в связях с правительством «Виши» освобожден от этого поста, а в апреле 1944 и с поста командующего вооруженными силами комитета (был им с ноября 1943). В 1948 назначен вице-председателем Высшего совета обороны Франции.

Захаров Георгий Федорович [5.5.1897, село Шилово, ныне Саратовской области — 26.1.1957], советский генерал армии (1944). Призван в армию 1915, окончил школу прапорщиков (1916). Участник 1-й Мировой войны, подпоручик. С августа 1919 в Красной Армии, участник Гражданской войны. Окончил Военную академию имени Фрунзе (1933) и Военную академию Генштаба (1939). В 1939—1941 начальник штаба Уральского военного округа. В августе 1941 — мае 1942 начальник штаба 22-й армии, начальник штаба Брянского фронта, заместитель командующего Западным фронтом, в мае-июле 1942 начальник штаба Северо-Кавказского направления и Северо-Кавказского фронта, в августе 1942 — феврале 1943 начальник штаба и заместитель командующего Юго-Восточного, Сталинградского и Южного фронтов, в феврале-июле 1943 командующий 51-й армией, в июле 1943 — июне 1944 командующий 2-й гвардейской армией, в июне-ноябре 1944 командующий 2-м Белорусским фронтом, в ноябре 1944 — марте 1945 командующий 4-й гвардейской армией и с апреля 1945 заместитель командующего войсками 4-го Украинского фронта. После войны на командных должностях.

Иден (Eden) Антони, лорд Эйвон (Avon) [12.6.1897, Уиндлстон, Дарем — 14.1.1977], государственный деятель Великобритании, один из лидеров Консервативной партии. Участник 1-й Мировой войны, офицер пехоты. В 1923—1957 член палаты общин от Консервативной партии. В 1935—1938 министр иностранных дел, оставил этот пост из-за разногласий с Чемберленом. В 1939—1940 министр по делам доминионов, в 1940—1945 министр иностранных дел в коалиционном кабинете Черчилля, участвовал в работе международных конференций. В апреле 1955 — январе 1957 премьер-министр. Подал в отставку после провала войны 1956 в Египте (англо-франко-израильская агрессия).

Йодль (Jodl) Альфред [10.5.1890, Вюрцбург — 16.10.1946, Нюрнберг], немецкий генерал-полковник (1944). Участник 1-й Мировой войны, затем служил на штабных должностях в рейхсвере, был начальником отдела обороны страны. С августа 1939 по май 1945 начальник штаба ОКВ. 7 мая 1945 по поручению Деница подписал общую капитуляцию Германии. Был привлечен к суду как военный преступник, 1 октября 1946 приговорен международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни и повешен.

Кавальеро Уго, граф [20.10.1880, Кассале-Монферрато — 12.10.1943, Рим], итальянский маршал (1942). Участник 1-й Мировой войны, в 1917 получил звание бригадного генерала. Возглавил итальянскую делегацию на переговорах в Версале. В отставке с 1920, после прихода Муссолини к власти (1922) занял пост внешнего секретаря военного министерства. Вернулся в армию в 1937, назначен главнокомандующим итальянскими войсками в Восточной Африке. Затем председатель координационного комитета Итало-Германского пакта в Берлине. В 1940 заменил Бадольо на посту начальника штаба. В отставке с 4.2.1943. Застрелился.

Канарис (Canaris) Фридрих Вильгельм [1.1.1887, Аплербек, близ Дортунда — 9.4.1945, лагерь Флоссенбюрг], немецкий адмирал (1940). На флоте с 1905. Во время 1-й Мировой войны служил на крейсере «Дрезден»,

после потопления которого был (1915) был интернирован в Чили. В 1916 заслан немецкой разведкой в Испанию. После ноябрьской революции 1918 в Германии — адъютант военного министра Г. Носке. Участник «Канновского путча» (1920). Затем служил на флоте. С 1935 начальник военной разведки и контрразведки («абвера») при военном министерстве, а с 1938 при верховном командовании вооруженными силами. Создал широкую шпионскую сеть. В феврале 1944 уволен в отставку. Принял участие в заговоре генералов против Гитлера (1944), был арестован и повешен.

Каннингхем (Cunningham) сэра Алан Гордон [1.5.1887, Дублин — 30.1.1983, Роял Тунибридж Уэллс, Кент], британский генерал (1945). В армии с 1906. С ноября 1940 принял командование британскими войсками в Кении. В феврале 1941 он предпринял рейд против итальянского Сомали и захватил порты Кисимайо и Могадишо, оттеснив итальянцев в горы, а 6 апреля 1941 вошел в столицу Эфиопии Адис-Абебу. 20 мая 1941, совместно с генералом Платтом, двигавшимся с севера, принял капитуляцию итальянских войск у Амба Алаги. В августе 1941 принял командование 8-й армией в Египте. Несудачи в ноябрьском наступлении привели к оставлению Каннингхемом командования и возвращению в Англию. Произведен в рыцари 1941. После войны главный комиссар в Палестине (1945—1948).

Карлайл (Carlyle) Томас [4.12.1795, Эклфехан — 5.2.1881, Лондон], английский публицист, историк, философ. Окончил Эдинбургский университет (1814). Развивал историческую концепцию «культы героев», согласно которой единственные творцы истории это «избранные», «герои», а массы лишь орудие в их руках. Полное собрание сочинений Карлайла составляет 30 томов, еще два тома переписки вышли в 1898—1905 годах в Лондоне.

Квислинг (Quisling) Видкун [18.7.1887, село Фюресдал, Телсмарк — 24.10.1945, Осло], лидер норвежских фашистов. Получил военное образование, майор норвежской армии. В апреле-декабре 1918 военный атташе в Петрограде, а с октября 1920 до мая 1921 в Хельсинки. В 1931—1933 военный министр. В мае 1933 организовал партию «Национальное объединение». Содействовал оккупации Норвегии во время Норвежской кампании 1940. 1.2.1942 стал премьер-министром марионеточного правительства Норвегии. После освобождения Норвегии расстрелян по приговору норвежского суда.

Кейес (Keyes) Роджер Джон Браунлоу, баронет Эссбридже и Дувра [4.10.1872, форт Тундиани, Индия — 26.12.1945, Букингем, Букингемшир], британский адмирал флота (1930). На флоте с 1885, участник подавления Ихтуаньского восстания 1900 в Китае. Участник 1-й Мировой войны, в 1915 возглавлял штаб сил, принимавших участие в Дарданелльской операции. С 1917 начальник планирования Адмиралтейства. В 1934—1943 член парламента.

Кейтель (Keitel) Вильгельм [22.9.1882, Хельмшпероде — 16.10.1946, Нюрнберг], немецкий генерал-фельдмаршал (1940). В армии с 1901, участник 1-й Мировой войны, позднее служил в рейхсвере. В 1935—1938 начальник военно-политического отдела военного министерства. С 4.2.1938 до 8.5.1945 главнокомандующий ОКВ. После покушения на Гитлера в 1944 входил в состав «офицерского суда». 8.5.1945 поднес акт о безоговорочной капитуляции Германии. На Нюрнбергском военном трибунале приговорен к смертной казни как военный преступник и повешен.

Кессельринг (Kesselring) Альберт [20.11.1885, Маркштетт — 16.7.1960, Бад-Наухейм], немецкий генерал-фельдмаршал (1940). В 1936—1937 началь-

ник генштаба ВВС. С февраля 1938 командовал 1-м воздушным флотом, участвовал в Польской кампании 1939. С 1940 командовал 2-м воздушным флотом во время Французской кампании, Битвы за Англию, а также в летней кампании 1941 против СССР. С декабря 1941 главнокомандующий немецкими войсками Юго-Запада (Средиземноморье), с марта по май 1945 главнокомандующий немецкими войсками Запада. В октябре 1947 как военный преступник приговорен британским военным трибуналом к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. В октябре 1952 освобожден. Был почетным членом реваншистских обществ в ФРГ.

Кимл (Kimmel) Хасбанд Эдуард [1882, Хендерсон, штат Кентукки — 14.5.1968], американский адмирал. Командующий американским Тихоокеанским флотом с февраля по декабрь 1941. После нападения японцев на Перл-Харбор отстранен от командования.

Кинг (King) Эрнст Джозеф [23.11.1878, Лорейн, штат Огайо — 25.6.1956, Портсмут, штат Нью-Хэмпшир], адмирал флота США (1944). Окончил военно-морское училище (1901), военный колледж (1933). В 1-ю Мировую командовал эсминцем, дивизионом эсминцев, был помощником начальника штаба Атлантического флота. После войны командовал дивизионом ПЛ, базой ПЛ, авианосцем «Лексингтон», был начальником бюро авионавтики. В 1936—1941 командовал разведывательной, а затем базовой авиацией ВМС США, был членом генерального совета морского министерства. С февраля 1941 командовал Атлантическим флотом. После нападения на Перл-Харбор назначен главнокомандующим ВМС США. 26.3.1942 — 15.12.1945, по указанию президента США, совмещал эту должность с должностью начальника морских операций. Являлся членом американского комитета начальников штабов и объединенного англо-американского штаба. По его решению было создано командование противолодочных сил: получившее наименование «10-й флот», которым также командовал Кинг. С ноября 1945 в отставке.

Кинкейд (Kinkeid) Томас Кассин [3.4.1888, Гановер, штат Нью-Шемпшир — 17.11.1972, Бетесда, Мэриленд], американский контр-адмирал. Окончил военно-морскую академию (1908). Был командиром крейсера «Индианаполис», после чего послан военно-морским атташе в Рим и Белград. В начале 1941 командовал соединением крейсеров на Тихом океане, сменил адмирала Флетчера на посту командующего авианосным соединением (1942). Командующий 7-м флотом, силами северной части Тихоокеанского района (1943). После войны на штабных должностях.

Кларк (Clark) Марк Уэйл [1.5.1896, Мадисон-Барракс, Нью-Йорк — 17.4.1984, Чарльстон, Южная Каролина], американский генерал (1945). Окончил Военную академию (1917), участвовал в 1-й Мировой войне, служил в американском генштабе. С июля 1942 командовал американскими войсками в Европе, успешно осуществил секретную миссию по установлению контактов с французским командованием с Северной Африке накануне высадки союзников, а 22 ноября 1942 подписал соглашение с французским адмиралом Ж. Дарланом. С января 1943 по декабрь 1944 командовал 5-й американской армией в Северной Африке и Италии, с декабря 1944 до конца войны — 15-й группой армий в Италии. В 1945—1947 командующий американскими войсками в Австрии. В 1962—1953 командовал войсками ООН в Корее во время Корейской войны. С 60-х начальник военного колледжа в Южной Каролине.

Клаузевиц (Clausewitz) Карл [1.6.1780, Бург, около Магдебурга — 16.11.1831, Бреслау, ныне Вроцлав, Польша], немецкий военный теоретик

и историк, прусский генерал. С 1792 в прусской армии. Окончил Воеводское военное училище в Берлине (1803), до 1803 адъютант принца Августа Прусского, участвовал в войне с Францией (1806—1807). В 1808—1809 начальник кабинета председателей Военно-реорганизационного комитета генерала Б. Шарнхорста, принимал активное участие в подготовке реорганизации армии. В 1810—1812 преподавал в Офицерском военном училище, написал «Обзор военного обучения (Важнейшие принципы войны)». Весной 1812 уехал из Пруссии и поступил на службу в русскую армию. Во время Отечественной войны 1812 был квартирмейстером кавалерийского корпуса П. П. Палена, затем Ф. П. Уварова, с октября 1812 в штабе корпуса (затем армии) П. Х. Витгенштейна. В 1813 офицер связи при прусской армии Г. Блюхера, с августа 1813 начальник штаба корпуса Л. Вальмодеи. В апреле 1814 вернулся на прусскую службу, был начальником штаба корпуса. В 1818—1830 директор Воеводского военного училища. В 1830 назначен инспектором артиллерии, в 1831 начальник штаба прусской армии на польской границе. Умер от холеры. Клаузевиц впервые применил диалектический принцип в военной теории, рассматривая явления военного искусства в их взаимосвязи и развитии. Глубоко изучил свыше 130 походов и войн с 1566 по 1815 и написал ряд военно-исторических работ. Главным трудом Клаузевица является трехтомное исследование «О войне», где изложены взгляды автора на природу и сущность войны, формы и способы ее ведения. Центральное место среди достижений Клаузевица занимает положение: «Война есть продолжение политики иными средствами». Им были сформулированы принципы полного напряжения всех сил, концентрации усилий на основном направлении, быстроты и внезапности действий, энергичного использования достигнутого успеха. Умело применяя диалектический метод, Клаузевиц верно разрешил такие проблемы, как соотношение наступления и обороны, значение морального духа армии. Большое значение Клаузевиц придавал материальному, географическому и моральному факторам, роли полководца и др.

Клейст (Kleist) Пауль Людвиг (Эвальд) фон [8.8.1881, Браунфельс-на-Лане — 15.10.1954, концлагерь на территории СССР], немецкий генерал-фельдмаршал (1943). В армии с 1900, окончил академию генштаба (1913), участник 1-й Мировой войны. Затем служил в рейхсвере в кавалерии. Во время 2-й Мировой войны последовательно командовал танковой дивизией, группой, армией, а с 22 ноября 1942 группой армий «А». В 1944 уволен в отставку за поражения и несогласие с позицией Гитлера. В конце войны взят в плен англичанами и в 1946 как военный преступник передан Югославии, а затем СССР. Остаток жизни провел в концлагере.

Клемансо (Clemenceau) Жорж [28.9.1841, Муиро-на-Пере — 24.11.1929, Париж], французский политический и государственный деятель. Врач. Член Французской академии (1918). В период Второй империи участвовал в радикально-республиканском движении. После ряда поражений Франции в войне с Пруссией (1870—1871) выступал за ее продолжение; как депутат Национального собрания голосовал против Франкфуртского мирного договора 1871 года. В дни Парижской Коммуны 1871 пытался примирить коммунаров с «версальцами». С начала 80-х Клемансо лидер буржуазных радикалов. Выдвинул план демократических реформ (1879). Будучи явным сторонником реваншистской войны против Германии, Клемансо выступил в 80-х годах с резким осуждением французских правящих кругов за политику колониальной экспансии, ослаблявшую, по его мнению, положение Франции в Европе. Эти выступления, способствовавшие паде-

пию кабинетов Гамбетты, Ферри, Бриссона, создали ему репутацию «сокрушителя министерств». За темпераментные и резкие выступления в парламенте получил прозвище «Тигр». Косвенно замешанный в Панамской афере, Клемансо не был избран в 1893 в парламент. Активно защищал А. Дрейфуса. В 1902 и 1909 избирался в сенат. В марте-октябре 1906 министр внутренних дел. В октябре 1906 — июле 1909 председатель Совета министров. С началом 1-й Мировой войны требовал ее продолжения до победного конца, не считаясь ни с какими жертвами. В ноябре 1917 стал председателем Совета министров и одновременно военным министром. Являясь председателем Парижской мирной конференции 1919—1920, главой французской делегации на ней, одним из авторов Версальского мирного договора 1919, добился усиления позиций Франции в Европе. Потерпев поражение на президентских выборах 1920, отошел от активной политической жизни.

Клюге (Kluge) Ханс Гюнтер [30.9.1882, Позен, ныне Познань — 19.8.1944, около Мена], немецкий генерал-фельдмаршал (1940). На службе с 1901. Окончил Военную академию (1912). Участник 1-й Мировой войны на штабных должностях, после войны — в рейхсвере. В 1933—1939 начальник войск связи, командующий военным округом, командир армейского корпуса. Участвовал в аншлюсе Австрии и оккупации Чехословакии. С 1939 командовал 4-й полевой армией, принимавшей участие в Польской кампании 1939, Французской кампании 1940 и кампании 1941 в СССР. В битве под Москвой 4-я армия потерпела поражение. С 19 декабря 1941 командовал группой армий «Центр», с варварской жестокостью относился к военнопленным и населению оккупированной советской территории. С ноября 1943 в резерве ставки, с июля по август 1944 командующий группой армий «Д». Был связан с участниками заговора против Гитлера, но в решающий момент не поддержал их. Покончил жизнь самоубийством.

Кора Минэйти [9.1885—4.1944], японский адмирал. Окончил военно-морское училище (1906), военно-морскую академию (1917). Был офицером в штабе эскадры, военно-морским аташе при японском посольстве во Франции, командиром крейсера «Аоба», затем линкора «Исе», учебной эскадры, заместителем начальника военно-морского генштаба, командующим военно-морским районом Йокосука. С апреля 1943 главнокомандующим Объединенным флотом Японии. Погиб в авиационной катастрофе.

Койсо Куниаки [1.4.1880, Уцуномия — 3.11.1950, Токио], японский генерал и государственный деятель. Окончил Военную академию (1900), военный колледж, участник русско-японской войны 1904—1905. В 1930 стал начальником Бюро военных отношений, а с 1932 вице-министр обороны. Затем командовал 5-й дивизией и был начальником штаба военных операций в Китае. С 1935 по 1938 главнокомандующий в Корее. В 1939—1940 министр заморских отношений. Затем генерал-губернатор Кореи. После падения кабинета Тодзио, назначен премьер-министром. Обвинен на Токийском трибунале и осужден.

Коленкур (Caulaincourt) Арман Огюстен Луи [9.12.1773, Коленкур — 19.2.1827, Париж], маркиз, французский государственный деятель. Один из немногих представителей старой аристократии, ставших приверженцами Наполеона. Пользуясь доверием Наполеона, выполнил ряд наиболее сложных политических и дипломатических поручений. В 1801 был послан с почетной миссией в Петербург. В 1808 получил от Наполеона титул герцога Виченского. В 1807—1811 французский посол в России, выступал за развитее франко-русских союзных отношений, пытался отговорить императора от вторжения в Россию. В походе 1812 неотлучно находился при Наполео-

ис. В период «Ста дней» министр иностранных дел. После реставрации Бурбонов отстранен от государственной деятельности. Автор апологетических по отношению к Наполеону мемуаров, представляющих ценность благодаря большому фактическому материалу.

Коллинз (Collins) Джеймс Лаутон [1882 — 1963], американский генерал-майор. Возглавлял 25 дивизию в боях за Гудалканал (1942), затем командовал войсками союзников при высадке в Нормандии и последующем наступлении (1944 — 1945).

Кондо Нобутаке [1856 — 1953], японский вице-адмирал. Командовал японским соединением в операции по вытеснению английского флота из Индийского океана (апрель 1942), затем десантным соединением, предназначенным для захвата Алеутских островов. В бою 15.11.1942 у о. Гудалканал соединение под его командованием потерпело поражение.

Конев Иван Степанович [28.12.1897, деревня Лодсипо, Кировской области — 21.5.1973, Москва], советский военачальник, Маршал Советского Союза (20.2.1944), дважды Герой Советского Союза, Герой ЧССР и Герой МНР. Член КПСС с 1918. В 1916 призван в армию, участник 1-й Мировой войны и Гражданской войны 1918 — 1920. В 1921 участвовал в ликвидации Крошштадтского мятежа. Окончил курсы высшего начсостава при Военной академии (1926). Командовал полком (до 1930), затем дивизией (до 1932). Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1934). В 1934 — 1940 командир стрелковой дивизии, корпуса, командующий 2-й отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией. В 1940 — 1941 командовал войсками Забайкальского и Северо-Кавказского военных округов. В 1941 командовал 19-й армией, затем был командующим фронтов Западного (9.41 — 10.10.41 и 8.42 — 2.43), Калининского (17.10.41 — 8.43), Северо-западного (3.43 — 6.43), Степного (7.43 — 4.44), 1-го Украинского (5.44 — 5.45). В 1945 — 1946 командующий центральной группой войск и верховный комиссар по Австрии. В 1946 — 1950 главнокомандующий Сухопутными войсками и замминистра Вооруженных Сил СССР. В 1950 — 1951 главный инспектор Советской Армии, в 1951 — 1955 командующий войсками Прикарпатского военного округа, в 1955 — 1956 1-й замминистра обороны и одновременно главнокомандующий Сухопутными войсками. С мая 1955 по июнь 1960 одновременно был главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора. 1961 — 1962 главнокомандующий Группой советских войск в Германии, с апреля 1962 генеральный инспектор группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Коноэ Фумимаро, князь [12.10.1891, Киото — 16.12.1945, Токио], японский государственный деятель. В 1933 — 1937 председатель палаты пэров. С июня 1937 по январь 1939 и с июля 1940 по октябрь 1941 премьер-министр. После роспуска политических партий (1940) был организатором и первым президентом Ассоциации помощи трону. В сентябре 1940 правительство Коноэ подписало Берлинский пакт с Германией и Италией. После капитуляции Японии (1945) покончил жизнь самоубийством.

Криппс (Cripps) Ричард Стаффорд [24.4.1889, Лондон — 21.4.1952, Цюрих], английский государственный деятель, лейборист. В 1931 — 1950 член палаты общин. В 1934 — 1935 член исполкома лейбористской партии. Выступал за единый фронт всех левых, включая коммунистов, за что в январе 1939 был исключен из лейбористской партии. В мае 1940 — январе 1942 назначен послом в СССР. От имени Великобритании подписал соглашение с СССР о совместных действиях против Германии (июль 1941).

В марте 1942 возглавлял специальную английскую миссию в Индии. Был лидером палаты общин (1942), затем министром авиационной промышленности в правительстве Черчилля (1942—1945). В марте 1945 был восстановлен в Лейбористской партии. Занимал посты министра торговли (1945—1947), министра экономики (1947), министра финансов (1947—1950) в лейбористском правительстве Эттли.

Крувел (Cruwell) Людвиг [1892 — 1953], немецкий генерал. Участник 1-й Мировой войны, затем служил в Рейхсвере. Произведен в генерал-майоры в декабре 1939, командовал танковой дивизией. В 1941 назначен командиром Африканского корпуса. В 1942 сбит и захвачен в плен англичанами во время разведывательного полета.

Крюгер (Krugger) Уолтер [26.1.1881, Флатов, ныне Златов, Польша — 20.8.1967, Валлей-Форж], американский генерал. В США с 1889, участник Испано-американской войны 1898, был произведен в младшие лейтенанты (1901). В 1-й Мировой войне командовал американским танковым корпусом, после войны на преподавательских и штабных должностях. С мая 1941 по январь 1943 начальник Обороны Южного сектора. В начале 1943 Крюгер назначен командующим 6-й Американской армией в Австралии и Новой Гвинее. Ушел в отставку в июле 1946, оставил мемуары: "From Down Under to Nippon".

Курибаяси Годомичи [1885 — 23.3.1945], японский генерал. Главкомандующий японскими войсками на Иво Дзиме, оборудовал оборонительную позицию для 23000 солдат. 23 мая оставил руководство оставшимися войсками, отправился на передовую, где и был убит.

Курита Такэо, японский вице-адмирал.

Кюхлер (Kuchler) Георг фон [30.5.1881, Гермерсгейм — 1969], германский генерал-фельдмаршал (30.6.1942). В армии с 1900. Произведен в оберлейтенанты в 1910, в 1910—1913 учился в академии Генерального штаба. Участвовал в 1-й Мировой войне, затем в рейхсвере. В 1934 произведен в генерал-майоры. С 1937 командующий 1-м воздушным округом. Во время Польской кампании 1939 командовал 3-й армией, во Французской кампании 1940 и кампании 1941 в России — 18-й армией. С 17.1.1942 командующий группой армий «Север». 31.1.1944 уволен в отставку. Приговорен Нюрнбергским трибуналом к 25 годам заключения. Освобожден в феврале 1955.

Лаваль (Laval) Пьер [28.6.1883, Шательдон — 15.10.1945, Париж], французский государственный деятель. В 1914—1919 и 1924—1927 депутат парламента. В 1927—1940 сенатор. Неоднократно входил в правительство. В январе 1931 — январе 1932 и в июне 1935 — январе 1936 премьер-министр, с октября 1934 по июнь 1935 министр иностранных дел. После поражения Франции занял пост премьер-министра в правительстве Петена (23.6.1940), с 12.7.1940 по 13.12.1940 заместитель главы правительства. В апреле 1942 — августе 1944 премьер-министр правительства «Виши». При освобождении Франции (1944) бежал из страны, был арестован в Австрии, в американской зоне оккупации, и в августе 1945 был выдан французским властям. На суде приговорен к смертной казни как изменник. Расстрелян.

Леги (Leahy) Вильям Даниел [6.5.1875, Хэмптон, штат Айова — 20.7.1959, Бетесда, штат Мэриленд], адмирал флота США (1944). Окончил военно-морское училище (1897) и в звании гардемарина был направлен на линкор «Орегон», участвовал в Испано-американской войне 1898. В 1899 назначен в ВМБ на Филиппинах, участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания 1898—1901, участвовал в оккупации Никарагуа (1912) и Гаити

(1915). В 1-й Мировую войну командовал морским транспортом. После войны возглавлял управление вооружения, затем навигации ВМС, а 2.1.1937 – 1.8.1939 был начальником штаба ВМС США. В 1939 вышел в отставку и стал губернатором Пуэрто-Рико. С декабря 1940 посол США при французском правительством Виши. С июля 1942 начальник вновь созданного штаба при верховном главнокомандующем вооруженными силами – президенте США, одновременно возглавлял Комитет начальников штабов. С 1948 в отставке. В 1950 изданы материалы, отличающиеся некритическим подходом к роли США во 2-й Мировой войне.

Леоб (Leob) Вильгельм Йозеф Франц [5.9.1876, Ландсберг-ам-Лех – 29.4.1956, Хоэшвангау], немецкий генерал-фельдмаршал (1940). В армии с 1895, окончил Баварскую военную академию (1903). Участник 1-й Мировой войны, с 1919 в рейхсвере. В 1930–1933 командующий войсками военного округа, в 1933–1938 2-й армейской группой (в Касселе). При смене неугодного Гитлеру командования в феврале 1938 уволен в отставку, но в июле 1938 назначен командующим 12-й армией, которая осенью 1938 оккупировала Судетскую область. В 1939–1940 командующий группой армий «С» во время Французской кампании. В начале кампании против СССР 1941 командовал группой армий «Север». За провал наступления на Ленинград и резкие разногласия с Гитлером (предложил отступить от Ленинграда) 16 января 1942 уволен в отставку.

Лентейн (Lentaigne) Уолтер [1899–1955], британский генерал. Командир 111-й индийской пехотной бригады. После смерти генерала Уингейта в марте 1944 возглавил силы «чиндитов».

Леопольд III (Leopold) [3.11.1901, Брюссель – 25.9.1983], король Бельгии (1934–1951) из Саксен-Кобургской династии. 28.5.1940 подписал акт о капитуляции перед Германией. В 1944 вывезен гитлеровцами из страны (с 1945 находился в Швейцарии). В июле 1945 бельгийский парламент принял закон, запрещающий ему возвращение в страну без специального разрешения. На референдуме 12.3.1950 большинство населения высказалось за возвращение Леопольда III в Бельгию. Приезд короля в Брюссель вызвал всеобщую забастовку. 1 августа 1950 Леопольд III заявил о передаче трона сыну Бодуэну I. В июле 1951 отрекся от престола.

Лимей (LeMay) Кертис Эмерсон [15.11.1906, Колумбус, Огайо – 1.10.1970, база Марш Эйр, Калифорния], американский генерал (1951). В авиации с 1929. В 1942 командовал бомбардировочной группой. В 1942–1944 действовал в составе 8-го воздушного флота (в Англии). В 1944 командовал бомбардировщиками В-29 в Индии и Китае, а с января 1945 возглавлял 21-е командование бомбардировочной авиации на Марианских островах. После войны командовал американскими ВВС в Европе. С 1948 по 1957 возглавлял командование стратегической авиации США. В 1957 вице-шэф штаба, а с 1959 начальник штаба ВВС США. В отставке с 1965.

Ли-Мэллори (Leigh-Mallory) Траффорд [11.7.1892, Мобберли, Чешир – 14.11.1944, близ Гренобля], главный маршал авиации (1943) Великобритании. Окончил Кембриджский университет (1914). Участник 1-й Мировой войны, с 1916 в авиации. В годы 2-й Мировой войны командовал истребительной авиационной группой (до 1942). С ноября 1942 командовал истребительной авиацией британских ВВС, с 1943 командующий союзными ВВС в Северо-Западной Европе, обеспечивавших в 1944 высадку в Нормандии. В октябре 1944 назначен командующим объединенными союзными ВВС в Юго-Восточной Азии. Погиб при авиационной катастрофе.

Лис (Lcese) Оливер Уильям Наргривз, барон (1937) [1894 — 1978], британский генерал. Служил в экспедиционном корпусе во Франции (1940), затем возглавлял 30-й корпус 8-й армии в Северной Африке, а затем командовал и всей 8-й армией. В 1944—1945 главнокомандующий сухопутными силами союзников в Юго-Восточной Азии.

Лист (List) Вильгельм [14.5.1880, Оберкирхберг, Вюртемберг — 18.6.1971], немецкий генерал-фельдмаршал (1940). В армии с 1898. Окончил Военную академию (1912), участник 1-й Мировой войны, затем служил в рейхсвере. В 1938 командовал армейской группой при оккупации Судетской области. В Польской кампании 1939 командовал 14-й армией, в Французской кампании 1940, Балканской кампании 1941 командовал 12-й армией, затем командовал оккупационными войсками на Балканах. С июня по сентябрь 1942 командующий группой армий «А», наступавшей на Кавказ. За разногласия с Гитлером уволен в отставку. В 1948 приговорен военным трибуналом в Нюрнберге к пожизненному заключению за военные преступления в Югославии и Греции. В 1952 освобожден американскими властями.

Ллойд-Джорж (Lloyd George) Давид [17.1.1863, Манчестер — 26.3.1945, Лланистамдвн, Карнарвоншир], государственный деятель Великобритании, лидер Либеральной партии. Занимался юридической практикой. В 1890 впервые избран в парламент. Объявил себя радикалом и сторонником широких реформ. После прихода к власти либералов, Ллойд-Джорж в 1905—1908 министр торговли и в 1908—1915 министр финансов. В 1909 провел налог на земли лендлордов и увеличил ассигнации на военно-морское вооружение. Во время 1-й Мировой войны выступал за ведение войны до победного конца. В 1916 добился падения либерального правительства Асквита и возглавил коалиционное правительство (премьер-министр до октября 1922). Ллойд-Джорж один из главных участников Парижской мирной конференции 1919—1920 и творец Версальского мирного договора 1919. Упадок Либеральной партии привел к падению политической роли Ллойд-Джоржа, хотя он сохранял до конца жизни известное влияние в стране. В 1945 получил титул графа.

Лютвиц (Luttwitz) Дипольд Георг Генрих фор, барон [6.12.1896, Крумпбах, Восточная Пруссия — 9.10.1969, Нойбург], немецкий генерал танковых войск (9.11.1944). Участник 1-й Мировой войны, лейтенант, с 1919 в рейхсвере. Окончил штабные курсы (1929). Руководитель немецкой конно-спортивной команды (1936). 8.7.1942 командир 20-й стрелковой бригады. 10.10.1942 исполняющий обязанности командира 20-й танковой дивизии. 1.12.1942 произведен в генерал-майоры. С 4.5.1943 в составе специального штаба по подготовке повой бронетанковой техники. В резерве с 25.9.1943 по 1.1.1944. С 1.2.1944 командовал 2-й танковой дивизией, а с 2.8.1944 и 352-й пехотной дивизией. С 3.9.1943 командир 67-го танкового корпуса. Сдался в плен американцам. Освобожден в 1946.

Лютенс Гюнтер [25.5.1889, Висбаден — 27.5.1941, в Северной Атлантике], немецкий адмирал (1.9.1940). На флоте с 1907. Участник 1-й Мировой войны. В 1929—1931 командовал 1-й флотилией торпедных катеров. В 1932—1934 глава управления личного состава корпуса морских офицеров. В 1935 командовал крейсером «Карлсруэ». После начальник штаба военно-морского района Северного моря. С 16.5.1936 начальник управления личного состава Кригсмарине. С 1938 командующий разведывательными силами, в 1939 произведен в контр-адмиралы. 18.6.1940 назначен командующим

флотом. 18.5.1941 вышел в рейд на «Бисмарке». Погиб с этим кораблем в Атлантике.

Макартур (McArthur) Дуглас [26.1.1880, Лилт-Рок, Арканзас — 5.4.1964, Вашингтон], американский генерал армии (1944). В 1903 окончил военную академию США в Уэст-Пойнте. Участник 1-й Мировой войны. В 1930—1935 начальник штаба американской армии, в 1932 учинил расправу над участниками похода безработных ветеранов войны в Вашингтоне. В 1935—1937 военный советник на Филиппинах, в 1936—1937 фельдмаршал Филиппинской армии. В 1941 назначен главнокомандующим американскими силами на Дальнем Востоке. В 1942—1951 верховный командующий союзными войсками в юго-западной части Тихого океана. В 1945—1951 командующий оккупационными войсками в Японии. В июле 1950 — апреле 1951 руководил операциями сил США и союзников в войне против Кореи. В апреле 1951 в результате неудач американских войск был смещен президентом Г. Трумэнem со всех командных постов. В 1952 начал деятельность в крупном бизнесе.

Маккейн (McCain) Джон Сидней [9.8.1884, Теок, Миссури — 6.9.1945], американский вице-адмирал (1943). Окончил Военную академию (1906). Участвовал в оккупации Вера-Крус. С 1937 по 39 командовал АВ Рейнджер. С 1939 командовал соединением авиации берегового базирования. Командовал им при операции по захвату острова Гуадалканал. С октября 1942 начальник Бюро авионавтики, в 1944—1945 командовал 38 оперативным соединением.

Маколиф (McAuliffe) Антони Клемент [2.7.1898, округ Вашингтон — 11.8.1975, Вашингтон], американский генерал армии. Окончил военную академию в Уэст-Пойнте (1919), служил в артиллерии. Во время вторжения в Нормандию (июнь 1944) был начальником артиллерии 101 воздушно-десантной дивизии. Командовал дивизией во время Арденнской операции. В отставке с мая 1956.

Малиновский Родион Яковлевич [23.11.1898, Одесса — 31.3.1967, Москва], Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза, Народный Герой Югославии. В армии с 1914, в феврале 1916 отправлен во Францию в составе русского экспедиционного корпуса. По возвращении в 1919 вступил в Красную Армию и в составе 27-й стрелковой дивизии участвовал в Гражданской войне. Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1930). В 1937—1938 участвовал в Гражданской войне в Испании. В начале Отечественной войны 1941—1945 командовал корпусом, армией, фронтом. С июня 1945 командующий войсками Забайкальского округа, нанесяшими главный удар в Манчжурии. После войны — командующий войсками Забайкальского округа (1945—1947), главнокомандующий войсками Дальнего Востока (1947—1953), командующий войсками Дальневосточного военного округа (1953—1956), 1-й заместителя обороны и главнокомандующий (1956—1957). С октября 1957 по март 1967 министр обороны СССР.

Мантейфель (Manteuffel) Хассо-Эккарт фон [14.1.1897, Потсдам — 24.9.1978, Тироль], немецкий генерал танковых войск (1944). В армии с 1916, участник 1-й Мировой войны, затем в рейхсвере. В 1940—1941 командир танковой дивизии в войсках Роммеля, действовавших в Северной Африке. В 1941—1944, командуя 7-й танковой дивизией и дивизией СС «Великая Германия», участвовал в боевых действиях юд Москвой, Киевом, Житомиром, Яссами. Был одним из наиболее преданных Гитлеру генералов, отличался жестокостью, проводил тактику «выжженной земли». В сентябре

1944 был назначен командующим 5-й танковой армией, действовавшей на направлении главного удара в Арденнской операции. С марта 1945 командующий 3-й танковой армией. Видя близкий крах Германии, решил пробиться на Запад, и 30 апреля с остатками своей армии сдался американцам. После окончания войны находился в плену. Вернувшись из плена, поселился в ФРГ. В 1953 избирался депутатом рейхстага.

Манштейн (Manstein) Эрих фон Левински (Lewinski) [24.11.1887, Берлин — 10.6.1973, Мюнхен], немецкий генерал-фельдмаршал (1942). В армии с 1906, окончил Военную академию (1914). Участник 1-й Мировой войны, после которой служил в рейхсвере. В 1935—1938 начальник оперативного управления и 1-й обер-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск. В 1939 — феврале 1940 начальник штаба группы армий «Юг», а затем группы армий «А», во время Французской кампании 1940 командовал 38-м корпусом. В 1941 командир 56-го танкового корпуса, участвовал в наступлении на Ленинград. С сентября 1941 по июль 1942 командовал 11-й армией при захвате Крыма и в период боев за Севастополь, а с августа 1942 осуществлял руководство боевыми действиями под Ленинградом. С ноября 1942 до февраля 1943 командовал группой армий «Дон», руководил неудачной операцией по деблокаде окруженной под Сталинградом группировки. В феврале 1943 — марте 1944 командовал группой армий «Юг». Отстранен от должности за неудачи и зачислен в резерв. В 1950 как военный преступник приговорен британским военным трибуналом к 18 годам тюрьмы, в 1953 освобожден. Автор мемуаров «Утраченные победы» (1955) и «Из солдатской жизни. 1887—1939» (1958), в которых пытается оправдать немецких генералов и войска, обвинив в поражении Германии «дилетанта» Гитлера.

Маршалл (Marshall) Джордж Кэтлетт [31.12.1880, Юнионтаун, штат Пенсильвания — 16.10.1959, Вашингтон], генерал армии США (1944). В 1901 окончил Вирджинский военный колледж и с 1902 служил офицером американской армии на Филиппинах. В 1917—1918 участвовал в 1-й Мировой войне в качестве начальника оперативного отдела 1-й американской армии и начальника штаба 8-го американского корпуса во Франции. В 1919—1924 адъютант генерала Д. Першинга. В 1924—1927 служил в 15-м американском пехотном полку, находившемся в Китае. В 1927—1932 заместитель начальника школы пехоты в Форт-Беннинг (США). В 1939 назначен начальником штаба армии США, на этом посту оставался в течение всей 2-й Мировой войны. В 1945—1947 личный представитель президента Трумэна в Китае при правительстве Чан Кайши. С 1947 по 1949 был государственным секретарем США, в 1950—1951 министр обороны. После 1952 отошел от активной политической жизни.

Маслеников Иван Иванович [16.9.1900, станица Чалыкля, ныне Саратовской области — 16.4.1954, Москва], советский генерал армии (1944), Герой Советского Союза. В Красной Армии с 1918, участник Гражданской войны. Окончил Военную академию имени Фрунзе (1935) и Высшие академические курсы (1948). Во Второй Мировой войне командовал 29-й и 39-й армиями Западного и Калининского фронтов (1941—1942), Северной группой войск и Северо-Кавказским фронтом (1942—1943), был заместителем командующего Волховским, Юго-Западным, 3-м Украинским и Ленинградским фронтами, командовал 42-й армией (1943—1944), 3-м Прибалтийским фронтом (1944), был заместителем Главкома на Дальнем Востоке (1945). После войны командовал войсками Бакинского и Закавказского военных округов (1945—1947), с июня 1948 — в Министерстве внутренних дел.

Маунтбаттен (Mountbatten) Луис, Эрл Бирмы, барон Рамсей (настоящее имя — Луис Франсис Альберт Виктор Николас, принц Баттенберг) [25.6.1900, Фрогмор Хауз, Виндзор — 27.8.1979, Донегал Бэй, Ирландия], британский государственный деятель, адмирал флота (1956). На флоте с 1913. С 1932 представитель во Франции и Германии. К началу Второй Мировой войны командовал эсминцем и флотилией эсминцев, с 1941 командир авианосца. В апреле 1942 назначен начальником штаба совместных операций. Затем главнокомандующий силами союзников в Юго-Восточной Азии (1943—1946). Вице-король Индии (март—август 1947) и генерал-губернатор Индии (август 1947 — июнь 1948). Четвертый морской лорд (1950—1952), начальник штаба Средиземноморского флота (1952—1954), первый морской лорд (1955—1959). Начальник штаба обороны Объединенного Королевства и председатель комитета начальников штаба (1959—1965). Губернатор (1965) и лорд-лейтенант (1974) острова Уайт. Убит террористом Ирландской республиканской армии.

Мерецков Кирилл Афанасьевич [7.6.1897, деревня Назарьево, ныне Московской области — 30.12.1968, Москва], Маршал Советского Союза (26.10.1944), Герой Советского Союза. В Красной Армии с 1918, участник Гражданской войны. Окончил Военную академию РККА. В 1936—1937 участвовал в гражданской войне в Испании, во время Финской кампании 1939—1940 командовал 7-й армией. С августа 1940 начальник Генштаба, с января 1941 заместитель наркома обороны СССР. В июне-ноябре 1941 командовал 7-й, 4-й и 33-й армиями. С декабря 1941 по февраль 1944 командовал Волховским фронтом, в феврале-ноябре 1944 — Карельским фронтом, с апреля 1945 — Приморской группой войск. В августе 1945 командующий войсками 1-го Дальневосточного фронта. После войны командующий войсками Приморского, Московского, Беломорского и Северного военных округов. В 1955—1964 помощник министра обороны СССР по высшим учебным заведениям. С апреля 1965 генеральный инспектор Министерства обороны.

Мессе Джовани [10.12.1883, около Брундизи — 18.12.1968, Рим], итальянский маршал (12.5.1943) и политический деятель. Участник 1-й Мировой войны, затем служил в военном министерстве. Участвовал в оккупации Албании (1939), в Греческой кампании (1940). 17.7.1941 назначен командующим итальянским экспедиционным корпусом в России. В 1 ноября 1942 отозван в Италию и назначен командовать 30-м армейским корпусом, перебросившим в Тунис, с февраля 43 командовал 1-й итальянской армией в Тунисе. Сдался в плен, после капитуляции Италии в сентябре 1943 освобожден и назначен начальником итальянского Генштаба. После окончания войны вышел в отставку и занялся политикой. С 1951 по 1961 сенатор, затем возглавлял союз ветеранов войны.

Метаксас (Μεταχας) Иоаннис [12.4.1871, Итака — 29.1.1941, Афины], греческий государственный деятель, генерал (1916). Участник греко-турецкой войны (1897), затем проходил обучение в Германии. В Балканских войнах (1912—1913) назначен начальником генерального штаба. Участник 1-й Мировой войны. В 1917—1920 покинул Грецию в связи с изгнанием короля Константина. Участник греко-турецкой войны 1921—1922. С падением монархии в 1923 опять покинул Грецию, однако в 1928 вернулся по просьбе республиканского правительства. После реставрации монархии (1935) стал премьер-министром (13.4.1936), а с 4.8.1936 диктатором Греции.

Микава Гунъити, японский контр-адмирал. Командовал 8-м флотом в бою у Гуадалканала (август 1942).

Митшер (Mitscher) Марк Андре [26.1.1887, Хиллсборо, Висконсин — 3.12.1947, Норфолк, Вайоминг], американский адмирал (1946). Окончил Военно-морскую академию в Анаполисе (1910). В 1916 стал 33 пилотом США. В начале 2-й Мировой командовал авианосцем «Хорнет», который под его командованием принял участие в битве у Мидуэя (июнь 1942). В 1943 командовал TF 58 — оперативным соединением кораблей США на Тихом океане, возглавлял операции по захвату островов Трук и Каролинских, участвовал в битвах в Филиппинском море и в заливе Лейте, а также в операциях по захвату Иводзимы и Окинавы. До своей смерти в 1947 являлся главнокомандующим Атлантическим флотом.

Модель (Model) Вальтер [24.1.1891, Гентин, Восточная Пруссия — 21.4.1945, у Дуйсбурга], немецкий генерал-фельдмаршал (1944). В армии с 1909, участвовал в 1-й Мировой войне. С ноября 1940 командовал 3-й танковой дивизией, с которой участвовал в кампании 1941 против СССР. С октября 1941 командир 41-го танкового корпуса, с января 1942 по январь 1943 (с перерывами) командующий 9-й армией на Восточном фронте. В феврале-марте 1944 командовал группой армий «Север», в апреле-июне 1944 — группой армий «Северная Украина», в июне-августе 1944 — группой армий «Центр». Считался «мастером отступления», проводил тактику «выжженной земли», отличался особой жестокостью. В августе—сентябре 1944 командующий войсками Запада, а с сентября 1944 — группой армий «Б» (во Франции). В апреле 1945 войска Моделя были разгромлены в ходе Рурской операции 1945 и 18 апреля капитулировали, после чего Модель застрелился.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович [25.2.1890, Нолииск — 8.11.1988], политический деятель СССР. Член КПСС с 1906. В 1920 секретарь ЦК Украины, в 1921—1930 секретарь ЦК ВКП(б). В 1930—1941 председатель СНК СССР, одновременно с 1939 — нарком иностранных дел. В 1941—1957 1-й заместитель председателя СНК (затем Совета Министров), одновременно нарком иностранных дел (1941—1949, 1953—1957). С 1962 на пенсии.

Мольтке Старший (Moltke) Хельмут Карл Бернхард [26.10.1800, Пархим, Мекленбург — 24.4.1891, Берлин], прусский и германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1871). Окончил кадетский корпус в Копенгагене (1818), Берлинскую военную академию (1826). В 1819 начал военную службу офицером в датской армии, в 1822 перешел в прусскую армию. С начала 1827 начальник дивизионной школы. В 1828 причислен к генштабу, а в 1833 переведен в него, работал в топографическом бюро. В 1836—1939 военный советник в турецкой армии. По возвращении в Пруссию был назначен в штаб 4-го армейского корпуса. С 1848 начальник отделения генштаба, начальник штаба корпуса. В 1858—1888 начальник прусского (с 1871 имперского) генштаба, превратившийся под его руководством в основной орган подготовки страны и вооруженных сил к войнам, которые вела Пруссия, а затем Германия. При поддержке О. Бисмарка провел ряд мероприятий по усилению армии. В 1864 Мольтке был начальником штаба прусско-австрийских объединенных армий в войне с Данией. В войнах Пруссии с Австрией и ее союзниками (1866) и с Францией (1870—1871) Мольтке, занимая пост начальника полевого штаба, фактически был главнокомандующим всеми вооруженными силами. В 1867—1891 член рейхстага от консерваторов, с 1872 наследственный член прусской палаты господ.

Монтгомери Аламейнский (Montgomery of Alamein) Бернард Лоу [17.11.1887, Лондон — 24.3.1976, Альтон, Хэмпшир], британский фельд-

маршал (1944), викант (1946). Окончил военную академию в Сапдхерсте (1908). Участник 1-й Мировой войны. В кампании 1940, командуя 3-й пехотной дивизией, участвовал в боях в Бельгии и Франции. С августа 1942 командующий 8-й английской армией в Северной Африке, которая в боях под Эль-Аламейном (октябрь-ноябрь 1942) нанесла поражение итало-немецким войскам, а затем действовала в Сицилии и Италии. В 1944 командующий союзной группой армий, высадившейся в июне 1944 в Нормандии, с августа 1944 командующий 21-й группой армий, действовавшей в Бельгии, Нидерландах и Северной Германии. В 1945 главнокомандующий британскими оккупационными войсками в Германии. В 1946—1948 начальник имперского Генштаба, в 1948—1951 председатель комитета главнокомандующих Совета обороны Западного союза. В 1951—1958 1-й заместитель верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе. Кавалер всех высших орденов Великобритании и многих иностранных орденов, в том числе советского ордена «Победа».

Морисон (Morison) Самуэль Элиот [9.7.1887, Бостон, Массачусетс — 15.5.1976, Бостон], американский военный историк, вице-адмирал (1951). Обучался в Гарвардском университете, закончил его после 40-летнего перерыва. Во время 2-й Мировой войны служил на 12 кораблях. В отставке с 1951. Основные работы Морисона: Maritime History of Massachusetts (Военно-морская история Массачусетса, 1921); Admiral of the Ocean Sea (Адмирал Моря Океана, 1942) — биография Колумба, удостоенная Пулитцеровской премии; John Paul Jones (Джон Пол Джоунс, 1959), еще одна биография удостоенная Пулитцеровской премии; The Oxford History of the American People (Оксфордская история американского народа, 1965); History of U.S. Naval Operations in World War II, в 15 томах (История американских военно-морских операций на море в Вторую Мировую войну, 1947—1962); The Life of Commodore Matthew C. Perry (Жизнь командора Мэтью Си. Перри, 1967); и The European Discovery of America, The Northern Voyages (Европейское открытие Америки, северные путешествия, 1971).

Морсхед (Morshead) Лесли Джеймс [18.9.1889, Балларет, Виктория — 26.9.1959, Сидней], австралийский генерал-майор (1941) и бизнесмен. По образованию учитель. Участник 1-й Мировой войны, закончил ее в звании подполковника. В межвоенный период занимался бизнесом. С началом 2-й Мировой войны назначен командиром 18-й австралийской бригады (1939). Командовал 9-й австралийской дивизией в Северной Африке (1941). В 1942 возглавлял операции союзников на Борнео и Новой Гвинее. После войны продолжил заниматься бизнесом.

Муссолини (Mussolini) Бенито [29.7.1883, Форли — 28.4.1945, близ Догго], глава итальянской фашистской партии и фашистского правительства Италии в 1922—1943 и марионеточного правительства республики Сало в 1943—1945. Был учителем. Политическую карьеру начал в рядах социалистического движения. Выдвинулся как журналист и оратор. В 1912—1914 редактор органа Итальянской социалистической партии газеты «Аванти!» («L'Avanti!»). За агитацию в пользу вступления Италии в войну на стороне Антанты в ноябре 1914 исключен из партии. Тогда же им основана газета «Пополо д'Италия» («Popolo d'Italia») (впоследствии фашистский официальный). В марте 1919 из бывших участников войны основал организацию, получившей название «фашистской» (fasci di combattimento). Опираясь на фашистские отряды, Муссолини возглавил антидемократическое движение, маскируя его социальной и национальной демагогией. В октябре 1922 осу-

щесвил государственный переворот («Поход на Рим»). В условиях острого политического кризиса, последовавшего за убийством в 1924 фашистами социалиста Дж. Маттеотти, Муссолини удалось удержаться у власти, используя пассивность антифашистской оппозиции и террор. В 1926 приступил к ликвидации конституционных свобод и установлению открытой диктатуры. В 1929 подписал Латеранское соглашение с Ватиканом. Милитаризовал экономику. После установления фашистской диктатуры в Германии (1933) заключил с Германией политический и военный союз (оформленный рядом договоров). В 1936 санкционировал захват Эфиопии, в 1939 присоединил Албанию. Втянул Италию во 2-ю Мировую войну в 1940, объявив войну Франции. Поражение гитлеровской коалиции привело к падению диктатуры Муссолини (25 июля 1943). В 1943—1945 возглавлял марионеточное правительство оккупированной немцами территории Италии. Был захвачен партизанами близ итало-швейцарской границы и казнен по приговору военного трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии.

Мутагути Ренья [1888—1966], японский генерал. Командовал войсками, захватившими Малаю и Сингапур (1941), затем 15-й японской армией в Бирме. После неудачи в оборонительных боях уволен в отставку и использовался на административной работе.

Муцухито [3.11.1852 — 30.7.1912, Токио], японский император (с 1867). Период правления Муцухито называется Мэйдзи. Был первым императором Японии после свержения сегуната в ходе Мэйдзи исин.

Нагумо Тэюти [1887, Ямагата — 6.7.1944], японский вице-адмирал. Закончил военно-морское училище (1908). В 1917 командовал эсминцем. В 1935 — линкором. Командовал «Отрядом особого назначения», предназначенным для удара по Перл-Харбору (1941), затем авианосным соединением в операции по захвату голландской Ост-Индии и при ударе по Цейлону. Покончил жизнь самоубийством при обороне Сайпана.

Наполеон (Napoléon) Бонапарт [15.8.1769, Аяччо, Корсика — 5.5.1821, остров Св. Елены], император Франции (1804—1814 и март-июнь 1815), первый консул Французской республики (1799—1804). В 1784 окончил Брисское военное училище и перешел в Парижскую военную школу (1784—1785). С октября 1785 в армии (в чине младшего лейтенанта артиллерии). В 1792 вступил в якобинский клуб. Это привело к конфликту с корсиканскими сепаратистами, и в 1793 он был вынужден бежать с Корсики. Отличился при взятии Тулона 17 декабря 1793, произведен из капитанов в бригадные генералы. С этого времени начинается стремительное восхождение Наполеона. 18—19 брюмера 1799 года (9—10 ноября) произвел государственный переворот и стал первым консулом. В 1801 заключил конкордат с Римским Папой. В 1804 провозглашен императором. Создал новое, буржуазное дворянство, расторг первый брак с женой Жозефиной и вступил в 1810 в брак с дочерью австрийского императора Марией Луизой. Череда победоносных наполеоновских войн закончилась кампанией 1812—1813 в России. Поражение в этой кампании дало мощный толчок борьбе против наполеоновского гнета. 6 марта 1814 отрекся от престола. Союзники-обедители оставили ему титул императора и отдали ему во владение остров Эльба. Высадка Наполеона во Франции (1 марта 1815) и последовавшие «Сто дней» (20 марта — 22 июня 1815) показали, что правительство Бурбонов не пользуется поддержкой французов. Однако беспокойство остальных стран Европы вторичным возвышением Наполеона привело к сражению при Ватерлоо и вторичному отрече-

нию (22 июня 1815). Сосланный на остров Святой Елены, он умер через 6 лет пленником англичан.

Нельсон (Nelson) Горацио [29.9.1758, Берим-Торн, Норфолк — 21.10.1805, близ мыса Тральгар, Испания], английский вице-адмирал (1801), барон Нильский (1801). Во флоте с 12 лет, в 1777 стал лейтенантом, командовал бригом, фрегатом, с 1793 линейным кораблем в составе эскадры адмирала Худа, действовавшей в Средиземном море против Франции. В бою под Кальви (Корсика) в июле 1794 потерял правый глаз, а в 1797 в бою при Санта-Крус (остров Тенерифе) — правую руку. В феврале 1797 под командованием адмирала Джервиса участвовал в сражении при Сан-Винсенти, взял на абордаж 2 испанских корабля, за что произведен в контр-адмиралы. С 1798 командовал эскадрой, направленной в Средиземное море для противодействия Египетской экспедиции Наполеона 1798—1801. 1—2 августа 1798 разгромил французский флот при Абукире, отрезав армию Наполеона в Египте. В 1798—1800 находился в Неаполе, откуда в 1799 изгнал французов и восстановил на троне Королевства обеих Сицилий короля Фердинанда IV, от которого получил титул герцога Бронте. В 1801 был 2-м флагманом в эскадре адмирала Паркера при действиях в Балтийском море и бомбардировке Копенгагена, затем командовал эскадрой в Ла-Манше. В 1803—1805 командующий эскадрой Средиземного моря. В сентябре 1805 заблокировал франко-испанский флот в Кадисе, а 21 октября разгромил его в Трафальгарском сражении, в котором Нельсон был смертельно ранен. Похоронен в Лондоне 9.1.1806.

Нимиц (Nimitz) Честер Вильям [24.2.1885, Фредериксберг, Техас — 20.2.1966, Сан-Франциско], американский адмирал флота (1944). Окончил Морскую академию (1905), служил на командных и штабных должностях (с 1918 начальник штаба подводных сил Атлантического флота США). Во время 2-й Мировой войны с конца декабря 1941 до ноября 1945 командовал Тихоокеанским флотом США. 2 сентября 1945 от имени США подписал акт о капитуляции Японии. 15.12.1945 — 15.12.1947 начальник морских операций. С 1947 в отставке, являлся советником морского министерства.

Одзава Джисабуро [2.10.1886, Миядзаки — 1964], японский адмирал. Окончил военно-морскую академию (1906), капитан торпедного катера. С 1926 в штабе Объединенного флота. Затем командовал крейсером, а в 1935 — линкором. В 1941 стал начальником академии Морского Генерального штаба, а с декабря 1941 — командующий Южным Экспедиционным флотом и Малайским оперативным соединением. В апреле 1943 Одзава командовал 3-м авианосным флотом в сражении у Соломоновых островов, а в июне 1943 — 1-м флотом у Сайпана. В 1944 возглавил Объединенный флот в битве в заливе Лейте.

Окинлек (Auchinleck) Клод Джон Эйр [21.6.1884, Олдершот, Хэмпшир, — 23.3.1983, Маракеш, Марокко], британский фельдмаршал (1946). Окончил военное училище в Сандхерсте (1903), служил в Индии, во время 1-й Мировой войны в Египте и Месопотамии, до 1940 — снова в Индии. В мае-июне 1940 командовал англо-французскими войсками в Северной Норвегии, затем войсками военного округа в Южной Англии. В июле 1941 — августе 1942 командовал британскими войсками на Ближнем Востоке. За отступление в 1942 был снят с должности. В 1943 назначен главнокомандующим британскими войсками в Индии (до 1947), в 1943—1945 руководил военными действиями против японских войск в Бирме.

О'Коннор (O'Connor) Ричард Нюджен, сэр (1941) [21.8.1889, Шринагар, штат Кашмир, Индия — 17.6.1981, Лондон], британский генерал (1945). В армии с 1908, окончил военный колледж в Сандхерсте (1909). Участник 1-й Мировой войны (майор). Окончил штабной колледж (1920). С июня 1940 командующий силами Западной пустыни в Африке, одержал победу над итальянцами при Сиди-Барухе, затем командовал 8-й английской армией в Северной Африке (1941). Попал в плен к немцам в апреле 1941, однако в сентябре 1943 сумел бежать из плена. Во время высадки в Нормандии (1944) командовал 8-м корпусом. С 1948 в отставке.

Павел (Pavle) Карагеоргиевич, князь [27.4.1893, Санкт-Петербург, Россия — 14.9.1976, Париж], принц-регент Югославии. После убийства короля Югославии Александра I (9.10.1934) назначен регентом малолетнему королю Петру II. 27.3.1941, двумя днями после подписания договора с Германией Павел был смещен заговорщиками во главе с генералом Дусаном Симиновичем. Павел эмигрировал в Грецию, где был арестован англичанами после войны. После интернирования в Кению был освобожден и поселился в Париже.

Паттон (Patton) Джордж Смит-младший [11.11.1885, Сан-Габриэль, штат Калифорния — 21.12.1945, Гейдельберг], американский генерал (1945). Окончил военную академию в Уэст-Пойнте (1909), армейский военный колледж (1932). В 1916 в качестве адъютанта генерала Дж. Першинга участвовал в интервенции против Мексики. В ноябре 1917, находясь в составе американского экспедиционного соединения, занимался формированием первого американского танкового соединения (1-й бронетанковой бригады), с которой участвовал в Сен-Мийельской и Маас-Аргонской операциях 1-й Мировой войны. Затем служил на Гавайях и в США, был командиром бронетанковой бригады (1940), бронетанковой дивизии (1942). При вторжении союзных войск в Северную Африку возглавлял оперативную группу, которая захватила Французское Марокко. Командуя 7-й американской армией, принимал участие в боях за остров Сицилия. Накануне высадки союзников в Нормандии назначен командующим 3-й армией. После капитуляции Германии, исполнял обязанности военного губернатора Баварии, затем командовал 15-й армией, впоследствии руководил группой, занимавшейся обобщением опыта войны. Погиб в автомобильной катастрофе.

Паулюс (Paulus) Фридрих [23.9.1890, Брейтенау, Гессен — 1.2.1957, Дрезден], немецкий генерал-фельдмаршал (1943). В армии с 1910. Участник 1-й Мировой войны, затем в рейхсвере. В 1935—1939 начальник штаба танковых войск. В Польской кампании 1939 начальник штаба 4-й армии, во Французской кампании 1940 начальник штаба 6-й армии. С сентября по январь 1942 1-й оберквартирмейстер Гейштаба сухопутных войск. С января 1942 командовал 6-й армией на Восточном фронте и осуществлял общее руководство наступлением на Сталинград. После окружения его войск под Сталинградом, предложил план прорыва из окружения, который был отвергнут Гитлером. 31 января 1943 сдался в плен советским войскам с частью своей армии. Находясь в советском плену, вступил в антифашистский Союз немецких офицеров, а затем в Национальный комитет Свободной Германии. С 1953 жил в ГДР.

Паунд (Pound) Альфред Дадли Пикмен Роджерс, сэр (1933) [29.8.1877 — 21.10.1943], британский адмирал флота. Первый морской

лорд с 1939 по 1943. Организовал систему противодействия немецким подводным лодкам.

Пепарос (Paragos) Александрос [9.12.1883, Афины — 4.10.1955, Афины], греческий фельдмаршал (1949) и государственный деятель, премьер-министр (1952—1955). В армии с 1906, участвовал в Балканских войнах 1912—1913, в Греко-Турецкой войне (1919—1922). В 1927 произведен в генерал-майоры. С 1935 — военный министр, с 1936 начальник штаба. Пленен немцами во время Балканской кампании 1941, освобожден 1945, руководил операциями против коммунистов в Греции. В отставке с 1951, занялся политикой. Основал партию, с которой пришел к власти.

Персиваль (Percival) Артур [1887 — 1966], английский генерал-лейтенант. С июня 1941 командовал войсками, оборонявшими Сингапур и Малайю. Потерпел поражение и сдал Сингапур японцам 15 февраля 1942. Попал в плен, освобожден после окончания войны.

Петен (Petain) Анри Филипп [24.4.1856, Коши-а-ла-Тур, Па-де-Кале — 23.7.1951, Пор-Жуэнвиль, Иль-д-Йё, Вандея], французский военный и политический деятель, маршал (ноябрь 1918). Окончил военное училище Сен-Сир (1878). В 1-й Мировой войне в чине генерала командовал пехотной бригадой, затем армейским корпусом, в июне 1915 — апреле 1916 2-й французской армией. В мае 1916 командующий группой «Центр», в апреле 1917 начальник Генерального штаба, в мае 1917 главнокомандующий французской армией. В 1920—1931 заместитель председателя Высшего военного совета и с 1922 генерал-инспектор армии. 17 мая 1940 стал заместителем премьер-министра, а с 16 июня — премьер-министром. 22 июня 1940 подписал Компьенское перемирие с фашистской Германией. В июле 1940 — августе 1944 глава государства. В апреле 1945 арестован. В августе 1945 приговорен к смертной казни (замененной пожизненным заключением).

Петров Иван Ефимович [30.9.1896, Трубачевск, Брянской области — 7.4.1954, Москва], советский генерал армии (1944), Герой Советского Союза. Участник Гражданской войны 1918—1920. Окончил курсы усовершенствования комсостава (1926 и 1931). С 1933 начальник Среднеазиатской объединенной военной школы. В 1940 командовал стрелковой дивизией, с марта 1941 механизированным корпусом. Во время войны командовал: дивизией на Южном фронте (июль-октябрь 1941), войсками Приморской армии (октябрь 1941 — июль 1942 и ноябрь 1943 — февраль 1944), 44-й армией (август — октябрь 1942), Черноморской группой войск Закавказского фронта (октябрь 1942 — март 1943), Северо-Кавказским фронтом (май-ноябрь 1943), 33-й армией (март-апрель 1944), 2-м Белорусским фронтом (апрель-июль 1944), 4-м Украинским фронтом (август 1944 — март 1945). После войны с июля 1945 командующий войсками Туркестанского ВО, с июля 1952 1-й зам главного инспектора Советской Армии, с марта 1955 1-й зам главнокомандующего Сухопутными войсками, а с января 1956 — главный инспектор Министерства обороны.

Попов Василий Степанович [8.1.1894, село Пресображенка, ныне Волгоградской области — 2.7.1967, Москва], советский генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза. Окончил школу прапорщиков (1916). В Красной Армии с 1919. Во время финской кампании 1939—1940 командовал корпусом. В 1942—1944 командующий 10-й армией, заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом (1944), командующий 70-й армией (1944—1945). После войны начальник курсов усовершенствования и начальник факультета Военной академии имени Фрунзе. С 1959 в отставке.

Портал (Portal) Чарлз Фредерик Алджернон [21.5.1893, Хангерфорд, Беркшир — 22.4.1971, Чичестер, Сассекс], британский маршал королевских ВВС (1946). Окончил Оксфордский университет (1914), в 1914 добровольно вступил в армию, участник 1-й Мировой войны. В 1937—1938 начальник отдела Министерства авиации, с 1939 член совета ВВС. В начале 2-й Мировой войны возглавлял бомбардировочную авиацию. С октября 1940 начальник штаба ВВС, с 1946 в отставке, работал в органах контроля за атомной энергией, был директором одного из крупнейших английских банков.

Райт (Wright) Карлстон, американский контр-адмирал. Командовал крейсерским соединением в битве у о. Гуадалканал (декабрь 1942).

Рамсей (Ramsay) Бертрам Ноум, сэр (1942) [1883 — 1.1945], британский адмирал. Командовал операцией «Динамо» по эвакуации экспедиционного корпуса. Затем участвовал в высадке в Северной Африке. В 1943 стал командующим флотом вторжения в Нормандию. Командовал морской фазой операции по очистке эстуария реки Шельды (1944). Погиб в авиакатастрофе.

Редер (Raeder) Эрих [24.4.1876, Вандсбек, близ Гамбурга — 6.11.1960, Киль], немецкий гросс-адмирал (1939). На флоте с 1894. Во время 1-й Мировой войны с 1917 командовал крейсером. С 1928 начальник Главного морского штаба, в 1935—1943 главнокомандующий ВМФ. С января 1946 в отставке. В 1946 осужден Нюрнбергским трибуналом на пожизненное заключение, в 1955 освобожден.

Рейнгард Ханс-Георг, германский генерал. Командовал корпусом во Французской кампании 1940, 3-й танковой группой в Московской битве (1941), 3-й танковой армией в Польше (1944).

Рейно (Reynaud) Поль [15.10.1878, Барселоннет, Нижние Альпы — 21.9.1966, Нейи, О-де-Сен], французский государственный деятель. В 1930 министр финансов, в 1931—1932 министр колоний, в 1932 зам премьер-министра и министр юстиции. В 1938 министр юстиции, с 21.3.1940 по 16.6.1940 премьер-министр и министр иностранных дел (18.5—5.6.1940 министр национальной обороны). В 1940 был интерпретирован. В 1948 министр финансов, в 1950 государственный министр, в 1953—1954 заместитель премьер-министра.

Рейхенау (Reichenau) Вальтер [8.10.1884, Карлсруэ — 17.1.1942, Полтава], немецкий генерал-фельдмаршал (1940). Участник 1-й Мировой войны, затем служил в рейхсвере. С 1930 начальник штаба военного округа, в 1933—1935 начальник отдела в министерстве рейхсвера, активно участвовал в создании вермахта. Один из наиболее фанатично настроенных нацистов среди генералитета. Во время Польской кампании 1939 командовал 10-й армией, с октября 1939 — 6-й армией, во главе которой принял участие в Французской кампании 1940 и Кампании против СССР 1941. С декабря 1941 командующий группой армий «Юг» на советско-германском фронте. В декабре 1941 издал приказ об уничтожении советских военнопленных и граждан. Умер от инфаркта.

Риббентроп (Ribbentrop) Иоахим [30.4.1893, Везель — 16.10.1946, Нюрнберг], германский государственный деятель. Был агентом по продаже шампанских вин. В 1930 примкнул к нацистской партии и вскоре стал одним из приближенных Гитлера. В 1936—1938 посол в Лондоне. В феврале 1938—1945 министр иностранных дел. Казнен по приговору международного военного трибунала в Нюрнберге.

Риджуэй (Ridgway) Мэтью Банкер [3.3.1895, Форт-Монтро, Вирджиния — 26.7.1993], американский генерал (1951). Окончил военную акаде-

мню Уэст-Пойнт (1917), командно-штабной колледж (1935) и военный колледж армии (1937). Во время 2-й Мировой войны служил в Генштабе, в 1942—1944 командовал 82-й воздушно-десантной дивизией, с которой высаживался в Сицилии, Италии и Нормандии, в 1944—1945 — 18-м воздушно-десантным корпусом во время боев в Западной Европе. В период Корейской войны 1950—1953 командующий 8-й американской армией, а с 1951 — американскими силами на Дальнем Востоке и силами ООН в Корее. В 1952—1953 верховный главнокомандующий силами НАТО в Европе, в 1953—1955 начальник штаба армии США. С 1955 в отставке, был директором компании «Колт индустриэ».

Ритчи (Ritchie) Нейл [1901—1984], британский генерал. С 26.11.1941 назначен командующим 8-й английской армией. Заменил Кашпингхема на посту командующего британскими силами в Северной Африке.

Рихтгофен (Richthofen) Вольфрам фон [10.10.1895, Барндорф, Силезия — 12.7.1945, Бад-Ишль, Верхняя Австрия], германский генерал-фельдмаршал (16.2.1943). На военной службе с 1913, во время 1-й Мировой войны летчик, после нее в запасе. Окончил Высшую техническую школу (1923) и поступил в рейхсвер. Участвовал в интервенции в Испании (1936—1939) в качестве начальника штаба и командира авиационного легиона «Кондор». В 1939—1942 командовал 8-м авиационным корпусом. С 4.7.1942 по 3.9.43 командующий 4-м воздушным флотом. С 26.6.1943 по 27.10.1944 командовал 2-м воздушным флотом в Италии (некоторое время командовал двумя флотами одновременно), затем в отставке по болезни.

Родимцев Александр Ильич [8.3.1905, село Шарлык, ныне Оренбургской области — 13.4.1977, Москва], советский генерал-полковник (1961), дважды Герой Советского Союза. В Красной Армии с 1927, окончил Военную академию имени Фрунзе (1939). В 1936—1937 участвовал в Гражданской войне в Испании 1936—1937. Командовал 5-й воздушно-десантной бригадой (1941), 87-й и 13-й гвардейской стрелковыми дивизиями (1941—1943), 32-м стрелковым корпусом (1943—1945). В 1951—1952 помощник командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа, в 1953—1956 главный военный советник при Албанской армии и военный атташе в Албании, 1-й заместитель командующего войсками Северного военного округа (1956—1960). С 1966 военный консультант Группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

Рокоссовский Константин Константинович [21.12.1896, Великие Луки — 3.8.1968, Москва], Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949), дважды Герой Советского Союза. В армии с 1914. Участник 1-й Мировой войны. 10.1917 вступил в Красную Армию. Участник Гражданской войны. Окончил кавалерийские курсы усовершенствования комсостава (1925) и курсы усовершенствования высшего начсостава при Академии имени М. В. Фрунзе (1929). Участвовал в боях на КВЖД. В войну командовал 9-м механизированным корпусом (до 11.7.1941), 16-й армией (август 1941 — июля 1942), Брянским (июль — сентябрь 1942), Донским (сентябрь 1942 — февраль 1943), Центральным (февраль — октябрь 1943), Белорусским (октябрь 1943 — февраль 1944), 1-м Белорусским (февраль — ноябрь 1944) и 2-м Белорусским (с ноября 1944 до конца войны) фронтами. 24.6.1945 командовал парадом Победы в Москве. В 1945—1949 главнокомандующий Северной группой войск. В 1949 выехал в ПНР и был назначен министром обороны и зам предсовмина ПНР. В 1956 возвратился в СССР и был замминистра обороны СССР (ноябрь 1956 — июль 1957),

главным инспектором — замминистра обороны СССР (июль — октябрь 1957), командующим войсками Закавказского военного округа (1957 — 1958), замминистра и Главным инспектором Министерства обороны СССР (январь 1958 — апреля 1962), Генеральным инспектором группы Генеральных инспекторов Министерства обороны (с апреля 1962). Награжден орденом «Победы».

Роммель (Rommel) Эрвин [15.11.1891, Хейденхейм, Баден-Вюртемберг — 14.10.1944, Херлинген], близ города Ульм, немецкий генерал-фельдмаршал (1942). Но военной службе с 1910. Участник 1-й Мировой войны. С 1919 в рейхсвере, потом в вермахте. В 30-х годах бы преподавателем и начальником Военной академии. С сентября 1939 военный командант ставки Гитлера, с февраля 1940 командир 7-й танковой дивизии во время Французской кампании. С февраля 1941 по март 1943 командовал германскими экспедиционными силами в Северной Африке. В июле — ноябре 1943 командующий группой армий «Б» в Северной Италии. В декабре 1943 выполнял функции военного инспектора ставки верховного главнокомандования в Дании. С декабря 1943 командующий группой армий «Б» во Франции. 17 июля оставил этот пост в связи с тяжелым ранением. Был связан с правым крылом заговорщиков против Гитлера и после раскрытия приговора по приказу Гитлера покончил жизнь самоубийством.

Ротмистров Павел Алексеевич [6.7.1901, деревня Скворово, ныне Калининской области — ?], советский военачальник, Главный маршал бронетанковых войск (1962), Герой Советского Союза, профессор (1958). В Красной Армии с 1919, окончил Военную академию имени Фрунзе (1931). С июня по сентябрь 1941 начальник штаба 3-го механизированного корпуса, затем командир 8-й (1941—1942) и 3-й гвардейской (январь-апрель 1942) танковых бригад, 7-го (апрель — декабрь 1942) и 3-го гвардейского (декабрь 1942 — февраль 1943) танковых корпусов, командующий 5-й гвардейской танковой армией (февраль 1943 — август 1944). С августа 1944 до конца войны — заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии, после войны — командующий бронетанковыми и механизированными войсками Группы советских войск Дальнего Востока (1945—1948). В 1948—1958 начальник кафедры бронетанковых и механизированных войск и заместитель начальника кафедры стратегии и оперативного искусства (1958—1964), помощник министра обороны по высшим военно-учебным заведениям (1964—1968). С июня 1968 генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

Рузвельт (Roosevelt) Франклин Делано [30.1.1882, Гайд-парк, штат Нью-Йорк — 12.4.1945, Уорм-Спрингс, штат Джорджия], американский государственный деятель, президент США (1933—1945). По образованию юрист. Учился в Гротоне, Гарвардском и Колумбийском университетах. В 1905 женился на дальней родственнице Элеоноре Рузвельт, племяннице Теодора Рузвельта. В 1910 избран в сенат штата Нью-Йорк от Демократической партии. В 1913—1920 был помощником морского министра в правительстве Т.-В. Вильсона, выступал за усиление военно-морской мощи США. В 1920 кандидат на пост президента от Демократической партии. После поражения на выборах возвратился к частной практике. В 1928 избран губернатором штата Нью-Йорк. В 1932 избран президентом США, произвел ряд реформ, вошедших в историю как «Новый курс», одной из особенностей которого было усиление военной мощи США, и прежде всего флота. Популярность Рузвельта была столь велика, что в 1940 он был избран на третий

срок, а в 1944 — на четвертый (первым в истории США). В декабре 1941, после нападения Японии на Перл-Харбор (до формального объявления состояния войны со стороны Японии), США вступили во 2-ю Мировую войну. Представлял США на Тегеранской (1943) и Крымской (1945) конференциях.

Рундштедт (Rundstedt) Карл Рудольф Герд фон [12.12.1875, Ашерслебен, округ Галле — 24.2.1953, Ганновер], немецкий генерал-фельдмаршал (1940). На военной службе с 1892. Окончил Военную академию (1907). Участник 1-й Мировой войны, был начальником штаба корпуса. С 1919 в рейхсвере на должностях начальника штаба армейской группы, командира дивизии, командующего военным округом и армейской группой. В 1938—1939 в отставке. Во время Польской кампании 1939 командовал группой армий «Юг», во время Французской кампании 1940 — группой армий «А». В июне—ноябре командующий группой армий «Юг» на советско-германском фронте. За поражение под Ростовом-на-Дону 30 ноября 1941 отстранен от командования и направлен в резерв. С марта 1942 до начала июля 1944 и с сентября 1944 по март 1945 главнокомандующий немецкими войсками Запада. Был председателем трибунала, судивших участников антигитлеровского заговора 1944. Один из организаторов попытки разгрома англо-американских войск в Арденнской операции 1944—1945. С 10 марта 1945 в отставке. До 1949 находился в английском плену.

Рыдз-Смиглы (Rydz-Shmigł) Эдвальд [11.3.1886, Брежаны — 2.12.1941, Варшава], маршал Польши (1936). В 1908 вступил в Союз активной борьбы, созданный Пилсудским. В 1910 призван в армию и зачислен в школу офицеров резерва, в 1911 получил чин хорунжия. В 1913 возглавил подпольные военизированные формирования Союза активной борьбы Львовского округа. В партийных кругах пользовался псевдонимом «Смиглы». Участвовал в 1-й Мировой войне (начал ее в звании майора австрийской армии, закончил бригадным генералом). В Польской республике (1918) стал министром военных дел. После провозглашения независимого Польского государства (11.11.1918) назначен командующим Варшавским генеральным округом, а с февраля 1919 — оперативной группой Ковель, действовавшей против большевистской Западноукраинской Народной Республики. Затем возглавил 1-ю дивизию при захвате Вильно (Вильнюс), командовал 3-й Польской армией на Украине, Юго-Восточным фронтом, правым флангом польской армии при сражении за Варшаву. После окончания войны с СССР получил пост армейского инспектора в Вильно, а после переворота Пилсудского (1926) — армейского инспектора в Варшаве. После смерти Пилсудского назначен генеральным инспектором вооруженных сил (1935). Главнокомандующий польской армией в кампании 1939. 18.9.1939 бежал в Румынию с правительством, интернирован румынскими властями. 13.11.1939 «Президент Польши» (эмигрантского правительства в Париже) снял Рыдз-Смиглы с поста главноком. Бежал из Румынии в декабре 1940 в Венгрию, 30.10.41 вернулся в Польшу. Скончался от приступа стенокардии.

Симович Душан [9.11.1882, Крагуевац, — 26.8.1962, Белград], государственный и военный деятель Югославии. В 1900 окончил военное училище, в 1905 военную академию в Белграде. Участник Балканских войн и 1-й Мировой войны. С 1925 бригадный генерал. Накануне 2-й Мировой войны начальник Генштаба югославской армии, а затем командующий ВВС. После государственного переворота 27.3.1941 — премьер-министр. С началом Югославской кампании правительство Симовича эмигрировало. В 1941 —

1942 премьер-министр эмигрантского правительства. После освобождения Югославии (1945) вернулся на родину.

Скорцени (Skorzeny) Отто [1908, Вена — 5.7.1975, Мадрид], немецкий штабсдартенфюрер (полковник) СС. Член НСДАП с 1933, особенно отличился во время операции по освобождению Муссолини, арестованного маршалом Бадольо. Также участвовал в казни заговорщиков против Гитлера (1944), арестовал венгерского лидера Хорти, возглавлял диверсионную часть во время битвы в Арденнах 1944. После войны оправдан на Нюрнбергском трибунале, однако не дожидаясь денацификационного процесса (1949) убежал из тюрьмы в Дармштадте и остаток жизни провел в Испании.

Слессор (Slessor) Джон сэр Котесворт [3.6.1897, Рапикет, Индия — 12.7.1979, Вроутон, Уилтшир], маршал английских военно-воздушных сил. Участник 1-й Мировой войны. В 1931—1934 инструктор штабного колледжа в Кемдене. В 1937 начальник планирования Министерства авиации. С 1942 заместитель командующего ПВО побережья. С 1944 по 1945 командующий авиацией в Средиземноморье и Ближнем Востоке. Главнокомандующий авиацией (1950—1952). Посвящен в рыцари 1948.

Слим (Slim) Вильям Джозеф, виконт [6.8.1891, Бристоль, Глостершир — 14.12.1970, Лондон], британский фельдмаршал (1948). Участник 1-й Мировой войны (рядовой), был произведен в офицеры. С 1920 служил в индийской армии. В 1940 командир индийской бригады, участвовал в завоевании итальянской Восточной Африки. В 1941 стал командиром 10-й индийской дивизии, с которой принял участие в действиях в Ираке и оккупации Ирана. В марте 1942 назначен командующим 1-м бирманским корпусом, командовал 1500-км. отступлением британских войск в Бирме. В октябре 1943 командующий 14-й армией, с которой участвовал в освобождении Бирмы. В июне 1945 стал главнокомандующим силами союзников в Юго-Восточной Азии. В 1946 командант Имперского военного колледжа, в 1948 начальник Имперского генерального штаба. В 1953—1960 генерал-губернатор Австралии.

Смит Говард Макгоу, американский генерал-лейтенант. Командующий 2-й дивизией морской пехоты (1943), затем корпусом морской пехоты.

Смэтс (Smuts) Ян Христиан [24.5.1870, Бовенплатс, Канская провинция — 11.9.1950, Иренс, близ Претории], южноафриканский политический деятель, британский фельдмаршал (1941), философ-идеалист. Окончил Кембриджский университет. В начале англо-бурской войны 1899—1902 был бурским генералом, затем стал сотрудничать с англичанами. Министр внутренних дел и министр горной промышленности ЮАР 1910—1912, министр обороны ЮАР 1910—1920, министр финансов ЮАР 1912—1913. Участник 1-й Мировой войны. Участник Парижской конференции 1919, был одним из авторов «Версальского мира» и устава Лиги наций. В 1919—1924 и 1939—1948 премьер-министр, в 1933—1939 министр юстиции, министр обороны 1939—1948. В философии разработал идеалистическую концепцию холизма, согласной которой в основе эволюционного процесса лежит активность нематериальных и непознаваемых «целостностей».

Сосниковский Казимир [19.11.1885, Варшава — 11.10.1969, Монреаль, Канада], польский генерал. Член Польской социалистической партии, в 1907 эмигрировал в Австро-Венгрию. Был организатором Союза активной борьбы. Участник 1-й Мировой войны (начал ее подполковником австрийского Польского легиона). За неподчинение приказу принести присягу кайзеру, арестован немцами (22.7.1917), освобожден 8.11.1918. 10.11.1918

бригадный генерал Сосниковский стал командующим Варшавским генеральным округом, затем замминистра обороны. Во время советско-польской войны командовал резервной армией, затем стал военным министром. С 1924 — председатель военного совета страны и командующим Познанским военным округом. В 1928 инспектор армии «Полесье». 10.9.39 назначен командующим Южным фронтом. После вступления СССР в войну бежал через Венгрию во Францию. 13.11.1939 возглавил комитет министров по делам страны в эмигрантском правительстве и стал главнокомандующим на оккупированной территории. 21.6.1940 бежал в Англию. После войны уехал в Канаду.

Спаатц (Spaatz) Карл [28.6.1891, Бойертаун — 14.7.1975, Вашингтон], американский генерал. Окончил военную академию в Уэст-Пойнте (1914). Участник 1-й Мировой войны, был пилотом. С 1940 в Англии для выяснения военной мощи Германии, а в июле 1942 он назначен командующим 8-й воздушной армией в Британии. В январе 1944 он стал главнокомандующим стратегической авиацией США. По его указанию производились дневные стратегические бомбардировки территории Германии. В июле 1945 переведен на Тихий океан, и, несмотря на то что он возражал против применения атомного оружия против японских городов, тем не менее отдал приказ на стратегические бомбардировки, включавшие атомные удары. С сентября 1947 начальник штаба ВВС. В отставке с 1948.

Спруэнс (Spruance) Раймонд Эймс [3.7.1886, Балтимор, штат Мэриленд — 13.12.1969, Монтерей, штат Калифорния], американский контр-адмирал. Окончил военно-морскую академию (1906). В начале 2-й Мировой войны командовал соединением крейсеров. В 1942 стал начальником штаба Тихоокеанского флота. С ноября 1943 командующий 5-м флотом, командовал силами Центра Тихого океана. После войны стал Президентом Военно-морского колледжа и послом США на Филиппинах.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович [21.12.1879, Гори, Грузия — 5.3.1953, Москва], руководитель СССР. Член КПСС с 1898, неоднократно судим за террористическую деятельность. После Февральской революции 1917 в Петербурге, участвовал в подготовке и проведении Октябрьской революции. В 1917—1922 нарком по делам национальностей. В апреле 1922 избран генеральным секретарем КПСС, дальнейшая деятельность Сталина направлена на усиление собственной власти. В 1927 закончил НЭП, стал проводить индустриализацию и коллективизацию. 8 августа 1941 назначен Главнокомандующим вооруженными силами СССР. В качестве главы советской делегации принимал участие в Тегеранской (1943), Крымской (1945) и Потсдамской конференциях (1945) руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. Во внутренней политике придерживался жестких репрессивных мер, вошедших в историю как «культ личности».

Старк (Stark) Гарольд Раунсфорд [1880, Уилукс-Барр — 1972], американский адмирал. Начальник морского артиллерийского управления 1934—1937. Начальник морских операций 1.8.1939 — 2.3.1942. В 1942—1945 возглавлял американские ВМС в Европе, член объединенного комитета начальников штабов. С 1946 в отставке.

Стаунинг (Stauning) Торвальд [26.10.1873, Копенгаген — 3.5.1942, Копенгаген], датский политический и государственный деятель. С 1896 член, в 1910—1942 председатель Социал-демократической партии Дании. В 1905—1942 депутат ригсдага от этой партии, в 1910—1929 (кроме 1924—1926) председатель фракции в ригсдаге. В 1913, 1916—1917, 1920 входил в правительство. В 1924—1926, 1929—1940, 1940—1942 премьер-

министр. Правительство Стаунинга подписало капитуляцию перед Германией.

Стилуэлл (Stilwell) Джозеф Уоррен [19.3.1882, Палатка, штат Флорида, — 12.10.1946, Сан-Франциско], американский генерал (1944). Окончил военную академию в Уэст-Пойнте (1904). Служил на Филиппинах, в Китае и в Европе, был военным атташе в Пекине (1935—1939). В начале 2-й Мировой войны Чан Кайши попросил Стилуэлла занять пост начальника штаба китайской армии. Он командовал 5-й и 6-й армиями в Бирме. В 1942 его армии были разбиты японцами, а сам он с остатками войск добрался до Индии. В дальнейшем командовал всеми американскими войсками в Китае, Бирме и Индии. С 1944 командовал 10-й американской армией на Тихоокеанском ТВД.

Стимсон (Stimson) Генри Льюис [21.9.1867, Нью-Йорк, — 20.10.1950, Хантингтон, штат Нью-Йорк], американский государственный деятель, член администрации президентов с 1911 по 1945. Первый раз вошел в кабинет президента Тафта как военный министр (1911—1913). Участник 1-й Мировой войны, артиллерийский офицер. В 1927—1929 генерал-губернатор Филиппин. Госсекретарь в кабинете президента Гувера (1929—1933), возглавлял американскую делегацию на Лондонской Морской конференции (1930). Проводил т. н. «политику Стимсона» в отношении нарушений Японией Парижских договоров 1919 в отношении Манчжурии. С началом 2-й Мировой войны выступал за вступление США в войну. В 1940—1945 военный министр в кабинете президента Рузвельта (несмотря на то что Стимсон был республиканцем). В отставке с сентября 1945. Опубликовал множество работ по внешней политике США, в том числе: «American Policy in Nicaragua» («Американская политика в Никарагуа», 1927), «Democracy and Nationalism in Europe» («Демократия и национализм в Европе», 1934), и «The Far East Crisis» («Дальневосточный кризис», 1936). В соавторстве с McGeorge Bundy написал автобиографию «On Active Service in Peace and War» («На службе во время Мира и Войны», 1948).

Стопфорд (Stopford) Монтагю Георг, сэр (1944) [1892—1971], британский генерал. Командовал пехотной бригадой в кампании 1940 во Франции. В 1943 назначен командиром 33 индийского корпуса, с которым участвовал в освобождении Бирмы. После войны назначен командующим 12-й армией.

Субутай, военачальник Чингиз-хана, дошедший со своим отрядом до Европы.

Такаги Такео, японский вице-адмирал. Командующий соединением «Секаку» и «Тзюйкаку» в битве при атолле Мидуэй.

Теддер (Tedder) Артур Уильям [11.7.1890, Гленгуин, Шотландия — 3.6.1967, Суррей, Англия], маршал английских ВВС (1945), барон (1946). Окончил Кембриджский университет (1912). С 1913 в армии. Участник 1-й Мировой войны, с 1916 в авиации. Окончил штабной колледж ВМС (1924) и имперский колледж обороны (1928). В 30-х в министерстве авиации и командовал британскими ВВС на Дальнем Востоке. В 1939 начальник управления в министерстве снабжения, в 1940—1943 заместитель главнокомандующего и главнокомандующий британскими ВВС на Ближнем Востоке и Средиземноморье. В 1943—1945 заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами. Под руководством генерала Д. Эйзенхауэра участвовал в планировании и проведении Нормандской десантной операции 1944 и других боевых действий англо-американских войск. В 1946—1950 начальник штаба ВВС. В 1950—1951 член военного комитета НАТО и британский военной миссии в Вашингтоне.

Темплер (Templer) Геральд Уолтер Роберт, сэр [1898—1979], британский фельдмаршал. Участник 1-й Мировой войны. Во время 2-й Мировой войны командовал дивизией. В 1952—1954 комиссар в Малайзии, где подавил коммунистическое восстание.

Тернер Ричмонд Келли [27.5.1885, Портленд, штат Орегон — 12.2.1961, Монтерей, штат Калифорния], американский адмирал флота (1945). Окончил Военно-морскую Академию (1908), Школу военно-морской авиации (1927). Командовал эскадрильей морских бомбардировщиков, крейсером «Джексон». С середины 30-х на штабной работе. С марта 1942 в штабе адмирала Кинга, командовал амфибийными силами при вторжении на Гудалканал, на Соломоновы острова. Затем (1943) возглавил 5-е соединение десантных сил при вторжении на острова Гилберта (Таррава), Маршалловых островов, Марианские острова (Сайпан), на Иводзиму и Окинаву (1945). После войны в отставке.

Типпельскирх (Tippelskirch) Курт фон [9.10.1891, Шарлоттенбург — 1957], немецкий генерал пехоты (1942). На военной службе с 1910, участник 1-й Мировой войны, затем в рейхсвере. В 1938—1942 начальник отдела, 4-й оберквартирмейстер (начальник разведывательного управления) генштаба сухопутных войск. С января 1942 на Восточном фронте командовал дивизией, с сентября 1942 советник при командовании 8-й итальянской армии, с декабря 1943 командир корпуса, в июне-июле 1944 командовал 4-й армией, с ноября 1944 — 1-й армией в Лотарингии, затем 14-й в Италии, 21-й в Мекленбурге и с апреля 1945 — группой армий «Висла», с которой сдался в плен англичанам. На Нюрнбергском процессе объявлен военным преступником. Однако ему удалось избежать суда. После войны написал монографию «История Второй Мировой войны».

Тисо (Tiso) Йосеф [13.10.1887, Велька-Битча — 18.4.1947, Братислава], словацкий политический деятель. Был католическим священником, профессором богословия. С августа 1938 возглавлял националистическую Словацкую народную партию. В 1938—1939 глава созданного словацкими сепаратистами после Мюнхенского соглашения автономного правительства Словакии. В 1939—1945 президент Словацкого «самостоятельного государства» под охраной Германии. В 1947 казнен по приговору чехословацкого Народного суда.

Тито, Броз Тито (Broz Tito) Иосип [25.5.1892, Кумровец, Хорватия — 4.5.1980, Любляна], югославский политический и военный деятель, маршал (1943), дважды Народный Герой Югославии, Герой Социалистического Труда СССР. Осенью 1913 призван в Австро-венгерскую армию. Весной 1915 был ранен, попал в плен в Россию. Участвовал в революционных выступлениях в Петрограде, сослан на Урал. В октябре 1917 в Омске вступил в Красную Гвардию. В сентябре 1920 вернулся в Югославию. С февраля 1928 секретарь Загребского комитета КПЮ, в августе арестован и осужден на 5 лет, в 1934 вышел на свободу и был избран членом ЦК КПЮ и Политбюро ЦК КПЮ. В 1935—1936 участвовал в работе Коминтерна в Москве. В декабре 1937 возглавил КПЮ. Во время оккупации Югославии руководил просоветским подпольем в Югославии. В марте 1945 назначен председателем совета министров, министром обороны и верховным главнокомандующим. С 1952 Генеральный секретарь КПЮ.

Того Хэйхатири [22.12.1847, префектура Кагосима — 30.5.1934, Токио], японский адмирал флота (1913), маркиз (1934). Получил военно-морское образование в Англии (1871—1878). Во время японо-китайской войны

1894—1895 командовал крейсером. В 1904 произведен в адмиралы. Во время Русско-японской войны 1904—1905 командующий 1-й эскадрой и главнокомандующий Соединенным флотом. Руководил действиями японского флота под Порт-Артуром в феврале 1904 — январе 1905, в сражении на Желтом море (август 1904) и в Цусимском сражении 1905. С 1909 член высшего военного совета.

Тодзио Хидэки [30.12.1884, Токио — 23.12.1948, Токио], японский генерал. С 1915 на руководящих постах в японской армии. Возглавлял т. п. «группу контроля» («Тосэйха»), в которую входили генералы и офицеры, выступавшие за фашизацию Японии и милитаризацию ее экономики. В 1937—1938 начальник штаба японской Квантунской армии. В 1938—1939 заместитель военного министра. В 1940—1941 военный министр. С октября 1941 по июль 1944 премьер-министр и одновременно военный министр. Казнен по приговору Международного военного трибунала Дальнего Востока как один из главных японских военных преступников.

Тоеда Соэму, японский адмирал. Главнокомандующий японским Объединенным флотом (с мая 1944).

Толбухин Федор Иванович [16.6.1894, деревня Андроники, ныне Ярославской области — 17.10.1949], Маршал Советского Союза (12.9.1944), Герой Советского Союза. Окончил коммерческое училище (1912). В 1914 призван в армию, окончил школу прапорщиков (1915). Участник 1-й Мировой войны, штабс-капитан. В августе 1918 вступил в Красную Армию. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию имени Фрунзе (1934). Был начальником штаба дивизии, корпуса, командовал дивизией. С июля 1938 начальник штаба Закавказского военного округа. С августа по декабрь 1941 начальник штаба Закавказского, Кавказского (декабрь 1941 — январь 1942) и Крымского (январь-март 1942) фронтов, заместитель командующего Сталинградского военного округа (май-июль 1942), командующий 57-й и 68-й армиями (июль 1942 — март 1943). С марта 1943 командовал Южным, с октября 1943 4-м Украинским, а с мая 1944 3-м Украинским фронтами. С июля 1945 главнокомандующий Южной группой войск, с января 1947 командующий войсками Закавказского военного округа.

Томас (Thomas) Георг [20.2.1890, Бранденбург — 1946, Франкфурт-на-Майне], немецкий генерал от инфантерии (1.4.1940). В армии с 1908, участник 1-й Мировой войны, капитан. После войны в рейхсвере, в штабе 4-й дивизии. В 1928 назначен в штаб артиллерийско-технического снабжения армии, а в 1930 возглавил его. 1.1.1938 произведен в генерал-майоры. В 1940 назначен главой экономического отдела и начальником службы вооружения сухопутных войск. 6.5—20.11.1942 назначен в совет по вооружениям. Обвинялся по делу о заговоре против Гитлера (1944), арестован и заключен в концлагерь. Освобожден американцами.

Тренчард (Trenchard) Монтагю, барон Вольфтонский [3.2.1873, Таунтон, Сомерсет — 10.2.1956, Лондон], британский маршал авиации (1927). В армии с 1893, участник англо-бурской войны 1898—1901, затем служил в Нигерии. В 1902 вернулся на родину по ранению, стал пилотом, и в 1913 назначен помощником команданта Центральной летной школы. В 1915 командовал британским авиационным корпусом во Франции. В январе 1918 назначен первым начальником штаба ВВС, однако в апреле 1918 оставил этот пост. В 1919 назначен министром обороны Черчиллем начальником RAF (британских ВВС). В отставке с 1929. В 1930 получил титул барона. Комиссар лондонской полиции с 1931 по 1935, а с 1936 по 1953 председатель Южно-Африканской компании.

Трумэн (Truman) Гарри С. [8.5.1884, Ламар, штат Миссури — 26.12.1972, Канзас-Сити, штат Миссури], государственный деятель США. Участвовал в 1-й Мировой войне. В 1934—1944 сенатор. С января 1945 вице-президент США от Демократической партии, с апреля 1945 (после смерти президента Ф. Д. Рузвельта) до января 1953 президент США. В августе 1945 отдал приказ об атомной бомбардировке Японии.

Тэйлор (Taylor) Максвел Девешпорт [26.8.1901, Кейтсвилль, штат Монтана — 19.4.1987, Вашингтон], американский генерал. Окончил военную академию в Уэст-Пойнте (1922). В 1943 лично прибыл в Рим для переговоров с итальянскими лидерами. В 1944 командовал 101-й десантной дивизией в Нормандии и Нидерландах. В 1953 командующий 8-й армии, участвовавшей в Корейской войне. Начальник штаба армии 1955—1959. Председатель объединенного комитета начальников штабов 1962—1964, затем посол США в Южном Вьетнаме. Оставил этот пост в июле 1965. В 1965—1969 специальный консультант президента Джонсона.

Удет Эрнст [26.4.1896, Франкфурт-на-Майне — 15.11.1941], немецкий генерал-полковник (19.7.1940). Участник 1-й Мировой войны, в авиации, фенрих (официально сбил 62 самолета противника). После войны работал механиком, цирковым пилотом-гастролером, charterным пилотом, исполнителем летных трюков в Голливуде. С 1.6.1935 в Люфтваффе в звании полковника. С 10.2.1936 инспектор истребительной и бомбардировочной авиации, а с 9.7.1936 — глава технического управления. Покончил жизнь самоубийством.

Уилсон (Wilson) Генри Майтланд (Джумбо), барон Ливийский и Стюлангтофский [5.9.1881, Лондон — 31.12.1964, Чилтон, Букингемшир], британский фельдмаршал. С 1939 главнокомандующий британскими войсками в Египте. В марте 1941 возглавлял несудачную экспедицию в Грецию, а затем возглавлял захват вишистской Сирии. С 1943 главнокомандующий силами союзников на Средиземном море. С 1945 по 1947 возглавлял британскую военную миссию в США.

Уингейт (Wingate) Орд Чарльз [26.2.1903, Найти Тал, Индия — 24.3.1944, Мьянмар, Бирма], британский офицер, партизанский командир. Окончил Военную академию в Вулвиче, призван в артиллерию 1923, служил в Судане, участвовал в исследовании Ливийской пустыни (1928—1933). В 1936—1939 офицер разведки в Палестине, организовал почное патрулирование нефтепровода Мосул-Хайфа. С января по май 1941 возглавлял египетско-суданский отряд, захвативший Аддис-Абебу. Затем направлен в Индию. В феврале-мае 1943 отряд Уингейта действовал на оккупированной японцами территории Бирмы. В марте 1944 назначен командующим десантными войсками, вторгшимися в центральную Бирму, захватил железную дорогу Мандалай—Мьичина. Погиб в авиакатастрофе.

Уэйвелл (Wavell) Арчибальд Персиваль [5.5.1883, Колчестер — 24.5.1950, Лондон], британский фельдмаршал (1943), граф (1947). Окончил Винчестерский колледж, военную академию в Сандхерсте (1901) и штабной колледж (1910). Участник 1-й Мировой войны, в 1916—1917 был военным атташе при штабе русской Кавказской армии. С июля 1939 возглавлял командование британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке. В начале 2-й Мировой войны руководимые Уэйвеллом войска вначале одержали победы над итальянскими войсками в Киренаике (декабрь 1940 — февраль 1941) и Восточной Африке (январь-май 1941), но затем потерпели поражение в Греции, на острове Крит и в Ливии, после чего Уэйвелл был назначен командующим войсками в Индии. В январе-марте 1942 главноко-

ман্দующий союзными вооруженными силами в Юго-Восточной Азии, с марта 1942 — союзными силами в Индии и Бирме. С июня 1943 по февраль 1947 вице-король Индии.

Уэйнрайт (Wainwright) Джонатан Майхью [23.8.1883, Валла-Валла, Вашингтон — 2.9.1953], американский генерал. Принял командование гарнизоном Филиппин в марте 1942 у генерала Макатура. В японском плену (с 6.5.1942 по 8.1945). Награжден медалью Чести.

Фалькенхорст (Ятшембски) Николаус фон [17.1.1886, Бреслау, Силезия — 18.6.1968, Хольцминден], немецкий генерал-полковник (19.7.1940). В армии с 1903. Участник 1-й Мировой войны, в Большом штабе, отвечал за операции в Финляндии, оставался там до 1920. После в рейхсвере. В 1933—1935 военный атташе в Праге, Белграде и Бухаресте, с 1935 начальник штаба группы армий в Дрездене, произведен в генерал-майоры. В 1936 командир 32-й пехотной дивизии, с 1939 — командир 21-го корпуса. Назначен командующим силами вторжения в Норвегию (1940), руководил этим вторжением. С 25.7.1940 командующий сухопутными силами в Норвегии. 18.12.1944 снят с поста. Приговорен Нюрнбергским трибуналом к смертной казни, замещенной на 20-летнее заключение. 23.7.1953 освобожден.

Филлипс Том, английский вице-адмирал. Командующий британскими ВМС на Дальнем Востоке (1941). Командовал липейным соединением, уничтоженным японцами 10 января 1942.

Фишер (Fisher) Джон Арбетнот [25.1.1841, Цейлон — 10.7.1920, Лондон], барон Килверстон (1909), британский адмирал флота (1905). На флоте с 1854. Участник Крымской войны 1853—1856, англо-китайской войны 1856—1860 и интервенции в Египте (1882). Командир одного из первых броненосцев. В 1892—1897 3-й морской лорд и контролер ВМФ. В 1897—1902 командующий флотом в Северной Америке и Вест-Индии и Средиземноморском флотом. В 1902—1903 2-й морской лорд, в 1904—1910 1-й морской лорд; сыграл большую роль в строительстве английского флота накануне 1-й Мировой войны. В октябре 1914 — мае 1915 1-й морской лорд; ушел в отставку ввиду несогласия со стратегическим руководством в связи с Дарданельской операцией 1915.

Флетчер (Fletcher) Франк Джек [29.4.1885, Маршаллтаун, штат Айова — 25.4.1973, Бетесда, Мэриленд], американский адмирал. В начале 2-й Мировой войны командовал соединением крейсеров, затем авианосцами. В сражении у атолла Мидуэй командовал всем американским флотом. С 1942 командовал десантными войсками. В отставке с 1947.

Фош (Foch) Фердинанд [2.10.1851, Тарб — 20.3.1929, Париж], маршал Франции (1918), британский фельдмаршал (1919) и маршал Польши (1923), член Французской академии (1918). Окончил высшую военную академию (1887), в которой был в 1895 адъюнктом, в 1896—1900 профессором. В 1908—1911 начальник этой академии. Читал курс лекций по стратегии, которые оказали влияние на формирование оперативно-тактических и стратегических взглядов офицерского корпуса Франции, и сыграли определенную роль в формировании ее военной доктрины перед 1-й Мировой войной. В 1911 командовал дивизией, с 1912 корпусом, затем 9-й армией, принимавшей участие в Марнском сражении. С 1915—1916 командующий группой армий «Север». За большие потери, понесенные войсками, и неудовлетворительное руководство в операции на Сомме Фош был снят с должности и назначен начальником «Центра военных исследований». С 1917 начальник Генштаба, с 1918 верховный главнокомандующий союзными войсками. Сыграл значительную роль в победе союзников над коали-

цией центральных держав во главе с Германией. С 1919 председатель высшего военного совета Антанты. Фош — автор военных мемуаров, в которых осветил свою роль в 1-й Мировой войне 1914—1918.

Франко Баамонде (Franco Bahamonde) Франсиско [4.12.1892, Эль-Ферроль — 20.11.1975, Мадрид], диктатор Испании. Окончил пехотную академию. Участвовал в колониальных войнах Испании в Африке. В 1936 возглавил военный мятеж против Испанской республики, опираясь на помощь, а затем и открытую интервенцию Германии и Италии. В 1939 после падения республики провозглашен военной хунтой пожизненным главой («каудильо») испанского государства. Одновременно занял посты Испанской фаланги, председателя Совета министров (ушел с этого поста в 1973) и главнокомандующего всеми вооруженными силами. В 1947 провел закон о престолонаследии, согласно которому Испания провозглашена королевством, однако установление королевской власти было отложено до ухода Франко из политической жизни. Декретом 22 июля 1969 будущим королем Испании был объявлен Хуан Карлос Бурбон.

Фрейберг (Freyberg) Бернард Сирил, барон Веллингтона и Мюнстеда [21.3.1889, Ричмонд, Суррей — 4.7.1963, Виндзор, Беркшир], новозеландский генерал-майор и генерал-губернатор (1946—1952). В Новой Зеландии с 1891, в 1911—1912 призван в территориальную армию, участвовал в 1-й Мировой войне. В 1916 произведен в бригадные генералы (самый молодой из генералов британской армии), затем командовал 27-й дивизией. В межвоенный период занимал штабные и командные должности в Англии. В 1939—1945 командовал новозеландскими экспедиционными силами. В 1941 командовал силами союзников на Крите. Баронство получил в 1951.

Фрейзер (Fraser) Брюс Остин [5.2.1888, Молси, графство Суррей — 1981], британский адмирал флота (1948). Начал службу на флоте в 1902. Участник 1-й Мировой войны. После войны служил на Ост-Индской военно-морской станции, затем командовал авианосцем «Глорис», был заместителем начальника штаба Средиземноморского флота Англии. С 1933 начальник артиллерийско-технического управления. Во время 2-й Мировой войны в 1939—1942 начальник финансовой службы, в последующем занимал должность начальника тыла ВМС. С мая 1943 руководил организацией морских конвоев в СССР и командовал флотом в метрополии. В декабре 1943, находясь на борту линкора «Дьюк оф Йорк», возглавил операцию по уничтожению немецкого линкора «Шарнхорст» в районе мыса Нордкап. В 1944 командовал Восточным флотом Великобритании, в 1945—1946 — Тихоокеанским флотом. В сентябре 1945 подписал акт о капитуляции Японии от имени Великобритании. В 1946—1948 командовал Портсмутской ВМБ. В 1948—1951 начальник штаба ВМС (1-й морской лорд). С 1951 в отставке. Почетный доктор Оксфордского, Эдинбургского и Уэльского университетов.

Фридман (Friedman) Уильям Фредерик [24.9.1891, Чизипо, Россия — 2.11.1969, Вашингтон], американский криптолог. Эмигрировал с семьей в США, изучал генетику в Университете Корнелла (степень бакалавра в 1914). В мае 1917 женился на криптологе Элизабет Смит. В 1917—1918 Фридман служил в американской армии, занимался анализом германских шифровальных книг. После войны чета Фридманов работала на правительство США. Фридман, став главой криптоаналитиков, разгадал японский военный код.

Фромм (Fromm) Фридрих [1888 — 19.3.1945], немецкий генерал. Во время 2-й Мировой войны командующий армией резерва. Участник июльского заговора против Гитлера (1944). После провала заговора пытался скрыть свое участие, однако был арестован и казнен гестапо.

Хайле Селассие I [23.7.1892 — 27.8.1975, Аддис-Абеба], император Эфиопии (1930—1974) (до коронации Тафари Макониси). В 1916 объявлен регентом при императрице Заудиту, после смерти которой короновался императором (2.11.1930). Ввел централизованное управление страной, отменил рабство и работорговлю, провозгласил конституцию (1931). В 1923 добился принятия Эфиопии в Лигу наций. Во время итало-эфиопской войны 1935—1936 эмигрировал за границу. 5.5.41 вернулся в Аддис-Абебу. Один из организаторов Организации Африканского Единства. Был низложен в результате переворота 12.9.74.

Хардинг (Harding) Джон, барон Петертона [10.2.1896, южный Петертоп, Сомерсет — 20.1.1989, Нижний Комптоп, Дорсет], британский фельдмаршал (1953). Окончил грамматическую школу в Илминстере (1912), служил в территориальной армии. Участник 1-й Мировой войны, командовал батальоном пулеметчиков в Средней Азии. В межвоенный период служил в Индии, после начала 2-й Мировой войны переведен в Среднюю Азию, где в 1942 возглавил 7-ю бронетанковую дивизию «Крысы пустыни». В январе 1943 был серьезно ранен, однако принял участие в Итальянской кампании (март 1944) как начальник штаба генерала Александера, которого Хардинг сменил на посту командующего британскими силами на Средиземном море. Возглавлял британские дальневосточные амфибийные силы (1949—1941) и британскую армию Рейна (1951—1952), Имперский генеральный штаб (1952—1955). Военный губернатор и главнокомандующий на Кипре (1955—1957). В 1958 получил титул пэра.

Харрис (Harris) Артур Тревис («Бомбер Харрис») [13.4.1892, Челтенхем, Глостершир — 5.4.1984, Горинг-он-тэмз, Оксфордшир], британский маршал ВВС (1945). Участник 1-й Мировой войны, входил в состав 1-го Родезского батальона. В 1915 вернулся в Англию и включен в состав авиационного корпуса. После войны служил в авиации в Ираке, Индии и Британии, а также в министерстве авиации. В феврале 1942 назначен командующим бомбардировочной авиацией Британии. Посвящен в рыцари (1942). С 1946 по 1953 управляющий директор Южно-Африканской морской корпорации. Баронет с 1953.

Харт (Hart) Томас [1877, Дэвидсон, Мичиган — 1971], американский контр-адмирал (1929) и сенатор. Окончил военно-морскую академию в Анаполисе (1897). Участвовал в Испано-американской войне 1898. Во время 1-й Мировой войны командовал подводной лодкой. В 1919—29 работал в оперативном отделе военно-морского министерства, после чего командовал подводной лодкой, а затем азиатской флотилией подводных лодок. В 1929 возглавил подводный флот в Атлантическом и Тихом океанах. С 1939 суперинтендант военно-морской академии. С 1939 главнокомандующий Азиатским флотом США. Вышел в отставку в 1942, однако был вновь призван на службу. После войны сенатор от штата Коннектикут (1945—1947).

Хирохито [29.4.1901, Токио — 7.1.1989], император Японии (1926), полковник армии и адмирал флота (1926). С 1921, в связи с болезнью отца, являлся приццем-регентом. Во время 2-й Мировой войны формально являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами, возглавлял ставку. С вступлением в силу конституции 1947 Хирохито был объявлен «символом государства». Интересовался морской биологией, по которой опубликовал несколько книг.

Ходжес (Hodges) Куртис Хикс [1887, Перри, Джорджия — 1966], американский генерал (1945). Окончил военную академию в Уэст-Пойнте

(1906). Участвовал в Мексиканской экспедиции 1916—1917, в 1-й Мировой войне (майор). Затем занимал различные штабные должности. Участвовал во 2-й Мировой войне, командовал 1-й армией в июне 1944. В отставке с 1949. Холси (Halsey) Вильям Фредерик младший («Билл») [30.10.1882, Элизабет, штат Нью-Джерси — 16.8.1959, Фишерс Айленд, штат Нью-Йорк], американский адмирал флота (12.1945). Окончил военно-морскую академию в Анаполисе (1904). Участвовал в 1-й Мировой войне, командовал эсминцем. В 1935 стал морским пилотом. В 1940 произведен в вице-адмиралы, командовал авианосцем «Энтерпрайз». После нападения японцев на Перл-Харбор (12.12.1941), эскадра Холси осталась последней боеспособной американской группой на Тихом океане. В июне 1944 стал командующим 3-м флотом, с которым принял участие в битве в заливе Лейте. В отставке с 1947, занялся бизнесом. В 1951—1957 президент ITL (International Telecommunications Laboratories).

Хомма Масахару [27.11.1887, Садо — 3.4.1946, Лос-Бакос, Лусон], японский генерал. Окончил Военную академию (1907) и армейский военный колледж (1915). Во время 1-й Мировой войны наблюдатель при английских силах во Франции. В 1925 японский резидент в Индии, с 1930 военный атташе в Лондоне. С 1939 командующий японскими войсками в Тинцине, (Китай). В декабре 1941 генерал-лейтенант Хомма возглавил вторжение на Филиппины. Сдался в плен американцам 14.9.1945, а в декабре 1945 осужден как военный преступник. Расстрелян.

Хор-Белиша (Hore-Belisha) Лесли (Исаак), барон [1893—1957], британский государственный деятель. Либерал. Министр транспорта 1934—1937, министр обороны 1937—1940. По его инициативе созвана мирная конференция 1939.

Хоррокс (Horricks) Брайн Гвайин, сэр (1945) [1895—1985], британский генерал. Участник 1-й Мировой войны. В 1942 командовал 9-м корпусом в Северной Африке, затем 1-й британской армией. Ранен при захвате Туниса и вернулся в Англию. В Нормандской операции (1944) командовал 30-м корпусом, оставался на этом посту до конца войны.

Хортон (Horton) Макс Кеннеди, сэр [1883—1951], британский адмирал. Командующий резервным флотом 1937—1939. С 1.1940 командовал английскими подводными лодками в метрополии. В 1942 назначен командующим Восточными подступами к метрополии, ответственным за борьбу с немецкими подводными лодками.

Хубе (Hube) Ганс Валентин [1890, Наумбург — 21.4.1944, около Бергтсгадена], немецкий генерал-полковник (20.4.1944). В армии с 1909, участник 1-й Мировой войны, затем в рейхсвере. Участвовал во французской кампании с 16-й дивизией, затем в кампании 1941 против СССР. 15.9.1942 сменил Витерсгейма на посту командующего 14 танковым корпусом. Участвовал с ним в Сталинградской битве, в 1943 восстановил его и командовал им в сражении на Сицилии. Затем командовал 10-й армией и 1-й танковой армией. Погиб в авиационной катастрофе.

Хьюитт (Hewitt) Генри Кент [1887—1972], американский адмирал. Эксперт по амфибийным операциям, руководил высадкой в Касабланке (1942), после чего командовал 8-м флотом США в Северной Атлантике. Командовал десантными силами при высадке на Сицилию и Италию (1943), а также Южную Францию (1944).

Цейтлер (Zeitzler) Курт [1895—1963], германский генерал. В 1941 начальник штаба группы армий «Запад», с 24.9.1942 начальник штаба сухопутных войск. За поражения на Востоке снят в 1944.

Циглер (Ziegler) Хейнц, немецкий генерал. Командовал войсками в Северной Африке.

Чан Кай-ши, Цзян Цзе-ши [31.10.1887, Фынхуа, провинция Чжэньцзян — 5.4.1975, Тайбэй], китайский государственный деятель, генералиссимус. Окончил военную академию в Баодине и Токио. В начале 20 века выступал на стороне Сунь Ят-сена. В качестве главнокомандующего Национально-революционной армией участвовал в Северном походе 1926—1927. С 1926 председатель ЦИК гоминьдана. 12.4.27 совершил переворот, стал президентом, председателем исполнительного юаня, главнокомандующим вооруженными силами. После поражения от войск Народно-освободительной армии бежал на Тайвань, где основал независимое государство.

Чемберлен (Chamberlain) Невилл [18.3.1869, Эджбастон, Бирмингем — 9.11.1940, Хекфилд, близ Ридинга], государственный деятель Великобритании, один из лидеров Консервативной партии. Сын Джозефа Чемберлена. В 1915—1916 лорд-мэр Бирмингема. С декабря 1918 член парламента. В 1922—1923 министр почты, в 1923, 1924—1929, 1931 министр здравоохранения, в 1923—1924, 1931—1937 министр финансов. В 1930—1931 председатель консервативной партии. В 1937—1940 премьер-министр. Подписал «Мюнхенское соглашение» 1938 о разделе Чехословакии. В мае 1940, в обстановке крупных военных неудач, вышел в отставку с поста премьер-министра, оставшись (до сентября 1940) в составе коалиционного правительства.

Черняховский Иван Данилович [29.6.1906, Умань — 18.2.1945, Мельзак], советский генерал армии (1944), дважды Герой Советского Союза. В Красной Армии с 1924. Окончил Киевскую артиллерийскую школу (1928), Военную академию моторизации и механизации РККА (1936). В начале войны командовал 28-й танковой, затем 241-й стрелковой дивизиями, 18-м танковым корпусом (с июня 1942), 60-й армией (с июля 1942). С 15.4.1944 командовал войсками Западного, а с 24.4.1944 3-го Белорусского фронтов. Погиб в ходе Восточно-Прусской операции.

Черчилль (Churchill) Уинстон Леонард Спенсер [30.11.1874, Бленим, близ Вудстока, Оксфордшир — 24.1.1965, Лондон], государственный, политический и военный деятель Великобритании, один из лидеров консервативной партии. Образование получил в привилегированной школе Харроу и Сандхертском военном училище. С 1895 служил офицером в войсках, участвовал в колониальных войнах и подавлении национального восстания в Индии, Судане и других британских колониях. Одновременно сотрудничал в газетах. Во время англо-бурской войны 1899—1902 военный корреспондент в Южной Африке. В 1900 избран в парламент от Консервативной партии. В 1904 по карьеристским соображениям перешел в либеральную партию. Многочисленные выступления с критическими речами в адрес правительства способствовали росту его популярности. В 1906 вновь избирается в палату общин (от либеральной партии), в том же году назначается заместителем министра колоний. В 1908—1910 министр торговли, в 1910—1911 министр внутренних дел, в 1911—1915 первый лорд адмиралтейства. В 1-ю Мировую войну участвовал в обороне и эвакуации Антверпена, был одним из организаторов Дарданелльской операции 1915—1916, провал которой привел к его отставке. С 1917 Черчилль — министр военного снабжения, в 1919—1921 военный министр и министр авиации. В 1921—1922 министр колоний, активно занимался укреплением английских колониальных войск, строительством баз, особенно на Ближнем Востоке, впервые применил военную авиацию для подавления национально-освободительного

движения в колониях. В 20-е годы вернулся в Консервативную партию, от которой с 1924 до конца жизни был депутатом парламента. В 1924—1929 министр финансов. В 1930—1939 занимался журналистикой. В 30-е годы активно выступал против внешней политики С. Болдуина и Н. Чемберлена, направленной на умиротворение фашистских агрессоров. С вступлением Великобритании во Вторую Мировую войну в сентябре 1939 назначен военноморским министром, а в мае 1940 — премьер-министром. Участвовал в Тегеранской (1943), Крымской (1945) и Потсдамской (1945) конференциях. После победы лейбористов на выборах 1945 правительство ушло в отставку, и Черчилль возглавил консервативную оппозицию в парламенте. 5 марта 1946 в Фулtone выступил с речью, призывал к созданию военно-политического союза Великобритании и США. В 1951—1955 Черчилль вновь премьер-министр, проводил политику усиления военной организации НАТО, ремилитаризации Западной Германии, создания военных блоков. В 1955 ушел в отставку и отошел от политической деятельности. Черчилль известен также как публицист и автор ряда книг историко-мемуарного жанра: “The Second World War”, “A history of the English-speaking peoples”, “The world crisis”.

Чешаир (Cheshire) Леонард Джеффри, барон (1991) [1917—1992], британский пилот, полковник. Призван в ВВС с началом войны. В 1945 был наблюдателем за сбросом атомной бомбы на Нагасаки. В отставке с 1946. После войны занимался помощью больным.

Чинано (Ciano) Галеаццо, граф [13.3.1903, Ливорно — 11.1.1944, Верона], государственный и политический деятель Италии, дипломат. Зять диктатора Муссолини. С 1925 на дипломатической службе. В 1936—1943 министр иностранных дел. С 1942 склонялся к сепаратному миру. Участвовал в заговоре против Муссолини и голосовал 25.7.1943 в Большом фашистском совете за отрешение его от власти. После оккупации Италии немецкими войсками интернирован в Германию. Осужден фашистским военным трибуналом и расстрелян.

Чингисхан (Тэмучин) [около 1155, урочище Делпун-Юолдан на реке Онон — 25.8.1227], основатель единого Монгольского государства, полководец. К 1204 разбил соперников в борьбе за власть и, захватив обширные территории, стал фактическим главой населяющих их родоилемных объединений. На курултае степной аристократии 1206 он был провозглашен великим ханом над всеми племенами с титулом Чингисхан (от тюрк. Чингиз — океан, море). Подчинив в 1207—1211 народы Сибири и Восточного Туркестана, в 1211 напал на чжурчэньское государство Цзинь. Чингисхан умер на территории тангутского государства Си-ся во время начатого им в 1226 похода в эту страну.

Чуйков Василий Иванович [12.2.1900, Серебряные Пруды, ныне Московской области — 18.3.1982, Москва], Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза. С апреля 1918 в Красной Армии. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию имени Фрунзе (1925), восточный факультет этой же академии (1927) и академические курсы при академии механизации и моторизации РККА (1936). Командовал механизированной бригадой, стрелковым корпусом, Бобруйской армейской группой, затем армией. Командовал армией при присоединении Западной Белоруссии и в финской кампании 1939—1940. С декабря 1940 по март 1942 был военным атташе в Китае. С мая по август 1942 командовал резервной армией, переименованной в 64-ю, 62-й армией (сентябрь 1942 — апрель 1943 и 8-й гвардейской армией (с апреля 1943 до конца войны)).

После войны заместитель и 1-й заместитель (май 1945 — март 1949) и Главнокомандующий Группой советских войск в Германии (март 1949 — май 1953). С мая 1953 командующий войсками Киевского военного округа, с апреля 1960 Главнокомандующий Сухопутными войсками и замминистра обороны, а с июля 1961 одновременно начальник Гражданской обороны СССР. С июля 1964 оставил все посты кроме начальника Гражданской обороны. С июля 1972 генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Шернер (Schorner) Фердинанд [12.6.1892, Мюнхен — 2.7.1973, Мюнхен], немецкий генерал-фельдмаршал (1945). Участник 1-й Мировой войны. В 1942—1943 командовал 19-м горным корпусом в Заполярье, в 1943—1944 40-м танковым корпусом на Украине. В феврале назначен начальником штаба национал-социалистического руководства в сухопутных войсках. В апреле-июле 1944 командовал группой армий «Южная Украина», в июле 1944 — январе 1945 группой армий «Север», с января 1945 — группой армий «Центр». 30.4.1945 назначен главнокомандующим сухопутными войсками. Пытался оказать сопротивление советским войскам в Чехословакии. Сдался американцам, был передан советским властям и осужден военным трибуналом как военный преступник. В 1955 освобожден.

Шлиффен (Schlieffen) Альфред фон [28.2.1833, Берлин — 4.1.1913, Берлин], германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1911). Окончил офицерское училище (1853) и военную академию (1861). В качестве офицера Генштаба участвовал в австро-прусской войне 1866 и франко-прусской войне 1870—71. С 1884 начальник отдела германского генштаба, в 1891—1905 начальник генштаба. С 1906 в отставке. Автор германского плана войны («план Шлиффена»). Свои взгляды на ведение войны и боя изложил в уставах, наставлениях и других официальных документах, а также в ряде теоретических работ: «Капшы», «Современная война» и др. Будучи последователем К. Клаузевица и Х. Мольтке-старшего отстаивал идею быстротечной войны, окружения армий противника путем стратегического охвата и разгрома его в большом генеральном сражении.

Шпеер (Speer) Альберт [19.3.1905, Маннхейм, Баден — 1.9.1981, Лондон], германский архитектор и министр. Получил лицензию архитектора в 1927, вступил в НСДАП (январь 1931). С 1933 по 1945 личный архитектор Гитлера. С 1942 по 1945 министр военной промышленности и вооружения. Признан виновным Нюрнбергским трибуналом, осужден на 20-летнее заключение, которое провел в тюрьме Шпандау в Западном Берлине. После освобождения начал карьеру писателя. Среди его работ: *Erinnerungen* (1969; Третий рейх изнутри), *Spandauer Tagebucher* (1975; Дневники узника Шпандау), и *Der Sklavenstaat* (1981; Инфилтратор).

Шперрле (Sperrle) Хуго [2.2.1885, Людвигсбург, Вюртемберг — 2.4.1953, Мюнхен], немецкий генерал-фельдмаршал (19.7.1940). В армии с 1903, участник 1-й Мировой войны, затем в рейхсвере. С 1.10.1933 по 1.4.1934 был командиром 8-го пехотного полка, затем командовал 1-й авиадивизией. С 9.3.1935 командующий 2-го авиаокруга, затем 5-го авиаокруга. С 31.10.1936 командовал легионом «Кондор» в Испании. 1.2.1938 назначен командиром 3-й группы Люфтваффе, с началом войны переименованной в 3-й воздушный флот. С 24.8.44 в резерве. 1.5.1945 взят в плен британцами, осужден на Нюрнбергском трибунале, 27.10.1948 с него сняты обвинения.

Штудент (Student) Курт [1890 — 1.7.1978, Лемго], немецкий генерал-полковник (13.7.44). С 1933 в министерстве авиации. 1.4.1938 назначен

командиром 3-й парашютной дивизии. С началом 2-й Мировой войны назначен командиром 7-й воздушной дивизии, с которой участвовал в Польской кампании 1939, Французской кампании 1940. Ранен в голову, с 14.5.40 по 1.1.41 на лечении. Командовал 11-м воздушно-десантным корпусом при высадке на Крит (1941), затем в Европе (до 1944). С 1.3.44 командир 1-й десантной армии, с 7.11.1944 командовал группой армий «Н». Осужден военным трибуналом 3.1946. Президент германской ассоциации десантников с июля 1952.

Штумпф (Stumpf) Ганс-Юрген, немецкий генерал-полковник (19.7.40). Начальник штаба Люфтваффе с 1.6.37 по 31.1.39, затем до 11.1.40 начальник люфтваера (пехоты ВВС). С 12.1.40 по 10.5.40 командовал 1-м воздушным флотом, с 10.5.40 по 6.11.43 5-м воздушным флотом. Затем до 5.1.44 в резерве. Затем командовал воздушной группой «Центр», воздушным флотом «Рейх», а с 8.5.45 по 23.5.45 — начальник штаба Люфтваффе.

Шумилов Михаил Степанович [17.11.1895, село Верхтешское, ныне Курганской области — 28.6.1975, Москва], советский генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза. Участник 1-й Мировой войны, прапорщик. Участник Гражданской войны. Участвовал в финской кампании 1939—1940 как командир дивизии. Командовал стрелковым корпусом, 55-й и 21-й армиями (1941—42), с августа 1942 командующий 64-й армией, в марте 1943 преобразованной в 7-ю Гвардейскую (1942—1945). После войны командовал войсками Беломорского (1948—1949), Воронежского (1949—1955) военных округов. В 1956—1958 в отставке, с 1958 военный консультант Группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

Эдуард VII (Edward VII) [9.11.1841, Лондон — 5.5.1910, Виндзор], король с 1901. Первый из Саксен-Кобург-Готской династии (с 1917 Виндзорская династия). Принимал деятельное участие в создании Антанты. Во время свидания с императором Австро-Венгрии Францем Иосифом (1907) безуспешно добивался отказа Австро-Венгрии от союза с Германией. Во внутренней политике заметной роли не играл.

Эйзенхауэр (Eisenhower) Дуайт Давид [14.10.1890, Денисон, штат Техас — 28.3.1969, Вашингтон], государственный и военный деятель США, генерал армии (1944). Окончил военную академию в Уэст-Пойнте (1915). С 1920 служил в американских войсках на территории США и за рубежом, в военном министерстве, штабе армии. С июня 1942 командовал американскими войсками с Северной Африке и Средиземноморье. С 1943 верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе, руководил высадкой англо-американских войск в Нормандии (1944). Был награжден орденами многих стран, в том числе орденом «Победа» (1945). После разгрома Германии командующий оккупационными силами США в Германии. В ноябре 1945 — феврале 1948 начальник штаба армии США. В 1950—1952 верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе. В 1948—1952 ректор Колумбийского университета в Нью-Йорке. В 1953—1961 президент США от Республиканской партии.

Эйхлберджер (Eichelberger) Роберт Лоуренс [9.3.1886, Урбана, штат Огайо — 26.9.1961, Ашвилль, штат Северная Каролина], американский генерал. Окончил военную академию в Уэст-Пойнте (1909). Участвовал в американской интервенции на Дальнем Востоке (1918—1920), был суперинтендантом Уэст-Пойнта (1940—1942). В декабре 1942 назначен командовать войсками на Бунс (остров у Новой Гвинеи). В сентябре 1944 принял командование над 8-й армией в нидерландской Новой Гвинее. В отставке с

1948, в 1950 опубликовал мемуары: «Our Jungle Road to Tokyo» (Наша дорога в Токио через джунгли).

Ямамото Исироку [4.4.1884, Нагаока, префектура Ниигата — 18.4.1943, район Соломоновых островов], японский адмирал. Окончил Морскую академию (1904) и Военно-морской штабной колледж (1916). Участвовал в русско-японской войне 1904—1905. В 1936—1939 заместитель морского министра. С 1939 командовал Соединенным флотом. В 1941—1943 руководил морскими операциями начиная с нападения на Перл-Харбор. Во время сражения на Соломоновых островах, самолет, на котором летел Ямамото, был сбит американской авиацией, которая получила информацию о его вылете.

Ямасита Томоюки («Тигр Малайи») [8.11.1885, Коши, Япония — 23.2.1946, Манила, Филиппины], японский генерал. Окончил армейскую академию (1905) и армейский военный колледж (1916), затем на штабных должностях. В 1941—1942 командовал 25-й японской армией, захватившей Малайю и Сингапур. До 1944 занимался подготовкой японских войск в Манчжурия, а после падения кабинета Тодзио в 1944 назначен командовать обороной Филиппин. Его войска сдались после всеобщей капитуляции, подписанной в Токио августа 1945. Был привлечен к суду и, хотя он отрицал свою причастность к преступлениям, приписываемым его солдатам, был осужден и, предположительно, повешен.

Заключение

Вслед за «Энциклопедией военного искусства» («Стратегией не-прямых действий») серия «Военно-историческая библиотека» предложила вашему вниманию вторую работу английского военного историка **Б. Лиддел Гарта** — книгу «Вторая Мировая война».

Редакция не отказывается от намерения «сделать из десятков и сотен работ различных авторов, из технических комментариев и аналитических приложений, из биографической беллетристики и сухих дневниковых записей, из проблем и решений, из однозначности истории и вероятности миров подобие **гипертекста**, в котором каждый читатель сможет найти приемлемую для него **метамодел**ь или даже достроить ее до собственной **Универсальной Стратегии**» (от слова **Universum**).

И в дальнейшем комментарии наших авторов будут носить одни — все более математический, другие — все более личностный, субъективный, характер. Обусловлено это двумя причинами. Во-первых, в прагматичном Западном мире приняты только фактические либо формально-логические доказательства различных утверждений, и комментаторы обязаны учитывать императивы европейской научной этики. Во-вторых, изучая работы теоретиков и практиков войны и заглядывая через призму их восприятия в будущее военной науки, приходится признать, что строго объективная «аналитическая стратегия», выверенная «до секунды, до миллиметра», принципиально ограничена. Восхищаясь классическим «немецким стилем» ведения войны, нужно снова и снова повторять, что, тем не менее, поражение Германии в мировых войнах XX столетия не было случайностью или результатом каких-то вполне определенных «ошибок» Мольте-младшего, Гитлера или генералов. Известно, сколь большое значение играют на войне случайности и совпадения, а также такие сугубо субъективные факторы, как характер, талант, везение, предчувствие, озарение. И если классическая стратегия не желает замечать подобных «ненаучных» обстоятельств, значит, эта теория нуждается в развитии.

В ближайшем будущем в наши планы входит представить на суд читателей следующие книги:

Событиям войны 1941–1945 годов на Дальнем Востоке посвящено документально-историческое исследование С. Переслегина и Е. Переслегиной под условным названием **«Тихоокеанская премьера»**. Авторы стремились отразить несколько ступеней анализа: оперативное искусство, стратегия (в незначительной степени — большая стратегия и геополитика), тактика авианосных боев, психология управленческих решений. Книгу предполагается издать в первой половине 2000 года.

В дополнение к этому роману, для хранителей чистоты жанра военной истории, предлагается сборник **«Мидуэй»**, в который будут включены подробная биография адмирала Ямамото, созданная **Хироюки Агавой** и ранее на русском языке не издававшаяся, и монография **М. Футиды «Сражение у атолла Мидуэй»**, давно ставшая библиографической редкостью.

К изданию планируются также книга **М. Галактионов «Париж, сентябрь 1914 г.»** (эта работа продолжает тему Первой Мировой войны на Западном фронте, начатую Б. Такман в «Первом блицкриге» («Августовские пушки»)).

Впервые мы обращаемся в советским первоисточником. В 2000 году должна выйти книга **Н. К. Попеля «В тяжкую пору»**. Первая часть представляет собой единственный, как в нашей, так и в зарубежной военной литературе, подробный рассказ о Приграничном сражении на Юго-Западном фронте в июне 1941 года, вторая — повествует о танковых сражениях 1943 года, третья — подробно рассказывает о Висло-Одерской операции. Таким образом, автор знакомит нас с крупнейшими танковыми боями трех последовательных фаз Великой Отечественной войны. Как и Ф. Меллентин, автор аналогичной по замыслу книги, освещающей события «с той стороны», Н. К. Попель основное внимание уделяет оперативно-тактическому звену — уровню танкового корпуса и танковой армии.

Редакция предполагает также обратиться к редчайшему не только у нас в стране, но и за рубежом жанру альтернативной военной истории: речь идет не о фантастических романах, которых на Западе изданы сотни, если не тысячи, но о серьезных исследованиях — реконструкциях, призванных по новому осветить узловые события и те «ответственные решения», которым Э. фон Манштейн посвятил многие страницы своей книги. В исторической науке и публицистике это направление связывается с именем крупнейшего британского историка А. Тойнби.

Содержание

От издателя	5
Предисловие. Вторая Мировая война и падение Британской империи	7
Краткие сведения об авторе.	21

Часть I. ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Глава 1. Как было ускорено начало войны	25
Глава 2. Соотношение сил перед началом войны	35

Часть II. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Глава 3. Захват Польши	47
Глава 4. «Странная война»	55
Глава 5. Финская война	65

Часть III. СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ПОТОК. 1940 год

Глава 6. Захват Норвегии	71
Глава 7. Завоевание Запада.	87
Глава 8. Битва за Англию	111
Глава 9. Контрудар из Египта	136
Глава 10. Завоевание Итальянской Восточной Африки.	146

Часть IV. НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА ШИРОКОМ ФРОНТЕ. 1941 год

Глава 11. Вторжение на Балканы и захват Крита	155
Глава 12. Гитлер решает напасть на Россию	165
Глава 13. Вторжение в Россию	177
Глава 14. Роммель в Африке	189
Глава 15. Операция «Крусейдер»	202

Глава 16. Нарастание событий на Дальнем Востоке	221
Глава 17. Волна побед Японии	236

Часть V. ПОВОРОТ. 1942 год

Глава 18. Поворот событий в России	267
Глава 19. Период побед Роммеля	293
Глава 20. Перелом в Африке	309
Глава 21. Операция «Торч» — новая волна с Атлантического океана	339
Глава 22. Продвижение к Тунису	365
Глава 23. Перелом на Тихом океане	374
Глава 24. Битва за Атлантику	401

Часть VI. ПЕРЕЛОМ В ХОДЕ ВОЙНЫ. 1943 год

Глава 25. Разгром немецко-итальянских войск в Африке . . .	431
Глава 26. Вторжение на европейский континент через Сицилию	469
Глава 27. Вторжение в Италию и ее капитуляция. Наступление остановлено	485
Глава 28. Отступление немцев в России	515
Глава 29. Отступление Японии на Тихом океане	532

Часть VII. ПОЛНЫЙ КРАХ. 1944 год

Глава 30. Захват Рима и новая заминка в Италии	559
Глава 31. Освобождение Франции	578
Глава 32. Освобождение России	603
Глава 33. Стратегическое авиационное наступление против Германии	621
Глава 34. Освобождение юго-западной части Тихого океана и Бирмы	645
Глава 35. Контрудар гитлеровских войск в Арденнах	671

Часть VIII. ФИНАЛ. 1945 год

Глава 36. Наступление от Вислы до Одера	695
Глава 37. Разгром гитлеровских войск в Италии	701
Глава 38. Крах Германии	707
Глава 39. Крах Японии	711
Эпилог	729

Комментарии	739
Приложение 1. Мировая война в событиях и датах	
1. Хронология Второй Мировой войны	759
2. Стратегическая обстановка на 22 июня 1941 года. <i>А. Силантьев</i>	772
3. Пятая колонна: фашистские и антифашистские движения в мире (1941 год). <i>А. Силантьев</i>	784
4. Стратегическая обстановка на 1 июня 1942 года. <i>Р. Исмаилов</i>	793
Приложение 2. Высшая стратегия	
1. Операция «Барбаросса» — кризис Мировой войны. <i>Р. Исмаилов</i>	801
2. Риск как фактор стратегии. <i>С. Переслегин, Р. Исмаилов</i>	815
3. Стратегия чуда: введение в теорию неаналитических операций. <i>С. Переслегин</i>	829
Приложение 3. Танки Второй Мировой войны (краткое технико-тактическое обозрение). <i>В. Гончаров</i>	849
Библиография	881
Биографический указатель	885
Заключение	937

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 599-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Лиддел Гарт Б.Г.

Л55 Вторая мировая война: Пер. с англ. / Б.Г. Лиддел Гарт; Сост.: С. Переслегин, Р. Исмаилов. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 938, [6] с. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-010654-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0260-0 (TF)

Перед вами — книга с удивительной судьбой. Совершенно неожиданно для автора, задумавшего военно-аналитический очерк, она превратилась в официальную британскую версию истории Второй мировой войны. Не ищите на этих страницах тактических подробностей оттремевших сражений, статистических таблиц или дипломатических документов — всего этого в книге нет. Крупнейший английский военный историк Б.Г. Лиддел Гарт, автор замечательной «Стратегии не прямых действий», анализирует принципы военных операций.

Книга представляет собой «парадный портрет» великой Британской империи в ее «лучший» (по заявлению У. Черчилля), по, как оказалось, последний час. Автор проведет вас через все перипетии военного счастья и несчастья западных союзников России. Польша, Атлантика, Франция, Балканы, Средиземное море, Северная Африка, Тихий океан, русские просторы. Индия и Бирма — вот место действия этого классического английского «детektива».

Военная история в изложении Б.Г. Лиддел Гарта подчеркнута сюжетна и читается с неослабевающим интересом.

УДК 94(100)“1939/45”
ББК 63.3 (0) 62

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Научно-популярное издание

Лиддел Гарт Базил
Вторая мировая война

Ответственные редакторы А.М. Лактионов, Н.Ю. Восводкин

Редактор Н.И. Русецкая

Художественные редакторы О.Н. Адашкина, А.Е. Нечаев

Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин

Технический редактор А.Р. Вальский

Младший редактор А.С. Рычкова

Корректоры Е.В. Ампилогова, О.П. Васильева,

Г.В. Горянова, Е.В. Шестакова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2:

953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение

№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,

с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома

«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,

Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44Б.

Электронные адреса: WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.2002.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скоринны, 79.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Перед вами – книга с удивительной судьбой. Совершенно неожиданно для автора, задумавшего военно-аналитический очерк, она превратилась в официальную британскую версию истории Второй мировой войны. Не ищите на этих страницах тактических подробностей отгремевших сражений, статистических таблиц или дипломатических документов – всего этого в книге нет. Крупнейший английский военный историк Б.Г. Лиддел Гарт, автор замечательной “Стратегии не прямых действий”, анализирует принципы военных операций.

Книга представляет собой “парадный портрет” великой Британской империи в ее “лучший” (по заявлению У. Черчилля), но, как оказалось, последний час. Автор проведет вас через все перипетии военного счастья и несчастья западных союзников России. Польша, Атлантика, Франция, Балканы, Средиземное море, Северная Африка, Тихий океан, русские просторы, Индия и Бирма – вот место действия этого классического английского “детектива”.

Военная история в изложении Б.Г. Лиддел Гарта подчеркнута сюжетна и читается с неослабевающим интересом.

ISBN 5-17-010654-8

9 785170 106547